«XVIII ОРАЗБАЕВ ОҚУЛАРЫ»

Халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция

МАТЕРИАЛДАРЫ

21–26 сәуір, 2026 жыл

PROCEEDINGS

of International Scientific and Methodical Conference

«XVIII ORAZBAYEV READINGS»

21–26 April, 2026

Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Археология, этнология және музеология кафедрасы
Орталық Азияны зерттеуге арналған археозоология орталығы
«MIL ZOOSTAN» CNRS-ҚазҰУ
Қазақстан Республикасының ұлттық орталық музейі
«Таңбалы» мемлекеттік тарихи-мәдени және табиғи қорық-музейі
Орталық Азияны зерттеу жөніндегі француз институты (IFEAC)
Францияның Қазақстандағы бас консулдығы

«XVIII ОРАЗБАЕВ ОҚУЛАРЫ»

Халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция
МАТЕРИАЛДАРЫ
21–26 сәуір, 2026 жыл

PROCEEDINGS
of International Scientific and Methodical Conference
«XVIII ORAZBAYEV READINGS»
21–26 April, 2026

Алматы
«Қазақ университеті»
2026

ӘОЖ 001
КБЖ 72
О-72

Редакция алқасының төрағасы

Ж.Қ. Түймебаев – филология ғылымдарының докторы
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің басқарма төрағасы-ректор

Редакциялық алқа

Д.С. Байгунаков – әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-дың тарих факультетінің деканы;
У. Рендю – Орталық Азияны зерттеуге арналған археозоология орталығының «MIL ZOOSTAN» CNRS-ҚазҰУ директоры; **С.Б. Саров** – Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейінің директоры м.а.; **Б.Д. Дәндіғараева** – «Таңбалы» мемлекеттік тарихи-мәдени және табиғи қорық-музейінің директоры; **Р.С. Жуматаев** – әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Археология, этнология және музеология кафедрасының меңгерушісі; **Ғ.Қ. Омаров** – әл-Фараби атындағы ҚазҰУ «Археология және антропология» ҒЗИ директоры; **Б.Б. Бесетаев** – Археология, этнология және музеология кафедрасы меңгерушісінің ғылыми-инновациялық жұмыс және халықаралық байланыстар жөніндегі орынбасары; **С.В. Шнайдер** – Археология, этнология және музеология кафедрасының аға оқытушысы; **С.Ә. Сапатай** – әл-Фараби атындағы ҚазҰУ,
Қазақстан тарихы кафедрасының доцент-зерттеушісі.

Жауапты редактор
Р.С. Жуматаев – PhD, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ
Археология, этнология және музеология кафедрасының меңгерушісі

Құрастырушы
С.Ә. Сапатай

XVIII Оразбаев оқулары: халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары (Алматы қ., 21-26 сәуір 2026 ж.) / Жауапты ред. Р.С. Жуматаев. – Алматы: Қазақ университеті, 2026. – 422 б.

ISBN 978-601-04-7549-6

XVIII Оразбаев оқулары: халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдарының жинағына Қазақстан және іргелес өңірлердің археологиясы мен этнологиясының, музей ісінің бүгінгі күнгі өзекті мәселелеріне арналған зерттеулер енген. Материалдар жинағы археологтарға, этнологтарға, тарихшыларға және қалың көпшілікке арналған.

ӘОЖ 001
КБЖ 72

ISBN 978-601-04-7549-6

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2026

ТАС ДӘУІРІ АРХЕОЛОГИЯСЫ

М.Б. Козликин
Институт археологии и этнографии
Сибирское отделение Российской академии наук
Новосибирск, Россия
kmb777@yandex.ru

Средний палеолит Алтая в археологической летописи Денисовой пещеры*

Обсуждается история изучения и современный взгляд на культурно-хронологическую последовательность среднего палеолита Алтая – одного из ключевых районов для исследования древнейших культурных традиций и популяционной динамики в Северной и Центральной Азии. В ходе междисциплинарных работ последнего десятилетия, направленных на изучение опорных палеолитических объектов Алтая, значительно расширена источниковая база по среднему палеолиту региона и получены фундаментальные результаты в области геохронологии, палеогеографии, палеоантропологии и палеогенетики. Наиболее полная и продолжительная археологическая летопись зафиксирована в Денисовой пещере. Материалы из многослойной толщи пещерных отложений отражают развитие древних технологий в широком хронологическом диапазоне второй половины среднего и практически всего верхнего плейстоцена от ранних этапов среднего палеолита до средней стадии верхнепалеолитического времени, при этом демонстрируют преемственность технологических традиций среднего и верхнего палеолита. Их важной качественной характеристикой является четкое стратиграфическое положение в системе плейстоценовых осадков, подкрепленное данными относительных и точных методов датирования. По всему разрезу археологические находки сопровождает многочисленный биостратиграфический материал – показатель изменений природной и климатической обстановки в окрестностях пещеры на разных этапах четвертичного периода.

Ключевые слова: Алтай, средний палеолит, Денисова пещера, каменная индустрия, денисовцы, неандертальцы.

История изучения среднего палеолита Алтая охватывает более 70 лет. Ее начало связано с открытием и раскопками С. И. Руденко в 1954 г. Усть-Канской пещеры в верховьях р. Чарыш. Автор исследований, отмечая большое сходство находок из пещеры «с мустьерской техникой Западной Европы», все же не стал напрямую отождествлять сопоставляемые комплексы (Руденко 1960: 114). Среднепалеолитическая атрибуция закрепилась за основной частью коллекции из Усть-Канской пещеры только после ее детального технико-типологического анализа (Анисюткин, Астахов 1970; Шуньков 1990).

Материалы открытых в дальнейшем стоянок в пещерах Страшная (1966 г.) и Денисова (1977 г.) также относились к леваллуа-мустьерской фации среднего палеолита по аналогии с усть-канской индустрией (Окладников и др. 1973; Окладников, Оводов 1978). Необходимость культурно-хронологического разграничения среднепалеолитических коллекций впервые возникла в начале 1980-х гг. после обнаружения мустьерских комплексов на стоянках и местонахождениях открытого типа в Центральном Алтае – Тюмечин-1 и -2, Кара-Бом. В то время как материалы местонахождения Тюмечин-1 были близки пещерным комплексам, индустрия Тюмечина-2 характеризовалась радиальным расщеплением и преобладанием зубчатых орудий, а мустьерский комплекс Кара-Бома отражал переход к позднему палеолиту (Шуньков 1990). Важно отметить, что уже на первых этапах изучения среднепалеолитических памятников Алтая пристальное внимание уделялось исследованию фаунистических и палеоботанических материалов, детальному анализу плейстоценовых осадков и петрографическим особенностям каменного сырья. На основе этих данных были выполнены первые реконструкции древних ландшафтов и климатической обстановки.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10006, https://rscf.ru/project/24-78-10006.

Дальнейшие исследования среднепалеолитических объектов на качественно новом уровне, отличающемся комплексным подходом, связаны с долгосрочной программой работ на Алтае Института истории, филологии и философии СО АН СССР, развернувшейся в первой половине 1980-х гг. В 1984–1987 гг. проводились раскопки в пещере Окладникова, где вместе с мустьерской индустрией обнаружены уникальные для Алтая антропологические материалы (Деревянко, Маркин 1992). В Денисовой пещере с началом стационарных работ по изучению плейстоценовой толщи в 1984 г. помимо леваллуа-мустьерской индустрии были выделены позднепалеолитические слои (Деревянко и др. 1985). Неподалеку от пещеры открыты стоянки Ануй-1 (1983 г.) и Усть-Каракол (1986 г.), которые в нижней части разрезов содержали мустьерские горизонты (Деревянко, Зенин 1990; Деревянко и др. 1987).

Первым обобщающим трудом по среднему палеолиту Алтая стала монография М.В. Шунькова (Шуньков 1990), в которой автор на основе детального изучения мустьерских памятников Центрального Алтая и сопоставления этих материалов с пещерными объектами северо-западной части региона определил основные тенденции развития мустьерской культуры на Алтае. Согласно этой схеме индустрии Тюмечина-1, пещер Усть-Канской, Окладникова и Денисовой относились к группе мустье типичного с разными его вариантами в зависимости от доли в инвентаре леваллуазского или собственно мустьерского компонентов. Особняком был поставлен комплекс Тюмечина-2, отнесенный к фации зубчатого мустье, не имеющего аналогов на Алтае.

В следующей крупной работе (Деревянко, Маркин 1992) алтайское мустье рассматривалось на фоне комплексов из пещеры Окладникова. Авторами детально проанализирована каменная индустрия стоянки, реконструирована хозяйственная деятельность ее обитателей. Материалы пещеры помещены в рамки мустье типичного, при этом индустрия из слоя 7 отнесена к его леваллуазской фации. Исследователи подчеркивали, что, в отличие от других мустьерских памятников Алтая, индустрия из пещеры Окладникова имеет «европейский» облик.

С 1990-х гг. изучение опорных палеолитических объектов Алтая ведется Институтом археологии и этнографии СО РАН. В основу исследований заложен междисциплинарный подход, в рамках которого разрабатываются три основных направления – культурно-историческое, хронологическое и палеогеографическое. Продолжены раскопки ранее известных многослойных объектов – Денисова пещера, Усть-Каракол, Кара-Бом, а также открыты новые – стоянка Ануй-3 (1997 г.) с четырьмя уровнями залегания среднепалеолитических находок. Предварительные данные комплексных исследований были представлены в коллективных монографиях с участием широкого круга специалистов естественнонаучного профиля (Деревянко и др. 1998а,б). Фундаментальным стало издание результатов междисциплинарных исследований на предвходовой площадке и в центральном зале Денисовой пещеры, а также стоянок Усть-Каракол и Ануй-2 (Деревянко и др. 2003).

В серии концептуальных работ начала 2000-х гг. дальнейшее развитие получила модель культурно-хронологической вариабельности среднего палеолита Алтая. В частности, был выделен кара-бомовский вариант, так как специфика этого комплекса не позволяла отнести его к какой-либо из мустьерских фаций Ф. Борда (Деревянко и др. 2000). Впоследствии, было решено отказаться от системы Ф. Борда и средний палеолит Алтая стал рассматриваться как единое и самостоятельное культурно-историческое явление (Деревянко 2001). Вместе с тем разное соотношение технико-типологических показателей внутри этой культурной традиции позволило разделить среднепалеолитические комплексы Алтая на два индустриальных варианта (Деревянко, Шуньков 2002). Индустрии из пещер Денисова и Окладникова, стоянки Тюмечин-1, для которых характерно в основном параллельное и радиальное раскалывание, преобладание скребел в инвентаре и подчиненная роль леваллуазского компонента, были отнесены к денисовскому варианту. К кара-бомовскому варианту среднего палеолита помимо материалов эпонимного объекта отнесены индустрии стоянок Усть-Каракол и Ануй-3, пещер Усть-Канская и Страшная. Для этих комплексов характерно преобладание леваллуазского компонента, развитое пластинчатое производство и оформление орудий на удлиненных заготовках. Выделенные варианты не соотносились с какими-либо обособленными группами населения и не подразумевали явления хронологического ранга. В основе их различия предполагалась специфика производственно-хозяйственной деятельности, сырьевой, палеоэкологический и другие факторы внутреннего, а не внешнего порядка (Деревянко 2001; Деревянко, Шуньков 2002; Рыбин, Колобова 2009).

Еще один индустриальный вариант среднего палеолита Алтая был выделен после открытия в 2007 г. и дальнейшего изучения Чагырской пещеры на Чарыше (Деревянко и др. 2008, 2009). Каменная индустрия пещеры характеризуется радиальной технологией расщепления и орудиями угловатых и бифасиальных форм. Единственной аналогией этому комплексу на Алтае служат материалы из пещеры Окладникова. Индустрии обеих стоянок выделены в особый

сибирячихинский вариант среднего палеолита (Деревянко 2010; Деревянко, Маркин 2012; Деревянко и др. 2013), носителями которого были поздние неандертальцы (Krause et al. 2007; Бужилова 2013). В настоящее время установлено, что генезис сибирячихинского комплекса связан со второй миграционной волной неандертальцев на Алтай около 60 тыс. л.н. с территории Европы и напрямую связывается с микокскими индустриями группы Keilmesser (Kolobova et al. 2020a). Наибольшее сходство археологические материалы из Чагырской пещеры находят с микокскими комплексами Крыма (Деревянко и др. 2018; Kolobova et al. 2020b).

Если истоки сибирячихинского варианта и его место в культурно-хронологической последовательности палеолита Алтая с определенной долей уверенности установлены, то вопрос генезиса и развития других среднепалеолитических индустрий региона до недавнего времени оставался открытым. Появление этих культурных традиций на Алтае связывалось с распространением с запада в Центральную Азию леваллуазской и бифасиальной техник. Предполагалось, что продвижение популяций с ашельской индустрией началось около 450–400 тыс. л.н. с территории Ближнего Востока – сначала в Среднюю Азию и Казахстан, затем в Монголию, Гобийский и Горный Алтай (Деревянко 2001). Технико-типологические аналогии указывали на принадлежность среднепалеолитических комплексов Алтая, Средней Азии и Ближнего Востока к единому культурному пространству (Деревянко, Шуньков 2002).

В результате междисциплинарных исследований последнего десятилетия уточнена геохронология основных среднепалеолитических объектов Алтая, получены палеогенетические данные о носителях культурных традиций на разных стадиях среднего палеолита, значительно расширен круг археологических и естественнонаучных источников по этому периоду. Опорным объектом для создания региональной культурно-хронологической схемы развития среднепалеолитических комплексов следует считать Денисову пещеру, в которой изучена наиболее полная и продолжительная археологическая летопись (Douka et al. 2019; Jacobs et al. 2019, 2025).

Стабильное заселение юга Западной Сибири связано с проникновением около 300 тыс. л.н. на территорию Алтая группы древних людей, каменные орудия которых обнаружены в нижних культуросодержащих слоях Денисовой пещеры. Палеогенетические исследования антропологических находок из плейстоценовых отложений пещеры свидетельствуют о самостоятельном пути развития гомининов на территории Южной Сибири. Представители ранее неизвестной популяции ископаемых людей – денисовцы сосуществовали на Алтае с наиболее восточной группой неандертальцев. Геномы высокого покрытия, выделенные из ископаемых останков денисовцев и неандертальцев, обнаруженных в пещере, свидетельствуют о генетической интрогрессии между этими двумя группами (Slon et al. 2018). В то время как неандертальцы пришли на Алтай, скорее всего, из западных районов Азии, корни культуры, носителями которой были денисовцы, прослеживаются с древнейших слоев Денисовой пещеры, накапливавшихся в интервале МИС 9–7 (Jacobs et al. 2019, 2025; Деревянко и др. 2020).

Каменные артефакты из этих отложений насчитывают свыше 50 тыс. экз. Обилие материала позволило детально реконструировать культурные традиции денисовцев на Алтае (Шуньков, Козликин 2023). Первые обитатели пещеры для расщепления камня использовали в основном радиальную, реже – параллельную технологию. Среди сколов преобладают укороченные и короткие отщепы. Пластины и удлиненные снятия немногочисленные. Заготовками орудий служили крупные, часто массивные отщепы, обработанные, в основном, краевой или захватывающей крутой субпараллельной крупнофасеточной сильномодифицирующей ретушью. Распространенными приемами вторичной обработки являлись вентральная оббивка и усечение.

Основу орудийного набора составляли различные формы скребел, зубчатых, выемчатых и шиповидных орудий. Характерной чертой индустрии являются скребла, оформленные многорядной высокой ретушью типа кина. Многочисленной серией представлены вентрально-утонченные сколы – крупные, как правило, массивные отщепы с интенсивной обработкой крупными вентральными снятиями одного или двух продольных краев, дистального, дистального и продольного края или на ¾ периметра. Другую характерную группу изделий составляют базально-тронкированные сколы. Два последних типа наиболее представительны в индустриях и являются культурно-идентифицирующими изделиями-маркерами этого комплекса.

Индустрии начальной стадии среднего палеолита из нижней части плейстоценовых отложений Денисовой пещеры по своим культурно-хронологическим характеристикам не имеют аналогов в палеолите не только Алтая, но и Северной и Центральной Азии в целом.

Дальнейшее развитие среднепалеолитических индустрий Денисовой пещеры отражают археологические материалы из слоев на разных участках стоянки, накопление которых происходило в интервале 150–50 тыс. л.н. (Jacobs et al. 2019, 2025). В наборах ядрищ в индустриях этого времени распространены плоскостные параллельные и радиальные нуклеусы. Небольшой серией

представлены леваллуазские ядрища для получения отщепов, пластин и острий. Присутствуют единичные подпризматические нуклеусы. В числе сколов-заготовок здесь, по сравнению с предшествующим комплексом, увеличивается количество удлиненных отщепов, появляются пластины правильной прямоугольной формы. В орудийном наборе, на фоне преобладания различных типов скребел, сохраняется хорошо выраженный компонент из зубчатых и выемчатых орудий, присутствуют вентрально-утонченные и базально-транкированные сколы. В небольшом количестве представлены леваллуазские острия. Появляются изделия верхнепалеолитической группы, включающие такие категории, как скребки, резцы, долотовидные орудия и усеченные сколы.

Палеоантропологические находки и ДНК, выделенная из среднепалеолитических слоев пещеры (Zavala et al. 2021), принадлежат в основном денисовцам. Вместе с тем зафиксировано также присутствие неандертальцев и найдена кость девочки-гибрида, чья мать была неандерталкой, а отец – денисовцем (Slon et al. 2018). Эти данные и отсутствие резких изменений в составе каменных индустрий позволяют говорить о каких-то формах, скорее всего, совместного, а не попеременного обитания в пещере денисовцев и неандертальцев. На сегодняшний день оценить возможный вклад неандертальцев в эту индустрию достаточно сложно. Однако, сопоставление среднепалеолитических комплексов Денисовой пещеры с неандертальскими индустриями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая из пещер Чагырская и Окладникова позволяет заключить, что влияние последних на денисовский техно-комплекс было минимальным.

Наибольшей вариабельностью отличаются комплексы заключительной стадии среднего палеолита, время бытования которых на Алтае охватывает интервал от финала МИС 5 до первой половины МИС 3 включительно (Козликин 2025). Только для этого рубежа предлагается выделять индустриальные варианты, которые раньше охватывали всю последовательность регионального среднего палеолита. Кара-бомовский вариант с развитым леваллуазским острийно-пластинчатым производством включает материалы эпонимной стоянки, Усть-Канской пещеры и местонахождения Тюмечин-1. Денисовский вариант, индустрии которого в большей степени ориентированы на производство и использование заготовок с параметрами отщепов, – коллекции из пещер Денисова и Страшная, стоянок Усть-Каракол и Ануй-3, местонахождения Тюмечин-2. В материалах обоих вариантов, по сравнению с более древними индустриями, существенно возрастает доля и разнообразие орудий, характерных для верхнего палеолита. Третий вариант – сибирячихинский, представлен микокской индустрией главным образом из пещер Чагырская и Окладникова.

Список литературы

Анисюткин Н.К., Астахов С.Н. К вопросу о древнейших памятниках Алтая // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск: Наука, 1970. С. 27–33.

Бужилова А.П. Одонтологические материалы из среднепалеолитических слоев Алтайских пещер // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 1. С. 55–65.

Деревянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3. С. 70–103.

Деревянко А.П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий первый: переход к верхнему палеолиту на территории Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3. С. 2–32.

Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Дергачева М.И., Дупал Т.А., Малаева Е.М., Маркин С.В., Молодин В.И., Николаев С.В., Орлова Л.А., Петрин В.Т., Постнов А.В., Ульянов В.А., Феденева И.К., Форонова И.В., Шуньков М.В. Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998а. 176 с.

Деревянко А.П., Васильевский Р.С., Молодин В.И., Маркин С.В. Исследование Денисовой пещеры: Описание плейстоценовых осадков. Слои 9–22. Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1985. 249 с.

Деревянко А.П., Глинский С.В., Дергачева М.И., Дупал Т.А., Ефремов С.А., Зенин А.Н., Кривошапкин А.Н., Куликов О.А., Малаева Е.М., Маркин С.В., Николаев С.В., Нохрина Т.И., Петрин В.Т., Поздняков А.А., Попова С.М., Рыбин Е.П., Симонов Ю.Г., Феденева И.Н., Чевалков Л.М., Шуньков М.В. Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998б. 312 с.

Деревянко А.П., Зенин А.Н. Палеолитическое местонахождение Ануй-1 // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. С. 31–42.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая. Новосибирск: Наука, 1992. 225 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Структура, состав и особенности технокомплексов сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 55–58.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С. Пещера Чагырская – новая стоянка среднего палеолита на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. Т. XIV. С. 52–55.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкина В.С., Зыкин В.С. Чагырская пещера: исследования в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. – С. 129–132.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Колобова К.А., Чабай В.П., Рудая Н.А., Виола Б., Бужилова А.П., Медникова М.Б., Васильев С.К., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С., Вольвах А.О., Робертс Р.Г., Якобс З., Бо Ли Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. 468 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 1. С. 89–103.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В. Археологические исследования на Алтае в 1986 г. Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1987. 78 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2. С. 33–52.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 1. С. 16–42.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 448 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. № 3. С. 3–32.

Козликин М.Б. Средний палеолит Алтая: культурная динамика и природная среда: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 2025. 46 с.

Окладников А.П., Муратов В.М., Оводов Н.Д., Фриденберг Э.О. Пещера Страшная – новый памятник палеолита Алтая // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1973. Ч. 2. С. 3–54.

Окладников А.П., Оводов Н.Д. Палеолитическая стоянка в Денисовой пещере на Алтае // АО 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 266–268.

Руденко С.И. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка // МИА. М.: 1960. № 79. С. 104–125.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Средний палеолит Алтая: вариабельность и эволюция // Stratum plus. Культурная антропология и археология. 2009. № 1 (2005–2009). С. 33–78.

Шуньков М.В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. Новосибирск: Наука, 1990. 160 с.

Шуньков М.В., Козликин М.Б. Древнейшие палеолитические комплексы Денисовой пещеры на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. № 1. С. 18–32.

Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Devièse T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // Nature. 2019. Vol. 565. No. 7741. P. 640–644.

Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O'Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // Nature. 2019. Vol. 565. No. 7741. P. 594–599.

Jacobs Z., Zavala E.I., Li B., O'Gorman K., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Derevianko A.P., Uliyanov V.A., Goldberg P., Agadjanian A.K., Vasiliev S.K., Brink F., Peyrégne S., Slon V., Pääbo S., Kelso J., Meyer M., Roberts R.G. Pleistocene chronology and history of hominins and fauna at Denisova Cave // Nature Communications. 2025. Vol. 16. Article no. 4738. P. 1–19.

Kolobova K., Roberts R., Chabai V., Jacobs Z., Krajcarz M., Shalagina A., Krivoshapkin A., Li B., Uthmeier T., Markin S., Morley M., O'Gorman K., Rudaya N., Talamo S., Viola B., Derevianko A. Archaeological Evidence for Two Separate Dispersals of Neanderthals into Southern Siberia // PNAS. 2020a. Vol. 117. No. 6. P. 2879–2885.

Kolobova K.A., Chabai V.P., Shalagina A.V., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Rendu W., Vasiliev S.K., Markin S.V., Krivoshapkin A.I. Exploitation of the natural environment by Neanderthals from Chagyrskaya Cave (Altai) // Quartär. 2020b. Vol. 66. P. 7–31.

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo S. Neanderthals in Central Asia and Siberia // Nature. 2007. Vol. 449. P. 902–904.

Slon V., Mafessoni F., Vernot B., Filippo C., de, Grote S., Viola B., Haj-dinjak M., Peyrégne S., Nagel S., Brown S., Douka K., Higham T., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Kelso J., Meyer M., Prüfer K., Pääbo S. The Genome of the Offspring of a Neandertal Mother and a Denisovan Father // Nature. 2018. Vol. 561, Iss. 7721. P. 113–116.

Zavala E.I., Jacobs Z., Vernot B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Derevianko A.P., Essel E., Fillipo de C., Nagel S., Richter J., Romagné F., Schmidt A., Li B., O'Gorman K., Slon V., Kelso J., Pääbo S., Roberts R.G., Meyer M. Pleistocene sediment DNA reveals hominin and faunal turnovers at Denisova Cave // Nature. 2021. Vol. 595. P. 399–403.

М.Б. Козликин

Алтайдағы орта палеолит: Денисов үңгірінің археологиялық деректері негізінде

Бұл мақала Алтай тауларындағы Орта палеолиттің мәдени және хронологиялық тізбегін зерттеудің тарихы мен қазіргі бағыттарын қарастырады. Бұл өңір Солтүстік және Орталық Азиядағы ежелгі мәдени дәстүрлер мен халықтардың динамикасын зерттеуде маңызды аймақ болып табылады. Соңғы онжылдықтағы Ресей Алтайындағы негізгі палеолиттік ескерткіштерді зерттеуге бағытталған пәнаралық зерттеулер Орта палеолиттің деректік базасын едәуір кеңейтіп, геохронология, палеогеография, палеоантропология және палеогенетика салаларында іргелі нәтижелерге қол жеткізді.

Ең толық әрі ауқымды археологиялық материалдар Денисова үңгірінде анықталған. Көпқабатты үңгір шөгінділерінен алынған материалдар Орта плейстоценнің екінші жартысынан бастап Жоғарғы плейстоценнің бүкіл кезеңін қамтитын кең хронологиялық аралықта ежелгі технологиялардың дамуын көрсетеді – Орта палеолиттің бастапқы кезеңінен Жоғарғы палеолиттің орта кезеңіне дейін. Бұл материалдар Орта және Жоғарғы палеолит арасындағы технологиялық дәстүрлердің сабақтастығын дәлелдейді.

Олардың маңызды сапалық ерекшелігі – Плейстоцен шөгінді жүйесіндегі нақты стратиграфиялық орны, бұл салыстырмалы және абсолюттік мерзімдеу әдістерінің деректерімен расталады. Қабаттың барлық бөліктерінде археологиялық олжалар мол биостратиграфиялық материалдармен қатар жүреді, бұл төрттік кезеңнің әртүрлі сатыларында үңгір маңындағы табиғи-климаттық жағдайлардың өзгерістерін көрсетеді.

Түйін сөздер: Алтай, орта палеолит, Денисов үңгірі, тас индустриясы, денисовлықтар, неандертальдықтар.

M.B. Kozlikin

Middle Paleolithic of Altai in the Archaeological Record of Denisov Cave

This article discusses the history of research and current perspectives on the cultural and chronological sequence of the Middle Paleolithic in Altai Mountains, a key region for the study of ancient cultural traditions and population dynamics in North and Central Asia. Interdisciplinary research over the past decade, focused on studying key Paleolithic sites in the Russian Altai, has significantly expanded the source base for the region's Middle Paleolithic and yielded fundamental results in geochronology, paleogeography, paleoanthropology, and paleogenetics. The most complete and extensive archaeological record has been recorded in Denisova Cave. Materials from the multilayered cave deposits reflect the development of ancient technologies across a broad chronological range spanning the second half of the Middle Pleistocene and virtually the entire Upper Pleistocene, from the early stages of the Middle Paleolithic to the middle stage of the Upper Paleolithic, demonstrating the continuity of technological traditions between the Middle and Upper Paleolithic. Their important qualitative characteristic is their clear stratigraphic position within the Pleistocene sedimentary system, supported by data from relative and precise dating methods. Throughout the section, archaeological finds are accompanied by abundant biostratigraphic material an indicator of changes in the natural and climatic conditions in the cave's vicinity during various stages of the Quaternary period.

Key words: Altai Mountains, Middle Paleolithic, Denisov Cave, lithic industry, Denisovans, Neanderthals.

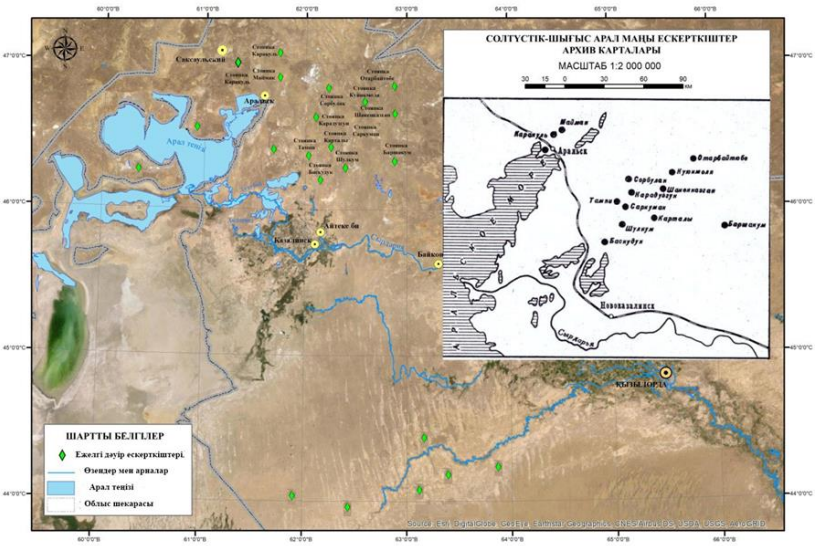
Ы.С. Құрманиязов
Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті
Қызылорда, Қазақстан
Ж.Р. Утубаев, С.Ж. Рахимжанова
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
Астана, Қазақстан
yslam.kurmaniyazov@gmail.com

Арал маңы қола дәуірінің зерттелу тарихы туралы*

Мақала ғылыми зерттеулердің мерзімдік дамуы мен ең маңызды археологиялық нысандардың сипаттамаларын қамтитын Қазақстан аймағының Арал маңы соның ішінде Солтүстік-Шығыс Арал маңы өңірінің палеометалл кезеңі ескерткіштерінің зерттелу тарихын талдауға арналған. Зерттеудің негізгі ғылыми кезеңдері XIX ғ. алғашқы бақылаулардан бастап қазіргі кешенді экспедицияларға дейінгі аралық жүйелі түрде талданған. Жаңадан ашылған нысандар Қызылорда облысы Арал және Қазалы аудандары аумағында орналасқан, қазіргі таңда ежелгі адамдардың Арал маңы аймағында қалдырған ескерткіштерін тұрақты зерттеу нәтижесінде жеткілікті деректемалық база жасақталып отыр. қола дәуірінің ондаған қоныстары ашылып, зерттелуде, сондай-ақ, осы кезеңінде аймақта болған негізгі тарихи-мәдени процестерді түсіндіруге мүмкіндік беретін археологиялық материалдарға талдау жасалып отыр. 2024–2025 жж. далалық маусымдардың нәтижелері мен болашақ зерттеу бағыттары көрсетілген.

Түйін сөздер: тарих, археология, Арал маңы, Сырдария, қола дәуірі, ескерткіш.

Палеометалл дәуірі кезеңіндегі Солтүстік – Шығыс Арал маңы мен онымен іргелес жатқан аймақтардың жалпы көрінісі күрделі болғанымен, өңірдегі тарихи даму мен орын алған құбылыстар белгілі бір дәрежедегі жалпылама сипаттамаға сәйкес келеді. Қола дәуіріне жататын археологиялық нысандардың қай мәдениет өкілдеріне тиесілі екендігін анықтау өзекті сауалдардың бірі ретінде отандық археология тарихнамасынан ұзақ жылдардан бері түспей келеді. Солтүстік-Шығыс Арал өңірінде қола заманында тіршілік еткен қауымдар этномәдени байланыстардың хронологиялық атрибуттарын бізге өз артефактілері арқылы жеткізіп отыр. Олардың хронологиялық атрибуттары мен кезеңдестірілуін толымды түрде қарастырудың күн санап мәні мен мағынасы артып келеді (сур. 1).

Сур. 1. Солтүстік-Шығыс Арал маңы ежелгі ескерткіштері ескерткіштерінің орналасу картасы құрастырған. Жаңа зерттеулер Құрманиязов Ы.С.2025 жыл.

* Жұмыс ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2024–2026 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер жобасы аясында, ЖТН BR24992939 жобасы аясында даярланды.

Солтүстік-Шығыс Арал маңының қола дәуірінің сипаттамасына байланысты зерттеушілердің еңбектерінде белгілі бір алшақтықтар мен өзара үйлесімділіктер кездеседі. Яғни, белгілі бір аймақтың табиғи ерекшелігіне сай тарихи даму да орын алғандығын ұмытпағанымыз абзал. Әуел бастағы ғалымдардың тұжырымдары материалдардың аздығына байланысты әрқилы болды десе де болады. Мысалы, неолит дәуіріне жататын келтеминарлық шашыраңқы тұрақтардан жиналған қыш ыдыстардың материалдары ғалымдардың назарын өзіне аудартты. Бастапқыда сыртқы пішініне қарап А.А. Формозов пен А.В. Виноградов оны андрондық мәдениетпен салғастырды. Ал А.В. Виноградовтың 1955 ж. Солтүстік Арал маңына жасаған барлау жұмыстары кезінде Арал қаласы мен Сексеуіл станциясы аумағынан ерте қола дәуіріне жататын материалдары өте көп кейінгі тас дәуірінің бірнеше тұрақтары мен қоныстарын анықтаған еді. Л.С. Гликман мен А.Н. Мелентьев Солтүстік Арал маңындағы палеонтологиялық жұмыстар барысында, олардың пікірінше, тазабағьяб ыдыстарына ұқсас белгілері бар кыш ыдыстар кешені материалдардың жеткілікті коллекциясын жинаған болатын. Олар Барханная тұрағының қыш ыдысын (қазіргі Сексеуіл кентіне жақын болуы керек) алакөл ескерткіштерінің шеңберіне сәйкес келеді деп көрсетті (Гликман, Мелентьев, 1968, 65-68; Виноградов., 1955, 1-5; Андрианов, 1969; Вайнберг, 1999).

1946 жылы басталған Хорезм археологиялық экспедициясы, сондай-ақ Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясы (ХЭЭ), ежелгі Хорезм мемлекетінің мұрасын зерттеу мақсатында 1937-1991 жылдар аралығында Орталық Азия аумағында (Түрікмен, Қазақ, Өзбек КСР) өткізілген КСРО Ғылым академиясының ауқымды ғылыми-зерттеу науқаны барысында Қазақстандық Арал теңізі, Солтүстік Арал маңы, Сырдарияның төменгі ағысы далалық зерттеу жұмыстары мен ғылыми ізденістер, жаңа ескерткіштер ашты. Осы зерттеулерге әр жылдары С.П.Толстов, А.В. Виноградов, Б.В.Андрианов Б.И. Вайнберг, М.А. Итина және тағы басқа ғалымдар жетекшілік етті. Бұлардан өзге жекелеген мамандардың да қосқан үлесі зор. Хорезм экспедициясы зерттеулері нәтижесінде Арал маңынан әр түрлі кезеңдерге жататын көптеген ескерткіштер ашылды. Солардың ішіндегі аймақтан қола дәуірінің кейіннен осы зерттеулер негізінде бірнеше археологиялық мәдениеттер (тазабағьяб, әмірабад т.б.) анықталып, ғылыми айналымға енді. Мұндай тарихи мәні зор мәдениеттердің Солтүстік-Шығыс Арал маңының тарихи-мәдени дамуында белгілі бір дәрежеде орын алғандығын немесе азды-кемді ықпалының болғандығын осы археологиялық қазба жұмыстары нақты көрсетіп берген еді. Аталған барлау жұмыстары барысында тас және қола дәуір ескерткіштері мен осы аймақтан кездейсоқ табылған олжалар жайлы ақпараттар «Археологическая карта Казахстана» атты еңбекке енгізілді (Итина, 1970, 49-53; Итина, Яблонский, 2001; Тажекеев және басқалар, 2025, 67-87).

1968 жылы Арал маңы Қарақұмының экологиясы мен өсімдіктер әлемін зерттеуші В.М. Смирин Арал-Қазалы және Арал бағытынан, оның ішінде Арал маңы Қарақұмынан ғылымға беймәлім көптеген тұрақтар мен қоныс орындарын анықтады. Жиналған материалдар А.В. Виноградов пен Е.Е. Кузьминаға табысталған, кейінен ғалымдар осы материалдарды жүйелеп, ғылыми айналымға енгізіп мақала ретінде жариялайды (АКК., 1960, 192-193).

Ашылған ескерткіштердің қатарында: үрлемелі құмдардың жылжуының әсерінен Шөлқұм, Тампи, Қарадүзгін, Баршақұм, Басқұдық, Күйікмола, Қарталы, Сорбұлақ, Шәкенқазған, Басықұдық, Маймақ, Қаракөл ескерткіштері бар, бұл нысандардан қола және ерте темір дәуіріне тән қыш ыдыстар кешені жинақталып алынды. Ескерткіштерден табылған материалдар бойынша тұрақтар энеолит және қола дәуірлеріне жатқызылады А.В. Виноградов Арал маңынан табылған энеолит дәуірінің ескерткіштері мен Каспий маңындағы ескерткіштердің ұқсастықтарын атап өтеді. Қола дәуірінің қыш ыдыстарының С.П. Толстов және М.А. Итина ашқан тазабағияб мәдениетіне жақын екендігін көрсетеді (Виноградов, Кузьмина, Смирнов, 1973;).

Су көздерінен алыс орналасқан қоныстар жағдайында ұңғымалар базасында ирригациялық егіншілікпен айналысу ғана емес, отырықшы мал шаруашылығын жүргізу де мүмкін емес. Өз кезегінде, бұл қола дәуірінде-ақ шалғай шығатын және көшпелі мал шаруашылығының түрін дамытуға әкелді.

Аймақ тарихын 1990 жылдаы зерттеулер Қызылорда педагогикаық университетінің оқытушысы, тарих ғылымдарының кандидаты Т.Мәмиевтің жетекшілігімен Қызылорда облысының тас және қола дәуірінің ескерткіштері жайлы мәліметтерді өзінің «Туған өлке-тұнған шежіре» деген шағын өлкетанулық еңбегінде ақпараттар береді. Ғалым кейін Қызылорда облыстық тарихи-мәдени мұраны қорғау орталығы коммуналдық мемлекеттік мекемесі ескерткіштердің есептік карточкасы мен төлқұжатын толтырады (Мәмиев, 1989, 38-39; Құрманиязов, 2025, 364-367).

2002-2006 жылдары Халықаралық INTAS CLIMAN жобасы аясында «Holocene climatic variability and evolution of human settlementin the Aral Sea Basin» («Арал теңізі бассейніндегі

голоцендік ауа райының өзгеруі және адам мекендеген қоныстарының эволюциясы») Арал теңізінің Қазақстандық және Өзбекстандық бөліктерінде яғни жағалауларында геоархеологиялық кешенді зерттеу жұмыстарын жүргізді. Бұл зерттеу нәтижелері, ашылған қола дәуірінің ескерткіштері Байпаков К.М. және Г. Ахатовтың авторлығымен 2007 және 2011 жылдары қазақ, орыс тілдерінде Қызылорда облысының тарихи мәдени ескерткіштерінің жинағына енгізілді (Байпаков және басқалар, 2004: 236-254; Байпаков, Құрманқұлов, 2011).

2006-2007 жж. «Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасы аясында Солтүстік-Шығыс Арал маңындағы зерттеулер барысында алынған жаңа материалдармен толықтырылды. Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының мамандары (жетекшісі Ж. Құрманқұлов) Арал ауданын зерттеу барысында (отряд жетекшісі Ә.Ә. Тәжекеев) қола дәуірінің маңызды тұрағын анықтады. Ескерткіш Қызылорда облысының Арал ауданы Жақсықылыш кенті, Ерімбет-жаға ауылынан батысқа қарай 200-250 метр жерде орналасқан. Ерімбет-жаға тұрағын жергілікті тұрғын ескі сарайын бұзу кезінде тапқан (Тәжекеев, Дәрменов, 2010, 438-440).

Жергілікті ақпарат берушінің айтуынша, қираған сарайдың астынан геометриялық ою-өрнектері бар алты қыш ыдыстың сынықтары табылған. Беткі қабаттан ою-өрнекті тастар, ұршық және сүйектер шыққан. Кейінгі зерттеуде жергілікті тұрғынның қолында болған екі құмыра, ыдыстың жоғарғы бөлігінің сынығы және бір ұршық суретке түсіріліп, сызылды. Екі құмыра да қоспасына ірі құм қосылған саз балшықтан жасалған. Сынықтың сыртқы бөлігінің түсі қоңыр-сұр түсті болды. Ыдыстардың беті тегістеліп, ыдыстың жоғарғы үштен екі бөлігі оюланған және штампталған геометриялық ою-өрнектермен көмкерілген. Тісті штамппен қиғаш тор бойымен тік шырша түріндегі ою-өрнек түсірілген. Құмыраларда тазабағъяб мәдениеті мен андронов мәдениетінің федоров типіндегі қыш ыдыстары кешендерге ұқсайтындығы анықталды.

Солтүстік-Шығыс Арал маңындағы кейінгі зерттеулер қола дәуіріне қатысты зерттеулер Ә.Ә. Тәжекеев және А. Оңғар сынды ғалымдар бар Арал маңы Қарақұмынан кейінгі зерттеулерінің алдын – ала нәтижелері, оның ішінде Тапа 1, 2 және Ерімбет-жаға орындарындағы ыдыстарды талдау, сондай-ақ Солтүстік-Шығыс Арал маңындағы Тапа қорымы бізге мәдени-тарихи процестерге жаңа көзқараспен қарауға мүмкіндік берді (Тәжекеев және басқалар, 2013:167-170; Тәжекеев, Құрманиязов, 2019, 178-190).

2018-2025 жылдары Арал маңы Қарақұмындағы кешенді барлау жұмыстары барысында қоныстар мен қорымдар орындары ашылды. Алынған қыш ыдыстар кешенін талдау жұмыстарында нақты жасы анықталуда алдын ала нәтижелерге қарап мерзімделуі көбінесе іргелес аймақтардың археологиялық кешендерінің мәліметтері негізінде анықталып отыр. Аймақ жалпы алып қарағанда, шөлейті құмшауыт болып келген, қазіргі таңда мал шаруашылығымен айналасатын қолдан қазылған құдықтар маңында қоныстанған, біздің ашылып отқан нысандарымыз осы қыстаулар маңында табылып отыр. Жергілікті халық құдық қазу тәсілі, қазіргі уақытқа дейін, тұрақты дәстүрлерді ұстанып келе жатыр. Солтүстік-Шығыс Арал маңы қола дәуірі ескерткіштерінің Мерзімдеудің өзіндік әдістерінің бірі ортаазиялық қола ғасырына жататын эталонды археологиялық мәдениеттер мен ескерткіштер материалдарымен салыстыру екендігін ескерген абзал (Рахимжанов және басқалар, 2023, 860-869; Рахимжанов және басқалар, 2024, 150-162).

Арал аймағында кешенді зерттеулер жүргізу барысында ежелгі материалдық мәдениетінің ескерткіштерін зерттеудің маңызды әдістерінің бірі-археологиялық карталарды жасау бойынша жұмыс. Бұл жаңа, бұрын белгісіз ескерткіштерді іздеу, Үлкен нақты материалды ұйымдастыру және халықтың орналасуын, бұрынғы тұрғындардың экономикасы мен мәдениетін сипаттайтын белгілі бір тарихи-географиялық заңдылықтарды анықтау. Археологиялық материалды картаға түсіру және жүйелеу жөніндегі жұмыстар археологтар материалдық мәдениеттің жекелеген ескерткіштерін зерттеуден кең тарихи-географиялық мәселелерді шешуге және кең аумақтарды үздіксіз зерттеуге көшкен кезде археологиялық ғылымның қазіргі даму кезеңінде ерекше маңызға ие болды.

Солтүстік-Шығыс Арал маңында қола дәуірі тайпалары тайпаларының ескерткіштеріне талдау жүргізе отырып, қола дәуірінде Солтүстік Арал маңы Арал маңы Қарақұмында адамға өмір сүруге қолайлы болды. Бұлай деп айтатынмыз соңғы жылдары аймақтан қола дәуіріне жатқызылатын ескерткіштер көптеп табылып отыр, бұл қоныстардың тек көшпелі құмдардың жылжығанан кейін қыш ыдыстарды кездестіруге болады.

Солтүстік-Шығыс Арал маңында Арал маңы Қарақұмында 2024 жылы жергілікті өлкетанушы Аманжол Жұмабаевтың хабарлауымен Шірікрабат археологиялық экспедициясы (жетекшісі – Ж.Р. Утубаев) Қызылорда облысы Қазалы ауданы аумағында археологиялық барлау жұмыстары жүргізіліп, Шәкен және Шилі ауылдарының маңында апаттық жағдайдағы қола дәуірі мен ерте

темір дәуіріне жататын жерлеу орындарына қазба жұмыстары жүргізіліп, антропологиялық материалдар алынды.

Арал маңы қола дәуірі ескерткіштерін зерттеу әдістеріне аймақтың табиғи ерекшелігін ескере отырып соңғы уақытта аймақтағы қола дәуірі ескерткіштерін зерттеуде үрлемелі құмдарға мониторинг жұмыстары жүргізіліп, қыш ыдыстар және басқа да табылған артефактілердің географиялық координаттарымен тіркей отырып жаңадан ашылған қоныстың аумағы анықталады (Утубаев және басқалар, 2025а:206-217; Утубаев және басқалар, 2025б, 257-295).

Кешенді зерттеулердің ішінде: магистральды барлау Ол авто – және ұшқышсыз ұшатын аппаратнегізіндежүргізіледі. Мұндай әдіс барысында осы аймаққа байланысты гидрография, ландшафт, климат, ескерткіштердің топографиясы туралы толық түсінік алуға мүмкіндік береді. Жаяу барлау ол әдетте өзен аңғарларын, көне құдықтар жанын, олардың террассаларын немесе көл террассалары мен бұлақтарды қамтитын «жаяу» барлау. Мұндай барлаудың мақсаты–жерді пайдалану карталарына:а) ескерткіштерді анықтау, салу және жерсеріктік навигация жүйесіне координаттарды бекіту; ә) электрондық деректер банкін құру. Әдетте, мұндай барлау нәтижесінде объектілердің белгілі бір шоғырлану орындары немесе біз айтқандай, ескерткіштерің шағын аудандары белгіленеді. Мұндай аудандарда, әдетте, қазба жұмыстары жүргізілетін нысандар ерекшеленеді. Шөлді аймақтың табиғат ерекшеліктеріне қарай, үрлемелі құмдар көшіп қозғалуынан ашық қалған ескерткіштердің бетінен қыш ыдыстардың сынықтарын әртүрлі шаршыларға бөліп, жинақталды(Утубаев, 2025б, 206-217).

Қарастырылып отырған Солтүстік-Шығыс Арал Арал маңы Қарақұмы мен онымен іргелес аудандардағы археологиялық ескерткіштерді зерттеу өткен ғасырлардан бастап қолға алынды.

Кеңестік дәуірде және тәуелсіздік жылдарында осы өңірден жүздеген археологиялық ескерткіштер анықталынып, ғылыми айналымға енді де, өзекті де көкейкесті тақырыптар да қозғалған еді. Сайып келгенде, археологиялық ескерткіштерді зерттеудің ұзын сонар тарихы бар.Біздің тарапымыздан жаңадан ғылыми айналымға енген ескерткіштер бұрын белгілі болған археологиялық мәдениеттермен де үндеседі. Сонда да болса олардың өзіндік ерекшеліктері бар. Бұған біздің ойымызша оған біріншіден, жергілікті шикізат көздері, екіншіден – қоршаған табиғи-тарихи орта өзіндік әсерін тигізді. Сонымен қатар археологиялық ескерткіштердің зерттелу тарихын саралай келе айтарымыз, қола дәуірі ескерткіштері аз зерттелінді

Әдебиеттер тізімі

Андрианов Б.В.Древние оросительные системы Приаралья (В связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). // М.: ГРВЛ. 1969. 256 с.

АКК – Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. 487 с.

Байпаков К.М., Борофко Н., Савельева Т.В., Ахатов Г.А., Лобас Д.А.,Ержанова А.А. Итоги археологических исследований по проекту INTAS CLIMAN // Известия НАН РК. Серия обществ.наук. – 2004. – № 1. – С. 236-254.

Байпаков К.М.,Құрманқұлов Ж. Сырдарияның көне сағалары қалыптасу және қоныстану тарихы// Қазақстан Республикасы .Қызылорда облысының тарихи және мәдени ескерткіштерінің жинағы -Алматы: Аруна,2011.-504 бет.

Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности VII в. до н.э. - VIII в. н.э. // М.: «Восточная литература». 1999. 360 с.

Виноградов А.В. Археологической разведки в Кызылординской области Казахской ССР в 1955 г. // Архив ИЭА РАН. –Фонд 142. – Оп. 2. – Ед. хр. 21

Виноградов А.В., Кузьмина Е.Е., Смирин В.М. Новые первобытные памятники в Северо-Восточном Приаралье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 86-102.

Гликман Л.С., Мелентьев А.Н. Стоянка эпохи бронзы у станицы Саксаульской// Краткие собщения института Археологии. – 1968. – Вып. 114. – С.65-68.

Дарменов Р.Т., Тажекеев А.А. Еримбет-жага – стоянка эпохи бронзы // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. Материалы и исследования по археологии России. – Москва: 2010. – №3. – С. 438-440.

Итина М.А. Из истории населения степной полосы среднеазиатского междуречья в эпоху бронзы // КСИА.– 1970. – Вып. 122. – С. 49-53.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. – М.: Восточная литертаура, РАН, 2001. – 295 с.

Құрманиязов Ы.С. Т.Мәмиевтің ғылыми-педогикалық қызметі // XVII Оразбаев оқулары: халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары (Алматы қ., 25-26 сәуір 2025 ж.) / Жауапты ред. Р.С. Жуматаев. Алматы: Қазақ университеті, 2025. 364-367 бб.

Мәмиев Т. Туған өлке– тұнған шежіре.– Алматы: Мектеп, 1989.–66 бет.

Рахимжанова С.Ж., Курманизов Ы.С., Калиева Т.Ж. Предварительные итоги изучения керамики стоянки Жалгыз-агым // Отан тарихы журналы 2023. №26,4 С.860-869.

Рахимжанова С.Ж., Құрманиязов Ы.С., Аккошкарова Ж.,А.Ракутубе Солтүстік Арал маңындағы Жалғыз-ағым тұрағының доңғал типтес керамикасы // М.Өтемісов атындағы Батыс Қазақстан университетінің Хабаршысы №3 (95)., 2024 С.150-162.

Тажекеев А.А. Құрманиязов Ы.С. Новые исследования древних памятников в Восточном Приаралье // Отан тарихы журналы №4,(88) 2019. С.178-190.

Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т. Еримбет-жага – стоянка эпохи бронзы // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. Материалы и исследования по археологии России. – М., 2010. – №3. – С. 438-440.

Тажекеев А.А., Курманиязов Ы.С. Приаралья в эпоху позднего каменного века и бронзы. Характеристика культур // Отан тарихы журналы 2024. №27, (4)., С.1119-1133.

Тажекеев А.А., Онгар А., Шораев Б.К. Тапа – памятник эпохи бронзы Северо-восточного Приаралья // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. – Астана, 2013. – Т. 2. – С. 167- 170.

Тәжекеев Ә.Ә.,Құрманиязов Ы.С., Рахимжанова С.Ж., Чеха А.М., Полевой дневник А.В.Виноградова как источник изучения памятников каменного века Северо-Восточного Приаралья (Казахстан) // Журнал Археология Казахстана №1 (27) 2025. С. 67-87.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. // М.-Л.: 1948. 328 с.

Утубаев Ж.Р., Құрманиязов Ы.С., Рахимжанова С.Ж., Қалиева Ж.С., Эндо Э., Жанузак Р.Ж. Әлібай Б., Назаров А. Солтүстік –Шығыс Арал маңында 2024 жылғы археологиягиялық зерттеу жұмыстарының нәтижесі // Марғұлан оқулары 2025 халықаралық ғылыми тәжірибелік конференциясы., 26-28 наурыз, 2025а.-275-295 бб.

Утубаев Ж.Р.., Құрманиязов Ы.С.., Рахимжанова С.Ж. Солтүстік-Шығыс Арал маңы қола дәуірі ескерткіштері: кезеңделуі және жаңа зерттеулер // М.Өтемісов атындағы Батыс Қазақстан университетінің Хабаршысы №4.,2025б., 206-217 бб.

Y.S. Kurmaniyazov, Zh.R. Utubayev, S.Zh. Rakhimzhanova
About the history of the study of the Bronze Age in the Aral Sea

The article is devoted to the analysis of the history of the study of the Paleometallic period monuments of the Aral Sea region of Kazakhstan, including the North-Eastern Aral Sea region, covering the periodic development of scientific research and the characteristics of the most important archaeological sites. The main scientific stages of the study are systematically analyzed, from the first observations in the 19th century to the current complex expeditions. The newly discovered sites are located in the Aral and Kazaly districts of the Kyzylorda region, and currently a sufficient reference base is being formed as a result of the constant study of the monuments left by ancient people in the Aral Sea region. Dozens of Bronze Age settlements are being discovered and studied, and archaeological materials are being analyzed, which allow us to explain the main historical and cultural processes that took place in the region during this period. The results of the field seasons of 2024–2025 and future research directions are indicated.

Key words: history, archeology, Aral Sea, Syr Darya, Bronze Age, monument.

Ы.С. Құрманиязов, Ж.Р. Утубаев, С.Ж. Рахимжанова
Об истории изучения бронзового века Аральского региона

Статья посвящена анализу истории изучения памятников палеометаллического периода Аральского региона Казахстана, включая северо-восточный Аральский регион, охватывая периодическое развитие научных исследований и характеристики наиболее важных археологических объектов. Систематически анализируются основные этапы научных исследований, от первых наблюдений в XIX веке до современных комплексных экспедиций. Вновь обнаруженные памятники расположены в Аральском и Казальском районах Кызылординской области, и в настоящее время формируется достаточная база данных в результате постоянного изучения памятников, оставленных древними народами в Аральском регионе. Раскрываются и изучаются десятки поселений бронзового века, анализируются археологические материалы, позволяющие объяснить основные историко-культурные процессы, происходившие в регионе в этот период. Отражены достижения полевых сезонов 2024–2025 гг., а также обозначены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: история, археология, Приаралья, Сырдарья, бронзовый век, памятник.

Б.Д. Мадреймов
Каракалпакский государственный университет имени Бердаха
Нукус, Каракалпакстан
bmadreymov@inbox.ru

Материалы мастерской Каракудук в контексте палеолита Устюрта

В статье представлены результаты комплексного технико-типологического анализа каменных индустрий палеолитического местонахождения Каракудук 1–3, расположенного во впадине Барса-Кельмес (Юго-Восточный Устюрт, Республика Каракалпакстан). Целью исследования является выявление вариабельности приемов обработки камня в аридных условиях Устюрта и уточнение хронологической структуры памятника. В качестве методов исследования применены метод «степени дефляции» по А.П. Деревянко (анализ патины и люстража), технико-типологический анализ и концепция «операционных цепочек» (chaîne opératoire). Основные результаты: В связи с открытым типом залегания артефактов в аридной зоне, коллекция была разделена на три хронологических комплекса по степени дефляции: 1. Комплекс I (ранний палеолит) - архаичная индустрия с преобладанием массивных отщепов; 2. Комплекс II (средний палеолит) - ядро коллекции, характеризующееся расцветом бифасиальной техники с «зигзагообразными» лезвиями; 3. Комплекс III (поздний палеолит) - этап, характеризующийся исчезновением бифасиальности и преобладанием скребел на продольных плитках. В ходе работы выявлен «Каракудукский феномен» - стратегия реутилизации древних дефлированных артефактов мастерами последующих эпох. В заключении подчеркивается, что анализ мастерской Каракудука позволяет проследить технологическую эволюцию региона и механизмы адаптации древнего человека к дефициту качественного сырья. Материалы доказывают непрерывность и самобытность развития палеолитических культур в аридных ландшафтах Центральной Азии.

Ключевые слова: Юго-Восточный Устюрт, Барса-Кельмес, Каракудук 1–3, палеолит, бифас, дефляция, реутилизация, каменная индустрия, аридная зона.

Введение. Изучение палеолитических памятников аридной зоны Центральной Азии представляет особую сложность для исследователей. Плато Устюрт, являясь обширным аридно-денудационным регионом, характеризуется специфическими процессами формирования археологического ландшафта. В отличие от пещерных стоянок или аллювиальных террас, памятники Устюрта в большинстве своем являются местонахождениями открытого типа. Здесь, в условиях экстремальной сухости и активных ветровых процессов, культурные остатки не перекрываются мощными осадочными породами, а консервируются непосредственно на дневной поверхности (Баратов и др., 2002).

Одним из наиболее значимых объектов в юго-восточной части плато Устюрта является местонахождение Каракудук 1–3. Оно локализовано на северных склонах впадины Барса-Кельмес (Республика Каракалпакстан). Данный район в плейстоцене представлял собой зону интенсивного эрозионного расчленения, что обнажало выходы коренных пород - окремненного известняка. Именно наличие доступного сырья сделало Каракудук точкой притяжения для человеческих популяций на протяжении различных эпох палеолита. Поскольку памятник не является многослойным в классическом понимании (с четким разделением слоев по вертикали), его материалы представляют собой сложную палимпсестную структуру, где артефакты разных временных периодов механически совмещены на одном горизонте.

Актуальность данной работы заключается в необходимости научного расслоения этой суммарной коллекции. Целью статьи является реконструкция технологических процессов на местонахождении Каракудук 1–3 и определение его места в системе палеолита аридной зоны Устюрта на основе современного технико-типологического анализа.

Основной проблемой исследования Каракудука является отсутствие стратиграфических индикаторов. В таких условиях на первый план выходят методы физико-химического анализа поверхности камня. Основным инструментом в нашей работе стал метод «степени дефляции», разработанный и апробированный в исследованиях палеолита аридных зон Монголии и Центральной Азии (А.П. Деревянко).

Степень дефляции (ветрового износа) и интенсивность патинизации («пустынного загара») позволяют выстроить относительную хронологию внутри коллекции. Чем дольше артефакт подвергался воздействию песка и ветра на открытом пространстве, тем более сглажены его ребра и

тем сильнее выражен люстраж (блеск). Применяя этот метод к коллекции Каракудука (760 ед.), нам удалось выделить три группы артефактов, отражающих разные этапы заселения региона.

Методы и материалы. Объектом настоящего исследования послужила представительная коллекция каменных артефактов местонахождения Каракудук 1–3, сформированная по результатам полевых изысканий Е.Б. Бижанова и А.В. Виноградова. Учитывая специфику памятника как объекта открытого типа в аридной зоне, где культурные остатки подвергались длительному воздействию факторов среды на дневной поверхности, классические стратиграфические методы неприменимы.

Для верификации хронологической принадлежности и выявления технологического своеобразия материалов нами применен комплексный аналитический подход:

1. Метод «степени дефляции»: Данный метод является ключевым для памятников открытого типа. Оценка уровня коррозии, ветрового сглаживания граней и интенсивности пустынного загара (люстража) поверхности артефактов проводилась по методике А.П. Деревянко. Это позволило провести «горизонтальное расслоение» смешанной коллекции на три разновременных технокомплекса, различающихся по степени физического износа поверхности.

2. Технико-типологический анализ: В рамках данного метода изучались «операционные цепочки» (chaîne opératoire) – от момента подбора конкретной заготовки до финального оформления рабочего лезвия орудия. Особое внимание уделялось анализу нуклеусов и продуктов расщепления для реконструкции первичных стратегий снятия сколов.

3. Анализ вторичной обработки: Изучалась морфология негативов снятий, форма контрбугорков и наличие забитостей на краях. Это позволило идентифицировать типы применявшихся ударников – от массивных жестких каменных отбойников до более деликатных инструментов, характерных для финальных этапов обработки.

Местонахождение Каракудук 1–3 представляет собой сложный объект открытого типа, где на единой поверхности сосуществуют артефакты разных эпох. Объединяющим фактором для всех выделенных комплексов является использование специфического локального сырья - мелких (5–10 см) плиток окремненного известняка, чья природная форма в значительной степени диктовала морфологию будущих изделий.

По результатам анализа дефляции и патинизации в материалах мастерской выделяются три хронологических комплекса:

Комплекс I (Ранний палеолит): Данная группа артефактов характеризуется предельной степенью дефляции, при которой грани сколов практически сглажены. Технология расщепления крайне архаична и ориентирована на получение простых отщепов с одно и двуплощадочных нуклеусов. Бифасиальная обработка на данном этапе полностью отсутствует. В инструментарии доминируют массивные унифасиальные скребла и зубчато-выемчатые формы.

Комплекс II (Средний палеолит) - «Бифасиальный этап»: Данный комплекс составляет ядро коллекции (703 ед.). Здесь фиксируется расцвет техники двусторонней обработки. Из-за лимитированных размеров и плиточной формы сырья мастера отдавали предпочтение жесткому каменному отбойнику. Это приводило к формированию специфических асимметричных миндалевидных форм с глубокими негативами снятий и характерным зигзагообразным (иректовидным) лезвием.

Комплекс III (Поздний палеолит): Включает 44 артефакта со «свежей», слабо коррадированной поверхностью. Система расщепления представлена одно- и двуплощадочными нуклеусами с низкой степенью сработанности. На изделиях сохраняются значительные участки дефлированной поверхности. Основное место занимают скребла, оформленные на продольных частях плиток мелкой полукрутой ретушью. Бифасиальная обработка в данном комплексе полностью отсутствует.

«Каракудукский феномен»: Специфика аридного памятника открытого типа породила уникальную стратегию реутилизации. В условиях дефицита качественного первичного сырья мастера Комплексов II и III активно использовали дефлированные артефакты Комплекса I в качестве готовых заготовок. Данная стратегия четко диагностируется по наличию разновозрастной патины: древняя корродированная поверхность соседствует со свежими негативами ретуши и сколов подправки. Таким образом, аридный ландшафт Каракудука служил «открытым складом» сырья для многих поколений древнего человека.

Результаты. Технико-типологический анализ коллекций местонахождения Каракудук 1–3 позволил выявить существенную вариабельность приемов обработки камня. Установлено, что

технологические изменения обусловлены как значительными хронологическими дистанциями, так и специфической адаптацией к качеству местного сырья - плиточного окремненного известняка.

На основе применения метода «степени дефляции» (по А.П. Деревянко) суммарная коллекция Каракудука (более 760 ед.) была разделена на три культурно-хронологических комплекса, сосуществующих на современной дневной поверхности аридной зоны.

Комплекс I (Ранний палеолит). Данный горизонт характеризуется предельной дефляцией поверхности артефактов, что свидетельствует об их длительном пребывании в условиях активной ветровой эрозии. Система расщепления представлена преимущественно одно и двуплощадочными нуклеусами (13 экз.), ориентированными на получение массивных отщепов. Инструментарий комплекса демонстрирует архаичные черты:

Унифасиальные скребла (15 экз.): выполнены на крупных сколах с минимальной подправкой края.

Зубчато-выемчатые формы (11 экз.): характеризуются наличием глубоких «клектонских» анкошей (выемок), сформированных одиночными ударами.

Комплекс II (Средний палеолит) Является основным ядром коллекции (703 экз.) и отражает период наиболее интенсивного освоения мастерской. Для этого этапа характерен расцвет бифасиальной индустрии.

Бифасы (59 экз.): орудия изготавливались непосредственно из плиток известняка толщиной до 3 см. Применение тяжелых каменных отбойников в условиях ограниченной толщины заготовки обусловило формирование асимметричных миндалевидных форм. Характерной чертой является зигзагообразный профиль лезвия, полученный в результате чередующихся встречных сколов.

Фрагментация: Зафиксирована высокая степень фрагментации изделий: дистальные фрагменты составляют 20 экз., проксимальные - 12 экз. Это указывает на активное использование бифасов в трудовых операциях непосредственно на месте стоянки или на значительный процент производственного брака при обработке хрупкого плиточного сырья.

«Каракудукский феномен» (реутилизация). В рамках второго комплекса отчетливо прослеживается стратегия реутилизации. Мастера среднего палеолита активно использовали глубоко патинированные артефакты Комплекса I в качестве готовых нуклеусов и заготовок. Наличие разновозрастной патины на одних и тех же предметах (старые дефлированные негативы в сочетании со свежими сколами Комплекса II) подтверждает прагматичный подход древнего населения к эксплуатации доступных ресурсов аридной зоны.

Данный технологический горизонт включает 44 артефакта, физическое состояние поверхности которых резко контрастирует с более древними находками. Поверхность изделий выглядит сравнительно свежей, со слабой степенью коррозии и минимально выраженным «пустынным загаром».

Технологический облик третьего комплекса свидетельствует о радикальной смене стратегий камнеобработки:

Уход от бифасиальности: Зафиксировано полное отсутствие приемов двусторонней (бифасиальной) обработки, которая доминировала на предыдущем этапе. Это указывает на смену культурных традиций или упрощение производственных задач в финале палеолита.

Морфология орудий: Доминирующим типом изделий становятся скребла различных модификаций. В качестве заготовок использовались продольные сколы или тонкие естественные плитки известняка, обладавшие подходящими параметрами без предварительной массивной оббивки.

Техника ретуширования: Рабочие лезвия оформлялись мелкой полукрутой ретушью, нанесенной аккуратными скалываниями по краю.

Особый интерес представляет сохранение на некоторых изделиях следов ретуши и негативов сколов предшествующих периодов. Данный факт является прямым доказательством того, что уникальная для Каракудука традиция реутилизации (вторичного использования древнего сырья) сохранялась вплоть до финальных этапов палеолита. Люди позднего палеолита находили на поверхности местонахождения дефлированные орудия раннего и среднего палеолита и адаптировали их под свои нужды, нанося свежую ретушь на уже существующие формы.

Обсуждение и Дискуссия. Анализ технологического облика мастерской Каракудук 1–3 позволяет реконструировать специфику производственной деятельности древнего населения Юго-Восточного Устюрта. Статистические данные по наиболее репрезентативному Второму комплексу (59 экз. бифасов, 18 экз. бифасиальных орудий) указывают на особую структуру памятника. Тот

факт, что количество дистальных (20 экз.) и проксимальных (12 экз.) фрагментов существенно преобладает над целыми формами (17 экз.), является важным диагностическим признаком. Это свидетельствует либо об интенсивном использовании орудий непосредственно на месте (высокая степень износа и поломок), либо о значительной доле производственного брака, неизбежного при обработке хрупкого плиточного сырья тяжелыми отбойниками.

Использование массивных каменных отбойников для обработки известняковых плиток толщиной до 3,2 см приводило к формированию специфических «зигзагообразных» лезвий. Данная технологическая черта в сочетании с миндалевидной асимметричной формой изделий сближает Каракудук с классическими среднепалеолитическими индустриями Евразии. Сочетание развитой бифасиальной техники с клектонскими анкошами и зубчато-выемчатыми формами (45 экз.) типично для специализированных стоянок-мастерских, ориентированных на широкий спектр трудовых и подготовительных операций.

В контексте региональной динамики палеолита индустрия Каракудука находит свое продолжение и качественное развитие в материалах памятника Есен-2. Сопоставление этих двух объектов выявляет фундаментальный технологический сдвиг:

В Есен-2 «зигзагообразность» профиля исчезает, уступая место плоским, захватывающим сколам. Переход к мягкому органическому (костяному или роговому) отбойнику позволил мастерам Есен-2 преодолеть естественные ограничения сырья, создавая утонченные, плоскостные формы, которые А.В. Виноградов справедливо определял как более поздние (Виноградов, 1981).

Если в Каракудуке (комплекс II) бифасиальность зачастую ограничивалась лишь оформлением рабочего края плитки (например, на скреблах), то в индустрии Есен-2 мы наблюдаем тотальную переработку объема заготовки, превращающую естественную плитку в высокостандартизированное орудие.

Дискуссия о хронологических рамках данных памятников (от ашеля до позднего палеолита) находит свое разрешение через анализ вариабельности технических приемов.

Каракудук (II комплекс) по доминированию техники «жесткого» расщепления и морфологии асимметричных бифасов наиболее близок к развитому среднему палеолиту (мустье).

Есен-2, характеризующийся наличием леваллуазских пластин и применением техники «мягкого» утончения бифасов, закономерно относится к начальному этапу позднего палеолита.

Таким образом, материалы Каракудука 1–3 демонстрируют не просто случайный набор артефактов, а последовательные стадии адаптации и совершенствования методов обработки камня в аридных условиях Устюрта. Наличие «Каракудукского феномена» реутилизации связывает эти этапы в единую историческую цепочку. Каракудук выступает как универсальная база с многотысячелетней историей, где на протяжении нескольких эпох закладывались и трансформировались основы каменной индустрии региона.

Заключение. Проведенный комплексный технико-типологический анализ материалов местонахождения Каракудук 1–3 позволяет по-новому взглянуть на динамику развития палеолитических индустрий плато Устюрт. На основе полученных данных сформулированы следующие ключевые выводы:

- Исследование материалов Каракудука с применением метода анализа степени дефляции позволило впервые научно обосновать выделение трех разновременных технологических комплексов в рамках одного памятника открытого типа. Установлено, что освоение ресурсов впадины Барса-Кельмес началось еще в раннем палеолите, что существенно удревняет историю заселения северо-западных районов Узбекистана и расширяет наши представления о границах ойкумены в плейстоцене.

- Выявленная вариабельность приемов обработки камня является прямым следствием адаптации древнего человека к специфическому плиточному и мелкоразмерному сырью. Обнаруженная стратегия многократной реутилизации древних артефактов (фиксируемая по двойной и тройной патинизации) свидетельствует о рациональном природопользовании и преемственности навыков расщепления на протяжении сотен тысяч лет в условиях дефицита качественных ресурсов.

- Сопоставление материалов Каракудука с индустрией Есен-2 выявило качественный переход в технологии изготовления бифасов. Если во втором (среднепалеолитическом) комплексе Каракудука доминирует техника жесткого отбойника, формирующая грубые зигзагообразные лезвия, то индустрия Есен-2 демонстрирует переход к высокостандартизированному производству

уплощенных форм с применением мягкого органического ударника. Это маркирует смену технологических парадигм на рубеже среднего и позднего палеолита.

- Каракудук 1–3 представлял собой универсальную стоянку-мастерскую с длительным циклом функционирования, облик которой на протяжении нескольких эпох диктовался физическими свойствами местного кремнистого известняка.

В целом, материалы Юго-Восточного Устюрта доказывают, что данный регион не являлся изолированной периферией. Напротив, здесь формировались самобытные и технологически сложные индустрии, отражающие общие тенденции развития палеолита Центральной Азии в аридных зонах. Дальнейшее изучение этих памятников открытого типа с применением методов трасологии и петрографии позволит еще глубже раскрыть механизмы культурной и хозяйственной адаптации древнего человека в экстремальных условиях пустынных плато.

Список литературы

Баратов П., Маматкулов М., Рафиқов А. Ўрта Осиёнинг табиий географияси. – Тошкент: Ўқитувчи, 2002. – 440 б.

Бижанов Е. Находки памятников палеолита на юго-восточном Устюрте // Вестник КФАН УзбССР. – № 3. – Нукус, 1979. – С. 68–72.

Бижанов Е. Б. Палеолит Устюрта // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. – № 1. – Ташкент, 1988. – С. 68–71.

Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М.: Наука, 1981. – С. 56–57.

Виноградов А. В., Бижанов Е. Б. Первые палеолитические находки с юго-восточного Устюрта // Археологические открытия 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 522.

Вишняцкий Л. Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб.: Европейский дом, 1996. – С. 78.

Мадреймов Б. Ж. Қорақалпоғистон Республикаси палеолит даври манзилгохлари ўрганиш тарихи // Тамаддун нури. – № 2. – Беруний, 2021. – Б. 63–65.

Мадреймов Б. Ж. Есен-2 Ўзбекистон палеолитининг энг қадимги ихтисослашган устахонаси // Вестник КГУ им. Бердаха. – № 1 (55). – Нукус, 2022. – Б. 185–187.

Б.Д. Мадреймов

Үстірт палеолиті жағдайындағы Қарақұдық шеберханасының материалдары

Мақалада Оңтүстік-Шығыс Үстірттегі (Қарақалпақстан Республикасы) Барса-Келмес ойпатында орналасқан Қарақұдық 1–3 палеолиттік тұрақ-шеберханасының тас индустриясына жүргізілген техникалық-типологиялық талдау нәтижелері ұсынылған. Зерттеудің мақсаты - Үстірттің аридті жағдайындағы тас өңдеу технологияларының вариабельділігін анықтау және ескерткіштің хронологиялық құрылымын нақтылау. Зерттеу әдістері ретінде А.П. Деревянконың «дефляция дәрежесі» әдісі (патина мен люстражды талдау), техникалық-типологиялық сараптама және «операциялық тізбек» (chaîne opératoire) концепциясы қолданылды. Негізгі нәтижелер: Үстірттің аридті зонасындағы ескерткіштердің ашық типіне байланысты, жинақ дефляция деңгейіне қарай үш хронологиялық кешенге жіктелді: 1. I кешен (ерте палеолит) - массивті жаңқалар мен унифасиалды құралдар тән архаикалық индустрия; 2. II кешен (орта палеолит) - қатты соққышпен өңделген «иректі» лезвілі бифастар басым коллекцияның негізгі бөлігі; 3. III кешен (кейінгі палеолит) - бифасиалды өңдеудің жоғалуымен және ұзын плиткалардағы қырғыштардың пайда болуымен сипатталатын кезең. Зерттеу барысында ежелгі дефляцияланған артефактілерді кейінгі кезең шеберлерінің қайта пайдалану стратегиясы - «Қарақұдық феномені» анықталды. Қорытынды ретінде Қарақұдық материалдарының талдауы Үстірт өңіріндегі тас индустриясының эволюциялық дамуын және ежелгі адамның шикізат тапшылығына бейімделу механизмдерін көрсететіні дәлелденді.

Түйін сөздер: Оңтүстік-Шығыс Үстірт, Барса-Келмес, Қарақұдық 1–3, палеолит, бифас, дефляция, реутилизация, тас индустриясы, аридті зона.

B.D. Madreymov

Materials of the Karakuduk Workshop in the Context of the Ustyurt Paleolithic

The article presents the results of a comprehensive techno-typological analysis of the stone industries from the Paleolithic site Karakuduk 1–3, located in the Barsa-Kelmes depression (Southeastern Ustyurt, Republic of Karakalpakstan). The objective of the study is to identify the variability of stone processing techniques in the arid conditions of Ustyurt and to clarify the chronological structure of the site. The research methods include the "deflation degree" method by A.P. Derevianko (analysis of patina and luster), techno-typological analysis, and the chaîne opératoire (operational sequence) concept. Key Results: Due to the open-air nature of the artifact occurrences in the arid zone, the collection was divided into three chronological complexes based on the degree of deflation: 1. Complex I (Early Paleolithic): An archaic industry dominated by massive flakes; 2. Complex II (Middle Paleolithic): The core of the collection, characterized by the flourishing of bifacial technology with "zigzag" edges; 3. Complex III (Late Paleolithic): A stage marked by the disappearance of bifaciality and a predominance of scrapers on longitudinal slabs. The study identifies the "Karakuduk Phenomenon" - a strategy of reusing ancient, deflated artifacts by masters of subsequent eras. The author's conclusion emphasizes that the analysis of the Karakuduk workshop allows for tracing the technological evolution of the region and the mechanisms of human adaptation to the scarcity of high-quality raw materials. The materials demonstrate the continuity and originality of Paleolithic culture development within the arid landscapes of Central Asia.

Key words: South-Eastern Ustyurt, Barsa-Kelmes, Karakuduk 1–3, Paleolithic, biface, deflation, reutilization, stone industry, arid zone.

Д.В. Кожевникова
Институт археологии и этнографии
Сибирское отделение Российской академии наук
Новосибирск, Россия
kozhevnikovadarya@yandex.ru

Ачинский жезл: введение в научный оборот и неинвазивные методы исследования*

Ачинский жезл – уникальный артефакт верхнего палеолита Сибири (Северо-Минусинская котловина, ~20–23 тыс. л.н.), представляющий собой скульптуру из бивня мамонта длиной 11 см, покрытую спиралевидным орнаментом из 1065 миниатюрных лунок с естественным пояском в зоне баланса. Впервые введенный в научный оборот В.Е. Ларичевым, артефакт получил преимущественно палеоастрономическую интерпретацию, тогда как комплексный анализ технологии изготовления, следов использования и культурного контекста до настоящего времени детально не проводился. Частичная утрата и деформация средней части жезла, а также наличие следов предшествующих реставрационных вмешательств затрудняют его экспонирование и дальнейшее всестороннее изучение. Целью данного этапа исследования является получение максимально полных объективных данных о структуре, сохранности и технологии изготовления артефакта с использованием современных неинвазивных методов. Выполнены высокоточное 3D-сканирование и компьютерная микротомография, позволившие детально визуализировать внешнюю и внутреннюю структуру предмета, выявить скрытые дефекты, микротрещины, а также четко определить границы между исходным материалом бивня и реставрационными включениями. Полученные результаты создали основу для выработки оптимальной стратегии дальнейшей реставрации объекта, обеспечения его сохранности и подготовки к музейному экспонированию. Созданная виртуальная 3D-модель открывает возможности для последующей реконструкции первоначального облика жезла, точной развертки орнамента на плоскость и детального анализа структуры и расположения лунок. Проведенные исследования представляют собой первый этап комплексного изучения, который в дальнейшем включит AMS-датирование для уточнения хронологической позиции, трасологический анализ для выявления следов изготовления и использования, планиграфический контекст, а также определение места артефакта в культурно-хронологической системе палеолита Сибири.

Ключевые слова: Ачинский жезл, Ачинская стоянка, верхний палеолит, Сибирь, неинвазивные методы, 3D-моделирование, компьютерная томография.

Введение. Ачинская палеолитическая стоянка, расположенная в Северо-Минусинской котловине, была открыта в 1960 г. геологом Г.А. Авраменко (Авраменко, 1963). В 1960–1961 гг. здесь проводились разведочные раскопки, а в 1963–1964 гг. стационарные исследования осуществлялись под руководством В.И. Матющенко. Раскопки 1972 г. под руководством В.Е. Ларичева носили охранный характер и проводились в связи с угрозой уничтожения памятника при расширении карьеров кирпичного завода. Культурный слой залегает в тяжелой палево-желтой глине на глубине 2,95 м от поверхности склона. Глинистая толща рассечена вертикальными морозобойными трещинами и имеет следы солифлюкционных процессов, это привело к деформации культурного слоя, его неравномерной мощности и нарушению первоначального залегания находок (Ларичев, 1972).

Раскопки 1972 г. осуществлялись на двух участках. На «южном» раскопе площадью 25 м² были вскрыты остатки наземного жилища. Выявлено не менее 14 опорных столбов, расположенных по полукруглой линии, очерчивающей жилую площадку. Конструкция столбов однотипна: в яму опускалась бедренная кость мамонта, выполнявшая функцию муфты-держателя; в раструб кости вставлялся бивень. Устойчивость конструкции обеспечивалась системой клиньев из расколотых вдоль бивней, трубчатых костей и пластин окаменевшего дерева (Ларичев, 1972; Ларичев, 1981). Внутри жилища зафиксированы три блюдцевидных очага с заполнением из золисто-углистой массы, обожженных косточек, пластин бивня и пятен красной охры.

На «западном» раскопе культурный слой оказался в значительной степени нарушен предшествующими земляными работами. Северная часть этого раскопа характеризовалась

* работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 25-28-02665 «Первобытное искусство верхнего палеолита Сибири: систематизация, анализ и новые данные».

наиболее интенсивной концентрацией находок, тогда как южная представляла собой периферийную зону. Именно на южном участке, вблизи очажного пятна, был обнаружен Ачинский жезл из бивня мамонта со спиралевидным орнаментом. В том же квадрате найдены заготовка нуклеуса и ножевидная пластина с выемками (Ларичев, 1972).

Культурная принадлежность стоянки и проблема датирования. Каменный инвентарь Ачинской стоянки представлен нуклеусами односторонне-конического типа, двуплощадочными леваллуазского типа, микролеваллуазскими формами, а также нуклеусами-скребками. Орудийный набор включает чопперы и скребла из галек, концевые скребки на ножевидных пластинах, срединные резцы, комбинированные орудия с выемками и шиповидными выступами, проколки (Аникович, 1976; Ларичев, 1972). Каменная индустрия стоянки обнаруживает сходство с материалами мальтийско-буретской культуры Приангарья, для которой характерны призматическая техника расщепления, конические нуклеусы, концевые скребки и резцы на пластинах (Герасимов, 1958; Липнина, 2002). Рядом исследователей памятник отнесен к средней стадии верхнего палеолита Сибири в кругу стоянок Мальта, Буреть, Тарачиха (Лисицын, 2000) с отдельными технолого-морфологическими вариациями (Васильев, 1996). Близкие аналогии прослеживаются также в материалах верхнепалеолитических памятников Среднего Енисея – Дербинского залива и Лиственки, где зафиксирована развитая пластинчатая техника расщепления, концевые скребки, резцы и орудия с выемками (Акимова и др., 2005; Акимова и др., 2018).

Жилище Ачинской стоянки имеет прямые конструктивные аналогии с постройками мальтийско-буретской культуры. Сходство выражается в использовании бедренных костей мамонта в качестве муфт-держателей для бивней, системе клиньев из расколотых бивней и трубчатых костей, расположении очагов внутри жилой площадки, а также в округлой форме постройки (Герасимов, 1958).

Фаунистические остатки, по определению Н.Д. Оводова, включают кости мамонта (26 фрагментов, не менее одной особи), лошади (3 кости), волка/собаки (7 костей), лисицы/песца (2 обломка нижней челюсти и конечность), сайги (1 обломок пяточной кости) (Ларичев, 1972). Костный материал из-за условий залегания в насыщенной влагой глине долгое время считался непригодным для радиоуглеродного анализа, что до настоящего времени остается ключевой проблемой хронологической атрибуции памятника. Отсутствие абсолютных дат делает предварительную датировку стоянки развитым этапом верхнего палеолита (примерно 20–23 тыс. л.н.), базирующуюся исключительно на типологических аналогиях с мальтийско-буретским кругом и раннесартанскими комплексами Среднего Енисея (Зенин, 2003).

Материалы и методы. Ачинский жезл представляет собой изделие из бивня мамонта длиной 11,7 см, поверхность которого покрыта спиралевидным орнаментом, насчитывающим 1065 миниатюрных лунок. На поверхности артефакта выделяется поясок, расположенный в зоне баланса предмета. В.Е. Ларичев на основе анализа орнаментальной структуры предложил палеоастрономическую интерпретацию артефакта. Подсчет количества лунок в спиралях (45, 177, 207, 173, 187, 273, 3, суммарно 1065) позволил ему рассматривать жезл как древнейший лунно-солнечный календарь, фиксирующий трехлетний цикл наблюдений за светилами (Ларичев, 1989; Ларичев, Арустамян, 1987). По его мнению, выемки на поверхности жезла, выполненные штампами разной формы, обозначают Луну в разных фазах и сгруппированы в соответствии с астрономическими периодами – синодическими и сидерическими месяцами, драконическим годом, периодами равноденствий (Ларичев, 1989).

Комплексный анализ технологии изготовления, следов использования и культурного контекста до настоящего времени детально не проводился. Частичная утрата и деформация средней части жезла, а также наличие следов предшествующих реставрационных вмешательств затрудняют его экспонирование и дальнейшее всестороннее изучение.

Для получения объективных данных о структуре, сохранности, технологии изготовления и характере реставрационных вмешательств Ачинского жезла были применены современные неинвазивные методы: высокоточное 3D-сканирование и компьютерная микротомография. Указанные методы позволяют также реконструировать поврежденные или утраченные фрагменты артефакта. Микротомографическое исследование выполнено на базе Центра коллективного пользования «Геохронология кайнозоя» Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) с использованием настольной системы микротомографии высокого разрешения «ПРОДИС. КОМПАКТ» (исполнение 1215CG, версия

программного обеспечения proDIS 1.3.20230802.02664F017). Первоначальная визуализация и обработка томографических реконструкций проведены в программе «ПРОДИС» (версия 1.3.2). 3D-сканирование выполнено с помощью сканера структурированного подсвета Range Vision Spectrum 3.1, анализ полученной трехмерной модели осуществлен в программном пакете Geomagic Design X.

Результаты неинвазивных исследований. 3D-сканирование и компьютерная микротомография позволили детально визуализировать внешнюю и внутреннюю структуру жезла. 3D-моделирование зафиксировало точную геометрию предмета, его размеры и характер поверхности. На модели отчетливо фиксируется поясок, расположенный в зоне баланса. Результаты томографии показали, что поясок обусловлен природной структурой бивня и не является результатом искусственной обработки. Компьютерная микротомография позволила выявить скрытые дефекты и микротрещины, не различимые при визуальном осмотре, а также четко определить границы между исходным материалом бивня и поздними реставрационными включениями. Принципиально важным результатом стало обнаружение внутри жезла двух тонких металлических штифтов, использовавшихся при первой реставрации для соединения фрагментов артефакта.

Полученные данные переданы специалистам-реставраторам, это позволит выработать оптимальную стратегию дальнейшей реставрации объекта, обеспечить его сохранность и подготовить к музейному экспонированию. Созданная виртуальная 3D-модель открывает возможности для экспонирования в виртуальной среде, печати копий артефакта, реконструкции первоначального облика жезла, виртуальной развертки орнамента на плоскость и детального анализа структуры и расположения лунок.

Обсуждение и перспективы. Проведенные неинвазивные исследования впервые предоставили объективные данные о внутренней структуре Ачинского жезла. Установление природного происхождения пояска снимает вопрос о намеренном выделении зоны «золотого сечения» мастером палеолита, что ранее служило одним из аргументов в пользу интерпретации жезла как высокоточного календарного прибора. Выявление металлических штифтов демонстрирует необходимость томографического контроля для артефактов, проходивших реставрацию в прошлом.

Предварительный анализ орнамента не подтверждает однозначно его календарно-астрономическую функцию. Возможно, перед нами сложная знаковая система, природа которой пока не определена. Использование методов искусственного интеллекта для анализа лунок позволит получить независимую оценку наличия или отсутствия в орнаменте математических закономерностей.

Проблема датирования стоянки остается открытой, поскольку геохронологические характеристики стоянки имеют разночтения, а абсолютные даты на текущий момент отсутствуют (Артемьев, Мещерин, 2018). На следующем этапе планируется проведение трасологического анализа для выявления следов изготовления и использования, а также определение места артефакта и памятника в целом в культурно-хронологической системе палеолита Сибири путем статистического сравнения с материалами других памятников региона.

Заключение. Ачинский жезл происходит из стратифицированного контекста памятника, включающего остатки наземного жилища с конструкциями из бивней и костей мамонта, имеющего прямые аналогии с постройками мальтийско-буретской культуры Приангарья, очажные комплексы и каменный инвентарь, типологически близкий материалам мальтийско-буретского круга и верхнепалеолитическим комплексам Среднего Енисея. Планиграфически жезл залегал во втором раскопе, в периферийной зоне, прилегающей к очажным пятнам.

Проведенные неинвазивные исследования позволили получить максимально полные объективные данные о структуре и сохранности артефакта. Выявлены скрытые дефекты, металлические штифты ранней реставрации и границы между исходным материалом и реставрационными включениями. Установлен природный характер пояска на поверхности жезла.

Полученные результаты создали основу для выработки оптимальной стратегии дальнейшей реставрации объекта, обеспечения его сохранности и подготовки к музейному экспонированию, в том числе в виртуальной среде. Созданная виртуальная 3D-модель открывает возможности для реконструкции первоначального облика жезла, развертки орнамента на плоскость и детального анализа структуры лунок с применением методов искусственного интеллекта.

Список литературы

Авраменко Г.А. Палеолитическая стоянка у г. Ачинска (Предварительное сообщение) // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963. С. 21–24.

Акимова Е.В., Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А., Орлова Л.А., Санько А.Ф., Шпакова Е.А. Палеолит Енисея. Лиственка. Красноярск – Новосибирск: Универс – Наука, 2005. 210 с.

Акимова Е.В., Харевич В.М., Стасюк И.В. Каменные индустрии позднекаргинских-раннесартанских местонахождений Дербинского залива (Красноярское водохранилище) // Stratum plus, 2018. № 1. С. 353–367.

Аникович М. В. Некоторые итоги раскопок Ачинской палеолитической стоянки // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности (эпоха палеолита). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1976. С. 155–168.

Артемьев Е.В., Мещерин М.Н. Ачинская стоянка: опыт определения границ памятника // Археологические открытия. 2016 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 398–400. https://doi.org/10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.398-400

Васильев С. А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 224 с.

Герасимов М.М. Мальта – палеолитическая стоянка // Советская археология, 1958. № 3. С. 28–52.

Зенин А.Н. Поздний палеолит Западно-Сибирской равнины: дис. … канд. ист. наук. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 245 с.

Ларичев В.Е. Дом из бивня мамонта. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1981. 192 с.

Ларичев В.Е. Мудрость змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. Новосибирск: Наука, 1989. 272 с.

Ларичев В.Е. Отчет о раскопках Ачинской палеолитической стоянки летом 1972 г. // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1, д. 7, 142 л.

Ларичев В.Е., Арустамян А.И. Ачинская скульптура из бивня мамонта – аналоговый вычислитель древнекаменного века Сибири // Древности Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987. С. 76–95.

Липнина Е.А. Мальтинское местонахождение палеолитических культур: современное состояние изученности и перспективы исследования: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 24 с.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 232 с.

Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974. 237 с.

Д.В. Кожевникова

Ачинск таяқшасы: ғылыми айналымға және инвазивті емес зерттеу әдістеріне кіріспе

Ачинск таяқшасы – Сібірдің жоғарғы палеолит дәуірінің ерекше артефакті, ол ұзындығы 11 см болатын үлкен азу тістен жасалған, 1065 миниатюралық тесіктерден тұратын спиральды ою-өрнекпен жабылған мүсін. Алғаш рет ғылыми айналымға енгізілген В.Е. Ларычев артефакт негізінен палео-астрономиялық түсіндірме алды, ал өндіріс технологиясын, пайдалану іздерін және мәдени контекстті кешенді талдау бүгінгі күнге дейін егжей-тегжейлі жүргізілген жоқ. Шыбықтың ортаңғы бөлігінің ішінара жоғалуы мен деформациясы, сондай-ақ бұрынғы қалпына келтіру араласуларының іздерінің болуы оны ашуды және одан әрі кешенді зерттеуді қиындатады. Зерттеудің осы кезеңінің мақсаты - заманауи инвазивті емес әдістерді қолдана отырып, артефактінің құрылымы, сақталуы және жасау технологиясы туралы ең толық объективті деректерді алу. 3D сканерлеу және компьютерлік микротомография жүргізілді, бұл нысанның сыртқы және ішкі құрылымын егжей-тегжейлі көруге, жасырын ақауларды анықтауға, сондай-ақ азу тістің бастапқы материалы мен қалпына келтіру қосындылары арасындағы шекараларды нақты анықтауға мүмкіндік берді. Алынған нәтижелер нысанды одан әрі қалпына келтірудің оңтайлы стратегиясын әзірлеуге, оның қауіпсіздігін қамтамасыз етуге және музей көрмесіне дайындауға негіз болды. Құрылған 3D моделі кейіннен шыбықтың бастапқы пішінін қалпына келтіруге, ою-өрнекті жазықтықтағы дәл шолуға және тесіктердің құрылымы мен орналасуын егжей-тегжейлі талдауға

мүмкіндік береді. Жүргізілген зерттеулер кешенді зерттеудің бірінші кезеңін білдіреді, оған хронологиялық позицияны нақтылау үшін AMS-даталау, өндіру мен пайдалану іздерін анықтау үшін трассологиялық талдау, планиграфиялық контекст, артефакттың Сібірдің жоғарғы палеолитінің мәдени-хронологиялық жүйесіндегі орнын анықтау кіреді.

Түйін сөздер: Ачинск таяғы, Ачинск тұрағы, жоғарғы палеолит, Сібір, инвазивті емес әдістер, 3D-модельдеу, компьютерлік томография.

D.V. Kozhevnikova

The Achinsk Rod: Introduction into Scientific Discourse and Non-Invasive Research Methods

The Achinsk Rod is a unique Upper Paleolithic artifact from Siberia. It is a sculpture carved from mammoth tusk, measuring 11 cm in length and covered with a spiral ornament composed of 1065 miniature pits. First introduced into scholarly discourse by V.E. Larichev, the artifact was primarily interpreted within a paleoastronomical framework, while a comprehensive analysis of its manufacturing technology, use-wear traces, and cultural context has yet to be undertaken. Partial loss and deformation of the rod's middle section, along with traces of previous restoration interventions, complicate its exhibition and further in-depth study. The aim of the current stage of research is to obtain the fullest possible dataset on the artifact's structure, state of preservation, and manufacturing technology using modern non-invasive methods. High-precision 3D scanning and computed microtomography have been carried out, enabling detailed visualization of the object's external and internal structure, revealing hidden defects and micro-cracks, and clearly delineating the boundaries between the original mammoth tusk and materials from previous restorations. The results have provided a basis for developing an optimal strategy for the object's further restoration, ensuring its long-term preservation and preparation for museum exhibition. The created virtual 3D model opens up possibilities for the subsequent reconstruction of the rod's original appearance, accurate flattening of the ornament onto a plane, and detailed analysis of the structure and arrangement of the pits. This research represents the first stage of a comprehensive study of the artifact, which will later include AMS dating to refine its chronological position, use-wear analysis to identify traces of manufacture and use, analysis of its spatial context, and determination of its place within the cultural-chronological framework of the Siberian Paleolithic.

Key words: Achinsk Rod, Achinsk site, Upper Paleolithic, Siberia, non-invasive methods, 3D modeling, computed tomography.

Д.В. Токтаров
«Ботай» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы
Солтүстік Қазақстан облысы, Қазақстан
Ы.С. Құрманиязов
Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті
Қызылорда, Қазақстан
toktarov.98@internet.ru

Ботай мемлекеттік тарихи-мәдени музей қорығының Ботай қонысы аумағында қорғау, сақтау жұмыстары

Ғылыми мақалада энеолит дәуіріне жататын Солтүстік Қазақстан аумағындағы ботай мәдениетін зерттеу нәтижелеріне, археологиялық ескерткіштер мен олар орналасқан тарихи ландшафттарды сақтау мәселелеріне, сондай-ақ олардың ғылыми зерттеулерін кеңінен насихаттауға арналған. Көрнекті ғалым отандық зерттеуші Виктор Фёдорович Зайберттің ботай қонысын сақтау қорғау жұмыстарының нәтижелері (есептер,жоспары мен статиграфиялық сызбалары, тарихи-библиографиялық дереккөздер) және ғылыми-реставрация жүргізу үшін алдын-ала әзірленген ғылыми-жобалық құжаттары мен ғылыми еңбектері қаралды. Ботай мемлекеттік тарихи-мәдени музей қорығы құрылғанан бастап, тарихи мәдени қорғауға байланысты бағдарламалар жиынтығы ботай қонысы аумағындағы ескерткішті сақтау, қорғау және әр жылдары жүргізілетін мониторинг жұмыстары, музейлендіру жұмыстарының заманауи нәтижелері ұсынылған. Ескерткіш аумағында Қазақстан ежелгі тарихына қатысты түрлі іс шаралар, туристерге білім беру ісі, волонтерлік жұмыстары жүргізіледі.

Түйін сөздер: археология, тарихи-мәдени мұра, Солтүстік Қазақстан, Ботай, қоныс, сақтау, қорғау.

Ботай археологиялық мәдениеті және қонысы – энеолит дәуіріндегі Солтүстік Қазақстан даласын мекендеген тайпалардың мәдениеті. Қазіргі Солтүстік Қазақстан облысы, Айыртау ауданы, Никольское ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 1,5 шақырым жерде орналасқан (сур. 1). Ботай қонысын 1980 ж. Солтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясы көрнекті ғалым тарих ғылымдарының докторы, археология ғылымдарының профессоры, Герман археологиялық институтының корресподент мүшесі Виктор Фёдорович Зайберт алғаш ашып, оны ғылыми айналымға енгізді (Зайберт, 1993, 20-35).

Сур. 1. Ботай қонысының аумағы әуеден көрінісі Ботай мемлекеттік тарихи-мәдени музей қорығы архиві 2021 жыл.

«Ботай» бірнеше жыл бойы жылқыларды қолға үйрету мен Орталық Азиядағы жайылымдық қоғамдардың пайда болуын түсінудегі басты ескерткіш болып саналады.

1980-2021 жж. В.Ф. Зайберттің жетекшілігімен жүргізілген зерттеу жұмыстарының қорытындысы бойынша Ботай қонысынан алынған материалдарды жан-жақты зерттей келе энеолит дәуірінде Қазақстан мен Орал-Ертіс өзен аралығында ежелгі ботай мәдениетінің тұрғындары бүкіл әлем тарихында ең алғаш жаяу коммуникациядан атқа көшкенін анықтады (Зайберт, 1985, 3-17;).

Қазба жұмыстарының алғашқы қорытындылары алғашқы жылдары Еуразиялық археология мамандарын керемет таңғалдырды. 1983 жылы Ботайда Бүкілодақтық археологиялық семинар ұйымдастырылып, оған Мәскеу, Ленинград, Киев, Челябинск, Самара, Екатеринбург, Новосибирск, Красноярск, Алматы, Қарағанды, Қостанай және Кеңес одағының басқа қалаларынан келген байырғы археология мамандары қатысты. Ботай қонысынан кейін соның зерттеу материалдары негізінде ботайлық мәдениеттің басқа да нысандары: Рощинск, Баландино, Сергеевка, Красный Яр, Васильковка қоныстары ашылды. Бұлардың барлығы археологиялық қазба жұмыстары арқылы көп жылдар бойы зерттелді Көрнекті ғалым профессор Виктор Зайберттің 2000-2021 жж. кешенді басшылығымен Ботайдағы зерттеулер бірнеше ғылыми еңбектер шығарылды (Зайберт, 2009, 15-20; Зайберт, 2011).

1984–1990 жылдар аралығында Солтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының (СҚАЭ) ұжымы Ботай қонысына байланысты материалдарды зерттеу барысында бірқатар жетістіктерге қол жеткізіп, көптеген ғылыми жұмыстар жариялады. Солардың ішіндегі ботай мәдениетінің баспаналарының архитектурасын, музейлендіру жұмыстарын, эксперминтальды үйлер орындарын тұрғыз мәселесін А.М.Кисленко орналасуын зерттеді (Зайберт және т.б., 1983, 141-183)

Қазақстан егемендік алғаннан кейін, 90-шы жылдардың басында, қоныс- ескерткішті бірге зерттеу мақсатында алыс-жақын шетелдерден маман-ғалымдар шақырыла бастады. Ботай қоныс-мекеніне Англия, Америка, Германия ғалымдары келді. Осындай бірлесіп жұмыс істеудің нәтижесінде 1994 жылы В. Зайберт Ботай тақырыбы бойынша Ұлыбританияның бірқатар беделді университеттерінде (Кембридж, Оксфорд, Белфаст, Нью-Касл) дәрістер оқылды.

Алғаш қазақ даласында жылқы малының қолға үйретуге байланысты Алан Оутрам (Эксетер, Ұлыбритания) ұйымдастырған халықарылақ команда мүшелері Робин Бендри (Винчестер, Ұлыбритания) және Алексей Каспаров (РҒА, Ресей), Хелана Райан (Эксетер, Ұлыбритания) және Леонид Чинделевич (Симон Фрейзер, Канада), Анджела Перри (Макс Планк, Лейпциг, Германия) және Ардерн Халме Беаман (Абердин, Ұлыбритания), Мария Кусулакоу (Кембридж, Ұлыбритания), Айви Оуэнс (Кембридж және Эксетер, Ұлыбритания) т.б ғалымдар археологиядағы жаңа әдістерді пайдалана отырып кешенді талдап зерттеп және жоғарғы рейтингті журналаларда нәтижелері жарияланып келеді (Gaunitz Ch., Zaibert V.F., Hanghoj K., Alan K. Outram, 2018: 111-114; Оутрам, Құрманиязов, 2023:384-407).

Қазіргі таңда Ботай қонысы жайлы Солтүстік Қазақстанның ежелгі тарихы Ботай қонысының ұзақ жылғы зерттеуіне арналған «Энеолит Урало-Иртышского междуречья» (1993), «Тайны древней степи» (2007), «Ботай мәдениеті» (2009), «Ботай – у истоков степной цивилизации» (2011), «Атбасарская культура: Материалы и исследования по археологии» (2012) Казахстана. – Астана, 2012. –Т. 1. – 352 с., «Сакральные контексты ботайской культуры» (2018), «Ботай» монография қазақ, орыс, және ағылшын тілінде (2021) жылдары еңбектері жарық көрген.

Көп жылғы кешенді зерттеулер нәтижесінде жиналған археологиялық материалдарды ескере отырып, Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрлігінің «Ботай» мемлекеттік тарихи-мәдени музей қорығы Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2018 жылғы 30 наурыздағы №150 қаулысымен құрылған. 2018 жылғы 13 тамызда мемлекеттік тіркеуден өтіп, «Ботай» мемлекеттік тарихи-мәдени музей қорығы ғылыми қызметін бастады.

Ботай мемлекеттік тарихи-мәдени музей қорығы негізгі қызметі – тарихи-мәдени мұра нысандарын қорғау және сақтау мақсатында ғылыми-зерттеу, мәдени-біліми және туристік қызметтерді ұйымдастыру, Қазақстанның тарихи және рухани ескерткіштерін зерттеп, сақтау болып табылады.

Музей қорықтың негізгі нысаны Ботай қонысы Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2008 жылғы 21 наурыздағы № 279 қаулысымен «Ботай қонысы» археологиялық ескерткіші республикалық маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштері тізіміне енген археология ескерткіші және 2017 жылы Қазақстанның киелі орындарының географиясы энциклопедиялық

жинағында Табиғат, археология, этнография және діни сәулет өнері нысандарының тізіміне киелі орындарының Ботай қонысы енгізілген (Зайберт, 2018, 25-30).

Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігі Мәдениет комитетінің Ботай мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы» республикалық мемлекеттік қазыналық кәсіпорны қазіргі таңда тарихи және мәдени ескерткіштерді ғылыми қалпына келтіру жұмыстарына және археологиялық жұмыстарға 2021 жылғы 28 маусымдағы № 21021307 мемлекеттік лицензиясы бар ұйым.

Ботай қонысын Виктор Зайберттің жетекшілігмен жүргізілген зерттеулер және сақтау қорғау жұмыстары арқасында Көкшетау мемлекеттік табиғи қорығының Айыртау филиалының Сулы орман шаруашылығынан Ботай қонысы мұражай-археологиялық кешені үшін демалыс және туристік іс-шараларды жүзеге асыру мақсатында ұзақ мерзімді пайдалануға 62,5 гектар жер учаскесі бөлінген болатын. 2001-2002 жылдары бөлінген аумақтың айналасына ұзындығы 3600 метр ағаш қоршау орнатылып, қорғаныш белдеуі отырғызылды (сур. 2). Табиғи ландшафтты қорғау үшін шағын шатқалдар ішінара қалпына келтіріліп, жағалаудағы жартастар аймағында қорғаныс қазбалары жүргізілген болатын (Зайберт және т.б., 2007: 22-33).

Сур. 2. Ботай қонысы сақтау қорғау шаралары В.Ф.Зайберттің жеке архиві 2002-2008 жж.

Кейінгі жылдары сақтау қорғау жұмыстары 2023 жылы Көкшетау мемлекеттік табиғи қорығы мен Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігі Мәдениет комитетінің «Ботай» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы Ботай музей-археологиялық кешенінде туризм іс-шараларын жүзеге асыру үшін 62,5 гектар жер учаскесін 25 жылға дейін ұзақ мерзімді, ақылы пайдалану туралы 2023 жылғы 16 қаңтардағы №1 келісімге қол қойылған болатын (Курманиязов және т.б., 2025:298-299; Зайберт, 2020).

Қорғалатын аумақтар ұйымдастырылғаннан кейін көп ұзамай археологиялық ескерткіштерді сақтаудың негізгі міндеттерінің бірі – мониторинг жүргізу екендігі айқындалды. Мониторинг дегеніміз – ескерткіштер мен ландшафттардың жай-күйін жүйелі түрде бақылап, тұрақты тексеріп отыруды білдіреді.

2018 жылдан бастап қорық аумағында қорғалатын нысандардың ерекшеліктеріне негізделген мониторинг тәжірибесі енгізілді. Бұл нысандар археологиялық ескерткіштердің табиғи ландшафтпен тығыз байланыста болуымен сипатталады және мониторинг жұмыстары табиғи ортаны қалпына келтіруге әрі тарихи мұраны сақтауға бағытталған.

Мониторинг шеңберінде жыл сайын барлық қорғалатын нысанға музей қорықтың ғылыми далалық экспедициялар ұйымдастырылады. Экспедиция барысында аумақтарға визуалды тексеру жүргізіліп, фототіркеу жасалады, барлық археологиялық нысандардың сақталу жағдайы

бағаланады, сондай-ақ түрлі себептермен жер бетіне шығып қалған көне заттар жиналып, есепке алынады. Сонымен қатар белгілі бір кезеңдерде ескерткіштердің конструктивтік элементтерінің сақталу деңгейі мен өсімдік жамылғысының жай-күйі туралы актілер жасалады. Бұл актілерде өсімдіктердің түрлік алуандығы, проективтік жамылғы деңгейі, жайылымдық деградация кезеңі және басқа да көрсеткіштер қамтылады. Сондай-ақ құжаттарда табиғи апаттар мен антропогендік ықпалдар нәтижесінде нысандарда орын алған өзгерістер тіркеледі.

2021-2023 жылдары «Ботай» мемлекеттік тарихи-мәдени музей қорығы тарапынан ҚР МСМ қаржыландыратын «Ботай қонысында археологиялық ғылыми- эксперементтік зерттеулер және қамтамсыз ету жүйелерін ботай мәдениеті тайпаларының дүниетанымдық-киелі контекстерін модельдеу» жобасы іске асырылып, Ботай қонысында кешенді қазба жұмыстары және ашық аспан астындағы музейдендіру жұмыстары қоса атқарылды. Қазіргі таңда қоныс аумағында 2021-2022 жылдары Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат министрлігі Мәдениет комитетінің «Қазқайтажаңарту» шаруашылық жүргізу құқығындағы республикалық мемлекеттік кәсіпорнының Ғылыми-зерттеу және жобалау филиалы қайта қалпына келтірілген ашық күйдегі қымызхана тұрғын үйі және жабық ботай үйімен танысуға болады (Дәрменов және т.б., 2025: 115-125). 2023 жылы ботай қызметкерлері тарапын «Ботай қонысында археологиялық ғылыми- эксперементтік зерттеулер және қамтамсыз ету жүйелерін ботай мәдениеті тайпаларының дүниетанымдық-киелі контекстерін модельдеу» жобасы аясында тағы ботай үйі тұрғызылып туристерге қызметін жасап тұр (Құрманиязов және т.б.,2023: 45-55).

Ботай мемлекеттік тарихи-мәдени музейіндегі қарамағындағы Ботай қонысын аумағындағы қорғау нысанына төмендегілер жатады:

1. Мәдени қабат – жер астында сақталған барлық археологиялық қалдықтар: жерлеу орындары, сәулеттік құрылыстардың іздері, салттық және еске алу рәсімдеріне байланысты нысандар, соның ішінде әртүрлі археологиялық артефактілер.

2. Жер бетінде көрінетін көне құрылыстардың қалдықтары – қорғаныс және тұрғын үй құрылыстарының үйінділері қаралады.

3. Ботай қонысының ескерткіш орналасқан табиғи ландшафт

Жалпы алғанда, қорық ісінде құқықтық сипаттағы көптеген ерекшеліктер мен нюанстар кездеседі. Жоғары атап өткендей, Ботай қонысы мемлекеттік ұлттық парктің жанында орналасқандықтан, қорық қызметкерлері тығыз қарым-қатынаста жұмыстар сақтау қорға жұмыстары жүргізіледі. Сондықтан Ботай қонысы аумағы ерекше қорғалатын аумақтар мен объектілер мәртебесіне ие.

Ботай мемлекеттік тарихи-мәдени музей қорығы қорығына археологиялық ескерткіштерді сақтау, зерттеу және көпшілікке таныстыру міндеттері жүктелген.Қорық қызметкерлері жыл сайын археологиялық ескерткіштердің және олар орналасқан табиғи ландшафттардың жай-күйіне мониторинг жүргізеді. Сонымен қатар, қорық аумағында заңсыз шаруашылық қызметтің алдын алу шараларын жүзеге асырады, мәдени мұра нысандарының шекараларын анықтайды, қорғау және ақпараттық белгілер орнатады. Сондай-ақ қорық тарихи-мәдени мұра нысандарын қорғау және пайдалану мәселелері бойынша басқа мекемелермен және ведомстволармен өзара ынтымақтастық орнатады, соның ішінде ғылыми-зерттеу қызметі аясында бірлескен жұмыстар жүргізеді.

Ботай қонысы жүргізілген мониторинг тәжірибесі мәдени мұра ескерткіштерін сақтау және олардың табиғи ортасын қалпына келтіру үшін келесі шараларды жүзеге асыру қажеттігін көрсетті:

1.Жергілікті муниципалдық органдармен және тұрғындармен тұрақты түрде жұмыс жүргізу;

2.Археологиялық қазба орындарын ғылыми негізде рекультивациялау (микрорельефті және топырақ жамылғысын қалпына келтіру);

3.Жыртылған жерлерде дала өсімдіктері мен топырақ жамылғысын қалпына келтіру мақсатында жер бетіне шымды астық тұқымдас өсімдіктерді себу. Шымды астық тұқымдастар арамшөпті әртүрлі шөптердің шамадан тыс өсуін шектеп, археологиялық ескерткіштерді жел эрозиясынан қорғайды;

4.Қорғау белгілері мен ақпараттық стендтердің жай-күйін тұрақты бақылау;

5.Жүйелі түрде бақылау жүргізу (егерлік қызмет ұйымдастыру ұсынылады);

6.Тұрмыстық қалдықтардан тазарту жұмыстарын жүргізу.

Ботай мемлекеттік тарихи-мәдени музей қорығы қызметкерлері тарапынан ЮНЕСКО-нің дүниежүзілік мұра тізіміне нысандарды енгізу критерийлері бойынша ғылыми жұмыстар жүргізілуде.

Ботай қонысы мәдениетін көп жылдан бері зерттеуші көрнекті ғалым Алан Оутрам қазақстандық-британдық зерттеушілердің ботайлық мәдениет туралы бірлескен жұмыстарын былай

сипаттайды: «Ботай» көп уақыттан бері Орталық Азияда жылқылардың қолға үйретілуін және жайылымдарға қатысты қауымдардың пайда болуын түсіну жағдайында ең басты нысандардың бірі болып табылады. Ботайдағы зертеу жұмыстары профессор Виктор Зайберттың үздіксіз жетекшілігімен көптеген елдердің ғалымдары, соның ішінде Германия, АҚШ, Ұлыбритания. Ресей, Франция, Дания, Қытай, Литваның мемлекеттерінің жетекші мамандары қатыстырыла отырып жүзеге асырылды. Ботай археологиялық халықаралық экспедициясының 40 жыл бойы үздіксіз жүргізілген зерттеу жұмыстары барысында Ботай қонысынан өте бай археологиялық материал және бірқатар шетел ғалымдарының ғылыми ізденістері мен зерттеулері Қазақ елінің ежелгі тарихына қатысты бірталай ғылыми жаңалықтар ашты.

Ботай мемлекеттік тарихи-мәдени музей қорығы осындай құнды тарихи мұраны қорғау сақтау келесі ұрпаққа жеткізу аса маңызды. Ескерткіштің аумақтары тұрақты мониторинг жүргізіліп, қорғау шаралары дер кезінде қабылданған жағдайда тарихи және табиғи мұраны кешенді түрде сақтау міндеттерін атқаратын қорықтық аймақтарға айналуы мүмкін. Сонымен қатар бұл аумақтар дала белдеуіндегі табиғи ортаны қалпына келтіру мүмкіндігін қамтамасыз ететін биоалуантүрліліктің резерваттары ретінде қызмет етіп, ежелгі қоғамдар мен қоршаған ортаның өзгерістері туралы ғылыми білімнің маңызды дереккөзі бола алады.

Әдебиеттер тізімі

Зайберт В.Ф., Тюлебаев А.Ж., Задорожный А.В., Кулаков Ю.В. Тайны древней степи. (Исследования поселения Ботай в 2004-2006 гг.). Коллективная монография. – Кокшетау: Издательский центр Кокшетауского университета, 2007. – 163 с.

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы: «КазАкпарат», 2009. 566 с.

Зайберт В. Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993. - 246 с.

Зайберт В.Ф. Ботай у истоков степной цивилизации. Книга-альбом. Алматы: Балауса, 2011. 480 с.

Зайберт В.Ф. Поселение Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Межвузовский сборник. –Челябинск, 1985. С.3-17.

Gaunitz Ch., Zaibert V.F., Hanghoj K., Alan K. Outram Ancient genomes reveal the ancestry of modern domestic horses and the feral origins of Przewalski’s horses // Science. 2018. p.111-114.

Зайберт В.Ф., Кисленко А.М., Иванов И.В. О реконструкции ботайских жилищ // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. – Барнаул, 1983, С. 141-143.

Зайберт В.Ф. Сакральные контексты Ботайской культуры / - Астана: 2018. Казахский научно-исследовательский институт культуры монография.-380 с.

Зайберт В.Ф. «Ботай».- Алматы: «Балауса баспасы» 2020. 480 бет, қазақ, орыс ағылшын тілінде.

Оутрам А.,Құрманиязов Ы.С. Роль Ботайской культуры и специализированного скотоводства в двух этаппном процессе одомашнивания лощади // Отан тарихы журналы -2023. №2 (26) С.384-407.

Дәрменов Р.Т.,Тәжекеев Ә.Ә., Құрманиязов Ы.С., Сұлтанжанов Ж.Қ., 2021 жылы Ботай қонысында жүргізілген ғылыми қайта қалпына келтіру жұмыстарының нәтижелері // Қазақстан Археологиясы журналы №3. (17) 2022. 115-125 бб.

Құрманиязов Ы.С. Шакшаков К.Ғ., Тихонов Ю.Б. Ботайская археологическая экспедиция в 2021 г. // Мәдениет Ғылым Қоғам Ғылыми танымдық журналы Астана, 2023., №4. 45-55 бб.

Курманиязов Ы.С., Абильмаликов К.К., Шакшаков К.Г. Перспективы изучения Ботайской культуры: история исследования и этапы музеефикации ботайских памятников // Журнал Археология Евразийских степей №2., 2025 С. 294-306

D.V. Toktarov, Y.S. Kurmaniyazov

Works of the State Historical and Cultural Museum Reserve.
Botai for the protection and preservation of the territory of the Botai settlement

The scientific article is devoted to the results of the study of the Botai culture in the territory of North Kazakhstan, dating back to the Eneolithic era, the issues of preserving archaeological monuments and historical landscapes located there, as well as the widespread promotion of their scientific research. The results of the work on the preservation and protection of the Botai settlement by the prominent scientist,

domestic researcher Viktor Fyodorovich Seibert (reports, plans and stratigraphic drawings, historical and bibliographic sources) and the preliminary scientific and project documents and scientific works developed for scientific and restoration were reviewed. Since the establishment of the Botai State Historical and Cultural Museum Reserve, a set of programs related to historical and cultural protection has been presented, including the preservation, protection of the monument in the territory of the Botai settlement, and the modern results of monitoring work carried out in different years, museumization work. Various events related to the ancient history of Kazakhstan, educational work for tourists, and volunteer work are held on the territory of the monument.

Key words: archeology, historical and cultural heritage, North Kazakhstan, Botai, settlement, preservation, protection.

Д.В. Токтаров., Ы.С. Құрманиязов

Работы государственного историко-культурного музейного заповедника. Ботай по охране и сохранению территории поселении Ботай

Научная статья посвящена результатам изучения ботайской культуры на территории Северного Казахстана, относящейся к энеолиту, вопросам сохранения археологических памятников и исторических ландшафтов, в которых они расположены, а также широкому распространению их научных исследований. Рассмотрены результаты работы по сохранению и охране ботайского поселения, проведённой видным учёным, отечественным исследователем Виктором Фёдоровичем Зайбертом (отчёты, планы и стратиграфические чертежи, историко-библиографические источники), а также предварительные научно-проектные документы и научные работы, разработанные для научно-реставрационных целей.

С момента создания государственного историко-культурного музейного заповедника «Ботай» представлен комплекс программ по историко-культурной охране, текущие результаты работ по сохранению, охране и мониторингу, проводимых в разные годы на территории ботайского поселения, музейной работы. Осуществляются мероприятия на памятника, это просветительская работа для туристов и волонтерская деятельность связаны изучении древнего культуры Казахстана.

Ключевые слова: археология, историко-культурное наследие, Северный Казахстан, Ботай, поселение, сохранение, защита.

А.М. Скоробогатов
Институт истории материальной культуры
Российской Академии наук
Санкт-Петербург, Россия
a.m.skorobogatov@mail.ru

Появление производящего хозяйства в Доно-Волжском регионе (степь – лесостепь). Современное состояние проблемы*

Доно-Волжский регион в границах степной и лесостепной зон Восточной Европы расположен в достаточном отдалении от первичных центров одомашнивания животных и растений, поэтому появление производящего хозяйства здесь рассматривается исключительно как привнесенное извне явление. Долгое время процессы распространения элементов скотоводческого уклада в экономике Понто-Каспийского степного региона связывались с неолитической эпохой в рамках VI тыс. до н.э. Критика источника, основанная на современных данных, оставила эту традицию в историографическом прошлом. К настоящему времени все более очевидно, что появление производящего хозяйства в регионе следует считать достижением эпохи энеолита, и датировать периодом не ранее начала V тыс. до н.э. В публикации на основе данных, полученных с бытовых и погребальных памятников (результаты абсолютного датирования, археозоологии, липидного анализа нагаров на керамике) приводятся актуальные сведения о начале распространения элементов производящего хозяйства в степи и лесостепи Доно-Волжской территории. Делается вывод о более раннем появлении скотоводства в Поволжье, чем в Подонье.

Ключевые слова: энеолит, производящее хозяйство, скотоводство, Подонье, Поволжье, степь, лесостепь.

Доно-Волжские степи, занимая южную и юго-восточную часть Восточно-Европейской равнины, в силу своего географического положения, в неолите – бронзовом веке (VI-II тыс. до н.э.) выступал проводником достижений человечества как с Кавказа, так и из Средней Азии, через развитую речную систему, в более северные, глубинные территории региона. В рамках нашей темы это касается, прежде всего, распространения производящих форм экономики, для позднего неолита - энеолита (конец VI - IV тыс. до н.э.) представленных исключительно скотоводческой направленностью.

Среди советских, российских и украинских исследователей долгое время преобладала идея о появлении и дальнейшем распространении скотоводства в Понто-Каспийских степях, начиная с ранненеолитической эпохи, о чем свидетельствовали остатки фауны с таких опорных памятников, как Каменная Могила 1 в Приазовье (Даниленко 1986; Котова и др. 2017) Матвеев Курган I (Крижевская 1992), Ракушечный Яр (Белановская 1995). Это нашло отражение как в региональных (Моргунова 1995; Котова 2002; Юдин 2004; Цыбрий 2008), так и в обобщающих работах (Неолит … 1996: 72; Радиоуглеродная хронология … 2004: 8-11, 32-36), где процесс неолитизации связывался не только с появлением первой керамики, но и с распространением домашних животных.

О том, что кости животных с неолитических бытовых памятников, соотносимые ранее археозоологами с домашними видам (бык, овца/коза, свинья, лошадь), зачастую принадлежали дикой фауне, либо попали в слои новокаменного века из более поздних отложений, начали писать относительно недавно. Критический анализ источника (как археозоологического, так и палеоботанического) мы видим в работах, основанных на материалах Буго-Днестровского междуречья и Поднепровья (Гаскевич и др. 2020; Kiosak 2024), Доно-Донецкого региона (Мотузайте-Мотузевичюте, Телиженко 2009; Motuzaite-Matuzeviciute 2012), Нижнего (Bondetti et al. 2021) и Среднего (Скоробогатов, Рослякова 2025) Подонья, Нижнего Поволжья (Выборнов и др. 2019). Становится все более очевидным, что основной признак неолитизации в регионе, все же – начало керамического производства, а появление домашних животных надо связывать с эпохой энеолита. Однако и для начальных этапов эпохи палеометалла в вопросах распространения производящего хозяйства остается много проблемных и дискуссионных моментов. Рассмотрим их более подробно.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-01292) «Становление и развитие производящего хозяйства на Среднем Дону в эпоху энеолита».

Вопросы терминологии и эпохальной сущности эпохи энеолита для степи и лесостепи Доно-Волжского региона.

Первую целостную картину развития археологических культур позднего неолита – раннего энеолита Днепро-Доно-Волго-Уральского междуречья разработал И.Б. Васильев, объединив их в Мариупольскую культурно-историческую область (Васильев 1981; Васильев, Синюк 1985). С тех пор ведутся споры и дискуссии об эпохальной принадлежности культур, общий отличительный признак которых – керамика с внешним утолщением венчика (воротничком). Часть ученых во главу угла ставят наличие на памятниках раннего энеолита металла как такового, другая часть – типы металлических изделий и их функциональную принадлежность (энеолит начинается не просто с распространением первых медных изделий - как правило, это украшения, а с появлением металлического оружия и орудий ударного действия). Еще одна большая группа исследователей не строит жестких привязок к наличию металла на самих археологических памятниках, а выделяет ряд признаков в материальной и духовной культуре населения степных и лесостепных культур региона, позволяющих их относить к начальной стадии энеолитической эпохи. Здесь главный критерий – хронологический, т.к. эти культуры не должны быть древнее земледельческих и обеспеченных металлом культурных образований круга Триполье-Кукутени (не ранее первой половины V тыс. до н.э.). Заметим, что металлургические признаки для наших территорий не работают – при таком подходе Хвалынские могильники, где встречены только медные украшения, должны относится к неолиту, а для поселений культур позднего энеолита (алтатинская, репинская) металл вообще неизвестен. В тоже время трасологически засвидетельствовано использование металлических орудий на кости и камне с раннеэнеолитических памятников (грунтовый могильник Голубая Криница, стоянка Черкасская-3, Средний Дон) с надежным стратиграфическим и хронологическим контекстом (Березуцкий и др. 2011; Малютина и др. В печати).

В свете современных данных становится очевидным, что один из надежных критериев отнесения материалов к эпохе раннего энеолита рассматриваемой территории – появление среди материалов памятников костей домашней фауны.

Вопросы хронологии и локализации путей распространения первых домашних животных в регионе.

В силу своего географического положения и природно-климатических особенностей Доно-Волжские степи являются территорией, куда одомашненные виды животных попадали исключительно из соседних регионов (не касаемо таких видов, как лошадь и собака). Традиционно это несколько направлений: западное (территории к западу от Днепро-Донского междуречья), Кавказское (включая восточную часть Кавказских гор, выходящих к западному побережью Каспия) и Восточно-Прикаспийское, или Среднеазиатское.

Н.С. Дога в своем диссертационном исследовании значительное внимание уделила вопросу появления производящего хозяйства в Степном (Нижнем) Поволжье, критически проанализировав возможности каждого из имеющихся географических направлений, и пришла к выводу, что приоритетным вектором для раннего энеолита Поволжья является западный, Днепро-Донской (Дога 2024: 22-23). По мнению же А.А. Выборнова и его соавторов, первые домашние животные в регионе Нижнего Поволжья (МРС) могли появиться с территории Иранского нагорья, по пути вдоль восточного побережья Каспия; однако эти исследователи не исключают и вариант западного побережья Каспия, связанного с Закавказьем (Выборнов и др. 2025: с. 99-100). Рассмотрим эту проблему с позиции имеющихся хронологических разработок и самого важного в этом отношении источника – костей животных домашних видов.

Ранний энеолит Нижнего Подонья для многих специалистов ассоциируется с 5-4 слоями (стратиграфия по Т.Д. Белановской) поселения Ракушечный Яр. Сейчас, благодаря возобновившимся работам на памятнике, мы можем привлекать его новые материалы для решения самых актуальных проблем неолита – энеолита региона. Слои VI-Vв имеют современные абсолютные датировки от 5620-5520 до 5410-5310 л. до н. э., а слои Va-IV охватывают период от 5474-5046 до 5010-4549 л. до н. э. (Скоробогатов и др. 2025: 74-75). Разумеется, несмотря на уникальность памятника, стратиграфию его верхних слоев (выше раковинного слоя V) не стоит рассматривать как некий эталон, что уже отмечалось в печати (Долбунова и др. 2022: 116; Скоробогатов и др. 2025: 75). Несмотря на стратиграфические нюансы, самая ранняя кость овцы с поселения (данные ZooMS-анализа, выборка из 18 образцов из разных слоев памятника) продатирована временем 44-43 вв. до н.э. (Bondetti et al., 2021: 141). Интересно, что дата по кости КРС со стоянки Черкасская-3 на Среднем Дону из слоя среднестоговской культуры занимает схожий интервал (5358 ± 35 BP (4328-4053 Cal BC), GV-5760).

Для энеолита степного Поволжья и Северного Прикаспия есть свои эталонные поселенческие памятники. Основываясь на их материалах, самарские археологи датируют прикаспийскую культуру раннего энеолита интервалом 5400-5100 ВС, последующую хвалынскую 4900-4400 лет ВС для Северного Прикаспия. Период 4900-4800 лет ВС отводится для прикаспийской культуры и 4700-4200 лет ВС для хвалынской культуры степного Поволжья (Дога 2024: 6-7; в некалиброванных значениях (л.н.) см. Выборнов и др. 2025: 95-96). Не вдаваясь в вопрос обоснованности такой хронологии, отметим, что имеется датировка непосредственно костей домашних животных с памятников Прикаспия (Таскудук, Кара-Худук), указывающих на наличие овцы уже с хроноинтервала последней четверти VI - начала V тыс. до н.э. (Дога и др. 2025: 55), а костей КРС и МРС для первой половины V тыс. н.э. (Выборнов и др. 2019: 362). Разумеется, имеется некоторый скепсис относительно древнейших дат костей домашних животных с территории Северного Прикаспия. Так, для образца с Таскудука не проводился ZooMS-анализ и нет данных стабильных изотопов, а даты с поселения хвалынской культуры Кара-Худук, полученные в Санкт-Петербурге жидкостно-сцинтилляционным методом, значительно древнее AMS-дат, полученным по костям животных с Хвалынских могильников и синхронны датировкам поздних могильников мариупольского типа.

Одни из самых ранних датировок домашней фауны региона имеются в материалах грунтового могильника раннего энеолита Екатериновский мыс (Кочкина и др. 2024). Особый интерес вызывает комплекс погребения 45, уникальность которому придает не только яркий инвентарь, но и нахождение в могильной яме, на мужском костяке, скелета жертвенного животного - козленка в возрасте 3-4 месяцев (Королев и др. 2018). Дата по зубу козы составляет 4550-4450 Cal BC (Anthony et al. 2022: 28), что по времени близко к Хвалынским I-II могильникам. А вот зуб овцы из погребения 101 показал очень раннее абсолютное значение в пределах 5028-4798 Cal BC, что на четверть тысячелетия древнее дат остальных образцов костей животных из могильника (там же: 28).

Варианты использования первых домашних животных в регионе.

Если обратиться к данным грунтовых могильников, ту наблюдается интересная особенность. Для Поволжья с раннего энеолита, судя по материалам Съезженского могильника, характерно наличие жертвенников с костями лошадей (Васильев, Матвеева 1979), в погребениях могильника Екатериновский мыс уже появляются первые домашние жертвенные животные либо их фрагменты, сопровождающие погребенных (Кочкина и др. 2024). В сменяющих их Хвалынском I-II некрополях в качестве жертвенных приношений учтена 151 особь млекопитающих: 70 % МРС, 19 % КРС и 11 % лошадей (Anthony et al. 2022: 18. Tab. 2). Для Днепро-Донского региона прослеживается совершенно иная картина: из всего массива могильников мариупольского типа лишь в Лысогорском могильнике в большом охристом пятне обнаружены кости животных, но без их видового определения (Телегин 1991: 73-74). Для последующего, среднестоговского/ новоданиловского времени, ситуация там кардинально не меняется. Немаловажно, что в предшествующих, неолитических захоронениях с этой обширной территории (Днепро-Доно-Волжский регион) традиция сопровождать жертвенными животными захоронения отсутствовала (ранние могильники мариупольского типа, погребения на поселенческих памятниках Варфоломеевка, Ракушечный Яр, Плаутино 2 и др.).

Важную работу провел коллектив самарских исследователей, благодаря которой мы имеем представление о соотношении диких и домашних животных на бытовых памятниках в Нижнем Поволжье на протяжении VII-V тыс. до н.э. И если в раннем энеолите (прикаспийская культура) процент домашних животных, представленных исключительно МРС, в авторской выборке памятников, не превышал показателя в 50% от общего количества по числу особей, то уже для развитого энеолита (хвалынская культура) кости МРС превышают этот показатель (Выборнов и др. 2025: рис. 3). Т.к. виды диких животных в остеологических коллекциях этих памятников в энеолите значительно сокращаются, то мы можем предполагать, что основным источником мясной пищи становятся домашние животные. В лесостепной зоне для энеолитических поселений доля домашних видов составляет от 30 % на Лебяжинке VI до буквально единичных костей МРС и КРС на Черкасской-3 (верхний и средний слой), либо вообще при их полном отсутствии, как на Лебяжинке III (Korolev et al. 2018), на Черкасской-3 в слое с находками раннего энеолита (Скоробогатов, Рослякова 2025), на Васильевском Кордоне-27 (Смольянинов и др. 2017). Вероятно, наземные и водные ресурсы лесостепи Доно-Волжского региона позволяли энеолитическому населению в V-IV тыс. до н.э. не переходить к кардинальной смене хозяйственного уклада. В этом отношении правдоподобной выглядит точка зрения, что население лесостепи в этот период обменивало у южных скотоводов меха на скот, т.к. «круглогодичное содержание крупного и мелкого рогатого

скота требовало бы его обеспечения зимними кормами», либо приходилось бы перегонять скот на доступные пастбища. Домашних животных содержали какое-то время в теплое время года, и съедали до наступления зимы (Рослякова и др. 2025: 153).

Газохроматографический анализ нагаров на энеолитической керамике указывает на возможное употребление молочной продукции животного происхождения энеолитическим населением (Korolev et al. 2018; Выборнов и др. 2019; Платонова, Скоробогатов 2026). Однако для подтверждения данного предположения необходим изотопный анализ содержания в нагаре кислот C16-C18, который для энеолитических образцов Доно-Волжского региона не проводился.

Заключение. В ходе работ последних лет, с применением результатов естественно-научных данных, значительно расширились наши знания о появлении и дальнейшем развитии производящего хозяйства в Доно-Волжском степном и лесостепном регионе. Наиболее вероятное время появления первых домашних животных относится к началу V тыс. до н.э., что связано с переходом к эпохе палеометалла. Более ранние свидетельства необходимо тщательно анализировать и подвергать дополнительным проверкам. В свете актуальной источниковой базы Волжский регион пока выглядит как место с более ранним появлением домашних животных в материалах поселенческих и погребальных памятников, по сравнению с Донским. Сказать что-то конкретное о возможных путях появления первой доместицированной фауны (среднеазиатский, по восточному берегу Каспийского моря, либо Кавказский, по западному берегу Каспия или восточному Черного моря) в регионе можно будет только послед проведения дополнительных анализов остеологического материала (ZooMS, палеоДНК, большой массив AMS датировок). Именно в этом направлении видится решение накопившихся проблемных вопросов по теме исследования.

Список литературы

Белановская Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. Поселение времени неолита-энеолита Ракушечный Яр. СПб: СПбГУ, 1995. 200 с.

Березуцкий В.Д., Килейников В.В., Скоробогатов А.М. Погребение Мариупольского типа на Среднем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 14 / Отв. ред. И.В. Федюнин. Воронеж: ВГПУ, 2011. С. 76–88.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: Издательство КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1981. 129 с.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // Советская археология. 1979. №4. С.147-166.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи (вопросы происхождения и периодизации культур). Куйбышев: КГПИ, 1985. 118 с.

Выборнов А.А., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Платонов В.И. Время появления производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2019. №2. С. 359–368.

Выборнов А.А., Дога Н.С., Косинцев П.А., Кузнецов П.Ф., Рослякова Н.В. Динамика соотношения промысловых и домашних животных в VII-V тысячелетии до н.э. на территории Нижнего Поволжья // Stratum Plus. 2025. № 2. С. 91-103. DOI: https://doi.org/10.55086/sp25291103

Гаскевич Д.Л., Ендо Е., Насу Х. Нові археоботанічні дослідження кераміки субнеолітичного поселення Базьків Острів на Південному Бузі (із використанням Replica-SEM методу) // Археологія і давня історія України. Вип.1 (34). Київ, 2020. С. 181-191.

Даниленко В.М. Кам’яна Могила. Київ: Наукова думка, 1986. 152 с.

Дога Н.С. Энеолитизация Степного Поволжья. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самара, 2024. 25 с.

Дога Н.С., Выборнов А.А., Пархомчук Е.В., Кулькова М.А., Сомов А.В. Результаты исследования стоянки позднего неолита Таскудук в 2024 году // Археология Евразийских степей. 2025. № 4. С. 46-57. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.46.57

Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н., Амон К. Новые данные по хронологии и стратиграфии памятника Ракушечный Яр // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 42. С. 106–122. https://doi.org/10.26516/2227-2380.2022.42.106

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А., Рослякова Н.В. Уникальное погребение могильника эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс на Средней Волге // Stratum Plus. 2018. № 2. С. 285-302.

Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях, 2002. 267 с.

Котова Н., Тубольцев О., Киосак Д., Спицына Л., Махортых С., Тиннер В., Нильсен Э., Джос В. Предварительные итоги раскопок многослойного поселения Каменная Могила 1 (2011-2012 гг.) // Археология и палеоэкология степной Украины. Киев: ИА НАН Украины, 2017. С. 19-50.

Кочкина А.Ф., Королев А.И., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. Грунтовый могильник раннего энеолита Екатериновский мыс в Самарском Поволжье: материалы и исследования. Самара: СГСПУ, 2024. 328 с.

Крижевская Л.Я. Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб.: Б. и., 1992. 177 с.

Малютина А.А., Федорова Д.Н., Скоробогатов А.М. Производство и функции изделий из твёрдых органических материалов и камня стоянки неолита-энеолита Черкасская-3 на Среднем Дону // Уфимский археологический вестник. В печати.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: ИИА УрО РАН; ОГПИ, 1995. 222 с.

Мотузайте-Мотузевичюте Г., Телиженко С.А. Керамика и земледелие или только керамика? Особенности неолита бассейна Северского Донца (по материалам неолитических поселений Восточной Украины Старобельск-I и Новоселовка-III) // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы / Отв. ред. С.А. Васильев. СПб.: ИИМК РАН/МАЭ РАН, 2009. С. 143-146.

Неолит Северной Евразии / отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. 380 с.

Платонова С.А., Скоробогатов А.М. Первый опыт изучения нагаров с керамики эпохи энеолита Среднего Дона (V – начало IV тыс. до н.э.) // Самарский научный вестник. 2026. В печати.

Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб: Теза, 2004. 157 с.

Рослякова Н.В., Бачура О.П., Шаймуратова Д.Н., Аськеев И.В., Королев А.И. Жизнеобеспечение жителей поселения эпохи энеолита Лебяжинка VI по результатам комплексного изучения остеологических материалов //Археология Евразийских степей. 2025. № 1. С. 144-156. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.1.144.156

Скоробогатов А.М., Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н. Керамический комплекс нижнедонской культуры памятника Ракушечный Яр (по материалам слоя 5 раскопа I Т.Д. Беланов¬ской) // Camera praehistorica. 2025. № 1 (14). С. 70–83. DOI: 10.31250/2658-3828-2025-1-70-83

Скоробогатов А.М., Рослякова Н.В. Производящее хозяйство на Среднем Дону в неолите–энеолите: современное состояние проблемы // Археология Евразийских степей. 2025. № 6. С. 22–32. DOI: 10.24852/2587-6112.2025.6.22.32.

Смольянинов Р.В., Бессуднов А.Н., Желудков А.С., Куличков А.А., Юркина Е.С., Яниш Е.Ю. Поселение Васильевский Кордон 27 на р. Воронеж. Материалы эпохи энеолита // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 8. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 229-244.

Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа (свод археологических источников). Киев: Наукова Думка, 1991. 96 с.

Цыбрий В.В. Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Ростов-н/Д: «АПСН» СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. 199 с.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: СГУ, 2004. 200 с.

Anthony D., Khokhlov A., Agapov S., Agapov D., Schulting R., Olalde I., Reich D. The Eneolithic Cemetery at Khvalynsk on the Volga River // Praehistorische Zeitschrift. 2022. 97 (1). P. 22-67.

Bondetti M., Gonzalez Carretero L., Dolbunova E., McGrath K., Presslee S., Lucquin A., Tsybriy V., Mazurkevich A., Tsybriy A., Jordan P., Heron C., Meadows J., Craig O.E. Neolithic farmers or Neolithic foragers? Organic residue analysis of early pottery from Rakushechny Yar on the Lower Don (Russia) // Archaeological and Anthropological Sciences. 2021. No 13. 141.

Korolev A., Kulkova M., Platonov V., Roslyakova N., Shalapinin A., Yanish E. Archaeological materials of Eneolithic settlements in forest-steppe zone of the Volga region: a source for diet and chronology // Radiocarbon. 2018. Vol. 60, iss. 5. P. 1587-1596. DOI: 10.1017/rdc.2018.114

Motuzaite-Matuzeviciute G. The earliest appearance of domesticated plant species and their origins on the western fringes of the Eurasian Steppe // Documenta Praehistorica. 2012. Vol. 39. P. 1–21.

А.М. Скоробогатов

Дон-Еділ өңірінде өндіруші шаруашылықтың пайда болуы (дала – орманды дала): мәселенің қазіргі жағдайы

Шығыс Еуропаның дала және орманды-дала аймақтарында орналасқан Дон-Еділ өңірі жануарлар мен өсімдіктерді алғаш қолға үйрету орталықтарынан едәуір қашықта орналасқан, сондықтан бұл жерде өндіруші шаруашылықтың пайда болуы сырттан енген құбылыс ретінде қарастырылады. Ұзақ уақыт бойы Понто-Каспий далалық аймағы экономикасындағы мал шаруашылығы элементтерінің таралуы неолит дәуірімен, яғни б.з.д. VI мыңжылдық шеңберінде байланыстырылып келді. Алайда қазіргі деректерге негізделген деректанулық сын бұл көзқарасты тарихнамалық өткеннің еншісінде қалдырды. Қазіргі уақытта өңірде өндіруші шаруашылықтың пайда болуын энеолит дәуірінің жетістігі ретінде қарастыру қажет екені айқындалып отыр және оны б.з.д. V мыңжылдықтың басынан ерте емес кезеңге жатқызу ұсынылады. Мақалада тұрмыстық және жерлеу ескерткіштерінен алынған деректерге (абсолюттік мерзімдеу нәтижелері, археозоологиялық зерттеулер, керамикадағы күйе қалдықтарына жүргізілген липидтік талдау) сүйене отырып, Дон-Еділ өңірінің дала және орманды-дала аймақтарында өндіруші шаруашылық элементтерінің таралуының бастапқы кезеңдері туралы өзекті мәліметтер ұсынылады. Зерттеу нәтижесінде мал шаруашылығының Еділ бойында Дон өңіріне қарағанда ертерек пайда болғаны туралы қорытынды жасалады.

Түйін сөздер: энеолит, шаруашылық, мал шаруашылығы, Подонье, Еділ, дала, орманды дала.

A.M. Skorobogatov

The Emergence of a Productive Economy in the Don-Volga Region (Steppe–Forest-Steppe): The Current State of the Problem

The Don-Volga region, located within the steppe and forest-steppe zones of Eastern Europe, is quite distant from the primary centers of animal and plant domestication, which is why the emergence of a productive economy in this region is considered to be an external phenomenon. For a long time, the spread of elements of a pastoral economy in the Pontic-Caspian steppe region was associated with the Neolithic era in the 6th millennium BC. However, recent research has challenged this historical perspective. By now, it is becoming increasingly clear that the emergence of a productive economy in the region should be considered an achievement of the Eneolithic, and should be dated to no earlier than the beginning of the 5th millennium BC. Based on data obtained from household and burial sites (including absolute dating, archaeozoology, and lipid analysis of charred deposits on ceramics), the article provides current information on the early spread of elements of a productive economy in the steppes and forest-steppes of the Don-Volga region. The article concludes that pastoralism emerged earlier in the Volga region than in the Don region.

Key words: Eneolithic, productive economy, cattle breeding, Don region, Volga region, steppe, forest-steppe.

И.Е. Тюгашев, А.С. Колясникова, П.В. Чистяков, К.А. Колобова
Институт археологии и этнографии
Сибирское отделение Российской академии наук
Новосибирск, Россия
tgshgr@yandex.ru

Каменная индустрия поздних неандертальцев Чагырской пещеры: фактор сезонной вариабельности*

В 2024 г. были продолжены раскопки памятника поздних неандертальцев пещеры Чагырская в Северо-Западном Алтае. В результате работ был вскрыт участок площадью 2 м2. Археологический материал участка происходит из двух плейстоценовых слоев 6а и 6в/1. В результате зооархеологического анализа фаунистической коллекции были выявлены кости эмбрионов бизона и других копытных, что указывает на использование неандертальцами пещеры в холодный сезон (зима – начало весны). Данные предыдущих лет, полученные на других участках памятника, напротив, свидетельствовали о пребывании неандертальцев в конце лета – начале осени. Цель исследования – выявить возможное влияние фактора сезонности на характер каменной индустрии. Материалами послужили коллекции каменных артефактов слоя 6в/1, полученные в ходе раскопок 2008 г. и 2024 г. В качестве методов были привлечены атрибутивный анализ сколов и статистическое сравнение метрических параметров с использованием непараметрического критерия Манна-Уитни. В коллекции 2024 г. выявлено увеличение доли технических сколов и их меньшие размеры по сравнению с коллекцией 2008 г., а также интенсивное переоформление орудий и более высокая представленность конвергентных скребел и бифасиальных орудий в коллекции 2024 г. Полученные результаты предположительно свидетельствуют о более экономной «зимней» стратегии использования сырья.

Ключевые слова: средний палеолит, неандертальцы, Чагырская пещера, Алтай, сезонность, дефицит сырья.

Введение. Изучение сезонных адаптаций неандертальцев является одним из ключевых направлений в анализе их хозяйственных стратегий и адаптивности в рамках плейстоценовых экосистем. Изменчивость климата и доступность сырья в течение года могли непосредственно влиять на технологические решения, формируя специфические маркеры в каменной индустрии (Richter 2006). Последние раскопки многослойной стоянки поздних неандертальцев Алтая в пещере Чагырская предоставили новый материал для реконструкции технологической адаптации неандертальцев к сезонной динамике окружающей среды.

В 2024 г. в Чагырской пещере были продолжены археологические исследования, в ходе которых был раскопан участок на квадратах К-11 и Л-11 площадью 2 м². В пределах раскопа вскрыты два голоценовых слоя – 2 и 3 и три плейстоценовых слоя – 5, 6а и 6в/1. В слоях 6а и 6в/1 обнаружен археологический материал, включающий более 13,7 тыс. костей животных и более 7 тыс. каменных артефактов (Колобова и др. 2024; Колясникова и др. 2024).

Особенностью участка 2024 г. является его ограниченность с северной и южной сторон крупными известняковыми глыбами (рис. 1). Учитывая, что на других участках пещеры слой 6в/1 представлен неперемещенными отложениями (Kolobova et al. 2020), можно предположить, что и на исследованном в 2024 г. участке этот слой не подвергался существенным постдепозиционным смещениям. Вероятно, формирование слоя 6в/1 на данном участке происходило без значительных нарушений, а связанная с ним коллекция костных остатков и каменных артефактов сформировалась относительно изолированно по отношению к другим участкам того же слоя в пределах пещеры. Позднее слой 6а, формировавшийся под действием коллювиальных процессов, перекрыл отложения слоя 6в/1.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 24-67-00033 «Европейские неандертальцы на Алтае: миграции, культурная и физическая адаптация».

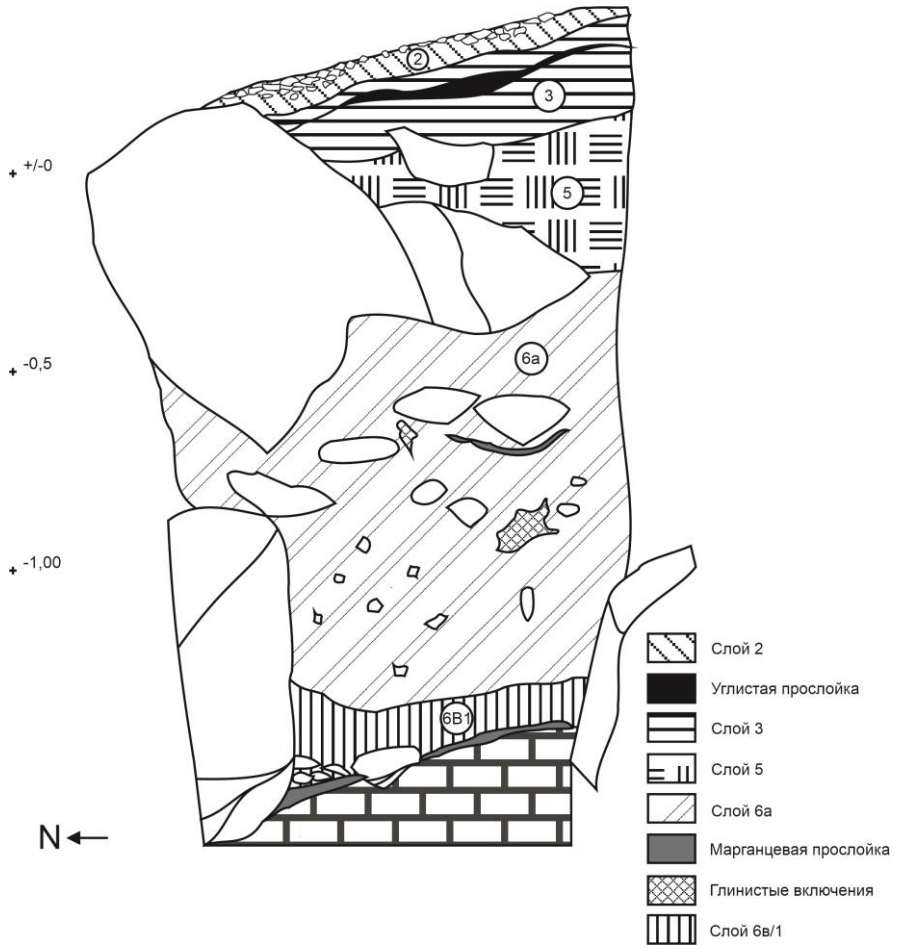

Рис. 1. Стратиграфический разрез восточной стенки раскопа 2024 г. (Колобова и др. 2024: рис. 1)

В результате зооархеологического анализа фаунистических остатков коллекции 2024 г. слоя 6в/1 были выявлены кости эмбрионов бизона и других копытных, что устанавливает факт пребывания неандертальцев в Чагырской пещере в холодный сезон (зима – начало весны). Ранее зооархеологические данные, полученные с участков предыдущих раскопок, напротив, демонстрировали пребывание неандертальцев на памятнике в конце лета – начале осени (Kolobova et al. 2019). По этой причине сопоставление коллекции каменного инвентаря раскопок 2024 г. с коллекциями раскопок предыдущих лет с других участков пещеры предоставляет интерес для исследования технологической адаптации к сезонной динамике.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили коллекции каменных артефактов слоев 6в/1 раскопок 2008 г. (3021 экз.) и 2024 г. (5432 экз.). В качестве методов исследования применялся атрибутивный анализ сколов для определения их основных типологически и технически значимых признаков (Will 2022). Для сравнения размеров сколов по метрическим показателям применялся непараметрический тест Манна-Уитни. Вычисления проводились в программе PAST v. 4.04 (Hammer et al. 2001)

Результаты. Атрибутивный анализ зафиксировал значительные отличия в каменной индустрии коллекции слоя 6в/1 2024 г. по сравнению с коллекцией, полученной по слою 6в/1 в 2008 г. Так, в коллекции слоя 6в/1 2024 г. содержится больше технических сколов – 51,07% всех сколов, по сравнению с коллекцией слоя 6в/1 2008 г. – 38,78% (табл. 1).

Табл. 1. Типологический состав сколов, включая орудия на сколах, слоя 6в/1 в коллекциях раскопок 2008 г. (составлено по: Kolobova et al. 2019) и 2024 г.

	Коллекция 2008 г.		**Коллекция 2024 г.**	
Типы	**Кол-во, ед.**	**в %, без учёта неопределимых**	**Кол-во, ед.**	**в % без учёта неопределимых**
Пластины	74	5,50	6	1,83

Отщепы	750	55,72	154	47,09
Технические сколы	522	38,78	167	51,07
Неопределимые сколы	27	-	5	-
Общий итог	1373	100	332	100

В коллекции 2024 г. впервые зафиксирован в 2-х экземплярах 4-й тип сколов обработки двусторонних орудий – сильномодифицирующие сколы с ударной площадкой крупных размеров и мелкими негативами снятий в проксимальной зоне. Данный тип свидетельствует об активном переоформлении бифасиальных орудий. Ранее 4-й тип сколов в коллекциях Чагырской пещеры не фиксировался (Kharevich 2025).

Для выявления различий в метрических параметрах сколов между коллекциями 2008 и 2024 гг. был применен статистический анализ по критерию Манна–Уитни (выбран ввиду в целом ненормального распределения данных). В результате выявлены значимые различия в размерах целых технических сколов между коллекциями из слоя 6в/1, собранными в 2008 и 2024 гг. В коллекции 2024 г. технические сколы в целом имеют меньшие размеры. На уровне отдельных категорий достоверно меньшую ширину демонстрируют краевые круто-латеральные отщепы и краевые отщепы с радиальных нуклеусов ($p < 0,01$), тогда как первичные отщепы характеризуются меньшей длиной ($p = 0,01$).

Отмечено, что в орудийном наборе 2008 г. преобладают простые скребла, а в коллекции 2024 г. преобладают конвергентные скребла. Доля бифасиальных орудий в коллекции 2024 г. в 2,3 раза выше (15,63% против 6,75 % в 2008 г., рис. 2).

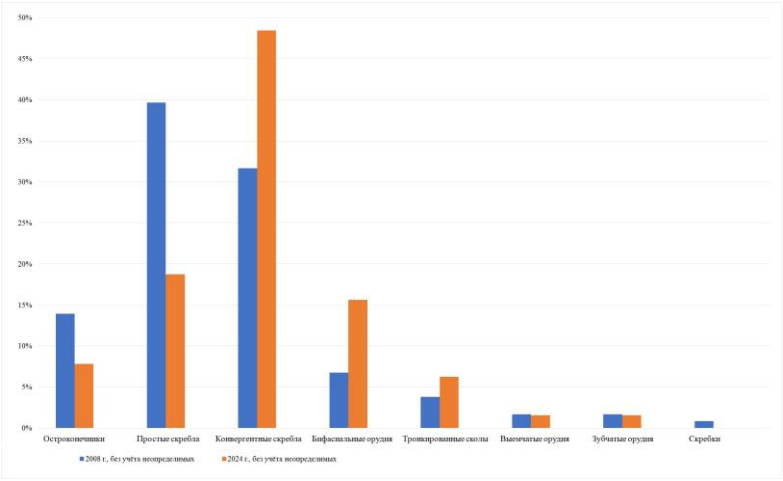

Рис. 2. Доля различных типов орудий в орудийном наборе слоя 6в/1 коллекций раскопок 2008 г. (составлено по: Kolobova et al. 2019) и 2024 г.

Дискуссия и выводы. Совокупность отличительных признаков коллекции 2024 г. – преобладание технических сколов, их меньшие размеры, высокая доля конвергентных скребел и бифасиальных орудий, их интенсивное переоформление – указывает на более экономную стратегию использования сырьевых ресурсов. Подобный уровень экономии сырья не характерен для коллекции 2008 г. Специфика коллекции 2024 г. отражает, вероятно, адаптацию неандертальцев к холодному сезону, когда поиск нового сырья в промерзшем русле р. Чарыш был затруднен.

Таким образом, различия между рассмотренными коллекциями каменных артефактов могут быть связаны с адаптацией к разным сезонам. Сезонная вариабельность каменной индустрии выражена в обращении к более экономичной стратегии обработки каменных артефактов в холодный период года.

Список литературы

Колобова К.А., Березина Н.Я., Зубова А.В., Тюгашев И.Е., Бочарова Е.Н., Колясникова А.С., Селецкий М.В., Чистяков П.В., Кожевникова Д.В., Колясникова А.С., Папин А.Д., Харевич В.М., Харевич А.В. Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в полевом

сезоне 2024 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. Том XXX. С. 126–131.

Колясникова А.С., Васильев С.К., Кочнев А.В., Харевич А.В., Колобова К.А. 2024. Фаунистические остатки из плейстоценовых отложений Чагырской пещеры (материалы 2024 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. Том XXX. С. 132–138.

Hammer Ø., Harper D.A.T., Ryan P.D. PAST: Paleontological Statistics Software Package for Education and Data Analysis. Palaeontologia Electronica, 2001. Vol. 4(1). URL: https://palaeo-electronica.org/2001_1/past/past.pdf (Accessed: 14.03.2026).

Kharevich A.V., Kolobova K.A., Tyugashev I.E., Kharevich V.M., Chistyakov P.V., Markin S.V., Derevianko A.P. Biface Trimming Elements as Indicators of Tool Rejuvenation Intensity: The Case of Sibiryachikha, Altai // Archaeology Ethnology and Anthropology of Eurasia. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2025. Vol. 53(4). P. 41-51.

Kolobova K.A., Chabai V.P., Shalagina A.V., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Rendu W., Krivoshapkin A.I. 2019. Exploitation of the Natural Environment by Neanderthals from Chagyrskaya Cave (Altai) // Quartär. Büchenbach: Verlag Dr. Faustus, 2019. No. 66. P. 7–31.

Kolobova K.A, Roberts R.G., Chabai V.P., Jakobs Z., Kraicarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.V., O'Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into Southern Siberia // Proceedings of National Academy of Sciences. 2020. Vol. 117(6). P. 28–79. DOI: 10.1073/pnas.1918047117

Richter J. Neanderthals in Their Landscape // Neanderthals in Europe. Proceedings of the International Conference, held in the Gallo-Roman Museum in Tongeren (September 17–19th 2004) / Demarsin B., Otte M. (eds). Liège: ERAUL, 2006. P. 51–66.

Will M. Attribute Analysis // Methods for the Analysis of Stone Artefacts / Tafelmaier Y. (ed.). Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2022. P. 5–13.

И.Е. Тюгашев, А.С. Колясникова, П.В. Чистяков, К.А. Колобова
Шағыр үңгіріндегі кейінгі неандерталдардың тас индустриясы: маусымдық вариабельділік факторы

2024 жылы Солтүстік-Батыс Алтайдағы Чагырская үңгірі кеш неандертальдық ескерткішінде қазба жұмыстары жалғастырылды. Жұмыстар нәтижесінде ауданы 2 м² болатын учаске ашылды. Учаскенің археологиялық материалдары плейстоцен дәуіріне жататын 6а және 6в/1 екі қабаттан алынған. Фаунистикалық коллекцияға жүргізілген зооархеологиялық талдау барысында бизон мен басқа да тұяқты жануарлардың эмбриондарының сүйектері анықталды. Бұл неандертальдардың үңгірді суық маусымда (қыс – ерте көктем) пайдаланғанын көрсетеді. Ал ескерткіштің басқа учаскелерінде бұрынғы жылдары алынған деректер, керісінше, неандертальдардың бұл жерде жаздың соңы – күздің басында болғанын көрсеткен. Зерттеудің мақсаты – маусымдық фактордың тас индустриясының сипатына ықтимал әсерін анықтау. Зерттеу материалы ретінде 2008 және 2024 жылдардағы қазбалар барысында алынған 6в/1 қабатының тас артефактілері коллекциялары пайдаланылды. Әдістер ретінде сынықтардың атрибутивтік талдауы және метриялық параметрлерді параметрлік емес Манн–Уитни критерийі арқылы статистикалық салыстыру қолданылды. 2024 жылғы коллекцияда 2008 жылғы коллекциямен салыстырғанда техникалық сынықтардың үлесінің артқаны және олардың өлшемдерінің кішірек екені анықталды. Сонымен қатар 2024 жылғы коллекцияда құралдардың қайта өңделуінің қарқынды болғаны және конвергентті қырғыштар мен бифасиалдық құралдардың үлесінің жоғары екені байқалды. Алынған нәтижелер шикізатты пайдаланудың неғұрлым үнемді «қысқы» стратегиясының болғанын болжамды түрде көрсетеді.

Түйін сөздер: орта палеолит, неандертальдар, Чагырская үңгірі, Алтай, маусымдылық, шикізат тапшылығы.

I.E. Tyugashev, A.S. Koliasnikova, P.V. Chistyakov, K.A. Kolobova
The Lithic Industry of Late Neanderthals at Chagyr Cave: The Role of Seasonal Variability

In 2024, excavations were continued at the Late Neanderthal site of Chagyrskaya Cave in the northwestern Altai. An area of 2 m² was exposed during fieldwork. The recovered archaeological material derives from two Pleistocene layers, 6a and 6c/1. Zooarchaeological analysis of the faunal assemblage

revealed fetal remains of bison and other ungulates, indicating that the cave was used by Neanderthals during the cold season (winter-early spring). In contrast, data obtained in previous years from other areas of the site have suggested Neanderthal occupation during the late summer-early autumn. The aim of this study is to assess the possible influence of seasonality on the characteristics of the lithic industry. The analyzed materials consist of lithic assemblages from layer 6c/1 recovered during the 2008 and 2024 excavations. The methods employed include attribute analysis of flakes and statistical comparison of metric parameters using the nonparametric Mann-Whitney U test. The 2024 assemblage shows an increased proportion of technical spalls and smaller flake dimensions compared to the 2008 collection, as well as more intensive tool resharpening and a higher frequency of convergent scrapers and bifacial tools. These results tentatively indicate a more economical “winter” strategy of raw material use.

Key words: Middle Paleolithic, Neanderthals, Chagyrskaya Cave, Altai, seasonality, raw material shortage.

А.С. Колясникова, К.А. Колобова
Институт археологии и этнографии
Сибирское отделение Российской академии наук
Новосибирск, Россия
kns0471@gmail.com

Определение орудий разных этапов разделки бизонов в Чагырской пещере (Алтай) с помощью метода геометрии морфометрии*

В работе приводятся результаты определения типов лезвий каменных орудий, использовавшихся неандертальцами Чагырской пещеры (Алтай) на разных этапах разделки туш (снятие шкуры, отделение костей друг от друга, срезание мяса) на основе анализа морфологических характеристик следов порезов на палеофаунистических остатках. С помощью промышленного профилометра было получено и проанализировано 440 профилей порезов на костях бизона из слоев 6в/1 и 6в/2 Чагырской пещеры, из них 109 экз. от снятия шкуры, 133 экз. от отделения костей друг от друга и 198 экз. от срезания мяса. Полученные данные сопоставлены с 76 профилями экспериментальных порезов, созданных при использовании каменных орудий с различными типами рабочего края, аналогичными инвентарю неандертальцев Чагырской пещеры. Результаты анализа главных компонент демонстрируют перекрывание эллипсов распределения экспериментальных и археологических следов, однако степень сходства варьирует в зависимости от типа операции. Результаты исследования дают основания заключить, что на всех этапах разделки бизоньих туш в Чагырской пещере использовались преимущественно орудия с двусторонней ретушью. Наибольшее морфологическое разнообразие отмечено у следов срезания мяса, перекрывающих не только зону двусторонне-ретушированных орудий, но и поля распределения экспериментальных порезов неретушированным отщепом и односторонне-ретушированным лезвием, что может отражать либо использование более широкого набора орудий на финальных этапах обработки туши, либо вариабельность кинематических параметров разделки (изменение угла наклона орудия или усилия резания).

Ключевые слова: средний палеолит, неандертальцы, порезы на костях, Алтай, разделка бизонов.

Введение. Разделка добычи представляет собой сложный процесс, включающий различные этапы обработки туши – снятие шкуры, срезание мяса, сухожилий, расчленение, дробление костей. Следы (порезы, зарубки, сломы, скобление), непреднамеренно оставляемые охотниками на костях животного в процессе разделки, являются важнейшим источником информации о способах обработки туши и о сырье и форме лезвия использованного при работе орудия. В последние годы всё большее внимание уделяется точным метрическим и морфометрическим измерениям порезов, позволяющим реконструировать типы орудий и конкретные действия, которые привели к их образованию [Boschin and Crezzini, 2012]. Различные экспериментальные исследования показывают, что по размеру, форме и распределению порезов на скелете можно судить о типе каменного орудия (Bello et al., 2009) и о характере выполняемой операции (Merritt, 2019).

Поскольку морфологические характеристики пореза детерминируются формой режущего края орудия, различия в типах используемых инструментов могут отражаться на форме следов. Следовательно, если неандертальцы применяли различные типы орудий на разных этапах обработки туши, в частности, при первичной разделке на месте охоты и при вторичной обработке на территории стоянки, то это может быть выявлено через статистически значимые морфометрические различия между следами, соответствующими данным этапам. В настоящей работе использован метод геометрической морфометрии для определения типов орудий, применявшихся неандертальцами Чагырской пещеры на разных этапах разделки бизоньих туш – при снятии шкуры, расчленении и срезании мяса. Работа направлена на определение, существовала ли специализация орудий на различных стадиях обработки добычи, и оценить информационный потенциал геометрико-морфометрического анализа для реконструкции охотничьего поведения древних людей. Плейстоценовые отложения Чагырской пещеры, расположенной в среднегорье

* Исследование проведено при финансовой поддержке проекта РНФ No 25-28-00605 «Стратегии использования животных ресурсов неандертальцами Чагырской пещеры в позднем среднем палеолите Алтая».

Северо-Западного Алтая (Краснощековский район), содержат антропологические и культурные остатки поздних неандертальцев Алтая (Деревянко и др., 2018). Фаунистическая коллекция памятника содержит многочисленные остатки плейстоценовой фауны хорошей сохранности с значительным количеством антропогенных модификаций – следов разделки и орудийной деятельности, которые связаны с активностью одной культурной группы неандертальцев, охотившихся преимущественно на бизонов.

Материалы и методы. В настоящем исследовании приводятся результаты изучения морфологических особенностей порезов от разных этапов разделки на костях бизона из слоев 6в/1 и 6в/2 Чагырской пещеры (Алтай), ассоциированных с неандертальцами, и результаты их сопоставления с экспериментальными следами. Из палеофаунистической коллекции были отобраны кости с порезами от срезания шкуры – четыре фрагмента плюсневых костей; отделения костей друг от друга – обломок шейного позвонка, первая фаланга, две малеолярные кости, запястная кость; от срезания мяса – обломок плечевой кости, три фрагмента лопатки, обломки ребра и остистого отростка грудного позвонка. При создании выборки критериями отбора послужили наличие хорошо читаемых, длинных (более 5 мм для получения наибольшего количества профилей с одного пореза) порезов, по расположению которых можно определить этап разделки.

Для сопоставления с археологическими порезами были использованы следы, полученные в ходе контролируемого эксперимента. Для него были взяты фрагменты свежей лопатки и пястной кости домашней коровы (Bos taurus). Для получения пореза на кости использовались пять каменных орудий из засурьинского яшмоида, аналогичного сырьевой базе орудий неандертальцев Чагырской пещеры. В эксперименте использовались орудия с разными типами режущего края: ретушированный с одной стороны – конвергентное скребло, ретушированный с двух сторон – плоско-выпуклое бифасиальное орудие и острый край без ретуши – отщеп. Каждым орудием на кость наносились порезы с силой, достаточной для разрезания шкуры и мяса. Перед анализом порезов кости были полностью очищены от остатков мягких тканей и промыты в горячей воде с раствором обезжиривающего средства. Для сравнения археологических и экспериментальных порезов использовались их двухмерные поперечные профили, построение которых осуществлялось с помощью промышленного трехмерного профилометра Gocator 3504. Секции профилей следов были выставлены перпендикулярно длине каждого пореза с отступом 2 мм друг от друга и от начала и конца следа, где он сужается. Морфологическая изменчивость порезов изучалась с помощью геометрико-морфометрического анализа. Для сравнения выборок по нескольким переменным (значения первых двух главных компонент) применялся мультивариантный непараметрический тест PERMANOVA.

Результаты. С помощью промышленного профилометра было получено и проанализировано 440 профилей порезов на костях бизона из слоев 6в/1 и 6в/2 Чагырской пещеры, из них 109 экз. от снятия шкуры, 133 экз. от отделения костей друг от друга и 198 экз. от срезания мяса. Полученные данные сопоставлены с 76 профилями экспериментальных порезов, созданных при использовании каменных орудий с различными типами рабочего края, аналогичными инвентарю неандертальцев Чагырской пещеры. Для всех исследуемых групп следов по средним значениям каждой из семи меток были созданы изображения усредненной формы профилей.

Для каждого профиля археологических и экспериментальных порезов в результате анализа главных компонент (далее ГК) были получены значения 14 главных компонент, при этом значения первых двух ГК представляют 77% дисперсии выборки, что означает успешное проведение анализа. На полученных графиках построены эллипсы 95% вариабельности выборок. Все группы археологических порезов при сопоставлении их распределения на графике в пространстве двух ГК практически полностью перекрывают друг друга (Рис. 1, 1). Наибольший эллипс получился у самой многочисленной группы порезов – следов срезания мяса, что указывает на большее, чем у других групп разнообразие форм. В его область полностью попадают порезы от других операций. Следы от отделения костей имеют наименьший эллипс и полностью попадают в области двух других групп.

Графики распределения экспериментальных и археологических порезов по значениям первых двух главных компонент демонстрируют перекрытие эллипсов, однако степень сходства варьирует в зависимости от этапа разделки. У всех групп археологических следов при сопоставлении с экспериментальными порезами полностью или почти полностью оказалась перекрыта область эллипса следов от двусторонне-ретушированного режущего края (Рис. 1, Б-Г). Следы от снятия

шкуры полностью перекрывают область экспериментальных порезов двусторонне-ретушированным лезвием, и демонстрируют перекрытие с эллипсами других экспериментальных групп примерно на половину площади их распределения. Археологические порезы, связанные с отделением костей, перекрывают почти всю область порезов двусторонне-ретушированным лезвием, а с другими группами экспериментальных следов пересекаются менее чем на половину площади эллипсов. Наибольшую область перекрытия с экспериментальными порезами демонстрируют следы срезания мяса: область их эллипса полностью включает в себя две группы порезов от ретушированных орудий и более чем наполовину совпадает с распределением порезов неретушированным отщепом. Усредненные профили археологических порезов наиболее близки к экспериментальным следам от двусторонне-ретушированных орудий, отличаясь от порезов, сделанных неретушированным отщепом (более острый угол раскрытия) и односторонне-ретушированным лезвием (меньшая симметричность) (Рис. 2; Рис. 1, 2)

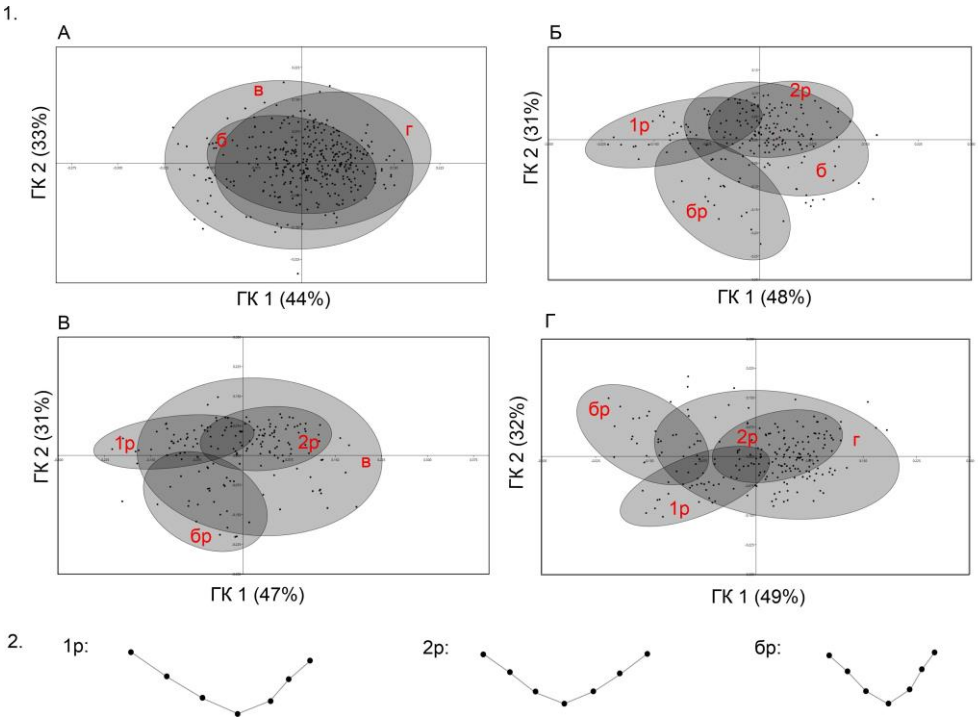

Рис. 1. Распределение археологических и экспериментальных порезов на графиках двух главных компонент с корреляционными эллипсами, включающими 95% вариабельности координат (1) и усредненная форма профилей экспериментальных порезов (2). Подписи: б – археологические порезы от отделения костей друг от друга; в – археологические порезы от срезания мяса; г – археологические порезы от снятия шкуры; 1р – экспериментальные порезы орудием с односторонней ретушью; а – общая группа археологических порезов; бр – экспериментальные порезы неретушированным отщепом; 2р – экспериментальные порезы орудием с двусторонней ретушью.

Применение непараметрического теста PERMANOVA к значениям первых двух главных компонент не выявило статистической разницы между формой порезов у археологических следов, ассоциированных с разными этапами разделки. Парное сравнение показало сходство у археологических следов и экспериментальных порезов, выполненных орудием с двусторонней ретушью (Bonferroni-corrected p=0,1722, F=3,6). С порезами от отщепа без ретуши у археологических порезов получилась статистически значимая разница

(Bonferroni-corrected p=0,0006, F=47), чуть менее выраженное, но статистически значимое отличие отмечено и с порезами от орудия с односторонней ретушью (Bonferroni-corrected p=0,01, F=7,5).

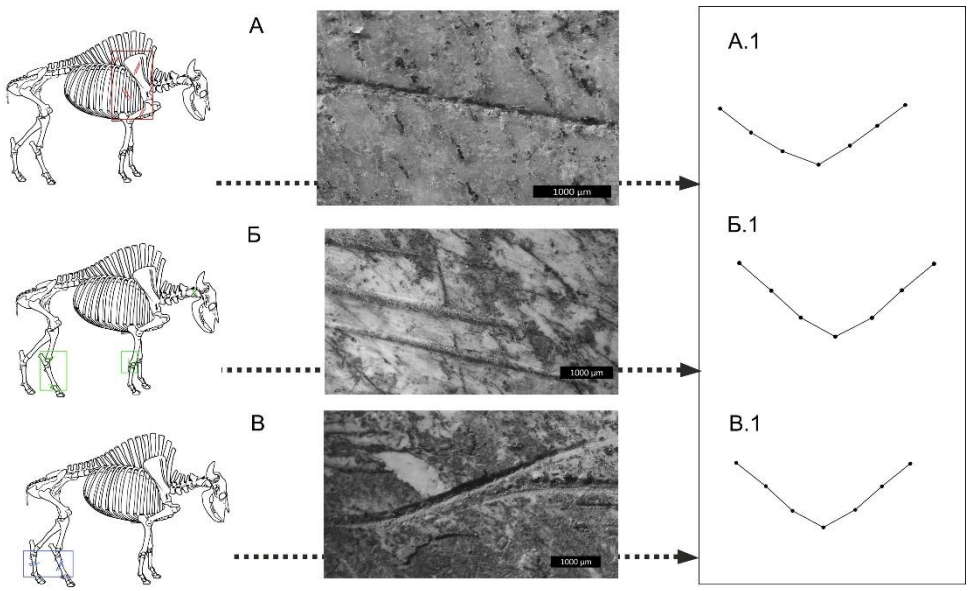

Рис. 2. Следы разделки, ассоциированные со срезанием мяса (А), отделением костей друг от друга (Б), снятием шкуры (В) и усредненная форма их профилей (А.1-В.1).

Заключение. Результаты исследования дают основания заключить, что при разделке бизоньих туш в Чагырской пещере использовались преимущественно орудия с двусторонней ретушью. Именно к этой категории наиболее близки как усредненные профили всех археологических следов, так и порезы, связанные с отделением костей и снятием шкуры. Наблюдаемое морфологическое разнообразие следов срезания мяса, перекрывающих не только зону двусторонне-ретушированных орудий, но и поля распределения экспериментальных порезов неретушированным отщепом и односторонне-ретушированным лезвием, может отражать либо использование более широкого набора орудий на финальных этапах обработки туши, либо вариабельность кинематических параметров разделки (изменение угла наклона орудия или усилия резания). Полученные результаты подтверждают диагностический потенциал геометрико-морфометрического анализа в археологических исследованиях и расширяют представления о поведенческих стратегиях неандертальцев Алтая.

Список литературы

Деревянко А.П., Маркин С.В., Колобова К.А., Чабай В.П., Рудая Н.А., Виола Б., Бужилова А.П., Медникова М.Б., Васильев С.К., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С., Вольвах А.О., Робертс Р.Г., Якобс З., Ли Б. Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. 468 с.

Bello S.M., Parfitt S.A., Stringer C. Quantitative micromorphological analyses of cut marks produced by ancient and modern handaxes // J. Archaeol. Sci., 36 (9). 2009. P. 1869-1880.

Boschin F., Crezzini J. Morphometrical analysis on cut marks using a 3D digital microscope // Int. J. Osteoarchaeol., 22 (5). 2012. P. 549-562.

Merritt S.R. An experimental investigation of changing cut mark cross-sectional size during butchery: Implications for interpreting tool-assisted carcass processing from cut mark samples // J. Archaeol. Sci. Rep. 25. 2019, P. 184-194.

А.С. Колясникова, К.А. Колобова

Шағыр үңгірінде (Алтай) бизонды бөлшектеудің әртүрлі кезеңдерінде қолданылған құралдарды геометриялық морфометрия әдісімен анықтау

Бұл зерттеуде Алтайдағы Шағыр үңгірінде неандерталдықтар бизон ұшасын өңдеудің әртүрлі кезеңдерінде (терісін сыпыру, буындардан ажырату және етін бөліп алу) пайдаланған тас құралдарының кесу қырларының түрлерін анықтау нәтижелері ұсынылады. Зерттеу палеофауналық қалдықтардағы кесу іздерінің морфологиялық сипаттамаларын талдауға негізделген. Өнеркәсіптік профилометрді қолдану арқылы Шағыр үңгірінің 6с/1 және 6с/2 қабаттарынан алынған бизон

сүйектеріндегі 440 кесу ізінің профилі тіркеліп, талданды. Оның ішінде 109-ы терісін сыпыруға, 133-і мүшелеуге, ал 198-і етін ажыратуға қатысты. Бұл деректер Шағыр үңгіріндегі неандерталдық құралдар жиынтығына ұқсас әртүрлі жұмыс қырлары бар тас құралдарымен жүргізілген эксперименттік 76 кесу ізінің профилімен салыстырылды.

Басты компоненттерді талдау нәтижелері эксперименттік және археологиялық кесу іздерінің таралу эллипстерінің белгілі бір деңгейде қабаттасатынын көрсетті, алайда олардың ұқсастық дәрежесі операциялық кезеңге байланысты өзгеріп отырады.

Нәтижелер бойынша, екі жақты өңделген (бифасиалды) құралдар бизон ұшасын өңдеудің барлық кезеңдерінде басым қолданылған. Ең жоғары морфологиялық әртүрлілік етін ажырату кезеңіне тән кесу іздерінде байқалады. Олар тек биполярлы өңделген құралдардың таралу аймағымен ғана емес, сондай-ақ өңделмеген жаңқалар мен бір жақты өңделген қырлар арқылы алынған эксперименттік кесу іздерінің таралу өрістерімен де қабаттасады. Бұл құбылыс не ұшаны өңдеудің соңғы кезеңдерінде құралдардың кең ауқымы пайдаланылғанын, не кесу үдерісінің кинематикалық параметрлерінің (құрал бұрышы немесе кесу күші) өзгермелілігін көрсетеді.

Түйін сөздер: орта палеолит, неандертальдықтар, сүйектердегі кесу іздері, Алтай, бизондарды бөлшектеу.

A.S. Koliasnikova, K.A. Kolobova

Determination of Tools Used At Different Stages of Bison Butchery in Chagyr Cave (Altai) Using Geometric Morphometrics

This study presents the results of determining the types of stone tool edges used by Neanderthals at Chagyr Cave (Altai) during different stages of carcass processing (skinning, desarticulation, and defleshing), based on the analysis of morphological characteristics of cut marks on paleofaunal remains. Using an industrial profilometer, 440 cut mark profiles were obtained and analyzed on bison bones from layers 6c/1 and 6c/2 of Chagyr Cave, including 109 specimens resulting from skinning, 133 from dismemberment, and 198 from defleshing. These data were compared with 76 experimental cut mark profiles produced using stone tools with different working edge types, analogous to the Neanderthal tool assemblage from Chagyr Cave.

The results of principal component analysis demonstrate overlapping distribution ellipses of experimental and archaeological cut marks; however, the degree of similarity varies depending on the type of operational stage.

The findings suggest that bifacially retouched tools were predominantly used at all stages of bison carcass processing at Chagyr Cave. The greatest morphological diversity is observed among defleshing cut marks, which overlap not only with the distribution area of bifacially retouched tools but also with the distribution fields of experimental cut marks produced by unretouched flakes and unifacially retouched edges. This may reflect either the use of a broader range of tools during the final stages of carcass processing or the variability in kinematic parameters of butchery (variations in tool angle or cutting force).

Key words: Middle Paleolithic, Neanderthals, cut marks on bones, Altai, bison butchery.

А.С. Деревнина, Е.Е. Славинская
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
fjellvarrulv@gmail.com

Леваллуазская технология в среднем палеолите Горного Алтая: особенности и критерии выделения (по материалам Денисовой пещеры)*

В работе рассматриваются теоретические и методологические вопросы выделения леваллуазской технологии в среднепалеолитических индустриях Горного Алтая на примере материалов Денисовой пещеры. Анализируются сходства и различия леваллуазского, радиального и параллельного способов расщепления. На основе анализа среднепалеолитических материалов из восточной и южной галерей Денисовой пещеры предлагается система диагностических признаков леваллуазской технологии для различных категорий артефактов: нуклеусов, отщепов, пластин, острий и технических сколов. Ключевыми критериями выступают характер огранки дорсальной поверхности, определение ударных площадок и тип редукции карниза. Характерным маркером служит также наличие специфических технических сколов типа *enlévement deux* и *débordant*. Предложенная система позволяет унифицировать методику анализа леваллуазских компонентов для среднепалеолитических памятников Алтая и сопредельных территорий.

Ключевые слова: леваллуазская технология, средний палеолит, Денисова пещера, радиальное и параллельное расщепление, диагностические критерии.

Введение. Спецификой среднего палеолита Центральной Азии и Южной Сибири является сосуществование радиального (центростремительного), параллельного и леваллуазского принципов первичного расщепления. Данное сочетание образует сложную и динамичную систему, требующую тщательного анализа и однозначной терминологической фиксации. Однако в исследовательской литературе сохраняются существенные разночтения в определении и разграничении среднепалеолитических технологий, что создает трудности при сопоставлении материалов разных памятников и интерпретации культурно-хронологических процессов.

В 1950–60-х гг. Ф. Борд дал первое четкое определение леваллуазской технологии, в рамках которого её сущность заключалась в «получении заготовок, чья форма предопределена заранее тщательной специальной подготовкой нуклеуса» (Bordes 1961: 14). Им же был предложен индекс леваллуа (IL), который до сих пор служит основной количественной характеристикой индустрий. Индекс леваллуа, представляющий собой параметр для определения доли леваллуазского компонента в общем объеме индустрии, стал удобным инструментом для анализа и сравнения среднепалеолитических комплексов. Однако на современном этапе развития археологической науки становится всё более очевидным формирование значительного расхождения во мнениях относительно того, что представляет собой леваллуазская технология. Вследствие этого индекс становится практически непригодным инструментом для сравнительного анализа комплексов (Copeland 1983: 15). Критика метода Ф. Борда заключается, в первую очередь, в субъективности определений, так как каждый исследователь сам решает, что именно считать «леваллуазским» (Гладилин 1989; Кухарчук 1989; Ранов 1989; Нехорошев 1999; Debenath, Dibble 1994, Rybin, Khatsenovich 2020).

В Южной Сибири наиболее полная культурно-хронологическая последовательность среднего палеолита получена в Денисовой пещере на северо-западе Алтая. Как отмечается исследователями, леваллуазский компонент в технокомплексе не является доминирующим в количественном соотношении, однако он стабильно представлен среди продуктов первичного расщепления и в орудийном наборе (Деревянко и др. 2020). В восточной галерее Денисовой пещеры леваллуазская технология наиболее активно распространялась с эпохи МИС 6 до начала МИС 4 (156±15–70±8 тыс. л.н.), что соответствует литологическим слоям 13–11.3 (Там же). В среднепалеолитических комплексах южной галереи леваллуазские изделия фиксируются в литологических слоях слоев 16.2-12 – с начала МИС 6 до финала МИС 4 (148±22–56±7 тыс. л.н.) и периода перехода к верхнему палеолиту (Там же). В обоих комплексах отмечается устойчивое сочетание радиальной, параллельной и леваллуазской технологий.

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 24-78-10006.

В связи с существующими в литературе разночтениями в определении технологических составляющих и их диагностике представляется необходимым разработать четкие критерии выделения леваллуа на примере конкретного археологического памятника. В данной работе на основе анализа материалов из Денисовой пещеры предлагается система диагностических признаков леваллуазской технологии для различных категорий артефактов.

Теоретические основы: сходства и различия леваллуазского, параллельного и радиального способов расщепления. Прежде чем перейти к конкретным диагностическим критериям, необходимо определить соотношение трёх основных технологий первичного расщепления, присущих индустриям Денисовой пещеры.

Радиальное (центростремительное) расщепление характеризуется снятием сколов от периферии к центру ядрища. Для этого не требуется строгой иерархии поверхностей: ударной площадкой может служить любой подходящий край нуклеуса. Продуктами расщепления являются преимущественно отщепы, часто массивные, с короткими пропорциями. Подготовка площадок минимальна или отсутствует, раскалывание часто производится от неподготовленного ребра. В Денисовой пещере радиальная технология доминирует на начальной стадии среднего палеолита (Козликин 2025: 208).

Ключевое отличие леваллуазского расщепления от радиального заключается в наличии строгой иерархии поверхностей и целенаправленной подготовке нуклеуса для получения заготовок заданной морфологии. При внешнем сходстве направления снятий – от периферии к центру – леваллуазское центростремительное расщепление является более организованным и структурированным методом с жесткой последовательностью сколов, тогда как радиальное представляет собой стратегию для непосредственного получения отщепов.

Параллельное расщепление ориентировано на получение удлинённых сколов-заготовок – пластин. Сколы снимаются параллельно друг другу с одной (одноплощадочные) или двух противоположных ударных площадок (двуплощадочные со встречным скалыванием). Данная технология требует более тщательной подготовки ударной площадки, поддержания и контроля формы снимаемых заготовок и фронта скалывания (Boëda et al. 1995: 20–25; Чабай 2004). В индустриях Денисовой пещеры параллельное расщепление становится доминирующим со средней стадии среднего палеолита (Козликин 2025).

Отличие леваллуазского от параллельного расщепления состоит в ином характере организации фронта. При подготовке заготовок в рамках леваллуазской технологии фронт обычно плоский и широкий, а снятия направлены на получение единичных целевых сколов с последующей переподготовкой ядрища, тогда как в параллельной технике скалывание носит непрерывный характер, продолжаясь зачастую до полного истощения нуклеусов (Inizian et al. 1999; Schlanger 1996). В леваллуазских индустриях ядрища порой оставляют за нехваткой нужного объёма на средней стадии утилизации, что прослеживается в индустриях Денисовой пещеры (Деревнина 2026).

Леваллуазская технология в определении Э. Бойда представляет собой специфическую организацию объема нуклеуса, характеризующуюся: 1) иерархическим разделением двух поверхностей – поверхности скалывания (фронта) и нижней поверхности (контрфронта); 2) управлением латеральными и дистальными выпуклостями фронта для контроля формы и размеров целевых сколов; 3) тщательной подготовкой ударной площадки или площадок для снятия целевых заготовок: 4) предопределённостью формы и размеров сколов. Данное определение позволяет более четко дифференцировать леваллуазскую технологию от внешне сходных, но технологически иных способов расщепления (Boëda 1997).

Указанные принципы первичного расщепления рассматриваются как основные, сосуществующие и сменяющие друг друга в Денисовой пещере на разных этапах среднего палеолита.

Методика выделения леваллуазских изделий в Денисовой пещере. При разработке диагностических критериев учитывались «классические» определения леваллуазской технологии (Нехорошев, 1999; Inizian et al.,1999), а также результаты предшествующих исследований среднепалеолитических комплексов Алтая (Постнов 1999; Деревянко, Шуньков 2002; Деревянко и др. 2003, Рыбин, Колобова 2009; Рыбин, Славинский 2015; Шуньков 2020). Анализ осуществлялся по трём основным категория артефактов: нуклеусы как непосредственные свидетельства стратегий первичного расщепления; продукты расщепления – пластины, отщепы, острия – как результат

применения леваллузского метода; технические сколы как индикатор конкретных приемов подготовки и поддержания объёма и формы ядрищ в процессе редукции.

Диагностические критерии леваллуазских нуклеусов. Леваллуазские нуклеусы в материалах Денисовой пещеры идентифицируются на основании комплекса признаков, связанных с подготовкой ударных площадок, организацией фронта скалывания и характером подправок.

Ключевым диагностическим признаком выступает наличие тщательно подготовленной фасетированной ударной площадки. В материалах южной галереи, приуроченных к средней и финальной стадиям среднего палеолита, фиксируются ударные площадки выпуклой или вогнуто-выпуклой формы, выполненные множественными крупными сколами и зачастую скошенные к контрфронту. Подобное оформление характерно и для нуклеусов из соответствующих слоёв восточной галереи пещеры (рис. 1, 5), где, однако, в равных пропорциях представлена и подготовка ударных площадок двумя-тремя крупными снятиями с последующей более мелкой подправкой и доработкой.

Важнейшее диагностическое значение имеет способ обработки фронта скалывания. Для нуклеусов, ориентированных на производство острий, характерно оформление конвергентным снятиями, формирующими срединное ребро. В слоях, относящихся к средней стадии среднего палеолита, отмечается, что острийные нуклеусы обработаны именно так. Присутствие на фронте нуклеуса негатива целевого скола, ради которого производилась предварительная подготовка ядрища, является хорошо узнаваемым маркером, свидетельствующим о завершенном цикле расщепления (рис. 1, 2–4).

Еще одним признаком выступает формирование объема фронта нуклеуса посредством подправок по периметру и специальных краевых сколов. Заключительную стадию среднего палеолита иллюстрируют нуклеусы, у которых объем фронта сформирован именно такими крупными подправками, что соответствует принципам леваллуазской технологии, направленным на поддержание необходимых выпуклостей в процессе редукции (рис. 1, 1, 4). Фронт нуклеусов средней стадии среднего палеолита, найденных в восточной галерее, обычно формировался крупными сколами на ¾ периметра. Боковые стороны дополнительно не оформлялись, если рельеф фронта изначально был достаточно высоким. На острийных нуклеусах типичны негативы сколов типа débordant, которые производились в целях формирования направляющих ребер и рельефа для будущего остроконечника, снимая часть края и плоскости ядрища (рис. 1, 3).

Наконец, наличие обратного редуцирования карниза ударной площадки, обеспечивающее точность снятия целевого скола, регулярно отмечается на леваллуазских нуклеусах и является значимым технологическим маркером.

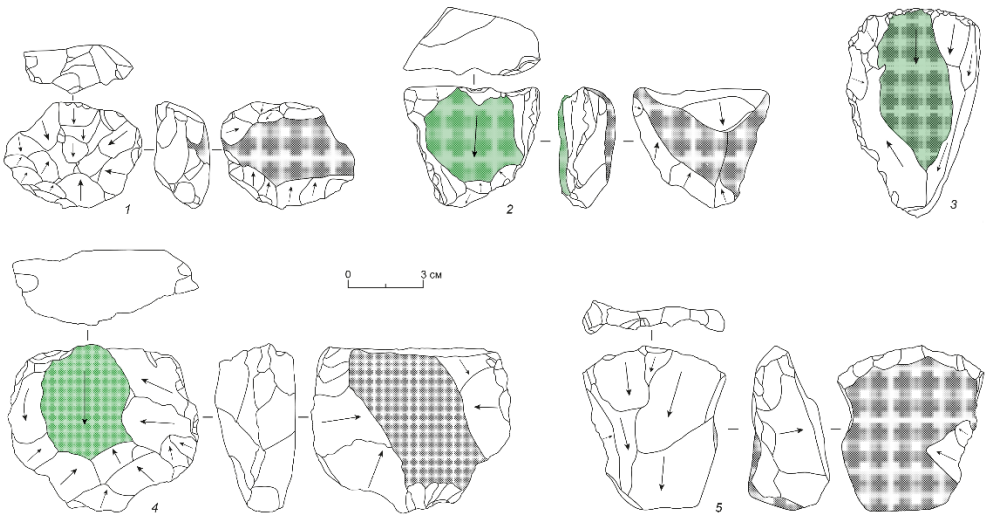

Рис. 1. Леваллуазские нуклеусы среднего палеолита из Денисовой пещеры. Серой заливкой обозначена галечная поверхность, зелёной – результирующий скол.

Диагностические критерии продуктов расщепления. Леваллуазские остроконечники признаются наиболее выразительной иллюстрацией леваллуазского компонента в среднепалеолитических индустриях. В исследуемых комплексах восточной галереи фиксируется

несколько вариантов огранки дорсальной поверхности. Наиболее репрезентативной является конвергентная однонаправленная с Y-образным рисунком, где сходящиеся сколы образуют срединное ребро (рис. 2, 1, 11). Данный вариант доминирует в коллекциях из слоев 12 и 11.4. В слое 11.3 наряду с классическим вариантом встречается конвергентная одно- и бинаправленная огранка. Изделия с параллельной огранкой дорсала, как правило, представляют собой атипичные формы с отклонением оси скалывания и присутствуют во всех стратиграфических горизонтах, однако их доля возрастает по мере перехода к ранней стадии верхнего палеолита. В свою очередь, остроконечники из среднепалеолитических слоёв южной галереи пещеры сохраняют Y-образную огранку дорсала и пропорциональное соотношение сторон независимо от смены культурно-хронологических стадий.

Критерии выделения леваллуазских пластин в среднепалеолитических индустриях Денисовой пещеры базируются на комплексе технологических и морфологических признаков. Определяющее значение имеет характер огранки дорсальной поверхности. Конвергентное Y-образное оформление, рассматривающееся как классический маркер леваллуазской технологии (рис. 2, 5, 8), наравне с параллельным распространяется с ранней стадии среднего палеолита и фиксируется вплоть до перехода к начальному верхнему палеолиту, где на первый план выходит бипродольное скалывание.

У леваллуазских отщепов из восточной галереи, на фоне преобладания конвергентной огранки в наиболее древних комплексах, при переходе к развитому среднему палеолиту проявляется смена определяющего технологического подхода к оформлению дорсальной поверхности. На интенсивное использование латеральных подправок при формировании объёма фронта нуклеусов указывает распространение изделий с ортогональной огранкой (рис. 2, 3–4), что также является качественным критерием определения леваллуазских предметов.

Наравне с оформлением дорсальной поверхности определяющим фактором для отнесения продуктов расщепления к леваллуа является, как и в случае с нуклеусами, морфология ударной площадки. Для большинства леваллуазских изделий из Денисовой пещеры характерны типичные срединно-выпуклые тщательно фасетированные площадки (рис. 2, 2). Подготовка площадки множественными сколами обеспечивала контроль над траекторией снятия и способствовала получению симметричных форм, что особенно важно при производстве остроконечников. Технологическая идентификация также основывается на характере редуцирования карниза, где доминирующее положение занимает обратная подправка; в более поздних комплексах фиксируется распространение комбинированного прямого и обратного редуцирования.

Технические сколы как маркер леваллуазской технологии. Технические сколы рассматриваются как индикаторы применения леваллуазской технологии на разных этапах редукционной последовательности. В материалах Денисовой пещеры присутствуют специфические категории таких сколов.

Сколы подправки фронта разных типов фиксируются на нуклеусах различных степеней утилизации и свидетельствуют о систематическом поддержании объёма в процессе расщепления. Сколы типа enlvénment deux (Чабай 2004) представляют собой специфическую категорию, связанную с начальной подготовкой ядрища. Их функция заключается в оформлении поверхности скалывания перед снятием целевых заготовок. В южной галерее Денисовой пещеры такие сколы были определены в материалах ранней стадии среднего палеолита (рис. 2, 6–7).

Наличие в коллекции краевых сколов типа débordant, с помощью которых формируется объём фронта и снимаются излишне массивные рёбра нуклеуса, также являются ярким отличительным маркером и прямым свидетельством применения леваллуазской технологии. Массивные подтреугольные пластины débordant, иллюстрирующие начальные стадии расщепления, фиксируются в слоях 12 и 11.3 восточной галереи (рис. 2, 9–10) и в слоях 13–12 южной галереи Денисовой пещеры, дополняя коллекцию леваллуазских нуклеусов и сколов.

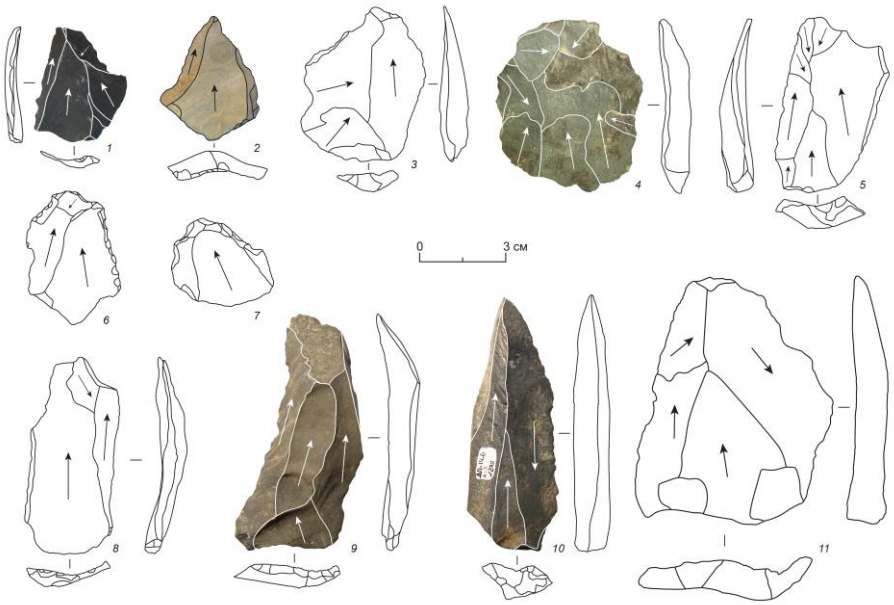

Рис. 2. Леваллуазские сколы среднего палеолита из Денисовой пещеры. 1, 2, 11 – острия, 3–4 – отщепы, 5, 8 – пластины, 6–7 – технические сколы типа enlévement deux, 9–10 – краевые пластины типа débordant.

Обсуждение результатов. Проведенный анализ позволяет выявить устойчивую систему диагностических признаков леваллуазских изделий в материалах Денисовой пещеры и проследить их изменчивость. Полученные данные указывают на то, что леваллуазская технология в регионе не является статичным феноменом, а демонстрирует направленные изменения в технических приемах при сохранении базовых принципов организации расщепления.

Все представленные критерии являются общими, и их необходимо рассматривать комплексно. Отсутствие одного диагностического признака не позволяет однозначно определять изделие как леваллуазское.

Стоит отметить, что, помимо «однозначно леваллуазских» изделий, на которых присутствуют все вышеозначенные диагностические признаки, существенную долю коллекций составляют так называемые атипичные предметы, которые, тем не менее, дают основание рассматривать их в контексте леваллуазской технологии. Атипичными называются сколы, у которых отсутствует один присущий леваллуа диагностический признак, при явном и однозначном наличии всех остальных. Так, среди остроконечников, для которых в рамках леваллуа признаны симметричная треугольная в плане форма, срединно-выпуклая тщательно фасетированная ударная площадка и треугольный негатив предшествовавшего снятия на дорсале, атипичными являются изделия неправильных очертаний, полученные, чаще всего, вследствие смещения оси скалывания (см. рис. 2, 11), или имеющие выпуклые, но смещённые от середины к латералям или ровные ударные площадки.

При анализе здесь важно рассматривать каждое изделие в совокупности его отличительных признаков и в контексте индустрии, не исключая радикально из разряда леваллуа предметы, не полностью соответствующие «идеальному» представлению о леваллуазском сколе. Потому как смещение оси скалывания могло произойти вследствие неудачного или неосторожного удара по леваллуазскому нуклеусу; особенности морфологии ядрища были способны повлиять на форму и положение ударной площадки; качество сырья отражалось на итоговой форме изделия. Все эти факторы не дают оснований считать скол, как и нуклеус, с которого он был снят, нелеваллуазскими, при условии соблюдения иных требований типологии.

Вместе с тем необходимо корректно различать предметы истинно нелеваллуазские, но обладающие одним искомым диагностическим признаком. Треугольная форма скола, или негатив сходных форм и пропорций на дорсальной поверхности и её конвергентная огранка, или фасетирование ударной площадки и т.п. «не работают» в отрыве от дополняющих критериев и не делают изделие леваллуазским. Равно как и отсутствие подготовленной площадки и/или

результирующего скола или следов попытки его снятия при наличии крупных сколов по периметру заготовки дают основание отнести нуклеус к радиальным, дисковидным, но не к леваллуазским.

Заключение. Леваллуазская технология в среднепалеолитических комплексах Денисовой пещеры обладает устойчивым набором диагностических признаков, позволяющих надежно идентифицировать соответствующие изделия в археологических коллекциях.

Ключевыми критериями выступают: для нуклеусов – наличие фасетированных ударных площадок, конвергентная обработка фронта, негативы целевых снятий, формирование объема подправки по периметру; для продуктов расщепления – тип огранки дорсальной поверхности, характер ударной площадки, наличие негативов предыдущих снятий; и для технических сколов – присутствие типов enlvénment deux и débordant.

Предложенная система диагностических критериев может быть использована для унификации методики анализа леваллуазских компонентов в индустриях других среднепалеолитических памятников Алтая и сопредельных территорий, что позволит повысить сопоставимость результатов разных исследований.

Список литературы

Гладилин В.Н. Что же такое техника леваллуа? // Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев, 1989. С. 30–45.

Деревнина А.С. Пластины леваллуа в среднем палеолите Алтая (по материалам Денисовой пещеры) // Комплексное изучение историко-культурного наследия Центральной Азии / Сборник материалов LXV Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Барнаул, 14–18 сентября 2025 года. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2025. С. 45–47.

Деревнина А.С., Козликин М.Б. Древнейшие леваллуазские острия в среднем палеолите Алтая // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда / Материалы съезда. В 3-х томах, Красноярск, 06–10 октября 2025 года. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2025. С. 126–128.

Деревнина А.С. Развитие леваллуазской технологии в среднепалеолитических индустриях южной галереи Денисовой пещеры // Актуальная археология 8 / Материалы международной научной конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 06–09 апреля 2026 год. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры Российской академии наук, 2026. В печати.

Деревянко А. П., Шуньков М. В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая //Археология, этнография и антропология Евразии, 2002. № 1. С. 16–42.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии, 2020. Т. 48. № 3. С. 3–32. DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.3.003-032.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. 448 с.

Козликин М.Б. Средний палеолит Алтая: культурная динамика и природная среда: дис. … д-ра ист. наук: 5.6.3. Новосибирск, 2025. 551 с.

Кухарчук Ю.В. К историографии проблемы леваллуа. // Каменный век: памятники, методика проблемы. Киев, 1989. С. 17–30.

Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб: «Европейский Дом», 1999. 173 с.

Постнов А.В. Метод леваллуазского расщепления, реконструированный на основе ремонтажа артефактов стоянки Усть-Каракол 1 (Горный Алтай) // Гуманитарные науки в Сибири, 1999. № 3. С. 16–20.

Ранов В.А. Парадокс леваллуа // Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев, 1989. С. 46–50.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Средний палеолит Алтая: вариабельность и эволюция // Stratum plus. Археология и культурная антропология, 2009. № 1. С. 33–78.

Рыбин Е.П., Славинский В.С. Леваллуазская конвергентная однонаправленная типичная технология в Южной Сибири и северной части Центральной Азии: вариабельность,

распространение и хронология // Stratum plus. Археология и культурная антропология, 2015. № 1. С. 285–307.

Чабай В.П. Средний палеолит Крыма: стратиграфия, хронология, типологическая вариабельность, восточно-европейский контекст. Киев: Шлях, 2004. 324 с.

Шуньков М. В. Развитие среднепалеолитических традиций на Алтае // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре / В 3-х т., Самара, 10–12 февраля 2020 года. СГСПУ: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2020. Т.1. С. 112–113.

Bordes F. Typologie du paleolithique ancien et moyen. Memoir, n. 1. Bordeaux, 1961. 85 pp.

Boëda E. Le Concept Levallois: Variabilité des Méthodes. Paris: CNRS Éditions, 1994. 280 p.

Boëda E., Geneste J.-M., Meignen L. Identification de chaînes opératoires lithiques du Paléolithique ancien et moyen // Paléo, 1990. Vol. 2. No. 1. P. 43–80.

Copeland L. Levallois/Non-Levallois Determinations in the Early Levant Mousterian: Problems and Questions for 1983 // Paléorient, 1983. Vol. 9. No. 2. P. 15–27.

Debenath A., Dibble H. L. Handbook of paleolithic typology. Volume 1: Lower and Middle Paleolithic of Europe, 1994. 202 p.

Inizan M. L., Reduron-Ballinger M., Roche G., Tixier J. Technology and Terminology of Knapped Stone. Préhistoir e de la Pierre Taillée. Nanterre: C.R.E.P., 1999. T. 5. 192 p.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M. Middle and Upper Paleolithic Levallois technology in eastern Central Asia. In: Quaternary International. № 535. 2020. P. 117–138.

Schlanger N. Understanding Levallois: Lithic Technology and Cognitive Archaeology // Cambridge Archaeological Journal, 1996. Vol. 6. № 2. P. 231–254.

А.С. Деревнина, Е.Е. Славинская

Таулы Алтайдағы орта палеолиттегі леваллуа технологиясы: ерекшеліктері мен анықтау критерийлері (Денисов үңгірі материалдары негізінде)

Бұл мақалада Денисова үңгірінен алынған материалдарды мысал ретінде пайдалана отырып, Алтай тауларының орта палеолит өнеркәсібіндегі Леваллуа технологиясын анықтаудың теориялық және әдіснамалық мәселелері қарастырылады. Леваллуа, радиалды және параллель қабыршақтау әдістерінің ұқсастықтары мен айырмашылықтары талданады. Денисова үңгірінің шығыс және оңтүстік галереяларынан алынған орта палеолит материалдарын талдау негізінде әртүрлі артефакт санаттары: өзектер, қабыршақтар, қалақшалар, нүктелер және техникалық саңылаулар үшін Леваллуа технологиясының диагностикалық ерекшеліктерінің жүйесі ұсынылады. Негізгі критерийлерге дорсальды беттің фасеттациясы, соққы платформаларының анықтамасы және карниздің редукция түрі жатады. *Enlévement deux* және *débordant* сияқты нақты техникалық саңылаулар да тән белгі болып табылады. Ұсынылған жүйе Алтай тауларындағы және оған іргелес аумақтардағы орта палеолит орындары үшін Леваллуа компоненттерін талдау әдістерін біріктіруге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Леваллуа технологиясы, орта палеолит, Денисова үңгірі, радиалды және параллель бөліну, диагностикалық критерийлер.

A.S. Derevnina, E.E. Slavinskaya

Levallois Technology in the Middle Paleolithic of the Mountain Altai: Features and Criteria for Identification (Based on Materials from Denisov Cave)

The article discusses theoretical and methodological issues related to the identification of Levallois technology in the Middle Paleolithic industry of Altay based on materials from the Denisova Cave. The similarities and differences between Levallois, radial and parallel knapping are analyzed. This system is based on the analysis of collections from the East and South Chambers of the Denisova Cave, which date back to 156±15–70±8 and 148±22–56±7 ka BP. Key criteria include dorsal surface, platform morphology and butting reduction types, as well as the presence of specific types of flakes (*enlévement deux* and *débordant*). This system enables the unification of analytical methods for studying Levallois components at Middle Palaeolithic sites in the Altai and neighboring areas.

Key words: Levallois technology, Middle Palaeolithic, Denisova Cave, radial and parallel flaking, diagnostic criteria.

В.Я. Шумкин
Институт истории материальной культуры
Российская академия наук
Санкт-Петербург, Россия
shumkinv@yandex.ru

Инициальная и последующие адаптационные модели древнего населения Кольского Севера по археологическим данным*

Первоначальное, около 11–10 тысяч лет назад, заселение северной Фенноскандии, куда географически входит и Кольский полуостров, во многом определило, как смену сырьевой базы, которая была доступна здесь древнему человеку, так и способа жизнеобеспечения. Первое заключалось в том, что здесь практически не было привычного для более южных территорий («земля пращуров») кремня, второй- по самому пути на север по кромке норвежского побережья предполагал основной источник пропитания в виде получения даров моря на литорали (погибшие морские животные, рыба, водоросли). Это, конечно, дополнялось рыболовством с помощью, уже несомненно, существовавших лодок, и сухопутной охотой. Надо сказать, что как в эти времена, так и много позднее освоение морского побережья всегда превалировало по сравнению с материковыми территориями. В неолите (6,5–4 тысяч лет назад) постепенно развивается активная добыча морских животных и этот процесс триумфально завершается в бронзовом веке (4–2,5 тысячи лет назад) оформлением специализированного морского промысла (в основном, на тюленей). Это был период расцвета местной культуры, когда изобилие пищи способствовало появлению поселений с крупными углубленными жилищами, монументального и мобильного видов искусства. Уровень развития приморских обитателей этой поры позволяет их относить к обществам осваивающих уже производящее хозяйство, пусть и на эмбриональном этапе. Тундровые территории более активно осваиваются сообществами рыболовов и охотников на семейство оленьих. Так, единое по происхождению население, в зависимости от местных условий, освоило различные хозяйственно-культурные типы.

Ключевые слова: мезолит, неолит, ранний металл (бронзовый век), стратегии жизнеобеспечения, саамское средневековье, коми-ижемцы.

Для древних периодов истории человечества археология обладает приоритетным статусом. Среди многих, возлагаемых на неё задач, изучение возникновение, становление, развитие, в определённых пространственно-временных рамках, адаптационных и хозяйственно-культурных стратегий имеет огромное значение. Пониманию истоков и вектора данных процессов может способствовать исследование современных гипотез по инициальному заселению и процессам дальнейшего освоения Арктических земель северо-запада Европы. Несмотря на близость Кольской земли, по российским мерками её современных аборигенных обитателей–саами от обеих столиц (Санкт-Петербург–1000 км, Москва–1500 км) и более чем 200-летнюю длительность их изучения, эта удивительная, столь непохожая на своих соседей по культуре, языку, облику, обычаям, образу жизни народность остаётся до сих пор во многом загадочной. Видимо, это своеобразие нужно искать в глубинных истоках формирования, развития, контактах и взаимовлияниях с территориально близкими, но по уровню хозяйства, совершенно отличными соседями и, хотя пространственно удалёнными, однако сходными по системе жизнеобеспечения и мировоззрению народностями. Полностью поддерживаю высказывание известного исследователя Арктических сообществ А.В. Головнёва (2006): «на Севере рождались и развивались культуры больших пространств, а не малых народов».

Первые поселенцы проникают в Фенноскандию, на полуостров Сконе южной Швеции, в самом конце плейстоцена / начале голоцена с территории северогерманской низменности. Поступательному, сравнительно быстрому продвижению на север, вдоль узкой полоски норвежского побережья способствовали ускоренное освобождение этих участков от ледника под действием уже «греющего» Гольфстрима (Кошечкин 1975; Hald, Aspeli 1997; Larsen, Lysa, Demidov, Funder, Houmark-Nielsen, Kjaer ,Murray 1999; Moller 2003) и использование водного (морского) транспорта (Tromnau 1987), что косвенно подтверждается очень ранним заселением удаленных

* Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007)

островов в незамерзающих водах Северного, Норвежского и Баренцева морей. Благодаря всем этим факторам северные первопроходцы уже в бореальный период (не позднее 10 000 лет назад) достигли арктического побережья Фенноскандии (рис.1). Небольшие мезолитические коллективы морских собирателей и рыболовов, попав в экстремальные условия, оказались в изолированном положении, сопровождавшимся стагнацией и даже деградацией материальной культуры (Yesner 1980; Renouf 1984; Woodman 1885; Шумкин 1986 а, 1993), но, тем не менее, сохранили древние мировоззренческие традиции, о чем свидетельствуют крупномасштабные, выполненные методом «прошлифовки» линий, петроглифы этого времени и, несколько более поздние, писаницы с рисованными красной охрой, геометрической формы изображениями (рис. 2-3) мезолитических творцов.

Рис. 1. Схема предполагаемого инициального заселенияСеверной Фенноскандии в финальном палеолите-мезолите.

Рис. 2. Писаницы Пяйве («Галерея») на полуострове Рыбачий. Высота 20 23 м над уровнем моря. Поздний мезолит (8 тыс.лет от н.д.?).

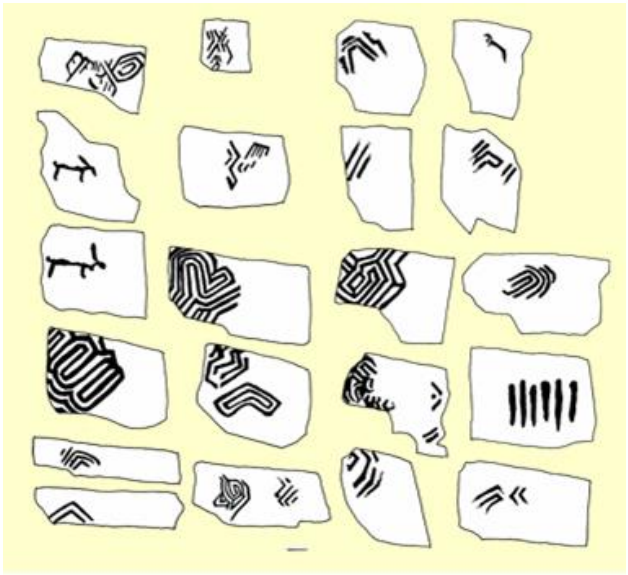

Рис. 3. Типы рисованных изображений Пяйве («Галерея») на полуострове Рыбачий.

Для своих стоянок, это очень малочисленное древнее население (мезолитическая культура комса) выбирало наиболее удобные места, исходя из существующего окружения и условий, руководствуясь, основным направлением хозяйственной деятельности (рис. 4), ориентированным, в основном, на кочевое морское собирательство («дары моря», включая моллюсков и выброшенных на берег штормами рыбу и морских млекопитающих). Орудийный арсенал был очень ограничен и прост (рис. 5-6, но его изготовление требовало знания сырьевой базы, оптимальных принципов раскалывания разных пород камня, что достигалось опытом многих предшествующих поколений и основывался на использовании разных технологических приёмов (отщеповый и пластинчатый). Но даже такой набор рабочих инструментов был эффективен м позволял выживать древним сообществам при чрезвычайно обильной фауне тех лет в данном рефу́гиуме (Шумкин 1986а, с 15-33). Первопоселенцы прибрежной части Кольского Севера, впрочем, как и остальной приморской территории Фенноскандии были, в основном, бродячими морскими собирателями. Это наиболее вероятно, поскольку, данный регион и сейчас один из самых продуктивных в мире по рыбным запасам и обилию морских животных. Так, ещё в XIX веке известный исследователь Севера Михаил Рейнеке (1878) писал: «Иногда в течение лета выбрасывает на берег (Мотовского залива) до 10 китов, обыкновенно менее, но весьма редко ни одного. Все берега покрыты костями или не истлевшими еще остатками сих животных». До начала XX века приморский участок Кольской земли от Мурманска до полуострова Рыбачий нередко именовали Китовым берегом. В описании герба города Кола, утвержденном 2 октября 1781 года, говорится: «… Во второй части кит в голубом поле. В знак того, что жители того города в ловле сих рыб упражняются». В древности, без сомнения, случаи «вымета» на берег морских млекопитающих тоже не были редкостью.

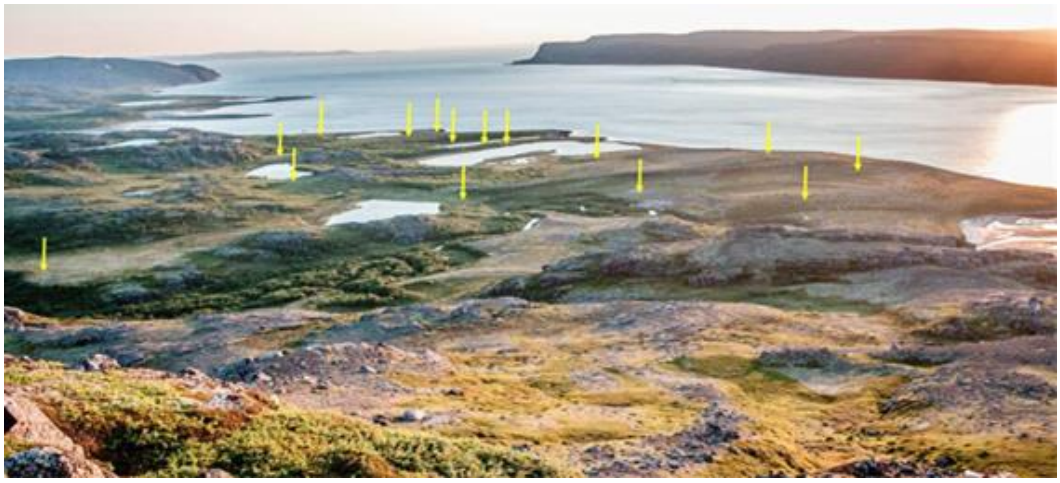

Рис. 4. Типичное расположение приморских стоянок раннего мезолита Килдинский пролив Баренцева моря (Мурманский берег). Комплекс стоянок у ручья Гусиный. Высота 27-29 м БС.

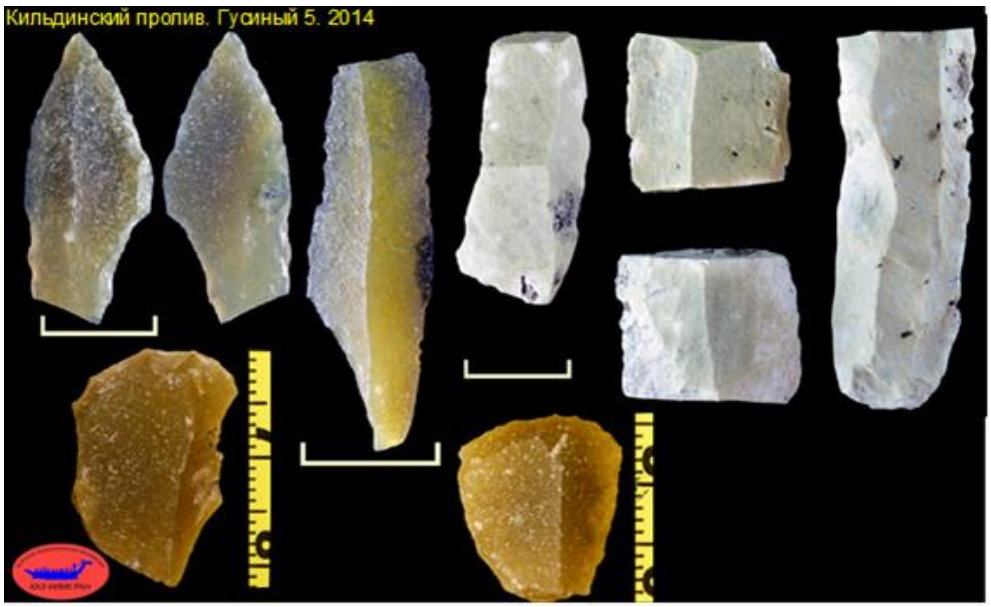

Рис. 5. Каменные артефакты раннего мезолита Кольского полуострова. Стоянка Гусиный 5. Килдинский пролив Баренцева моря (Мурманский берег). Пластнначатая техника. Окремнённая порода. Раскопки Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН 2014 г.

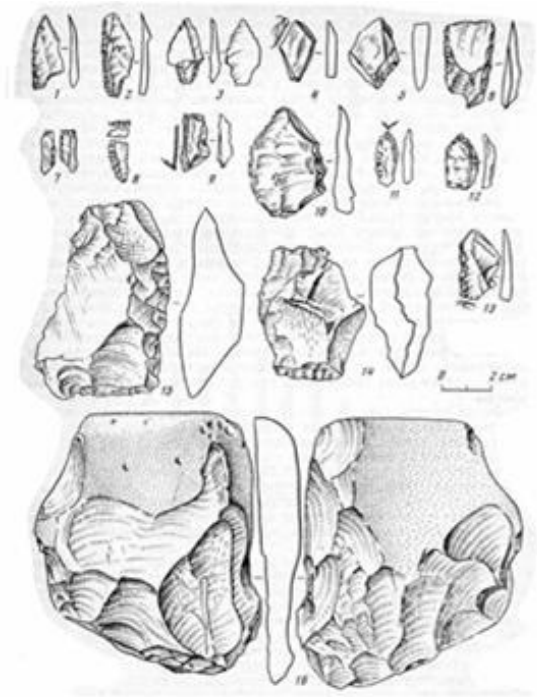

Рис. 6. Типы каменных кварц, кремень, песчаник, доломит) орудий (техника отщепа) периода мезолита Кольского полуострова.

Наступившие благоприятные природно-климатические условия (атлантический оптимум), способствовали более ускоренному развитию местного населения и позволили к началу неолита (около 6,5 тыс. лет назад) заселить практически все регионы Северной Фенноскандии. Последними стали берега северной Ботнии, побережье Белого моря и центральная часть Кольского полуострова. Постепенно осваиваются новые виды и источники сырья (сланец, шифер), что способствует совершенствованию техники обработки и производству новых типов орудий, налаживаются контакты с более южным населением, от которого заимствуются навыки керамического производства (рис. 7). Всё более существенными становятся признаки начала активной приморской адаптации (прибрежный зверобойный промысел, основные приёмы которого ещё тесно связаны с навыками сухопутной охотничьей практикой). Эти изменения оказывали, наряду с природными и

социальными факторами, значительное стабилизирующее воздействие на местные популяции. Неолитический период (6,5-4 тыс. лет назад) для населения Северной Фенноскандии характеризуется с определенными прогрессивными изменениями во всех областях хозяйственной и культурной жизни, происходившими, в основном, за счет внутреннего развития общества.

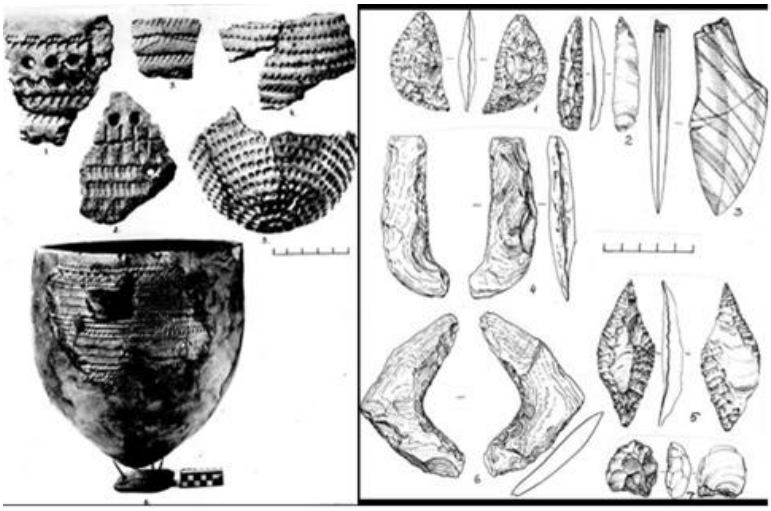

Рис. 7. Керамика типа сяряизниеми 1 (слева) и некоторые типы каменных орудий (справа) эпохи неолита Кольского полуострова.

Эпоха раннего металла (4-2,5 тыс. лет назад) чрезвычайно важный, интересный и во многом определивший последующее развитие этап истории древнего населения Серерной Фенноскандии. Появляются, особенно в приморских районах (Шумкин, Колпаков 2012. с. 611-622) сотни долговременных поселений с многочисленными углублёнными жилищами (рис. 8-11). Выбор мест обитания (кромка морского побережья), фаунистические остатки (морские млекопитающие, в основном, тюлени), орудийные комплексы (гарпуны, в том числе поворотные, крупные рыболовные крючки, грузила, якоря) и объекты духовной культуры (сюжеты петроглифов) определенно свидетельствуют о сложившейся специализированной культуре охотников на морского зверя. Учитывая обилие природных ресурсов региона и довольно высокий уровень материальной культуры, можно считать выбранную адаптационную модель очень удачной, на тот момент позволяющей населению устойчиво «процветать» и развиваться в данном арктическом окружении. Необходимость объединения крупных устойчивых коллективов для результативной морской охоты приводит к появлению внушительных по размерам углубленных жилищ. Изобретение специализированных эффективных орудий морского промысла (особенно, поворотные гарпуны) обеспечивало результативность такова вида охоты. Некоторые различия приморского и континентального населения, проявляющиеся в специализированной направленности адаптационных стратегий, незначительны на общекультурном уровне (Шумкин 1988, 1991; Shumkin, 1990, 1992, 1996, 2000(, Это позволяет считать обитателей разных экологических ниш носителями единой, лапландской археологической культуры, представленной двумя хозяйственно-культурными типами (Левин, Чебоксаров 1955): специализированные охотники на морского зверя на побережье и тундровые рыболовы и охотники внутриматериковых территорий.

Рис. 8. Типичное место расположения поселения с долговременными углублёнными жилищами охотников на морского зверя эпохи раннего металла (тип грессбаккен). Завалишинская бухта Териберского залива Баренцева моря (Мурманский берег). Поселение Завалишина 5. Вид с ЮВ.

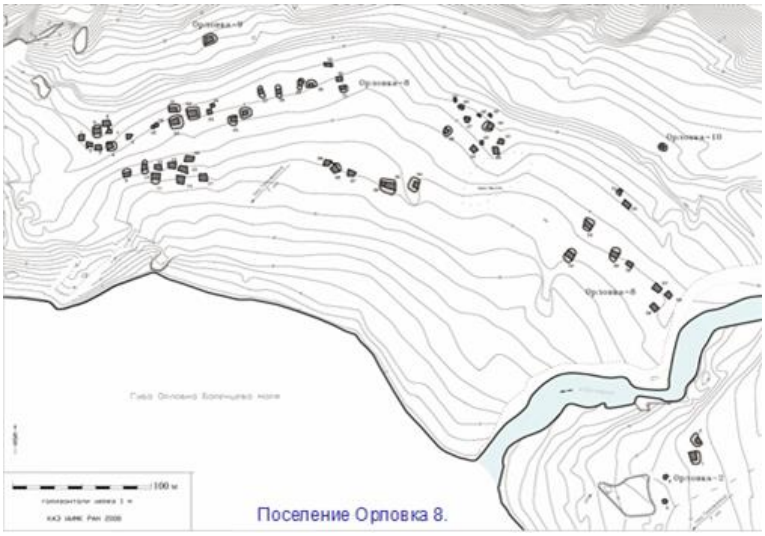

Рис. 9. Расположение жилищ охотников на морского зверя эпохи раннего металла (тип грессбаккен). Орловская бухта Териберского залива Баренцева моря (Мурманский берег). Поселение Орловка 8. Съёмка Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН 2009 г.

Рис. 10. Типичный котлован жилища грессбаккен. Фото 1996 г.

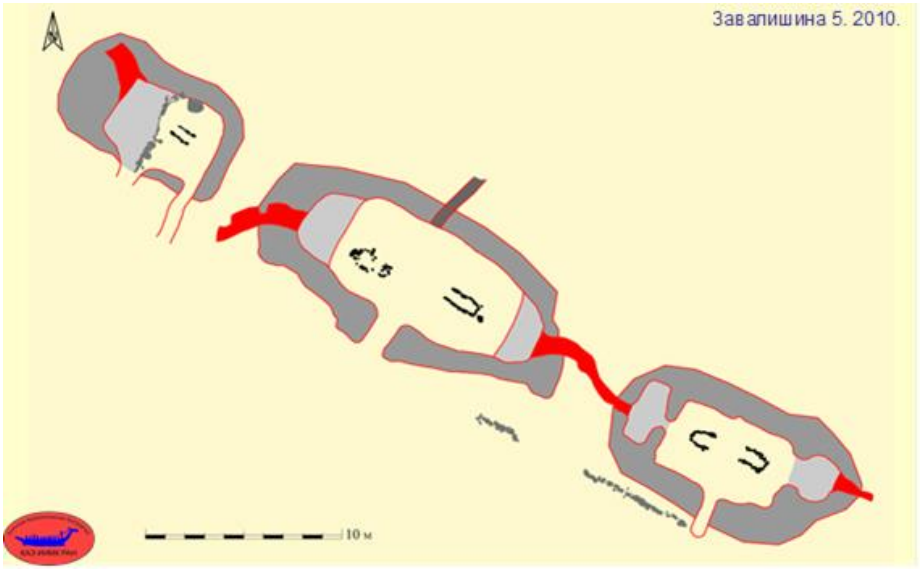

Рис. 11. План соединённых жилищ грессбаккен. Завалишинская бухта Териберского залива Баренцева моря (Мурманский берег). Поселение Завалишина 5. Жилище 8. Раскопки Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН 2010 г.

Несомненно, с момента первоначального появления человека на арктическом побережье Скандинавии в 10 тыс. до н.э. морские ресурсы играли основную роль в жизнеобеспечении местного населения. Особенно ярко это проявилось в эпоху раннего металла. Источники наших знаний о предмете добычи древних людей можно разделить на три категории. Во-первых, собственно костные остатки на тех немногочисленных археологических памятниках, в которых сохраняется органика. Во-вторых, артефакты, связанные с промыслом и охотой. В основном, это костяные гарпуны и рыболовные крючки. В-третьих, большое количество наскальных изображений морской и сухопутной фауной, выбитых или нарисованных охрой на скалах (рис. 12).

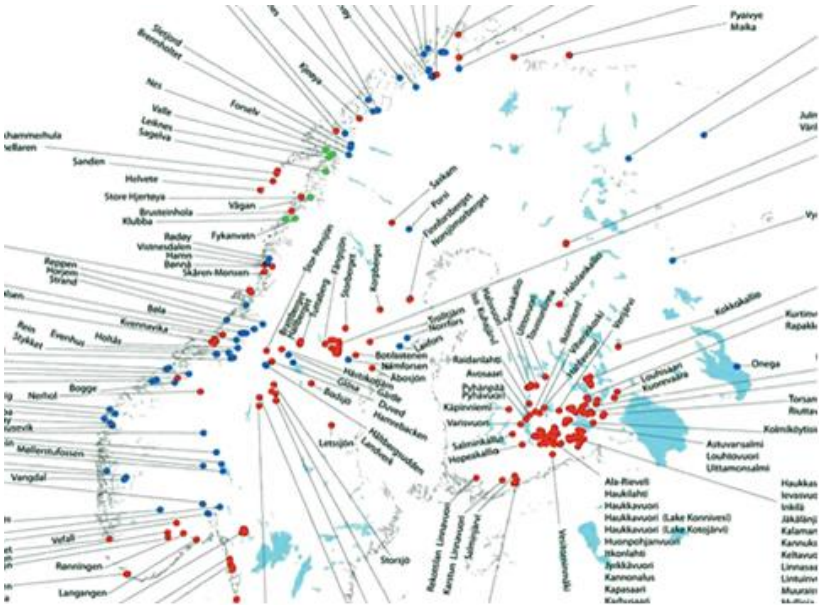

Рис. 12. Расположение памятников наскального искусства (красные значки- писаницы, синие-петроглифы) Фенноскандии. По Я.М. Гьерде (Gjerde 2010)

Самые ранние изображения могут относиться к 8 тыс. лет назад, а наиболее ранние специализированные орудия морской охоты датируются, вероятнее всего, не ранее 6 тыс. лет назад. По костным остаткам животных на поселениях можно заключить, что главным объектом морского промысла был гренладский тюлень. По общему количеству костей, как и по минимальному количеству особей, гренладский тюлень, как правило, значительно превосходит всех остальных морских и сухопутных животных. В ближайшем к Мурманску памятнике у посёлка Териберка,

раскопанному в 2010 г. (Колпаков, Шумкин, Тарасов, 2012), минимальное количество особей гренландского тюленя (Phoca groenlandica) составляет 41, в то время как морской заяц (Erignathus barbatus) – 2, морж (Odobenus rosmarus) – 1, белуха (Delphinapterus leucas) – 2 (обработка фаунистических остатков выполнена научными сотрудниками ЗИН РАН Е.А.Петровой и М.В.Саблиным)[1] На других памятниках к этому набору добавятся в небольшом количестве кольчатая нерпа (Phoca hispida), тюлень обыкновенный (Phoca vitulina) и серый (Phoca grypus) (Hodgetts, 1999; 2010, p. 46–47; Helskog & al. 2016). Из видов китообразных представлены морская свинья (Phocoena phocoena), белобокий дельфин (Delphinus delphis), косатка (Delphinus orca), гринда (Globicephala) (Hodgetts, 2010, p. 46–47). Среди рыбьих костей абсолютное преобладание трески (Gadus morhua) и тресковых (Hodgetts, 1999; Helskog & al. 2016). Изредка встречается палтус.

Средства рыболовства в артефактах представлены массивными крючками, вырезанными целиком из кости, и составными из кости с каменным жалом (Шмидт, 1930; Гурина, 1997; Murashkin et al., 2016). Остатки сетей не найдены (не сохранились), но имеются каменные грузила из галек с прошлифованным желобком для обвязывания. Среди артефактов добыче тюленей и китообразных не редки находки различных типов костяных гарпунов: односторонних, двусторонних с различным количеством зубцов и поворотных (рис.13).

Рис.13. КОМ. Гарпун с каменным наконечником (слева) и поворотный гарпун (справа). Раскопки А.В. Шмидта 1928 г. ПогребениеVIII.

Разумеется, если пытаться оценить роль тех или иных видов животных в диете древнего человека, то кроме количества подсчитанных на поселениях особей, необходимо учитывать различия в массе тела и пищевой ценности разных животных. С учётом этих факторов гренландский тюлень (вместе с другими видами тюленей) остаётся на первом месте, но китообразные могут занимать в питании до 35% (Hodgetts, 1999, p. 177).

В наскальных изображениях Фенноскандии морские животные и рыбы представлены совершенно иначе. Есть всего несколько изображений тюленей абсолютно невыразительных, за исключением двух фигур (рис. 14, 1) в Валле (Gjessing, 1932). Фигур моржей (рис. 14, 2) всего три – только на Бесовых Следках (Равдоникас, 1938). Зато китообразные имеются в большом количестве и разнообразии видов. Изображения усатых китов единичны, но представлены разными видами, насколько об этом можно судить по некоторым деталям фигур. Действительно массовыми являются изображения зубатых китов (рис. 14, 3–5), хотя по памятникам наскального искусства они распределяются весьма неравномерно. Больше всего их на скалах реки Выг, рядом с городом Беломорск (Равдоникас, 1938; Савватеев, 1970), на Канозере , к северу от посёлка Умба (Колпаков, Шумкин, 2012), и в Альта-фиорде (Helskog, 2013). Дать точные видовые определения этим изображениям затруднительно из-за относительной схематичности фигур, но в целом предполагается, что, в основном, изображали белух (Колпаков, 2007, с 155-183). Из письменных источников и этнографии известно, что люди не упускали возможность использовать в пищу

[1] Приношу научным сотрудникам ЗИН РАН Е.А.Петровой и М.В.Саблину искреннюю признательность за проделанную работу.

выброшенных на берег морских животных. В Альте есть единственное изображение «выброшенного» на берег кита, но поедают его, правда, не люди, а бурые медведи.

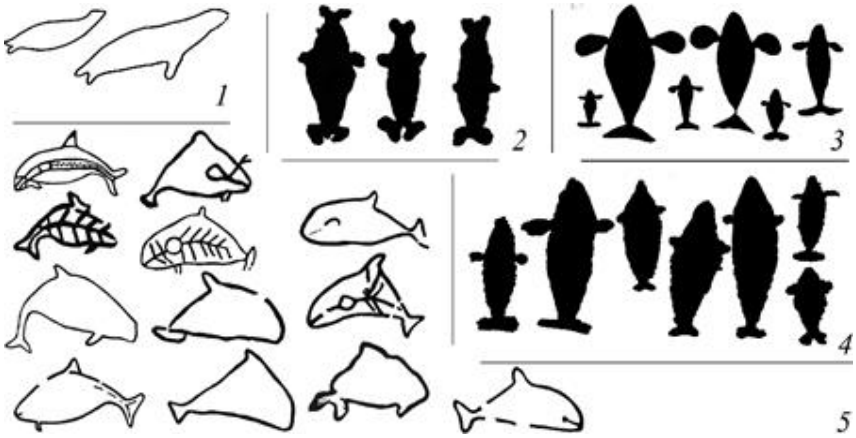

Рис. 14. Основные типы изображений морских млекопитающих (прорисовки) выбитых на скалах Фенноскандии. 1 – тюлени, Валле (по Gjessing, 1932, Pl. XXVII); 2 – моржи, Выг (по Равдоникас, 1938, Табл. 28); 3–5 – китообразные: 3 – Канозеро (по Колпаков, Шумкин, 2012, с. 302),4 – Выг (по Савватеев, 1970, Рис. 7), 5 – Хаммер (по Steberglokken, 2008, p. 98)

Изображения рыб (рис. 15) по количеству, наверное, уступают китообразным. Точные соотношения здесь вычислять вряд ли имеет смысл, поскольку многие фигуры слишком схематичны для того, чтобы разделить рыб и китов (рис. 16). Среди изображений рыб наибольшее количество фигур вероятно относится к палтусу. По крайней мере, в сценах рыбалки часто изображён именно он, и однажды щука. Есть отдельные фигуры лососевых и тресковых. На поселениях среди рыбьих костей резко преобладают кости трески. а в петроглифах «главной» рыбой оказывается палтус.

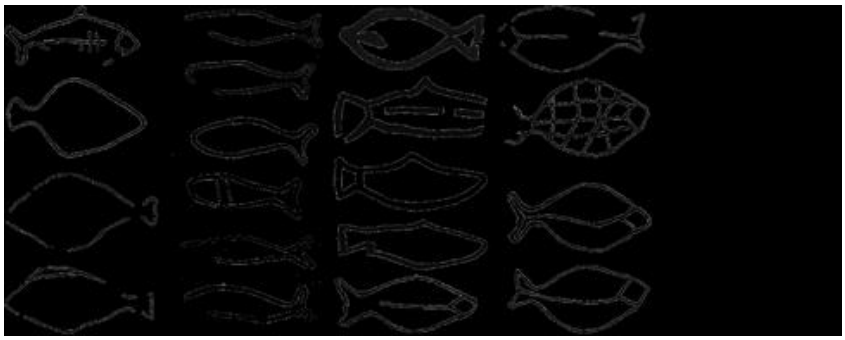

Рис 15. Основные типы изображений рыб (прорисовки) выбитых на скалах Фенноскандии. 1 - Норвегия (по: Steberglokken, 2008, p. 94), 2 – Канозеро (по: Колпаков, Шумкин, 2012, с. 302).

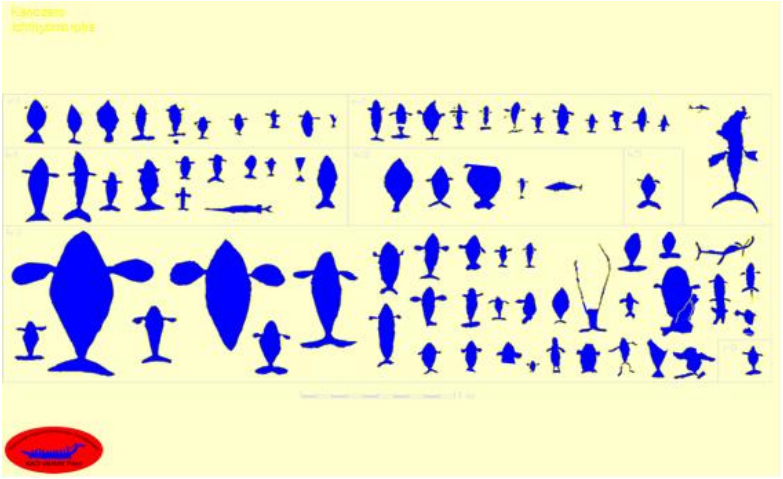

Рис. 16. Изображения морских млекопитающих и рыб на Канозере. (прорисовки).

Из орудий промысла в наскальном искусстве присутствует лишь несколько изображений гарпунов. Зато выбито около сотни сцен, в которых изображены лодка и линь, соединяющийся с загарпуненным китом (Рис 17-18). Надёжных изображений рыболовных крючков нет, но имеются лодки, соединённые линией с пастью рыбы. Также нет изображений сетей. Некоторые геометрические фигуры с «сетчатым» заполнением связаны не с ихтиоморфами, а, в основном, с фигурами лосей и оленей.

Рис. 17. Канозеро. Группа Каменный 7. Гарпунная охота с лодок (прорисовка).

Рис. 18. Канозеро. Группа Каменный 7. Гарпунная охота (фото).

Таким образом, наблюдается резкое несовпадение между видами морских животных, представленных на петроглифах, и в фаунистических остатках из приморских мест обитания. На поселениях преобладают кости тюленя, а китообразные обычно представлены единичными особями. В петроглифах можно найти всего несколько мелких фигур, которые можно определяются как изображения тюленей. Кроме этого на Канозере, Выге и в Альте немало сцен охоты с лодок с гарпуном и на других животных: лосей, бобров, медведей, птиц.

Конечно, результативности морского промысла, помимо применения специализированных орудий, способствовало и наличие лодок, изображения которых представлены на большинстве крупных наскальных комплексов (рис. 19). Наиболее представительное лодочное «собрание» зафиксировано (Равдоникас, 1938; Саватеев 1970) на Выге (551 изображение), в Нэмфоршене - 336 (Hallstrom, 1960), на скалах Канозера (рис. 20-21) их выбито 182 (16% от общего количества всех

фигур). Основной тип судна имел прямоугольный профиль, удлиненный форштевень, увенчанный головой лося, выраженный выступающий вперёд киль, выступающий назад киль или прямоугольную нижнюю часть кормы, четко выраженный ахтерштевень, отходящий от кормы наклонно вверх, часто с отростком вниз. Подходящим к таким изображениям типом судна является конструкция, в основе которой лежит широкая килевая доска, на которой крепятся борта, нос и корма. Доска эта выступает вперед, за пределы носа, и назад, за корму, образуя силуэт соответствующий изображениям лодок на скалах Северной Фенноскандии.

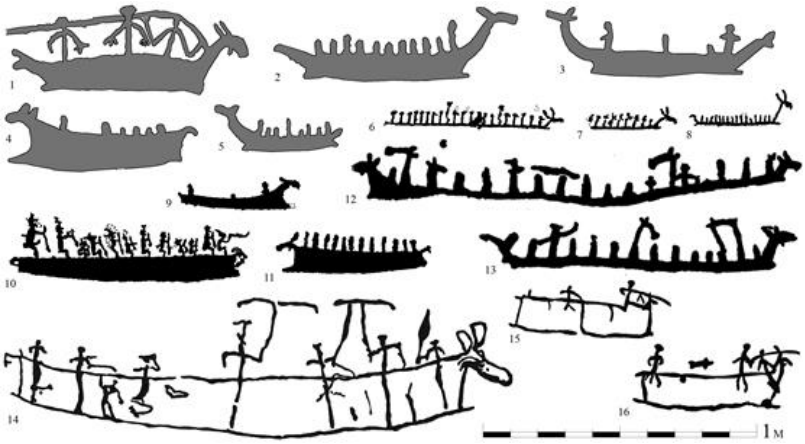

Рис. 19. Примеры изображений лодок выбитых на скалах Фенноскандии. (Прорисовки). 1-5 – Мурманская область, Канозеро - [по: Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. 2012.], 6-8 – Карелия, Онежское озеро [по: Равдоникас В.И. 1938], 9-11 – Карелия, река Выг [по: Савватеев Ю.А.1970], 12-13 – Швеция, Нэмфоршен, 14-16 – Норвегия, Альта.

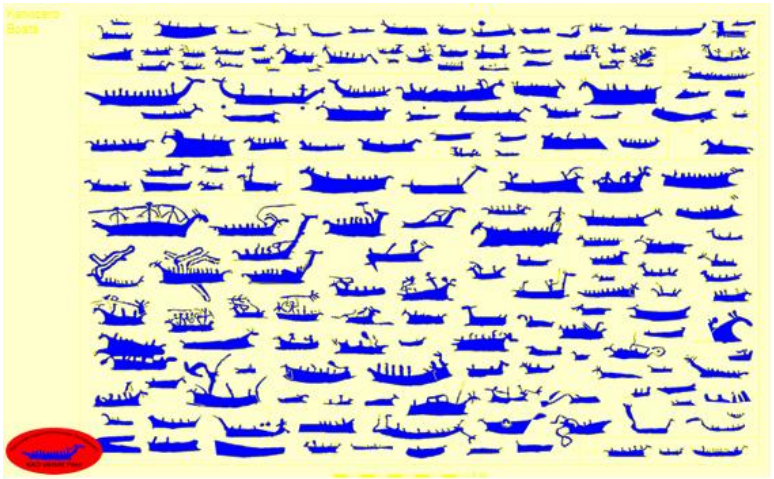

Рис. 20. Изображения лодок на Канозере (прорисовки).

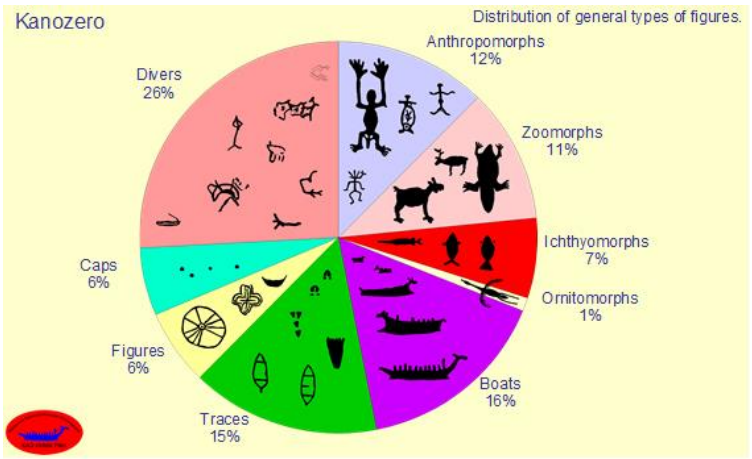

Рис. 21 . Канозеро. Процентное соотношение видов фигур.

Специализированная приморская адаптация населения эпохи раннего металла хорошо подтверждается и материалами Кольского Оленеостровского могильника (3,5 тыс. лет от наших дней.), расположенном не небольшом островке в Кольском заливе Баренцева моря (Шмидт, 1930; Шумкин, Колпаков, Мурашкин, 2006, с. 42-52). Этот некрополь является до сих пор единственным представительным (более 60 захоронений) погребальным памятником данного периода во всей Евразийской Арктике. Прекрасная сохранность органики и остеологических останков позволили выяснить, что умерших помещали со всеми погребальными» дарами» (среди которых были костяные кинжалы, наконечники стрел, гарпуны разных типов, рыболовные крючки, украшения) в деревянные лодки – кережки (рис 22), для постройки которых использовались кораблестроительные технологии: набор корпуса из досок в клинкер, шпангоуты, смоление всего судна (рис. 20).

Рис. 22. Кольский Оленеостровский могильник (КОМ). Лодка-кережка в погребении 13. Раскопки КАЭ ИИМК РАН. 2003 г.

О преимуществах выбранной приморской стратегии, дававшей в это время относительное благополучие в культурном, жизнеобеспечивающем и стабильном планах свидетельствует сам возраст (за 60 лет) многих похороненных (рис. 23) соплеменников и их сравнительно хорошее физическое состояние (Хартанович В.И., Боруцкая С.В., Васильев С.В., Шумкин В.Я.; Хартанович, Моисеев, 2012, с. 128-145).

Рис. 23. Скульптурный портрет древнего «оленеостровца» (КОМ, погр. 13). Из экспозиции музея г. Полярный Мурманской области. Реконструкция выполнена Р.М. Галеевым (Одел физической антропологии ИЭА РАН).

Вероятно, каждая древняя культура имеет свой «пик развития». Для древнего населения Северной Фенноскандии он пришёлся на период эпохи раннего металла, время расцвета духовной и хозяйственной жизни местных сообществ. По данным о индейцах Северной и Южной Америки (Broadbent 1979, p. 194), население, обитавшее на побережье, было обеспечено продуктами питания в 5-10 раз лучше материковых охотников и в 2 раза земледельцев. Учитывая, что воды Баренцева моя и сейчас чрезвычайно обильны морскими млекопитающими, недостатка пищи береговые популяции не испытывали. По имеющимся этнографическим свидетельствам, у эскимосов

суммарная продукция охоты на морского зверя в 1.5-2 раза превышала их потребности (Крупник, 1978). Сходная картина наблюдалась и у приморского населения Фенноскандии.

Исходя из этого, основываясь на специализированном высокопродуктивном укладе, можно условно отнести охотников на морского зверя к обществам, осваивающим производящее хозяйство, пусть и на эмбриональной фазе его развития. В наскальном творчестве по размерам святилищ, проработанности композиций и тематике изображений, оставленных морскими зверобоями (Канозеро, рис. (24-25) и тундровыми рыболовами и охотниками на оленей (Поной, рис. 26) наблюдаются определённые отличия, но есть свидетельства о том, что они несомненно контактировали между собой.

Рис. 24. Канозеро. Группа Каменный 7. Процесс документирования (зарисовка изображений на полиэтиленовую плёнку) Я. М. Гьерде. (Университет Тромсо, Норвегия).

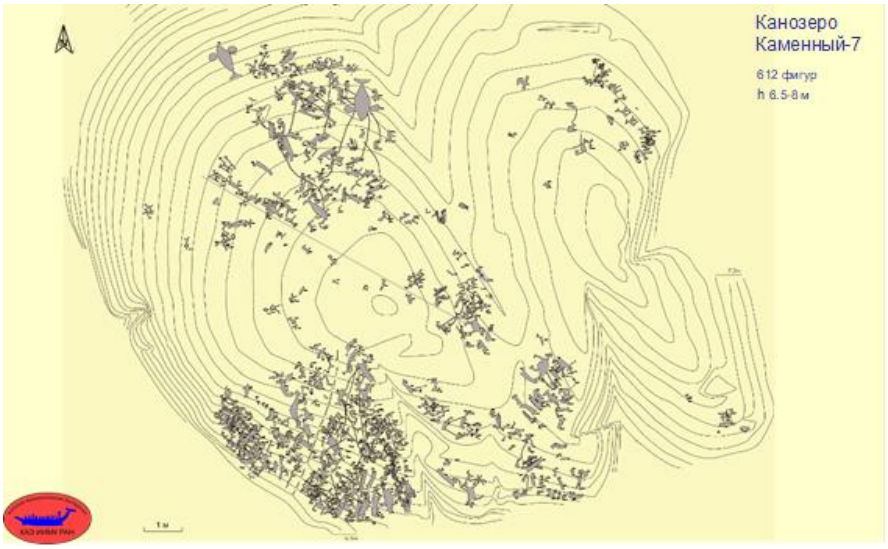

Рис. 25. Канозеро. Группа Каменный 7. Расположение выбивок (прорисовка).

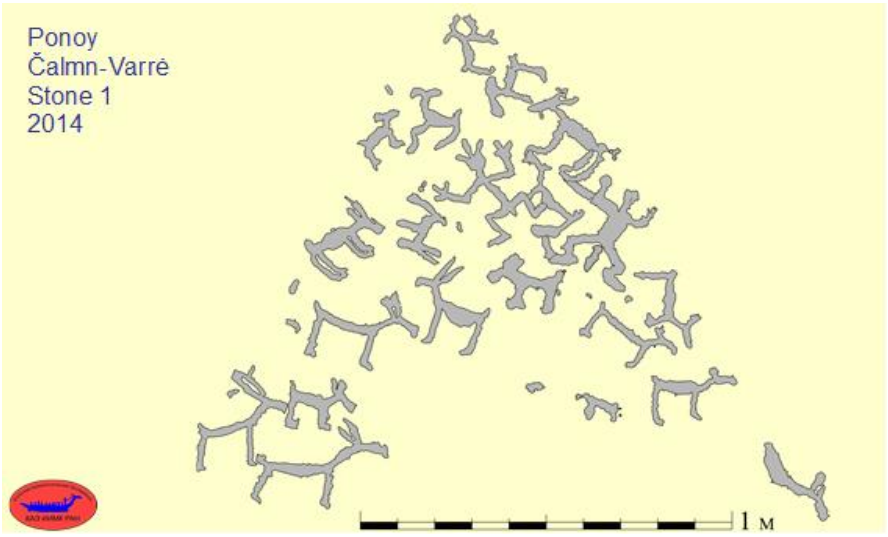

Рис. 26. Поной (Чальмн-Варрэ). Камень 1. (прорисовка Е. Колпакова 2014 г.).

«Тучные» времена обычно сменяются спадом по тем или иным причинам: резкие климатические изменения, социальные катаклизмы, нарушения природного баланса (экологического равновесия). Все эти события, видимо, сошлись вместе около 2 тыс. лет назад и вынудили уцелевшие малочисленные коллективы вернуться к бродячему образу жизни уже в материковой тундре.

Некоторый ренессанс происходит в начале новой эры, когда, усвоение не позднее середины I тыс. от. Р.Х. навыков и развитие особого, мелкостадного, экологического, «малозатратного» типа оленеводства способствовало длительному процессу этнической консолидации на базе зимних селений-сийтов. Однако, местное население Северной Фенноскандии уже не смогло достичь уровня развития своих соседей, под чьё влияние, давление и зависимость оно попало. Исторически неизбежно стало включение этих охотничьих групп раннего железного века в сферу торговли с более прогрессивным («вождистские» общества), земледельческо-скотоводческим населением, в результате которог они переключились, в основном, на добычу пушнины, как эквивалента получаемых товаров. Последние состояли из разнообразных, в основном, металлических изделий, включая украшения, орудия труда и посуду. Очень вероятен и приток нового населения. Таким образом, аборигены к рубежу эр утратили основные черты своей материальной культуры, по которым их можно было идентифицировать и связать с предшествующим населением: большинство костяных орудий не сохраняется при кочевом образе жизни, так как культурного слоя практически не образуется, керамическое производство исчезает – сосуды в большинстве, вероятно, были металлическими (результат обмена) и очень ценились, а их обломки шли в переплавку. К тому же, обнаружить небольшие кратковременные стоянки, отличающиеся по своему положению от прежних мест обитания на берегах рек и озер, чрезвычайно трудно, поскольку пушной промысел требует иных ареалов. Авторитарные, «цивилизованные» сообщества стали причислять, особенно после принятия ими христианства, аборигенов Лапландии в разряд отсталых народностей.

Этнографические данные показывают, что в средневековье местное население разделилось на разные, по хозяйственно-культурному типу, группы, уже владея навыками оленеводства. Таким образом, рационально, без особого «прессинга» на местные экологические ниши посредством цикличных перекочевок (люди «четырех» сезонов) эксплуатировались различные экосистемы Северной Фенноскандии.

Явная, неоспоримая, документированная восточная инфильтрация происходит в конце XlX в., когда нехватка оленьих пастбищ и массовый падеж животных из-за эпизоотий, оскудение естественных биологических ресурсов вынудили зажиточных коми-ижемцев (Рочев, Терентьевы, Филиппов, Канев, Чупров) вместе с оленьим стадом в 9 тыс. голов, в сопровождении пастухов (практически, батраков) ненцев рода Хатанзей осенью 1883 года решили перебраться на Кольский полуостров. Добравшись зимой 1886 г. до старинного саамского погоста Ловозеро, решив, что эти тундры самые лучшие для разведения оленей и напоминают родные просторы, остановились здесь, даже не получив разрешения местных обитателей на обитание в их селении. Саами жаловались, что крупные стада пришельцев выбивают ягель и что ижемцы убивают их оленей, или уводят к себе. Но вновь прибывшие не жалели денег на подкуп должностных лиц, и добились приговора сельских сходов на свой прием в члены их общества. Недоразумения и столкновения происходили как «от хищничества ижемцев», так и на почве разных форм ведения хозяйства и несходства обычаев.

Саамы по-прежнему предпочитали вольный выпас оленей, при котором животные то и дело попадали в ижемские стада. Видя необыкновенный прирост в стадах коми (в 1902 г. их стада насчитывали 18 тыс. оленей, в 1909 г. уже 30 тыс.), саами постепенно стали переходить на их метод пастьбы, стали охранять свои стада, устраивать загоны, переходить к торгово-предпринимательскому скотоводству, оседлому образу жизни. Росла и численность самих кольских коми-ижемцев (в 1897 г. в Ловозерском приходе их было 117 чел. и 25 ненцев, а к 2015 г. уже 439, против 251 саами). Основывались ими и новые небольшие посёлки, в основном, по берегам р.Поной (Ивановка, Оксино, Макаровка, Красная Щелья, Каневка)

Коми были грамотнее и предприимчевее чем саами и ненцы. Так, в 1927 г. их грамотность составляла 45%, тогда как у ненцев не превышала 29%, а у саами–всего 3%. В годы НЭПа коми взяли в свои руки местную кооперацию, а в 1930-х гг., когда стали организовываться колхозы, первыми вступали в них. Первый смешанный брак между саами (жених 23 года) и коми (невеста18 лет) в Ловозеро зарегистрирован в 1929 г. Ныне характерен высокий уровень межнациональной брачности (около половины всех браков с участием коми), при этом не опускается уровень этнического самосознания. По переписи 1979 г. в Мурманской области проживало 2007 коми (на 28% больше, чем саами). Межнациональные конфликты почти отсутствуют. Удивительно, что саами, находясь столетия под давлением своих западных и южных соседей (финнов, шведов, норвежцев, карел, русских), смогли сохранить свою культуру, образ жизни, обычаи, а всего за несколько десятилетий контактов с коми-ижемцами утратили многие черты самобытности, правда, сохранив, однако, саамское мировоззрение. Видимо, слишком разный был их культурный уровень в первом случае и сходные устремления по смене систем хозяйства – во втором. И всё-таки нельзя абсолютно негативно рассматривать результаты этих контактов, так как многое теряя, северные народы приобретали устойчивость в этом суровом мире европейской цивилизации. Главное, что они, несмотря на все усвояемые манящие блага технического прогресса, сохраняли, уже не раз доказанную стойкость своего мировоззрения и любовь к родной земле и природе, которые, как показывает история, покидают человеческие сообщества в самый последний момент и ведут к их саморазрушению.

Список литературы

Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб. 1997. 240 с.

Головнёв А.В. Российский Север: народы и границы // Управленческое консультирование. 2006. Вып. № 3. С. 183–190.

Колпаков Е. М. Петроглифв Канозера: типологический анализ // Кольский сборник. СПб. С 155-183, 2007.

Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. Rock Carvings of Kanozero. СПб. Искусство России. 424 с. 2012.

Колпаков Е.М., Шумкин В.Я., Тарасов А.Ю. Археология Штокмана // Комплексные исследования природы Шпицбергена. С. 104-111. 2012.

Кошечкин Б.И. Перемещение береговой линии Баренцева и Белого морей в позднеледниковое время. // Известия АН СССР (серия географ.), № 4. 1975

Крупник И.И. К количественной оценке традиционного хозяйства азиатских эскимосов // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М. 1978

Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Лодки в петроглифах Канозера и Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. 1(49). С. 76-81. 2012 а.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические общности // СЭ 1955, №4. 1955.

Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 2: Наскальные изображения Белого моря. М.; Л. 1938. 168 с. 1938.

Рейнике М.Ф. Географическое описание северного берега России, ч. 2. Лапландский берег. СпБ, 1878, 239 с.

Савватеев Ю. А. Залавруга. Ч. 1: Петроглифы. Л. 444 с. 1970

Хартанович В.И. Боруцкая С.В., Васильев С.В., Шумкин В.Я. Результаты археолого-антропологического исследования поздненеолитического могильника Большого Оленьего острова Кольского залива // Экология и демография человека в прошлом и настоящем. М. С. 29-30. 2009

Хартанович В.И., Моисеев В.Г. Антропологический состав древнего населения Кольского полуострова (по краниологическим материалам могильника эпохи раннего металла на Большом

Оленьем острове Баренцева моря // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. ИИМК РАН, МАЭ РАН, СПб, С. 128-145. 2016

Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23, Л. С. 119-169. 1930

Шумкин В.Я. Мезолит Кольского полуострова // СА.1986. № 2. С. 15–33. 1986.

Шумкин В. Я. К вопросу о формировании хозяйственно-культурных типов у древнего населения Кольского полуострова // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии. Вып. 193. М.: С. 9-14. 1988.

Шумкин В.Я. Принципы классификации кварцевой индустрии // Комплексные методы исследования археологических источников. М. С. 23–24. 1989

Шумкин В.Я. Ранний каменный век западной части Европейской Арктики: (мезолит Северной Скандинавии) // Древности Северо - Запада России. СПб. С. 34–59. 1993.

Шумкин В.Я., Колпаков Е.М., Мурашкин А.И. Некоторые итоги новых раскопок могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Записки ИИМК РАН. Вып. 1. СПб. С 42-52. 2006

Шумкин В.Я., Колпаков Е.М. Новый центр наскального творчества Северной Европы: антропоморфные композиции Канозера // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова. М. С. 294-302. 2009.

Шумкин В.Я., Колпаков Е.М., Тарасов А.Ю. Поселение Завалишина-5 на берегу

Баренцева моря // Первобытные древности Евразии. М., 2012. С. 611-622

Broadbent N. Coastal recources and settlement stability. Archaeological studies Uppsala University. Institute of north European Archaeology, № 3. p. 194. 197

Gjessing, G. Arktiske helleristninger i Nord Norge. Instituttet for sammenlignende kulturforskning. Oslo, 1932.

Gjerde J. M. Rock art and landscapes. Tromso. 209 p. 2010.

Hald M. & Aspeli R. Rapid climatic shifts of die northern Norwegian Sea during the last deglaciation and the Holocene // Boreas 6. P. 15-28. 1997.

Hallstrom G. Monumental art of N. Sweden from the stone age. Stockholm. 401 p. 1960/

Helskog K. Samtaler med maktene: En historie om verdensarven i Alta. Tromsø Museums Skrifter XXXIII, 2013.

Helskog, K, Hood, B.C., and Shumkin V.Y. Dwelling Forms and Settlement Patterns on Russia's Kola Peninsula Coast, 2200-1500 cal. BC. BAR, 2016. (in press).

Hodgetts, Lisa Maye. Animal bones and human society in the late younger stone age of arctic Norway, Durham theses, Durham University, 1999. Available at Durham E-Theses Online: http://etheses.dur.ac.uk/4491/

Hodgetts L. Subsistence diversity in the Younger Stone Age landscape of Varangerfjord, northern Norway // Antiquity, 2010, Vol. 84, Number 323. P. 41–54.

Larsen E., Lysa A., Demidov I., Funder S., Houmark-Nielsen M., Kjaer K.H., & Murray A.S. Age and extent of the Scandinavian ice sheet in northwest Russia // Boreas 28 (1). P. 115-132. 1999.

Moller J. Late Quatenary Sea Level and Coastal Setdement in the European North // Journal of Coastal № 19-3. P. 731-737. 2003

Murashkin, A.I., Kolpakov, E.M., Shumkin, V.Ya., Khartanovich, V.I. & Moiseyev, V.G. Kola Oleneostrovskiy Grave Field: A Unique Burial Site in the European Arctic // New Sites, New Methods. The Finnish Antiquarian Society, Iskos 21. Helsinki, P. 187–199. 2016.

Renouf M.A.P. Northern coastal hunter-fishers: an archaeological model // World Archaeology. №16 (1), P.18-27. 1984

Shumkin V.Y. On the Ethnogenesis of the Sami: An Archaeological View // Acta Borealia № 2. P. 3-20. 1990

Shumkin V.Y. The rock art of Russian Lappland // Fennoscandia archaelogica. Vol. 7. P. 53–67. 1990

Shumkin V.Y. Models of subsistence among the ancient population of the Kola peninsula // Fenno - ugri et slavi. Helsinki. P. 146–150. 1992

Shumkin V.Y. The origins of the Saami: The factors of originality // Historia Fenno-Ugrica Oulu. Vol. 1. Pt. 2. P. 413–419. 1996.

Shumkin V.Y. The rock art, labyrinths, seids and beliefs of Eastern Lapland's ancient population // Myanndash. Rock art in the Ancient Arctic. Rovaniemi. P. 202–241. 2000.

Tromnau G. Late Palaeolithic Reindeer-Hunting and the Use of Boats // Late Glacial in Central Europe. Wroclaw P. 95-105. 1987.

Stebergløkken H.M.V. Et stille møte mellom sjø og land. En stilistisk analyse av de marine veideristningenes motiver, sammenheng og tolkninger // Masteroppgave i arkeologi. Vitenskapsmuseet. Institutt for arkeologi og religionsvitens. 2008.

Woodman P.C. The Komsa Culture. A Re-examination of its Position in the Stone Age of Finnmark // Acta Archaeologica. Vol. 63. 1993

Yesner D.R. Maritime hunter-gatherers: Ecology and Prehistory. // Current Anthropology 21 (6). P. 727-750. 1980.

В.Я. Шумкин

Археологиялық деректер негізінде Солтүстік Коланың ежелгі халқының бастапқы және кейінгі бейімделу үлгілері

Солтүстік Фенноскандияның, соның ішінде Кола түбегінің шамамен 11–10 мың жыл бұрын алғаш қоныстануы ежелгі адамдарға қолжетімді шикізат базасының өзгеруін де, олардың тіршілік ету тәсілдерін де айқындады. Біріншісі – оңтүстік аймақтарға тән («ата-баба жері») кремнийдің іс жүзінде болмауы, екіншісі – Норвегия жағалауы бойымен солтүстікке көшу жолына байланысты теңіз жағалауы аймағындағы ресурстарды (теңіз жануарларының өлекселері, балық, балдырлар) негізгі азық көзі ретінде пайдалану болды. Бұл, сөзсіз, қайықтардың болғанын көрсететін балық аулаумен және құрлықтағы аңшылықпен толықтырылды.

Айта кету керек, сол кезеңде де, кейінгі уақытта да теңіз жағалауын игеру құрлықтық аумақтарға қарағанда басым болды. Неолит дәуірінде (б.з.д. 6,5–4 мың жыл) теңіз жануарларын белсенді игеру біртіндеп дамып, қола дәуірінде (б.з.д. 4–2,5 мың жыл) негізінен итбалықтарды аулауға бағытталған маманданған теңіз кәсіпшілігінің қалыптасуымен шарықтау шегіне жетті. Бұл жергілікті мәдениеттің гүлдену кезеңі болды: азық-түлік молдығы ірі жартылай жеркепе тұрғын үйлердің, сондай-ақ монументалды және жылжымалы өнердің пайда болуына ықпал етті.

Осы кезеңдегі жағалаудағы тұрғындардың даму деңгейі оларды бастапқы сатыдағы өндірістік шаруашылыққа көшіп жатқан қоғамдар ретінде қарастыруға мүмкіндік береді. Ал тундра аймақтарын негізінен балықшылар мен бұғы тұқымдас жануарларды аулайтын аңшылар қауымдары белсенді игерді. Осылайша, шығу тегі ортақ халық табиғи орта жағдайларына байланысты әртүрлі шаруашылық-мәдени типтерді қалыптастырды.

Түйін сөздер: мезолит, неолит, ерте металл дәуірі (қола дәуірі), күнкөріс стратегиялары, ортағасырлық саам мәдениеті, коми-ижемдіктер.

V.J. Shumkin

Initial and Subsequent Adaptation Models of the Ancient Population of the Kola North Based On Archaeological Data

The initial settlement of northern Fennoscandia, approximately 11,000-10,000 years ago, which geographically includes the Kola Peninsula, largely determined both the change in the raw material base available to ancient humans and their mode of subsistence. The first was that flint, common in more southern territories (“the land of the ancestors”) was practically nonexistent here. The second, along the very northward route along the edge of the Norwegian coast, suggested the mainsource of sustenance was the collection of seafood in the littoral zone (deadsea animals, fish, and algae). This, of course, was supplemente by fishing, using boats that undoubtedly already existed, and land hunting. It must be noted that both during these times and much later, coastal development always prevailed over that of mainland territories. In the Neolithic (6500-4000 years ago), active harvesting of marine animals gradually developed, and this process culminated triumphantly in the Bronze Age (4,000-2,500 years ago) with the development of a specialized maritime fishery (primarily for seals). This was a period of local cultural flourishing, when an abundance of food facilitated the emergence of settlements with large, sunken dwellings, as well as monumental and portableart forms. The level of development of the coastal inhabitants of this era allows them to be classified as societies already developing a productive economy, albeit at an embryonic stage. Tundra territories were more actively developed by communities of fishermen and reindeer hunters. Thus, a population of a single origin, depending on local conditions, developed various economic and cultural types.

Key words: Mesolithic, Neolithic, Early Metal (Bronze Age), subsistence strategies, Sami Middle Ages, Komi-Izhemtsy.

К. Ақиқат
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Алматы, Қазақстан
kunjarykh@gmail.com

Лотоши (Түйетас) тұрағына жүргізілген зерттеу жұмыстарына шолу

Лотоши (Түйетас) тұрағы Сауыр-Тарбағатай массивіне жататын әлсіз еңістелген тау етегіндегі жазықта орналасқан. Жоғарғы палеолит дәуірінде халық санының артуы, адамның тіршілік ету қабілетінің жетілуі және шаруашылық-экономикалық бейімделу үлгілерінің өзгеруі нәтижесінде ежелгі адамдар Орта Азия, Сібір, Моңғолия және оған шектес өңірлерден Шыңжаң сияқты игерілуі жеткіліксіз, халық тығыздығы төмен аймақтарға таралған. Осы үдеріс барысында Лотоши (Түйетас) тұрағы шеберхана ретінде пайдаланылған. Қазақстан–Қытай екі елдің палеолит дәуірі археологиясына қатысты ортақ зерттеулеріне үлес қосу мақсатында, шығыс Қазақстанға жақын орналасқан және жоғарғы палеолит кезеңінде көршілес өңірлермен тығыз байланыста болған Лотоши (Түйетас) тұрағына қатысты 2004–2020 жылдар аралығындағы зерттеу жұмыстарына жасалған шолуды назарларыңызға ұсынамыз. Шолу мақаласында тұрақ табылғанға дейінгі Шыңжаңдағы палеолит археологиясының зерттелу тарихына қысқаша тоқталып, одан кейін 2004 және 2014 жылдардағы барлау және жер бетінен материал жинақтау жұмыстарының барысы қарастырылады. Сонымен қатар зерттеу нәтижелерінің ғылыми маңызы мен алдағы уақытта шешілуі тиіс мәселелер талданады. Осы арқылы оқырманның Шыңжаңдағы палеолит археологиясына, әсіресе Лотоши (Түйетас) тұрағына қатысты танымын тереңдетуге септесіп, А.П. Деревянко және басқа зерттеушілердің ағылшын тіліндегі еңбегі мен қытай деректерін қазақ тілінде жүйелі әрі түсінікті жеткізу көзделеді.

Түйін сөздер: Шыңжаң археологиясы, жоғарғы палеолит, ежелгі адамның бейімделуі.

Кіріспе. Шыңжаңдағы палеолит дәуірі археологиясының зерттелуі 1900 жылдан басталған болса да, табиғи және қоғамдық шарт-жағдай себебінен қатысты жетістіктер ауыз толтырарлықтай болмады. 2004 жылы ауқымды барлау жұмысының нәтижесінде, Лотоши (Түйетас) тұрағы табылып, оған ел іші-сыртында зерттеулер жасалу арқылы Шыңжаңдағы палеолит дәуірі археологиясының деңгейін жаңа белеске көтерді.

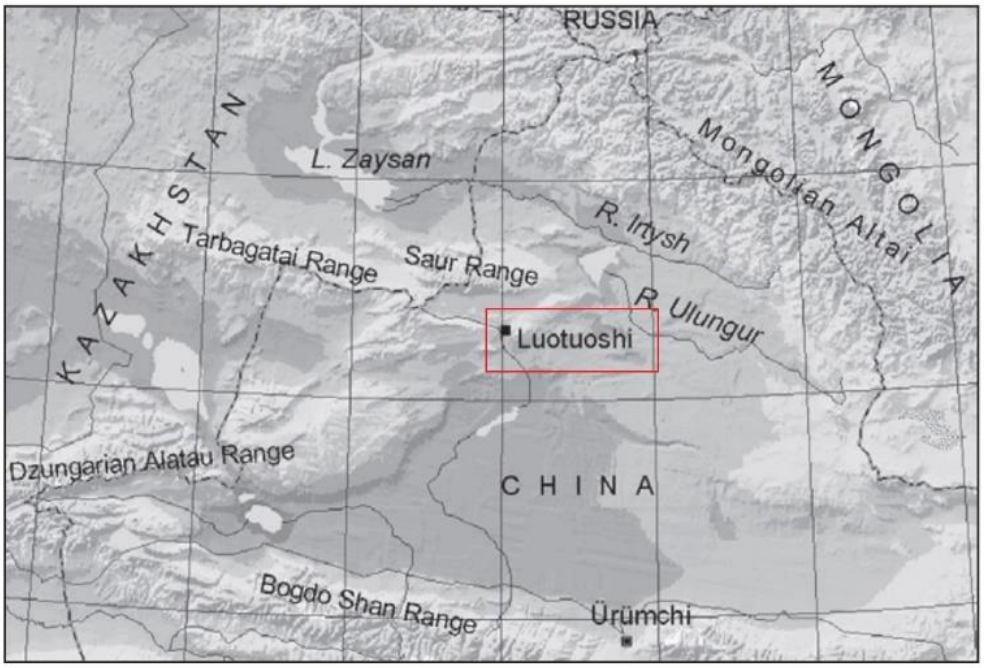
Қазақстан-Қытай екі елдің палеолит дәуірі археологиясына қатысты ортақ зерттеулеіне үлес қосу мақсатында, шығыс Қазақстанға жақын орналасқан, жоғарғы палеолит дәуірінде көршілес өңірлермен тығыз байланыста болған Лотоши (Түйетас) тұрағына қатысты 2004-2020 жылдардағы зерттеу жұмысына жасалған шолуды назарларыңызға ұсынамыз.

Шолу мақаласында тұрақ табылардан бұрынғы Шыңжаңдағы палеолит дәуірі археологиясының зерттелуіне қысқаша тоқталып, одан кейін 2004 және 2014 жылдардағы барлау мен жер бетінен материал жинақтау жұмыстары қалай жүрілгенін, зерттеу нәтижелері негізінде қандай маңызға ие екендігін, алдағы уақытта қандай мәселелерді шешу керектігін қарастыратын боламыз. Осы арқылы оқырманның Шыңжаңдағы палеолит археологиясына, әсіресе Лотоши (Түйетас) тұрағына қатысты танымын тереңдетуге септесіп, А.П. Деревянко қатарлылардың ағылшын тіліндегі еңбегі мен қытай деректерін қазақ тілінде түсінікті жеткізуге тырысамыз. Аударма барысында археологиялық атаулар мен қытай зерттеушілерінің аты-жөнін түп нұсқамен бірге берідік.

Зерттеу нәтижесі. Лотоши (Түйетас) тұрағы Қытай халық республикасының Шыңжаң ұйғыр автономиялық районындағы Тарбағатай аймағына қарасты Хобуксар моңғол автономиялық ауданының Хэштологай кентінде орналасқан. Хэштологай кенті Жоңғар ойпатының солтүстік-батыс шетінде, Қобда моңғол автономиялық ауданының орталық бөлігінде, Қобда өзенінің орта ағысында орналасқан. Аймақтың жер бедері солтүстік-батыстан оңтүстік-шығысқа қарай еңістене созылған.

Лотоши (Түйетас) тұрағының орталық бөлігі N 46°38′56.0″ және E 86°02′07.8″ координаттарында, теңіз деңгейінен шамамен 1000 м биіктікте орналасқан. Тұрақ Қарамай мен Алтай қалаларын байланыстыратын G217 автожолының екі жағында, Сауыр-Тарбағатай массивіне жататын, әлсіз еңістелген тау етегіндегі жазықта орналасқан (сурет 1). Геоморфологиялық тұрғыдан алғанда, бұл аумақ параллель бағытта созылған қалдық жоталармен (ярдангтармен) бөлінген, тілімденген аллювиальды-пролювиальды қиыршықтас шөгінділерімен сипатталады. Қалдық

жоталардың бірі жергілікті жерде «骆驼石», яғни Лотоши (Түйетас) атауымен белгілі. (Derevianko et al, 2012: 4; 刘冯军, 2018: 5)

Сур. 1. Тұрақтың орны (Derevianko et al, 2012: 5).

1900 жылы Свен Хедин Шыңжаң өңірінен тас бұйымдарды (石制品/ the stone artifacts) алғаш тапқан (裴文中, 1948: 187).Бұл жолғы зерттеуді жалпы шыңжаңдағы тас дәуірі археологиясы зерттелуінің бастауы деп санаймыз. 1920 жылдарға дейін шетелдік зерттеушілер шыңжаңда барлау жұмысын жүргізсе, 1930-1940 жылдары қытай зерттеушілері шетелдіктермен бірлесе жұмыс жасап, тас дәуірі археологиясына қатысты мәлметтер жариялап отырған. 1950 жылдан соң, қытай зерттеушілері зерттеу орындарын құрып, экспедиция ұйымдастырған. Деседе осы аралықтағы тас дәуріне қатысты зерттеулерде, атау-терминге түсініктің жетерсіздігі және Шыңжаңның жергілікті күрделі ерекшелігі себебінен, жер бетінен табылған тас құралдардың нақты қай технологиямен жасалғаны, қай уақыттарға тиесілі екені айқын болмаған. 1980 жылдардан кейін Шыңжаңдағы археологиялық зерттеу жұмыстары кең етек алып, қауырт дами бастады. 2004 жылға дейінгі аралықта палеолит дәуіріне тиесілі тұрақтар табылғанымен, шарт-жағдайдың жетіспеуі салдарынан, оларға қатысты ішкерлей, кең көлемді зерттеулер жүрілмеді.

Шыңжаң аумағындағы палеолит дәуірі ескерткіштерінің (遗存) нақты дәлелдерін анықтау және олардың технологиялық ерекшеліктері мен мәдени басталуын зерделеу мақсатында, 2004 жылдың мамыр–маусым айларында Қытай, АҚШ және Ресейге тиісті ғылыми-зерттеу мекемелері бірігіп, Шыңжаң палеолит археологиясы тарихындағы ең ауқымды бірлескен экспедицияны ұйымдастырды. Аталған экспедиция бір ай бойы шыңжаңның солтүстік және орталық бөліктерінде палеолит дәуіріне қатысты археологиялық барлау жұмыстарын жүргізіп, 40-тан астам тас дәуіріне қатысты тұрақтарды анықтады. Солардың ішінде Лотоши (Түйетас) тұрағы көпшіліктің назарын аударады (高星, 2018: 503; 刘学堂, 2012: 50).

Тұраққа қатысты алғашқы мәлметтерде оның жалпы ауданы шамамен 20-30 шаршы километр, жер бетіндегі тас бұйымдарының шикізаты қара түсті тақтатас (сланец/页岩) болып, таралу аумағы 10 мың шаршы метрден асатынын (сурет 2); тас құралдардың (石器) негізінен ірі және орташа көлемде болып, соққыш құрал (砍砸器), қырғыш (刮削器), жұқа жүзді балта (薄刃斧) және тас кетпен (手镐) қатарлы түрлерге бөлуге болатынын; тұрақ орта және жоғарғы палеолит дәуіріне тиесілі көлемдегі шеберхана; Леваллуа үлгісіндегі тас өзектер мен тас тіліктердің (пластина/石叶) ерекшелігі қытайдағы Шуйдунгоу, Цзяохэ тұрақтары және Сібір алтайдан табылған тас бұйымдарымен ұқсастық бар болуы олардың өзара белгілі байланыста екендігін, бұл жағдай ежелгі адамдарыдың көшіп-қонуы, мәдениет алмасуы және тіршілік тәсілін зерттеуде аса құнды маңызға ие екенін айтады (中国考古学会, 2006: 377; 水涛, 2008: 87).

Сур. 2. Лотоши (Түйетас) тұрағындағы тас бұйымдар (高星, 2018: 504).

2012 жылы Лю Сяошан (刘学堂) шыңжаңдағы палеолит дәуірі жәдігерлеріне қатысты зерттеулер кең көлемде жүрілмеген, деседе, Лотоши (Түйетас) тұрағынан табылған леваллуа техникасымен жасалған тас құралдар Шығыс пен Батыс мәдениетінің алмасуында ерекше маңызға ие. Сондықтан, орта палеолит кезеңінде батыстан келген адамдар Орта Азия сахарасы арқылы Сібірдің оңтүстігіне жетіп, одан Ертіс өзені арқылы Қытай Алтайға келген. Лотоши (Түйетас) тұрағы олардың маңызды шоғырланған орыны болған. Кейін олар оңтүстік және шығыс бағыттарға көшіп, леваллуа техникасының таралу аумағы қытайдың солтүстігіне дейін кеңейгенін айтады. Автор өз пайымын ұсына отырып, палеолит дәуіріндегі Шығыс пен Батыс (刘学堂, 2012: 47-56).

2012 жылы А.П. Деревянко қатарлылар тас бұйымдардың беткі қабатындағы жел әсерінен болған қажалу іздеріне, технико-типологиялық ерекшелігіне талдау жасап, ұсынған нәтижесінде, Лотоши (Түйетас) тұрағы – жергілікті шикзат байлығы мол, тас құралды өңдеудедің бастапқы жұмыстары жүрілетін шеберхана болып, орта палеолиттің соңғы кезеңі мен жоғарғы палеолиттің бастапқы кезеңінде (the terminal Middle-initial Upper Paleolithic) батыста Алтай тауынан басталып, қазақстанның шығысы, Жоңғария, моңғолияның батысы мен орталығы арқылы өтіп, шығыста Ордос аймағы, Хуанхэ өзеніне дейін созылған тас тілік (blade-flaking) технологиясының таралу жолының бойына орналасқан (Derevianko et al, 2012: 2-18).

2017 жылы Ли Фэн (李锋) қатарлылардың қытайдағы тас тілік ескерткіштеріне қатысты еңбегінде, Лотоши (түйетас) тұрағындағы жоғарғы палеолиттің алғашқы кезеңіне тән леваллуа және призматикалық тас тілік технологиясы шамамен 40-30 мың жыл бұрын қытайдың солтүстік-батысында, солтүстік-шығысында және Цинхай-Тибет үстіртінде таралған, олардың технологиялық және кеңістік ерекшелігі Сібір, Моңғолиямен сәйкесетіндігін көрсетеді (李锋, 2017: 891-905).

2018 жылы Гау Син (高星) қатарлылар бірінші реткі барлау жұмыстарының барысы мен нәтижелері туралы есеп бере отырып, зор жетістіктердің бірі болған Лотоши (Түйетас) тұрағына А.П. Деревянко қатарлылардың еңбегі негізінде қайталай тоқталады (高星, 2018: 499-509).

2018 жылы Лю Фенцзюнь (刘冯军) екінші реткі барлауда табылған 51 тал тас бұйымдарына алғашқы жүйелеу мен зерттеу жұмысын жүргізіп, тас бұйымдардың пішін ерекшелігі, типологиясы, жасалу техникасы және тұрақтың сипаты туары тоқталумен қатар, қытайдағы басқада ашық аспан асты шеберханаларының зерттеу нәтижелеріне негізделіп, Лотоши (Түйетас) тұрағының өмір сүру уақыты палеолит дәуірімен ғана шектелмей, тіпті қола дәуіріне дейін жалғасқан деген пікір айтады. Ежелгі адамдар жергілікті орындағы күн көзіне шығып жатқан үлкен тастардың жарқышақтары арқылы керекті шикізатты бөліп алып, одан соң өңдеу жүргізетін болған. (刘冯军, MS thesis, 2018).

2019 жылы И Минцзе (仪明洁) шыңжаңның солтүстігіндегі Алтай, Тарбағатай, сондай-ақ көршілес Ресей, Моңғолия сияқты аймақтарда табылған тас құралдар негізінде, өңірлік климаттық жағдайларды ескере отырып ұсынған пайымынша, жоғарғы палеолит дәуірінде халық санының

артуы, адамның тіршілік ету қабілетінің жетілуі және шаруашылық-экономикалық бейімделу үлгілерінің өзгеруі нәтижесінде, ежелгі адамдар Сібір, Моңғолия және оған шектес өңірлерден Шыңжаң сияқты игерілуі жеткіліксіз, халық тығыздығы төмен аймақтарға тарала бастаған. Бұл жағдай Лотоши (Түйетас) тұрағында тас тілік технологиясының пайда болуына себеп болған (仪明洁, 2019: 64-72).

2020 жылы Чжу Чжииюн (朱之勇) қатарлылар жоғарыдағы еңбекке негізделіп, тас бұйымдардың типологиясы мен жасалу техникасы туралы қайталай тоқталып, тас тілік технологиясының көп түрлі және тас құралдардың бір пішінді болуына байланысты бұл тұрақта тас өзектің пайдалану деңгейінің жоғарылығын айтады; мерзімдеуде басқа зертетушілердің нәтижесімен келісетіндігін білдіреді (朱之勇, 2020, 55-64).

2024 жылы Пэн Фэй (彭菲) «Қытайдың солтүстігіндегі тас тілік технологиясын зерттеу» атты еңбегінде Лотоши (Түйетас) тұрағындағы кейбір тас өзек пен тас тіліктерге Гау Син (高星) мен А.П. Деревянко қатарлылардың еңбектері негізінде тоқталып өтеді (彭菲, 2024: 133).

Талқылау. Жоғарыдағы зерттеушілерден Гау Син (高星), Лю Сяошан (刘学堂), А.П.Деревянко, Ли Фэн (李锋), И Минцзе (仪明洁) және Пэн Фэй (彭菲) қатарлылар бірінші реткі барлауда табылған тас бұйымдарына қатысты зерттеулер бойынша өзара ортақ нәтижелерді ұсынып, бірін-бірі толықтырып отырған. Ал Чжу Чжиюн (朱之勇), Лю Фенцзюнь (刘冯军) қатарлылар екінші реткі барлауда табылған тас бұйымдарына қатысты бір-біріне негіз болатын 2 зерттеу еңбегін жариялаған, Гау Син (高星) қатарлылармен келісетін де, келіспейтін де тұстары бар.

Біріншіден, тұрақтың өндірістік ерекшелігі мен жағрапиялық орнын негізге алып, көршілес өңірлермен салыстырып, байланыстыру арқылы ежелгі адамдардың көшіп-қонуы барысында қажетті құралдарды қысқа уақытта, молынан өндіруге қолайлы тұақ екенін ашып көрсетеді. Екіншіден, тұрақта байқалған тас тілік технологиясы ерте жоғарғы палеолит (Early Upper Paleolithic) кезеңінде, яғни бұдан шамамен 30-20 мың жыл бұрын немесе шамамен 25-45 мың жыл аралығында қолданыста болған деген болжамдар ұсынған. Осы арқылы тұрақта мәдени қабаттар болмаған жағдайда да оның белгілі өмір сүру уақытын анықтаған.

Екінші реткі барлауды жүргізген Чжу Чжииюн (朱之勇) қатарлылар да жоғарыдағы тұжырымдармен келісетіндігін айтады. Демек Лотоши (Түйетас) тұрағы көптеген ғасырлар бойы, ашық аспан астындағы шеберханалық қызметін тоқтатпағанын көре аламыз. Себебі, тұрақтың айналасындағы таудың немесе өзен арнасына жақын аймақта көптеген тас шикізатын табуға болады және оны ұзақ уақыт күнделікті тұрмысқа қажетті құралдарды жасауға болады.

Үшіншіден, типологиялық зерттеу жағында 2012 жылы А.П. Деревянко қатарлы зерттеушілер бірінші реткі барлауда табылған тас бұйымына қатысты санды мәлметтерді көрсетіп, тас өзек (cores), ұсақ сынған бөліктер (spalls), тас құрал (tools) деп 3 топқа жіктейді. Тас өзекті орталыққа бағытталған (Centripetal), жіңішке қырлы (Narrow-face), бір алаңшалы (Single platform), екі алаңшалы (Double platform) сияқты 7 түрге бөліп, бір жаңқалау беті бар екі алаңшалы тас өзектердің ішінде 3 Леваллуа тәрізді жаңқаның барын көрсетеді; ұсақ сынған бөліктерді жаңқа (flakes), тіліктер (пластина/ blades), леваллуа тәрізді жаңқа, леваллуа техникасымен дайындалған үшкір тас сияқты 11 түрге бөледі; тас құралды қырғыш, пышақ, кескіш сиақты 10 түрге бөліп қарастырады. Тас құралдардың 70 пайызында арнайы дайындық белгілері жоқ, кейбір тас құралдардың пішіні анық емес және сан мөлшері жағынна үлестері де салыстырмалы түрде аз болғандықтан, олардың көпшілігін палеолиттің нақты кезеңімен байланыстыру мүмкіндігі жоқ, тек кейбір қырлы (semiovoid lenticular bifaces), сүйірлі (points on blades), қазғыш тәрізді (the multifaceted burin) құралдар ғана көршілес аймақтардағы ішнара жоғарғы палеолиттік және өтпелі индустриялармен сәйкес келеді (Derevianko et al, 2012: 2-18). Бұл зерттеу нәтижесі кейінгі жылдардағы басқа зерттеушілердің еңбектерінде жиы пайдаланылған. Чжу Чжиюн (朱之勇) қатарлылар екінші реткі барлауда табылған 51 тал тас бұйымдарын тас өзек, тас жаңқа және тас құрал деп 3 топқа жіктеп, 9 тал тас өзекті табақша тәрізді, воронка тәрізді және призматикалық деп 3 түрге; 18 тал тас жаңқаны қарапайым түрдегі және тас тіліктер деп 2 түрге; 24 тал тас құралды тіл (U әрпі) тәрізді, балға тәрізді, ойық қырлы және қырғыш деп 4 түрге бөледі (Чжу Чжиюн, 2020: 55-64). Деседе бұнда тек олардың пішіндері бойынша тоқталып, қызметін ашып көрсете алмаған. оларды жіктеп, атау қоюда Шыңжаң және қытайдың басқа өңірлеріндегі тас бұйымдармен салыстырып, соларға негізделелген. Демек, халықаралық өлшемнен тыс, жергілікті ерекшелікте қоса қарастырылған.

Қорытынды. Жоғарыдағы екі реткі барлау нәтижесіне қатысты зерттеулерге негізделгенде, барлық табылған тас бұйымдары бір жерге тоғыстырылмаған, сондықтан әр зерттеушілердің пікірі ортақ емес, соның салдары тас құралдардың типологиясы мен қызметіне және тұрақтың мерзімделуіне кері ықпалын тигізіп, тұрақтың негізгі маңызы айқындалмай отыр. Мысалы, Гао Син (高星) қатарлылар шетелдік зертеушілермен істестікте болған соң, көзқарас аясы кеңірек болып, табылған тас бұйымдарды тұраққа көрші өңірлермен салыстырып, олардың тұжырымдарымен де санасады. Ал Чжу Чжиюн (朱之勇) қатарлы зерттеушілер негізінен Шыңжаң немесе қытайдағы басқа өңірлермен шектеліп, олардан табылған тас құралдары және қатысты қортындыларға ғана негізделіп, салыстырмалы түрде шолақ зерттеу нәтижесін шығарған. Сондықтан да, әртүрлі зерттеушілердің пікірін тоғыстырған жаңа еңбектің қажеттігі туындап отыр. Сол себепті барлық жинақталған археологиялық материалдарды біріздендіріп, Лотоши (Түйетас) тұрағының фунцианалды қызметі мен маңызын анықтау болашақтың еншісінде.

Әдебиеттер тізімі

高星等:《2004 年新疆旧石器考古调查简报》，《人类学学报》2018 年第 4 期，第 499-509 页。

李锋、陈福友、汪英华、高星：《晚更新世晚期中国北方石叶技术所反映的技术扩散与人群迁移》，《中国科学: 地球科学》2016年第7期，第891-905页。

刘冯军：《新疆骆驼石遗址石制品研究》，西北大学：硕士学位论文，2018年。

刘学堂：《石器时代东西方文化交流初论》，《新疆师范大学学报》2012年第4期，第47-56页。

裴文中:《中国史前时期之研究》，上海：商务印书馆，1948 年。

彭菲：《中国北方旧石器时代石叶技术研究》，北京：科学出版社，2024年12月。

水涛：《新疆史前考古学学术研讨会"纪要"》，《文物》2008年第12期，第86-90页。

仪明洁：新疆北部旧石器时代遗存的年代及相关问题，《西域研究》2019 年第 4 期，第 64-72 页。

中国考古学会：《中国考古学年鉴2005》，北京：文物出版社，2006年8月，第376-377页。

朱之勇、张鑫荣、刘冯军、 王玉国：《新疆骆驼石遗址石制品研究》，《西域研究》2020年第3期，第55-64页。

Derevianko AP, Gao X, Olsen JW, et al. The Paleolithic of Dzungaria (Xinjiang, northwest China) based on materials from the Luotuoshi site[J]. Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia, 2012, 40(4): 2-18.

K. Akhikhat

A review of the research work conducted at the Luotuoshi (Tuyetas) site

The Luotuoshi (Tuyetas) site is located on a gently sloping piedmont plain belonging to the Saur-Tarbagatai massif. During the Upper Paleolithic, due to population growth, the improvement of human adaptive capacities, and changes in subsistence and economic strategies, ancient populations spread from Central Asia, Siberia, Mongolia, and adjacent regions into underdeveloped and sparsely populated areas such as Xinjiang. In this process, the Luotuoshi (Tuyetas) site functioned as a workshop. In order to contribute to joint Kazakhstan-China research on Paleolithic archaeology, this paper presents a review of studies conducted between 2004 and 2020 on the Luotuoshi (Tuyetas) site, which is located near Eastern Kazakhstan and maintained close connections with neighboring regions during the Upper Paleolithic. The review briefly outlines the history of Paleolithic archaeological research in Xinjiang prior to the discovery of the site, and then discusses the survey work and surface artifact collection carried out in 2004 and 2014. It further evaluates the scientific significance of the findings and identifies issues that require future investigation. Through this study, we aim to deepen readers' understanding of Paleolithic archaeology in Xinjiang, particularly of the Luotuoshi (Tuyetas) site, and to systematically and clearly present in the Kazakh language the English-language works of Derevianko AP and other scholars, as well as relevant Chinese sources.

Key words: Xinjiang archaeology, Upper Paleolithic, adaptation of ancient humans.

Обзор исследовательских работ, проведённых на стоянке Лотоши (Түйетас)

Стоянка Лотоши (Түйетас) расположена на слабо наклонённой предгорной равнине, относящейся к массиву Сауыр-Тарбағатай. В эпоху верхнего палеолита в результате роста численности населения, совершенствования адаптивных способностей человека и изменения хозяйственно-экономических моделей древние люди расселялись из Средней Азии, Сибири, Монголии и сопредельных регионов в малоосвоенные и малонаселённые территории, такие как Синьцзян. В этом процессе стоянка Лотоши (Түйетас) использовалась как мастерская. С целью внесения вклада в совместные исследования Казахстана и Китая в области археологии палеолита предлагается обзор исследований 2004–2020 гг., посвящённых стоянке Лотоши (Түйетас), расположенной вблизи Восточного Казахстана и находившейся в тесных связях с соседними регионами в эпоху верхнего палеолита. В обзорной статье кратко рассматривается история изучения палеолитической археологии Синьцзяна до открытия стоянки, затем анализируется ход разведочных работ и сборов подъёмного материала в 2004 и 2014 гг. Также освещаются научная значимость полученных результатов и задачи, требующие решения в дальнейшем. Тем самым ставится цель углубить представления читателей о палеолитической археологии Синьцзяна, особенно о стоянке Лотоши (Түйетас), а также системно и доступно представить на казахском языке труды А.П. Деревянко и других исследователей, опубликованные на английском языке, а также китайские источники.

Ключевые слова: археология Синьцзяна, верхний палеолит, адаптация древнего человека.

ЖАРТАС СУРЕТТЕРІН ЗЕРТТЕУ

Ю.С. Губар, Р.В. Давыдов, Е.Л. Краснова
Институт археологии и этнографии
Сибирское отделение Российской академии наук
Новосибирск, Россия
gubar.julia2016@yandex.ru

Результаты комплексного исследования крашеных зооморфных изображений писаницы Джебаш (Республика Хакасия)*

В наскальном искусстве Минусинской котловины крашеные изображения встречаются значительно реже петроглифов. Памятники, которые включают только росписи, единичны. Одним из них является писаница Джебаш, расположенная в Таштыпском районе Республики Хакасия. В статье представлены результаты комплексного исследования трех крашеных изображений горных козлов, полученные в рамках полевых работ в 2025 году Хакасским отрядом Минусинской петроглифической экспедиции ИАЭТ СО РАН. Все изображения выполнены красной краской и представляют собой схематичные контурные фигуры. По стилистическим особенностям они относятся к изображениям эпохи раннего железного века. Для анализа красок использовались метод рамановской спектроскопии и рентгенофлуоресцентный анализ. Установлено, что в качестве минеральной основы краски использовался гематит с примесью магнезита. На поверхности одного изображения выявлены следы разложения органического компонента, на что указывает присутствие в элементном составе сравнительно большого количества фосфора, калия и кальция. На территории Минусинской котловины крашеные и выбитые изображения горных козлов встречаются крайне редко. В Центральной Азии данные изображения достаточно распространены, однако стилистические особенности характерны для местной художественной традиции. Минеральный пигмент, используемый для краски, вероятнее всего имеет местное происхождение. Выходы гематитсодержащего минерального сырья регулярно встречаются вблизи от писаниц Минусинской котловины, в том числе в соседней к писанице Джебаш долине. Следы органических компонентов регулярно фиксируются в красках изображений раннего железного века региона.

Ключевые слова: Минусинская котловина, ранний железный век, писаница Джебаш, наскальное искусство, крашеные изображения, рамановская спектроскопия, рентгенофлуоресцентный анализ.

Введение. Крашеные зооморфные изображения в наскальном искусстве Минусинской котловины (центральная часть Саяно-Алтайской горной страны) встречаются крайне редко. Они представляют собой важный источник, содержащий, как и другие крашеные изображения, информацию не только о стилистических особенностях рисунков, мировоззрении и распространении культурных традиций, но и о технологиях изготовления красок, включая сырьевые стратегии. Особый интерес при этом представляют памятники, содержащие только росписи, без рельефных изображений (петроглифов и росписей). Они единичны и в основном встречаются в таежной зоне в речных долинах по краям Минусинской котловины. Примером подобного памятника является Писаница Джебаш. Она расположена в предгорьях Западного Саяна в долине реки Джебаш и включает, помимо прочего, группу из трех зооморфных изображений, выполненных в единой стилистической манере.

Целью данной работы является комплексная характеристика крашеных зооморфных изображений писаницы Джебаш, включая стилистический анализ, хронологическую атрибуцию и реконструкцию рецептуры краски с определением источника минерального сырья.

* Работа выполнена при поддержке РНФ № 25-28-00600 «Комплексное технологическое исследование крашеных наскальных изображений Минусинской котловины: рецептура, способы нанесения, сохранность».

Материалы и методы. Писаница Джебаш расположена в Таштыпском районе Республики Хакасия в 4 км. к западо-юго-западу от упразднённой деревни Чистобай (рис. 1). Объект находится на скальном выходе на берегу реки Джебаш (приток р. Абакан), в речной долине среди северо-западных отрогов Западного Саяна. Памятник был обнаружен и описан Н.В. Леонтьевым и Л.Р. Кызласовым в 1970-х гг. (Кызласов, Леонтьев 1980: 88). В ходе полевых работ Хакасского отряда Минусинской петроглифической экспедиции ИАЭТ СО РАН под руководством Ю.С. Губар в 2025 году на памятнике проведены комплексные исследования крашеных изображений.

Писаница представляет собой компактное местонахождение, включающее две плоскости (согласно индексации Ю.С. Губар). На плоскость №1 красной краской изображены тамговидные знаки, которые были отнесены Л.Р. Кызласовым к этнографическому времени (Кызласов, Леонтьев 1980: 47). На плоскости №2 зафиксированы три контурных изображения козлов, выполненные красной краской (рис. 2).

Фиксация изображений производилась методом фотограмметрии и фотографирования с последующей обработкой цифровых снимков в плагине DStretch в программном обеспечении ImageJ. Характеристика цвета красящих веществ производилась в HTML и RGB палитрах на основе анализа цифровых изображений в программном обеспечении ImageJ. Учитывалось усредненное значение по площади (несколько площадных измерений) с корректировкой по цветовой шкале фотолинейки. Текстовые описания цветов даны исходя из названий, наиболее близких по значениям RGB.

Реконструкция рецептуры краски осуществлялась на основе данных анализа молекулярной структуры и элементного состава краски. Исследование молекулярного состава краски выполнено методом рамановской спектроскопии. Использован портативный спектрометр СПЕКТР-М РаПорт М532. Измерения производилось лазером с длиной волны 532 нм (30 мВт). Время набора спектров – 600 с. Проанализировано 6 участков со следами краски, а также чистой скальной поверхности (рис. 3, 1). Получено 16 рамановских спектров. Расшифровка спектров производилась на основе интегрированной базы данных EnSpectr и опубликованных в открытом доступе материалов.

Изучение элементного состава окрашенной поверхности выполнено методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) в полевых условиях. Использован портативный анализатор «МетЭксперт». Диапазон улавливаемых элементов прибора Na-Am, определяемый диапазон содержания элементов от 0,01% до 100%. Время набора спектров – 20 сек. Всего собран 51 спектр, данные о содержаниях составов получены в %. В том числе проанализированы скальная поверхность без следов пигмента и три окрашенных изображения животных (всего изучено 10 участков) (рис. 4, 1).

Обработка результатов РФА проведена в программном обеспечении PAST4 (PAleontological STatistics) (Hammer et al. 2001). Использованы методы непараметрической статистики (проверка нормальности распределения проведена по критерию Шапиро-Уилка (Shapiro-Wilk W)). Выявление корреляции между содержанием элементов выполнено тестом ранговой корреляции Спирмена (Spearman’s rs). Сравнение составов скальной поверхности и участков с краской производилось по U-критерию Манна-Уитни (Mann-Whitney U test) для индексов эл.X/эл.Y (Кобзарь 2006; Шелонцев, Шелонцева 2016). Результаты тестов даны с указанием критерия значимости p. При проведении тестов размеры выборок не менее 10 ед.

Стилистический анализ зооморфных изображений. Изображения трёх козлов, нанесённых на плоскость №2, представляют собой схематичные контурные фигуры (рис. 2). Их длина составляет 13-18 см, высота 9-12 см. Все животные ориентированы вправо, почти горизонтально (под наклоном вверх до 10°). Изображения пронумерованы сверху – вниз (№1 – верхнее, №2 – среднее, №3 – нижнее).

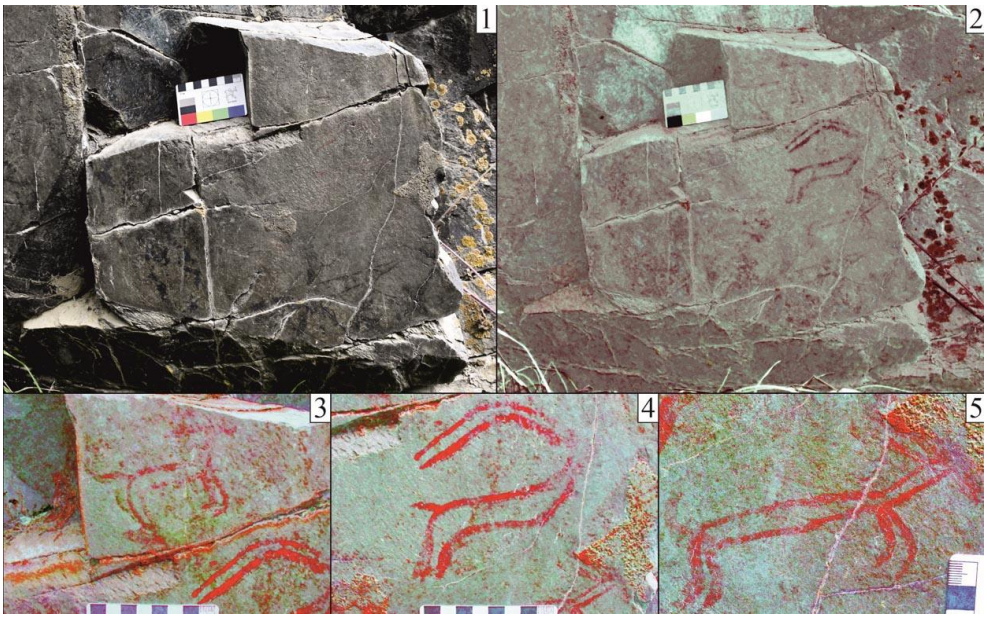
Все три образа выполнены в едином стиле, что проявляется в устойчивом повторении следующих приёмов: линия шеи, груди и живота переходит в заднюю ногу; линия спины и крупа также переходит в заднюю ногу, оставляя контур незамкнутым. У верхней фигуры передняя нога показана с незамкнутым контуром туловища, у средней передние ноги отсутствуют, а у нижней к груди примыкают две линии, формирующие две передние ноги. Таким образом, благодаря слиянию контура туловища с задней ногой и обособленному изображению двух передних ног создаётся впечатление «трёхногой» фигуры. У верхней фигуры показан один рог; у средней – два длинных слегка изогнутых рога; у нижней рога отсутствуют. Все три изображения выполнены схематично и показаны головой вправо.

Ближайшая стилистическая аналогия данному изображению присутствует на писанице Суханиха-3, где зафиксирован схематичный «трёхногий» козёл с длинными слегка изогнутыми рогами. Данное изображение атрибутировано железным веком (рубеж I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) (Аннинский и др. 2007: 114), что позволяет предварительно датировать этим же периодом и рассматриваемых козлов на писанице Джебаш. Техника исполнения (крашеная на Джебаше и выбитая на Суханихе) не может служить основанием для исключения стилистической аналогии, поскольку в наскальном искусстве формальные признаки (поза, пропорции, принцип построения контура) нередко сохраняют устойчивость при варьировании технических приёмов, что подтверждается многочисленными примерами сосуществования разных техник в рамках одной изобразительной традиции (Леонтьев и др. 2006; Кубарев 2009; Шишкина 2024).

Важным подтверждением такой датировки служит находка изображений козлов на плите тагарского кургана (Кызласов, Леонтьев 1980: 10, рис. 3, 8, 9). Характерно, что изображения крашеных козлов на тагарских плитах имеют прямые стилистические параллели с рассматриваемыми фигурами на Джебаше: они также показаны схематично, головой вправо, с длинными прямыми рога и замкнутым контуром туловища. Близость стилистических приёмов (использование краски, профильное изображение, схематизация контура) позволяет предположить, что рассматриваемые изображения козлов связаны с изобразительной традицией тагарской культуры, а следовательно, относить их к эпохе раннего железного века.

Крайне близкое по стилистике исполнения контурное изображение «трехногого» козла зафиксировано на Малоарбатсской писанице, расположенной в 10 км к северо-западу от писаницы Джебаш. Близость объектов позволяет предполагать, что оба изображения оставлены носителями одной культурной традиции.

Изображения выполнены красной краской, которая сохранилась частично. Фиксируются отдельные утраты, красочный слой неоднородный, краска выцвела. В современном состоянии цвет оставшегося красочного слоя варьируется от каштаново-коричневого (HTML #603E39, RGB усредненный 96/62/57) до красновато-коричневого (HTML #7A5C5B, RGB усредненный 122/92/91). При этом цветовая палитра скальной поверхности колеблется от серовато-зеленого (HTML #595956, RGB усредненный 89/89/86) до синевато-серого (HTML #787776, RGB усредненный 120/119/118). Краска выцвела, сохранился достаточно тонкий слой.

Реконструкция рецептуры базируется на анализе характеристик краски, включая элементный состав и молекулярную структуру.

Результаты рамановской спектроскопии краски. В результате рамановской спектроскопии получены данные о материале скальной поверхности и составе краски. Основу скальной поверхности составляют альбит (полевой шпат $Na[AlSi_3O_8]$) и кварц (SiO_2). На рамановских спектрах присутствие альбита маркируют пики 286, 341, 410, 505, 548, 760, 816 см-1 (Freeman et al. 2008). На наличие кварца указывают пики 203, 464 см-1 (Islam, Datchi 2015). Также в составе скальной корки встречены анатаз (TiO_2, пики 167, 670 см-1) и лепидокрокит (γ-FeO(OH), пик 380

см-1) (Li, Hihara 2012; Kernazhitsky et al. 2014). Присутствуют органические загрязнения плоскости, с которыми связано поднятие 1550 см-1на рамановских спектрах (рис. 3, 2).

Рамановские спектры краски характеризуются присутствием веществ из скальной поверхности (альбит, анатаз) и красного минерального пигмента (гематит) с естественными примесями, характеризующими природное сырье (магнезит). Наличие альбита связано с пиками 476, 505, 760, 811 см-1, анатаза – 160, 670 см-1 (Freeman et al. 2008). Красный минеральный пигмент (гематит, Fe2O3) маркируют на рамановских спектрах пики 212, 243, 290, 405, 610, 1317 см-1 (Froment et al 2008; Kernazhitsky et al. 2014). В составе краски присутствует также карбонат магния в форме магнезита (MgCO3), на который указывают пики 325, 710, 1091 см-1 (рис. 3, 3) (Williams et al. 1992).

Результаты анализа элементного состава краски. Анализ химического состава материалов позволил выявить присутствие в значимых количествах (содержание более 1%, встречаются во всех случаях) следующих элементов: кремний (Si), алюминий (Al), железо (Fe), магний (Mg), титан (Ti), фосфор (P), кальций (Ca) и калий (K). Выявлено наличие (содержанием 0,1-1%, встречены реже 10 раз) серы (S), марганца (Mn), стронция (Sr), бария (Ba), распределенных бессистемно в малых количествах.

Тест ранговой корреляции Спирмена показал наличие тесной положительной связи между содержаниями Fe, Al, Ti (r_s=0,83-0,84 при $p<0,01$). Выявлена тесная отрицательная связь между содержанием Mg/Si, Mg/Ti, Mg/Fe (r_s=0,7-0,76 при $p<0,01$) (рис. 3, 2).

Сравнение индекса соотношения содержания кремния и магния Si/Mg показало, что количество магния в краске несколько больше, чем в скальной поверхности (согласно U-критерию U=29, p=0,04) (рис. 3, 3). Следовательно, магний является компонентом минерального сырья, используемого для изготовления краски. В тоже время, статистически значимых отличий в содержании железа, алюминия, титана не выявлено, что можно объяснить тонким красочным слоем.

Наблюдается отличие состава краски изображения №3. Оно выражается в присутствии фосфора, калия и кальция в относительно больших количествах (P до 2,3%, K до 3,1%, Ca до 10,2%). На скальной поверхности и краске изображений №1 и №2 содержание P достигает 0,9%, K 0,6%, Ca 2,6%. Учитывая расположение анализируемых участков, случайное загрязнение маловероятно. Данный факт указывает на наличие следов разложения органического материала, который мог быть добавлен в краску.

Следовательно, в составе краски выявлено, во-первых, минеральное сырье, представляющее собой гематит с естественной примесью карбоната магния. Во-вторых, в краске присутствовал органический компонент, следы которого сохранились только на нижнем изображении №3.

Органический компонент, вероятно, являлся связующим веществом, в котором размешивался минеральный пигмент. Его присутствие позволяло создать жидкую краску, удобную для нанесения на скальную поверхность. Присутствие органической составляющей по косвенным признакам (продукты разложения в виде оксалатов кальция) выявлено на крашеных изображениях периода поздней бронзы (карасукская культура) местонахождения Бояры I (Республика Хакасия) (Davydov et al. 2025: 59). Сохранность краски не позволяет достоверно определить, какое именно органическое вещество использовалось. Среди наиболее распространённых связующих веществ фигурируют животный жир, кровь, молоко, ягоды и др. (Ozán et al. 2020; Da Rosa et al. 2023).

Результаты исследования минерального сырья. Ближайший к писанице Джебаш выход минерального пигмента был обнаружен в соседней речной долине (р. Малые Арбаты) в 21 км от месторасположения объекта (если двигаться вдоль водотоков). Он представляет собой склоновое обнажение со слоем красного пигмента мощностью до 2,5 м. Размерность сырья варьировалось от мелкодисперсного порошка до легко разрушающихся конкреций (не более 12 см). В ходе полевых работ был произведен отбор минерального сырья из данного выхода. Отобранный материал подвергнут термической обработке в муфельной печи при температуре 300, 500, 700 и 900 C° (контроль температуры осуществлялся встроенным пирометром, обработка проводилась в течении 30 минут) и исследован методами РФА и рамановской спектроскопии (рис. 5).

В процессе термического воздействия минеральное сырье меняло цвет от темного теплого оранжевого (HTML #917860, RGB усредненный 145/120/96) до светлого красно-коричневого (HTML #AF7750, RGB усредненный 175/119/80) (рис. 5, 1, 2). Наиболее существенные изменения фиксируются при температурах 500 и 700 C°. Это доказывает возможности получения яркого красного пигмента из рассматриваемого минерального сырья.

Рамановская спектроскопия образцов минерального сырья выполнена на рамановском микроскопе M532/785 («Спектр-М») при увеличении 100× с использованием 532 нм лазера

мощностью 50 мВт. Получены рамановские спектры, демонстрирующие доминирование в составе сырья гематита (его наличие маркируют отчетливые пики 220, 240, 290, 400, 605, 1315 см-1), наличие анатаза (пики 147 и 198 см-1). Также выявлено присутствие карбоната магния (пики 325, 710, 1087 см-1) (рис. 5, 2). Изменения в составе пигмента в процессе термической обработки связаны с усилением пиков гематита.

Рентгенофлуоресцентный анализ образцов пигмента показал, что в нем содержится, помимо кремния, алюминия и железа, сравнительно большое количество магния. Индекс Si/Mg составляет 2,4 – 37,9 (медианное 7,5). При этом тест ранговой корреляции Спирмена показал наличие тесной положительной связи между содержаниями Fe, Al, Ti (r_s=0,67-0,91 при $p<0,01$). Связь магния с данными веществами не выявлена.

Следовательно, характеристики элементного состава и микроструктуры минерального сырья крайне близки к тому, что использовалось при изготовлении краски, который выполнены исследуемые росписи. Вероятно, именно сырье из выхода на р. Малые Арбаты применялось авторами зооморфных изображений писаницы Джебаш.

Таким образом, при изготовлении краски, которой выполнены зооморфные изображения, использовалось минеральное сырье из соседней речной долины (гематит с естественной примесью карбоната магния) и органическое связующее вещество. Вероятно, сырье было измельчено. Возможно, имела место термическая обработка для придания пигменту большей яркости, однако достоверные свидетельства данного процесса не зафиксированы.

Обсуждение. Выявленные аналогии позволяют датировать изображения козлов писаницы Джебаш эпохой раннего железного века (вторя половина I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.). Данным периодом датируются некоторые немногочисленные зооморфные и антропоморфные крашеные изображения в регионе, включая рисунки Кавказской писаницы (р. Туба, рубеж I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.), отдельные фигуры Шалаболинской писаницы (р. Туба, вторая половина I тыс. до н.э.) (Леонтьев, Боковенко 1985). Выявлены зооморфные росписи, датируемые предшествующим периодом поздней бронзы (местонахождение Бояры I, начало I тыс. до н.э.) (Davydov et al. 2025). В целом, исследуемые изображения козлов находятся в рамках общей стилистической традиции эпохи.

Использование древними художниками минерального пигмента из выхода, расположенного в 21 км от писаницы Джебаш, вполне допустимо. Выходы сырья, которое могло применяться для рисования, располагаются на различных расстояниях, но всегда на доступном расстоянии от памятников с крашеными изображениями. В долине р. Белый Июс (северо-восток Кузнецкого Алатау) объект Аспадская писаница находится в 12 км от склонового обнажения, содержащего красный пигмент. В красках, используемые для нанесения изображений окуневской культуры на памятнике Шалаболинская писаница (р. Туба) применялись как минеральное сырье из источников, расположенных непосредственно на памятнике, так и магнетит-апатитовые руды, выходы которых присутствуют в той же долине р. Туба, но на удалении от памятника (более 20 км) (Davydov, Gubar 2025: 92).

Долины рек Малые Арбаты и Джебаш соединяются в 7 км к востоку от писаницы. О принадлежности долин к единой системе коммуникаций свидетельствует присутствие на Малоарбатской писанице изображение козла в схожей стилистической манере, присутствие на обоих памятниках одинаковых тамг этнографического времени. В месте слияния рек в 2008 г. Таштыпским археологическим отрядом НИЧ ХГУ им. Н.Ф. Катанова под руководством В.С. Зубкова были выявлены памятники Куйбышево I-III, датированные периодами неолита и энеолита, что указывает на освоение речных долин человеком начиная с каменного века (Зубков 2013). Вероятно сырье, образцы которого взяты авторами настоящей работы в долине р. Малые Арбаты, использовалось для создания красок, которыми нанесены изображения и на Малоарбатской писанице, и на писанице Джебаш (Есин 2012).

Крашеные изображения на территории Минусинской котловины (Саяно-Алтайская горная страна) регулярно встречаются на памятниках наскального искусства вместе с петроглифами и гравировками (Шалаболинская писаница, Писаница Троицкая, Тепсей I, Оглахты и др.). Значительно реже фиксируются объекты, где представлены исключительно росписи. К последним могут быть отнесены преимущественно памятники в прилегающих к Минусинской котловине таежных горных долинах: Аспадская писаница и местонахождение Малая Сыя в долине р. Белый Июс (северо-восток Кузнецкого Алатау); Малоарбатская писаница и рассмотренная в данной работе писаница Джебаш в долинах р. Малые Арбаты и р. Джебаш (северо-запад Западного Саяна).

Исключение составляет писаница Кавказская у излучины р. Туба (Леонтьев, Боковенко 1985). Вопрос подобной группировки остается открытым, принимая во внимание относительную синхронность крашеных и выбитых изображений в регионе (эпоха бронзы, ранний железный век, Средневековье). Минеральное сырье для красок выявлено поблизости от всех объектов, где встречаются крашеные изображения (вплоть до расположения выходов непосредственно на памятниках), в том числе в степной зоне, что исключает распределение исходя из доступности материала (Леонтьев, Боковенко 1985: 87; Davydov, Gubar 2025: 92). Вероятно, обнаружение памятников наскального искусства только с росписями преимущественно в таежной зоне связано с сохранностью красок. На многих объектах на открытой местности пигмент фиксируется крайне плохо, в ряде случаев изображения сложно выявить без специальной обработки цифровых снимков (Davydov, Gubar 2025; Davydov et al. 2025: 55–57). Крашеные изображения, скрытые под скальными навесами и расположенные в лесной местности, сохраняются значительно лучше.

Заключение. Писаница Джебаш является одним из редких для Минусинской котловины примеров памятников, на которых представлены только крашеные изображения. Рисунки раннего железного века и тамговидные знаки этнографического периода свидетельствуют о том, что несмотря на небольшой размер, объект был приметным местом в течение долгого времени. Изучение окрашенной поверхности зооморфных изображений позволило установить, что они выполнены простой двухкомпонентной краской, включающей минеральное сырье из соседней речной долины и органическое связующее вещество. Результаты настоящего комплексного исследования дополняют немногочисленные в настоящее время данные о красках в наскальном искусстве Саяно-Алтая.

Список литературы

Есин Ю.Н. Малоарбатская Писаница: изображения эпохи бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Вып. 3(51). С. 67–75.

Зубков В.С. Стоянка Куйбышево I на реке Джебаш // Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во «Хакниияли», 2013. №1(5). С. 192–199.

Кобзарь А.И. Прикладная математическая статистика. Москва: Изд-во «Физматлит», 2006. 816 с.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 264 с.

Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. Москва: Изд-во «Наука», 1980. 177 с.

Леонтьев Н.В., Боковенко Н.А. Кавказская писаница на Тубе // КСИА. Москва: Изд-во ИА РАН, 1985. Вып. 184. С. 82–88.

Леонтьев Н.В., Есин Ю.Н., Капелько В.Ф. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006. 236 с.

Наскальное искусство Среднего Енисея. г. Железногорск Красноярского края. Некоммерческая организация «Фонд «Память о Решетнёве», 2007. 224 с.

Шелонцев В.А., Шелонцева Л.Н. Непараметрические методы статистики: Учебное пособие. Омск: Полиграфический центр «КАН», 2016. 60 с.

Шишкина О.О. К истории исследования изображений на камнях из курганов тагарской культуры // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2024. № 23(3). С. 34-46.

Davydov R.V., Gubar Y.S. Raman Spectroscopy of Rock Art Paintings in the Minusinsk Basin: Testing the Method and Practical Implications // Archaeology Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2025. Vol. 53. №3. P. 85–94.

Davydov R.V., Gubar Y.S., Zotkina L.V. Raman Spectroscopy Analysis of Pigments from the Boyary I Rock Art Site, Khakassia // Archaeology Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2025. Vol. 53. №2. P. 54–62.

Da Rosa N.S., Fiore D., Viñas-Vallverdú R. Testing recipes: an experimental approach to paint production processes in Levantine rock art (Spain) // Archaeometry. 2023. Vol. 65(4). P. 816–832.

Freeman J.J., Wang A., Kuebler K.E., Jolliff B.L., Haskin L.A. Characterization of natural feldspars by Raman spectroscopy for future planetary exploration // The Canadian Mineralogist. 2008. №46 (6). P. 1477–1500.

Froment F., Tournie A., Colomban P. Raman identification of natural red to yellow pigments: ochre and iron containing ores // Journal of Raman Spectroscopy. 2008. Vol. 39 (5). P. 560–568.

Hammer Ø., Harper D.A.T., Ryan P.D. PAST: Paleontological Statistics Software Package for Education and Data Analysis // Palaeontologia Electronica. 2001. Vol. 4(1). P. 1–9.

Islam Md K., Datchi F. Polarized Raman Spectra of α Quartz // International Letters of Chemistry, Physics and Astronomy. 2015. Vol. 56. P. 91–98.

Kernazhitsky L., Shymanovska V., Gavrilko T., Naumov V., Fedorenko L., Kshnyakin V., Baran J. Laser-excited excitonic luminescence of nanocrystalline TiO2 powder // Ukrainian Journal of Physics. 2014. Vol. 59(3). P. 246–253.

Li Sh., Hihara L.H. In situ Raman Spectroscopic Study of NaCl Particle-Induced Marine Atmospheric Corrosion of Carbon Steel // Journal of The Electrochemical Society. 2012. Vol. 159(4). P. C147–C154.

Ozán I.L., Oriolo S., Castro M.A., Latorre A. Raman spectroscopy in experimental rock art: Improving the study of ancient paintings // Journal of Raman Spectroscopy. 2020. Vol. 51, Iss. 11. P. 2272–2289.

Williams Q., Collerson B., Knittle E. Vibrational spectra of magnesite (MgCO3) and calcite-III at high pressures // American Mineralogist. 1992. Vol. 77(11). P. 1158–1165.

Ю.С. Губар, Р.В. Давыдов, Е.Л. Краснова

Джебаш петроглифтерінің (Хакасия Республикасы) боялған зооморфтық бейнелерін кешенді зерттеу нәтижелері

Минусин қазаншұңқырының жартас өнерінде боялған бейнелер петроглифтерге қарағанда едәуір сирек кездеседі. Тек қана бояумен салынған суреттерден тұратын ескерткіштер бірен-саран. Солардың бірі - Хакасия Республикасының Таштып ауданында орналасқан Жебаш жазба ескерткіші. Мақалада 2025 жылы Ресей Ғылым академиясы Сібір бөлімшесінің Археология және этнография институтының Минусин петроглифтік экспедициясының Хакасия жасағы жүргізген далалық зерттеулер барысында анықталған тау ешкілерінің үш боялған бейнесін кешенді зерттеу нәтижелері ұсынылады. Барлық бейнелер қызыл бояумен салынған және сұлбалық контурлы фигуралар түрінде берілген. Стильдік ерекшеліктеріне қарай олар ерте темір дәуірінің бейнелеріне жатады. Бояулардың құрамын талдау үшін рамандық спектроскопия әдісі мен рентгенофлуоресценттік талдау қолданылды. Зерттеу нәтижесінде бояудың минералдық негізі ретінде магнезит қоспасы бар гематит пайдаланылғаны анықталды. Бір бейненің бетінде органикалық компоненттің ыдырау іздері байқалды, бұл элементтік құрамында фосфор, калий және кальцийдің салыстырмалы түрде жоғары мөлшерде болуымен дәлелденеді. Минусин қазаншұңқыры аумағында тау ешкілерінің боялған және қашалып салынған бейнелері өте сирек кездеседі. Орталық Азияда мұндай бейнелер кең таралғанымен, олардың стильдік ерекшеліктері жергілікті көркемдік дәстүрге тән. Бояуға пайдаланылған минералдық пигменттің шығу тегі, ықтимал, жергілікті. Гематитке бай минералдық шикізаттың табиғи шығымдары Минусин қазаншұңқырының жартас суреттері орналасқан орындарының маңында, соның ішінде Жебаш жазба ескерткішіне іргелес аңғарларда да жиі кездеседі. Өңірдегі ерте темір дәуіріне жататын жартас суреттерінің бояуларында органикалық компоненттердің іздері де тұрақты түрде тіркеледі.

Түйін сөздер: Минусинск ойпаты, ерте темір дәуірі, Жебаш петроглифтері, жартас өнері, боялған бейнелер, Раман спектроскопиясы, рентгендік флуоресценциялық талдау.

Yu.S. Gubar, R.V. Davydov, E.L. Krasnova

Results of a comprehensive study of painted zoomorphic images of the Dzhebash rock art site (Republic of Khakassia)

In the rock art of the Minusinsk Basin, painted images occur much less frequently than petroglyphs. Rock art sites that include only paintings are rare. One such site is the Dzhebash rock art site located in the Tashtyp area of the Republic of Khakassia. This paper presents the results of a comprehensive study of three painted images of mountain goats obtained during fieldwork conducted in 2025 by the Khakassian team of the Minusinsk Petroglyphic Expedition of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. All images are executed in red paint and represent schematic contour figures. Based on their stylistic features, they are attributed to the Early Iron Age. Raman spectroscopy and X-ray fluorescence analysis were used to study the pigments. It was established that the mineral base of the paint consists of hematite with an admixture of magnesite. On the surface of one image, traces of the decomposition of an organic component were identified, as indicated by the presence of relatively high concentrations of phosphorus, potassium, and calcium in the elemental composition. Within the territory of the Minusinsk Basin, both painted and pecked images of mountain goats are extremely rare. In Central Asia such images are quite widespread; however, their stylistic features are characteristic of the local artistic tradition. The mineral pigment used for the paint most likely has a local origin. Outcrops of hematite-bearing mineral raw materials are regularly found near the rock art sites of the Minusinsk Basin, including in the valley adjacent to the Dzhebash site. Traces of organic components are also regularly recorded in the pigments of Early Iron Age images in the region.

Key words: Minusinsk Basin, Early Iron Age, Dzhebash rock art site, rock art, painted images, Raman spectroscopy, X-ray fluorescence analysis.

А.У. Урбушев
Институт археологии имени А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Россия
aidurbushev@yandex.ru

Ритуальные сцены в наскальном искусстве Алтая раннего средневековья

Статья посвящена анализу ритуальных сцен в наскальном искусстве тюркского времени (VI–VIII вв. н.э.) на территории Горного Алтая. Целью исследования является выявление и интерпретация ритуальных сцен в наскальном искусстве региона, а также их культурно-историческая и хронологическая атрибуция в контексте духовной культуры древнетюркского населения Центральной Азии. В работе применён комплексный междисциплинарный подход, включающий сравнительно-стилистический и иконографический анализ изображений, сопоставление с археологическими материалами (в частности, находками из могильника Кудыргэ), а также использование данных письменных источников и этнографических параллелей. В результате установлено, что среди многочисленных изображений охоты, военных столкновений и всадников на территории Горного Алтая выделяется небольшая группа композиций, интерпретируемых как сцены ритуальных действий. К их признакам относятся специфические позы персонажей (например, коленопреклонение), жесты подношения, наличие сосудов и особая композиционная организация изображений. На сегодняшний день в регионе известно лишь несколько подобных сцен.

Ключевые слова: Алтай, раннее средневековье, тюркская культура, наскальное искусство, ритуальные сцены.

Введение. Наскальное искусство Горного Алтая представляет собой один из наиболее информативных источников для изучения духовно-мировоззренческой культуры населения Центральной Азии раннего средневековья. Особую ценность имеют изображения, относящиеся к тюркскому времени, когда на территории Алтая происходили масштабные политические и культурные процессы, связанные с формированием и развитием тюркских каганатов.

Исследование таких памятников традиционно включает несколько взаимосвязанных направлений: фиксацию и документирование изображений, изучение техники их исполнения, стилистический анализ, а также датирование и интерпретацию сюжетов. Среди этих направлений особое место занимает проблема семантики, позволяющая рассматривать петроглифы как отражение мировоззрения и ритуальной практики древних обществ.

Вместе с тем реконструкция смыслового содержания наскальных изображений сталкивается с рядом методологических трудностей. В отличие от археологических предметов, происходящих из культурных слоёв и поддающихся стратиграфическому анализу или абсолютному датированию, петроглифы находятся под открытым небом и лишены прямого археологического контекста. Поэтому их хронологическая атрибуция чаще всего основывается на сравнительном анализе изображённых реалий, стилистических особенностей и техники исполнения. Тем не менее совокупное применение различных методов исследования – археологических, исторических, искусствоведческих и этнографических – позволяет приблизиться к пониманию художественной традиции и символического содержания тюркского наскального искусства раннего средневековья.

Целью настоящей работы является анализ ритуальных сюжетов в наскальном искусстве Горного Алтая этого времени в контексте их культурно-исторической и хронологической атрибуции.

История изучения семантики тюркских петроглифов Алтая раннего средневековья. Изучение семантики наскального искусства раннего средневековья на территории Горного Алтая является одним из наиболее сложных направлений археологических исследований региона. Петроглифы рассматриваются не только как памятники изобразительной культуры, но и как важный источник для реконструкции мировоззренческих представлений древнетюркского населения Центральной Азии. Интерпретация сюжетов и символики таких изображений стала возможной лишь на определённом этапе развития археологической науки, когда был накоплен значительный фактический материал и сформирована методология анализа древнего искусства.

Первые упоминания о наскальных изображениях Алтая относятся к началу XIX в. и связаны с работами Г.И. Спасского, который одним из первых привлёк внимание исследователей к «писаным скалам» региона. В последующие десятилетия сведения о подобных памятниках встречаются в трудах В.В. Радлова, А.В. Адрианова, С.И. Гуляева и других исследователей, занимавшихся изучением археологических древностей Алтая. Однако в этот период петроглифы фиксировались преимущественно как любопытные этнографические или природные объекты, а их содержание практически не подвергалось интерпретации. Более того, господствующей была гипотеза о принадлежности многих археологических памятников региона так называемому «чудскому» населению финно-угорского происхождения (Демин 1989: 68). В этих условиях вопрос о семантике изображений фактически не ставился.

Переход к научному осмыслению сюжетов и символики петроглифов связан со вторым этапом изучения наскального искусства Горного Алтая, охватывающим период с 1920-х по 1980-е гг. Важнейшим событием стало открытие и исследование могильника Кудыргэ, материалы которого позволили впервые соотнести ряд изобразительных сюжетов с археологическими реалиями древнетюркского времени (Руденко, Глухов 1927: 50; Гаврилова 1965: табл. 2). Обнаруженные в погребениях предметы конского снаряжения и элементы вооружения с гравированными изображениями продемонстрировали стилистическое и сюжетное сходство с рядом наскальных рисунков. Это позволило не только датировать значительную часть петроглифов VI-VII вв., но и рассматривать их как отражение определённых социальных и ритуальных практик древнетюркского общества.

В этот же период были предприняты первые попытки интерпретации смыслового содержания изображений. Так, Л.П. Потапов рассматривал некоторые сцены как возможные отражения шаманских обрядов и культовых действий (Потапов 1953: 92). А.А. Гаврилова, анализируя материалы могильника Кудыргэ, связывала изображения вооружённых всадников и сцен противоборства с социальной структурой древнетюркского общества и представлениями о военной доблести. Исследования С.В. Киселёва и Л.А. Евтюховой позволили выделить отдельные группы петроглифов по стилю и сюжету, что создало основу для их последующего семантического анализа (Евтюхова, Киселёв 1941: 75-117).

Существенный вклад в изучение семантики наскального искусства внесли работы А.П. Окладникова и Д.Г. Савинова, рассматривавших петроглифы как важную часть духовной культуры древних кочевых обществ Евразии. В их исследованиях особое внимание уделялось анализу охотничьих и батальных сцен, которые трактовались не только как отражение повседневной деятельности, но и как символические изображения, связанные с мифологическими представлениями и героическим эпосом (Окладников и др. 1979, 1980; Савинов 1964: 139-145; 1967: 69-79).

Новый этап в изучении семантики петроглифов начался с конца XX в., когда исследователи стали рассматривать наскальное искусство как самостоятельный историко-культурный источник. Важную роль в этом процессе сыграли работы В.Д. Кубарева, Д.В. Черемисина, Е.А. Миклашевич и других исследователей, которые применяли комплексный подход к анализу петроглифов, сопоставляя их с археологическими материалами, письменными источниками и этнографическими данными. В частности, В.Д. Кубарев в своих исследованиях показал, что многие композиции на скалах отражают сцены военной активности древнетюркских отрядов, включая поединки всадников и коллективные охоты, которые могли иметь не только бытовое, но и сакральное значение (Кубарев 2004: 65).

Особое внимание уделяется анализу композиционных сцен, в которых изображены вооружённые всадники, охотничьи эпизоды и ритуальные действия. Многие исследователи отмечают, что подобные сцены могут быть связаны с эпическими традициями древних тюрков, отражёнными в более поздних письменных памятниках. В этом контексте наскальные изображения рассматриваются как своеобразная визуальная форма передачи коллективной памяти и идеологических представлений общества.

Проблематика семантического анализа петроглифов является одной из наиболее сложных и дискуссионных в исследовании наскального искусства. Как было показано выше, до второй половины XX в. интерпретация смыслового содержания изображений оставалась второстепенной задачей по сравнению с вопросами их фиксации, описания и датирования. Исследователи в первую очередь стремились установить хронологию памятников и определить их культурную принадлежность. Лишь постепенно внимание научного сообщества стало смещаться в сторону анализа символики и семантики изображений.

Сцены ритуальных действий. В условиях ограниченности письменных источников для раннесредневекового периода Центральной Азии наскальные изображения имеют особую научную ценность. Они способны отражать не только бытовые и военные аспекты жизни, но и элементы идеологической и ритуальной практики древних обществ. Для территории Горного Алтая наскальные изображения раннего средневековья традиционно связываются с культурой тюрков. Их художественная система отличается достаточно устойчивым набором сюжетов и образов. Наиболее многочисленными являются сцены охоты и военных столкновений, изображения вооружённых всадников, а также одиночные фигуры животных. Такие композиции, как правило, отражают военную и хозяйственную деятельность населения, а также героические идеалы тюркского общества. Однако наряду с этими распространёнными сюжетами встречаются и более редкие композиции, интерпретируемые как сцены ритуальных действий. Несмотря на их немногочисленность, именно такие изображения имеют особое значение для изучения мировоззренческих представлений раннетюркского населения Алтая.

Особенность подобных композиций заключается в наличии специфических поз и действий персонажей, которые трудно объяснить исключительно бытовыми или военными ситуациями. К таким признакам относятся коленопреклонённые фигуры, жесты подношения, наличие сосудов или других предметов, а также особое композиционное построение сцены. Именно совокупность этих элементов позволяет исследователям рассматривать подобные изображения как отражение ритуальных действий.

На территории Горного Алтая на сегодняшний день насчитывается всего четыре подобных сцен (рис. 1) – одна в долине р. Чаганки в Юго-Восточном Алтае (рис. 2: 1), одна в Восточном Алтае (из материалов погребального памятника) (рис. 2: 2) и две на одном памятнике Сетерлю-1 в Центральном (рис. 2: 3, 4).

Одним из самых известных из алтайских памятников такого рода рисунков является т.н. сцена коленопреклонения, гравированная на валуне из могильника Кудыргэ в Восточном Алтае (рис. 2: 2). Споры по семантике с привлечением широкого круга аналогий этой сцены до сих продолжаются. Исследователями выдвигались теории об изображении здесь шаманского обряда, социальной дифференциации внутри одного социума или межплеменных отношениях. П.П. Азбелевым утверждалось представление христианского сюжета – поклонение волхвов (Азбелев 2010: 12-22, 45-51). Наиболее вероятным кажется толкование Л.П. Потапова о межплеменных отношениях, в частности о подчинении одного племени другому (Потапов 1953: 92). Эта теория была поддержанная позже и А.А. Гавриловой, которая связывает эту сцену с успехами тюрков-тугю, когда они вышли на мировую историческую арену. Вероятно, таким образом, здесь показано некое обрядовое действие, знаменующее подчинение поверженного племени или, возможно, группы племен, если учесть тот, факт, что персонажи в коленопреклонной позе имеют некоторые отличия в одеяниях и каждый персонаж является представителем отдельного племени (Гаврилова 1956: с. 20-21).

Довольно интересной на территории Горного Алтая является сцена подношения или поклонения, находящаяся, в Центральном Алтае на памятнике Сетерлю-1 (рис. 2: 3). Здесь человек спереди, обращенный с вытянутой рукой немного вверх, вероятно приносит в дар сосуд вместе с его содержимым. Вторая же фигура, возможно, помогает первой в этом, держа наготове следующий сосуд. К большому сожалению, часть плоскости с изображением возможного объекта поклонения утрачена. Поэтому неизвестно могло ли быть там что-то, служившее символом мировоззренческой практики. Ведь обрядовые действия неразрывно связаны с мировоззрением. Позади фигур показаны лошади. По-видимому, пара приехала на них к некоему священному месту. Возможно, к месту, где и нанесены данные гравировки.

Нечто похожее было зафиксировано лишь на памятнике Когалы в Чу-Илийских горах Казахстана, где нанесенные на скальные плоскости техникой выбивки образы дароносцев были отнесены к руке мастера иноземного происхождения (Рогожинский 2019: 277). Нахождение подобных сцен на территории Алтая – на достаточно на большом расстоянии от Когалы – говорит либо о присутствии и здесь иноземных представителей, носителей иной культурной традиции, либо о более широком спектре художественных сюжетов у тюрков, чем было принято считать ранее. Стоит отметить, что по стилистическим и иконографическим особенностям обрядовую сцену Сетерлю-1, без сомнения, можно отнести к тюркской, что делает вторую версию более вероятной.

Из письменных китайских источников Таншу известно, что тюрки «поклоняются духам» и «веруют в волхвов», «приносят жертву в пещере предков» (возможно, на Алтае) (Бичурин 1950:

230-231). В текстах раннесредневековых рунических памятников указывается, что «Небо» благословляет каганов, а его воинам дарует силу для ведения успешных боев (Малов 1959: 20). Исходя из имеющихся данных, возможно, на плоскости Сетерлю-1 мы видим часть мировоззренческого обряда прошения у духов или Неба сил и удачи или поклонения правителю. Последнее может быть даже более вероятной интерпретацией представленной сцены. Так, на двух золотых бляшках из культово-мемориального комплекса Елеке сазы в Восточно-Казахстанской области Казахстана были изображены сцены церемонии подношения кагану, восседающему на оформленной в виде лошади троне, с коленопреклоненными персонажами с блюдом в руках. Образ правителя на бляшке показан «обожествлённым» (Самашев 2022: 28-29, рис. 6-7).

Материалы из Елеке-сазы были датированы, предположительно, в рамках второй половины VI века н.э (Самашев 2022: с. 31). Учитывая сюжетную схожесть изображений с алтайской сценой, которая относится к I стилистической группе, датируемой кудыргинским этапом, то можно более уверено отнести сетерлинскую сцену так же ко второй половине VI века н.э.

Рассмотренные сцены сражений и охотничьи сцены показывают персонажей в самый кульминационный момент – когда всадники собираются нанести сокрушительный удар по противнику копьем или лучники с натянутой тетивой собираются пустить стрелу из лука. Последнее применимо и для сцен охоты, только вместо врага животное – добыча. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что в этих сценах показываются мастерство владения оружием и восхваляются боевые и охотничьи качества древних тюрков и их предводителей. Такое суждение перекликается с текстами древнетюркских рунических надписей, где так же восхваляются подвиги каганов, отдельных военачальников и их армий (Малов 1951: 36, 38, 41).

Популярно мнение о том, что представленные сцены являются презентацией отдельных моментов героических эпосов. Рядом исследователей предполагается, что даже сцены баталий могут быть отнесены к ритуальной сфере, так как они будто бы восхваляют подвиги погибших солдат. Такое толкование позволяет отнести подобного рода сцены к жанру панегирика (Konstantinov et al. 2016: 17).

Сцены ритуальных практик населения раннего средневековья, отраженные в наскальных рисунках на территории Горного Алтая вместе с данными письменных источников, расширяют научные знания об отдельных аспектах мировоззрения древних тюрков.

Заключение. Проведенный анализ наскальных изображений Горного Алтая тюркского времени позволяет сделать следующие выводы. В корпусе петроглифов региона, наряду с доминирующими сценами баталий и охоты, выделяется малочисленная, но исключительно важная для реконструкции духовной культуры группа композиций ритуального характера. На сегодняшний день достоверно идентифицировано четыре таких сцены, каждая из которых обладает уникальными иконографическими признаками.

Интерпретация данных сюжетов, подкрепленная археологическими аналогиями (материалы могильника Кудыргэ, находки из комплекса Елеке-сазы) и сведениями письменных источников, позволяет говорить о двух основных семантических векторах. Первый связан с демонстрацией социальной иерархии и актом подчинения (сцена на валуне из Кудыргэ). Второй отражает практики подношения/поклонения, объектами которых могли выступать как сакральные силы (Небо, духи предков), так и обожествляемая фигура правителя-кагана (композиции Сетерлю-1).

Обнаружение схожих сюжетов на значительном удалении от Алтая (памятник Когалы в Казахстане) ставит вопрос о широте распространения ритуальных канонов в изобразительном искусстве тюрков или о наличии инокультурных влияний, которые, однако, были органично переработаны в рамках местной художественной традиции. Дальнейшее накопление полевого материала и углубленный сравнительный анализ с синхронными памятниками Центральной Азии позволят уточнить предложенные интерпретации и выявить новые сцены, связанные с мировоззренческими представлениями раннесредневековых кочевников.

Список литературы

Азбелев П.П. Кудыргинский сюжет. СПб, 2010. 60 с.

Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I. 382 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. 144 с.

Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 120 с.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. Москва: ИА РАН, 1941. Вып. XVI. с. 75-117

Кубарев В.Д. Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3 (19). С. 65-81.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 37; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 112 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). Новосибирск: Наука, 1979. 140 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск: Наука, 1980. 136 с.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. 2-е издание. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 444 с.

Рогожинский А.Е. Флаги на скалах (изображения знамён в ландшафтах с петроглифами тюркской эпохи Казахстана) // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). Памяти Е.Г. Дэвлет. / Отв. ред. М.А. Дэвлет. Кемерово, 2019. С. 275-290.

Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Ленинград: Издание Государственного Русского музея, 1927. Т. III. Вып. 2. С. 37-52.

Савинов Д.Г. Вопросы изучения петроглифов древнетюркского времени Центральной и Средней Азии // Филология и история тюркских народов (Тезисы докладов). Тюркологическая конференция в Ленинграде (7-10 июня 1967 г.). Ленинград: Наука, 1967. С. 69-70.

Савинов Д.Г. Наскальные изображения Центральной Азии и Южной Сибири (Некоторые общие вопросы изучения) // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия истории, языка и литературы. Ленинград: ЛГУ, 1964. С. 139-145.

Самашев З.С., А.К. Айткали, Толегенов Е. К вопросу о сакрализации образа кагана // Поволжская археология. 2022. №2 (40). С. 21-34.

Черемисин Д.В., Рогожинский А.Е. Необычный сюжет из репертуара петроглифов древнетюркской эпохи Алтая // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2): Памяти Е.Г. Дэвлет / Отв. ред. М.А. Дэвлет. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2019. С. 361-366.

Konstantinov N., Soenov V., Cheremisin D. Battle and hunting scenes in Turkic rock art of the early Middle Ages in Altai // Rock Art Research. 2016. Vol. 33. №1. P. 8-18.

А.У. Урбушев

Ерте орта ғасырдағы Алтай жартас өнеріндегі ритуалдық көріністер

Мақала Алтай тауларындағы түркі дәуіріне (б.з. VI–VIII ғғ.) жататын жартас өнеріндегі ритуалдық көріністерді талдауға арналған. Зерттеудің мақсаты – аймақтың жартас өнеріндегі ритуалдық көріністерді анықтау және түсіндіру, сондай-ақ оларды Орталық Азиядағы ежелгі түркі халқының рухани мәдениеті контекстінде мәдени-тарихи және хронологиялық тұрғыдан айқындау. Зерттеуде бейнелерді салыстырмалы-стилистикалық және иконографиялық талдауды, оларды археологиялық материалдармен (әсіресе Құдырге қорымынан табылған олжалармен) салыстыруды, сондай-ақ жазба деректер мен этнографиялық параллельдерді пайдалануды қамтитын кешенді пәнаралық әдіс қолданылды. Зерттеу нәтижесінде Алтай тауларындағы жартас суреттерінде кездесетін аңшылық көріністері, әскери қақтығыстар және салт атты бейнелердің көптігі арасында ритуалдық әрекеттерді бейнелейді деп түсіндірілетін шағын композициялар тобы ерекшеленетіні анықталды. Мұндай көріністердің негізгі белгілеріне кейіпкерлердің ерекше қалыптары (мысалы, тізе бүгу), құрбандық немесе тарту ету ишаралары, ыдыстардың бейнеленуі және композициялық құрылымының ерекшелігі жатады. Қазіргі уақытта аймақта мұндай көріністердің тек бірнешеуі ғана белгілі.

Түйін сөздер: Алтай, ерте орта ғасырлар, түркі мәдениеті, жартас өнері, ғұрыптық көріністер.

A.U. Urbushev

Ritual Scenes in the Rock Art of Altai in the Early Middle Ages

The article is devoted to the analysis of ritual scenes in the rock art of the Turkic period (6th–8th centuries AD) in the territory of the Altai Mountains. The aim of the study is to identify and interpret ritual scenes in the rock art of the region, as well as to determine their cultural-historical and chronological attribution within the context of the spiritual culture of the ancient Turkic population of Central Asia. The research employs a comprehensive interdisciplinary approach that includes comparative stylistic and iconographic analysis of the images, correlation with archaeological materials (in particular, finds from the Kudyrge burial ground), and the use of data from written sources and ethnographic parallels. The study demonstrates that among the numerous depictions of hunting scenes, military encounters, and mounted warriors recorded in the rock art of the Altai Mountains, a small group of compositions can be distinguished that are interpreted as representations of ritual activities. These scenes are characterized by a number of specific features, including particular postures of the figures (for example, kneeling), gestures of offering, the presence of vessels, and a distinctive compositional arrangement of the images. At present, only a few such scenes are known in the region.

Key words: Altai, Early Middle Ages, Turkic culture, rock art, ritual scenes.

М.С. Магзумов
Алтайский Государственный Университет
Барнаул, Россия
muborakk1103@gmail.com

История изучение и степень сохранности петроглифов на скалах Лянгара (Западный Памир)

Памир – один из самых насыщенных регионов Средней Азии по количеству наскальных рисунков, превосходящий по этому показателю даже Синьцзян, восточный Иран, Афганистан и, возможно, северную Индию. На территории Памира зафиксировано свыше 50 пунктов с петроглифами, общее число которых превышает 10 тысяч, что делает этот регион уникальным по концентрации подобных памятников во всей Средней Азии.

Особенно выделяется комплекс петроглифов на скалах Лянгар (местное население называет их Лянгар-Кихн), который по количеству изображений уступает только знаменитому Саймали-Ташу в Киргизии. Первые упоминания о лянгарских рисунках встречаются ещё в работах графа А. А. Бобринского в 1908 году. Впоследствии этот памятник исследовали экспедиции под руководством В. А. Ранова и В. А. Жукова в 1956, 1972 и 2001 годах, обнаружив около 6 тысяч изображений. Среди них – фантастические животные, выполненные в характерном «зверином стиле», сцены с воинами и пленёнными женщинами, а также петроглифы, относящиеся к античному и раннесредневековому периодам, и более поздние рисунки.

Лянгарские петроглифы представляют собой настоящую галерею под открытым небом, отражающую многовековую историю, мировоззрение, надежды и художественные вкусы жителей Памира. К сожалению, в последние годы изучение этого комплекса практически прекратилось. Сегодня памятник находится в плачевном состоянии: скалы разрушаются, рисунки покрываются патиной и страдают от вандализма. Необходима срочная работа по возобновлению исследований и включение Лянгара в список объектов материального культурного наследия ЮНЕСКО.

Ключевые слова: Западный Памир, Лянгар, петроглифы, В.А. Ранов, В.А. Жуков, ЮНЕСКО.

В 230 км от административного центра ГБАО, город Хорога находится один из самых последним населенным пунктов на востоке Западного Памира – Лянгар (среди населения известно как Кихн) с одной страны ограниченной рекой Пянджа, а с другой – высокими горами. Селение расположено как раз напротив слияния реки Памир, вырывающейся из узкого каньона и прорезающей высокие хребты Гиндукуша, с афганской рекой Вахандарья. Здесь в крепкий узел стягиваются дороги, ведущие в 5 стран: современный Узбекистан (а в древности - в Фергану), Китай, Пакистан, Индию, Афганистан и в северный и южный Таджикистан. И хотя дороги были трудны и опасны, здесь проходило одно из ответвлений Великого lllелкового пути (В. А. Ранов 2016: 109). Административно это село Лянгар, сельсовет Зонг, Ишкашимского района ГБАО, Республики Таджикистана.

Сразу за селением Лянгар, расположенным на террасе реки Пяндж, высоко в небо поднимается один из отрогов Шахдаринского хребта. В отдельных случаях его восточная часть именуется Ваханским хребтом. Высшая точка – пик Карла Маркса (6726 м над уровнем моря). Вода, стекающая с одного из его могучих ледников, пропилила мощную, местами достигающую более ста метров узкую щель, которая носит название Киштиджароб или, в местном звучании, Кихнджароб (В. А. Ранов 2016: 117).

Несмотря на то, что на левой стороне щели, буквально на её борту, имеется небольшое поле рисунков, мы приняли щель как восточную границу основной площади петроглифов. Западная граница проходит, не доходя 0,5 км до селения Исор, на расстоянии 4 км от лянгарской щели. Коренные породы в виде падающих на юг и выступающих плит гранига поднимаются под углом в среднем 20° – от отметки 2925 м до отметки 3405 м над уровнем моря. Это одновременно означает и высотные отметки распространения петроглифов, которые по вертикали распространены почти на 500 м. Линейное же расстояние составляет 1700 м. Выше отметки 3405 м начинается крутой взлёт склона, и его рельеф заметно меняется по направлению к водоразделу.

Петроглифы имеют собственную градацию патины. Даже выбитые камнем, они отличаются относительно аккуратным видом. Рисунки преимущественно выбивались на горизонтальной и наклонной поверхности плит. Размеры плит различны; иногда поверхность, не покрытая гравием, составляет несколько десятков, а то и сот метров. Площадь некоторых плит достигает 13–15 и более тысяч квадратных метров (В. А. Ранов 2016: 118).

Первым о наскальных изображениях Лянгара в 1908 г. упоминает А.А. Бобринский, хотя не указывает точного места их расположения. В 1956 г. Здесь работал Памирский отряд ТАЭ под

руководством А.Н. Бернштама, в 1972 г. - группа Памирского отряда ТАЭ под руководством В.А. Ранова и в 2001 г. - специальный отряд под руководством В.А. Жукова. В 2016 году сотрудниками Институтом истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистана был опубликован монография В. А. Ранова результаты полевых исследований археологических отрядов под руководство ученого на Памире в 1958, 1972 и 2001 гг. (История ГБАО 2005: 425–426)

Как было отмечена ранние, петроглифы Лянгара дважды становились объектом научных экспедиций, организованных ИИАЭ им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан. В 1972 году было проведено детальное исследование памятника. В ходе работ осуществлялось калькирование изображений, описание наиболее значимых рисунков и их фотографирование. Были выделены так называемые «поля рисунков» – крупнейшие скопления петроглифов, получившие собственные названия. Для этих участков была составлена подробная статистика изображений. В 2001 году состоялась повторная экспедиция, в рамках которой было выполнено вторичное фотографирование петроглифов. Особое внимание уделялось топографической съёмке: был снят план местности с нанесением на него всех ранее выделенных полей рисунков.

Приведём обобщённую характеристику пяти основных полей распространения петроглифов Лянгар, основываясь на данных экспедиционных исследований 1972 года.

Первое поле («Белые фигуры») – наиболее восточное из всех, расположено в непосредственной близости к щели Киштиджароб, примерно в 100 м выше селения. Западная граница поля определяется безымянным сая (оврагом). Поле представляет собой компактное скопление петроглифов, локализованное на двух крупных плитах, удалённых друг от друга на расстояние около 100 м. Название «Белые фигуры» обусловлено наличием здесь двух крупных антропоморфных и зооморфных изображений (охотник и козёл подтреугольной формы), которые слабо различимы на поверхности скалы. Для их фиксации поверхность рисунков была обработана разведённым зубным порошком.

Второе поле («Гора рубобов») находится приблизительно в 350 м к западу от первого. Его название связано с преобладанием определённых мотивов среди петроглифов.

Третье поле («Скифские козлы») в 1972 году было разделено на участки 3А и 3Б. Оно располагается в 150 м по горизонтали, выше и ниже второго поля, и представлено двумя местами разорванными грядами, протянувшимися от западных домиков Лянгара через весь склон до его высшей точки (отметка 3405 м). Название поля обусловлено наличием здесь наиболее выразительных, элегантных и динамичных изображений горных козлов, которые по стилистике сопоставимы с артефактами «скифского звериного стиля».

Четвёртое поле («Надписи») характеризуется рисунками, вытянутыми вдоль дороги, соединяющей Лянгар и Исорак, и располагается на различных высотных уровнях.

Пятое поле («У флага») – локализовано в районе, обозначенном как «У флага». Следует отметить также существование дополнительного скопления петроглифов, обозначаемого как поле 1А, которое располагается на левом (восточном) берегу щели Киштиджароб, напротив первого поля (В. А. Ранов 2016: 119 – 124).

Названия полей, за исключением пятого, даны по наиболее характерным для них изображениям. В ряде случаев можно выделить оригинальные единичные петроглифы, специфичные для каждого из полей.

В последние годы изучение петроглифов Лянгара было практически прекращено, за исключением отдельных упоминаний, касающихся вопросов их сохранения. Летом 2026 года авторам удалось посетить это уникальное и живописное место. Путь к Лянгару оказался крайне затруднительным, поскольку это наиболее отдалённое село Ишкашимского района, а состояние дороги оставляет желать лучшего. Регулярное транспортное сообщение отсутствует, что существенно осложняет доступ к памятнику. По дороге в Лянгар также были осмотрены петроглифы святилища Даршая. При подъезде к селу со стороны Кихнджирава на чёрном камне, как и у других археологических памятников долины, размещена краткая информационная табличка о петроглифах. Кроме того, у обочины дороги установлена указательная табличка на памятнике. Чуть выше мусульманского кладбища располагается первое поле с изображениями.

Состояние рисунков крайне неудовлетворительное. В первую очередь обращают на себя внимание следы вандализма: по словам местных жителей, ранее они не осознавали значения этих изображений и оставляли на них свои имена или наносили собственные рисунки. После 1972 года, когда В. А. Ранов прочитал цикл лекций о петроглифах, отношение к ним изменилось, однако туристы продолжает оставлять на скалах свои автографы. Скальные поверхности разрушаются и осыпаются. Поскольку скалы ориентированы на восток и подвергаются интенсивному солнечному воздействию, а уровень патины очень высок, значительная часть рисунков стала практически неразличимой.

В целом на скалах Лянгара насчитывается около шести тысяч изображений, среди которых представлены животные, человеческие фигуры, музыкальные инструменты (рубаб), зооморфные и антропоморфные существа, сцены охоты, изображения всадников и другие сюжеты. Хронологический диапазон композиций охватывает период от так называемого «звериного стиля» (и, возможно, более ранних эпох) до этнографического времени.

Для обеспечения сохранности данного памятника необходимо принять комплекс мер по его защите: оградить территорию сеткой, установить навесы над наиболее уязвимыми скалами, разместить информационные таблички на трёх языках (русском, английском и таджикском). В перспективе целесообразно создание музея-заповедника и включение памятника в список объектов материального культурного наследия ЮНЕСКО.

Список литературы

Ранов В. А. Бегущие по скалу: Наскальные рисунки Памира. Душанбе: Изд-во «Чопхонаи Дониш», 2016, 412 с.

М.С. Магзумов

Лянгар жартастарындағы петроглифтерді зерттеу тарихы және сақталу дәрежесі (Батыс Памир)

Памир – Орта Азиядағы жартас суреттері ең көп кездесетін аймақтардың бірі, тіпті Синьцзян, шығыс Иран, Ауғанстан және, мүмкін, солтүстік Үндістанды да осы көрсеткіш бойынша басып озады. Памир аумағында 50-ден астам петроглиф орындары тіркелген, олардың жалпы саны 10 мыңнан асады, бұл аймақты Орта Азиядағы осындай ескерткіштердің шоғырлануы бойынша бірегей етеді.

Лянгар жартастарындағы (жергілікті халық оны Лянгар-Кишт деп атайды) петроглифтер кешені әсіресе көзге түседі, ол бейнелер саны бойынша тек Қырғызстандағы әйгілі Саймалы-Таштан ғана кейін тұрады. Лянгар суреттері алғаш рет граф А. А. Бобринскийдің 1908 жылғы еңбектерінде айтылған. Кейін бұл ескерткішті В. А. Ранов пен В. А. Жуковтың жетекшілігімен 1956, 1972 және 2001 жылдары жүргізілген экспедициялар зерттеп, шамамен 6 мың суретті анықтады. Олардың арасында – «аң стилінде» шебер орындалған фантастикалық жануарлар, жауынгерлері мен тұтқын әйелдері бар көріністер, сондай-ақ антикалық және ерте ортағасырлық кезеңдерге жататын, сонымен қатар кейінгі дәуірлерге тиесілі петроглифтер бар.

Лянгар петроглифтері – Памир тұрғындарының ғасырлар бойғы тарихын, дүниетанымын, үміттері мен көркемдік талғамын көрсететін ашық аспан астындағы нағыз галерея. Өкінішке орай, соңғы жылдары бұл кешенді зерттеу іс жүзінде тоқтап қалды. Бүгінде ескерткіштің жағдайы нашар: жартастар қирап, суреттер патинамен жабылып, вандализмнен зардап шегуде. Зерттеулерді қайта жандандырып, Лянгарды ЮНЕСКО-ның материалдық мәдени мұра нысандарының тізіміне енгізу қажет.

Түйін сөздер: Батыс Памир, Лянгар, петроглифтер, В.А. Ранов, В.А. Жуков, ЮНЕСКО.

M.S. Magzumov

History of study and preservation status of the petroglyphs on the rocks of Lyangar (Western Pamir)

The Pamir region is one of the most abundant areas in Central Asia for rock art, surpassing even Xinjiang, eastern Iran, Afghanistan, and possibly northern India in this regard. Over 50 sites with petroglyphs have been recorded in Pamir, with a total number exceeding 10,000, making this region unique for the concentration of such monuments throughout Central Asia.

Of particular note is the complex of petroglyphs on the rocks of Lyangar (known locally as Lyangar-Kisht), which, in terms of the number of images, is second only to the famous Saymaly-Tash in Kyrgyzstan. The first mentions of the Lyangar drawings date back to the works of Count A. A. Bobrinsky in 1908. Later, the site was studied by expeditions led by V. A. Ranov and V. A. Zhukov in 1956, 1972, and 2001, discovering around 6,000 images. Among them are fantastical animals crafted in the characteristic “animal style,” scenes with warriors and captive women, as well as petroglyphs dating back to ancient and early medieval periods, along with later drawings.

The Lyangar petroglyphs represent a true open-air gallery, reflecting the centuries-long history, worldview, hopes, and artistic tastes of the Pamir people. Unfortunately, in recent years, research on this complex has practically ceased. Today, the monument is in a deplorable state: the rocks are deteriorating, the drawings are covered with patina and suffer from vandalism. Urgent work is needed to resume research and to include Lyangar in the UNESCO World Heritage List as a site of tangible cultural heritage.

Key words: Western Pamir, Lyangar, petroglyphs, V.A. Ranov, V.A. Zhukov, UNESCO.

А.К. Кудаярова, М.Ж. Ырысбаева, Ч.Д. Джамгырчиева
Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
Бишкек, Кыргызстан
2301.01030@manas.edu.kg

Памятник Дангана-Дөбө: предварительные результаты исследования

В полевой сезон 2025 года в рамках государственного проекта «Көөнө тарых сырлары» были проведены археологические спасательные исследования на территории сел Коткор и Шыдыр Базар-Коргонского района Жалал-Абадской области. В ходе полевых обследований зафиксирован комплекс из 14 археологических холмов с археологическими артефактами. Часть указанных памятников подверглась разрушению под воздействием антропогенных факторов. Наши исследования включали закладку разведочных шурфов, стратиграфическое изучение культурных отложений, а также опрос среди местных жителей.

В ходе работ применялись методы первичной полевой фиксации, включая графическую документацию находок, флотацию золистых почв и разведочные обследования округа.

Археологический материал на сильно разрушенном памятнике Дангана-Дөбө предварительно представлен керамикой широкого хронологического диапазона.

Мощность культурного слоя на разрушенных разрезах указывает о длительном и интенсивном освоении территории. Находки из Дангана-Дөбө представлены фрагментами керамических посуд, зернотерками из камня, останками костей животных и элементами каменных конструкций.

Предварительные результаты, подтверждённые радиоуглеродным анализом C^{14}, позволяют датировать основной этап функционирования памятника Дангана-Дөбө I–V вв. н. э. Памятника можно соотнести его с культурной государства Давань. Полученные данные расширяют представления о расселении и хозяйственной деятельности населения Ферганской долины в эпоху Даванского государства.

Ключевые слова: Кыргызстан, Ферганская долина, Западный Тянь-Шань, археология, раннежелезный век, государство Давань.

Введение. Сёла Коткор и Шыдыр расположены на юге Кыргызской Республики, в предгорной зоне, которая постепенно переходит в Ферганскую долину. Данный регион занимает северо-восточную периферию долины и находится на высоте около 800 м над уровнем моря. Населённые пункты расположены на расстоянии приблизительно 8–10 км от административного центра Базар-Коргонского района. С западной стороны территорию ограничивает река Шайдансай, тогда как в юго-восточной части протекает река Кара-Ункур, являющаяся притоком Кара-Дарьи. В целом, исследуемая территория представляет собой стратегически значимый регион, в пределах которого, начиная с древнейших эпох, фиксируется устойчивое взаимодействие оседло-земледельческих и кочевых культурных традиций, обусловленное, в том числе, наличием благоприятных природно-климатических условий для жизнедеятельности и ведения земледелия.

Летом 2025 года в рамках государственного проекта «Көөнө тарых сырлары» на данной территории были проведены археологические спасательные исследования под руководством археолога, профессора, доктора наук Кубатбека Табалдиева. В состав экспедиции вошли Ж. Ырысбек уулу – магистрант Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына, студенты Кыргызско-Турецкого университета «Манас» Б. Асанакунов, а также авторы настоящей статьи.

Методы исследования. В ходе исследования применялись комплексные археологические методы, включающие полевую разведку, визуальный осмотр территории и закладку разведочных шурфов размером 1×1 м с их расширением в отдельных участках. Полученные материалы документировались посредством графической фиксации, включая прорисовку фрагментов керамических сосудов.

Анализ археологических находок осуществлялся с использованием сравнительно-типологического метода, что позволило определить их культурно-хронологическую принадлежность. Для интерпретации материалов привлекались аналогии из опубликованных научных источников.

История исследования. Следует отметить, что до проведения указанных исследований данная местность не подвергалась систематическим археологическим раскопкам. Вместе с тем, в советский период археологические исследования проводились в прилегающих районах: в Уч-Кургане под руководством Б. А. Латынина в 1930–1935 гг (Латынин 1961), в Узгенском районе на городище Шоробашат и Кара-Дарья под руководством Ю. А. Заднепровского (Заднепровский 1960). Кроме того, в своих трудах А. Н. Бернштам указывал, что население Базар-Коргонского района с древнейших времён занималось земледелием, искусственным орошением и скотоводством, так как имеет благоприятные условия для жизни (Бернштам 1950: 13).

С 2011 года на территории городища Коргон-Жар под руководством археолога К. Табалдыева велись археологические разведочные работы и сбор археологических сведений от местных жителей. В этом деле значительную помощь оказал местный хранитель древностей пенсионер Орозбек Шабданов. Именно по его инициативе здесь начались археологические изыскания (Археологический альбом об исследованиях КТУ “Манас” 2014: 101-104).

Исследование. В ходе проведённой экспедиции было выявлено 14 археологических холмов (тепе), содержащих разнообразный археологический материал. При этом один из холмов оказался полностью разрушенным в результате использования строительной техники (экскаватора) для подготовки участка под жилую застройку. Крупнейший из выявленных объектов Дангана-Дөбө - был частично трансформирован в карьер, из которого осуществлялась добыча строительного сырья. На момент прибытия экспедиционного отряда на данный объект продолжались земляные работы: экскаваторами извлекались грунтовые массы, а археологические материалы, такие как керамические фрагменты и каменные зернотерки, рассматривались как «ненужные» и выбрасывались в сторону. Благодаря вмешательству местных органов власти процесс разрушения памятника был приостановлен.

Археологический объект Дангана-Дөбө расположен в восточной части села Коткор и фиксируется по координатам 41°6′46.31″ с. ш. и 72°43′59.86″ в. д. Общая площадь памятника составляет около 1,7 га. Однако к настоящему времени степень его разрушенности достигает 80–85% (рис. 1). Высота сохранившейся части холма от основания до вершины составляет примерно 5–7 м, при этом в разрезе отчётливо прослеживается культурный слой. Анализ спутниковых снимков (Google Earth) показывает, что верхняя часть тепе длительное время использовалась в сельскохозяйственных целях, осуществлялась обработка почвы и посев культур. Кроме того, на снимках фиксируется динамика разрушения памятника, активизировавшаяся в последние годы, приблизительно с 2022 года.

В северной части памятника были возведены объекты социальной инфраструктуры средняя школа и детский сад. На момент проведения разведочных работ также планировалось строительство спортивной площадки. В западной части, на склоне холма, осуществлялась посадка деревьев. По свидетельствам местных жителей, в прошлом данное место имело ритуальное значение: здесь совершались жертвоприношения скота с последующим распределением мяса среди населения.

Западная часть холма Дангана-Дөбө-1 частично разрушена, вследствие чего в обнажённом разрезе хорошо прослеживаются элементы культурного слоя и отдельные археологические объекты. В частности, в разрезе зафиксированы два крупных хума, разрушенные в верхней части и частично выступающие на поверхность. Учитывая их локализацию, раскоп был заложен непосредственно над данным участком. Площадь раскопа составила 4×1,5 м.

Стратиграфически участок представлен преимущественно жёлтым лессовидным суглинком. При снятии верхнего слоя было установлено, что культурный горизонт в значительной степени нарушен: на разных уровнях фиксировались разрозненные фрагменты керамики без чёткой стратиграфической привязки. Это позволяет предполагать вторичное перемещение материала, вероятно связанное с хозяйственной деятельностью, в частности с выборкой грунта.

На глубине около 0,4 м был выявлен плотный глинистый слой, резко отличающийся по структуре от вышележащих отложений. После его расчистки установлено, что он представляет собой искусственно сформированную и утрамбованную массу, использованную в качестве основания для установки сосудов. Таким образом, данный горизонт имеет конструктивный характер. В пределах этого слоя зафиксированы два хума.

Первый хум сохранился на высоту 1,4 м. Максимальный диаметр составляет около 1 м. Верхняя часть сосуда разрушена, вследствие чего установить его первоначальную форму полностью не представляется возможным. Стенки выполнены из хорошо отмученной глины светло-жёлтого цвета, их толщина достигает 3 см. Следов орнаментации не выявлено.

Второй хум сохранился хуже: его высота составляет около 1 м, максимальный диаметр приблизительно 0,85 м. Венчик и донная часть не сохранились. Стенки значительно тоньше, чем у первого сосуда, около 1 см. Технологические особенности изготовления в целом сходны.

Оба сосуда были вкопаны в подготовленное глинистое основание и дополнительно обмазаны глиной с внешней стороны. Обмазка плотная, местами хорошо сохранившаяся. В зазоре между стенками сосудов и обмазкой зафиксирован слой зеленоватого оттенка. Его происхождение на данном этапе неясно, однако возможно, что он связан с остатками органического вещества, что требует проведения специальных лабораторных анализов.

В том же разрезе, на одном стратиграфическом уровне с хумами, выявлена линейная каменная структура, представленная пятью камнями, уложенными в ряд. Общая протяжённость конструкции составляет до 0,5 м. В отдельных местах прослеживается двухрядная кладка. Характер укладки позволяет предполагать, что данная структура является частью какого-либо сооружения, однако её функциональное назначение остаётся неясным.

Северная часть памятника подверглась значительному антропогенному воздействию: участок был частично выровнен с применением тяжёлой техники в связи с хозяйственным освоением территории. В результате этого верхние слои оказались нарушенными. Для уточнения характера культурных отложений и выявления возможных сохранившихся структур была применена шурфовочная методика. Всего заложено пять шурфов размером 1×1 м.

Шурф №1 показал наличие культурного слоя уже с глубины 0,1 м. С этого уровня фиксируется значительное количество фрагментов керамики и костных остатков. На глубине 0,2–0,3 м выявлен зольный горизонт. Керамический материал представлен изделиями ручной и гончарной работы. Ручная керамика имеет серовато-жёлтый цвет, поверхность часто неровная. Гончарная керамика отличается более высоким качеством, окрашена в красные и жёлтые тона. Толщина стенок варьируется от 0,5-1 см. Костный материал представлен остатками домашних животных, главным образом овцы и лошади; зафиксированы, в частности, зубы лошади и фрагменты челюстей овцы.

Шурф №2, расположенный на расстоянии 1,5–2 м к западу от первого, дал сходный по составу материал. В верхнем горизонте (до 0,1 м) выявлены камни среднего размера и фрагменты венчиков сосудов. Ниже фиксируются костные остатки и зольный слой. Керамика отличается разнообразием: преобладают фрагменты красного и чёрного цвета, встречаются как высококачественные, так и грубые изделия. Среди находок отмечены глиняная бусина и фрагмент небольшого полусферического сосуда.

Шурф №3 был заложен на расстоянии 2–3 м к северу от шурфа №2. На глубине около 0,1 м выявлена каменная выкладка, ориентированная по линии север–юг. В южной части шурфа обнаружен камень кремнистой породы. После фиксации конструкции дальнейшее углубление не проводилось. Вокруг каменной выкладки встречены фрагменты керамики.

Шурф №4, расположенный к северо-западу от шурфа №3, выявил каменные конструкции, ориентированные по осям север–юг и восток–запад, образующие крестообразную планировку. В заполнении фиксируются керамические фрагменты и костные остатки.

Шурф №5 был заложен к западу от четвёртого на небольшом расстоянии и исследован до глубины 20–30 см. В центральной части шурфа обнаружен каменный жернов, вокруг которого зафиксированы фрагменты керамики и кости животных. Наличие жернова свидетельствует о переработке зерновых культур и хозяйственной деятельности населения.

Интерпретация полученного материала. Интерпретация полученного материала. В целом полученные материалы позволяют характеризовать памятник Дангана-Дөбө-1 как многослойный объект с признаками длительного хозяйственного освоения. Наличие зольных слоёв, большого количества керамики и костных остатков свидетельствует о бытовой деятельности населения. Обнаружение крупных хумов, установленных в специально подготовленное основание, указывает на существование развитых форм хранения. Каменные конструкции, выявленные в разрезах и шурфах, вероятно, отражают остатки стационарных построек.

В результате археологических исследований на объекте Дангана-Дөбө-1 основную часть находок составили фрагменты керамики и каменные тёрочные орудия. Керамический материал, полученный из шурфов, характеризуется технологическим и морфологическим разнообразием: выявлены образцы, украшенные красной и чёрной краской, а также фрагменты со следами лощения. Красно ангобированная керамика в Ферганской долине отличается от керамики предшествующего периода и приобретает самостоятельные особенности, широко распространяясь в первые века н. э. Первоначально она встречается редко, однако со временем становится важной частью

керамического комплекса (Заднепровский, 1960, 61-62). В то же время преобладают грубо изготовленные, неорнаментированные фрагменты.

В шурфе 2, а также в южной части зоны с каменными конструкциями, прилегающей к хумам, были обнаружены фрагменты венчиков и ручек котлов. Кроме того, во втором шурфе выявлен фрагмент венчика с характерной особенностью: на расстоянии 2,5 см ниже края имеется отверстие диаметром около 5 мм (рис. 2). В связи с плохой сохранностью фрагмента его функциональное назначение определить не представляется возможным.

В этом же шурфе найден миниатюрный сосуд высотой 4 см, диаметром 4,5 см и толщиной стенок около 0,8 мм. Сосуд имеет светло-коричневый цвет, его дно выполнено неровно (рис. 3). Аналогичные миниатюрные сосуды зафиксированы на поселении Шурабашат, где обнаружен, в частности, горшочек высотой до 4 см, покрытый красно-фиолетовой краской (Заднепровский, 1960, 200), что позволяет рассматривать данный экземпляр как часть более широкой традиции изготовления уменьшенных керамических форм.

В шурфах 2 и 3 выявлен зольный слой, из которого отобраны образцы почвы для флотационного анализа. Для интерпретации результатов была привлечена специалист Басира Мир-Махамад. В ходе рассмотрении, наряду с косточками винограда, зафиксированы остатки чечевицы, персика, ячменя и дикого подмаренника (рис. 4). Полученные данные свидетельствуют о том, что население древней Ферганы культивировало более широкий спектр сельскохозяйственных культур, чем считалось ранее, не ограничиваясь виноградом (Бернтшам 1951: 10) и урюком (Бернштам 1951: 5), традиционно фиксируемыми в археологических материалах.

Образцы костного материала из шурфа были направлены в радиоуглеродную лабораторию (C^{14}) г. Вильнюс (рис. 5). Результаты датирования позволяют отнести археологический памятник Дангана-Дөбө-1 к периоду I в. до н. э. – III в. н. э., что соответствует времени существования государства Давань. Полученные данные уточняют пространственные границы распространения этого государственного образования и способствуют восполнению пробелов в истории региона, предоставляя новые сведения о его развитии.

Заключение. Проведённое исследование позволило получить новые данные о хозяйственной и культурной жизни населения Ферганской долины в период государства Давань. Выявленные археологические материалы существенно дополняют существующие представления о характере освоения территории и особенностях материальной культуры региона.

Вместе с тем полученные результаты носят предварительный характер и требуют дальнейшего углублённого изучения. Перспективы последующих исследований связаны с расширением площади раскопок, привлечением дополнительных методов анализа и более детальной интерпретацией археологических находок, что позволит уточнить хронологические и культурные параметры памятника.

Список литературы

Археологический альбом об исследованиях Кыргызско-Турецкого университета “Манас”. Бишкек, 2014. 184 с.

Бернштам А.Н. Архитектурные памятники киргизии. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960. 145 с.

Бернштам А.Н. Древняя Фергана. Ташкент, 1951. 44 с.

Заднепровский Ю.А. Археолические работы в Южный Киргизии в 1954 году// Труды киргизкой археолого-этнографический экспедиции. Москва: Изд-во АН СССР. 1960. С. 165-167.

Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных регионов Ошской области. Фрунзе, 1960. 173 с.

Заднепровский Ю.А. Городище Шурабашат // Труды киргизкой археолого-этнографический экспедиции. Москва: Изд-во АН СССР.1960.С. 177-206.

Заднепровский Ю.А. Ошское поселение к истории Ферганы в эпоху бронзы. Бишкек. 1997. 171 с.

Латынин Б.А. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 г. // Археологический сборник ГЭ. Вып.3. Л., 1961. С. 110-170.

А.К. Кудаярова, М.Ж. Ырысбаева, Ч.Д. Джамгырчиева
Данғана-Дөбө ескерткіші: зерттеудің алдын ала нәтижелері

2025 жылғы далалық маусым кезеңінде «Көөнө тарых сырлары» мемлекеттік жобасы аясында Жалал-Абад облысы, Базар-Қорғон ауданына қарасты Коткор және Шыдыр ауылдарының аумағында археологиялық құтқару жұмыстары жүргізілді. Далалық барлау шараларының нәтижесінде археологиялық артефактілері бар 14 төбеден (қорғаннан) тұратын кешен тіркелді. Аталған ескерткіштердің бір бөлігі антропогендік факторлардың әсерінен қирауға ұшыраған. Зерттеу жұмыстары барлау шурфтарын салуды, мәдени қабаттардың стратиграфиялық құрылымын зерделеуді, сондай-ақ жергілікті тұрғындар арасында сауалнама жүргізуді қамтыды.

Жұмыс барысында алғашқы далалық тіркеу әдістері, соның ішінде олжаларды графикалық құжаттандыру, күлді топырақтарды флотациялау және айналадағы аймақтарды барлау әдістері қолданылды.

Қатты зақымдалған Дангана-Дөбө ескерткішінен табылған археологиялық материалдар алдын ала мәлімет бойынша кең хронологиялық диапазонды қамтитын керамикалық бұйымдармен сипатталады. Қираған тіліктердегі мәдени қабаттың қалыңдығы бұл аумақтың ұзақ уақыт бойы әрі қарқынды игерілгенін айғақтайды. Дангана-Дөбөден табылған жәдігерлер қатарында керамикалық ыдыстардың сынықтары, тас дәнүгіштер, жануарлар сүйектерінің қалдықтары мен тас конструкциялардың элементтері бар.

C^{14} радиокөміртекті талдау әдісімен расталған алдын ала нәтижелер Дангана-Добо ескерткішінің негізгі өмір сүру кезеңін б.з. I–V ғасырларына жатқызуға мүмкіндік береді. Бұл нысанды Давань мемлекетінің мәдениетімен байланыстыруға болады. Алынған деректер Даван мемлекеті дәуіріндегі Ферғана алқабы халқының қоныстануы мен шаруашылық іс-әрекеті туралы түсініктерді едәуір кеңейтеді.

Түйін сөздер: Қырғызстан, Ферғана аңғары, Батыс Тянь-Шань, археология, ерте темір дәуірі, Даван мемлекеті.

A.K. Kudayarova, M.Zh. Yrysbayeva, Ch.D. Dzhamgyrchieva
The Dangana-Döbö Site: Preliminary Results of the Research

During the 2025 field season, as part of the state project «Secrets of Ancient History» (Көөнө tarykh syrlary), rescue archaeological excavations were conducted in the villages of Kotkor and Shydyr, located in the Bazar-Korgon district of the Jalal-Abad region.

Field surveys identified a complex of 14 archaeological mounds containing various artifacts. Some of these sites had suffered degradation due to anthropogenic factors. Our research methodology involved the excavation of test pits, the stratigraphic study of cultural layers, and ethnographic interviews with the local population.

The fieldwork employed primary field recording methods, including the graphic documentation of finds, the flotation of ashy soil samples, and reconnaissance surveys of the surrounding area.

The archaeological material recovered from the heavily disturbed site of Dangana-Dobo is preliminarily represented by ceramics spanning a wide chronological range. The thickness of the cultural layer observed in the eroded sections indicates long-term and intensive occupation of the territory. Finds from Dangana-Dobo include ceramic vessel fragments, stone grain grinders (querns), faunal remains, and elements of stone structures.

Preliminary results, supported by C^{14} radiocarbon analysis, allow the primary period of the Dangana-Dobo site’s occupation to be dated between the 1st and 5th centuries AD. The site can be associated with the culture of the Dayuan state. These findings expand our understanding of the settlement patterns and economic activities of the Fergana Valley population during the Dayuan era.

Key words: Kyrgyzstan, Fergana Valley, Western Tien Shan, archaeology, Early Iron Age, the State of Davan.

ПАЛЕОМЕТАЛЛ ДӘУІРІ АРХЕОЛОГИЯСЫ

Ғ.Қ. Омаров, Р.С. Жуматаев, Б.Б. Бесетаев, Н.А. Константинов, С.Т. Сагындыкова, Б. Рысбек, Н.Ғ. Ғалымжан, Б.Ж. Демесін, Д.С. Шаймуханова, С.Т. Шакенов
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Алматы, Қазақстан
samatakrit@gmail.com

Жәнібекбұлақ қорымындағы 2025 жылғы археологиялық зерттеулердің нәтижелері (ШҚО)

Мақалада 2025 жылы Шығыс Қазақстан облысы Зайсан ауданы аумағында орналасқан Жәнібекбұлақ қорымында жүргізілген археологиялық зерттеулердің нәтижелері қарастырылады. Ескерткіш Сауыр жотасының солтүстік беткейлерінде, Темірсу өзені аңғарында орналасқан. Қорым құрамына тас-топырақ үйінділі обалар мен тас қоршаулардан тұратын шамамен отызға жуық жерлеу нысаны кіреді, олар әртүрлі хронологиялық кезеңдерге жатады. Нысан Айнабұлақ-Темірсу қорымынан шамамен 2 км қашықтықта, Темірсу өзенінің жоғары ағысында орналасқан. Аталған қорымда ерте қола дәуіріне, ерте сақ кезеңіне және құлажорға кезеңіне жататын кешендердің анықталуы бұл аумақты біртұтас археологиялық микроаудан ретінде қарастыруға мүмкіндік береді.

Зерттеу нәтижелері бойынша екі түрлі кезеңге жататын жерлеу кешендері анықталды. № 15 оба және № 21 қоршауда ағаштан жасалған жерлеу камералары анықталды, олардың ішкі бөлігі бөренелермен жабылған екен. Құрылымдық ерекшеліктеріне сәйкес бұл нысандар андронов мәдени-тарихи қауымдастығының нұра кезеңіне жатады. Бұл тұжырым радиокөміртекті мерзімдеумен де нақтыланып, б.з.д. II мыңжылдықтың орта кезеңіне сәйкес келді.

№16 обада тас құрылымды жерлеу анықталып, оның архитектуралық ерекшеліктері мен жерлеу ғұрпы негізінде ерте темір дәуірінің құлажорға кезеңіне жататыны айқындалды. Аталған мерзімдеу 2212±30 BP (б.з.д. 379–178 жж., 2σ) радиокөміртекті дерекпен расталады.

Жәнібекбұлақ қорымында андроновтық кешендердің тіркелуі Айнабұлақ-Темірсу қорымымен салыстырғанда ерекше, себебі аталған қорымда мұндай жерлеулердің әзірге анықталмауы Сауыр–Тарбағатай өңіріндегі жерлеу ескерткіштерінің таралу ерекшеліктерін нақтылауға мүмкіндік береді.

Түйін сөдер: Сауыр-Тарбағатай, археология, қола дәуірі, ерте темір дәуірі, оба, қоршау.

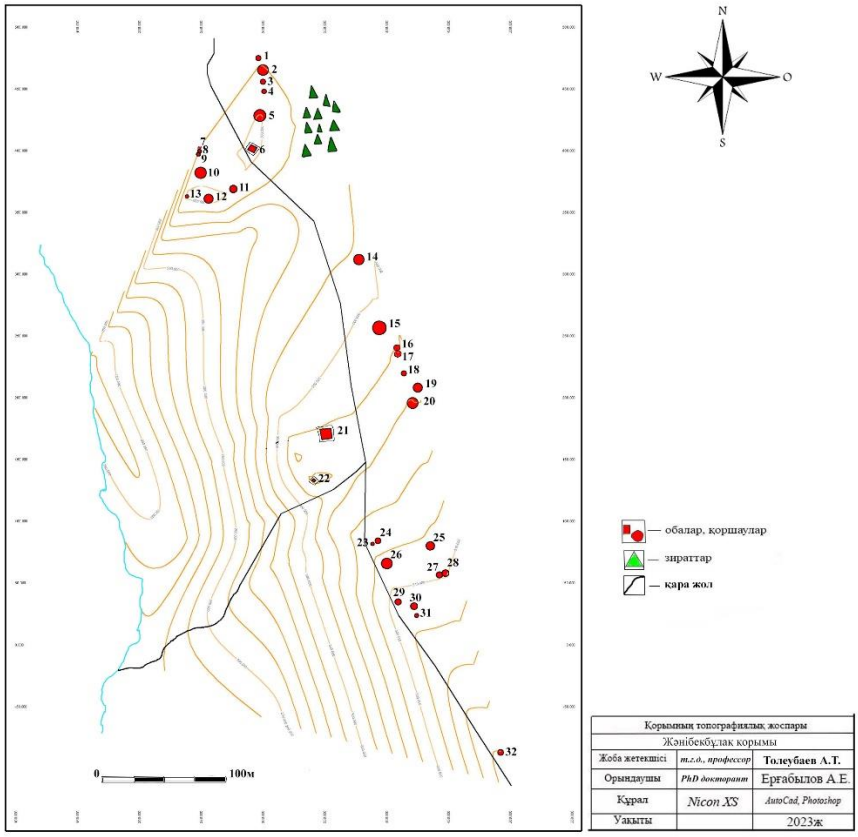
Зайсан өңіріндегі археологиялық зерттеулердің қазіргі деректік негізі ұзақ уақыт бойы жинақталған барлау, қазба және жеке ескерткіштерді сипаттау материалдарынан қалыптасты. Бұл жұмыстар аймақтың археологиялық картасын біртіндеп толықтырып, әр кезеңге жататын нысандарды ғылыми айналымға енгізуге мүмкіндік берді. Өңірдегі археологиялық ескерткіштер туралы алғашқы мәліметтер XVIII–XIX ғасырлардағы саяхатшылар мен зерттеушілердің еңбектерінде кездеседі (Миллер, 1937; Паллас, 1786). XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басында Шілікті жазығындағы ірі обалар, Шаған оба және оған іргелес аумақтардағы ескерткіштер жөнінде деректер жинақталып, алғашқы мақсатты археологиялық барлау мен қазба жұмыстары жүргізілді (Тихонов, 2014).

Аймақты жүйелі түрде зерттеу XX ғасырдың ортасында С.С. Черников басқарған Шығыс Қазақстан археологиялық экспедициясының қызметімен байланысты. 1940–1970 жылдары Зайсан қазаншұңқыры, Шілікті жазығы, Сауыр мен Тарбағатай бөктерлерінде барлау, қазба және ескерткіштерді тіркеу жұмыстары атқарылды. 1949 жылғы зерттеулер барысында Зайсан маңы мен Тарбағатайдан Жетісу Алатауына дейінгі кең аумақта көптеген жерлеу ескерткіштері есепке алынып, Шілікті мен Шаған оба қорымдарында әр кезеңде қазба жұмыстары жүргізілді. Осы зерттеулер өңірдің қола дәуірі мен ерте көшпелілер кезеңіне қатысты археологиялық базасының қалыптасуына негіз болды (Черников, 1951; 1960; 1965; АКК, 1960). Кейінгі жылдары З. Самашевтің Өкей петроглифтерін зерттеуі және Ә. Төлеубаев басқарған Шілікті археологиялық экспедициясының жұмыстары аймақ археологиясының маңызды бағыттарының біріне айналды (Самашев, 1992; Төлеубаев, 2018).

Соңғы жылдары Зайсан өңіріндегі археологиялық зерттеулердің ауқымы едәуір кеңейді. 2003 жылдан бастап әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің экспедициясы Шілікті жазығындағы ерте сақ кезеңінің ескерткіштерін жүйелі түрде зерттеді. 2016 жылдан бастап Қазақстан-Ресей экспедициясының жұмыстары нәтижесінде Үшбұлақ палеолиттік тұрағы зерттеліп, аймақтың археологиялық хронологиясы тас дәуіріне дейін тереңдетілді. Кейінгі маусымдарда Үшбұлақ пен Қарасай тұрақтарында қазба және барлау жұмыстары жалғасып, жаңа тас дәуірі ескерткіштері анықталды (Шуньков и др., 2017).

2017 жылдан бастап Шілікті–Тарбағатай археологиялық экспедициясы Айнабұлақ–Темірсу қорымында жүйелі зерттеу жұмыстарын жүргізіп, ерте қола дәуірінен ғұн-сармат кезеңіне дейінгі ескерткіштер бойынша жаңа материалдар жинақтады (Төлеубаев и др., 2018; Shakenov et al, 2025). Осы зерттеулерді аумақтық және хронологиялық тұрғыдан кеңейту мақсатында Темірсу аңғары мен Сауыр жотасының солтүстік бөктеріндегі біртұтас археологиялық кеңістік құрамына кіретін Жәнібекбұлақ қорымы да зерттеу нысанына алынды.

Жәнібекбұлақ қорымы Шығыс Қазақстан облысы Зайсан ауданы аумағында, Зайсан қаласынан оңтүстік-шығысқа қарай шамамен 6,7 км, Айнабұлақ ауылынан оңтүстікке қарай 9 км жерде орналасқан. Ескерткіш Темірсу өзенінің оң жағалауындағы қыратты үстірттің биіктеу бөлігін алып жатыр. Қорым құрамында тас және топырақ пен тас аралас үйінділі обалармен қатар, төртбұрышты тас қоршаулар да кездеседі (1-сур.).

1-сурет. Жәнібекбұлақ қорымының топографиялық жоспары

2025 жылы әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің археологиялық экспедициясы аталған қорымда далалық зерттеу жұмыстарын жүргізді. Зерттеу барысында қорымның топографиялық жоспары нақтыланып, № 15, № 16 және № 21 жерлеу кешендерінде археологиялық қазба жүргізілді.

Қорымда жалпы 32 жерлеу құрылысы тіркелген. Жоспар бойынша нысандар солтүстіктен оңтүстікке қарай созыла орналасып, бірнеше шағын топ құрайды. Жерлеу кешендерінің басым бөлігі терраса жиегіне жақын орналасқан. Солтүстік бөлікте нысандар бір-біріне салыстырмалы түрде жақын шоғырланса, орталық және оңтүстік бөліктерде олардың арақашықтығы ұлғаяды. № 15 және №16 обалар қорымның орталық бөлігінде орналасса, №21 нысан терраса жиегіне жақын жерде

орналасқан. Аталған объектілер сыртқы құрылысы, көлемі және жоспарлық ерекшеліктері жағынан бір-бірінен өзгеше болып келеді. Осыған байланысты олар қорым құрамындағы әртүрлі типтегі

Зерттеу кешенді әдістемеге негізделіп, ескерткіштің жалпы жоспарын жасау, аэрофототүсірілім жүргізу, ортофотожоспарлар мен микрорельеф үлгілерін дайындау, үйінділер мен жерлеу шұңқырларының стратиграфиясын тіркеу, конструкциялық элементтерді графикалық және фотограмметриялық жолмен құжаттау жұмыстарын қамтыды. Жекелеген сүйек үлгілеріне AMS радиокөміртектік талдау жүргізіліп, алынған нәтижелер OxCal бағдарламасы арқылы калибрленді; зерттеу аяқталғаннан кейін барлық нысандарға рекультивация жасалды.

Төменде қазба жұмыстары арқылы зерттелген жерлеу кешендерінің сипаттамасы келтірілген.

№ 15 оба қорымның орталық бөлігінде орналасқан. Сопақша келген, топырақ аралас тас үйіндінің іргесін ірі малтатастардан тұратын, диаметрі 12×11,5 м, сақина негіздейді. Қазба барысында үйіндінің орталық бөлігінде өлшемі 3,3×2 м қара түсті тонау дағы анықталды. Оған қоса жерлеу шұңқырының да дағы сол тұстан айқындалып, толтырмасы ашық түсті, кей тұстары ақшыл топырақтан және ішке қарай құлаған тастардан тұратыны белгілі болды.

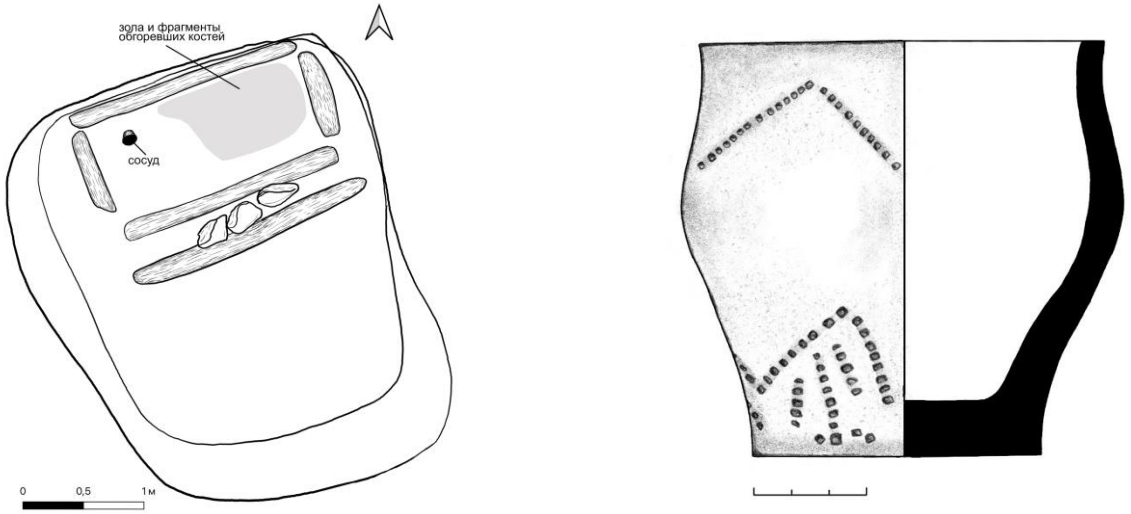
Жерлеу шұңқырының өлшемі 3,5×2,9 м, тереңдігі 2,2 м. Шұңқырдың солтүстік бөлігінен шығыс–батыс бағытына аздап ауытқып бағдарланған төртбұрышты ағаш жақтау анықталды. Оның өлшемі 2,2×1,2 м, құрылымы бір қатар бөренеден құрастырылған. Бөренелердің ішкі беттерінде өңдеу іздері сақталған. Жақтаудың оңтүстік, сыртқы бөлігінде жалпақ, ортасынан қақ бөлінген бөрене орналасқан. Ол жерлеу камерасын шұңқырдың бос оңтүстік бөлігінен бөліп тұрған құрылымдық элемент немесе бастапқы жабынның кейін ығысқан бөлігі болуы ықтимал.

Ағаш жақтаудың ішкі кеңістігі борпылдақ ашық-сұр топырақпен, ұсақ көмір түйіршіктерімен және күйген ағаш қалдықтарымен ішінара толған. Оның түбінен қалыңдығы 3–4 см қара түсті қабат, күлді шөгінділер және күйген сүйектер тіркелді. Солтүстік-шығыс бөлікте жілік сүйектерінің ұсақ фрагменттері шоғырланған. Сүйектердің күйі мен кеңістікте таралуы жерлеу камерасының ішінде от жағылғанын көрсетеді. Алайда сүйек қалдықтарының толық антропологиялық сипаттамасы мен олардың бастапқы анатомиялық қалпын анықтау қосымша зерттеуді қажет етеді.

Жақтаудың солтүстік-батыс бұрышынан бүтін күйінде сақталған шағын қыш ыдыс табылды. Ыдыс түбі тегіс, бүйірі біртіндеп кеңейетін, иығы анық байқалғанымен жұмырлана қалыптасқан және ернеуі сыртқа қарай сәл қайырылған құмыра тәрізді пішінде жасалған. Өлшемдері: ернеуінің диаметрі шамамен 9 см, түбінің диаметрі 6,8 см, биіктігі шамамен 11,5 см, қабырғасының қалыңдығы 0,8–1 см.

Өрнек композициясы құрылымы жағынан екі негізгі белдеуге бөлінеді. Жоғарғы бөлігінде, мойын мен иық тұсында, ірі тарақ тісті қалыппен түсірілген дара ирек сызық түріндегі өрнек орналасқан. Ыдыс бүйірінің төменгі бөлігінде осы тәсілмен орындалған, ішкі өрісі штрихталған тең бүйірлі үшбұрыштар берілген.

Ыдыстың ішкі және сыртқы беттерінен тегістеу іздері байқалады. Бұл іздер жиегі жұмсақ құралмен, шамасы, шөп түйіні немесе матамен өңдеу нәтижесінде пайда болған. Күйе іздері анықталған жоқ. Сонымен қатар обадан тас дәнүккіштің бір сынығы анықталған болатын (2-сур.).

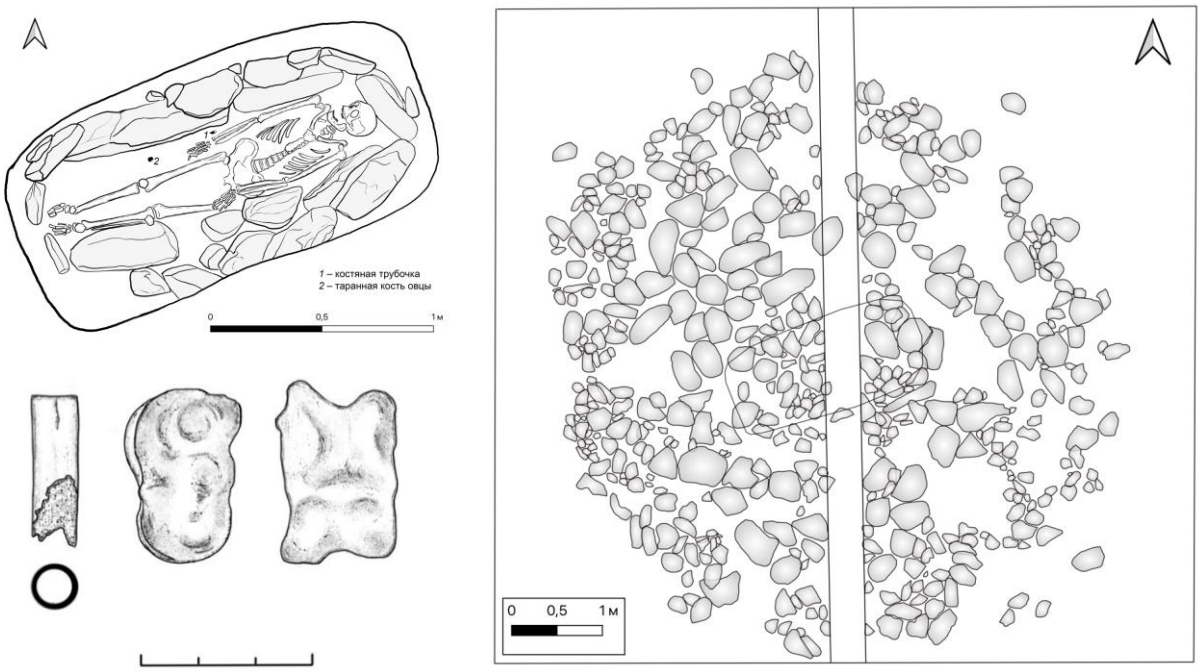
2-сурет. № 15 оба. Қабір шұңқыры және қыш ыдыс

№ 16 оба да қорымның орталық бөлігінде орналасқан. Ескерткіш үйіндісі дөңгелек пішінді, негізінен сынған және ұсақталған тастардан тұрғызылған. Оның өлшемі 6,5×6,3 м, сақталған биіктігі шамамен 0,5–0,6 м. Үйінді құрамында таспен қатар топырақ та қолданылған. Шеткі бөлігінде ірі тастардан түзілген сақина тәрізді белдеу байқалады. Үйіндінің жоғарғы бөлігіндегі аздаған шөгу жерлеу камерасының орналасуымен байланысты болуы мүмкін.

Үйінді алынып, орталық бөлігі тазартылғаннан кейін батыс–шығыс бағытына бағдарланған төртбұрышқа жуық, түбінде қабырғалары ірі тас тақталармен шегенделген жерлеу камерасы анықталды. Жерлеу шұңқырының өлшемі 2×1 м, тереңдігі 0,8 м болса, түбіндегі тас жәшік тәріздес құрылыс өлшемі 1,82×0,82 м. Конструкцияның сақталу деңгейі қанағаттанарлық, тақтатастардың бастапқы орналасуы негізінен бұзылмаған.

Мәйіт шалқасынан созылыңқы қалыпта, басы шығысқа қаратылып жерленген. Қолдары дене бойымен созылып, аяқтары түзу орналасқан. Шұңқырдың батыс бөлігінде қара-қоңыр түсті органикалық қалдықтар тіркелді. Олар ағаш төсеніштің немесе басқа органикалық материалдың шірінді ізі болуы мүмкін.

Жамбас тұсынан, оң қол сүйектеріне жақын жерден өңделген сүйек түтікше табылды. Бұйымның беті тегістеліп, жылтыратылған. Оның нақты қызметі әзірге анықталған жоқ. Пішіні мен өңделу ерекшеліктеріне қарай ол әшекей бөлшегі, киімге немесе басқа бұйымға қатысты қапсырма тәрізді элемент болуы мүмкін. Сонымен қатар, мәйіттің оң жақ санының тұсынан ұсақ малдың асық сүйегі табылды (3-сур.).

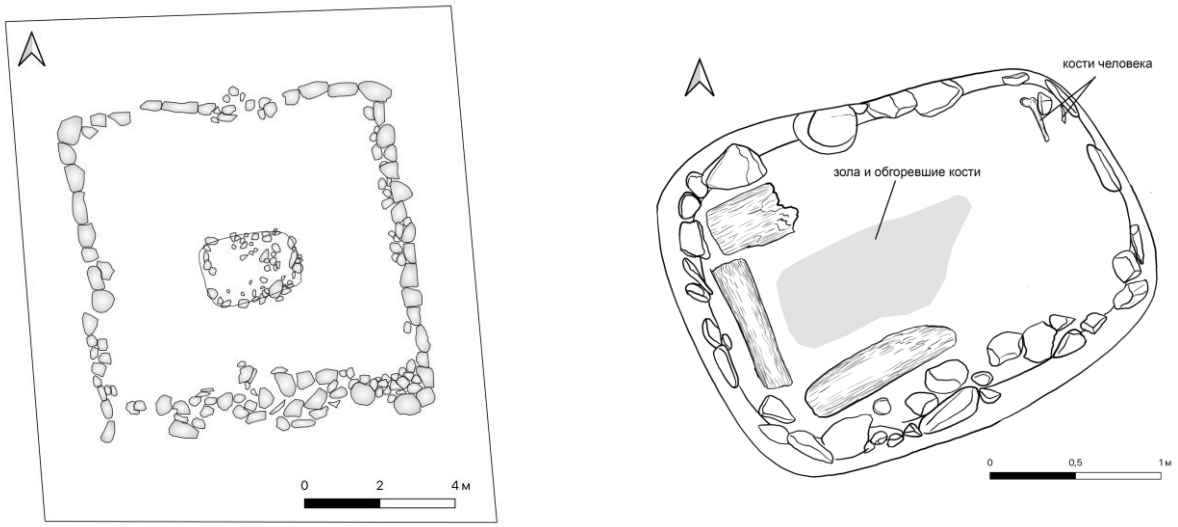
3-сурет. № 16 оба. Қабір шұңқыры, сыртқы құрылымы және мәйіттің ақыреттік заттары

№ 21 қоршау табиғи террасаның жиегіне жақын орналасқан. Қоршау ірі тас тақталар мен көлемді қойтастардан қаланып, ішкі кеңістігі әртүрлі көлемдегі тастармен толтырылған. Нысанның жалпы өлшемі 8,6×10 м. Оңтүстік бөлігі кейінгі шаруашылық әрекеттердің әсерінен ішінара бұзылған: қоршау сызығының жекелеген тастары орнынан қозғалып, тас үйіндінің бір бөлігі оңтүстік бағытқа қарай ығысқан.

Тас үйінді толық аршылғаннан кейін қоршаудың орталық бөлігінен батыс–шығыс бағытына бағдарланған төртбұрышқа жуық жерлеу шұңқыры анықталды. Оның өлшемі 2,75×2,1 м, тереңдігі 1,25 м. Шұңқыр түбіне төртбұрышқа жуық пішіндегі бөренелі жерлеу камерасы салынған. Камераның солтүстік және оңтүстік бойлық қабырғалары бірнеше қатар бөренеден құрастырылса, батыс жақ қабырғасы бір бөренемен жабылған. Шығыс бөлігі нашар сақталған және ежелгі кезеңде бұзылған болуы ықтимал. Ағаш элементтердің басым бөлігі топырақ арасында қара-қоңыр түсті шірінді іздері түрінде сақталған.

Жерлеу камерасының ішкі бөлігінен күл, көмір және күйдірілген адам сүйектерінің ұсақ фрагменттері тіркелді. Олар камера түбіне біркелкі емес таралған. Шұңқырдың шығыс жағынан күйдіру белгілері байқалмайтын бірнеше адам сүйегі анықталды. Бұл сүйектер негізгі кремациялық

кешеннен бөлек орналасқанымен, олардың бір мезгілде немесе кейін қойылғанын археологиялық контекст негізінде нақты анықтау қиын. Сондықтан өртенген және өртенбеген сүйек қалдықтарының өзара қатынасы қосымша антропологиялық және жаратылыстану-ғылыми зерттеулерді қажет етеді (4-сур.).

4-сурет. № 21 қоршау. Ескерткіштің сыртқы құрылымы және жерлеу камерасы

Жерлеу камерасынан археологиялық бұйымдар табылған жоқ. Шұңқырдың қабырғалары мен түбіне жүргізілген бақылау тазалауы да қосымша материал бермеді.

Жәнібекбұлақ қорымында зерттелген нысандардың хронологиясын нақтылау мақсатында адам сүйектерінен алынған үлгілерге AMS радиокөміртектік талдау жүргізілді. №15 обадан алынған үлгінің зертханалық шифры FTMC-EX60-1, радиокөміртектік жасы 3049±32 BP. Калибрлеу нәтижесі 68,3% ықтималдықпен б.з.д. 1387–1339 және 1318–1262 жылдарды, ал 95,4% ықтималдықпен б.з.д. 1406–1221 жылдар аралығын көрсетті. №21 обадан алынған FTMC-EX60-2 үлгісінің радиокөміртектік жасы 3251±37 BP болып, 68,3% ықтималдықпен б.з.д. 1599–1593, 1542–1492 және 1481–1451 жылдармен, ал 95,4% ықтималдықпен б.з.д. 1612–1572 және 1567–1441 жылдармен мерзімделді.

№16 қоршаудан алынған сүйек үлгісінің зертханалық шифры FTMC-AS92-1, радиокөміртектік жасы 2212±30 BP. Оның калибрленген мерзімі 68,3% ықтималдықпен б.з.д. 360–202 жылдарды, ал 95,4% ықтималдықпен б.з.д. 379–178 жылдар аралығын қамтиды (1-кесте).

1-кесте. Радиокөміртекті сараптама нәтижелері

Нысан	**Зертханалық шифр**	**Радиокөміртектік жасы, BP**	**Калибрленген мерзімі, 68,3%**	**Калибрленген мерзімі, 95,4%**
№15 оба	FTMC-EX60-1	3049±32	б.з.д. 1387–1339; 1318–1262 жж.	б.з.д. 1406–1221 жж.
№16 оба	FTMC-AS92-1	2212±30	б.з.д. 360–202 жж.	б.з.д. 379–178 жж.
№21 қоршау	FTMC-EX60-2	3251±37	б.з.д. 1599–1593; 1542–1492; 1481–1451 жж.	б.з.д. 1612–1572; 1567–1441 жж.

Осылайша, абсолюттік мерзімдеу деректері №15 және №21 нысандардың қола дәуіріне, ал №16 обаның ерте темір дәуіріне жататынын көрсетеді.

№16 обаның абсолюттік мерзімі, тас-топырақ үйіндісінің көлемі, қабырғалары тас тақталармен шегенделген жерлеу шұңқыры және мәйіттің басын шығысқа қаратып, шалқасынан созылыңқы күйде жерленуі нысанды Шығыс Қазақстанның ерте темір дәуіріндегі Құлажорға кезеңінің жерлеу кешендерімен салыстыруға негіз береді [Черников, 1948; Арсланова, 1985; Abzalbekov, 2018]. №16 обаға жақын құрылымдық және хронологиялық белгілер 2024 жылы көршілес Айнабұлақ–Темірсу қорымында зерттелген №30 нысаннан да байқалады. Аталған кешен

тас үйіндісі мен сақина тәрізді қоршауы, батыс–шығыс бағытындағы, шеттері ірі тастармен шегенделген жерлеу шұңқыры және мәйітті шалқасынан созылыңқы қалыпта жерлеу ғұрпымен сипатталады. Алайда Айнабұлақ–Темірсу материалдары толық жарияланбағандықтан, олар бұл мақалада тек алдын ала салыстырмалы дерек ретінде пайдаланылды.

№15 және №21 нысандар құрылымдық ерекшеліктері, жерлеу камераларының жасалу тәсілі және абсолюттік мерзімдері бойынша Шығыс Қазақстанның андроновтық кешендерімен салыстыруға келеді. Екі нысанда да жерлеу кеңістігін ұйымдастыруда ағаш конструкциялар негізгі рөл атқарған. Қабір шұңқырындағы ағаш құрылыстардың мұндай үлгілері Жоғарғы Ертіс, Алтай және Батыс Сібір аумағындағы андроновтық жерлеу ескерткіштерінде белгілі.

№15 обадағы ағаш жақтау конструкциялық сипаты жағынан бөренелерден бір қатар етіп қаланған төртбұрышты жерлеу камераларына жақын. Семиярка IV қорымындағы №1 қоршауда жерлеу камерасы төрт бөренеден құрастырылған бір қатарлы жақтау түрінде жасалып, үсті көлденең бөренелермен жабылған. Осыған ұқсас қабір шұңқыры құрылыстары Зевакино, Кытманово, Рублево VIII және өзге де андроновтық ескерткіштерден анықталған. Кытманово қорымында бірқатар жерлеулерден бөренелерден немесе жалпақ ағаштардан жасалған қималар, төртбұрышты жақтаулар және тақтай жабындардың қалдықтары тіркелген (Арсланова, 1973; Ткачева, Ткачев, 2008; Грушин и др., 2021; Грушин, Тишкин, 2023).

№15 обаның мәдени-хронологиялық орнын нақтылауда одан табылған керамиканың маңызы ерекше. Ыдыстың өрнектелуінде классикалық Нұра кешендеріне тән қатаң белдеулік жүйенің сақталмауы және ірі тарақ тісті қалыптың қолданылуы оны Шығыс және Орталық Қазақстанда кең таралған кейінгі Нұра типіндегі керамикамен байланыстыруға негіз береді. Мұндай керамиканың Батыс Сібір материалдарынан да тұрақты ұқсастықтары байқалады (Ткачева, Ткачев, 2008; Кузьмина, 2008; Савко, 2025).

Қорытындылай келе, Жәнібекбұлақ қорымындағы 2025 жылғы зерттеулер №21 қоршауды жалпы андронов мәдени-тарихи қауымдастығы аясында қарастыруға, ал № 15 обаны кейінгі Нұра кезеңімен неғұрлым нақты байланыстыруға мүмкіндік береді. № 16 обаның құрылымдық ерекшеліктері, жерлеу ғұрпы және абсолюттік мерзімі оның ерте темір дәуіріндегі Құлажорға кезеңіне жататынын айқын көрсетеді. Сонымен бірге бұл тұжырымдар әзірге қорымда зерттелген үш нысанның материалдарына негізделгенін ескеру қажет.

Әдебиеттер тізімі

АКК – Археологическая карта Казахстана: Реестр. / Сост.: Е.И. Агеева, К.А. Акишев (отв. ред.), Г.А. Кушаев, А.Г. Максимова, Т.Н. Сенигова. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. 449 с., ил., табл., карт.

Арсланова Ф.Х. Памятники андроновской культуры из Восточного Казахстана // СА. 1973. № 4. С. 160–168.

Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. Новые материалы по кулажургинской культуре Восточного Казахстана // Археологические исследования в зонах мелиорации. Итоги и перспективы их интенсификации. Л.: 1985. С. 28-30.

Грушин С., Тишкин А. Андроновские погребения на могильнике Кытманово (по материалам раскопок В.И. Каца в 1961 г.) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 4. С. 228-248 DOI: 10.14258/tpai(2023)35(4).-13.

Грушин С.П., Мерц И.В., Мерц В.К., Илюшина В.В., Фрибус А.В. Погребальный комплекс периода средней бронзы могильника Семиярка IV (Восточный Казахстан) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 2 (53). С. 52-65.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М.Л., 1937. Т. 1. VII. 607 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Россиского Государства Ч.2, К.2 1786 СПБ

Паллас, П. С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санктпетербургской Императорской Академии наук. Ч. 2, кн. 2. Спб.: Печатано при Императорской Академии наук, 1786. 571 с.

Савко И.А. Погребальная посуда андроновской (федоровской) культуры степного и лесостепного Алтая: дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2025. 581 с.

Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Ғылым, 1992. 287 с.

Тихонов И.Л. Археология в Этнографическом музее Академии наук в XIX — начале XX в. // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 4: История археологического собрания МАЭ. Верхний палеолит / отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 5–75.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.

Толеубаев А.Т. Раннесакская шиликтинская культура. Алматы: ИП «Садвакасов А.К.», 2018. 528 с.

Толеубаев А.Т., Жуматаев Р.С., Шакенов С.Т. Новые оригинальные памятники энеолитической эпохи в Зайсанском районе Восточно-Казахстанской области // Мир Большого Алтая. 2017. 3(4). С. 611-625.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы / Материалы и исследования по археологии СССР. № 88. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 272 с.

Черников С. С. Загадка золатого кургана. М.: Наука, 1965. 190 с.

Черников С.С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г. // Известия АН Казахской ССР. Сер. археол. Алма-Ата: АН КазССР. 1951. Вып. 3. № 108. С. 64-81.

Шуньков М.В., Таймағанбетов Ж.К., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Козликин М.Б., Павленок Г.Д. Комплексы экспонированных артефактов со стоянок Ушбулак-1 и Ушбулак-2 (по результатам работ в 2016 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 203–207.

Abzalbekov M., Zhumatayev R. Funeral architecture of archeological monuments of «Kulazhorga» type // Journal of History. 2018. No. 2. Vol. 89. P. 89-95.

Shakenov S., Shaimukhanova D., Amir S., Zhumatayev R. At the Crossroads of Eras and Technologies: The Aynabulak-Temirsu-1 necropolis through the Lens of Interdisciplinary Analysis (Eastern Kazakhstan) // Kazakhstan Archeology. 2025. No. 4. Vol. 30. P. 205–230.

G.K. Omarov, R.S. Zhumatayev, B.B. Besetayev, N.A. Konstantinov, S.T. Sagyndykova, B. Rysbek, N.G. Galymzhan, B.Zh. Demessin, D.S. Shaimukhanova, S.T. Shakenov

Results of the 2025 Archaeological Research at the Zhanibekbulak Burial Ground (East Kazakhstan Region)

This paper presents the results of archaeological investigations conducted in 2025 at the Zhanibekbulak burial ground, located in the Zaysan district of the East Kazakhstan region, on the northern slopes of the Saur ridge, in the Temirsu River valley. The site comprises about three dozen burial structures represented by stone-and-earth kurgans and stone enclosures belonging to different chronological periods. It is situated 2 km upstream from the Ainabulak-Temirsu burial ground, where complexes of the Early Bronze Age, Early Saka period, and Kulazhorgha stage have been recorded, allowing the studied area to be considered within a single archaeological microregion.

The investigated features demonstrate two cultural and chronologically distinct complexes. Kurgans No. 15 and 21 are represented by burial structures with wooden chambers, including constructions with log coverings. Based on the combination of architectural features, they are attributed to the Nura stage of the Andronovo cultural-historical community, which is confirmed by radiocarbon dates corresponding to the middle of the 2nd millennium BC.

Kurgan No. 16 contains a burial in a stone-built structure and, based on its architecture and burial rite, is attributed to the Kulazhorgha stage of the Early Iron Age; this interpretation is supported by a radiocarbon date of 2212±30 BP (379–178 BC, 2σ) and is consistent with the typological characteristics of this stage.

The identification of Andronovo complexes in the immediate vicinity of the Ainabulak-Temirsu burial ground, where such burials have not yet been recorded, refines the understanding of the spatial distribution of Andronovo-related sites in the Saur–Tarbagatai region.

Key words: Saur–Tarbagatai, archaeology, Bronze Age, Early Iron Age, burial mound, stone enclosure.

Г.К. Омаров, Р.С. Жуматаев, Б.Б. Бесетаев, Н.А. Константинов, С.Т. Сагындыкова, Рысбек Б., Галымжан Н.Г., Демесін Б.Ж., Д.С. Шаймуханова, С.Т. Шакенов

Результаты археологических исследований 2025 года на могильнике Жанибекбулак (ВКО)

В статье представлены результаты археологических исследований 2025 г. на могильнике Жанибекбулак, расположенном в Зайсанском районе Восточно-Казахстанской области, на северных склонах хребта Сауыр, в долине р. Темирсу. Памятник включает около трёх десятков погребальных сооружений, представленных каменно-земляными курганами и каменными оградами, относящимися к различным хронологическим этапам. Он находится в 2 км выше по течению от могильника Айнабулак-Темирсу, где зафиксированы комплексы раннего бронзового, раннесакского и кулажоргинского времени, что позволяет рассматривать исследуемый участок в рамках единого археологического микрорайона.

Исследованные объекты демонстрируют два разновременных культурных комплекса. Курганы №15 и №21 представлены погребальными сооружениями с деревянными камерами, включая конструкции с бревенчатым перекрытием. По совокупности архитектурных признаков они соотносятся с нуринским этапом андроновской культурно-исторической общности, что подтверждается радиоуглеродными датировками в пределах середины II тыс. до н. э.

Курган №16 содержит захоронение в каменной погребальной конструкции и по архитектуре и погребальному обряду относится к кулажоргинскому этапу раннего железного века; данная интерпретация подтверждается радиоуглеродной датой 2212±30 BP (379–178 гг. до н. э., 2σ) и согласуется с типологическими признаками этого этапа.

Андроновские комплексы зафиксированы в непосредственной близости от могильника Айнабулак-Темирсу, где такие погребения на данный момент не выявлены, что расширяет представления о распределении памятников андроновского круга в Сауыр–Тарбагатайском регионе.

Ключевые слова: Саур–Тарбагатай, археология, бронзовый век, ранний железный век, курган, ограда.

А.З. Бейсенов
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан
azbeisenov@gmail.com

Қарағанды облысы Шет ауданындағы жаңа ізденістер деректері. Археологиялық барлау материалдарын қолданудың қазіргі деңгейі проблемасы*

2025 жылы Қарағанды облысы Шет ауданы аумағында мәдени мұраға қарасты 128 жаңа нысан тіркелді. Бұл аудан жерінде таралған көнеліктердің барлығын қамтымайды. Осыған дейін ашылған ескерткіштерді айтпағанда, орасан зор аумақта таралып отырған, бірақ ашылмаған нысандар әлі де өте көп. 128 нысан шартты түрде барлығы 15 топқа бөлінді. Ескерткіштердің көбі Нілді селолық округіне қарасты. Бұлар 10 топты беріп отыр. Мұндағы нысандардың жалпы саны 86. Қалғандары Үңірек (Өкірек), Көктіңкөлі, Жыланды, Ортау, Қызылтау топтарында, барлығы 42 нысан. Санаты бойынша ескерткіштер 8-ге түрге бөлінеді. Бүгінгі таңда барлау материалдарын неғұрлым тезірек ғылыми айналымға енгізудің өзектілігі артуда. Көп жағдайда археологиялық барлаулар осының алдындағы ізденістердің деректерін қарап шықпай жүргізіле береді. Осыдан көп мәлімет шатыстырылады және бұл міндетті түрде орын алатын қайталауларға алып келеді.

Түйін сөздер: Орталық Қазақстан, қорым, оба, «мұртты обалар», ғұрыптық құрылыстар, археологиялық зерттеулер, этноархеология, қазақ қоныстары, қыстау, мазар.

Мақалада Орталық Қазақстан аумағында атқарылған жаңа барлаудың нәтижесі ықшамдалып беріліп отыр. Жаңа материалды талдау алдында кіріспе ретінде жалпы археологиялық барлауларға, олардың ғылымда қолданылу проблемасына қатысты бірер сауалды айта кеткенді жөн санадық.

Ұсынылып отырған материал жаңа деректерді ғылыми айналымға енгізудың толық формасы болып табылмайды. Көрнекіліктерді, әр нысан бойынша берілетін сипаттамаларды, кестелерді, қорытынды пікірлерді түгел біріктіріп басын қосқанда бұндай деңгейдегі материал тым көлемді болып келетіні түсінікті, сондықтан, ондай ақпаратты еш мақаланың ауқымы көтермейді. Бұл сияқты жағдайларда атқарылған ғылыми жұмыстың қысқаша барысын, екшеп алынған көрнекіліктердің үшеуін немес бесеуін мақалаға қосқанды біз «барлау деректерін шығардық» деп санаймыз. Расында бұл олай емес. Археологиялық барлаулар материалдарын назарда ұстау, ғылыми айналымға енгізу Қазақстан көлемінде назардан тыс қалған, ойланып, мән беруден шығып қалған тақырып болып табылады. Бірер сөз осы төңіректе.

Археологиялық барлауға бағытталған «тапсырманы» арнайы саладағы ғылыми мекеме өзі атқарып отырған мемлекеттік бағадарламаға қосады. Барлауға арналған осындай шараны «жоба» түрінде Мемлекеттік сатып алу порталына облыстық мекемелер ұсынады. Орындалып, уақыты келгенде есеп тапсырылады. Келесі жылы, кейде жыл аралатып, жаңа «барлаулар» жасалады. Осылардың нақты нәтижелерін көру, материалды игеру, келесі барлауда оны басшылыққа алу не атымен жоқ, не өте төмен деңгейде. «Есеп тапсырылды» деген түсінікті, бірақ ол есепті сол мекеменің өз қызметкерлері назарда ұстай ма, тағы барлауға шығып жатқан басқа археологтар ондай материал бар екенін жалпы біле ме, бұл басқа жағдай. Осыдан келіп, «барлау жасауды» жоспарға енгізу, тіпті «жоба» ұсыну жұмыстың атқарылып жатқанын көрсететін айла-шарғының бірі ме дерсің.

Әрине, барлау деректерін назарда ұстаудың өлкелік аспектісі бар. Маңғыстау көнеліктерін зерттеумен айналысатын маманға ешкім Орталық немесе Шығыс Қазақстан материалдарын қадағала демейді. Ал бір өлкені зерттейтін археологтар үшін аталып отырған проблема жай ғана маңызды емес, міндетті түрде назарда болатын фактор болып табылуы тиіс.

Археологиялық барлаудың формасы оның жалпы ойға алынған жұмыстарының тақырыптық бағытынан де шығады. Қандай бір спецификалық арнадағы мамандарға арналған, шағын көлемдегі ізденістер болып жатады. Әлдебір өлкеден, тіпті бір шағындау мүйістерден жаңадан неолиттік тұрақтар ізделіп, яки бұрыннан бар нысандар жаңадан қаралып, мәліметтері жаңартылып, нақтыланып жатса, ол осы сала мамандарына тікелей байланысты болмақ. Кеңістікте аралары тым жиі орналаспайтын, саны көп емес, тұрқы, көлемі жағынан алыстан-ақ біршама жақсы көрінетін

* Мақала ҚР ҒЖБМ ҒК BR24992951 бағдарламасы; Қарағанды облыстық мәдениет, архивтер және құжаттама басқармасының «Тарихи-мәдени мұра объектілерін анықтау бойынша археологиялық зерттеулер жүргізу. Қарағанды облысы Шет ауданы» жобасы аясында дайындалды.

ортағасырлық қалашықтар да әлдебір шатысуларға, деректерін қайталап беруге әкеп соқпайды. Яғни, арнайы бағытта жасалатын спецификалық ізденістер бар, олардың жөні бөлек.

Атқарылған жұмыстардың нәтижесін қадағаламау, бар материалды қарамаудың кесірінен шығатын қайталаулар мен шатысулар, ең алдымен, біршама үлкен өлкелерге жасалатын көлемді, тарихи-мәдени мұра жаппай қаралатын тұтас барлаулардан шығады.

Осының алдында автордың қатысуымен Қарағанды облысы Шет ауданындағы Талды археологиялық кешенінде, Ұлытау облысы Жаңарқа ауданындағы Атасу өлкесінде (Атасу жайлы қысқаша мәліметті қ.: Бейсенов, Жұманазаров, 2026а) арнайы археологиялық барлаулар атқарылды.

Қазір ұсынылып отырған тақырып осы екі барлаудың ізін ала Қарағанды облысы Шет ауданында жасалды. Бұл соңғы жұмыстар атқарылған Ортау және одан Қызылтауға дейінгі жерлер, сондай-ақ, Көктіңкөлі, Нілді, Айғыржал мен Тағылы өңірлері аталып өткен Шет ауданындағы Талды кешенінен бөлек, бұрынғы Ағадыр ауданының жерінде.

Бұл үш өлкедегі археологиялық барлау жұмыстары барысында Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының (ОҚАЭ) зерттеулері бойынша шыққан үш көлемді монографияны (Маргулан, 1979; Маргулан и др., 1966, Кадырбаев, Курманкулов, 1992) бірге алып жүрдік. Одан тыс, баспаға жуырда шыққан (Варфоломеев и др., 2018) деректер мен археологтардың есептері ретінде осының алдында облыстық мекемелердің архивіне тапсырылған материалдардың, сондай-ақ, жекелеген зерттеушілердің қолындағы мәліметтердің керекті тұстарын алдын ала шығарып алып, автокөлік ішінде ұстадық. Бұның барлау барысындағы нақты пайдасын ғана емес, ашылып отырған нысандарды ресімдеуде бірізділіктен шығып кетпеуге, ескерткіштерді басқа атпен қайталап бермеуге методикалық тұрғыдағы қажеттігін баса айту керек.

Мұндай тәсіл, әсіресе, бірнеше барланған, әрі жалғыз адам емес, бір кеңістікті бірнеше өлкелерге бөле отырып үш-төрт маман қараған Талды өлкесінде өте ұтымды болды. Біз қарап өткен нысан жаңадан тізімделгенде, оның орны, атауы, координаты мен т.б ерекшеліктері басқа материалдармен салыстырып барып жазылып отырды. Кейбір нысандар бойынша осының алдындағы деректердегі қайталаулар немесе қате кеткен тұстар кездесті, координаттар сәйкеспеген бірнеше нысан болды. Мақсат біреудің қатесін табу, «көзге шұқу» емес, нысандар жүйесінің өзін тексеру, реттеу болатын. Әрине, көптеген жаңа ескерткіштер ашылды және олар Талды бойынша жасалып отырған мәліметтер қорын біршама толықтырды. Шет ауданы Талды өзені аумағындағы ескерткіштерді ашу мен тізімдеу жұмысының негізгі көлемі қарағандылық мамандар (ҚарМУ жанындағы Сарыарқа археология институты) тарапынан ертеректе жасала бастағанын айту керек. Экспедициялық ізденістер, оның ішінде археологиялық қазбалардың кей жылдары үзіліссіз атқарылуы осыған жақсы себеп те болған. Талды аумағындағы барлау барысында салыстыратын және сәйкестейтін материалдың молдығы қадалып тексеретін ыждаһаттылықты талап ете отырып, сонымен қатар, жұмысты жеңілдетті де.

Атасу ескерткіштерін жаңадан тізімдеу, тексеру мен жүйелеу барысында соңғы уақыттарда арнайы атқарылып, сәйкестеудің алғашқы сатысы жасалап кеткен материалдар болған жоқ. Облыс деңгейінде қолға түскен материалдар арасында шала дайындалған, нысандардың аттарын басқаша қайталап беру арқылы шатыстырған деректер де болды (Бейсенов, Жұманазаров, 2026б). Бұл, бір жағынан, алыстағы өлкеде соңғы кезеңдерде тұрақты ізденістердің болмауына тікелей байланысты. Атасу археологиялық тұрғыдан ОҚАЭ зерттеулері барысында ашылып, игерілген өлке болып табылады. Сондықтан, бұл аумақтағы ескерткіштерді ОҚАЭ материалдарымен сәйкестеудің шешуші маңызы бар. Біз айтып отырған шатыстырулардың басты себебі жекелеген археологтардың ОҚАЭ материалдарына мән бермеуі, кездесе қалған ескерткішке кез келген атау бере салуы сияқты фактілерде жатыр.

Ұсынылып отырған мақалаға енген Шет ауданы Нілді өлкесіндегі ескерткіштер бойынша осының алдында қарағандылық «ЭкопрофКЗ» мекемесі барлау жасап өткен болатын. Есебі Қарағанды облыстық Мәдениет басқармасы жанындағы Тарихи-мәдени мұра ескерткіштерін қорғау орталығында сақтаулы. Есепте ескерткіштердің орнын толық көрсету, сипаттауда методикалық талаптар толығынан сақталмаған (бұл жайт ескерткіштерді қорғау мекемесінде автордың тарапынан айтылды). Мүмкін, жоба жеңіп алынып жатқан кезде берілген талаптардың өзі солай болды ма, негізінен, көптеген жаңа ескертіш ашылып, олардың JPS координаттарын қойып, қысқа ғана атап өткен. Көрнекілік атаулыдан жанында таяқ ұстаған адам тұрған үйілген тастардың фотосы беріліп отырған. Бірақ бұл («таяқ ұстаған адам» фотосы) біздің бәрімізге таныс, күнделікті жайт. Ұсынылып отырған мақалаға енген Шет ауданы ескерткіштері тізіміне бұл деректер енген жоқ. Нілді маңындағы 2025 жылғы барлау барысында тек жаңа ескерткіштер тізімделді, олардың

қайталанбауы үшін «ЭкопрофКз» мекемесінің материалдары жанымызда болып, нысан сайын мәлімет тексеріліп отырды.

Ескерткіштердің орналасуын методикалық талаптарға сай толық жазудағы олқылықтар жалпыға ортақ проблемаға айналып барады. JPS құралы ескерткішті толық жазудың бұрындары қалыптасқан үрдісіне зиянын тигізізіп отырған да сыңайлы. Бұл, тіпті, «координатын бердік, керек болса өзің тауып ал» деген репликаға әкелуі мүмкін. Ал іс жүзінде археологиялық барлау кезінде ашылған ескерткішті сипаттау оны кейін «тауып алу» мәселесімен шектелмейді. Археологиялық барлау сынды жауапты ғылыми ізденістің мақсаты 50 немесе 100 «JPS точка» әкелу емес.

Археологиялық барлау нәтижесін ғылыми айналымға енгізу, оны ғылыми назарда ұстап отыру мәселесі қалай шешілмек? Талды археологиялық ауданы мен төменде беріліп отырған Ортау, Нілді ескерткіштерінің материалдары бойынша есептер Қарағанды облыстық Мәдениет басқармасы жанындағы Тарихи-мәдени мұра ескерткіштерін қорғау орталығына (басшысы Т. Төлеуов) тапсырылды және автордың жеке архивінде сақтаулы (Бейсенов, Жұманазаров, 2025). Атасу деректері Ә. Марғұлан ат. Археология институтының архивінде (Бейсенов, Жұманазаров, 2026б). Талды материалдары бойынша есептің бір данасын осы жолдардың авторы ҚарМУ жанындағы Сарыарқа археология институтына (басшысы А.И.Кукушкин) берген болатын. Қарағанды университетіндегі әріптестердің ол материалды назарда ұстайтынына күман жоқ. Бірақ басқалар қалай?

Қарағанды облысы ауқымында Талды мен Ортау-Нілдіге жаңа барлаулар ұйымдастырылса, Археология институты жаңадан Атасуға экспедициялық топ жіберсе, аталып отырған есептерді біреу арнайы түрде қарап, мәліметтерді назарға ала ма? Ол үшін ең алдымен ондай материал бар екенін білу керек, сосын барып оны қолдануды міндеттейтін нұсқау-талаптар болуы керек. Мәселе осында.

Ғылыми айналымға енген деп біз баспаға шыққан материалды айтамыз. Көлемді есептің мәліметтерін мақала форматында шығару оңай емес деп жоғарыда айтылып өтті. Қазір қолға алынған «Далалық зерттеулер» форматындағы екі-үш беттік шағын мақалалар да атқарылған жұмыстарды қысқаша атап өту мақсатында шығады. Барлау материалдарын толық беру мүмкін емес. Кезінде облыстар бойынша шығарылған «Ескерткіштер жиыны» қазіргі уақытта толық деректер болып табылмайды, оның үстінде, олардағы мәлімет те кәсіби археологиялық талаптарға сәйкесе бермейді.

Біздің ойымызша, аталып отырған мәселе үшін археологиялық есептерді тұтас бір орталыққа тапсыру мен оларды пайдалану жолдарын нақтылап, көп нәрсені міндеттеуге бағытталған, қазір қолға алынып жатқан шаралардың маңызы зор болмақ. Бұл шара жайлы Алматыда 2026 жылдың науырызында өткен «Марғұлан оқулары» конференциясында арнайы айтылды. Жыл сайын республика көлемінде өткізіліп жатқан археологиялық зерттеулер жайлы есептерді бір жерге тапсыру және оны аталмыш конференция жұмысы барысында 2027 жылдан бастап тыңдап және талдап отыру туралы шешім қабылданды. Бұл - Қазақстандағы археология ғылымының интенсивті дамуын жеделдететін маңызды шешім. Жер-жерді айтпағанда, нәтижесін бір қаланың ішіндегі, бір өңірдің ауқымындағы мекемелер мен ғалымдар, қызметкерлер біле бермейтін археологиялық барлаулардың материалдарын қадағалау мен қолданудың маңызды мәселелері осы механизм арқылы шешілер. Атап айтқанда, республика көлемінде атқарылып отырған археологиялық барлаулардың материалдары есеп түрінде бір орталыққа тапсырылып жатса, оны қолданыста ұстау ұтымды деңгейге бірден көтеріледі. Оларды «білмей қалу» мен «таба алмау» жайлы сауалдар да орынсыз болады. Біздің ойымызша, археологиялық барлау материалдарын ғылыми айналымға енгізудің жақсы жолы осы. Ал оның қорытындысы мен жекелеген аспектілері әдеттегідей баспаға беріліп отырса, ол айналымдағы дереккөздің талқыған түскен формасы болады.

Этноархеология - дамып келе жатқан, Қазақстан ғылым үшін маңызы өте жоғары сала. Археологиялық барлаулар барысында жиі кездесетін, бірақ, кейде тіркеліп, көбіне аттап кетіп отыратын ескерткіштердің категориясына ескі қазақ қыстау-қоныстары жатады, мешіттер орны, бейіт, мазарлар да осында. Нілді, Ортау маңында ескі қыстаулар мен кеңес заманының алғашқы онжылдықтары тұсында салынған ауылдарды жақсы білетін қариялар бар. Алды 80-90 асқан, төменде фотосуретін беріп отырған бұл адамдардан ақпараттық деңгейі жоғары көптеген мәлімет алынды. 2027 жылғы «Марғұлан оқуларында» бүгінгі этноархеология саласы туралы да арнайы пікірлер көтерілсе дұрыс болар еді.

2025 жылдың жаз айларында Қарағанды облысы Шет ауданы аумағында арнайы мақсаттағы барлау жұмыстары жасалып, оның барысында тарихи-мәдени мұраға қарасты барлығы 128 нысан тіркелді. Бұлар жаңадан ашылып отырған ескерткіштер. Біздің алдымыздағы Қарағандыдағы

«ЭкопрофКз» сынды, сондай-ақ, т.б. мекемелер тарапынан жүргізілген ізденістер барысында ашылған орындар бұған кірмейді.

Талды, Атасу, Нілді маңындағы далалық ізденістерге үзіліссіз қатысып, материалдарды өңдеу мен дайындауда үлкен еңбек сіңірген Н.Жұманазаровқа, сондай-ақ, барлауларға керекті материалдар жинау, олармен танысу, талқылау барысындағы кеңес, көмегі үшін А.Кукушкин, Д.Шашенов, Д. Жүсіпов сынды қарағандылық археологтарға ризашылық білдіреміз,

1946 жылдан бастап Әлкей Марғұлан жетекшілігмен Орталық Қазақстанда жұмыс жасаған Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы (ОҚАЭ) ашқан орындар жайлы айта кету керек. Алынып отырған деректерге кезінде ОҚАЭ ашқан Ортау-1, Ортау-2, Егізек сынды бірнеше орындар кіріп отыр. Бұл үш нысан жарты ғасырдан астам уақыт бұрын, JPS жүйесі белгісіз кезде ашылған болатын. Бұлар ғана емес, сол кездерде танымал болған қорымдар мен обалар қазіргі күннің заманауи талабына сәйкес толық табылып, жүйеленбеген. Аталмыш үш қорым осы жылы жаңадан қаралып, орындары нақтыланды, координаттары жазылып, сақталу жағадайы есепке алынды. Сол себепті бұл нысандар жаңа тізімге еніп отыр. Жалпы, кезінде ОҚАЭ ашқан орындар қазіргі жүйеге қайтадан енгізілуі керек. Бұл ерекше тақырыпты көтеретін проблема.

Тағы бір мәселе ол «мұртты» қорғандар. Шет ауданындағы жұмыстар барысында біздің алдымызда басқа мекемелер тарапынан қаралып өткен «мұртты» обалар да жаңадан тізімделді. Барлау барысында олар қайтадан тексеріліп, тіркеліп алынды. Себебі, жаңа ізденістер барысында бұл нысандардың типтік қатыстылығы қайта нақтыланды, өлшемдерді де тексерілді.

1-кестеде жаңа нысандардың топтарға бөлініп орналасу жүйесі көрсетілген, «қорым», «қорғандар», т.б. ескерткіш санаттары көрсетіліп, топтағы сандары берілген. 128 нысан шартты түрде барлығы 15 топқа бөлінді. Археологиялық барлауларда табылған нысандардың орналасуын жүйелеу, яғни, елді мекен, қыстауларға, табиғи ландшафты мүйістеріне тіркеу барысында тұрақты ережеге айналған әдістеме бар екендігі белгілі. Ең алдымен нысан маңайдағы әлдебір тұрақты елді мекенге немес тұрақты қыстауларға тіркеледі, яғни «байланады», сосын барып тағы басқа орын-мүйістерге тараптық қатыстылығы мен қашықтығы беріледі. Топтардың шартты жүйесі осы тұрақты елді мекен, қыстаулар бойынша құрылды. Мәселен, Нілді ауылы маңындағы 10 нысанның барлығы осы елді мекенге байланып, «Нілді» тобын құрап отыр, т.с.с.

Өміртай мен Ақтам топтарында небәрі екі-екіден ғана нысан бар. Оларды жеке топ қылу себеіміз, біздің алдымыздағы ізденістер барысында осы маңайлардан ашылған ескерткіштер бар, ал олар болашақта қазір ұсынылып отырған деректермен біріктіріліп, қажетті делінетін орындар аталып отырған осы екі топқа енгізілуі мүмкін.

Ескерткіштердің көбі Нілді өңіріне қарасты. Бұлар шартты түрде 10 топты беріп отыр. Мұндағы нысандардың жалпы саны 86. Қалғандары Үңірек (Өкірек), Көктіңкөлі, Жыланды, Ортау, Қызылтау топтарында, барлығы 42 нысан.

Аталып отырған 128 ескерткіш аудан жерінде таралған көнеліктердің барлығын қамтымайды. Орасан зор аумақта таралып отырған тарихи-мәдени мұра ескерткіштері әлі де өте көп. Бұған дейін тіркеліп, есепке алынғандарынан басқа, әлі де табу мен тіркеу жұмыстарын күтіп отырған орындар баршылық.

Археологиялық барлау мен зерттеулерде қолданылатын ережеге сәйкес, Кестеде берілген нысандардың барлығының атауы ол орналасқан маңайды жете қарастыру, өлкені білетін аға буын өкілдерімен арнайы түрде кеңесу барысында беріліп отырды.

Кесте 1. Шет ауданындағы тарихи-мәдени мұраның жаңадан ашылған нысандары. Ескерткіштер топтары.

№	Топ атауы	Ескерткіштер саны	Қорымдар	Қорғандар	«Мұртты» обалар	Ескі қыстақтар	Басқа нысандар
1	Нілді	10	Кеңсай, Оразалы	Ақбейіт, Кеңсай-1, Кеңсай-2	Қаратас	Ақбейіт, Кеңсай	Ақбейіт мазары, Төлеу зираты
2	Сарысу	5	Сарысу-2, Сарысу-3, Сарысу-4	Сарысу-2	Сарысу		

3	Айғыржал	10	Айғыржал-4, Айғыржал-5, Асанбек	Айғыржал-3, Қазыбай-1, Қазыбай-2, Асанбек-1		Асанбек, Дадақ	Жолдан зираты
4	Тағылы	14	Бұзаукөңі-1, Бұзаукөңі-2, Мұқыр-1, Мұқыр-2, Мұқыр-3, Торытай-1, Торытай-2		Қарароба	Дүзелбек, Алшынбай, Бұзаукөңі, Жылыкөң	Суықсу ұрыптық құрылысы, Дүзелбек бейіті
5	Шәкей	17	Шәкей-1, Шәкей -2, Шәкей -3, Шәкей -4, Қызылбек	Шәкей -1, Шәкей -2, Шәкей -3, Қызылбек -1, Қызылбек -2, Қызылбек -3, Қызылбек -4	Шәкей	Сүлеймен, Қызылбек - 1, Қызылбек -2	Шәкей ұрыптық құрылысы
6	Өміртай	2	Шайтантас		Өміртай		
7	Ақтам	2			Ақтам		Сұлу Айса мазары
8	Айса	6	Қостам, Қанды-Қараша		Айса	Қостам, Әлжан	Әлжан ауылының бейіті
9	Жаман-Сарысу	17	Жаман-Сарысу-1, Жаман-Сарысу-2, Жаман-Сарысу-3, Жаман-Сарысу-4, Жаман-Сарысу-5, Жаман-Сарысу-6, Жаман-Сарысу-7, Жаман-Сарысу-8	Жаман-Сарысу-1, Жаман-Сарысу-2		Жаман-Сарысу-1, Жаман-Сарысу-2, Жаман-Сарысу-3, Жаман-Сарысу-4	Сұлу Айша мазары, Байжан мазары, Пышан зираты, ,
10	Ақбас Қалпе	3		Ақбас Қалпе		Ақбас Қалпе, қыстау және мешіт	Ақбас Қалпе зираты
11	Үңірек	8	Үңірек, Көшкімбай-1, Көшкімбай-2, Көбей	Көшкімбай-1, Көшкімбай-2	Үңірек-1, Үңірек-2		
12	Көктіңкөлі	5	Керегетас	Көктіңкөлі, Сарыоба-1, Сарыоба-2	Сарыоба		
13	Жыланды	6	Жыланды-1, Жыланды-2,	Жыланды			Жыланды ұрыптық құрылысы, Байғозы мазары, Жантай зираты
14	Ортау	8	Ортау-1, Ортау-2,		Ортау, Жәкеш Қалпе	Мешіт Жәкеш Қалпе	Дәулетбек-1 петроглифі,

			Жәкеш Қалпе-4				Дәулетбек-2 петроглифі
15	Қызылтау	15	Берікқара-1, Берікқара-2, Сарыматақ-1, Сарыматақ-2, Егізек-1, Егізек-2	Студент-1, Студент-2, Сарыматақ-1, Сарыматақ-2, Сарыматақ-3, Сарыматақ-4, Сарыматақ-5, Сарыматақ-6	Сарыматақ		
	Барлығы:	**128**					

Санаты бойынша ескерткіштер 8-ге бөлінеді, бұл 2-кестеде көрініс тапты. Кестеде аталғандардың ішінде 6-санаттағы ескерткіштер жайлы тоқталу қажет. Бұл тәрізді нысандар, яғни кеңес өкіметі заманындағы ауылдардың орны, негізінен, есепке алынбайды. Біздің ізденістеріміз барысында колхоз кезеңінен (кейінгі совхоз емес) жеткен бұлардың тізімге алынуының себебі сонда, олардың қирандылары аса көрнекті, жақсы сақталған және арнайы зерттеуге тартуға әбден болады. Жалпы қыстаулар және кеңес заманы ауылдары мәселесіне хабарламаның соңында тоқталамыз. Жаңадан ашылған нысандардың ең көбі олар қорымдар мен қорғандар. Ішінара петроглифтер мен археологияда ғұрыптық құрылыстар, ғұрыптық шеңберлер деп аталған нысандар бар.

Кесте 2. Ескерткіштер санаты (категориясы).

№	Ескерткіштер санаты	саны
1	Қорымдар	47
2	Қорғандар	32
3	Жекеленген «мұртты» обалар*	13
4	XIX-XX ғғ. ескі қыстаулары	14
5	XIX-XX ғғ. мазарлары мен зираттары	12
6	Кеңес дәуіріндегі ауылдардың орындары (қирандылары) (XX ғ.)**	5
7	Петроглифтер	2
8	Ғұрыптық құрылыстар	3
	Барлығы:	**128**

*Кейбір «мұртты» обалар қорым құрамында орналасқан.

**Зерттеуге арнайы алынған нысандардың саны.

Орталық Қазақстан аумағында кеңінен таралған «мұртты» обалардың 25-і тіркелді. Ерте темір дәуіріне жататын бұл нысандардың жеке немесе қорымдарда орналасу реті 3-кестеде көрініс тапты.

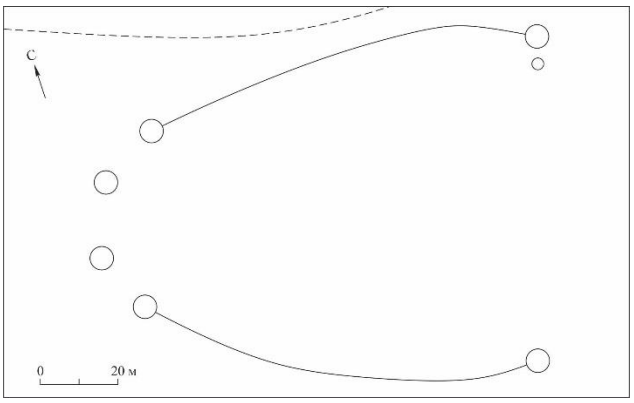
Кесте 3. «Мұртты» обалардың орналасуы ерекшеліктері.

№	«Мұртты» оба түрлері	саны
1	Жекеленген	13
2	Қорым құрамында	12
	Барлығы:	**25**

Археология ғылымында «мұртты» обалар (сур. 1) бірнеше типке бөліп қарастырылатыны белгілі. Нысандардың типтік қатыстылығы 4-кестеде беріліп отыр. Ұсынылып отырған жұмыста А.З. Бейсенов ұсынып және пайдаланып жүрген типология (Бейсенов, 2017) қолданылды.

Кесте 4. «Мұртты» обалардың тип бойынша таралуы.

№	«Мұртты» обалар типі	саны
1	Тип 1	11
2	Тип 2	9
3	Тип 3	5
	Барлығы:	25

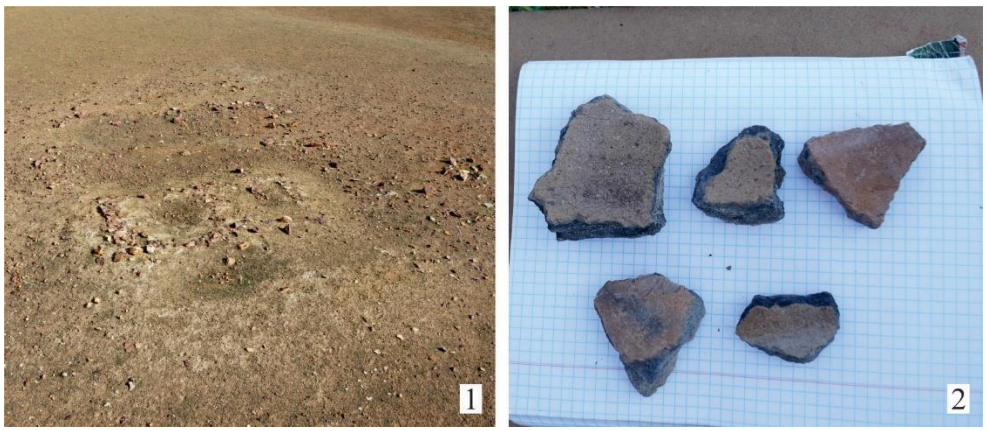
Сур. 1. Ортау «мұртты» обасы.

Ізденістердің барысында ашылып, тіркеліп отырған ескерткіштердің неғұрлым толығырақ қаралып отырған аумағы ол Нілді өңіріне қарасты жерлер болып табылады. Бұл аумақтың толығырақ тексерілуі ертеректе мұнда арнайы зертеулердің жүргізілмей келуіне де байланысты. Нілді төңірегінен ауқымды зерттеулер жүргізіп, қазба жұмыстарын ұйымдастырудың, мұның нәтижесінде Орталық Қазақстан ежелгі мәдениетіне байланысты соны деректер алудың өзектілігі жоғары.

Нілді маңындағы қола дәуірінің көрнекті ескерткіштері ретінде Шәкей-1 мен Шәкей-2 қорымдарын айта аламыз. Бұл екеуі біріне бірі жақын орналасқан, олар бір қоғамның түрлі әлеуметтік топтарына қатысты болуы керек деп пайымдаймыз. Екеуін қоса айтқанда мұнда 100 шамалы жерлеу орыны бар, бұл болса, қола дәуірінде осы жерді мекендеген біршама ірі топтың болғанынан нақты хабар береді. Маңайдан қоныстық орындарды арнайы іздестіру қажет. Қорымдары табылып, олардың іргесінен қоныстар табылмауы ғылымда жиі кездеседі. Дегенмен, көп сауал мен олардың шешімі зерттеу жұмыстарының қаншалықты ойластырылған, тұрақты түрде атқарылуына байланысты. Аталған екі нысаннан басқа, Жаман-Сарысу-3 қорымын да айта кеткен орынды. Бұл да ірі қорым. Жанында ағынды өзен бар, - қоныс мәселесіне орай, осы тұсты айрықша көңіл бөліп қараған жөн.

Ғылыми топтың жетекшісі А.Бейсенов Орталық Қазақстан аумағында 40 жылға жуық өз ізденістерін жүргізіп келеді. Бұл зерттеулердің басты бағыты ерте темір дәуіріне (Бейсенов, 2018) тікелей байланысты. Нілді төңірегіндегі нысандар арасынан қазба жұмыстарына тартуға тұратындары ретінде Нілді тауының теріскей беткейінде қорым, обаларды, Айғыржал-4 қорымы сынды орындарды айтар едік. Арнайы зерттеуге тұратын басқадай жекеленген обалар да аз емес.

Нілді маңында ескі қыстау-қоралардың көп болуы ерекше назар аударады. Мұның екеуінен, яғни Ақбейіт пен Дүзелбай қыстауларынан, жер бетінде жатқан сақ дәуірі қыштары (сур. 2) мен тас құралдары кездесті. Әсіресе, Ақбейітті жеке алып қарау керек. Мұнда қыстау басып кеткен сақ қонысы болуы мүмкін. Әрине, оны арнайы қазбалар көрсетіп бере алады. Негізі, қазақ қоралары бетінен сақ дәуіріне тән қыш ыдыс бөлшектерінің табылуы Орталық Қазақстанның басқа өлкелерінен, атап айтқанда, Қарқаралы өңірінен жиі кездескен болатын.

Сур. 2. Ақбейіт қыстауы (1) және онда табылған сақ дәуірі қыштары (2).

Сақ дәуірі қоныстары Орталық Қазақстанның шығыс өлкелерінен көптеп табылып, олар арнайы зерттеулер арасына тартылды. Алынған нәтиже де бар. Олардың жергілікті ландшафтыда орналасу ерекшеліктері, үй тұрғызу ерекшеліктері зерттелді. Қыш ыдыс ғана емес, жүздеп табылатын тас құралдардың трасологиясына арнайы мән беріліп, мамандар тартудың барысында олар да жақсы зерттелді дей аламыз. Бұл өз бағыты мен методикасы бар ерекша сала (Бейсенов и др., 2021; Бейсенов, Горащук, 2022). Сол дәуірде өркендеген шаруашылықтың қыр-сырын тек қана қоныстар зерттеу нәтижесінде біле аламыз, ғылымда көпке белгілі жайт. Жерлеу орындарынан алынатын материал бұл жерде қосымша ақпарат қана береді.

Нілді аумағынан қаралып өткен 18 ескі қазақ қонысының бесеуі, яғни Қызылбек, Жылықөң, Сүлеймен, Қостам мен Әлжан, кеңес өкіметі (колхоз) заманына қарасты. Қалған 13 қыстау XIX ғ. екінші жартысы мен XX ғ. басы аралығында мерзімделді.

Орталық Қазақстана аумағында ұзақ уақыт бойы назар аударылмай келген қазақ қыстаулары соңғы 10-15 жылдай уақыт аралығында біршама жедел зерттелу үстінде (Бейсенов, 2019; 2020; Бейсенов и др., 2020а; 2020б; Бейсенов, Шашенов, 2022; Шашенов, Бейсенов, 2023). Қазір қыстау зерттеу аспектісі бүкіл Қазақстан бойынша қолға алынуда, демек, бұл бағыттың болашақта маңызы артады деп ойлаймыз (қыстау зерттеу мәселесінің тарихына байланысты мәліметтер бойынша осы жинақтағы А.З.Бейсеновтың мақаласын қ.).

Этноархеология саласының Қазақстан ғылымы үшін ерекше маңызы бар екені аталып өтті. Оның ішкі аспектілері де алуан түрлі екені белгілі. Бұл жерде қысқаша түрде бір аспектіні атай кетуге болады. Ескі қыстау-қораларда тұрған адамдарды анықтау, бұны ғылыми түрде дәйектеу маңызды ақпарат қатарына саналады. Нілді маңындағы Тағылы тауының мүйістерінің бірінде орналасқан Асанбек (сур. 3) қыстауы (информатор Қайырберлі Тұяқұлы, 1945 ж.т.), оны мекендеген адамдар туралы деректер ғылыми санаттағы ақпарат болып табылады. Архив материалдары негізінде жарыққа шыққан зерттеу деректері бойынша Асанбек Қарабекұлы мен оның әкесі Қарабек Ақжанұлы, сондай-ақ, олардың аға-іні, жақын туыстары кеңес заманына дейінгі Қарқаралы уезі Қызылтау болысына қарасты ауылдарда мекендеген, жергілікті билікке араласқан (Попов, 2010, с. 65). Арғын ішіндегі қояншытағай руы жайлы жарыққа шыққан шежіреде бұл ата кеңірек таратылған (Қояншы-Дәулет-Таңай..., 2008).

Бұл тұста атай кететін бір жайт бар. Ескі қыстауларда мекендеген адамдардың аттары сақталып отыруы да, тіпті олардың бүгінгі күні жарық көріп отырған шежірелерден табылуы да әбден мүмкін, бұл бізге дейін жап-жақсы жетіп отырған дерек ретінде. Сонымен қатар, көптеген ескі мекендердің аттары сақталмайды, ол белгілі болғанмен шежірелерден шыға қоймайды, ал архив материалдарына сүйенген зерттеулерде мүлдем болмайды. Мәселе сонда, бұл жағдай ондай деректері сақталмаған ескі қыстаулардың тарихи-мәдени мұра деңгейіндегі құндылығы төмен деген ұғымға әкелмейді. Тез өзгеріп бара жатқан уақыт межесінде оларды түгел тіркеп, зерттеуге тырысу керек.

Сур. 3. Асанбек қыстауы (1), Асанбек Қарабекұлының атасы Ақжан Түкентайұлының мазары (2).

Нілді жеріндегі, XIX ғ. екінші жартысынан бастау алады деп межелеп отырған ескі қоныстардың ерекшеліктері әзірше тек сыртқы көріністері мен аздаған табылымдар бойынша аталып отыр. Бір немесе бірнеше қыстаулардан қазба нәтижесінде маңызды деректер алынса, бұл ғылымға өте қажет ақпарат берер еді. Айтатын ғылыми пікірлер сонда ғана толық болмақ.

Ақбейіт, Кеңсай, Асанбек, Алшынбай, Қызылбек-2, Жаман-Сарысу-2, Жаман-Сарысу-4 қыстауларында жер бетінде патша заманындағы Кузнецов фабрикасында жасалған фарфор ыдыстрдың сынықтары табылды. Бұл факті олардың XIX ғ. екінші жартысында қалыптасқанын дәлелдейді. Сонымен қатар, бұларды кеңес заманы ыдыстары жоқ. Яғни, бұл қоныстардың өмір-тіршілігі кеңес дәуірінің бас кезеңіне тоқтаған болуы мүмкін.

Жылыкөң, Қостам, Әлжан қоныстарында кеңес заманына тән ыдыс бөлшектері бар. Керісінше, патша заманына қарасты ыдыс сынықтары кездеспеді. Бұл қоныстар аталып өткен нысандардан кешірек уақытқа тән. Табылымдардан бөлек, бұл жайтты осы үш қоныстағы тұрқы биіктеу, жартылай сақталған үй қабырғалары, үй жанына төгілген таскөмір қалдықтары сынды факторлар да нақтылайды.

Көп сауалды тек арнайы зерттеулер анықтап беретіні айтылды. Сырт көрінісі ерте уақыттан хабар беретін, бірақ Кузнецов фарфоры жоқ қыстаулар да Нілді маңында бар. Жер бетінде сақталмаған бұндай табылымдардың төменде, шым астында жатуы да мүмкін. Қазба деректерінің беретіні әлдеқайда нақты және мол болатыны белгілі.

Сүлеймен қонысы. Мұндағы №4 үйдің қабырғасында қазақтың ескі тұрмысынан хабар беретін, қазір таза ұмытылған қабырға ойығы сақталған. Үй қабырғасына ілінетін ағаш сөрелерден бұрын қазақ үйлерінде оның функциясын атқарған осындай ойықтар болған. Ойыққа кейде құран қойған, сонымен қатар, басқадай ұсақ заттарды жинаған.

Бұл ойықтар тым ертеде пайда болып, кеңес жылдарына дейін жеткен. Кейін шкафтар, ілінетін сөрелер кеңінен тараған да, ойықтар қолданудан қалған. Сүлеймен қонысындағы №4 үйдегі ойықтың үстіңгі жақтауында «Саламат Рухия 1960 жыл» деген жазу сақталып тұр. Сүлеймен ауылы 1940 жылдары салынып, 1960-шы жылдарға дейін өмір сүріп келген. Бұл бізге мәлім ұжымшарлар (колхоз) заманы.

Нілді жеріндегі ескі қыстаулар мен кеңес дәуірінің колхоз кезеңіндегі ауылдары орындарын арнайы түрде өзара салыстыра зерттеу қызықты тақырыпты, бұл құнды материал бере алады. Бұл өзі ешкім көтермеген, маңызы айрықша болатын тақырып. Мұны жеке мақала формасындағы талдау ретінде жазып беру жоспарда бар. Мақаланы «Орталық Қазақстандағы Нілді өңірі материалдары: ескі қазақ қоныстарының хронологиясын анықтаудың кейбір мүмкіндіктері» деген шартты атаумен дайындауды ойлап отырмыз. Бұл материалдың бір жағында ескі қыстаулар болса, екінші жағында колхоздар тұсында салынған ауыл жұрттары тұрар еді. Екеуін бірге қарастырып, салыстыратын материал баршылық.

Сур. 4. Нілді ауылы. Ақпарат беруші қариялар. 2. Ақбөпе Тұрбекқызы, 2. Әския Сыздыққызы, 3. Қайырберлі Тұяқұлы, 4. Сағынтай Келмағанбетұлы.

Нілді маңындағы далалық ізденістер жергілікті тұрғындардың көптеген пайдалы кеңестері барысында атқарылды. Абзал мен Ақбота Төребековтер, Ұлан мен Гүлзира Дәулетовтар, Жангелді мен Зәмзәгүл Серкебаевалардың отбасыларына алғыс білдіреміз. Нілді, Айса, Жыланды, Ортау өңіріндегі көптеген тұрғындардан нақты ескерткіштер, ең алдымен, жастар арасында ұмытылған, қирандысы ғана сақталған ескі ауылдар, қазақи қорым-бейіттер жайлы өте қызықты ақпарат алдық (сур. 4). Ақпарат берушілер: Ақбөпе Тұрбекқызы, 1936 ж. т., Нілді ауылы; Әския Сыздыққызы, 1941 ж. т., Нілді ауылы; Қайырберлі Тұяқұлы, 1945 ж. т., Айғыржал ауылы; Кәріғұл Омаров, 1946 ж. т., Жарық стансасы; Сағынтай Келмағанбетұлы, 1948 ж. т., Нілді ауылы; Қабікен Мұқышев, 1954 ж.т., Ортау, Қаратұмсық қыстағы; Әміржан Әшірбеков, 1961 ж. т., Айғыржал ауылы; Тоқтар Аренов, 1962 ж.т., Ортау, «Мешіт» қыстағы; Жарас Аманжол, 1962 ж. т., Нілді ауылы; Төлеген Досмағанбетов, 1962 ж. т., Жыланды ауылы; Жанұзақ Әлмағанбетов, 1964 ж. т., Айса стансасы. Аты аталған және аталмай қалған Ортау мен Нілді маңының басқадай тұрғындарына қызықты дерек-мәліметтері, қолғабыстары үшін үлкен алғысымызды білдіреміз.

Әдебиеттер тізімі

Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана// Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник статей, посвящанный 70-летию Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. Том 2. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 31-37.

Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века // Археология и давняя история Украины. 2018. Вып. 2 (27). С. 386-396.

Бейсенов А.З. К.А.Акишев и вопросы изучения памятников казахского времени // Маргулановские чтения-2019. Материалы Международной археологической научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А.Акишева. Нур-Султан, 19-20 апреля 2019 г. Нур-Султан: НИИ археологии им. К.А.Акишева, 2019. С. 10-38.

Бейсенов А.З. Чингистау. Размышления у старой зимовки Абая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: АлтГУ, 2020. Вып. 25. С. 229-240.

Бейсенов А.З., Ахияров И.К., Джуманазаров Н.Ш. Карашокы, старая зимовка в долине Аксары в Центральном Казахстане // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2019 г. Барнаул: АлтГУ, 2020а. Вып. 15. С. 6-25.

Бейсенов А.З., Шашенов Д.Т., Дуйсенбай Д.Б. Кызылшилик, зимовка семьи Хасена Акаева // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: АлтГУ, 2020б. Вып. 25. С. 240-251.

Бейсенов А.З., Горащук И.В., Дуйсенбай Д.Б. Трасологическое исследование каменных орудий поселения сакского времени Абылай, Центральный Казахстан // Поволжская археология. 2021. №3. С. 177-194.

Бейсенов А.З., Горащук И.В. К изучению хозяйственной деятельности населения сакского времени Центрального Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. №3. С. 42-57.

Бейсенов А.З., Жұманазаров Н.Ш. Тарихи-мәдени мұра объектілерін анықтау бойынша археологиялық зерттеулер жүргізу. Қарағанды облысы Шет ауданы. Қолжазба. Алматы, 2025// Қарағанды облыстық мәдениет, архивтер және құжаттама басқармасы жанындағы Тарихи-мәдени мұраны қорғау орталығының архиві.

Бейсенов А.З., Жұманазаров Н.Ш. 2025 жылы Ұлытау облысы Жаңарқа ауданындағы Атасу өлкесінде жүргізілген археологиялық барлау жұмыстары // Қазақстандағы далалық зерттеулер. 2025. Алматы: Ә.Х.Марғұлан ат. Археология институты, 2026а (баспада)

Бейсенов А.З., Джуманазаров Н.Ш. Археологические памятники Атасуского микрорайона. Отчет о полевых исследованиях Атасуского отряда Отдела эпохи раннего железа в рамках проекта BR24992951 «Археологическое наследие Сарыарки (от эпохи камня до средневековья). Рукопись. Алматы, 2026б. // Архив Института археологии им. А.Х.Маргулана.

Бейсенов А.З., Шашенов Д.Т. Қазақ қыстаулары бойынша Орталық Қазақстанда 2021 жылы жүргізілген археологиялық зерттеулер // Қазақстандағы археологиялық зерттеулер. 2021. Астана: ҚР Ұлттық музейі, 2022. Б. 235-240.

Варфоломеев В.В., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Мәкен Ә.Б., Дмитриев Е.А., Әлкей Е.А., Шохатаев О.С. Шет ауданының археологиялық картасы. Қарағанды: «Жәдігер мәдени мұраны зерттеу мен қорғау орталығы» ЖШС; Академик Е.А. Бөкетов ат. ҚарМУжанындағы Сарыарқа археологиялық институты, 2018. 173 б. (қазақ, орыс тілдерінде)

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Наука, 1992. 247 с.

Қояншы-Дәулет-Таңай (Қояншытағай шежіресі). Жалпы редакциясын басқарған заң ғылымдарының докторы, профессор Н.О.Дулатбеков. Қарағанды: «Болашақ-Баспа», 2008. 293 б.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 365 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.

Попов Ю.Г. Волостные управители и народные судьи (бии) Каркаралинского уезда: 1871-1919 годы (хроника фактов). Составители и отв. ред. Л.К.Шотбакова, Г.М.Смагулова. Караганда: ипография «Гласир», 2010. 130 с.

Шашенов Д.Т., Бейсенов А.З. Әлімхан Ермеков әулетінің Бөріктас қыстауындағы археологиялық зерттеулер// XV Оразбаев оқулары. Алматы: Қазақ университеті, 2023. 136-146 б.

A.Z. Beisenov

Results of the search for new monuments in the Shet district of the Karaganda region. The problem of the current level of use of archaeological search materials

In the summer of 2025, a total of 128 new cultural heritage sites were registered in the Shetsky District of the Karaganda Region. This doesn't include all the antiquities scattered throughout the district. Not to mention previously discovered sites, there are still many undiscovered sites across the vast territory. The 128 sites were provisionally divided into 15 groups. Most of the sites belong to the Nildy District, comprising 10 groups. The total number of sites here is 86. The remaining sites belong to the Unirek (Okirek), Koktinkul, Zhylandy, Ortau, and Kyzyltau groups, for a total of 42 sites. The sites are divided into eight categories. Currently, the rapid introduction of archaeological survey data into scientific circulation is increasingly important. New searches are often conducted without proper review of previous survey data. This situation often leads directly to confusion and inevitable duplication.

Key words: Central Kazakhstan, burial ground, kurgan, kurgan with "whiskers", ritual structures, archaeological research, ethnoarchaeology, Kazakh settlements, wintering, mazar.

А.З. Бейсенов

Результаты поисков новых памятников в Шетском районе Карагандинской области. Проблема современного уровня использования материалов археологических разведок

Летом 2025 года в Шетском районе Карагандинской области было зарегистрировано в общей сложности 128 новых объектов культурного наследия. Это не включает все древности, разбросанные по всему району. Не говоря уже о ранее обнаруженных памятниках, на обширной территории еще много ненайденных объектов. 128 объектов были условно разделены на 15 групп. Большинство памятников относятся к Нильдинскому району. Они составляют 10 групп. Общее количество объектов здесь составляет 86. Остальные относятся к группам Унирек (Окирек), Коктинкуль, Жыланды, Ортау, Кызылтау, всего 42 объекта. По категориям памятники разделены на 8 типов. В настоящее время растет актуальность быстрого введения в научный оборот материалов археологических разведок. Нередко новые поиски осуществляются без должного ознакомления с данными ранее проведенных разведок. Зачастую эта ситуация напрямую ведет к путанице и неизбежным повторам.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, могильник, курган, курган с «усами», ритуальные сооружения, археологические исследования, этноархеология, казахские поселения, зимовка, могила.

А.А. Тишкин
Алтайский государственный университет
Барнаул, Российская Федерация
tishkin210@mail.ru

Поясные ажурные бляхи-накладки из некрополя сюннуского времени Яломан-II на Алтае: рентгенофлюоресцентный анализ и результаты фотограмметрии*

Благодаря современным цифровым технологиям и применению естественнонаучных методов удается получить новую информацию для анализа находок, обнаруженных при археологических исследованиях. В статье детально рассматриваются три практически идентичные бляхи-накладки на пояс из кургана №60 некрополя сюннуского времени Яломан-II, раскопанного автором на Алтае. Основная цель исследования – представить археологические контекст найденных ажурных изделий из цветного металла, дать их описание и осуществить детальную демонстрацию, а также определить технологию изготовления и выполнить культурно-хронологическую идентификацию. Для этого использовались рентгенофлюоресцентный анализ, фотограмметрия и традиционные археологические методы. Отмечены элементы материальной культуры сюнну (хунну) у населения раннего этапа булан-кобинской культуры.

Ключевые слова: Алтай, сюннуское время, ажурные бляхи-накладки, булан-кобинская культура, рентгенофлюоресцентный анализ, фотограмметрия.

Введение. В ходе археологических раскопок в Центральном Алтае некрополя сюннуского (хуннуского) времени Яломан-II исследовался курган №60. В нем были обнаружены три ажурные поясные бляхи-накладки из цветного металла, которые стали предметом детального изучения с применением различных методов, что позволило получить существенные дополнительные сведения о таких важных находках. Информация о результатах раскопок и первичный анализ материалов указанного объекта уже нашел отражение в предварительных публикациях (Тишкин, Горбунов 2003: рис. 1, 17; Тишкин 2010: 43, 45, рис 1, 23; Тишкин, Матренин 2011: 162–163, рис. 2, 1–3, 2017: 79–80, рис. 1, 5–7; 2, 5–7; и др.). В данной статье стоит кратко отразить археологический контекст найденных изделий, а также дать их описание и осуществить детальную демонстрацию в разном исполнении для сравнительного рассмотрения и культурно-хронологической идентификации. Кроме этого, необходимой задачей станет интерпретация полученных результатов фотограмметрии и рентгенофлюоресцентного анализа.

Курган №60 особо не отличался от других аналогичных объектов на некрополе Яломан-II, хотя рядом с ним располагался с юго-восточной стороны небольшой вертикально вкопанный камень, который, судя по другим исследованным погребальным объектам рассматриваемого памятника, маркировал захоронение мужчины. Надмогильное сооружение диаметром 4 м и высотой 0,22 м, оформленное из грунта и камней, имело по периметру крепиду, в центре которой находилась могильная яма (размерами 2,4×1,57 м), ориентированная длинными сторонами по линии ЮВВ–СЗЗ. В ней сначала были обнаружены кости целого конского скелета плохой сохранности, а также элементы снаряжения верховой лошади: удила и уздечная пряжка из железа, а также роговая подпружная пряжка. Ниже под перекрытием из камней располагался ящик (длиной 1,6 м, шириной 0,9 м, высотой 0,5 м), сделанный из крупных плит (Тишкин, Матренин 2011: рис. 1). В центре этой погребальной камеры оказались остатки деревянного блюда с костями овцы, фрагменты кожаных ремней, а также поясные бляхи-накладки (рис. 1), наконечник ремня и «костылек»-застежка из цветного металла. Неподалеку лежали 14 малых блях-нашивок из золота, которые, по всей видимости, украшали головной убор. В северо-западном углу располагался керамический сосуд. Кроме перечисленного, обнаружен фрагмент деревянного предмета и найдена часть костяного изделия неясного назначения. Глубина могилы достигала 1,29 м. Кости человека в ней отсутствовали. Судя по всему, был исследован кенотаф с сопроводительным захоронением лошади. Прежде чем перейти к основной части статьи, стоит указать, что все перечисленные находки хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (г.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-18-00470-П («Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»), https://rscf.ru/project/22-18-00470/

Барнаул, Россия). Конкретные номера публикуемых изделий будут указаны далее соответствующим образом.

Методы и результаты исследования. Ажурные бляхи-накладки, публикуемые в данной статье (рис. 1–3), изучались с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIESTM (модель Альфа-2000, производство США) в стационарных условиях. Для этого использовался специальный испытательный стенд и карманный персональный компьютер (КПК). Указанный прибор неразрушающего действия определяет содержание химических элементов в изделиях из цветных металлов и сплавов. Для получения количественных данных применялась компьютерная программа с режимом «Аналитический», адаптированная для тестирования археологических находок. Время одного измерения составляло 30 секунд. Процедура исследований древних изделий и демонстрация результатов выполнялись в рамках подходов, выработанных автором в ходе проведения многочисленных рентгенофлюоресцентных анализов (Тишкин 2020: 287), что найдет отражение в ходе представления полученных результатов. Все измерения выполнялись электронным штангенциркулем. Общие параметры (длина и ширина) определялись по центру изделий. Фотограмметрия осуществлялась фотоаппаратом Sony ILCE-7RM4A, который оснащен объективом 50 мм (с возможностью макросъемки) и кольцевой фотовспышкой. Ее проведение и обработка полученных данных проводилась С.Ю. Бондаренко с помощью специальной компьютерной программы.

Рис. 1. Яломан-II, курган №60. Ажурные поясные бляхи-накладки из цветного металла: 1 – кол. 181/1090; 2 – кол. 181/1091; 3 – кол. 181/1092 (фотоснимки сделаны С.В. Семеновым)

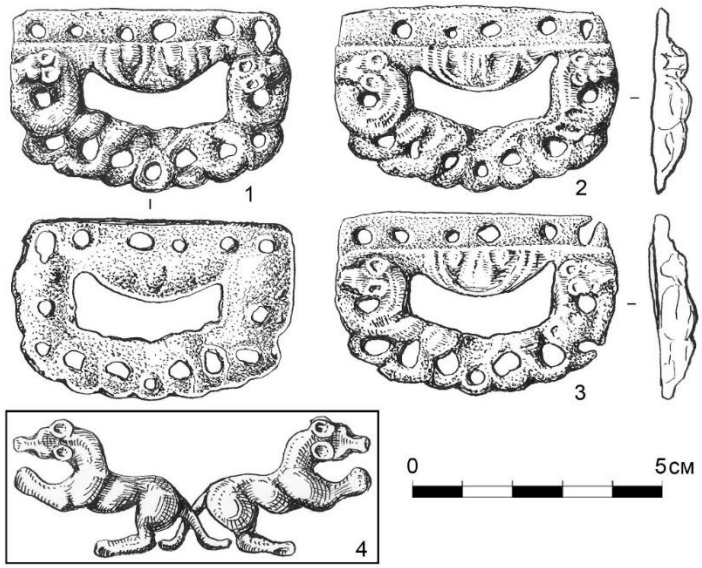

Рис. 2. Яломан-II, курган №60. Графические зарисовки ажурных блях-накладок: 1 – кол. 181/1091; 2 – кол. 181/1090; 3 – кол. 181/1092; 4 – реконструкция (рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

Начнем описание с бляхи-накладки, которая относительно лучше сохранилась (рис. 1, 2а–б; 2, 1; 3, 1а–е), чтобы представить более обширное описание обнаруженных аналогичных изделий. Находка имеет сегментовидный общий абрис и такие музейные обозначения: кол. 181/1091 (АФ-22590). Параметры изделия следующие: длина 5,7 см, ширина 3,71 см. Высота (от основания изделия в горизонтально положении) в разных местах колеблется до 0,65–0,74 см. Для крепления древнего предмета на поясном ремне у него оформлена специально выделенная планка с шестью отверстиями. Почти идеально выглядит только одно округлое отверстие диаметром 0,3 см. Остальные в исходном варианте, скорее всего, были такими же, но при изготовлении данной бляхи-накладки местами получился недолив или частичное заполнение металлом. Длина планки составляет 5,45 см, ширина – около 0,65 см, толщина – 0,14 см. Остальная часть изделия представлена симметричной композицией из относительно стилизованных (упрощенных) изображений животных, возможно, отражая какой-то мифологический сюжет. В геральдическом стиле по бокам располагаются два похожих зверя с повернутыми головами, которые стоят на задних лапах спиной друг к другу и демонстрируют позу, характерную при опоре на наклоненный объект. Эти фигуры образуют внутреннее (приемное) отверстие (длиной 2,93 см, шириной по центру 0,8 см) своеобразной формы. Изначально это пространство, по-видимому, было симметричным, но при отливке оно изменило контур. Выделяющийся в центр выступ характерен для пряжек сюннуского времени, что может указывать и на такое возможное использование рассматриваемых изделий, но наличие в одном месте трех аналогичных находок склонили автора к предположению об их декоративном использовании. Хотя не стоит исключать, что какие-то предметы в данной ситуации могли выполнять функции пряжек при наличии застежки, найденной в комплекте.

Между повернутыми головами указанных животных имеется еще одно трудно идентифицируемое изображение, которое не совсем различимо при рассмотрении оригиналов, фотоснимков (рис. 1; 3, 1а) и графических иллюстаций (рис. 2). Для его детального выявления с помощью фотограмметрии была получена 3D-модель, преобразованная в идентичную цифровую копию (рис. 3, 1а–е). На полученной основе с помощью вертикальных и горизонтальных разрезов представлена структура изделия (рис. 3, 2), а также сделана компьютерная графическая прорисовка (рис. 3, 3а–в), которая позволила предположить наличие изображения части морды тигра.

Для обоснования впервые указанной интерпретации необходимо подробно проанадизировать все выявленные детали (глаза, нос, полосы по бокам, формирующие, на наш взгляд, контур морды хищника и демонстрирующие особенности его окраса). Для этого пришлось ознакомиться с существенным количеством разных изобразительных традиций, часть из которых подтвердила сделанное заключение. Два симметричных и выпуклых пятна на компьютерной прорисовке (рис. 3, 3), расположенные над центральной частью, несомненно, отражают глаза зверя. В азиатском

искусстве (особенно в орнаментах) тигр часто изображался с большими и выразительными глазами, которые подчеркивались контрастом. Выступ, четко выраженный в середине образа и слегка вытянутый вниз, демонстрирует форму, типичную для стилизованных изображений носа тигра с показанным коротким штрихом на кончике. С двух сторон от него по бокам находятся изогнутые линии, хорошо напоминающие полоски, характерные для головы тигра именно в этих местах. Даже такая их стилизация в виде простых линейных элементов не вызываем сомнений в предлагаемой идентификации. Стоит подчеркнуть симметричность всего запечатленного образа, что также характерно для традиционных демонстраций тигра, подчеркивавших мощь животного и его роль в миропорядке. Явная и характерная стилизация дает возможность предполагать, что изображалась маска тигра или его символичное присутствие. Изложенная версия не исключает возможных других интерпретаций. В данной ситуации важнее было с помощью цифровых технологий выявить ранее неразличимые детали.

Что касается двух изображений зверей, то уже высказывалась предварительная версия о кошачьих хищниках (Тишкин, Матренин, 2017: 79). Дополнительный анализ позволяет соотнести их с представителями семейства куницеобразных (куньи, лат. Mustelidae), которые относятся к отряду хищных. Это могут быть куницы или соболи. У них имеются схожие черты. Высказанные суждения позволяют расширить поиск аналогий, а также интерпретацию смысловой нагрузки представленной композиции.

Стоит дополнить изложенное описание другими деталями. Еще два округлых отверстия, которые, вероятно, сделаны для более плотного крепления с кожаной основой, имеются под головами боковых животных. Они расположены на одной линии и примерно одинакового размера (около 0,3 см). Остальные отверстия разной конфигурации связаны с изображением ног. Их по три с двух сторон, а нижнее центральное более округлое, и оно разделяет фигуры, а также в какой-то мере подчеркивает наличие переплетенных хвостов. Перечисленные пространства могли иметь функциональное значение при использовании рассматриваемых изделий в качестве украшений пояса.

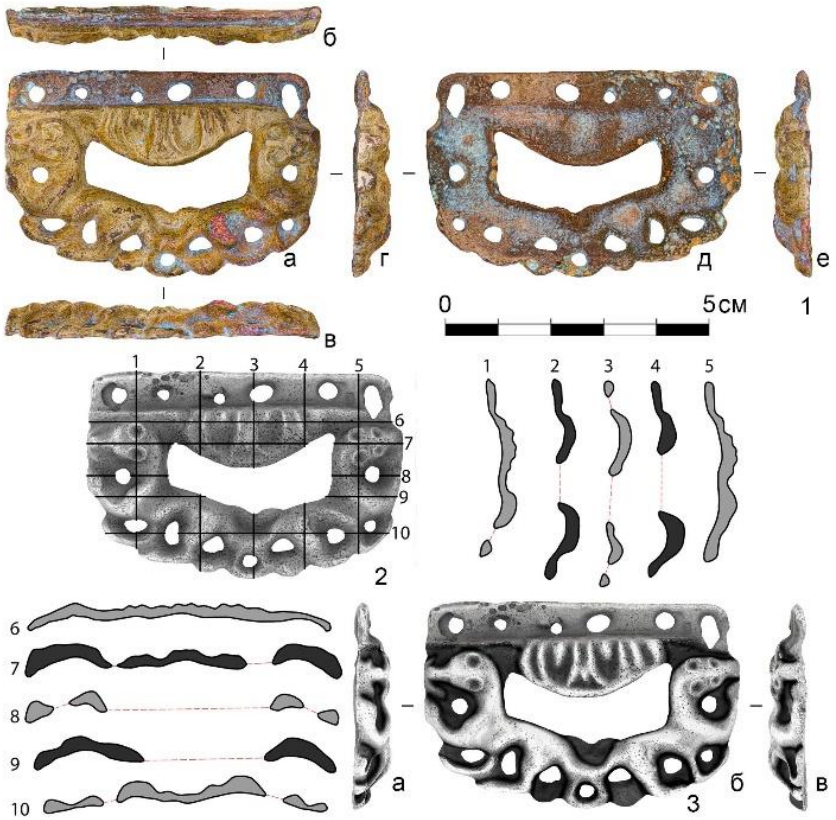

Рис. 3. Яломан-II, курган №60: 1а–е – цифровая копия ажурной бляхи-накладки (кол. 181/1091); 2 – демонстрация вертикальных (1–5) и горизонтальных (6–10) разрезов; 3а–в – графическая прорисовка лицевой и двух боковых сторон (изображения подготовлены С.Ю. Бондаренко)

Для установления химического состава сплава, из которого была сделана вышеописанная бляха-накладка, рентгенофлюоресцентным спектрометром тестировались два участка с обратной неорнаментированной стороны, где механическим путем удалялись поверхностные окислы. В результате были последовательно получены следующие показатели:

– Cu (медь) – 94,87%; Sn (олово) – 1,82%; As (мышьяк) – 1,78%; Pb (свинец)– 1,46%; Fe (железо) – 0,07%; Ag (серебро) – сл. (следы);

– Cu – 95,55%; As – 1,8%; Sn – 1,55%; Pb – 1,1%; Ag – сл.

Эти данные свидетельствуют о сложном медно-мышьяково-оловянно-свинцовом (бронзовом) сплаве.

Визуально на лицевой стороне хорошо заметно выполненное золочение. Это обстоятельство подтверждено исследованием при помощи указанного прибора: Au (золото) – 52,35%; Cu – 43,49%; Sn – 2,05%; Ag – 0,77%; As – 0,7%; Pb – 0,64%.

Следующая аналогичная поясная бляха-накладка (рис. 1, 3; 2, 3) имеет такие музейные обозначения: КП-181/1092 (АФ-22591). Длина находки 5,75 см, ширина 3,75 см, высота до 0,64 см. Это изделие практически идентично предыдущему. Где-то местами лучше проработаны детали, где-то хуже. На планке длиной 5,54 см, шириной от 0,61 до 0,75 см и толщиной 0,16 см сделаны шесть отверстие. У одного из них (крайнего) оказался недолив. Такая же ситуация видна ниже в другом месте. Стоит отметить, что позолота местами не сохранилась.

Также рентгенофлюоресцентным спектрометром сначала тестировались два участка на обратной стороне изделия, где механическим путем удалялись поверхностные окислы. В результате были последовательно получены следующие показатели:

– Cu – 95,72%; As – 1,94%; Pb – 1,31%; Sn – 1,03%; Ag – сл.;

– Cu – 95,96%; As – 1,92%; Sn – 1,18%; Pb – 0,94%; Ag – сл.

Эти данные также указывают на медно-мышьяково-оловянно-свинцовый (бронзовый) сплав.

Исследование прибором поверхности лицевой стороны находки подтвердило наличие позолоты на фоне основного сплава: Cu – 49,41%; Au – 46,89%; Sn – 1,64%; Ag – 0,78%; As – 0,73%; Pb – 0,55%.

Третья ажурная бляха-накладка (КП-181/1090, АФ-22589) имеет следующие размеры: длина 5,75 см, ширина 3,73 см, высота до 0,64 см (рис. 1, 1; 2, 2). Позолота сохранилась хуже. Зато хорошо видны выделенные глаза и очертания предполагаемой морды тигра. Выделенная планка оказалась длиной 5,53 см, шириной от 0,63 до 0,78 см и толщиной от 0,1 до 0,17 см. Из шести намеченных отверстий одно (крайнее) полностью залито металлом. Еще одно (на иллюстрациях – третье слева) имеет лишь маленькую дырочку. Другое крайнее отверстие получилось деформированным (вытянутой формы) из-за недолива и смещения. Рядом с ним находится округлое отверстие, которое хорошо выражено, как и на двух предыдущих предметах.

Тестирование спектрометром осуществлялось по вышеуказанной схеме. Последовательно получены следующие результаты:

– Cu – 95,62%; Pb – 1,59%; Sn – 1,48%; As – 1,31%; Ag – сл.;

– Cu – 96,31%; As – 1,49%; Sn – 1,23%; Pb – 0,97%; Ag – сл.;

– Cu – 57,01%; Au – 39,66%; Sn – 1,68%; As – 0,86%; Pb – 0,79%; Ag – сл.

Эти перечисленные показатели демонстрируют схожую рецептуру и могут свидетельствовать об изготовлении блях-накладок в одной мастерской от общей исходной модели.

Важное значение имеет наличие позолоты на лицевой стороны изделий, технологию нанесения которой удалось выяснить при исследовании находок под микроскопом, а также при использовании фотограмметрии и дальнейшем изучении не только отдельных участков, как при первом рассмотрении, а полностью. В результате становится ясным, что сначала на ажурную поверхность накладывалась золотая фольга, затем она набивалась для более адекватного покрытия, а после этого, по всей видимости, неоднократно нагревалась для получения ровного и гладкого слоя. Производство самого изделия отражает технологию, характерную для сюннуского времени (Миняев, 1983: 51, 53), когда изделия отливались в односторонних формах.

Заключение. В конструктивном и художественном отношении аналогия ажурным бляхам-накладкам из Яломана-II была обнаружена далеко на востоке в Забайкалье. При раскопках ограбленной могилы №138 на Иволгинском некрополе, который демонстрирует культуру северных сюнну и датирован II–I вв. до н.э., найдена «… пряжка с изображениями двух тигров» по бокам, имеющая размеры 8,7×5,7 см (Давыдова, 1996: 17, 58; табл. 39, 2). Известный исследователь С.С.

Миняев (1995: 130–131, рис. 8) видел в зафиксированной там композиции возможную трансформацию одного из ближневосточных сюжетов. При этом он давал животным обобщенное обозначение, указывая на наличие кошачьих хищников на изделии из Иволгинского могильника, что также нашло отражение в книге о художественных бронзах сюнну (Давыдова, Миняев, 2008: 103). К сожалению, все опубликованные иллюстрации иволгинской пряжки не позволяют детально рассмотреть имеющиеся изображения. Эту работу еще предстоит выполнить.

Ранее уже были приведены модифицированные аналогии в виде изделий, найденных на памятнике Аймырлыг-XXXI, который относится к улуг-хемской культуры Тувы, а также среди находок более позднего сяньбийского времени (Тишкин, Матренин, 2017: 79–80).

Важно отметить, что большинство предметов из исследованных погребений на памятнике Яломан-II отражают влияние материальной культуры сюнну (Тишкин, Горбунов, 2005), а представленный курган №60 является пока самым «богатым» мужским кенотафом раннего (усть-эдиганского) этапа булан-кобинской культуры (Тишкин, Горбунов, 2006: 33, 37–38, рис. 1: 22: Тишкин, Матренин, 2017: 80). С учетом имеющихся археологических материалов, наиболее приемлемая хронология ажурных блях-накладок – II–I вв. до н.э., что подтверждается серией опубликованных данных радиоуглеродного анализа ближайших захоронений некрополя (Тишкин, 2007: 264–268, 270–275), в том числе недавно полученной AMS-датировкой (UCIAMS250255 – 2085+20) образца от скелета лошади из кургана №46а (Librado et al., 2024).

Список литературы

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник / Археологические памятники сюнну; вып. 2. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 1996. 176 с.

Давыдова А.В., Миняев С.С. Художественная бронза сюнну. Новые открытия в России / The Xiongnu Decorative Bronzes: New Discoveries in Russia / Археологические памятники сюнну; вып. 6. Санкт-Петербург: Изд-во «Гамас». 2008. 120 с.

Миняев С.С. Производство бронзовых изделий сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ут-та, 1983. С. 47–84.

Миняев С.С. Новейшие находки художественной бронзы и проблеме формирования геометрического стиля в искусстве сюнну // Археологические вести. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 1995. №4. С. 123–136.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Тишкин А. А. Предметы торевтики хуннуского времени из памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во «Азбука», 2010. С. 40–45.

Тишкин А.А. Рентгенофлюоресцентный анализ находок из памятников сросткинской культуры, исследованных экспедициями АГУ на Приобском плато в 1997–2004 гг. // Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сросткинской культуры на Приобском плато / Археологические памятники Алтая; вып. 6. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 286–302.

Тишкин А. А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннуское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. Москва: ИА РАН, 2006. №3. С. 31–40.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии / Отв. ред. А. В . Харинский. Ч. I. Иркутск: ИрГТУ, 2005. С. 327–333.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Кенотаф хуннского времени на памятнике Яломан-II в Центральном Алтае // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история / Отв. ред. П.Б. Коновалов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011 . С. 158–173.

Pablo Librado, Antoine Fages, Naveed Khan, Stéphanie Schiavinato, Lorelei Chauvey, Mariya A. Kusliy, Laure Tonasso-Calvière, Charleen Gaunitz, Xuexue Liu, Stefanie Wagner, Clio Der Sarkissian1, Andaine Seguin-Orlando1, Aude Perdereau8, Jean-Marc Aury8, John Southon9, Beth Shapiro, Olivier Bouchez, Cécile Donnadieu, Yvette Running Horse Collin, Kristian M. Gregersen, Mads Dengsø Jessen, Kirsten Christensen, Lone Claudi-Hansen, Mélanie Pruvost, Erich Pucher, Hrvoje Vulic, Mario Novak, Andrea Rimpf, Peter Turk, Simone Reiter, Gottfried Brem, Christoph Schwall, Éric Barrey, Céline Robert,

Christophe Degueurce, Liora Kolska Horwitz, Victoria E. Mullin, Marta Verdugo, Daniel G. Bradley, João L. Cardoso, Maria J. Valente, Miguel Telles Antunes, Carly Ameen, Richard Thomas, Arne Ludwig, Matilde Marzullo, Ornella Prato, Giovanna Bagnasco Gianni, Umberto Tecchiati, José Granado, Angela Schlumbaum, Sabine Deschler, Monika Schernig Mráz, Nicolas Boulbes, Armelle Gardeisen, Pavel A. Kosintsev, René Kyselý, Lubomír Peške, Terry O'Connor, Elina Ananyevskaya, Irina Shevnina, Andrey Logvin, Alexey A. Kovalev, Tumur-Ochir Iderkhangai, Mikhail V. Sablin, Petr K. Dashkovskiy, Alexander S. Graphodatsky, Ilia Merz, Viktor Merz, Aleksei K. Kasparov, Vladimir V. Pitulko, Onar Vedat, Aliye Öztan, Benjamin S Arbuckle, Hugh McColl, Gabriel Renaud, Ruslan Khaskhanov, Sergey Demidenko, Anna Kadieva, Biyaslan Ayabiev, Marie Sundqvist, Gabriella Lindgren, F. Javier López-Cachero, Silvia Albizuri, Tajana Trbojević Vukičević, Anita Rapan Papeša, Marcel Burić, Petra Rajić Šikanjić, Jaco Weinstock, David Asensio Vilaró, Ferran Codina, Cristina García Dalmau, Jordi Morer de Llorens, Josep Pou, Gabriel de Prado, Joan Sanmartí, Nabil Kallala, Joan Ramon Torres, Bouthéina Maraoui-Telmini, Maria-Carme Belarte Franco, Silvia Valenzuela Lamas, Antoine Zazzo, Sébastien Lepetz, Sylvie Duchesne, Anatoly Alexeev, Noost Bayarkuu, Tsagaan Turbat, Éric Crubézy, Irina Shingiray, Marjan Mashkour, Natalia Ya. Berezina, Dmitriy S. Korobov, Andrey Belinskiy, Alexey Kalmykov, Jean-Paul Demoule, Sabine Reinhold, Svend Hansen, Barbara Wallner, Natalia Roslyakova, Pavel F. Kuznetsov, Alexey A. Tishkin, Patrick Wincker, Alan Outram, Ludovic Orlando. Widespread horse-based mobility did not arise in Eurasia before 2,200 BCE // Nature. 2024. Vol. 631 (8022). P. 819–825/ DOI: 10.1038/s41586-024-07597-5

А.А. Тишкин

Алтайдағы ғұн дәуіріндегі Яломан-II қорымынан табылған белдікке арналған ажурлы қаптама-тоғалар: рентгенфлуоресцентті талдау және фотограмметрия нәтижелері

Заманауи цифрлық технологиялар мен жаратылыстану ғылыми әдістерін қолдану арқылы археологиялық зерттеулер кезінде табылған жәдігерлерді талдау үшін жаңа ақпарат алуға болады. Мақалада автор Алтайда қазған ғұн дәуіріндегі Яломан-II қорымының №60 обасынан табылған үш бірдей белдікке арналған қаптама-тоғалар егжей-тегжейлі қарастырылады. Зерттеудің негізгі мақсаты – табылған түрлі-түсті металдан жасалған ажурлы бұйымдардың археологиялық контекстін ұсыну, оларды сипаттау және егжей-тегжейлі көрсету, сондай-ақ жасалу технологиясын анықтау және мәдени-хронологиялық сәйкестендіруді жүзеге асыру. Бұл үшін рентгенфлуоресцентті талдау, фотограмметрия және дәстүрлі археологиялық әдістер қолданылды. Бұлан-Қобы мәдениетінің ерте кезеңіндегі халықта ғұндардың (хунну) материалдық мәдениетінің элементтері атап өтілді.

Түйін сөздер: Алтай, ғұн дәуірі, ажурлы қаптама-тоғалар, Бұлан-Қобы мәдениеті, рентгенфлуоресцентті талдау, фотограмметрия.

A.A. Tishkin

Waist Openwork Appliqué Plaques from the Xiongnu Period Necropolis Yaloman-II In the Altai: X-ray Fluorescence Analysis and Photogrammetry Results

Thanks to modern digital technologies and the application of natural science methods, new information can be obtained for the analysis of finds discovered during archaeological research. The article examines in detail three practically identical waist appliqué plaques from kurgan No. 60 of the Xiongnu period necropolis Yaloman-II, excavated by the author in the Altai. The main goal of the study is to present the archaeological context of the found openwork items made of non-ferrous metal, to provide their description and detailed demonstration, as well as to determine the manufacturing technology and perform cultural-chronological identification. For this purpose, X-ray fluorescence analysis, photogrammetry, and traditional archaeological methods were used. Elements of Xiongnu material culture are noted in the population of the early stage of the Bulan-Koby culture.

Key words: Altai, Xiongnu period, openwork appliqué plaques, Bulan-Koby culture, X-ray fluorescence analysis, photogrammetry.

M.S. Shagyrbaev, Zh.R. Utubaev
A.H. Margulan Institute of Archaeology
Almaty, Kazakhstan
Zh. Datka
University of Pittsburgh
Pittsburgh, USA
datka.zhuldyz@gmail.com

Livestock husbandry of the population of Babish Mola-1 city in the Early Iron Age (Based on excavation materials of 2024–2025)*

The article presents the results of archaeozoological research on animal bone remains discovered during the 2024–2025 excavations at the Babish-Mola-1 settlement (the "Big House," the Shahristan, and Temple 10b). The aim of the study is to conduct an archaeozoological analysis of the animal remains recovered from the site, introduce the results into scholarly circulation, and identify the specific features of the development of ancient livestock husbandry in the Zhanadarya region. In total, 1053 bone specimens were subjected to laboratory examination, of which 850 (81%) were identified to specific taxa. Alongside the remains of all major domestic animals, the assemblage also includes bones of wild fauna such as kulan (Equus hemionus), saiga antelope (Saiga tatarica), and hare. Among domestic animals, small ruminants occupy the primary position in terms of both bone count and the number of individuals. Cattle remains rank second, followed by horse remains. Camel bones are extremely rare. Differences in the age profiles of animals are observed between the excavated contexts. Most small ruminants were slaughtered after reaching 2–2.5 years of age, whereas cattle do not demonstrate a clear age-related slaughtering pattern. Most horses were slaughtered between 5 and 15 years of age. Biomass analysis of domestic animals indicates that cattle provided the largest share of dietary meat weight for the inhabitants of the settlement, demonstrating the limitations of interpreting the economic significance of species solely on the basis of bone counts.

Keywords: Zhanadarya, Early Iron Age, Babish Mola-1 settlement, "Big House," shahristan, Temple 10b, archaeozoology, livestock husbandry.

Introduction. Animal bones constitute an important source of information for determining the economic structure of ancient and medieval societies, faunal diversity, and the directions of hunting activities. Archaeozoological data provide insights not only into dietary patterns but also enable the reconstruction of the adaptive strategies of ancient populations to their environment, the development dynamics of animal husbandry, and its regional characteristics. However, in domestic archaeology, the systematic collection of osteological materials discovered during excavations and their comprehensive interdisciplinary analysis has long remained insufficiently organized. Only in recent years has the full recovery of osteological materials during archaeological excavations and their subsequent laboratory processing begun to acquire a consistent character, reaching a new methodological level in scientific research. Today, there are very few archaeological sites distinguished by the systematic annual collection and publication of osteological materials. One such site is the Early Iron Age settlement of Babish Mola-1, located in the Zhanadarya valley on the left bank of the Syr Darya (Fig. 1). The bone collection from this site has been systematically studied since 2019, and the results have been regularly published for the scientific community. To date, several important studies have been introduced into scholarly circulation, including analyses of the overall osteological assemblage recovered from the excavations, concentrations of saiga astragali, processed bones of the kulan, and animal remains identified in mausoleums (Shagirbayev, Utubaev, 2019a; Shagirbayev, Utubaev, 2019b; Utubaev, Shagirbayev, 2020a; Utubaev, Shagirbayev, 2020b; Utubaev, Shagirbayev, 2020c; Utubaev, Shagirbayev, 2021a; Utubaev, Shagirbayev, 2021b; Utubaev, Shagirbayev, 2022; Utubaev, Shagirbayev, 2023; Utubaev, Shagirbayev, 2024). At present, the continuation of excavations within the site area is facilitating the accumulation of new archaeozoological materials that provide valuable information about ancient animal husbandry.

The aim of this research study is to conduct a comprehensive archaeozoological analysis of the animal bones collected during the 2024–2025 field seasons. In addition, by comparing the statistical indicators of the excavation materials from these two years, the study seeks to identify the dynamics of

* The work was carried out under project BR 24992939 within the framework of the program-targeted funding of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2024–2026.

species composition and quantitative proportions within livestock husbandry and to clarify the economic model of the ancient inhabitants of the Zhanadarya valley.

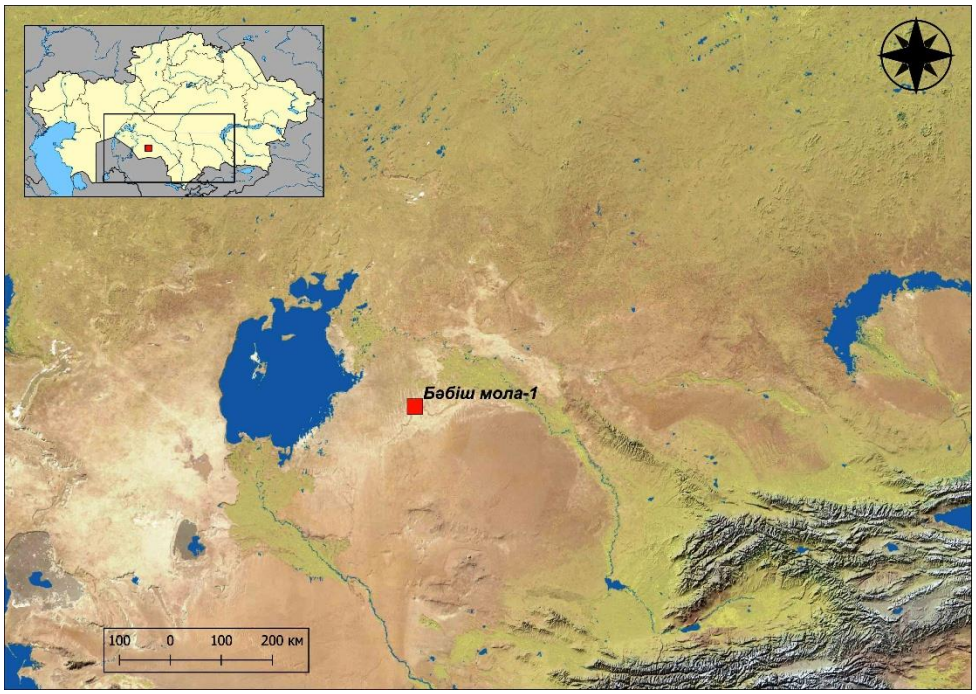

Fig. 1. The Early Iron Age settlement of Babish Mola-1 (Prepared by M.S. Shagirbayev).

Brief Description of the Excavations. Archaeological investigations conducted during the 2024–2025 field seasons were carried out at three areas within the settlement of Babish Mola (Fig. 2). The main work was concentrated in the citadel and the shakhristan of the city. In addition, excavations were undertaken at the Babish Mola 10b site, located approximately 500 meters north of the settlement. `

Fig. 2. Aerial view of the Babish Mola-1 settlement (Photo by Zh.R. Utubaev).

As a result of the investigations, the southern and northern sections of the external circumambulatory corridor of the palace–temple complex known as the “Big House” in the citadel were uncovered (Fig. 3). The southern corridor measures 12.5 m in length, while the northern corridor is 9 m long, with a width ranging from 3.1 to 3.2 m. Rooms No. 5 and No. 6, located in the central part of the complex, were fully excavated, and their floors were identified at a depth of approximately 2 m. The walls of the uncovered rooms were constructed from square and rectangular mud bricks typical for the site, with standard dimensions of 42×42×13 cm; 40×45×10–12 cm; and 41×45–47×12–13 cm. According to the stratigraphic data, the layers within these rooms consist of three phases that follow one another over a relatively short period of time. The earliest phase corresponds to the construction of the palace, whose walls were built

from rectangular and square mud bricks. Thus, the excavations conducted in 2024–2025 have made it possible to almost completely reconstruct the plan of the western part of the complex, situated between the rooms excavated during these seasons and the eastern section of the complex that was investigated by the Khorezm Expedition in the early 1960s. At present, Room No. 5, which has a rectangular plan, covers an area of approximately 55–56 m² and is adjacent to the circumambulatory corridor on the southern side. In the northeastern part, corridor-like Room No. 6 is located. As previous excavations have indicated, the building was not used for a long period. It appears that the inhabitants abandoned the complex shortly after its construction.

Fig. 3. Babish Mola-1 settlement. Excavation carried out at the "Big House" (Photo by Zh.R. Utubaev).

Subsequent research was conducted in the southern part of the shakhristan of the city (Fig. 4). During the excavations, semi-subterranean storage pits and workshops used for economic purposes were identified at the floor level. These features yielded two- and three-chambered hearths, as well as storage vessels buried in the ground. The excavations carried out between 2024 and 2025 fully confirmed the earlier hypothesis based on materials obtained during the previous two field seasons. In particular, it was established that within the shakhristan area of Babish Mola, especially in its southwestern sector, there was no evidence of systematic urban construction. Instead, this part of the settlement appears to have functioned primarily as a large-scale economic or production zone.

Fig. 4. Excavations conducted in the shakhristan area of the Babish Mola-1 settlement (Photo by Zh.R. Utubaev).

The building at Babish Mola 10b, fully excavated in 2024, was identified as a cultic (religious) structure. Prior to excavation, it appeared as an enclosure measuring 8 × 5 m with a height of 0.5 m. The walls of the building were constructed atop a relatively low paksha plinth, and it is assumed that the floors of the rooms also rested on slightly elevated paksha foundations.

The compositional center of the building was Room No. 2, which functioned as the sanctuary. In its central section, opposite the eastern entrance, there was an altar-podium (Fig. 5). During the excavation, fragments of pottery and animal bones were discovered.

All materials recovered from the excavation are dated to the III–II centuries BCE, corresponding to the chronological phase of the Shirikrabath archaeological culture.

Fig. 5. Aerial view of the Babish 10b building (Photo by Zh.R. Utubaev).

Materials and Research Methods. The material basis of this study consists of animal bones recovered from the areas of the "Big House", the shakhristan, and the 10b temple within the Babish Mola-1 settlement. In 2024, a total of 375 bones were recovered from the three areas, all identified to the species level. Of these, 215 bones came from the "Big House," 111 bones from the shakhristan, and 49 bones from the 10b sanctuary (morphological identification by M.S. Shagirbayev). In 2025, 678 bones were recovered from the "Big House" area, of which 475 bones (70%) were identified to a precise taxonomic level (morphological identification by Zh. Datka). Overall, 1,053 bones were analyzed from 2024–2025, with 850 specimens (81%) identified to the species level (Table 1).

The taphonomic composition of the animal bones is complex. Bones from the "Big House" were mostly collected from the upper layers of the excavation, while the materials from Excavation No. 1 in the shakhristan were recovered from multiple stratigraphic depths (10–30 cm). The osteological collection from the sanctuary was gathered from areas labeled A, B, C, and D squares, although the distribution of bones across layers was uneven. For instance, in Square C, some bones were found in the upper layers, whereas in Square D, the majority of bones were recovered from lower layers.

The preservation of the osteological material is good, with morphological features necessary for species-level analysis clearly visible. According to Behrensmeyer (Behrensmeyer 1978), the preservation level corresponds to Stage 0. The age of animals was determined based on the eruption sequence of teeth in the mandibles and the degree of epiphyseal fusion in tubular bones (Silver, 1969). For differentiating skeletal elements of goats and sheep (hereafter: small livestock), specialized methodological references were used (Gromova, 1953; Zeder, Pilaar, 2010; Zeder, Lapham, 2010). To reconstruct the dietary patterns based on meat products, the methodological procedures developed by the Laboratory of Natural Sciences, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences were applied (Antipina, 2013, 139).

Results. Taxonomic Composition of the Bone Collection. Analysis of the osteological material revealed the presence of all types of domestic animals. Of the 850 bones identified to species level, 94% belong to domestic animals, while remains of wild fauna were relatively rare, accounting for only 6%.

Among the domestic animal bones, 796 specimens represent at least 57 individual animals (Tab. 1). This number reflects the minimum number of animals for the excavation area; the actual number of animals originally present cannot be determined with certainty. Within the wild fauna, saiga antelope bones were the most numerous, followed by skeletal remains of the kulan. Additionally, isolated bones of foxes and hares were found. The bones that could not be identified to species (2025 materials) include medium- and large-sized animals with roughly comparable sizes. The complete bird bone discovered in 2025 from the "Big House" area could not be conclusively identified to species, leaving this task for future research.

Tab. 1. Taxonomic composition of animal bones recovered from Babish Mola-1 settlement and the 10b sanctuary (2024–2025) by species.

Types		Number of Bones				%%	Number of Animals
		Domestic Animals					
		2024		2025		2024-2025 yy.	
Small livestock – *Ovis* et *Capra*		227	242	271	351	63	32
Sheep – *Ovis aries*		13		74		11	5
Goat – *Capra hircus*		2		6		1	4
Castle – *Bos taurus*		83		60		18	10
Horse – *Equus caballus*		36		20		7	5
Camel – *Camelus bactrianus*		0		4		1	1
Total		361		435		100	57
		796 bones					
Wild animals							
Fox – *Vulpes vulpes*		1		0		2	1
Kulan – *Equus hemionus*		4		4		15	3
Saga antelope – *Saiga tatarica*		9		35		81	8
Hare – *Lepus tolai*		0		1		2	1
Total		14		40		100	13
		54 bones					
Skeletal remains not identifiable to type							
Mammalian skeleton	Large	0		99		49%	
	Small	0		103		51%	
Bird– *Aves indet*		0		1		100	70
		1053 bones					

Ratio of Domestic Ungulates. In all excavation areas, small livestock bones predominated (Tab. 2), indicating their leading role in the diet of the settlement's inhabitants. In 2024, the proportion of small livestock in the "Big House" area was 67%, while in the shakhristan it was 57%. At the 10b sanctuary, this proportion reached 89%. The proportion of cattle bones showed little variation across the sites. Only in the shakhristan collection was the share of cattle slightly higher (37%) compared to the other areas. Horse bones were very rare across the settlement, with none found in the sanctuary excavation. The distribution of horse bones between the "Big House" and the shakhristan was uneven (Tab. 2). These data indicate that small livestock played the primary role in the economy of Babish Mola-1. The low presence of cattle and horse bones indirectly suggests that the numbers of these animals were relatively small.

Tab. 2. Proportion (%) of domestic animal skeletal remains from Babish Mola-1 excavation materials (2024–2025).

Types	Big House		Shakhristan		10b Temple		Big House	
	2024				2024		2025	
	Abs.	%	Abs.	%	Abs.	%	Abs.	%
Small livestock	140	67	60	57	42	89	351	81
Castle	39	19	39	37	5	11	60	14

Horse	30	14	6	6	0	0	20	5
Number of bones	209	100	105	100	47	100	431	100

Distribution of Small Livestock Skeletal Elements. The skeletal elements of small livestock show varying proportions across the excavation areas (Tab. 3). Overall, bones of the thoracic region and proximal parts of the limbs predominate within the assemblage. While the main differences are observed between years, the distributions are generally similar across specific excavation areas. The majority of cranial elements were recovered from the "Big House" and the sanctuary, indicating that animal heads were more frequently processed at these sites. The high number of distal limb bones found in the "Big House" and shakhristan suggests that animals were slaughtered and dismembered within these areas, reflecting on-site butchering and meat processing practices.

Tab. 3. Proportion (%) of small livestock skeletal elements from Babish Mola-1 excavation materials (2024–2025).

Types	2024						2025	
	Big House		Shakhristan		10б b		Big House	
	Abs.	%	Abs.	%	Abs.	%	Abs.	%
Horn	0	0	0	0	1	2	2	1
Skull	32	23	9	15	14	30	52	15
Teech	3	2	1	2	2	4	31	9
Chest	14	10	11	18	14	30	126	36
Proximal limb	55	39	21	35	6	13	117	33
Distal limb	36	26	18	30	10	21	23	7
Number of bones	140	100	60	100	47	100	351	100

Distribution of Cattle Skeletal Elements. The skeletal remains of cattle show a predominance of meat-rich parts of the body (Tab. 4). In 2024, within the "Big House" materials, distal limb bones accounted for 38%, thoracic bones 26%, and proximal limb bones 18%. In the shakhristan, proximal limb bones made up 28%, cranial elements 26%, and thoracic bones 23%. At the 10b sanctuary, although the number of bones was small, teeth and distal limb bones each comprised 40% of the collection. In 2025, within the "Big House" assemblage, proximal limb bones predominated at 42%, followed by thoracic bones at 32%. Such distributions indicate that cattle were dismembered within the settlement, with active use of the meat-rich body parts.

Tab. 4. Proportion (%) of cattle skeletal elements from Babish Mola-1 excavation materials (2024–2025).

Types	2024						2025	
	Big House		Shakhristan		10b		Big House	
	Abs.	%	Abs.	%	Abs.	%	Abs.	%
Horn	1	3	1	3	0	0	0	0
Skull	6	13	10	26	0	0	1	2
Teech	1	3	3	8	2	40	10	17
Chest	10	26	9	23	1	20	19	32
Proximal limb	7	18	11	28	0	0	25	42
Distal limb	15	38	5	13	2	40	5	8
Number of bones	39	100	39	100	5	100	60	100

Distribution of Horse Skeletal Elements. Horse bones were relatively rare across the excavation areas, and the distribution of skeletal elements was uneven (Tab. 5). In 2024, within the "Big House" materials, thoracic bones accounted for 57%, and proximal limb bones for 33%. In the shakhristan, the majority of bones (83%) were proximal limb elements. In 2025, in the "Big House" assemblage, proximal limb bones predominated at 45%, thoracic bones at 35%, and cranial elements and teeth each represented 10% of the collection.

Tab. 5. Proportion (%) of horse skeletal elements from Babish Mola-1 excavation materials (2024–2025).

Types	2024				2025	
	Big House		Shakhristan		Big House	
	Abs.	%	Abs.	%	Abs.	%
Horn	0	0	0	0	2	10
Skull	0	0	0	0	2	10
Teech	17	57	0	0	7	35
Chest	10	33	5	83	9	45
Proximal limb	3	10	1	17	0	0
Distal limb	30	100	6	100	20	100

Age Structure of Domestic Animals. Analysis of the 2024–2025 excavation materials reveals both similarities and differences in the age profiles of domestic animals across the sites. Since the number of bones is not large, the conclusions regarding age are presented as preliminary observations. Analysis of individual animal skeletons (mandibles and long bones) allowed the determination of the age of at least 42 animals across the three sites.

Small Livestock. In the "Big House" area, the age profiles of 14 small livestock were identified. The data suggest that the inhabitants primarily consumed meat from adult sheep and goats (Fig. 6). Within this group, the numbers of 1–2-year-old and older than 2-year-old animals were roughly equal. In the shakhristan, three age categories were also observed, although the proportions differed from the "Big House". Here, animals under 1 year old were more numerous than those aged 1–2 years. Nevertheless, adult animals represented the majority of slaughtered livestock across the shakhristan. In the sanctuary, only two age groups were identified: animals under 1 year old and adults, with approximately equal representation. Overall, the combined data from the three archaeological sites indicate that small livestock were primarily slaughtered for meat at 2–3 years of age. The role of these animals in the economy may have also been linked to secondary products, such as wool and hides.

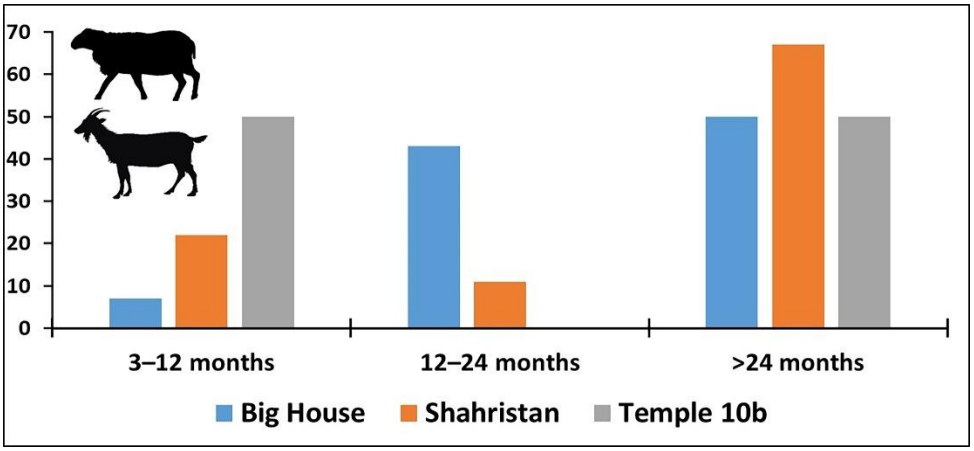

Fig. 6. Age structure (%) of small livestock from Babish Mola-1 excavation materials (2024–2025).

Cattle. The age structure of cattle differs from that of small livestock and varies across the archaeological sites (Fig. 7). In the "Big House" area, meat consumption focused primarily on animals up to 1.5 years old and adult (older) cattle. In the shakhristan, most skeletal remains belonged to cattle aged 1–1.5 years and 1.5–2.8 years, with no remains of older animals identified. In the sanctuary, only cattle aged 1.5–2.5 years were slaughtered. Overall, the data from the three sites indicate that the inhabitants of Babish Mola-1 managed cattle primarily for meat production, reflecting a focus on supplying their households with beef.

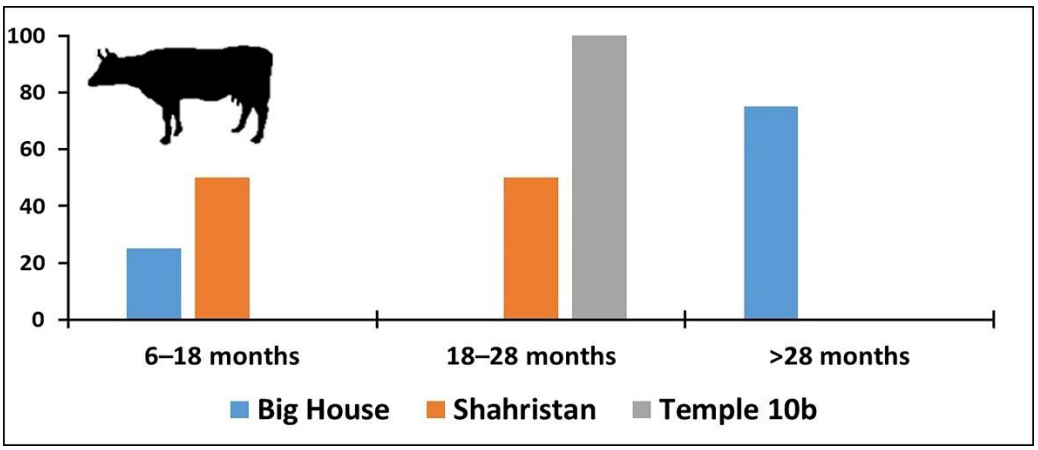

Fig. 7. Age structure (%) of cattle from Babish Mola-1 excavation materials (2024–2025).

Horses. The age structure of horses shows significant differences between the two archaeological sites. In the shakhristan, both sub-adult and adult animals were slaughtered, whereas the inhabitants of the "Big House" consumed meat primarily from adult and older horses. However, these differences may largely reflect the small sample size of the materials (Fig. 8).

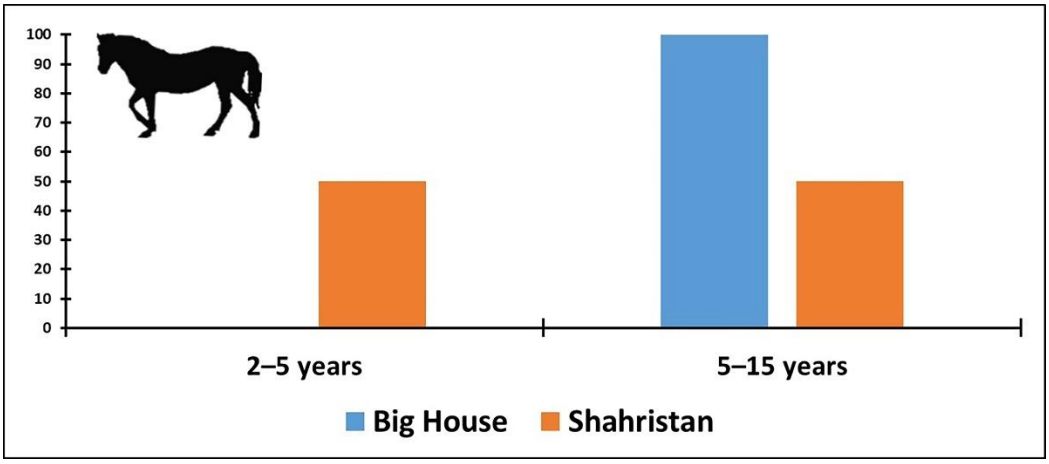

Fig. 8. Age structure (%) of horses from Babish Mola-1 excavation materials (2024–2025).

Meat Consumption. The osteological collection from Babish Mola-1 shows that the food remains are confidently attributed to three domestic animal types: small livestock, cattle, and horses. Bones of these three types dominate across all excavation areas. Due to the limited number of materials, statistical analysis does not differentiate between the "Big House" and shakhristan; instead, the entire settlement area is considered together. According to the 2024–2025 excavation data, 613 bones belong to small livestock, 143 bones to cattle, and 56 bones to horses.

Using established methods for estimating meat consumption by animal type, it is evident that although small livestock bones are 4.5 times more numerous than cattle bones, when the meat weight coefficients are taken into account (on average: 1 cow ≈ 6 sheep, 1 horse ≈ 5.5 sheep), the total meat biomass indicates that beef was consumed 1.4 times more than mutton (Fig. 9).

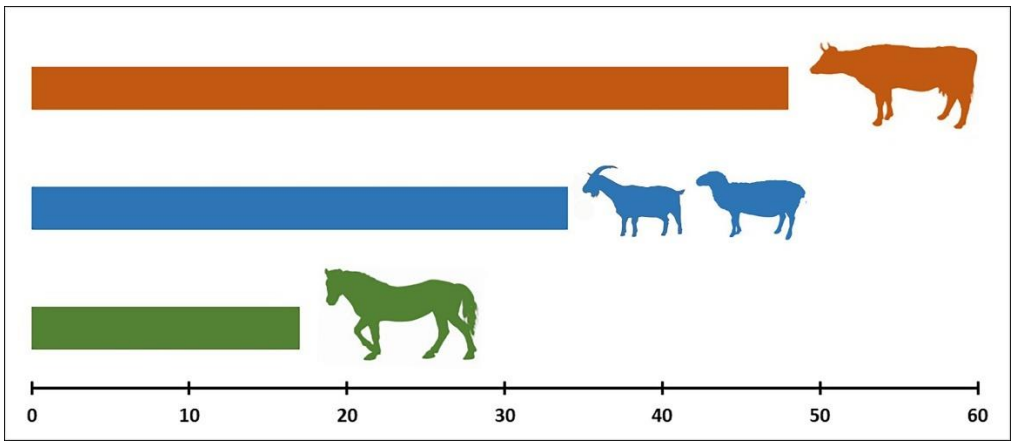

Fig. 9. Relative proportion (%) of meat consumption from domestic animals at Babish Mola-1 excavation materials (2024–2025).

Discussion. The archaeozoological analysis of the 2024–2025 excavation materials indicates that the composition of the newly recovered osteological assemblages does not significantly differ from previously identified collections. Bones from the "Big House" recovered in 2018, 2020, and 2022–2023 consistently show a predominance of small livestock skeletal elements, ranging from 44% to 75% (Shagirbayev, Utubaev, 2019a; Utubaev, Shagirbayev, 2020a; Utubaev, Shagirbayev, 2021a; Utubaev, Shagirbayev, 2023; Utubaev, Shagirbayev, 2024). This confirms that inhabitants of the "Big House" primarily consumed sheep and goat meat. The proportion of cattle bones shows little variation over the years, except for the 2023 materials, where it reached 30% (Utubaev, Shagirbayev, 2023, 327; Table 1). Horse bones remained consistently low across all excavation years, ranging only 3–9% of domestic animal remains.

Comparing the bone materials from the 10b sanctuary with the previously studied 10a sanctuary (2023) reveals some differences in species composition. While 10a contained bones of all domestic animals (sheep, goats, cattle, horses, camels, and dogs), 10b yielded only small livestock and cattle (Utubaev, Shagirbayev, 2024, 327; Table 1). Moreover, in 10b, almost 90% of the small livestock bones were represented by limb and axial elements. Wild fauna remains also differ between the sanctuaries: 10a yielded single specimens of saiga antelope, fox, and hare, whereas 10b contained only kulan skeletal elements. The exact reasons for these differences are difficult to interpret, but preliminary hypotheses suggest that the two sanctuaries may have differed in ritual practices, such as animal sacrifice or other ceremonial activities.

No significant deviations were observed in the distribution of skeletal elements. Minor variations may be due to the limited size of the collections. A notable observation is the presence of horn fragments in both small livestock and cattle remains. Excavations in 2018 identified horns from sheep, goats, and cattle, with eight small livestock horns among the collection (Utubaev, Shagirbayev, 2021a, 87–88; Table 3). Horns were also present in the 2023–2024 materials (Utubaev, Shagirbayev, 2023, 156; Table 2; Utubaev, Shagirbayev, 2024, 330; Table 3). These data confirm that a portion of the domestic animals in the assemblage were horned. According to V.I. Tsalkin, if horn fragments account for 1.3% of the skeletal collection, the animals were horned; if the proportion is 0.2–0.8%, most of the cattle were hornless (Tsalkin, 1970). In the current materials, 0.6% of cattle bones included horn fragments, indicating that most of the cattle slaughtered in the "Big House" area were hornless.

Studies of age structure indicate that the majority of small livestock slaughtered for meat in the "Big House" were over 2 years old (Shagirbayev, Utubaev, 2019a, 385; Table 4; Utubaev, Shagirbayev, 2021a, 85; Table 2; Utubaev, Shagirbayev, 2024, 328; Table 2). The age profiles of cattle and horses are similar to small livestock, with most animals being adult or older. These data suggest that domestic animals were managed not only for meat production but also for secondary purposes: Adult sheep and goats were likely utilized for wool and hides. Cattle were probably used for milk production and labor. Horses may have served as riding animals, draft animals, and sources of milk. This evidence indicates a diversified economic strategy in which the inhabitants of Babish Mola-1 optimized the use of domestic animals for both primary and secondary products.

The archaeozoological study highlights some unresolved issues regarding the estimation of animal numbers. Across the excavation years, small livestock bones dominate the osteological assemblages. However, when assessing the biomass contribution to the diet, cattle meat appears to have been the primary source of food. This indicates that, for the inhabitants of Babish Mola-1, the nutritional weight of cattle

outweighed that of smaller animals, and it challenges the assumption that a higher number of bones directly reflects greater herd size of a particular species.

Conclusions. The archaeozoological analysis demonstrates that there are distinct patterns in the distribution of animal remains across different areas of Babish Mola-1. Although small livestock were more numerous, cattle contributed more to the dietary biomass. The majority of animals slaughtered for meat were adults, indicating a deliberate management strategy. Domestic animals were used not only for meat production but also for secondary products such as hides and wool. The age profiles of cattle and horses suggest that these animals were also maintained for labor, riding (horses), and milk production. The distribution of skeletal elements shows that inhabitants slaughtered animals within the settlement and processed meat on-site, as evidenced by numerous detached skeletal elements, including horns, limbs, and hooves. The rare occurrence of cattle horns in the assemblage suggests that hornless cattle were predominant in the economy of the early Iron Age Zhandariya Valley. Overall, the data reflect a well-organized and diversified livestock strategy, balancing meat production, secondary products, and labor use, tailored to the ecological and economic conditions of the settlement.

References

Antipina, E. E. 2013. In: Chernykh, E. N., Zavialov, V. I. (eds.). Analiticheskie issledovanija laboratorii estestvennonauchnyh metodov (Analytical studies of the laboratory of natural science methods). Issue 3. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 126–141 (in Russian).

Gromova, V. 1953. Osteologicheskie otlichija rodov Capra (kozly) i Ovis (barany). Rukovodstvo dlja opredelenija iskopaemyh ostatkov (Osteological differences between the genera Capra (goats) and Ovis (sheep). Guide for the identification of fossil remains). In: Trudy komissii po izucheniju chetvertichnogo perioda (Proceedings of the Commission for the Study of the Quaternary Period). Vol. 10. Issue 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 123 (in Russian).

Utubaev, Zh. R., Shagirbayev, M. S. 2024. In: Ongaruly, A. (ed.). Margulan oqulary – 2024 (Margulan readings – 2024). Almaty: Margulan Institute of Archaeology, Vol. 1, 322–335 (in Kazakh).

Utubaev, Zh. R., Shagirbayev, M. S. 2021a. In: Zhumatayev, R. S. (ed.). XIII Orazbaev oqulary (13th Orazbaev readings). Almaty: Kazakh University, 83–93 (in Kazakh).

Utubaev, Zh. R., Shagirbayev, M. S. 2022. In: Mamirov, T. B. (ed.). Margulan oqulary – 2022 (Margulan readings – 2022). Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 170–180 (in Kazakh).

Utubaev, Zh. R., Shagirbayev, M. S. 2020c. In: Zhumatayev, R. S. (ed.). XII Orazbaev oqulary (12th Orazbaev readings). Almaty: Kazakh University, 118–123 (in Kazakh).

Utubaev, Zh. R., Shagirbayev, M. S. 2020a. Osteologicheskie materialy antichnogo pamjatnika Babish-mola 7 v nizov'jah Syrdar'i (Osteological materials of the ancient site Babish-mola 7 in the lower Syrdarya). Vestnik KazNPU im. Abaja. Serija istoricheskih i social'no-politicheskih nauk, 4 (67), 354–363 (in Russian).

Utubaev, Zh. R., Shagirbayev, M. S. 2020b. Osteologicheskie materialy antichnogo pamjatnika Babish-mola 7 v nizov'jah Syrdar'i (Osteological materials of the ancient site Babish-mola 7 in the lower Syrdarya). Vestnik KazNPU im. Abaja. Serija istoricheskih i social'no-politicheskih nauk, 4 (67), 354–363 (in Russian).

Utubaev, Zh. R., Shagirbayev, M. S. 2021b. Osteologicheskie materialy iz mavzoleev Babishmolinskogo oazisa (Osteological materials from mausoleums of the Babishmola oasis). Vestnik KazNU im. al-Farabi. Serija istoricheskaja, 3 (102), 195–205 (in Russian).

Utubaev, Zh. R., Shagirbayev, M. S. 2023. In: Mamirov, T. B. (ed.). Margulan oqulary – 2023 (Margulan readings – 2023). Almaty: Margulan Institute of Archaeology, Vol. 2, 151–161 (in Kazakh).

Tsalkin, V. I. 1970. Drevnejshie domashnie zhivotnye Vostochnoj Evropy (The earliest domestic animals of Eastern Europe). In: Materialy i issledovanija po arheologii SSSR (Materials and research on the archaeology of the USSR). No. 161. Moscow: Nauka, 280 (in Russian).

Shagirbayev, M. S., Utubaev, Zh. R. 2019a. Babish mola qalasynan tabylgan osteologijalyq materialdardyn sandyq zhane morfologijalyq quramy (Quantitative and morphological composition of osteological materials from Babish-mola). Vestnik KazNPU im. Abaja. Serija istoricheskih i social'no-politicheskih nauk, 3 (62), 382–391 (in Kazakh).

Shagirbayev, M. S., Utubaev, Zh. R. 2019b. Zhanuar asyqtarynyn arheozoologijalyq zerttelui (Archaeozoological study of animal astragali). Kazakhstan archeologijasy (Archaeology of Kazakhstan), 4 (6), 79–116 (in Kazakh).

Behrensmeyer, A. K. 1978. Taphonomic and ecologic information from bone weathering. Paleobiology, 4 (2), 150–162 (in English).

Silver, I. A. 1969. In: Science in Archaeology. New York: Basic Books, 250–268 (in English).

Zeder, M. A., Lapham, H. A. 2010. Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep (Ovis) and goats (Capra). Journal of Archaeological Science, 37 (11), 2887–2905 (in English).

Zeder, M. A., Pilaar, S. E. 2010. Assessing the reliability of criteria used to identify mandibles and mandibular teeth in sheep (Ovis) and goats (Capra). Journal of Archaeological Science, 37 (2), 225–242 (in English).

М.С. Шағырбаев, Ж.Р. Утубаев, Ж. Датка

Ерте темір дәуіріндегі Бәбіш мола-1 қаласы тұрғындарының мал шаруашылығы (2024-2025 жж. қазба материалдары бойынша)

Мақалада 2024-2025 жж. Бәбіш мола-1 қаласындағы «үлкен үй», шахристан және 10б ғибадатханасынан табылған жануар сүйектерін археозоологиялық зерттеу нәтижелері беріледі. Зерттеудің мақсаты ескерткіштен табылған жануар сүйектеріне археощоологиялық талдау жүргізіп, нәтижелерін ғылыми айналымға енгізу және Жаңадария алқабындағы ежелгі мал шаруашылығының даму ерекшеліктерін анықтау. Барлығы 1053 сүйекке зертханалық сараптама жасалып, 850 (81%) сүйек нақты түрлерге дейін анықталды. Ескерткіш аумағынан үй жануарларының барлық түрлерімен қатар, жабайы фауна (құлан, ақбөкен, қоян) қалдықтары да кездесіп отыр. Үй жануарларының құрамында уақ мал сүйек және жануар саны бойынша негізгі орын алады. Екінші орында ірі қара, үшінші жылқы қалдықтары. Түйенің сүйектері өте сирек кездеседі. Қазба нысандарының арасында жануарлардың жас ерекшеліктері бойынша айырмашылықтар бар екені байқалады. Уақ малдың басым бөлігі 2-2,5 жастан асқан соң сойылса, ірі қараның жас ерекшеліктеріне белгілі бір заңдылық сақталмайды. Жылқының көпшілігі 5-15 жас аралығында сойылған. Үй жануарларының биомассасы бойынша жүргізілген зерттеулер, қала тұрғындары үшін азықтық салмақтың ірі қараға түскенін дәлелдеп, «сүйек саны – экономикалық маңыз» түсінігінің шектеулігін көрсетті.

Кілт сөздер: Жаңадария, Ерте темір дәуірі, Бәбіш мола-1 қаласы, «үлкен үй», шахристан, 10б ғибадатхана, археозоология, мал шаруашылығы.

М.С. Шағырбаев, Ж.Р. Утубаев, Ж. Датка

Животноводство жителей города Бабиш-мола-1 в эпоху раннего железного века (по материалам раскопок 2024–2025 гг.)

В статье представлены результаты археозоологических исследований костных остатков животных, обнаруженных в 2024–2025 гг. на территории городища Бабиш-мола-1 («большой дом», шахристан и храм 10б). Цель исследования заключается в проведении археозоологического анализа костных материалов, введении полученных данных в научный оборот и выявлении особенностей развития древнего животноводства в долине Жанадарьи. Лабораторному анализу подверглись 1053 кости, из которых 850 (81%) были определены до вида. Наряду со всеми видами домашних животных, на территории памятника зафиксированы остатки дикой фауны (кулан, сайга, заяц). В составе стада домашних животных мелкий рогатый скот занимает ведущее место как по количеству костей, так и по числу особей. Второе место принадлежит крупному рогатому скоту, третье – лошади. Остатки верблюда встречаются крайне редко. Между объектами раскопок выявлены различия в возрастных характеристиках животных. Если большая часть мелкого рогатого скота забивалась в возрасте старше 2–2,5 лет, то в возрастных показателях крупного рогатого скота определенной закономерности не наблюдается. Большинство лошадей было забито в возрасте от 5 до 15 лет. Исследования, проведенные по биомассе домашних животных, доказали, что основной пищевой вес для жителей города приходился на крупный рогатый скот, продемонстрировав тем самым ограниченность подхода «количество костей – экономическая значимость».

Ключевые слова: Жанадарья, ранний железный век, городище Бабиш-мола-1, «большой дом», шахристан, храм 10б, археозоология, животноводство.

А.А. Горячев, Т.А. Егорова, А.С. Казизова
Институт археологии имени А.Х. Маргулана
Алматы, Казахстан
aga.2805@mail.ru

Археологические исследования южных склонов хребта Ешкиольмес*

В работе представлены новые материалы археологических исследований 2025 года на южных склонах гор Ешкиольмес. Целью работ стала фиксация и документирование археологических памятников микрорайона. В рамках полевых работ обнаружены и документированы, 124 объекта историко-культурного наследия. Среди них отмечены 2 многослойных археологических комплекса (Талапты-I, Куйган-I), состоящих из поселений эпохи бронзы и погребальных сооружений раннего железного века. Обследованы 25 поселений и стоянок от эпохи бронзы до Нового времени, 97 курганных могильников раннего железного века, в структуре некоторых из них (3) фиксируются средневековые могилы и 2 кладбища Нового времени. Результаты полевых исследований 2025 года представили структуру и хронологию археологических комплексов на южных склонах хребта Ешкиольмес, содержащих устойчивые следы проживания людей в древности и Средневековье.

Ключевые слова: Жетысу Алатау, горы Ешкиольмес, река Коксу, петроглифы, поселение, могильник, эпоха бронзы, ранний железный век, Средневековье, Новое время.

Введение. Хребет Ешкиольмес является одним из западных отрогов горной системы Жетысу Алатау, расположенный между долиной р. Или и Алакольской впадиной (рис. 1, 1). Горная система Жетысу Алатау состоит из нескольких параллельных высоких хребтов, главные из которых (Северный и Южный) соприкасаются друг с другом в Коксу-Боротальском горном узле [Чупахин 1987]. Климат региона засушливый, с недостаточным увлажнением, в структуре местных высотно-зональных геосистем наблюдается своеобразное сочетание сибирских и среднеазиатских горных видов ландшафтов [Справочник по климату …1967: 109].

В геологическом строении гор Ешкиольмес, которые относятся к западным отрогам Жетысу Алатау с северо-восточной и субширотную ориентировкой, принимают участие девонские эффузивно-осадочные образования, на которых с древности нанесены многочисленные петроглифы. Горы Ешкиольмес приурочены к экзоконтакту небольшого массива гранитоидов с красноцветными песчаниками, конгломератами и известняками нижнего карбона. Лессовые равнины расчленены долинами рек Коксу и ее правыми притоками, наиболее крупными из которых являются ручьи Ащибулак и Жалгызагаш.

Долина р. Коксу имеет три надпойменные террасы и различается по морфологическим особенностям на разных участках (рис. 1, 2). При пересечении гор главного хребта Жетысу Алатау долина имеет вид глубокого ущелья, где только на отдельных расширенных участках видны низкие, а на склонах сохранились надпойменные эрозионные или смешанные террасы. Русло реки имеет крутой склон и ступенчатый профиль. При выходе на межгорную депрессию долина расширяется до нескольких сотен метров и приобретает иной вид. Здесь выделяются три надпойменные террасы и пойма с двумя уровнями. Террасы левобережья имеют смешанный или эрозионный тип, террасы правобережья – аккумулятивные.

* Работа выполнена в рамках проекта фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2026–2028 гг., ИРН № BR20280993.

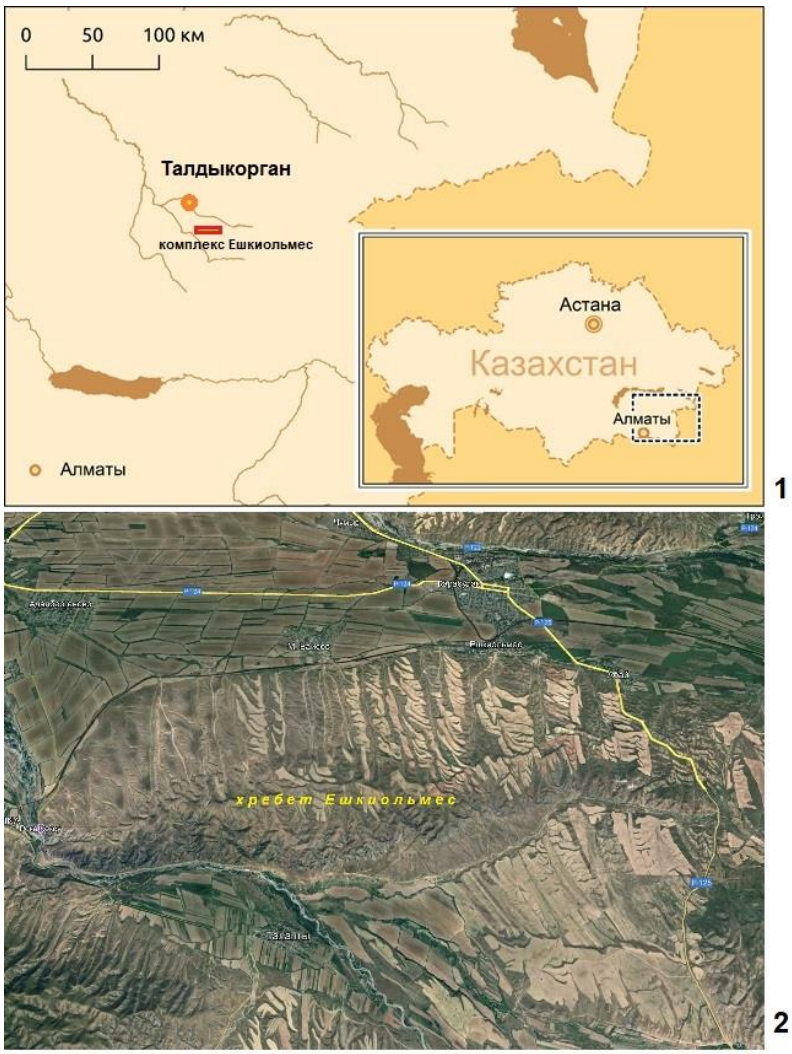

Рис. 1. Географическое положение петроглифического комплекса хребта Ешкиольмес: 1 – на общей карте; 2 – на космоснимке. Составители: 1 – М.А. Антонов; 2 – А.А. Горячев.

Сведения о петроглифах в горах Ешкиольмес были предоставлены в 1981 г. геологом Л.И. Скрынник, и с 1982 по 1988 гг. под руководством А.Н. Марьяшева археологической экспедицией КазПИ им. Абая были открыты и в различной степени исследованы могильники эпохи бронзы и раннего железа Талапты I, II, Куйган I-III, поселения эпохи бронзы Талапты I и Куйган I [Марьяшев, Карабаспакова 1988: 24–39; Марьяшев, Рогожинский. 1991; Марьяшев, Горячев 1993: 11–15; Карабаспакова 2011]. Одновременно проводилось обследование и документирование петроглифов [Марьяшев, Горячев 2002: рис. 93]. Многочисленные памятники, найденные в их округе, служили свидетельством активного использования территории на протяжении последних трех тысячелетий. Богатые природные ресурсы района наряду со специфическими условиями рельефа и климата позволяли здесь активно заниматься земледелием и скотоводством, создавая предпосылки для прочной оседлости населения.

В дальнейшем внимание исследователей было сосредоточено главным образом на документировании основных местонахождений петроглифов и раскопках могильников (особенно интенсивные раскопки продолжились на могильнике Куйган II как наиболее репрезентативном некрополе) и поселений эпохи бронзы, расположенных у подножия хребта на правом берегу долины реки Коксу [Горячев, Егорова 2016: 133–136]. Петроглифы обнаружены в 24-х ущельях хребта Ешкиольмес, среди которых выделяются 5–6 крупных местонахождений. Их общая численность по предварительным оценкам приближается к 25 000 рисункам, что позволяет считать Ешкиольмес крупнейшим памятником наскального искусства Казахстана [Байпаков и др. 2005: 44–50].

В 2008 году завершились работы по теме: «Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Алматинская область». В результате работ в долине реки Коксу и у хребта Ешкиольмес было зафиксировано свыше 70 поселений, скоплений петроглифов и погребальных комплексов с

курганными сооружениями, что нашло отражение в двухтомном издании «Алматинская область. Историко-культурное наследие» [Алматинская область … Т.I., Т.II. 2018]. Начало современного этапа (с 2000-х гг.) изучения памятников эпохи бронзы региона ознаменовалось кардинальным изменением подхода к исследованиям памятников археологии. Значительную роль в понимании процессов расселения племен эпохи бронзы и структуры древних комплексов сыграла реализация серии международных и республиканских проектов. В рамках этих программ проведены естественно-научные исследования, получены калиброванные радиоуглеродные датировки отдельных археологических объектов.

Начаты работы по реконструкции палеоклиматических условий, сырьевой базы и технологий ремесленного производства, хозяйственно-культурного развития и традиций домостроительства в отдельных историко-географических микрорайонах, где Коксу-Каратальская долина стала одним из полигонов для экологических и историко-культурных реконструкций [Аубекеров и др. 2001: 26–34; Goryachev 2004: 109–138; Аубекеров и др. 2009: 48–58; Марьяшев, Горячев 2011: 313–337; Goryachev, Frachetti 2022: 41–45; Горячев, Антонов 2024: 154–179; Рогожинский 2024: 31–43]. В 2003 году в рамках проекта ЮНЕСКО проводились комплексные гео-археологические исследования в горах Ешкиольмес НИПИ памятников материальной культуры МКИиС РК (рук. А.Е. Рогожинский) и Институтом геологических наук НАН РК (рук. Б.Ж. Аубекеров) по созданию компьютерной базы данных CARAD на основе разработки Стандарта документации памятников наскального искусства Центральной Азии и развития региональной сети научного сотрудничества [Памятники… 2004: 74–85]. В 2004–2005 гг. экспедиция НИПИ ПМК продолжила работы с целью определения границ территории и зон охраны объектов культурного наследия гор Ешкиольмес, включенных в Предварительный список ЮНЕСКО (рис. 2, 1).

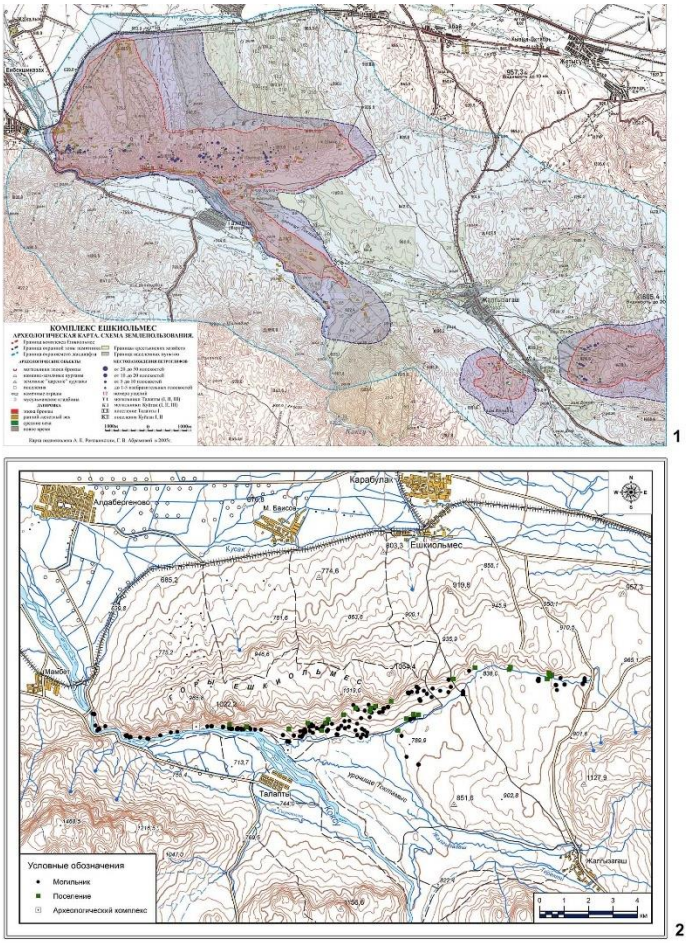

Рис. 2. Карта археологических памятников петроглифического комплекса Ешкиольмес: 1 – граница комплекса по материалам исследований 2003-2005 гг. Составители: 1 – А.Е. Рогожинский, Г.В. Абрамова, 2005 г.; 2 – археологические памятники на южных склонах хребта по материалам исследований 2025 года. Составитель: А.С. Казизова.

В 2015 году экспедицией ТОО «Археологическая экспертиза» обследованы памятники правобережья реки Коксу в районе хребта Ешкиольмес и составлена физико-географическая характеристика долины реки Коксу и ее притоков, получены данные, характеризующие условия проживания и хозяйственной деятельности в микрорайоне древнего населения [Марьяшев, Горячев, Потапов 2017: 91–111]. Позднее Институтом археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК были завершены исследования в рамках республиканского проекта «Сакральная география Казахстана», где комплексу Ешкиольмес отведено особое место культурно значимого памятника наскального искусства [Горячев 2017: 124–126]. Древние поселения, могильники и петроглифы хребта Ешкиольмес стали в этот период объектами серии специализированных исследований по типологии, культурно-хронологической атрибуции и исторической реконструкции [Горячев, Егорова 2015: 352–361; 2020: 123–127; Рогожинский 2024а: 103–120].

В 2025 году Институтом археологии им. А.Х. Маргулана инициирован проект по документации и паспортизации объектов историко-культурного наследия петроглифического комплекса Ешкиольмес на территории Ескельдинского района области Жетiсу. Основной целью этих работ является защита уникального историко-природного комплекса от возможных разрушений и уничтожения в результате современной хозяйственной деятельности. Первым результатам полевых исследований по данному направлению посвящена настоящая работа.

Методы исследования. С целью получения базового материала для паспортизации объектов историко-культурного наследия применялись стандартные методы археологической разведки и документирования: обследование, фото и графическая фиксация, описания комплекса и GPS позиционирование. Составлены характеристики мест расположения поселений и могильников, выявлены особенности форм погребальных конструкций, произведен сбор подъемного материала и определено его функциональное назначение. В результате систематизации материалов разведки составлена предварительная карта археологических памятников у южных склонов хребта Ешкиольмес (рис. 2, 2) и сделан вывод о необходимости проведения экспертизы по всей территории микрорайона с целью присвоения этим объектам статуса памятников истории и культуры регионального и республиканского значения.

Для общего анализа ситуации была проведена дополнительная разведка по космическим снимкам. Полученный список археологических объектов отражает основные микрорайоны, в которых необходимо произвести работы с целью выявления, фиксации, определения охранных зон и составления необходимой для паспортизации документации. Аналогичная ситуация прогнозируется по петроглифам данного микрорайона. Натурное обследование участка исследований южных склонов гор Ешкиольмес производилась методом визуального осмотра признаков устройства жилых и погребальных конструкций, сбора на их территории подъемного вещевого и керамического материала, позволяющего производить первичные культурно-хронологические определения. Исходя из этого опорными ориентирами при проведении разведочных работ стали следы устройства древних поселений, наземные конструкции средневековых жилищ, насыпи курганов и каменные конструкции древних захоронений. Документирование археологических объектов начато с участка восточной оконечности южных склонов хребта и по правобережью рек Коксу и Ащибулак.

Произведены тополандшафтные съемки всех памятников историко-культурного назначения и подготовлены их ортофотопланы. Топографические планы и карта масштаба 1:100 000 оцифрованы в программной среде ArcGIS с использованием современных методов цифровой картографии. В качестве исходных данных были применены топографичекие карты листов L-44-109, L-44-110, также космические снимки высокого пространственного разрешения сервиса Google Earth, загруженные и подготовленные в программе SAS.Planet. Все снимки были объединены в единую мозаику и использованы для оцифровки объектов и создания картографической основы в ПО ArcGIS. В ходе работ выполнена географическая привязка растровых изображений, создание файловой базы геоданных, оцифровка основных топографических элементов. Итоговая карта отражает рельеф, гидрографию, дорожную сеть и другие объекты местности в соответствии с требованиями масштаба 1:100 000.

Методология исследований основана на комплексных методах изучения археологических материалов. Основным исследовательским методом стал историко-археологический анализ, включающий изучение опубликованных и архивных источников, полевых отчётов, а также сопоставление данных различных этапов археологических работ в данном микрорайоне. Дополнительно использовались сравнительно-типологический метод при сопоставлении форм и

конструктивных особенностей археологических объектов, что позволило проследить их историко-культурное развитие. Элементы историографического подхода дают возможность выявить эволюцию научных представлений и исследовательских стратегий на разных этапах изучения комплекса.

Материалы исследования. Исследования Алматинского научного отряда по изучению петроглифов в 2025 году на территории Ескельдинского района области Жетiсу проводились на южных склонах хребта Ешкиольмес от плотины через реку Коксу в 1,5 км к юго-востоку от аула Мамбет до трассы Р125 между аулами Абай и Жалгызагаш в 7 км к северу от последнего. Археологической разведкой был охвачен участок протяженностью 20,5 км в меридианном и 0,5-1,5 км в широтном направлении (по предгорной равнине южного склона хребта Ешкиольмес). Общая площадь обследованной территории составила около 20 км².

Археологическими исследованиями прежних лет в долине реки Коксу и у хребта Ешкиольмес было известно около 70 памятников историко-культурного наследия. В 2003–2005 гг. экспедициями НИПИ ПМК в ходе исследований на более широкой территории было зафиксировано более 120 археологических памятников, а на самом комплексе Ешкиольмес отмечено около 40 локальных скоплений петроглифов.

В 2025 году Алматинским петроглифическим отрядом по данным косморазведки и натурного обследования южных склонов хребта Ешкиольмес найдено 124 археологических памятника различных исторических периодов. По программе полевых работ были документированы 2 многослойных археологических комплекса (Талапты-I, Куйган-I), состоящих их поселений бронзового века и погребальных сооружений раннего железного века и Средневековья (рис. 3). Также зафиксированы 25 древних и средневековых поселений, и стоянок, 97 курганных могильников раннего железного века, в структуре некоторых из них отмечены захоронения позднего Средневековья (3) и 2 кладбища Нового времени. Из всех исследованных и обнаруженных в горах Ешкиольмес памятников наиболее древние относятся к эпохе бронзы. У южных склонов хребта Ешкиольмес отмечены два поселения и две стоянки с материалами позднебронзового века. В районе центральной части хребта на мысу между рекой Коксу и ручьем Ащибулак зафиксировано поселение эпохи бронзы Куйган-I (рис. 3, 2). Памятник расположен на ровной площадке между левым берегом ручья Ащибулак и правым берегом реки Коксу, на пашне и состоит из поселения эпохи бронзы, слой которого установлен раскопом, размерами 12х9м, на глубине ниже 1м могильника, состоящего из 5 курганов раннего железного века (в 2004 году их было еще 14) и 11 этнографических захоронений.

Площадь поселения, по предварительным подсчетам, составляет 6000м². Его центром является крупная площадка подпрямоугольной формы, расположенная в наиболее широкой части мыса. Размеры площадки 52х36 м. На ее территории фиксируются фрагменты керамики, бронзовые изделия и каменные инструменты. Наиболее яркие и датирующие материалы раскопок помимо керамики представлены каменным пестом, бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел, фрагментом долота и однолезвийным ножом (рис. 4, 5-7, 9, 31). Плотные скопления фрагментов керамики обнаруживались по берегу реки и на восточном склоне мыса, где прослеживаются площадки пригодные для жилья. Часть жилищ эпохи бронзы уничтожены в результате постепенного разрушения берега реки Коксу. Вероятно, оно было наиболее крупным поселением земледельцев данного микрорайона.

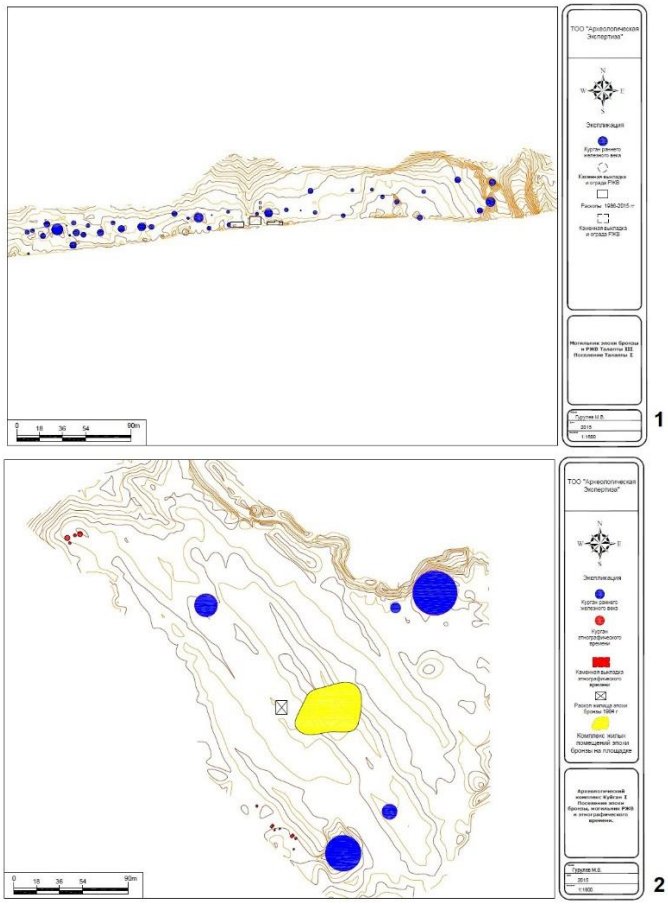

Рис. 3. Топографические планы археологических комплексов с поселениями эпохи бронзы у южных склонов гор Ешкиольмес по правому берегу реки Коксу: 1 – Талапты-I; 2 – Куйган -I. Составитель: Гурулев М.В.

Другим наиболее крупным комплексом эпохи бронзы и раннего железного века в долине реки Коксу в районе хребта Ешкиольмес является комплекс Талапты-I (рис. 3, 1). Памятник состоит из поселения поздней бронзы и могильников андроновского периода эпохи бронзы и раннего железного века. Поселение Талапты-I расположено на правом берегу р. Коксу, на 10–12м выше уровня реки, в 5 км к востоку от западной оконечности хребта, в 600м западнее могильника Талапты-II. Общая площадь поселения, по предварительным подсчетам, составляет 4000². Изучение жилища производилось в полевых сезонах 1987–1989гг. под руководством д.и.н. А.Н. Марьяшева. Раскопано большое жилище (рис. 4, 1), которое представляет собой полуземлянку прямоугольной формы. Котлован жилища составлял грунтовую яму, размерами 16х11 м. Вход в жилище находился с восточной стороны и имел Г-образную форму. Пол в полуземлянке плотно утрамбован, к центру слегка понижался (глубина 1,05–1,2 м), к входу постепенно повышался (глубина 60 см). По периметру жилища располагались столбовые ямы для несущих деревянных конструкций полуземлянки. В центре жилища размещен очаг прямоугольной формы размерами 2,4 х 2,2 м, сложенный из крупных каменных плит, вкопанных на ребро. По его периметру располагались ямы хозяйственного назначения, часть которых выполняли функции холодильных камер для хранения продуктов.

Основной вещевой материал жилища керамический (рис. 4, 10–17, 23). Два сосуда обнаружены внутри северной стенки у входа в жилище. Один из сосудов с узкими каннелюрами по шейке и плавной профилировкой тулова был вставлен в сосуд со слабовыраженным уступом. Архаичность форм и необычность местонахождения позволяют считать эти сосуды ритуальными. У остальной посуды в виде горшков округлые плечики, и только на трех из них имелся уступ при переходе от шейки к тулову. Сохранились фрагменты двух сосудов с валиками по венчику. Орнамент на сосудах беден и размещался полосой по шейке сосуда к плечику, в основном это ряды косых и вертикальных насечек, зигзаги, горизонтальные линии, каннелюры, “жемчужины”, ряды круглых и ромбовидных вдавлений.

Другой материал из жилищ – каменные изделия: песты, точила, терочники, ножевидные пластины, каменные ножи, изделия яйцевидной формы, скребла, мотыга, крышки к сосудам, пряслица (рис. 4, 24–30). Костяные инструменты представлены серией черешковых наконечников стрел листовидной формы, проколок и шильев (рис. 4, 2–4). Интересно, что подобной формы наконечники стрел присутствуют в позднебронзовых батальных сюжетах петроглифов близлежащего ущелья [Марьяшев, Горячев 2002: 31–32, табл.VI: 4,5,15].

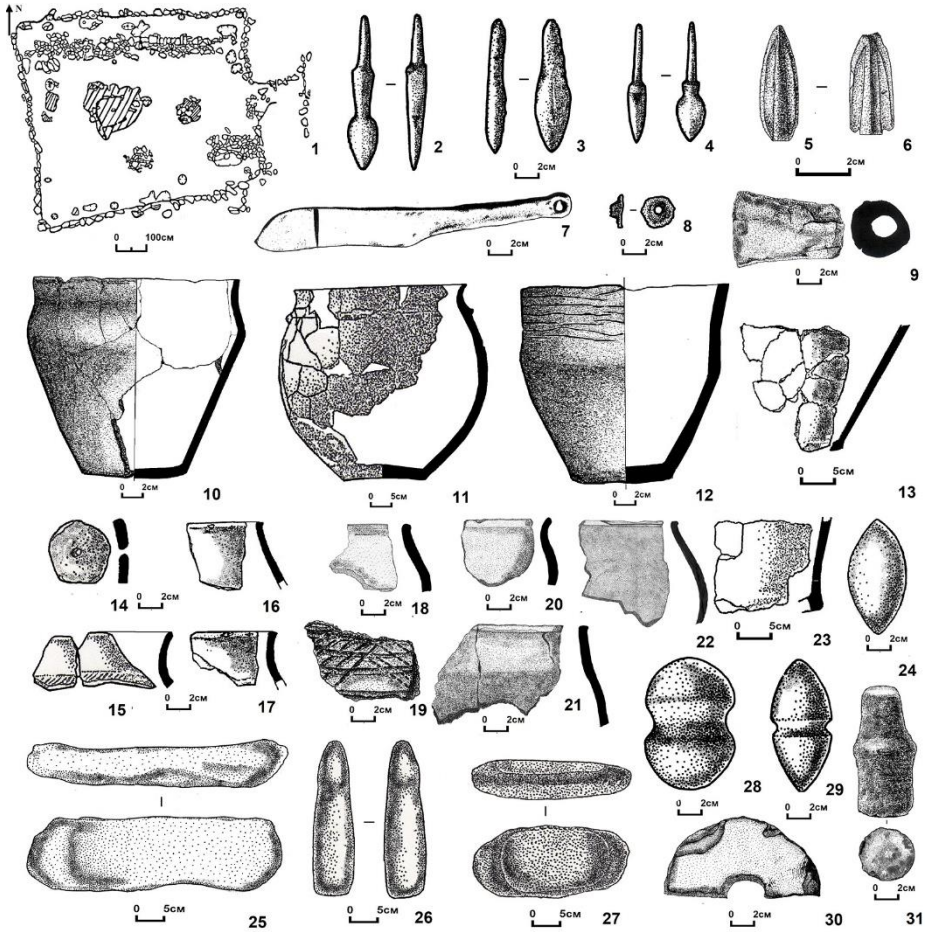

Рис. 4. Материалы исследований археологических комплексов эпохи бронзы Талапты-I и Куйган -I: 1 – план жилища на поселении Талапты-I; 2-4 – кость; 5-9 – бронза; 10-23 – керамика; 24-31 - камень. 1-4, 8, 10-17, 23-29 – [по Марьяшев, Горячев, Потапов 2017]; 5-7, 9, 18-22, 30, 31 – [по Рогожинский 2024].

В структуре 8 могильников раннего железного века также обнаружены погребальные конструкции оград, курганов-оград и погребальных камер в виде каменных ящиков и цист эпохи бронзы. Наиболее крупным памятником исследуемого участка является могильник Куйган-II (рис. 5, 1). Он находится в 10 км вверх по течению по правому берегу р. Коксу от плотины, в 1км к северу от с. Талапты, на выходе из ущелья № 13. Могильник расположен на второй и третьей надпойменных террасах правого берега реки Коксу, структурно сложносоставной. Всего на нем обнаружено 60 оград эпохи бронзы, из них было раскопано 25, в которых зафиксировано свыше 40 погребений. Размеры оград от 3 х 2 м до 8 х 6м, высотой 0,1 – 0,2м. Однако, значительная их часть находится под конусом выноса из ущелья № 13 и на поверхности не прослеживается. Часть оград сползает постепенно в овраг, разрушается полевыми дорогами. В центральной части могильника фиксируются каменные ограды квадратной или прямоугольной форм, внутри которых найдено по одному захоронению в каменных ящиках размерами до 2х1,2м (рис. 6, 1, 2).

Умерших хоронили по обряду трупоположения, скорчено на левом боку, головой на запад. В некоторых случаях внутри или с наружной стороны ограды находятся каменные ящики с захоронениями детей. В западной части могильника обнаружены от двух до семи погребений в каменных цистах внутри каждой ограды, разделенных внутри на несколько секций. Погребальный обряд представлен захоронениями по обряду трупоположения, скорчено на левом боку, головой на

запад или по обряду трупосожжения (рис. 6, 5–7). Прах погребенного обычно фиксируется в виде скопления кальцинированных костей у западной стенки могилы. В некоторых случаях оба обряда встречаются внутри одной ограды, иногда даже в одном погребении. Полученный вещевой и керамический материалы (рис. 6, 8–11, 16–26, 32–34) позволили считать более древними захоронения в западной части могильника и датировать их XVI – XIII вв. до н.э. Погребения эпохи бронзы в центральной части могильника соотносятся с памятниками рубежа II – I тысячелетий до н.э.

Западнее комплекса Куйган вниз по течению реки Коксу экспедицией КазПИ им. Абая в 80-е гг. (рук. Марьяшев А.Н.) обследованы два могильника эпохи бронзы. Могильник Талапты-I находится на верхней террасе противоположного берега р. Коксу в 3 км к северу от одноименного аула (рис. 5, 4). Выявлено и раскопано 18 погребений. Могильник состоял из отдельных каменных оград, которые почти полностью разрушены. Внутри оград отмечены три варианта погребальных сооружений: ящики (10), ящики-цисты (6), цисты (2). Погребальные камеры, в основном ориентированные по оси запад–восток, были заключены в ограды. Захоронения совершались по обряду кремации (3), ингумации (11) и кенотаф (4). Захоронения по обряду ингумации проводились в скорченном положении на левом боку (в одном случае на правом), головой на запад. Керамическая посуда фиксируется в изголовье погребенных. Вещественный материал беден, кроме керамики представлен только бусами (рис. 6, 13, 14, 30).

Могильник Талапты-II находится в 400 м западнее Талапты-I (рис. 5, 3) и состоит из отдельных оград и цепочек оград каменных конструкций квадратной и прямоугольной форм, в которых обычно фиксируется 1–2 захоронения (рис. 6, 3, 4). Раскопано 20 погребений, которые совершались в погребальных камерах четырех типов: в грунтовых ямах (4), в грунтовой яме с прямоугольной выкладкой на дне (5), в ящиках (10), в цисте (1). Почти все захоронения ориентированы по оси запад–восток и совершались по обряду ингумации в скорченном виде на левом боку, головой на запад. В изголовье устанавливалась погребальная посуда. Вещевой материал представлен керамическими сосудами, бронзовыми бусами, проколкой, бляшками, браслетом и двумя серьгами (рис. 6, 12, 27–29, 35). Серьги сделаны из тонкого бронзового листа, свернутого в полую трубочку на органической основе. Один конец заострен и входит в трубчатое расширение другого. Серьги разных размеров – 4,5 и 3 см, меньшая изготовлена необычным способом: органическая основа была обернута золотой фольгой, поверх которой наложен бронзовый лист [Марьяшев, Карабаспакова 1988: 24–39].

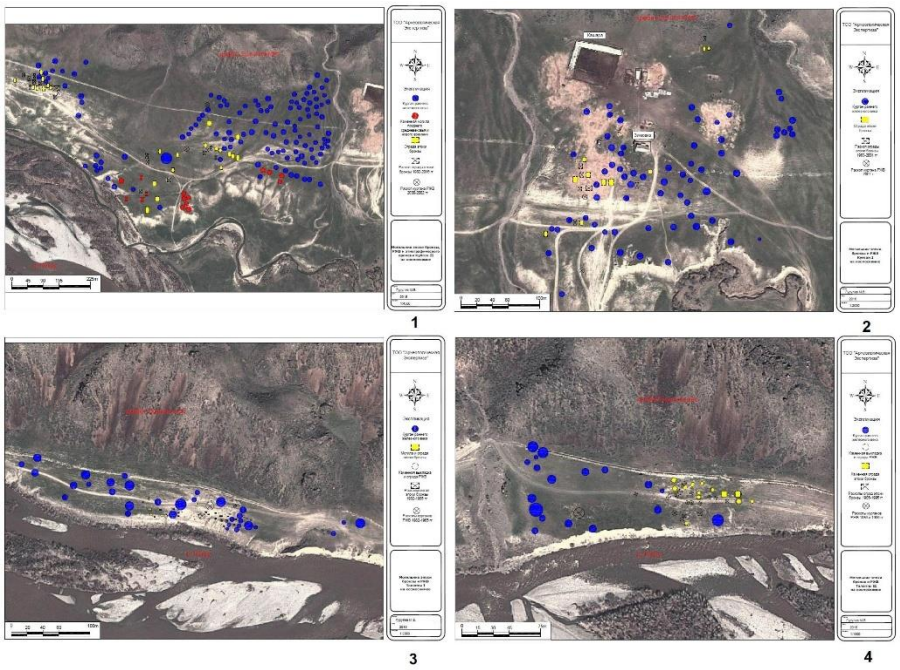

Рис. 5. Исследованные могильники эпохи бронзы и раннего железного века у южных склонов гор Ешкиольмес по правому берегу реки Коксу: 1 – Куйган-II; 2 – Куйган-I; 3 – Талапты-I; 4 – Талапты-II. Составитель: Гурулев М.В.

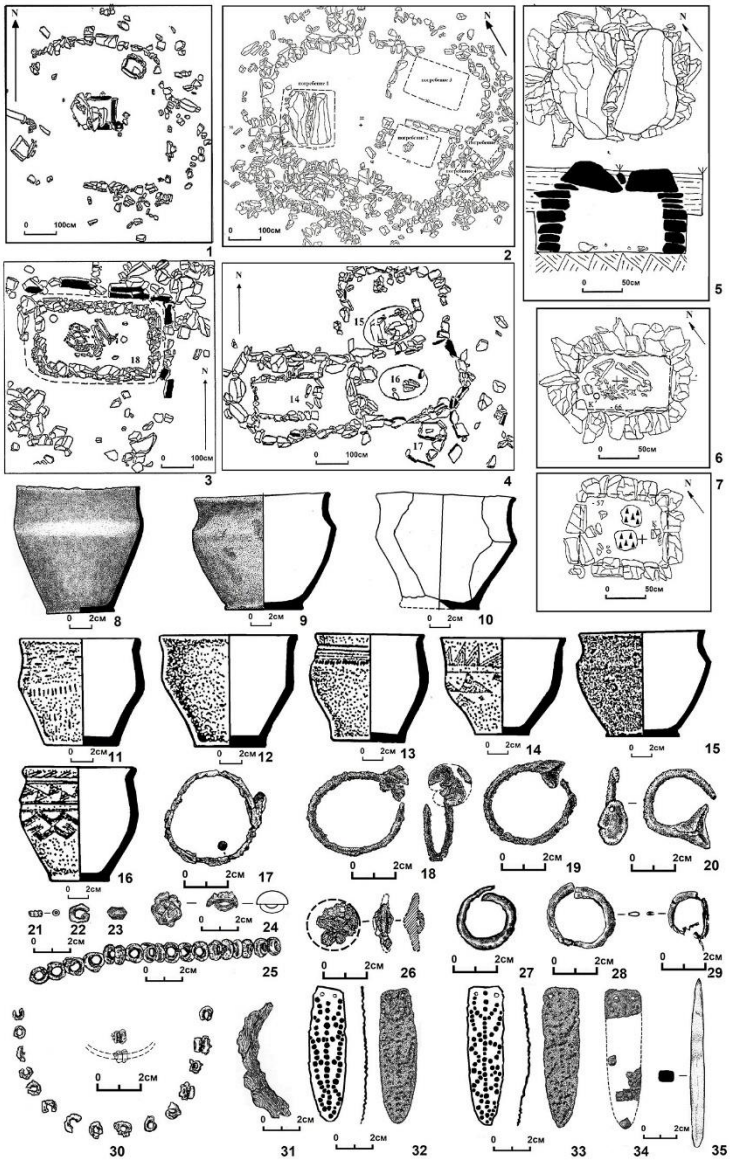

Рис. 6. Материалы погребальных комплексов эпохи бронзы у южных склонов гор Ешкиольмес: 1-7 – планы оград и захоронений на могильниках Куйган-II и Талапты-II; 8-16 – керамика; 17-20, 22-35 – бронзовые изделия и украшения; 21 – пастовая бусина. 1-34 – [по Марьяшев, Горячев, Потапов 2017].

Керамический материал могильников представлен горшками и банками. Керамика могильников Талапты-I и -II отличается единообразием форм и орнаментацией. Горшковидные сосуды в основном имеют плавную профилировку низко посаженного плечика. Баночные сосуды низкие, приземистые, с прямыми стенками. Среди элементов орнамента ведущими являются меандр, каннелюры, косые насечки, ногтевидные вдавления, косые треугольники и зигзагообразные линии.

Однако большинство археологических памятников у южных склонов хребта Ешкиольмес относится к раннему железному веку (104 объекта). В частности, на 14 поселениях и стоянках обнаружен подъемный керамический материал раннего железного века. Как правило, они находятся на пологих склонах с южной экспозицией и состоят из 5-10 полуземлянок (рис. 7, 1, 2). Жилища устраивались на узких площадках в несколько ярусов. Стены выкладывались из камней, кое-где сохранились на высоту около 1м. В некоторых случаях прослеживаются входы в помещения. Наиболее крупные из таких поселений сосредотачиваются обычно в ущельях гор Ешкиольмес с большим количеством петроглифов.

Из 25 обнаруженных жилых комплексов выделяются два крупных поселения позднего Средневековья и Нового времени с хозяйственно-жилыми усадьбами (до 10). Еще 6 стоянок могут быть датированы средневековой эпохой (рис. 7, 3, 4). Данные объекты, как правило, устроены по

правому или левому берегу ручья Ащибулак и представляют собой группы усадеб с хозяйственными пристройками, расположенные группами в 1-2 ряда. На их территории отмечены следы арыков, каналов, зерновых ям и т.д. Часть их расположена в устьях горных ущелий, где обычно фиксируются два-три жилых помещения, расположенных поярусно. Отмечены следы загонов для скота, устроенных под скальными выступом или на выходе из ущелья. Таким образом поселения и стоянки древности и Средневековья у южных склонов хребта Ешкиольмес подразделяются на стоянки скотоводов и земледельческие селения.

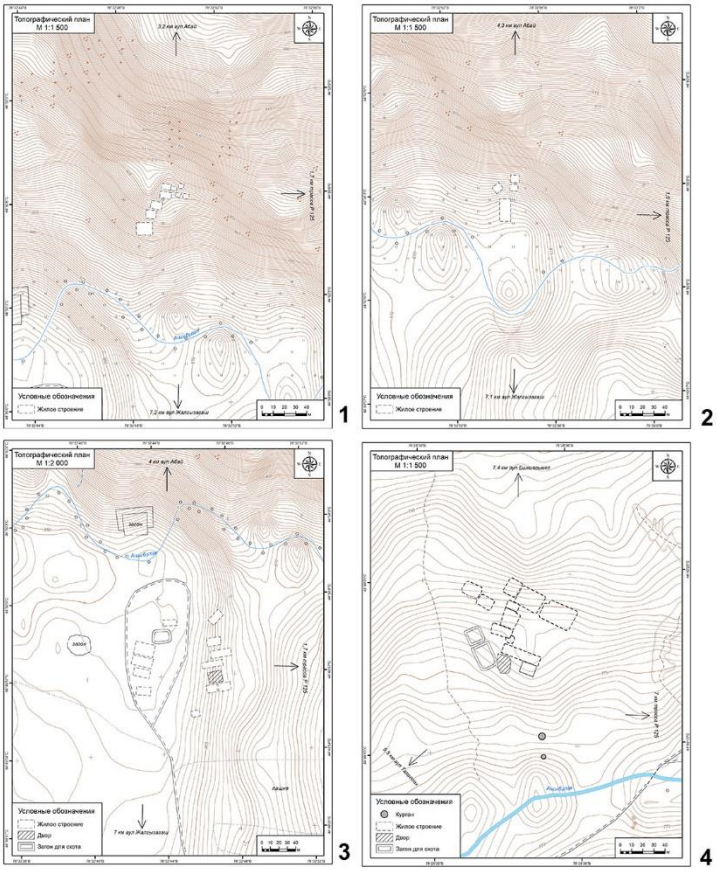

Рис. 7. Топографические планы древних и средневековых поселений и стоянок у южных склонов гор Ешкиольмес: 1, 2 – ранний железный век; 3 – позднее Средневековье; 4 – Новое время. Составитель: А.С. Казизова.

Самую значительную группу составляли могильники раннего железного века (97), которые занимали практически всю террасу правого берега реки Коксу и ручья Ащибулак от западной оконечности хребта до его центральной части (рис. 8, 1, 2). В восточной части курганы этого времени встречаются небольшими группами (5-7 объектов) по вершинам увалов левого берега ручья Ащибулак. Здесь же отмечен единственный «царский» могильник сакского времени, которые в значительном количестве сосредоточены по правому берегу реки Коксу в 1,5-2 км к югу от хребта (рис. 8, 3). Наиболее крупные памятники сосредоточены в центральной части хребта Ешкиольмес, среди них особым образом выделяется разновременной могильник Куйган-II. В состав могильника входят 93 кургана и 13 оград раннего железного века, из которых 6 курганов были исследованы.

Насыпи курганов сложены из земли и камней пологие оплывшие, сильно задернованы, в некоторых случаях в верхней части уплощены. Диаметры насыпей курганов от 4 до 25 м, высота от 0,1 до 2,5 м, по их периметру прослеживаются кольцевые каменные выкладки. В центре могильника расположен наиболее крупный курган диаметром 25 м и высотой 2,5 м. Вокруг кургана прослеживается двойная кольцевая каменная ограда диаметром 40 м. С западной стороны ограды выделяются несколько каменных конструкций разнообразных форм. Местоположение кургана и особенности устройства не исключают ритуальный характер объекта. Часто с западных сторон курганов обнаруживаются каменные жертвенные выкладки округлой формы до 1,5 м в диаметре и овальной размерами до 3х1,5 м. Ограды кольцевых и овальных форм сложены из крупных речных

валунов. Диаметры оград от 3 до 8 м, высотой от 0,1 до 0,4 м. Часть курганов сползает постепенно по берегу ручья, разрушаются полевыми дорогами и оврагами. Курганы и ограды раннего железного века рассредоточены по всей территории могильника компактными группами и цепочками, ориентированными по оси как запад – восток, так и север – юг. Это означает, что могильник этой эпохи формировался постепенно от западной части памятника на восток. Основная часть исследованных курганов относится к периоду от III века до н.э. до II века н.э. [Марьяшев и др. 2017: 98].

Рис. 8. Топографические планы древних могильников и средневековых кладбищ у южных склонов гор Ешкиольмес: 1-3 – ранний железный век; 4 – позднее Средневековье. Составитель: А.С. Казизова.

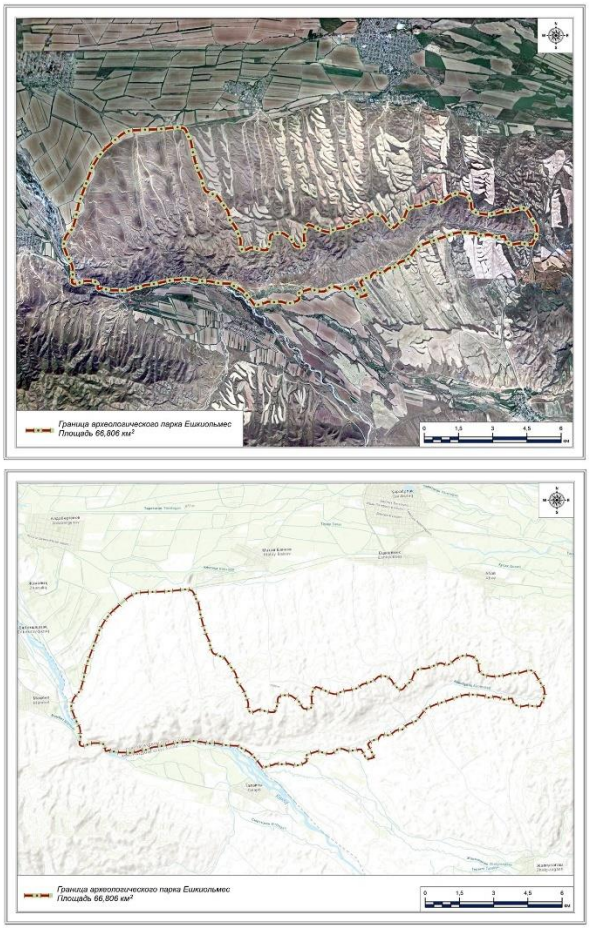

Рис. 9. Предполагаемые границы петроглифического комплекса Ешкиольмес по результатам мониторинга 2025 года: 1 – космоснимок; 2 – топографический план. Составители: А.А. Горячев, А.С. Казизова.

Среди курганов раннего железного века серии могильников по бортам берега реки или ручья встречаются средневековые захоронения. Нередко данные захоронения инициировали возникновение кладбищ позднего Средневековья и Нового времени. Кладбища устроены на вершинах увалов по левому борту ручья Ащибулак (рис. 8, 4). Погребальный комплексы состояли из конструкций земляных оград разных размеров и обнесенных глиняным валом и проложенным рвом по их периметру, а также несколькими десятками могил в виде овальной формы каменно-земляных холмов.

Обсуждение и результаты исследования. Археологические памятники гор Ешкиольмес вместе с живописным ландшафтом и долиной реки Коксу образуют полномасштабный комплекс, воспринимаемый в единстве как культовый центр с сопутствующей хозяйственно-бытовой и мемориальной зоной. Концентрация вдоль южных склонов хребта Ешкиольмес разновременных поселений и могильников, а в горах большого числа петроглифов свидетельствует о важной экономической, общественной и идеологической функции комплекса, которую он выполнял на территории Жетысу в эпоху бронзы, раннего железа, Средневековья и Нового времени.

Наиболее ранние из них могильники Куйган-I, II и Талапты-III датируются андроновским этапом эпохи бронзы, позднее формируются погребальные сооружения на Талапты-I и II, продолжается функционирование комплекса Куйган-II (рис. 5). Если погребальные конструкции и обряд на могильнике Талапты-III соответствует алакульской традиции АКИО, относящейся к первой половине II тысячелетия до н.э., то данные могильников Куйган-I, II демонстрируют смешанный алакульско-федоровский вариант андроновской культуры [Goryachev 2004: 117–123]. Могильники Талапты I и II по типу надмогильных сооружений, обряду захоронения и сопровождающему инвентарю могильник Талапты I близок могильнику Каракудук, находящемуся близ урочища Тамгалы [Максимова 1961: 62–71]. Появление подобных металлических изделий, как по форме, так и по технологии изготовления отмечается на территории Казахстана в

позднеандроновское время [Аванесова 1975: 67–72; Ткачев, Ткачева, 1996: 81] и связывается с развитием федоровских культурных традиций АКИО [Зданович 1988: рис. 69; Аванесова 1991: 53]. Частичные аналогии керамическому комплексу Талапты наблюдаются в федоровских комплексах Жетысу и сопредельных территорий [Марьяшев, Горячев, с. 313–337]. Подобные формы и орнаментация сосудов почти всегда встречаются совместно с валиковой керамикой, что подтверждается раскопками поселения Талапты-I. Эти данные позволяют датировать время функционирования могильников Талапты-I и II от середины II до рубежа II–I тыс. до н.э.

Значительную серию (более 90%) памятников данного микрорайона составляют курганные могильники раннего железного века. Они встречаются на выходе из горных ущелий, на вершинах увалов и по высоким берегам реки Коксу и ручья Ащибулак. Встречаются небольшие группы курганов численностью до 5-6 сооружений, погребальные комплексы, насчитывающие от 10-15 до 40-50 и до сотни объектов, реже отмечены одиночные либо группы по 2-3 каменно-земляные насыпи. Могильники состоят из курганов, вытянутых в цепочки, ориентированные сообразно направлению географических объектов (конусов выносов, русел рек), чаще всего по оси северо-запад – юго-восток. Цепочки сооружений с насыпями крупных размеров ориентированы чаще всего по оси север – юг.

Форма и типология надмогильных сооружений имеет некоторые отличия. Первую группу составляют насыпи курганов полусферической формы со сплошной каменной наброской («панцирем»). Как правило по периметру они усилены кольцевой крепидой из крупных камней. Подобного устройства курганы известны на территории Жетысу в крупных царских некрополях Иссык и Бесшатыр, которые принято относятся к сакскому периоду (VIII-III вв. до н.э.) раннего железного века [Акишев, Кушаев 1963: рис. 3, 10, 53, 65; Акишев 1978: 6–7]. Вторая группа курганов выделяется земляными насыпями в форме «усеченной пирамиды» (уплощенной вершиной) с кольцевой оградой по периметру. Захоронения в них производились в грунтовых ямах с надмогильным каменным закладом по всей площади погребальной камеры. Возможны и комбинированные варианты этих двух типов погребальных конструкций, либо их вариации внутри каждого отдельного вида сооружений. Насыпи с подобными признаками более характерны в регионе для погребальных комплексов усуньского времени (II в. до н.э. – II в. н.э.) поздних этапов раннего железного века [Байпаков и др. 2016: 665–668; Нурмуханбетов, Трифонов 2016: 10–19].

В целом, результаты исследований показали высокую плотность заселения всей территории предполагаемого петроглифического комплекса, что позволило определить его примерные границы. Общая протяженность комплекса по оси восток – запад составляет 20,5 км, а ширина по оси север – юг в восточной части 1–3 км, в центральной части 4–5 км, в западной до 7 км (рис. 9). Общая площадь составляет около 66,8 км². Дальнейшие практические исследования позволят охватить всю структуру комплекса в пределах необходимых для его представления как памятника особой историко-культурной значимости.

Характеризуя археологические памятники в районе хребта Ешкиольмес, следует также отметить, что этот природно-географический микрорайон, благодаря своим особенностям, был плотно заселен в древности и Средневековье. Природно-географическая, климатическая ситуация и экологические условия привели к специфической структуре возникновения и функционирования памятников различных исторических эпох. Предгорная зона, представляющая наиболее удобные для проживания условия, была занята древними племенами земледельцев и ремесленников. Их жилища в бронзовом веке демонстрируют традиции совместного проживания большесемейных групп. Поселения устраиваются на высоких лессовых террасах по берегам речек и ручьев, хозяйственно-жилые комплексы которых представляют собой землянки и полуземлянки, выстроенные в один-два ряда по принципу отдельных друг от друга усадеб.

На первоначальном этапе скотоводство в этом регионе носило характер пастушеского. В эпоху бронзы древние скотоводы занимают практически все экологические ниши горной зоны и устраивают стационарные поселения, которые в наибольшем виде состояли из нескольких дворов. Дома и жилища на этом этапе развития представляли собой каркасно-столбовые конструкции полуземлянок, устроенных как на площадках древних морен, так и врезались в склоны сопок с южной экспозицией. Их поселки в раннем железном веке состояли из отдельных подворий в 2–3 жилища с группой хозяйственных помещений, вынесенных за переделы жилой зоны строения. В Средневековье численность домостроений увеличивается, а хозяйственная часть пристраивается к жилой. Такие дома-усадьбы устраивались обычно в горных условиях в два – три яруса, а по долинам рек в 3–4 ряда.

Погребальные памятники раннего железного века тянутся по правому берегу Коксу на 20-25км почти не прерываясь. Общая численность погребальных сооружений этого времени в микрорайоне достигает свыше 2000 курганов. Отдельные выборочные раскопки погребений этого времени позволили установить, что они принадлежали разным племенам: встречаются захоронения с различного типа надмогильными насыпями, в грунтовых ямах, в каменных конструкциях и в могилах с подбоем с северной стороны. Их этнокультурная принадлежность остается неизученной.

Между земледельцами предгорной зоны и скотоводами горной зоны складывается единая хозяйственно-экономическая система с территориальным разделением видов производств. При циклических изменениях климата она позволяла переходить от одной формы хозяйствования к другой более подходящей в изменившихся экологических условиях. Подобная структура хозяйства способствовала росту благосостояния населения, увеличению территорий охваченных хозяйственной деятельностью людей. Ее окончательное формирование происходит в раннем железном веке, а дальнейшее развитие приводит к системе совместного землепользования данной территории и земледельцами, и скотоводами, близкой к современным условиям.

Выводы. Значимость археологического комплекса хребта Ешкиольмес определяется его высокой культурной, научной, художественной и общественной ценностью. По предварительным оценкам его образуют более 250 памятников разных видов – поселений, могильников, жертвенников и петроглифов, датируемых в интервале от середины II тыс. до н.э. до начала XX вв. Высокая концентрация памятников на ограниченной территории, свидетельствует о большой хозяйственной и культурной значимости этого района Жетысу, сохранявшейся на протяжении более трех с половиной тысячелетий. С учетом географического положения, экологических условий и результатов предыдущих исследований комплекса Ешкиольмес следует предполагать его ключевую роль в системе древних коммуникаций северо-восточных регионов Казахстана, Южной Сибири и Восточного Туркестана.

В целом, на исследуемой территории отчетливо выделяются три основные зоны ландшафта – горы, предгорные подошвы и равнины. Археологические памятники проявляются на дневной поверхности в виде отдельных элементов каменных сооружений или каменно-земляных насыпей. Степень сохранности большинства археологических памятников гор Ешкиольмес удовлетворительная. Исключение составляют курганные могильники на предгорных равнинах, где систематическая распашка создает угрозу их сохранности, нарушает исторический облик данного компонента культурного ландшафта хребта Ешкиольмес. Натурные исследования 2025 года на участке вдоль южных склонов хребта Ешкиольмес позволили выявить 124 археологических памятника. Они представляют собой как жилые, так и погребальные комплексы. Проведенные исследования материалов археологического комплекса гор Ешкиольмес позволяют сделать вывод, что сохранность памятников и ландшафта обеспечивают ценность комплекса Ешкиольмес как потенциального объекта национального и мирового наследия, отвечающего критериям целостности и аутентичности.

Список литературы

Аванесова Н. А. Серьги и височные подвески андроновской культуры // Первобытная археология Сибири. Мандельштам А.М. (отв. ред.). Л.: Наука, 1975. С. 67–72.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент. Изд-во “Фан”, 1991. 202 с.

Акишев К. А. Курган Иссык. М.: «Искусство», 1978. 144 с.

Акишев К. А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1963. 310 с.

Алматинская область. Историко-культурное наследие, том I. (гл. ред. Байпаков К.М.). Алматы: ТОО «Қос-Қос», 2018. 776 с.

Алматинская область. Историко-культурное наследие, том II. (гл. ред. Байпаков К.М.). Алматы: ТОО «Қос-Қос», 2018. 692 с.

Аубекеров Б.Ж., Сала Р., Нигматова С.А., Жакупова Ш.А. Палеоклиматические условия аридной зоны Семиречья в эпоху бронзового и раннего железного веков // Природные и социальные проблемы географии аридных территорий. Материалы науч.-практ. конф. «Жандаевские чтения», 24–25 мая 2001 г. Алматы, 2001. С. 26–34.

Аубекеров Б.Ж., Сала Р., Нигматова С., Деом Ж.-М. Климат, ландшафты и исторические события эпохи номадов на территории Казахстана (зарождение, расцвет и затухание номадизма) // Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: мат-лы науч.-практ. конференции (г.Алматы, 25-26 апреля 2008 г.). Алматы: Дайк-Пресс, 2009. С. 48–58.

Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2016. 672 с.

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Потапов С.А. Петроглифы в горах Ешкиольмес. Алматы: «OST-XXI век», 2005. 226 с.

Горячев А.А. Ешкиолмес, петроглифы // Сакральная география Казахстана / Реестр объектов природы, археологии, этнографии и культовой архитектуры. Под общей редакцией академика НАН РК Б.А. Байтанаева. Выпуск I. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 124–126.

Горячев А.А., Антонов М.А. Памятники эпохи бронзы Жетысу: результаты апробации метода геопространственного моделирования (Юго-Восточный Казахстан) // Археология Казахстана. 2024. № 1 (23). С. 154–179.

Горячев А.А., Егорова Т.А. Сюжеты с великанами в петроглифах эпохи бронзы Жетысу// «Казахское ханство в потоке истории» / Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 550-летию Казахского ханства. Отв. ред. Б.А. Байтанаев, К.М. Байпаков. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 352–361.

Горячев А.А., Егорова Т.А. Андроновские захоронения могильника Куйган-II // «Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования» / Материалы международной научно-методической конференции «VIII Оразбаевские чтения», к 25-летию независимости Республики Казахстан – 1–2 апреля 2016 г. Алматы: Қазақ университеті, 2016. С.133–136.

Горячев А.А., Егорова Т.А. Изображения воинов с оружием в петроглифах эпохи бронзы Семиречья // Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. 1992. Вып. 26 / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. СПб., 2020. С.123–127.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.

Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы: Институт археологи им. А.Х. Маргулана, 2011. 220 с.

Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук //Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. / Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 12. Алма-Ата: Изд-во АН Каз., 1961. С. 62–71.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Вопросы типологии и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья //РА. 1993. №1. С.5-19.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. Издание второе. Алматы: Фонд «XXI век», 2002. 264 с.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Итоги изучения памятников эпохи бронзы Жетысу// Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 313–337.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Потапов С.А. Древние поселения и могильники хребта Ешкиольмес // История и археология Семиречья. Выпуск 5. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 91–111.

Марьяшев А.Н., Карабаспакова К.М. Новые памятники эпохи бронзы Восточного Семиречья //Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1988. С. 24–39.

Марьяшев А.Н., Рогожинский АЕ. Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. Алма-Ата: Гылым, 1991. 81 с.

Нурмуханбетов Б.Н., Трифонов Ю. И. Курганные могильники Шубарат и Молалы (краткая характеристика, культурно-хронологический анализ) // Саки и савроматы казахских степей. Отв. ред. Онгарулы А. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. С. 10–19.

Памятники Казахстана (Тамгалы, Кулжабасы, Ешкиольмес, Арпаузен). Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Отв. ред. Рогожинский А.Е. Алматы: Республиканский НИПИ ПМК Министерства культуры РК, 2004. 177 с.

Рогожинский А.Е. Археологические исследования памятников комплекса Ешкиольмес в 2003–2005 гг. // ИАС. Выпуск 8. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2024. С. 31–43.

Рогожинский А.Е. Новые данные и материалы к изучению памятников Жетысу XVII–XVIII вв. / ИАС. Выпуск 8. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2024а. С. 103–120.

Справочник по климату СССР. Выпуск 18. Казахская ССР. Л.: Гидрометеоиздат, 1967. Редактор Е.И. Ильиных Технический редактор И.К. Грейвер Корректоры: В.С. Игнатова, Г.С. Макарова. 668 с.

Ткачев А. А., Ткачева Н. А. Серьги андроновской культуры (проблема датировки) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. 7. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 76–81.

Чупахин В.М. Высотно-зональные геосистемы Средней Азии и Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. 253 с.

Goryachev A.A. CHARTER IV. The Bronze Age Archaeological Memorials in Semirechye // Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River/Edited by Katheryn M. Linduff. - The Edwin Mellen Press. Lewiston, New York, USA. 2004. P. 109–138. (на англ. яз.).

Goryachev A., Frachetti M.D. Traditions of Settlement in Bronze Age Zhetysu (Kazakhstan) // Kazakhstan Archeology. 2022. № 2(16). С. 24–56. (на англ. яз.).

А.А. Горячев, Т.А. Егорова, А.С. Казизова

Ешкіөлмес жотасының оңтүстік беткейлерін археологиялық зерттеу

Жұмыста Ешкіөлмес тауларының оңтүстік беткейлеріндегі 2025 жылғы археологиялық зерттеулердің жаңа материалдары ұсынылған. Жұмыстың мақсаты шағын ауданның археологиялық ескерткіштерін тіркеу және құжаттау болды. Дала жұмыстары аясында 124 тарихи-мәдени мұра нысаны табылды және құжатталды. Олардың ішінде қола дәуіріндегі елді мекендерден және ерте темір дәуіріндегі жерлеу құрылыстарынан тұратын 2 көпқабатты археологиялық кешен (Талапты-I, Куйған-I) атап өтілді. Қола дәуірінен бастап қазіргі уақытқа дейінгі 25 елді мекен мен тұрақ, ерте темір дәуіріндегі 97 қорған қорымы зерттелді, олардың кейбірінің құрылымында (3) ортағасырлық қабірлер мен 2 жаңа заман зираттары тіркелген. 2025 жылғы далалық зерттеулердің нәтижелері Ежелгі және орта ғасырларда адамдардың өмір сүруінің тұрақты іздерін қамтитын Ешкиолмес жотасының оңтүстік беткейлеріндегі археологиялық кешендердің құрылымы мен хронологиясын ұсынды.

Түйін сөздер: Жетісу Алатауы, Ешкіөлмес таулары, Көксу өзені, петроглифтер, қоныс, қорым, қола дәуірі, ерте темір ғасыры, Орта ғасырлар, Жаңа заман.

A.A. Goriachev, T.A. Egorova, A.S. Kazizova

Archaeological research on the southern slopes of the Eshkiolmes ridge

The paper presents new materials from archaeological research conducted in 2025 on the southern slopes of the Eshkiolmes Mountains. The aim of the work was to record and document the archaeological sites in the micro district. During the fieldwork, 124 historical and cultural heritage sites were discovered and documented. Among them are two multi-layered archaeological complexes (Talapty-I and Kuigan-I), consisting of Bronze Age settlements and Early Iron Age burial structures. Twenty-five settlements and campsites from the Bronze Age to modern times were surveyed, as well as 97 burial mounds from the early Iron Age, some of which (3) contained medieval graves and two new-age cemeteries. The results of field research in 2025 presented the structure and chronology of archaeological complexes on the southern slopes of the Eshkiolmes ridge, containing stable traces of human habitation in ancient and medieval times.

Key words: Zhetysu Alatau, Eshkiolmes mountains, Koksu river, petroglyphs, settlement, burial ground, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages, New Age.

Ш.З. Нурмухамедова
Ташкентский архитектурно-строительный университет
Ташкент, Узбекистан
shoiranurmukhamedova@gmail.com

К истории изучения архитектуры Бактрии-Тохаристана (на примере исследований академика Э.В. Ртвеладзе)

Статья посвящена анализу вклада академика Э.В. Ртвеладзе в изучение архитектуры Бактрии-Тохаристана на территории современной Сурхандарьинской области (Южный Узбекистан) в античный и раннесредневековый периоды. Целью исследования является рассмотрение основных направлений научной деятельности ученого, связанных с археологическим изучением и интерпретацией архитектурных памятников региона. Методологическую основу работы составляют анализ археологических материалов, сопоставление результатов полевых исследований, а также привлечение данных письменных, эпиграфических и нумизматических источников. Особое внимание уделяется исследованиям таких памятников, как Дальверзинтепа, Кампыртепа, Бандыхан, Талашкантепа и Айртам. Рассматриваются проблемы формирования древних городов, особенности фортификационной архитектуры, а также архитектура культовых и погребальных сооружений античного и раннесредневекового времени. Показано, что многолетние исследования Э.В. Ртвеладзе позволили существенно расширить представления о градостроительной структуре и архитектурных традициях Бактрии-Тохаристана и заложили основы комплексного изучения архитектурного наследия данного региона.

Ключевые слова: Бактрия, Тохаристан, архитектура, археология Центральной Азии, фортификация, древние города, Э.В. Ртвеладзе.

Введение. Имя Эдварда Васильевича Ртвеладзе широко известно не только в Узбекистане, но и далеко за его пределами. Его роль в развитии и популяризации среднеазиатской науки, в том числе истории, археологии, нумизматики, эпиграфики, архитектуры, неоценима. Исследования ученого всегда отличались широтой научного материала, обоснованием и привлечением различных артефактов, полученных в результате работ в многочисленных археологических экспедициях. Удивительная работоспособность (известная среди его коллег), огромная сила воли, умение и способность проводить глубокий анализ, а самое главное – абсолютная преданность своей профессии способствовали тому, что он стал одним из выдающихся ученых современности.

Главным делом его жизни стала археология, а точнее полевая археология. Весь пройденный путь ученого и его главные научные открытия были связаны с Сурхандарьинской областью, с великой Амударьей и изучением загадочной бактрийской цивилизации. Этот регион оказался насыщенным памятниками древней архитектуры – начиная с эпохи бронзы до кушанского периода, особенно долина Шерабаддарьи и Сурхандарьи, чему способствовали такие факторы, как благоприятные географические условия и относительно стабильная политическая ситуация (в кушанский период). Именно здесь, начиная с 1967 г. он начал многолетнюю работу в составе Узбекистанской Искусствоведческой комплексной экспедиции (УзИскЭ, созданной в 1960 г.) под руководством своего учителя – Г.А. Пугаченковой (Нурмухамедова 2012: 150). Первым его объектом были раскопки храмового комплекса цитадели городища Хатын-Рабат (знаковым для него памятником), начатые еще в 1967 г. Маршрутные и сплошные исследования древних городищ Северной Бактрии, таких, как Хатын-Рабад, Талашкан-тепа (в Шерабадском районе), Бандыхан, Дальверзинтепа, Шуробкурган, Кампыртепа (Гагаринский район), а также средневековых памятников позволили изучить памятники Сурхандарьинской области и составить о них наиболее целостную картину.

Методология исследования. В основу исследования положен анализ археологических материалов, полученных в ходе многолетних полевых исследований, проведённых Э.В. Ртвеладзе и его коллегами на территории Северной Бактрии и Тохаристана. Используются данные археологических раскопок, археолого-топографических обследований, а также сведения письменных источников, эпиграфики и нумизматики. Применяется сравнительно-исторический и историко-архитектурный анализ.

Основные результаты и выводы.

Античный период. С 1968 г. было начато обследование и многолетнее изучение городища Дальверзинтепа – его цитадели, храмового комплекса, науса. Так, по стратиграфическим наблюдениям им было определено, что объект Дт-7, расположенный у городской стены, размерами 32х20 м, представляющий собою глухую платформу в обводе узких П-образных коридоров, является храмом бактрийской богини Наны (Пугаченкова, Ртвеладзе 1978: 89), о чем также свидетельствовал сюжет живописного панно. Не менее интересным было открытие науса – погребального сооружения (13х12,5 м) с планировкой в виде центрального коридора с расположенными от него склепами (по 4 с каждой стороны). Изучение этого здания позволило ученому выявить смену религиозных воззрений и существовавший в позднекушанское и кушанское время на территории только Северной и Южной Бактрии погребальный обряд – безоссуарные захоронения костей, близкого к зороастрийским.

Э.В. Ртвеладзе особое внимание уделял проблемам формирования древних городов, а также военной архитектуры. Так, обследованное им в 1974 г. в кишлаке Бандыхан 3 поселения позволили определить 3 этапа культурного развития в 1-й-пол. нач. 2-й пол. I тыс. до н.э. В 1972 г. городище Талашкантепа (круглое в плане диаметром 130 м) с мощными монолитными стенами и 14 полукруглыми башнями, позволило раскрыть бактрийскую фортификацию VI-IV вв. до н.э. (Ртвеладзе 2020: 228). А обнаружение в горном проходе у кишлака Дербент мощной стены кушанского периода I-II вв. н.э. (объединенные в древности и средневековье под общим названием Дербент или Железные ворота), возвышавшейся над долиной Шуробсая на 400 м, определить северо-западную границу Бактрии Кушанского государства (Ртвеладзе 2003). Ученым было предложено 3 пояса оборонительных сооружений: пограничные стены и крепости, государственные крепости для надзора за распределением воды и государственные крепости, контролировавшие переправы через Амударью. Изучение бактрийской фортификации позволило ему подготовить статью и доклад на тему «Bactrian fortification genesis and evolution in their social and cultural aspect» для участия на международной конференции в Вальбоне (Франция) в 1982 г.

К моменту открытия Э.В. Ртвеладзе Тохаристанской археологической экспедиции (ТАЭ), организованной им в 1999 г., за плечами ученого были многочисленные маршрутные исследования, защита докторской диссертации (в 1989 г.), научные поездки и чтение лекций в Японии, Италии и Франции (в том числе и участие в работах Французской археологической экспедиции на Кипре), избрание действительным членом АН РУз (в 1995 г. по специализации «исторические науки»). Весь накопленный в многочисленных экспедициях опыт позволил ученому сконцентрироваться на глубоком и всестороннем изучении городища Кампыртепа, открытого еще в 1972 г. во время археологической рекогносцировки в долине Амударьи. Эти раскопки, которые Ртвеладзе называл Оксийской кампанией, имели широкомасштабный характер, связанный не только с всесторонним изучением данного городища, но и углубленным изучением юго-западной части Сурхандарьинской области. С архитектурной точки зрения появилась возможность определения градостроительных принципов данного городища, «уникальная возможность исследования не отдельных жилых помещений…, а жилых кварталов в целом» (Ртвеладзе, Алпаткина 2009: 43), так как осуществлено полное вскрытие городища. Использование всех трех видов стратиграфических исследований позволили составить четкое представление обо всех периодах и этапах обживания городища (эллинистического, юеджийского, парфянского и кушанского), а выдающимся достижением этих исследований, по мнению Э.В. Ртвеладзе, «стало открытие самого раннего в Трансоксиане греко-македонского фруриона, возведенного при Александре Македонском на правом берегу Окса (Амударьи)» (Ртвеладзе 2009: 4), и также то, что Кампыртепа был одним из основных культовых центров Бактрии эпохи эллинизма, о чем свидетельствовал величественный храм, возвышавшийся над Оксом на высоту более 20 м. Всестороннее многолетнее изучение градостроительной культуры данного городища, его мощной фортификации и архитектуры позволили ученому доказать тот факт, что на Кампыртепа когда-то располагалась легендарная Александрия Оксианская Птолемея.

Неординарность его научный мысли позволяли находить новые ракурсы и взгляды на уже сложившиеся определения с помощью археологических данных. Многие проблемы, которые рассматриваются в его работах, с точки зрения истории и теории архитектуры, являются своего рода уникальными, т.к. его исследования носят всеобъемлющий характер с привлечением в раскрытии той или иной проблемы результатов археолого-топографических и географических исследований, данные нумизматики, древних (к примеру, бактрийских) надписей. Так, к ним можно отнести исследования пещерного комплекса Кара-Камар и трактовку его «как Митреум, т.е. святилище Митры» (Аршавская 1992: 7); выявление факта обживания в кушанский период на территории Северной Бактрии т.н. куэст (труднодоступных скал) и возведения на них крепостных сооружений.

Чтение и переводы древних надписей (к примеру, бактрийской монументальной надписи) позволили ученому по новому трактовать культовый комплекс на Айртаме (вопреки сложившемуся мнению о буддийском его характере) (Массон 1935) как династийный храм, посвященный культу кушанского царя Хувишки (Ртвеладзе 2018); функции монументального здания в Халчаяне, определявшегося Г.А. Пугаченковой как дворец кушанского рода Гераичей, были пересмотрены и, по мнению Э.В. Ртвеладзе, первоначально это был дворец верховных правителей Больших Юечжей, превращенный в последующем в храм обожествленных предков (История государственности 2009: 460).

Средневековый период. Кроме памятников античного периода, в его обширных исследованиях следует выделить и изучение архитектуры Сурхандарьинской области ранне- и средневекового периодов. Так, к ним можно отнести локализацию упомянутых в письменных источниках городищ и селений Северного Тохаристана раннесредневекового периода – столицы одноименной области Чаганиан (на месте городища Будрач), отождествление крупного селения Наванактепа со средневековым селением Навандактепа (Ртвеладзе 1978: 115), селений Дерзенги и Баранги.

Исследования скальных погребений Биттепа (западная часть Сурхандарьинской области) позволили ученому определить необычные типы погребальных сооружений VII-VIII вв. н.э. и их устройство, характерных для всего Северного Тохаристана (Ртвеладзе 1986). Кроме этого, некоторые планировочные особенности биттепинских склепов – наличие П-образной входной рамы, расчленение камеры с 4-х сторон глубокими арочными нишами, наличие парусов в виде полуциркульного свода в углах камеры, позволило Ртвеладзе предположить, что архитектура склепа Биттепа является «одним из звеньев в цепи генезиса мусульманских мавзолеев» (Ртвеладзе 1982: 34). Впервые благодаря археологическим вскрытиям, осуществленным во время работ на амударьинском острове Арал-Пайгамбар (недалеко от Термеза), были получены принципиально новые факты не только по истории сложения памятников и уточнению их датировки, но и об их архитектурно-планировочных, стилистических и декоративных особенностях таких малоизученных памятников, как архитектурный ансамбль Зу-л Кифл (Ртвеладзе, Аршавская 1978), древнейшую многоколонную мечеть на территории Средней Азии на Саполтепа (в 28 км от городища Будрач), относящегося к XI-XII вв. Итогом многолетних работ стала монография «Средневековые памятники Сурхандарьи» (1982 г.), подготовленная З.А. Аршавской, Э.В. Ртвеладзе и З.А. Хакимовым, в которой охвачены все изученные на тот момент времени архитектурные и археологические памятники данной области.

Следует отметить вклад Ученого в подготовку «Свода памятников истории и культуры Узбекистана», основной целью которой было сохранение архитектурного наследия. Так, в 1967 г. Академией наук и Министерством культуры тогдашнего СССР было принято решение о создании многотомного Свода исторических и культурных памятников, находящихся на территории Советского Союза. По сути, целью было создание энциклопедического справочника, куда были бы включены как наземные памятники, так и археологические объекты. В данной работе активное участие принимали и ученые из Узбекистана, включившиеся в работу в августе 1973 г. по решению правительства. Над памятниками архитектуры и монументального искусства работал коллектив сотрудников НИИ Искусствознания. Э.В. Ртвеладзе редактировал сурхандарьинский Свод памятников и ему принадлежит авторство 198 статей-справок и вводный историко-географический очерк. Энциклопедические знания Ученого позволили успешному созданию труда, «в котором раскрыта история культуры региона от начала зарождения цивилизации до наших дней» (Бабаджанова 1992: 8). И такая работа была выполнена впервые, так как объединила вместе труд археологов, историков, искусствоведов и архитекторов.

Можно заключить, что многолетними исследованиями Э.В. Ртвеладзе, во многом благодаря археологическим и археолого-топографическим работам, были заложены основы в познание древней архитектуры Бактрии-Тохаристана. Среди 500 археологических объектов, выявленных на территории Сурхандарьинской области, ко многим из них ученый имеет непосредственное отношение (к примеру, осуществленные им раскопки на Бандыхане, Талашкантепа, Айртаме, Дальверзинтепа, Кампыртепа, Будраче). На их основе были раскрыты принципиально важные для архитектуроведческой науки Узбекистана проблемы, такие как формирование городов Бактрии-Тохаристана и их классификация (подразделение их на 4 группы: крупные города, средние города и небольшие городки), типология и генезис городских поселений кушанского периода на данной территории (Ртвеладзе 1974), фортификационная архитектура, а также архитектура древних культовых и погребальных сооружений, что, по сути, было сделано впервые и имело уникальный

характер, так как изучались памятники ахеменидского, греко-бактрийского и кушанского периодов. Итогом многолетних исследований стала защита докторской диссертации на тему «Древняя Бактрия – средневековый Тохаристан. Динамика историко-культурного развития» (1989 г.), а также издание монографии «Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье» (1990 г.) совместно с Г.А. Пугаченковой.

Список литературы

Аршавская З. Штрихи к портрету ученого // Маскан. Ташкент, 1992. №5,6. С.6-7.

Бабаджанова Г.И. Феномен Ртвеладзе // Маскан. Ташкент, 1992. №5,6. С.7-8.

История государственности Узбекистана (вторая половина II тыс. до н.э. – III в. н.э.). Отв. ред. Э.В. Ртвеладзе, Д.А. Алимова. – Ташкент: Узбекистан, 2009. Т. I.

Массон М.Е. Скульптура Айртама // Искусство, 1935. – №2.

Нурмухамедова Ш. Основные этапы изучения памятников архитектуры Средней Азии античного периода (по материалам археологических экспедиций) // Очерки по истории искусств Узбекистана. Древность и средневековье. – Ташкент, 2012. – С. 144-156.

Ртвеладзе Э.В. О генезисе кушанских поселений Северной Бактрии // ВДИ. М., 1978. №4. С.108-116.

Ртвеладзе Э.В. Обнаружение средневекового селения Навандак в области Саганиан // ИМКУ. Ташкент, 1978. №14. С.114-119.

Ртвеладзе Э.В., Аршавская З.А. Архитектурный комплекс Зу-л Кифл // АСУ. Ташкент, 1978. №1. С.36-39.

Ртвеладзе Э.В. Новые материалы из Чаганиана (К проблеме происхождения среднеазиатских центрических мавзолеев) // АСУ. Ташкент, 1982. №6. С.33-35.

Ртвеладзе Э.В. Стена Дарбанда Бактрийского // ОНУ. Ташкент, 1986. №12. С.34-39.

Ртвеладзе Э.В. Средневековый могильник Бит-тепе в Чаганиане // СА. М.,1986. №4.

Ртвеладзе Э.В. Фортификационные сооружения на северных границах Кушанского государства // Маскан. Ташкент, 1992. №5,6.

Ртвеладзе Э.В. К вопросу о петрах // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Сб. научных статей, посвященных археологическим исследованиям в Сурхандарьинской области. – Ташкент, 2001. С.7-11.

Ртвеладзе Э.В. Дар-и Аханин – Дарбанд // Труды Байсунской экспедиции. – Ташкент, 2003. Вып.1. С. 13-22.

Ртвеладзе Э.В. От автора // Кампыртепа – Александрия Оксианская: город-креопсть на берегу Окса в эллинистическое и постэллинистическое время (кон. IV в. до н.э. – I в. до н.э.). Материалы Тохаристанской экспедиции. – Ташкент, 2009. Вып. 7.

Ртвеладзе Э.В. Айртам – династийный храм царя Хувишки // ВДИ. М.,2018. №78 (2).

Ртвеладзе Э.В. Бактрия прекрасная Бахди. История и культура от эпохи поздней бронзы до падения Ахеменидов. – Санкт-Петебург, 2020. 251 с.

Тохаристанская археологическая экспедиция. 1999-2009. Страницы истории // Материалы Тохаристанской экспедиции. – Ташкент, 2009. Вып.VII. 99 с.

Ш.З. Нурмухамедова

Бактрия–Тохарстан сәулет өнерінің зерттелу тарихына (академик Э.В. Ртвеладзенің зерттеулері негізінде)

Мақала академик Э.В. Ртвеладзенің қазіргі Сурхандария облысы (Оңтүстік Өзбекстан) аумағындағы Бактрия-Тохаристан сәулетін антикалық және ерте ортағасырлық кезеңде зерттеуге қосқан үлесін талдауға арналған. Зерттеудің мақсаты - ғалымның өңірдегі сәулет ескерткіштерін археологиялық тұрғыдан зерттеу және ғылыми түсіндірумен байланысты ғылыми қызметінің негізгі бағыттарын қарастыру. Зерттеудің әдіснамалық негізін археологиялық материалдарды талдау, далалық зерттеулер нәтижелерін салыстыру, сондай-ақ жазба, эпиграфикалық және нумизматикалық деректерді пайдалану құрайды. Ерекше назар Дальверзинтепа, Кампыртепа, Бандыхан, Талашкантепа және Айртам сияқты ескерткіштерге аударылады. Сонымен қатар ежелгі қалалардың қалыптасу мәселелері, фортификациялық сәулет ерекшеліктері, сондай-ақ антикалық және ерте ортағасырлық кезеңдегі культтік және жерлеу құрылыстарының сәулеті қарастырылады. Э.В. Ртвеладзенің көпжылдық зерттеулері Бактрия-Тохаристанның қала құрылысы құрылымы мен

сәулет дәстүрлері туралы түсініктерді едәуір кеңейтіп, осы өңірдің сәулет мұрасын кешенді зерттеудің негізін қалағаны көрсетіледі.

Түйін сөздер: Бактрия, Тохаристан, сәулет, Орталық Азия археологиясы, фортификация, ежелгі қалалар, Э.В. Ртвеладзе.

Sh.Z. Nurmukhamedova

On the History of the Study of the Architecture of Bactria–Tokharistan (Based on the Research of Academician E.V. Rtveladze)

The article analyzes the contribution of the academician Edvard Rtveladze to the study of the architecture of Bactria-Tokharistan within the territory of the modern Surxondaryo Region (southern Uzbekistan) during the Ancient and Early Medieval periods. The aim of the research is to examine the main directions of the scholar's scientific activity related to the archaeological investigation and interpretation of architectural monuments of the region. The methodological basis of the study includes the analysis of archaeological materials, comparison of the results of field investigations, as well as the use of data from written, epigraphic, and numismatic sources. Particular attention is given to the study of such sites as Dalverzin-Tepe, Kampyrtepa, Bandykhan, Talashkantepa, and Ayrtam. The article discusses the problems of the formation of ancient cities, the features of fortification architecture, and the architecture of cult and funerary structures of the Classical and Early Medieval periods. It is shown that the long-term research of Edvard Rtveladze significantly expanded the understanding of the urban structure and architectural traditions of Bactria–Tokharistan and laid the foundations for the comprehensive study of the architectural heritage of this region.

Key words: Bactria, Tokharistan, architecture, Central Asian archaeology, fortifications, ancient cities, E.V. Rtveladze.

Н.Ж. Торежанова, Ж.Ж. Суиндик, О.А. Мякишева, М. Шергазынулы
Национальный центральный музей Республики Казахстан
Алматы, Казахстан
nabi2nabi@mail.ru

Археологические исследования могильника Караешки (материалы кургана №12)*

В статье представлены результаты полевых исследований, проведённых археологической экспедицией Национального центрального музея РК в 2025 году. Основное внимание уделено кургану № 12 могильника Караешки III, расположенного в центральной части долины, на слегка наклонной предгорной террасе, в 7 км восточнее поселка Комирши (Алматинская обл.). Целью исследования является выявление и комплексное изучение археологических памятников долины реки Кеген, определение особенностей и связей между разновременными памятниками и их музеефикация. В ходе исследований проанализированы конструктивные особенности кургана № 12, что дало возможность получить новые данные о ритуально-погребальной культуре древних жителей региона. Представлены новые артефакты, найденные в ходе полевых исследований. Изучена форма найденного керамического сосуда, датируется III в. до н.э. – II в. н.э.

Методологическую основу работы составили такие основные принципы научно-исторического познания, как объективность, историзм, системность и конкретность, а также применяемый в исторических исследованиях ценностный подход.

Результаты исследований памятников урочища Комирши, доказывают, что памятник характеризуется особой уникальностью и редкостью: наслоением нескольких культурных и исторических пластов, включающих памятники от стоянок первобытных людей до нового времени. Также в статье приводится историография изучения археологических памятников долины реки Кеген.

Ключевые слова: Кеген, Караешки, саки, могильник, курган, погребение, музей, артефакт, археология, сосуд.

Введение. В 2025 году экспедицией Национального центрального музея Республики Казахстан были проведены археологические исследования в рамках грантового финансирования научного проекта «Археологические и этнографические памятники Кегенской долины: топография, культурно-хронологический аспект и музеефикация» на могильнике Караешки III, расположенном восточнее села Комирши, Райымбекского района Алматинской области. Изучаемый район находится в юго-восточной части Алматинской области, на южной стороне хребта Кетмень. Археологические и этнографические памятники урочища Комирши образуют единый историко-археологический комплекс, уникальность которого заключается в разнообразии типов памятников различных эпох, что позволяет отслеживать развитие древних культур на разных этапах истории региона, включая древнюю, средневековую и современную эпохи.

Целью исследования является комплексное изучение археологических памятников, расположенных на могильнике Караешки. Основная задача исследования заключалась выявлении и фиксировании сако-усуньских археологических памятников. Типологическая и хронологическая атрибуция археологических артефактов, исследование погребального обряда, определение идеологических представлений населения региона.

Изученный материал позволит перейти от археологических фактов, их констатации, к реконструкции исторических процессов в регионе. Исследуемые памятники на фоне неповторимого культурно-исторического ландшафта будут законсервированы и подготовлены к музеефикации.

Материалы и методы. Могильник Караешки III расположен в долине реки Кеген. Всего в могильнике насчитывается более 30 насыпей. Курганы ориентированы по направлению С-Ю. Насыпи округлой формы, в средней части и по верху имеют кольцевые выкладки из крупных камней. С западной стороны курганов наблюдаются несколько жертвенных оградок круглой формы «сегіз тас» из шести-восьми крупных камней. С восточной стороны могильника зафиксированы две оградки тюркского времени подквадратной формы со стелами с восточной стороны (Онгарулы и др. 2020: 94).

* Статья подготовлена в рамках грантового финансирования научных проектов на 2024–2026 гг., Комитета науки МНВО РК, ИРН программы AP23489461.

В ходе исследования проведено комплексное топографическое изучение археологических памятников могильника Караешки, зафиксирована планиграфия и стратиграфия объектов, с последующей картографической фиксацией, описанием объектов и привязкой к местности в формате GPS, а также применялась фотофиксация и описание слоя. Съёмка памятников проводилась при помощи навигационных спутниковых систем с использованием тахеометра SOUTH NTS-362R6, квадрокоптера Dji Mavic 3 PRO и спутникового навигатора GPS Garmin.

Результаты и обсуждение. Комплексное археологическое исследование долины реки Кеген было начато в 1956 году. С целью создания «Археологической карты Казахстана» организована Семиреченская археологическая экспедиция под руководством К.А. Акишева. Основной задачей Семиреченской археологической экспедиции было составление археологической карты двух областей Семиречья – Алма-Атинской и Талды-Курганской (Акишев, Агеева, 1958: 9). Маршруты разведки прошли по направлениям: от Алматы на запад до Курдайского перевала, с заездами на юг до поселка Красногорка (соврем назв. Улькен Сулутор) и Горноникольское, Каракастек, на север – до урочища Кендыккара и Кокпакты и вдоль р. Куртинки (до поселка Акши), по среднему течению рек Аксенгир и Жиренайгыр. На восток от Алматы до поселка Шилик, Жаланаш, Нарынкол и Чунджи (Агеева, 1956; Харипова и др., 2024: 5-16).

При обследовании этой территории К. Акишевым были выделены 6 микрорайонов наибольшего сосредоточения больших курганов: Алматинский, Иссыкский, Бериктасский, Сырдарья-Таласский, Бесшатырский, Кегенский микрорайоны, представляющие большой интерес для проведения исследований. В Жетысу особенно можно выделить огромные так называемые царские курганы могильников Бесшатыр, Тургень и Кегень.

В Кегенской долине были открыты множество курганных могильников, поселений, мазаров у сел: Кегень, Аксай, Узунбулак, Каркару, Акбеик, Сарыжас, Нарынкол и др. (Археологическая карта Казахстана, 1960: 326-333).

Научный сотрудник Института археологии им. А.Х.Маргулана Айнагуль Ганиева в своих исследованиях отметила, что в начале 1960-х годов Семиреченская археологическая экспедиция под руководством К. Акишева достигла значительного прорыва в изучении культуры древних усуней в Кегенской долине. Экспедиция обнаружила и документально зафиксировала десятки могильников, включая тысячи курганов и оградок, а также 19 зимовок-поселений, сотни наскальных писаниц и менгиры (По следам Семиреченской археологической экспедиции. Дата посещение: 14.05.2026).

В разные годы (1961-1966 гг.) Семиреченской археологической экспедицией под руководством К.А. Акишева раскопаны: зимовка-поселение Актас II и больше ста курганов рядовых насельников «усунь», в могильниках Акшокы II-III, Сарытау I-II, Актас I-VIII долины реки Кегень. Зимовка-поселение Актас II – новый тип памятника для Жетысу и датируется I-VI вв. н.э. (Акишев, 1969: 30-47).

Также в 2012 году совместной Казахско-корейской экспедицией были проведены поисково-разведывательные работы в долине реки Кегень с целью обнаружения новых памятников III в. до н.э. – II в. н.э. Работа проходила по маршруту с. Актас – с. Комирши – с. Шалкоде – Кисык – Катартобе – Алтынкен – Акбулак – с. Тузколь – с. Карасаз – с. Кеген – с. Болексаз – с. Ереуил – с. Кеген. Экспедицией были зафиксированы могильники Караешки III, Караешки I (Онгарулы и др. 2020: 63, 64, 94).

Могильник Караешки, расположен в центральной части долины, на слегка наклонной предгорной террасе. Параллельно руслам временных водотоков, спускающихся со склонов, прослеживаются цепочки курганных погребений в направлении север–юг. Из цепочки небольших погребений нами был выбран курган №12 (рис. 1).

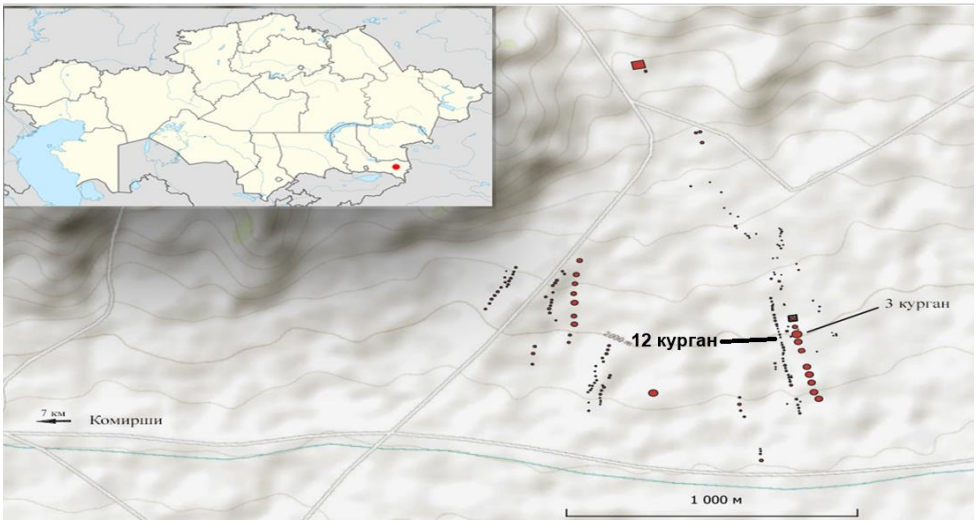

Рис. 1. Карта расположения курганов могильника Караешки, курган №12

Насыпь кургана округлой формы, каменно-земляная, диаметром 10,40 м, высотой 0,44 м. Было принято решение для изучения использовать стандартную методику оставив бровки С-Ю З-В шириной 0,4 м, с целью выявления стратиграфии кургана (рис. 2, 3). Курган представляет собой простую конструкцию. Насыпь состояла из нескольких слоев камней разного размера (12х7 см; 50х32 см). В ходе расчистки насыпи на глубине 58 см зафиксированы очертания могильной ямы, которая имела овальную в плане форму и была ориентирована по линии запад-восток. В заполнении могильной ямы на разной глубине были найдены фрагменты человеческого скелета. На глубине 0,9 м от нулевой отметки в левом углу погребения были расположены кости рук и ног, при дальнейшей расчистке, у южной стенки погребения зафиксирована кость КРС. В западной части могилной ямы найдены фрагменты лепного керамического сосуда (рис. 4). При дальнейшем углублении были выявлены остальные кости человека: часть правой руки, позвонок и бедренная кость. Судья по расположению фрагментов костяка, погребенный распологался в вытянутом положении, на спине, головой на запад. Дно ямы ровное, размером: длина 1,6 м., ширина 0,7 м. Ко времени исследования могильная яма была значительно разрушена вследствие многочисленных ограблений.

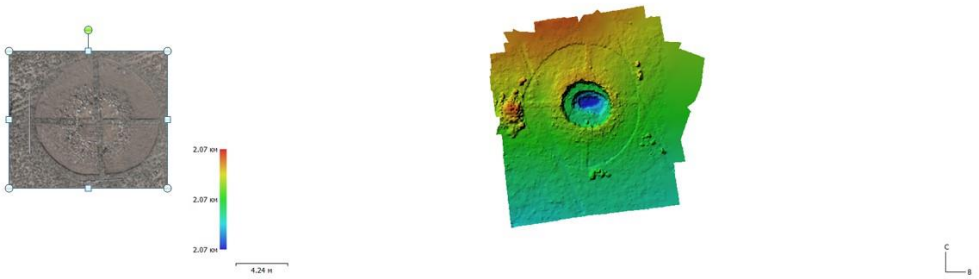

Рис. 2. Могильник Караешки, курган № 12: Ортофотоплан и цифровая модель рельефа кургана № 12. Исполнитель: Шергазынулы М.

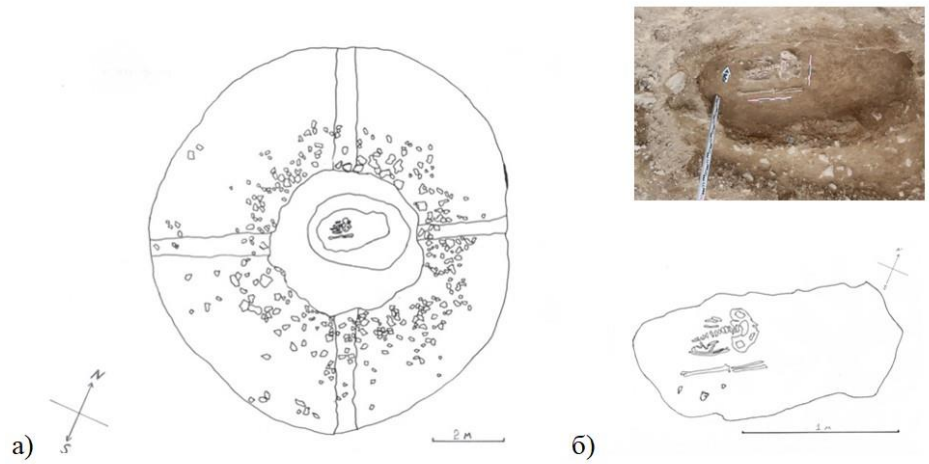

Рис. 3. Могильник Караешки, курган № 12: а) План кургана; б) фото и план погребения. Исполнитель: Шергазынулы М.

В погребении были найдены фрагменты керамического сосуда ручной лепки (рис. 4). Тулово сосуда имеет горшковидную форму, венчик округлый в сечении, слегка отогнут наружу, дно уплощенное. Две ручки-выступы горизонтальные, украшены замятинами по краю. Поверхность покрыта нагаром черного цвета. Размеры: высота 13 см, диаметр венчика 13 см, диаметр тулова 15 см, длина ручки 7 см, ширина 1 см, толщина 1 см. Аналогичный сосуд был найден на могильнике Актас I, кургане 5,могильной яме 2, раскопанном в 1960-х годах, Семиреченской археологической экспедицией под руководством К. Акишева (Акишев, 2024: 113,119,121-124).

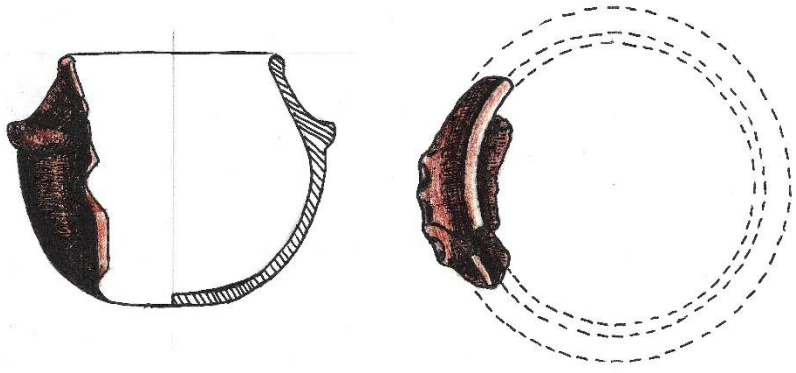

Рис. 4. Могильник Караешки, курган № 12: керамический сосуд. Исполнитель: Н. Ильясов.

Горшковидная форма сосудов характерна для керамической посуды Жетысу. Такие формы сосудов встречаются на могильниках: Унгур-Кора I, курганы 33 и 27; Утеген III; Капчагай III; Бесшатыр, Тайгак I, Чулак-Джигиде I, Актерек, Майбулак и др. (Акишев, Кушаев 1963: 266–268).

Следы нагаров и копоти не всегда они могут быть связаны с варкой пищи. В ряде случаев, такие следы образуются при обжиге посуды. Для того чтобы говорить о пищевом происхождении нагаров необходимо специальное их изучение и наблюдение за характером их расположения на поверхностях сосудов (Краева 2015: 103). Близкие по типу горшки, плоскодонные, с двумя боковыми ручками-выступами выявлены в погребениях могильников Дехкан, Кенсай (Досымбаева, 2007: 37, табл. 8.8, 9, 17).

Заключение. Археологические исследования 2025 года на могильнике Караешки III в Кегенской долине, проведенные Национальным центральным музеем Республики Казахстан, выявили значительный потенциал этого региона как единого историко-археологического комплекса. В результате проведенного исследования на кургане №12 могильника Караешки были сделаны выводы, что обряд погребения – голова ориентирована на северо-запад, является

характерным для сако-усуньского периода территории Жетысу и относится к погребению рядового сака. Найденные фрагменты человеческого скелета, кости крупного рогатого скота, а также фрагменты лепного керамического сосуда горшковидной формы с двумя ручками-выступами, имеют аналогии в могильниках Жетысу и позволяют датировать погребение III в. до н.э. – II в. н.э. Наличие нагара на сосуде требует дальнейшего изучения для определения его происхождения – пищевого или связанного с обжигом.

Полученные материалы позволят перейти от констатации археологических фактов к реконструкции исторических процессов в Кегенской долине. Планируется консервация и музеефикация исследуемых памятников, что обеспечит их сохранение для будущих поколений и дальнейших научных исследований.

Список литературы

Агеева Е.И. Краткий отчет Семиреченской археологической экспедиции за 1956 год // Архив Института археологии МВО 1956. 15 л.

Акишев К., Агеева Е.И. Археологические работы 1956 года Института истории, археологии и этнографии АН КазССР // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. Отдельный оттиск. Алма-Ата, 1958. Вып. 1 (6). 12 с.

Акишев К.А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Известия АН КазССР. Серия обществен. № 1. Алма-Ата, 1969. С. 30-47.

Акишев К.А. Хунну-усуньский комплекс Актас // Материалы и исследования по археологии Казахстана. Том XXI. Отв. Редактор А.Онгар. Алматы: Институт археологии им. А.Х.Маргулана, 2024. 256 с.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Наука, 1963. 320 с.

Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. 450 с.

Досымбаева А. Культурный комплекс тюркских кочевников Жетысу. II в. до н.э. – V в. н.э. Алматы, 2007. 216 с.

Краева Л.А. Бытовое и сакральное использование керамики у сарматов Южного Приуралья и Западного Казахстана // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 90–100.

Онгарулы А., Пён Ёнхван, Нам Санвон, Каирмагамбетов А., Ким Ёнхён, Нускабай А., М. Кызырханов. Катартобе. Некрополь саской элиты Жетысу. Нур-Султан–Тэджон, 2020. 464 с.

По следам Семиреченской археологической экспедиции. https://www.gov.kz/memleket/entities/sci/press/news/details/831130?lang=ru Дата посещение: 14.05..2026

Харипова Р.Е., Торежанова Н.Ж., Мякишева О.А., Шергазынулы М., Суйндик Ж.Ж. История изучения археологических и этнографических памятников долины реки Кегень // MUSEUM.KZ. 2024. №4 (8), с. 5-16. DOI 10.59103/muzkz.2024.08.01

Н.Ж. Торежанова, Ж.Ж. Сүйіндік, О.А. Мякишева, М. Шерғазынұлы Қараешкі қорымындағы археологиялық зерттеулер (№12 қорған материалдары негізінде)

Мақалада Қазақстан Республикасы Ұлттық орталық музейінің археологиялық экспедициясы 2025 жылы жүргізген далалық зерттеу жұмыстарының нәтижелері ұсынылған. Негізгі назар Алматы облысы, Көмірші ауылынан шығысқа қарай 7 км жерде, аңғардың орталық бөлігіндегі сәл еңіс тауалды террасасында орналасқан Қараешкі III қорымының №12 қорғанын зерттеуге аударылған. Зерттеудің мақсаты – Кеген өзені аңғарындағы археологиялық ескерткіштерді анықтау, оларды кешенді түрде зерттеу, әртүрлі кезеңдерге жататын ескерткіштердің ерекшеліктері мен өзара байланысын айқындау және оларды музейлендіру.

Зерттеу барысында №12 қорғанның құрылымдық ерекшеліктеріне талдау жасалып, өңірді ежелгі кезеңде мекендеген халықтардың жерлеу-ғұрыптық мәдениетіне қатысты тың мәліметтер алынды. Далалық зерттеулер кезінде табылған жаңа артефактілер ғылыми айналымға енгізілді. Сондай-ақ табылған қыш ыдыстың пішіні зерттеліп, оның б.з.д. III ғасыр – б.з. II ғасыры аралығына жататыны анықталды.

Жұмыстың әдіснамалық негізін ғылыми-тарихи танымның объективтілік, тарихилық, жүйелілік және нақтылық қағидаттары, сондай-ақ тарихи зерттеулерде қолданылатын құндылықтық тәсіл құрайды.

Көмірші шатқалындағы археологиялық ескерткіштерге жүргізілген зерттеулер бұл өңірдің ерекше бірегей әрі сирек кездесетін археологиялық кешен екенін көрсетті. Мұнда алғашқы қауым адамдарының тұрақтарынан бастап жаңа дәуірге дейінгі бірнеше мәдени-тарихи кезеңдердің ескерткіштері бір аумақта шоғырланған. Сонымен қатар мақалада Кеген өзені аңғарындағы археологиялық ескерткіштердің зерттелу тарихына қатысты историографиялық шолу берілген.

Түйін сөздер: Кеген, Қараешкі, сақтар, қорым, қорған, жерлеу, музей, артефакт, археология, қыш ыдыс.

N. Torezhanova, Z. Suindik, O. Myakisheva, M. Shergazynuly

Archaeological Investigations of the Karaeski Burial Ground (Materials from Kurgan № 12)

The article presents the results of field research conducted by the archaeological expedition of the National Central Museum of the Republic of Kazakhstan in 2025. The main focus is on kurgan No. 12 of the Karaeshki III burial ground, located in the central part of the valley on a gently sloping foothill terrace, 7 km east of the Komirshi settlement (Almaty region). The purpose of the study is to identify and comprehensively examine the archaeological sites of the Kegen River valley, to determine the characteristics and connections between monuments of different periods, and their museification. During the research, the structural features of kurgan No. 12 were analyzed, which made it possible to obtain new data on the ritual and burial culture of the ancient inhabitants of the region. New artifacts discovered during the fieldwork are presented. The shape of a ceramic vessel found was studied, dated to the 3rd century BC – 2nd century AD.

The methodological basis of the work consisted of fundamental principles of scientific and historical cognition such as objectivity, historicism, systemacity, and concreteness, as well as the value-based approach applied in historical studies.

The results of the research on the monuments of the Komirshi tract prove that the site is characterized by special uniqueness and rarity: a layering of several cultural and historical strata, including monuments ranging from prehistoric settlements to modern times. The article also provides a historiography of the study of archaeological sites in the Kegen River valley.

Key words: Kegen, Karaeshki, Saka, burial ground, kurgan, burial, museum, artifact, archaeology, vessel.

К.С. Бурашникова
Институт археологии и этнографии
Сибирское отделение Российской академии наук,
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
С.В. Жилич
Институт археологии и этнографии
Сибирское отделение Российской академии наук
Новосибирск, Россия
k.burashnikova@g.nsu.ru

Растительная пища подгорновского и сарагашенского населения тагарской культуры по материалам анализа крахмальных зёрен*

Целью данной работы является реконструкция состава растительной пищи представителей подгорновского и сарагашенского этапов тагарской культуры, проживавших на территории Минусинской котловины в VIII – III вв. до н.э. Исследования проводилась на материалах могильника Казановка 6, расположенного в Аскизском районе Республики Хакасия. Для проведения анализа крахмальных зерен были отобраны образцы с поверхности сосудов, обнаруженных в курганах подгорновского (курганы №5, 10, 12, 13, 14, 21, 22) и сарагашенского (курган №4) этапов тагарской культуры.

Всего отобрано 30 образцов, в 16 из которых были обнаружены крахмальные зерна, соответствующие трем морфологическим типам. Тип 1 характеризуется уплощенной формой крахмального зерна с углублением в центре, размер 14–25 мкм, данный тип может соответствовать ячменю (*Hordeum* sp.). Тип 2 – объемные двояковыпуклые зерна размером 8–14 мкм, вероятно, относятся к какому-либо виду пшеницы (*Tríticum*). Тип 3 – объемные зерна в форме многоугольников, размер 15–20 мкм, соответствуют просу (*Panicum*). В 11 образцах зафиксированы крахмальные зерна 1-го типа (ячмень), в восьми образцах – крахмальные зерна 2-го типа (пшеница), в четырех образцах – крахмалы 3-го типа (просо). В некоторых образцах содержались крахмалы двух или всех трех типов. Полученные результаты свидетельствуют о том, подгорновское и сарагашенское население употребляло в пищу несколько видов злаков, при этом состав их растительной пищи не отличался.

Ключевые слова: бассейн Среднего Енисея, тагарская культура, палеодиета, анализ крахмальных зерен.

Введение. Реконструкция палеодиеты позволяет осветить многие аспекты жизни древнего общества: хозяйственно-культурный тип, торговые связи с соседними территориями, одомашнивание животных и доместикация растений, бытовые и культурные традиции, определенные черты погребального обряда и многое другое. В процессе археологизации лишь малая часть органических остатков пищи сохраняется в культурном слое, в основном, все они относятся либо к костным остаткам мясной пищи, либо к продуктам растительного происхождения. С развитием комплекса естественнонаучных методов появились способы решения данной проблемы. К указанным методам относятся анализ стабильных изотопов, липидный анализ, палеопротеомный анализ, ряд палеоботанических методов, в том числе и анализ крахмальных зерен, а также палеопаразитология и анализ зубных патологий. Все перечисленные методы обладают разным информационным потенциалам и характеризуют палеодиету с разных сторон.

Тагарская археологическая культура уже давно находится в центре внимания исследователей. Материальная культура изучена достаточно полно, в частности, было определено, что основу хозяйственной жизни ее носителей составляло пастушеское скотоводство (История Сибири, 2019: 212-214). Следовательно, основой рациона тагарцев были продукты животноводства – мясо и молоко. Однако полноценная диета невозможна без употребления растительной пищи. Этнографические данные по современным хакасам, проживающим в тех же природно-климатических условиях, свидетельствуют о том, что мясо-молочная диета дополняется злаковыми культурами – просо, пшеница, ячмень, и сезонными крахмалосодержащими дикорастущими растениями – кандык, саранка, марьин корень [Патачков, 1958: 65-71].

* Работа выполнена при поддержке проекта № FWZG-2025-0005.

Материалы и методы. Исследования палеодиеты тагарского населения прежде проводились с помощью анализа зубных патологий и изотопного анализа. Так, было установлено, что в тагарский период состояние здоровья зубочелюстной системы индивидов значительно ухудшилось, что было связано с ростом доли зерновых культур в диете. Данные анализа стабильных изотопов показали, что значительную долю растительной пищи составляло просо (растением с типом фотосинтеза С4) (Святко и др., 2008: 213-216; Святко, 2014: 143-156). Приведенные исследования были направлены на комплексную характеристику палеодиеты, освещая лишь общие ее черты. Применение анализа зубных патологий и изотопного анализа не позволяет определить состав растительной пищи, что является критически важным при реконструкции системы питания тех групп населения, на время существования которых приходится начало земледелия в регионе, введение в оборот новых культур. В связи с этим впервые на материалах по тагарской культуре нами был применен анализ крахмальных зерен.

Данный метод отличается своей простотой и надежностью. Образцы отбираются с внутренней поверхности керамических сосудов путем соскабливания верхнего слоя керамики, полученная фракция помещается в пробирку. Пробоподготовка проводится в лабораторных условиях. Каждый образец взвешивается, затем заливается 10% H2O2 (перекисью водорода). Далее образцы дважды отмываются дистиллированной водой с помощью центрифугирования 1000 об/мин в течение 5 мин. Полученный осадок заливается тяжелой жидкостью ГПС-В (ρ = 1,3 г/см3), оставшаяся на поверхности легкая фракция отделяется и помещается в новые пробирки, где промывается дистиллированной водой с помощью центрифугирования. Из образца сливается лишняя вода, затем добавляется 2–4 капли глицерина и образец просматривается через поляризационный микроскоп с увеличением 400 раз (Жилич, Половников, Алексейцева, 2023). Крахмалы – полисахариды, с помощью которых растения запасают питательные вещества. Они обладают кристаллической структурой, благодаря чему видны в поляризованном свете, при этом крахмальное зерно предстает в виде ярко светящейся гранулы с темным поляризационным крестом (Кретович, 1980: 170-171). Эталонные базы морфологического строения крахмальных зерен создаются для отдельных регионов (Yang et al., 2013).

Исследования проводилась на материалах могильника Казановка 6, расположенного в Аскизском районе Республики Хакасия. Для проведения анализа крахмальных зёрен были отобраны образцы с поверхности сосудов, обнаруженных в курганах подгорновского (курганы №5, 10, 12, 13, 14, 21, 22) и сарагашенского (курган №4) этапов тагарской культуры (Митько и др., 2020: 888-894). Всего было проанализировано 30 образцов, в 16 из которых обнаружены остатки растительной пищи.

Крахмальные зерна идентифицировались на основе таких морфологических признаков, как форма и размер зерна, тип и положение хилума, форма ламелей (Medeiros, Marques, 2018). Ввиду разработки эталонной базы для определения крахмальных зерен изначально устанавливались типы, характеризующиеся конкретными морфологическими признаками. Тип 1 – объемные двояковыпуклые зерна размером 8–14 мкм, хилум линейной формы, ламели слабовыраженные, лучи равно широкие, вероятно, данный крахмал принадлежал какому-либо виду пшеницы (Tríticum). Тип 2 – уплощенные зерна с углублением в центре, размер – 14–25 мкм, хилум линейной формы, ламели четко выраженные, может соответствовать ячменю (Hordeum sp.). Тип 3 – объемные крахмальные зерна округлой или многоугольной формы, размер – 15–17 мкм лучи прямые, ровные, ламели плохо различимы, вероятно, соответствует просу (Panicum).

Наиболее часто встречающимися оказались крахмальные зерна типа 2 (ячмень) (рис.1, а–е), они были обнаружены в 11 образцах. Крахмалы типа 1 (пшеница) содержались в восьми образцах (рис. 1, н–р), крахмалы типа 3 (просо) – в четырех образцах (рис.1, ж–м). Было выявлено, что наличие и состав растительной пищи, помещенной в погребение, не зависели от половозрастных характеристик. Остатки злаковых растений были зафиксированы и в детских, и во взрослых, и в смешанных погребениях. Также не было отмечено изменений в составе растительной пищи в подгорновских и сарагашенских сосудах. Помимо пищи растительного происхождения в погребениях были зафиксированы и остатки мясной пищи, представленной фрагментами костей овцы или козы.

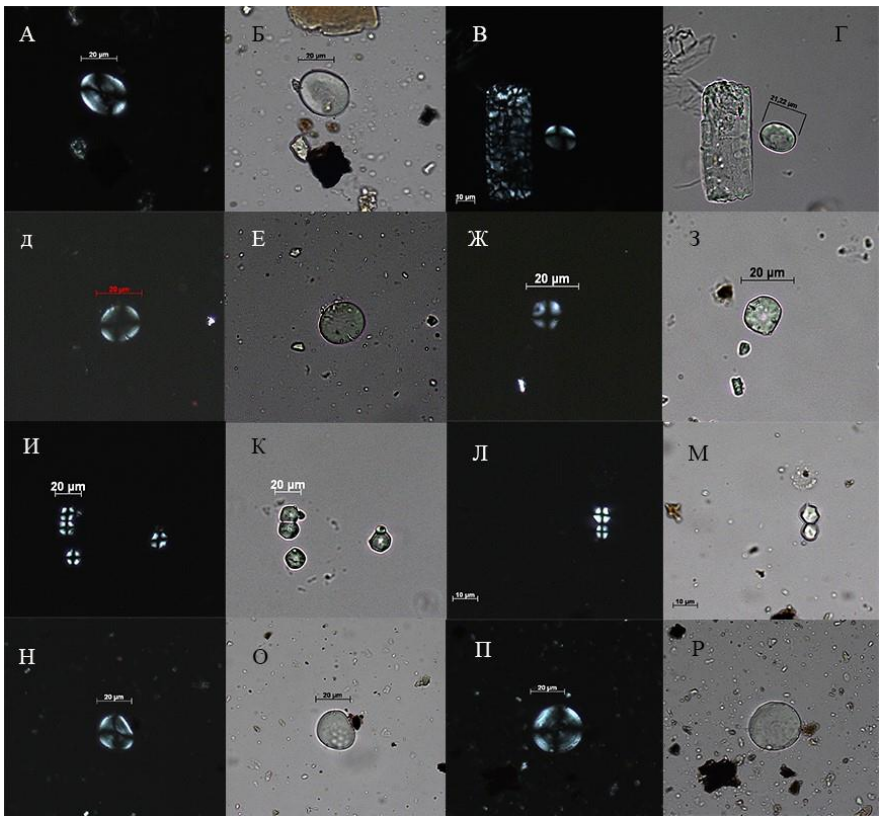

Рис. 1. Микрофотографии крахмальных зерен.
а–е ячмень (Hordeum sp.), ж–м просо (Panicum), н–р пшеница (Tríticum). Темные фотографии выполнены в поляризованном свете.

Обсуждение результатов. Полученные нами данные коррелируют с археологическими материалами с других памятников. Так, при исследовании Серебряковского могильника, датирующегося тагарской эпохой, были обнаружены зерновки ячменя и проса. На керамических сосудах памятника Милоно-3 (н. I тыс. до н.э., лесостепное Приобье) были зафиксированы отпечатки гексаплоидной пшеницы (Triticum antiquorum), а также ямы зернохранилища и орудия для сбора урожая (Рябогина, Иванов, 2011: 102). Приведенные свидетельства указывают на значительную долю злаковых растений в рационе подгорновоского и сарагашенского населения при явном преобладании скотоводства, что свидетельствует о комплексном типе хозяйства. Факт обнаружения земледельческих орудий и ирригационных систем на территории бассейна Среднего Енисея позволяет предполагать, что земледелие уже было знакомо тагарскому населению, но могло иметь весьма примитивный характер (Тихонов, Гришин, 1960). Именно на данной территории, а позднее и в предгорьях Алтая (майминская культура) формируется ареал культивации проса и ячменя. Гипотетически, ведущая роль ячменя, проса и пшеницы в археоботанических материалах – древнейших культур Китая и Дальнего Востока – связано с изначальным импортом зерна и с последующими самостоятельными попытками их культивации (Рябогина, Иванов, 2011: 105).

Заключение. Данное исследование, в ходе которого впервые на тагарских материалах был применен анализ крахмальных зерен, позволило существенно дополнить имеющиеся представления о палеодиете ее носителей. Результаты анализа образцов керамики из могильника Казановка 6 подтвердили, что рацион подгорновского и сарагашенского населения не ограничивался продуктами скотоводства, но значительно дополнялся набором злаковых растений, что свидетельствует о комплексном характере хозяйства, в котором земледелие имело хоть и вспомогательный характер, но играло важную роль в составе рациона. Наиболее часто встречающимися оказались крахмальные зерна, идентифицированные как ячмень (тип 2), также были определены крахмалы пшеницы (тип 1) и проса (тип 3). Отсутствие зависимости состава растительной пищи от половозрастных характеристик погребенных и периода тагарской культуры может указывать на общераспространенный характер данных продуктов и культивацию этих злаков.

Полученные данные коррелируют с археологическими находками зерен на других памятниках и свидетельствуют о том, что в бассейне Среднего Енисея в тагарскую эпоху уже сформировался устойчивый ареал культивации ячменя, пшеницы и проса. Таким образом, применение анализа крахмальных зерен позволило верифицировать итоги проведенных ранее изотопных исследований о высокой доле растений с типом фотосинтеза С4, а также впервые провести реконструкцию состава растительного рациона, основывавшегося на сочетании трех базовых злаковых культур. Данное исследование открывает новые перспективы для изучения путей распространения земледелия, торговых связей и адаптационных стратегий древнего населения Южной Сибири.

Список литературы

Жилич С.В., Половников И.С., Алексейцева В.В. Исследование нагара на керамике методом анализа крахмальных зерен (по материалам могильника Маркелов Мыс II) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Изд-во: ИАЭТ СО РАЕ, 2023 (29). С. 607-614.

История Сибири: в 4 т. Т.2: Железный век и Средневековье // Новосибирск: Изд-во ИЭАТ СО РАН, 2019. 643 с.

Кретович В.Л. Биохимия растений: учебник для биол. факультетов ун-тов. М.: Высш. школа, 1980, 445 с.

Митько О.А., Зубков В.С., Поселянин А.И., Фролов Я.В., Тетерин Ю.В., Морозов А.А., Половников И.С., Чертыков В.А., Выборнов А.В. Предварительные результаты раскопок татарских курганов могильника Казановка-6 в Аскизском районе Республики Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. 26. С. 888-894.

Патачков, К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII – XIX вв.) Абакан: Хакасское книжное издательство, 1958.121 с.

Рябогина, Н.Е., Иванов, С.Н. Древнее земледелие в Западной Сибири: проблемы аргументации, палеоэтноботанические методы и анализ фактов // Археология, антропология и этнография Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. № 4. С. 96-106.

Святко С.В., Murphy E., Schulting R., Mallory J. Диета народов эпохи бронзы начала железного века Минусинской котловины (Южная Сибирь) по данным анализа стабильных изотопов азота и углерода: предварительные результаты // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 213-216.

Святко С.В. Анализ зубных патологий населения Минусинской котловины (Южная Сибирь) эпох энеолита – раннего железного века: новые данные по диете // Археология, антропология и этнография Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. № 2. С. 143-156.

Тихонов, Б.Г., Гришин, Ю.С. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М.: АН СССР, 1960. 206 с.

Medeiros A.M.L., Marques C.A. Key to identification of starch grains used as foods // bioRxiv. 2018 (392209). pp. 1-15.

Yang X., Wan Z., Perry L., Lu H., Wang Q., Zhao C., Li J., Xie F., Yu J., Cui T., Wang T., Li M., Ge Q. Early millet use in northern China // Proceeding of the National Academy of Sciences, 2012. Vol. 109, No. 10, pp. 3726-3730.

К.С. Бурашникова, С.В. Жилич

Тагар мәдениетінің подгорнов және сарағаш халқының өсімдік тағамы (крахмал дәндерін талдау негізінде)

Бұл жұмыстың мақсаты – б.з.д. VIII–III ғасырларда Минусин ойпатының аумағында өмір сүрген тағар мәдениетінің подгорново және сарагашен кезеңдері өкілдерінің өсімдік тағамының құрамын қайта құру. Зерттеулер Хакасия Республикасының Аскиз ауданында орналасқан Казановка 6 қорымының материалдары негізінде жүргізілді. Крахмал дәндерін талдау үшін тағар мәдениетінің подгорново (№5, 10, 12, 13, 14, 21, 22 обалар) және сарагашен (№4 оба) кезеңдерінің обаларынан табылған ыдыстардың бетінен үлгілер алынды.

Барлығы 30 үлгі жиналды, оның 16-сында үш морфологиялық типке сәйкес келетін крахмал дәндері анықталды. 1-ші тип – ортасында ойығы бар жалпақ крахмал дәндерімен сипатталады,

мөлшері 14–25 мкм, бұл тип арпаға (*Hordeum* sp.) сәйкес келуі мүмкін. 2-ші тип – мөлшері 8–14 мкм көлемді қос дөңес дәндер, бидайдың (*Triticum*) қандай да бір түріне жатады. 3-ші тип – мөлшері 15–20 мкм көпбұрышты пішінді көлемді дәндер, тарыға (*Panicum*) сәйкес келеді. 11 үлгіде 1-ші типтегі (арпа) крахмал дәндері, сегіз үлгіде 2-ші типтегі (бидай) крахмал дәндері, төрт үлгіде 3-ші типтегі (тары) крахмалдар тіркелді. Кейбір үлгілерде екі немесе үш типтегі крахмалдар да болды. Алынған нәтижелер подгорново және сарагашен тұрғындарының тағамда бірнеше дәнді дақылдарды қолданғанын, ал олардың өсімдік тағамының құрамы ерекшеленбегенін көрсетеді.

Түйін сөздер: Орта Енисей алабы, тағар мәдениеті, палеодиета, крахмал дәндерін талдау.

K.S. Burashnikova, S.V. Zhilich

Plant-Based Diet of the Podgornovo and Saragash Populations of the Tagar Culture Based on Starch Grain Analysis

The aim of this study is to reconstruct the composition of plant food consumed by representatives of the Podgornovo and Saragashen stages of the Tagar culture who lived in the Minusinsk Basin during the 8th–3rd centuries BCE. The research was conducted on materials from the Kazanovka 6 burial ground, located in the Askizsky District of the Republic of Khakassia. For starch grain analysis, samples were taken from the surfaces of vessels discovered in kurgans of the Podgornovo stage (kurgans No. 5, 10, 12, 13, 14, 21, 22) and the Saragashen stage (kurgan No. 4) of the Tagar culture.

A total of 30 samples were collected, of which 16 contained starch grains corresponding to three morphological types. Type 1 is characterized by a flattened starch grain with a central depression, measuring 14–25 μm; this type may correspond to barley (*Hordeum* sp.). Type 2 consists of biconvex grains measuring 8–14 μm, likely belonging to a species of wheat (*Triticum*). Type 3 comprises polyhedral grains measuring 15–20 μm, corresponding to millet (*Panicum*). Starch grains of Type 1 (barley) were recorded in 11 samples, Type 2 (wheat) in eight samples, and Type 3 (millet) in four samples. Some samples contained starch grains of two or all three types. The obtained results indicate that the Podgornovo and Saragashen populations consumed several types of cereals, with no difference in the composition of their plant food.

Key words: Middle Yenisei basin, Tagar culture, paleodiet, starch grain analysis.

Э.К. Султанов
Институт истории, археологии и этнологии
Национальной Академии наук при Президенте Кыргызской Республики
Бишкек, Кыргызстан
aruuaidar@gmail.com

Исследование памятника эпохи бронзы Боз-Баш (по материалам полевого сезона 2018 г.) (Ошская область, Кыргызская Республика)

В статье представлены результаты археологических исследований могильника эпохи бронзы Боз-Баш, расположенного на правом берегу р. Кызыл-Суу напротив с. Дароот-Коргон Чон-Алайского района Ошской области Кыргызстана. Памятник находится на высокой террасе и включает группу курганов, обозначенных каменными кольцевыми выкладками. В ходе раскопок исследованы три кургана, в которых выявлены два типа погребальных сооружений: катакомбы и ямы со спуском. Погребения сопровождались керамическими круглодонными сосудами, медным кинжалом, кремневыми и костяными наконечниками стрел, костяными изделиями и бусами. Один из курганов содержал впускное погребение женщины. Анализ погребальных конструкций и инвентаря показывает их близость к памятникам вахшской культуры Таджикистана, таким как Ранний Тулхар и Тигровая Балка. Полученные материалы позволяют предварительно отнести могильник Боз-Баш к бишкентско-вахшской культурной общности эпохи бронзы.

Ключевые слова: археология, эпоха бронзы, Боз-Баш, катакомбные погребения, Вахшская культура, Кыргызстан.

Могильник Боз-Баш находится на правом берегу р. Кызыл-Суу напротив с. Дароот-Коргон, Чон-Алайского района, Ошской области (рис.1). Основная группа могил занимает высокую мысовую террасу с востока ограниченная глубоким саем. Основная группа курганов могильника состоит из 10 курганов, пять из них имеют следы археологического вскрытия предыдущими исследователями. К востоку от сая ограничивающего основную группу могил, находятся еще три отдельно стоящих кургана.

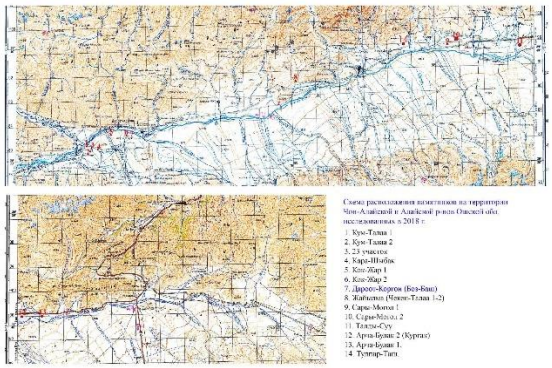

Рис. 1.

Рис. 2. Курган 1. Могильник Боз-Баш.

Огромную благодарность выражаю коллегам с Государственного Эрмитажа (СПб, РФ) - Торгоеву А.И., Кисель В.А., Кулиш А. В данной статье рассматривается курганы эпохи бронзы.

Курган 1 занимает центральное положение в основном скоплении курганов могильника, хорошо был виден на поверхности за счет выступающих над современной дневной поверхностью камней, покрытых плотным пустынным «загаром». Насыпи курган не имел. Наземная конструкция состояла из двух каменных колец. Внешнее кольцо диаметром более 9 м. сложено из двух рядов валунов, колотого камня в кладке практически нет. Внутренне кольцо также сложено из двух рядов валунов, но оно открылось только после удаления верхнего слоя. В западной части внешнего кольца имелся разрыв. Над этим разрывом, между кольцами была зачищена прямоугольная выкладка, ориентированная по линии юго-восток – северо-запад. Выкладка была устроена поверх внутреннего кольца, и сложена частично из камней, на месте которых образовался обозначенный разрыв (рис. 2, 1). Под выкладкой обнаружено впускное погребение взрослой женщины в грунтовой могиле глубиной до 0,80 м. от уровня низа выкладки. Могильная яма ориентирована по линии запад-восток, с некоторым отклонением к югу. Погребенная уложена на спину, головой на запад, лицо обращено к востоку. Руки слегка согнуты в локтях, вытянуты вдоль тела. Под тазом с левой стороны лежало круглое доломитовое пряслице. Под голову и под ноги положено по камню. После снятия костей, под лопатками найдено скопление мелких стеклянных бус и бисера, преимущественно белого цвета. При расчистке таза фиксировались кости не рожденного младенца (рис. 2, 2).

Основное погребение в кургане 1 было катакомбным, оно располагалось в центре внешнего кольца. Входная яма катакомбы находилась с запада. В верхней части стенки ямы вертикальные, сама яма овальной в плане формы. На камнях заклада в нижней части лежал практически полный скелет крупной собаки без головы. В закладе входной ямы встречались крупные камни, как плитняк, так и валуны. Погребение собаки также было заложено камнями сверху. Входная яма оканчивалась дромосом, который вел в погребальную камеру. При переходе входной ямы к дромосу имелась ступенька. Дромос был заложен крупным камнем, очень аккуратно. Верх заклада дромоса частично разрушен при ограблении. При переходе дромоса к камере зафиксирована не высокая ступенька. Пол в дромосе покатый, спадает к востоку (рис. 2, 3-6).

Сама камера овальной формы, высокая, полусферической в сечении формы, более 1 м. высотой. В камере перед крайними камнями заклада дромоса, в западной половине, лежали в сочленении ребра барана. Несколько севернее скопления бараньих костей, зафиксированы лучевые кости руки человека. Основное скопление костей человека было сдвинуто грабителями в восточную часть камеры, залегали кости с некоторым спадом к западу, на пылевидном мягком грунте, образовавшемся в катакомбе к моменту ограбления. Два кремневых наконечника стрел лежали у северной стенки, а четыре обнаружены в южной части катакомбы (рис. 3, 5). Костяные наконечники стрел, в количестве двух экземпляров также фиксировались в южной части камеры, в мягком слое пылевидного заполнения, а не на дне (рис. 3, 6). Остатки плетеной корзинки и фрагменты дерева (чаша и гребенка) расчищены над основным скоплением костей (рис. 3, 1-2,4,9). Камень с охрой также найден над костями погребенного (рис. 3, 3). Один из керамических сосудов находился в привходовой части, рядом с ребрами барана (рис. 3, 8). В северной части камеры найден еще один сосуд и фрагменты деревянного изделия. У входа в катакомбу был найден полый костяной предмет в форме сильно удлиненного, узкого, заостренного конуса (рис. 3, 7).

Также у входа в катакомбу, у камней заклада дромоса лежало несколько мелких камней, часть из которых сохранившаяся in situ образовывала полукруг. Рядом под камнями заклад найден обгоревший кусок дерева, вполне вероятно часть факела, которым освещали камеру в момент захоронения.

Ограбление происходило с северной стороны, была расчищена наклонная входная яма грабительского хода. Яма вела в длинный прямой ход, ориентированный с севера на юг. Ход этот прорезал камеру, а низ его проходил по верху заклада дромоса. В северной части хода в мягком заполнении обнаружен костяной предмет в виде сильно удлиненной прямоугольной накладки с овальными концами. Грабители вышли в камеру по мягкому заполнению или еще даже по пустоте. При ограблении заклад дромоса не был серьёзно потревожен, только его верхняя часть. В южной части грабительского хода также фиксировались камни, но в меньшем количестве, чем в закладе входной ямы.

Курган № 2 находится севернее кургана 1 практически у полого ската террасы. Насыпи, как и курган 1 не имел, а выделялся на поверхности по сильно загоревшим камням. Наземная конструкция состояла только из одного кольца. Кольцо сложено из камней среднего размера. В западной части

кольца, относительно четко, прослеживалась прямоугольная выкладка. На месте, где фиксировалась выкладка, в кольце имелся перерыв, иначе говоря, и кольцо, и выкладка имели единый контур. Входная яма находилась с восточной стороны, в плане прямоугольной формы. Она была заложена камнем, преимущественно колотым плитняком, валуны встречались только вверху. Грабительский ход прошел с западной стороны, частично разрушив каменное заполнение. Важно, что камни заполнения входной ямы были сложены очень аккуратно, среди них встречались камни едва ли не правильных геометрических очертаний. В нижней части грабительского хода, в закладе входной ямы был обнаружен стоящий камень вытянутой треугольной формы длинной 0,80 м. После разбора каменного заполнения выявилось, что погребение было совершено в камере, напоминающей катакомбу, но без дромоса. Камера была выкопана в южной стенке входной ямы. Она имела полуовальную форму, в сечении представляла собой четверть сферы (рис. 3, 10).

Рис. 3. 1-9 курган 1, 10-17 курган 2.

По типологии катакомб эпохи бронзы, разработанной для памятников бишкентско-вахшской культуры А.М. Мандельштамом, этот тип погребального сооружения назван ямой со спуском. У входа в катакомбу, в северной части камеры лежал круглодонный черный горшок ручной лепки и медный кинжал с выступами (рис. 3, 11, 13-14). Южнее кинжала и горшка, на полу камеры был расчищен скелет человека в сильно скорченном положении на левом боку головой в южный сектор. К западу от скелета человека на полу камеры лежал череп козла (рис. 3, 12). На черепе погребенного зафиксирована белая каменная бусина (рис. 3, 15). Над коленями обнаружена костяная проколка, лежавшая перпендикулярно костями (рис. 3, 16). На костях голени правой ноги зафиксирована костяная пластинка удлиненной прямоугольной формы с овальными концами (рис. 3, 17).

Курган № 3 находился западнее курган 2, также почти у ската террасы. Наземная конструкция состояла из кольца, в котором имелись большие разрывы, сохранилось оно хуже, чем у остальных курганов. В центре каменного кольца находилась входная яма, заваленная крупными камнями,

вытянутая по линии север-юг. Северная стенка входной ямы почти отвесная, перед спуском к дну в яме выявлена ступенька, общая ширина ложной ямы не превышала 0,80 м. В южной стенке ямы была вырыта камера – катакомба. В коротком дромосе, на камнях заклада, близко к дну залегала половина круглодонного горшка, выброшенного из камеры. Сама камера овальной формы, потолок ее полусферических очертаний. В камере разбросаны кости человека, череп фиксировался в восточной части, радом лежали ребра в сочленении. Помимо костей человека в камере найдено несколько костей, принадлежащих мелкому рогатому скоту. Сохранившийся в камере инвентарь представлен только обломками горшка, большая часть которого зафиксирована в дромосе.

Как уже отмечено выше, керамика могильника представлены круглодонными лепными сосудами как целых форм (2), так и фрагментов (2) в 4-х экземплярах. Несмотря на копоть, на поверхности сосудов прослеживаются следы белого ангоба.

Из металлических изделий найден один кинжал, изготовленный из меди. Длина изделия 28 см., ширина рукояти 2,8 см., ближе к лезвию утолщается. Далее в сторону острия кинжал имеет асимметрическую коническую форму, с одной стороны имеет вогнутую лезвию, что может являться последствием использования кинжала в бытовых и иных целях.

По предварительным данным и основываясь на аналогичные памятники на территории Таджикистана исследованных в бассейне реки Кызыл-Суу (Виноградова и др. 2013; 2014), следует отметить, что могильники как правило располагались, как и в местности Боз-Баш на лессовых террасах. Определить конкретно размер могильника Боз-Баш не удалось, из-за того, что окрестность могильника интенсивно используются под сельскохозяйственные нужды - посевы картофеля и клевера. На дневной поверхности погребения отмечены в два ряда кладками из речных валунов, кольцевидной в плане формы, с западной стороны имеются прямоугольной формы кладки. Захоронения находятся на значительном расстоянии друг от друга. Хотя погребений вскрыты всего лишь три, были выявлены два типа могильных конструкций - катакомба и яма со спуском. Для катакомбных ям с дневной поверхности вертикально прокапывался вход, который после погребения покойного аккуратно забутовывался предварительно выбранными прямоугольной, овальной формы валунами. Обряд погребения - трупоположения. В одной яме было выявлено погребение in situ, который лежал в сильно скорченном положении, на левом боку, руки были втянуты к лицу, головой направлен на юг. В остальных случаях погребения сильно потревожены, положения покойников и ориентировки погребенных определить не удалось.

По результатам предварительных исследований следует отметить, погребальный инвентарь из курганов 1-3 могильника Боз-Баш имеют близкие аналогии с погребальными комплексами вахшской культуры могильников Ранний Тулхар, Тигровая Балка в Таджикистане (Мандельштам, 1968; Пьянкова, 1989).

Список литературы

Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Дж., Тойфер М.. Археологические исследования могильников Гелот и Дарнайчи в 2010 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXXVI. - Душанбе, 2013. - с. 91-100.

Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Дж., Тойфер М.. Отчет об археологических исследованиях отряда по изучению памятников эпохи броны в Гелоте и Дарнайчи осенью 2011 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXXVII. - Душанбе, 2014. - с. 100-102.

Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА, № 145. - Л., 1968.

Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана. - Душанбе, 1989.

Э.К. Султанов

Боз-Баш қола дәуірі ескерткішін зерттеу (2018 жылғы далалық маусым материалдары бойынша) (Ош облысы, Қырғыз республикасы)

Мақалада Қырғызстанның Ош облысы Чоң-Алай ауданы Дароот-Қорған ауылы маңында, Қызыл-Суу өзенінің оң жағалауында орналасқан Боз-Баш қола дәуірі қорымының археологиялық зерттеу нәтижелері қарастырылады. Ескерткіш биік террассада орналасқан және тас шеңберлермен белгіленген бірнеше қорғаннан тұрады. Зерттеу барысында үш қорған қазылып, жерлеу құрылыстарының екі түрі анықталды: катакомбалы қабірлер және түсу шұңқыры бар жерлеулер. Қабірлерден қолдан жасалған түбі домалақ қыш ыдыстар, мыс қанжар, шақпақ тас және сүйек жебе

ұштары, сүйек бұйымдары мен моншақтар табылды. Қорғандардың бірінде әйелдің кейінгі жерленуі анықталды. Жерлеу құрылыстары мен заттардың талдауы оларды Тәжікстандағы Вахш мәдениетінің Ранний Тулхар және Тигровая Балка ескерткіштерімен жақындастырады. Алынған материалдар Боз-Баш қорымын қола дәуіріндегі Бішкент–Вахш мәдени қауымдастығына жатқызуға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: археология, қола дәуірі, Боз-Баш қорымы, катакомбалы жерлеу, Вахш мәдениеті, Қырғызстан.

E.K. Sultanov

Investigation of the Bronze Age Site of Boz-Bash (Based on the Materials of the 2018 Field Season) (Osh Region, Kyrgyz Republic)

The article presents the results of archaeological investigations of the Bronze Age burial ground Boz-Bash located on the right bank of the Kyzyl-Suu River opposite the village of Daroot-Korgon in the Chon-Alay district of Osh region, Kyrgyzstan. The site is situated on a high terrace and consists of several kurgans marked by stone ring structures. Three burial mounds were excavated, revealing two types of burial constructions: catacomb graves and pit graves with descent. The burials were accompanied by handmade round-bottomed ceramic vessels, a copper dagger, flint and bone arrowheads, bone tools and beads. One kurgan contained an intrusive burial of an adult woman. Analysis of burial structures and grave goods indicates close similarities with the Vakhsh culture sites of Tajikistan, including Early Tulhar and Tigrovaya Balka. The materials allow the Boz-Bash burial ground to be preliminarily attributed to the Bishkent-Vakhsh cultural community of the Bronze Age.

Key words: archaeology, Bronze Age, Boz-Bash burial ground, catacomb burials, Vakhsh culture, Kyrgyzstan.

Т.Ж. Тулегенов, Э.А. Айтқұлова
«Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы
Есік, Қазақстан
tur4ik_kz@mail.ru

Өрнек қорымынан табылған әшекей бұйымдарды тарихи-мәдени талдау

Мақалада 2015-2022 жылдар аралығында Алматы облысы, Еңбекшіқазақ ауданында орналасқан Өрнек қорымында жүргізілген археологиялық зерттеулердің нәтижелері қарастырылады. Зерттеу барысында қорымның құрылымдық ерекшеліктері, атап айтқанда, меридиан бағытында орналасқан үш тізбекті обалар жүйесі, жерлеу құрылыстарының архитектурасы және олардың типологиялық сипаттары анықталды.

Жеті жылдық далалық маусымда жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижелері негізінде әшекей бұйымдардың таралуы, типологиялық ерекшеліктері және жерлеу ғұрпының негізгі белгілері жүйеленді.

Мақалаға арқау болған қорымнан табылған сары түсті металдан, қоладан және сүйектен жасалған әшекей бұйымдарға бағытталады. Сары түсті металдардың нақты құрамын анықтау мәселесі қозғалып, олардың алтын немесе мыс негізіндегі қорытпалар болуы мүмкін екендігі айтылады. Археологиялық деректер негізінде бұйымдардың жасалу технологиясы, көркемдік ерекшеліктері және олардың әлеуметтік әрі символикалық қызметі қарастырылады. Сонымен қатар, зерттеу барысында табылған бұйымдардағы зооморфтық бейнелер ежелгі көшпелі қоғамның дүниетанымы, эстетикалық талғамы мен әлеуметтік құрылымын және діни-ғұрыптық дәстүрлерін сипаттайтыны көрсетілді.

Зерттеу нәтижелері Өрнек қорымының Жетісу өңіріндегі ерте темір дәуірі ескерткіштері қатарындағы маңызын айқындап, сақ мәдениетінің аймақтық ерекшеліктерін, материалдық және рухани құндылықтарын кешенді түрде түсінуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Жетісу, Өрнек қорымы, ерте темір дәуірі, археология, әшекей бұйымдар, сары металл, қола, сүйек бұйымдар, аң стилі, жерлеу ғұрпы.

Кіріспе. Археологиялық ескерткіштер ежелгі тұрғындардың өмірі мен мәдениетін зерттеуде маңызды дерек көзі болып табылады. Осындай археологиялық нысанның бірі – 2015 жылы «Есік» музей-қорығының археологтары ашқан сақ кезеңіне тән бірегей жаңа ескерткіш – Өрнек қорымы. Бұл нысан жерлеу құрылыстарының ерекшеліктері мен заттай материалдарының жергілікті өзіндік сипатымен дараланады. Қорымнан табылған әшекей бұйымдар сол дәуірдегі қоғамның тек материалдық мәдениетінің деңгейін ғана емес, сонымен қатар оның дүниетанымы мен рухани құндылықтарын да айқын көрсетеді.

Өрнек қорымы Алматы облысы, Еңбекшіқазақ ауданына қарасты аттас ауылдың солтүстік-батыс шетіне қарай 1 км жерде, кең көлемді батпақты ойпатта орналасқан. Ескерткішті алғаш 2015 жылы Түрікменстан-Қытай газ құбыры жиегінде жүргізілген апаттық жұмыстар барысында музей-қорық археологтары анықтады. Зерттелген аумақтағы археологиялық ескерткіш тізбектеле орналасқан топырақ және тас үйінділер бар обалардан тұрады (Тулегенов, 2015, 930). Обалы қорымнан бастапқыда екі тізбек анықталса, 2022 жылы жүргізілген барлау жұмыстары барысында Өрнек қорымына қатысты тағы екі оба табылды. Аталған нысандар құрылымдық ерекшеліктеріне қарай қорымның үшінші тізбегіне жатқызылды. Қорым обалары меридиан бағытында созылған үш тізбек түрінде орналасып, әрқайсысында 2-ден 14-ке дейін нысан бар, яғни I тізбекте 2 оба, II тізбекте 14 оба, III тізбекте 2 оба орналасқан. Обалардың өлшемдері айтарлықтайкөлемді емес: биіктігі – 1-2 м, диаметрі – 15–40 м аралығында, бұл оларды жалпы алғанда орташа көлемдегі обалар қатарына жатқызуға мүмкіндік береді.

Өрнек қорымының архитектуралық ерекшеліктерін анықтау Есік, Түрген, Шұбарат пен Молалы сияқты Жетісу ескерткіштерінің құрылыстарымен салыстыру негізінде кешенді ғылыми-зерттеу жұмыстары жүргізілді. Ескерткіштердің хронологиясы мен этномәдени тиесілігіне қатысты негізгі тұжырымдарды К.А. Ақышев, А.К. Ақышев, Г.А. Кушаев, Б.Н. Нұрмұханбетов сынды отандық ғалымдардың еңбектеріне сүйене отырып қарастырылды (Омаров, 2022, 8).

Аталған ескерткіште 2016 жылы «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы мен Оңтүстік Корея Республикасының Ұлттық Сеул институтының тарихи зерттеулер институты, DOHG-SEO мәдени құндылықтар институты, Орталық мәдени мұра институты, Mahan мәдени

құндылықтарды зерттеу институты мен Daehan мәдени құндылықтар институты ғылыми мекемелерімен бірлескен археологиялық қазба жұмыстары жүргізілді.

Археологиялық зерттеулер нәтижесінде келесі заңдылықтар анықталды. Жерлеу орындарының басым бөлігі жер асты құрылыстары түрінде (қабір шұңқырларының қабырғалары орташа көлемдегі тастармен) қаланған. Бұл құрылыстар батыс-шығыс бағыты бойынша бағдарланған, кейбірінде бағыты бойынша өзгешеліктер байқалады. Жерленген адамдар басымен батысқа қарата жатқызылған. Қабір үстіне аласа топырақ үйінді тұрғызылған. Адаммен қоса жерлеген бұйымдар жиынтығында әдеттегідей түбі дөңгелек қыш ыдыстар, әшекей бұйымдар (алтын тоғалар мен қапсырмалар), қару-жарақ заттары (шақан, жебе ұштары) құрбандыққа шалынған жануар сүйектері (жылқы, қой) кездеседі (Джасыбаев және т.б., 2020: 341).

Аталған зерттеу шеңберінде Өрнек қорымынан табылған әшекей бұйымдар ғана талдау нысаны ретінде қарастырылады. Әшекейлер қатарына сары түсті металдан, қола мен сүйектен жасалған бұйымдар енгізіледі (кесте 1).

Мақалада әшекейлер сары металл деп қарастыруымыздың себебі аталған материалдарда алтынның % мөлшерін нақты айту мүмкін емес, себебі тиісті зертханалық сараптама жүргізілмеген. Бірақ ерте темір дәуіріне тиесілі табылған сары түсті металдар көбінесе алтын болып, әшекейлерді, ат жабдықтарын және сәндік элементтерді жасау үшін пайдаланғаны белгілі. Себебі сақ кезеңінің зергерлері алтынды соғу, құю және зерлеу әдістерін жақсы меңгерген. Дегенмен, сары түсті кейбір металдар мыс негізіндегі қоспалардан жасалған болуы да мүмкін, олар сол кезеңде кең таралған. Металды нақты анықтау үшін химиялық талдау қажет, себебі көзбен бір көріп алтынды құрамында мысы немесе мырышы көп қоладан ажырату қиын, дегенмен алтын патинаға ұшырамайды және тотығуға тұрақты болып келетінін ескере отырып табылған сары түсті әшекейлердің басым бөлігін алтын деп қарастыруға негіз бар деп ойлаймыз.

Зерттеу жұмысыда салыстырмалы-тарихи, типологиялық, аналитикалық, сипаттамалық, жалпылау және археологиялық талдау әдістері пайдаланылды. Сонымен қатар, әшекей бұйымдардың жасалу технологиясы мен материалдық құрамы қарастырылды.

Зерттеу нысаны ретінде Өрнек қорымынан табылған әшекей бұйымдар кешені алынды. Олардың қатарына сары түсті металл, қола, сүйектен жасалған сәндік әшекейлер жатады. Бұл бұйымдар жерлеу кешендерімен тығыз байланыста қарастырылып, олардың хронологиялық және мәдени тиесілігі анықталды.

Негізгі бөлім. 2015 жылы Өрнек қорымы апатты-құтқару сипатында деп танылған төрт обаға музей-қорық қызметкерлері тарапынан қазба жұмыстары жүргізілді. Қорым обаларынан қыш, металл бұйымдармен қатар өзге де құнды материалдар анықталған. Мерзімделуі б.з.д. V-IV ғғ. тиесілі. Дегенмен, ұсынылып отырған зерттеу аясында тек әшекейлік сипаттағы заттар табылған обаларға ғана басымдық беріліп, сол обалар мен әшекейлер деп танылған бұйымдарға ғана қатысты деректер ғылыми тұрғыда талданады. Зерттелген I тізбектегі №1 обаның (оңтүстіктен солтүстікке қарай нөмірленген) оңтүстік бөлігі жол салу кезінде бүлінген. Обаның биіктігі 1,18 м, диаметрі 20 м. Тығыз сұр-қоңыр сазды топырақтан тұрғызылған үйінді батыс-шығыс бағытында салынған траншея арқылы зерттелді. Өзен малтатастарынан салынған 1 м тереңдікте орналасқан жерлеу орнын тазалау кезінде адам қаңқасы табылды. Марқұмның жіліншік сүйектерінің айналасынан ромб тәрізді қалыпталған, сары металлдан жасалған қапсырма анықталды («Есік» МТМ МҚ, 119-іс: 13).

Қапсырманың (ЕҚМ НТК 252) жиектері бүгілген, киімге қадауға лайықталған екі саңылауы бар. Өлшемдері: біреуінің 50 % сақталмаған, 1, 2 – қапсырма ұзындығы – 0,7 см, ені – 0,5-0,6 см.

I тізбектегі №2 обаның биіктігі 1,64 м, диаметрі шамамен 20 м. №1 обадан солтүстік-шығысқа қарай 22 м қашықтықта орналасқан. Жерлеу орны ішінара бұзылған. Басы батысқа қаратылып, шалқасынан жерленген 40-50 жастағы ер адамның бас сүйегінің жанынан сары түсті металдан жасалған 9 дана қатпарлы тізбектер, марқұмның жамбас сүйектері аралығынан 2 дана сары түсті тоға мен қола ілмек сынды әшекей табылды («Есік» МТМ МҚ, 119-іс: 14).

Тізбектер (ЕҚМ НТК 248) – түтікше пішінді, қатпарлы, іші қуыс, қалыпталып жасалған. Өлшемдері: ұзындығы – 0,4-0,6 см, диаметрі – 0,2-0,3 см.

Тоғалар (ЕҚМ НТК 251) – бүдірленген, қалыпталып жасалған. Жиектеріне киімге қадауға арналған екі саңылау түсірілген. Өлшемдері: ұзындығы – 1-2 см, ені – 0,4-0,5 см.

Ілмек (ЕҚМ НТК 264) – жарты сфера пішінді, жоғарғы жағында өзектің ортасына ілмек дәнекерленген, оның бір шеті қоңыраудың ішкі жағына өтеді. Өлшемдері: биіктігі – 0,5 см, диаметрі – 1,4 см, саңылау диаметрі – 0,4 см, тілшесі 1,3 см.

II тізбектегі №3 обаның биіктігі – 1,94 м, диаметрі – 22 м. Оба үйіндісі топырақтан тұрғызылған. Үйіндінің жер бетінен көтерілген биіктігі (оба төбесінен қабір шұңқырының жабындысына дейін) 2 м. Жер асты суларының тұрақты келуіне байланысты артефактілердің нақты орналасуын тіркеу мүмкін болмады. 2,1 м тереңдікте адам сүйектері шашыраңқы күйде табылды, ал жамбас пен аяқ сүйектері бастапқы қалпында сақталған. Сүйектерге қарап, жерленген адамның бағыты батыс-шығыс болғаны анықталды. Марқұмның оң аяғының тұсынан сары түсті 11 дана түймелер, (?) сонымен қатар, жапырақ пішінді жапсырма мен түтікше іспеттес тізбек анықталды («Есік» МТМ МҚ, 119-іс: 15).

Түймелер (ЕҚМ НТК 247) – дөңгелек пішінді, қалыпталған, жиектері 0,3-0,4 см бүгілген, ортасы доғал бедерлі, сыртқы бөлігінің ортасына киімге лайықталған ілмек дәнекерленген. Өлшемдері: диаметрі – 1-1,5 см, биіктігі – 0,1 см. Жерлеу орнының солтүстік-батыс бөлігінде сүйектер арасынан жапырақ тәрізді және түтікше пішінді сары түсті металл бұйымдар табылды.

Жапсырма (жапырақ пішінді) (ЕҚМ НТК 250) қалыпталып жасалған, бедерлі, жиектеріне киімге қадауға арналған екі саңылау түсірілген. Өлшемдері: ұзындығы – 1,2 см, ені – 0,1 см.

Түтікше (ЕҚМ НТК 249) – түтікше пішінді, сыртында жолақтары бар, іші қуыс, оратыла жасалған. Өлшемдері: ұзындығы – 1,4 см, диаметрі – 0,7 см.

Жерлеу кешендерінен алынған материалдардың ғылыми тұрғыдан маңыздылығы ескеріліп, 2016 жылы қазба жұмыстарын жалғастыру туралы шешім қабылданды.

2016 жылы 11 маусым мен 8 шілде аралығында күнтізбелік жоспарға және алдын-ала жасалған ынтымақтастық келісіміне сәйкес, Қазақ-корей халықаралық экспедициясы сақ ақсүйектерінің обалары шоғырланған қорымға қазба жұмыстарын бастады. Қорымдағы 2-ші тізбектегі №2 оба – диаметрі 36–38 м, биіктігі 1,7 м болатын топырақ үйіндісінен тұрды. Қорым кешені аумағында бұрындары суландыру жүйесі жұмыстары көп жүргендіктен оба үйіндісіндегі қара топырақты қабат басқа жақтан тасымалданғаны белгілі болды. Оның астында оба аумағын бойлай шеңбер түрінде қойылған тас қаланғаны анықталып, нақты өлшемдері алынды. Үйіндінің ішкі диаметрі – 28, сыртқы диаметрі – 31 метр болды. Шеңберге қаланған көкшіл түсті тастар Түрген өзенінен түстеріне қарай таңдалып тасымалданған сияқты (Есеп-альбом, 2020: 86-87). Көк түсті тастардың арнайы таңдалып қолданылуы «түсті обалар» дәстүрімен байланысты болуы мүмкін, осылайша киелі мәнге ие екендігін көрсетеді (Тулегенов және т.б., 2024: 278). Үйіндіні қазу барысында 1 м тереңдікте адам мен жылқы сүйектерінің көп мөлшердегі фрагметтері кездесті. 1,5 м тереңдікте қабірдің солтүстік-батыс бөлігінен сары түсті құю, соғу, нақыштау, қалыптау тәсілдерімен жасалған б.з.д. VI-V ғғ. тиесілі 1 дана фольга мен 12 дана қатпарлы үзбелер табылды («Есік» МТМ МҚ, 141-іс: 28).

Фольга (ЕҚМ НТК 273) – жұқа, ортасынан сәл төмендеу жері бүлінген. Өлшемдері: ұзындығы – 8 см, ені – 0,2 см.

Қатпарлы үзбелер (ЕҚМ НТК 274) – түтікше пішінді, кертпелі. Шеттері ішке қарай иілген, бүдірленген тіліктен оратылған. Көлемдері әртүрлі – 0,6-0,9 см құрайды.

1,6 м тереңдікте жерленген адамның қаңқасы табылып, бұл қосарлы жерлеу екені анықталды. Сүйектер шашыраңқы күйде, бас сүйегі зақымданған, бұл қабірдің бірнеше рет тоналғанын көрсетеді. Керамика сынықтарының өте ұсақ болуы да бұл болжамды дәлелдей түседі («Есік» МТМ МҚ, 141-іс: 29).

2017 жылғы далалық маусымда Өрнек қорымында қазба жұмыстары қайта жаңғыртылды. Зерттелген оба қорымның II тізбегіндегі №3 обаға жүргізілді. Оба топырақ үйінділерден тұрғызылған. Үйіндіні аршу барысында оның астынан тастан қаланған сақина тәрізді құрылым анықталып нақты диаметрі шамамен 18-20 м екені белгілі болды.

Аталған құрылымға пайдаланылған тастардың көк түсті болуы олардың арнайы іріктелгенін көрсетеді, бұл өз кезегінде «түсті обалар» тұрғызу дәстүрімен байланысты болуы мүмкін. Зерттеу барысында оба үйіндісінің топырағының сырттан әкелінгені анықталды: оның құрамында құм мен лайдың үлесі жоғары, әрі түсі мен құрылымы табиғи қабаттан (материктен) айқын ерекшеленеді. Оба орталығы арқылы солтүстік-оңтүстік – шығыс-батыс бағыты бойынша бағдарланған сызық (жіп) тартылып, оның шығыс жағында көлемі 4×4 м шаршы қазба жүргізілді. Мұндай әдіс бірнеше себепке байланысты қолданылды: біріншіден, жерлеу шұңқырының стратиграфиясын анықтау мақсатында; екіншіден, құмды топырақта жұмыс жүргізілгендіктен, опырылудың алдын алу үшін қазба аумағын кеңірек қамту қажеттілігі туындады; үшіншіден, анықталған «қабір дағы» тонаушылар қазған дәліздің ізі болуы ықтималдылығынан, кең көлемді қазба оның шынайы шекараларын нақтылауға мүмкіндік береді деп есептелді. Қазба жұмыстарының жалпы ауданы 300 м², ал алынған топырақ көлемі шамамен 100 м³ құрады.

Алдыңғы маусымдардағы тәжірибеге сүйене отырып, зерттеушілер тастан қаланған сақина тәрізді құрылымды тез арада тазалап, «қабір дағын» – жерлеу камерасының жоғарға бетін анықтады. Жер бетінен шамамен 0,7 м тереңдікте өзен малтатастарынан қаланған тікбұрышты пішіндегі тас қабірхана табылды. Оның бағытталуы сол кезеңге тән классикалық түрде батысқа қараған. Құрылымның бір бөлігі тонаушылардың әрекеті нәтижесінде бүлініп, адам қаңқасының басым бөлігі жойылған, тек төменгі аяқ сүйектері ғана сақталған екен. Тоналғанына қарамастан, жерлеу орынын тазалау барысында б.з.д. VI-II ғғ. тиесілі сүйектен жасалған сақина табылды («Есік» МТМ МҚ, 169-іс: 14-15).

Сақина (ЕҚМ НТК 384) – дөңгелек пішінді, шеттері тегістеліп, ортасы ойылып жасалған. Өлшемдері: диаметрі – 2,5 см, биіктігі – 1,3 см, қалыңдығы – 0,3 см.

2018 жылы зерттеу нысандарының бірі ретінде Өрнек қорымының II тізбегіне жататын №8 оба қарастырылды. Қазба барысында ені 5 м болатын екі стратиграфиялық шурф салынды, ал батыс-шығыс осі бойымен ені 0,8 м шұңқыр қалдырылды.

Обаның ені 1,2 м болатын көк түсті тастан қаланған сақина тәрізді құрылымы толықтай тазартылды. Үйіндінің ішкі диаметрі 18,5 м, ал топырақ үйіндісінің биіктігі 1,5 м құрады. «Қабір дағы» тіркелгеннен кейін, 1,8 м тереңдікте көлемі 3,2 × 1,7 м болатын жерлеу камерасы анықталды. Ол өзен малтатастарынан қаланған, пішіні шартты түрде тікбұрышты болып жасалған. Қабірхана батыс-шығыс бағыты бойынша орналасып, солтүстікке қарай аздап еңіс. Камера іші ірі тастармен толтырылған.

Жерлеу орны тонаушылар тарапынан қатты бүлінген: құрылымның батыс бөлігі толықтай жойылған. Адам сүйектері әр жерде шашыраңқы күйде анықталды. Шығыс бөлігінде 3,4 м тереңдікте жерленген адамның төменгі аяқ сүйектері (асық жілік және жіліншік сүйектері) табылды. Сүйектер астындағы ашық жасыл түсті топырақ бетінен ши тоқыма немесе киіз қалдықтары байқалды. Ал, қол сүйектері тұсынан жануар сүйегінен жасалған б.з.д. V-IV ғғ. тиесілі білезіктің екі аспалы әшекейі табылды («Есік» МТМ МҚ, 195-іс: 22).

Білезіктің бөлшегі (ЕҚМ НТК 405) – сүйектен жасалған, өңделген, ойылған, тамшы пішінді, жаны тегістелген. Ортасында дөңгелек саңылауы бар. Өлшемдері: диаметрі – 2,5 см, биіктігі – 1,3 см, қалыңдығы – 0,3 см. Тонаушылар қазған шұңқырдың толтырмасынан ангоб іздері бар қыш ыдыс сынықтары, жылқы мен қой сүйек қалдықтары және маркұмның төменгі жақ сүйегі табылды.

Қазба жұмыстары күрделі жағдайда жүргізілді: жерлеу орынынан үнемі жер асты сулары өтіп отырғандықтан сулы-сазды масса електен өткізуге келмеді. Сонымен қатар, қыш сынықтарымен бірге анықталған күл қабатының іздері бұл жерде отпен байланысты ғұрыптардың орындалғанын көрсетеді («Есік» МТМ МҚ, 195-іс: 23).

Елеулі олжалардың аздығына қарамастан, обаның құрылымдық ерекшеліктері Өрнек тұрғындарының сырттан келген сипатта болғаны туралы тұжырымдаманы қолдайды. Мұндай жерлеу құрылыстары бұған дейін Жетісу аумағында тіркелмеген. Болашақта жерлеу кешендерін жан-жақты талдау олардың басқа мәдениеттермен байланысын анықтауға мүмкіндік береді.

2019 жылы Өрнек қорымының II тізбегінде орналасқан № 9 және №14 обаларға қазба жұмыстары жүргізілді. Обалардың зерттелуі оңтүстік-шығыс Жетісу археологиялық ескерткіштерінің құрамына кіретін Рахат II жерлеу кешенінің типологиясын анықтау және салыстырмалы талдау жүргізу қажеттілігімен негізделді. Жоғарыда көрсетілгендей тоналуына қарамастан әшекей бұйым анықталған №14 обаға жүргізілген зерттеу жұмыстарының нәтижелерін қарастырайық. Обаның өсімдік жамылғысы алынып, белгілеу жұмыстары жүргізілді. Үйінді құрылысының және оба астындағы кеңістіктің архитектуралық ерекшеліктері анықталды. Оба үйіндісінің биіктігі 0,6-0,7 м, диаметрі 22 м. II тізбектегі басқа обалардан айырмашылығы – тас түсіне қарай сұрыпталмаған, тас Түрген өзенінің арнасынан әкелінген. Жерлеу шұңқырының шекарасын анықтау үшін пішіні төртбұрыш 2×2,6 м көлемінде қазба салынды. Маркұмды батысқа қаратып, топырақ қабірге жерлеген. Қабір шұңқырының өлшемдері: ұзындығы 3,3 м, ені 1,4 м, тереңдігі 1,2 м. Жерлеудің орталық және батыс бөлігі тонаушылар тарапынан қатты бұзылған. Маркұмның жамбас және төменгі аяқ бөлігіндегі сүйек қалдықтары бұзылмаған күйде. Сүйектен жасалған әшекейлер табылды, олар белдікке бекітілген болуы да мүмкін. Б.з.д. IV-III ғғ. тиесілі деп мерзімделген сүйек бұйымдар камералдық өңдеуден өтіп, сипаттамасы жасалып, ғылыми атрибуциясы мен мәдени интерпретациясы берілді («Есік» МТМ МҚ, 221-іс: 18-19).

Салпыншақ (Ілгек) (ЕҚМ НТК 461) – ойылған, тесілген, тегістелген. Ақшыл түсті, бір жақ ұшында марал басының бейнесі бар. Өлшемдері: ұзындығы – 7,2 см, биіктігі – 0,5 см.

Түйме (ЕҚМ ҒКҚ 219) – ойылған тегістелген. Ақшыл сұр түсті, сопақ пішінді , қайта қалпына келтірілген.ортасында саңылауы бар, диаметрі – 0,7 см.

Тақтайша (ЕҚМ НТК 460) – тік бұрышты, беткі қабатына суреттер салынған. Ойылған, тегістелген. Өлшемдері: ұзындығы – 6,5 см, ені – 5,5 см, қалыңдығы – 0,3 см.

Тақтайшаны қалпына келтіру барысында пластинада бейнеленген фигураларды анықтау мүмкін болды. Төменгі екі бұрышында бір-біріне қарама-қарсы орналасқан жыртқыш құстардың бастары айқын көрінеді. Бұл бейнелер аң стилінде орындалған. Құстардың бастары тамшы тәрізді пішінде беріліп, тұмсығы мен көзі анық бейнеленген. Тұмсық пен көзді айқындайтын ойықтар бояумен толтырылған. Тақтайшаның шеттерінде көптеген ұсақ тесіктер бар, олар сүйек пластинаны киім матасына немесе құрамалы белдікке бекіту үшін қолданылған болуы мүмкін (Джасыбаев және т.б., 2020: 342).

Жыртқыш құстар бейнелері сақ кезеңіне жататын тайпалардың жерлеу ескерткіштерінде кеңінен таралған. Мұндай бейнелерді ежелгі көшпелілердің қару-жарақтарынан да жиі көруге болады. Мысалы, Есік обасынан табылған Алтын адамның ақинағының сабының екі ұшы грифонның басы іспеттес жасалған.

Зооморфтық бейнелерді және аталған ақинақтың сабының пішінін талдай отырып, К.А. Ақышев Есік обаларындағы жанама жерлеу орындары б.з.д. V-IV ғасырларға жататынын айтады (Акишев, 1978, 35).

Стильдік және көркемдік жағынан Өрнек олжасына ұқсас құс бастарының бейнелері 1982 жылы Новотроицк ауылы маңынан (Новосибирск облысы) табылған темір семсердің сабында да кездеседі. Мұнда да, Өрнектен табылған сүйек тақтайшадағыдай, құстардың бастары төмен қарай бағытталған, тұмсығы сәл ашық түрде бейнеленген.

Өрнек қорымынан табылған сүйек тақтайшадағы бейнелер көп жағдайда тек бастармен ғана шектеліп, дербес мотив ретінде қолданылмайды. Бұл тәсіл, зерттеушілердің атап өтуінше, әсіресе сармат шеберлері арасында кеңінен таралған және олардың сүйікті сюжеттерінде жиі көрініс тапқан.

Стильдік және мазмұндық тұрғыдан Новотроицк семсері скиф-сібір өнерінің Орта Азия мен Батыс Сібір аймағына тән мәдени қабатқа жақын келеді. Сармат өнерінде жануар бастарының бейнелері өте танымал болғанымен, олар көбіне нақышталуы өзгеше түрде орындалғандықтан, нақты қай жануар бейнеленгенін анықтау қиынға соғады (Соловьев және т.б., 1987: 135).

Аң стиліндегі бейнелер арасында жыртқыш құс немесе қиял-ғажайып қыран басты грифон ерекше орын алады.

Б.з.д. V ғ. көптеген жыртқыш құс бейнесі жеке құс бастары түрінде бейнеленген үлгілерде кездеседі. Бұл бейнелердің басым бөлігі алтыннан қағу және қалыптау әдістерімен жасалған тақтайшаларда орындалған (Артамонов, 1973, 281).

Әсіресе қыран бастарының сұлбасы ерекше мәнерлі әрі бірегей болып келген тақтайшалар топтамасы Яблоновка ауылындағы «Острая Могила» қорымындағы обадан, Еділ-Орал өңіріндегі Берестняги ауылы маңындағы №4 және №5 обалардан белгілі (Смирнов, 1976, 94).

Құс бастарының бейнелері ат әбзелдеріне арналған қола құйма әшекейлерден де анықталған (Максимов, 1976, 210). Сонымен қатар, құлақты грифон бастарының бейнелері марал мүйізінен жасалған тұмарларда да кездеседі. Мұндай олжалар Тувадағы Дужерлиг-Ховуз I қорымы аумағындағы скиф дәуіріне жататын жерлеу ескерткіштерінен табылған (Грач, 1980, 228).

2021 жылы жүргізілген археологиялық зерттеулер барысында Өрнек қорымының II тізбегінде орналасқан №7 обаға кешенді қазба жұмыстары ұйымдастырылды. Аталған нысан алдын ала барлау нәтижелеріне сәйкес стратиграфиялық құрылымы мен мәдени қабаттарының сақталу деңгейін анықтау және археологиялық олжаларды тіркеу мақсатында зерттеуге алынған болатын (Омаров, 2021, 21-22).

Қазба жұмыстары ғылыми әдістемеге сай жүйелі түрде жүргізіліп, оба үйіндісінің құрылымдық ерекшеліктері, топырақ қабаттарының құрамы мен құрылымы жан-жақты талданды. Зерттеу нәтижесінде обадан ешқандай артефакті анықталған жоқ. Бұл обаның тоналуымен байланысты болуы мүмкін.

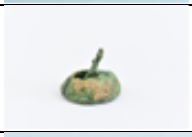
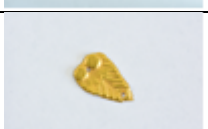
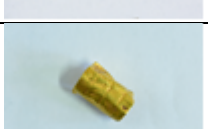
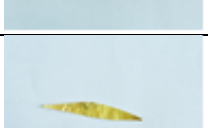
2022 жылы анықталған III тізбектегі №2 обаны зерттеу барысында оба үйіндісінің болжамды орталығы арқылы солтүстік-оңтүстік және батыс-шығыс бағыттары бойынша екі стратиграфиялық шурфтың орны белгіленді. Обаны қазу барысында нақты өлшемдері анықталды: диаметрі 18 м, ал биіктігі 0,7 м болды. №2 оба осы қорымда бұрын зерттелген обалардан кейбір конструктивтік ерекшеліктерге ие. Атап айтқанда, онда тас жабындысы болмаған, ал тас сақина тәрізді құрылымы жер бетінен 30-40 см төмен орналасқан. Бұл жағдайды екі түрлі себеппен түсіндіруге болады: біріншіден, тас құрылым алдын ала қазылған орға орналастырылуы мүмкін; екіншіден, кейінгі кезеңдердегі қарқынды мелиорациялық жұмыстардың әсері болуы ықтимал. Сонымен қатар,

обадағы жерлеу орнының көлемі әдеттен тыс үлкен екендігі назар аудартады. Бұл шағын көлемді обалар үшін тән емес белгі. Обаның мәдени жақындығын айқындайтын негізгі ерекшелік – қабір ішіндегі құрылымның қалануы. Ол түрлі түсті өзен малтатастарынан қаланған тікбұрышты циста түрінде жасалған. Цистаның өлшемдері 4,2 × 2,4 м, оның ұзындығы батыс-шығыс бағыты бойында. Бұл жағдай бастапқыда қосарланған жерлеу немесе жылқымен бірге жерлеу болған деген болжам жасауға негіз берді. Зерттеу барысында обаның бұрын тоналғаны анықталды. Бұл жағдайды қабірден тастардың алынуына байланысты қимада байқалған іздер дәлелдейді (Омаров, 2022, 27-28).

Жерлеудің тағы бір ерекшелігі – адам сүйектерінің толықтай болмауы. Бұл жағдай қабірдің марқұм денесі толық ыдырап үлгермеген кезеңде тоналғанын көрсетуі мүмкін. Сонымен қатар, марқұммен бірге жылқы немесе оның бір бөлігі (pars pro toto қағидасы бойынша) жерленген деген болжам расталды. Қазба барысында жылқы сүйектерінің қалдықтары анықталды. Ең ірі фрагмент – жақ сүйегі – қабір түбінен табылды.

Жылқы культінің болуы бұл жерлеудің Өрнек қорымы ескерткішімен мәдени байланысын көрсетеді. (Тулегенов және т.б., 2024: 280). Қабірден табылған заттай материалдар Б.з.д. IV-III ғғ. тиесілі керамика сынықтары мен металл бұйымдардан (алтын фольга) тұрады. Сары түсті фольганың (НТК 492) салмағы шамамен 1,2 г және ол қандай да бір затты қаптауға немесе орауға арналған болуы мүмкін. Алайда фольганың қатты ұсақ фрагменттерге бөлінуіне байланысты оның нақты мәдени маңызын анықтау мүмкін болмады. Оба бірнеше рет тоналғанына қарамастан, қазба жұмыстары барысында тереңдігі 1,2 м қабір құрылысының ішкі құрылымы мен оның жасалу кезеңдері анықталды. Қабір шұңқырының ішкі жиегі бойымен орташа көлемдегі тастар саз қабаттарымен бекітіле отырып қаланған. Аймақтағы саздың жоғары тығыздығын ескере отырып, қабірді түрлі түсті тастармен әрлеу, рәсімдік-символдық мәнге ие болған деп пайымдауға болады.

Кесте 1. 2015-2022 жылдар аралығында Өрнек қорымынан анықталған ішекей бұйымдар.

№	Заттың атауы, тіркеу нөмірі	Суреті	Табылған жері
1	Қапсырма. ЕҚМ НТК 252		I тізбек №1 оба, 2015 ж.
2	Тізбектер. ЕҚМ НТК 248		I тізбек №2 оба, 2015 ж.
3	Тоғалар. ЕҚМ НТК 251		I тізбек №2 оба, 2015 ж.
4	Ілмек. ЕҚМ НТК 264		I тізбек №2 оба, 2015 ж.
5	Түймелер. ЕҚМ НТК 247		II тізбек №3 оба, 2015 ж.
6	Жапсырма (жапырақ пішінді). ЕҚМ НТК 250		II тізбек №3 оба, 2015 ж.
7	Түтікше. ЕҚМ НТК 249		II тізбек №3 оба, 2015 ж.
8	Фольга. ЕҚМ НТК 273		II тізбек №2 оба, 2016 ж.

9	Қатпарлы үзбелер. ЕҚМ НТК 274		II тізбек №2 оба, 2016 ж.
10	Сақина. ЕҚМ НТК 384		II тізбек №3 оба, 2017 ж.
11	Білезіктің бөлшегі. ЕҚМ НТК 405		II тізбек №8 оба, 2018 ж.
12	Тақтайша. ЕҚМ НТК 460		II тізбек №14 оба, 2019 ж.
13	Салпыншақ. (Ілгек) ЕҚМ НТК 461		II тізбек №14 оба, 2019 ж.
14	Түйме. ЕҚМ ҒКҚ 219		II тізбек №14 оба, 2022 ж.
15	Фольга. ЕҚМ НТК 492		III тізбек №2 оба, 2022 ж.

Қорытынды. 2015-2022 жылдар аралығында Өрнек қорымындағы жүргізілген археологиялық зерттеулер нәтижесінде алынған деректер, ерте темір дәуіріндегі сақ қоғамының материалдық және рухани мәдениетін кешенді түрде қарастыруға мүмкіндік береді. Қорымның орналасу құрылымы, яғни меридиан бағытында орналасқан үш тізбекті обалар жүйесі, оның алдын ала жоспарланған және белгілі бір әлеуметтік-ғұрыптық қағидаларға негізделгенін көрсетеді. Сонымен қатар, жерлеу құрылыстарының архитектуралық ерекшеліктері – таспен қаланған қабірханалар, сақина тәрізді құрылымдар, түрлі түсті малтатастарды қолдану және жерлеу ғұрпының элементтері (батысқа бағыттау, жылқы сүйектерінің кездесуі, құрбандық белгілері) сақ тайпаларының дүниетанымдық жүйесі мен діни-нанымдарының күрделілігін айқындайды.

Зерттеу барысында ерекше назар аударылған әшекей бұйымдар кешені сол кезеңдегі қолөнер мен зергерлік өнердің жоғары деңгейде дамығанын көрсетеді. Сары түсті металдан, қоладан және сүйектен жасалған бұйымдар технологиялық әдістердің (соғу, құю, қалыптау, нақыштау, бояу) кең қолданылғанын дәлелдейді. Әсіресе, зооморфтық бейнелермен безендірілген бұйымдар сақ дәуіріне тән «аң стилі» өнерінің айқын көрінісі болып табылады және оның идеологиялық мазмұнын ашады.

Сондай-ақ, сары түсті металдардың нақты құрамын анықтау мәселесі өзекті болып қала береді. Оларды алтын ретінде қарастыруға археологиялық және салыстырмалы деректер негіз болғанымен, ғылыми тұрғыдан дәлелдеу үшін физика-химиялық сараптамалар жүргізу қажет. Бұл өз кезегінде археологиялық материалдарды интерпретациялауда кешенді әдістерді қолданудың маңыздылығын көрсетеді.

Жеті жылдық далалық маусымда жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижелері әшекей бұйымдардың типологиялық және материалдық әртүрлілігін, сондай-ақ жерлеу ғұрпының тұрақты және өзгермелі элементтерін анықтауға мүмкіндік берді. Бірқатар обалардың тоналуы деректердің толық сақталуына кері әсерін тигізгенімен, сақталған материалдар негізінде ғылыми тұжырымдар жасауға болады.

Өрнек қорымы Жетісу өңіріндегі ерте темір дәуірі ескерткіштерінің ішінде ерекше орын алатын, сақ мәдениетінің аймақтық ерекшеліктерін, мәдени байланыстарын және дүниетанымдық жүйесін зерттеуде маңызды археологиялық кешен болып табылады. Болашақта пәнаралық және

зертханалық талдауларды кеңінен қолдану, бұл ескерткіштің ғылыми әлеуетін тереңірек ашуға мүмкіндік береді деп ойлаймыз.

Әдебиеттер тізімі

Акишев К.А. Курган Иссык. Исскуства саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 130 с.

Артамонов М.И. Сокровища саков. М.: Искусство, 1973. 208 с.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М: Наука, 1980. 256 с.

Джасыбаев Е.А., Тулегенов Т.Ж., Чекин А.Г. Костяная пластина из Орнекского могильника: к вопросу об аналогиях изображениям голов хищных птиц // Марғұлан оқулары – 2020: «Ұлы Дала археологиялық және пәнаралық зерттеулер аясында» атты халықаралық ғылыми-тәжрибелік конференция материалдары / Бас ред. Б.Ә. Байтанаев (Алматы қ., 17-18 қыркүйек 2020 ж.). Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2020. 1 том. 340-348 бб.

«Есік» музей-қорық қорының бас түгендеу кітабы. ЕҚМ НТК. 155 б.

«Есік» музей-қорық қорының бас түгендеу кітабы. ЕҚМ ҒКҚ. 153 б.

«Есік» МТМ МҚ. Тізімдеме 1. 119-іс, 59 п.: Тулегенов Ж.К. Отчет о НИР за 2015 г.

«Есік» МТМ МҚ. Тізімдеме 1. 141-іс, 67 п.: Тулегенов Ж.К. Отчет о НИР за 2016 г.

«Есік» МТМ МҚ. Тізімдеме 1. 169-іс, 75 п.: Тулегенов Ж.К. Отчет о НИР за 2017 г.

«Есік» МТМ МҚ. Тізімдеме 1. 195-іс, 66 п.: Тулегенов Ж.К. Отчет о НИР за 2018 г.

«Есік» МТМ МҚ. Тізімдеме 1. 221-іс, 76 п.: Тулегенов Ж.К. Отчет о НИР за 2019 г.

«Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейі: Есеп-альбом = Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык»: Альбом-отчет.: - Алматы, 2020. – 248 б.

Максимов Е.К. Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М: Наука, 1976 С. 210-218.

Омаров Г.К. Конструктивные особенности курганов ранних кочевников Шелек-Талгарского междуречья // Отчет о НИР (итог.) Государственого историко-культурного музея-заповедника «Есік»; рук. Омаров Г.К.; отв. исполн.: Тулегенов Т.Ж. и др. 2021. 161 с. № ГР 0121РК00716. Инв. № 0221РК00508.

Омаров Г.К. Конструктивные особенности курганов ранних кочевников Шелек-Талгарского междуречья // Отчет о НИР (итог.) Государственого историко-культурного музея-заповедника «Есік»; рук. Омаров Г.К.; отв. исполн.: Тулегенов Т.Ж. и др. 2022. 127 с. № ГР 0121РК00716. Инв. № 0222РК00636.

Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М: Наука, 1976. С. 74-89.

Соловьев А.И., Мартынов Н.И., Теребило Г.И. Меч скифского времени из Барабы // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 133-138.

Тулегенов Т.Ж. Охранно-спасательные работы на курганном могильнике Орнек (итого полевого сезона 2015 г.) // Мир Большого Алтая. 2016. № 4. Т. 2. С. 930-935.

Тулегенов Т.Ж., Амаргазиева Ә.Ж. Жетісу сақтарының ғұрыптық-жерлеу тәжірибесін реконструкциялау: Өрнек қорымы негізінде (мәдени-хронологиялық талдау) // Марғұлан оқулары – 2024 Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары Т 1. Алматы, 2024 ж. 273-287 бб.

T.Zh. Tulegenov, E.A. Aitkulova

Historical-cultural analysis of the ornaments unearthed from the Ornek burial ground

The article argues that the Ornek burial ground is a key site for understanding the Early Iron Age in the Zhetysu region. The results of archaeological investigations (2015-2022) at Ornek reveal a meridionally oriented system of three burial mound chains, the architecture of burial constructions, and distinct typological characteristics.

Based on the results of seven field seasons, the distribution of ornaments, their typological features, and the main characteristics of burial practices were systematized.

The article focuses on ornaments made of yellow metal, bronze, and bone discovered at the site. The issue of determining the precise composition of the yellow metal is addressed, suggesting that it may consist of gold or copper-based alloys. Using archaeological evidence, the manufacturing techniques, artistic features, and social as well as symbolic functions of these items are analyzed.

Furthermore, it is demonstrated that the zoomorphic representations found on the artifacts reflect the worldview, aesthetic preferences, social structure, and religious-ritual traditions of ancient nomadic societies.

The research results demonstrate that the Ornek burial ground provides vital evidence for reconstructing the regional development and characteristics of Saka culture in the Early Iron Age Zhetysu. These findings enhance our understanding of both the material and spiritual values of this society.

Key words: Zhetysu, Ornek burial ground, Early Iron Age, archaeology, ornaments, yellow metal, bronze, bone artifacts, animal style, burial practices.

Т.Ж. Тулегенов, Э.А. Айткулова

Историко-культурный анализ украшений, найденных в могильнике Орнек

В статье рассматриваются результаты археологических исследований, проведённых в 2015–2022 годах на могильнике Орнек Енбекшиказахского района Алматинской области. В ходе исследований были выявлены структурные особенности могильника, в частности система трёх цепочечных курганов, ориентированных по меридиану, архитектура погребальных сооружений и их типологические характеристики.

На основе результатов раскопок, проведённых в течение семи полевых сезонов, были систематизированы данные о признаках погребального обряда, распространении украшений и их типологических особенностях.

Особое внимание в статье уделяется украшениям, изготовленным из жёлтого металла, бронзы и кости, обнаруженным на территории могильника. Поднимается вопрос о точном составе жёлтых металлов, которые, предположительно, могли быть золотом или медными сплавами. На основе археологических данных рассматриваются технологии изготовления изделий, их художественные особенности, а также социальные и символические функции.

Кроме того, показано, что зооморфные изображения на найденных предметах отражают мировоззрение древнего кочевого общества, его эстетические предпочтения, социальную структуру и религиозно-обрядовые традиции.

Результаты исследования позволяют определить значение могильника Орнек среди памятников раннего железного века Жетысу и способствуют комплексному пониманию региональных особенностей сакской культуры, её материальных и духовных ценностей.

Ключевые слова: Жетысу, могильник Орнек, ранний железный век, археология, украшения, жёлтый металл, бронза, костяные изделия, звериный стиль, погребальный обряд.

М.А. Реутова
Самаркандский Институт археологии имени Я. Гулямова
Самарканд, Узбекистан
mreutova@gmail.com

Исследование и реставрация архитектурного декора буддийского культового центра Каратепа в Старом Термезе

Доклад посвящен изучению объектов изобразительного искусства комплекса Каратепа, игравшего не последнюю роль в развитии буддийской художественной традиции в Центральной Азии. Этот античный культовый центр расположен на территории городища Старый Термез в Сурхандарьинской области Узбекистана. Каратепа - памятник наземно-пещерного типа, единственный по своей планировке на территории Средней Азии. В процессе его археологического исследования, проведенного в последние годы, было найдено большое количество фрагментов архитектурного декора, украшавшего многочисленные помещения, коридоры и дворы комплекса. Это полихромная монументальная живопись на лессовой основе, глиняно-ганчевая и каменная скульптура. В ходе раскопок проведена полевая консервация сотен фрагментов архитектурного декора. При проведении реставрации в стационарных условиях прослежена техника монументальной живописи и ваяния скульптуры. Современными физическими методами определен состав минеральных пигментов, которыми пользовались древние мастера. Выявлены аналогии в технике и сюжетах живописи, найденной на памятниках Бактрии-Тохаристана, расположенных ныне на территории современного Таджикистана и Афганистана.

Ключевые слова: Бактрия, античность, буддийское искусство глиняно-ганчевая скульптура, живопись, консервация, реставрация.

Памятник Каратепа в Старом Термезе является самым крупным в северной Бактрии буддийским культовым центром. Мировую известность ему принесли раскопки, проводимые с 1961 г. экспедицией под руководством Б.Я.Ставиского, а с 1998 г. узбекско-японской и узбекско-корейской экспедициями под руководством Ш.Р.Пидаева. Объект располагается на трех естественных возвышенностях из четвертичного песчаника на правом берегу Амударьи. Общая площадь составляет более 8 гектаров. Выбор места для строительства был, видимо, не случаен. Рельеф местности позволял буддийской общине, обосновавшейся в Тармите-Термезе, строить здесь культовые комплексы наземно-пещерного типа. Большинство членов этой общины, в первое время ее существования, были выходцами из Индии. Поэтому они придерживались традиционного строительства, характерного для ранних буддийских общин Индии. Строительство первых буддийских культовых сооружений на месте Каратепа, видимо, относится к первому веку н.э. Наибольший расцвет приходится на II-III вв.н.э., когда на Каратепа отмечается массовое строительство культовых комплексов и обновление ранее построенных. К концу III в.н.э. отдельные комплексы Каратепа приходят в упадок или подвергаются разрушению. Это, по всей вероятности, было связано с военными походами первых сасанидов против Кушанского государства с целью захвата Бактрии-Тохаристана.

Каратепа отличается довольно сложной планировкой, поскольку в него входит много комплексов с храмами, святилищами и ступами. Интерьеры святилищ или особо почитаемых мест украшала сюжетная и орнаментальная живопись, глиняно-ганчевая и каменная скульптура (Пидаев 2016: 49-51; Ковалева 2010: 23-53). В архитектурном декоре довольно широко использовался белый известняк, каменоломни которого были найдены недалеко от Термеза. Из всего сказанного можно сделать заключение, что памятник Каратепа является уникальным археологическим объектом.

Многолетние раскопки показали, что стены дворов и помещений были украшены живописью, причем технологически очень разной. Стены пещер, которые были святилищами и кельями монахов, поверх глиняной штукатурки были покрыты ганчевой обмазкой. В одних случаях поверх ганча в нижней части стены проходила панель красного цвета. В других - монохромная живопись чаще всего орнаментального характера, которая наносилась красным или черным цветом. Встречалась однослойная и двухслойная роспись, что было связано с проходившими ремонтами или перестройками. Во дворах и помещениях, примыкающих ко двору, роспись стен была сюжетной. К сожалению, в основном росписи сильно разрушены, красочный слой потерт. Многие изображения читаются только по контурам.

Древние художники применяли на памятнике Каратепа технику живописи “альсекко” - нанесение росписи по сухой, хорошо подготовленной лессовой штукатурке или ганчевой подложке. Выполнению геометрических орнаментов или повторяющихся в рапорте узоров предшествовала разбивка поля с использованием или острого инструмента, или окрашенной тесьмы. Это выполнялось так, что зримых следов на росписи не оставалось. В сюжетных композициях, в большинстве случаев, предварительно контурными линиями наносился подготовительный рисунок всей композиции, внутренняя поверхность элементов которого затем раскрашивалась. Рисунок наносился кистями различной толщины. Непринужденный нажим или ослабление кисти в процессе письма придавали линиям легкость и живость. Основная гамма красок сравнительно ограничена – красный, желтый, черный, белый, реже коричневый, бордовый, зеленый и голубой. Разбавлением чистых красок гипсом получали разбеленные тона– различные оттенки розового, голубого, серого.

Для сбора более полных сведений о технике живописи были проведены исследования, по изучению состава минеральных красок, применявшихся древними мастерами для монументальной живописи и раскрашивания скульптуры. По результатам проведенного рентгенофлюоресцентного анализа основа красной краски - гематит с примесью кальцита, желтой – охра, черной – сажа. Для получения зеленого цвета использовали малахит или глауконит, для синего - лазурит (Ярош, Меerов 1996: С. 274-28; Lopez Prat, Miriello, Lancelotti, Reutova 2025: 285-289).

В последние годы раскопки проводились в наземной части комплекса на северном и частично западном холме. В процессе вскрытия объектов были обнаружены оригинальные живописные композиции. Одна из них, довольно редкая в живописном искусстве, встречена на стене западного обводного коридора двора на северном холме (рис. 1).

Живопись, размером 183×95 см, находилась на высоте около 1,2 м над уровнем пола. Она монохромная и выполнена на белом фоне красной краской. Рисунок представляет собой пять кругов, находящихся один в другом. Их диаметры 130 см, 102 см, 64 см, 26 см и 8 см, соответственно. В центральном, самом маленьком круге, видимо нарисовано солнце – сплошь окрашенный диск с отходящими от него слегка изогнутыми лучами. Каждый последующий круг разделен прямыми линиями на сегменты, в которых изображения носят геометрический характер. Верхняя поверхность сегментов напоминает по форме лист лотоса. Плохая сохранность красочного слоя затрудняет толкование рисунка каждого сегмента. В целом можно предположить, что на стене находилось своеобразное изображение “Колеса Закона”, буддийского символа дхарм (Закон космического мироздания) и учения Будды о пути к просветлению, освобождения от кармического перерождения в сансаре. “Колесо Закона” именуется благородной эмблемой буддизма и впервые, в такой сложной и оригинальной композиции, было открыто в живописи Северной Бактрии. Более простые изображения были встречены ране: на фрагменте живописи, обнаруженной в завале возле западной входной ниши комплекса “Г” на южном холме. Рисунок сохранился частично - контурное изображение части круга красной краской по белому ганчевому фону. Предполагалось, что это изображение находилось над входом в пещеру (Ставиский 1982: 32). Небольшое изображение “Колеса Закона” мы видим на куполе ступы памятника Фаязтепа, расположенного менее, чем в 1 км к северу от Каратепа. Кроме того, орнамент “Колеса закона” встречается на штампованной керамике. Изображение “Колеса Закона” непременный атрибут в буддийских монастырях и до настоящего времени.

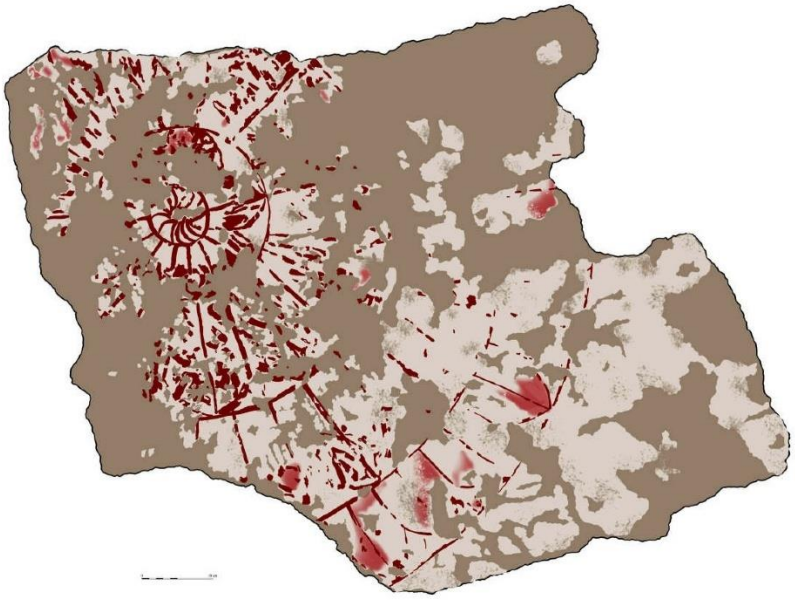

Рис. 1. Прорисовка фрагмента росписи “Колесо Закона”

Несколько небольших фрагментов сюжетной живописи открыто в завале двора комплекса “В” западного холма. На одном из фрагментов на красном фоне нарисованы мелкие белые цветы и два крупных лотоса, середина которых оформлена в виде красной розочки. Сами лепестки лотоса удлиненные, набегают друг на друга. Лепестков шестнадцать, цифра, указанная в каноне изображения этого священного в буддизме цветка. В центре лепесток белый. К краю он окрашен в голубой цвет, а сам контур цветка темно-синий. На фрагменте также сохранилось изображение верхней части лица женского персонажа. Оно окрашено в красноватый цвет, который несколько бледнее, чем фон росписи. Голова изображена в три четверти оборота. Сохранились тонкие изящно нарисованные брови, очертания правого глаза. Волосы черного цвета. Вокруг головы нарисован нимб. Он окрашен в зеленый цвет на черной подложке, что делает цвет зелени более густым и насыщенным (рис. 2).

При исследовании западной части северного холма вскрыт зал, стены которого были покрыты полихромной живописью, которая сохранилась на высоту около 2,5 м. Уникальность новой находки состоит в ее относительно хорошей сохранности. В ней представлены целые композиции, имеющие высокую информативность и художественную ценность. Эта живопись открыла новую страницу не только в истории буддийского искусства Бактрии-Тохаристана, но и всей Центральной Азии. Анализ размещения росписи на стенах зала показал, что древний мастер был большим профессионалом и новатором. Поверхность стен была разделена на три яруса. Нижний был окрашен бордовой охрой. На втором и третьем, разделенных на прямоугольные рамы, размещены фигуры мужских и женских персонажей. Живопись интерпретируется как распространенный в буддийском искусстве сюжет “Божество и донаторы”. Удивляет широкая палитра красок в чистых тонах и их оттенках. Изображения персонажей в различных ракурсах и использование объемного моделирования придавало персонажам живость и эмоциональность (Пидаев 2016: 50).

Рис. 2. Фрагмент росписи с лотосами

В архитектуре памятника, как в дворовой части, так и в помещениях, важное место занимали ниши различного размера. В нишах были размещены скульптуры. Стены ниш были расписаны. Фоном был в основном черный цвет, на котором были нарисованы красно-белые бутоны лотоса и белые пятилепестковые цветы.

Комплексное использование живописи и лепки встречено в замечательном творении древних мастеров – ступе, обнаруженной в помещении 11 на северном холме. Впервые здесь была раскопана ступа, подпрямоугольной формы. Верхняя платформа ступы была украшена крупными листьями лотоса, выполненными из ганча. Боковые стены богато украшены росписью и лепниной. Декор сохранился практически полностью на одной стене ступы и частично на трех остальных. На каждой из стен ступы между рельефными расписными карнизами, оконтуривающими стенки снизу и сверху, располагалось по пять сложнопрофилированных арок - трапециевидные чередовались со стрельчатыми. Каждая из арок своими концоми опиралась на прямоугольные колонны аттического типа. В пространстве между арками размещены рельефные изображения священной птицы Гаруды с распахнутыми крыльями. Внутри арок находились изображения персонажей: в центре - Будды, к которому повернуты дароносцы, изображенные в остальных четырех арках.

К сожалению, красочный слой живописи сильно потерт, но изображения читаются. Каждое из них индивидуально, они одеты в одежды- сандхати разного цвета и держат в руках какие-то предметы. Это известная в буддизме сцена “Пранидхи”, поклонение божеству или царю, которую мы довольно часто встречаем в живописи Северной Бактрии (Фаязтепа, Дильберджинтепа, Мес Айнак, Калаи-Кафирниган). Изображение персонажей в арках вышеприведенного типа довольно часто встречается в каменных горельефах Гандхары, но в тематике “Отречение и великий уход Шакьямуни (Будды)” (Ghani-ur-Rahman 2021:205, 221).

В процессе раскопок на памятнике было обнаружено значительное количество фрагментов глиняно-ганчевой скульптуры буддийского пантеона. Это изображения Будды, бодхисатв и дароносцев. Были обнаружены и почти целые скульптуры, но у всех отсутствовали головы. Статуи были различных размеров и располагались в многочисленных нишах во дворах комплекса и помещениях как единично, так и групповыми композициями. В отличии от памятников Топрак-кала или Халчаяна, где скульптурные многоперсонажные композиции барельефом располагалась на стенах помещений, характерной особенностью скульптуры Каратепа было то, что она была пристенной, т.е. своей задней частью она вплотную примыкала к стене.

Многочисленные фрагменты обломков скульптуры, в которых воплотились образы Будды, монахов, донаторов, были найдены в завалах помещений и дворах комплекса. Известно, что скульптура была наделена святостью и поэтому фрагменты разрушенных статуй не выбрасывались (это было бы святотатством), а складывались в отдельные места. Например, большое скопление обломков было обнаружено в юго-западном углу двора с большой ступой на северном холме. Как показал внешний осмотр, обломки принадлежали скульптурам неодинакового размера, принесенным сюда из различных помещений комплекса. Кроме того, при расчистке тыльной

стороны скульптуры в глиняной массе были встречены маленькие кусочки скульптуры или фрагменты росписи. То есть разрушенная временем скульптура или отпавшие фрагменты росписей разбивались на мелкие части и вкладывались в глиняное тесто, из которого формовалась другая статуя.

Среди обнаруженных в скоплении обломков встречены головы персонажей (донаторов и бодхисатв), фрагменты рук, ног, детали одежды и аксессуаров (накладные украшения в виде розеток и бляшек, пуговицы и круглые шарики, напоминающие бусинки). Всего было расчищено, закреплено и извлечено из завала более ста пятидесяти обломков скульптуры разной степени сохранности и размеров.

Реставрационный процесс позволяет детально проследить технологию изготовления глиняно-ганчевой скульптуры. Это было зафиксировано на примере фрагмента сидящего персонажа верхняя часть которого, к сожалению, полностью утрачена Сохранившиеся размеры 84×65×25 см. В отличии от множества других пристенных скульптур Каратепа, она была круговой. В этой скульптуре каркасом служил жгут из камыша (от него осталось круглое по форме отверстие с рыхлым заполнением). Вокруг него вчерне из глины формовалась сама скульптура. Внутри рук и ног в качестве каркаса вставлялись бруски из дерева, а пальцы формовались гипсом вокруг соломенок. Сам органической материал полностью истлел, но остались пустоты квадратные по форме (деревянные бруски) и тоненькие круглые отверстия в пальцах. Затем поверх глины на клее растительного происхождения приклеивалась грубая ткань, отпечатки которой четко прослеживаются на тыльной стороне ганчевой обмазки, которая наносилась затем поверх ткани. Ганчевая обмазка была толщиной от 3 до 4 мм. Ганчем формовались складки одежды персонажа, пальцы рук и ног. У маленьких скульптур - кисти рук и стопы ног были полностью сделаны из ганча.

В одном из помещений памятника была найдена гипсовая матрица, в которой штамповались украшения для скульптуры – розетки и различного вида пуговицы. Также иногда штампами были отлиты головы отдельных персонажей. Были встречены обломки лиц, которые имели гладкую полосу разлома от центра лобной части, к щеке и до подбородка. Но традиционно головы персонажей делались вручную. Поэтому встречено большое разнообразие образов, многие из которых возможно имели реальных протопипов. Последняя операция в изготовлении статуи– раскрашивание, где в основе красок использовались пигменты, полученные из природных минералов и затворенные на растительном клее типа шереш (камеди фруктовых деревьев). Обычно вся скульптура окрашивалась в розовый или белый цвет, значительно реже использовалась зеленая краска. Найдено несколько фрагментов, на которых локально сохранилась позолота (голова Будды, украшение горловины одеяния Будды, поверхность вативной ступы и др.). Также были встречены обломки статуй, где на общем фоне сохранилась роспись в виде сердечек красного цвета.

Чаще всего в нишах Каратепа находились статуи Будды. Иногда с небольшими скульптурками донаторов. Но в одной из ниш, расположенной на западной стене двора с большой ступой на северном холме была раскопана уникальная скульптурная композиция (рис. 3). Расчистка завала в нише показала, что здесь была представлена многофигурная скульптурная группа, что довольно редкое явление. Помимо фрагмента сохранившейся ниже пояса сидящего персонажа в нише (in situ) были найдены туфельки, принадлежавшие пяти стоящим персонажам высотой в три четверти человеческого роста. Возможно это были ученики Будды или донаторы. Скульптуры учеников – пристенные, фигура Будды – объемная, но часть спины проработана не достаточно аккуратно.

Рис. 3. Фрагменты скульптуры в нише

Встречено много обломков торсов, рук, архитектурных элементов в виде листьев и один фрагмент головы. В архитектурном декоре украшения этой ниши присутствует изображение грифона. Фигура божества выполнена весьма реалистично, естественна поза. С большим изяществом расположены складки одеяния из легкой ткани. Ноги обуты в узконосые туфли. Руки украшают браслеты. От стоящих персонажей сохранились только туфли, которые своей задней стороной примыкают к стене. Их сохранилось семь штук. От восьмой туфельки сохранилась лишь сильно разрушенная пяточная часть, поскольку она находилась на самом краю ниши. Обувь белого цвета, с закругленными носами, длиной около 20 см. В верхней части туфли по четыре прорезанные линии, изображающие как бы складки на подразумеваемой коже или ткани обуви. На боку одной из туфелек сохранилась круглая с фигурным рельефом бляшка.

После окончательной расчистки ниши от фрагментов лежащей в ней скульптуры было установлено, что в ней производился ремонт. Сначала пол ниши был покрыт слоем ганча. Стены ниши окрасили в черный цвет, оставив не закрашенными места для бутонов лотоса. Затем белой и розовой краской нарисовали крупные бутоны лотосов, использовав при этом метод объемного моделирования. В центре цветок белого и бледно-розового цвета, а по краям – более насыщенного красного. В контрастность белому полу одежды Будды окрасили в розовый цвет. В ходе ремонта, поверхность пола подняли на 0,5-0,7 см и выкрасили его в красный цвет. При этом одежду Будды перекрасили в белый цвет. В ходе поднятия пола ножки стоящих фигур и скульптура самого Будды оказались как бы утопленными в него. Изучение фрагментов скульптуры, обнаруженной в нише показало, что здесь была представлена довольно живописная и уникальная по своему исполнению композиция, выполненная талантливым скульптором.

Обработка материалов из буддийского культового центра Каратепа продолжается уже более двадцати лет. Отдельные, наиболее выразительные фрагменты, прошли сложный и многоэтапный процесс реставрации и монтирования на современную основу для экспозиции на выставках и музеях республики. Это фрагменты живописи, скульптуры Будды и донаторов, архитектурный декор, которым были оформлены стены нескольких ниш и др. (рис. 4 и 5).

Рис. 4. Скульптура Будды после реставрации

Рис. 5. Голова донатора после реставрации

Из всего приведенного выше можно сказать, что основным принципом художественной культуры Северной Бактрии был синтез искусств - архитектуры, пластики и живописи. Количество буддийских памятников, украшенных росписями и глиняно-ганчевой скульптурой, высокий уровень их создания свидетельствуют о сложении в регионе в I-IV вв. художественных школ, имеющих устойчивые художественные традиции. Бактрийские мастера в своем творчестве использовали буддийскую иконографию, которая формировалась в центрах буддийского искусства в Индии (Гандхара и Матхура). В тоже время, в изображении некоторых персонажей, они стремились передать местный этнический тип и этнографию жителей Северной Бактрии. Особенно это видно в изображениях донаторов и донатрисс как в живописи, так и в скульптуре. Обнаруженные материалы и проведенные исследования показывают, что в период Кушанского царства в Северной Бактрии уже сформировалась техника полихромной живописи и скульптуры, которые не только имели высокую техническую ценность, но и демонстрировали уникальный творческий подход, рациональность и развитое эстетическое сознание ее создателей.

Список литературы

Ковалева Н.А. Исследование, консервация и реставрация фрагментов монументального декора из комплекса Е буддийского культового центра Кара-тепе в Старом Термезе // Художественное наследие (хранение, исследование и реставрация). № 25 (35). М.: ОАО “Типография “Новости”, 2010. С. 23-53.

Пидаев Ш.Р. Настенная живопись в буддийском храме на Каратепа // Фан ва турмуш. Ташкент: ЧП “Print Line Group”, 2016. № 3-4. С. 49-51.

Ставиский Б.Я. Основные итоги изучения Кара-тепе в 1974-1977 гг. // Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1982. С. 7-49.

Ярош В.Н., Мееров К.А. Исследование неорганических материалов живописи и скульптуры Кара-тепе// Буддийские комплексы Каратепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1996. С. 274-281.

Ghani-ur-Rahman. Iconographic Symbolism and Socio-Religious Background of the Worldly Mission of Buddha Siddhartha as Represented in Gandhara Sculptures, Pakistan. Samarkand: ICAS 2021, 354 p.

Lopez-Prat M., De Luca R., Pessi A., Mileto S., Guido A. The modeling pastesof the monumental terracrudas culpture of the Silk Roads Archeometric study of the Tepe Nareny and Qol-e-tut examples (Kabul, Afghanistan) // Archaeometry. 2023. № 1-24. P. 3-27.

Lopez Prat M., Miriello D., Lancelotti C., Reutova M. Characterization of Finishing Plasters in Monumental Terracruda Sculpture Case Studies from Buddhist Archaeological Sites of Kara Tepe (Uzbekistan) and Tepe Varenj and Qol-e-Tut (Afganistan) // Materials of 7th Historic Mortars Conference. Padova. (Italien). 2025. Pp. 285-289.

М.А. Реутова

Ескі Термездегі Қаратепа буддалық культ орталығының сәулеттік декорациясын зерттеу және қалпына келтіру

Баяндама Орталық Азиядағы буддалық көркемдік дәстүрдің дамуында маңызды рөл атқарған Қаратепе кешенінің бейнелеу өнері объектілерін зерттеуге арналған. Бұл көне культ орталығы Өзбекстанның Сурхандария облысындағы Көне Термез қалашығы аумағында орналасқан. Қаратепа – жерүсті үңгір түріндегі ескерткіш, орналасуы жағынан Орталық Азияда бірегей. Соңғы жылдары жүргізілген археологиялық зерттеулер барысында кешеннің көптеген бөлмелерін, дәліздерін және аулаларын безендіретін көптеген сәулеттік безендіру фрагменттері табылды. Бұл лесс негізіндегі полихромды монументалды кескіндеме, саз-ганч және тас мүсін. Қазба жұмыстары кезінде сәулеттік декордың жүздеген фрагменттерін далалық консервациялау жұмыстары жүргізілді. Стационарлық жағдайда қалпына келтіру жұмыстарын жүргізген кезде монументалды кескіндеме мен мүсіннің техникасы қадағаланды. Ежелгі шеберлер пайдаланған минералды пигменттердің құрамын анықтау үшін заманауи физикалық әдістер қолданылды. Қазіргі Тәжікстан мен Ауғанстан территориясында орналасқан Бактрия-Тохаристан ескерткіштерінен табылған кескіндеме техникасы мен пәндерінде ұқсастықтар анықталды.

Түйін сөздер: Бактрия, антикалық дәуір, будда өнері, балшық және ганч мүсіндері, кескіндеме, консервация, реставрация.

M.A. Reutova

Research and restoration of the architectural decoration of the Karatepa Buddhist religious centre in Old Termez

This paper is devoted to the study of the fine art objects from the Karatepa complex, which played a significant role in the development of the Buddhist artistic tradition in Central Asia. This ancient religious centre is located on the territory of the Old Termez settlement in the Surkhandarya Region of Uzbekistan. Karatepa is a ground-and-cave-type monument, unique in its layout within Central Asia. During archaeological research carried out in recent years, a large number of fragments of architectural decoration were found, which decorated numerous rooms, corridors and courtyards of the complex. These include polychrome monumental paintings on a loess base, as well as clay-plaster and stone sculptures. During the excavations, field conservation was carried out on hundreds of fragments of architectural decoration. During restoration in a laboratory setting, the techniques of monumental painting and sculpture were analysed. Modern physical methods have determined the composition of the mineral pigments used by the ancient masters. Analogies have been identified in the techniques and subjects of the paintings found on the monuments of Bactria-Tocharistan, located in present-day Tajikistan and Afghanistan.

Key words: Bactria, antiquity, Buddhist art, clay-ganch sculpture, painting, conservation, restoration.

А.А. Тишкин (мл.)
Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
mattcraft@mail.ru

Поиск методики сравнительного анализа для реконструкции щитов древних кочевников Внутренней Азии, изображенных на «оленных» камнях*

В настоящее время уже общепринятым считается интерпретация «пятиугольных решетчатых фигур» на «оленных» камнях в качестве воинских щитов. Накопленная существенная изобразительная база позволяет приступить к детальному сравнительному анализу для реконструкции такого вида защитного вооружения. Однако данная научно-исследовательская работа сопряжена с рядом проблем и затруднений. Они частично обозначены в данной публикации, которая посвящена поиску отдельных решений, связанных с разработкой методики получения объективных показателей для реализации намеченной программы. В качестве базовых материалов выступают реальные находки сохранившихся щитов в курганах пазырыкской культуры, а также цифровые копии «оленных» камней, полученные при обработке результатов фотограмметрии. Основной идеей для апробации одного из возможных подходов при сравнительном анализе стало рассмотрение коэффициента пропорциональности, получаемого при соотношении длины и ширины щитов.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, период поздней бронзы, переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку, «оленные» камни, изображения щитов, находки пазырыкской культуры, фотограмметрия, методика сравнительного анализа, коэффициент пропорциональности.

Введение. За многолетнюю историю изучения «оленных» камней сформировалась существенная информационная база о самих древних изваяниях, а также об имеющихся на них изображениях (Волков 2002; Монгол ба бүс… 2018; Төрбат и др. 2021; Bayarsaikhan 2022; и др.). Среди многочисленных петроглифов, выбитых на этих стелах, особое место занимают так называемые «пятиугольные решетчатые фигуры», интерпретация которых долгое время оставалась дискуссионной. К настоящему времени большинство исследователей сходятся во мнении, что данные изображения являются воинскими щитами (Дэвлет 1976; Волков 2002; Тишкин 2019; Төрбат и др. 2021; и др.). Однако их типология, особенности оформления и соотношение с реальными археологическими находками до сих пор недостаточно разработаны. Цель данной публикации – сопоставить пропорции сохранившихся щитов пазырыкской культуры скифо-сакского времени (из Первого Пазырыкского кургана, Третьего Пазырыкского кургана, Первого Туэктинского кургана и кургана №1 памятника Олон-Курин-Гол-10) с изображениями щитов на «оленных» камнях Монголии (памятники Дааган дэл, Элсэн толгой, Чацарганы Хар үзүүр), датируемых поздней бронзой и переходным периодом к раннему железному веку, чтобы иметь возможности для дальнейшего изучения и сравнительного анализа изобразительных источников.

Методы и результаты исследования. Основным аналитическим приемом избрано вычисление отношения высоты выбитого на древнем изваянии предмета защитного вооружения к его ширине, что позволяет выявить разные группы изделий, оценить степень их соответствия с реальными находками и получить информацию для необходимых реконструкций. При изучении щитов из курганов пазырыкской культуры, а также изображений на «оленных» камнях использовались обычные измерительные приборы (рулетка, линейка, штангенциркуль) и данные компьютерной программы, привлекаемой для обработки результатов фотограмметрии древних изваяний. Для оценки реальных предметов защитного вооружения привлекались размеры, обозначенные в публикациях (Грязнов, 1950; Руденко, 1953, 1960; Молодин и др. 2012). Большинство из них уточнялись измерениями, сделанными автором статьи непосредственно при изучении экспонатов в фондах Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург) и Бийского краеведческого музея им. Бианки (г. Бийск). Детально рассматривались изображения на стелах, полученные при копировании на микалентную бумагу, а также в ходе многоплановой

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-18-00470-П («Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»), https://rscf.ru/project/22-18-00470/

фотофиксации, выполненной во время экспедиционных работ в Монголии на памятниках Дааган-Дэл (Завханский аймак), Элсэн-Толгой и Чацарганы Хар үзүүр (Ховдский аймак). Фотограмметрия части «оленных» камней осуществлялась автором с использованием фотоаппарата Sony Alpha 7R II (ILCE-7RM2) с объективом 28 мм и кольцевой вспышкой. Другая часть древних изваяний и обработка всех полученных данных проводились к.т.н. С.Ю. Бондаренко с помощью авторской компьютерной программы*. Всего было проанализировано восемь найденных щитов из погребальных комплексов пазырыкской культуры (рис. 1) и 10 изображений на девяти «оленных» камнях (рис. 2). Для каждого такого объекта вычислялся показатель отношения высоты к ширине (В/Ш) для получения коэффициента пропорциональности. Результаты представлены ниже в таблице 1 и на диаграммах (рис. 3).

При проведении исследования имели место проблемы, связанные в основном с сохранностью источников. Для разработки методики сравнительного анализа использовались сохранившиеся находки из памятников пазырыкской культуры (рис. 1) с необходимыми размерами. Стоит кратко представить их археологический контекст и имевшие место суждения авторов публикаций. Исходя из указанных размеров, был вычислен коэффициент пропорциональности для каждого представленного источника.

Рис. 1. Щиты пазырыкской культуры: 1–3 – Первый Пазырыкский курган; 4 –Олон-Курин-Гол-10, курган №1; 5 – Третий Пазырыкский курган; 6–8 – Первый Туэктинский курган.

В 1929 г. М.П. Грязновым (по поручению С.И. Руденко) был раскопан Первый Пазырыкский курган. В северной части могилы среди захоронений 10 лошадей обнаружены целые щиты с геометрическим узором из деревянных палочек, вставленных в прорези кожаного полотна. По мнению Михаила Петровича, они использовались редко и предназначались для рукопашного боя, или, возможно, такие небольшие изделия изготавливались специально для погребения, отражая при этом особенности настоящего предмета защитного вооружения (Грязнов 1950: 20–24, 30–31, 63). С.И. Руденко уточнил конструкцию одного из щитов: прямоугольная форма, тонкая кожа с 34–35 круглыми палочками, образующими ромбовидный орнамент, и широкая ременная петля с обратной стороны (Руденко 1953: 262, табл. LXXXVII). В настоящее время в Государственном Эрмитаже хранятся три щита из Первого Пазырыкского кургана (рис. 1, 1–3): один размерами 40,5×29,5 см (инв. №1295/382), другой – 35,5×27,5 см (инв. №1295/232), третий – 38×30 см (инв. №1295/188). Коэффициенты пропорциональности, соответственно, такие: ≈1,37; ≈1,29; ≈1,27. Подобные изделия найдены и в других пазырыкских курганах, привязанными к конскому седлу с правой стороны.

В Третьем Пазырыкском кургане был обнаружен щит иного типа – крупный, с дугообразным верхним краем (рис. 1, 5), состоящий из палочек, переплетенных кожей и скрепленных двумя поперечными планками (Руденко 1953: 263; Cunliffe 2019: 247). Он также хранится в фондах

* Автор статьи выражает благодарность С.Ю. Бондаренко за выполненную работу, позволившую сформировать необходимые иллюстрации на рис. 2.

Государственного Эрмитажа (инв. №1685/418) и имеет такие размеры: 69×50 см. Коэффициент пропорциональности составляет 1,38.

При раскопках Первого Туэктинского кургана (Руденко 1960: 96, 111) найдено не менее семи щитов. Два изделия из кожи и палочек сохранились практически полностью. Один из них (рис. 1, 6), раскрашенный красным, зеленым и желтым цветами, имеет около 1000 прорезей и 56 палочек, которые образуют сложный орнамент из крестов и треугольников (Руденко 1960: 122). Его размеры 49,5×46,5 см, а коэффициент пропорциональности составляет 1,06. Тогда же впервые был обнаружен цельный деревянный щит (рис. 1, 7) с резным орнаментом, имитирующим конструкцию на кожаной основе (Руденко 1960: 123). Параметры этого предмета 49,3×41,4, а коэффициент пропорциональности составляет ≈1,19. В фондах Государственного Эрмитажа хранятся фрагменты от других изделий рассматриваемого защитного вооружения (инв. №2179/961, 962). Два щита из Первого Туэктинского кургана были переданы в Бийский краеведческий музей им. Бианки. Один из них представлен археологически целым экземпляром (рис. 1, 8) размерами 45,4×34,5 см (ОФ 5243). Коэффициент пропорциональности составляет ≈1,32.

В Северо-Западной Монголии на памятнике Олон-Курин-Гол-10 был найден деревянный щит, притороченный к седлу справа, с резным орнаментом (рис. 1, 4). По мнению авторов раскопок, это, вероятнее всего, модель, изготовленная для погребения (Молодин, Парцингер, Цэвэндорж 2012: 25). Но такая находка может демонстрировать вид реального изделия. Размеры щита 32×18,5 см, а коэффициент пропорциональности ≈1,73 (вытянутый по вертикали).

Помимо изучения автором статьи вышеуказанных реальных предметов защитного вооружения из погребальных комплексов пазырыкской культуры, были рассмотрены изображения щитов (рис. 2) на «оленных» камнях Монголии таких памятников, как Дааган дэл, Элсэн толгой и Чацарганы Хар үзүүр. Также стоит кратко отразить контекст привлекаемых источников.

Рис. 2. Изображения щитов на «оленных» камнях Монголии: 1–8 – комплекс Дааган дэл (Шилуустэй сомон Завханского аймака); 9 – Элсэн толгой (г. Ховд); 10 – Чацарганы Хар үзүүр (Уенч сомон Ховдского аймака).

Давно известный памятник Дааган дэл находится на территории сомона Шилуустэй в Завханском аймаке Монголии (Волков 2002: 69–71; Монгол ба бүс… 2018: 66–76; Тишкин и др. 2025: 79, рис. 8, 1–2). Он представляет собой мемориальный комплекс с восьмью «оленными» камнями, на семи из которых зафиксированы изображения воинских щитов (рис. 2, 1–8).

Оленный камень №2 (Дааган дэл-2) представляет собой немного сужающуюся кверху стелу. Поверхность изваяния покрыта выбитыми изображениями стилизованных оленей. Там же имеются фигурки лошадей, а также демонстрируются разные изделия: серьги, ожерелье, кинжал, нож, оселок, лук, колчан и зеркало. В нижней части изваяния, выше пояса, на задней стороне выбит щит (рис. 2, 1) с такими размерами: высота 24,8 см, ширина 16,7 см – ≈1,49 (здесь и далее указаны измерения по центру, а через тире – коэффициент пропорциональности).

Оленный камень №3 (Дааган дэл-3) имеет повреждения изображений, основу которых составляли стилизованные олени. Сохранились виды следующих реалий (некоторые частично): серьга, ожерелье, зеркало, кинжал, нож, горит с луком (?) и, возможно, чекан. На задней стороне стелы, выше пояса, выбит щит размерами 24×13 см – ≈1,85 (рис. 2, 2).

Оленный камень №4 (Дааган дэл-4) оказался сильно поврежден, верхушка разрушена. Имеются две фигуры лошадей, а также различимы серьга, оселок и колчан. На задней торцевой стороне, над широким поясом, был изображен вытянутый пятиугольный щит размерами 32,5×15 см – ≈2,17 (рис. 2, 3) с поврежденным краем. Его полная форма восстанавливается.

Оленный камень №5 (Дааган дэл-5) представляет собой стелу, выбитые изображения оленей на которой пострадали неравномерно. Отметим наличие зеркала, кинжала и еще одного неясного предмета. Частично сохранился пояс. Выше него на задней стороне (с небольшим смещением от центра) имеется щит размерами 18,5×15,5 см – ≈1,19 (рис. 2, 4).

Оленный камень №6 (Дааган дэл-6) пострадал со временем лишь частично. Практически все изображения просматриваются. Основу композиции составляют фигуры стилизованных оленей. Из реалий отражены серьги, ожерелье, кинжал, топор, нож, оселок и пояс, выше которого на задней стороне выбит пятиугольный щит размерами 21×12 см –1,75 (рис. 2, 5).

Оленный камень №7 (Дааган дэл-7) по сравнению с другими сохранился лучше. Лишь верхушка его пострадала, и имеются отдельные сбитые места. Кроме фигур стилизованных оленей, изображены серьги, ожерелье, зеркало, кинжал, нож, оселок, топор (?), часть лука, а также горит или колчан. На задней плоскости, выше широкого пояса, выбит пятиугольный щит размерами 28×22,5 см – ≈1,24 (рис. 2, 6). Его особенностью являются три одинаковых умбона (диаметром 5,2 см), расположенные по диагонали. Рядом, но на другой (левой) стороне, есть еще одно меньшее изображение щита (с небольшой утратой) размерами 15×11 см – ≈1,36 (рис. 2, 7).

Оленный камень №8 (Дааган дэл-8) установлен в центре мемориального комплекса. Он отличается большой зоной поверхностных разрушений вследствие эрозии. Изображения животных не выявлены. Лучше сохранилась лицевая сторона, на которой выделяется широкий пояс с изогнутым ножом, а также ожерелье с подвеской в виде клыка или когтя. На левой стороне под крупным диском расположен щит размерами 35,6×23 см – ≈1,55 (рис. 2, 8). Он выбит под небольшим наклоном, часть рисунка утрачена. Ниже пояса расположены меч и оселок. На правой стороне сохранилась часть пояса, а также чекан и колчан.

Помимо выше представленного комплекса, обследовался «оленный» камень, находившийся у Ховдского краеведческого музея. Он был доставлен в 1970-х гг. из урочища Элсэн-Толгой (Тишкин 2013). При транспортировке пострадала верхняя часть стелы и некоторые другие места. В 2010 г. выполнено копирование его на микалентную бумагу, а также проведена многоплановая фотофиксация, и сделано описание. В 2023 г. осуществлена фотограмметрия. Среди множества петроглифов преобладают олени, есть грацильное изображение лошадки. Из реалий частично сохранились серьга и ожерелье, а полностью кинжал, лук в горите и чекан. На задней стороне выбит щит. Его высота 21 см, ширина вверху 19,5 см – ≈1,08 (рис. 2, 9).

Следующий рассматриваемый «оленный» камень в свое время был обнаружен В.В. Волковым недалеко от больших каменных курганов в долине р. Булган (Ховдский аймак). Он опубликован (Волков 2002: 112, табл. 129, 6). Видимая высота стелы около 1 м. Имеются такие изображения: кольца-серьги, ожерелье, пояс, кинжал, чекан и лук в горите. Животных нет. На левой стороне ниже центра и со смещением к задней грани выбит щит в виде пятиугольника размерами 13,5×9 см – 1,5 (рис. 2, 10). В каталоге «оленных» камней Монголии изваяние обозначено как памятник Чацарганы Хар үзүүр (Монгол ба бүс… 2018: 282).

Реальные находки пазырыкских щитов демонстрируют примерно стабильное соотношение длины к ширине в пределах 1,27–1,38 (табл. 1), то есть они устойчиво прямоугольные, вытянутые

по вертикали (длина примерно на треть больше высоты). Выбивается находка из Олон-Курин-Гола-10 (≈1,73), которая является самым узким изделием, а также почти квадратный щит из Первого Туэктинского кургана (1,06).

Изображения на «оленных» камнях дают гораздо большее разнообразие (табл. 1): от почти квадратных (1,08) до сильно вытянутых по высоте (2,17). Это может объясняться как стилизацией, так и передачей разных типов щитов. Не стоит исключать особенности размещения на стеле, а также хронологию и территориальную специфику, что необходимо учитывать при дальнейших исследованиях.

Табл. 1. Сравнение коэффициентов пропорциональности.

Группа	Диапазон соотношений	Среднее значение
Пазырыкские щиты (реальные находки)	1,27–1,38	~1,33
Туэктинские щиты (реальные находки)	1,06–1,32	~1,19
Изображения на «оленных» камнях	1,08–2,17	~1,55

Полученные данные визуализированы с помощью диаграмм, наглядно демонстрирующих распределение соотношений в группах реальных предметов и изображений (рис. 3).

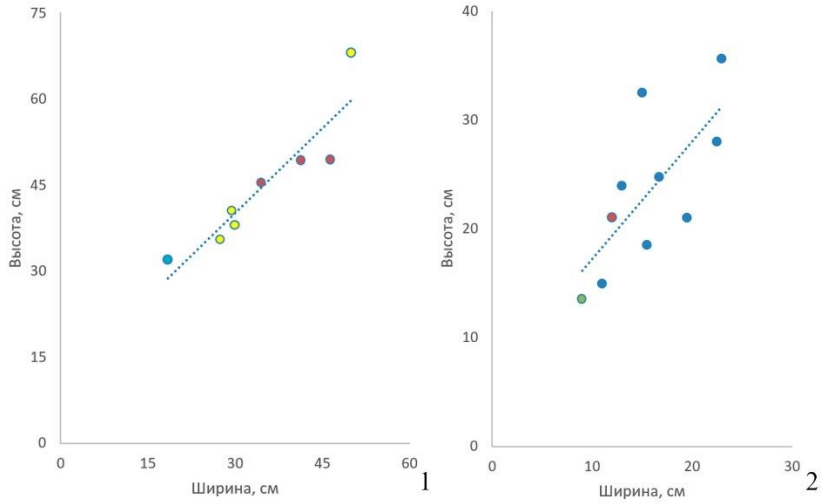

Рис. 3. Демонстрация сравнительных результатов: 1 – соотношение длины и ширины у пазырыкских щитов (желтым указаны данные о находках из Первого и Третьего Пазырыкских курганов; красным – из Первого Туэктинского кургана; голубым – из Олон-Курин-Гола-10; 2 – соотношение длины и ширины на изображениях щитов на «оленных» камнях (желтым – из Чацарганы Хар үзүүра, красным – из Элсэн толгоя, голубым – Дааган дэла).

Предложенный методический прием – анализ пропорций – позволяет выделять устойчивые типы щитов и может служить дополнительным критерием при классификации как археологических находок, так и изображений. Для дальнейшего уточнения необходимы массовые замеры на других памятниках и привлечение данных о форме и орнаменте щитов, что станет основой для более достоверных реконструкций.

Заключение. Таким образом, продемонстрированный вариант анализа дает возможность взять за основу апробированный аналитический прием, учитывающий соотношение длины и ширины щитов. Демонстрация на реальных находках позволяет с определенной долей относительности применить его к изображениям на «оленных» камнях, а также выделять разные группы рассматриваемых изделий защитного вооружения. Данную методику планируется использовать при значительном увеличении числа источников. Однако для этого важно не только знать объективные размеры, но и контекст, а также форму и орнамент, что существенно расширит возможности для

реконструкции. Также для планируемой работы необходимо продолжить фотограмметрию изваяний древних кочевников и получение их цифровых копий. Полученный объем знаний позволит выполнить более достоверные реконструкции и осуществить дальнейшую практическую верификацию.

Список литературы

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 92 с.

Дэвлет М.А. О загадочных изображениях на оленных камнях // Советская археология, 1976. №2. С. 232–236.

Молодин В. И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Салюйгема (Монгольский Алтай). М.: Триумф принт, 2012. 565 с.: ил.

Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Эрдэм шинжилгээний каталог. Дэд боть / ред. Ц. Төрбат. Улаанбаатар: ШУА-ийн Түүх, археологийн хүрээлэн, 2018. 496 нүүр. (на монг. яз.).

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 404 с., 76 л. ил.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с., 128 табл.

Тишкин А.А. Выявление, документирование и изучение «Оленных» камней в долине Буянта (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований, 2013. №1 (7). С. 73–90. DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-04

Тишкин А.А. Изображения щитов на «оленных» камня и особенности их изучения Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). Памяти Е. Г. Дэвлет / Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. XII / Отв. ред. М. А. Дэвлет. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2019. С. 335–347. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-202-01433-8.335-347

Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю., Тишкин Ал.Ал. (мл.), Эрдэнэпурэв П. Мемориальные комплексы древних кочевников Внутренней Азии: результаты и перспективы изучения // Народы и религии Евразии, 2025. Т. 30, № 3. С. 66–84. DOI 10.14258nreur(2025)3–04

Төрбат Ц., Гантулга Ж., Баярхүү Н., Батсүх Д., Төрбаяр Н., Эрдэнэ-Очир Н., Батболд Н., Цэлхагарав Ц. Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл: Нэгэн сэдэвт бүтээл. 3. Улаанбаатар: Мөнхийн усэг, 2021. 448 с. (на монг. яз.)

Bayarsaikhan J. Deer Stones of Northern Mongolia. Washington: Arctic Studies Center and International Polar Institute Press, 2022. 285 p.

Cunliffe B. The Scythians: Nomad Warriors of the Steppe. Oxford: University Press, 2019. 400 p.

А.А. Тишкин (кіші)

Ішкі Азиядағы ежелгі көшпелілердің “бұғы тастардағы” бейнеленген қалқандарын қалпына келтіру үшін салыстырмалы талдау әдістемесін іздеу

Қазіргі уақытта “бұғы тастардағы” “бесбұрышты торлы бейнелерді” жауынгер қалқандары ретінде түсіндіру жалпы мойындалған болып саналады. Жинақталған елеулі бейнелік база осындай қорғаныс қару-жарағын қалпына келтіру үшін егжей-тегжейлі салыстырмалы талдауды бастауға мүмкіндік береді. Алайда, бұл ғылыми-зерттеу жұмысы бірқатар проблемалар мен қиындықтармен байланысты. Олар ішінара осы жарияланымда көрсетілген, ол жоспарланған бағдарламаны жүзеге асыру үшін объективті көрсеткіштерді алу әдістемесін әзірлеуге байланысты жеке шешімдерді іздеуге арналған. Базалық материалдар ретінде пазырық мәдениетінің қорғандарынан табылған нақты қалқандар, сондай-ақ фотограмметрия нәтижелерін өңдеу кезінде алынған “бұғы тастардың” цифрлық көшірмелері қызмет етеді. Салыстырмалы талдау кезінде мүмкін болатын тәсілдердің бірін сынау үшін негізгі идея қалқандардың ұзындығы мен енінің арақатынасынан алынатын пропорционалдылық коэффициентін қарастыру болды.

Түйін сөздер: Ішкі Азия, соңғы қола дәуірі, қола дәуірінен ерте темір дәуіріне өту кезеңі, “бұғы тастар”, қалқан бейнелері, пазырық мәдениетінің табылулары, фотограмметрия, салыстырмалы талдау әдістемесі, пропорционалдылық коэффициенті.

A.A. Tishkin (Jr.)

Search for a Comparative Analysis Methodology for the Reconstruction of Ancient Inner Asian Nomad Shields Depicted on "Deer Stones"

The interpretation of "pentagonal lattice figures" on "deer stones" as warrior shields is now widely accepted. The substantial accumulated visual database allows for detailed comparative analysis for the reconstruction of such defensive armament. However, this research endeavor is associated with a number of problems and difficulties. These are partially outlined in this publication, which is dedicated to finding specific solutions related to the development of a methodology for obtaining objective indicators for the implementation of the outlined program. The basic materials include real finds of preserved shields from the kurgans of the Pazyryk culture, as well as digital copies of "deer stones" obtained from processing photogrammetry results. The main idea for testing one of the possible approaches in comparative analysis was the consideration of the proportionality coefficient, obtained by relating the length and width of the shields.

Key words: Inner Asia, Late Bronze Age, Bronze Age to Early Iron Age transition, "deer stones," shield depictions, Pazyryk culture finds, photogrammetry, comparative analysis methodology, proportionality coefficient.

К.Х. Сафаров
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша
Национальная академия наук Таджикистана
Душанбе, Таджикистан
hotamzodaa@gmail.com

Палеоэкологические адаптации обществ Центральной Азии: междисциплинарные методы реконструкции взаимодействия человека и природной среды

В статье рассматриваются методологические подходы к реконструкции палеоэкологических адаптаций древних обществ Центральной Азии на примере территории современного Таджикистана. Особое внимание уделяется проблеме интеграции археологических и природно-научных методов в исследовании взаимодействия человека и природной среды. Цель исследования заключается в выявлении устойчивых моделей хозяйственной адаптации населения в условиях климатической нестабильности голоцена. В качестве регионального кейса анализируются материалы археологического памятника Саразм (IV–III тыс. до н. э.), включённого в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, а также данные по горным и долинным районам Таджикистана. Показано, что устойчивость древних хозяйственных систем обеспечивалась мобильностью, диверсификацией производства и гибким управлением природными ресурсами. Междисциплинарный подход позволяет рассматривать древние общества как долгосрочные социально-экологические системы и использовать исторический опыт адаптации в аналитических исследованиях устойчивости аридных регионов.

Ключевые слова: Центральная Азия, Таджикистан, Саразм, палеоэкология, адаптация, археозоология, изотопный анализ, бронзовый век, устойчивость.

Введение. Изучение взаимодействия человека и природной среды занимает одно из центральных мест в современной археологической науке. В последние десятилетия особое внимание уделяется формированию междисциплинарных подходов, позволяющих интегрировать археологические данные с результатами естественно-научных исследований (Butzer 1982: 15–28; Kohl 2007: 101–110). Однако для Центральной Азии сохраняется определённый разрыв между накоплением эмпирического материала и развитием целостных моделей его интерпретации.

Территория современного Таджикистана характеризуется сложной орографической структурой, выраженной вертикальной зональностью и аридностью климата. Климатическая динамика голоцена оказывала значительное влияние на процессы расселения, хозяйственную специализацию и культурные трансформации населения региона. В этих условиях реконструкция адаптационных стратегий приобретает особую актуальность.

Научная новизна настоящего исследования заключается в попытке синтезировать археологические и природно-научные данные по Таджикистану в рамках концепции долгосрочной социально-экологической устойчивости. Цель работы – анализ методологических подходов к реконструкции палеоэкологических адаптаций и выявление устойчивых моделей взаимодействия человека и природной среды.

Теоретико-методологические основания палеоэкологических исследований. Формирование палеоэкологии как самостоятельного направления в археологии связано с развитием культурной экологии и экологической антропологии во второй половине XX века (Steward 1955: 30–42; Binford 1962: 219–225). В рамках данной парадигмы общество рассматривается как часть сложной социально-экологической системы, в которой хозяйственная деятельность напрямую связана с природной средой.

В археологическом контексте палеоэкологическая адаптация определяется как совокупность хозяйственных, технологических и социальных механизмов, обеспечивающих устойчивость сообщества в конкретных экологических условиях. Данный подход предполагает анализ не только материальной культуры, но и природных индикаторов – остатков фауны, флоры, стратиграфических данных и палеоклиматических показателей.

Центральная Азия демонстрирует сложную динамику климатических фаз в голоцене, включая периоды относительной влажности и аридизации. Эти изменения оказывали влияние на трансформацию хозяйственных моделей, миграционные процессы и формирование культурных ландшафтов (Kohl 2007: 105–112; Spengler 2015: 192–199). Для территории Таджикистана,

отличающейся сочетанием высокогорных районов и долинных оазисов, данная динамика имела особенно выраженный характер.

Методологически важным является принцип мультидисциплинарной верификации, при котором археологические интерпретации сопоставляются с результатами археозоологических, палеоботанических и изотопных исследований (Ventresca Miller 2018: 122–130). Такой подход позволяет минимизировать субъективность реконструкций и перейти от описательных моделей к аналитическим.

Региональный кейс: Саразм

Саразм датируется IV–III тыс. до н. э. и является одним из раннейших центров энеолитической и раннебронзовой культуры региона (Isakov 1988: 30–36). Памятник демонстрирует формирование устойчивой хозяйственной системы, основанной на сочетании земледелия и скотоводства.

Территория современного Таджикистана характеризуется выраженной вертикальной зональностью ландшафтов, включающей высокогорные экосистемы Памира, предгорные зоны и долинные территории Зеравшана и Вахша, что обусловливало разнообразие адаптационных стратегий населения.

Археозоология, палеоботаника и изотопный анализ в реконструкции адаптационных стратегий (на примере Таджикистана). Развитие палеоэкологических исследований в Центральной Азии в последние десятилетия связано с активным внедрением естественно-научных методов анализа археологических материалов. Археозоология, палеоботаника и изотопный анализ позволяют выйти за пределы традиционного описания материальной культуры и реконструировать хозяйственные стратегии, структуру питания и сезонную мобильность населения.

Археозоологические материалы памятников южного Таджикистана демонстрируют устойчивое преобладание мелкого рогатого скота – овцы и козы, что свидетельствует о приспособленности хозяйства к горно-пастбищным условиям (Anthony 2007: 305–312). Одновременно фиксируется присутствие крупного рогатого скота, что указывает на использование долинных территорий с более стабильной кормовой базой. Подобное сочетание форм хозяйства свидетельствует о диверсификации производственных стратегий.

Для горных районов характерно использование вертикальной зональности пастбищ, что предполагало сезонные перемещения между высокогорными летними пастбищами и долинными зимовками. Такая модель мобильности снижала риски, связанные с локальными климатическими колебаниями и деградацией кормовой базы.

Палеоботанические исследования региона фиксируют распространение пшеницы и ячменя, адаптированных к условиям аридного климата и короткого вегетационного периода (Spengler 2015: 192–199). Данные свидетельствуют о формировании ирригационных практик в долинных зонах, что указывает на раннее освоение механизмов управления водными ресурсами.

Особое значение имеет применение стабильного изотопного анализа углерода и азота, позволяющего реконструировать структуру питания и выявлять различия между группами населения, проживавшими в различных экологических зонах (Ventresca Miller 2018: 124–129). Изотопные данные дают возможность определить долю животного и растительного белка в рационе, а также выявить признаки сезонной мобильности.

Следует подчеркнуть, что обращение к концепции устойчивости в данном исследовании носит аналитический характер и используется как инструмент интерпретации долгосрочных социально-экологических процессов, а не как нормативная модель современного развития.

Региональный кейс: Саразм

Особое значение для понимания ранних адаптационных моделей имеет археологический памятник Саразм, расположенный в Зеравшанской долине. Саразм датируется IV–III тыс. до н. э. и является одним из раннейших центров энеолитической и раннебронзовой культуры региона (Isakov 1988: 30–36). Памятник включён в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, что подчёркивает его значение для истории Центральной Азии.

Археоботанические данные свидетельствуют о культивации пшеницы и ячменя, что подтверждает развитие земледелия в предгорной зоне. Одновременно археозоологические материалы фиксируют присутствие овец, коз и крупного рогатого скота, что указывает на сочетание земледельческих и скотоводческих форм хозяйства.

Комплексный характер хозяйства Саразма позволяет рассматривать его как пример интегрированной социально-экономической системы, адаптированной к экологической

неоднородности региона. Наличие ремесленного производства и обменных связей свидетельствует о формировании устойчивых межрегиональных контактов (Lyonnet, Dubova 2021: 118–124).

Таким образом, на территории современного Таджикистана уже в эпоху энеолита и ранней бронзы формировались модели хозяйственной адаптации, основанные на диверсификации производства и гибком использовании природных ресурсов.

Адаптационные стратегии в условиях климатической нестабильности. Климатическая динамика голоцена в Центральной Азии характеризовалась чередованием более влажных и более аридных фаз, что оказывало существенное влияние на трансформацию хозяйственных моделей и расселение населения (Butzer 1982: 87–94; Kohl 2007: 105–112). Для территории Таджикистана, отличающейся сочетанием горных массивов и долинных оазисов, данные изменения требовали формирования гибких адаптационных механизмов.

Одной из ключевых стратегий являлась мобильность. Сезонные перемещения между различными экологическими зонами позволяли рационально использовать природные ресурсы и минимизировать последствия засух и других климатических стрессов. Вертикальная модель кочевой и полукочевой мобильности обеспечивала устойчивость пастбищной системы и способствовала сохранению баланса между антропогенной нагрузкой и восстановительными возможностями ландшафта.

Другим важным элементом адаптации выступала диверсификация хозяйства. Сочетание земледелия, скотоводства и ремесленного производства снижало зависимость от одного типа ресурсов. Такая модель обеспечивала относительную стабильность продовольственного обеспечения и повышала устойчивость сообществ в условиях экологической неопределённости.

Система хозяйственной адаптации древних обществ региона включала мобильность, диверсификацию и рациональное управление ресурсами.

Кроме того, социальные механизмы перераспределения ресурсов и формирование устойчивых межобщинных связей играли важную роль в поддержании стабильности. Институциональные формы организации способствовали коллективному реагированию на экологические вызовы и обеспечивали сохранение хозяйственной структуры в условиях внешних изменений.

Таким образом, адаптационные стратегии древних обществ Таджикистана представляли собой комплексную систему, объединяющую экономические, экологические и социальные компоненты. Устойчивость формировалась не за счёт стабильности природной среды, а благодаря способности общества к структурной трансформации хозяйственных и социальных механизмов.

Палеоэкологическая перспектива и долгосрочная социально-экологическая устойчивость. Палеоэкологический анализ древних обществ Центральной Азии позволяет выйти за пределы традиционной культурно-хронологической интерпретации археологических материалов. Рассмотрение археологических комплексов в контексте долгосрочной динамики взаимодействия человека и природной среды даёт возможность реконструировать устойчивые механизмы функционирования социально-экологических систем.

Материалы по территории современного Таджикистана демонстрируют, что хозяйственные модели древности формировались в условиях постоянной климатической изменчивости. Адаптация не носила разового характера, а представляла собой непрерывный процесс структурной трансформации. Гибкость хозяйственных стратегий обеспечивалась сочетанием мобильности, диверсификации производства и перераспределения ресурсов внутри сообществ.

Особое значение имеет то обстоятельство, что адаптационные механизмы древних обществ были встроены в природную среду и учитывали её пространственную неоднородность. Использование вертикальной зональности, освоение ирригационных систем в долинах и развитие межрегионального обмена свидетельствуют о комплексном подходе к управлению ресурсами.

Следует подчеркнуть, что обращение к концепции устойчивости в рамках настоящего исследования имеет аналитический характер. Палеоэкологическая перспектива используется как инструмент интерпретации долгосрочных процессов взаимодействия общества и природы, а не как нормативная модель современного развития. Тем не менее археологические данные позволяют выявить устойчивые принципы адаптации, основанные на гибкости хозяйственной структуры и способности к институциональной трансформации.

Полученные результаты позволяют утверждать, что устойчивость древних сообществ формировалась не за счёт неизменности природной среды, а благодаря способности к структурной

трансформации хозяйственных и социальных механизмов в ответ на климатические колебания. Таким образом, археологический материал региона приобретает значение источника долгосрочного опыта адаптации в условиях аридных ландшафтов Центральной Азии.

Заключение. Проведённый анализ показал, что реконструкция палеоэкологических адаптаций древних обществ Центральной Азии требует комплексного междисциплинарного подхода. Интеграция археологических данных с результатами археозоологических, палеоботанических и изотопных исследований позволяет перейти от описательных реконструкций к аналитическим моделям социально-экологической динамики.

На примере территории современного Таджикистана прослеживается формирование устойчивых адаптационных стратегий, основанных на мобильности, диверсификации хозяйства и рациональном использовании природных ресурсов. Археологические материалы свидетельствуют о том, что устойчивость древних обществ являлась результатом гибкости хозяйственных и социальных структур в условиях климатической изменчивости.

Таким образом, палеоэкологическая перспектива расширяет возможности интерпретации археологических данных и способствует более глубокому пониманию долгосрочных процессов взаимодействия человека и природной среды в аридных регионах Центральной Азии.

Список литературы

Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1978. С. 38–64.

Бейсенов А.З. Предметы искусства ранних саков Сарыарки как свидетельства взаимодействия культур // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2013. № 3 (55). С. 13–17.

Anthony D.W. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton: Princeton University Press, 2007. 553 p.

Binford L.R. Archaeology as Anthropology // American Antiquity. 1962. Vol. 28. No. 2. P. 217–225.

Butzer K.W. Archaeology as Human Ecology: Method and Theory for a Contextual Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 364 p.

Ranov V.A., Karimova G.R. Каменный век Таджикистана. Душанбе: Дониш, 2005. 312 с.

Isakov A.I. Sarazm and the Problem of the Eneolithic and Bronze Age in Central Asia // Soviet Anthropology and Archaeology. 1988. Vol. 27. No. 3. P. 28–46.

Kohl P.L. The Making of Bronze Age Eurasia. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 296 p.

Lyonnet B., Dubova N.A. (eds.). The World of the Oxus Civilization. London: Routledge, 2021. 786 p.

Spengler R.N. Agriculture in the Central Asian Bronze Age // Journal of World Prehistory. 2015. Vol. 28. No. 2. P. 192–216.

Spengler R.N., Frachetti M.D., Doumani P.N. Early Agriculture and Crop Transmission among Bronze Age Mobile Pastoralists of Central Eurasia // Proceedings of the Royal Society B. 2014. Vol. 281. P. 1–8.

Steward J.H. Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana: University of Illinois Press, 1955. 244 p.

Ventresca Miller A.R. Subsistence and Mobility in Bronze Age Central Asia: Stable Isotope Perspectives // Journal of Archaeological Science. 2018. Vol. 90. P. 120–131.

К.Х. Сафаров

Орталық Азия қоғамдарының палеоэкологиялық бейімделуі: адам мен табиғи ортаның өзара әрекеттесуін реконструкциялаудың пәнаралық әдістері

Мақалада Орталық Азиядағы ежелгі қоғамдардың палеоэкологиялық бейімделуін қайта құрудың әдіснамалық тәсілдері қазіргі Тәжікстан аумағы мысалында қарастырылады. Зерттеуде адам мен табиғи орта арасындағы өзара әрекеттестікті талдауда археологиялық және жаратылыстану-ғылыми әдістерді біріктіру мәселесіне ерекше назар аударылады. Зерттеудің мақсаты – голоцен кезеңіндегі климаттық тұрақсыздық жағдайында қалыптасқан шаруашылық

бейімделуінің тұрақты үлгілерін анықтау. Аймақтық мысал ретінде ЮНЕСКО-ның дүниежүзілік мұра тізіміне енгізілген Саразм археологиялық ескерткіші (б.з.д. IV–III мыңжылдық) және Тәжікстанның таулы және аңғарлық аймақтарының материалдары қарастырылады. Зерттеу нәтижелері ежелгі қоғамдардың тұрақтылығы мобильділікке, шаруашылықты әртараптандыруға және табиғи ресурстарды икемді басқаруға негізделгенін көрсетеді.

Түйін сөздер: Орталық Азия, Тәжікстан, Саразм, палеоэкология, бейімделу, археозоология, изотоптық талдау, қола дәуірі, тұрақтылық.

K.Kh. Safarov

Paleoecological Adaptations of Central Asian Societies: Interdisciplinary Methods for Reconstructing Human-Environment Interactions

This article examines methodological approaches to reconstructing paleoecological adaptations of ancient societies in Central Asia, with particular reference to present-day Tajikistan. Special attention is given to the integration of archaeological and natural-scientific methods in the study of human–environment interaction. The aim of the research is to identify sustainable models of subsistence adaptation under conditions of Holocene climatic instability. The archaeological site of Sarazm (4th–3rd millennium BC), included in the UNESCO World Heritage List, as well as materials from mountainous and valley regions of Tajikistan, are analyzed as regional case studies. The study demonstrates that the resilience of ancient economic systems was ensured through mobility, diversification of subsistence strategies, and flexible resource management. An interdisciplinary approach makes it possible to interpret ancient communities as long-term socio-ecological systems and to use historical adaptive experience in analytical discussions of sustainability in arid regions.

Key words: Central Asia, Tajikistan, Sarazm, paleoecology, adaptation, archaeozoology, stable isotope analysis, Bronze Age, sustainability.

Р.В. Давыдов
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
puer.viro@gmail.com

Полихромные стеклянные бусины на территории Среднего Енисея в эпоху раннего железного века и гунно-сарматское время*

Полихромные бусины из стекла крайне редко встречаются на территории Среднего Енисея и, наряду с прочими стеклянными изделиями, найденными в регионе, интерпретируются как предметы импорта. Целью данной работы является характеристика стеклянных полихромных бусин, выявленных на территории Среднего Енисея VIII в. до н.э. – IV в. н.э. Рассмотрено 22 экземпляра из семи погребальных памятников тагарской и таштыкской археологических культур. Выполнен морфологический анализ изделий, методами рентгенофлуоресцентного анализа и рамановской спектроскопии определены характеристики стекла. Подавляющее большинство составляют глазчатые бусины (20 экз.). Выделено три типа глазков: кольчатые (11 экз.), выпуклые (3 экз.), многоцветные с белым окаймлением (5 экз., с черными и синими глазками). Три предмета III-IV вв. н.э. представляют собой спиральные бусины из синего, желтого, зеленого и белого стекла. Все бусины выполнены из Na2O-CaO-SiO2 стекла. Идентифицированы красители: оксид меди, антимониат кальция, пироантимониат свинца. Бусины с кольчатыми и черными глазками наиболее архаичны, они были распространены в середине 1 тыс. до н.э. в Средиземноморье, Египте и Северном Причерноморье, откуда распространялись на восток. Бусины начала 1 тыс. н.э. (спиральные и с синими глазками с белым оформлением) распространялись через Восточное Средиземноморье вплоть до Северного Китая.

Ключевые слова: Средний Енисей, ранний железный век, гунно-сарматское время, бусины, стекло, рамановская спектроскопия, элементный состав, торговые связи.

Введение. Бусины из камня и стекла регулярно встречаются в археологических материалах Среднего Енисея периодов раннего железного века и гунно-сарматского времени (середина I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). Особый интерес представляют изделия из стеклянной массы, чье распространение на территории Южной Сибири началось в середине I тыс. до н.э. В большинстве своем предметы из стекла являются массовым материалом. Это монохромные, небольшие по размеру бусины, имеющие широкие аналогии. Крайне редко среди инвентаря встречаются полихромные бусины, выполненные из стекла разных цветов, соединенного особым образом. Они представляют собой единичные качественные изделия, ярко демонстрирующие торговые связи между населением Среднего Енисея и крупными производственными центрами Евразии, где данные предметы были изготовлены.

Целью данной работы является комплексная характеристика полихромных стеклянных бусин, выявленных в археологических материалах Среднего Енисея эпохи раннего железного века и гунно-сарматского времени.

Материалы и методы. Археологические источники. Рассматриваемое в работе собрание полихромных стеклянных бусин насчитывает 22 экземпляра из семи погребальных памятников с территории Среднего Енисея, которые датируются подгорновским и сарагашенским этапами тагарской археологической культуры (VIII – VI и V – III вв. до н.э.) и развитым этапом таштыкской археологической культуры (I – IV вв. н.э.) (рис. 1, 1–2).

Основная часть памятников тагарской археологической культуры, материалы которых используются в работе, расположена на западной окраине долины р. Абакан (Аскизский район Республики Хакасия). Они были исследованы в ходе спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН в Аскизском р-не Республики Хакасия в 2020-2021 гг. Коллекции хранятся в Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего востока СО РАН (г. Новосибирск).

* Исследование проведено в рамках проекта РНФ 25-28-00236 «Бусы народов степной зоны Среднего Енисея раннего железного века и гунно-сарматского времени: междисциплинарное исследование технологии производства» с использованием оборудования Центра коллективного пользования «Геохронология кайнозоя» ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск, Россия).

Наиболее ранний комплекс с полихромными бусинами, который относится к VIII – VI вв. до н.э. (подгорновский этап тагарской археологической культуры), выявлен в могиле 2 кургана 1 на могильнике Станция Камышта-1 (рис. 1, 3). В коллективном погребении в деревянной камере на одном из костяков выявлено шейное украшение с бронзовыми элементами, 34 каменными и пятью стеклянными бусинами (Чертыков, Тимощеко 2021: 1033). В том числе найдено две полихромные бусины.

Два памятника сарагашенского этапа тагарской археологической культуры (V – III вв. до н.э.) с полихромными бусинами на левобережье долины р. Абакан – это могильники Уйтаг-3 и Казановка-6. В составе инвентаря могильника Уйтаг-3 найдено суммарно 4 экз. полихромных бусин: одна выявлена в сооружении 4 кургана 4 (входила в состав комплекта из 10 изделий из камня и стекла), три обнаружено в сооружении 3 кургана 5 (обнаружены среди 10 различных бусин) (Богданов, Тимощенко 2021; Губенко, Давыдов, Тимощенко, 2025). Три полихромные бусины выявлены в склепе 1 кургана 4 могильника Казановка-6. В данном коллективном погребении обнаружено суммарно семь бусин из камня и стекла (рис. 1, 4) (Митько и др. 2020).

Еще один объект сарагашенского этапа тагарской археологической культуры, могильник Белый Яр-1, расположен в междуречье р. Абакан и р. Енисей (Алтайский район Республики Хакасия). Он был исследован в период с 1989 по 2011 гг. Археологической лабораторией Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова под руководством А.И. Поселянина и В.С. Зубкова. Коллекция бусин из данного могильника включает 93 экз. (Губенко, Поселянин 2022). В том числе, в коллективном погребении в деревянной камере в могиле 1 кургана 9 зафиксировано скопление из 10 бусин: трех каменных и семи стеклянных полихромных изделий.

Материалы из памятников таштыкской культуры выявлены в коллекциях инвентаря грунтовых могильников Тесинский Залив-3 и Комаркова (Песчанка), в составе Июсского клада. Всего зафиксировано 5 экземпляров.

Могильник Тесинский Залив-3 (Боградский район Республики Хакасия) расположен на высокой террасе левого берега р. Енисей. В настоящее время работы на объекте ведутся Красноярским археологическим отрядом ЛГИ НГУ под руководством О.А. Митько. Памятник насчитывает 83 грунтовые могилы, датируемые периодом I – IV вв. н.э. (Митько и др. 2018). Рассматриваемые в работе полихромные бусины найдены в могиле №2, в северной части могильника. В могиле располагалось погребение в бревенчатом срубе с полом из плах, с деревянным перекрытием и берестяным покрытием (рис. 1, 5). Оно было разграблено, однако в заполнении и среди плах пола выявлено 24 экз. бусин и бисера из стекла, в том числе четыре полихромных изделия (Губенко, Губар, Давыдов 2025).

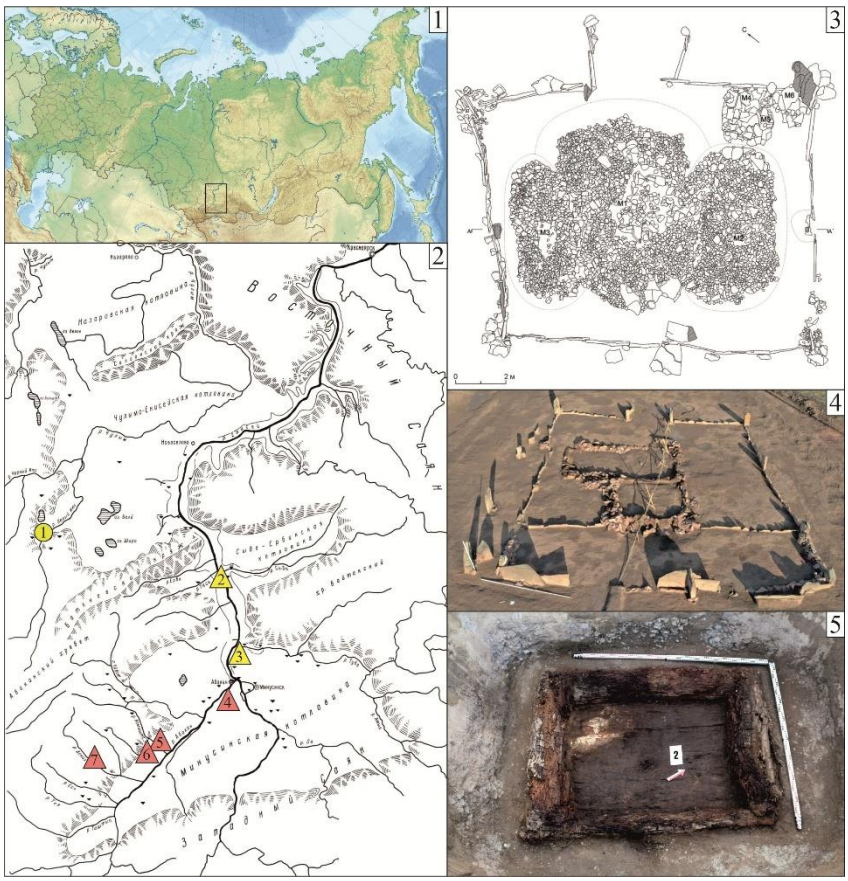

Рис. 1. Археологические памятники раннего железного века и гунно-сарматского времени Среднего Енисея с полихромными стеклянными бусинами, учетными в работе: 1 – местоположение региона Среднего Енисея на карте Российской Федерации (оригинал карты URL: https://clck.ru/3SsPnH, дата обращения – 20.03.2026); 2 – археологические памятники в регионе Среднего Енисея (1 – Июсский клад, 2 – могильник Тесинский Залив-3, 3 – могильник Комаркова, 4 – могильник Белый Яр-1, 5 – могильник Станция Камышта-1, 6 – могильник Уйтаг-3, 7 – могильник Казановка-6) (оригинал карты URL: https://clck.ru/3SsPnb, дата обращения – 20.03.2026); 3 – конструкция кургана подгорновского этапа тагарской археологической культуры (Станция Камышта-1, курган 1 (Чертыков, Тимощенко 2021: рис. 1)); 4 – конструкция кургана сарагашенского этапа тагарской археологической культуры (Казановка-6, курган 4 (Митько и др. 2020: рис. 2)); 5 – грунтовая могила таштыкской археологической культуры (Тесинский Залив-3, могила 2 (Митько и др. 2018: рис. 1)).

Могильник Комаркова (Песчанка) (Минусинский район Красноярского края) находится на высокой надпойменной террасе правого берега р. Енисей. Он был исследован в 1969 г. Н.В. Леонтьевым и в 1975-1977 гг. Э.Б. Вадецкой. В настоящее время коллекции могильника хранятся в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартьянова (г. Минусинск). Объект включает 73 грунтовые могилы. В коллективном погребении в могиле №5 (деревянный сруб с двумя взрослыми костяками внутри) собрано 10 стеклянных и две каменные бусины, в том числе один полихромный предмет из стекла (Вадецкая 1999: 271).

Июсский клад представляет собой комплекс бытовых и культовых предметов без точной привязки к погребальному объекту. Он обнаружен в бассейне р. Белая (Ширинский район Республики Хакасия) в 1970-х гг. местными жителями. Клад был исследован В.Е. Ларичевым и А.П. Бородовским и передан в Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего востока СО РАН (г. Новосибирск). Комплекс датирован концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э. и включает 271 предмет, в том числе комплект из 152 бусин из камня и стекла (Бородовский, Ларичев 2013). В рамках этого комплекта присутствует одна полихромная бусина.

Методы исследований. Анализируемые бусины разделены на группы исходя из характера вставок в основном теле бусины (матрице). Выделены глазчатые (20 экз.) и спиральные (3 экз.) бусины. Технологическая характеристика спиральных изделий выполнена на основе принципов

описания операций со стеклянными массами, сформулированными З.А. Львовой (Львова 1979). Выделено три типа глазчатых бусин на основе формы глазков и технологии их изготовления согласно классификации Е.М. Алексеевой (Алексеева 1975: 54).

Характеристика стеклянной массы с определением химического типа и выявлением примесей выполнена на основе рамановской спектроскопии с верификацией отдельных результатов методом SEM-EDX и рентгенофлуоресцентного анализа.

Рамановская спектроскопия являлась ключевым методом анализа материала и была использована с целью определения структуры стеклянной матрицы и идентификации красителей. Данный метод основан на эффекте неупругого рассеяния света. В результате анализов формируются спектры с пиками, которые обозначают всплески интенсивности улавливаемого излучения, характеризующегося определенным рамановским сдвигом (в см-1). Идентификация веществ осуществляется посредством интерпретации пиков на спектре (Vandenabeele 2013). Характеристика стеклянной матрицы производилась на основе значений рамановских сдвигов двух пиков: δmaxSiO2 (диапазон 400–675 см-1) и νmaxSiO2 (диапазон 920–1150 см-1) (Tournié, Prinsloo, Colomban 2011: 8–9). Использован настольный рамановский микроскоп M532/785 («Спектр-М»): спектральный диапазон 100–4000 см−1, входная щель 20 мкм. Задействован лазер с длиной волны 532 нм мощностью 50 мВт. Анализы проводились в воздушной среде с предварительной механической очисткой поверхности от загрязнений. Время набора спектров 180 с.

Результаты определения типа стекла четырех бусин из могильника Тесинский Залив-3 на основе характеристик стеклянной матрицы методом рамановской спектроскопии проверены методом сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионной спектроскопией (SEM-EDX). Получены данные о количественном содержании элементов в стеклянной массе, которые затем использованы для определения химического типа стекла на основе содержания соединений натрия, калия, алюминия, кальция и магния (Галибин 2001: 64–67). Использован настольный сканирующий микроскоп Hitachi TM3000 и элементный анализатор Bruker Nano GmbH Quantax 70: энергетическое разрешение 154 eV, порог обнаружения входного сигнала 0,5%, чувствительность – 0,00001%, диапазон элементов B4 – Am95. Набор EDX-спектров осуществлялся в диапазоне 1–10 keV, 300 с на один спектр. Анализы производились в условиях высокого вакуума после механической очистки и шлифовки изучаемой поверхности алмазным абразивом. Получаемые данные включали EDX-спектры и сводные таблицы содержания элементов (в %).

Элементный состав всех учтенных в работе бусин выполнен методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА). Использован портативный анализатор «МетЭксперт». Диапазон улавливаемых элементов Na-Am, определяемый диапазон содержания от 0,01% до 100%. Время набора спектров – 20 сек. Зачистка поверхности образцов не производилась. Полученные данные представляли собой таблицы содержания элементов (в %). В связи с ограничениями в точности прибора, большой анализируемой площадью (2 мм) и влиянием загрязнений, данные о содержании элементов носили полуколичественный характер и использовались для идентификации примесей в стекле. Факт наличия примесей определялся по аномально высокому для рассматриваемого комплекса содержанию элементов-маркеров (сурьмы, свинца, кальция). Данные РФА в первую очередь применялись для подтверждения выводов, полученных в результате рамановской спектроскопии.

Результаты. Все бусины разделены исходя из характера вставок на глазчатые (20 экз.) и спиральные (3 экз.). Среди глазчатых, в свою очередь, на основе конфигурации глазков выделяются три типа: кольчатые (12 экз.), выпуклые (3 экз.), многоцветные с белым окаймлением (5 экз.).

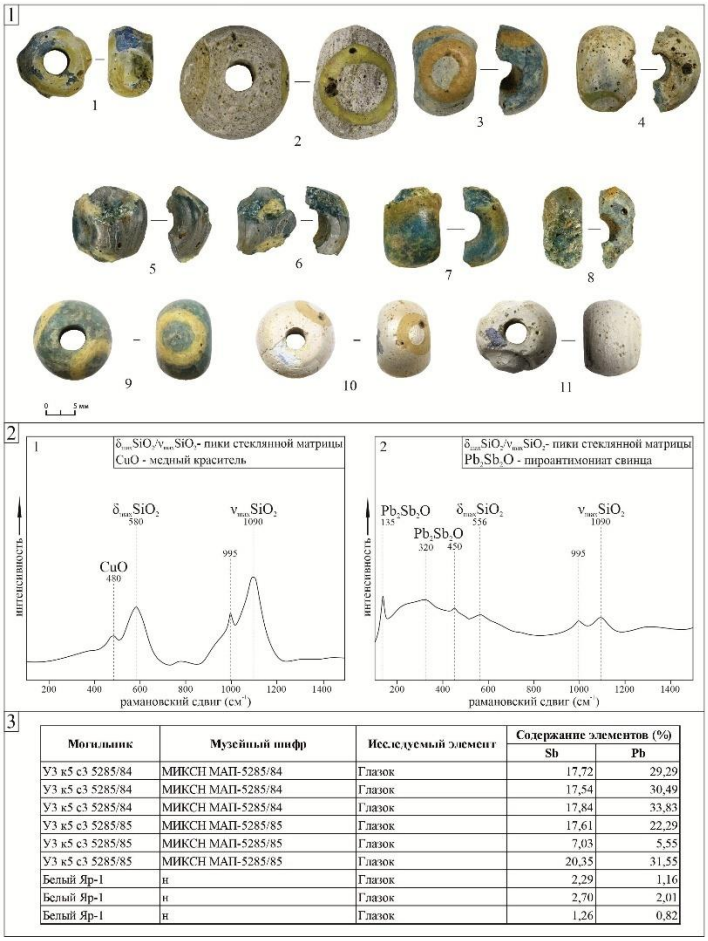
Глазчатые кольчатые бусины

Выявлено 11 экз., все они обнаружены в курганных могильниках тагарской культуры: Станция Камышта-1 – 1 экз., Уйтаг-3 – 3 экз., Белый Яр-1 – 7 экз. (рис. 2)

Бусины имеют различную сохранность, глазки сохранились только на 5 экз., в остальных случаях зафиксированы только углубления от них. Все изделия уплощенной формы, с круглым сечением и выпуклыми стенками. Диаметр сечения варьируется от 8 до 16 мм, длина предметов составляет 8–12 мм. (рис. 2, 1).

Основа изделий имеет синий или сине-зеленый цвет (в отдельных случаях поверхность полностью коррозирована). Глазки сформированы в виде колец, их цвет колеблется в рамках различных оттенков светло-желтого. На каждой бусине присутствует два или три глазка. Они выполнены в кольчатой технике, при которой отрезок стеклянного прутика монтировался в основу и изгибался кольцом, охватывая получившийся выступ в теле бусины (Алексеева 1975: 51).

Все бусины выполнены из стекла химического типа Na2O-CaO-SiO2, на что указывают значения рамановских сдвигов пиков стеклянной матрицы: δmaxSiO2 – от 565 до 597 см-1, νmaxSiO2 – от 1086 до 1099 см-1. Также присутствует пик 995 см-1, чье присутствие обычно связано с деформациями матрицы вследствие коррозии. Синее и сине-зеленое стекло основы, судя по наличию на спектрах пиков в области 460–480 см-1, окрашено медью (CuO). Кольца глазков выполнены из стекла, окрашенного пироантимониатом свинца (Pb2Sb2O). Его присутствие на рамановском спектре маркирует характерный пик 135 см-1, возвышения в районе 320 и 450 см-1 (Tournié, Prinsloo, Colomban 2011; Zhao et al. 2013). Также в кольцах выявлено повышенное содержание свинца и сурьмы (в зависимости от сохранности образцов, 1–34% Pb и 1–20% Sb) (рис. 2, 2–3).

Могильник	Музейный шифр	Исследуемый элемент	Содержание элементов (%)	
			Sb	Pb
УЗ к5 с3 5285/84	МИКСН МАП-5285/84	Глазок	17,72	29,29
УЗ к5 с3 5285/84	МИКСН МАП-5285/84	Глазок	17,54	30,49
УЗ к5 с3 5285/84	МИКСН МАП-5285/84	Глазок	17,84	33,83
УЗ к5 с3 5285/85	МИКСН МАП-5285/85	Глазок	17,61	22,29
УЗ к5 с3 5285/85	МИКСН МАП-5285/85	Глазок	7,03	5,55
УЗ к5 с3 5285/85	МИКСН МАП-5285/85	Глазок	20,35	31,55
Белый Яр-1	н	Глазок	2,29	1,16
Белый Яр-1	н	Глазок	2,70	2,01
Белый Яр-1	н	Глазок	1,26	0,82

Рис. 2. Глазчатые кольчатые бусины: 1 – фотографии (1 – Станция Камышта-1, 2–8 – Белый Яр-1, 9–11 – Уйтаг-3); 2 – рамановские спектры (1 – основа, 2 – кольца глазков); 3 – содержание сурьмы и свинца по данным РФА.

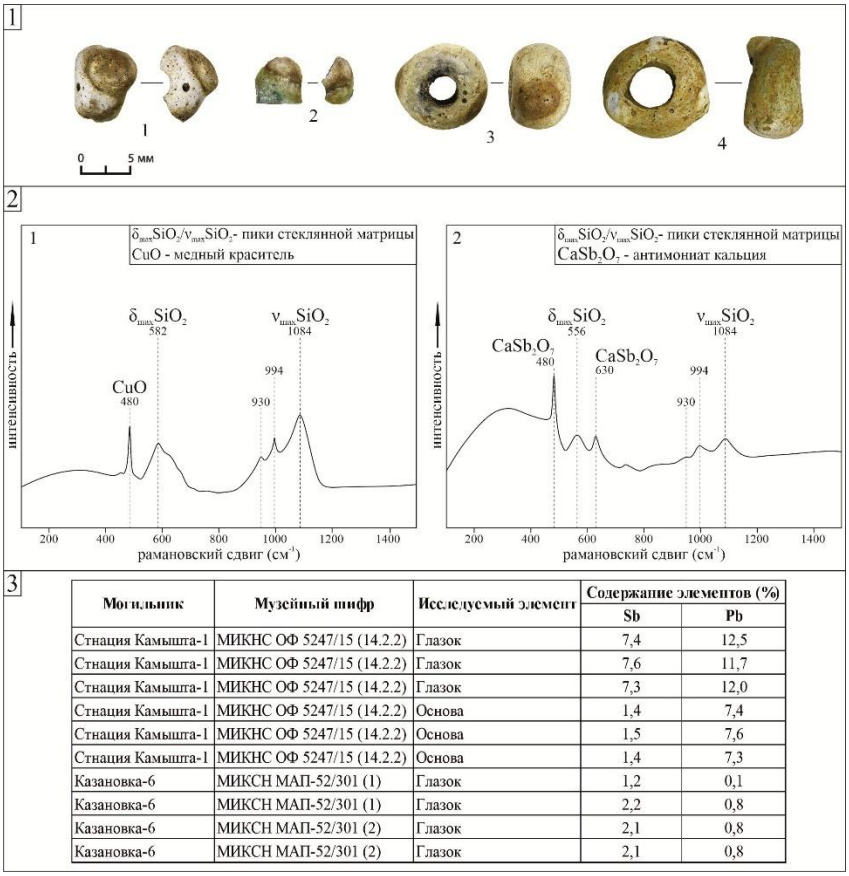
Глазчатые выпуклые бусины. Насчитывают 3 экз. Найдены в курганных могильниках тагарской культуры: Казановка-6 – 2 экз., Станция Камышта-1 – 1 экз. (рис. 3).

Они уплощены, имеют круглое сечение и выпуклые стенки. Один предмет (из могильника Казановка-6) сохранился в виде двух фрагментов, судя по которым, бусина имела диаметр сечения 8 мм и длину 5 мм. Аналогичные размеры у второй, целой бусины из данного комплекса. Предмет из могильника Станция Камышта-1 крупнее, диаметром 15 мм и длиной 7 мм. (рис. 3, 1)

Стекло сильно коррозировано, однако, судя по сколам, основа бусины изначально была сине-зеленой. Глазки (2-3 шт. на бусине) светлые, выпуклые, не имеют дополнительных поясов или слоев. Вероятнее всего, выполнены в накладной технике, когда на мягкое стекло основы помещался глазок-капля (Алексеева 1975: 51).

Бусины выполнены из Na2O-CaO-SiO2 стекла (на основе природной соды). Значение рамановского сдвига для пика стеклянной матрицы δmaxSiO2 556–583 см-1, пика νmaxSiO2 – 1083–1085 см-1. Также присутствуют пики 930 и 994 см-1, связанные с деформациями матрицы вследствие коррозии. Пик 480 см-1 на рамановских спектрах свидетельствует об окрашивании сине-

зеленого стекла медью (CuO). Установлено, что глазки выполнены из стекла, окрашенного в белый цвет антимониатом кальция (CaSb2O7 либо Ca2Sb2O7). На это указывает одновременное присутствие на рамановских спектрах характерных пиков 480 и 630 см-1 и повышенное содержание в материале сурьмы (Sb от 2 до 8% при обычном содержании менее 1%). Кроме того, в глазках и стекле основы бусины из могильника Станция Камышта-1 обнаружено присутствие свинца (Pb до 12,5%). Вероятно, свинец выступал в качестве стабилизатора, пики которого скрыты на общих спектрах (рис. 3, 2–3) (Галибин 2001: 29; Li et al. 2015: fig. 3).

3

Могильник	Музейный шифр	Исследуемый элемент	Содержание элементов (%)	
			Sb	Pb
Стнация Камышта-1	МИКНС ОФ 5247/15 (14.2.2)	Глазок	7,4	12,5
Стнация Камышта-1	МИКНС ОФ 5247/15 (14.2.2)	Глазок	7,6	11,7
Стнация Камышта-1	МИКНС ОФ 5247/15 (14.2.2)	Глазок	7,3	12,0
Стнация Камышта-1	МИКНС ОФ 5247/15 (14.2.2)	Основа	1,4	7,4
Стнация Камышта-1	МИКНС ОФ 5247/15 (14.2.2)	Основа	1,5	7,6
Стнация Камышта-1	МИКНС ОФ 5247/15 (14.2.2)	Основа	1,4	7,3
Казановка-6	МИКСН МАП-52/301 (1)	Глазок	1,2	0,1
Казановка-6	МИКСН МАП-52/301 (1)	Глазок	2,2	0,8
Казановка-6	МИКСН МАП-52/301 (2)	Глазок	2,1	0,8
Казановка-6	МИКСН МАП-52/301 (2)	Глазок	2,1	0,8

Рис. 3. Глазчатые выпуклые бусины: 1 – фотографии (1–3 – Казановка-6, 4 – Станция Камышта-1); 2 – рамановские спектры (1 – основа, 2 – глазки); 3 – содержание сурьмы и свинца по данным РФА.

Глазчатые многоцветные с белым окаймлением бусины. Обнаружено 5 экз. Три из них датируются таштыкской археологической культурой и найдены в грунтовых могильниках: Тесинский Залив-3 – 2 экз., Комаркова (Песчанка) – 1 экз. Два предмета выявлены в инвентаре из курганных могильников тагарской культуры: Казановка-6 – 1 экз., Уйтаг-3 – 1 экз. (рис. 4).

Три предмета из могильников Тесинский Залив-3 и Уйтаг-3 в хорошей сохранности. Они бочонковидной формы, с круглым сечением и выпуклыми стенками. Диаметр сечений составляет 9 и 11 мм, длина предметов – 7 мм. Третья бусина (могильник Комаркова (Песчаная)) сохранилась в виде одного фрагмента размером 7 мм. Предмет из могильника Казановка-6 частично утрачен. Изначальный диаметр – 11 мм, длина – 7 мм. (рис. 4, 1)

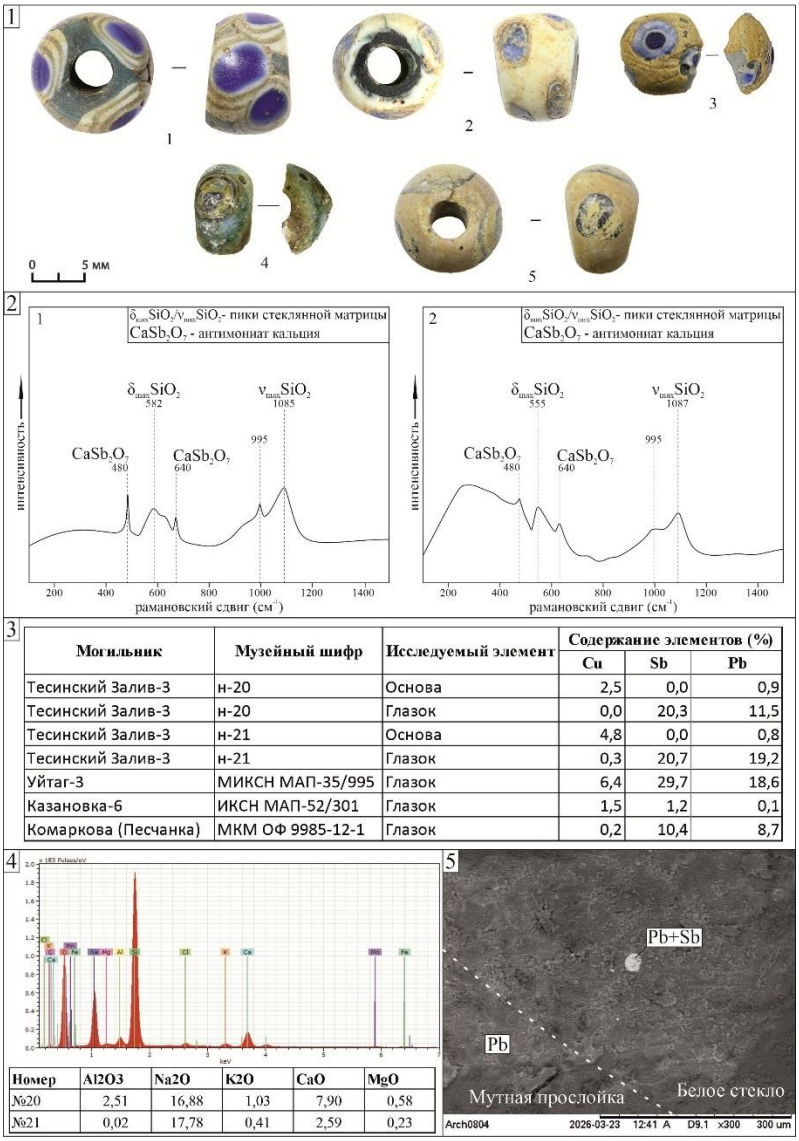
Бусины условно делятся на два варианта. Первый – с синими центрами глазков (бусины таштыкской культуры из могильника Тесинский Залив-3 и Июсского клада – 3 экз.). Одна бусина из могильника Тесинский Залив-3 имеет мутную сине-зеленую основу и три глазка. Центр глазков – синий. Их окаймляют по три белых пояса, между которыми выявлены более темные мутные прослойки. Две другие таштыкские бусины также с мутной сине-зеленой основой, синими глазками с окаймлением с дополнительным белым покрытием всей поверхности.

Второй вариант – бусины тагарской культуры с черными глазками (бусины из могильников Уйтаг-3 и Казановка-6 – 2 экз.). Центр и прослойки глазков в данном случае черные. Окаймление – желтоватое.

Глазки на всех бусинах сформированы в слоисто-щитковой технике, при которой на основу бусины последовательно монтируются постепенно уменьшающиеся диски-капли, накладывающиеся друг на друга (Алексеева 1975: 51).

Все бусины изготовлены из стекла химического типа Na2O-CaO-SiO2. При этом наблюдается разница в рамановском сдвиге пика δmaxSiO2. Для бусин таштыкского времени его значение колеблется в диапазоне 555–564 см-1, тагарской культуры – 582–584 см-1. Рамановский сдвиг пика νmaxSiO2 одинаковый (от 1085 до 1090 см-1). Исследование состава стекла бусин из могильника Тесинский Залив-3 методом SEM-EDX подтвердило принадлежность стекла к данному химическому типу. Выявлено содержание 16,9–17,8% Na2O, не более 1% K2O (соотношение Na2O/K2O=16,3 и 43,7). Количество CaO 2,6–7,9%, MgO – до 0,6% (соотношение CaO/MgO=11 и более). Содержание Al2O не более 2%. Данные характеристики соответствуют Si-Na-Ca стеклу по классификации В.А. Галибина или Na2O-CaO-SiO2 стеклу ранга 2 по классификации Ю.Л. Щаповой (рис. 4, 2, 4) (Щапова 1989: таб. I; Галибин 2021: 69).

Исследование белого покрытия и окаймления бусин показало, что в качестве красителя использовался антимониат кальция (CaSb2O7 либо Ca2Sb2O7). Он же применялся для окрашивания черных глазков. На рамановских спектрах выявлены характерные пики 480 и 640 см-1. Присутствие данного красителя подтверждается и высоким содержанием в глазках бусин сурьмы (Sb до 29,8%). При этом в окаймлении наблюдается высокая концентрация свинца (Pb 17,9%). Исследование окаймления глазков бусин из могильника Тесинский Залив-3 методом SEM-EDX показало, что данное высокое содержание свинца связано с присутствием в более темных прослойках соединений Pb (вероятно, стабилизатора). Также выявлены конкреции Pb+Sn, возможно, дополнительного красителя (пироантимониат свинца Pb2Sb2O). Синее и мутное стекло основы бусин окрашено соединениями меди (фиксируется повышенное содержание Cu до 7,8 %) (рис. 4, 2–3, 5).

Могильник	Музейный шифр	Исследуемый элемент	Содержание элементов (%)		
			Cu	Sb	Pb
Тесинский Залив-3	н-20	Основа	2,5	0,0	0,9
Тесинский Залив-3	н-20	Глазок	0,0	20,3	11,5
Тесинский Залив-3	н-21	Основа	4,8	0,0	0,8
Тесинский Залив-3	н-21	Глазок	0,3	20,7	19,2
Уйтаг-3	МИКСН МАП-35/995	Глазок	6,4	29,7	18,6
Казановка-6	ИКСН МАП-52/301	Глазок	1,5	1,2	0,1
Комаркова (Песчанка)	МКМ ОФ 9985-12-1	Глазок	0,2	10,4	8,7

Номер	Al2O3	Na2O	K2O	CaO	MgO
№20	2,51	16,88	1,03	7,90	0,58
№21	0,02	17,78	0,41	2,59	0,23

Рис. 4. Глазчатые многоцветные с белым окаймлением бусины: 1 – фотографии (1–2 – Тесинский Залив-3, 4 – Комаркова; 5 – Уйтаг-3); 2 – рамановские спектры (1 – белое окаймление бусин из памятников тагарской археологической культуры, 2 – белое окаймление бусин таштыкского времени); 3 – содержание сурьмы, свинца и меди по данным РФА; 4 – содержание соединений, определяющих химический тип стекла, в материале основы бусин из могильника Тесинский Залив-3 по данным SEM-EDX (вверху – типичный EDX-спектр, внизу – таблица содержания соединений в %); 5 – включения красителя на границе белого стекла и мутной прослойки на бусине из могильника Тесинский Залив-3 (изображение в обратно рассеянных электронах).

Спиральные бусины. Выявлено 3 экз. среди материалов таштыкской культуры: в погребальном инвентаре могильника Тесинский Залив-3 (2 экз.) и в составе Июсского клада (1 экз.). (рис. 5).

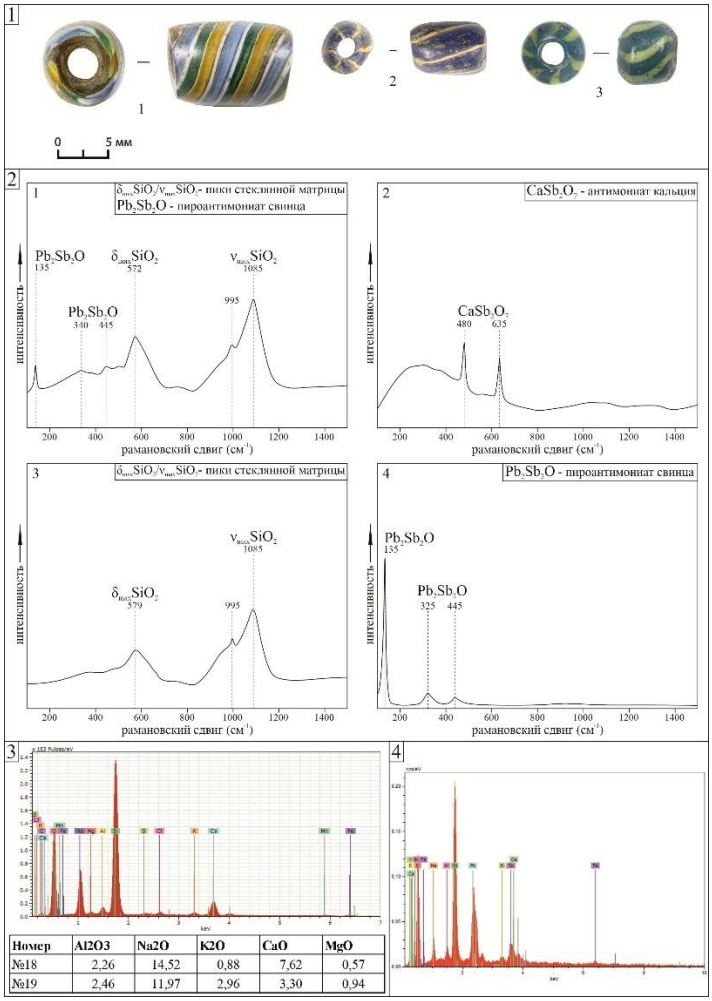
Предметы цилиндрической формы, круглые в сечении, со слегка выпуклыми стенками. Они разного размера, диаметр сечения варьируется от 4 до 8,5 мм, длина – от 7 до 12 мм. (рис. 5, 1)

Одна бусина из могильника Тесинский Залив-3 имеет мутную основу, на которую накручены спирали желтого, зеленого и синего цветов. Между спиралями белые разделительные прослойки. Две другие бусины диахромные. На синей основе сформированы белые (Тесинский Залив-3) или желтоватые (Июсский клад) спирали. Все предметы выполнены в технике навивки на металлический стержень (Львова 1968: 82; Русланова, 2018: 127).

Бусины выполнены из стекла химического типа Na2O-CaO-SiO2. Пики стеклянной матрицы двух бусин находятся в стандартном диапазоне: δmaxSiO2 – 567–579 см-1; νmaxSiO2 – 1081–1095 см-1. Спектры бусины с синей основой и белыми спиралями из могильника Тесинский Залив-3

характеризуются сдвигом пика δmaxSiO2 до 548 см-1. Исследование состава стекла бусин из могильника Тесинский Залив-3 методом SEM-EDX подтвердила небольшое различие в составе стекла. Стекло бусины с многоцветными спиралями содержит (в среднем) 14,5% Na2O, 0,9% K2O (соотношение Na2O/K2O=16,6). Количество CaO 7,6%, MgO – 0,6% (соотношение CaO/ MgO=13,4). Это соответствует типу Si-Na-Ca по классификации В.А. Галибина или Na2O-CaO-SiO2 ранга 2 по классификации Ю.Л. Щаповой. В составе стекла бусины с белыми спиралями присутствует (в среднем) 12% Na2O, 3% K2O (соотношение Na2O/K2O=4). Выявлено 3,3% CaO, 0,9% MgO (соотношение CaO/MgO=3,5). Данный материал представляет собой Si-Na(K)-Ca тип по классификации В.А. Галибина или Na2O-CaO-SiO2 ранга 3 по классификации Ю.Л. Щаповой (рис. 5, 2–3) (Щапова 1989: таб. I; Галибин 2021: 69).

Установлено, что белые полосы на бусинах из могильника Тесинский Залив-3 выполнены из стекла, окрашенного антимониатом кальция (CaSb2O7). На это указывают рамановские спектры с пиками 480 и 635 см-1. Желтое и зеленое стекла окрашены пироантимониатом свинца (Pb2Sb2O). Рамановские спектры соответствующих участков имеют пики 135, 340 и 445 см-1. Исследование поверхности бусин методом SEM-EDX показало наличие свинца и сурьмы. Желтоватые спирали бусины из Июсского клада окрашены также пироантимониатом свинца (на рамановских спектрах выявлены пики 135, 325, 445 см-1) (рис. 5, 2, 4).

Номер	Al2O3	Na2O	K2O	CaO	MgO
№18	2,26	14,52	0,88	7,62	0,57
№19	2,46	11,97	2,96	3,30	0,94

Рис. 5. Спиральные бусины: 1 – фотографии (1–2 – Тесинский Залив-3, 3 – Июсский клад); 2 – рамановские спектры (1 – желтые и зеленые спирали на многоцветной бусине из могильника Тесинский Залив-3, 2 – белые спирали на бусинах из могильника Тесинский Залив-3; 3 – стеклянная матрица основы бусины из Июсского клада, 4 – включение пироантимониата свинца в желтоватых спиралях бусины из Июсского клада); 3 – содержание соединений, определяющих химический тип стекла, в материале основы бусин из могильника Тесинский Залив-3 по данным SEM-EDX (вверху – типичный EDX-спектр, внизу – таблица содержания соединений в %); 4 – EDX-спектр поверхности желтой спирали на многоцветной бусине из могильника Тесинский Залив-3 с пиками свинца и сурьмы.

Обсуждение. Полихромные изделия составляют крайне небольшую часть от общего количества стеклянных бусин в комплексах раннего железного века и гунно-сарматского времени Среднего Енисея. Их доля более высокая в могильниках тагарской культуры. В материалах могильника Станция Камышта-1 выявлено 39 бусин, в том числе две полихромные. Из 72 бусин могильника Уйтаг-3 четыре – полихромные. В могильнике Казановка-6 – две из 15. В могильнике Белый Яр-1 – 7 из 93. Памятники таштыкского времени характеризуются крайней редкостью полихромных изделий (Тесинский Залив-3 – 3 из 42 экз., Камаркова – 1 из 194 экз., Июсский клад – 1 из 152 экз.). Помимо учтенных в данной работе, в научных публикациях известны и другие полихромные бусины раннего железного века и гунно-сарматского времени. Наиболее крупное собрание представлено в составе Знаменского клада (100 экз. III в. до н.э. – II в. н.э. из примерно 10 000 экз. различных бусин и бисера) (Вадецкая 1999: 173; Подольский 2022). Единичные глазчатые и спиральные бусины обнаружены на могильниках Каменка III и IV, Красный Яр, Тепсей VII, в отдельных тесинских курганах (Вадецкая 1999: рис. 86, 88). В том числе, выявлены близкие к глазчатым с белым окаймлением и спиральным бусинам предметы. В целом, доля полихромных бусин в таштыкское время существенно снижается, что можно связать с увеличением объемов поставок в Южную Сибирь стеклянных массовых изделий.

Выявлено отчетливое хронологическое различие в типах полихромных бусин. Кольчатые глазчатые бусины, выпуклые глазчатые, бусины с черными глазками встречены только в материалах тагарской культуры (VIII – III вв. до н.э., 16 экз.). Спиральные бусины и изделия с синими глазками зафиксированы в комплексах таштыкской культуры (I – IV вв. н.э., 6 экз.). Выделенные типы изделий имеют прямые аналогии в археологических материалах Евразии.

Кольчатые, выпуклые и простые слоисто-щитковые глазчатые бусины с синими и черными глазками были широко распространены в регионе Средиземного моря и прилегающих регионах вплоть до второй половины I тыс. до н.э. (Agua et al. 2017; Van Strydonck et al. 2018; Tzankova, Mihaylov 2019). Многочисленные изделия данных типов известны в материалах Северного Причерноморья VI – III вв. до н.э. (Алексеева 1975: 55; Столярова 2021). Они встречаются в материалах Прикамья конца 1 тыс. до н.э. – начала 1 тыс. н.э. (Коренюк, Мингалева 2022).

Глазчатые бусины с синими глазками, выполненные в слоисто-щитковой технике (с белым окаймлением и прослойками) регулярно встречаются в материалах Средиземноморья и Северного Причерноморья с середины 1 тыс. до н.э. (Giachet et al. 2019; Gomes 2023). Они фиксируются в составе раннесарматских наборов V–II вв. до н.э. (Аникеева 2023). Идентичные изделия встречены среди материалов погребальных памятников Южного Урала III–IV вв. н.э. (Русланова 2018: рис. 28). Данные предметы распространялись с середины 1 тыс. до н.э. по торговым путям с Западного Средиземноморья (Левант) через Синдзян вплоть до территории Китая (Gan et al. 2009; Liu et al. 2025).

Спиральные бусины регулярно встречаются в материалах Северного Причерноморья начала 1 тыс. н.э. (I – IV вв.) (Алексеева 1978: 35, таб. 29). Они распространялись севернее и восточное, например, на территории Окского бассейна (Андреев, Терехова 2017). Предметы, идентичные бусинам могильника Тесинский Залив-3 зафиксированы в материалах Южного Урала III–IV вв. н.э. (Русланова 2018: рис. 28).

Стекло химического типа Na2O-CaO-SiO2 (на основе природной соды) является типичным для средиземнорского региона. Использование красителей на основе свинца и сурьмы указывает на близость изделий к египетской школе стеклоделия (Галибин 2001: 76; Tournié, Prinsloo, Colomban 2011: fig. 4, tab. 3; Henderson, An, Ma 2017). Содовое стекло широко распространялось через Левантийский регион на восток по торговым маршрутам Центральной Азии (Gan et al. 2009; Cheng et al., 2021; Liu et al. 2025).

Таким образом, полихромные бусины ввозились на территорию Среднего Енисея из античных центров производства. Кольчатые и выпуклые глазчатые бусины могил поступать через Северное Причерноморье, откуда распространялись по Восточной Европе и далее на восток. Содержания оксидов кальция и алюминия в стекле из могильника Тесинский Залив-3 позволяет отнести предметы к стеклу египетской производственной традиции (Drauschke, Greiff 2010: fig. 9). Вероятнее всего, при поступлении импортных полихромных бусин в таштыкское время доминировало южное направление через Ближний Восток и маршруты Центральной Азии. Редкость полихромных бусин в могильниках Среднего Енисея свидетельствует об их интерпретации как штучного дорого товара в противовес относительно широко распространенному мелкому бисеру и небольшим монохромным бусинам. Изменение ассортимента предметов с течением времени прямо

коррелирует со сменой форм бусин в производственных центрах Средиземноморья и Северного Причерноморья.

Заключение. Исследование 22 экз. полихромных бусин из археологических памятников Среднего Енисея раннего железного века и гунно-сарматского времени (VIII в. до н.э. – IV в. н.э.) показало, что эти немногочисленные, но яркие артефакты изготовлены в античных центрах производства. Прослеживается хронологическая динамика в изменении формы бусин, от глазчатых кольчатых или выпуклых к более сложным многоцветным вариантам. Вероятно, более ранние экземпляры ввозились в Южную Сибирь через регион Северного Причерноморья. Поздние предметы из памятников таштыкской культуры могли поступать на Средний Енисей из Восточного Средиземноморья. Данные выводы расширяют общую картину участия населения территории Среднего Енисея в Евразийской торговле.

Список литературы

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Археология СССР. Свод археологических источников. Г1–12. М.: «Наука», 1975. 94 с.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Археология СССР. Свод археологических источников. Г1–12. М.: «Наука», 1978. 104 с.

Андреев С. И., Терехова Н. В. Стеклянные бусы Давыдовского городища // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 342–354.

Аникеева О.В. Глазчатые бусы – хроноиндикаторы наборов ранних кочевников Южного Урала // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур: материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. памяти А. С. Скрипкина, г. Волгоград, 15–19 мая 2023. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2023. С. 55–69.

Бородовский А.П., Ларичев В.Е. Июсский клад (каталог коллекции). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. 120 с.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. Санкт-Петербург: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. 440 с.

Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2001. 216 с.

Губенко Е.В., Поселянин А.И. Коллекция украшений из тагарского могильника Белый Яр I (Алтайский район, Республика Хакасия) // Вестник Хакасского государственного университета. 2022. Том 41(3). С. 6–10.

Губенко Е.В., Губар Ю.С., Давыдов Р.В. Технологическая характеристика бусин и таштыкского могильника Тесинский Залив-3 // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда. Т. II. Красноярск: Сиб. федер. ун-т., 2025. С. 113–115.

Губенко Е.В., Давыдов Р.В., Тимощенко А.А. Бусы из погребальных комплексов тагарской культуры Среднего Енисея (по материалам раскопок могильников Уйтаг-3 и Сагайская Протока-12) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2025. Т. 31. С. 584–588.

Богданов Е.С., Тимощенко А.А. Культурный палимпсест в кургане № 5 могильника Уйтаг-3 (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 895–901.

Коренюк С.Н., Мингалева М.К. Бусы Гляденовского костища (материалы раскопок 2003–2006 гг.) // Археология Евразийских степей. 2022. Vol. 5. P. 151–163.

Львова З.А. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Часть I. Способы изготовления, ареал, время распространения // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1968. №10. С. 64–95.

Львова З.А. Технологическая классификация изделий из стекла // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1979. №20. С. 90–103.

Митько О.А., Скобелев С.Г., Ширин Ю.В., Зубков В.С., Поселянин А.И., Давыдов Р.В., Журавлева Е.А., Половников И.С., Собинов Р.Л. Грунтовый могильник таштыкской культуры Тесинский Залив-3: итоги полевого сезона 2018 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018. Т. 24. С. 285–289.

Митько О.А., Зубков В.С., Поселянин А.И., Фролов Я.И., Морозов А.А., Половников И.С., Чертыков В.А., Выборнов А.В. Предварительные результаты раскопок татарских курганов

могильника Казановка-6 в Аскизском районе Республики Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 888–894.

Подольский М.Л. Знаменский клад из Хакасии // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб: 2002. С. 229–234.

Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. 376 с.

Столярова Е.К. Бусы некрополя у пос. Заозерное в северо-западном Крыму: морфо-технологический анализ и хронология (по материалам раскопок 1979–1985 гг.) // Археология Евразийских степей. 2021. №.2. Р. 301–313.

Чертыков В.А., Тимощенко А.А. Исследования курганного могильника Станция Камышта-1 в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 1028–1034.

Щапова Ю.Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М.: Издательство Московского университета, 1989. 120 с.

Agua F., Conde L.F., Kobylinska U., Kobylinski Z., García-Heras M., Villegas M.A. Chemical–physical characterisation of early IronAge glass beads from Central Europe // Boletín de la Sociedad Española de Cerámica y Vidrio. 2017. Vol. 56, Issue 3. P. 119–130.

Cheng Q., Guo J., Wang B., Cui J. Scientific study on archaeological glass finds from the Qiemo kingdom unearthed along the southern route of the Silk Road in Xinjiang // Transcending Boundaries: Integrated Approaches to Conservation. ICOM-CC 19th Triennial Conference Preprints. Beijing: ICOM-CC, 2021. P. 1–9.

Drauschke J., Greiff S. Chemical aspects of Byzantine glass from Caričin grad/Iustiniana Prima (Serbia) // Glass in Byzantium – Production, Usage, Analyses. 2010. Band 8. P. 25–46.

Gan F.X., Ch. H.Sh., Hu Y.Q., Ma B., Gu D.H. Study on the most early glass eye-beads in China unearthed from Xu Jialing Tomb in Xichuan of Henan Province, China // Sci China Ser E-Tech Sci. 2009. Vol. 52. No. 4. P. 922–927.

Giachet M.T., Gratuze B., Ozainne S., Mayor A., Huysecom E. A Phoenician glass eye bead from 7th–5th c. cal BCE Nin-Bèrè 3, Mali: Compositional characterisation by LA–ICP–MS // Journal of Archaeological Science: Reports. 2019. Vol. 24. P. 748–758.

Gomes F.B. Iron Age glass eye beads in southern Portugal (7th–2nd centuries BCE) // Trabajos de Prehistoria. 2023. Vol. 80(2): e17.

Henderson J., An J., Ma H. The Archaeometry and Archaeology of Ancient Chinese Glass: a Review: The archaeometry and archaeology of ancient Chinese glass // Archaeometry. 2017. Vol. 60(1). P. 88–104.

Li Q., Yang J.C., Li L., Dong J., Zhao H.X., Liu S. Identification of the man-made barium copper silicate pigments among some ancient Chinese artifacts through spectroscopic analysis // Spectrochimica Acta. Part A. Molecular and Biomolecular Spectroscopy. 2015. Vol. 138C(2). P. 6092–616.

Liu N., Wang Y., Cui J., Jiang X. The origin and spread of early natron glass in China: new evidence from Early Iron Age (1000-202 BC) eye beads unearthed in Xinjiang // npj Heritage Science. 2025. Vol. 13: 27.

Tournié, A., Prinsloo, L. C., & Colomban, P. Raman classification of glass beads excavated on Mapungubwe hill and K2, two archaeological sites in South Africa // Journal of Raman Spectroscopy. 2011. Vol. 43(4). P. 532–542.

Tzankova N., Mihaylov P. Chemical characterization of glass beads from the necropolis of Dren-Delyan (6th–4th century BC), Southwest Bulgaria // Geologica Balcanica. 2019. Vol. 48 (2). P. 31–50.

Van Strydonck M., Gratuze B., Rolland J., De Mulder G. An archaeometric study of some pre-Roman glass beads from Son Mas (Mallorca, Spain) // Journal of Archaeological Science: Reports. 2018. Vol. 17. P. 491–499.

Vandenabeele P. Practical Raman spectroscopy. An introduction. Chichester: Wiley & Sons, 2013. 193 p.

Zhao H.X., Li Q.H., Liu S., Gan F.X. Characterization of microcrystals in someancient glass beads from China by means ofconfocal Raman microspectroscopy // Journal of Raman Spectroscopy. 2013. Vol. 44(4). P. 643–649.

Р.В. Давыдов

Ерте темір дәуірі мен ғұн-сармат кезеңі Орта Енисей аймағындағы полихромды шыны моншақтар

Полихромды шыны моншақтар Орта Енисей аймағында өте сирек кездеседі және сол жерден табылған басқа шыны артефактілерімен бірге импорттық деп түсіндіріледі. Бұл зерттеу Орта Енисей аймағында табылған және біздің эрамызға дейінгі 8 ғасырдан біздің эрамызға дейінгі 4 ғасырға дейінгі полихромды шыны моншақтармен байланыстыруды мақсат етеді. Тагар және Таштық археологиялық мәдениеттерімен байланысты жеті жерлеу орнынан барлығы 22 үлгі зерттелді. Морфологиялық талдау жүргізілді, ал шынының құрамы рентгендік флуоресценция (XRF) талдауы және Раман спектроскопиясы арқылы анықталды.

Жинақтың көп бөлігі көзді моншақтармен (20 үлгі) ерекшеленеді. Көздердің үш түрі анықталды: сақина тәрізді (11 үлгі), дөңес (3 үлгі) және ақ жиегі бар полихромды көздер (қара және көк орталықтары бар 5 үлгі). Біздің эрамыздың 3-4 ғасырларына жататын үш зат - көк, сары, жасыл және ақ шыныдан жасалған спиральды моншақтар.

Барлық моншақтар $Na_2O–CaO–SiO_2$ шынысынан жасалған. Анықталған бояғыштар мен күңгірттендіргіштерге мыс оксиді, кальций антимонаты және қорғасын пироантимонаты жатады. Сақина тәрізді және қара көзді моншақтар ең архаикалық түрлерді білдіреді; олар біздің заманымызға дейінгі 1-мыңжылдықтың ортасында Жерорта теңізінде, Египетте және Солтүстік Қара теңіз аймағында кең таралған, сол жерден шығысқа қарай таралған. Біздің заманымыздың 1-мыңжылдығының басындағы моншақтар (спираль тәрізді түрлері және ақ жиектері бар көк көздер) Шығыс Жерорта теңізі арқылы Солтүстік Қытайға дейін таралған.

Түйін сөздер: Орта Енисей, ерте темір дәуірі, ғұн-сармат кезеңі, моншақтар, шыны, раман спектроскопиясы, элементтер құрамы, сауда байланыстары.

R.V. Davydov

Polychrome glass beads from the Middle Yenisei region of Early Iron Age and Hun-Sarmatian period

Polychrome glass beads are extremely rare in the Middle Yenisei region and, together with other glass artifacts found there, are interpreted as imports. This study aims to characterize polychrome glass beads discovered in the Middle Yenisei region and dated to the 8th century BC – 4th century AD. A total of 22 specimens from seven burial sites associated with the Tagar and Tashtyk archaeological cultures were examined. Morphological analysis was performed, and the composition of the glass was determined using X-ray fluorescence (XRF) analysis and Raman spectroscopy.

The majority of the assemblage consists of eye beads (20 specimens). Three types of eyes were identified: ring-shaped (11 specimens), convex (3 specimens), and polychrome eyes with a white border (5 specimens, with black and blue centers). Three items dated to the 3rd–4th centuries AD are spiral beads made of blue, yellow, green, and white glass.

All beads were produced from $Na_2O–CaO–SiO_2$ glass. The identified colorants and opacifiers include copper oxide, calcium antimonate, and lead pyroantimonate. Beads with ring-shaped and black eyes represent the most archaic types; they were widespread in the mid-1st millennium BC in the Mediterranean, Egypt, and the Northern Black Sea region, from where they spread eastward. Beads of the early 1st millennium AD (spiral types and blue eyes with white borders) circulated through the Eastern Mediterranean as far as Northern China.

Key words: Middle Yenisei, Early Iron Age, Hun-Sarmatian period, beads, glass, Raman spectroscopy, elemental composition, trade routes.

Ф.Ш. Субхонов
Самаркандский институт археологии имени Я. Гулямова
Самарканд, Узбекистан
fir2703@gmail.com

К вопросу о кушанских иконографических элементах в интерьере святилища Еркургана (III–IV вв.)

Статья посвящена анализу кушанских иконографических элементов в интерьере святилища III–IV вв. на городище Еркурган (Согд). Цель исследования заключается в выявлении особенностей художественной и композиционной структуры культового пространства храма и определении возможных культурных влияний кушанской эпохи. В работе используются методы архитектурного и иконографического анализа, а также сравнительное сопоставление археологических материалов Еркургана с памятниками монументального искусства Бактрии, Хорезма и Гандхары. Особое внимание уделяется центральной нише целлы, где располагалась скульптура божества, и портретным изображениям на её боковых стенах, которые рассматриваются как элементы единой композиционной системы интерьера. Стилистические особенности скульптуры и настенной живописи демонстрируют ряд черт, сближающих их с художественной традицией кушанской Бактрии. Проведённый анализ позволяет рассматривать интерьер святилища Еркургана как отражение сложных культурных взаимодействий позднеантичного времени и свидетельство включённости художественной традиции Согда в широкий круг межрегиональных контактов кушанской эпохи.

Ключевые слова: Еркурган, Согд, кушанская эпоха, иконография, монументальное искусство, культовая архитектура.

В III в. н.э. в центральной части городища Еркурган на платформе, сформированной на руинах более ранних культовых сооружений, было возведено святилище, к которому вёл двор, оформленный в виде трёх террасовых уровней. Поднимаясь по этим террасам, паломники подходили к храму и оказывались перед айваном размером 18,5×7 м, перекрытие которого поддерживалось восемью колоннами, расположенными в два ряда по четыре в каждом (Сулейманов 2000: 93). В центре северо-западной стены айвана находился дверной проём, соединявший его с главным помещением святилища – целлой прямоугольной формы размером 13,2×7,5 м. По центральной оси зала располагались две колонны диаметром 80–85 см, поверхность которых была украшена изображениями различных сакральных знаков, выполненных на красном фоне.

Стены помещения, как отмечается в публикациях, были оформлены суфами и пятнадцатью полуциркульными нишами: пять – в северной стене, по три – в западной и восточной и четыре – в южной (Сулейманов, Нефедов 1979: 49). При этом три центральные ниши, расположенные на трёх стенах помещения, особенно ниша, находящаяся напротив входной двери, отличались более крупными размерами (ширина около 3,5 м, глубина 1,6 м) по сравнению с остальными. По своему архитектурно-планировочному решению, прежде всего благодаря наличию трёх крупных внутристенных ниш, святилище Еркургана обнаруживает сходство с рядом культовых сооружений античного Хорезма.

Так, например, на четырёх стенах так называемого «Зала танцующих масок», расположенного во дворце Топрак-кала в Хорезме, строительство и расцвет которого относятся ко II–III вв., было устроено девятнадцать ниш: по пять на трёх стенах, тогда как на северо-восточной стене находилось четыре ниши, поскольку место пятой занимал входной проём (Топрак-кала. Дворец 1984: 73-85). При этом три центральные ниши на трёх стенах зала также отличались большими размерами по сравнению с остальными. В этих нишах размещались скульптурные изображения антропоморфных фигур. На основании ранних исследований С.П. Толстов предполагал, что данный зал имел культовое назначение и был посвящён какой-то религиозной мистерии с культом дионисийского характера (Толстов 1953: 310). В свою очередь, Ю.А. Рапопорт полагал, что три крупные ниши позволяют предположить посвящение этого зала трём божествам, одним из которых, вероятно центральным, могла быть Анахита (Рапопорт 1978: 278; Топрак-кала. Дворец 1984: 85). Сходное по архитектурно-планировочному решению помещение было обнаружено и на городище Куня-Уаз (Неразик 1958: 376). Учитывая сходство архитектурно-планировочного решения святилища Еркургана с вышеупомянутыми культовыми сооружениями Хорезма, можно предположить, что в трёх крупных нишах его целлы могли размещаться скульптурные изображения трёх божеств, что

соответствует композиционной роли центральных ниш в культовых интерьерах Средней Азии античного периода. Косвенным подтверждением этого служат замурованные внутри святилища остатки многочисленных скульптур, относящихся к разным периодам (Сулейманов 2000).

Исследуя архитектуру святилища Еркургана, С.Г. Хмельницкий отмечал: «красная окраска колонн и ниш, множество обломков скульптурных изображений божеств как будто позволяют видеть в здании Еркургана буддийский храм, но этому противоречит его устройство, не находящее среди известных буддийских святилищ Центральной Азии никаких аналогий (Хмельницкий 2000: 259). Действительно, планировка храма с тремя крупными нишами могла бы указывать на его связь с тремя божествами зороастрийского пантеона. Однако скульптурное изображение божества III–IV вв., найденное в центральной нише целлы святилища, по своим иконографическим характеристикам – прежде всего мягкой моделировке лица, округлой форме щёк и спокойному выражению – сближается с образами буддийского пантеона, известными по скульптурным памятникам Бактрии.

Хотя от самой ранней скульптуры, обнаруженной в святилище Еркургана (III–IV вв. н.э.), до наших дней сохранилась лишь лицевая часть (Сулейманов 2000: Рис. 81), можно с достаточной уверенностью определить, что она была выполнена в традиционной для Центральной Азии технике ваяния. Сначала мастер создавал деревянный каркас, затем покрывал его плотной глиняной массой, формируя общий объём скульптуры, после чего поверхность выравнивалась тонким слоем ганча, завершавшим моделировку образа.

Несмотря на плохую сохранность, в облике данного портрета заметны менее фактурно проработанные веки, что отличает его от более «грекизированных» скульптурных произведений Халчаяна (I в.) (Пугаченкова 1971: 231) и Дальверзинтепе (II–III вв.) (Пугаченкова, Ртвеладзе 1978: 240), а также от синхронных ему скульптур Топрак-калы (Топрак-кала. Дворец 1984: Т. XIV). В то же время овальная, почти округлая форма лица, мягкая улыбка и плавные линии щёк и подбородка сближают этот образ с произведениями гандхарского круга, для которых характерны мягкая моделировка лица и спокойное выражение (Пугаченкова 1982: 196) и буддийской скульптурой Бактрии (Abdullaev 2015: 274; Пугаченкова 1979: 248), особенно с памятниками буддийских комплексов городища Кара-тепе, относящимися к тому же времени (Богомолов 2019: 216). Красный цвет, которым была окрашена еркурганская скульптура III–IV вв., служит ещё одной чертой ее сходства со скульптурными образцами последнего. Примечательно также, что хорошо сохранившиеся терракотовые фигурки из Еркургана (Сулейманов 2000: 110), синхронные упомянутой скульптуре, благодаря лучшей сохранности и большей иконографической близости не только позволяют предположительно реконструировать утраченные элементы памятника, но и свидетельствуют о влиянии кушанского, преимущественно буддийского, искусства на материальную культуру и монументальное искусство Согда данного периода.

Среднеазиатские архитекторы античного периода, воспринимавшие пространство целостно, для установки круглой скульптуры отводили специальные места на стенах помещений (Нурмухамедова 2018: 287). В святилище Еркургана такую функцию выполняла ниша, расположенная строго на оси входа и образующая ключевой композиционный центр внутреннего убранства.

Задняя стенка ниши была украшена дугообразными и растительными орнаментами, тогда как на её внутренних боковых стенках располагались портретные изображения, заключённые в чёрные рамки. Наиболее хорошо сохранилось левое из них – исполненное широкой, уверенной кистью в тёплой цветовой гамме, оно изображает фигуру в три четверти поворота, обращённую в сторону скульптуры (Сулейманов 2000: 107-108). Нимб, венчающий голову персонажа, подчёркивает его сакральную значимость в общей культовой композиции, тогда как калпак, выходящий за пределы рамки, создаёт эффект пространственного взаимодействия с архитектурной формой. Возникает иконографическая аналогия с древневосточной иконографической схемой, в которой фигуры, несущие на себе архитектурные или ритуальные элементы, воплощают акт сакрального служения и подчинения высшей силе. В данном случае таким элементом выступает свод ниши, под которым возвышалась статуя божества.

В монументальном искусстве Древнего Востока поза фигуры, несущей предмет над головой, была известна уже со времени Ахеменидской эпохи. Одним из наиболее наглядных примеров являются каменные барельефы Персеполя, где изображены представители покорённых народов, поддерживающие в поднятых руках царский трон (Schmidt 1953: Fig. 40,41). Сходный иконографический мотив встречается и в настенных росписях храма Акшахан-калы в Хорезме на рубеже нашей эры: три величественные фигуры высотой около шести метров изображены с поднятыми руками (Grenet 2018: 73-81.), однако держат они уже не трон, а арку (Betts et al. 2015:

1369-1396; Betts et al. 2016: 125-165.). Существенное сходство этих изображений с персепольскими рельефами проявляется в особенностях их композиционного решения: головы персонажей переданы строго в профиль, тогда как тела развернуты фронтально. Подобная трактовка фигуры может отражать сохранение традиционной условной композиционной схемы. Примечательно, что и портретные изображения, обнаруженные в храме Акшахан-калы (на сегодняшний день изучено 54 из примерно 200), также выполнены в строго профильной манере (Yagodin et al. 2009: 7-41; Ягодин 2013: 272-285).

В произведениях искусства Ай-Ханума (Ставиский 1974: Рис.31-32.), Нисы (Массон, Пугаченкова 1956; Пугаченкова 1967: Рис. 22-25) и Дильберджина (Кругликова 1976; 87-110) прослеживается устойчивое следование эллинистическим художественным канонам: реалистическая манера исполнения, анатомическая точность и ориентация на круговой обзор скульптурных форм. Однако начиная с рубежа нашей эры наблюдается заметная трансформация художественного языка, связанная с усилением местных этнокультурных компонентов. Скульптурные изображения представителей рода Гераичей из Халчаяна демонстрируют отход от натуралистической манеры в пользу большей фронтальности образов (Пугаченкова 1971). Вместе с тем мастера кушанской Бактрии сохраняют уверенное владение приёмами пространственного и перспективного изображения. Это особенно наглядно проявляется в изображении персонажей в трёхчетвертном повороте на стенных росписях храма в Дальварзинтепе (Пугаченкова, Ртвеладзе 1978), в скульптурных произведениях Айртама (Массон 1933), а также в малых формах искусства – например, на монетах Васудевы II (ок. 275–300 гг. н. э.), где трон богини Ордохшо передан в перспективе (Пугаченкова 1979: Рис.177). В тот же период трёхчетвертной поворот проникает и в монументальное искусство Хорезма (Топрак-кала), хотя традиционная школа с её преимущественно профильными изображениями продолжает сохранять доминирующее положение (Топрак-кала. Дворец 1984: Т. XIV.; Рис.27, 47, 54, 76, 77, 81). К этому же хронологическому времени относятся и вышеупомянутые портретные изображения, обнаруженные в святилище Еркургана. Не случайно отмечается, что «по цветовой гамме и технике исполнения живопись Еркургана близка живописи Кушанского царства…» (Сулейманов 2000: 109).

Л.И. Ремпель выделял два типа портретных изображений в искусстве античной Средней Азии: личные (персонализированные), передающие индивидуальные черты конкретного персонажа (будь то правитель или божество), и имперсональные, основанные на обобщённом этническом или социальном типе (Ремпель 1989). Последние, как правило, не стремятся к индивидуализации и выступают в качестве визуальных маркеров принадлежности к определённой группе – подобно изображениям согдийцев, бактрийцев и других народов на барельефах Персеполя. Если персонажи настенных росписей храма в Дальверзинтепе (Пугаченкова, Ртвеладзе 1978: 89) интерпретируются как изображения божеств, что позволяет отнести их к первому, персонализированному типу, то портреты, размещённые на боковых стенках главной ниши святилища Еркургана, по всей вероятности, относятся ко второму типу. Их второстепенное положение по отношению к центральной скульптуре, а также композиционная функция – визуальная поддержка свода, возвышающегося над скульптурным изображением божества, – указывают на их вспомогательную, но концептуально значимую роль в структуре культовой композиции. Примечательно, что сходные композиционные решения прослеживаются и в более поздних памятниках согдийского монументального искусства – в частности, в росписях Варахши (Шишкин 1955: 101-130), Пенджикента (Живопись древнего Пянджикента 1954: табл. XXXIV), а также на оссуариях из Биянаймана (Борисов 1940: 25-49) и др.

Интегрированные в архитектурную структуру и выполняющие функцию визуальной опоры сакрального центра композиции, портреты из центральной ниши святилища Еркургана не выступают в роли самостоятельных персонажей, а функционируют как сопровождающие божество фигуры, акцентируя его центральное положение и возвышенный статус в культовом пространстве. Если принять во внимание, что скульптура располагалась между двумя портретами, изображёнными на внутренних боковых стенах центральной ниши, можно предположить, что данная композиция формировала своеобразную триадическую структуру, в известной степени сопоставимую с буддийскими триадами. Подобный композиционный принцип напоминает мраморную скульптурную нишу III–IV вв. н. э., обнаруженную на Фаяз-тепе, где представлена триада из Будды и двух монахов, расположенных по обе стороны от него (Marylin 2002: Fig.2.6). Аналогичная иконографическая схема широко распространена в искусстве Гандхары, где фигуры монахов иногда заменяются Индрой и Брахмой. Дополнительный интерес представляет сопоставление декоративных элементов. Так, на внутренней стене центральной ниши святилища

Еркургана на высоте около 1 м от уровня ниши прослеживаются мазки красной краски, отдаленно напоминающей фигурную решетку в виде нескольких рядов дуг; выше идут остатки растительного орнамента (Сулейманов 2000). В то же время в скульптурной нише из Фаяз-тепе присутствует растительный мотив (дерево Бодхи), образующий своеобразный ореол вокруг головы Будды.

Наконец, стилистические особенности самой скульптуры также позволяют провести определённые параллели. Мягкая улыбка еркурганской скульптуры III–IV вв., заметно отличающаяся от пластики статуй, обнаруженных в слоях святилища VI–VII вв., и в то же время обнаруживающая сходство с произведениями бактрийской буддийской пластики, может рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу указанного сопоставления.

Строительство святилища Еркургана и упомянутых выше храмовых комплексов Хорезма, по-видимому, совпало с периодом расцвета Кушанской империи, объединившей обширные территории Индии и Средней Азии. Это способствовало интенсивным культурным контактам и взаимному проникновению художественных традиций, что нашло отражение в архитектурно-художественном облике культовых сооружений данного времени. Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых истории среднеазиатских регионов в кушанскую эпоху (Толстов 1948; Ставиский 1961: 111; Rosenfield 1967; Массон 1975: 42-49 и др.), в научной литературе до сих пор отсутствует единое мнение относительно северных границ государства и вопроса о том, входили ли Согд и Хорезм в состав империи. Вероятно, именно поэтому, понятие «кушанское искусство» довольно часто используется в научной литературе без региональных уточнений (Мкртычев 2019: 550).

Вместе с тем, даже если указанные регионы не входили непосредственно в состав Кушанского государства, они могли находиться в сфере его культурно-политического влияния, выступая, по выражению В.М. Массона, «буферными владениями, представлявшими зону его преимущественного влияния» (Массон 1981: 37). Известно, что в период существования Кушанской державы на её территории было возведено множество культовых сооружений, связанных с династийным культом, украшенных настенными росписями и скульптурными изображениями царей и божеств (Сурх-Котал, Халчаян, Дальверзинтепе, Айртам и др.). Наряду с храмами, продолжавшими традиции древнего культового зодчества Средней Азии, активно строились буддийские культовые центры и ступы (Фаяз-тепе, Кара-тепе и др.).

Таким образом, композиционная структура святилища Еркургана III–IV вв., а также стилистические особенности его скульптуры и настенной живописи свидетельствуют о включённости художественной традиции Согда в широкий круг культурных взаимодействий кушанской эпохи, в рамках которых происходил активный обмен архитектурными, иконографическими и художественными моделями между регионами Средней Азии.

Список литературы

Богомолов Г.И. Буддизм в истории Узбекистана//Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т.III. Буддизм. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С.240-350.

Борисов А.Я. К истолкованию изображений на биянайманских оссуариях//ТОВЭ. Т.II. Л.:1940.–С.25-49.

Живопись древнего Пянджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 207 с.

Кругликова И.Т. Настенные росписи Дильберджина//Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1973. М.: Наука, 1976. С.87-110.

Массон В.М. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана (Вопросы периодизации и хронологии) //ОНУ. Ташкент, 1981. Вып.4. С.30-38.

Массон М. Е. К вопросу о северных границах государства «Великих Кушан»// Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху «Центральная Азия в кушанскую эпоху». Душанбе, 27 сентября – 6 октября 1968 г. Том II. М.: Наука, 1975. С.42-49.

Массон М.Е. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н.э.//Материалы Узкомстариса. Ташкент, 1933. Вып.1. 16 с.

Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны: Из культурного наследия туркменского народа. Альбом иллюстраций//ТрЮТАКЭ. – М: Изд-во АН СССР, 1956. 8 с., СХХ отд. л. ил. в папке.

Мкртычев Т.К. Кушанское искусство Северной Бактрии (Южный Узбекистан): основные характеристики//Художественная культура. 2019. №4. С.548-563.

Неразик Е.Е. Археологическое обследование городища Куня-Уаз в 1952 г.//Археологические и этнографические работы хорезмской экспедиции 1949-1953. М.: Изд-во АН СССР, 1958. ТХАЭЭ, Т.II. С.367-396.

Нурмухамедова Ш.З. Закономерности и стилевые особенности архитектуры Узбекистана античного периода. Ташкент: «Fan va texnologiya», 2018. 231 с.

Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М.: Искусство, 1979. 247 с.

Пугаченкова Г.А. Искусство Гандхары. М.: Искусство, 1982. 196 с.

Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана: Очерк с древнейших времен до 1917 г. М.: Искусство, 1967. 327 с.

Пугаченкова Г.А. Ртвеладзе Э.В. и др. Дальверзинтепе-кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: «Фан», 1978. 238 с.

Пугаченкова Г.А. Скульптура Халчаяна. М.: Искусство, 1971. 231 с.

Рапопорт Ю.А. К вопросу о дионисийском культе в священном дворце Топрак-калы//Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.: Наука, 1978. С.275-284.

Ремпель Л.И. Портрет в искусстве античной Средней Азии//Античные и раннесредневековые древности Юного Узбекистана в свете новых открытый Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Отв. ред. Г.А. Пугаченкова. Ташкент: Фан, 1989. С.111-131.

Ставиский Б.Я. О северных границах Кушанского государства // ВДИ. М., 1961. Вып. 1 (75). С.108-114.

Ставиский Б.Я. Искусство Средней Азии. Древний период VI в. до н.э. – VIII в. н.э. М.: Искусство, 1974. 255 с.

Сулейманов Р. Нефедов Н. Раскопки святилища храма городища Ер-Курган//ИМКУ. Ташкент, 1979. Вып.15. С.49-56.

Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. - VII в. н.э. Самарканд-Ташкент: Фан, 2000. 341 с.

Толстов С.П. Древний Хорезм (Опыт историко-археологического исследования). М.: МГУ, 1948. 352 с.

Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР 1950 г.// СА. М., 1953. №.18. С.301-325.

Топрак-кала. Дворец//ТХАЭЭ. М.: Наука, 1984. 303 с.

Хмельницкий С. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V-VIII вв. Берлин-Рига: «Gamajun», 2000. 290 с.

Шишкин В.А. Варахша (Предварительное сообщение о работах 1949-1953 гг.)//СА. М.,1955. Вып. XXIII. С.101-130.

Ягодин В.Н. Портретная галерея древнейшей династии хорезмийских царей?//COMMENTATIONES IRANICAE. Сборник статей к 90-летию В.А. Лившица. СПб: Нестор-История, 2013. С.272-285.

Abdullaev K. Buddhist Iconography of Northern Bactria//Eds. A. Bets & F. Kidd. – University of Sydney Central Asian Programme Manohar, 2015. 274 p.

Betts A.V.G., Bonnat M., Kidd F., Grenet F., Khashimov S., Khozhaniyazov G., Minardi, M. Des divinités avestiques sur les peintures murales d'Akchakhan-Kala, Ouzbékistan //Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 2015. T.159. №.3. pp. 1369-1396.

Betts A.V.G., Grenet F., Yagodin V.N., Kidd F., Minardi M., Bonnat M., Kashimov S. The Akchakhan-kala Wall Paintings: New Perspectives on Kingship and Religion in Ancient Chorasmia. //Journal of Inner Asian Art and Archaeology, 2016. T.7. pp. 125-165.

Grenet F. Was Zoroastrian Art Invented in Chorasmia? //Ancient Civilizations from Scythia to Siberia, 24(1-2), 2018, pp.73-81.

Marylin M. Rhie. Early Buddhist Art of China and Central Asia. Volume 2: The Eastern Chin and Sixteen Kingdoms Period in China and Tumshuk, Kucha and Karashahr in Central Asia (2 vols). – Leiden/Boston/Köln: Brill, 2002. 1440 p.

Rosenfield John M. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1967. 377 p.

Schmidt E.F. Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions. Chicago/Illinois: The University of Chicago Press, 1953. 297 p.

Yagodin V.N., Betts A.V.G., Kidd F. Brite E.B., Khozhaniyazov G., Amirov Sh., Yagodin V.V., Fray G. Karakalpak-Australian Excavations in Ancient Chorasmia. An Interim Report on the Kazakly-yatkan Wall Paintings: the “Portrait” Gallery //Journal of Inner Asian Art and Archaeology, 2009. pp.7-41.

Ф.Ш. Субхонов

Ерқорған ғибадатханасының интерьеріндегі кушандық иконографиялық элементтер мәселесіне (III–IV ғғ.)

Мақала Ерқорған қалашығындағы III–IV ғғ. ғибадатханасының интерьеріндегі кушандық иконографиялық элементтерді талдауға арналған. Зерттеудің мақсаты – ғибадатхананың культтік кеңістігінің көркемдік және композициялық құрылымын анықтау, сондай-ақ кушан дәуіріне тән ықтимал мәдени ықпалдарды айқындау. Жұмыста сәулеттік және иконографиялық талдау әдістері қолданылып, Ерқорған ескерткішінің археологиялық материалдары Бактрия, Хорезм және Гандхараның монументалды өнер ескерткіштерімен салыстырмалы түрде қарастырылады. Ерекше назар целланың орталық нишасына аударылады; мұнда құдай мүсіні орналасқан, ал оның бүйір қабырғаларындағы портреттік бейнелер ғибадатхана интерьерінің біртұтас композициялық жүйесінің элементтері ретінде қарастырылады. Мүсін мен қабырға кескіндемесінің сақталған фрагменттерінің стильдік ерекшеліктері оларды кушандық Бактрияның көркемдік дәстүрімен жақындастыратын бірқатар белгілерді көрсетеді. Жүргізілген талдау Ерқорған ғибадатханасының интерьері кеш антика дәуіріндегі күрделі мәдени өзара ықпалдастықтарды бейнелейтінін және Соғды өнер дәстүрінің кушан кезеңіндегі кең ауқымды аймақаралық байланыстар жүйесіне кіріктірілгенін көрсетеді.

Түйін сөздер: Ерқорған, Соғды, кушан дәуірі, иконография, монументалды өнер, культтік сәулет.

F.Sh. Subkhonov

Kushan Iconographic Elements in The Interior of the Erkurgan Sanctuary (3rd–4th Centuries CE)

This article examines Kushan iconographic elements in the interior of the 3rd–4th century sanctuary at the site of Erkurgan (Sogdiana). The aim of the study is to identify the artistic and compositional structure of the cultic space and to determine possible cultural influences associated with the Kushan period. The research is based on architectural and iconographic analysis, as well as comparative examination of the archaeological materials from Erkurgan alongside monuments of monumental art from Bactria, Khorezm, and Gandhara. Particular attention is paid to the central niche of the cella, where the sculpture of a deity was located, and to the portrait images on its lateral walls, interpreted as elements of a unified compositional system of the sanctuary interior. The stylistic features of the surviving fragments of sculpture and wall painting reveal several traits that bring them closer to the artistic traditions of Kushan Bactria. The analysis suggests that the interior of the Erkurgan sanctuary reflects complex cultural interactions of Late Antiquity and demonstrates the integration of Sogdian artistic traditions into wider interregional networks of the Kushan era.

Key words: Erkurgan, Sogdiana, Kushan period, iconography, monumental art, cult architecture.

Қ.Ж. Әуезов
Ө.А. Байқоңыров атындағы Жезқазған университеті
Жезқазған, Қазақстан
kabdol.auezov.78@mail.ru

Қ.И. Сәтбаевтың еңбектері, Ұлытау-Жезқазған өңіріндегі ежелгі полиметалл дәуірінің ескерткіштерін зерттеудің дерек көзі ретінде*

Ұлы Даланы кіндігінде орналасқан қазақ жеріндегі, ең көне тау - Ұлытау сілемдері екендігі ғылымда дәлелденген ақиқат. Ұлытау кенересі көбінесе қатты тау жыныстарынан жасалған. Кей жерінде бұларға түйіршікті тақта тас жыныстары да қосылып отырады. Ұлытау-Жезқазған аймағының кен орындарының әрі тарихының білгірі геолог-инженер Қ.И. Сәтбаевтың Жезқазған мыс кенді аймағы мен Сарыарқаның батыс бөлігінде, Ұлытау тауларының оңтүстік бөктерінде орналасқан көне кен орындарының ескерткіштері жайында жариялаған деректері, алғаш рет полиметалл дәуірінің қалыптасуы туралы мәлімет алуға мүмкіндік берді. Қола дәуіріндегі тау-кен ісі мен металлургияның Ұлытау қоныстары, Үлкен Жезқазған ескерткіштерін археологиялық зерттеу кешенді түрде, XX ғ. 40-жылдарынан бастап жүргізілуде. Мұнда ерте және кейінгі қола дәуіріне, сондай-ақ ерте ортағасыр дәуіріне жататын көне кеніш орындары, қазандықтар, жыралар, пеш орындары, металлургиялық елді мекендердің орындарының қалдықтары анықталған.

Түйін сөздер: Ұлытау,Жезқазған, Қ.И.Сәтбаев, полиметалл дәуірі, геология, көне тау-кен ісі мен металлургия, ежелгі кеніштер.

Кіріспе. Мақалада Ұлытау-Жезқазған аймағының кен орындарының әрі тарихының білгірі геолог-инженері Қ.И. Сәтбаевтың Жезқазған мыс кенді аймағы мен Сарыарқаның батыс бөлігінде, Ұлытау тауларының оңтүстік бөктерінде орналасқан көне кен орындарының ескерткіштері жайында жариялаған деректері тұңғыш рет ұсынылады. Бұл зерттеуде Қ.И. Сәтбаев еңбектерін пайдалана отырып Ұлытау-Жезқазған аймағының геологиялық құрылысы қазіргі ғылымға белгілі шөгінді, сондай-ақ атқылау және метаморфтық тау жыныстарының түзеліу кезеңдеріндегі климаттық жағдайлар полиметалл дәуірінің қалыптасуы туралы мәлімет алуға мүмкіндік берді. Қола дәуіріндегі тау-кен ісі мен металлургияның Ұлытау қоныстары, Үлкен Жезқазған ескерткіштерін археологиялық зерттеу XX ғ. 40-жылдарынан бастап жүргізілуде. Мұнда ерте және кейінгі қола дәуіріне, сондай-ақ ерте ортағасыр дәуіріне жататын көне кеніш орындары, қазандықтар, жыралар, пеш орындары, металлургиялық елді мекендердің орындарының қалдықтары анықталған. Сондықтан мәселенің әдістемесінің оң шешімін табу үшін Қ.И. Сәтбаевтың арнайы геологиялық еңбектерімен қатар, архив қорындағы деректерді диахрондық салыстыру әдісіне жүгіндік. Ұлытау қойнауларында Жезқазған, Қорғасын, Жезді, Қарсақбай, Байқоңыр, Ақтас кеніштері сияқты, кен шығатын әлі күнде де, бұрынғы уақыттағы салынған зауыт орындарының белгісі бар. Сондықтан қазіргі автохонтты ел келіп қоныстанбас бұрын Қ.И. Сәтбаевтың пайымдауынша, Сарыарқаның батысында қазірде аты-жөні белгісіз, бірақ мәдениеті жоғары, басқа бір елдің мекені болуға тиіс.

Зерттеу мақсаты. Сарыарқаның батыс бөлігінде орналасқан Ұлытау-Жезқазған өңіріндегі көне тау-кен және металлургия ескерткіштерінің белгілерін, өлкенің тұңғыш зерттеушісі Қ.И.Сәтбаевтың геологиялық барлау және зерттеу кезінде жинақтаған деректерін негізге ала отырып ерте және ортағасырлардағы археологиялық жәдігерлер арқылы көрсетуге талпыныс жасау. Сол арқылы қазақ даласының ежелгі халқының әлемдік тарихи процеске қосқан үлесін көрсету.

Зерттеу әдістері. Қазіргі кезде археология ғылымы тарихи лингвистикадан бастап ақпараттық басқару әдістеріне дейінгі әртүрлі әдістердің кешеніне жүгінеді. Археология ғылымының ерекшелігі де сонда. Сондықтан далалық археология әдістерінен басқа - гуманитарлық және жаратылыстану ғылымдарының кешенді әдістері тартылады. Мақаланы жазу барысында жүйелі талдау әдісін кеңінен пайдаландық. Нақты тарихи әдіс пен қоса жаратылыстану әдістерін қолдануға және жазбаша (архив пен сирек қорлардағы) дереккөздердің мәліметтерімен диахрондық салыстыруға негізделді.

* Мақаланы жазу барысында Қ.И. Сәтбаевтың ескі және жаңа басылымдағы академиялық еңбектерімен танысып шығып, жұмыс жасауға мүмкіндік берген Ұлытау облыстық әмбебап кітапханасына алғыс білдіремін.

Негізгі бөлім. Ұлт ұясы – Ұлытау мен жаһандағы түсті металлдардың ең ірі әрі бай қоры шоғырланған Жезқазған жері ерте заманнан бері, түркі текті халықтардың тарихи-географиялық және саяси орталығы ғана емес, ірі өркениет пен өндіріс ошағы.

«Ұлытау қойнауларында Жезқазған, Қорғасын кеніштері сияқты, кен шығатын әлі күнде де бұрынғы уақыттағы салынған зауыт орындарының белгісі бар. Сондықтан қазақ елі келіп орнамастан бұрын да Ұлытау кенересі қазірде аты-жөні белгісіз, бірақ мәдениеті жоғары, өнерлі болған басқа бір елдің мекені болуға тиіс.Ұлытау кенересі көбінесе қатты тау жыныстарынан жасалған. Кей жерінде бұларға түйіршікті тақта тас жыныстары да қосылып отырады. Қазақ даласындағы ең көне тау - Ұлытау деп айтуға болады. Жердің тарихын зерттейтін ғылым жер жүзінің жасалу тарихын төменгі төрт дәуірге бөледі: 1) Агностозой; 2) Палеозой; 3) Мезозой; 4) Кайнозой.

Бұлардың ең ертесі агностозой дәуірі. Бұл дәуірде жер жүзі тегіс дерлік топан суының астында болған. Дүниеде еш тірі жәндік болмаған мезгіл. Палеозой дәуірінде жердің сыртының біразы су астынан шыққан. Жәндіктерден бұл дәуірдің басында - су ішіндегі құрт, балдыр ғана жасалған, аяғында - балық табы жасалған. Мезозой дәуірі жәндіктердің ең алғаш теңізден құрғаққа шыға бастаған мезгілі. Кайназой дәуірінде адам баласы жаралған. Ұлытау кенересі бұл бөліктің агностозой дәуіріне қосылады. Бұл дәуірде судан шыққан бүкіл жер жүзінде Скандинавия, Шотландия, Сібірдің таулары, Саян тауы мен Ұлытау ғана болған. Біздің қазақ даласының жартысы тіпті бертін кайназой дәуірінде ғана су астынан шыққан. Қазақ даласында Ұлытаудан кейінгі ескі тау - Тарбағатай, Шыңғыс жоталары. Мұнан басқа Сарыарқа белдерінің көбі палеозой дәуірінің орта шенінде, болмаса мезозойдың басқы дәуірінде ғана құрғаққа шыққан. Соңғы жікке Қарқаралы, Баянауыл таулары да қосылады...

Сондықтан сөздің аяғында Ұлытау-Қарсақбай ауданын өнеркәсіп жүзінде алға бастыру Қазақстанға қай жағынан маңызды екенін аз сөзбен айтып кетуге тура келеді, жоғарыда айтылғандай көруімізше:

1) Ұлытау жоталары - Сарыарқа белдерінің «түйіскен» жері;

2) Ұлытау етегінен Үш жүздің баласы тегіс қоныс алып отыр: шөлейт пен шығыс етектерінде - Орта жүздің арғыны, найманы мен қалың қыпшағы, оңтүстік бөлігінде - Ұлы жүз - үйсіндер, оңтүстік-батыс бөлігінде Кіші жүздің алшындары. Сондықтан Ұлытау биік шыңдарынан қазақ елін тегіс «шолуға» мүмкіндік бар.

3) Ұлытау кенересі қазақ елінің баяғыдан бергі тарихи және саяси кіндігі.Сондықтан Ұлытау бөктерінен тұңғыш рет шығатын зауыт лебіздері келешекте Қазақстанның төрт бұрышына да түгел жетіп, Сарыарқаның шексіз жоталарында тегіс «жаңғырық» жасайтындығы айқын – деп жас геолог-барлаушы Қаныш Имантайұлы Ұлытау жеріне алғаш рет академиялық деңгейде ғылыми сипат берген еді. (Сәтбаев, 1927, № 5-6, 3-4).

1923 жылы Қ.И. Сәтбаев ірі геолог-барлаушы М. П. Русаковтың геологиялық партиясында геологиялық тәжірибеден өтті. «Бірлескен геологиялық маршруттар кезінде,– деп еске алады М. П. Русаков, – Қаныш Имантайұлы әрқашан таулардың, шатқалдардың, өзендер мен көлдердің атауына қызығушылық танытатын; неге олар осылай аталады, басқаша емес, бұл атауларда қандай рельефтік белгілер немесе тарихи оқиғалар көрініс табады деген, ойлар оны мазалаушы еді. Тек кейінірек мен қазақ халқының географиялық атауларда белгілі бір жердің, таулардың, төбелердің, шатқалдардың және тағы басқаларының ерекшеліктерін қаншалықты сәтті, әсем және шебер атау беретінін түсіндім. Қаныш Имантайұлы біздің геологиялық ойларымызбен, тұжырымдамаларымызбен, құрылымдық сызбаларымызбен және тағы басқалармен миды шамадан тыс жүктеуден құтқарушы болды. Ол қазақ жері мен қазақ халқының тарихымен, оның аңыздарымен жақсы таныс еді, ол кейде жүк көлігінің үстінде отырған жолдастарына қазақ халқының, жадында сақталған әндерін бірнеше сағат бойы айтып беретін,– деп жазды М. П. Русаков. (Русаков, 1949. № 4. С. 34-41.)

Осы қанға біткен қаситтері кейін жас Қаныш Имантайұлына жер асты байлығын іздеп, елдің ертеңі үшін күрес жолына түсуіне нық сенім берді.

Қазақ елінің түсті металлургиясының қарашаңырағы Қарсақпай мыс заводының солтүстік жағында 120 километр жерде Ұлытау дейтін тау бар. Бұл тау өзінің биіктігі жағынан да, алып тұрған жер көлемі жағынан да Оңтүстік шығыс жақтан Солтүстік батыс жаққа қарай мыңдаған километр жерге созылатын «Сары-арқа» дөңдерінің негізгі кіндігі болып есептеледі. «Сарыарқа» мидай жазық Сібір даласы мен Бетпақ шөл даласын айырады. Орал таулары мен Алтай тауларын бір-біріне жалғастырады. «Сарыарқа» бұрынғы ғылыми кітаптарда «Қырғыздың таулы аймағы», «Арал-Ертіс суларын айыратын дөң» деп аталған. Жергілікті қазақ елі бұл дөңдерге «Сарыарқа» деп ат қойған,

бұлай атауы дұрыс-ақ. Өйткені, бұл дөндер Батыс Сібір даласын Оңтүстіктің ыстық желінен қорғап, ауыл шаруашылығы үшін жақсы жағдай туғызады.

Ұлытаудың алып тұрған жер көлемі 200 шаршы километрден кем емес. Таудың Оңтүстік және Батыс жақтары тік, жар болып келеді. Ұлытау жүйесіндегі кейбір таулардың биіктігі тегіс жердің бетінен алып өлшегенде 750 метрге жетеді; кейбір таулардың биіктігі бұдан да асып кетеді. Тауда құз-жарлар, жартастар көп болғандықтан, мұндай биікке шығу өте қиын тиеді. Ұлытаудың биіктігі теңіз суының бетін алып өлшегенде 1150-1200 метрге жетеді. Таудың нәсілі граниттан жаралған. (Сәтбаев,1935,9-қазан 4)

XX ғасырдың 20-30-жылдарында елдің түсті металлургиясының орталығы болған Қарсақбай мен Жезқазған жерінде геолог-барлаушы боп жұмысын бастаған Қаныш Сәтбаев өлкедегі өндірістің әлеуетін дәл байқады. Ол 1927 жылы «Еңбекші қазақ» газетінде жарық көрген «Жезқазған ауданындағы мыс кендері» деген мақаласында: «Қай жұрттың да болсын өмір негізі - ауыл шаруашылығына, ауыл шаруашылық негізі - өндіріс кәсіптеріне байланысты болып отырады. Өндіріс кәсіптерінің түзу жүріп, өркендеу жолдары түрлі шарттарға байланысты. Бұл шарттардың ең негізгісі өндіріске қажет болатын шикізаттардың шамасы мен оларды іске асыру жолдарының бәрі жеңіл, бәрі пайдалы түрде болуы. Шикізаттардың Қазақстан жеріндегі ең толығы жер астындағы кендер. Қазақстан жерінен адам баласының керегіне жарататын кендердің бәрі де табылады. Сөйтсе де Қазақстаннан мол табылатын кендер: көмір, мұнай, мыс, қорғасын, темір, күміс, алтын, мырыш және түрлі тұздар. Қай кен болсын өзінің шығатын жерінің тума жаратылыстарына, тарихына байланысты. Қазақстан төңірегіндегі кен ошақтарының жасалу тарихы біркелкі емес. Әрқайсысы белгілі аудандардан ғана табылып отырады. Мысалы, біз Қазақстан жерін арна жоталарының асты мен үстін екі бөлікке айырсақ, таза мысының ең біркелкісі және көмір кендері (жаңасы) бір аймақта, ал темір далаңқы бөлігінде қалар еді. Ұлытау-Жезқазған ауданы - мұндағы негізгі кен мыс, қосымша кендердің ретінде мұнда темір, қорғасын, марганец, күміс, көмір кездеседі. Бұл аймаққа жалпы алғанда Ұлытау кендерінің оңтүстік бөктерлеріндегі кенорындар кіреді. Мұндағы кен орындарының ең маңыздысы: Жезқазған кен ошағы. Атбасар уезінің оңтүстік-батысында, Атбасармен арасы 550 шақырым жер, ең жақыны - темір жол станциясы Жосалы. Онымен арасы 360 шақырым, тұрған жері Ұлытау кенересінің оңтүстік-батыс бөлігіндегі мысты адырлар. Жезқазған кендерін орыстардың бірінші рет ашық түрде 1837-1938-ші жылдардағы Қенесары жорығының кезінде көруі ықтимал. Мұнан кейін Ушаков дейтін орыстың бір көпесі 1858 жылы Жезқазған кенорындарын игеруге патша үкіметіне заябке берген. Заябкелеріндегі кенорындар маңындағы қазақтардан Ушаков 400 сомға сатып алған. 1891-ші жылы Жезқазғандағы кен заябкелері Рязанов дейтіннің қолына түскен. Ол 1907-ші жылы қолындағы заябкелерін 2 жүз 60 мың сомға ағылшындарға сатқан. Сол жылдан бастап ағылшындар Жезқазған кенін зерттеуге кіріседі. Бұл үшін олар ағылшын кен барлаушысы С.Х. Боллды шақырып алғызған. Жезқазған кені туралы ол кісінің өз қолымен жазып кеткен кітапшасы осы күнге дейін кен зерттеушілердің қолында дұғалық есебінде сақталып келе жатыр. Боллдың көрсетуімен ағылшындар 1915 жылға дейін Жезқазғанда 234 жерден бұрғы жүргізген, 19 жерден шахта қазған. Жезқазған ауданы ерте заманда теңіз астында болған. Ол теңіздің қалың тұнбалары Жезқазғанда қазірде 15 түрлі тас қыртысын жасайды. Бұл тастардың ішінде ізбес, саз, тақта тас және құмтас бәрі көп. Теңіз саяздап, кейін шегіне бастаған дәуірінде Жезқазған ауданында күшті жер сілкінулер басталған. Осыдан барып жердің түрлі жарықтарынан саңлауы мен қуыстарынан жоғарыға қарай тереңінен балқыған күйінде қызу отты таужыныстар көтерілген, соңғы таужыныстарды шығарған легінде мыс құймалары көп болған. Жезқазған ауданындағы жер сілкінгенде басқалардан гөрі құмтас қыртыстары көбірек жарылып, жаншылып отырған. Сондықтан тереңнен көтерілген мыс құймалары да көбінесе осы құмтас қыртыстарына жиі еніп отырған. Мұндай мыстың булары дарыған құмтастары Жезқазған ауданында 5 қыртыс жасайды. Мысты құмтастардың осындай жер бетіне шыққан орындарының бірі - Жезқазған. Жезқазғаннан басқа ол аудан ішінде тағы да: Қара шошақ, Жыланды, Әділбек сай, Мыстау дейтін жерлер де жер бетіне шығады. Ағылшындар 1915 жылға дейін бұрғы арқылы бұлардың тек 90 шаршы шақырымын ғана зерттеп көрген. Шахта мен зерттеген жерлері одан да аз. Барлығы 9 шаршы шақырым. Бұл зерттеулер арқылы Жезқазғандағы мыс кендерінің мөлшері былай шамаланады. Көрнекті кен - 1 миллион 760 мың таза мыс, болжаулы кен - 2 миллион 500 мың. күмәнді кен - 42 млн тонна,барлығы: 16 миллион 200 мың пұт таза мыс. Жоғарғы сандар Жезқазған ошағының мысқа өте бай екендігін көрсетеді. (Сәтбаев, 1927, 5-6).

Жас ғалым болашақ Үлкен Жезқазған шаһарының бой көтеруін мыстың мол қорымен ғана емес, Ұлытау-Жезқазған өңірінің тарихи, мәдени, әлеуметтік-экономикалық, шаруашылық, болашағына бағасын беріп, өндірісті өлкенің Кеңестер Одағындағы ғылым мен өндірістің ірі

кешеніне айналатынын сол кезде көрікпелдікпен болжаған еді. Геолог Қ.И.Сәтбаевтың басшылығымен КСРО халық шаруашылығын дамытудың алғашқы кеңестік бесжылдығы (1928-1932) үшін Жезқазған ауданында жүргізілген геологиялық барлау есептерінің бірінде: “4 жыл ішінде 116 км² аумақта Орталық Жезқазғанның рудалық және стратиграфиялық қатынастарындағы ең қызықты учаскелерінің барлығын дерлік геологиялық түсіріліммен жасадық, енді бірінші кезекте жыл сайын 150 000 тонна қызыл металдың өнімділігі бар Үлкен Жезқазған сияқты алпауыттың, құрылысының (және одан кейінгі жұмысының) жетістіктерін анықтайтын негізгі факторлардың бірі-кадрлардың мәселелері. Болашақ «Жезқазғанқұрлыстың» алдында білікті жұмысшылар мен инженерлік-техникалық кадрларды даярлау жөніндегі қиын, бірақ сөзсіз қажет міндет тұрғаны анық. (Сатпаев, ЦГА.РК Ф. 2057. Оп. 1. Д. 1289. 1–4).

Қаныш Имантайұлы жердің табиғи байлығының қандай да бір мәселелерін игеруді бастамас бұрын өткенмен, зерттелу жағдайымен, өзіне дейінгі зерттеушілердің ойларымен танысып, маңызды, түйінді сәттерді тез тауып, зерттеудің түпкілікті нәтижелерін белгілеген. Оны Қ.И.Сәтбаевтың қазақ елінің тау-кен өнеркәсібі мен ежелгі металлургия дәстүрлерінің арасындағы тарихи сабақтастықты зерделеуінен байқауға болады. 1936 жылы “Қазақстан мысы” деген мақаласында Жезқазған, Қоңырат, Бозшакөл ірі кен орындарының егжей – тегжейлі геологиялық сипаттамаларын көрсете отырып, зерттеуші міндетті түрде олардың «көне заманда игерілген» деп көрсеткен. (Сатпаев, 1999, 95-102) Айталық, Жезқазған-Ұлытау ауданының геологиясы мен металлогениясының ерекшеліктерін болжауға арналған ұжымдық еңбегінде, (Сатпаев және т.б.,1956. Вып. 23. 105–145) сонымен қоса, кеніштерді тұтынумен қатар, Кресто-күмбезінің оңтүстік-шығыс қанатындағы жарықшақтан ағатын сулардың шығыны үлкен маңызға ие, олар өздігінен ағып, әрі қарай айнала отырып, борпылдақ жас түзілімдердің астында, сайып келгенде, ұңғымалардағы жер асты суларының деңгейі жер бетінен небәрі 1-1, 5 м тереңдікте орналасқан Милықұдық жазығындағы аңғарға ағып кетеді. Мұнда Жезқазғанның тотыққан кендерін пайдаланудың тарихқа дейінгі кезеңінде кенді дымқыл байытудан қалдық үйінділері орналасқан. Қазіргі уақытта Милықұдық қазандығында жиналған жер асты сулары есебінен Жарық-Жезқазған темір жолының паровоздарын техникалық сумен жабдықтау жүргізілуде. – деп дұрыс анықтаған. (Сатпаев 1956,81)

Өңіріміздегі ескерткіштер Ұлытау қоныстары мен Үлкен Жезқазған ескерткіштерін зерттеудің негізгі нәтижелері Қ.И. Сәтбаевтың іргелі еңбектерінде көрініс тапты (Сатпаев 1928. № 1. 1929. № 6-7. 1932. 29 июня. 1941. № 1. Архив ИИАЭ АН. №С–100–Б. 1946.) Ұлытау-Жезқазған аймағының кен орындарының білгірі Қ.И. Сәтбаев Жезқазған мыс кенді ауданы Сарыарқаның батыс бөлігінде, Ұлытау тауларының оңтүстік бөктерінде орналасқандығын атап өтті. Жезқазған ауданының геологиялық құрылысына қазіргі ғылымға белгілі шөгінді, сондай-ақ атқылау және метаморфтық тау жыныстарының барлығы дерлік қатысады. Сондықтан Жезқазған қойнауындағы мыс қорының 90%-дан астамы сульфидті кендерге тиесілі, қалған 10%-ы тотыққан-сульфидті және тотыққан кендер екендігін көрсетті (Сатпаев 1961: 12–13). Сонымен қатар, тотыққан және сульфидті кендерде рений сияқты сирек және қымбат металл тұрақты және салыстырмалы түрде қатысады (Сатпаев 1961: 14).

Жезқазған-Ұлытау ауданы Қазақстан аумағының нағыз геометриялық орталығында орналасқан. Жезқазған геологтарының ертерек кездегі зерттеуі бойынша, бұл ауданның жер көлемі жүз мың шаршы километрге жуық болады. Мұның өзі Закавказье одақтас республикаларының территориясынан асып түседі.

Қазақ жеріндегі, Бетпақ даланың шөлінде қазір одақта бірінші орын алып отырған Жезқазған мыс кенорны бар. Жезқазған кені ерте уақыттарда пайдаға асқан; олай дейтініміз: бұрынғы кеншілерден қазылып қалған кеніштердің ұзындығы бір километр, ені жүз метрге шейін барады. Ерте уақытта Жезқазғаннан бір миллион тонна мыс алынған. (Сәтбаев,1927. 4-август, 1933, 24-август, 1935. 9-қазан, 1941,7-8).

Жезқазған мыс кені Қарағанды облысына қарайтын Орталық Қазақстанда шоғырланған. Ол белгілі болғаннан бері әлденеше ғасырлар өтті. Жезқазған мыс рудасы мыс-қола ғасырында шығарыла бастады. Ол кезде мыс садақтың масағын жасау үшін және түрліше бояу жасау үшін қолданылды.(Сәтбаев,1935. 9-қазан,1938. 9-қаңтар.)

Қаныш Имантайұлы қазақстандық археологияның дамуында зерттеуші ретінде ғана емес, сонымен қатар талантты насихаттаушы және ғылыми білімді насихаттаушы ретінде де үлкен рөл атқарды. Мұны кезінде, академик Ә.Х.Марғұлан айтқан еді. Сонымен, 1936 жылы “Казахстанская правда” газетінде жарияланған “Көне Жезқазған” атты мақаласында Сарыарқаның ежелгі мәдениетінің археологиялық және сәулет ескерткіштері туралы қызықты мәліметтер келтіре

отырып, оларды ұрпақтар үшін сақтаудың маңыздылығын атап өтті. (Сатпаев,1936. № 148. 18.) Кейінірек Қаныш Имантайұлы Ұлытаудың көптеген тарихқа дейінгі ескерткіштері туралы мақалалары негізінен археологтар мен өлкетанушыларға осы аймақтағы зерттеушілерді қандай материал күтетінін көрсету үшін жасалғанын жазды. Қ. И. Сәтбаевтың ынта-жігерінің арқасында Жезқазған өңірінде тұңғыш мұражай – Қарсақпай кентінде орналасқан геологиялық-минералогиялық кабинет құрылды, оның коллекциясында археологиялық жәдігерлер де ұсынылды. 1947 жылдан бастап бұл қорлар әуесқой археолог Н.В. Валукинскийдің бастамасымен ұйымдастырылған Жезқазған геологиялық-археологиялық мұражайының экспозициясына енді.

Негізгі нәтижелер мен қорытынды. Қ.И. Сәтбаевтың ғалым ретіндегі ерекшелігі кез-келген ғылыми мәселенің мәні мен себеп-салдарын бірнеше ғылым салаларын қатыстыра отырып кешенді түрде қарап, оның елі мен жеріне қандай пайдасы барын зерделей алуы еді. Бұған мол біліммен қоса қанға біткен ұлтжандылық пен адам баласына деген шынайы сүйіспеншілікті қалыптастыратын елжанды ғадет керек.

Академик Қ.И.Сәтбаев жер қойнауындағы табиғи байлықтың сырын ашып, зерттеу жұмыстарын жүргізу үшін қазақтың тарихын, мәдениетін, тілі мен дүниетанымын жетік меңгеру арқылы қол жеткізуге болатынын жақсы түсінді.Сондықтан ол біріншіден, Үлкен Жезқазған мен Жезді, Қарсақбай, Байқоңыр, Ақтас, Қорғасын, Қияқты, Балбырауын іспеттес кен орындарына барлау жұмысын жүргізген кезде жер атауларының тарихи-топономикалық ерекшеліктеріне мән берді. Екіншіден, кен қоры шоғырланған белгілі жерлердегі тарихи, мәдени, археологиялық ескерткіштерді есепке алып, кәсіби деңгейде қысқаша сипаттама беріп, оны қазақтың бай фольклорымен байланыстырып қарады.Үшіншіден, геологиялық барлау жұмыстары кезінде жыйнақтаған мол тарихи-археологиялық жаңалықтарды гуманитарлық ғылым саласының мамандарымен бөлісіп, олардың жұмысын бағыттап отырды. Мысал ретінде, Ә.Х.Марғұлан,К.Ақышев,О. Смағұлов сынды алыптардың ғұмыры мен ғылыми шығармашылық еңбектері дәлел бола алады.Төртіншіден, әйгілі металлогениялық болжам картасын жасау кезінде Қаныш Имантайұлы елді ішіндегі ескі қария сөздерін, яғни даланың ауызша тарихи мұрасын академиялық ғылыммен байланыстыра отырып, көне ескерткіштерді назардан шығармай, жер қойнауының сырын ашуда кешенді әдісті зерттеуге пайдаланды. Уақыт өте бұл тәсіл нәтижесін беріп, қазақ геология ғылымы әлемдік ортада өз орнын алды. Бұл әрине ұлтжанды Қ.И.Сәтбаевтың еңбегі екені анық.

Әдебиеттер тізімі

Сатпаев К.И. Казахстанская медь. // Собрание трудов. В 8-ми томах. Том 3. – Алматы: Ғылым, 1999. – С. 95-102.

Сатпаев К.И. Геология и металлогения / Большой Джезказган. Кн. 1. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. 12-13 с.

Сатпаев К.И., Русаков М.П., Сейфуллин С.Ш. и др. К вопросам генезиса руд Джезказгана: против надуманных и беспочвенных теорий в рудогенетической науке // Известия АН КазССР. Серия геологическая. 1956. Вып. 23. С. 105–145

Сатпаев К.И. Древний Джезказган // Казахстанская правда. 1936. № 148. 18.

Сәтбаев Қ.И. Жезқазған.// Социалистік Қазақстан. 1935. 9-қазан

Сатпаев К.И Естественно-исторический очерк Карсакпайского района.//Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 1

Сатпаев К.И. Джезказганский район и его перспективы.// Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 9

Сатпаев К.И. Джезказганский меднорудный район и его материальные ресурсы. М.; Л., 1932

Сатпаев К.И. Сары-Арка: (физико-географический очерк Джезказган-Улутауского горного хребта) // Казахстанская. правда. 1932. 29 июня.

Сатпаев К.И. Пора знать Большой Джезказган: история, запасы и качество руд. // Казахстанская Правда. 1933, 24 август

Сатпаев К.И. Доисторические памятники в Джезказганском районе.//Народное хозяйство Казахстана. 1941. № 1,

Сатпаев К.И. Некоторые археологические данные в пределах Джезказганского района // Архив ИИАЭ АН. №С–100–Б. 1946

Сатпаев К. И. Минеральные ресурсы Казахстана и их освоение за 20 лет // Успехи геологического изучения Казахской ССР. за 20 лет. Под редакцией д-ра геолого-минералогических наук Н. Г. Кассина и ,проф. Е. Д. Шлыгина. Юбилейный выпуск. Алма-Ата - Моква 1941

Сатпаев К.И. Доисторические памятники в Джезказганском районе Карагандинского бассейна // Народное хозяйство Казахстана за 1929. № 6-7

Сәтбаев Қ.И.Жезқазған ауданындағы мыс кендері.// Еңбекші қазақ. 1927. 4-август.

Сәтбаев Қ.И . Қарсақбай ауданының күйі. // Жаңа мектеп. 1927. № 5-6.

Сатпаев К.И. Карсакпайский район и его перспективы.//Народное хозяйство Казахстана». 1928. №1. С. 92-109.

Сәтбаев Қ.И.Жезқазғанның кені зерттелуде.//Социалистік Қазақстан.1936.12-наурыз.

Сәтбаев Қ.И. Қарсақбай ауданының келешегі. // Жаңа мектеп. 1927. № 5-6.

Сәтбаев Қ.И. Ұлытау аймағы. //Социалистік Қазақстан. 1935. 9-қазан.

Сатпаев К.И. Основные специфические особенности геологии и металлогении Джезказган-Улытауского района (Листы М-42-В и L-42-А) // Материалы к металлогенической прогнозной карте Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1956 81 стр.

Сатпаев К.И. Перспективы Карсакпая // Народное хозяйство Казакстана. 1929. № 6/7. С. 141-142.

Сәтбаев Қ.И Мыс өндірісі және Қарсақбай зауытының болашағы // Қызыл Қазақстан. 1928. № 8/10. С. 61-89.

Сатпаев К.И. К десятилетию начала строительства Карсакпая: (Джезказганского комбината) // За медь. 1935. 15 июня.

Сатпаев К.И. Джезказган - будущий центр цветной металлургии // За медь. 1946. 27 янв.

Академик Қ. И. Сәтбаевтің архиві. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 2057. Оп. 1. Д. 1289. Л. 1–4

Русаков М.П. Мои встречи и совместная работа с К.И. Сатпаевым, ныне академиком и Президентом Академии наук КазССР: (К 50-летию со дня рождения К.И. Сатпаева) // Вестник АН КазССР. 1949. № 4. С. 34-41.

K.Zh. Auezov

K.I. Satpaev's Works as a Source of Studying Monuments of the Ancient Polymetallic Age in the Ulytau-Zhezkazgan Region

It has been scientifically proven that the Ulytau is the oldest mountain range on Kazakh soil, located in the center of the Great Steppe. The Ulytau mountain ranges are made of solid rocks. In some areas, they are also supplemented with granular rock plates. The data published by the geological engineer K. I. Satpayev, an expert on the history and deposits of the Ulytau-Zhezkazgan region, about the monuments of the Zhezkazgan copper ore zone and ancient deposits located in the western part of Saryarka, in the southern foothills of the Ulytau Mountains, provided the first information about the formation of the polymetallic age. Archaeological research of the Ulytau mining and metallurgy settlements of the Bronze Age, as well as the monuments of Bolshoy Zhezkazgan, has been conducted comprehensively since the 1940s. Here, the remains of ancient deposits, boiler houses, ravines, hearths, and metallurgical settlements dating back to the Early and Late Bronze Ages, as well as the Early Middle Ages, have been discovered.

Key words: Ulytau, Zhezkazgan, K.I. Satpayev, Polymetallic Age, geology, ancient mining and metallurgy, ancient mines.

К.Ж. Ауезов

Труды К.И. Сатпаева, как источник изучения памятников древнего полиметаллического века в Улытау-Жезказганском регионе

Наукой доказано, что Ұлытау это самый старый горный хребет на казахской земле, расположенный в центре Великой Степи. Горные хребты Ұлытау изготавлены из твердых пород. В некоторых местах к ним также добавляются гранулированные породы плит. Данные, опубликованные инженером-геологом К. И. Сатпаевым, знатоком истории и месторождений Ұлытау-Жезказганского региона, о памятниках Жезказганской медно-рудной зоны и древних месторождений, расположенных в западной части Сарыарки, в южных предгорьях гор Ұлытау, позволили впервые получить сведения о формировании полиметаллического века. Археологические исследования Ұлытауских поселений горного дела и металлургии бронзового века, памятников Большого Жезказгана ведутся комплексно, начиная с 40-х годов XX в. Здесь выявлены остатки древних месторождений, котельных, оврагов, очагов, мест металлургических поселений, относящихся к раннему и позднему бронзовому веку, а также к раннему Средневековью.

Ключевые слова: Улытау, Жезказган, К.И. Сатпаев, эпоха полиметаллов, геология, древнее горное дело и металлургия, древние рудники.

Н.Е. Ибрагимов
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Алматы, Қазақстан
nurjan.9313@mail.ru

Еуразия кеңістігіндегі зооморфтық бейнелердің шығу тарихнамасы: пәнаралық тәсілдер мен жаңа зерттеу бағыттары*

Мақалада Еуразия кеңістігіндегі зооморфтық бейнелердің (аң стилінің) шығу тегі мәселесі батыстық тарихнама негізінде қарастырылады. Зерттеу барысында классикалық диффузионистік модельдер, көшпелі эстетиканы дербес көркемдік жүйе ретінде түсіндіретін бағыттар және XXI ғасырдағы ревизионистік, пәнаралық әдістер талданады. Аңдық стилінің бір ғана географиялық орталықтан тарамағанын, оның полицентрлік түрде қалыптасып, көшпелі қоғамдардың әлеуметтік, ритуалдық және саяси құрылымымен тығыз байланыста дамыған күрделі визуалды жүйе екенін негіздейді.

Түйін сөздер: аң стилі, зооморфтық бейнелер, тарихнама, пәнаралық тәсіл, көшпелілер өнері, Еуразия, батыстық зерттеулер.

Кіріспе. Еуразия кеңістігіндегі зооморфтық бейнелер мен «аң стилі» феномені археология, өнертану және мәдениеттану ғылымдарының тоғысындағы ең күрделі әрі көпқырлы зерттеу нысандарының бірі болып табылады. Жануар бейнелері тек көркемдік элемент ретінде ғана емес, көшпелі қоғамдардың дүниетанымын, әлеуметтік құрылымын, саяси идеологиясын және ритуалдық тәжірибесін бейнелейтін әмбебап символдық жүйе ретінде қалыптасты. Осы себепті зооморфтық өнерді зерттеу соңғы жүз жылдықта жеке бір археологиялық бағыт аясынан шығып, пәнаралық сипатқа ие кешенді ғылыми салаға айналды (Wu, 2010: 41–45; Taylor, Barrón-Ortiz, 2021: 60–62). XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басында Еуразия далалық аймақтарында сақ, скиф, ғұн және ерте көшпелілер дәуіріне жататын ірі археологиялық ескерткіштердің ашылуы зооморфтық бейнелерді ғылыми тұрғыдан жүйелі зерттеуге негіз қалады. Алғашқы кезеңдегі зерттеулер көбіне сипаттамалық-типологиялық бағытта жүргізіліп, жануар бейнелерінің сыртқы формасы, композициялық құрылымы және стильдік ерекшеліктері басты назарға алынды. Бұл кезеңде аң стилі көбіне декоративтік өнер үлгісі ретінде бағаланып, оның семантикалық және дүниетанымдық мазмұны жеткілікті деңгейде ашыла қойған жоқ.

XX ғасырдың екінші жартысынан бастап зооморфтық бейнелерді түсіндіруде маңызды теориялық өзгерістер орын алды. Аң стилі енді тек сырттан енген көркемдік дәстүр ретінде емес, көшпелі қоғамдардың ішкі рухани болмысынан, әлеуметтік ұйымынан және ритуалдық тәжірибесінен туындаған дербес мәдени құбылыс ретінде қарастырыла бастады. Әсіресе аң бейнелерінің әскери-саяси идеологиямен, элиталық билік институттарымен және сакралды түсініктермен байланысы ғылыми айналымға белсенді түрде енгізілді (Stockhammer, 2016: 5–8; Fernández-Götz, Roymans, 2016: 4–6).

Қазіргі кезеңде зооморфтық өнерді зерттеу пәнаралық сипатқа ие болып, археологиямен қатар мәдени антропология, семиотика, әлеуметтік теория және цифрлық технологиялармен тығыз байланыста дамуда. Радиокөміртекті даталау, GIS-картография, 3D-сканерлеу, фотограмметрия және спектралдық талдау сияқты заманауи әдістердің енгізілуі зооморфтық артефактылардың хронологиясын, стильдік эволюциясын және таралу аймағын жоғары дәлдікпен қайта қарауға мүмкіндік берді. Бұл технологиялар аң стилін тек көркем мұра емес, тарихи-әлеуметтік үдерістермен тығыз байланыста қалыптасқан күрделі мәдени жүйе ретінде пайымдауға жол ашты.

Осы мақалада Еуразия кеңістігіндегі зооморфтық бейнелердің шығу тегі мәселесі батыстық тарихнама материалдары негізінде қарастырылады. Зерттеу шеңберінде аң стилін түсіндірудегі классикалық диффузионистік тұжырымдар, автохтондық және полицентрлік теориялар, сондай-ақ XXI ғасырда қалыптасқан ревизионистік және цифрлық археологиялық бағыттардың негізгі ғылыми ұстанымдары талданады. Мақаланың басты мақсаты – зооморфтық бейнелердің шығу тегін бір ғана географиялық орталықпен шектеудің ғылыми тұрғыдан біржақты екенін көрсету және оны

* Мақала ҚР ҒЖБМ ҒК AP26103859 «Қазақ халқының жабайы табиғаттағы «тірі ескерткіш» пен биоалуандылықты сақтауға қарым-қатынасын этно-антропозоология, құқықтық этнология тұрғысынан зерттеу» тақырыбындағы жоба аясында дайындалды.

пәнаралық, кеңістіктік әрі технологиялық тәсілдер арқылы кешенді түрде қайта пайымдау болып табылады.

Зооморфтық бейнелердің шығу тегі жөніндегі негізгі тарихнамасы. Зооморфтық өнер, соның ішінде «аң стилі», Еуразия кеңістігіндегі көшпелі және жартылай көшпелі қоғамдардың дүниетанымын, әлеуметтік құрылымын және саяси идеологиясын бейнелейтін күрделі мәдени феномен ретінде ғылыми әдебиетте тұрақты зерттеліп келеді. Жануар бейнелері арқылы табиғат күштерін тану, билікті легитимдеу, соғыс идеологиясын негіздеу және мифологиялық түсініктерді көркем түрде жеткізу жүзеге асқан. Сондықтан зооморфтық бейнелерді зерттеу археологиямен ғана шектелмей, өнертану, әлеуметтік антропология, дінтану және мәдениеттану ғылымдарының тоғысында дамып отыр.

Зооморфтық бейнелерді ғылыми тұрғыдан жүйелі зерттеу XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басында Еуразия далалық аймақтарынан сақ, скиф, сармат және ғұн дәуіріне жататын археологиялық кешендердің кең көлемде ашылуымен тікелей байланысты қалыптасты. Алғашқы кезеңде зерттеулер негізінен сипаттамалық және формалық талдау аясында жүргізіліп, аң бейнелерінің сыртқы пішіні, динамикалық композициясы мен стилизация ерекшеліктері басты назарға алынды. Бұл уақытта зооморфтық өнер көбіне декоративтік дәстүр ретінде бағаланып, оның әлеуметтік, мифологиялық және идеологиялық қызметі жеткілікті деңгейде зерттелмеді.

XX ғасырдың алғашқы жартысында М. И. Ростовцев еңбектері аң стилін дербес көркемдік құбылыс ретінде ғылыми айналымға енгізуде маңызды рөл атқарды.

Еуразия көшпелілерінің археологиясын зерттеуде кеңестік кезеңдегі археологиялық мектептің өкілдері де маңызды рөл атқарды. Атап айтқанда, С.С. Руденко Пазырық қорғандарын зерттеу барысында аң стилінің көркемдік ерекшеліктері мен мифологиялық символикасын алғаш рет кешенді түрде талдады. Оның еңбектерінде жануар бейнелерінің көшпелі қоғамдардың дүниетанымымен және жерлеу рәсімдерімен тығыз байланысы көрсетілді (Руденко, 1953: 112–118). Ол скифтік зооморфтық бейнелерді жауынгер ақсүйектердің идеологиясымен байланыстырып, жыртқыштық символиканы саяси биліктің көркемдік репрезентациясы ретінде түсіндірді. Бұл көзқарас аң стилін тек эстетикалық құбылыс емес, әлеуметтік-саяси мазмұны бар идеологиялық құрал ретінде пайымдауға жол ашты. Алайда бұл кезеңдегі зерттеулерде жануар бейнелерінің мифологиялық терең қабаттары мен дүниетанымдық негіздері әлі де екінші қатарда қалды (Volkov, 2016: 150–153).

1930–1970 жылдары кеңестік археологиялық мектеп аясында аң стилінің шығу тегі мен таралу жолдарын түсіндіруге бағытталған моноцентрлік тұжырымдар қалыптасты. Бұл бағыттың көрнекті өкілдерінің бірі М. И. Артамонов аң стилінің бастауын Алдыңғы Азия өркениеттерімен байланыстырып, көшпелілер бұл көркемдік дәстүрді мәдени байланыстар мен әскери-саяси қарым-қатынастар арқылы қабылдады деп тұжырымдады. Оның пікірінше, сақ-скиф аң стилі отырықшы өркениеттерде қалыптасқан зооморфтық мотивтердің көшпелі ортада қайта өңделген көрінісі болып табылады (Cheremisin, 2014: 100–103).

Осы бағытта Н. И. Членова «скиф бұғысы» бейнесінің кең географиясын талдай отырып, оның қалыптасуын Иран үстірті мен Шығыс Қазақстан аралығындағы өтпелі аймақтармен байланыстырды. Бұл тұжырымдар аң стилін бір ғана сыртқы мәдени орталықтан тараған құбылыс ретінде қарастыруға негіз болды. Алайда мұндай көзқарас көшпелілердің ішкі әлеуметтік құрылымын, дүниетанымын және көркемдік дербестігін толық ескере алмады.

1960–1980 жылдардан бастап аң стилінің автохтондық негіздерін дәлелдеуге бағытталған Сібірлік және Орталық Азиялық бағыттар қарқынды дамыды (Polosmak, 2015: 90–92; Zavyalov, 2015: 35–38). Бұл теория шеңберінде аң стилінің генезисі Қарасұқ–Тағар мәдениеттерімен, бұғытастар өнерімен және неолит дәуіріндегі сүйек пен ағаш ою дәстүрлерімен тікелей сабақтастырыла бастады. Бұл бағыт жануар бейнелерінің ұзақ мерзімді эволюциялық даму нәтижесінде қалыптасқанын дәлелдеуге ұмтылды. Аң стилі бір сәтте пайда болған құбылыс емес, бірнеше мыңжылдыққа созылған көркемдік және дүниетанымдық үдерістің нәтижесі ретінде пайымдалды.

1990 жылдардан бастап зооморфтық өнерді зерттеу пәнаралық сипатқа ие болды. Жануар бейнелері енді тек стильдік немесе көркемдік тұрғыдан ғана емес, биліктің визуалды репрезентациясы, әлеуметтік иерархияның белгісі және мәдени трансфердің көрінісі ретінде қарастырыла бастады. Бұл кезеңде мәдени өзара ықпал мен қарсылық құбылыстары қатар талданып, аң стилі тек қабылдаулардың нәтижесі емес, жергілікті қоғамдардың сұранысына сәйкес қайта мағыналанған күрделі мәдени процесс ретінде түсіндірілді.

XXI ғасырдың басынан бастап Қазақстан, Алтай, Тыва және Жетісу аумақтарында жүргізілген кешенді археологиялық қазбалар аң стилінің хронологиясын қайта қарауға мүмкіндік берді. Алтай аймағындағы Пазырық мәдениетінің материалдары аң стилінің жоғары көркемдік деңгейін көрсететін маңызды дереккөздердің бірі болып табылады. Бұл ескерткіштерді зерттеу барысында жануар бейнелерінің композициялық құрылымы мен символдық мазмұны жан-жақты қарастырылды (Руденко, 1953: 95–103). Ерте сақ дәуіріне жататын Аржан, Шілікті және Берел сияқты элиталық қорғандардан табылған зооморфтық бұйымдар аң стилінің б.з.д. IX–VIII ғасырларда-ақ қалыптаса бастағанын дәлелдеді. Қазақстан аумағындағы Берел қорымын зерттеу барысында алынған археологиялық материалдар сақ кезеңіндегі аң стилінің жоғары деңгейде дамығанын дәлелдейді. Берел қорғандарынан табылған алтын әшекейлер мен ат әбзелдеріндегі зооморфтық бейнелер көшпелі элитаның символдық мәдениетін көрсетеді (Самашев, 2011: 87–95). Сақ дәуірінің археологиялық ескерткіштерін зерттеуде К.А. Акишевтің еңбектері ерекше маңызға ие. Ғалым сақ өнеріндегі аң стилін көшпелі элитаның идеологиялық символикасымен байланыстыра отырып, оның көркемдік жүйесінің қалыптасуын ерте сақ кезеңімен байланыстырады (Акишев, 1978: 45–52). Бұл деректер аң стилінің Алдыңғы Азия өркениеттерімен бір мезгілде дамығанын көрсетіп, оның сырттан тек дайын күйінде қабылданған деген көзқарасты әлсіретті.

Осы негізде қазіргі ғылымда аң стилінің полицентрлік даму моделі орнықты. Бұл тұжырым бойынша зооморфтық бейнелер Еуразияның әртүрлі өңірлерінде бір мезгілде, бірақ әртүрлі табиғи-экологиялық және әлеуметтік ортада дербес түрде қалыптасқан. Кейін бұл мәдени ошақтар арасында өзара ықпал, идея алмасу және стильдік синтез үдерістері жүрген.

Қазіргі заманғы тарихнамада аң стилінің шығу тегін бір ғана географиялық орталықпен байланыстырудан біржола бас тарту үрдісі қалыптасты. Зооморфтық бейнелер бүгінде көшпелі қоғамдардың саяси идеологиясын, әскери символикасын, әлеуметтік құрылымын және ритуалдық тәжірибесін біріктіре бейнелейтін күрделі семиотикалық жүйе ретінде түсіндіріледі. Осылайша зооморфтық өнерді зерттеу бірнеше ірі ғылыми кезеңнен өтті: ерте сипаттамалық-көркемдік кезең, классикалық моноцентрлік теориялар, автохтондық Сібір–Орталық Азия бағыттары және қазіргі полицентрлік, пәнаралық әрі цифрлық зерттеулер кезеңі.

Бұл тарихнамалық эволюция зооморфтық бейнелердің тек эстетикалық мұра емес, көшпелі өркениеттердің дүниетанымдық, саяси және әлеуметтік құрылымын айқындайтын әмбебап көркемдік тіл екенін айқын дәлелдейді.

Зооморфты бейнелер көшпелі қоғамның дүниетанымы мен өмір салтының көрінісі. Еуразия кеңістігіндегі көшпелі қоғамдардың рухани мәдениетінде зооморфты бейнелер ерекше маңызға ие болды (Whittle, Bickle, 2014: 20–25). Олар қарапайым сәндік элемент немесе көркемдік иллюстрация қызметімен ғана шектелмей, табиғатқа, ғарышқа, қоғамға және адам болмысына қатысты дүниетанымдық түсініктердің көркем репрезентациясы ретінде қалыптасты. Жануар бейнелері арқылы көшпелілер өздерінің өмір сүру ортасын, шаруашылық жүйесін, әлеуметтік иерархиясын және сакралды әлемге көзқарасын символдық түрде бейнеледі.

Көшпелі өмір салты табиғи ортаға тікелей тәуелді болғандықтан, жануар образы күнделікті тіршіліктің де, рухани мәдениеттің де өзегіне айналды. Мал шаруашылығына негізделген экономикада жануар тек тіршілік көзі ғана емес, киелі мәнге ие тірі күш ретінде қабылданды. Осыған байланысты жануар бейнелері мифологияда, ритуалдық тәжірибеде және көркем шығармашылықта басты символдық категорияға айналды. Зооморфты бейнелер арқылы өмір мен өлімнің айналымы, табиғаттың жаңғыруы, ғарыштық тәртіп пен хаос арасындағы мәңгілік тепе-теңдік идеялары көрініс тапты.

Көшпелі дүниетанымда әлем көбіне үшқабатты құрылым ретінде түсіндірілді: жоғарғы әлем – аспан, тәңірлік күштер мен құстар мекені; орта әлем – адам мен төрттүлік тіршілік ететін кеңістік; төменгі әлем – жерасты кеңістігі, өлілер әлемі және жыртқыш күштермен байланыстырылды. Осы космологиялық модельге сәйкес әрбір жануар белгілі бір ғарыштық аймақтың символына айналды. Құстар аспан әлемімен, тұяқты жануарлар орта кеңістікпен, ал жылан мен жыртқыш аңдар төменгі дүниемен сабақтастырылып бейнеленді. Бұл жіктеу зооморфты өнердің семантикалық жүйесін қалыптастырды.

Зооморфты бейнелердің қалыптасуында тотемдік түсініктер де шешуші рөл атқарды. Көшпелі тайпалар мен рулық бірлестіктер өз тегін белгілі бір жануармен байланыстырып, оны өздерінің қорғаушы рухы деп таныды. Мұндай тотемдік сенімдер қоғамның ішкі бірлігін нығайтып, әлеуметтік идентификацияның көркемдік негізіне айналды. Қасқыр, бұғы, бүркіт, жылқы сияқты

жануарлар көптеген көшпелі қауымдастықтарда киелі бейне ретінде қабылданып, оларды өлтіруге, қорлауға немесе бей-берекет пайдалануға тыйым салынған (Lahelma, 2012: 10–12).

Көшпелі мәдениетте аңшылық та тек шаруашылық әрекет ретінде емес, ритуалдық сипаттағы сакралды процесс ретінде түсіндірілді. Аңға шығар алдындағы сыйыну, құрбандық шалу, олжаға құрмет көрсету сияқты дәстүрлер табиғатпен үйлесімді қарым-қатынасты сақтауға бағытталды. Жануарды өлтіру тек тіршілік қажеттілігін өтеу емес, рухтар әлемімен символдық байланыс орнату ретінде қабылданды. Осы түсініктердің барлығы зооморфты өнердің идеялық мазмұнын тереңдете түсті.

Зооморфты бейнелер көшпелі қоғамдағы әлеуметтік стратификация мен саяси иерархияны да айқындаушы көркем құрал қызметін атқарды. Әсіресе жыртқыш аңдардың – барыс, қасқыр, арыстан бейнелері билік, әскери қуат және қорғаушы күштің символына айналды. Мұндай бейнелер көбіне қару-жарақта, ат әбзелдерінде, билеушілер мен ақсүйектердің жеке заттарында қолданылды. Ал элиталық қорғандардан табылған алтын әшекейлер мен қапсырмалардағы зооморфты композициялар аң стилінің ең жоғары көркемдік деңгейде дамығанын көрсетеді (Fernández-Götz, Roymans, 2016: 7–9).

Көшпелі қоғамдарда мифологиялық түсініктер, анимизм, шамандық нанымдар мен тотемизм өзара тығыз байланыста дамыды. Шамандық тәжірибеде жануар бейнелері рухтармен байланыс орнатудың көркем құралы ретінде пайдаланылды. Жартастағы суреттер мен петроглифтерде аңшылық көріністерімен қатар космологиялық сипаттағы мифологиялық сахналар бейнеленуі осы нанымдардың көркем тілдегі көрінісі болып табылады.

Зооморфты өнердің стильдік ерекшеліктерінің бірі – динамика мен қозғалыстың басымдығы. Жануарлар көбіне айқас үстінде, секіру сәтінде, бір-біріне шабуыл жасап тұрған күйде бейнеленеді. Бұл көріністер тек көркемдік экспрессия ғана емес, көшпелі дүниетанымдағы мәңгілік қозғалыс, өмір үшін күрес және күштердің қарама-қарсылығы туралы философиялық түсініктерді бейнелейді. «Аң стилі» көркемдік пен сакралдылықты, утилитарлық пен идеологиялық мазмұнды өз бойына тоғыстырған әмбебап көркемдік кодқа айналды.

Зооморфты бейнелер көшпелі қоғамдардың шаруашылық жүйесінен, табиғи ортасынан, әлеуметтік құрылымынан және мифологиялық дүниетанымынан тікелей туындаған күрделі мәдени құбылыс болып табылады. Олар көшпелілердің табиғатпен үйлесімді өмір сүру философиясын, әскери-саяси идеологиясын және сакралды кеңістігін біртұтас көркем жүйе ретінде бейнелейтін әмбебап символдық тіл қызметін атқарды.

Батыстық зерттеушілер жаңа зерттеу әдістерін қолданып Еуразиядағы зооморфты бейнелерді зерттеуі. XXI ғасырдың басынан бастап Еуразия кеңістігіндегі зооморфты бейнелерді зерттеу әдістемесінде түбегейлі өзгерістер орын алды. Дәстүрлі типологиялық және сипаттамалық талдаулардың орнына сандық технологиялар, кеңістіктік модельдеу, жаратылыстану-ғылыми әдістер және деректерді математикалық өңдеу тәсілдері кеңінен енгізіле бастады. Бұл үрдіс зооморфты артефактыларды тек көркем мұра ретінде емес, нақты тарихи-әлеуметтік үдерістермен байланысты кешенді дереккөз ретінде қарастыруға мүмкіндік берді.

Батыстық археологияда кеңістіктік талдаудың дамуына американдық зерттеуші М. Д. Фрачетти ұсынған Inner Asian Mountain Corridor тұжырымдамасы зор әсер етті. Бұл модель көшпелілердің қозғалысын ретсіз көші-қон емес, табиғи-ландшафттық дәліздер арқылы ұйымдасқан, жүйелі мобильділік ретінде түсіндіреді. GIS-технологиялар негізінде жүргізілген бұл зерттеулер қорғандар, тұрақтар, мал жайылымдары мен зооморфты артефактылардың таралу аймағын біртұтас кеңістіктік желі ретінде картаға түсіруге жол ашты. Нәтижесінде жануар бейнелерінің белгілі бір экологиялық аймақтармен, әсіресе таулы-далалық өткелдермен тығыз байланыста қалыптасқаны анықталды (Taylor, Barrón-Ortiz, 2021: 61–63).

Зооморфты бейнелердің хронологиясын нақтылауда радиокөміртекті даталау мен Bayesian модельдеу әдістері ерекше ғылыми серпіліс жасады. Бұрын жануар бейнелерінің даму кезеңдері негізінен салыстырмалы стильдік ұқсастықтарға сүйене отырып анықталса, қазіргі таңда ^{14}C-даталау бұл үдерістерді нақты уақыт шкаласына орналастыруға мүмкіндік беріп отыр. Bayesian алгоритмдерді қолдану арқылы бірнеше археологиялық кешеннің деректері біртұтас ықтималдық моделіне біріктіріліп, жануар культінің қалыптасу, өрлеу және трансформация кезеңдері жоғары дәлдікпен айқындала бастады (Mei, Shell, 2019: 260–263).

Радиокөміртекті модельдеудің маңызды нәтижелерінің бірі – жылқы культының қалыптасу уақытының нақтылануы. Соңғы зерттеулер жылқыны қолға үйрету, оны құрбандыққа шалу және элиталық жерлеу дәстүрлерінің қола дәуірінің соңынан бастап жүйелі түрде қалыптасқанын

дәлелдеді. Бұл деректер зооморфты өнердегі жылқы бейнесінің тек шаруашылық символ емес, сонымен қатар әскери-саяси биліктің, әлеуметтік мәртебенің және сакралды кеңістіктің маңызды белгісі болғанын көрсетеді.

Құрбандық дәстүрлерін зерттеуде де радиокөміртекті талдау шешуші рөл атқаруда. Қорғандардан табылған жылқы, қой, түйе және кей жағдайда жабайы аң сүйектеріне жүргізілген ^{14}C-анализ бұл рәсімдердің кездейсоқ емес, нақты идеологиялық және ритуалдық жүйеге негізделгенін дәлелдеді. Әсіресе Алтай, Берел, Пазырық және Шілікті қорғандарындағы жылқы жерлеулерінің белгілі бір тарихи кезеңдерге шоғырлануы жануар культы мен аң стилінің өзара тығыз байланысын көрсетеді (Ventresca Miller және т.б., 2018: 1220–1223).

Соңғы онжылдықтарда зооморфты бұйымдарды зерттеуде 3D-сканерлеу мен фотограмметрия әдістері кеңінен қолданылуда. Бұл технологиялар артефактылардың микробедерін, өңдеу іздерін, құралмен жұмыс істеу техникасын және тозу деңгейін жоғары дәлдікпен тіркеуге мүмкіндік береді. Үшөлшемді модельдер арқылы бұрын әртүрлі кезеңге жатқызылып келген кейбір зооморфты әшекейлердің хронологиясы қайта қаралып, аймақтық шеберлік мектептерінің айырмашылықтары анықтала бастады.

Цифрлық реконструкция әдістері сынған немесе фрагменттелген зооморфты бейнелердің бастапқы композициясын қалпына келтіруге мүмкіндік берді. Бұл әсіресе күрделі «аң стилі» композицияларын иконографиялық тұрғыдан қайта талдауға жол ашты. Сонымен қатар татуировкаларға жүргізілген инфрақызыл және фотограмметриялық зерттеулер жануар бейнелерінің тек металл мен тасқа ғана емес, адам денесіне де сакралды белгі ретінде қолданылғанын көрсетті.

GIS-технологиялар зооморфты мотивтердің кеңістіктік таралу заңдылықтарын зерттеуде негізгі құралдардың біріне айналды. Геоақпараттық жүйелер арқылы бұғы, барыс, грифон, қасқыр бейнелерінің аймақтық шоғырлануы, мәдени диффузия бағыттары және көшпелі көші-қон жолдары кеңістіктік модельдеу негізінде талдануда. Бұл зерттеулер «аң стилінің» локальды емес, трансөңірлік мәдени құбылыс екенін ғылыми тұрғыда дәлелдеуге мүмкіндік берді.

Петроглифтерді зерттеуде аэрофототүсірілім, дрондық фотограмметрия және лазерлік сканерлеу (LiDAR) әдістері кеңінен енгізілді. Бұл технологиялар арқылы ірі жартас суреттері кешендері жоғары дәлдікпен цифрландырылып, олардың қабаттылығы, хронологиялық айырмашылықтары және көркемдік эволюциясы нақты айқындала бастады. Бұрын көзге байқалмаған өшіген зооморфты бейнелерді қайта қалпына келтіру мүмкіндігі туды.

Зооморфты бұйымдардың технологиясын анықтауда рентген-флуоресценттік талдау (XRF), лазерлік абляция (LA-ICP-MS) және изотоптық зерттеу әдістері де маңызды нәтиже берді. Бұл тәсілдер арқылы металл қоспасының құрамы, руданың шығу тегі, қорытпа технологиясы және өндірістік орталықтары нақты анықталды. Соның нәтижесінде зооморфты бұйымдардың бір бөлігінің жергілікті өндіріс екені, ал кейбірінің алыс аймақтармен сауда-мәдени байланыстар арқылы енгені ғылыми тұрғыда дәлелденді.

Батыстық зерттеушілер енгізген 3D-сканерлеу, фотограмметрия, GIS-картография, спектралдық және изотоптық талдау, радиокөміртекті модельдеу сияқты жаңа әдістер Еуразиядағы зооморфты бейнелерді зерттеуді принципті жаңа деңгейге көтерді. Бұл технологиялар зооморфты артефактылардың хронологиясын нақтылауға, стильдік эволюциясын қайта пайымдауға, таралу аймағын кеңістіктік дәлдікпен анықтауға және олардың әлеуметтік, идеологиялық әрі өндірістік мағынасын кешенді түрде түсіндіруге мүмкіндік берді. Нәтижесінде зооморфты өнер бүгінгі таңда сандық модельденетін, кеңістіктік талданатын және пәнаралық деңгейде зерттелетін күрделі мәдени жүйе ретінде қарастырылып отыр.

Зерттеу нәтижелері. Жүргізілген тарихнамалық және пәнаралық талдау нәтижесінде Еуразия кеңістігіндегі зооморфтық бейнелердің, соның ішінде «аң стилі» феноменінің шығу тегі мен даму логикасына қатысты бірқатар маңызды ғылыми тұжырымдар айқындалды. Ең алдымен, зооморфтық өнерді бір ғана мәдени немесе географиялық орталықтан тараған құбылыс ретінде түсіндіретін классикалық моноцентрлік модельдердің ғылыми әлеуеті шектеулі екені анықталды. Археологиялық, хронологиялық және кеңістіктік деректер бұл құбылыстың бірнеше өңірде бір мезгілде қалыптасқанын көрсетеді.

Зерттеу нәтижелері аң стилінің б.з.д. IX–VIII ғасырлардан бастап Алтай, Жетісу, Шығыс Қазақстан және Орталық Азия аумақтарында дербес көркемдік жүйе ретінде орныға бастағанын дәлелдейді. Аржан, Шілікті, Берел және Пазырық кешендерінен алынған материалдар зооморфтық бейнелердің ерте кезеңнен-ақ жоғары деңгейдегі иконографиялық тұрақтылық пен семантикалық

жүйеге ие болғанын көрсетті. Бұл деректер аң стилінің тек сырттан қабылданған көркемдік үлгі емес, көшпелі қоғамдардың ішкі әлеуметтік және дүниетанымдық сұранысынан туындағанын айғақтайды.

Сонымен қатар зерттеу барысында зооморфтық бейнелердің функционалдық ауқымы айқындалды. Олар сәндік немесе эстетикалық мақсатпен ғана емес, билікті легитимдеу, әлеуметтік иерархияны белгілеу, әскери идеологияны көрсету және сакралды кеңістікті визуалды түрде ұйымдастыру құралы ретінде қолданылған. Әсіресе жыртқыш аңдар бейнесінің элиталық мәдениетпен, ал тұяқты жануарлар символикасының шаруашылық және космологиялық түсініктермен тығыз байланысы анық байқалады.

Батыстық зерттеушілер қолданған радиокөміртекті даталау, Bayesian модельдеу, GIS-картография және 3D-сканерлеу әдістерінің нәтижелері аң стилінің хронологиясын нақтылап қана қоймай, оның таралу динамикасын, аймақтық ерекшеліктерін және мәдени трансфер механизмдерін қайта қарауға мүмкіндік берді. Нәтижесінде зооморфтық өнердің трансөңірлік, бірақ біртекті емес сипаты ғылыми тұрғыдан негізделді.

Талдау. Алынған нәтижелерді талдау Еуразиядағы зооморфтық бейнелерді зерттеуде теориялық және әдіснамалық парадигманың түбегейлі өзгергенін көрсетеді. Егер XX ғасырдың ортасына дейін аң стилі көбіне диффузионистік көзқарас аясында, яғни Алдыңғы Азия немесе Иран мәдениеттерінен тараған көркемдік дәстүр ретінде түсіндірілсе, қазіргі деректер бұл тұжырымның жеткіліксіз екенін айқындайды. Ерте элиталық қорғандардан табылған дербес стильдік шешімдер мен символдық кодтар аң стилінің автохтондық негіздерін күшейте түседі.

Полицентрлік модельді қолдану зооморфтық бейнелердің әртүрлі табиғи-экологиялық және әлеуметтік ортада өзіндік ерекшеліктерімен қалыптасқанын түсіндіруге мүмкіндік береді. Бұл тұрғыда аң стилі біртұтас «канондық» жүйе емес, ортақ дүниетанымдық негізге сүйенген, бірақ аймақтық вариацияларға бай динамикалық мәдени құбылыс ретінде көрінеді. Мұндай тәсіл көшпелі қоғамдардың креативті әлеуетін және көркемдік дербестігін ғылыми тұрғыдан мойындауға жол ашады.

Талдау көрсеткендей, зооморфтық бейнелердің семантикасы көшпелі дүниетанымның негізгі категорияларымен – табиғатпен үйлесім, күш пен қозғалыс, өмір мен өлімнің айналымы, сакралды қорғау идеяларымен тікелей байланысты. Жануар образдары арқылы әлеуметтік тәртіп пен космологиялық модель визуалды түрде бекітіліп отырған. Бұл аң стилін тек өнер тарихының объектісі емес, көшпелі өркениеттердің идеологиялық мәтіні ретінде қарастыруға мүмкіндік береді.

Заманауи цифрлық және жаратылыстану-ғылыми әдістерді талдау олардың зооморфтық өнерді зерттеудегі рөлін түбегейлі арттырғанын көрсетті. Радиокөміртекті және изотоптық талдаулар мәдени процестердің уақыттық шеңберін нақтыласа, GIS пен кеңістіктік модельдеу аң стилінің таралу логикасын экологиялық және көші-қон факторларымен байланыстыра түсіндіруге мүмкіндік берді. Бұл әдістер аң стилін статикалық құбылыс емес, тарихи динамикасы бар жүйе ретінде пайымдауға жағдай жасайды.

Жалпы алғанда, талдау нәтижелері зооморфтық бейнелерді зерттеуде пәнаралық, кеңістіктік және цифрлық тәсілдердің басымдыққа ие болғанын және болашақ зерттеулер үшін ең өнімді бағыт екенін көрсетеді. Бұл тәсіл көшпелі өркениеттердің көркемдік мұрасын тереңірек әрі объективті түсіндіруге мүмкіндік береді.

Қорытынды. Бұл зерттеу Еуразия кеңістігіндегі зооморфтық бейнелердің, соның ішінде «аң стилі» феноменінің шығу тарихнамасын дәстүрлі бірорталықтық (моноцентрлік) түсіндіру шеңберінде ғана қарастыру жеткіліксіз екенін көрсетті. Талданған ғылыми деректер мен заманауи методологиялық бағыттар зооморфтық өнердің бірнеше мәдени және географиялық аймақтарда параллель түрде қалыптасқан күрделі полицентрлік құбылыс екенін айқын дәлелдейді. Осы тұрғыдан алғанда аң стилін бір ғана Таяу Шығыс, Орталық Азия немесе Сібір аймағымен шектеу ғылыми шындықты толық ашпайды.

Зерттеу барысында батыстық тарихнамада қалыптасқан негізгі теориялық тұғырнамалар – диффузионистік көзқарастар, автохтондық бағыттар және қазіргі ревизионистік әрі полицентрлік модельдер өзара салыстырыла қарастырылды. Бұл бағыттардың әрқайсысы зооморфтық бейнелердің пайда болуы мен дамуын түсіндіруде маңызды деректер ұсынғанымен, соңғы онжылдықтардағы археологиялық жаңалықтар мен цифрлық әдістердің нәтижелері аң стилінің дамуын бір ғана сыртқы ықпалмен түсіндіру ғылыми тұрғыдан біржақты екенін көрсетіп отыр.

Зооморфтық бейнелердің көшпелі қоғамдардың дүниетанымы, өмір салты, әлеуметтік құрылымы және саяси идеологиясымен тығыз байланыста дамығаны анықталды. Жануар бейнелері көшпелілер үшін тек көркем образ ғана емес, сакралды мәнге ие символ, билік пен әскери күштің нышаны, әлеуметтік иерархияны бейнелейтін көркем код қызметін атқарған. Осы себепті «аң стилі» өнері утилитарлық және декоративтік шеңберден шығып, тұтас бір өркениеттік дүниетанымды бейнелейтін әмбебап мәдени жүйе ретінде сипатталады.

Батыстық зерттеушілер енгізген радиокөміртекті даталау, Bayesian модельдеу, 3D-сканерлеу, фотограмметрия, GIS-картография, спектралдық және изотоптық талдау сияқты заманауи ғылыми әдістер зооморфтық бейнелерді зерттеудің әдіснамалық мүмкіндіктерін түбегейлі кеңейтті. Бұл технологиялар артефактылардың нақты хронологиясын анықтауға, стильдік эволюциясын қайта кезеңдеуге, таралу аймағын кеңістіктік модельдеу арқылы түсіндіруге және олардың әлеуметтік-идеологиялық мәнін тереңірек ашуға жағдай жасады. Нәтижесінде зооморфтық өнер енді тек археологиялық олжа емес, сандық деректер негізінде кешенді түрде талданатын күрделі мәдени жүйе ретінде қарастырылуда.

Осы зерттеудің нәтижелері зооморфтық бейнелердің Еуразия көшпелі өркениеттерінің рухани мәдениетінде, саяси идеологиясында және әлеуметтік құрылымында ерекше орын алғанын айқындайды. Аң стилі көшпелі қоғамдардың табиғатпен қарым-қатынасын, әскери қуатын, сакралды түсініктерін және элиталық билік жүйесін біртұтас көркем-символдық тіл арқылы бейнелеген әмбебап мәдени феномен ретінде танылады.

Қорытындылай келе, Еуразия кеңістігіндегі зооморфтық бейнелердің шығу тарихнамасын пәнаралық, полицентрлік және цифрлық әдістер негізінде қайта пайымдау көшпелі өркениеттердің көркемдік жүйесін, дүниетанымын және тарихи даму логикасын терең түсінуге мүмкіндік береді. Бұл бағыт алдағы уақытта көшпелі қоғамдардың рухани мұрасын зерттеуде ең өзекті және өнімді ғылыми платформалардың бірі ретінде өз маңызын сақтайтыны сөзсіз.

Әдебиеттер тізімі

Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1978. 38–64 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1953. – 402 с.

Самашев З.С. Берел. – Астана: Издательство «Таймас», 2011. – 236 с.

Cheremisin D.V. Animal style in the archaeology of Central Asia: Origins and semantics // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2014. Т. 42. № 2. P. 97–108.

Fernández-Götz M., Roymans N. Zoomorphism, power and ethnogenesis in ancient Eurasian societies // World Archaeology. 2016. Т. 48. № 1. P. 1–19.

Lahelma A. Animal images in the rock art of Northern Eurasia // Norwegian Archaeological Review. 2012. Т. 45. № 1. P. 1–24.

Mei J., Shell C. The emergence of early metallurgy and the role of animal symbolism in Inner Asia // Journal of World Prehistory. 2019. Т. 32. № 3. P. 255–298.

Polosmak N.V. Animal-style art of the Pazyryk culture // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2015. Т. 43. № 4. P. 89–102.

Stockhammer P.W. Material entanglements and the animal turn in archaeology // Archaeological Dialogues. 2016. Т. 23. № 1. P. 1–22.

Taylor W.T.T., Barrón-Ortiz C.I. The evolution of animal symbolism in Eurasian steppe societies // Quaternary International. 2021. Т. 623. P. 57–71.

Ventresca Miller A.R., McGovern P.E. және т.б. Animals, ritual and power in Eurasian steppe societies // Antiquity. 2018. Т. 92. № 365. P. 1216–1232.

Volkov V.M. Zoomorphic (animal-style) art and visual ideology of Eurasian nomads // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2016. Т. 22. № 2. P. 145–172.

Whittle A., Bickle P. Animal symbolism and sacred landscapes in ancient Eurasia // Journal of World Prehistory. 2014. Т. 27. № 1. P. 1–47.

Wu H. Animal symbolism and mythological images in ancient Eurasia // Asian Archaeology. 2010. № 4. P. 41–55.

Zavyalov V.I. Zoomorphic motifs in the culture of the early nomads of Altai // Steppe Bulletin. 2015. Т. 45. № 2. P. 33–49.

N.E. Ibragimov

Historiography of the Origins of Zoomorphic Images in the Eurasian Space: Interdisciplinary Approaches and New Research Directions

The article examines the problem of the origin of zoomorphic images (the animal style) in the Eurasian space based on Western historiography. The study analyzes classical diffusionist models, approaches that interpret nomadic aesthetics as an independent artistic system, as well as revisionist and interdisciplinary methods that have emerged in the twenty-first century. It argues that the animal style did not originate from a single geographical center but developed in a polycentric manner, forming a complex visual system closely connected with the social, ritual, and political structures of nomadic societies.

Key words: animal style, zoomorphic images, historiography, interdisciplinary approach, nomadic art, Eurasia, Western studies.

Н.Е. Ибрагимов

Историография происхождения зооморфных изображений в Евразийском пространстве: междисциплинарные подходы и новые направления исследований

В статье рассматривается проблема происхождения зооморфных изображений (звериного стиля) в Евразийском пространстве на основе западной историографии. В ходе исследования анализируются классические диффузионистские модели, концепции, интерпретирующие кочевую эстетику как самостоятельную художественную систему, а также ревизионистские и междисциплинарные методы, сформировавшиеся в XXI веке. Обосновывается положение о том, что звериный стиль не возник в пределах одного географического центра, а сформировался полицентрично и развивался как сложная визуальная система, тесно связанная с социальной, ритуальной и политической структурой кочевых обществ.

Ключевые слова: звериный стиль, зооморфные изображения, историография, междисциплинарный подход, искусство кочевников, Евразия, западные исследования.

ОРТА ҒАСЫР АРХЕОЛОГИЯСЫ

А.А. Тишкин, К.Е. Бояринцева
Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
tishkin210@mail.ru

Раннесредневековые двудольные подвески сросткинской культуры: история обнаружения, морфологическая характеристика и рентгенофлюоресцентный анализ*

В данной статье рассматриваются две редкие металлические подвески, которые найдены в Алтайском крае (Россия) и относятся к сросткинской культуре периода раннего Средневековья. Представлена история их обнаружения на разных памятниках, а также места музейного хранения. На основе морфологических показателей даются описания изделий, публикуются многоплановые иллюстрации. Осуществленный анализ находок с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра позволил определить химический состав двух отличающихся сплавов, один из которых имеет серебряную основу, а второй – медную. Обнаружение подвески в детском погребении на хорошо известном памятнике Сростки-I реально указывает на наличие шейного или нагрудного украшения, которое может рассматриваться в качестве оберега. Варианты поиска аналогий пока только позволили наметить возможные более ранние исходные формы и дальнейшие трансформации такого типа литых изделий.

Ключевые слова: Алтайский край, раннее Средневековье, двудольные металлические подвески, сросткинская культура, морфологическая характеристика, рентгенофлюоресцентный анализ.

Введение. Украшения сросткинской культуры, памятники которой находятся на юге Западной Сибири и датируются в рамках периода раннего средневековья (2-я половина VIII – XII вв.), пока еще не стали предметом специальных обобщающих исследований. Однако имеющиеся находки позволяют приступить к такому изучению. Среди них выделяется группа металлических подвесок, которые, являясь элементом костюма, несут информацию не только об эстетических предпочтениях, но и позволяют реконструировать культурные традиции, рассматривать процессы взаимодействия, устанавливать датировку, а также изучать технологию изготовления. Несмотря на наличие таких артефактов в археологических коллекциях, их систематизация и типологическая атрибуция остаются фрагментарными. В данной статье представим две двудольные литые подвески, которые представляют собой редкую и еще слабоизученную категорию раннесредневековых изделий. Целью данной статьи является отражение истории их обнаружения на разных археологических памятниках, а также морфологическая характеристика и рентгенофлюоресцентный анализ для дальнейших комплексных исследований.

Методы и результаты исследования. Публикуемые в данной статье археологические находки из цветного металла (рис. 1, 1, 2), изучались с помощью портативного рентгенофлюоресцентного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIESTM (модель Альфа-2000, производство США). При этом использовался специальный испытательный стенд и карманный персональный компьютер. Прибором определялись химические элементы в использованном сплаве. Для получения необходимых количественных показателей применялась компьютерная программа с режимом «Аналитический», время одного измерения составляло 30 секунд. Процедура исследований средневековых изделий и демонстрация результатов выполнялись в рамках подходов, выработанных одним автором статьи в ходе проведения рентгенофлюоресцентных анализов (Тишкин 2022). Измерения предметов выполнялись штангенциркулем. Морфологические

* Научно-исследовательская работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания, проект FZMW-2026-0008.

характеристики основывались на опыте предыдущих исследований. Они легли в основу ниже публикуемых описаний. Отдельное внимание уделено истории обнаружения важных находок.

Первая двудольная литая подвеска (рис. 1, 1а–г) происходит из археологического собрания Н.С. Гуляева, которое в настоящее хранится в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск, Россия) и имеет такой инвентарный номер: АРХ-387/16. Указанный барнаульский краевед проводил разведочные работы и раскопки в конце XIX – начале XX в. (Тишкина 2010: 121–122).

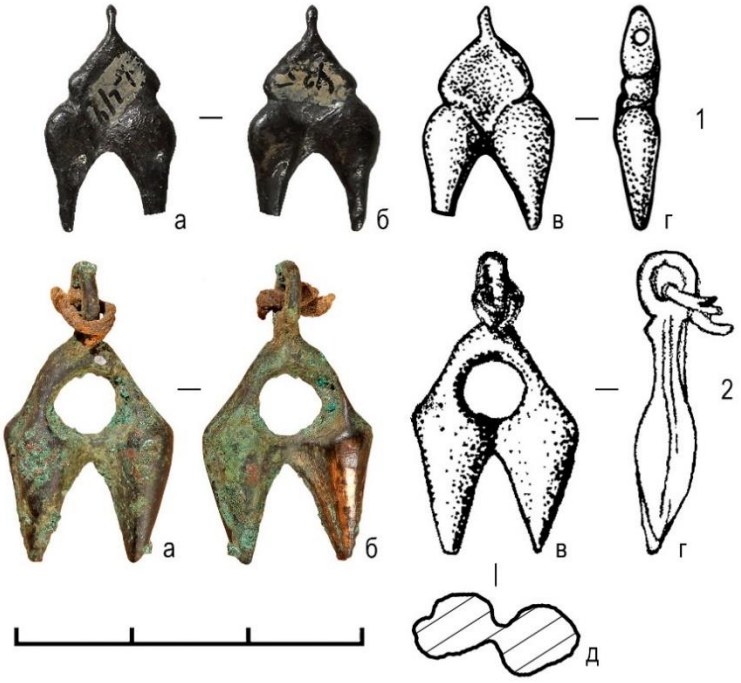

Рис. 1. Двудольные металлические подвески сросткинской культуры периода раннего Средневековья: 1 – из коллекции Н.С. Гуляева (фотоснимки сделаны С.В. Семеновым, рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым); 2 – из могилы-2 кургана №12 памятника Сростки-I (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным, рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым).

Особое значение имели исследования, проведенные Н.С. Гуляевым в 1912 г. на правом берегу р. Оби, около села Большая Речка, на территории позднее широко известного урочища Ближние Елбаны. В результате была сформирована обширная коллекция предметов, относящихся к различным историческим периодам. В 1918 г. Кара-Корумская Алтайская уездная земская управа, стремившаяся к созданию музея в с. Улала (совр. г. Горно-Алтайск), инициировала переговоры о приобретении имевшегося крупного собрания, передача которого после длительных переговоров состоялась в январе 1919 г., когда Н.С. Гуляева уже не было в живых. Последующие события нанесли частичный ущерб коллекции, так как только в 1927 г. в Улале открылся Ойротский музей (ныне – Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина). Оставшиеся археологические предметы были внесены в Книгу поступлений основного фонда. Затем их систематизация осуществлялась неоднократно. В настоящее время коллекция насчитывает более 560 единиц хранения (Киреев, Тишкина, Тишкин 2025: 224–225). Под номером 425 в составе группы предметов, обозначенных как «бляшки бронзовые от пояса», оказалась впервые публикуемая двудольная литая подвеска. Она имеет вытянутую форму, симметричную относительно продольной оси. Верхнюю часть завершает небольшое ушко для подвешивания. Ниже его расположен участок корпуса подтреугольной формы со скругленными углами, который переходит в раздвоенную часть в виде двух вытянутых и расходящихся долей. Каждая из них слегка утолщена, но имеет слабовыраженную выпуклость. Нижние окончания постепенно сужаются, а у одного имеется слом края. Поверхность подвески не совсем ровная. Размеры изделия такие: 1,1×0,9×0,3 см.

С помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра сначала тестировалась поверхность, покрытая патиной и окислами. Получены следующие многочисленные показатели:

– Ag (серебро) – 57,29%; Cu (медь) – 31,29%; Pb (свинец) – 3,03%; Sn (олово) – 2,95%; Zn (цинк) – 2,76%; Fe (железо) – 1,53%; V (ванадий) – 0,68%; As (мышьяк) – 0,25%; Bi (висмут) – 0,22%.

Затем дважды в разных местах исследовался участок одного из ответвлений, где механическим путем удалялись поверхностные окислы. Зафиксированы такие поэлементные ряды:

– Ag – 64,4%; Cu – 29,15%; Sn – 2,34%; Zn – 1,84%; Pb – 1,77%; Fe – 0,3%; Bi – 0,2%;

– Ag – 68,04%; Cu – 25,45%; Sn – 3,22%; Pb – 1,6%; Zn – 1,54%; Bi – 0,15%.

Судя по представленным результатам, основу сплава составляет серебро (Ag), дополненное другими химическими элементами разного количества.

Вторая подвеска (рис. 1, 2а–д) была обнаружена в ходе современных археологических исследований. Она происходит из эпонимного памятника Сростки-I, раскопки которого после многих лет продолжила экспедиция Алтайского государственного университета (далее – АлтГУ) в 2012–2014 и 2016 гг. (Горбунов, Тишкин 2014; 2018: 73).

Ранее уже опубликованная подвеска происходит из кургана №12, имевшего насыпь размерами 9×8 м и высоту до 0,65 м. В ходе работ на уровне материка были выявлены три могилы. Одна из них (могила-2), располагавшаяся в южной части, содержала детское погребение. На дне расчищен скелет ребенка. В области шеи погребенного найдена подвеска из цветного недрагоценного металла, а в изголовье – берестяной туесок с костями овцы (Горбунов, Тишкин 2014: рис. 4, 5; 2018: 74, рис. 2, 34). Данное расположение позволяет интерпретировать его как шейное или нагрудное украшение. Материалы памятника датированы грязновским этапом сросткинской культуры (2-я половина IX – 1-я половина X вв.) (Горбунов, Тишкин 2018: 76). В настоящее время подвеска хранится в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ (инв. №650/12).

По своим морфологическим характеристикам изделие представляет собой литую подвеску. По общей форме она близка предыдущему экземпляру. В верхней части расположено ушко для подвешивания. В его внутренней части сохранились остатки органического материала бурого цвета, вероятнее всего, представляющие собой фрагменты кожаного ремешка или шнура, на котором подвеска была закреплена. Ниже ушка корпус расширяется и имеет округло-треугольные очертания. В центре располагается сквозное отверстие округлой формы (диаметром 0,6 см). Края отверстия сглажены. Нижняя часть изделия раздвоена и образует две симметричные доли. Как и у предыдущей подвески, в средней части каждой доли наблюдается небольшое утолщение, создающее слабую выпуклость формы. К нижним окончаниям доли постепенно сужаются. Поверхность покрыта зеленой патиной, местами отмечаются следы коррозии и незначительные литейные неровности. Размеры изделия – 2,8×1,5×0,6 см.

Для получения сведений о химическом составе сплава тестирование спектрометром осуществлялось трижды в разных местах. Сначала была изучена покрытая окислами поверхность в центре предмета. Получены следующие результаты:

– Cu – 77,25%; Sn – 11,09%; Pb – 10,13%; Ag – 1,29%; Fe – 0,14%; Ni (никель) – 0,1%.

Затем дважды в разных местах исследовался участок с механическим снятием верхнего слоя окислов на другой стороне предмета (рис. 1, 2б). Зафиксированы такие показатели:

– Cu – 76,7%; Sn – 11,92%; Pb – 9,59%; Ag – 1,6%; Fe – 0,1%; Ni – 0,09%.

– Cu – 74,91%; Sn – 12,66%; Pb – 10,73%; Ag – 1,49%; Fe – 0,12%; Ni – 0,09%.

Все полученные поэлементные ряды близки между собой. Они свидетельствуют о том, что для изготовления подвески использовался сложный медно-оловянно-свинцово-серебряный сплав, который встречается при изучении изделий сросткинской культуры (Тишкин 2022). Остальные металлы (железо и никель), выявленные в незначительном количестве, возможно, являются остатками рудных примесей или, вероятнее всего, свидетельствуют о проникновении окислов вглубь изделия. Выявленный состав сплава отличается от вышеуказанных определений предыдущей подвески.

Заключение. Рассмотренные изделия представляют собой достаточно редкую категорию украшений. Прямых аналогий описанным экземплярам в опубликованных материалах пока обнаружить не удалось. Однако близкие по общему принципу формообразования изделия – небольшие литые подвески с раздвоенной нижней частью, известны на территории юга Западной Сибири в памятниках 2-й половины I – начала II тыс. н.э.

Наиболее ранние параллели обнаруживаются в материалах комплекса из разрушенного кургана у с. Выдриха и могильника у с. Боброво (Верхнее Прииртышье) которые датируются концом VIII–IX в. Подвески оттуда имеют симметричную, горизонтально ориентированную композицию. В центральной верхней части расположен округлый выступ с отверстием, от которого

в обе стороны отходят изогнутые элементы, раздваивающиеся от средней части и завершающиеся «… стилизованными птичьими головами с загнутыми клювами» (Арсланова 2013: 104, рис. 6, 2, 4; Могильников 2025: рис. 20, 25).

Несколько подвесок имеется в указанной ранее коллекции Н.С. Гуляева, хранящейся в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина (инв. номер – АРХ-388). В верхней их части расположено цилиндрическое навершие с небольшим рельефным пояском, отделяющим его от основного корпуса. Основная часть имеет каплевидно-овальную форму и раздвоена книзу, образуя два вытянутых симметричных выступа с округлыми концами и придающая основанию вилкообразный вид.

Хронологически близкие изделия представлены подвесками, отнесенными к инскому этапу сросткинской культуры (2-я половина VIII – 1-я половина IX вв.) (Тишкин, Горбунов, Горбунова 2011: 55). Примером может служить подвеска из могильника Иня-1, форма которой ассоциативно напоминает стилизованный колокольчик или амфоровидный силуэт с раздвоенным основанием (Горбунов, Тишкин 2025: 28, 49, рис. 26, 37). Наиболее поздние параллели можно найти в материалах памятников у с. Зевакино и с. Карашат (Восточный Казахстан). Они идентичны подвескам из могильников у с. Выдриха и с. Боброво и, согласно интерпретации Ф.Х. Арслановой, относятся к культуре кимаков IX–X вв. (Арсланова 2013: 97, рис. 6,1, 3).

Рассматриваемые изделия демонстрируют близкие морфологические признаки и могут быть объединены в группу двудольных подвесок для дальнейшего типологического рассмотрения в рамках всей категории таких украшений. Для них характерны следующие черты: вытянутая симметричная форма, наличие ушка для подвешивания и раздвоенная нижняя часть с двумя долями. Оба публикуемых предмета изготовлены методом литья. Отсутствие орнаментального декора позволяет предполагать, что основное художественное значение придавалось форме изделия.

Особый интерес представляет сохранение фрагментов органического материала внутри ушка второй подвески, что позволяет предположить использование ремешка или шнура для крепления изделия. Это подтверждает интерпретацию подвесок как элементов костюма или подвесных украшений.

Следует отметить, что в настоящее время подобные подвески пока известны в двух экземплярах. Это делает их редкой категорией археологических находок и затрудняет более широкие типологические сопоставления. Тем не менее морфологическое сходство изделий позволяет указать о существовании определенной традиции изготовления подобных украшений на территории Лесостепного Алтая.

Список литературы

Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. 405 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник Сростки-I: история изучения и современные исследования // Известия Алтайского государственного университета. История. Политология. 2014. №4/2 (84). С. 54–67 DOI 10.14258/izvasu(2014)4.2-07.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Результаты изучения эпонимного памятника Сростки-I на Алтае: возвращение к истокам и новые материалы // Археология евразийских степей. 2018. №6. С. 73–80.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Сросткинская культура. Вып. 1: Памятники сросткинской культуры на юге Западной Сибири / Археология евразийских степей»; вып. 31. Казань: Изд-во АН РТ, 2025. 224 с.

Киреев С.М., Тишкина Т.В., Тишкин А.А. Археологическая коллекция Н.С. Гуляева в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина: история поступления и современное состояние // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №4. С. 219–237. DOI: 10.14258/tpai(2025)37(4).-12

Могильников В.А. Сросткинская культура. Кн. 2: Верхнее Прииртышье и приалтайские степи на рубеже I–II тысячелетий. Казань: Изд-во АН РТ, 2025. 152 с. (Серия «Археология евразийских степей»; вып. 32).

Тишкин А.А. Рентгенофлюоресцентный анализ находок из памятников сросткинской культуры, исследованных экспедициями АГУ на Приобском плато в 1997–2004 гг. // Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сросткинской культуры на Приобском плато / Археологические памятники Алтая; вып. 6. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 286–302.

Тишкин А.А., Горубнов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас: учебное пособие. Барнаул: ООО «Печатная компания АРТИКА», 2011. 136 с.: ил.

Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул: Изд-во «Азбука», 2010. 288 с.: ил.

А.А. Тишкин, К.Е. Бояринцева

Ерте ортағасырлық екі қуысты сростка мәдениетінің сырғалары: табылу тарихы, морфологиялық сипаттамасы және рентгендік флуоресценттік талдау

Бұл мақалада ерте ортағасырлық дәуірге жататын, Ресейдің Алтай өлкесінде табылған екі сирек кездесетін металл сырға қарастырылады. Олардың әртүрлі ескерткіштерде табылу тарихы, сондай-ақ мұражайларда сақталу орындары берілген. Морфологиялық көрсеткіштер негізінде бұйымдардың сипаттамалары беріліп, көпжақты иллюстрациялар жарияланады. Рентгендік флуоресценттік спектрометр арқылы жүргізілген талдау екі түрлі қорытпаның химиялық құрамын анықтауға мүмкіндік берді, оның бірі күміс негізді, екіншісі мыс негізді. Жақсы танымал Сростки-I ескерткішіндегі балалар жерлеуінен табылған сырға мойынға немесе кеудеге тағатын әшекейдің болуы мүмкін екенін нақты көрсетеді, оны қорғаныш ретінде қарастыруға болады. Аналогтарды іздеу нұсқалары тек осындай құйма бұйымдардың мүмкін ерте бастапқы формалары мен кейінгі трансформацияларын ғана анықтауға мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: Алтай өлкесі, ерте ортағасыр, екі қуысты металл сырғалар, сростка мәдениеті, морфологиялық сипаттама, рентгендік флуоресценттік талдау.

A.A. Tishkin, K.E. Boyarintseva

Early Medieval Bivalve Pendants of the Srostki Culture: History of Discovery, Morphological Characteristics, and X-ray Fluorescence Analysis

This article examines two rare metal pendants found in the Altai Krai (Russia) and attributed to the Srostki culture of the Early Medieval period. The history of their discovery at different sites, as well as their museum storage locations, is presented. Based on morphological indicators, descriptions of the artifacts are provided, and multi-angle illustrations are published. The analysis of the finds using an X-ray fluorescence spectrometer allowed for the determination of the chemical composition of two distinct alloys, one of which is silver-based, and the second is copper-based. The discovery of a pendant in a child's burial at the well-known Srostki-I site realistically indicates the presence of a neck or chest ornament that can be considered an amulet. Attempts to find analogies have so far only allowed for the outlining of possible earlier original forms and further transformations of this type of cast artifact.

Key words: Altai Krai, Early Medieval period, bivalve metal pendants, Srostki culture, morphological characteristics, X-ray fluorescence analysis.

Е.Ш. Акымбек, Б.А. Железняков
Институт археологии имени А.Х. Маргулана
Алматы, Казахстан
eraly_a@mail.ru

К изучению культурных ландшафтов р. Терис: новые памятники наскального искусства Малого Каратау*

В сообщении кратко представлены результаты археологических разведок 2022–2024 гг., проведённых сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана на южных склонах Малого Каратау: на плато Кокджот, в бассейне р. Терис. Исследования были направлены на выявление новых памятников наскального искусства и изучение их связи с природной средой, древними путями и поселениями, системой сезонного освоения территории. В ходе работ обследованы культурные ландшафты верхнего и нижнего течения р. Терис общей площадью более 50 км². Установлено, что петроглифы сосредоточены в системе ущелий с патинированными скальными поверхностями, древними тропами и источниками воды. Наиболее значительные комплексы Верхнего Териса выявлены в ущельях Космурат, Шымбулак и Бакаты (Улкен и Киши) и других. Крупнейшим по числу изображений на Нижнем Терисе стал комплекс Бурхансай, насчитывающий более тысячи петроглифов, наряду с уже известными памятниками Доланалы и Куркуреусу. В изобразительном репертуаре преобладают сцены охоты, изображения животных и эпизоды хозяйственной деятельности, среди зооморфных выделяются изображения верблюдов. Полученные материалы подтверждают многослойный характер освоения Малого Каратау с конца III тыс. до н.э. и расширяют представления о генезисе наскального искусства Южного Казахстана вплоть до современности.

Ключевые слова: Южный Казахстан; Малый Каратау; река Терис; Бурхансай; Космурат; Актобе (Габаевка); археологические разведки; культурный ландшафт; наскальное искусство.

Введение. Наскальное искусство занимает особое место среди явлений мирового культурного наследия благодаря своей почти повсеместной распространённости, огромному количеству памятников и исключительной хронологической глубине, достигающей не менее 40 тыс. лет. В настоящее время в мире известно свыше 400 тыс. объектов наскального искусства, однако лишь немногие из них позволяют проследить столь длительное и непрерывное развитие культурной традиции, как комплексы Каратау. Следует отметить, что система хребтов Каратау подразделяется на Большой Каратау, Малый Каратау и Боралдай. Они имеют различное сложение и возраст в геологическом плане, а также и различную историю формирования культурных ландшафтов.

Петроглифы Каратау представляют собой своеобразную «каменную летопись», отражающую изменения хозяйственного уклада, мировоззрения и сакральных представлений населения региона на протяжении тысячелетий. Основной массив изображений относится к эпохе бронзы – времени формирования устойчивых традиций наскального искусства и активной сакрализации ландшафта в условиях роста населения. Вместе с тем традиция нанесения петроглифов здесь не прерывалась и сохранялась вплоть до нового времени, пережив заметное возрождение в XVII–XX вв. При этом Малый Каратау, являющийся наиболее северо-восточным хребтом системы, остаётся значительно менее изученным по сравнению с Большим (Сырдарьинским) Каратау и Боралдаем.

Наскальные изображения тесно связаны с жизненным пространством древнего и средневекового населения. Они приурочены к поселениям, тропам, маршрутам кочевий, охотничьим и хозяйственным зонам, водным источникам и, вероятно, местам отправления ритуалов. Тем самым петроглифы выступают не изолированными памятниками, а важнейшей частью культурного ландшафта, в котором природная среда и духовная жизнь человека образовывали единое целое.

Многие ключевые памятники Каратау были открыты и введены в научный оборот ещё в 1970-х гг. благодаря исследованиям М.К. Кадырбаева и А.Н. Марьяшева. В дальнейшем значительный вклад в изучение наскального искусства региона внесли З.С. Самашев, А.Е. Рогожинский, М.С. Мургабаев и другие исследователи. Наиболее известные и эталонные комплексы сосредоточены в

* Статья подготовлена в рамках реализации программы: BR31714853 «Археологическая наука Казахстана: анализ состояния, проблемы и перспективы развития»

пределах Большого Каратау – прежде всего Арпаузен и Койбагар, ставшие своеобразными опорными памятниками для изучения изобразительных традиций Южного Казахстана.

Вместе с тем значительная часть территории Малого Каратау до настоящего времени оставалась исследованной крайне неравномерно. Многие ущелья и среднегорные ландшафты практически не посещались археологами, что создавало впечатление периферийности этой зоны. Новые исследования показывают, что подобное представление было ошибочным. Уже первые результаты разведок демонстрируют наличие здесь собственных устойчивых традиций наскального искусства, позволяющих проследить развитие техники выбивки, изменения сюжетики и особенности локальных культурных практик. Одновременно открывается возможность сопоставления новых материалов с классическими комплексами Арпаузена и Койбагара, Майдамтала, Улкентуры, Кысана, Жынгылшака, Кошкараты и Актобе (Габаевки) что позволяет по-новому взглянуть на процессы культурного освоения пространства Каратау в древности и средневековье.

История изучения наскального искусства Малого Каратау. К настоящему времени актуальность проведения тщательного изучения ландшафтов Малого Каратау только увеличивается. Степень изученности культурных ландшафтов Малого Каратау значительно проигрывает петроглифам Большого Каратау. Где изучение петроглифов ведется систематизировано (Мургабаев и др. 2025). В том числе в связи с актуализацией неразрушительных и комплексных методов изучения культурных ландшафтов.

С 1970-х гг. М.К. Кадырбаеву и А.Н. Марьяшеву удалось выявить наиболее яркие и крупные памятники хребта Каратау. Для микрорегиона юга Малого Каратау ими являются Актобе (Габаевка), Кошкарата, а также Еликсай (Кадырбаев и др. 1977: 9-11, рис. 2). Еще одним памятником является Маймак (Байпаков, и др. 2013: 9-10].

Всего в 30 км от Малого Каратау находится еще один хорошо исследованный памятник Боралдай, расположенный на одноименном хребте, входящем в систему Каратау, с которого началось исследование петроглифов всего региона еще в самом начале XX в. П.И. Комаровым, Бесарыка, стало известно из сообщений М.А. Кирхгофа (Байтанаев и др. 2007: 26-27). Комплексные исследования микрорегиона в целом были проведены в середине 2000-х гг. (Елеуов и др. 2006). Тогда были впервые обнаружены петроглифы Куркуреусу, располагающиеся напротив впадения одноименной реки, несущей воду с Таласского Алатау.

По итогам проведенных работ вводятся в научный оборот данные по проведённым исследованиям (Железняков и др. 2023). Кроме Того, два памятника Малого Каратау: Жолбарыскамал и Улкен Шабакты, были введены в научный оборот в последние годы. В публикациях уделено пристальное внимание и истории изучения петроглифов Малого Каратау (Железняков и др. 2023: 21-33; Железняков и др. 2026).

Методика. Современное понимание культурного ландшафта тесно связано с человеческой деятельностью и её взаимодействием с окружающей средой (Agosto, Carvalho 2025). Изучение археологических комплексов в рамках данного подхода активно развивалось во второй половине XX в., когда были предложены различные исследовательские модели, включая географический и информационно-аксиологический подходы. Последний подчёркивает роль интеллектуальной и духовной деятельности в формировании как материальных, так и нематериальных ценностей (Культурный ландшафт как объект наследия 2004: 15–16).

Ключевым этапом подобных исследований являются выявление, описание плоскостей и картографирование памятников документирование всего комплекса петроглифов. Для наскального искусства визуальное обследование по-прежнему остаётся единственным надёжным методом, поскольку попытки создания прогностических моделей на основе топографических данных не показали достаточной эффективности (Шер, 1980: 60). Каждый петроглиф уникален и требует индивидуального подхода к фиксации. Фотографирование при оптимальном освещении с последующим статистическим и качественным анализом позволяет проводить хронологическую и тематическую классификацию изображений. Методика исследования основывается на принципах, разработанных Я.А. Шером, но постоянно совершенствуется исходя из личного опыта и опыта коллег.

Изучение культурных ландшафтов левобережья р. Терис. В 2022–2024 гг. сотрудники Института археологии им. А.Х. Маргулана провели комплексное обследование ущелий южных

склонов Малого Каратау, южная его часть называется еще плато Кокджот. Исследуемая территория представляет собой экологически благоприятную среднегорную зону с постоянным водным источником – р. Терис, протекающей у подножия хребта. Вероятно, в период создания петроглифов часть современных сезонных водотоков, зачастую, уходящих под землю также имела постоянный характер благодаря подпитке многочисленными родниками в средней и нижней частях ущелий.

Район исследований расположен в пределах межгорной долины, ограниченной с севера крутыми склонами Малого Каратау, а с юга – Таласским Алатау. Обследованы две отдельные территории площадью до 25 кв. км. каждая. В нижнем течении Териса – протяжённостью около 11–12 км при ширине от 1 до 4 км вытянута вдоль левого (северного) берега р. Терис. Участок культурного ландшафта Верхнего Териса, расположен выше Терис-Ащибулакского водохранилища, Нижнего Териса – ниже водохранилища - до участка напротив впадения Куркуреусу. По правому берегу реки проходит железнодорожная ветка Турксиба, огибая основной хребет Малого Каратау. В целом, через данную территорию в древности и средневековье проходили пути, связывавшие Таласскую и Сырдарьинскую долины, являясь важнейшими для юга Центральной Азии. Регион отличается сложным рельефом, но это кратчайший путь между долинами. Поэтому значительная часть выходов скальных пород, одиночных валунов отмечены петроглифами.

Верховья рек Терис, Кошкарата собирают воды многочисленных долин с северо-восточных склонов гор Боралдайтау и юго-западных склонов и поверхности плато Кокджот (Малый Каратау). Создавая экологическую нишу, благоприятную для жизни населения, ведущего традиционное хозяйство на всем протяжении. На обширном пространстве плато Кокджот дренируют две крупные речные системы: Шымбулак и Бакаты. Отрядом было исследовано пространство верховьев долины Терис на площади около 25 кв.км. Шымбулак дренирует юго-западную часть плато, обрамляя горы Космурат с юго-запада, у подножья горы течет его главный приток – Космурат. Петроглифы Малого Каратау, безусловно отличаются от Большого Каратау, а и памятники наскального искусства имеют свои особенности. Прежде всего, это небольшие по числу сравнительно с эталонными памятниками Большого Каратау.

Между тем культурные ландшафты юга Малого Каратау значительно шире и сложнее отдельных локальных комплексов и, очевидно, играли важную роль в процессах формирования материальной и духовной культуры региона начиная с конца III тыс. до н.э., что подтверждается большим числом петроглифов соответствующей хронологии. Несмотря на всю уникальность Актобе (Габаевки), остро ощущается необходимость изучения всех ущелий, которые могут содержать от десятков до тысяч изображений.

Проведённые в 2021–2024 гг. разведки были направлены на выявление новых памятников в системе ущелий верхнего и среднего течения р. Терис, изучение структуры петроглифов, их связи с природной средой, древними маршрутами и сезонным освоением территории. Особое внимание уделялось ущельям в верховьях Териса и в его низовьях между памятниками Актобе и Маймак. В обеих локациях содержатся многочисленные выходы скальных пород – «жартас», в том числе особенно привлекавшие внимание исследователей – зеркальные патинированные поверхности.

Наиболее значительным результатом стало выявление крупного комплекса петроглифов Бурхансай, существенно превосходящего по числу изображений памятник Габаевка (Актобе). Если для Актобе характерны крупные композиции с мифологическим содержанием, то в Бурхансае преобладают сцены охоты, изображения животных и хозяйственной деятельности, возможно, некоторые можно связать с сакральными животными и культовыми сценами. Здесь зафиксировано более тысячи петроглифов, сосредоточенных главным образом в нижней и средней частях ущелья.

Полученные материалы существенно расширяют представления о культурных ландшафтах юга Малого Каратау и подтверждают важную роль бассейна Териса как одного из локальных центров наскального искусства Южного Казахстана. По итогам проведения статистического анализа по хронологии и репертуару изображений каждого из памятников.

Культурные ландшафты Верхнего Териса. Микрорегион Верхнего Териса характеризуется высокой концентрацией водных ресурсов и густой сетью притоков, особенно в верховьях рек Териса и соседнего Боралдая. Это нашло отражение в средневековом названии – Минбулак («тысяча родников»). Значение данной территории в раннесредневековой истории Центральной Азии подчёркивается предположениями о локализации здесь летней ставки Западнотюркских правителей. Дополнительную историческую значимость местности придаёт курултай 1223 г. в

районе слияния рек Терис и Ащибулак, где, согласно письменной традиции, Чингисхан разделил империю между своими сыновьями.

Микрорегион исследовался ранее, помимо А.Н. Марьяшева, обследовался З.С. Самашевым и А.А. Горячевым. В ходе проведения, преимущественно также пеших исследований здесь так же обследованы ущелья юго-западных склонов Малого Каратау: Космурат, Бакаты, Каратас, Когасай, Шымбулак, (порядка 25 кв. км.). Помимо петроглифов зафиксированы тамги тюркского и позднесредневекового времени, каменные конструкции и археологические объекты различных эпох. Установлено, что распределение памятников имеет локальный характер: зоны высокой концентрации изображений чередуются с участками их почти полного отсутствия.

Наиболее перспективными для проведения разведок в верховьях р. Терис оказались горные ущелья, глубоко врезающиеся в среднегорное плато и образующие сложную систему природных коридоров. Именно здесь концентрируются выходы скальных пород, пригодных для нанесения изображений, древние тропы, сезонные водотоки и локальные участки, удобные для кратковременного освоения. Пространство ниже плато отличается крайне пересечённым рельефом, поэтому значительная часть маршрутов обследовалась пешими разведками.

В ходе работ были исследованы ущелья Космурат, Бакаты (Улькен и Киши), Каратас, Когасай, урочище Курама, горы Коныртобе и Коктас, а также система верховьев Шымбулака. С вершин и перевальных участков этой зоны открывается обзор на десятки километров, что подчёркивает важность местности как пространства контроля путей и сезонных перемещений. Большинство ущелий верхнего Териса имеют длину от 4 до 8 км и в верхней части разветвляются на несколько более узких саев, часть которых не имеет современных названий. При этом далеко не все ущелья сохраняют постоянный водоток: многие ручьи в период обследования существовали лишь в виде сезонных стоков или цепочек родников. Надо отметить, что каждое из обследованных ущельев содержит от нескольких десятков до нескольких сотен наскальных изображений. Однако, их число не превышает пяти сотен. Кроме того, трудно выделить среди них шедевры.

Выделяется ущелье Космурат – протяжённое, обращённое к югу и отличающееся перепадом высот в верней и средней части (рис. 1). Здесь были обнаружены несколько вариантов тамг дулатов, изображение, напоминающее тамгу карлуков, отдельные из которых дополнены петроглифами и требуют дальнейшего специального изучения. Кроме того, здесь отмечено свыше 100 петроглифов, начиная со средней бронзы, вплоть до современности. К крайне редким рисункам можно отнести изображение всадника Нового времени и сопутствующая надпись, похожая на казахскую письменность на латиницу, был специально разработан алфавит «Яналиф» (Жаңәліп) (рис. 2). В таком случае, надпись может быть датирована концом 1920-х – 1930-ми гг.

Рис. 1. Средняя часть долины р. Космурат, каньонообразные скальные обнажения. Вид на юг, в сторону отрогов Таласского Алатау. Фото.

Рис. 2. Изображение всадника и эпиграфическая надпись. Фото.

Отдельного внимания заслуживает Шымбулак – крупный левый приток верхнего Териса, принимающий несколько сезонных и постоянных потоков из боковых ущелий. Его ландшафты были обследованы практически полностью. Петроглифы здесь распределяются небольшими ритмичными группами вдоль ущелья; наряду с ними выявлены изображения тамг дулатов. Все основные ущелья верховьев Териса – Терис, Шымбулак и Космурат – отличаются значительной протяжённостью: длина каждого превышает 10–13 км. В верхних частях они становятся уже и круче, однако наскальные обнажения сохраняются почти на всём протяжении благодаря каньоно образованию русел.

В общей сложности в ходе разведок в данном районе было выявлено около тысячи петроглифов. Несмотря на сравнительно небольшое количество действительно выдающихся изображений, полученные материалы имеют важное значение для реконструкции культурного ландшафта региона. Все ключевые плоскости были зафиксированы фотосъёмкой с координатной привязкой.

Крупных сплошных скоплений петроглифов обнаружено не было, однако наиболее значительный комплекс, насчитывающий свыше двухсот изображений, выявлен на горном участке между ущельями Теспесай и Карасай. Здесь же зафиксированы археологические объекты различных эпох, прежде всего каменные ограды эпохи бронзы, что подчёркивает длительный и многослойный характер освоения данной территории.

В целом верховья Териса не отличаются высокой плотностью наскальных изображений: петроглифы и тамги встречаются локальными группами и преимущественно относятся к тюркскому, позднесредневековому и этнографическому времени. В ущелье Когасай зафиксированы руины каменных конструкций, вероятно связанных с сезонным хозяйственным освоением территории в Новое время.

В двух ущельях Бакаты документировано значительное количество петроглифов раннего железного века – в общей сложности более 500 изображений. Здесь была прослежена наибольшая плотность наскальных изображений. Таким образом, на плато относительно широко представлены петроглифы эпохи бронзы и особенно раннего железного века, тогда как на южных склонах преобладают изображения средневекового, нового и даже современного времени. Обследованная в пешем порядке территория в верхнем течении р. Терис имела территорию превысила 25 км².

Культурные ландшафты Нижнего Териса. Обследованная территория в нижнем течении р. Терис охватывала участок от Терис-Ащибулакского водохранилища до района напротив впадения р. Куркуреусу. Протяжённость исследованной зоны составила около 11–12 км при ширине обследованной полосы от 1 до 4 км, а общая площадь превысила 25 км². После слияния с Куркуреусу р. Терис получает название Аса.

К западу от культурного ландшафта Актобе–Куркуреусу расположен современный военный полигон. К востоку количество патинированных скальных поверхностей резко сокращается и возрастает лишь локально – например, в районе памятника Маймак, обследованного и опубликованного группой А.Н. Марьяшева (Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. 2013. С. 8–9).

Памятники наскального искусства Маймак находится вблизи южного окончания юго-восточного отрога Малого Каратау, разделённого рекой Терис. Юго-восточная часть хребта продолжается уже на территории Кыргызстана (около 8 км протяжённости). Среднее течение Териса в значительной степени связано с зоной водохранилища, затопившего часть прибрежных участков. В ряде мест скальные выходы отсутствуют либо перекрыты водой. Вместе с тем основные скопления петроглифов расположены не у русла реки, а на удалённых склонах и в верхних частях ущелий, где отдельные группы изображений поднимаются на высоту до 2–2,5 км от долины.

Культурный ландшафт вытянут вдоль левого берега Териса и включает систему ущелий, последовательно раскрывающихся к речной долине. Наиболее значительные комплексы сосредоточены в ущельях Доланалы, Бурхансай, а также в серии из 5–6 ущелий-саев напротив впадения Куркуреусу. Западнее Доланалы также выявлены отдельные скопления петроглифов, однако они не формируют самостоятельного центра культурного ландшафта. К востоку от Куркуреусу количество патинированных скальных поверхностей резко сокращается; крупные локальные концентрации вновь появляются лишь в районе памятника Маймак, расположенного у южного окончания юго-восточного отрога Малого Каратау.

Культурный ландшафт Нижнего Териса вытянут вдоль левого берега р. Терис и включает систему отдельных ущелий, последовательно раскрывающихся в сторону долины. Наиболее значимые концентрации петроглифов приурочены к ущельям Доланалы (памятник Актобе), Бурхансай, а также к серии ущелий-саев напротив впадения р. Куркуреусу.

Вдоль правого берега Териса, напротив зоны распространения петроглифов, сформировался иной тип культурного ландшафта, более благоприятный для размещения поселений, устройства ирригационных систем и развития земледелия. Именно здесь исследовался поселенческий памятник Актобе (Акымбек и др. 2024).

Памятник начал формироваться в I в. н.э. и функционировал до конца III в. н.э. Топографический план и структура поселения Актобе находят аналогии среди памятников долины р. Терис, существовавших в первые века н.э., прежде всего с городищем Бурнооктябрьское. Оба памятника расположены на правом берегу реки, однако результаты радиоуглеродного анализа показывают, что поселение Актобе примерно на одно столетие древнее Бурнооктябрьского (Акымбек и др. 2024: 192).

Как показывают исследования другого памятника Актобе, деятельность художников в этот период только усиливается (Сенигова, 1962а; Сенигова, 1962б).

Центральное положение в системе памятников занимает ущелье Бурхансай – наиболее протяжённое в пределах исследованной зоны (около 4,5 км). Высотный диапазон здесь составляет от 900 до 1245 м над уровнем моря. В верховьях ущелья фиксируется наивысшая точка южного отрога Малого Каратау и переход к постепенному снижению рельефа в сторону долины р. Аса. Большинство ущелий района сравнительно неглубокие и маловодные, часто лишённые постоянных источников воды. Центральная часть находится на определенном удалении от долины реки (рис. 3). Вверх по ущелью Бурхансай фиксируется наивысшая точка южного отрога Малого Каратау и переход к понижению в сторону долины р. Аса. В ущельях к западу от Доланалы обнаружено несколько сотен петроглифов, но они не составляют логический центр культурного ландашфта.

Рис. 3. Вид на север на среднюю часть культурного ландшафта памятника Бурхансай; на патинированных скальных плоскостях зафиксированы наскальные изображения. Фото.

Наиболее известным памятником является комплекс Актобе в ущелье Доланалы, впервые исследованный в 1970-е гг. М.К. Кадырбаевым и А.Н. Марьяшевым (Кадырбаев и др. 1977: 33-37). Он выделяется богатством и своеобразием изобразительного репертуара, включая сцены мифологического характера. Однако сплошное обследование территории показало, что некоторые вновь выявленные комплексы – прежде всего Бурхансай и группы петроглифов напротив Куркуреусу, исследованные в 2000-х гг. экспедицией под руководством М.Е. Елеуова, – значительно превосходят Актобе по количеству изображений.

Основные скопления петроглифов приурочены к хорошо прогреваемым скальным поверхностям, преимущественно юго-западной экспозиции. В хронологическом отношении доминируют изображения раннего железного века, однако заметную долю составляют и петроглифы эпохи средней бронзы, особенно в расширенных частях ущелий (рис. 4, 5). Несколько «центральных» местоположений с петроглифами, расположенных вдоль речки были сформированы в среднюю бронзу. В последующие эпохи были значительно дополнены выбивками в соседних локациях, которые расширили культурный ландшафт Бурхансая. В устьевых зонах представлены более поздние комплексы – от поздней бронзы до раннего железного века.

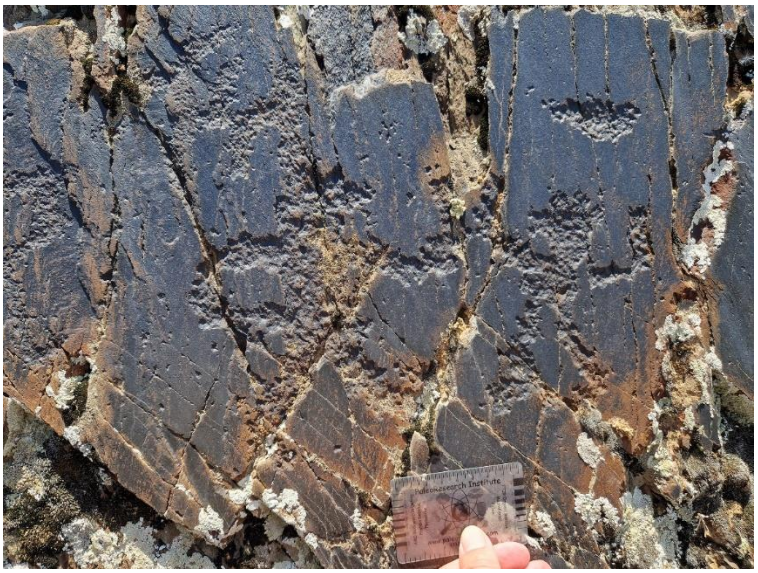

Рис. 4. Сцена ритуального поединка: два «дуэлянта» с оружием, изображённые в масках хищников (волков) и боевых позах. Бурхансай. Фото.

Рис. 5. Лучник, охотящийся на благородного оленя (в центре); изображения козлов эпохи поздней бронзы; бронзовое зеркало и предмет, напоминающий кубок или колесницу (в верхней части композиции); несколько изображений козлов раннего железного века. Бурхансай. Фото. Часть изображений, возможно, перекрыта лишайником.

Иконографический репертуар включает сцены охоты, изображения животных, прежде всего верблюдов и хищников, сцены поединков, а также поздние подражания «звериному стилю». Сквозным сюжетом для различных эпох остаются охотничьи композиции.

Полученные материалы свидетельствуют о длительном и многослойном освоении территории – от эпохи бронзы до раннего железного века и более позднего времени. Петроглифические комплексы отражают не только хозяйственную деятельность древнего населения, но и его символические и мифологические представления. В совокупности ущелья Нижнего Териса представляют собой устойчивый культурный ландшафт, где природная среда была тесно интегрирована в систему сакральных и социальных практик древних обществ. Если петроглифы соседнего ущелья Доланысай – Габаевки были разведаны благодаря сообщениям местных жителей, то петроглифы Бурхансая были выявлены благодаря систематической пешей разведке ущелий Южного Каратау, обрывающихся к руслу р. Терис.

Заключение. Проведённые в 2021–2024 гг. исследования культурных ландшафтов бассейна р. Терис существенно расширили представления о наскальном искусстве южной части Малого Каратау и позволили уточнить место данного региона в системе древних и средневековых коммуникаций Южного Казахстана. В ходе комплексных пеших разведок были обследованы территории верхнего и нижнего течения Териса общей площадью свыше 50 км², выявлены новые комплексы петроглифов, уточнены границы ранее известных памятников и зафиксированы многочисленные сопутствующие археологические объекты – поселения, каменные конструкции, ограды, тамги и поздние надписи.

Исследования показали, что распределение памятников в пределах бассейна Териса носит выраженный локальный характер и напрямую связано с особенностями природной среды. Наиболее насыщенные зоны приурочены к ущельям с патинированными скальными поверхностями, источниками воды, древними тропами и участками сезонного освоения. При этом значительная часть петроглифов располагается не в непосредственной близости от русла реки, а в верхних и средних частях ущелий, образующих систему природных коридоров между плато и долинами.

Сравнение культурных ландшафтов Верхнего и Нижнего Териса выявило заметные различия в структуре памятников и характере их освоения. Для верховьев Териса характерны сравнительно небольшие и разрозненные группы петроглифов, локально со значительным количеством тамг, а

также преобладанием материалов тюркского, позднесредневекового и этнографического времени. Вместе с тем здесь фиксируются отдельные устойчивые центры активности, связанные с ущельями Космурат, Бакаты и Шымбулак. Особенно выделяются ущелья Бакаты, где выявлено свыше 500 изображений раннего железного века, а также Космурат, содержащий редкие поздние изображения и эпиграфические памятники XX в., вероятно связанные с использованием яналифа.

Нижний Терис демонстрирует иную модель культурного ландшафта. Здесь памятники концентрируются в системе ущелий, вытянутых вдоль левого берега реки, тогда как правобережье было более благоприятно для развития поселений, ирригации и земледелия. Именно в этой зоне расположен поселенческий комплекс Актобе, функционировавший с I по III вв. н.э. и связанный с системой раннегородских памятников долины Териса. Такое пространственное разделение указывает на существование взаимосвязанной системы хозяйственного и сакрального освоения территории, где зоны поселений и зоны концентрации наскального искусства дополняли друг друга.

Наиболее значительным результатом исследований стало выявление крупного комплекса Бурхансай, который по количеству изображений существенно превосходит ранее известный памятник Актобе (Габаевка). В Бурхансае зафиксировано более тысячи петроглифов, сосредоточенных преимущественно в средней и нижней частях ущелья. В отличие от Актобе, известного прежде всего мифологическими композициями, для Бурхансая характерно преобладание сцен охоты, изображений животных, верблюдов, поединков и эпизодов хозяйственной деятельности. Вместе с тем часть композиций, вероятно, связана с сакральными представлениями и культовыми практиками. Анализ распределения изображений показывает, что отдельные центральные участки ущелья начали формироваться уже в эпоху средней бронзы, а в последующие периоды культурный ландшафт постепенно расширялся за счёт соседних локаций.

Полученные материалы подтверждают длительное и многослойное освоение южных склонов Малого Каратау – от эпохи бронзы до современности. Основной пласт изображений связан с эпохой бронзы и ранним железным веком, однако традиция нанесения петроглифов не прерывалась и продолжалась в тюркское время, позднем Средневековье и Новое время. Таким образом, наскальное искусство Териса отражает не только хозяйственную деятельность населения, но и устойчивую систему символических, сакральных и социальных представлений, интегрированных в природный ландшафт.

Исследования также показали, что культурные ландшафты Малого Каратау обладают собственной спецификой и отличаются от более известных комплексов Большого Каратау и Чу-Илийского региона. Для них характерны меньшая плотность монументальных скоплений, более выраженная связь с сезонными маршрутами и значительная роль локальных ущелий как центров культурной активности. Это позволяет рассматривать бассейн Териса как самостоятельный локальный центр наскального искусства Южного Казахстана.

Полученные результаты подтверждают высокий научный потенциал дальнейших исследований региона. Наиболее перспективными направлениями остаются полная цифровая фиксация выявленных комплексов, пространственный анализ распределения памятников, изучение тамг и поздних эпиграфических надписей, а также сопоставление материалов Териса с крупнейшими центрами наскального искусства Каратау, Чу-Илийских гор и сопредельных территорий северо-западного Кыргызстана.

В более широком региональном контексте исследуемая территория относится к среднегорной зоне Северо-Западного Тянь-Шаня, где сформировались своеобразные традиции наскального искусства. Их специфика связана с ранними миграциями населения с юга и запада, особенностями природной среды, состава фауны и форм хозяйственной деятельности, а также с включением региона в систему крупных исторических и политических образований Центральной Азии. Все эти процессы нашли отражение в многообразном и многослойном искусстве Малого Каратау.

Список литературы

Акымбек Е.Ш., Талеев Д.А., Шагирбаев М.С., Нургали Н.Б. Новые исследования памятника эпохи Кангюй в долине Терис (по материалам поселения Актобе в Южном Казахстане) // МАИАСП 2024, № 17. С. 183-202.

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Малого Каратау и западной оконечности Киргизского Алатау. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2013. 120 с.

Байтанаев Б.А., Потапов С.А., Грищенко А.Н. Петроглифы Боралдая. Алматы: Кумбез, 2007. 112 с.

Елеуов М., Акымбек Е., Қалиев С., Мургабаев С., Бақтыбаев М. Қаратаудың археологиялық ескерткіштері ғылыми жобаның аралық 2006 ж. есебі// Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Фонд II. Опись 48. Дело № 2779. 155 л.

Железняков Б.А., Акымбек Е.Ш., Железнякова В.Л. Петроглифы Улкен Шабакты, Малый Каратау (исследования 2022 г.). Маргулановские чтения – 2023: Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х т. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2023. 2 том. С. 21-33.

Железняков Б.А., Акымбек Е.Ш., Железнякова В.Л. Петроглифы местности Жолбарыскамал (Малый Каратау) // Поволжская археология 2026 № 1 (55). С. 194-210. https://doi.org/10.24852/pa2026.1.55.194.210

Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977. 232 с.

Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.

Мургабаев, С., Малдыбекова, Л. Семантика антропоморфных образов и сюжетов петроглифов бронзового века Большого Каратау. Вестник КазНУ. Серия историческая, 2025. 118(3), 245–261.

Сенигова Т.Н. Поселение Актобе // Археологические исследования на северных склонах Каратау / АН Казахской ССР; [отв. ред. Е. И. Агеева]... Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1962а. С. 57-82.

Сенигова Т.Н. Поселение Актобе // Археологические исследования на северных склонах Каратау / АН Казахской ССР; [отв. ред. Е. И. Агеева]... Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1962б. С. 87-96.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 231 с.

Agosto M., Carvalho D. Archaeological Landscapes as Literary Landscapes. Estudos do Quaternário // Quaternary Studies. 2025. № 25. Pp. 1–12.

Е.Ш. Ақымбек, Б.А. Железняков

Теріс өзенінің мәдени ландшафттарын зерттеу: Кіші Қаратаудың жартас өнерінің жаңа ескерткіштері

Хабарламада 2022–2024 жылдары Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының қызметкерлері Кіші Қаратаудың оңтүстік беткейлерінде (Теріс өзенінің бассейніндегі Көкжон үстіртінде) жүргізген археологиялық барлау жұмыстарының нәтижелері ұсынылған. Зерттеулер жартас өнерінің жаңа ескерткіштерін анықтауға және олардың табиғи ортамен, ежелгі жолдармен және қоныстармен, сондай-ақ аумақты маусымдық игеру жүйесімен байланысын зерделеуге бағытталды. Жұмыс барысында Теріс өзенінің жоғарғы және төменгі ағысындағы жалпы ауданы 50 км²-ден асатын мәдени ландшафттар зерттелді. Петроглифтердің патиналанған жартас беттері, ежелгі соқпақтар мен су көздері бар шатқалдар жүйесінде шоғырланғаны анықталды. Жоғарғы Терістің ең маңызды кешендері Қосмұрат, Шыңбұлақ және Бақаты (Үлкен және Кіші) шатқалдарында табылды. Төменгі Терістегі суреттер саны бойынша ең ірісі – бұған дейін белгілі болған Доланалы және Күркіреусу ескерткіштерімен қатар, мыңнан астам петроглифі бар Бұрхансай кешені болды. Бейнелеу репертуарында аңшылық көріністері, жануарлар бейнелері және шаруашылық қызметінің эпизодтары басым, ал зооморфтық бейнелердің ішінен түйелердің суреттері ерекше көзге түседі. Алынған материалдар Кіші Қаратауды игерудің б.з.д. III мыңж. соңынан бастау алатын көпқабатты сипатын растайды және Оңтүстік Қазақстанның жартас өнерінің қазіргі заманға дейінгі генезисі туралы түсінікті кеңейтеді.

Түйін сөздер: Оңтүстік Қазақстан; Кіші Қаратау; Теріс өзені; Бұрхансай; Қосмұрат; Ақтөбе (Габаевка); археологиялық барлау жұмыстары; мәдени ландшафт; жартас өнері.

E.Sh. Akymbek, B.A. Zheleznyakov

Study of the Cultural Landscapes of the Teris River: New Rock Art Sites of the Kishi Karatau

The report presents the results of archaeological survey work carried out in 2022–2024 by staff of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology. The research was conducted on the southern slopes of the Lesser Karatau, primarily within the Kokzhot plateau in the Teris River basin. The work was aimed at identifying new rock art sites and studying their relationship with the natural environment, ancient routes and settlements, as well as systems of seasonal land use. During the fieldwork, cultural landscapes of the

upper and lower reaches of the Teris River were surveyed, covering a total area of more than 50 km². It was established that petroglyphs are concentrated within a system of gorges characterized by patinated rock surfaces, ancient paths, and water sources. The most significant complexes in the Upper Teris were identified in the Kosmurat, Shynbulak, and Bakaty (Ulken and Kishi) gorges. The largest petroglyph assemblage in the Lower Teris is the Burkhansai complex, which contains more than one thousand rock carvings. It occupies an important place alongside the previously known Dolanaly and Kurkureusu sites. The iconographic repertoire is dominated by hunting scenes, depictions of animals, and episodes of economic activity. Among zoomorphic representations, depictions of camels are particularly prominent. The materials obtained confirm the multi-layered nature of the development of the Lesser Karatau region from the late 3rd millennium BCE and expand current understanding of the genesis of rock art in Southern Kazakhstan up to the present day.

Key words: Southern Kazakhstan; Kishi (Small) Karatau; Teris River; Burkhansai; Kosmurat; Aktobe (Gabaevka); archaeological survey; cultural landscape; rock art.

А.З. Бейсенов
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан
azbeisenov@gmail.com

Ерейментаудағы Жиенбай қыстауы: ескі құлпытастағы ақпарат және оны шежіре деректерімен, Ф. Щербина экспедициясы материалдарымен байланыстыру нәтижелері*

2025 ж. жазында Ерейментау өңіріндегі Жиенбай қыстауы археологиялық қазбаларға тартылған болатын. Мақалада қыстау жанында орналасқан қорымнан табылған құлпытастағы жазу және ондағы деректерді талдау қорытындылары сөз болады. Қадым үлгісімен түсірілген жазуда осы ауылды мекендеген Жармұхамед Ыбырай ұлы, оның руы айтылып, өмір сүрген жылдары көрсетіледі. Зерттеулер барысында шежіре материалдарынан осы адам табылды. Ф.Щербина экспедициясының жарық көрген материалдарын зерттеу нәтижесінде XIX ғ. соңында оның әкесі Ыбырай қауымның ақсақалы ретінде көрсетілген ауыл (Ақмола облысы, Ақмола уезі, Қоржынкөл болысы) анықталды. Бұл этноархеологиялық нысанды XIX ғ. екінші жартысы мен XX ғ. басында өмір сүрген тарихи ауылмен тікелей байланыстырудың мүмкіндігін беріп отырған алғашқы факті болып табылады. Мақалада Ерейментау өлкесінің табиғаты қысқаша суреттеледі.

Түйін сөздер: Ерейментау, қыстау, Солтүстік Қазақстан, Қоржынкөл, құлпытас, қадым жазуы, шежіре, Ф. Щербина экспедициясы.

2025 ж. мамыр айының соңына таман Ақмола облысында Ерейментау, Сілеті өлкелеріндегі ескі қыстауларды іздестіру және қазбалар үшін ұтымды нысандарды таңдау мақсатында барлау (С.Есен, Д.Шашенов, А.Бейсенов) ұйымдастырылған болатын. Ғылыми топ қарастырып өткен бір қыстаудың дәл іргесінде ескі қорым бар (сур. 1) болып шықты.

Сур. 1. Жиенбай қорымы. Құлпытастың сыртқы көрінісі

Бір қабірде қадым жазуындағы құлпытас кездесіп, жерленген адам, оның қайтқан уақытына, руына байланысты мәліметтер оқылды. Бұл деректердің тарихи маңыздылығын ескере отырып А.З.Бейсенов осы нысанды қазбаға тартуды ұсынды. Ескерткіш «Жиенбай қыстауы» деген атпен тіркелді.

Нысан Ерейментау қаласынан оңтүстік-шығыс бағытта 12 км жерде, тау жотасының дәл шығыс етегінде орналасқан. Одан оңтүстік-шығысқа қарай бір км-дей жерде Жиенбай бұлағының арнасы өтеді. Бұдан тура арығарай екі км жерде суы әлдеқайда мол Қарабұлақ өзені бар. Ауыл іргесінен 13 км солтүстік-шығыста ертеден Қоржынкөл атауымен белгілі суы тұщы көл бар.

Бұдан соң бір ай өте Жиенбайда қазба жұмыстары атқарылды (С.Есен, Д.Шашенов). Этноархеологиялық нысанның орналасқан жері мұқият қаралып, бір үйге аумағы 266 ш. м қазба

* Жұмыс ҚР ҒЖБМ ҒК гранты аясында орындалды, ЖТН AP23490379.

салынды. Жалпы бұл ескерткіштің материалдары кешенді ізденістерге тартылып отыр. Археологиялық зерттеу барысынан хабар беретін мақаладан (Шашенов, Есен, 2026) басқа, қазбадан шыққан мал сүйектерін сараптаудың (Бейсенов и др., 2026), темір бұйымдардың металографиясын анықтаудың нәтижелері (Бейсенов, Паничкин, 2026) баспаға берілді.

Жиенбай қыстауындағы тұрғын үйлер мен қоралардың іргетастары жақсы деңгейде сақталған. Олардың орналасу жүйесі бойынша қыстаудың планиграфиялық ерекшеліктері анықталды. Құрылыс орындары солтүстіктен оңтүстікке қарай ұзындығы 130 м жерді ала орналасқан. Мұнда төрт кешен бар, оның әрқайсысы тұрғын үй мен оған таяу салынған қоралардан тұрады. Төртеудің үшеуінде бір-бірден үй болса, енді біреуінде (№3 кешен) екі үйдің орны бар. Сонда төрт жанұя мекендеген деп саналатын, «усадьба» секілді төрт кешенде барлығы бес үйдің орны сақталған. Қазба №3 кешендегі жалпы нумерация бойынша №3 деп тіркелген үйге салынды (Шашенов, Есен, 2026).

Аталған қорым ауылдың шығысында, ең шеткі үйден 70 м қашықтықта орналасқан. Мұндағы 10-астам шағын тас бейіттің тек біреуінде ғана құлпытас бар (сур. 1). Тастың ұзындығы 1,3 м, ені жоғарыда 0,37 м, төменде 0,33 м, қалыңдығы 0,07 м (сур. 2).

Сур. 2. Жиенбай қорымындағы құлпытас.

Тастың жоғары шетіне жантайта ойылған ай суретінен төменде бес жол құрани тіркестер бар. Мұнда «Кулли нафсин зоикат-ул маут» деген тіркесті ажырату мүмкін болды. Бұл құранның «Әл-Анкабут» сүресінен алынған, осыған дейін Орталық Қазақстан құлпытастарынан бірнеше жерде кездескен аяттың алдыңғы бөлігі. Күллі пенде, яғни әрбір жан иесі өліммен қауышады деген мағына береді. Осының соңынан келуге тиіс «сосын сендер Бізге қайтасыңдар» деген жалғасы берілмей, басқа тіркестер жазылғанға ұқсайды. Бұның астында қазақ тілінде қадым жазуымен сөздер жазылған. Қазақшасын қазіргі жазу үлгісіне түсіргенде мынау шығады:

«Мархұм Жармухамед Ибрай баласы, 1928 жылы 60 жаста фани дүниеден көшті. Қоржынкөл елінен, Өтеміс руынан, Жәнібек тұқымынан. Ей ағалар, менен ғибрат ал. Анадан дүниеге келіп, ахыр орным көр болды. Лә Иллаһа ил Алла Мухаммад расул Алла. Дұға Фатиха».

Қадым – А.Байтұрсынов әліпбиінен бұрын қолданылған, сонау ортағасырлардан жеткен жазу үлгісі. Орта Азиядан алыста, мүлдем бөлек орналасқан татар, башқұрт халықтары да кеңінен қолданған жазу екенін ескере келе, қазіргі уақытта бұны түгелімен «шағатай» немесе «ескі өзбек жазуы» деп айтуға қисынға келмейді (қ.: Бейсенов, 2023б). Кеңес заманына дейінгі түркі тілдес мұсылман халықтарына ортақ жазу үрдісі болғандықтан, «кітаби түркі» болып табылады, ал көп жағдайда қысқа да нұсқа «түрки» (тюрки) деген атау қолданысқа ие. Бұл тұста автор қолданып

отырған «қадым» термині академиялық ғылымда қалыптаспаған, 1960-1980 жылдарға дейін ел арасындағы қазақ қариялары қолданып келген сөз. Қадым жайлы автордың осы сынды пікірлері, кездескен тастарды оқығандағы нақты бір фактілерге қаратыла айтылған ойлары осыған дейін жарияланымдарда ішінара келтірілген. Оларды қайталаудың қажеті жоқ, демек, оқырманға сілтеме береміз (Бейсенов, 2021; 2023а; 2023б; 2024).

Аталып отырған құлпытастағы ақпараттың айрықша маңыздылығы сонда, бұл деректерді баспаға шыққан шежіре материалдарымен және патша дәуіріндегі далалық өлкелерді зерттеуге арналған Ф. Щербина экспедициясының мәліметтерімен байланыстыру жұмыстары жемісті нәтиже берді.

Маңызды деректер танымал өлкетанушы-ғалым С. Байбосын жазған «Ерейментау» және «Қанжығалылар» атты кітаптардан (Байбосын, 2009; 2015) алынды. Біздің өтінішіміз барысында осы автордың еңбектеріне нақты нұсқау берген Ерейментау ауданы Ажы ауылының тұрғыны Жұмабек Рахымбекұлына, ол деректерді жинап, реттеген Дархан Шашеновқа алғыс білдіреміз. Сондай-ақ, «Қанжығалы шежіресі» атты тағы бір дереккөз материалдары қарастырылды (Қанжығалы шежіресі, 2017). Аталған кітаптарда Ереймен өңірінің жер атаулары, олардың тарихта болған адамдармен байланысы, түрлі тарихи оқиғаларға қатысты мол мағлұмат бар. Ұсынылып отырған мақаланың көлемі көтермейтін болғандықтан, бұл тұста олар келтірілмейді. Тек бір фактіні атай кеткен жөн. С.Байбосын академик Ә.Марғұланның «бабасы Олжабай батыр жерленген» Ерейментауда 1947 жылы болғанын айтып, ғалымның жергілікті екі адаммен бірге түскен фотосын берген екен. Көпке белгісіз, ғылыми зерттеулерге шыға қоймаған сурет (Байбосын, 2009, б. 46).

Құлпытаста «Қоржынкөл елінен» деп атап көрсетілген адамның сүйегі «өтеміс руы», «жәнібек тұқымы» делінсе, бұлар арғынның үлкен бір тармағы қанжығалыдан екені белгілі болды. С. Байбосын материалдары бойынша, Өтеміс қанжығалының бір тармағы Есен-Жапардан шығады (Шағалақ-Алдияр-Өтеміс), Өтемістің Есен атты ұлынан Жәнібек туған. Демек Өтемістің немересі Жәнібек болып, ол өз алдына жеке ата ретінде тараған. Құлпытастағы көрсетілген адам осы атадан шығып отыр. Атақты құсбегі Жәнібек кезінде «Құсшы Жәнібек» аталып, оның ұлы Бекше шешен де құс ұстаған (Байбосын, 2009, б. 318).

Ф.Щербина экспедициясының Ақмола облысы Ақмола уезіне арнаған томының соңында «Рулық кестелер» берілген. Мұның қанжығалыға қатысты тұсын қарасақ, Есен-Жапардан «Шагалак» шығарылып, одан «Отемыс» көрсетілген (Родовые схемы, 1907, с. 133). Бұл, әрине, тұтас шежіре емес, қысқаша ғана үстірт мәлімет берген сол кездегі кесте. Бірақ, Өтемістің таратылуы қазақи шежіреден алшақ кетпейтінін көреміз.

1907 жылы жарық көрген дерек пен тақырыппен арнайы айналысқан бүгінгі зерттеушілер жариялап отырған шежіре бұл тұста бірге сөйлейді, мұның өзі сөз болып отырған құлпытастағы ақпаратты тарихи факті ретінде пайдалануға аса зор мүмкіндік береді. Қазақтың құлпытасқа беталды өтірік мағлұмат жазып қоюы мүмкін емес еді, бірақ, оның қосымша дәлелденіп жатуы академиялық ғылым тұрғысынан өзекті болмақ.

Тастағы жазу бойынша Өтемістен, одан бері Жәнібектен тарқайтын Жармұхамед Ыбырайұлы, 1928 жылы 60 жасында өмірден озған. Құдайға қараған адам болды ма, 1929-1930 жылдары келіп, алапат аштық пен сергелдеңге жалғасқан «кәнпеске» мен «жаппай ұжымдастыру» науқанын көрмей кеткен.

2017 жылы жарық көрген «Қанжығалы шежіресі» деректерінде Шағалақтың немересі Өтеміс, Өтемістің немересі Жәнібек тарап, Жәнібектен Тымтәуір (Тімтуір болуы мүмкін, -А.Б.), Қойбағар, Бекше, Елубай, Төкіш, Ізбайыс, Жүзбас атты жеті ұл туады. Тымтәуірден Ыбырайым, Дүйсен, Сымайыл, Арықпан атты төрт ұл. Ал Ыбырайымнан үш ұл – Мақан, Әлжан, Жармағанбет. Жармағанбеттен Әбдіхалық, Әйтеш туған (Қанжығалы шежіресі, 2017, б. 461).

Оқылып отырған құлпытастағы Жармұхамед Ыбырайұлы осы жерде аталған Жармағанбет Ыбырайымұлы, оған күман жоқ. Таста жазылған «Өтеміс» пен «Жәнібек» шежіре деректерінде бұлтартпай дәл тұр.

Ф.Щербина материалдарында қолданылған жүйе бойынша «әкімшілік ауылдар» (административный аул) тіркеліп, олардың әрқайсысының құрамында «шаруашылық ауылдар» (хозяйственный аул) көрсетіледі. Яғни, неғұрлым ірі бөліністер «әкімшілік ауыл» болады да, олар өз кезегінде көлемі анадан әлдеқайда шағын көптеген «шаруашылық ауылдардан» құралады. Ф.Щербина ауылдың екі типін ұстануда, әсіресе, «әкімшілік ауылды» қарастырғанда, өзі жақсы білген орыс қауымы (русская община) тәрізді қазақ қауымын ажыратуды мақсат қылған болатын. Ф.Щербинаның далалық өлкелерді зерттеуге бағытталған экспедициясы барысында қолданған жүйесін, оған қатысты көптеген басқадай сауалдарды түгел талқылауды ұсынылып отырған

мақаланың тақырыбы да, көлемі де көтермейді. Тым күрделі бұл тақырыпты арнайы қарастыру қажет.

Ф.Щербина қолданған жүйеде шаруашылық ауылдар өзара жақын туыс, аталас бірнеше жанұяны біріктіреді де, бұл ауылдар қысқы мекендер болып табылады. Яғни, бір шаруашылық ауыл – жеке орналасқан бір қыстау. Сауалнамалық парақшада міндетті түрде осы ауылдың ақсақалының аты көрсетіліп, ауылдағы жанұялар саны мен мекендеген адамдар саны беріледі, тұрақты үйлер мен киіз үйлер нешеу, су көзі, т.б. маңызды мәліметтер айтылады.

Экспедицияның Ақмола облысы Ақмола уезі Қоржынкөл болысын сипаттаған кітабында (Материалы по киргизскому землепользованию..., 1907) тіркелген №4 әкімшілік ауылға қарасты №9 шаруашылық ауылдың ақсақалының аты «Ибрагим» деп көрсетілген. Мұнда төрт жанұяға бөлінген жалпы саны 30 адам мекендеп, оларда бес тұрақты «шым үй», бес киіз үй және бес «шошала» болған. Су көзі – Қарабұлақ. Төрт түлік мал тарқатылады, шөп шапқан деректері, т.б. мәліметтер айтылады (Поаульные таблицы, 1907, с. 55-56).

Жоғарыда археологиялық тұрғыдан зерттелген Жиенбай қыстауының орналасу сипаттамасы айтылған болатын. Жақсы сақталған іргетастары бойынша, қысқы ауыл біріне бірі жақын, бірақ «усадьба» типімен жекелеп орналасқан төрт кешенге ажыратылады. Төрт кешенде бес үйдің іргелері сақталған. Осы жағдай Ф.Щербина материалындағы «төрт жанұя» мен «бес шым үйге» сәйкес келіп тұр. Басты су көзі делініп отырған Қарабұлақ та орнында. Қоржынкөл болысын Ф.Щербина экспедициясы 1897 жылы зерттеп өткен. Құлпытаста аталып отырған Жармұхамед Ыбырайұлы 1868 жылы туса, 1897 жылы оның жасы 29-да болған. Бұл жаста ол ауыл ақсақалы емес екені түсінікті. Төрт жанұяны біріктіріп отырған қауымның ауыл ағасы оның әкесі Ыбырай болған. Осы жағдай экспедиция материалдарындағы №9 шаруашылық ауылдың ақсақалы (старейшина) «Ибрагим» дегеннен жақсы көрінеді.

Аталған деректерді қорыта келе, құлпытастағы ақпарат бүгінгі шежіре мәліметтерімен және 1907 жылы жарық көрген Ф.Щербина материалдарымен жақсы сәйкеседі дей аламыз.

Адам аттарының түрлі формада жазылуы әлдебір қиындықтар туғызбайды. Жармағанбет пен Жармұхамед бір есімнің екі түрлі формасы. Ыбырай, Ыбырайым мен Ибрагим да тура осылай. Алғашқысы ортағасырлық мұсылманша жазба үлгілердегі Яр-Мухаммадқа барса, екіншісі мұсылманның құрандағы Ибрахим пайғамбарынан, інжілдегі Авраам әулиеден шығады.

ҚР Ақмола облысы Ерейментау ауданында орналасқан, 2025 жылдың жазында археологиялық қазба жасалып, материалдары кешенді зерттеуге бағытталып отырған Жиенбай этноархеологиялық нысаны патша заманындағы Ақмола облысы Ақмола уезі Қоржынкөл болысының №4 әкімшілік ауылына қарасты №9 шаруашылық ауылымен сәйкеседі. Қазір шым басқан қиранды түріндегі этноархеологиялық нысандарды XIX ғ. екінші жартысы-XX ғ. басында өмір сүрген тарихи ауылдармен сәйкестеу қиынның қиыны болмақ. Бұл өзі бірінші факті.

Этноархеологиялық нысан мен тарихи ауылды сәйкестеуге мүмкіндік беріп отырған негіз неде? Ол – құлпытастағы тарихи ақпаратта. Этноархеологиялық нысан – Жиенбай қыстауы сипаты бойынша әлдебір бай қауымдарға сілтемейді. Зерттеліп отырған нысан орта деңгейдегі шаруалардың өмірінен хабар береді.

Ф.Щербина материалдары бойынша, 1897 жылы Ыбырай ауылында төрт жанұя өмір сүріп, олардың 148 бас малы болған. Бір қызықты жайт ірі қара санынан шықты. Ф.Щербина экспедициясы деректерінде 148 бастың 29-ы, яғни 19,6% сиыр малы (Поаульные таблицы, 1907, с. 56). Жиенбай қыстауынан қазба барысында табылған мал сүйектерін палезоологиялық сараптама салу нәтижесінде сиыр малының көрсеткіші 45,2% болды (Бейсенов и др., 2026). Ф.Щербина экспедициясының мал санағы бойынша мәліметтерін біз қазір нақтылай алмаймыз. Кезінде сұрақ-жауап бойынша жазылып алынған мәліметтердің қаншалықты дәл екенін айту қиын. Бұрынғының қазағы бөтенге малының, балаларының санын дұрыс айта қоймаған. Сонымен қатар, экспедиция басшысы, Ресей земстволық статистикасының негізін қалаушылардың бірі, өз заманындағы ғылыми-статистка саласының аса ірі қайраткері Федор Щербина тым қате мәліметтерді жинап алды деп кесіп айту да мүмкін емес. Ал бүгінгі этноархеозоологиялық сараптама нақты талдау арқылы жасалып отыр. Бұған қарасақ, Жиенбай қыстауынан табылған сүйек табындағы малдың ең көбі сиыр болғанын көрсетеді, екінші орында жылқы, одан соң қой-ешкі.

Этноархеозоологиялық сараптама деректері Жиенбай қыстауы тұрғындарының сиырды көп ұстаған, жалпы отырықшылық үрдіске нақты бет бұрған қауымдарға жақын екенін айғақтайды. 1907 жылғы сауалнамада Ыбырай ауылы малға шөп дайындағаны көрсетілген. Атап айтсақ, төрт қожалық жаз маусымында 190 көпене шапқан. Шабындық телімдері негізінен екі жерде болған да, олар ауылдан 3 верста қашықтықта орналасқан. Шөпті түгел өздері шапқан, сатып алмаған. Оның

ішінде, үш қожалық (жанұя) өздері шапқан, енді біреуі адам жалдаған. Жалданған жұмыскер саны біреу (Поаульные таблицы, 1907, б. 57). Этноархеозоологиялық сараптаманы атқарған маман П.А.Косинцев талдауға түскен сүйек арасында сиыр кеміргендері біршама екенін анықтауы нәтижесінде мұндағы ірі қара ауыл территориясында ұсталған деген байыпты қорытындыға келді (Бейсенов и др., 2026). Шабындық 3 верста жерде десе бұл ауыл іргесі, алысқа ұзамаған. Аталған қашықтықты, яғни 3 км шамалы жерді межелесек, ЫбырайауылыШөптіҚарабұлақ өзені бойынан шапқан деген қорытынды жасай аламыз. Жазда шөптіқыстаудан 3 км жерде шауып отырған ауыл жайлауға алысқа көшпеген болуы керек.

Сиыр ұстаған, шөп дайындаған, жалдамалы жұмыскер қолданған ауылдың тұрмыс-тіршілігінен алғашқы ғана деректер алынып отыр. Ереймен маңы Қазақстанның солтүстік бөлігіне таман орналасқан атыраптар. Табиғаты да теріскейге тән, ылғал көп, шымы қалың, шөп жамылғысы жақсы. Ерейменде этноархеология саласы бойынша кешенді зерттеулер жалғасқан күнде, кібіртіктеп айтылып отырған тұспалдардың ауқымы үлкейе бермек.

Ыбырай мен оның ұлы Жармағанбеттің ауылы орта шаруалар санатына жататын қауымдарды көрсетеді деуге болады. Қадым жазулы құлпытас осыбір орта жайында бірсыпыра нәрсені аңғартады. Көктас ертеректе жасалып отырған, бай жанұяларға тән тастар секілді сонша сәнді, ірі емес. Шеберханада жасалмаған. Оның көлемі де, жазудың мазмұны да ірі байларға қойылған тастардағыдай емес. Бұл, бір жағынан, қазақтың жағдайы өзгерген кездің (1928) мүмкіндігінен де шығуы мүмкін. Сонымен қатар, тастың өзінің қойылуы бұл ауылда оқу-білімге деген ықыласы мен түсінігі бар адамдар тұрғанын айғақтай алады. Тасты Жармағанбеттің ұлдары қойды ма, 1928 жылдан кейін келген аласапыранда ол адамдар не болды, бұл жағы, әрине, қазір белгісіз.

Археологиялық барлау сапарларында жиі кездесіп жататын ескі көктастарды ғылыми айналымға енгізудің өзектілігі жоғары. Этноархеологиялық ізденістер саласын, әсіресе, ескі қыстауларға жақын орналасқан құлпытастарды айтқанда, бұл ерекше маңызды болмақ. 2025 жылдың мамыр айындағы барлау кезінде табылған Жармағанбет көктасы археологиялық қазба үшін осы Жиенбай этноархеологиялық нысанын таңдауға себеп болып еді. Бұл өз нәтижесін де беріп отыр.

Этноархеологиялық зерттеулер Қазақстанда, әсіресе, соңғы кезеңде айтарлықтай үдеп келеді (Дукомбайев, 2020; Тлеугабулов, 2021; 2025; Бейсенов, Шашенов, 2022; Шағырбаев және т.б., 2022; Шашенов, Бейсенов, 2023; Ганиева, Сакенов, 2024). Әр түрлі өлкелерден зерттелетін, тіпті, аралары жүздеген шақырым қашық жатқан ескі ауылдардың этнографиялық және археологиялық тұрғыдан өзара жақындықтары да, өзгешеліктері де болуы мүмкін. Ал бір өлкеде тараған, өзара жақын орналасқан ескерткіштерді зерттеу нәтижені молырақ берсе керек. Ерейментау өңірінен Жиенбай (Шашенов, Есен, 2026) мен Жиенқұл (Тлеугабулов, 2025) қыстаулары қазылды, Ақылбек пен Қойтас қыстауларының жалпы орналасу ерекшеліктері қарастырылып, сонымен қатар, шурфтан көміртегілік даталар алынды (Бейсенов и др., 2026). 2025 жылы Жиенбай қыстауын зерттеу шараларына қатысқан ғылыми топтың (жоба жетекшісі С.Есен) жоспары бойынша, үстіміздегі жылы осы маңайдан тағы бір қыстауды зерттеу көзделуде. Этноархеологиялық ізденістердің үдеуін айта отырып, олар тек қазбамен шектелсе, заманауи нәтижелер болмайтынын да ескеру керек. Бұл саланың болашағы пәнаралық ауқымдағы, мазмұнды, кешенді зерттеулерде.

Ереймен өлкесі қазақты даңқты батыры Бөгенбай Ақшаұлы мен Сақұлақ би сынды біртуар қайраткерлердің есімімен тығыз байланысты, қазақтың әсем отаны үшін болған небір қанды шайқастардың бел ортасы болған атыраптар. Қазақ «Ерейменнің жазығы» деп атап қалдырған жерде Сағынайдың асы болып, Құлагер сол маңайда жығылған делінеді. Айдауда жүрген Иманжүсіп өзі туып-өскен, саят құрып аң аулаған жерлерін атай отырып, «Көзіме бір көрінші, Ерейментау» деген екен. Геоморфология ғылымында аралды аласа тауларға жатқызылатын (островные низкогорья) Ерейментау өлкесінің табиғи қасиеттері де атай өтуге тұрарлық.

Негізгі аумағы бүгін «Бұйратау» мемлекеттік қорығына еніп отырған Ерейментау таулы өлкесі Сілеті мен Өлеңті өзендерінің арасында, оңтүстіктен солтүстікке созыла жатыр, ұзындығы шамамен 100 км, ал ені жалпақтау жерінде 30 км. Ең биік нүктесі 901 м болатын жотаның солтүстікте жатқан үлкен бөлігі Ақмола облысының, ал оңтүстіктегі шеті Қарағанды облысының құрамында . Көде-селеу мен басқадай шөп, бұта, ағаш түрлері кең тараған Ерейменде жалпы 450 өсімдік түрі анықталған. 227 түрлі құстың 13-і «қызыл кітаптаптағылар». Барлығы 45 түрлі сүтқоректі мекендесе, оның ішінде негізгі табиғи популяциясынан бөлініп шыққан ерейментау арқарлары, сондай-ақ, жаңадан жерсіндірілген марал ерекше қызықты (Әбдірахманов, 2001; Буйратау, интернет-ресурс). Мұнда тал, бұта тоғайлары жиі, аққайың мен көктерек шоқ ормандары

бар, ал қара қандыағаш (черная ольха) өскен реликті ормандары (Рачковская, 2004, с. 72) Ерейментау табиғатының тым ерекше бір бояуы болып табылады.

Жоғарыда аталған «Ерейменнің жазығы» таулы өлкеден солтүстікке қарай, Сілеті бойын ала жатқан болса керек. Қыстаққа қолайлы тау-төбелі жоталардың іргесінде жылдың жылы маусымдарында қонатын ағын сулы үлкен жазықтардың болуы бақташы қауымдар тіршілігіндегі қыстау мен жайлау жүйесіне оңтайлы келеді. Қалай дегенмен, Ереймен этноархеологиялық ізденістер жүргізуге тиімді өлке.

Әдебиеттер тізімі

Әбдірахманов С. Ерейментау // Қазақстан. Ұлттық энциклопедия. Том 3. Алматы: Қазақ энциклопедиясының Бас редакциясы, 2001. Б. 392.

Байбосын С. Ерейментау. Астана: Фолиант, 2009. 296 б.

Байбосын С. Қанжығалылар. Павлодар: Типография Сытина, 2015. 524 б.

Бейсенов А.З. Әлихан Бөкейханов ата қорымы Талдыбейіттегі құлпытастар // Қазақстандағы археологиялық зерттеулер. 2021. Астана: ҚР Ұлттық музейі, 2022. Б. 215-221.

Бейсенов А.З. Жақып Ақбаев әулетіне қарасты бес құлпытас // XV Оразбаев оқулары. Алматы: Қазақ университеті, 2023а. 152-162 б.

Бейсенов А.З. Поездка в Милыбулак, Центральный Казахстан: обследование курганов с «усами» и руин зимовок, чтение старинных кулпытасов. Уфимский археологический вестник. 2023б. 1. С. 109–127.

Бейсенов А.З. Орталық Қазақстан: Кеңестас өлкесіндегі екі тас тізбекті оба мен бір ескі құлпытас деректері // XVI Оразбаев оқулары. Алматы: Қазақ университеті, 2024. Б. 76-81.

Бейсенов А.З., Косинцев П.А., Шашенов Д.Т. Зимовка Жиенбай у горы Ерейментау: результаты этноархеозоологического исследования, вопросы датировки // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026 (баспада).

Бейсенов А.З., Паничкин А.В. Зимовка Жиенбай, Ерейментау: результаты металлографического анализа железных изделий // Археология Казахстана. 2026. (баспада).

Бейсенов А.З., Шашенов Д.Т. Қазақ қыстаулары бойынша Орталық Қазақстанда 2021 жылы жүргізілген археологиялық зерттеулер // Қазақстандағы археологиялық зерттеулер. 2021. Астана: ҚР Ұлттық музейі, 2022. Б. 235-240.

Буйратау //https: ru.wikipedia.org/wiki /Буйратау_(национальный_парк). Дата обращения 25.04.2026.

Ганиева А.С., Сакенов С.К. Оседлая жизнь на просторах степного Казахстана: эволюция культуры и хозяйства //Маргулановские чтения –2024. Алматы: Институт археологии им. А.Х.Маргулана, 2024. В 2-х т. Т. 2. С. 139–151.

Дукомбайев А. Т. Раскопки казахского поселения Саркырама // Сакральный ландшафт Сарыарки: коллективная монография. Нур-Султан, 2020. С. 136–158.

Қанжығалы шежіресі. Құраст. Ғ.Умаров, Қ. Әлімжан. Астана: «РЕГИС-СТ Полиграф», 2017. 560 б.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Акмолинский уезд. Т. III. С-Петербург, 1907.

Поаульные таблицы // Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Акмолинский уезд. Т. III. С-Петербург, 1907. С. 1-293.

Рачковская Е.И. Флора и растительность // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. Алматы: Эверо, 2004. С. 65-77.

Родовые схемы // Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область. Акмолинский уезд. Т. III. С-Петербург, 1907. С. 125-141.

Тлеугабулов Д. Т. Раскопки этнографического поселения Козыкош в Акмолинской области // Қазақстандағы археологиялық зерттеулер. 2021. Астана: ҚР Ұлттық музейі, 2022.С. 25–29.

Тлеугабулов Д. Т. Поселение Жиенкул в Ерейментауском районе: результаты исследований 2022 г. //Қазақстандағы археологиялық зерттеулер. 2022-2024. Астана: ҚР Ұлттық музейі, Ә.Марғұлан ат. Археология институты, 2025. С. 22-25.

Шағырбаев М., Ғаниева А., Сәкенов С. Нұра-Есіл аралығындағы қазақтардың XIX–XX ғасырдың басындағы шаруашылығы (Бозоқ II қыстауының остеологиялық материалдары бойынша) // Археология Казахстана. 2022, № 1. Б. 146-163.

Шашенов Д.Т., Бейсенов А.З. Әлімхан Ермеков әулетінің Бөріктас қыстауындағы археологиялық зерттеулер// XV Оразбаев оқулары. Алматы: Қазақ университеті, 2023. Б. 136-146.

Шашенов Д., Есен С. Жиенбай қыстауындағы археологиялық зерттеулер // Мәдени мұра. 2026 (баспада).

A.Z. Beisenov

Zhienbay Wintering near Mount Ereimentau: information on a tombstone and the results of its comparison with data from "Shezhire" and materials of F. Shcherbina's expedition

In the summer of 2025, archaeological excavations of the ruins of the winter village of Zhienbai were conducted in the Yereymentau district of Akmola region. This article discusses the results of a comprehensive analysis of the inscription on a tombstone found in a cemetery near the settlement. The inscription, written in the "kadym style", contains information about a man named Zharmukhamed Ibrayuly, from the clan of Zhanibek, and specifies his years of life. During the research, this man was identified in genealogical material – "shezhire". A study of the published materials of F. Shcherbina's expedition identified the winter settlement as a historical settlement in the Korzhynkul volost of Akmola district of Akmola region, where his father, Ibray (Ibrahim), was listed as the elder of this community in the late 19th century. This is the first fact that has made it possible to directly link the ethnoarchaeological site with the historical settlement of the Kazakhs of the second half of the 19th - early 20th centuries. The publication provides a brief overview of the natural conditions of the Yereimentau lowlands, it is important to search for these finds, as well as study archival materials from those years.

Key words: Ereimentau, wintering, Northern Kazakhstan, Korzhynkol, tombstone, inscription "kadym", genealogy ("shezhire"), F. Shcherbina's expedition.

А.З. Бейсенов

Зимовка Жиенбай у горы Ерейментау: информация на старинном надгробии и результаты его сопоставления с данными шежире и материалами экспедиции Ф. Щербины

Летом 2025 года в Ерейментауском районе Акмолинской области проводились археологические раскопки руин зимнего аула Жиенбай. В статье обсуждаются результаты комплексного анализа надписи на старинном надгробии, найденном на кладбище возле поселения. Надпись, выполненная в стиле «кадым», содержит сведения о человеке по имени Жармухамед Ибрайулы из поколения Жанибек, указывает годы его жизни. В ходе исследований данные этого человека были обнаружены в генеалогических материалах - шежире. В результате изучения опубликованных материалов экспедиции Ф. Щербины, исследованная зимовка была идентифицирована с историческим аулом в составе Коржынкульской волости Акмолинского уезда Акмолинской области, где его отец Ибрай (Ибрагим) числился старейшиной данной общины в конце XIX века. Это первый факт, позволивший напрямую связать этноархеологический объект с историческим поселением казахов второй половины XIX – начала XX вв. В публикации дано краткий обзор природных условий низкогорья Ерейментау.

Ключевые слова: Ерейментау, зимовка, Северный Казахстан, Коржынколь, надгробие, надпись «кадым», генеалогия (шежире), экспедиция Ф. Щербины.

Ж-М. Деом, Р. Сала
Казахский национальный университет имени аль-Фараби
Алматы, Казахстан
ispkz@yahoo.com

Сезонные стоянки и хозяйственное освоение охотничьих загонов (аранов) Устюрта: по материалам памятников Чинка Кендирлисор*

Плато Устюрт представляет собой один из наиболее плотных и сложно организованных антропогенных охотничьих ландшафтов в мире, характеризующийся разветвленной сетью «пустынных кайтов» (охотничьих ловушек), предназначенных для добычи диких копытных. В данном исследовании рассматриваются пространственное распределение и функциональная эволюция этих сооружений на основе комплексной базы данных, включающей более 1550 ловушек, разделенных на семь выраженных морфологических типов.

Центральное место в этой системе занимает чинк Кендирлисор, где стратегическое сочетание естественных скальных обрывов и каменных загонов обеспечивало специализированный отлов диких баранов (уриалов). Напротив, на продольных участках центрального плато представлена разнообразная палитра ловушек, при сооружении которых сочетались каменные конструкции и грунтовые рвы.

Путем анализа взаимосвязи между сезонными стоянками и этими охотничьими объектами в районе Кендирлисора авторы формируют концептуальную основу для экстраполяции характера хозяйственного освоения Устюрта в рамках «длинной временной протяженности» (la longue durée). Полученные результаты указывают на высокоорганизованную, многопериодную систему жизнеобеспечения, которая превратила плато в персистентный (устойчивый) ландшафт загонной охоты. Данный пространственный анализ не только проясняет механику функционирования систем «аранов», но и определяет место Устюрта в более широком глобальном контексте масштабных доисторических и средневековых ловчих комплексов.

Ключевые слова: плато Устюрт, араны, чинк Кендирлисор, сезонные стоянки, охотничий ландшафт, хозяйственное освоение.

Введение. С момента их первого обнаружения военными топографами Российской империи в Арало-Каспийском регионе в 1825 году (Первые 1963) и вплоть до их включения в 2025 году в номинационное досье плато Устюрт для Списка всемирного наследия ЮНЕСКО (Gov.kz 2025), документированное разнообразие и ареал пространственного распределения ловушек для диких копытных на территории Казахстана неуклонно расширялись. В настоящее время реестр охотничьих загонов (аранов) в Арало-Каспийском регионе насчитывает 1540 зафиксированных объектов; еще 15 аналогичных ловушек выявлены в Арыскум-Улытауском районе на северной периферии бассейна Сырдарьи. Таким образом, предварительное общее число ловчих сооружений в Казахстане составляет 1555 единиц, что выводит страну на второе место в мире после Сирии по плотности концентрации «пустынных кайтов» в Глобальном инвентаре кайтов (Global Kites Inventory; Barge et al 2025).

Данные сооружения могут быть классифицированы по семиосновным морфологическим типам (Рис. 1). Наиболее распространенную категорию представляют стреловидные планировки (тип 1, 22% от общего числа зафиксированных объектов), которые часто сочетаются со сходящимися направляющими стенами («усами») и содержат одну или несколько ям-ловушек, расположенных в вершинах углов загона. Еще три типа являются морфологическими вариантами этой «классической» конфигурации:

1. **Причинковые загоны** (тип 2, 20%), в которых обрыв плато (чинк) интегрирован в качестве конструктивного элемента самого загона;
2. **Мысовые загоны** (тип 3, 20%), предназначенные для перекрытия выступов (мысов) плато;
3. **Двойные стреловидные планировки** (тип 4, 9%), состоящие из двух соединенных между собой классических загонов, образующих более крупную композитную структуру.

Все эти объекты сооружены из каменных выкладок и относятся к широкой категории «пустынных кайтов» (desert kites), задокументированных в аридных зонах Афро-Евразии.

* Проект реализован в рамках грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (проект № AP26199955).

Оставшиеся три категории представляют собой рвовые загоны, лишенные каменных конструкций. К ним относятся U-образные ловушки (тип 5, 21%), а также загоны в форме «акульего плавника» и овальные ловушки (типы 6 и 7, по 4% каждый). На сегодняшний день они выявлены исключительно методами дистанционного зондирования, обладают минимальной визуальной выраженностью на земной поверхности и могут представлять собой быстро возводимые временные охотничьи приспособления, уникальные для Казахстана.

Выделенные категории ловушек тесно коррелируют с топографической структурой плато Устюрт. Если первые три типа локализованы непосредственно в пределах чинка или вдоль его краев, то остальные четыре категории распределены по самому плато, образуя в некоторых случаях непрерывные цепи, предназначенные для перехвата миграционных путей популяций целевых копытных.

Опираясь на зафиксированные в зоологических исследованиях модели сезонного распределения этих видов, первые три типа ловушек обычно интерпретируются как устройства, предназначенные для отлова дикого барана (уриала), чьи перемещения локализованы преимущественно между нижним и верхним ярусами чинка. Напротив, предполагается, что двойные стреловидные и U-образные загоны были ориентированы на добычу сайгака и джейрана — видов, совершающих протяженные сезонные миграции по плато. Последние две категории ловушек могли предназначаться для охоты на куланов, чьи миграционные пути, как считается, пролегали по продольным маршрутам вдоль восточной и северной окраин плато.

В соответствии с этими топографическими и типологическими особенностями охотничьи сооружения Устюрта были разделены на 16 районов. Доминирующее типологическое трио, состоящее из связанных с чинком аранов, охватывает периметр плато от района 3 до района 14. Районы 1–2, 15 и 16 расположены на самом плато или на менее крутых участках его окраин и состоят из ловушек четырех последних типов. Араны Арыскум-Улытауского региона относятся к 1-му и 4-му типам.

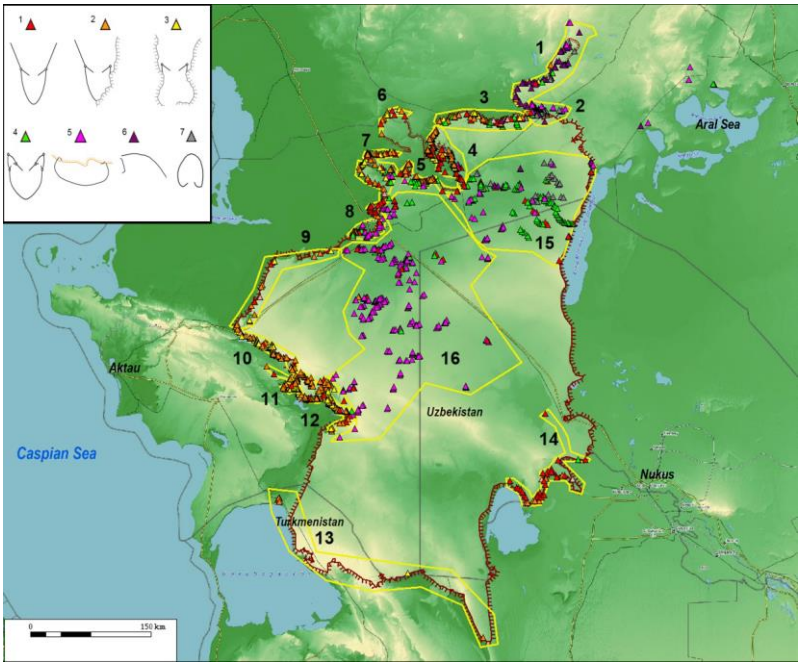

Рис. 1. Карта распространения аранов на плато Устюрт. В рамке: типология ловушек.

1. Археологическое изучение устюртских аранов. Систематическое археологическое изучение охотничьих сооружений Устюрта было начато археологом В. Н. Ягодиным в рамках целого ряда специализированных экспедиций; сам исследователь закрепил за этими объектами термин «стреловидные планировки». В 1970-х годах он приступил к документированию линий двойных стреловидных ловушек на плато Устюрт – на северо-восточном чинке, к западу от мыса Дуана. В 1980-х годах им были зафиксированы «классические» ловушки, расположенные на юго-восточном чинке вдоль границы с Туркменистаном. В 1985 году Ягодин задокументировал скопление ловушек во внутренних районах плато в урочище Жарынкудук, а в 1988 году – группу из 12 ловушек на чинке Карамая над солончаком (сором) Кендирлисор (Ягодин 1991).

В. Н. Ягодин предложил периодизацию функционирования устюртских ловушек, выделив 5 хронологических этапов:

1. Сако-массагетский период / время сооружения каменных ящиков (вторая половина I тыс. до н. э.);
2. Алано-сарматский период (III–IV вв. н. э.) – оба этих наиболее ранних этапа соотносятся с ловушками 4-го типа, локализованными в зоне 15;
3. Период джетыасарской и кердеринской культур (VII–IX вв. н. э.);
4. Огузский период (IX–XI вв. н. э.);
5. Туркмено-кипчакский период (XIII–XIV вв. н. э.) – ловушки трех последних периодов широко распространены в остальных районах.

Дополнительные сведения были получены зоологом К. Н. Плаховым, который в конце 1980-х годов во время учета популяции устюртского муфлона обнаружил новые «кайты» вдоль западного и северного чинков.

В ходе авиаразведочных работ, проведенных Лабораторией геоархеологии (ЛГА) Казахстана в 2007–2008 годах, было зафиксировано 40 новых «кайтов», расположенных в виде трех изолированных скоплений вдоль северного чинка в урочище Донгызтау (Deom и Sala 2009).

В 2013 году В. Н. Ягодин и С. С. Амиров методами дистанционного зондирования выявили на плато Устюрт новые типы рвовых загонов (типы 5 и 7), на долю которых приходится до четверти (1/4) от общего числа устюртских аранов (Amirov и др. 2015).

В 2013 и 2016 годах в рамках международного проекта *Global Kites* совместная франко-казахстанская экспедиция (Национальный центр научных исследований Франции [CNRS] и Лаборатория геоархеологии Казахстана [ЛГА]) провела исследование ловушек юго-западного чинка над сором Кендирлисор на участке от Босжиры до Кокесема (всего 143 коша/арана). Работа включала дистанционное зондирование, полевые изыскания, определение абсолютной хронологии и статистический анализ. Непосредственно на территории Устюртского государственного природного заповедника исследователи обследовали 37 ловушек, 10 из которых (отобранные как репрезентативные образцы первых пяти морфологических типов) стали объектами детального изучения. В ловчих ямах пяти таких сооружений были заложены шурфы для отбора проб на радиоуглеродный анализ.

Среди датированных сооружений двойной стреловидный аран, расположенный в 6 км к востоку от Кокесема, показал дату в пределах VIII–VI вв. до н. э., а классический аран к югу от Кокесема был датирован XVI–XVII ввами н. э. (Barge et al. 2016). Неопубликованные результаты обработки проб 2016 года из еще 8 ловчих ям расширяют этот хронологический диапазон: медианные значения AMC-датирования (ускорительной масс-спектрометрии) укладываются в промежуток от VI века до н. э. до X века н. э.

2. Сезонные стоянки Кендирлисора. В ходе полевых исследований, проведенных в 2013 и 2016 годах, была выявлена серия сезонных стоянок, функционально связанных с охотничьими сооружениями вдоль чинка Кендирлисор. Данные поселения представляют собой эфемерные жилые комплексы (*журты*), обустроенные на возвышенных позициях, с которых открывался панорамный обзор на араны.

В пределах 50-километрового сектора юго-западного уступа плато Устюрт, расположенного над впадиной Кендирлисор (в границах Устюртского государственного природного заповедника), было задокументировано 12 сезонных стоянок. Эти памятники занимают приподнятые террасы на расстоянии от нескольких сотен метров до примерно 2 км от ловушек. На стоянках зафиксированы основные элементы временных жилых комплексов, включая каменные выкладки-перегородки, неглубокие колодцы (*эспе*) с кольцевидными каменными обкладками устья, а также разнообразный археологический материал: фрагменты керамики, предметы бытовой утвари, орудия труда, литические (каменные) артефакты и фаунистические остатки. В совокупности эти материалы дают ценную информацию о хозяйственной деятельности и системах жизнеобеспечения, связанных с данными сезонными поселениями. Каждая изолированная или парная охотничья стоянка была систематически внесена в специализированную базу данных с фиксацией архитектурных особенностей и артефактов, что позволило частично реконструировать пространственную организацию и функции этих объектов.

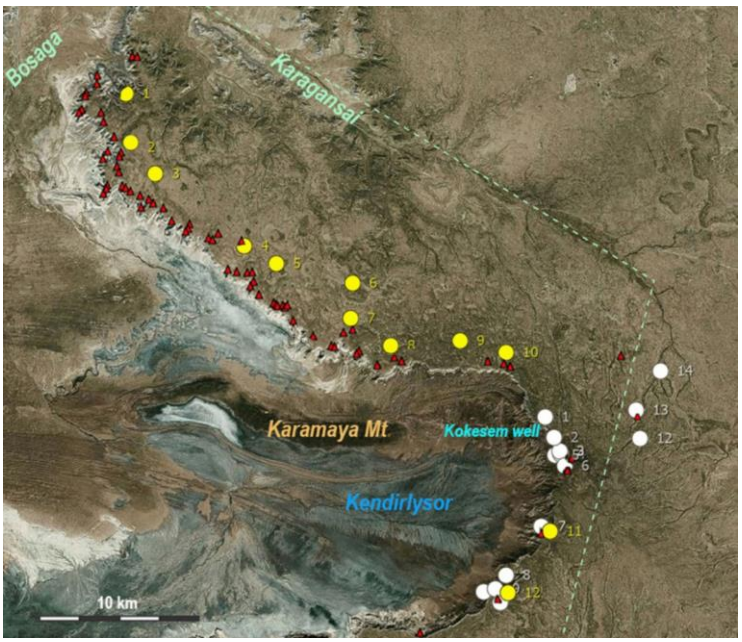

Рис. 2. Спутниковая карта расположения стоянок на чинке Кендирлисор в районе горы Карамая. Желтые точки – журты (охотничьи стоянки); белые точки – скотоводческие поселения и стоянки караванов. Красный треугольник – аран. Пунктирная линия – граница территории Устюртского государственного природного заповедника.

Параллельно с охотничьими стоянками, напрямую связанными с аранами, на той же территории было выявлено еще 14 поселенческих объектов, большинство из которых сосредоточено вокруг колодца Кокесем. Несмотря на то, что они также расположены в непосредственной близости от аранов (а в некоторых случаях в их архитектуре вторично использованы камни из конструкций ловчих сооружений), эти поселения, по-видимому, представляют собой преимущественно остановочные пункты (стойбища) на караванных путях и маршрутах кочевания пастушеских общин, в силу чего в настоящей работе они не рассматриваются. Тем не менее, все 26 задокументированных сезонных поселений, рассредоточенных вдоль 50-километрового участка чинка Кендирлисор, служат весомым свидетельством моделей сезонной мобильности и регулярного освоения плато Устюрт местными сообществами.

Анализ 12 охотничьих стоянок, связанных с аранами

а) Расстояние от стоянки до ловчего сооружения. Все стоянки локализованы на периферии пастбищных угодий, окружающих загоны, куда муфлоны ежедневно приходили на выпас. Первые 10 объектов занимают панорамные позиции под уступом плато, на среднем расстоянии 0,9 км от ловушек, что позволяло легко отслеживать перемещения дичи. Последние 2 памятника расположены на краю плоского такыра, скрытого от глаз муфлонов, пасущихся у края чинка вблизи загонов.

б) Занимаемая площадь. Контур стоянок в среднем охватывает площадь около 0,3 га. Они отчетливо выделяются на местности благодаря густой растительности, представленной горелой полынью и адыраспаном (гармала обыкновенная, *Peganum harmala* – растение-индикатор, появляющееся исключительно в местах стоянок домашнего скота), что контрастирует со скудной травянисто-кустарниковой растительностью прилегающей территории. Культурный слой на этих стоянках повсеместно сложен рыхлым грунтом с обилием нор грызунов. Журты 3 и 4 состоят из двух жилых зон каждый: в первом случае они удалены друг от друга на 500 м, во втором – на 150 м, что позволяло визуально контролировать более крупные группы ловушек в западном и восточном направлениях соответственно. Журт 6 является самым крупным поселением (0,9… га), наиболее удален от ловушек и стратегически расположен на самой высокой отметке (240 м) чинка Кендирлисор (при средней высоте ~200 м), благодаря чему с этой стоянки открывался обзор более чем на десяток аранов. На четырех памятниках также обнаружены погребения, расположенные на вышележащем уступе или на краю самой стоянки.

Можно предположить, что каждая охотничья стоянка (в среднем 0,3 га, или 55х55м) могла вмещать в среднем до двух семей или двух юрт по 6 человек в каждой (около 12 человек на

поселение). Таким образом, общая численность населения 12 стоянок могла составлять около 144 человек.

в) Строительный материал. За исключением журтов 9 и 10, где каменный материал отсутствует, все поселения включают от одного до нескольких рядов каменных (иногда круговых) стен, разделявших жилое пространство. Известняковый материал легко добывался из коренных пород плато, особенно на уступах и в оврагах его окраин.

г) Водоснабжение. Большинство стоянок приурочено к выположенным участкам, где сооружались неглубокие колодцы (*эспе*, глубиной около 2 м), собиравшие дождевые и талые воды, стекавшие из-под уступов плато. Большинство памятников также расположено на границе глинистых понижений (такыров), причем некоторые из этих неглубоких колодцев выкопаны непосредственно в их центральной части (*хаки*).

Таблица 1. Характеристики охотничьих стоянок, связанных с аранами на чинке Кендирлисор

№	**Название**	**Дистанция до арана (км)**	**Площадь (га), размеры (м)**	**Строительный материал**	**Водоснабжение**	**Хронология ****	**Наличие кремня ***
1	*Табана та 86*	1.4	0.25 (50x50)	фрагменты круговых стен	овраг для сбора воды, такыр	БВ, РЖВ, НВ	2
2	*Табана та 87*	0.5	0.36 (60x60)	разрушенные линии валунов	водосборный бассейн (эспе) и каменное кольцо (*айкел*)	РЖВ, РС, НВ	3
3	*Карамая 88*	0.95	0.4 (2x 50x40)	разделение стоянки каменными загонами и глинобитными стенами	круглая копань (эспе), небольшое каменное корыто (астау), каменная крышка (айкел)	БВ, РЖВ, РС, ПС, НВ	3
4	*Карамая 95*	1.2	0.5 (2x 50x50)	полукруглые стены	такыр к западу, круглая копань (эспе)	БВ, РС, ПС, НВ	1
5	*Карамая 96*	1.5	0.25 (50x50)	разбросанные валуны	такыр к югу	НВ	0
6	*Карамая 99*	2.1	0.9 (150x60)	несколько четырехугольных конструкций	каменное корыто (астау), каменная крышка (айкел)	ПС, НВ	1
7	*Карамая 100*	0.19	0.14 (35x40)	каменная стена, разбросанные валуны	неясно	ПС, НВ	2
8	*Карамая 102*	0.25	0.04 (20x20)	несколько рядов камней	неясно	НВ	1
9	*Кокесем 104*	1.6	0.18 (45x40)	каменный материал отсутствует	такыр и родник	НВ	1
10	*Кокесем 109*	0.2	0.25 (50x50)	каменный материал отсутствует	окраина такыра, 2 каменные	РС, ПС, НВ	1

					крышки (айкел)		
11	*Кокесем 125*	0.4	0.12 (35x35)	каменные линии и каменные насыпи	окраина такыра	НВ	1
12	*Кокесем 128*	0.4	0.25 (50x50)	несколько четырехугольных стен	окраина такыра, разбитое каменное корыто (астау)	НВ	1
average		0.9	0.3 (55x55)	разделяющие стены	*такыр, айкел, эспе, астау*	НВ, ПС, РС, ЭБ, РЖВ	

* градиент 0–3. 0: отсутствует, 3: в обилии; ** ЭБ: эпоха бронзы, РЖВ: ранний железный век, РС: раннее средневековье, ПС: позднее средневековье, НВ: Новое и Новейшее время

Функционирование этих гидротехнических сооружений опиралось на специфические микротопографические условия, позволявшие воде естественно накапливаться в приповерхностных горизонтах. Возможность обустройства такого колодца критически влияла на выбор места для стоянки, поскольку техническая осуществимость копки *эспе* была решающим фактором для создания временных лагерей в этой в остальном безводной среде. Для защиты устья таких неглубоких колодцев часто использовались круглые крышки из известняка *(айкел*). Эти крышки обычно имели центральное отверстие, через которое опускали кожаное ведро (*кауга*) для забора воды. Рядом с устьем колодца традиционно устанавливали корыто (*астау*), выдолбленное из цельного блока известняка, куда заливали воду из шахты для поения скота.

д) Хронологическая атрибуция вещевых комплексов. Хронологические рамки обследованных стоянок были установлены на основе типолого-технологического анализа подъемного материала. Была выявлена поселенческая активность, охватывающая шесть различных исторических периодов. При этом горизонты Нового и Новейшего времени представлены на 100% обследованных объектов, а компоненты позднего средневековья фиксируются в 40% случаев. Каждый хронологический этап характеризуется специфическими диагностическими маркерами в вещевом комплексе:

- *Эпоха бронзы:* Грубая, низкотемпературного обжига, лепная серо-глиняная и черно-глиняная керамика с массивным тестом и обильной примесью дресвы.
- *Ранний железный век:* хорошо профилированная лепная оранжево-глиняная керамика окислительного обжига.
- *Раннее и развитое средневековье:* Станковая (изготовленная на гончарном круге) орнаментированная керамика, демонстрирующая стилистическое сходство с поздними этапами джетыасарской культуры (VI–IX вв. н. э.), обнаруженная в ассоциации с предметами домашнего обихода и орудиями труда, включая глиняные пряслица и каменный проушной молот.
- *Позднее средневековье:* Импортная поливная (глазурованная) керамика и фрагменты зеленоглиняных селадонов, обломки выветренного (ирризирующего) стеклянного сосуда и кованые железные гвозди.
- *Новое и новейшее время:* Фабричный фарфор царского периода с клеймами, литые бронзовые пряжки, медные оружейные гильзы, фрагменты чугунных котлов.

е) Литические комплексы и хронологические палимпсесты. Желваки кремня в изобилии встречаются в известняковых коренных породах плато Устюрт, и соответствующие продукты расщепления камня (дебитаж) присутствуют практически на всех обследованных стоянках. Этот материал включает как необработанные фрагменты сырья, так и канонические доисторические орудия. Примечательно, что диагностические наборы орудий позднего неолита (ножи, скребки, наконечники стрел) концентрируются вблизи колодца Кокесем и вдоль края чинка около журта 12, что подтверждает данные более ранних разведок В. Н. Праслова и Г. А. Настюкова (1973).

Однако лишь четверть (1/4) задокументированных памятников демонстрирует надежные многопериодные палимпсесты, где доисторические кремневые орудия залегают в прямом контексте с керамикой эпохи бронзы и раннего железного века. Эти конкретные локации, вероятно, представляют собой древнейшие охотничьи лагеря, которые предшествовали внедрению системы аранов в раннем железном веке. Такое хронологическое распределение согласуется с имеющимися

хронометрическими данными по региону: на сегодняшний день лишь две ловушки, датированные радиоуглеродным методом, и пять ловушек (6%), датированных типологически вдоль чинка Кендирлисор, относятся к эпохе до нашей эры.

Следовательно, дефицит ранней керамики на оставшихся 75% памятников со всей очевидностью указывает на то, что основная масса кремневого материала, фиксируемая в этих журтах, маркирует не первоначальное доисторическое заселение, а, скорее, ситуативный сбор и вторичное использование древнего кремня средневековыми охотниками для высекания огня на стоянках.

Кроме того, остеологические (зооархеологические) остатки встречаются повсеместно на всех задокументированных объектах. Фаунистические комплексы состоят преимущественно из скелетных элементов мелкого рогатого скота (*Caprinae* / *Ovis spp.*), представляющих, вероятно, как домашних овец, так и диких копытных (муфлонов).

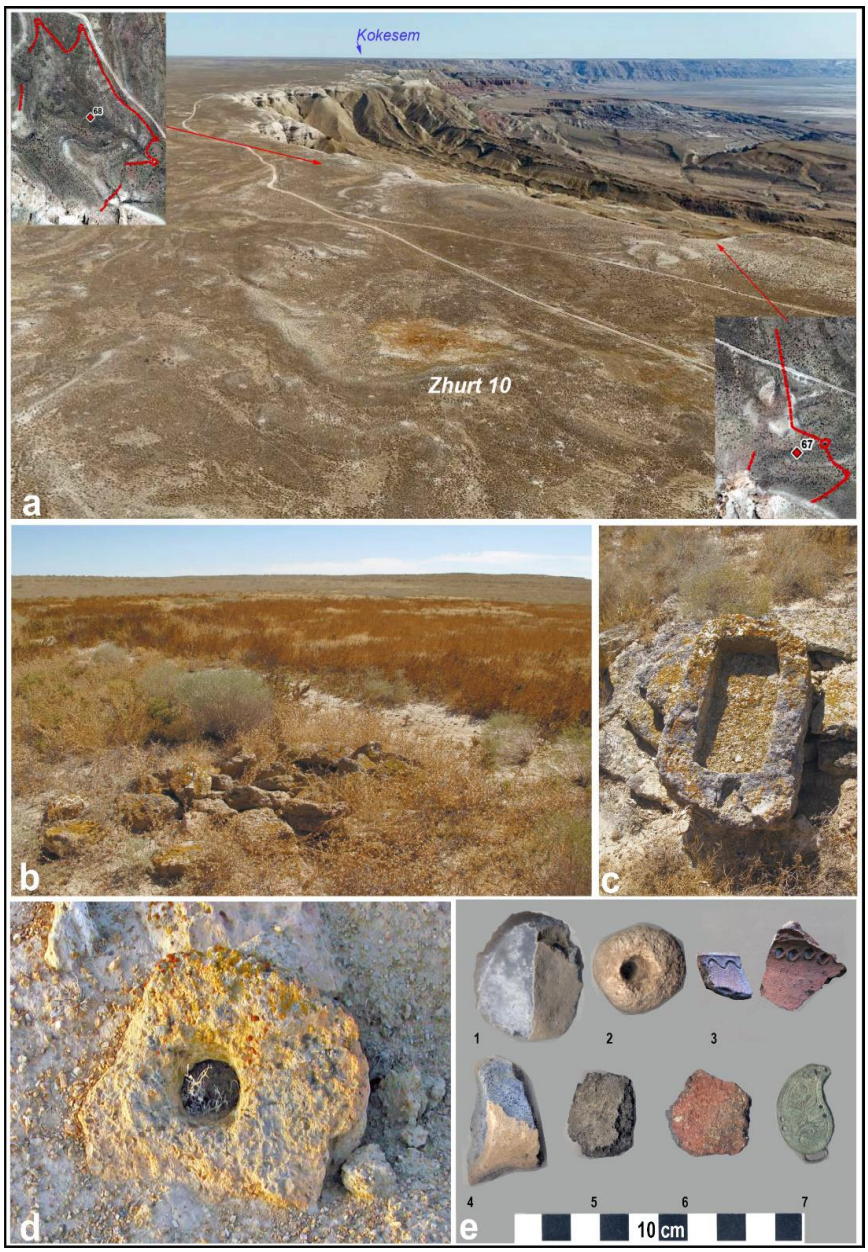

Рис. 3. Топография и вещевой комплекс охотничьих стоянок на чинке Кендирлисор. a - вид с дрона на журт 10 в юго-западном направлении, с обзором на араны 67 (слева) и 68 (справа) на чинке; b - каменная перегородка юрты на журте 7, вид на восток; c - известняковое корыто (астау) с журта 6; d - каменное кольцо устья неглубокого колодца (айкел) с журта 10; e - подъемный материал со стоянок (кремневые орудия, пряслице, фрагменты керамики джетыасарской культуры, эпохи бронзы и раннего железного века, бронзовая пряжка).

3. Этнозоологические данные по динамике популяций и традиционному природопользованию в районе юго-западного чинка. Данные зоологических учетов показывают, что в 1960-х годах популяция устюртского муфлона на плато Устюрт достигала примерно 7 000–10 000 особей, после чего к 1980-м годам она сократилась до 2 000–3 000 голов вследствие интенсивного освоения региона нефтегазовой промышленностью. После внедрения природоохранных мер в конце того же десятилетия численность популяции к 1991 году восстановилась до 5 826 особей, причем 36% из них (2 126 голов) обитали в районе юго-западного чинка. В пределах этого сектора на чинке Кендирлисор, на территории Устюртского государственного природного заповедника, было зафиксировано 488 особей (Плахов 1994). Если принять демографический максимум 1960-х годов за базовый ориентир (отправную точку), то популяция 1991 года составляла примерно 60% от расчетной экологической емкости угодий. В рамках данной модели оптимальная численность муфлона для сектора Кендирлисор может быть оценена примерно в 813 особей.

Агроботанические и землеустроительные обследования, проведенные в 1926 году в Адайском уезде, охватывавшем плато Устюрт и полуостров Мангышлак (Ищенко и др. 1928), свидетельствуют, что кочевые группы, зимовавшие у юго-западного чинка между впадиной Тузбаир и северной частью пустыни Карынжарык, насчитывали 476 юрт. Они относились преимущественно к Бузачинской 1-й (200 юрт), Бузачинской 2-й (3 юрты), Бузачинской 3-й (153 юрты) и Туркмен-Адайской (120 юрт) волостям. Исходя из среднего по уезду показателя 5,9 человека на одну юрту (Букейхан 1927), это соответствовало бы численности населения около 2 808 человек. Можно предположительно допустить, что почти треть этого населения занимала чинк Кендирлисор между каньоном Босага и колодцем Кокесем, что составляло примерно 159 хозяйств, или около 938 человек.

Данное население сосуществовало с существенно более крупной группой номадов численностью около 1000 юрт, зимовавшей в пустыне Карынжарык к югу от Кендирлисора (Ищенко 1981). Во время сезонных перекочевок (трансгуманса) эти группы пересекали секторы Босага и Кокесем, что, вероятно, увеличивало пастбищную нагрузку на угодья, использовавшиеся хозяйствами Кендирлисора.

Все это население практиковало сезонное кочевание. Весной группы мигрировали на север через юго-западный чинк в направлении центральных и северных районов плато Устюрт (в частности, в пески Сам), тогда как наиболее состоятельные скотоводы продвигались вплоть до долины реки Эмба и Актюбинского региона. Осенью те же маршруты использовались во время обратной миграции к местам зимних стоянок (кыстау).

По нашим оценкам, двенадцать охотничьих стоянок, выявленных на чинке Кендирлисор, могли принадлежать примерно 24 хозяйствам (около 144 человек), временно занимавшим эту территорию для охоты на муфлона во время их осенней откочевки к местам зимних жилищ. Данные группы могли представлять собой специализированные охотничьи хозяйства, целью которых было пополнение запасов продовольствия на зиму без существенного сокращения поголовья собственного домашнего скота. Подобный охотничий промысел мог служить как для обеспечения нужд самих этих хозяйств, так и для систем перераспределения внутри более крупной зимующей общины, насчитывавшей около 159 хозяйств.

Хотя прямые статистические данные о традиционном потреблении мяса в Устюртском регионе отсутствуют, сравнительные материалы по преимущественно кочевому и неаграрному Усть-Каменогорскому уезду указывают на то, что среднее годовое потребление мяса на одного человека в 1905 году составляло около 60 кг (Масанов 2011, 483). Исходя из этого, на четыре зимних месяца приходилось около 20 кг мяса на человека, или почти 120 кг на хозяйство из шести человек. Поскольку убойный выход взрослого уриала оценивается примерно в 30 кг чистого мяса, 24 хозяйствам, связанным с охотничьими стоянками, потребовалось бы около 2 880 kg мяса, что эквивалентно добыче порядка 96 уриалов (в случае если бы зимнее потребление мяса опиралось исключительно на диких баранов).

Учитывая, что оптимальная численность популяции муфлона на чинке Кендирлисор составляет около 813 особей, и принимая во внимание, что ежегодное изъятие до 25% (около 203 голов) теоретически могло происходить без угрозы для долгосрочной жизнеспособности популяции, расчетные потребности охотничьих групп в пропитании оставались значительно ниже этого порога. Более того, маловероятно, что эти хозяйства зависели исключительно от мяса муфлона в течение всего зимнего сезона, поскольку продукты скотоводства и домашний скот также должны были составлять существенную часть их рациона.

Эти наблюдения позволяют предположить, что охотничьи группы, связанные с аранами, не практиковали беспорядочного массового истребления животных. Напротив, имеющиеся данные указывают на селективную и стратегически регулируемую систему охоты, интегрированную в более широкие модели пастушеского жизнеобеспечения. Если ежегодно добывалось около 160 уриалов (20% от их популяции), это позволяло каждому из 159 зимующих хозяйств получать эквивалент одного животного через механизмы перераспределения, обмена или сезонного снабжения, оставаясь при этом в устойчивых экологических пределах.

Таким образом, близкое соответствие между расчетной численностью человеческой популяции в секторе Кендирлисор и реконструированной оптимальной популяцией муфлона может отражать долгосрочный баланс между пастушеским освоением, охотничьими практиками и экологической емкостью угодий юго-западного чинка Устюрта. В этой перспективе система аранов представляется не столько механизмом массового забоя, сколько контролируемой и устойчивой формой селективной охоты, адаптированной к природным условиям плато.

Заключение. Настоящее исследование демонстрирует, что охотничьи сооружения юго-западного плато Устюрт являлись частью высокоструктурированного и долговременного антропогенного ландшафта, ориентированного на сезонную эксплуатацию диких копытных. Благодаря комбинированному анализу типологии ловушек, пространственной организации стоянок, хронометрических данных и этнозоологической реконструкции, чинк Кендирлисор предстает как специализированная охотничья территория, стратегически интегрированная в более широкие системы кочевой мобильности и пастушеского жизнеобеспечения.

Археологические данные свидетельствуют о том, что араны не были изолированными объектами, а являлись компонентами организованной сети, связанной с временными охотничьими лагерями, гидротехническими сооружениями и регулярным сезонным освоением территории, продолжавшимся от доисторической эпохи до Нового времени. Хронологические данные также позволяют предположить, что, хотя некоторые охотничьи традиции могут предшествовать раннему железному веку, масштабное развитие системы аранов в основном соотносится с деятельностью средневековых и постсредневековых пастушеских обществ, населявших плато Устюрт.

Этноисторические и демографические расчеты показывают, что охотничий промысел, по всей видимости, велся специализированными группами хозяйств, практиковавшими селективную и экологически устойчивую эксплуатацию популяций муфлона. Вместо систем беспорядочного массового забоя араны функционировали как тщательно регулируемые ловчие устройства, интегрированные в стратегии зимнего заготовления пищи, перераспределения ресурсов и сохранения домашнего поголовья.

В более широком плане плато Устюрт следует рассматривать как один из крупнейших промысловых ландшафтов Евразии, где мобильность человека, миграции животных и природные ограничения сформировали сложную и устойчивую социально-экологическую систему в рамках «длинной временной протяженности».

Список литературы

Букейхан А.Н. Казаки Адаевского уезда. // Казаки. Антропологические очерки. М-лы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 3. Серия казакстанская. - Л.1927, С. 59-82.

Деом Ж.-М., Сала Р. 2009. Регулирование поголовья диких животных в аридных регионах в древности: новые свидетельства из Северного Устюрта // Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. матер. науч-практ. конф. – Алматы: Дайк-Пресс, С. 135-141.

Ищенко, М. М., Казбеков, И. С., Ларин, И. В., Щелоков, Б. К. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Отчет о работах почвенно-ботанического отряда Казахстанской экспедиции Академии наук СССР: Исследование 1926 года.- Ленинград : Издание Академии наук СССР , 1928.

Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Изд. 2-е, дополненное / Сост. Л. Е. Масанова, И. В. Ерофеева.- Алматы: Print-S, 2011.

Первые русские научные исследования Устюрта [Отв. ред. акад. А. Л. Яншин и канд. ист. наук. Л. А. Гольденберг] - Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963.

Плахов К. Н. 1994. Состояние популяции устюртского горного барана в Казахстане // Selevinia,– № 3. – С. 58–67.

Праслов Н.Д., Настюков Н.З. Новые материалы по каменному веку Западного Чинка Устюрта // КСИА, 1973, № 136, С.60-66.

Ягодин В. Н. 1991. Стреловидные планировки Устюрта (Опыт историко-культурной интерпретации) // Археология Приаралья. – Вып. V. – Ташкент.

Amirov S. S., Betts A. and Yagodin V. N. 2015. Mapping ancient hunting installations on the Ustyurt Plateau, Uzbekistan and Kazakhstan: New results from Remote Sensing Imagery // Paléorient, vol. 41.1, p. 199-219.

Barge O., Brochier J.E., Deom J.-M., Sala R., Karakhanyan A., Avagyan A., Plakhov K. 2016. The 'Desert Kites' of the Ustyurt Plateau // Quaternary International, 395: 113-132.

Barge O, Regagnon E, Abu-Azizeh W, Bouzid S, Brochier JE, Crassard R 2025 Desert Kites and Related Constructions: Data from the Globalkites Project. Journal of Open Archaeology Data, 13: 4, pp. 1–8. DOI: https://doi. org/10.5334/joad.150

Global Kites Inventory: https://www.globalkites.fr/ (visited 03.09.2025)

Gov.kz 2025: Министр культуры и информации РК официально вручила проект номинационного досье объекта смешанного наследия «Устюрт» ЮНЕСКО. https://www.gov.kz/memleket/entities/mam/press/news/details/1074376?lang=ru

Ж-М. Деом, Р. Сала

Мерзімдік қоныстар және Үстірттің аңшылық қаумалдарын шаруашылық тұрғыда игеру: Кендірлісор ұшпа шыңдары мысалында

Үстірт қыры әлемдегі ең тығыз және күрделі антропогендік аңшылық ландшафтарының бірі болып табылады, ол жабайы тұяқтыларды қаумалып аулауға және алуға арналған аңшылық құрылымдары – «шөл батпырауықтарының» (жебе тәрізді пішімде орналастырылған) кең желісімен сипатталады. Бұл зерттеуде 1600-ден астам құрылымды қамтитын, жеті морфологиялық түрге бөлінген тұзақтардың кешенді базасы негізінде олардың кеңістікте таралуы және қызметтік эволюциясы қарастырылады. Бұл жүйенің орталығы болып саналатын Кедірлісор ұшпа шыңдары, табиғи жыраларды тас қаумалдармен үйлесімді қолданған жабайы қойларды (уриалдарды) аулауға қолданған арнайы орларды қамтамасыз етті. Бұған қарама-қарсы Үстірттің орталық бойлық бөлігінде тас құрылымдар және орларды біріктіретін аңшылық тұзақтардың кең ауқымы қамтылған. Кендірлісор аймағындағы мерзімдік қоныстар мен осы аңшылық тұзақтары арасындағы байланысты сараптау бізге ұзаққа созылған тарихи кезеңдер бойына (*longue durée*) Үстіртті шаруашылық тұрғыда игеруді қайта қалпына келтіру моделін ұсынуға мүмкіндік береді. Алынған нәтижелер Үстіртті тұрақты аңшылық ландшафтына айналдырған, тіршілікті қамтамасыз етудің жоғары ұйымдастырылған, көпсатылы стратегиясының болғанын дәлелдейді. Жүргізілген кеңістіктік сараптау аран жүйесі қызметінің қалыптасу қағидаттарын анықтап қана қоймай, Үстіртті тарихқа дейінгі және ортағасырлық ірі тұзақ құрылымдары кешендерінің кең ауқымды кеңістігі ретінде қарастыруға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Үстірт, арандар, Кендірлісор ұшпа шыңы, мерзімдік қоныстар, аңшылық ландшафты, шаруашылық игеру.

J-M. Deom, R. Sala

Seasonal occupation and economic use of hunting enclosures (arans) on the Ustyurt Plateau: a case study from Kendirlysor chink

The Ustyurt Plateau represents one of the world's most dense and sophisticated anthropogenic hunting landscapes, characterized by an extensive network of "desert kites" designed for mass-kill hunting of wild ungulates. This study examines the spatial distribution and functional evolution of these structures, drawing on a comprehensive database of over 1,600 traps categorized into seven distinct morphological types. Central to this system is the Kenderlysor chink, where the strategic integration of natural escarpments and stone-built enclosures facilitated the specialized capture of wild sheep. In contrast, the longitudinal segments of the central plateau feature a diverse array of traps utilizing combined stone and earthen ditch construction. By analyzing the relationship between seasonal campsites and these hunting features at Kenderlysor, this research provides a framework for extrapolating the economic exploitation of the Ustyurt throughout the *longue durée*. The findings suggest a highly organized, multi-period subsistence strategy that transformed the plateau into a persistent landscape of the chase. This spatial analysis not only clarifies the operational mechanics of the *aran* systems but also situates the Ustyurt within the broader global context of large-scale prehistoric and medieval trapping complexes.

Key words: Ustyurt Plateau, arans, Kendirlysor Chink, seasonal camps, hunting landscape, economic exploitation.

R. Feldbacher
Capital Normal University
Beijing, China
rainer_feldbacher@hotmail.com

Interaction between the Sogdians and the Kangju Kingdom

This study examines the multifaceted interactions between the Sogdian merchant communities of Transoxiana and the nomadic pastoral groups of ancient Kazakhstan, with a focused geographic scope encompassing the Kazakh Steppe, the Syr Darya basin, and adjacent Central Asian oases, and a chronological framework spanning the 4th century BCE to the 6th century CE (the peak of Kangju hegemony and Sogdian mercantile dominance across the Silk Road corridors). The primary research objective is to dismantle the traditional dichotomy between sedentary urban civilizations and nomadic pastoral societies by reconstructing the political, economic, and cultural interdependencies that defined their coexistence, with a special emphasis on the Kangju Kingdom as the pivotal geopolitical and diplomatic intermediary bridging Sogdian commercial networks and steppe nomadic confederations. To achieve this, the research employs an interdisciplinary methodological approach, integrating critical analysis of ancient textual sources (Chinese dynastic histories, Sogdian letters, Classical accounts), archaeological evidence (burial mounds, trade artifacts, settlement ruins, numismatic finds), and comparative anthropological studies of steppe-sedentary relations. Key results reveal that the Kangju Kingdom was not merely a peripheral nomadic polity but a central regulatory force that secured trade routes, mediated diplomatic alliances, and facilitated cross-cultural exchange; Sogdian merchants leveraged Kangju military protection and nomadic pastoral logistics to establish long-distance trade networks spanning East Asia, the Near East, and Eastern Europe, exchanging silk, precious metals, spices, and livestock. Cultural symbiosis manifested in shared artistic motifs, religious syncretism (Zoroastrian, shamanistic, and Buddhist influences), linguistic borrowing, and adaptive socio-political institutions that blended sedentary governance and nomadic confederate structures. Conclusions affirm that Sogdian-Kangju-nomad cooperation was the cornerstone of Silk Road connectivity in pre-Islamic Central Asia, reshaping regional political hierarchies, economic systems, and cultural identities, while challenging prevailing narratives that marginalize nomadic polities and merchant diasporas in Eurasian history.

Keywords: Sogdians, Kangju Kingdom, Silk Road, Central Asia, ancient history of Kazakhstan, cultural interaction, nomadic and sedentary societies, trade networks, archaeological evidence, Kultobe.

Introduction. Historical and geographical frame and context. Stretching across the arid oases of Central Asia and the boundless grasslands of Eurasia, the Silk Road was never merely a corridor for goods – it was a crucible of interaction between settled civilizations and nomadic peoples. At the heart of this interconnected world stood the Sogdians, an Iranian-speaking people from the fertile river valleys of Sogdiana (modern Uzbekistan and Tajikistan and parts of southern Kazakhstan), whose merchant dynasties, linguistic ingenuity, and diplomatic savvy made them the premier brokers of trans-Eurasian exchange. To their north and west lay the steppes of modern Kazakhstan, home to a succession of powerful nomadic and semi-nomadic confederations: among others, the ancient Saka (Scythians), the urban-nomadic Kangju Kingdom, the mighty Göktürk Khaganates, and later medieval tribal alliances. Far from existing in tension or isolation, these two worlds were bound by centuries of intensive trade, political alliance, cultural fusion, and demographic integration. Contrary to outdated stereotypes of inherent nomadic-sedentary hostility, the Sogdians and the steppe peoples of Kazakhstan forged a deep, symbiotic relationship that shaped the economic, political, and cultural landscape of Inner Asia.

This study employs a critical historical and comparative method to re examine the relationship between Sogdiana and Kangju. The analysis is based on a close reading of available ancient textual sources, including Chinese dynastic histories, Sogdian documentary evidence, and classical accounts, evaluating their reliability, chronological context, and potential biases. As next step a synthetic historical interpretation is carried out that brings together textual and archaeological evidence to reconstruct the political, economic, and cultural interactions between the two regions. Rather than relying on a single disciplinary approach, a cross source verification is used to resolve contradictions and fill gaps in the surviving record. Throughout, the author maintains a contextual and comparative perspective, situating Sogdian–Kangju relations within the broader history of Central Asian nomadic sedentary interactions and Silk Road networks. Thus, moving beyond earlier descriptive accounts can offer a more coherent understanding of their structural connections. By synthesizing the archaeological, epigraphic, and textual evidence to examine the full scope of their

interaction it will be shown how these groups lived, traded, negotiated, and governed alongside one another; the concrete written (Podushkin 2025: 295–316) and material traces of their daily and institutional contact (Podushkin 2024: 266–290); their reciprocal cultural contributions to one another; and the indispensable, often underemphasized role of the Kangju Kingdom as the earliest and most foundational political framework for Sogdian activity in the Kazakh steppe zone (Morris 2023).

To understand the depth of Sogdian-steppe interaction, one must first grasp the distinct identities, political structures, and geographic logic that drew these civilizations together. The Sogdians were a city-based, merchant-centric civilization centered on great urban centers such as Samarkand, Bukhara, and Kesh. From the 1st century BCE through the 8th century CE, they operated not as a unified empire, but as a network of city-states linked by family-run merchant diaspora communities spanning Central Asia, China, and the Eurasian steppes (Vaissière 2005). Their power rested not on territorial conquest, but on commercial control, linguistic flexibility, and an unparalleled ability to navigate the political realities of nomadic empires. The steppes of Kazakhstan, by contrast, were dominated by pastoral, mobile, or semi-sedentary polities adapted to the grassland ecosystem. In antiquity, the Saka – Iranian-speaking nomads closely related to the Scythians – roamed the region, leaving monumental burial mounds (kurgans) that also covered imported luxury goods. By the early centuries CE, however, the region's most influential power became the Kangju Kingdom, a hybrid state that blended nomadic authority with settled agriculture and urbanism (Litvinsky 1996). It was a Scythian affiliated nomadic confederation first recorded by Zhang Qian (see below), centered north of the Syr Darya. Although culturally Iranian and politically overlord of parts of Sogdiana, it was not identical to it[3]. Sogdiana designated the settled oasis city states of Transoxiana, while "Scythian/Saka" refers to the broader nomadic Iranian cultural family to which Kangju's elite belonged. Thus, Kangju represents a distinct political unit within a larger Iranian Steppe cultural sphere that also included Sogdians and other Scythic groups. Later, from the 6th to 8th centuries CE, the Göktürk Khaganates unified the Kazakh steppes into a vast nomadic empire that stretched from the Black Sea to Mongolia. These societies were not "pre-political" or culturally isolated: they maintained complex hierarchies, controlled critical mountain and river passes, and actively sought partnerships with settled peoples to access manufactured goods, financial systems, and administrative literacy (Grenet 2003). Geography made their connection inevitable. Southern Kazakhstan – the regions around Shymkent, Taraz, and Semirechye (Zhetysu) – represented the natural gateway between Sogdian oases and the northern steppes. Caravans departing Sogdiana had to cross Kazakh steppe lands to reach markets in Western Eurasia, while nomadic groups depended on access to Sogdian grain, craft production, and long-distance trade connections to China and the Middle East. This geographic interdependence laid the material foundation for sustained multi-layered interaction (Foltz 2010; Falk 2014: 13–17).

The Kangju Kingdom: The Political Core of Early Sogdian – Steppe Relations. No polity was more important to the early consolidation of Sogdian presence in Kazakhstan than the Kangju Kingdom (c. 2nd century BCE–4th century CE) (Grenet 2007). For centuries, Kangju served as the political umbrella under which Sogdian merchants, settlers, and administrators first established durable roots in the steppe zone. Kangju was a vast steppe confederation controlling the middle and lower Syr Darya (Jaxartes) basin, covering most of southern Kazakhstan and extending into northern Uzbekistan (Litvinsky 1996; Vaissière 2005). Chinese historical sources such as the Han Shu (compiled by Ban Gu, 1st c. CE) and Hou Han Shu (compiled by Fan Ye, 5th c. CE) locate Kangju north of Dayuan (Ferghana), west of the Wusun confederation, and east of the Aorsi (Alans), with its political and urban heartland near modern Shymkent and the archaeological complex of Kultepe (Kultobe) (Podossinov 2019: 239). Generally, the name Kangju is attested to appear for the first time in Chinese historical sources in the account of Zhang Qian's mission to Central Asia (c. 128 BCE) (fig. 1), recorded in the Shǐjì (Biography of Dayuan [Records of the Grand Historian, by Sima Qian (145–86 BCE)], written c. 91 BCE) and in the Han Shu (Account of the Western Regions, 1st c. CE) with the reference to "xingguo" (traveling state) as 康居 (Sima Qian 1993: 234).

[3] "If the 'state' of Kangju is to be identified as Sogdia, then it was during this period of post-Seleucid independence, i.e. from c. 210 BCE, that the region came under the hegemony of the Kangju dynasty, which then continued to rule an independent Sogdia until it came under Kushan political influence early in the first century CE." Benjamin 2018: 182.

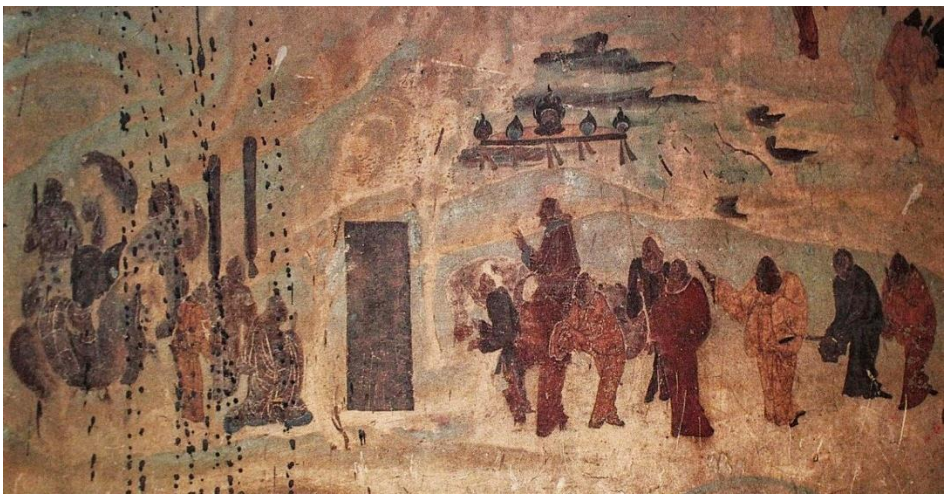

Fig. 1 Zhang Qian bids farewell to Han-Emperor Wudi (the depiction itself from the period of the Tang dynasty.

Though, did the name itself really originate solely as a Han-dynastic exonym or did it reflect a substantially older Iranian-Central Asian toponymic and ethnolinguistic tradition? While the earliest secure historical attestations indeed derive from Han sources such as the Shǐjì and Hanshu, most modern scholars no longer regard Kangju as a purely Chinese invention, but rather as a transcription of an older indigenous name, probably Iranian in origin. The aforementioned Old Chinese reconstruction of 康居 has been interpreted as approximating forms such as Kang, Kanka, or Kangha, which appear across a broad range of Central Asian traditions associated with Sogdiana and the middle Syr Darya region (Hill 2009: 117–125; Pulleyblank 1962: 231–235)[4]. Particularly important is the possible connection with the Avestan term Kaŋha-, a mytho-geographical place name occurring in the Younger Avesta, especially in the Ābān Yašt and Zamyād Yašt, where it appears as a fortified or elevated region associated with Turanian and northeastern Iranian lands. The Avesta also refers to Aṇtarə.kaŋha- ("inside Kaŋha"), suggesting that the term denoted a recognizable geographical or cosmological space within the eastern Iranian world. Later Middle Persian and epic traditions transformed this concept into Kangdez ("Fortress of Kang") (Benveniste 1979: 45–61), a semi-mythical stronghold associated with Siyāvaxš and the Turanian frontier, preserved in Pahlavi literature and the Šāhnāme (Lurje 2010)[5]. Although direct continuity between Avestan Kaŋha- and Chinese Kangju cannot be proven conclusively, the phonetic resemblance, geographic orientation toward Transoxania, and persistence of the kang/keng/kangar root across Central Asian ethnonyms and toponyms have led many Iranists and Turkologists to regard some historical relationship as plausible. This is reinforced by later names such as Kangar, Kengeres, Kangly (Qanglı), and the urban center Kanka near Tashkent (see FN 4), often associated archaeologically with Kangju political structures[6]. Some scholars have even suggested that the name may originally have derived from a hydronym, or regional landscape

[4] Kanka, a large urban settlement in the Chach oasis, displays substantial fortification systems, citadel structures, and evidence of long-distance exchange dating from roughly the first millennium BCE through late antiquity. Many scholars identify it as one of the principal political or administrative centers of Kangju because of its strategic location along Syr Darya trade routes and its chronological correspondence with Han descriptions of the confederation. Bregel 2003: 24–31; Rtveladze 2005: 118–132.

[5] The implemented element of Iranian legendary geography associated especially with Siyāvaxš (Siyâvash) and the Turanian frontier and the Pahlavi texts mentioning a magnificent, fortified city located in the northeast of the Iranian world, often beyond the Oxus (Amu Darya) and connected with Turan, thereby preserves echoes of earlier eastern Iranian cosmological traditions. In Ferdowsi's Šāhnāme, Siyāvaxš constructs Kangdez after fleeing to Turan, transforming the site into a symbol of liminality between Iran and the steppe world. Several scholars have argued that these traditions preserve distant cultural memories of Central Asian fortified urban centers and may reflect inherited Iranian perceptions of Transoxanian political entities such as Kangju (Lurje 2010; Yarshater 1983). Although the epic material is not historically reliable in a strict sense, the persistence of the kang root across Avestan, Pahlavi, and Persian literary strongly suggests the long-term survival of an eastern Iranian geographical concept associated with frontier fortresses and Central Asian political space. Note.

[6] Medieval Islamic, Byzantine, and Turkic sources refer to groups called Kangar or Kengeres, especially in connection with the Pechenegs and western steppe confederations. Some scholars proposed that these names preserve distant memories of Kangju-derived political or ethnic traditions extending from Transoxania into the western Eurasian steppes. Golden 1992: 264–265; Pritsak 1975: 215–220.

designation connected to the Syr Darya basin before becoming attached to a political confederation (Golden 1992: 264–265; Bregel 2003). Consequently, the debate today is less about whether the Chinese sources preserve a real indigenous name, and more about how far back that name can be traced into the Iranian mythological and linguistic substrate of Inner Asia.

Worth to mention that the broader Scythian speaking nomadic milieu to which Kangju belonged is labelled Sai (塞) in Han sources, a term designating the Iranian steppe peoples widely known in Western traditions as Saka or Scythians. No single alternative exonym for Kangju appears in classical Western or Iranian sources, though later Eurasian nomadic designations such as Kangar may reflect linguistic and tribal continuity[7]. Whereas Kangju is listed in Han texts as a large nomadic power, and mention Suyi (Sogdiana) as a neighboring or subordinate settled region, in later histories (during Wei, Sui, and Tang) the term "Kangju" disappears maybe as being part of Göktürk Khaganates. Instead, Kangguo and Sute (Sogdians) for the urban, commercial city-states is used. Kangju emerged as a regional power following the collapse of Greco-Bactrian rule and remained a dominant force until it was gradually absorbed by Hunnic and Kidarite nomadic groups in late antiquity[8]. Hereby, a dozen Chinese-language wooden slips referencing Kangju were excavated from the Xuanquan Post Station (Xuanquanzhi) site near Dunhuang, Gansu Province, China – once a critical Han Dynasty relay station and diplomatic hub on the northern Silk Road. Dated to the late Western Han Dynasty (c. 49–23 BCE, primarily Emperor Yuan and Emperor Cheng reigns), these slips are contemporary, firsthand administrative records, making them uniquely valuable for verifying Kangju-Han diplomacy that is underdocumented in the Shǐjì and Han Shu (Ha 2015; Zhang 2025)[9].

What made Kangju unique was its dual social structure by a ruling elite of Iranian-speaking Saka (Scythic) nomadic aristocrats, led by a supreme king and supported by five regional "lesser kings" who administered different zones of the kingdom (Han Shu 96A in Hulsewé 1979; Sims-Williams & Grenet, 2007)[10]. A large subject population consisting of settled agricultural, artisanal, and mercantile communities, among whom Sogdians were especially prominent. Therefore, Kangju functioned as a hybrid regime: neither purely nomadic nor purely urban, but a political structure that relied on nomadic military dominance while exploiting Sogdian commercial skills, agricultural labor, and literacy (Grenet 2003; Litvinsky 1996). Interestingly, the dealings between Kangju and Sogdiana was political integration, not just contact: Chinese texts explicitly identify Sogdiana (referred to as Suye or Suyi [see above]) as a vassal region within the Kangju confederation (Han Shu 96A in Hulsewé 1979; Hou Han Shu 88 in Yu 2021). Kangju primarily being north of the Syr Darya River (modern southern Kazakhstan, parts of Uzbekistan around Tashkent), for nearly four hundred years, major Sogdian city-states including Samarkand, Bukhara, and Kesh paid tribute to the Kangju rulers and provided merchants, craftspeople, and administrative personnel to the steppe administration (Sims-Williams & Grenet 2007; Vaissière 2005). This political bond was not marginal: it created the first formal, institutionalized framework for Sogdian settlement, trade, and governance within the borders of modern Kazakhstan. Interaction between Sogdians and the steppe peoples of Kazakhstan was not limited to occasional caravan encounters. It operated at every level of life: administrative, diplomatic, economic, social, domestic, and religious – leaving abundant and concrete traces in both written records and material culture.

In this context, the most dramatic physical evidence of formal institutional contact comes from Kultepe, near Shymkent, where excavations beginning in 2004 uncovered fifteen inscribed Sogdian bricks dated to the 1st–4th centuries CE (Sims-Williams & Grenet 2007; Podushkin 2025: 22–47). These oldest known Sogdian texts record the construction of a frontier fortress, mention ruling authorities from major Sogdian cities, and define territorial arrangements between Sogdian agricultural zones and Kangju nomadic pastures. The inscriptions prove that Sogdians served not merely as traders, but as military commanders, administrative officials, and treaty negotiators on behalf of Kangju elites. Kultepe is likely identified with

[7] More linguistic considerations in: Pulleyblank 1966: 28; de la Vaissière 2005: 37–52.

[8] In this context, the genetic investigations are interesting: Damgaard et al. 2018.

[9] 12 slips in total, with 7 forming a complete, bound booklet – and the Kangju Wang Shizhe Ce (Kangju King's Embassy Album) – and still retaining its original binding cords; the remaining 5 are fragmentary but chronologically consistent administrative notes. Moreover, the texts were informative about interactions as embassy composition (led by Yang Bodao – Kangju king's chief envoy – and deputy Biantian, accompanied by the envoy of the Suye King (Sugda, a vassal ruler of Kangju's five lesser kings) and about mission purposes as bringing tribute camels (tuotuo) to the Han imperial court. Zhang 2025; Hao 2015. Regarding the idea of assumed Kangju 'fake embassies': Morris 2023: 149.

[10] Hulsewé 1979: 126 and 130–132.

the Kangju royal summer residence Fanneidi (蕃内地) recorded in Han Shu and proves Kangju's political control and early literacy in Sogdiana (Podushkin 2016).

Later Sogdian – Kazakh Steppe Relations and Trade Dynamics. During the Turkic period, diplomatic relations became even more structured. Chinese annals (including the Weishu, Suishu, and Tangshu) repeatedly document missions led by Sogdians acting on behalf of Turkic khans and steppe polities (Botosheva 2022). Sogdians drafted treaties, managed tribute exchanges, and mediated conflicts between steppe factions and Chinese courts, effectively becoming the lingua franca brokers of Inner Asian diplomacy. The famous Sogdian Ancient Letters (early 4th century CE) provide rare firsthand written evidence of these networks. These private letters document long-distance trade routes linking Samarkand to Kultepe, Taraz, and China, showing that Sogdian merchants operated family firms with credit systems, warehouses, and kinship networks spanning both oasis and steppe (Yoshida 2010)[11].

Moreover, archaeological evidence confirms the existence of permanent Sogdian trading quarters in major Kangju and later Turkic urban centers across Kazakhstan: At Kultepe, researchers have uncovered a fortified market town with Sogdian pottery, coinage, and storage facilities designed for long-distance caravan trade (Shkoda 1996). At Taraz (ancient Talas), a strategic Silk Road hub, excavations reveal Sogdian merchant compounds, stone seals, and bilingual market inscriptions showing sustained commercial activity (Botosheva 2022). In the Semirechye (Zhetysu) region, caravanserai ruins and Sogdian silver and silk further demonstrate deep economic integration (Litvinsky 1996). Burials and settlements reveal that Sogdians and steppe peoples lived in close, daily proximity – often intermarrying and sharing domestic life. Kangju and Turkic nomadic kurgans near Shymkent and Issyk contain Sogdian domestic items: ceramic bowls (regarding ceramics as marker, see below), oil lamps, weaving tools, and household utensils, buried alongside nomadic horse gear and animal-style weaponry (Grenet 2003). Sogdian ossuaries and tombs discovered in southern Kazakhstan on the other hand incorporate nomadic artistic motifs and burial practices, indicating mixed cultural and familial households (Baipakov 2005: 46). Moreover, residential areas at Kultepe combine Sogdian mud-brick architecture with raised platforms used for nomadic tent structures, providing physical proof of shared living spaces (Shkoda 1996).

Religious life also became a zone of exchange. Sogdian traditions penetrated steppe elite circles, while nomadic ritual practices influenced Sogdian communities in the steppes. Archaeologists have recovered fragments of Zoroastrian fire altars and Buddhist shrines with Sogdian inscriptions in steppe settlements across southern Kazakhstan (Foltz 2010). Nomadic burials from the period include Sogdian ritual vessels and inscribed amulets, indicating a blending of shamanic, animistic, and Iranian religious practices (Grenet 2003). Sogdians living in steppe zones, in turn, adopted nomadic funerary customs such as horse sacrifices and animal-style decorative elements in their own burial practices (Vaissière 2005).

Trade was the foundational glue and economic backbone of Sogdian-steppe relations in Kazakhstan, structured around complementary economic needs and protected by political alliance. This was not random barter – it was a systematic, reciprocal exchange system managed by Sogdian merchant networks and safeguarded by steppe rulers. The trade relationship revolved around mutual dependency. Sogdian exports to the Kazakh steppes included silk and other textiles, as their merchants controlled much of the silk trade from China, supplying luxurious fabrics that signaled elite status among nomadic lords. They also delivered luxury craft goods such as silver vessels, glassware, ceramics, and metalwork that steppe societies did not produce at scale. Not to underestimate are agricultural products – grain, wine, dried fruits, and other staples that supplemented the pastoral nomadic diet. Along with those products, religious and administrative objects approached the steppe regions, among them Zoroastrian ritual items, seals, ink, and writing materials (Foltz 2010). In return, steppe nomads provided horses as the single most critical commodity for Sogdian caravans. Steppe breeding stock was superior – and is sometimes seen as one of the reasons for the official start of the silk road by the Han-Chinese emperors, and nomadic herdsmen-controlled supply. As by-products the nomads supplied them with pastoral resources, in particular furs, wool, leather, livestock, and animal products essential to Sogdian urban industry. Very important was security and

[11] Interesting in this context is the adaptation and integration of Sogdians into Chinese society that also can be observed through the adoption of Chinese-style surnames derived from their places of origin. Sogdians living in China frequently received or adopted surnames that reflected their native Central Asian cities. For example, the surname Kang (康) indicated an origin from Samarkand, while other well-known examples include An (安) for Bukhara, He (何) for Kushaniya, Shi (石, "stone") for Tashkent, and another Shi (史) associated with Kesh. These surnames became important markers of both integration into Chinese administrative and social structures and the preservation of regional Sogdian identities within the Chinese cultural sphere. See e.g. Müller 2009, 119, FN 5.

military protection: Nomadic rulers guaranteed safe passage across vast steppe territories in return for tribute, tax revenue, and a share of commercial profits (Vaissière 2005).

Chinese historical sources consistently identify the Sogdians as the primary commercial intermediaries between China and the nomadic peoples of Kazakhstan (Yoshida 2010). Sogdians did not simply move goods, though – they managed the entire supply chain, connecting Chinese silk producers to Turkic and Kangju elites, and steppe horses to markets across Eurasia[12]. For steppe rulers, partnering with Sogdians eliminated the burden of managing long-distance trade directly. In return for exclusive trading rights, tax exemptions, and protected residential quarters (beside the aforementioned security in general) in steppe cities, Sogdians delivered wealth, prestige goods, and diplomatic access (Grenet 2003). This arrangement was mutually beneficial: nomadic elites gained wealth and status, while Sogdian merchants gained the protection necessary to operate in one of the world's largest and most logistically challenging trade zones. By the 6th century CE, Sogdian-nomadic relations evolved far beyond economics into formal political alliance, particularly under the Göktürk Khaganates. Sogdians became indispensable to the operation of steppe empire, serving as diplomats, scribes, treasurers, and advisors. Their role changed from commercial partners to political allies.

Administration, Politics, and Strategic Alliances and Mutual Cultural Contributions. The most famous epigraphic evidence of this political union is the Bugut Inscription (584 CE), a trilingual stone monument (Sogdian, Turkic, Chinese) erected in Mongolia in honor of a Turkic qaghan. Although geographically located in Mongolia (in the Bayn Tsagaan Gol), the inscription directly reflects political and economic arrangements that governed Sogdian-Turkic relations across the Kazakh steppes (Sims-Williams 1989). The Sogdian text records a formal treaty: the Turkic ruler granted Sogdian merchants tax exemptions and full trading rights throughout the empire, while Sogdians committed themselves to managing Turkic diplomacy and long-distance trade relations (fig. 2). This document makes clear that Sogdians were not mere subjects – they were allied political agents. The Sogdian even led official emissaries for Turkic khans to China and Byzantium (Botosheva 2022). Within Kazakhstan, this meant Sogdians were embedded at every level of Turkic governance, from local trade administration to imperial fiscal policy.

[12] Interesting in that context is the biography of the Chinese General Ban Chao in the Hou Han Shu: The Yuezhi were arranging a marriage of their king with a Kangju princess. The Chinese sent "considerable presents of silks" to the Yuezhi successfully gaining their help in pressuring the Kangju to stop supporting the king of Kashgar against them. Chavannes 1906: 230. Some scholars have argued that the rise of the Yuezhi and later Kushan expansion altered the balance of power along the Jaxartes and Oxus corridors, pushing Kangju toward stronger involvement in steppe alliances and western trade routes. Yu 2018: 95–113. Archaeological and numismatic evidence also suggests that both polities participated in overlapping commercial systems tied to the Silk Roads. While the Yuezhi increasingly adopted Bactrian and urban imperial traditions in the Kushan period, Kangju seems to have retained a more decentralized confederative structure combining oasis centers with nomadic elements, reflecting broader contrasts between Transoxanian and Bactrian political development. Earlier scholarship, including Craig Benjamin, has proposed a model in which Kangju functioned as a major Syr Darya power closely connected to Yuezhi movements and, in some interpretations, partially overlapping with a broader Sogdian or proto-Sogdian cultural sphere. Benjamin 2003, 112–135. This approach remains useful as a heuristic framework for highlighting the Syr Darya corridor as a key zone of interaction between nomadic and sedentary societies in Inner Asia. However, more recent research has increasingly questioned a direct identification of Kangju with Sogdia, instead emphasizing its character as a flexible confederative formation integrating oasis-based Iranian-speaking communities and steppe groups, rather than a coherent or ethnically unified polity (de la Vaissière 2005: 37–52; Yu 2018: 95–113). In this view, Kangju is better understood as a dynamic political network within the broader Central Asian contact zone, with partial spatial and cultural overlap with later Sogdian regions, but without implying a straightforward historical or ethnic continuity. Note.

Fig. 2 The interregional connections continued – a 200 year later stele (732 CE) of the deceased Göktürk Khagan Kol Tigin being part of his mausoleum in Mongolia, in Turkish and Chinese.

Nomadic empires like the Göktürk Khaganate lacked a centralized, literate bureaucracy, and thus turned to Sogdians for administrative expertise. Sogdian scribes wrote laws, recorded tax obligations, managed trade revenues, and maintained imperial records using the Sogdian script – one of the few writing systems widely recognized across Inner Asia (Erdal 2004). In steppe cities across Kazakhstan, Sogdian officials oversaw caravan traffic, collected customs duties, and mediated disputes between nomadic clans and merchant communities. Steppe rulers trusted Sogdians precisely because they were a diaspora people with no territorial empire of their own. Unlike rival nomadic clans, Sogdians posed no threat to royal authority (Grenet 2003). This trust made them the invisible administrative backbone of nomadic rule in Kazakhstan. One of the most meaningful dimensions of Sogdian-steppe relations was reciprocal cultural influence. This was not a one-sided process of "oasis civilization" transforming "nomadic backwardness" – both groups reshaped each other's languages, arts, technologies, and identities.

Regarding writing and bureaucracy, the Sogdian alphabet provided the graphical basis for the Old Turkic runic script, marking the birth of Turkic written literacy across Kazakhstan (Erdal 2004). Sogdians also introduced systematic record-keeping, tax administration, and coin-based economic systems. Not to underestimate was technology and urbanism, when Sogdian engineers and artisans brought irrigation techniques, mud-brick fortification, glassmaking, silver working, and advanced textile production to steppe towns (Litvinsky 1996). For the world beyond, religious systems as Zoroastrianism, Buddhism, and Manichaeism offered nomadic elites specific universal ideological frameworks to legitimize imperial power beyond kinship and tradition (Foltz 2010). Though, best known is the commercial infrastructure: Sogdians built the caravan routes, credit mechanisms, market institutions, and diaspora networks that turned regional exchange into a transcontinental system (Vaissière 2005). The Sogdians had many advantages by their interaction with the steppe societies, too: The military and political security was already mentioned, as steppe military power shielded Sogdian trade routes from bandits and rival polities, making long-distance commerce possible (Grenet 2003), and economic resources as steppe horses, camels, furs, leather, and wool sustained Sogdian trade and urban manufacturing (Vaissière 2005). Artistic innovation can be found in shape of the nomadic "animal-style" art – featuring stags, wolves, eagles, and griffins – profoundly transformed Sogdian metalwork, painting, textiles, and decorative arts (Litvinsky 1996). Also important was the social resilience: Sogdian diaspora communities adopted nomadic mobility, flexible kinship structures, and pastoral skills, allowing them to survive repeated political upheavals across Central Asia (Vaissière 2005).

Therefore, over generations, sustained interaction produced a distinct hybrid cultural identity across southern Kazakhstan like bilingual literacy and speech (Sogdian-Turkic / Sogdian-Kangju Saka), mixed architectural forms combining oasis fortifications and nomadic open spaces, syncretic religious practice blending Zoroastrian or Buddhist rituals with shamanic traditions, but also combined dress and ornament

styles as Sogdian silk robes paired with nomadic gold jewelry and belts. This hybrid culture was not a weakening of traditions, but a dynamic new form of Eurasian identity (Grenet 2003; Foltz 2010) what the region and symbolically the silk road stands for.

Traces of Interaction: Settlements, Burials, and Luxury Goods. Archaeology provides the most tangible and enduring evidence of Sogdian presence and integration in Kazakhstan. The material remains confirm that Sogdians were not just occasional visitors, but permanent residents and economic stakeholders. As noted, Kultepe and Taraz yield the strongest evidence for formal Sogdian settlement. The Sogdian brick inscriptions from Kultepe confirm administrative involvement, while Taraz reveals a dedicated Sogdian merchant quarter. The Semirechye region also contains Buddhist shrines and residential remains linked to Sogdian religious and communal life (Litvinsky 1996). Royal kurgans in Kazakhstan – including the famous Issyk kurgan near Almaty (fig. 3) and the Berel kurgans in eastern Kazakhstan – have yielded spectacular Sogdian-style silver vessels, glassware, silk textiles, and coinage, buried alongside nomadic horse gear and animal-style art (Grenet 2003). These goods were not random acquisitions: they represent structured elite gift-giving and commercial exchange. Meanwhile, Sogdian urban sites in Central Asia contain large quantities of steppe-produced goods: horse harnesses, furs, leather, and livestock products. This two-way material flow confirms a deeply integrated economic system (Vaissière 2005).

Fig. 3 The site of Issyk.

Most diagnostic evidence of Kangju activities are burials as the primary archaeological marker, showing a mix of nomadic steppe (Saka/Scythian) and sedentary oasis (Sogdian) traits, in Southern Kazakhstan dating into 2nd century BCE – 1st century CE. In both places, the dead were placed in pit-graves, often covered with logs, under kurgan mounds. These graves often contain weapons, jewelry, and pottery. The burials show that the traditional culture of the Kangju resembled characteristics of the Saka. Hereby, the hybrid assemblage of handmade steppe pottery (nomadic) and wheel made oasis pottery (sedentary Sogdian) is a helpful identity marker, reflecting Kangju's dual political structure. The type of the Early Nomadic Ware (2nd c. BCE – 1st c. BCE), found e.g. in Berk Kara and Tamdî, was low fired (≈800–900°C), handmade, coarse, grit tempered earthenware, with forms of simple, flat-bottomed jars, globular pots, and earless flat-bottomed flasks – the signature vessel of early Kangju. The transitional Hybrid Ware (1st c. BCE – 2nd c. CE) – as found in Sazagan and Orlat – was a mix of handmade/wheel, medium fired (≈900–1000°C) red/brown ware. The forms were red jars with handles, flat bottomed flasks, as well as bowls, cups, and stemmed goblets, adopted from Sogdian oasis traditions with decoration consisting of simple incised bands, stamped circles, or occasional red slip coating. The Late Sedentary Ware (2nd c. CE – 4th c. CE) consisted of fine, wheel made, high fired (≈1000–1100°C) red/buff ware; some with gray cores. The forms were large storage jars, deep bowls and platters – symmetrical and thin walled, as well as footed vessels, fully adopting Sogdian forms, with more elaborate decoration. These were found in catacomb/shaft chamber tombs and settlement sites at Kultepe and Otrar (interpreted as their royal winter capital[13]) and reflects Kangju's shift to semi sedentary life. The Sazagan Site near Samarkand, Uzbekistan from the same period confirms Kangju control over southern Sogdiana. In Orlat, in Kurgan no. 2 (also 2nd century BCE – 1st century CE, the so-called Sarmatian horizon), plaques were found with

[13] About location based on distance reflections, Han Shu clearly states: "Kangju kingdom, the king winters at Lüyuedi; to Beitian City. It is 12,300 li from Chang'an. Not subject to the Protector General. It takes seven days on horseback to reach the winter residence, and 9,104 li to the king's summer dwelling Fanneidi." Han Shu 96A 15B in Hulsewé 1979; Hill 2009; Yu 2018.

depictions who according to Pugachenkova were kinsmen of the Kangju, whereas Gorelik ascribed the warriors to the Hephthalites (information from: Mode 2003).

The Kangju–Sogdian Relationship as a Foundation for Comprehensive Understanding of Kazakh History and Culture. Nonetheless, a focus must be set once more on the Kangju: Examining their Kingdom's long-standing political, economic, and cultural ties with the Sogdians enables a far more nuanced, layered, and historically responsible understanding of Kazakh identity, heritage, and place within Eurasian history. Far from being a marginal or overly specialized focus, the Kangju–Sogdian nexus resolves key interpretive challenges in framing early steppe history within modern Kazakh national and cultural narratives. A fundamental contribution of centering the Kangju–Sogdian relationship is methodological clarity regarding ethnonational chronology. The modern Kazakh people and Kazakh Khanate emerged only in the fifteenth century CE, making direct reference to "Kazakhs" in the first millennium CE anachronistic. The Kangju Kingdom occupies the geographic and political space of contemporary southern Kazakhstan during the very period of Sogdian mercantile and cultural dominance[14]. Investigating Kangju therefore provides a historically valid placeholder for the early peoples of the Kazakh steppe, allowing analysis of Sogdian interaction without distorting ethnogenesis. This approach demonstrates that Kazakh cultural heritage rests not on a single unbroken ethnic lineage, but on a cumulative layering of steppe societies – Saka, Kangju, Turkic, and Mongolic – whose interactions with Sogdian networks shaped the region's enduring character. Traditional Silk Road historiography has often portrayed the steppe as a neutral transit zone between settled civilizations. The Kangju–Sogdian relationship overturns this narrative by revealing the steppe as an active, institutionalized force in shaping Eurasian trade. The steppe was never a mere passive corridor. Kangju did not merely host Sogdian merchants; it structured taxation, secured routes, controlled critical livestock resources, and negotiated geopolitical rivalries to enable long-distance exchange. For Kazakh history, this recasts the steppe tradition as one of strategic governance and economic agency, rather than just nomadic mobility or military power. The partnership shows that early societies of the Kazakh land were rational state-builders that understood and exploited their geopolitical position to participate in global interrelation.

Kazakh culture is widely recognized as a synthesis of nomadic, Turkic, Islamic, and sedentary Central Asian influences. The Kangju–Sogdian relationship reveals that this hybridity originated not with Islam or the Turkic khanates, but more than a millennium earlier. Kangju's dual political structure, combining nomadic elite rule with settled Sogdian administrative and commercial life, established a cultural template of coexistence that persisted throughout Kazakh history. Archaeological evidence of shared residential spaces, syncretic ritual practice, bilingualism, and artistic blending demonstrates that interconnectedness between steppe and oasis was not a later development but a foundational regional trait. Understanding this dynamic allows contemporary understandings of Kazakh culture to recognize hybridity as an ancient strength rather than a modern condition. The Kangju period provides the missing institutional link between the earlier Saka nomadic era and the subsequent Göktürk Khaganates, which in turn shaped medieval and early modern Kazakh identity. The administrative practices, trade systems, and diplomatic models that Sogdians developed under Kangju rule were directly inherited and expanded by Turkic elites. In this sense, Kangju represents the formative phase of the steppe-oasis symbiosis that would define Central Asia for centuries. Not to underestimate is the fact that the issue of Kangju forms a complex interplay between Chinese historiography, Iranian mythical geography, Central Asian archaeology, and historical linguistics. Furthermore, the debates surrounding Kaŋha/Kangar/Kanka, and the Syr Darya region serve as a prime example of the difficulty of reconstructing ethnic and political continuities in Inner Asia. For Kazakh historiography, this continuity means that Sogdian influence – linguistic, commercial, technological, and cultural – forms part of the deep structural background to Kazakh society, rather than being an external or incidental element of regional history. Popular and even scholarly narratives have long framed steppe and settled civilizations as inherently oppositional. The Kangju–Sogdian partnership offers a powerful counterexample centered on mutual dependence, institutional collaboration, and shared prosperity. Kangju relied on Sogdian literacy, commerce, and craft, whereas Sogdians relied on Kangju military protection, pastoral resources, and political legitimacy. This model offers a more balanced framework for interpreting Kazakh history: one in which borderlands, not central empires, defined

[14] "Kangju 康居 would cover Tashkent plus the Chu, Talas, and middle Jaxartes (Syr Darya) basins. Zhao 2023: 251. There has been some confusion in the literature over the extent of Kangju's territories during the Kushan period, and this is difficult to determine with confidence. The character jū means 'residence,' 'settled part of the country;' so Kangju can be translated as either: 'the territory of Kang,' or 'the territory of the Kang (people)'." Hill 2003: FN 13.

civilizational dynamics. It encourages a view of Kazakh heritage as connected, outward-looking, and embedded in Eurasian networks, rather than insular or isolated.

Finally, centering Kangju elevates Kazakh history from a local or regional narrative to an integral part of global Silk Road history. Kangju's conflicts with the Han Empire, Kushan, Wusun, Xionites, and Hephthalites situate the Kazakh steppe zone at the center of late antique Eurasian geopolitics[15]. When paired with Sogdian transnational networks, this relationship shows that the territory of modern Kazakhstan was not peripheral but pivotal to the circulation of goods, writing systems, religions, and political ideas across the continent. This perspective enriches both national historical understanding and international scholarly appreciation of Kazakhstan's enduring Eurasian role.

Conclusion. Legacy and the Enduring Impact of Sogdian-Steppe Interaction in Kazakhstan

Although Sogdian political autonomy ended with the Arab conquest of Sogdiana in the 8th century CE, their influence in Kazakhstan endured for centuries. The trade routes they established remained vital. The administrative practices they introduced shaped subsequent nomadic empires. Their linguistic influence became embedded in the early written cultures of Turkic peoples. Most importantly, the model of symbiosis they pioneered – between settled and nomadic societies – became a defining feature of Central Asian history. The Sogdian experience in Kazakhstan challenges long-standing myths about nomadic-sedentary conflict. These groups did not merely coexist – they depended on one another, enriched one another, and built shared institutions and identities together.

The relationship between the Sogdians and the steppe peoples of Kazakhstan is one of the most important and underappreciated chapters of Silk Road history. From the early centuries CE through the Turkic era, these civilizations interacted continuously through administration, trade, diplomacy, marriage, ritual, and daily life. Their partnership was politically structured above all by the Kangju Kingdom, which provided the first stable framework for Sogdian settlement and activity in the Kazakh steppe zone. Material evidence from Kultepe, Taraz, Semirechye, and royal kurgans confirms deep integration; written sources from Sogdian inscriptions to Chinese annals document institutionalized cooperation; and linguistic, artistic, and religious evidence reveals profound and mutual cultural exchange. The Sogdians contributed writing, religion, technology, and global commercial connections to the steppe peoples, who in return gave security, resources, military power, and artistic vitality to the Sogdians. Together, they created a hybrid, resilient, and profoundly Eurasian culture that shaped the history of Kazakhstan for more than a millennium. In the end, their story is not merely one of trade – it is the story of how civilizations thrive not in isolation, but through connection, reciprocity, and respect.

References

Baipakov, K.M., Smagulov, E. A., Erzhigitova, A. A. Early Medieval Burial Sites of South Kazakhstan. Almaty, BAUR, 2005. 224 p.

Ban, G. Hanshu. Beijing: Zhonghua Shuju, 1962.

Benjamin, C. The Yuezhi Migration through Sogdia // Studies presented to Boris Ilich Marshak on the Occasion of His 70th Birthday, edited by M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia. Marshak Festschrift, Eran ud Aneran. Venice: Istituto per l'Oriente, 2003. pp. 112–135. http://www.transoxiana.org/Eran/Articles/benjamin.html#_NDEF_22

Benjamin, C. The Kushan Empire. In Empires of Ancient Eurasia: The First Silk Roads Era, edited by C. Benjamin, 173–220. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

Benveniste, É. Les noms iraniens en sogdien. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1979. 192 p.

Botosheva, D. Cultural and Economic Relations of the Turks with the Sogdians in the Middle Ages (VI–VIII Centuries) // Bulletin of the Karaganda University. History. Philosophy Series. 2022. No. 1. pp. 155–163. https://doi.org/10.31489/2022hph1/155-163

[15] The Hunnic leader Zhizhi should at least be mentioned here, given the controversial relationship between Kangju and Xiongnu. He wed and murdered his Kangju royal wife, alongside many nobles. From there, he attempted to establish a new power base in the west. This expansion alarmed the Han dynasty. In 36 BC, the Chinese general Chen Tang, together with Gan Yanshou, led an army of approximately 40,000 men against Zhizhi, who inflicted a defeat upon him, and he was ultimately killed. His severed head was taken to Chang'an and publicly displayed (Ban 1962: 70.3009–3010). Nevertheless, many traces of the Xiongnu can be found in the Kasach region. Podushkin 2025: 54–99.

Bregel, Y. 2003. An Historical Atlas of Central Asia. Handbook of Oriental Studies. Section Eight: Central Asia, Vol. 9. Leiden: Brill.

Chavannes, E. Trois généraux chinois de la dynastie des Han orientaux // T'oung Pao (Second Series). 1906. Vol. 7, No. 2. Leiden: Brill. pp. 210–269.

Damgaard, P.d.B., Marchi, N., Rasmussen, S. et al. 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // Nature. 2018. Vol. 557. pp. 369–374. https://doi.org/10.1038/s41586-018-0094-2

Erdal, M. The Sogdian Language and Its Role in Central Asia // Turkic Languages. 2004. Vol. 8, No. 1. pp. 1–28.

Falk, Harry. The Five Yabghus of the Yuezhi. Bulletin of the Asia Institute, New Series 28 (2014). Bloomfield Hills, MI: Asia Institute. pp. 1–43.

Foltz, R. C. Religions of the Silk Road: Overland Trade and Cultural Exchange from Antiquity to the Fifteenth Century (2nd ed.). New York: Palgrave Macmillan, 2010. 320 p.

Golden, P. B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. 483 p.

Grenet, F. The Sogdians and the Steppe Nomads // Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Middle Ages, edited by J. Elverskog & M. Drompp. Bloomington: Indiana University Press, 2003. pp. 145–168.

Grenet, F. The Birth of Sogdian Culture between the Oxus and the Jaxartes. In: After Alexander: Central Asia before Islam, edited by J. Cribb and G. Herrmann, 29–38. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Hill, J. E. The Western Regions according to the Hou Hanshu. The Xiyu juan ("Chapter on the Western Regions" from Hou Hanshu 88) (Extensively revised with additional notes and appendices). 2003. https://depts.washington.edu/silkroad/texts/hhshu/hou_han_shu.html

Hill, J. E. Through the Jade Gate to Greater Central Asia: A Translation of the Han Shu Account of the Western Regions. Charleston: BookSurge Publishing, 2009. 416 p.

Hulsewé, A.F.P. China in Central Asia: The Early Stage (123 B.C.–A.D. 23). Leiden: E.J. Brill, 1979. 288 p.

Litvinsky, B. A. (Ed.). History of the Civilizations of Central Asia, Vol. III: The Crossroads of Civilizations, A.D. 250–750. Paris: UNESCO Publishing, 1996. 528 p.

Lurje, P. Kangdez. In Encyclopaedia Iranica. New York: Encyclopaedia Iranica Foundation, 2010.

Mode, M. Heroic fights and dying heroes – The Orlat battle plaque and the roots of Sogdian art // Studies presented to Boris Ilich Marshak on the Occasion of His 70th Birthday, edited by M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia. Marshak Festschrift, Eran ud Aneran. Venice: Istituto per l'Oriente, 2003. pp. 245–272. http://www.transoxiana.org/Eran/Articles/mode.html

Morris, L. Merchants and Nomads: Political and Economic Organization in Sogdiana and the Middle Syr Darya under the Kangju Confederacy, edited by S. von Reden. Handbook of Ancient Afro-Eurasian Economies, Volume 3: Frontier-Zone Processes and Transimperial Exchange, De Gruyter, 2023. pp. 145–270. https://doi.org/10.1515/9783110607628-005

Müller, S. Sogdier in China um 600 n. Chr.: Archäologische Zeugnisse eines Lebens zwischen Assimilation und Identitätsbewahrung. Nachrichten der Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens / Hamburg: Zeitschrift für Kultur und Geschichte Ost- und Südostasiens. Hamburg, 2009, 117–148.

Podossinov, A. V. Nomads of the Eurasian Steppe and Greeks of the Northern Black Sea Region: Encounter of Two Great Civilisations in Antiquity and Early Middle Ages. Competing Narratives between Nomadic People and their Sedentary Neighbours: Papers of the 7th International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe, held at Shanghai University, China, 9–12 November 2018, edited by Chen Hao. Studia Uralo-Altaica 53. Szeged: University of Szeged, 2019. pp. 237–251.

Podushkin, A. Kangju's Seasonal Capitals: Archaeological and Textual Evidence // The Silk Road Journal. 2016. Vol. 14. pp. 71–89.

Podushkin, A. N. Gosudarstvo Kangyui (II v. do n.e. – IV v. n.e.) v svete arkheologicheskikh istochnikov [The State of Kangju (2nd Century BCE–4th Century CE) in the Light of Archaeological Sources]. Materialy i issledovaniia po arkheologii Kazakhstana 19. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2024. 430 p.

Podushkin, A. N. Gosudarstvo Kangyui II v. do n.e. – IV v. n.e. v istoricheskom i etnokul'turnom kontekstakh [The State of Kangju (2nd Century BCE–4th Century CE) in Historical and Ethnocultural Contexts]. Materialy i issledovaniia po arkheologii Kazakhstana 26. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2025. 415 p.

Pritsak, O. The Pechenegs: A Case of Social and Economic Transformation. Archivum Eurasiae Medii Aevi 1. 1975. pp. 211–235.

Pulleyblank, E. G. “The Consonantal System of Old Chinese.” Asia Major 9, no. 1–2 (1962): 58–144, 206–265.

Pulleyblank, E.G. Chinese and Indo-Europeans // Journal of the Royal Asiatic Society. 1966. Vol. 2. London: Royal Asiatic Society. pp. 1–25.

Rtveladze, E. Civilization, States and Cultures in Central Asia. Tashkent: UNESCO, 2005. 312 p.

Shkoda, V. D. Sogdian Settlements in the Kazakh Steppe // Bulletin of the Asia Institute. 1996. Vol. 10. pp. 45–61.

Sima Qian. Records of the Great Historian, Han Dynasty II (Revised edition). Translated by Burton Watson. New York: Columbia University Press, 1993. 384 p.

Sims-Williams, N. Sogdian and Other Iranian Inscriptions of the Upper Indus. London: Corpus Inscriptionum Iranicarum, 1989. 224 p.

Sims-Williams, N., & Grenet, F. The Sogdian Inscriptions of Kultobe. London: Corpus Inscriptionum Iranicarum, 2007. 192 p.

Vaissière, É. de la. Sogdian Traders: A History. Leiden: Brill, 2005. 480 p.

Yarshater, E. Iranian National History, edited by E. Yarshater. The Cambridge History of Iran, vol. 3(1). Cambridge: Cambridge University Press, 1983. Pp. 359–477.

Yoshida, Y. Sogdian Ancient Letters. Kyoto: Kyoto University Press, 2010. 288 p.

Yu, Taishan. A Study of the Western Regions in Han Dynasty Historical Records. Beijing: China Social Sciences Press, 2018. 464 p.

Yu, Taishan. A Concise Commentary on Monographs on the Western Regions in the Official History Books of the Western & Eastern Han, Wei, Jin, Southern & Northern Dynasties. Beijing: Commercial Press, 2021. 688 p.

Zhang, D. Northwestern Han Slips and Silk Road Historical Research // Silk Roads: Chang’an-Tianshan Corridor Network. 2025. No. 1. pp. 1–12. (Published in Guangming Daily, Northwest Studies, March 26, 2025)

Zhao, Y. From Ancient Silk Road to Modern Belt and Road Initiative: A Signaling Approach to Trust-Building across Narratives. 241–266. In Bridging Two Worlds: Comparing Classical Political Thought and Statecraft in India and China, edited by Amitav Acharya and Wang Jisi, Oakland, CA: University of California Press, 2023. 335 p.

Р. Фельдбахер

Соғдылықтар және Қазақстан даласының көшпелілері: сауда, одақтастық, мәдени симбиоз және қаңлы мемлекетінің орталық рөлі

Бұл зерттеу Трансоксианадағы соғдылық көпес қауымдастықтары мен ежелгі Қазақстанның көшпелі мал шаруашылығымен айналысқан топтары арасындағы көпқырлы өзара байланыстарды қарастырады. Зерттеудің географиялық ауқымы Қазақ даласын, Сырдария алабын және Орталық Азияның іргелес оазистерін қамтиды, ал хронологиялық шеңбері б.з.д. IV ғасырдан б.з. VI ғасырына дейінгі кезеңді (Қаңлы мемлекетінің үстемдігі мен Ұлы Жібек жолы бойындағы соғдылық сауданың гүлдену дәуірі) қамтиды. Зерттеудің негізгі мақсаты отырықшы қалалық өркениеттер мен көшпелі мал шаруашылығы қоғамдары арасындағы дәстүрлі қарама-қарсылықты қайта қарастырып, олардың қатар өмір сүруін айқындаған саяси, экономикалық және мәдени өзара тәуелділіктерді қалпына келтіру. Бұл ретте соғдылық сауда желілері мен дала көшпелі бірлестіктері арасындағы негізгі геосаяси және дипломатиялық дәнекер болған Қаңлы мемлекетінің рөліне ерекше назар аударылады. Зерттеуде пәнаралық әдіснамалық тәсіл қолданылған: көне жазба деректерге (қытай әулеттік жылнамалары, соғдылық хаттар, антикалық деректер) сыни талдау, археологиялық материалдар (қорғандар, сауда бұйымдары, қоныс орындарының қалдықтары, нумизматикалық олжалар), сондай-ақ көшпелі және отырықшы қоғамдар арасындағы қатынастарды салыстырмалы антропологиялық зерттеу. Негізгі нәтижелер Қаңлы мемлекетінің шеткері көшпелі құрылым ғана емес, сауда жолдарын қорғап, дипломатиялық одақтарды реттеп, мәдени алмасуды қамтамасыз еткен орталық реттеуші күш болғанын көрсетеді. Соғдылық көпестер Қаңлының әскери қорғанысы мен көшпелі логистикалық мүмкіндіктерін пайдалана отырып, Шығыс Азиядан Таяу Шығыс пен Шығыс Еуропаға дейін созылған ұзақ қашықтықтағы сауда желілерін қалыптастырған. Олар жібек, асыл металдар, дәмдеуіштер мен мал өнімдерімен алмасқан. Мәдени симбиоз ортақ көркемдік мотивтерде, діни синкретизмде (зороастризм, шаманизм және буддизм ықпалы), тілдік алмасуларда

және отырықшы басқару жүйелері мен көшпелі конфедерациялық құрылымдарды біріктірген бейімделмелі әлеуметтік-саяси институттарда көрініс тапқан. Қорытындылай келе, соғдылықтар, Қаңлы мемлекеті және көшпелілер арасындағы ынтымақтастық исламға дейінгі кезеңдегі Орталық Азиядағы Ұлы Жібек жолы байланыстарының негізін құрап, аймақтың саяси иерархияларын, экономикалық жүйелерін және мәдени бірегейліктерін қайта қалыптастырғаны айқындалады. Бұл тұжырымдар Еуразия тарихында көшпелі құрылымдар мен сауда диаспораларының рөлін төмендететін дәстүрлі көзқарастарды қайта қарауға мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: соғдылар, Қаңлы мемлекеті, Ұлы Жібек жолы, Орталық Азия, Қазақстанның ежелгі тарихы, мәдени өзара ықпалдастық, көшпелі және отырықшы қоғамдар, сауда байланыстары, археологиялық деректер, Күлтөбе.

Р. Фельдбахер

Согдийцы и кочевники Казахстанской степи: торговля, союзы, культурный симбиоз и центральная роль государства кангюй

В данном исследовании рассматриваются многогранные взаимодействия между согдийскими торговыми сообществами Трансоксианы и кочевыми скотоводческими группами древнего Казахстана. Географический охват включает Казахстанскую степь, бассейн Сырдарьи и прилегающие оазисы Центральной Азии, а хронологические рамки период с IV века до н.э. по VI век н.э. (время гегемонии государства Кангюй и расцвета согдийской торговли на маршрутах Шёлкового пути). Основная цель исследования преодоление традиционного противопоставления оседлых городских цивилизаций и кочевых обществ путем реконструкции политических, экономических и культурных взаимозависимостей, определявших их сосуществование. Особое внимание уделяется государству Кангюй как ключевому геополитическому и дипломатическому посреднику между согдийскими торговыми сетями и степными кочевыми объединениями. В работе используется междисциплинарный методологический подход, включающий критический анализ письменных источников (китайские династийные хроники, согдийские письма, античные свидетельства), археологических данных (курганы, торговые артефакты, остатки поселений, нумизматические находки), а также сравнительные антропологические исследования взаимодействия кочевых и оседлых обществ. Основные результаты показывают, что государство Кангюй выступало не как периферийное кочевое образование, а как центральная регулирующая сила, обеспечивавшая безопасность торговых путей, посредничество в дипломатических союзах и развитие межкультурного обмена. Согдийские купцы, опираясь на военную защиту Кангюя и логистические возможности кочевников, формировали протяженные торговые сети от Восточной Азии до Ближнего Востока и Восточной Европы, обменивая шелк, драгоценные металлы, специи и скот. Культурный симбиоз проявлялся в общих художественных мотивах, религиозном синкретизме (зороастризм, шаманизм и буддизм), языковых заимствованиях и адаптивных социально-политических институтах, сочетавших элементы оседлого управления и кочевых конфедеративных структур. В заключение подчеркивается, что взаимодействие согдийцев, государства Кангюй и кочевников являлось основой функционирования Шёлкового пути в доисламской Центральной Азии, существенно повлияв на политические иерархии, экономические системы и культурные идентичности региона, а также поставив под сомнение традиционные представления, недооценивающие роль кочевых обществ и торговых диаспор в истории Евразии.

Ключевые слова: согдийцы, государство Кангюй, Великий шелковый путь, Центральная Азия, древняя история Казахстана, культурное взаимодействие, кочевые и оседлые общества, торговые связи, археологические данные, Культобе.

Е.Ш. Ақымбек, Н.Б. Нұрғали
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
Алматы, Қазақстан
eraly_a@mail.ru

Талас өңіріндегі қаңлы кезеңінің қоныстары (жаңа материалдар бойынша)*

Мақалада Талас өңіріндегі қаңлы кезеңіне жататын қоныстарды зерттеудің жаңа нәтижелері қарастырылады. *Өзектілігі*: Талас және Аса өзендері бассейніндегі қаңлы кезеңіне жататын «алаңды төбе» деп аталып кеткен қоныстарға далалық зерттеулер жүргізу өңірдегі ежелгі урбанизация үдерісінің барысын түсіну үшін маңызды болып табылады. Себебі, мұндай ежелгі ескерткіштер тобының айтарлықтай саны осы Талас өңірінде шоғырланған. *Мақсаты*: 2024 жылы Теріс-Аса археологиялық отрядының жүргізген археологиялық барлау және іздестіру жұмыстары барысында анықталған жаңа және бұрыннан белгілі ескерткіштер негізінде аймақтың ежелгі қоныстану жүйесі мен мәдени ландшафтын анықтау. *Әдістемесі*: Google Earth, SAS.Планета бағдарламалары арқылы «алаңды төбе» түрінде көрінетін төбелерге және топографиялық картада берілген төбешіктерге барлау-іздестіру жұмыстары жүргізілді. Қоныс ретінде анықталған төбелердің суреті мен жоспарын түсіру ұшқышсыз ұшу аппаратымен (квадрокоптер) жүзеге асырылды. Ескерткіштердің үстінен табылған археологиялық материалдарға салыстырмалы талдау жұмыстары жүргізілді. *Нәтижелері*: Талас өзенінің орта ағысынан және Қарасу, Құсақ, Көшеней, Шәлке, Қарабақыр сияқты шағын өзендер мен Теріс-Аса өзенінің бойынан, жылғалар мен бұлақтардың маңайынан бұрын ғылымға белгісіз болып келген онға тарта ежелгі «алаңды төбе» түріндегі қоныстар анықталды. Ескерткіштер көбінде су көздеріне жақын, сазды жерлерде орналасқан. Көлемдері мен жоспарлары бір-біріне ұқсас келген. *Қорытынды*: Ежелгі дәуірге жататын қоныстардың қоныстану жүйесі олардың өңірдің негізінен жасыл желекті белдеуінде орналасқандығын көрсетті. Табылған қыш материалдар зерттелген қаңлы кезеңіне жататын ескерткіштердің керамикаларымен ұқсас. Олай болса, анықталған қоныстар б.з. I мыңж. бірінші жартысымен мерзімделеді.

Түйін сөздер: Талас-Аса алқабы, ежелгі дәуір, қоныс, алаңды төбе, барлау.

Кіріспе. Зерттеу нысаны ретінде қарастырылып отырған аймақтың негізгі су артериялары – Талас және Аса өзендері болып табылады. Талас өзені бастауын Солтүстік Тянь-Шань тауларынан алады. Өзеннің жоғарғы ағысы Қырғыз Республикасының аумағында, атап айтқанда, Қырғыз жотасы мен Талас Алатауының арасында орналасқан жартылай тұйық типтегі Талас тауаралық ойпаты арқылы өтеді (Жумабекова, Кулматов, 2014: 135-137). Ал өзеннің орта және төменгі ағысы Қазақстан Республикасының аумағында орналасқан.

Аймақтың екінші ірі су жүйесі – Аса өзені, ол Теріс және Күркіреусу өзендерінің қосылуынан бастау алады. Бастауын Талас Алатауынан алатын Күркіреусу өзені Қырғыз Республикасы аумағынан ағып өтеді. Ал Аса өзенінің Қазақстандағы ең сулы әрі негізгі саласы болып табылатын Теріс өзені Теріс-Қошқарата тауаралық ойпаты арқылы ағады.

Теріс пен Күркіреусу өзендері Кіші Қаратаудың оңтүстік-шығыс шетіндегі тар тауаралық дәліз арқылы өтіп, өзара тоғысқаннан кейін Аса өзені деп аталады. Аса өзені табиғи арнасымен Билікөл және Ақкөл көлдерін басып өтіп, ерте кезеңдерде Талас өзенінің төменгі ағысына құйған. Алайда қазіргі таңда Аса өзені Талас арнасына жетпейді.

Қазақстан аумағындағы Талас өзені алабының шекаралық шебі мынадай географиялық нысандармен шектеледі: оңтүстігінде – Талас Алатауының солтүстік-батыс сілемі болып табылатын Қызыладыр тауының солтүстік-шығыс беткейіндегі шағын учаскемен; оңтүстік-батысында – Кіші Қаратаудың солтүстік-шығыс беткейлері.

Талас және Аса өзендерінің орта ағысы жасыл желекті, яғни жер беті және жер асты сулары мол аумақ болып есептеледі. Мұнда көптеген бұлақтар мен жылғалар, «қарасу» аталып кеткен шағын өзендер бар. Шағын өзендердің бірқатары Таласқа, ал біразы Аса өзеніне құяды. Бірақ

* Мақала ҚР ҒЖБМ ҒК BR24992939 «Ежелгі және орта ғасырдағы Сырдария мен Қаратау: мәдениеттің шығу тегі мен трансформациялануы» тақырыбындағы жоба аясында дайындалды. Далалық зерттеу жұмыстарына көмек көрсеткен Жамбыл облысы әкімдігі «Тарихи-мәдени ескерткіштерді қорғау және қалпына келтіру дирекциясының» инспекторы Бәйтімбетов Жандос Айсұлтанұлына алғыс білдіреміз.

бүгінде олардың көпшілігі аталған өзендерге жетпейді. Себебі, олардың суы бойына салынған су қоймаларына жиналып, бау-бақшаға суаруға пайдаланылады.

Өңірдің осы суы мол аймағынан тек ортағасырлық қоныстар мен қалаларды ғана емес, ежелгі уақытқа жататын қоныстарды да көптеп кездестіруге болады. Ежелгі қоныстар өзендердің орта ағысы есептелетін аймақпен бірге, Теріс өзені бассейнінен де ұшырасады. Керісінше, Талас және Аса өзендерінің төменгі ағысы есептелетін аймақта орта ғасырға жататын қоныстар кездескенімен, ежелгі дәуірдің қоныстары жоқ.

Талас және Аса өзендері бассейніндегі ежелгі қоныстық ескерткіштер көбінде шағын келген, жоспары бойынша дөңгеленген немесе созылған биік төбе күйінде кездеседі. Мұндай төбе түрінде кездесетін ескерткіштер ғылымда «алаңды төбе» деп аталады. Олар негізінен б.з.д. I мыңж. басына жатады. Бұл осы аймақта өмір сүрген қаңлылар уақытына келеді. Көптеген қоныстардың осы уақыттарда бой көтеруі, ежелгі урбанизациямен байланысты болуы мүмкін. Бүгінде осындай төбе болып жатқан ескерткіштердің шамамен 50-ден астамын өңірден кездестіруге болады.

Зерттелу тарихына шолу. Талас өңірдегі ежелгі дәуірге жататын үлкен төбе күйінде кездесетін қоныстарды археологиялық тұрғыдан зерттеу 1930-шы жылдардың аяғынан басталып, олар әр жылдарда Республикалық, облыстық және аудандық көлемдегі төрт рет шыққан Ескерткіштер жинағында енді.

1960 ж. алғаш жарияланған «Археологическая карта Казахстана» атты ескерткіштер тізімдемесіне сол жылдарға дейінгі зерттеулердің нәтижелерінде анықталған бірқатар қоныстар енгізілді (Археологическая карта.., 1960). Оған 1936–1938 жж. Материалдық мәдениет тарихы институты мен КСРО ҒА Қазақстандық бөлімшесінің Семиречье археологиялық экспедициясы (А.Н. Бернштам) анықтаған бірқатар ескерткіштер кірді (Труды... 1949). Бұл жинақта ескерткіштердің сипаттамасы өте қысқа беріліп, кейбіреуінің мерзімі көрсетілмеді.

1982 ж. С. Алипчеев және К. Байбосыновтар Жамбыл облысының территориясында орналасқан тарих және мәдениет ескерткіштердің жинағын басып шығарады (Алипчеев, Байбосынов, 1982). Бұл жинақта К. Байбосынов жетекшілік еткен Жамбыл облыстық тарихи-өлкетану музейінің экспедициясы 1976–1982 жж. аралығында жүргізген барлау жұмыстарының нәтижесінде анықталған көптеген қоныстардың сипаттамасы біршама толық беріледі. Ескерткіштердің үстінен жаналған керамика кешені бойынша бірқатарының мерзімі көрсетіледі.

1983–1984, 1990, 1997 жж. Талас өңірінде ҚазМУ-дың (қазіргі әл-Фараби атындағы ҚазҰУ) археологиялық экспедициясының барлау тобы (жетекшісі: М.Елеуов) орта ғасырларға жататын қалалармен қатар, қоныстарды да зерттейді (Елеуов, 1999).

1983–1986 жж. Тарих, археология және этнология институтының Тараз археологиялық экспедициясы (ТАЭ, жет. К.М. Байпақов) (Байпаков, Касенов, 1987; Байпаков, 1985: 6-16) және 2000 ж. Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясы (К.М. Байпақов, Д.А. Лобас) Талас өңірінде зерттеу жұмыстарын жүргізеді. Аталған зерттеу жұмысында Талас өңіріндегі белгілі қоныстардың жай-күйін анықтап, жаңадан бірнеше қонысті тіркеуге алады.

2002 ж. жарыққа шыққан Жамбыл облысының Тарих және мәдениет ескерткіштер жинағына Талас өңіріндегі бұрын белгілі және кейінгі зерттеулердің нәтижесінде анықталған қоныстар енгізіледі (Свод.., 2002).

2010–2014 жж. Жамбыл облысының территориясына «Археологическая экспертиза» ЖШС-нің Ескерткіштер жинағы экспедициясы (С. Ақылбек, Ш. Құдабаев) археологиялық барлау жұмыстарын жүргізіліп, Талас өңіріндегі бұрын шыққан жинақтардағы ескерткіштердің жай-күйін қайта қарап, жаңадан бірқатар ескерткіштерді анықтап, құралмен жоспарларын түсіріп, географиялық координаттарын алады. Нәтижесінде аудандардың жеке-жеке Тарих және мәдениет ескерткіштері жинағы жарыққа шығады (Жамбыл облысы.., (Байзақ ауданы), 2010; Жамбыл облысы.., (Жамбыл ауданы), 2010; Жамбыл облысы.., (Талас ауданы), 2010; Жамбыл облысы.., (Жуалы ауданы), 2013).

Материалы және зерттеу әдістері. Археологиялық барлау және нысандарды локализациялау жұмыстары қашықтықтан зондтаудың заманауи әдістерін қолдану арқылы жүзеге асырылды. Ең алдымен, Google Earth және SAS.Planet бағдарламалық кешендерінің жоғары ажыратымдылықтағы ғарыштық түсірілімдеріне ретроспективті талдау жасалды. Осы кезеңде жер бедерінде айқын морфологиялық белгілері бар, атап айтқанда, Орта Азия мен Қазақстанның қала мәдениетіне тән «алаңды төбе» (үсті тегіс келген төбе) типтес нысандардың визуалды

сипаттамалары зерделенді. Қашықтықтан зондтау деректері әртүрлі жылдар мен масштабтағы топографиялық карталардағы антропогендік бедер нысандарымен салыстырылып, алдын ала верификацияланды.

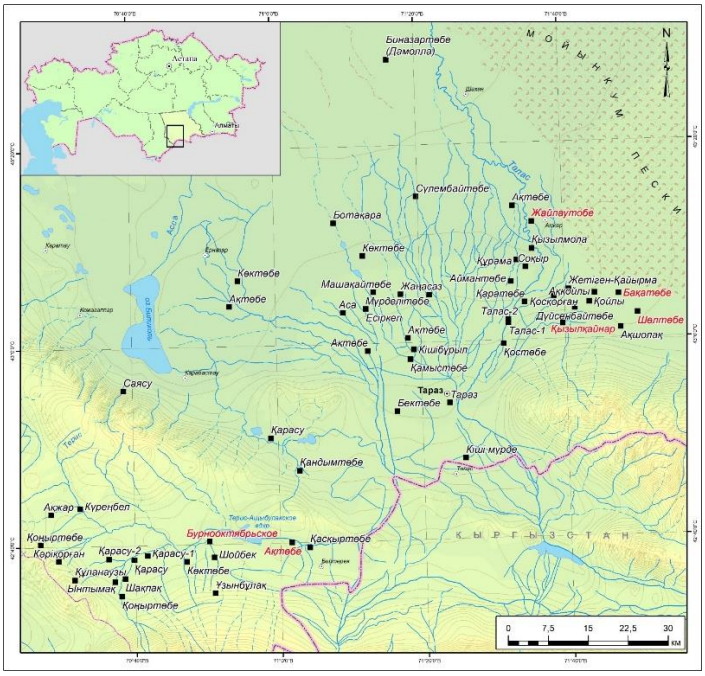
Далалық іздестіру жұмыстары барысында қашықтықтан анықталған нысандарға тікелей жергілікті жерде тексеру (верификация) жүргізілді. Стационарлық қоныс немесе бекіністі мекен ретінде сәйкестендірілген нысандарды құжаттандыру үшін заманауи цифрлық технологиялар пайдаланылды. Атап айтқанда, ескерткіштердің жалпы панорамалық көрінісін, жоспарлау құрылымын және топографиялық ерекшеліктерін тіркеу мақсатында ұшқышсыз ұшу аппараттары (квадрокоптер) қолданылды. Аэрофототүсірілім арқылы алынған жоғары дәлдіктегі кескіндер негізінде ескерткіштердің цифрлық ортофотожоспарлары әзірленді.

Зерттеудің келесі кезеңінде нысандардың беткі қабатынан жиналған артефактілерге (қыш бұйымдардың сынықтары, дәнүккіштер, металл қалдықтары т.б.) камералдық өңдеу және жүйелеу жұмыстары жүргізілді. Табылған археологиялық материалдарға морфологиялық және типологиялық тұрғыдан салыстырмалы-талдау жұмыстары жасалып, бұл ескерткіштердің хронологиялық шеңберін айқындауға және олардың аймақтағы белгілі мәдени кешендермен ұқсас байланысын анықтауға мүмкіндік берді.

Нәтижелер. Талас өңірінде ежелгі дәуірге жататын қоныстық ескерткіштер көптеп орналасқандығы осы күнге дейін жүргізілген зерттеу жұмыстарынан белгілі болып отыр. Анықталған ескерткіштер бірнеше рет жарияланған облыстық және аудандық тарих және мәдениет ескерткіштер жинағында берілген. Дегенмен олардың саны жыл санап артып келеді.

2024 ж. Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының Теріс-Аса археологиялық отряды (жетекшісі: Е.Ш. Ақымбек) Талас және Аса алқабында жүргізген барлау жұмыстарында ежелгі дәуірге жататын бірнеше қоныс орнын анықтады. Ескерткіштердің кейбірі ғылымға бұрын белгілі болуы да мүмкін. Себебі, сыртқы көрінісі жерлеу құрылысына ұқсас болғандықтан, оба ретінде тіркелген жағдайлар кездесті. Сонымен қатар ертерек белгілі болған бірқатар ескерткіштердің сипаттамасында орналасқан жерлерін бүгінде аты ұмытылған колхоз-совхоздардың атауымен және маңындағы ауылдардан емес, қашық жатқан үлкен елдімекендерден берілуі, орналасқан жерінің нақты көрсетілмеуі, төбенің жергілікті халықтың берген атауымен берілмеуі де шатастырушылыққа алып келді.

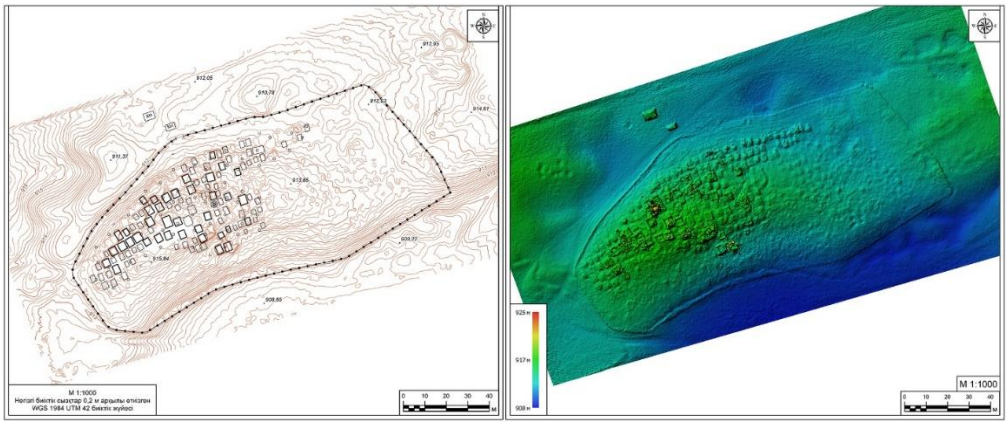
Анықталған ескерткіштер қатарында Аса алқабынан Ақжар, Күреңбел, Қамыстөбе, Есіркеп, Жаңасаз қоныстары, ал Талас алқабынан Аққойлы, Қарақойлы, Жетіген-Қайырма, Қаратөбе, Талас-1, Талас-2 қоныстары бар (1-сур.).

1-сур. Талас-Аса су алабындағы ежелгі қоныстардың орналасу картасы. Қызыл түспен қазба жұмыстары жүргізілген ескерткіштер берілген.

Ақжар қонысы Жамбыл облысы Жуалы ауданы Күреңбел (бұрынғы Төңкеріс) ауылының батыс (0,5 км) шетінде, Ақжар өзенінің сол жағасындағы террасаның үстінде орналасқан. Ескерткіштің үстіне қазіргі уақыттың зираты түсіп, жерлеу үсті құрылыстары тұрғызылған.

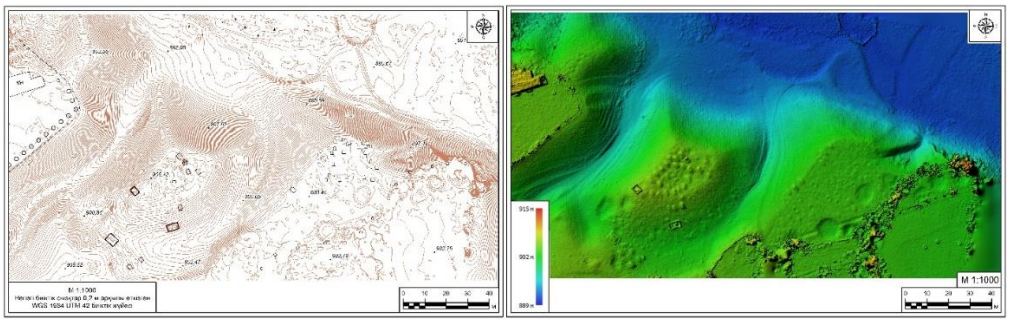
Солтүстік-шығыстан оңтүстік-батысқа қарай созылып жатқан ескерткіштің ұзындығы 120 м, ені 40-50 м, биіктігі 3 м (2-сур.). Ескерткіштің үсті мен маңайынан және жаңадан жерленген мәйіттердің топырақ үйіндісінен керамика фрагменттері кездеседі.

2-сур. Ақжар қонысы. Жоспарлары.

Күреңбел қонысы Жамбыл облысы Жуалы ауданы Күреңбел ауылының шығыс шетінде, Теріс өзенінің оң жақ биік жарқабақты террассасы үстінде орналасқан. Үстіне XX ғ. бірінші жартысындағы жерлеу орындарынан қалған көптеген шағын төмпешіктер сақталған. Олар ескерткіштің барлық алаңын алып жатыр, тек санаулысының үстіне ғана құрылыстар салса, кейбіреулеріне белгі ретінде үскендеу тастар қойылған.

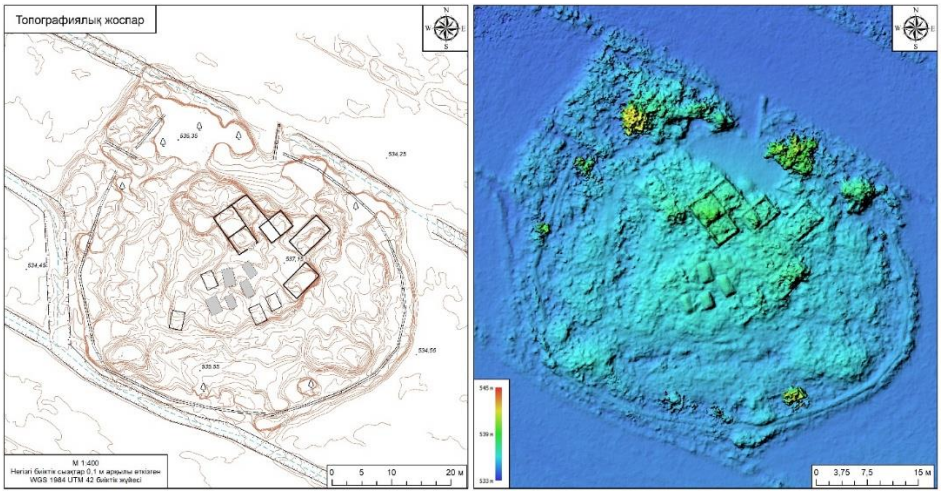
Жан-жағын сай қоршап жатқан жарқабақты төбенің тегіс келген, тіршіліктің қалдықтары білінетін үстіңгі алаңының көлемі 50 × 30 м, ол маңайындағы төбелерден 1 м биік жатыр (3-сур.). Керамика фрагменттері негізінен төбенің үстінен кездессе, санаулы қыш сынықтары маңайынан ұшырасады.

3-сур. Күреңбел қонысы. Жоспарлары.

Қамыстөбе қонысы Жамбыл облысы Жамбыл ауданы Қапал ауылынан 1,5 км батыста, бақша алқабының ортасында орналасқан. Шағын төбе күйінде жатқан ескерткіштің үстіне қалың қамыс өсіп кеткен. Ескерткішке кейінгі уақыттың қорымы түсіп, басым көпшілігіне әртүрлі сипаттағы жерлеу үсті құрылыстары салынған.

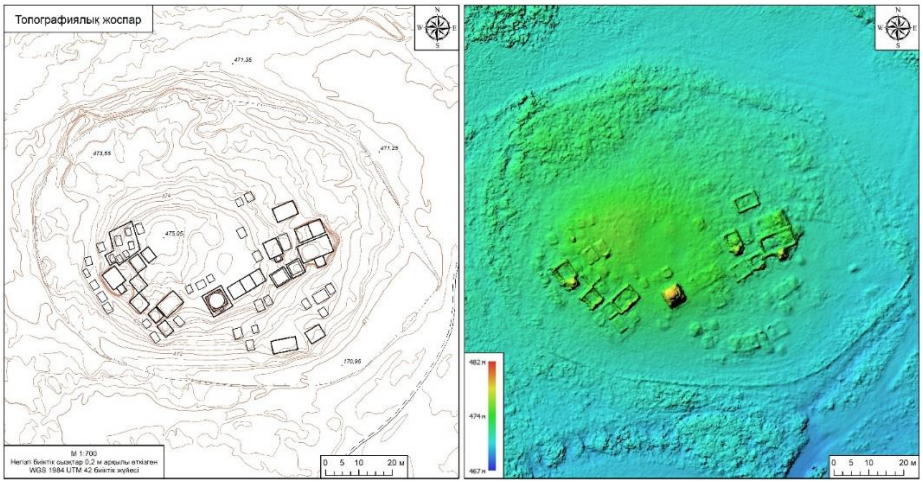
Ескерткішті, дұрысында қорымды тас арықтармен айнала қоршап тастаған. Диаметрі 45 м аумақтан әртүрлі биіктік байқалады. Ең биік нүктесі айналасындағы деңгейден 1,5 м биік жатыр (4-сур.). Беткі қабатын қалың шөп басып жатқандықтан, археологиялық материалдардан тек бір ғана керамиканың сынығы анықталды.

4-сур. Қамыстөбе қонысы. Жоспарлары.

Есіркеп қонысы Жамбыл облысы Жамбыл ауданы Тастөбе ауылынан 1,8 км батыста, Аса-Тастөбе ауылы арасындағы тас жолдың сол жағында, шағын су жылғасының оң жағасында орналасқан. Қатты жайылған төбе күйіндегі ескерткіштің үстіне қазіргі уақыттың қорымы түсіп, әртүрлі сипаттағы жерлеу үсті құрылыстары салынған. Қорым әлі де пайдалану үстінде.

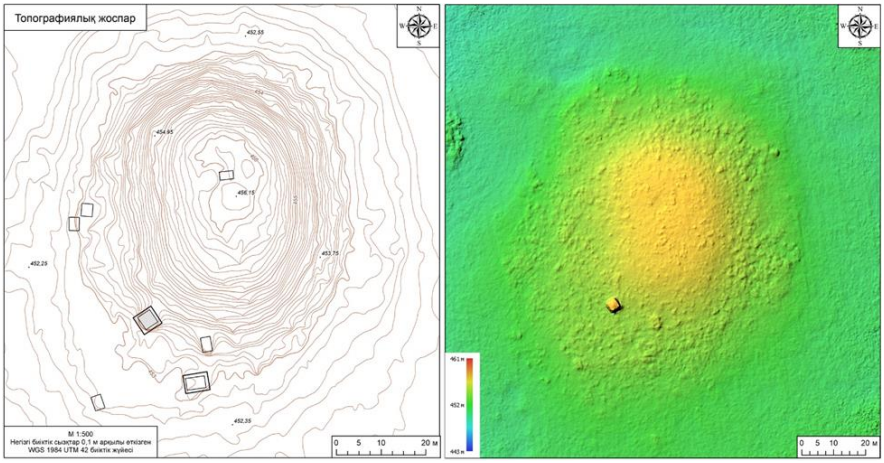
Шығыстан батысқа қарай созылып жатқан ескерткіштің ұзындығы 90 м, ені 60 м, биіктігі 1,5 м (5-сур.). Үстіндегі жерлеу орындарының үйіндісінен керамика сынықтары кездеседі.

5-сур. Есіркеп қонысы. Жоспарлары.

Жаңасаз қонысы Жамбыл облысы Жамбыл ауданы Абай ауылынан 4 км батыста, Абай-Тастөбе тас жолының сол жағында орналасқан. Ескерткіштің оңтүстік-батыс бөлігінің етек жағына санаулы жерлеу үсті құрылыстары салынған.

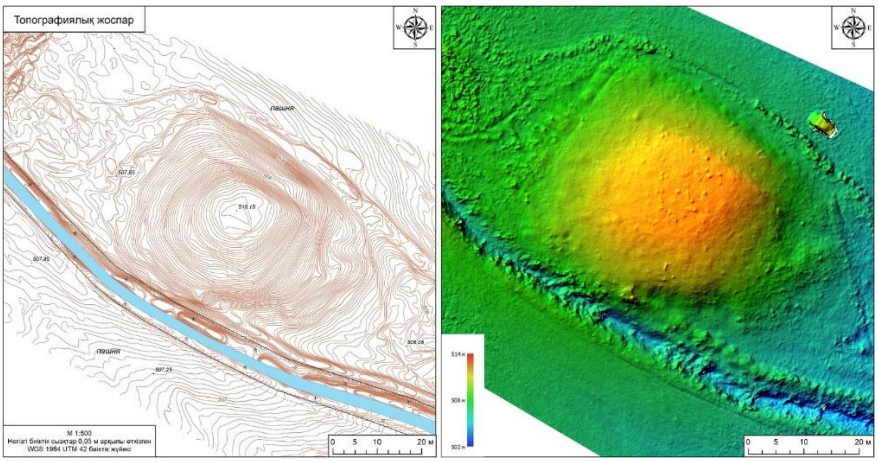
Солтүстіктен оңтүстікке қарай созылып жатқан төбе күйінде жатқан қоныстың ұзындығы 70 м, ені 60 м, биіктігі 3,5 м (6-сур.). Үсті тегіс алаңқайлы келген. Ескерткіштің үстінен керамика фрагменттері кездеседі.

6-сур. Жаңасаз қонысы. Жоспарлары.

Аққойлы қонысы Жамбыл облысы Байзақ ауданы Жаңатұрмыс ауылынан 3 км солтүстікте, Аққойлы арығының сол жағында орналасқан.

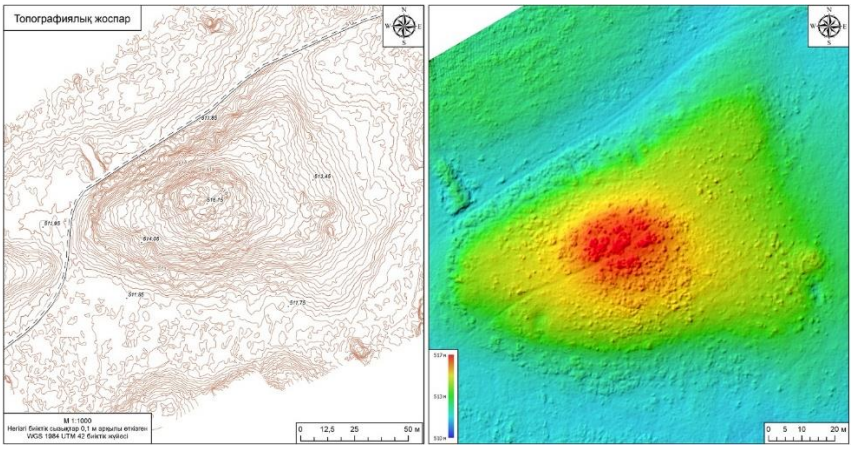
Жоспары бойынша доғал шаршыға келетін қоныстың бұрыштары әлемнің төрт тарапына сәл ауытқып бағытталған. Көлемі 40 × 40 м, биіктігі 3 м, үсті тегістеу, алаңды болып келген (7-сур.). Үстінен керамика фрагменттері кездеседі.

7-сур. Аққойлы қонысы. Жоспарлары.

Қарақойлы қонысы Жамбыл облысы Байзақ ауданы Жаңатұрмыс ауылынан 1,5 км солтүстікте, Аққойлы арығының оң жағасында орналасқан.

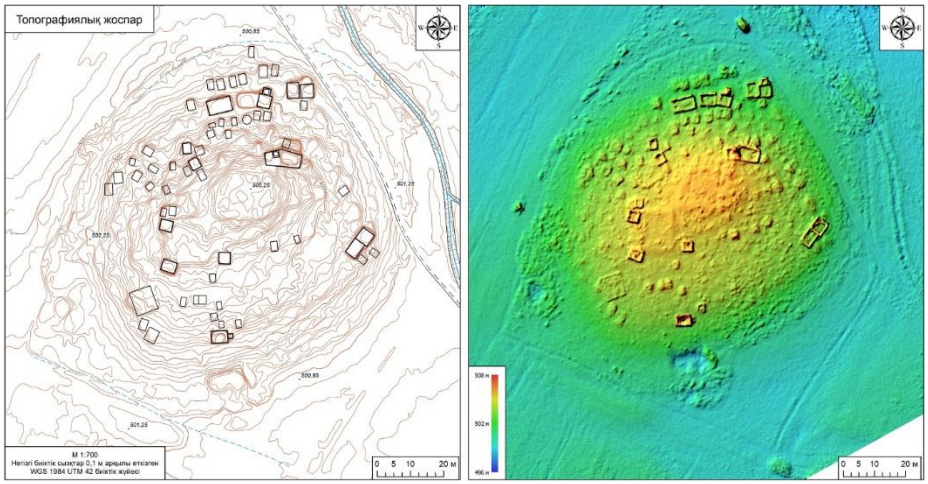
Шығыстан батысқа қарай созылып жатқан төбенің ұзындығы 120 м, ені 70 м, биіктігі 3 м. Тегіс келген үстіңгі алаңының диаметрі 35 м (8-сур.). Ескерткіштің үстінен және маңайынан керамика фрагменттері кездеседі.

8-сур. Қарақойлы қонысы. Жоспарлары.

Жетігін-Қайырма қонысы Жамбыл облысы Байзақ ауданы Жақаш ауылынан 2 км оңтүстік-шығыста, Жетіген-Қайырма арығының оң жағасында орналасқан. Үстіне толығымен жерлеу орындары түскен. Бірқатарында әртүрлі құрылымдағы жерлеу үсті құрылыстары бар. Жерлеу үйінділерінің арасынан төртқұлақ түріндегі жерлеу үсті құрылыстардың да қалдығы байқалады.

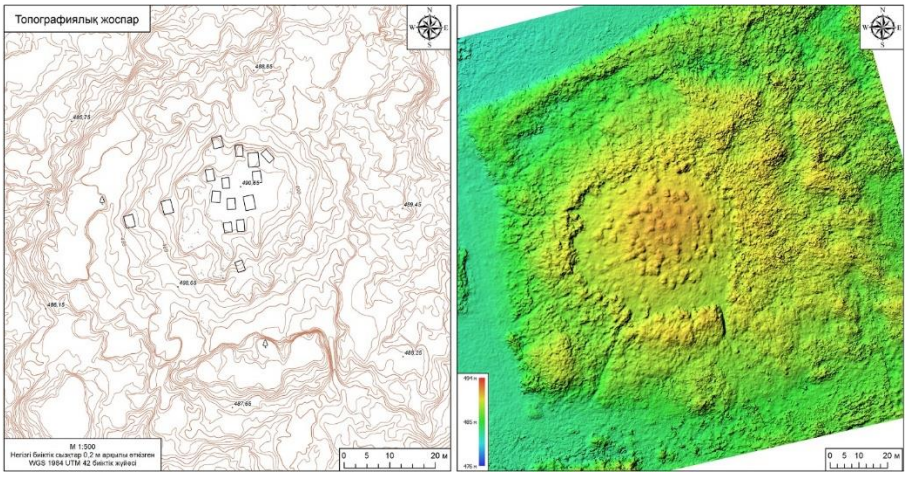
Жоспары бойынша сопақша келген, солтүстік-шығыстан оңтүстік-батысқа сәл ғана созылып жатқан төбенің ұзындығы 100 м, ені 90 м, биіктігі 4 м (9-сур.). Қоныстың үстінен керамика фрагменттері кездеседі.

9-сур. Жетіген-Қайырма қонысы. Жоспарлары.

Қаратөбе қонысы Жамбыл облысы Байзақ ауданы Асқарбай ауылынан 1,5 км шығыс-оңтүстік-шығыста, Талас өзенінің оң жағасынан бастау алатын Байөзек және Сәмбет арықтарының аралығында орналасқан. Ескерткіштің үстіне қорым түсіп, бірқатар жерлеу орындарының үстінде темір қоршаулар орнатылған.

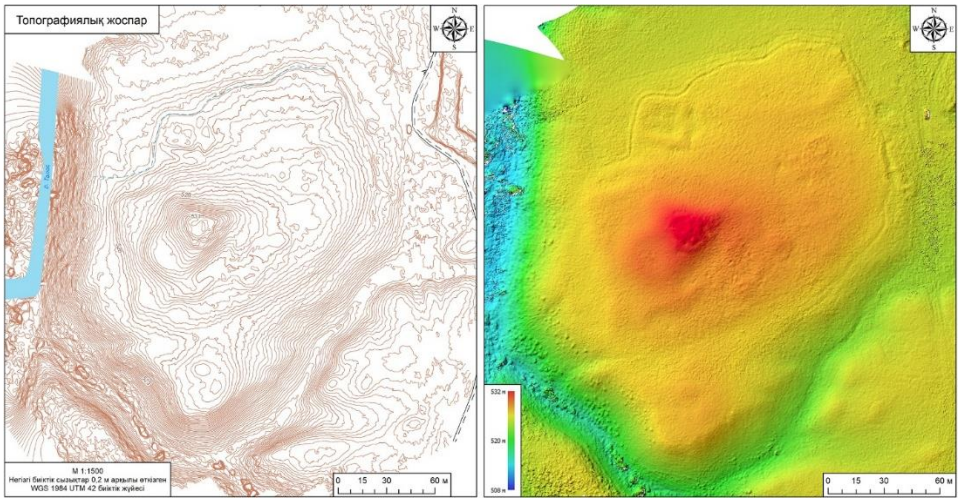
Жоспары бойынша дөңгелек келген, үсті алаңды болып келген төбенің диаметрі 65 м, биіктігі 3 м (10-сур.). Қоныстың үстінен ұсақ керамика сынықтары кездеседі.

10-сур. Қаратөбе қонысы. Жоспарлары.

Талас-1 қонысы Жамбыл облысы Байзақ ауданы Сарыкемер ауылының шетінен 0,8 км солтүстік-шығыста, Талас өзенінің оң жағалық террасасының үстінде орналасқан.

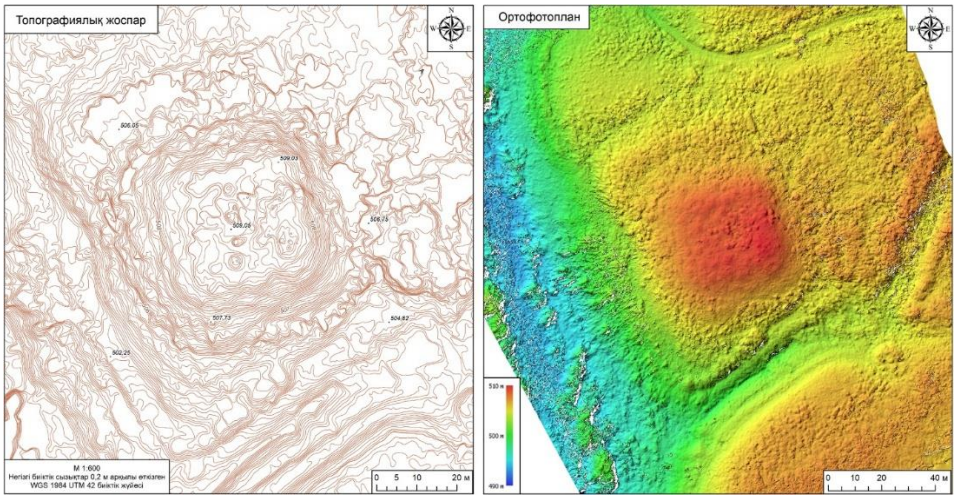
Ескерткіш екі сатылы төбеден тұрады. Төменгі бөлігі жоспары доғал төртбұрышқа келеді, оның көлемі 80 × 70 м, жалпы биіктігі 4 м. Үстіңгі бөлігі доғал үшбұрыштанып келген, оның әрбір жағының ұзындығы етегінен есептегенде 35 м, жеке өзінің биіктігі 2 м (11-сур.). Төбенің солтүстігінде орналасқан, сыртын қоршаған жалдары сәл ғана байқалатын шаршылы келген құрылыстың көлемі 25 × 25 м. Ескерткіштің үстінен керамиканың сынықтары кездеседі.

11-сур. Талас-1 қонысы. Жоспарлары.

Талас-2 қонысы Жамбыл облысы Байзақ ауданы Сарыкемер ауылының шетінен 1,2 км солтүстік-шығыста, Талас өзенінің оң жағалық террасасының үстінде орналасқан. Талас-1 қонысы екеуінің арақашықтығы 0,45 км.

Жоспары бойынша шаршылы келген, қабырғалары әлемнің төрт тарапына бағытталған төбенің көлемі 50 × 50 м, биіктігі 3 м, тегіс келген үстіңгі алаңының көлемі 35 × 35 м (12-сур.). Үстінен ұсақ керамика сынықтары кездеседі.

12-сур. Талас-2 қонысы. Жоспарлары.

Барлық қоныстың үстінен, бірінен айтарлықтай, бірінен аз мөлшерде керамиканың ұсақ сынықтары жинап алынды. Керамика кешенінің басым бөлігін күнделікті тұрмыста кең қолданылған асханалық ыдыстар құрайды. Оларға негізінен құмыралардың ернеу, бүйір қабырғасы, түп және тұтқа сынықтары жатады. Асүйлік керамика қатарында көзелер мен қазанға ұқсас ыдыстар кездеседі. Мұндай ыдыстардың кейбірінің сыртында күйе іздерінің сақталуы отқа тікелей байланысты. Шаруашылық-тұрмыстық керамикада үлкен хұмдар мен сақтау мақсатында қолданылған ыдыстардың бөлшектері бар.

Қыш бұйымдарға ортақ белгілердің бірі – олардың қолмен жапсыру әдісі арқылы жасалуы. Ыдыстар сапалы әрі бірқалыпты температурада күйдірілген. Керамиканың түсі көбіне қызғылт қоңыр реңкте болып келген. Ернеу пішіндері қарапайым, кей жағдайда сыртқа қарай аздап қайырылған. Қабырғаларының қалыңдығы ыдыстың атқаратын қызметіне байланысты әртүрлі болып келеді: асханалық ыдыстарда жұқалау (0,5–1,4 см), ал шаруашылық мақсаттағы хұмдарда едәуір қалың (1,4-2,3 см) жасалған. Жекелеген үлгілердің сыртқы бетінен ангоб іздері мен толқынды-ирек сызықты өрнектер байқалады. Бұл қыш өндірісінде белгілі бір технологиялық дәстүрлер мен сәндік элементтердің қолданылғанын көрсетеді.

Талқылау. Талас-Аса алқаптарынан бүгінгі таңға дейін 50-ден астам ежелгі дәуірдің қоныстары белгілі болып отыр. Олардың ішінде археологиялық қазба жұмыстары Қызылқайнартөбе, Шөлтөбе, Бақатөбе, Жайлаутөбе, Бурнооктябрьское және Ақтөбе қоныстарына жүргізілді. Өңірдегі ежелгі дәуірдің қоныстарын алғашқы зерттеу 1960-шы жылдары басталды.

1963–1968 жж. М.С. Мерщиев Қызылқайнартөбе қонысына қазба жұмыстарын жүргізеді. Диаметрі 100 м, биіктігі 5,5 м болатын қонысқа қазба жұмыстары толық жүргізілмегенімен, жоспары біршама айқын құрылыс орнын анықтайды. Ескерткішті салыстырмалы түрде б.з. I–IV ғғ. мерзімдейді (Мерщиев, 1972: 79-92).

1964–1967 жж. М.С. Мерщиев жоспары бойынша сопақша келген көлемі 100 × 80 м, биіктігі 3 м болатын Шөлтөбе қонысына қазба жұмыстарын жүргізіп, ерекше архитектуралық кешенді ашады. Зерттеуші ашылған құрылыс пен табылған материалдарға қарай нысанды б.з. I–V ғғ. аралығымен мерзімдейді (Мерщиев, 1966: 69-73).

Ұзақ жылдық үзілістен кейін ежелгі дәуірдің қоныстарын зерттеу 2015 ж. қайта жанданады.

2015–2017 жж. жоспары бойынша шаршылы келген (көлемі: 110 × 110 м), ортасында шағын төбешігі бар Бақатөбе қонысына қазба жұмыстары жүргізіледі. Нәтижесінде қамал түріндегі құрылыс орны анықталады. Ашылған нысан мен шыққан материалдар салыстырмалы түрде II ғ. ортасы – III ғ. мерзімделеді (Торгоев и др., 2020: 69-86).

2018–2019 жж. Теріс өзенінің жағасында орналасқан жоспары бойынша дөңгелек (көлемі: 110 × 100 м), екі сатыланып келген Бурнооктябрьское қонысына қазба жұмыстары жүргізіледі. Қазба жұмыстары барысында үстіңгі алаңынан қабырғалары қалың әрі биік келген бірнеше бөлме орындары ашылады. Бөлме орнынан алынған ағаш көміріне жүргізілген радиокөміртекті талдау нәтижесінде құрылыс б.з. II ғ. мерзімделетіні белгілі болады (Талеев, Торбеков, 2020: 50-64).

2023 ж. Талас өңіріндегі ежелгі дәуірге жататын ең үлкен қоныс – Жайлаутөбе ескерткішіне зерттеу жұмыстары жүргізіледі. Ескерткіш екі сатылы төбеден тұрады, төменгі бөлігінің көлемі 180 × 120 м, үстіңгісі – 85 × 60 м. Төменгі алаңда жүргізілген қазба жұмыстарынан шикі саздан салынған, бірақ қатты бұзылып кеткен құрылыс қалдықтары анықталады. Алынған материалдар бойынша нысанды б.з. II–IV ғғ. мерзімдейді (Онгарулы, 2024: 104-121).

2023 ж. Теріс алқабындағы Ақтөбе қонысына зерттеу жұмыстары жүргізіледі. Екі сатылы төбеден тұратын қоныстың көлемі 150 × 130 м, жалпы биіктігі 3,5-4 м, орталық төбесінің көлемі 80 × 60 м. Төменгі алаңында жүргізілген қазба жұмыстарынан бірнеше тұрғын бөлме орындары ашылады. Жүргізілген салыстырмалы және радиокөміртекті талдау нәтижелері бойынша нысан б.з. I–III ғғ. мерзімделеді (Акымбек и др. 2024: 183-202).

Қазба жұмыстары жүргізілген қоныстардың көлемі мен биіктігі жаңадан анықталған ескерткіштерге ұқсас екендігін көруге болады. Қоныстардың орналасуларында да аса айырмашылықтар байқалмайды. Барлығы бір-біріне жақын орналасқан.

Зерттелген қоныстардың орталық төбелерінен ерекше архитектуралық ғимараттардың анықталғандығын, ал төменгі алаңынан тұрғын бөлме орындары шыққанын көруге болады. Әзірге олардың қай алаңы бірінші қалыптасқандығын анықтау қиын. Бұл көлемі жағынан айтарлықтай үлкен қоныстарға тән. Себебі, шағын келген қоныстар тек бір ғана төбеден, нақтысы алаңды төбеден тұрады.

Қоныстардың барлығына бір биіктік тән. Ол бойынша көпшілігі 3 м айналасында болып тұр. Биіктігі одан төмендері немесе асып кететіндері аз. Бұл олардың барлығында архитектуралық кешен бар дегенді білдірмейді. Дегенмен, қазба жұмыстары жүргізілген қоныстардың кейбіреуінің көлемі анықталып отырған ескерткіштердің көлеміне өте жақын.

Анықталған қоныстардың керамика кешендері зерттеу жұмыстары жүргізілген қоныстардың материалдарына ұқсас. Олардың жасалуы, пішінделуі мен безендірулерінен жақындықтар байқалады.

Толқынды өрнекпен бедерленген асханалық ыдыстар Ақтөбе (Бабата) қонысының б.з. II–IV ғғ. материалдарымен (Сенигова, 1962: 73, сур. 15: 2, 7, 8), сондай-ақ Талас өңіріндегі Бақатөбе қамалының II–III ғғ. орта қабатындағы (Торежанова және т.б., 2018: 219) және Теріс өзенінің бойындағы I-III ғғ. мерзімделетін Ақтөбе қонысындағы (Акымбек и др. 2024: 202, рис.7, 4) ыдыстармен ұқсас келеді. Шаруашылық мақсатта пайдаланылған созыңқы мойынды хумшалардың ұқсас үлгілері Күлтөбе қаласынан (Торгоев и др.: 2020: 86, рис.4: 3-4, 9-10) табылған материалдар арасынан кездеседі. Қоныстардан анықталған қыш ыдыстар Талас аңғары мен Сырдария өзенінің орта ағысында орналасқан қаңлы дәуірі ескерткіштерінің материалдарымен көптеген ұқсастықтарға ие.

Қорытынды. Талас-Аса су алабындағы ежелгі қоныстардың топографиялық орналасуында өзіндік заңдылықтар байқалады. Ескерткіштердің басым бөлігі жер үсті және жер асты су көздеріне бай, өсімдік жамылғысы қалың ландшафттық белдеулерде шоғырланған. Бұл фактор аймақта отырықшылық мәдениеттің қалыптасуына тікелей ықпал еткенімен, жергілікті тұрғындардың суармалы егіншілікпен немесе бау-бақша шаруашылығымен айналысқанын айғақтайтын ирригациялық жүйелер әлі де арнайы зерттеуді қажет етеді. Қоныстардың көпшілігі су көздеріне жақын орналасқанымен, кейбір нысандардың маңайында қазіргі уақытта ашық су арналары кездеспейді. Дегенмен, бұл аумақтарда соңғы кезеңдерге жататын жасанды арықтардың іздері байқалады. Бұл жайт кейінгі суару жүйелерінің ежелгі ирригациялық құрылыстардың негізінде (ізімен) қайта жаңғыртылу ықтималдығын жоққа шығармайды.

Ежелгі дәуір қоныстарының көлемдері мен топографиялық жоспарларының ұқсас болуы – археология ғылымындағы маңызды заңдылықтардың бірі. Бұл феномен, ең алдымен, аталған нысандардың бір тарихи кезеңде (дәуірде) салынғанын және ортақ мәдени-шаруашылық кеңістікке тиесілі болғанын айғақтайды.

Бүгінде археологияда қоныс жоспарларының ұқсастығы «стратиграфиялық және хронологиялық индикатор» ретінде қолданылады. Олай болса, жаңадан анықталып отырған қоныстардың топографиялық жоспары бұған дейін мерзімі анықталған ескерткіштерге толық ұқсас болып келуі, олардың бір тарихи кезеңде салынғанына негізгі дәлел болып отыр.

Табылған қыш материалдар да зерттелген қаңлы кезеңіне жататын ескерткіштердің керамикасымен ұқсас. Табылған керамикалық материалдар аймақта қыш өндірісінің қалыптасқан дәстүрі болғанын көрсетеді. Ыдыстардың жасалу техникасы, морфологиялық ерекшеліктері мен өрнектелу сипаты Талас аңғары, Сырдарияның орта ағысы мен Қаратау баурайындағы қаңлы дәуірі ескерткіштерімен мәдени-тарихи сабақтастықтың болғанын аңғартады. Пішіні мен өрнектелу ерекшеліктері жағынан бұл ыдыстар Оңтүстік Қазақстандағы б.з. I–IV ғғ. қаңлы кезеңіне жататын ескерткіштердің қыш бұйымдарынан айтарлықтай ерекшеленбейді. Олай болса, анықталған қоныстар б.з. I мыңж. бірінші жартысымен мерзімделеді. Қоныстардың нақты қай уақытта өмір сүргенін келешекте оларға жүргізілген зерттеу жұмыстары көрсететін болады.

Әдебиеттер тізімі

Акымбек Е.Ш., Талеев Д.А., Шагирбаев М.С., Нургали Н.Б. Новые исследования памятника эпохи кангюй в долине Терис (по материалам поселения Актобе в Южном Казахстане) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2024. № 17. С. 183-202.

Алипчеев С., Байбосынов К. Свод памятников истории и культуры джамбулской области. Джамбул, 1982. 208 с.

Археологическая карта Казахстана // Коллективная монография. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1960. 498 с.

Байпаков К.М. Отчет о работах Таразской археологической экспедиции в 1985 году // Архив ИА КН МНВО РК. Ф. 11, оп. 2, д. 2079, св. 157, 101 л.

Байпаков К.М., Касенов М.С. Археологической изучение Таласской долины. Отчет об археологических исследованиях в охранной зоне Музея-заповедника «Древний Тараз» (1983-1986) // Архив ИА КН МНВО РК. Ф. 11, оп. 2, д. 2123, св. 160, 143 л.

Елеуов М. Шу-Талас өңірлерінің ортағасырлық қалалары мен мекендері (VI ғ. – XIII ғ. басы): тарих ғыл. докторы ... дис. Алматы, 1999. 360 б.

Жамбыл облысы тарих және мәдениет ескерткіштерінің Жинағы. Байзақ ауданы. Алматы, 2010. 204 б.

Жамбыл облысы тарих және мәдениет ескерткіштерінің Жинағы. Жамбыл ауданы. Алматы, 2010. 212 б.

Жамбыл облысы тарих және мәдениет ескерткіштерінің Жинағы. Жуалы ауданы. Алматы, 2013. 209 б.

Жамбыл облысы тарих және мәдениет ескерткіштерінің Жинағы. Талас ауданы. Алматы, 2010. 223 б.

Жумабекова Н.К., Кулматов Т.Н. Устройство поверхности Таласской долины и их влияние на формирование ландшафтов. Бишкек // Известия ВУЗов, География та туризм. 2014. №4. С. 135-137

Мерщиев М. С. Поселение Чоль-тобе в северных предгорьях Киргизского Алатау // Вестник АН Каз. ССР. 1966. № 12. С. 69-73.

Мерщиев М.С. Поселение Кзыл-кайнар-тобе I–IV веков и захоронение на нем воина IV–V века // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 79-92.

Онгарулы А., Буранбаев Р.Н., Арынов К.С., Шагирбаев М.С. Итоги исследований на поселении Жайлаутобе в Таласской долине в 2023 г. // Turkic Studies Journal. 2024. Т. 6. № 3. С. 104-121.

Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. Алматы, РГКП «НИПИ ПМК», 2002. Т.2. 350 с., карты, ил.

Сенигова Т.Н. Поселение Актобе / Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. Алматы, 1962. Т. 14. С. 57-82.

Талеев Д.Ә, Торбеков Е.С. Бурнооктябрьск (Жылқышытөбе) қалашығында 2018–2019 жылдары жүргізілген зерттеулер // Қазақстан археологиясы. 2020. № 2 (28). 50-64 бб.

Торгоев А.И., Кулиш А.В., Торежанов Н.Ж. Замок Бака-тобе и крестообразные постройки Кангюя // Археология и история кангюйского государства. Шымкент: Типография «Әлем», 2020. С. 69-86.

Торежанова Н.Ж., Торгоев А.И., Кулиш А.В Раскопки замка Бака-тобе в 2015-2017 гг. // X Оразбаевские чтения. Алматы: Қазақ университеті, 2018. С. 216-220.

Труды Семиреченской археологической экспедиции (1936–1938 гг.). Таласская долина / Сост.: А.Н. Бернштам. Алма-Ата: изд-во АН Каз ССР, 1949. 229 с.

Y.Sh. Akymbek, N.B. Nurgali

Settlements of the Kangju Period in the Talas Valley (Based on New Materials)

This article presents new findings from the study of Kangju-period settlements located in the Talas region. *Relevance*: Conducting field research on settlements of the “tobe with a platform” (alandy tobe) type, which date back to the Kangju period in the Talas and Asa river basins, is of key importance for reconstructing the processes of ancient urbanization. The high concentration of this group of sites specifically within the Talas region underscores the scientific significance of their comprehensive study. *Objective*: To reconstruct the ancient settlement system and cultural landscape of the region based on an analysis of newly discovered and previously known sites recorded during archaeological surveys conducted by the Teris-Asa detachment in 2024. *Methodology*: Remote monitoring of objects morphologically expressed as “tobe with a platform,” as well as elevations marked on topographic maps, was carried out using Google Earth and SAS.Planet software. Aerial photography and the creation of site plans for the identified settlements were performed using unmanned aerial vehicles (quadcopters). Archaeological material collected from the surface of the sites was subjected to comparative typological analysis. *Results*: Approximately ten previously unknown ancient settlements of the “tobe with a platform” type were identified in the middle reaches of the Talas River, the Asa River valley, along small rivers (Karasu, Kusak, Kosheney, Shalke, Karabakyr), and near spring zones. These sites are primarily located in floodplains and clayey areas close to water sources. The discovered objects demonstrate similarities in their metric parameters and spatial planning structures. *Conclusion*: Spatial analysis indicates that the ancient settlement system was oriented toward the “green belt” of the region. The techno-typological characteristics of the recovered ceramics correlate with materials from previously studied reference sites of the Kangju period. Based on the data obtained, the identified settlements are dated to the first half of the 1st millennium AD.

Key words: Talas-Asa valley, ancient period, settlement, flat-topped mound, survey.

Е.Ш. Акымбек, Н.Б. Нургали

Поселения кангюйского периода Таласской долины (по новым материалам)

В статье представлены новые результаты исследования поселений кангюйского периода, локализованных в Таласском регионе. *Актуальность*: Проведение полевых исследований поселений типа «тобе с площадкой» (алаңды төбе), относящихся к кангюйскому времени в бассейнах рек Талас и Аса, имеет ключевое значение для реконструкции процессов древней урбанизации. Значительная концентрация памятников данной группы именно в Таласском регионе обуславливает научную значимость их комплексного изучения. *Цель*: Реконструкция системы древнего расселения и культурного ландшафта региона на основе вновь выявленных и ранее известных памятников, зафиксированных в ходе археологических разведок Терис-Асинского отряда в 2024 году. *Методология*: Посредством программного обеспечения Google Earth и SAS.Planet был осуществлен дистанционный мониторинг объектов, морфологически выраженных

как «тобе с площадкой», а также возвышенностей, отмеченных на топографических картах. Аэрофотосъемка и составление планов выявленных поселений проводились с применением беспилотных летательных аппаратов (квадрокоптеров). Археологический материал, собранный с поверхности памятников, был подвергнут сравнительно-типологическому анализу. *Результаты*: В среднем течении реки Талас, в долине реки Аса, а также вдоль малых рек (Карасу, Кусак, Кошеней, Шалке, Карабакыр) и вблизи родниковых зон выявлено около десяти ранее неизвестных науке поселений типа «тобе с площадкой». Памятники преимущественно приурочены к поймам рек и глинистым участкам вблизи источников воды. Обнаруженные объекты демонстрируют схожесть метрических параметров и планировочной структуры. *Заключение*: Пространственный анализ показал, что система расселения в древности была ориентирована на «зеленый пояс» региона. Технико-типологические характеристики найденной керамики коррелируют с материалами ранее изученных эталонных памятников кангюйского периода. На основании полученных данных выявленные поселения датируются первой половиной I тыс. н. э.

Ключевые слова: долина Талас-Аса, древний период, поселение, тобе с площадкой, разведка.

О.Т. Доспанов, Ш.А. Омирзаков
Государственный музей искусств Каракалпакстана имени И.В. Савицкого
Нукус, Каракалпакстан
oktyabrd@gmail.com

Синтез геолого-археологических и культурно-исторических данных в исследовании добычи бирюзы Султануиздагской горной системы

Султануиздагская горная система, расположенная в Республика Каракалпакстан в нижнем течении Амударья, является одним из древнейших центров добычи минералов, в том числе и бирюзы в Средней Азии. Геологические условия приуроченность минерализации к зонам тектонических нарушений в кремнистых и углеродисто-сланцевых толщах обусловили формирование жильных месторождений и развитие траншейных и шахтных выработок, известных с античного времени и возобновлявшихся в XII–XIV вв. Письменные источники, включая труды Абу Райхан Бируни и упоминания эпохи Дарий I, косвенно свидетельствуют о раннем горном промысле в Хорезме. Комплексный анализ геологических, археологических и этнографических данных позволяет рассматривать Султан-Увайс как важный центр добычи и переработки бирюзы, сыгравший заметную роль в хозяйственно-культурных связях региона.

Ключевые слова: Султануиздаг, бирюза, Хорезм, древнее горное дело, археология Центральной Азии, минерализация, Внутренний Кызылкум, Амударья, средневековые рудники, ювелирное производство.

Введение. Султануиздагская горная система, расположенная в нижнем течении Амударьи на территории Республики Каракалпакстан, представляет собой уникальный природно-исторический комплекс, в котором тесно переплетаются геологические особенности и многовековая хозяйственная деятельность человека. В пределах данного массива сосредоточены древние горные выработки, связанные прежде всего с добычей бирюзы минерала, игравшего значимую роль в материальной культуре народов Центральной Азии. Несмотря на наличие отдельных публикаций по геологии и археологии региона, проблема становления, функционирования и трансформации горного промысла в районе Султануиздага до настоящего времени не получила всестороннего междисциплинарного освещения.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа источников различной природы геологических, археологических, письменных и этнографических, позволяющего реконструировать динамику освоения минеральных ресурсов Хорезма с древнейших времён до средневековья и позднейших периодов. Особый интерес представляет выявление взаимосвязи между природными условиями формирования бирюзовой минерализации, технологией добычи и обработки камня, а также изменениями в хозяйственно-культурных приоритетах населения региона.

Цель настоящей работы заключается в систематизации и интерпретации имеющихся данных о добыче и использовании бирюзы в пределах Султануиздагского массива (Султан-Увайс, Тебин-Булак) в контексте исторического развития Хорезма. Для достижения поставленной цели предпринята попытка проследить эволюцию горного дела, определить специфику геологического строения месторождений, проанализировать археологические свидетельства переработки минерала, а также рассмотреть его место в этнокультурной традиции народов Южного Приаралья.

Тем самым статья ориентирована на расширение представлений о роли Султануиздага как одного из древних центров горного промысла Центральной Азии и на уточнение его значения в системе региональных экономических и культурных связей.

Обсуждение. В пределах Султануиздагской системы выделяются два основных участка древней добычи собственно месторождение Султан-Увайс и участок Тебин-Булак. Они являются частями единой минерализованной зоны.

Месторождение Султан-Увайс расположено на юго-западном склоне массива, примерно в 6 км от автодороги Нукус–Турткуль. Здесь выявлены две протяжённые (до 9 км) зоны минерализации. Древние разработки представлены узкими траншеями шириной от 1 до 5 м и длиной до 50–100 м. На северо-западном фланге обнаружены два крупных карьера чашеобразной формы шириной до 25–40 м и длиной 60–70 м (Султануиздаг).

Глубина сохранившихся выработок сегодня составляет 0,5–2 м, однако по объёму отвалов можно предположить первоначальную глубину до 5–10 м. В одном из древнейших участков зафиксирована наклонная шахта глубиной до 20 м. Рядом обнаружены остатки каменных построек из сланцевых плит, относящихся ко второму этапу эксплуатации.

В отвалах встречается плотная бирюза небесно-голубого цвета различных оттенков от светлого до насыщенно тёмно-синего. Даже при длительном нахождении на поверхности камень сохраняет цвет, что свидетельствует о высоком качестве сырья.

Второй участок Тебин-Булак расположен в 4 км от основного месторождения и представляет его северо-западное продолжение. Здесь также выявлены траншейные выработки и находки керамики XII–XIV вв., что свидетельствует о средневековой эксплуатации (Манылов 1973).

Одни из самых ранних научных сведений о бирюзе принадлежат Абу Райхан Бируни. В его труде «Минералогия» приводится описание цвета и состава камня, его значения в ювелирных украшениях народов Востока, а также распространённые представления и мифы о бирюзе. В XIII веке в сочинении Махмуда ибн Мансура среди районов добычи бирюзы упоминается Хорезм, что исследователи связывают с древними рудниками Султануиздагских гор (Юсупов, Манылов 1962: 63-64).

С середины XIX века появляются научные описания бирюзовых месторождений Центральных Кызылкумов. Исследования проводили И. П. Герасимов и П. К. Чихачёв (Герасимов 1931:83). В 1930-е годы изучение активизировалось благодаря геологическим и археологическим экспедициям под руководством А. Ф. Соседко (Соседко 1933: 31-32), Н. Н. Вактурской, Э. Д. Мамедова и С. П. Толстова (Материал сборов). Значительный вклад внесла группа по картированию древних горных выработок при Геологическом управлении СССР под руководством С. В. Лопатина (Лопатин 1965:4). Эти исследования позволили реконструировать историко-географическую картину добычи кызылкумской бирюзы.

Горное дело древнего и средневекового Хорезма, а также периода Хивинского ханства, до настоящего времени остаётся недостаточно изученной областью историко-археологических исследований. Несмотря на многочисленные упоминания в трудах восточных и российских авторов, систематизированного анализа источников, касающихся добычи природных камней, в частности бирюзы, до сих пор не проведено в полной мере.

Цель настоящего исследования обобщить разрозненные сведения о горном промысле в районе Султануиздага (Султан-Увайс) с древнейших времён до новейшего периода, а также обозначить перспективы дальнейшего изучения этого важного направления в истории хозяйства Хорезма.

Одним из наиболее ранних источников, косвенно указывающих на существование горных разработок в Хорезме, является строительная надпись Дарий I (552–486 гг. до н. э.) о возведении дворца в Сузах. В перечне материалов, поставлявшихся из различных сатрапий Ахеменидской державы, упоминается камень «ахшайна», поступавший из Хорезма (Авдиев 1953).

Интерпретация этого термина остаётся дискуссионной. В. И. Авдиев отождествлял «ахшайна» с бирюзой, тогда как М. М. Дьяков и О. В. Кудрявцев склонялись к интерпретации данного минерала как гематита. В более поздней работе М. М. Дьяков допускал двойственную трактовку «гематит или бирюза». М. Е. Массон, в свою очередь, предполагал, что речь могла идти о тальковом камне, широко представленном в пределах Султануиздагского массива (Юсупов, Манылов 1962: 61-62).

Таким образом, уже античные письменные источники фиксируют вывоз минерального сырья из Хорезма, что позволяет ставить вопрос о существовании организованного горного промысла на раннем этапе.

Султануиздагская горная система, расположенная в нижнем течении Амударьи, характеризуется сложным строением и наличием кремнистых, углеродистых и слюдистых сланцев силурийско-карбонового возраста. Бирюза приурочена к зонам тектонических нарушений и трещиноватости, где формируются прожилки и линзы голубовато-зелёного минерала в кварцевых жилах и зонах дробления.

Выработки месторождений бирюзы данного региона относятся к жильному и прожилковому типу. Минерал встречается в виде мелких включений и линз, что обусловило специфику древней добычи преимущественно траншейной или шахтной разработки малой глубины. Археологические наблюдения фиксируют древние выработки, представленные узкими канавами и неглубокими шахтами, а также отвалы с остатками небесно-голубого камня высокой плотности.

Археологические материалы античного Хорезма свидетельствуют о переработке бирюзы уже в ранний период. На поселениях архаической эпохи обнаружены необработанные фрагменты минерала, полуфабрикаты и готовые украшения цилиндрические и бочкообразные бусины, подвески каплевидной формы (Манылов 1973).

Коллекционные материалы, в том числе собрание Государственного музея искусств Каракалпакстана имени И. В. Савицкого, демонстрируют разнообразие форм и оттенков бирюзовых вставок в ювелирных изделиях. Цветовая гамма варьирует от светло-голубого до насыщенно синего и зеленоватого, что отражает различия в химическом составе и степени окисления.

В средневековый период интенсивность использования бирюзы, по-видимому, менялась. В ряде археологических комплексов кангюйского и кушанского времени она практически отсутствует, что может свидетельствовать либо о сокращении добычи, либо о переориентации торговых путей. Вместе с тем для XII–XIV вв. имеются данные о возобновлении разработок в пределах Внутреннего Кызылкума и Султануиздага.

Археологические материалы античного Хорезма (VII–V вв. до н. э.) свидетельствуют о переработке бирюзы на месте. Следы мастерских обнаружены на поселении Джингильджа. Найдены необработанные фрагменты, цилиндрические и бочкообразные бусины, а также подвески каплевидной формы (Манылов 1973).

В археологических коллекциях Государственного музея искусств Каракалпакстана имени И. В. Савицкого представлены многочисленные образцы бирюзовых украшений из районов Топрак-кала, Кой-Кырылган-кала, Беркуткала, и других памятников. Цвет варьирует от зелёного до небесно-голубого; встречаются и пятнистые разновидности.

В археологических комплексах кангюйского и кушанского времени бирюза фиксируется крайне редко, что позволяет говорить о существенном сокращении её использования в ювелирном и декоративном производстве данного периода.

Аналогичная тенденция прослеживается и в средневековом Хорезме, где находки изделий из бирюзы единичны. Вместе с тем в материальной культуре отмечается своеобразная компенсация утраты камня посредством имитации его цветовой гаммы в поливной керамике: распространение голубых и бирюзово-зелёных глазурей, по-видимому, отражает трансформацию эстетических предпочтений и символических акцентов, а не прямое продолжение традиции использования природного минерала.

Вероятно, крупные политические и экономические процессы, характеризующие историю средневекового Хорезма, повлияли на изменение структуры ремесленного производства и ресурсных приоритетов. В условиях трансформации торговых путей и хозяйственных связей мастерские, располагавшиеся на отрогах Султануиздага, в большей степени ориентировались на камнерезное производство, прежде всего на обработку талька, обладавшего технологическими преимуществами и широкой сферой применения.

Материалы раскопок средневековых памятников в окрестностях Султануиздагского массива подтверждают данную тенденцию. В культурных слоях конца IX–XIV вв. регулярно обнаруживаются изделия из талька (котлы, жаровни, столики) и мрамора (подпятники, подвески, грузила для веретена). Значительное количество каменных предметов в хозяйственном обиходе населения свидетельствует о целенаправленной адаптации ремесленного производства к практическим потребностям общества. По-видимому, в условиях экономической нестабильности и необходимости укрепления материальной базы приоритет отдавался функциональным и долговечным изделиям, что обусловило снижение роли бирюзы как декоративного и престижного материала.

Использование бирюзы в этнографическом контексте требует более дифференцированного подхода, нежели это предполагает распространённая формула «бирюза любимый камень Востока». Материалы по традиционной культуре народов Южного Приаралья показывают, что степень её распространения была неодинаковой. В украшениях казахов и каракалпаков региона бирюза применялась сравнительно редко и, как правило, в сочетании с другими вставками, тогда как у таджиков и отдельных групп узбеков она использовалась значительно шире и чаще выступала как самостоятельный акцент декоративной композиции. Таким образом, этнокультурная специфика определяла как частотность, так и семантику использования данного минерала.

Сведения, зафиксированные в полевых материалах Х. Есбергенова при изучении традиционных юрт в Кегейлийском и Чимбайском районах, позволяют говорить о важной роли декоративного убранства жилища в социальной репрезентации (Этнография каракалпаков 1980:43). Информаторы сообщали, что зажиточные владельцы украшали верхнюю часть кереге место

крепления уык (купольных жердей) резной костью и серебром. Подобная традиция, по-видимому, имеет глубокие исторические корни. В сочинении Абулгази Бахадур-хан содержится описание легендарной юрты Огузхана, все деревянные части которой были покрыты золотом и украшены рубинами, яхонтами, изумрудами, бирюзой и жемчугом. Несмотря на эпический характер повествования, подобные свидетельства отражают устойчивую символическую связь драгоценных камней, в том числе бирюзы, с представлениями о власти, достатке и сакральности пространства.

В традиционном костюме каракалпаков бирюза также присутствовала, однако не занимала доминирующего положения. Женские головные уборы – саукеле, онгир моншак и хайкели – представляли собой сложные композиции декорированной металлическими бляхами, подвесками, цветными камнями и бусами. Вставки из сердолика и бирюзы (кыраң) использовались наряду с другими материалами, формируя полихромный декоративный эффект. Согласно этнографическим данным, каракалпакские ювелиры широко применяли сердолик, бирюзу, разноцветное стекло, перламутр (меруерт), кораллы (маржан), жемчуг и даже бриллианты (гаухартас). Камни закреплялись в гнёздах в центре и по краям изделий, подчёркивая их композиционную структуру (Этнография каракалпаков 1980:43-166).

Таким образом, бирюза в этнографической традиции Южного Приаралья не выступала универсальным и преобладающим материалом, а функционировала как один из элементов сложной системы декоративных средств. Её использование определялось как локальными эстетическими предпочтениями, так и социально-символическими установками, что подтверждает необходимость рассмотрения данного минерала в контексте региональной культурной динамики, а не в рамках обобщённого представления о «восточной» традиции.

У туркмен южных районов, граничащих с Ираном, широкое распространение бирюзы связано с торговыми путями, ведущими из Нишапура одного из главных центров добычи на Ближнем Востоке. Вместе с тем у каракалпаков и казахов преимущество часто отдавалось сердолику, а среди металлов – серебру.

Небольшие размеры местных включений бирюзы (часто 1,5–2 мм) ограничивали её применение в крупных вставках. Кроме того, кочевой и полукочевой образ жизни, постоянное воздействие солнца, ветра и температурных колебаний отрицательно влияли на сохранность камня. Ещё Бируни отмечал, что открытый воздух и жара могут ухудшать качество бирюзы. Поэтому более устойчивые камни использовались чаще.

Что касается геологических условий, то большинство месторождений бирюзы Узбекистана (за исключением отдельных участков Карамазара) приурочено к сходным геологическим структурам и формируется в аналогичных литолого-тектонических условиях. Они связаны с толщами кремнистых сланцев, чередующихся с глинистыми, углеродисто-кремнистыми и слюдистыми породами силурийского и карбонового возраста.

В зонах контакта различных типов сланцев часто наблюдаются тектонические нарушения, зоны дробления и минерализация бирюзы. Минерал встречается в виде мелких прожилок и включений в кварцевых жилах малой мощности, а также в трещинах самих сланцевых пород.

Таким образом, проведённый анализ геологических, археологических, письменных и этнографических источников позволяет рассматривать Султануиздагскую горную систему как один из значимых центров древнего горного промысла в Хорезме. Геологические условия массива приуроченность минерализации бирюзы к зонам тектонических нарушений в сланцевых толщах силурийско-карбонового возраста обусловили формирование жильных и прожилковых месторождений и предопределили специфику их разработки в виде траншейных и неглубоких шахт.

Археологические материалы свидетельствуют о функционировании рудников с античного времени и о возобновлении добычи в XII–XIV вв., что позволяет говорить о цикличности освоения месторождений в зависимости от экономической конъюнктуры и политической ситуации.

Источники письменной традиции, начиная с трудов Абу Райхан Бируни и вплоть до исторических сочинений Абулгази Бахадур-хан, фиксируют представления о бирюзе как ценном и символически значимом минерале, что подтверждает её включенность в хозяйственные и культурные процессы региона. Вместе с тем археологические данные демонстрируют неравномерность её использования: после раннеантичного периода бирюза утрачивает прежнее значение, а в средневековом Хорезме встречается ограниченно, уступая место иным материалам и формам декоративного выражения, включая имитацию её цветовой гаммы в глазурованной керамике.

Этнографические материалы Южного Приаралья подтверждают, что бирюза не являлась универсальным и доминирующим элементом традиционного убранства, а использовалась наряду с

сердоликом, стеклом, перламутром и другими вставками. Это свидетельствует о вариативности эстетических предпочтений и о зависимости выбора материала от природных, хозяйственных и социальных факторов.

Тем самым, история добычи и использования бирюзы в районе Султан-Увайса отражает сложную динамику взаимодействия природных ресурсов, ремесленного производства и культурных традиций Хорезма. Дальнейшие исследования, основанные на междисциплинарном подходе и сравнительном анализе археологических комплексов Центральной Азии, способны уточнить масштабы добычи, направления обмена и место Султануиздагских рудников в системе региональных экономических связей.

Заключение. Проведённый анализ совокупности геологических, археологических, письменных и этнографических данных позволяет рассматривать Султануиздагскую горную систему как один из значимых центров древнего горного промысла в Хорезме. Геологические особенности массива приуроченность минерализации бирюзы к зонам тектонических нарушений в сланцевых толщах силурийско-карбонового возраста обусловили формирование жильных и прожилковых месторождений и предопределили специфику их разработки в форме траншейных и неглубоких шахт.

Археологические материалы свидетельствуют о функционировании рудников уже в античный период и о возобновлении добычи в XII–XIV вв., что указывает на цикличность освоения месторождений и зависимость интенсивности горного промысла от политико-экономической конъюнктуры. Письменные источники, начиная с эпохи Ахеменидов и трудов Абу Райхан Бируни, подтверждают включенность минерального сырья Хорезма в более широкие торгово-культурные процессы.

Вместе с тем динамика использования бирюзы демонстрирует неравномерность её роли в материальной культуре региона. После раннеантичного периода значение минерала постепенно снижается, а в средневековое время он уступает место иным материалам, что отражает трансформацию ремесленных приоритетов и эстетических установок. Этнографические данные Южного Приаралья подтверждают, что бирюза не являлась универсальным и доминирующим элементом традиционного убранства, а функционировала как часть более сложной системы декоративных средств, определяемой природными, хозяйственными и социальными факторами.

Таким образом, история добычи и использования бирюзы в районе Султан-Увайса отражает сложное взаимодействие природных ресурсов, технологических возможностей и культурных традиций Хорезма. Дальнейшие исследования, основанные на междисциплинарном подходе, археометрическом анализе минерала и сравнении с другими центрами добычи Центральной Азии, позволят уточнить масштабы производства, направления обмена и место Султануиздагских рудников в системе историко-экономических связей региона.

Список литературы

Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1953, стр. 548.

Герасимов И.П., Чихачев П.К., Геологический очерк Кызылкумов. Отчет о работах 1927 и 1928 гг., Труды Главного геологоразведочного управления ВСНХ СССР, вып. 82, М.– Л., 1931, стр. 83.

Лопатин С. В. Горные клады. Советская Каракалпакия” от 24 января 1965.

Материал сборов Э. Д. Мамедова хранится в фондах Хорезмской экспедиции Ин-та этнографии АН СССР.

Манылов Ю. П., Археологические памятники Султануиздага эпохи античности и средневековья. (Археолого-топографическое исследование Султануиздага): автореф. дис. … канд. ист. наук. Ташкент,1973. 20 с.

Соседко А.Ф., Основные результаты Кызылкумской геохимической экспедиции Академии наук СССР 1931 г., «Кызылкумы», т. I, Труды Совета по изучению производительных сил (далее СОПС) АН СССР, серия каракалп., вып. 1, Л., 1933, стр. 31–32.

Султануиздаг.
https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%83%D0%BB%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%83%D0%B8%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%B3

Этнография каракалпаков. XIX начало XX века (Материалы и исследования). Ташкент, «ФАН», 1980. 133 с.

Юсупов Н., Манылов Ю.П. К изучению горного дела Султануиздага // Вестник КК ФАН РУ, 1962, №2. С.61-62

О.Т. Доспанов, Ш.А. Омирзаков

Сұлтануиздағ тау жүйесіндегі көгілдір ақық кенін өндіруді зерттеудегі геологиялық-археологиялық және мәдени-тарихи деректердің синтезі

Қарақалпақстан Республикасында, Әмудариянның төменгі ағысында орналасқан Сұлтануиздаг тау жүйесі Орта Азиядағы минералдарды, соның ішінде көгілдір тасты (бирюза) өндірудің ең көне орталықтарының бірі болып табылады. Геологиялық жағдайлар кремнийлі және көміртекті тақтатас қабаттарындағы тектоникалық бұзылыстар аймақтарына минералданудың шоғырлануы желілі кен орындарының қалыптасуына және антикалық дәуірден белгілі, XII–XIV ғасырларда қайта жанданған траншеялық және шахталық қазбалардың дамуына негіз болды. Жазба деректер, соның ішінде Әбу Райхан Бирунидің еңбектері мен I Дарий дәуіріне қатысты мәліметтер, Хорезмдегі ерте тау-кен кәсібінің болғанын жанама түрде айғақтайды. Геологиялық, археологиялық және этнографиялық деректерді кешенді талдау Сұлтан-Увайсты көгілдір тасты өндіру және өңдеудің маңызды орталығы ретінде қарастыруға мүмкіндік береді; ол өңірдің шаруашылық-мәдени байланыстарында елеулі рөл атқарған.

Түйін сөздер: Сұлтануиздаг, көгілдір тас (бирюза), Хорезм, көне тау-кен ісі, Орталық Азия археологиясы, минералдану, Ішкі Қызылқұм, Әмудария, ортағасырлық кеніштер, зергерлік өндіріс.

O.T. Dospanov, Sh.A. Omirzakov

Synthesis of Geological, Archaeological, and Cultural-Historical Data in the Study of Turquoise Mining in the Sultanuizdag Mountain System

The Sultanuizdag mountain system, located in the Republic of Karakalpakstan in the lower reaches of the Amu Darya, represents one of the oldest centers of turquoise mining in Central Asia. Geological conditions namely the confinement of mineralization to tectonic fault zones within siliceous and carbonaceous schists determined the formation of vein-type deposits and the development of trench and shaft workings known from antiquity and reactivated in the 12th–14th centuries. Written sources, including the works of Abu Rayhan al-Biruni and references from the time of Darius I, indirectly indicate the existence of early organized mining in Khorezm. A comprehensive analysis of geological, archaeological, and ethnographic data allows the Sultan-Uvays area to be regarded as a significant center of turquoise extraction and processing that played an important role in the economic and cultural connections of the region.

Key words: Sultan-Uvays, turquoise, Khorezm, ancient mining, Central Asian archaeology, mineralization, Inner Kyzylkum, Amu Darya, medieval mines, jewelry production.

С.Т. Шаметов, И.Қ. Джалишева
«Әзірет Сұлтан» ұлттық тарихи-мәдени музей-қорығы
Түркістан, Қазақстан
shayan_68@mail.ru

Түркістан археологиялық экспедициясы зерттеулеріндегі Түркістан өңірінің археологиялық ескерткіштері

Мақала, ислам әлемінде ислам дінінің қалыптасуынада өзіндік орны бар және Орта Азиядағы ірі діни орталықтардың бірі болған Түркістан өңірінің археологиялық ескерткіштеріне қазба жүргізген Түркістан археологиялық экспедициясының ғылыми зерттеу жұмыстарына арналады. Мақаланың мақсаты:Түркістан өңіріндегі ерте ортағасырлық және ортағасырлық қалалық мәдениеттің археологиялық ескерткіштеріне толыққанды баға берілмеуі, Түркістан өңірінің ескерткіштерінің өзіндік ерекшеліктерінің жете зерттелмеуі экспедиция жұмысының назарға алар басты нысанасы болғандығын айқындау. Түркістан археологиялық экспедициясы археологиялық қазба жұмыстарымен қатар, физико-географиялық, топономикалық, стратиграфиялық және суландыру жүйелеріне де зерттеулер жүргізген. Материалдар мен зерттеу әдістері. Негізгі деректік материалдар Түркістан археологиялық экспедициясы жүргізген 1996-2006 жылдардағы қазба жұмыстарының нәтижесінде табылған. Археологиялық қазба кезінде табылған заттай деректер өңірдегі біздің жыл санауымызға дейінгі көне дәуірдегі тұрақтар мен қала құрылыстарының материалдық және рухани құндылықтары жайлы түсінігімізді байыта түседі. Белгілі археолог, тарих ғылымдарының кандидаты М.Тұяқбаевтың «Түркістан оазисінің топографиясы, қалалары мен елді мекендерінің тарихи дамуы XIII-XIX ғғ.)» атты монографиясында Түркістан оазисінің қала мәдениетіне қатысты белгілі және жаңа материалдар жүйеленіп, жинақталып көрініс тапқан.

Түйін сөздер: археология, экспедиция, қалалық мәдениет, ортағасыр, тұрақ.

Кіріспе. Археология ғылымында ерте ортағасырлық және кейінгі ортағасырлық қалалық мәдениет тарихы отандық тарих саласында әрқашанда өзекті мәселе болып келді. М.Е.Массоның, А.Ю.Якубовскидің, А.Н.Бернштамның және Ә.Х.Марғұланның жетекшілігіндегі айтулы экспедициялар Қазақстанның бүкіл аймағында зерттеулер жүргізді. Қала берді өткен ғасырдың орта шенінен бастап Оңтүстік Қазақстанда бірнеше Е.И.Агеева, Г.И.Пацевич, К.А.Ақышев, К.М.Байпақов, Л.Б.Ерзаковичтердің экспедициялары жұмыс жүргізді.

Қазан революциясына дейінгі өңірдің археологиялық ескерткіштері туралы деректер саяхатшылар мен билік өкілдерінің әртүрлі жазбаларынан, мақалалары мен естеліктерінен тұрды.

«Первые сведение об археологических памятниках юга Казахстана даются «Чертежной книге Сибири» Семена Ремезова, составленной в 1701 г., и в атласе, прилагаемом к ней, изданном в 1737 г. На карте отмечены Средняя Азия и Южный Казахстан с реками, озерами, дорогами. На ней видно, что города приурочены к дорогам и речным долинам. На берегу реки Сырдарьи указаны города Аскент, Фараб, Есвиджаб, Арал и др. Туякбаев. М.К. 2009.208 б).

Сондай-ақ, 1866 жылы қазақ даласына А.К.Гейнс сапар шегіп Сауран, Ясы, Қарнақ, Испиджаб қалалары туралы жазса, 1867 жылы шығыстанушы П.И.Лерх Сырдария өзенінің орта ағысындағы Сауран, Түркістан, Сығанақ қалаларын ішінара зерттеген. Сонымен қатар, Кеңес өкіметінің тұсында Түрік республикалары бойынша архив істері Орталық басқармасының және Средазкомстаристің басшылығымен бұл аймаққа бірнеше экспедициялар ұйымдастырылды. Алғашқы болып құрамына профессорлар А.А. Семенов, А.Э. Шмидт және инженер С.К. Орлов кірген Д.И.Нечкиннің археологиялық экспедициясы 1922-1923 жж. жұмыс істесе, 1925 жылы Б.П. Денике мен инженер М.М. Логиновтың Алатау мен Қаратау алқаптарына жүргізген экспедициясы. (Миронов А.М. 1926. 28-30 б).

Аталған археологиялық экспедиция жұмыстарының нәтижесінде Қ.А.Ясауи кесенесіне біршама археолгиялық жұмыстар жасалады (Умняков И.И. 1926.30 б).

XIX ғасырдың аяғына қарай Түркістан әуесқой археологтар үйірмесінің жазбаларында көне археологиялық ескерткіштер жайлы деректер жариялана бастайды. Түркістан өңіріндегі археологиялық есерткіштерді сақтау жөніндегі жұмыстарда В..А.Каллаурдың еңбегін атап өткен жөн.

Негізгі бөлім. Түркістан өңірінде археологиялық ескерткіштерге алғашқы нақты зерттеу деп 1928 жылы М.Е.Массоның жетекшілігімен Қ.А.Ясауии кесенесіне жүргізілген археологиялық қазба жұмысын атауға болады (Массон М.Е. 1929. 21-68 б)

Дегенмен, Кеңес Одағы тұсында қарқынды дамыған археология ғылымының жетістіктеріне қарамай Түркістан өңіріндегі ерте ортағасырлық және ортағасырлық қалалық мәдениеттің археологиялық ескерткіштеріне толыққанды баға берілмеді. Орта Азияның өзге көне қалаларына қарағанда Түркістан өңірінің ескерткіштерінің өзіндік ерекшеліктері бар. Бұл туралы М.Қ.Тұяқбаев «Историческая топография и развитие городов и поселений Туркестанского оазиса XIII-XIX вв.) атты еңбегінде «В отличие от других историко-культурных оазисов Средней Азии типы городской культуры здесь развивались в тесном взоимодействии с кочевнической культурой, ибо города и поселение находились на границе с великой степью, где располагались стойбища летовка) и станы зимовка) кочевого народа. При этом кочевники принимали активное участие в зарождении оседлого образа жизни, в частности, местные жители данного региона, занимающиеся как полукочевым, так и оседлым скотоводством, напрямую были причастны к созданю некоторых типов поселения и городищ. Именно это определило своеобразие городской культуры в оазисе и придало ему определенную специфику.»-деп жазады (Туякбаев. М.К. 2009. 3 б).

Осы олқылықтың орнын толтыру мақсатында 1996-2006 жылдары аралығында Түркістан археологиялық экспедициясы құрылады. Экспедиция Ә.Марғұлан атындағы Археология институты мен «Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейінің бірлескен жобасы. Экспедиция жұмысын Ә.Марғұлан атындағы археология институты тарапынан т.ғ.к. Е.Смағұлов, «Әзірет Сұлтан» қорық-музейі тарапынан аға ғылыми қызметкер кейінірек т.ғ.к.) М.Қ.Тұяқбаевтар басқарды. Жұмыс барысында бұрын зерттелген археологиялық ескерткіштердің мәліметтерін нақтылаумен қатар, ортағасырлық қалалық мәдениеттің жаңа ескерткіштерін анықтау үшін де барлау жұмыстары жүргізілді. «Основными стационарными объектами экспедиции явились; городища Шойтобе-Шаугар, Культобе-Ясы, Ески Туркестан, Сауран и Сидак ата, где велис археологические раскопки с целью изучение стратиграфии, фортификации, городской планировки жилых строени и религиозных сооружений, а так же сакральных объектов, связанных с данными памятниками. Так же экспедиция занималась изучением особенности местного земледелия с его ирригационной системой, созданной жителями этих городов, и в результате были выявленны десятки новых кяризных систем» (Туякбаев. М.К. 2009.6 б).

Түркістан археологиялық экспедициясының зерттеулерінде Түркістан өңірінің археологиялық ескерткіштерін хронологиялық жүйемен 6 кезеңге бөліп қарастырады.

1. Ерте ежелгі дәуір ескерткіштері. Б.з.д. V-IV-б.з.I-IV ғғ.
2. Кейінгі ежелгі дәуір ескерткіштері. Б.з.д. II-I ғғ.- б.з.V-VIII ғғ.
3. Ерте ортағасырлық қалалар мен қоныстар. Vғ.-XI-XII ғғ.
4. Дамыған ортағасыр қалалары мен қоныстары. XIII-XV ғғ.
5. Кейінгі ортағасыр қалалары мен қоныстары. XV-XVIII ғғ.
6. Жаңазаман қалалары. XVIII-XX ғғ.

Сонымен қатар экспедиция жұмысы барысында тек археологиялық зерттеулер жүргізіп қана қоймай топономикалық зерттеулер де қатар жүргендігін көреміз.

Түркістан археологиялық экспедициясы зерттеу жұмыстарында Б.з.д. V-IV-б.з.I-IV ғғ.- б.з. XVIII-XX ғғ. қоныстар мен қалаларға археологиялық қазба жүргіз барысында табылған керамикалық заттарды Орта Азияның басқа қалаларынан табылған керамикалық заттармен салыстыра зерттеуі қала мәдениетінің қалыптасу кезеңін нақтылай түскен. Аталған кезеңдегі ескерткіштерден табылған керамикалар Соғды ескерткіштеріне Ерқорған, Афрасиаб Самарқанд, Тали Барзу-I), Бұқарлық Соғды ескерткіштеріне Рамиштепе, Варахша, Бұқара), ежелгі Хорезм ескерткіштеріне Қойқырылған қала, Дингильдже, Топырақ қала, Хорезм, Елхарас), Ежелгі Чач ескерткіштеріне Бүргүлік-II мәдениеті Шаштөбе), ежелгі Ферғана және Уструшан ескерткіштері желісіне Ескі Ахси және Қайрағаш қалалары), солтүстік Бактрия ескерткіштері желісіне Капыр қала, Газимуллатепе, Дильберджин, Шортепе, Халчаян, Актепе-II, Шодмон қала), Қауыншы мәдениетіне Ақтөбе-II, Қауыншы-II, Шаушукум), Отырар – Қаратау мәдениетінің ескерткіштеріне Сидақ ата, Ақтөбе Теке), Абызтөбе, Шорнақтөбе), Жетіасар мәдениетіне жататын Қарақ – Асар, Жеті-Асар, Домалақ-Асар, Моншақты-Асар) қалалары мен қоныстарынан табылған керамикалық заттардың жасалу техникасы, өрнектері бойынша бірдей болып отырған («Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының қоры. Ф.10, д.3. о.4, л.29-31). Бұл сәйкестіктер бұрын жете зерттелген Жібек жолы бойында ерекше мәртебесі бар қалалар мен көне мәдениеттің қалыптасуына Түркістан шұратындағы оазис) қалалардың да маңызды рөл атқарғанын көрсетеді.

Түркістан археологиялық экспедициясы зерттеу жүргізген 10 жылдан аса уақытта Түркістан өңірі бойынша бірнеше тарихи нысандарға ғылыми жаңалықтар мен өмір сүру мерзімдерін анықтауда түзетулер енгізгендігін атап көрсету керек.

Тарих ғылымына айтарлықтай жаңалық енгізген жұмыс, ол Қ.А.Ясауи кесенісі маңында орналасқан Үлкен Қылует жерасты мешіті атауымен белгілі кешенге жүргізілген археологиялық зерттеу.

1972-1973 жылдары Түркістандағы Қожа Ахмет Ясауи мемориалдық кешенінің қорғау аймағында ҚазССР ҒА тарих, археология және этнология институты Қазақ ССР Мәдениет Министрлігімен бірлесе ескерткіштерге археологиялық зерттеу жұмыстары жүргізілді. Т.Н.Сенигова жетекшілік еткен зертеу нәтижелері бойынша ғимараттың жасы XV – XVI ғасырлар деп тұжырым жасалады. Бұлай тұжырым жасауға ғимарат ішінен табылған XV – XVI ғасырларға тән ыдыстар мен керамикалық заттардың сынықтары еді.

1972-1973 жылдардағы археологиялық қазба жұмыстарына талдау жасай отырып, 1979 жылы археологиялық зерттеу жүргізген Е.Смағұловтың А.Л.Шмидт макеті 1941 ж.) бойынша жүргізген археологиялық зерттеулері «Үлкен Қылует» кешені әртараптандырылған бөлмелер арқылы құрылатынын айта келіп, оның екі құрылыс кезеңінен тұруы, Қожа Ахмет Ясауидің пайғамбар жасы 63 жасынан бастап, өмірінің соңына дейін сонда мінәжәт еткен «Ғар» бөлмесі XII ғасырда соғылуы мүмкін деген пікір айтады.

«Үлкен Қылует» жерасты мешіті XV-XVI ғасырларға тән құрылыс деген тарих ғылымында қалыптасқан пікірдің жаңсақтығын дәлелдеу мақсатында 1996-98 жылдары «Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейінің қаржысымен, археологтар т.ғ.к. Е.Смағұлов пен т.ғ.к. М.Қ.Тұяқбаевтардың жетекшілігімен археологиялық қазба жұмысы жүргізіледі. «Қазба жұмысының негізі мақсаты мешіт бөлмесінің едені астында орналасқан «Ғар» бөлмесінің соғылған мерзімін анықтау болды» (Туякбаев. М.К. 2011.42-48 б).

«Мешіт пен «Ғар» бөлмесінің соғылу мерзімінің сәйкессіздігі осы қазба жұмысы кезінде анықталды. Өйткені, мешіт пен Ғардың қабырғаларының бағыты бір-біріне қиғаш, сәйкессіз орналасқан. Бұл екі бөлменің әртүрлі кезеңде бөлек-бөлек соғылағандығын көрсететін негізгі дәлел болып табылады. Бұл туралы ғылыми сараптамалық есепте «Біріншіден, "Ғар" қабырғасы мен оның үстінде қаланған «Мешіт» дуалы бағытының сәйкессіздігі, қабырғалардың бір-біріне шамамен 15°) қиғаш бұрышта болуы зерттеу жұмысының дұрыс бағытта екендігін көрсетті. А.Л.Шмидт жасаған макет бойынша да қабырғалардың сәйкессіздігі дәл осылай екендігі байқалды. «Ғар» үстімен Мешіттің оңтүстік-батыс қабырғасы өтеді, «Ғар» қабырғасы мен Мешіт бөлмесінің қабырғаларының сәйкессіздігі екі құрылыстың бір-біріне соғылу мерзімі жағынан қатысы жоқтығын көрсетеді»(«Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының қоры. Ф.6, д.5. о.8, л.1).

Негізгі археологиялық жұмыстар «Ғар» қабырғасының сыртқы жағынан жүргізіледі. Қазба жұмыстары үшін алғашқы барлау қазба жұмыстары кезінде шурф) бір метрден аса тереңдікте қам кесектен соғылған қабырға кездеседі. Бұл қабырға бойынша ескі мешіттің көлемі қазіргі тұрған «Мешіт» қабырғасынан бір метрдей кіші, бірақ, қазіргі қабырғамен параллель орналасқан, яғни, «Ғар» қабырғасынан 15 градустай қиғаш. «Ғардың ең жоғарғы жаппасы бір метрдей төменде орналасқан. Осы жерден «Мешіт» бөлмесінің күйдірілген қыштан қаланған едені де 15 градустай қиғаш. Бұдан шығатын қорытынды қам кесектен соғылған мешіт қабырғасы да «Ғар» құрылысынан кейін қаланғандығын көрсетеді. Бұл туралы археологиялық қазба жұмысының есебінде «Қам кесектен соғылған қабырға, қазіргі тұрған «мешіттен» бұрынғы мешіттің орны екендігінің, бірақ, «Ғар» бөлмесінен кейін соғылғанының дәлелі» (Туякбаев. М.К. 2011.42-48 б). Осы жазбада «Ғар» үстінде мешіттен бұрын басқа шаршы немесе шеңбер формасында құрылыс болған, кейінірек ол құрылыстың орнына «Мешіт» XV ғасырларда салынған болуы мүмкін деген пікір айтылады.

1996 жылы жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижесінде «Ғардың» құрылысының XII ғасырға тән екендігі, 1972-73 жж. Т.Н.Сенигованың археологиялық зерттеулері бойынша XIV-XV ғғ салынған деп қалыптасқан пікірдің асығыс тұжырым екендігі, «Қылует» жерасты мешітінің бірінші кезең деп саналған бөлігі шындығында кейінгі құрылысқа жататындығы дәлелденді.

Т.Н.Сенигова мен Е.Смағұловтардың әр жылдары жүргізген археологиялық зерттеулерінде «Қылует» жерасты мешітінің соғылу мерзімі XV-XVIII ғасыр деп көрсетілген құрылыс XIII-XIV ғасырларда қам кесектен соғылған көне мешіттің үстіне қайта соғылған мешіт болып табылады. Алғашқы «Қылует» жерасты мешіті тек екі бөлмеден тұратын ғимарат болған. Олар: «Ғар» үстіне «зікір» салуға арналған дөңгелек бөлме және шаршы формалы михрабы бар мешіт.

«Қылует» жерасты мешіті алғашқы нұсқада жер астында салынып, кейінгі бірнеше мәрте салыну мен жөндеу жұмыстары әсерінен биіктеп жартылай жерасты мешітіне айналғандығы нақты зерттеулермен дәлелденеді.

Түркістан археологиялық экспедициясы жұмысының келесі бір үлкен жаңалығы болып табылатын тарихи нысан Байбалық Майбалық) қонысы. Нысан Түркістан қаласынан оңтүстік шығысқа қарай 23 шақырым жерде орналасқан. Қоныс 1947 жылы Оңтүстік Қазақстан

археологиялық экспедициясының Бернштам А.Н.) зерттеуі барысында ашылып(Бернштам А.Н.1960. 80 б), Қазақстанның археологиялық картасына енгізілген(Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата. -С.231.№3373), VII-IX ғғ. деп мерзімделген. Соңғы 60 жыл ішінде бұл қоныста бірнеше экспедиция болған, алайда, ғылыми әдебиетте Майбалық атауы кездеспейді(«Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының қоры. Ф.10, д.3. о.4, л.27.). Сондықтан 1999-2003 жж. аралығында Түркістан археологиялық экспедициясының отряды М.Қ.Тұяқбаев) археологиялық зерттеу жүргізген. Барлау қазбалары барысында көптеген құмдар мен құмшалар және басқа да керамикалық заттарды Орта Азияның басқа да қалаларынан табылған керамикалық заттармен салыстыра зерттей отырып қоныстың өмір сүру кезеңін анықтауға мүмкіндік алады. «Майбалықтан табылған керамикалық бұйымидар Рамиштеп, Бұхара, Қой-Қырылған-қала, Топырақ қала, Ерқорған, Пенжикент, Канка, Чечактепе, Таукаттепе, Ескі Ахси және Ақтепе II-нің Кобадиан оазисінің керамикаларымен ұқсас, сәйкес келетіндігі анықталған» («Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының қоры. Ф.10, д.3. о.4, л.27.). Зерттеу нәтижесінде мерзімделуі б.з.д.II-I –б.з.IV-VIII ғғ. деген түзету енгізілді(М.Қ.Тұяқбаев. т.б. 2016 ж.45 б).

Келесі археологиялық материалдарға өте бай, әрі қызықты нысан Шаштөбе археологиялық ескерткіші болып табылады. Алғаш рет 1969 жылы Отырар археологиялық экспедициясы тауып, зерттеген және «Древний Отырар» кітабында қала жайлы алғашқы деректерді береді (Акишев К.А.т.б. 1972. 170-171 б).

Екінші рет К.М.Байпаков зерттеп I-V ғғ. деп мерзімдейді (Байпаков К.М. 1994. 305 б).

Дегенмен, қаланың өмір сүрген мерзімін нақтылауда жаңсақ пікірге жол беріледі. Бұл ғылыми пікірді Түркістан археологиялық экспедициясы жүргізген археологиялық зерттеулерінде түзетіп, нақтылауға мүмкіндік туады. Түркістан археологиялық экспедициясы отряды М.Қ.Тұяқбаев) 1998-2003 жылдары жүргізген зерттеулері нәтижесінде қала мерзімін 5 ғасырға көнертеді. Шаштөбе қалашығы б.з.д.V-б.з.I-II ғғ. аралығында өмір сүргендігі дәлелденді(М.Қ.Тұяқбаев. т.б. 2016. 39 б).

Қалаға оңтүстік-батыс бетінен енетін қақпасы болған. Жергілікті тұрғындар қаланы Ақтөбе деп атайды. Қала өзін қоршаған айналасынан-6-7 м биік, ал теңіз деңгейінен 445 м жоғары («Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының қоры. Ф.11, д.7. о.1, л.27.) орналасқан.

Экспедиция есебінен Шаштөбе материалдары бай және әртүрлі болып келгендігін көреміз. Қазбадан табылған керамикалық бұйымдар туралы ғылыми сараптамалық есепте «Ерекше топты қалың қабырғалы хұмдар мен құмшалар құрайды, олардың ауыз жиектері жарма көрінісінде құс тұмсығына ұқсайды. Көптеген ыдыстардың мойыны тым қысқа, аздап саяз немесе тереңдей жасалған арық түрінде болып келеді" («Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының қоры. Ф.11, д.7. о.1, л.27.).

Шаштөбе қалашығынан табылған керамикалық ыдыстардың ерекшелігі горшок түріндегі ыдыстар мен құмыралар көбіне мойыннан иыққа өтетін жерінде томпиып шығып тұрған белбеу – белдікпен сәнделеді. Ыдыстың мұндай формасы Хорезм (Воробьева М.Г.) және Афрасияб (Треножкин А.И. 1950.) керамикасында кездеседі.

Хұмдардың түптерінің жиектері қиялай кесілген және дүңкиіп шығып тұрғандары да бар. Мұндай хұмдар тік тұрмайды, олар бір сұйық зат құйып үздіксіз шайқау үшін жасалады. Мұндай керамикалық бұйымдар туралы Кеңестік зерттеушілердің еңбектерінде егжей-тегжейлі жазылған. Шаштөбеден табылған тура осыған ұқсас ыдыстарды ежелгі Бұхараның(Немцева Н.Б. 1969. 165 б), Рамиштепенің(История и археология Средней Азии. 1978. 24 б.), Варахшаның(Шишкин В.А. 1963. 117 б), Халчаянның(Пугаченкова Г.А. Халчаян. 1966. 35 б), Қойқырылған –қаланың, Шаштепенің(Филанович М.И. 1982.110 б.), Дингилдже(Воробьева М.Г. 1973. 177 б) және Топырақ қаланың керамика жинақтарынан табамыз. Жоғарыда аталған қалалардан табылған керамикалық ыдыстар туралы экспедиция есебінде «Мұндай керамикалық ыдыстар б.з.д. V-IV ғасырлардан біздің заманымыздың I-II ғғ. аралығымен мерзімделген. Яғни, қала осы екі уақыт аралығында өмір сүрген деуге негіз бар» - деп жазады. Шаштөбе қаласының қаншалықты маңызды қала болғандығын осы жазба арқылы бағамдауға болады.

Қорытынды. Түркістан археологиялық экспедициясының 1996-2006 жылдары жүргізген археологиялық жұмыстарының нәтижесін бір мақала көлеміне жинақтау мүмкін емес. Түркістан археологиялық экспедициясы өз жұмысы барысында тек археолоиялық қазба жұмыстарымен ғана айналысып қоймай, сонымен қатар өңірдің табиғи – географиялық ерекшеліктері, топономика, стратиграфия, хронологиялық жүйелеу, археологиялық локация бағыттарында да зерттеу жұмыстарын жүргізді. Зерттеу жұмысы екі кезеңді – қалалық мәдениеттің көне ортағасырлық және дамыған ортағасырлық кезеңдері бойынша жүргізілді. 10 жылдан аса созылған зертеу жұмыстары барысында 58 қала мен қоныстарға археологиялық зерттеулер мен есепке алу жұмыстары жүргізілген. Түркістан археологиялық экспедициясының жұмысы барысында өңірдегі ежелгі және

ортағасырлық қоныстар мен қалалық мәдениеттің қалыптасуы мен дамуы бойынша нысандардың барлығына дерлік қалыптасқан ғылыми пікірлерге бірнеше жаңалықтар мен түзетулер енгізілген болса, бұрын белгісіз болған 150 кәріз жүйесі, 9 ерте ежелгі б.з.д.IV-V ғғ.), 13 кейінгі ежелгі заман б.з.д.II-I ғғ.) қалалары мен қоныстары есепке алынып зерттелді. Бұндай көлемдегі ауқымды жұмыс өлке тарихын зерттеуге қосқан үлкен ғылыми еңбек екендігі даусыз. Қалыптасқан ғылыми пікірлерге жаңалықтар мен түзетулер енгізілген нысандарда жүргізілген археологиялық жұмыстардың мазмұнын ашу мақаланың негізгі мақсаты болып табылады.

Әдебиеттер тізімі

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. 1972. «Древний Отырар» Алма-Ата., -С.170-171

Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата. -С.231.№3373

«Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының қоры. Ф.10, д.3. о.4, л.27. Иқан елді мекені мен оның маңындағы қала құрылысы мәдениетіне қатысты ескерткіштерде жүргізілген тарихи деректік, археологиялық зерттеулер нәтижелеріне жасалған ғылыми сараптама жұмыстарының) есебі.

«Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының қоры. Ф.10, д.3. о.4, л.29-31 Иқан елді мекені мен оның маңындағы қала құрылысы мәдениетіне қатысты ескерткіштерде жүргізілген тарихи деректік, археологиялық зерттеулер нәтижелеріне жасалған ғылыми сараптама жұмыстарының) есебі.

«Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының қоры. Ф.6, д.5. о.8, л.1

«Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының қоры. Ф.10, д.3. о.4, л.27. Иқан елді мекені мен оның маңындағы қала құрылысы мәдениетіне қатысты ескерткіштерде жүргізілген тарихи деректік, археологиялық зерттеулер нәтижелеріне жасалған ғылыми сараптама жұмыстарының) есебі.

«Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының қоры. Ф.11, д.7. о.1, л.27. Қарнақ елді мекенінің тарихы мен топономикасы. ғылыми сараптама нәтижелері)

«Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының қоры. Ф.11, д.7. о.1, л.27. Қарнақ елді мекенінің тарихы мен топономикасы. ғылыми сараптама нәтижелері)

Байпаков К.М. 1994. «Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область». Алматы. С.305.№627

Бернштам А.Н. 1960. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана//Известия АН КазССР. Серия археол. Вып.2. Алма-Ата. 1949.-С.80)

Воробьева М.Г. 1973. Дингильдже - усадьба I тысячелетия до н.э. в древнем Хорезме. М,, - С. 177. Рис. 47-4,5,7. Городище Топрак-кала. М.,1981 - С.74. Рис. 39-7,831,32,37.

Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // Труды ХАЭЭ. Рис. 12 - 5,6,7; Рис.13 - 20,23.

История и археология Средней Азии. 1978. Ашхабад, - С. 101, Рис. 1 – 5; - С. 102. Рис. 2-2, 11,21,23,27,29,30,34,37,41; ИМКУ. Вып. 17. - С. 82. Рис. 1. Бухара -1 - 3,4,8; Бухара - II - 2,4,5,19,25,26; - С.87. Рис.2. Бухара - III - 1. ИМКУ. Вып.13. - С.58. Таблица - Рамшп II и III.

М.Қ.Тұяқбаев. Қ.Мұсабаев, Т.Өсеров. 2016 ж. Түркістан өңіріндегі тарихи-мәдени ескерткіштер. Алматы. «Информ-Арна». 45 б.

М.Қ.Тұяқбаев. Қ.Мұсабаев, Т.Өсеров. 2016 ж. Түркістан өңіріндегі тарихи-мәдени ескерткіштер. Алматы. «Информ-Арна». б.39

Массон М.Е. 1929. О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда Яссави в г. Туркестане // Известия Среднеазиатского географического общества, т. 19, Ташкент. С.21-68.

Миронов А.М. 1926. Организация, научная и практическая деятельность Средазкомстариса // Известия Средно-Азиятского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, Искуства и природы Средазкомстарис). Ташкент: Издание Средазкомстарис. -С. 28-30

Немцева Н.Б. 1969. Стратиграфия южной окраины городшца Афрасиаб // Афрасиаб. Вып.I. Ташкент, - С. 165. Рис. 5-9.

Пугаченкова Г.А. Халчаян. 1966.Ташкент, – С. 34. Рис. 13; - С. 35. Рис.14; - С.41. Рис. 18 и 19; - С. 42. Рис.20. Кой - кырылган -кала - памятник культуры древнего Хорезма. IУ.в. до н.э. - IV в. н.э. М., 1967. - С.329. Табл. I - 5,6,16,22; - С. 320. Табл. VII - 12,13; - С. 329. Табл XIII - 40.

Треножкин А.И. 1950. Согд и Чач // КСИИМК. Вып. XXXIII. Москва - Ленинград, Рис. 69, IV - 4;

Туякбаев. М.К. 2009. «Историческая топография и развитие городов и поселений Туркестанского оазиса XIII-XIX вв.)Алматы. «Эффект», -208 с.

Туякбаев. М.К. 2009. «Историческая топография и развитие городов и поселений Туркестанского оазиса XIII-XIX вв).Алматы. «Эффект», -С-3.

Туякбаев. М.К. 2009. «Историческая топография и развитие городов и поселений Туркестанского оазиса XIII-XIX вв. Алматы. «Эффект» С-5.

Туякбаев. М.К. 2011. «Археологические исследования в Большом Хильвете» «Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі» атты Халықаралық ғылыми конференция материалдары. Алматы. III том. б 42-48

Туякбаев. М.К. 2011. «Археологические исследования в Большом Хильвете» «Тәуелсіздік кезеңіндегі Қазақстан археологиясы: қорытындылары мен келешегі» атты Халықаралық ғылыми конференция материалдары, Алматы, III том. 42-48 бб

Умняков И.И. 1926. Археологияческая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 году. Известия Средно-Азиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, Искуства и природы Средазкомстарис). Ташкент: Издание Средазкомстарис, -С:30

Филанович М.И. 1982. Шаштепа - древнейшее поселение - оседлых земледельцев на территории Ташкента // У истоков древнеий культуры Ташкента. Ташкент, - С. 110, Рис. 38 – 13,14.

Шишкин В.А. 1963.Варахша. Москва, - С.117. Рис. 55 - 48.

S.T. Shametov, I.K. Jalisheva

Archaeological Sites of the Turkestan Region in the Research of the Turkestan Archaeological Expedition

The article is devoted to the research work of the Turkestan archaeological expedition, which excavated archaeological sites of the Turkestan region, which occupies a special place in the formation of Islam in the Islamic world and is one of the largest religious centers in Central Asia. Purpose of the article: Inadequate assessment of archaeological sites of the early medieval and medieval urban culture of the Turkestan region, insufficient study of the identity of the monuments of the Turkestan region. The Turkestan archaeological expedition, along with archaeological excavations, conducted research on physical-geographical, toponomic, stratigraphic and irrigation systems. Research materials and methods. The main documentary materials were discovered because of excavations carried out by the Turkestan archaeological expedition in 1996-2006. Material data discovered during archaeological excavations enrich our understanding of the material and spiritual values of ancient sites and urban planning of the region to our time. In the monograph of the famous archaeologist, candidate of historical sciences M. Tuyakbaev "Topography of the Turkestan oasis, historical development of cities and settlements XII-IX centuries)" systematized and collected well-known and new materials related to the culture of the city of Turkestan oasis.

Key words: archaeology, expedition, urban culture, Middle Ages, settlement.

С.Т. Шаметов, И.Қ. Джалишева

Археологические памятники Туркестанского региона в исследованиях Туркестанской археологической экспедиции

Статья посвящена научно-исследовательской работе Туркестанской археологической экспедиции, проводившей раскопки археологических памятников Туркестанского региона, занимающего особое место в становлении ислама в исламском мире и являющегося одним из крупнейших религиозных центров Центральной Азии. Цель статьи: Неадекватная оценка археологических памятников раннесредневековой и средневековой городской культуры Туркестанского региона, недостаточное изучение самобытности памятников Туркестанского региона. Туркестанская археологическая экспедиция наряду с археологическими раскопками проводила исследования физико-географических, топономических, стратиграфических и оросительных систем. Материалы и методы исследования. Основные документальные материалы были обнаружены в результате раскопок, проведенных Туркестанской археологической экспедицией в 1996–2006 годах. Вещественные данные, обнаруженные при археологических раскопках, обогащают наше представление о материальных и духовных ценностях древних стоянок и градостроительств региона до нашего времени. В монографии известного археолога, кандидата исторических наук М. Туякбаева «Топография Туркестанского оазиса, историческое развитие городов и населенных пунктов XIII–XIX вв.)» систематизированы и собраны известные и новые материалы, касающиеся культуры города Туркестанского оазиса.

Ключевые слова: археология, экспедиция, городская культура, средневековье, стоянка.

M.B. Abduvaxobova
Tashkent University of Architecture and Civil Engineering
Tashkent, Uzbekistan
madina.abduvaxobova.arch@gmail.com

Graphic reconstruction of the Barak Tam I palace in Khorezm (4th-5th centuries)

This article examines the characteristics of construction materials used in the Barak Tam I fortress of the 4th–5th centuries CE, located in the Early Medieval Khorezm region, focusing on their analysis and possibilities for visual reconstruction. Additionally, the Barak Tam I example highlights the general principles and distinctive features of Khorezm's construction culture during this period.

Keywords: Khorezm, graphic reconstruction, restoration, 3D modeling, adobe brick, pakhsa, construction materials, building structures.

Introduction. Early medieval Uzbek architecture was formed in close connection with regional natural conditions, raw material base and local construction experience. Especially in the Khorezm oasis, constructive solutions of architectural structures were mainly directed to the effective use of clay-based building materials. The limited resources of stone and wood in this region led to the development of a perfect system of construction techniques based on raw brick and pakhsa (Черненко 2015: p.34). The Barak-Tam I castle is a clear and concise example of this process. The building materials used in the castle - a mixture of raw brick, pakhsa and clay - were used not only economically convenient, but also based on a carefully calculated system from an engineering point of view.

The Barak-Tam I fortress reflects the initial stage of fortress-dungeon-type structures formed in Khorezm in the 4th–5th centuries AD. This monument shows the transition from large antique fortresses (Tuprok Kala, Ayoz Kala) in terms of construction techniques to small, but structurally complex, early medieval fortresses.

About the structural elements, the layout of the buildings, the location of the defensive walls and the inner courtyard, revealed as a result of archaeological excavations of the castle, together with the historical context, allows for their visual reconstruction (Ходжаниязов 2007: p.82). Therefore, the graphic reconstruction of the Barak-Tam I castle is not only of visual and aesthetic value, but also an important source for the scientific analysis of the history of architecture and ancient construction technologies. This article studies the planning system, constructive solutions and defensive structure of the castle on the basis of the graphic reconstruction.

Methodology of the problem. This study uses historical-analytical and comparative methods to study the building materials and structures used in the early medieval architecture of Khorezm. The building system of the Barak Tam I structure is analyzed based on the results of archaeological research, scientific literature, and existing plans and drawings. Also, graphic reconstruction and 3D modeling methods are used to determine the properties of building materials and show their influence on the volumetric and spatial composition.

The main part. Like many other monuments of the ancient Khorezm civilization, this monument was discovered by the famous archaeologist and historian S.P.Tolstov (1945-1950) (Черняк 2016). The Barak-tam monument consists of two fortresses, which are an example of the unique building traditions of the Khorezm region . They combine local architectural features with typical constructive methods of Khorezm architecture, which developed before the Arab era (Орлов 1952: p.138). Both fortresses have relatively small dimensions (almost 20x20m) (Орлов 1952: p.135) and are built of high-quality, ancient Khorezm-era bricks (40x40x10 cm). The planning and constructive solutions of the fortresses are similar to each other, and they do not fully correspond to the architectural traditions of Khorezm in antiquity (Черняк 2016). This is due to their creation as a residence of the local aristocracy, limited defensive function and the use of simplified construction principles after the antique period (Хмельницкий 2000: p.239). Also around them are unfortified residential complexes consisting of small two-three-room houses (Неразик 1966: p.12). The construction of these structures, apparently, dates back to the same period. The Barak-Tam I fortress is much better preserved than Barak-Tam II. The head of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition (KHAEE) S.P.Tolstov considers Barak-Tam I to belong to the border of the 4th–5th centuries AD (Хмельницкий 2000: p.239). Because the huge round arch-shaped deep wall shelves located along the walls of the large "ceremonial hall" on the upper floor of the castle and is distinguished

by a large “sufa”, which is an architectural element found in Khorezm architecture only since the time of the Afrigids.

The geological and climatic conditions of the Khorezm region strongly determined the choice of building materials in local architecture. As noted above, archaeological research shows that the walls of the Barak-Tam I castle were built mainly of large-sized (40×40×10 cm) raw bricks. Thick walls made of raw bricks were structurally stable, while transmitting vertical loads (Хмельницкий 2000: p.238), played an important role in regulating the heat exchange of the interior space. The high heat capacity of raw brick allowed to keep the interior cool in the summer heat and relatively warm in the winter, which was especially relevant in the conditions of Khorezm, where the desert climate prevailed (Орлов 1952: p.139). This construction technique is also found in the Tuprok Kala palace complex, but while there raw brick served to form monumental and ceremonial volumes, in Barak-Tam I it was adapted for compact, defensive structures (Черняк 2016).

Another important structural feature of the castle is the active use of the pakhsa technique. Pakhsa was used in a layered compaction method, mainly in the foundation and basement walls, which increased the monolithicity of the structure and significantly reduced the risk of subsidence and cracking (Орлов 1952: p.139). Pakhsa-based foundations are a continuation of the ancient building traditions of Khorezm, and this is also observed at the Katta Kirq Kiz monument. However, while the foundations in Katta Kirq Kiz were made in the form of a high platform, in Barak-Tam I the pakhsa layers were used relatively low, but densely and thoroughly compacted, providing sufficient structural stability for a small-sized donjon-type structure .

The clay mixture performed an important technological function as a binding and protective material in the Barak-Tam I castle. It protected the structures from the effects of wind, sand, and moisture by filling the gaps between the brickwork and plastering the inner and outer walls. The discovery of traces of repeated renewal of the plaster in the archaeological layers indicates that the castle was actively used for a long time (Орлов 1952: p.140). Although the clay plaster system is also present in other monuments of the region, decorative and colored plasters prevailed there, while in Barak-Tam I the plaster was mainly utilitarian in nature, subordinated to the functions of defense and structural strength (Черняк 2016).

The main structural feature of the castle is the effective load distribution system between the lower and upper floors. On the lower floor, the walls were installed directly at ground level, closed by arcades and low-rising arcade domes, and the structural loads were transferred to the side walls. This massive structure served as a solid foundation for the upper floor. The upper floor consisted of lighter structures, distributed the roof loads by means of elliptical arches, and was covered mainly with a flat or light clay roof. (Орлов 1952: p.140) . This technique is widespread in Khorezm architecture and is also found in the monuments of Tuprok Kala and Katta Kirq Kiz, but in the palace of Barak-Tam I it is manifested in a simplified and compact form. This technique is a set of constructive traditions that Khorezm architects formed in the construction of fortress-type structures. These traditions consist of the following: building rooms on the lower floors, closed by a portico located parallel or perpendicular to each other, on thick walls, and then erecting an upper floor on top of them, consisting of a lighter structure, covered with a flat roof. It is on the basis of this “pattern” that in the VI-VII centuries, a small fortress - a fortified estate-dungeon type designed for small landowners - was formed in Khorezm architecture. It reflected a small version of the above-described constructive traditions that were formed on the example of large fortresses built in the II-IV centuries (Орлов 1952: p.1 38).

The planning system of the Barak-Tam I castle is inextricably linked to the construction techniques used. (Fig. 1). Thick wall structures and narrow window openings, in addition to providing a defensive function, served to stabilize the thermal regime of the interior space. In particular, the design of the openings in a way that expanded from the outside to the inside allowed to reduce heat loss and increase the efficiency of natural lighting. The two-stage composite solution of the entrance system - the creation of access to the lower floor through a central portal, and to the upper floor via a ramp placed on the side - The castle clearly demonstrates the functional-integrative harmony between the planning structure, the constructive scheme, and the defense strategy. (Орлов 1952: p.140). Because this two-stage entry system provided a vertical hierarchy of internal spaces, enhanced structural stability, and acted as a single integrated functional mechanism that increased the effectiveness of defense through movement control.

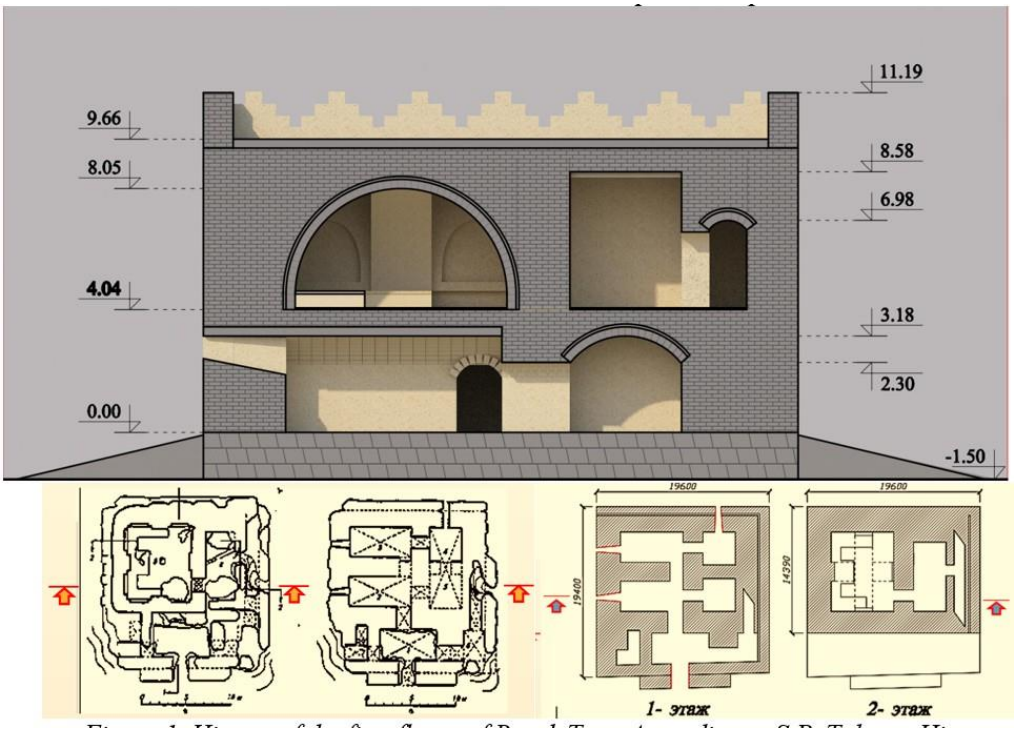

Fig. 1. Construction history of Barak Tam I based on S.P. Tolstov. Plans and sections are the author's graphic reconstruction.

When comparing the castle of Barak-Tam I with other castles in the early medieval Khorezm and Bactria, a number of its unique features are revealed. For example, while the Balalik Tepa monument in Bactria is more likely to feature baked brick and stone elements, Barak-Tam I relied entirely on a mud-based construction system. This difference is explained by the regional raw material base and climatic conditions. Also, while in large antique castles (for example, Tuprok Kala) the constructive system is monumental and complex, Barak-Tam I uses simplified but well-developed constructive solutions. This circumstance allows us to assume that it served as a residence for small landowners or a local military-administrative center; it is this functional interpretation that is confirmed by the results of a graphic reconstruction based on 3D modeling (3ds Max) (Ходжаниязов 2007: p.82), which laid the foundation for a comprehensive visual-analytical study of the structural system and construction techniques of the Barak-Tam I castle.

In the process of graphic reconstruction, the structural arrangement of the layers of raw brick and pakhsa, the load transfer and distribution mechanism of the porch and domes, as well as the static relationship between the main and auxiliary elements (bearing walls, intermediate beams, platform and ramp structures) were determined on the basis of modeling. This approach made it possible to supplement the fragmentary information preserved in written and archaeological sources through engineering-logical analysis and to reconstruct the construction process on a scientific basis. In particular, the planning interpretation put forward by Orlov was revised from a constructive point of view (Лихачева 2015: p.182), and based on the results of graphic modeling, the author developed a refined proposal for the location of the load-bearing system and vertical communication elements. As a result of the work performed in the 3ds Max program, several variant virtual models were created, reflecting the initial spatial-compositional appearance of the structure, which allow for a comparative assessment of alternative interpretations of the constructive scheme (Figures 1-2-3).

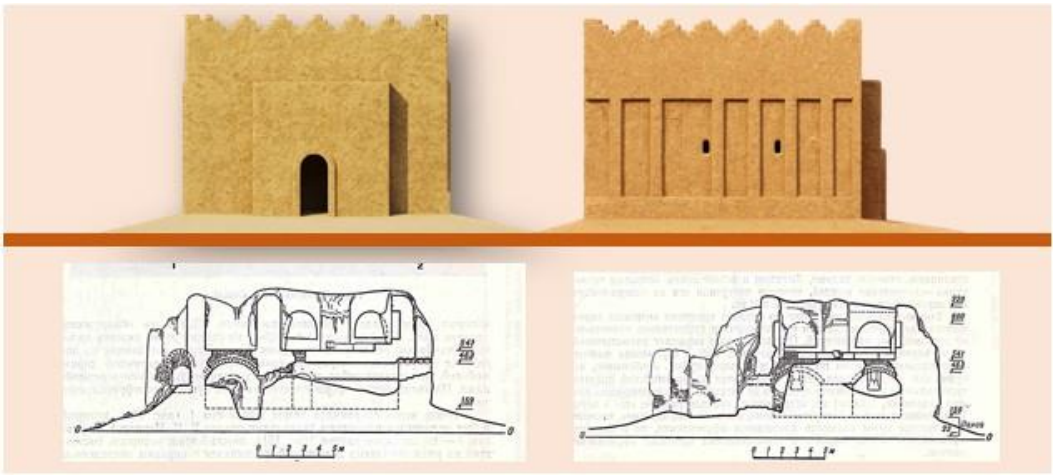

Fig. 2. Reconstructed appearance of the Barak Tam I palace based on S.P. Tolstov and the author's interpretation.

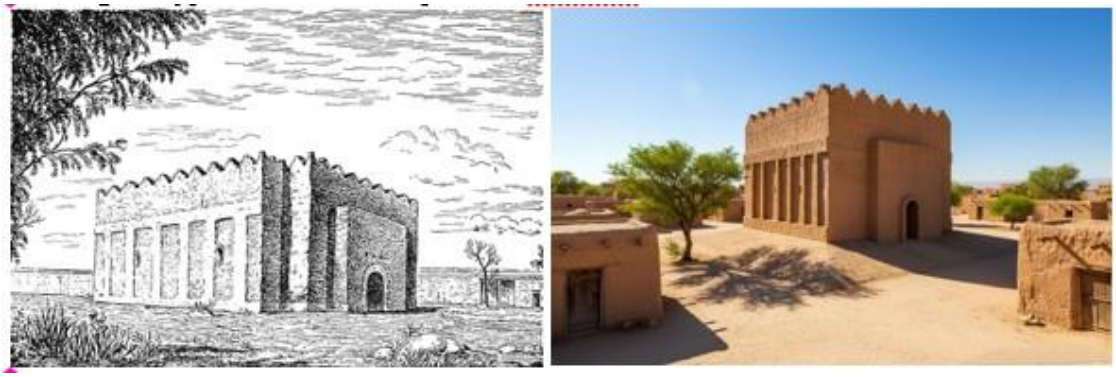

Fig. 3. General view of the Barak Tam I palace based on M.A. Orlov and the author's interpretation.

Conclusion. The results of the study show that the Barak-Tam I castle occupies a special place in the architecture of early medieval Khorezm in terms of building materials and construction techniques. The raw brick, pakhsa and clay mixture used in the castle was maximally adapted to local natural conditions, allowing the construction of a compact but strong defensive structure. Compared to other large castles, the uniqueness of Barak-Tam I is manifested not in its monumental scale, but in its constructive rationality and economical use of materials. It is these aspects that give reason to evaluate it as one of the first examples of small castle-dungeon-type structures widespread in Khorezm in the 6th–7th centuries.

References

Baipakov, K.M., Smagulov, E. A., Erzhigitova, A. A. Early Medieval Burial Sites of South Kazakhstan. Almaty, BAUR, 2005. 224 p.

Ban, G. Hanshu. Beijing: Zhonghua Shuju, 1962.

Benjamin, C. The Yuezhi Migration through Sogdia // Studies presented to Boris Ilich Marshak on the Occasion of His 70th Birthday, edited by M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia. Marshak Festschrift, Eran ud Aneran. Venice: Istituto per l'Oriente, 2003. pp. 112–135. http://www.transoxiana.org/Eran/Articles/benjamin.html#_NDEF_22

Benjamin, C. The Kushan Empire. In Empires of Ancient Eurasia: The First Silk Roads Era, edited by C. Benjamin, 173–220. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

Benveniste, É. Les noms iraniens en sogdien. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1979. 192 p.

Botosheva, D. Cultural and Economic Relations of the Turks with the Sogdians in the Middle Ages (VI–VIII Centuries) // Bulletin of the Karaganda University. History. Philosophy Series. 2022. No. 1. pp. 155–163. https://doi.org/10.31489/2022hph1/155-163

Bregel, Y. 2003. An Historical Atlas of Central Asia. Handbook of Oriental Studies. Section Eight: Central Asia, Vol. 9. Leiden: Brill.

Chavannes, E. Trois généraux chinois de la dynastie des Han orientaux // T'oung Pao (Second Series). 1906. Vol. 7, No. 2. Leiden: Brill. pp. 210–269.

Damgaard, P.d.B., Marchi, N., Rasmussen, S. et al. 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // Nature. 2018. Vol. 557. pp. 369–374. https://doi.org/10.1038/s41586-018-0094-2

Erdal, M. The Sogdian Language and Its Role in Central Asia // Turkic Languages. 2004. Vol. 8, No. 1. pp. 1–28.

Falk, Harry. The Five Yabghus of the Yuezhi. Bulletin of the Asia Institute, New Series 28 (2014). Bloomfield Hills, MI: Asia Institute. pp. 1–43.

Foltz, R. C. Religions of the Silk Road: Overland Trade and Cultural Exchange from Antiquity to the Fifteenth Century (2nd ed.). New York: Palgrave Macmillan, 2010. 320 p.

Golden, P. B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. 483 p.

Grenet, F. The Sogdians and the Steppe Nomads // Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Middle Ages, edited by J. Elverskog & M. Drompp. Bloomington: Indiana University Press, 2003. pp. 145–168.

Grenet, F. The Birth of Sogdian Culture between the Oxus and the Jaxartes. In: After Alexander: Central Asia before Islam, edited by J. Cribb and G. Herrmann, 29–38. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Hill, J. E. The Western Regions according to the Hou Hanshu. The Xiyu juan ("Chapter on the Western Regions" from Hou Hanshu 88) (Extensively revised with additional notes and appendices). 2003. https://depts.washington.edu/silkroad/texts/hhshu/hou_han_shu.html

Hill, J. E. Through the Jade Gate to Greater Central Asia: A Translation of the Han Shu Account of the Western Regions. Charleston: BookSurge Publishing, 2009. 416 p.

Hulsewé, A.F.P. China in Central Asia: The Early Stage (123 B.C.–A.D. 23). Leiden: E.J. Brill, 1979. 288 p.

Litvinsky, B. A. (Ed.). History of the Civilizations of Central Asia, Vol. III: The Crossroads of Civilizations, A.D. 250–750. Paris: UNESCO Publishing, 1996. 528 p.

Lurje, P. Kangdez. In Encyclopaedia Iranica. New York: Encyclopaedia Iranica Foundation, 2010.

Mode, M. Heroic fights and dying heroes – The Orlat battle plaque and the roots of Sogdian art // Studies presented to Boris Ilich Marshak on the Occasion of His 70th Birthday, edited by M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia. Marshak Festschrift, Eran ud Aneran. Venice: Istituto per l'Oriente, 2003. pp. 245–272. http://www.transoxiana.org/Eran/Articles/mode.html

Morris, L. Merchants and Nomads: Political and Economic Organization in Sogdiana and the Middle Syr Darya under the Kangju Confederacy, edited by S. von Reden. Handbook of Ancient Afro-Eurasian Economies, Volume 3: Frontier-Zone Processes and Transimperial Exchange, De Gruyter, 2023. pp. 145–270. https://doi.org/10.1515/9783110607628-005

Müller, S. Sogdier in China um 600 n. Chr.: Archäologische Zeugnisse eines Lebens zwischen Assimilation und Identitätsbewahrung. Nachrichten der Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens / Hamburg: Zeitschrift für Kultur und Geschichte Ost- und Südostasiens. Hamburg, 2009, 117–148.

Podossinov, A. V. Nomads of the Eurasian Steppe and Greeks of the Northern Black Sea Region: Encounter of Two Great Civilisations in Antiquity and Early Middle Ages. Competing Narratives between Nomadic People and their Sedentary Neighbours: Papers of the 7th International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe, held at Shanghai University, China, 9–12 November 2018, edited by Chen Hao. Studia Uralo-Altaica 53. Szeged: University of Szeged, 2019. pp. 237–251.

Podushkin, A. Kangju's Seasonal Capitals: Archaeological and Textual Evidence // The Silk Road Journal. 2016. Vol. 14. pp. 71–89.

Podushkin, A. N. Gosudarstvo Kangyui (II v. do n.e. – IV v. n.e.) v svete arkheologicheskikh istochnikov [The State of Kangju (2nd Century BCE–4th Century CE) in the Light of Archaeological Sources]. Materialy i issledovaniia po arkheologii Kazakhstana 19. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2024. 430 p.

Podushkin, A. N. Gosudarstvo Kangyui II v. do n.e. – IV v. n.e. v istoricheskom i etnokul'turnom kontekstakh [The State of Kangju (2nd Century BCE–4th Century CE) in Historical and Ethnocultural Contexts]. Materialy i issledovaniia po arkheologii Kazakhstana 26. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2025. 415 p.

Pritsak, O. The Pechenegs: A Case of Social and Economic Transformation. Archivum Eurasiae Medii Aevi 1. 1975. pp. 211–235.

Pulleyblank, E. G. “The Consonantal System of Old Chinese.” Asia Major 9, no. 1–2 (1962): 58–144, 206–265.

Pulleyblank, E.G. Chinese and Indo-Europeans // Journal of the Royal Asiatic Society. 1966. Vol. 2. London: Royal Asiatic Society. pp. 1–25.

Rtveladze, E. Civilization, States and Cultures in Central Asia. Tashkent: UNESCO, 2005. 312 p.

Shkoda, V. D. Sogdian Settlements in the Kazakh Steppe // Bulletin of the Asia Institute. 1996. Vol. 10. pp. 45–61.

Sima Qian. Records of the Great Historian, Han Dynasty II (Revised edition). Translated by Burton Watson. New York: Columbia University Press, 1993. 384 p.

Sims-Williams, N. Sogdian and Other Iranian Inscriptions of the Upper Indus. London: Corpus Inscriptionum Iranicarum, 1989. 224 p.

Sims-Williams, N., & Grenet, F. The Sogdian Inscriptions of Kultobe. London: Corpus Inscriptionum Iranicarum, 2007. 192 p.

Vaissière, É. de la. Sogdian Traders: A History. Leiden: Brill, 2005. 480 p.

Yarshater, E. Iranian National History, edited by E. Yarshater. The Cambridge History of Iran, vol. 3(1). Cambridge: Cambridge University Press, 1983. Pp. 359–477.

Yoshida, Y. Sogdian Ancient Letters. Kyoto: Kyoto University Press, 2010. 288 p.

Yu, Taishan. A Study of the Western Regions in Han Dynasty Historical Records. Beijing: China Social Sciences Press, 2018. 464 p.

Yu, Taishan. A Concise Commentary on Monographs on the Western Regions in the Official History Books of the Western & Eastern Han, Wei, Jin, Southern & Northern Dynasties. Beijing: Commercial Press, 2021. 688 p.

Zhang, D. Northwestern Han Slips and Silk Road Historical Research // Silk Roads: Chang’an-Tianshan Corridor Network. 2025. No. 1. pp. 1–12. (Published in Guangming Daily, Northwest Studies, March 26, 2025)

Zhao, Y. From Ancient Silk Road to Modern Belt and Road Initiative: A Signaling Approach to Trust-Building across Narratives. 241–266. In Bridging Two Worlds: Comparing Classical Political Thought and Statecraft in India and China, edited by Amitav Acharya and Wang Jisi, Oakland, CA: University of California Press, 2023. 335 p.

М.Б. Абдувахобова

Хорезмдегі Барақ Там I сарайының графикалық реконструкциясы (IV–V ғасырлар)

Бұл мақалада Хорезм аймағында орналасқан, біздің заманымыздың IV-V ғасырларына жататын I Барақ-Там сарайында қолданылған құрылыс материалдарының қасиеттері зерттеледі және оларды визуалды түрде қайта құру мүмкіндіктері қарастырылады. Сонымен қатар, I Барақ-Там моделіне сүйене отырып, сол кезеңдегі Хорезм құрылыс мәдениетінің жалпы принциптері мен ерекшеліктері ашылады.

Кілт сөздер: Хорезм, графикалық қайта құру, қайта құру, 3D модельдеу, шикі кірпіш, пахса, құрылыс материалдары, ғимарат құрылымы.

М.Б. Абдувахобова

Графическая реконструкция дворца Барак-Там I в Хорезме (IV–V вв.)

В данной статье исследуются особенности строительных материалов, использованных в замке раннесредневекого памятника Барак Там I IV–V вв. н.э., расположенного в Хорезме в раннем средневековье, с целью их анализа и визуальной реконструкции. Кроме того, раскрываются общие принципы и особенности строительной культуры Хорезма данного периода.

Ключевые слова: Хорезм, графическая реконструкция, восстановление, 3D моделирование, сырцовый кирпич, пахса, строительные материалы, строительные конструкции.

З.С. Куралова
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Алматы, Қазақстан
zulfiyakuralove@gmail.com

Оңтүстік Қазақстандағы шыны бұйымдарының жасалу технологиясы

Мақалада Оңтүстік Қазақстандағы ортағасырлық шыны бұйымдарының жасалу технологиясы археологиялық және археометриялық деректер негізінде қарастырылды. Зерттеу барысында Тараз, Отырар, Құйрықтөбе, Сауран және Қойлық қалаларынан табылған шыны бұйымдар талданды. Нәтижесінде шыны өндірісінің негізгі шикізаты құм мен өсімдік күлі болғаны, ал негізгі технологиялық тәсілдер ретінде еркін үрлеу, қалыпта үрлеу және жапсырма әшекейлеу қолданылғаны анықталды. Сонымен қатар жергілікті шыны өндірісінің болғанын дәлелдейтін шеберханалар, өндірістік қалдықтар мен ақаулы бұйымдар анықталды. Зерттеу нәтижелері Оңтүстік Қазақстандағы шыны өндірісінің ортағасырлық қалалардың экономикалық және мәдени дамуында маңызды орын алғанын көрсетеді.

Түйін сөздер: Оңтүстік Қазақстан, Тараз, Отырар, Сауран, орта ғасырлар, шыны өндірісі, шихта, еркін үрлеу, қалыпқа үрлеу, терезе диск, шыны пеші, өсімдік күлі.

Кіріспе. Оңтүстік Қазақстандағы шыны бұйымдарын зерттеу Ұлы Жібек жолы бойындағы қалалық өркениеттің технологиялық даму деңгейін бағалаудың маңызды бағыттарының бірі болып табылады. Тараз, Отырар, Құйрықтөбе және Сауран қалаларынан табылған шыны ыдыстар, Терезе дисктері, шеберхана қалдықтары мен импорттық үлгілер бұл өңірде шыны өндірісінің тек тұтыну қажеттіліктерін қамтамасыз ететін сала ғана емес, арнайы білім мен кәсібилікті талап ететін дамыған қолөнер түрі болғанын көрсетеді.

Қазақстанда шыны бұйымдардың қарқынды дамуы ортағасырлық қалалардың қалыптасуымен байланысты. Е.И. Агеева Тараздан табылған материалдар негізінде шыны заттардың ертерек те болғанын, бірақ X–XII ғасырларда олардың сапасы мен технологиясы айтарлықтай жетілгенін көрсетеді (Агеева, 1970: 18). К.М. Байпақов пен Т.С. Дощановаңың зерттеулері нәтижиесі Қазақстанның ортағасырлық қалаларында шыны өндірісінің жоғары деңгейде дамығанын көрсетеді. Отырар, Құйрықтөбе, Тараз, Талғар және Қойлық қалаларынан графиндер, құмыралар, кеселер, тостағандар, құтылар мен терезе дискілердің көптеген үлгілері табылған. Бұл кешендердің басым бөлігі X–XIII ғасырларға жатады және өңірде шыны өндірісінің кең таралғанын дәлелдейді (Байпаков, Пидаев, Хакимов, 2011: 12). Сонымен қатар, Сауранан табылған шыны бұйымдары рельефті қалыпқа үрлеу технологиясының қолданылғанын көрсетеді (Смагулов, 2010: 283).

Орта Азиядағы шыны өндірісінің негізгі шикізаты құм мен өсімдік күлі болғаны А.А. Абдуразаков, М.А. Безбородов және Ю.А. Заднепровский еңбектерінде келтірілген. Зерттеушілер өсімдік күлі шыны шихтасының негізгі сілтілік компоненті болғанын және оның құммен қосылуы нәтижесінде шыны массасы түзілгенін көрсетеді. Әсіресе сортаң жерлерде өсетін солерос пен поташник өсімдіктерінің күлі натрий мен калийге бай болғандықтан кеңінен пайдаланылған. Ортағасырлық жазба деректер мен археологиялық материалдар шынының құм мен ишкор қоспасын жоғары температурада ұзақ балқыту арқылы алынғанын көрсетеді. Тараз материалдарын зерттеген Е. И. Агеева да шыны өндірісінде құм, бор және ағаш күлі қолданылып, шыны массасының отқа төзімді саз тигельдерде балқытылғанын атап өтеді (Абдуразаков, Безбородов, Заднепровский, 1963: 183; Абдуразаков, Безбородов, Заднепровский, 1966: 143–145).

Химиялық құрам жөніндегі салыстырмалы зерттеу де осы тұжырымды бекітеді. Т.С. Дощанова Оңтүстік Қазақстандық шынылардан Отырар мен Құйрықтөбе үлгілерін бөліп алып, оларды Тараз, Талғар, Қойлық және кеңірек Орта Азия материалдарымен салыстырғанда басым топтың $K_2O–Na_2O–CaO–MgO–Al_2O_3–SiO_2$ жүйесіне жататынын, яғни құм мен өсімдік күлінің қосындысына негізделетін жеңіл балқитын топ екенін көрсетеді. Бұл талдау шикізаттың тек минералдық емес, ботаникалық сипатын да байқатады: шихтадағы Na/K арақатынасы күл алынған өсімдіктің түріне тәуелді. Мұнда Co, Cu, Cr, V, Mo, Zr, Pb сияқты микроэлементтердің анықталуы түстік және технологиялық вариациялардың болғанын көрсетеді, бірақ олардың барлығы бірдей арнайы қымбат бояғыш ретінде емес, табиғи қоспа немесе ұсақ технологиялық үстеме рөлін де атқарған болуы мүмкін. (Дощанова, 2009: 165–168).

Т.С. Дощанованың мәліметінше, М. Қожа Қоңыртөбе маңынан анықтаған шыны шеберханасы Оңтүстік Қазақстандағы жергілікті шыны өндірісінің болғанын нақты дәлелдейді. Шеберхана аумағынан алты пеш табылған, олардың екеуі бұйымдарды күйдіруге немесе баяу салқындатуға, ал қалғандары шыны массасын балқытуға пайдаланылған. Пештердің маңынан балқып қатқан шыны массасының қалдықтары, көптеген шыны сынықтары және өндірістік ақауы бар бұйым фрагменттері анықталған (Дощанова, 2005: 185). Сонымен қатар Тараздан табылған шлактар, брак фрагменттері және біркелкі пішіндегі бұйымдар сериялары да жергілікті өндіріс белгілерін айғақтайды. Е.И. Агеева Тараз шыныларының қарапайым әрі стандартталған формалары олардың жаппай өндірілгенін көрсететінін атап өтеді (Агеева, 1970: 22).

Өндірістік технологияның деңгейін шыныдағы құрылымдық ақаулар да көрсетеді. Тараздан табылған бұйымдарда кездесетін «мошка» мен «свиль» тәрізді кемшіліктер шыны массасын балқыту және тазарту үдерісінің ерекшеліктерін аңғартады. Е.И. Агееваның мәліметінше, сапалы әрі мөлдір шыны алу үшін пеш температурасы шамамен 1200–1500°C аралығында болуы қажет болған. Бұл ортағасырлық шеберлердің балқыту режимін, пеш температурасын және шыны массасын өңдеу технологиясын жақсы меңгергенін көрсетеді (Агеева, 1970: 22).

Шыны бұйымдарының түсі өндіріс технологиясы мен шикізат құрамын сипаттайтын маңызды көрсеткіштердің бірі болып табылады. Құйрықтөбе мен Қойлық материалдарында оливкалы-жасыл, қою-жасыл, көгілдір және сарғыш-жасыл түсті шынылар басым кездеседі. Мұндай түстік ерекшеліктер шыны шихтасының құрамындағы табиғи қоспалар мен өсімдік күлінің құрамына байланысты қалыптасқан. Т.С. Дощанова Құйрықтөбе және Сарайшық материалдарының басым бөлігінде жасыл реңктердің кездесетінін, ал шынылардың мөлдірлігі мен түсі әркелкі болғанын атап көрсетеді (Дощанова, 2005: 185). Сонымен қатар Қойлықтан табылған кейбір бұйымдардың жоғары сапалы мөлдір жасылдау шыныдан жасалуы өңірдегі шыны өндірісінің технологиялық деңгейінің жоғары болғанын дәлелдейді (Дощанова, 2001:158).

Шыны бұйымдарының сапасын бағалауда түсімен қатар мөлдірлігі мен көпіршіктілік деңгейі де маңызды көрсеткіш болып табылады. Қойлықтан табылған кейбір бұйымдар ашық жасыл түсті және ұсақ көпіршікті шыныдан жасалған. Ал қалыпта айналдырып үрлеу тәсілі қолданылған үлгілерде технологиялық тігіс іздері мен «спираль тәрізді өрнек» байқалады. Т.С. Дощанованың мәліметінше, көпіршігі жоқ мөлдір ақ шыны жоғары температурада балқытылып, арнайы мөлдірлендіру өңдеуінен өткен. Бұл ортағасырлық шеберлердің шыны сапасын бақылау мен өңдеу технологиясын жақсы меңгергенін көрсетеді (Дощанова, 2003: 165–167).

Оңтүстік Қазақстандағы шыны өндірісінде қалыпқа құю тәсілі шектеулі қолданылғанымен, негізгі технологиялық әдістер еркін үрлеу және қалыпта үрлеу болды (Байпаков, Пидаев, Хакимов, 2011: 12–28).

Оңтүстік Қазақстандағы шыны бұйымдарын жасау технологиясында еркін үрлеу әдісі басым болған. Т.С. Дощанованың мәліметінше, шыны ыдыстардың негізгі бөлігі осы тәсілмен өндірілген (Дощанова, 2005: 185), Құйрықтөбеден табылған графиндер, құмыралар, кружкалар, түбектер мен флакондар да еркін үрлеу арқылы жасалған. Бұл технологияның археологиялық белгілеріне қабырға қалыңдығының әркелкілігі, түбінің аздап ойыс болуы, пішінінің симметриясыздығы, сондай-ақ тұтқалар мен сәндік элементтердің бөлек дайындалып, ыстық күйінде жапсырылуы жатады. Мысалы, Құйрықтөбедегі кейбір ыдыстарда қабырға қалыңдығы 0,2–0,4 см аралығында өзгеріп отырады, ал тұтқалары бұйым денесіне кейіннен бекітілген (Дощанова, 2001: 158).

Қалыпқа үрлеу Оңтүстік Қазақстандағы шыны өндірісінде қолданылған маңызды технологиялық тәсілдердің бірі болды. Қойлықтан табылған кейбір ыдыстардың екі бөлікті қалыпта айналдырып үрленгені олардың қабырғаларында сақталған тігіс іздері мен айналмалы бедерлер арқылы анықталады (Дощанова, 2003: 165–167). Сонымен қатар Құйрықтөбе мен Саураннан табылған рельефті өрнекті ыдыстар, қырлы және ұяшықты декоры бар графиндер шыны бұйымдарын жасауда арнайы бедерлі қалыптардың пайдаланылғанын көрсетеді. Бұл әдіс бұйым бетіне әртүрлі сәндік элементтер түсіруге мүмкіндік берген. Е.А. Смагуловтың пікірінше, Саураннан табылған кейбір шыны бұйымдардың сәндік ерекшеліктері де рельефті қалыпқа үрлеу технологиясымен байланысты (Смагулов, 2010: 283) .

Жапсырма тәсілі мен жеке бөлшектерді қосу технологиясы Оңтүстік Қазақстан шыныларында кеңінен қолданылған. Құмыралардың тұтқалары, мойын тұстары мен сәндік үшін жасалған жіптері бөлек дайындалып, бұйымның ыстық кезінде бетіне жапсырылған. Құйрықтөбеден табылған қалың қабырғалы құмырада шүмек жиегі бордовый түсті шыны жіппен бірнеше рет оралған, мойын бөлігіне жеке манжета бекітілген, ал тұтқасы венчик жиегін денесінің жоғарғы бөлігімен жалғап тұр. Мұндай технология шыны массасының өңдеуге қолайлы температуралық күйін дәл

пайдалануды талап еткен. Сонымен қатар Құйрықтөбе кружкаларындағы көк және қою түсті жапсырма шыны жіптер сәндік қызметпен қатар жиек бөлігін нығайту қызметін де атқарған (Байпаков, Пидаев, Хакимов, 2011: 16).

Оңтүстік Қазақстандағы шыны өндірісінің маңызды бағыттарының бірі – терезе дискілер жасау технологиясы. Т. С. Дощановаңың зерттеулеріне сәйкес, Қойлықтан табылған терезе дискілер еркін үрлеу әдісімен дайындалған. Өндіріс барысында шыны массасы дөңгелек пішінге келтіріліп, айналдыру арқылы ортасында конус тәрізді көтеріңкі бөлік, ал шетінде қайырма жиек қалыптастырылған (Дощанова, 2003: 169–170). Талғардан табылған терезе дискілерінің диаметрі шамамен 20–25 см, орталық дөңесінің биіктігі 1,7–3 см аралығында, ал түсі жасылдан ашық көгілдір-жасылға дейін өзгереді. Терезе дискілердің тұрғын үйлерден көптеп табылуы олардың сәндік бұйым емес, сәулеттік мақсатта кеңінен қолданылған құрылыс элементі болғанын көрсетеді. Бұл деректер XII–XIII ғасырларда өңірде терезе шыны өндірісінің дамып, қалалық сәулет қажеттіліктерімен тығыз байланыста болғанын дәлелдейді (Дощанова, 2008: 141).

Құйрықтөбеден түбектер, ұсақ флакондар, миниатюралық құтылар және химиялық түтікшелер табылған. Олардың бір бөлігі дәрілік, парфюмерлік немесе санитарлық-гигиеналық мақсатта пайдаланылған болуы мүмкін. Т.С. Дощановаңың жіктеуі бойынша, ортағасырлық шыны бұйымдар асханалық-тұрмыстық, парфюмерлік-дәрілік, химиялық, санитарлық-гигиеналық, әшекейлік және сәулеттік (терезе шынылары) топтарға бөлінеді (Дощанова, 2005:185). Мұндай әртүрлілік шыны өндірісінің тек тұрмыстық ыдыстар жасаумен шектелмей, қалалық өмірдің түрлі салаларына қызмет еткенін көрсетеді. Сонымен қатар арнайы мақсаттағы ыдыстардың болуы шыны шеберлерінің әртүрлі функционалдық талаптарға бейімделген күрделі технологияларды меңгергенін дәлелдейді (Дощанова, 2001: 161).

Құйрықтөбе мен Қойлықтан табылған шыны бұйымдар олардың пішіндерінің стандартталғанын және нақты функционалдық мақсатқа бейімделгенін көрсетеді. Құйрықтөбедегі графиннің биіктігі 17 см, денесінің диаметрі 11,6 см, ал табанының диаметрі 6,7 см болып, шағын көлемдегі сұйықтықтарды құюға арналған үстелдік ыдыс қызметін атқарған. Шүмекті құмыраның биіктігі 24 см-ге жетіп, денесінің ең үлкен диаметрі 19 см, шүмегінің ұзындығы 9,2 см болған, бұл оның сұйықтықтарды сақтау және құю мақсатында пайдаланылғанын көрсетеді. Сонымен қатар кейбір сапты кеселердің өлшемдері жеке тұтынуға бейімделгенін аңғартады. Қойлықтан табылған банкі тәрізді ыдыстардың шағын көлемде болуы олардың сақтау функциясына арналғанын көрсетеді. Бұйымдардың өлшемдік параметрлерінің тұрақтылығы мен пішіндерінің қайталануы ортағасырлық шыны өндірісінде қалыптасқан типтік үлгілердің болғанын және өндірістің белгілі бір стандарттарға негізделгенін дәлелдейді (Дощанова, 2003: 167; 2001, 158–160).

Байқағанымыздай Оңтүстік Қазақстанда XI–XIII ғасырларда шыны өндірісі жоғарғы деңгейде дамығанын көрсетеді. Тараз, Отырар, Құйрықтөбе және Сауран қалаларынан табылған археологиялық материалдар шыны жасаудың жергілікті дәстүрі қалыптасқанын және оның Орта Азиядағы шыны өндірісімен тығыз байланыста дамығанын дәлелдейді. Зерттеу нәтижелері шыны өндірісінде негізгі шикізат ретінде құм мен өсімдік күлінің пайдаланылғанын көрсетті. Шыны бұйымдарын жасауда еркін үрлеу әдісі басым болғанымен, қалыпта үрлеу, жапсырма әшекейлеу және терезелік дискілер дайындау сияқты күрделі технологиялар да қолданылған. Қоңыртөбе маңынан анықталған шыны шеберханасы өңірде толық өндірістік циклдің болғанын нақты айғақтайды. Осылайша, Оңтүстік Қазақстандағы шыны өндірісі ортағасырлық қалалардың экономикалық және мәдени дамуының маңызды көрсеткіштерінің бірі болып табылады.

Әдебиеттер тізімі

Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. (1963). Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент: Академия Наук Узбексной ССР.

Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. (1966). Средневековые стекла Средней Азии. Ташкент: Изд-во АН СССР.

Агеева Е. И. (1970). Средневековое стекло из Тараза. М. К. Кадырбаев ішінде, По следам древних культур Казахстана (беттер 7-21). Алма-Ата.

Байпаков К. М., Пидаев Ш., Хакимов А. (редакторлар). (2011). Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Стекло (II-том). Самарканд-Ташкент: МИЦАИ.

Дощанова Т. С. (2001). Новые находки стеклянных изделий с городища Куйрук-тобе. Известия НАН РК. Серия общественных наук(1), беттер 158-161.

Дощанова Т. С. (2003). Новые коллекции стекла из городищ Куйрук-тобе и Коялыка. Известия НАН РК. Серия общественных наук(1), беттер 165-172.

Дощанова Т. С. (2005). Технология стекловарения в древности. Известия НАН РК, 185-192.

Дощанова Т. С. (2008). Оконное стекло на городище Талгар. Известия НАН РК. Серия общественных наук(1), беттер 141-146.

Дощанова Т. С. (2009). Сравнительный анализ химического состава Южно-казахстанских, Семиреченских и Среднеазиатских стекол. Известия НАН РК, стр. 165-173.

Смагулов Е. А. (2010). Древний Сауран. Алматы.

Z.S. Kuralova

Glass Production Technology in Southern Kazakhstan

This article examines the manufacturing technology of medieval glass artifacts in Southern Kazakhstan based on archaeological and archaeometric evidence. Glass finds from Taraz, Otrar, Kuyruktobe, Sauran, and Koylyk were analyzed. The study revealed that sand and plant ash were the principal raw materials used in glass production, while free-blowing, mold-blowing, and applied decoration were the main manufacturing techniques. Evidence of local glass production, including workshops, production waste, and defective products, was also identified. The results demonstrate that glassmaking played a significant role in the economic and cultural development of medieval cities in Southern Kazakhstan.

Key words: South Kazakhstan, Taraz, Otrar, Sauran, Middle Ages, glassmaking, batch, free blowing, mold blowing, window discs, glass furnace, plant ash.

З.С. Куралова

Технология изготовления стеклянных изделий Южного Казахстана

В статье рассматриваются технологии изготовления средневековых стеклянных изделий Южного Казахстана на основе археологических и археометрических данных. В ходе исследования были проанализированы стеклянные находки из Тараза, Отрара, Куйрыктобе, Саурана и Койлыка. Установлено, что основным сырьем для производства стекла служили песок и растительная зола, а ведущими технологическими приемами являлись свободное выдувание, выдувание в форму и налепной декор. Выявлены свидетельства существования местного стекольного производства, включая мастерские, производственные отходы и бракованные изделия. Результаты исследования показывают, что стеклоделие занимало важное место в экономическом и культурном развитии средневековых городов Южного Казахстана.

Ключевые слова: Южный Казахстан, Тараз, Отрар, Сауран, средневековье, стеклоделие, шихта, свободное выдувание, выдувание в форму, оконные диски, стекловаренная печь, растительная зола.

M.A. Temirova
Termez State University
Termez, Uzbekistan
munira.temirova.90@mail.ru

Archaeological and Chemical Analysis of Sphero-Conical Vessels (On the Example Of Monuments in Surkhandarya Region)

Sphero-conical vessels – are one of the ceramic products with a unique morphological structure that were mass-produced in the Middle Ages. Their distribution geography covers vast areas. Since the 19th century, the origin, firing technology, raw material composition, and most importantly, the functional purpose of these vessels have been widely discussed.

In this article, sphero-conical vessels found in the Surkhandarya region between the 9th and 13th centuries were analyzed. The aim of the research is to identify the monuments where sphero-conical vessels were found in this region and to conduct a complex study of the findings. As an important part of the research, modern archaeometric methods were used to determine the raw material composition and production technology of sphero-conical vessels. In particular, samples were analyzed based on Energy-Dispersive X-ray Spectroscopy (EDX), Thermogravimetric Analysis (TGA), and Differential Thermal Analysis (DTA) graphs. This method allowed for the determination of the elemental composition of ceramic products, the study of the characteristics of raw materials used in their production, and observations regarding the mass loss in the samples. The results served to determine the technological characteristics of sphero-conical vessels and to scientifically evaluate their production traditions.

Keywords: Sphero-conical vessels, Old Termez, typology, 9th-13th centuries, EDX analysis, cylindrical, chemical elements.

Introduction. The territory of Central Asia has long been one of the centers of highly developed craftsmanship, especially pottery production, which was highly advanced in the Middle Ages. Master potters produced a wide range of ceramic items, which differed from each other in shape, function, and raw materials. One of these items is the sphero-conical vessel. Sphero-conical vessels have been found in more than 60 monuments and human settlements located in the historical-cultural provinces of medieval Central Asia (Галиева 2014:75-87, Нуретдинова 2022), Shosh (Буряков, Касымов, Ростовцев 1973:36), Afrosiyob (Вяткин 1926), Old Termez, Aktobe (Акынбек 2013:100-103), Taroz, Axsikent, Mizdaxqon (Сайпов 2022:22), Hayitobod, Poykend (Mirzaakhmedov 2024: 278 - 303) and Xulbuk are among them. Several of the large production centers of sphero-conical vessels in Central Asia are located in Surkhandarya, southern Uzbekistan (Fig.1).

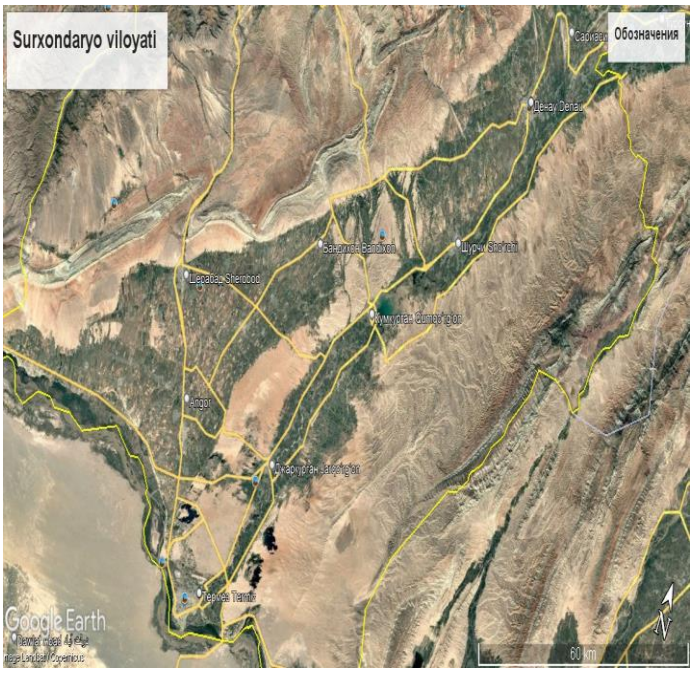

Fig. 1. Natural geographical map of Surkhandarya region (according to Google Earth).

Research methods. Regional, comparative, and typological analysis, as well as chemical research methods, were used in the article.

Main Part. The results of studying archaeological and written sources revealed that sphero-conical vessels were found in 6 medieval monuments in the Surkhandarya region. They are as follows:

Old Termez - an archaeological monument of the ancient and medieval periods located in the Termez district of the Surkhandarya region (Пидаев 2001:3). Coordinates: 37°16’39.46”N 67°12’6.81”E (Fig.2). Termez held significant importance as a city located at the crossroads of the Great Silk Road. The sphero-conical vessels identified in the Termez area demonstrate the advanced development of local craftsmanship and the region’s active participation in international trade routes. Research based on archaeological finds and written sources confirms that Termez was a vital center for economic, cultural, and scientific processes during the Middle Ages. Large-scale research work was carried out in the 20s and 30s of the 20th century by B. Denike and M.E. Masson.

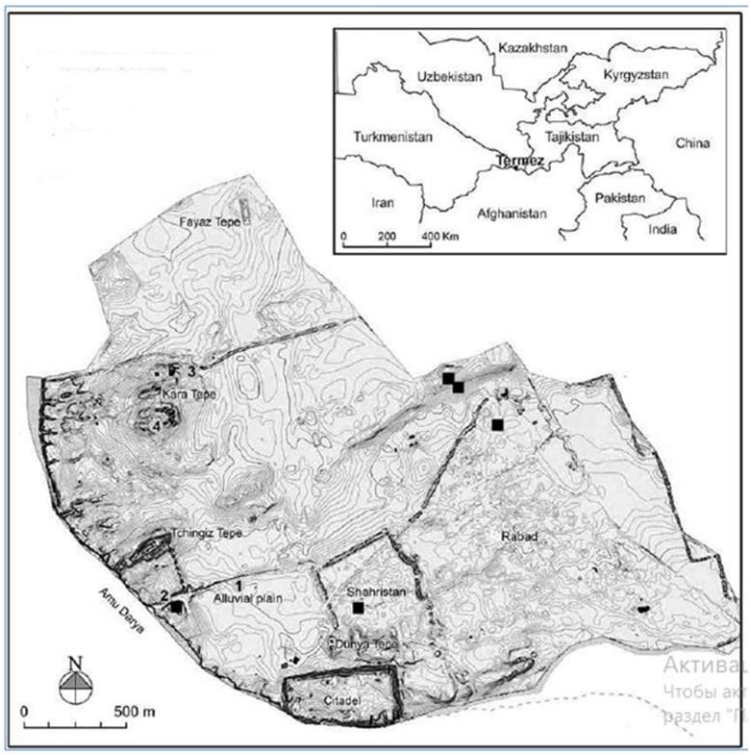

Fig. 2. Monument of Old Termez (after F. Agnese, M. Veronica, A. Andreas et al., 2022).

The first samples of Old Termez sphero-conical vessels began to be discovered in 1940 during excavations conducted by the Termez Archaeological Complex Expedition (TAKE) under the leadership of M.E. Masson(Массон 1941:86-102). Subsequent specimens were found during excavations directly carried out by Sh. Pidaev and U.V. Rakhmanov (Рахманов, Пидаев 1990:60-69). Today, more than 300 sphero-conical vessels are preserved in the exhibition halls and main storage funds of the Termez Archaeological Museum.

During the years of independence, new samples were successfully discovered as a result of joint archaeological research conducted at the Old Termez monument with Uzbek-Spanish, Uzbek-French, and other international teams.

The medieval author Ibn Hawqal provides important information about the economic life of the city of Termez in his works. According to him, the city had luxurious rabats (caravanserais) that generated significant income from trade.

On the eastern side of these caravanserais, there was a separate neighborhood where potters lived; the masters active in this area produced various types of ceramic products. They particularly showed great skill in making unglazed but richly decorated pottery. Among these items, elegant jugs and vessels decorated in various shapes and sizes using molds hold a special place. According to archaeological data, each workshop was typically equipped with two or three kilns, which testifies to the highly developed state of pottery production (Холиков 2001).

Another craft center engaged in ceramic production specialized in preparing specific dome-shaped vessels - sphero-conical vessels. Large production sites were not limited only to the rabat area but were also located outside it. For example, a large kiln designed for firing baked bricks operated in the southeastern part of the rabat.

Additionally, there was a potters' neighborhood on the northern side of the rabat. Various household ceramic items, such as large jars (khum), small jars, pots, basins, and lids, were prepared and fired here. Another similar craft center was located near the northern part of the shahristan (inner city), where special kilns were used for firing sphero-conical vessels and glazed ceramics.

According to sources, Termez potters gained special fame for manufacturing sphero-conical vessels during the Middle Ages. These types of vessels produced by them were sold in the markets of many cities across the Movarounnahr region.

Hayitobod – The ruins of the city of Hayitobod are located approximately forty kilometers north of modern-day Termez, on the right bank of the Surkhandarya River. This monument covers an area of nearly 11 hectares. The city structure consists of a lower section measuring 310 × 220 meters, surrounded by defensive walls reinforced with about twenty towers. The complex also includes a small citadel measuring 50 × 40 meters, reaching a height of approximately 17 meters. A defensive moat was dug around the citadel, with access points from the southern and northern sides. According to researchers, a key factor in the city's location was its proximity to the Zang canal, which supplied the Angor oasis with water (Jean-Baptiste. Houal 2001: 22). Coordinates: 37°33'51.08"N 67°26'52.57"E. The results of research conducted by M. Gelin at the Hayitobod fortress in 1997 cover nine large areas. Pottery from the Islamic period was discovered and studied during Uzbek-French excavations led by T.J. Annayev and P. Leriche (Leriche, Annayev 1996: 277-298).

Nomsiztepa – An archaeological monument dating back to the 6th–8th centuries, located in the Termez district of the Surkhandarya region. Coordinates: 37°42'52.98"N 67°30'52.25"E.

Sho'robqo'rg'on – A settlement located on the right bank of the Qorasuv River. Based on available materials, E.V. Rtveladze dated its period from the Kushan era to the developed Middle Ages (Гендельман 2001:91-107). Coordinates: 37°23'41.04"N 67°2'23.65"E.

Munchoqtepa – Located in the area of the South Surkhon reservoir. Coordinates: 37°53'34.94"N 67°39'26.91"E. Research work was conducted in the 50s and 60s of the 20th century by L.I. Albaum and D. Varxatova.

Tarag'aytepa – A medieval settlement in the Surkhandarya region. Coordinates: 37°23'28.98"N 67°24'50.73"E.

Findings: About 350 sphero-conical vessels were found at the Old Termez monument. Their dimensions average 7x18.5 cm, and they primarily feature grey, yellowish, and blackish colors. This is related to the technological process and the composition of the raw materials (Molera, Ferreras etc. 2020 : 1–11, Fusaro, Gurt Esparraguera etc. 2022:1-25). We conducted a morphological typology of the findings from the Surkhandarya region for each monument; accordingly, Old Termez sphero-conical vessels were divided into types such as sphero-conical (Fig. 3, 1,2), spheroid (Fig. 3, 9), ellipsoidal (Fig. 3, 6,7,8), cylindrical (Fig. 3, 3,4,5), and irregular shapes, as well as teardrop (Fig. 3, 10), conical (Fig. 3, 11), and zoomorphic forms (Массон 1941: 86-102, Пидаев 1997. - С 149-162, Temirova 2023:35-37). Samples exactly similar to the Old Termez sphero-conical vessels were found in Khulbuk (Ходжаев, Филимонова и др. 2020:222-233). Potters from Old Termez used geometric, epigraphic, floral (islimi), and symbolic images to decorate these items.

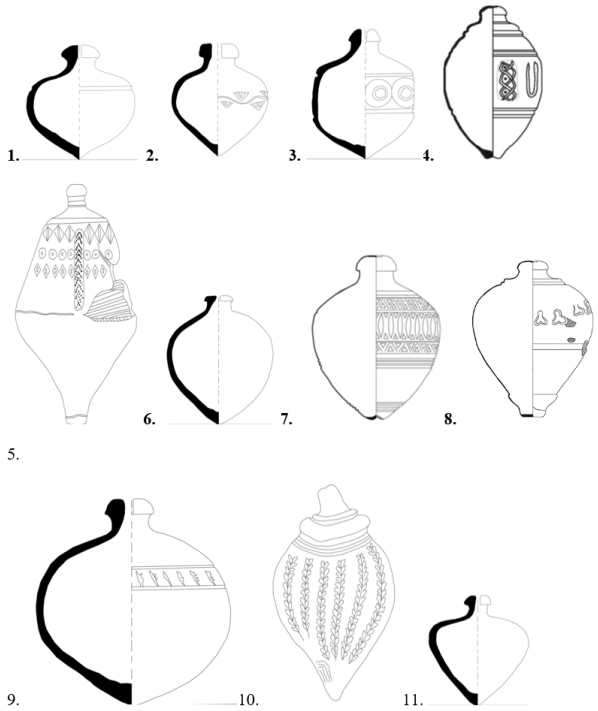

Fig. 3. Morphological structures of the Old Termez spherocones.

Among the Islamic-period finds from Hayitobod, there are numerous sphero-conical vessels. They include ellipsoidal, cylindrical, and sphero-conical shapes. Their dimensions are 4.7x16.3 cm. Their decorations are mainly floral (islimi) and geometric patterns (Fig. 4).

Fig. 4. Shape types of Hayitabad spherocones.

Sphero-conical vessels of ellipsoidal and cylindrical shapes were found at Nomsiztepa. Their total number has not been precisely determined. At Shoʻrobqoʻrgʻon, a single cylindrical sphero-conical vessel was recovered from Excavation Site 2. The surface of this find, specifically the lower part of the body, is

decorated with two rows of incised rings (Гендельман 2001). This type of ornament was widely utilized across Central Asia.

One sphero-conical vessel found at the Munchoqtepa monument is currently preserved in the exhibition of the School Museum organized at School No. 21 in the Kumkurgan district. The find is dark grey and sphero-conical in shape.

Tarag‘aytepa sphero-conical vessels: ellipsoidal and teardrop-shaped. There are two specimens decorated with geometric and floral (islimi) patterns, specifically grain images. Sphero-conical vessels featuring grain patterns have also been found in Shosh, Afrosiyob (Соколовская 1995), Ishtikhontepa (Пугаченкова 1983:259-270), Khulbuk (Siméon 2013: 443-459) and several other historical-cultural regions and monuments.

The period of existence for sphero-conical vessels in these areas spans the 9th to 13th centuries. After the Mongol invasion, cities were reduced to ruins, and craftsmanship faced a decline. Like other ceramic products, the production process of sphero-conical vessels came to an end.

In recent years, archaeological research has focused not only on the morphological and typological characteristics of ceramics but also on determining their production technology and raw material composition. Modern archaeometric methods, particularly Energy-Dispersive X-ray Spectroscopy (EDX), have expanded the possibilities for identifying the chemical composition of ceramic products and scientifically studying their production processes. For this purpose, we analyzed three sphero-conical vessels found in Old Termez and the Palace of the Termizshahs based on EDX, Thermogravimetric Analysis (TGA), and Differential Thermal Analysis (DTA) graphs. We selected three types of sphero-conical vessels with different colors for the samples: “TshS.1”, “TshS.2” and “S 2769” (Fig.5). The objective was to determine differences in raw material composition and mass loss.

Fig. 5. Spheroconical containers with codes. 1. TshS.1, 2.TshS.2, 3. S.2769.

Research Method: The analysis was conducted on June 13, 2025, using an EDX-8100 spectrometer in “Quick & Easy Air-Metal” mode in an air atmosphere. Measurements were performed through a 10 mm collimator. As a result of the analysis, more than 25 elements were identified, and their major and trace (micro) amounts were recorded. Based on the analysis of the green-colored sphero-conical vessel TshS. 1 (Fig.6), the following were identified:

Main Components and Their Analysis:

• Silicon (Si) – 40.16%: Silicon oxide (SiO_2) is the main component of the ceramic mass, indicating the use of siliceous clay or raw materials mixed with quartz. SiO_2 ensures durable firing at high temperatures and provides strength to the ceramic mass.

• Calcium (Ca) – 24.98%: Calcium oxide (CaO) may have originated from natural limestone or manganese calcites. CaO serves as a fluxing agent in the ceramic mass, increasing thermal stability and acting as a reinforcing phase.

• Iron (Fe) – 16.09%: Iron is a natural component of ceramic clay, causing coloration ranging from colorless to light brown or greenish-grey. This indicates that the pigment was provided through the mass rather than a glaze.

• Aluminum (Al) – 10.37%: A source of kaolin and other clay minerals, it is a primary component of the mass composition. Al_2O_3 ensures the mechanical stability of the ceramic mass.

• Potassium (K) – 5.91%: The potassium component often comes from K-feldspar minerals. This element helps lower the firing temperature of the ceramic mass; however, in unglazed vessels, this process occurs within the mass.

• Titanium (Ti) – 1.34%: Titanium oxide (TiO_2) is a natural impurity present in the mass composition and, in some cases, affects the lightness of the color.

Trace Elements (≤0.5%): Mn, Sr, Ni, Zr, Rb, Zn, Pb, V, and Cu were detected in trace amounts.

Sample : TshS 1 yashil
Operator: F.B. Kurbonov
Comment : Quick&easy Air-Metal
Group : detail
Date : 2025-06-13 12:33:25

Quantitative Result

Analyte	Result	[3-sigma]	Proc.-Calc.	Line	Int.(cps/uA)
Si	40.161 %	[0.589]	Quan-FP	SiKa	7.9805
Ca	24.984 %	[0.139]	Quan-FP	CaKa	55.5216
Fe	16.099 %	[0.050]	Quan-FP	FeKa	264.6579
Al	10.370 %	[0.472]	Quan-FP	AlKa	0.7564
K	5.908 %	[0.058]	Quan-FP	K Ka	3.5653
Ti	1.345 %	[0.037]	Quan-FP	TiKa	14.3253
Mn	0.347 %	[0.008]	Quan-FP	MnKa	3.7507
Sr	0.169 %	[0.003]	Quan-FP	SrKa	24.1990
Ni	0.097 %	[0.008]	Quan-FP	NiKa	4.0496
S	0.085 %	[0.091]	Quan-FP	S Ka	0.0053
Zr	0.073 %	[0.004]	Quan-FP	ZrKa	11.4645
V	0.071 %	[0.017]	Quan-FP	V Ka	1.1132
Cu	0.055 %	[0.006]	Quan-FP	CuKa	2.8128
Rb	0.055 %	[0.004]	Quan-FP	RbKa	7.2592
Zn	0.054 %	[0.002]	Quan-FP	ZnKa	0.1693
Pb	0.050 %	[0.001]	Quan-FP	PbLb1	0.2710
Cr	0.039 %	[0.007]	Quan-FP	CrKa	0.3031
Ir	0.016 %	[0.002]	Quan-FP	IrLa	0.0314
Y	0.012 %	[0.003]	Quan-FP	Y Ka	1.7510
P	0.007 %	[0.393]	Quan-FP	P Ka	0.0033
Th	0.004 %	[0.001]	Quan-FP	ThLa	0.0454

Fig. 6. EDX analysis results of the spherocone coded TshS.1.

The analysis concluded that the TshS-1 sphero-conical vessel sample is a ceramic product fired at high temperatures with a dense structure. The main constituents-silicon, calcium, iron, and aluminum-indicate that high-quality raw materials and controlled technological processes were used in its production. Color pigments are dispersed within the mass, originating from natural clay and minerals.

The second sample, “TshS.2” (Fig.7), a yellowish-green sphero-conical vessel, is a fragment of a small-volume vessel found in the 2023 layer of the inner courtyard of the Termizshahs’ Palace. Analysis of this vessel showed the following Elemental Content (%):

1. Si 40.84– Silicon oxide: forms the basis of the mass.
2. Ca 20.58– Calcium oxide: firing stability and surface protection.
3. Fe 14.46– Iron: pigment and metallic particle modifier.
4. Al 10.62– Aluminum: mass-stabilizing component.
5. K 6.77– Potassium: flux that lowers the firing temperature.
6. Pb 2.46– Lead: used for glazing or creating a dense coating.
7. Cu 1.78– Copper: pigment providing the yellowish-green tint.
8. Ti, Mn, Zn, Sr, Zr, Ni, Cl ≤ 1% are evaluated as trace components and technological impurities.

Technological Analysis and Properties of the Sphero-conical Vessel

Sample : TshS 2 sargish yashil
Operator: F.B. Kurbonov
Comment : Quick&easy Air-Metal
Group : detail
Date : 2025-06-13 12:24:59

Quantitative Result

Analyte	Result	[3-sigma]	Proc.-Calc.	Line	Int.(cps/uA)
Si	40.842 %	[0.593]	Quan-FP	SiKa	8.1252
Ca	20.576 %	[0.127]	Quan-FP	CaKa	44.1771
Fe	14.460 %	[0.052]	Quan-FP	FeKa	251.4489
Al	10.628 %	[0.473]	Quan-FP	AlKa	0.7785
K	6.777 %	[0.063]	Quan-FP	K Ka	3.9190
Pb	2.463 %	[0.013]	Quan-FP	PbLb1	13.3136
Cu	1.781 %	[0.021]	Quan-FP	CuKa	96.5848
Ti	1.286 %	[0.038]	Quan-FP	TiKa	14.2100
Mn	0.384 %	[0.010]	Quan-FP	MnKa	4.3772
Sr	0.200 %	[0.004]	Quan-FP	SrKa	25.8238
Cl	0.177 %	[0.037]	Quan-FP	ClKa	0.0257
Zn	0.143 %	[0.004]	Quan-FP	ZnKa	0.4922
Zr	0.076 %	[0.005]	Quan-FP	ZrKa	10.6083
Ni	0.063 %	[0.008]	Quan-FP	NiKa	2.8248
Rb	0.058 %	[0.005]	Quan-FP	RbKa	6.9525
V	0.058 %	[0.017]	Quan-FP	V Ka	0.9440
Cr	0.027 %	[0.007]	Quan-FP	CrKa	0.2191

Fig. 7. EDX analysis results of the spherocone coded TshS.2.

In sample TshS.2 specifically: PbO = 2.46%, CuO = 1.78% – these components formed a dense layer through the surface or mass, serving to preserve the substance stored inside on the smooth surface of the vessel and preventing the walls from absorbing it.

The presence of Fe and Ti oxides is important for the external protection of the vessel or for making it heat-resistant.

These components indicate the chemical inertness, density, and the formation of a surface that protects metal from evaporation, which are characteristic of sphero-conical vessels.

According to the research conclusion, the Si, Ca, and Al in the TshS. 2 sphero-conical vessel show that the mass base is stable and thermally robust. Trace components are either natural occurrences in the raw material or technologically targeted additives.

The composition of the third grey-colored sphero-conical vessel coded “S 2769” (Fig.8), according to the EDX analysis results, revealed the following main oxide elements: Element Content (%)

1. Si- 38.68
2. Ca- 23.49
3. Fe- 16.71
4. Al- 11.05
5. K- 7.42 Additionally, microelements such as Ti, Mn, S, Zn, Sr, Cl, Cu, Cr, Pb, and V were recorded in trace amounts.

Sample : S 2769 kulrang
Operator: F.B. Kurbonov
Comment : Quick&easy Air-Metal
Group : detail
Date : 2025-06-13 12:41:45

Peak List

Channel	Line	keV	Net Int.(cps/uA)	
Zn-As,Pb	CuKa	8.04	0.0782	
	ZnKa	8.64	0.2283	QF
	PbLL	9.26	0.0038	
	IrLa	9.26	0.0335	QF
	ZnKb	9.58	0.0325	
	PbLa	10.54	0.1401	
	PbLb1	12.62	0.0926	QF
	ThLa	12.96	0.0358	QF
Cr-Fe	V Kb	5.42	0.0648	
	CrKa	5.42	0.2358	QF
	MnKa	5.90	3.6873	QF
	FeKa	6.40	254.5602	QF
	MnKb	6.50	0.6113	
S-K	CaKbESC	2.26	0.0277	
	S Ka	2.26	0.0106	QF
	ClKa	2.64	0.0223	QF
	ArKa	2.96	0.5262	QF
	K Ka	3.32	4.1305	QF
	K Kb	3.59	0.6527	
	CaKa	3.69	24.3450	

Quantitative Result

Analyte	Result	[3-sigma]	Proc.-Calc.	Line	Int.(cps/uA)
Si	38.679 %	[0.579]	Quan-FP	SiKa	6.9935
Ca	23.493 %	[0.135]	Quan-FP	CaKa	47.1912
Fe	16.719 %	[0.051]	Quan-FP	FeKa	254.5602
Al	11.056 %	[0.485]	Quan-FP	AlKa	0.7402
K	7.416 %	[0.065]	Quan-FP	K Ka	4.1305
Ti	1.272 %	[0.036]	Quan-FP	TiKa	12.5970
Mn	0.368 %	[0.009]	Quan-FP	MnKa	3.6873
S	0.183 %	[0.092]	Quan-FP	S Ka	0.0106
Sr	0.177 %	[0.003]	Quan-FP	SrKa	23.2382
Cl	0.161 %	[0.035]	Quan-FP	ClKa	0.0223
V	0.089 %	[0.016]	Quan-FP	V Ka	1.2884
Zn	0.079 %	[0.003]	Quan-FP	ZnKa	0.2283
P	0.060 %	[0.136]	Quan-FP	P Ka	0.0156
Rb	0.057 %	[0.004]	Quan-FP	RbKa	6.9289
Zr	0.057 %	[0.004]	Quan-FP	ZrKa	8.1950
Cu	0.049 %	[0.006]	Quan-FP	CuKa	2.2684
Cr	0.033 %	[0.006]	Quan-FP	CrKa	0.2358
Pb	0.018 %	[0.001]	Quan-FP	PbLb1	0.0926
Ir	0.018 %	[0.002]	Quan-FP	IrLa	0.0335

Fig. 8. EDX analysis results of the spherocone coded S.2769.

The high content of Silicon (Si) and Calcium (Ca) indicates that the sample consists of ceramic matter. Iron (Fe) may have been responsible for the external color of the vessel (e.g., grey or reddish).

The ratio of the above elements, specifically the high CaO component, indicates the use of lime-based components or feldspathic mixtures. The iron component is typically observed in ceramics fired between 500-900°C.

Observations on mass loss in sphero-conical vessel samples based on thermal analysis results.

Based on the provided Thermogravimetric (TGA) and Differential Thermal Analysis (DTA) graphs, the changes under heat influence for the first two samples were analyzed:

Data for the first sample (TshS. 1):Thermal change began at 49.79°C (2.55 min) and concluded at 708.17 °C (69.68 min). During this interval, the sample lost 0.088 mg or 1.794% of its mass.

The DTA line started at 709.08 °C and continued up to 961.18 °C, during which an additional mass reduction of 0.075 mg or 1.529% was observed. This indicates a two-stage decomposition process (Fig.9).

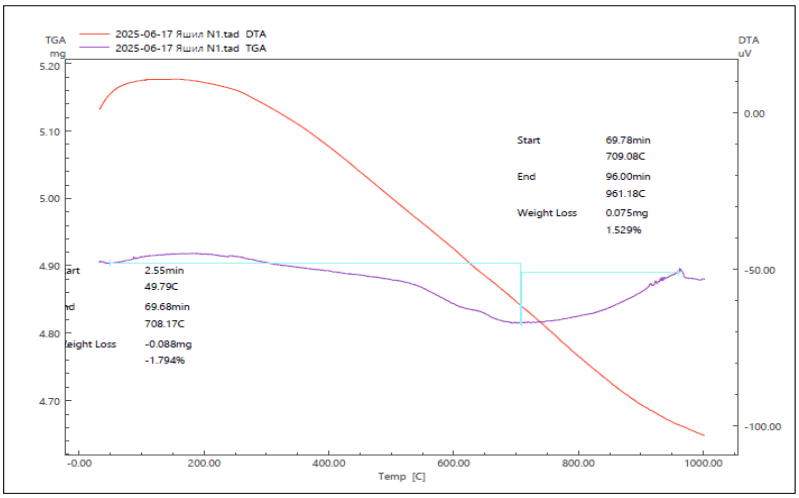

Fig. 9. TGA/DTA analysis results of the spherocone coded TshS.1.

For the second sample (TshS. 2):Thermal analysis began at 34.95 °C (0.78 min) and concluded at 625.67 °C (61.41 min). A mass loss of 0.058 mg or 1.014% was identified. The DTA curve shows that the changes occurred gradually, and the decomposition stage took place at a relatively lower temperature (Fig.10).

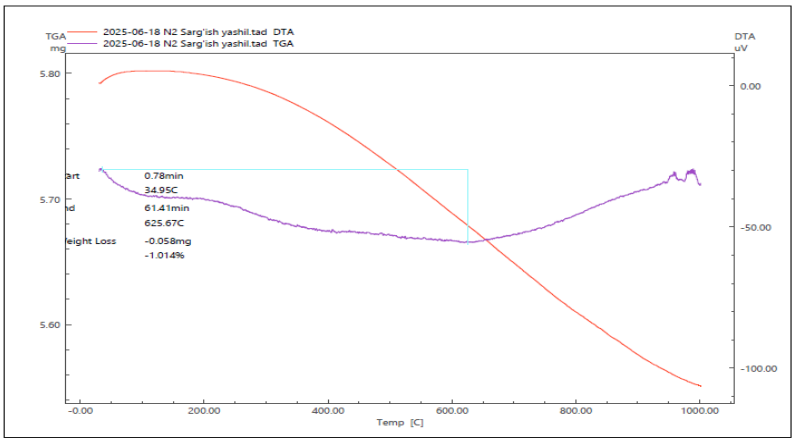

Fig. 10. TGA/DTA analysis results of the spherocone coded TshS.2.

General Conclusion: The difference between these two samples is clearly visible in terms of thermal stability and decomposition temperature. While sample TshS. 1 lost mass at a higher temperature in two stages, sample TshS. 2 lost mass through a single-stage decomposition at a lower temperature. This indicates differences in their chemical composition or bonding structure.

Analysis conducted on the grey-colored sphero-conical vessel sample No. 3-S. 2769 (2025) based on TGA/DTA graphs yielded the following conclusion:

The thermal analysis results for this sample show a two-stage mass loss process.

The initial thermal change began at 32.34 °C (0.34 min) and ended at 100.58 °C (7.77 min). In this stage, the sample lost 0.274 mg or 1.775% of its mass. This is mainly associated with the loss of moisture or evaporation of volatile components.

The second stage began at101.96 °C (7.91 min) and ended at 763.27 °C (75.60 min). During this period, 1.870 mg or 12.112% of the mass was lost. This may have resulted from the decomposition or oxidation of structural components (Fig.11).

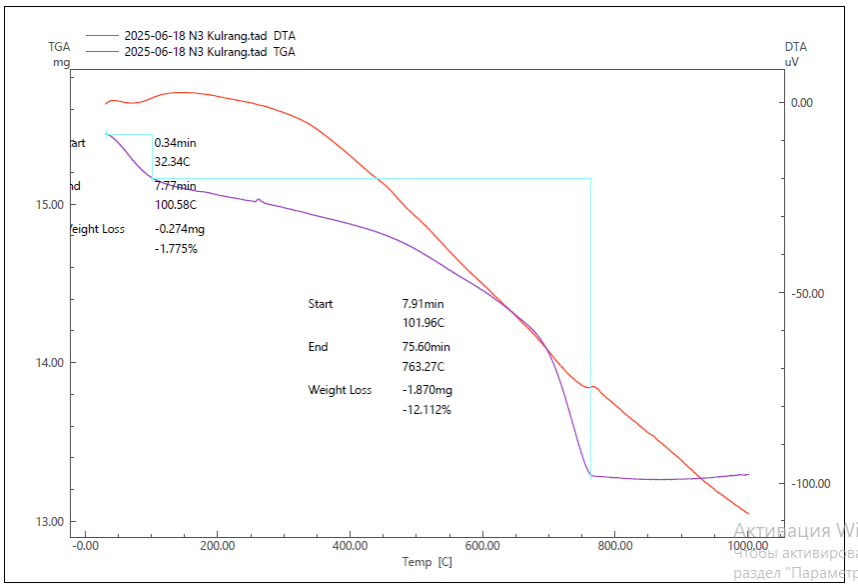

Fig. 11. TGA/DTA analysis results of the spherocone coded S.2769.

The decline in the DTA curve indicates the occurrence of exothermic or endothermic reactions under heat.

The analyses showed that sample S.2769 lost significant mass at high temperatures, indicating the presence of unstable components in its structure. The two-stage decomposition process confirms its limited thermal stability and the complexity of its chemical composition.

Thus, the technologies used in the production of sphero-conical vessels serve as crucial criteria for determining their regional differences, functional characteristics, and evolution over periods.

Conclusion. The study of sphero-conical vessels identified in the Surkhandarya region shows that they were one of the most widespread types of vessels during the Middle Ages. As a result of the typological analysis, these vessels were divided into several groups based on their shape and certain structural features. Furthermore, their presence in various archaeological monuments across the province indicates that these items were widely distributed throughout the territory. The analyses conducted to determine the raw material composition showed that the vessels were primarily prepared using local raw materials. Overall, this data confirms the existence of established traditions for the production and use of sphero-conical vessels in the Surkhandarya region.

References

Fusaro A., Gurt Esparraguera J.M., Gil E.A., Agudo P.U., Pajas J.A., Pidaev Sh.R. Islamic ancient Termez: An active and long-established ceramic manufacturing centre along the silk road. // Archaeological Research in Asia. 31. 2022. - P. 1-25.

Jean-Baptiste. Houal La céramique antique et médiévale de Termez et de Khaitabad (Ouzbékistan).Regards sur l'Asie centrale du III siècle av. J.-C. au XVIIIe siècle. Hermann, 2021.

Leriche P, Annayev T. Bilan des travavx de la Mafouz de Bactriane. (Mission archeologique Franco – Ouzbeque de Bactriane septentrionale. / La Persia e l'Asia Sentrale Da Alessandro Al x secolo. Roma. 1996. – P. 277-298.

Mirzaakhmedov Dj. Glassmaking in the Urban Centres of Uzbekistan in the 9th - 15th Centuries // The Oasis of Bukhara, volume 3. Arts and Archaeology of the Islamic World. Volume. 21. 2024. - P. 278- 303

Molera J., Ferreras V.M., Fusaro A., Gurt Esparraguera J.M., Gaudenzi M., Pidaev Sh.R, Pradell T. Islamic glazed wares from ancient Termez (southern Uzbekistan). Raw materials and techniques. // J. Archaeol. Sci. Rep. 2020. – P.1–11.

Siméon P. «La céramique de Hulbuk (capitale du Ḫuttal) entre Mā warā'al-nahr et Ṭuhāristān», Cahiers d'Asie centrale, 21/22. 2013. - P. 443-459.

Temirova M. Sferokonus idishlar yoki "Simob ko'zacha"ning nomlanishi xususida // O'zbekiston milliy universiteti xabarlari, 2023, [1/12/1]. - B. 35-37.

Акынбек Е.Ш. Сфероконусы средневекового городища Актобе // Вестник КазНПУ, серия «Исторические и социально-политические науки», 2013. №4(39), - С. 100-103.

Буряков Ф, Касымов М.Р, Ростовцев О.М. Археологические памятники Ташкентсккой области. Издательство Фан. Узбекской ССР Ташкент:1973. - 36-стр.

Вяткин В.Л. Афрасиаб – городище былого Самарканда: Археологический очерк. – Самарканд: Главнаука наркомпроса УзССР. 1926.

Галиева З.С. Типология керамических сфероконусов Средней Азии // РА. 2014. № 1. - С. 75-87.

Гендельман П.И. Результаты археологических исследований на цитадели Шуроб-Кургана / Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Сборник научных статей, посвященных археологическим исследованиям в Сурхандарьинской области Республики Узбекистан. «Узбекистан миллий энциклопедияси» Ташкент-2001.

Массон М.Е. Старый Термез в свете работ ТАКЭ 1936 г. / Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. Серия I, История, Археология. Вып 2. Ташкент, Издательство УзФАН. 1941. - С.86-102.

Нуретдинова А.Р. Сфероконические сосуды среднего поволжья X - начала XV вв. Дисс. .для к.и.м. Казань, 2022.

Пидаев Ш.Р. Қадимий Термиз. Тошкент, 2001.

Пидаев. Ш. Кухонная посуда Термеза XII - начала XIII вв // ИМКУ. Вып 28. Самарканд: Суғдиён, 1997. - С 149-162.

Пугаченкова Г.А. Иштиханские древности (некоторые итого исследовании 1979г.) // СА. 1983. № 1. - С.259 - 270.

Рахманов У.В, Пидаев Ш.Р. Раскопки караван-сарая в рабаде средневекового Термеза // ИМКУ. 1990. Вып. 23.- С. 60-69.

Сайпов С.Т. Ўрта асрлар Хоразм сирланмаган сополлари (IX - XIV асрлар). Тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) диссертацияси Автореферати. Тошкент. 2022. Соколовская Л.Ф.

Неглазурованная керамика средневекового Самарканда, как фактор экономики городского ремесла (по мателиалам городища Афрасиаб кон. VII – нач. XII вв). Автор. дис. канд. ист.наук. Ташкент, 1995.

Пидаев Ш.Р. Отчет Термезского археологического отряда о археологические исследованиях за 1987 г.х. // Архив SAI. Ф5-01-Д1012.

Ходжаев Ш.Р, Филимонова Т.Г, Ахметзянов М.Р, Ходжаев А.Р. Ремесленное производство средневекового Хутталя. Душанбе: 2020. - С. 222 – 233.

Холиқов З.Э. Термиз тарихий манбаларда // Термиз: тарихий тадқиқотлар, илмий хулосалар. Тошкент: 2001.

Шайдуллаев Ш.Б. Ўзбекистон ҳудудида давлатчиликнинг пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари. Тарих фанлари доктори дисс. матни. ЎзР ФА Археология институти. - Самарқанд, 2009.

М.А. Темирова

Сферо-конустық ісімдердің археологиялық және химиялық талдауы (Сурхандария облысындағы ескерткіштер мысалында)

Сфероконикалық ыдыстар немесе «симобкөзача» деп аталатын керамикалық бұйымдар орта ғасырлар кезеңінде кең таралған ерекше пішінді қыш ыдыстардың қатарына жатады. Археологиялық деректер олардың Шығыс пен Орта Азияның көптеген аймақтарында кең таралғанын және көп мөлшерде өндірілгенін көрсетеді. XIX ғасырдан бастап бұл керамикалық топ зерттеушілердің назарын аударып, олардың шығу тегі, дайындалу және күйдіру технологиясы, қолданылған шикізаттың құрамы және негізгі қызметтік мақсаты жөнінде түрлі ғылыми пікірлер айтылып келеді.

Бұл мақалада IX–XIII ғасырларға жататын, Сурхандария облысы аумағынан табылған сфероконикалық пішінді ыдыстар талданады. Зерттеудің негізгі мақсаты – аталған өңірде симобкөзачалар анықталған археологиялық ескерткіштерді айқындау және табылған материалдарды кешенді түрде зерттеу. Сонымен қатар, ыдыстардың шикізаттық құрамын және өндіріс технологиясын анықтау үшін заманауи археометриялық әдістер қолданылды. Атап айтқанда, үлгілер энергиялық-дисперсиялық рентгендік спектроскопия (EDX) әдісімен, сондай-ақ термогравиметриялық (TGA) және дифференциалдық термиялық талдау (DTA) арқылы зерттелді. Бұл тәсілдер керамиканың элементтік құрамын анықтауға, пайдаланылған шикізаттың ерекшеліктерін зерттеуге және қыздыру барысында үлгілер массасының өзгеруін бақылауға мүмкіндік берді. Алынған нәтижелер сфероконикалық ыдыстардың технологиялық ерекшеліктерін түсіндіруге және олардың өндірістік дәстүрлерін ғылыми тұрғыдан бағалауға негіз болды.

Кілт сөздер: симобкөзачалар, Ескі Термез, типология, IX–XIII ғғ., EDX талдауы, сфероконикалық, цилиндрлік, химиялық элементтер.

М.А. Темирова

Графическая реконструкция дворца Барак-Там I в Хорезме (IV–V вв.)

Сфероконические сосуды, известные также под названием «симобкузача», представляют собой своеобразный вид керамических изделий средневекового периода, отличающихся характерной морфологической формой. Археологические находки свидетельствуют о широком распространении и массовом производстве этих сосудов на обширных территориях Востока и Средней Азии. Начиная с XIX века данный тип керамики привлекает внимание исследователей. В научной литературе обсуждаются вопросы их происхождения, технологии изготовления и обжига, состава сырьевой массы, а также возможного функционального назначения.

В данной статье анализируются сфероконические сосуды, датируемые IX-XIII вв., обнаруженные на территории Сурхандарьинская область. Основной целью исследования является выявление археологических памятников региона, где зафиксированы находки симобкёзач, а также их комплексное изучение. Важной частью работы стало применение современных археометрических методов для определения состава сырья и технологических особенностей их производства. В частности, образцы были исследованы с использованием метода энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии (EDX), а также посредством термогравиметрического анализа (TGA) и дифференциального термического анализа (DTA). Применение этих методов позволило определить элементный состав керамики, выявить особенности использованного сырья и проследить изменения массы образцов при нагревании. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию технологических характеристик сфероконических сосудов и позволяют научно оценить традиции их производства.

Ключевые слова: симобкёзача, Старый Термез, типология, IX-XIII вв., EDX-анализ, сфероконические, цилиндрические, химические элементы.

А.А. Эркузиев
Наманганский государтсвенный университет
Наманган, Узбекистан
anvarercouziyev1979@gmail.com

Важный источник о Европейско-Азиатских торговых отношениях XIV века

В XIII–XIV веках наиболее оживлённым направлением Левантийского торгового пути, соединявшего города Средиземноморского побережья, была его северная ветвь, проходившая через восточные берега Чёрного моря, север Каспийского моря, Астрахань и Сарайчик и связывавшая их с Хорезмом. По этой причине по данному маршруту не только увеличилось число посещений европейских купцов и путешественников, но и начали появляться письменные произведения, посвящённые опыту торговой деятельности. В этом контексте одним из основных руководств для купцов в экономических связях между Европой и Азией стало произведение Бальдуччи Пеголотти «Практика торговли», в котором отражены сведения об экономических возможностях Средней Азии и о налаживании торговых отношений с регионом. Обоснование возрастающего значения данного региона в межконтинентальных экономических связях составляет основную цель исследования.

В исследовании использованы методы историзма, преемственности, взаимосвязанности и сравнительного анализа. В эпоху монгольского владычества, вследствие изменений в восточно-западном направлении Великого шелкового пути, участились поездки европейцев во внутренние районы Азии с целью путешествий и торговли. В этом отношении благодаря миссиям, организованным по инициативе европейских правителей, таких путешественников, как Плано Карпини, Вильгельм Рубрук и Марко Поло, в Европу начали поступать сведения об историко-географических особенностях Центральной Азии, её экономических возможностях и ремесленном производстве. В результате происходило взаимное освоение традиций производства и товаров Европы и Азии.

Ключевые слова: Великий шёлковый путь, Барди, Каффа, Пеголотти, шёлк, карусмина, органиум, Людовик IX, Узбекхан.

Введение. В средние века сословие купцов являлось ведущей социальной группой, которая выступала носителем новостей и собирала сведения о странах мира. Собранные ими сведения и различные сообщения служили одним из главных источников знаний о жизни народов далёкого прошлого. Эти сведения вплоть до XVIII века служили основой представлений о строении мира и географической науки (Байкова 1964: 6). Однако из-за того, что купцы, описывая посещённые ими земли, нередко рассказывали о поразительных и необычных событиях, их сведения, передаваясь из уст в уста, постепенно приобретали форму легендарных рассказов. Поэтому возникла необходимость посредством письменных текстов, основанных на достоверных и научных сведениях, показать необоснованность легендарных рассказов о странах Востока. В этом отношении важное место занимает труд итальянского купца Франческо Балдуччи – книга «Торговая практика», в которой подробно описаны торговые пути Европы и Азии. В своё время это произведение служило практическим руководством для купцов.

Методология проблемы. В исследовании использованы методы историзма, преемственности, взаимосвязанности и сравнительного анализа.

Результаты исследования. Служащий известной в своё время флорентийской торговой компании «Барди» - Пеголотти - в 20 – 40-е годы XIV века по торговым делам побывал в Англии, Нидерландах, Кипре, Закавказье и Центральной Азии. В его произведении «Торговая практика» приводятся сведения о происхождении, качестве и способах изготовления торговых товаров, занимавших важное место в межконтинентальной торговле. Кроме того, в труде подробно описаны используемые во многих городах Европы и Востока единицы измерения, находившиеся в обращении денежные системы, а также транспортные расходы и таможенные пошлины (Яцунский 1955: 60).

Эта книга была впервые издана в XVIII веке в форме мемуаров на основе рукописи, переписанной в 1471 году. Произведение в полном виде содержит сведения о состоянии

трансконтинентальной торговли: в Антверпене в 1315 году, в Лондоне в 1317 году, а также на Кипре в 1324–1327 и 1330 годах.

Эта книга представляет собой собрание заметок и сведений о странах, которые должны были быть известны купцам и всем людям, связанным с торговлей и товарообменом в различных уголках мира. В ней также изложены практические меры и правила, применявшиеся в торговле. В произведении показывается, каким образом товары одной страны или одного города соотносятся с товарами других регионов, какие разновидности товаров считаются более качественными, откуда происходят различные виды изделий и каким образом их можно сохранять как можно дольше. В первых страницах книги сообщается, что её автор составил этот труд в то время, когда находился на службе у флорентийской компании «Барди». Отмечается, что книга была написана во славу и для процветания этой компании, прежде всего для собственной пользы автора, а также для пользы тех, кто будет читать это произведение. На следующей странице, исходя из общих требований, предъявлявшихся к торговым руководствам того времени, автор приводит на нескольких страницах терминологию и определения. В частности, такие слова, как «таможенные пошлины» и «рынок», даны на нескольких языках.

После четвёртого крестового похода (1204) городские республики Генуя и Венеция, соперничавшие за контроль над торговлей в Средиземном море, основали на северном побережье Черного моря города Каффа и Тана, которые стали основными опорными пунктами европейцев в торговле со странами Востока. По словам Ф. Пегалотти, караванный путь, ведущий из этих городов в страны Востока, «был настолько безопасен, что по нему можно было передвигаться ночью так же спокойно, как и днём, и караваны могли путешествовать так же свободно, как у себя на родине» (Барбаро и др. 1971: 30).

В XII–XIII веках развитие торговли в Западной Европе и укрепление торговых связей с соседними государствами послужили важным фактором обогащения представлений о земном мире. К концу XIII века торговый путь, проходивший через Дон и Волгу, в города Сарай и Ургенч, а затем ведущий к Пекину, стал важным торговым маршрутом для итальянских и испанских купцов. По этому пути европейские купцы вели торговлю сырьём шелка с Центральной Азией и Китем. Согласно таможенному документу, составленному в 1289–1290 годах в Старом Крыму, крупные генуэзские купцы – Андреа Спиноло, Бонвассолино и Персиваль – отправили из порта Каффа в Геную большое количество шёлковых тканей под названиями «carusmisna» (Хорезм) и «organinum» (Ургенч) (Кдырниязов 2000: 38). Стремясь не упустить этот весьма прибыльный торговый путь, венецианцы в 1333 году заключили соглашение с ханом государства Золотой Орды Узбекханом о праве торговли и транзита через Центральную Азию в Китай (Федчина 1967: 19).

Безопасность торгового пути, протянувшегося от северной части Чёрного моря до Китая, была обеспечена на высоком уровне. По свидетельству Ал-Умария, в начале XIV века караваны могли беспрепятственно двигаться от Дуная до берегов Сырдарьи, останавливаясь на всех станциях, и достигали этого пункта за 120–125 дней (Материалы … 1932: 47).

В XIII–XIV веках через земли Хорезма проходили караванные торговые пути Евразии в трёх направлениях. Один из них соединял города Малой Азии с южным побережьем Каспийского моря (Шираз – Табриз), далее проходил через Каракумские пески и Хорезм, соединяя их с территориями Мавераннахра. По этому пути в 1249 году в Монголию отправился посол французского короля Людовика IX – Андре де Лонжюмо (Кдырниязов 2000: 39).

«Расстояние от Тана до Астрахани можно преодолеть за двадцать пять дней караваном, запряжённым волами, а караваном из лошадей – за десять–двенадцать дней. Из Астрахани до города Сарай – монгольской столицы, расположенной вверх по Волге, – можно добраться по реке за один день. Из этого города, направляясь на восток, прежде всего необходимо преодолеть восемь дней пути до Сарайчика, расположенного в нижнем течении реки Урал. Любой купец может пройти этот путь по своему усмотрению – по суше или по воде, однако за перевозку своего товара водным путём придётся заплатить меньше» (Pegolotti's: 3).

Автор имел в виду два пути: водный маршрут от Сарая по реке Волге до полуострова Мангышлак и описанный сухопутный путь. В данном случае плата за перевозку торговых товаров по водному пути была высокой из-за недостаточного развития и ограниченности водного транспорта. Поэтому был сделан вывод, что из-за незначительной разницы между прибылью от продажи товаров и расходами на их перевозку выгода оказывалась сравнительно небольшой.

Побывавший в Ургенче в 1340 году Ф. Пеголотти сообщает следующее: «Нет необходимости углубляться во внутренние области Азии… Потому что в центре Ургенча – в Хорезме – можно приобрести всё необходимое для европейских рынков. Кто желает отправиться из Венеции и Генуи

в эти края и далее в Китай, пусть возьмёт с собой ткани и прибудет в Ургенч. Здесь пусть обменяет ткани на серебро и затем отправится в Китай» (Хенниг 1961: 2011). В этот период центр Хорезма – Ургенч имел важное значение в торговле между Востоком и Западом. Сюда купцы из всех стран Востока привозили свои торговые товары и здесь обменивали их на европейские товары. Поскольку на рынках Китая основным средством обращения было серебро, туда необходимо было везти серебряные деньги. В европейских источниках того времени город Ургенч упоминался в форме «Wrgant» (Веселовский 1877: 79).

В средние века основные пути, соединявшие Европу с Азией, начинались в Юго-западной Европе и простирались до Китая. Основная часть этого маршрута – торговый путь Тана – Сарай – Устюрт – Ургенч – Отрар – Алмалык, далее ведущий в Китай, – особенно процветал в период существования государства Золотой Орды. Большинство европейцев, стремившихся попасть в Китай и Монголию, пользовались именно этим маршрутом. Это объясняется тем, что сведения о безопасности этого пути достигли Европы благодаря путешественникам, таким как Плано Карпини, Маттео Поло и другим. Южная часть этого пути, начинавшаяся от города Ургенч, проходила через города Мавераннахра – Бухару и Самарканд, далее через Семиречье и Монголию, после чего вёл в Китай.

Также во второй главе книги приводятся рекомендации, необходимые для купцов, желающих совершить путешествие в Кетай (в воспоминаниях Китай упоминается именно под этим названием). В рекомендациях говорится: «во-первых, вам следует отрастить длинную бороду и не стричь волосы. В Тана вам следует обзавестись драгоманом (переводчиком, проводником). В вопросе выбора драгомана не следует пытаться экономить деньги, беря плохого вместо хорошего. Потому что дополнительная плата хорошему драгоману не обойдётся вам дорого, поскольку, имея его при себе, вы сможете сохранить свои деньги благодаря собственной безопасности и сохранности ваших товаров. Помимо драгомана, будет полезно взять с собой по меньшей мере двух хороших слуг, хорошо знающих куманский (татарский) язык. И если купец сочтёт нужным взять с собой женщину, это допускается, однако никакой обязанности в этом нет. Но если он возьмёт её с собой, то должен беречь её как собственную жену; при этом польза будет в том, что через неё купец сможет довольно быстро освоить куманский язык».

Также приводятся сведения о расходах на продовольствие на расстояниях между городами, о необходимых вещах, а также о товарах, занимавших важное место в торговле городов, и о прибыли, получаемой от их продажи. В частности, освещены и вопросы, связанные с правами международных купцов, которые и сегодня сохраняют определённую актуальность. Так, отмечается: «…если купец умирает в пути – во время отправления или возвращения, – всё принадлежащее ему имущество для сохранности и обеспечения безопасности переходит во владение правителя той страны, где он умер, а чиновники правителя производят опись всех товаров. Однако если его сопровождает брат или друг, то в таком случае ему передают имущество покойного» (Pegolotti's: 4).

В этих воспоминаниях, исходя из состава группы купцов в караване, также приведены расчёты расходов на оплату труда слуг и переводчиков, а также затрат на содержание вьючных лошадей и волов для перевозки грузов; при этом указаны точные суммы. Самое важное, по его словам, заключалось в том, что состав каравана должен был включать не менее 60 купцов. Кроме того, существовало требование, согласно которому каждый участник торгового каравана должен был присоединяться к нему с одним крепким конём, одним волом и тремя верблюдами. Это подтверждает, что в международной торговой практике того времени существовали особые требования и обязательства.

Заключение. В заключение следует отметить, что книга воспоминаний Франческо Бальдуччи Пеголотти представляет собой важный источник, освещающий особенности международной торговли в Монгольской империи, находившейся в геополитически едином пространстве. В ней содержатся сведения о составе торговых товаров, об обмене производственными и торговыми практиками народов, участвовавших в международной торговле, а также о терминологии, правилах и обязательствах, связанных с международной коммерцией. Всё это придаёт данному труду значительное значение для изучения развития трансконтинентальной торговли.

Список литературы

Байкова Н. Б. Россия билан Шарқ ўртасидаги иқтисодий алоқалар тарихидан. – Тошкент: Фан, 1964. – Б. 6.

Барбаро А., Контарини И. Барбаро и Контарини о России. – Ленинград: Наука, 1971. – С.30.

Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времён до настоящего. – Санкт-петербург., 1877. – С. 79.

Город Каффа (Феодосия) был основан генуэзцами в 1265 году. В XIV веке он получил статус города и управлялся консулом, назначаемым городом-республикой Генуя, совместно с местной администрацией Хазарии в составе государства Золотая Орда в Крыму.

Город Тана (Азов) был основан в 1333 году городом-республикой Венеция на основании соглашения, заключённого между ханом Золотой Орды Узбекханом (1312–1342) и послом Венеции Андреа Дзено. Согласно договору, на берегу Дона должны были быть построены поселения для жителей и стоянки для кораблей. Здесь купцы уплачивали в пользу хана таможенную пошлину в размере 3%, называвшуюся «императорская коммерция».

Кдырниязов М. Ш. О роли Хорезма в Евразийской торговле XIII-XV веков // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 2000, – №1.– С.38.

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Часть 1. – Ленинград, 1932. – С. 47.

Торговая компания Барди – крупное торгово-банковское объединение флорентийских аристократов, действовавшее в 1255–1345 годах. Эта компания занималась финансированием и снабжением европейских монархов и папского двора.

Федчина В. Н. Как создавалась карта Средней Азии. – М.: Наука, 1967. – С.19.

Хенниг Р. Неведомые земли. В 3-х томах. – М., 1961. Т.1. – С. 211.

Pegolotti’s Merchant Handbook //https://depts.washington.edu/silkroad/texts/pegol.html

А.А. Эркузиев

XIV ғасырдағы Еуропа-Азия сауда қатынастары жөніндегі маңызды дереккөз

XIII–XIV ғасырларда Жерорта теңізі жағалауындағы қалаларды байланыстыратын Левант сауда жолының ең қарқынды бағыты оның Қара теңіздің шығыс жағалауынан, Каспий теңізінің солтүстігінен, Астрахань мен Сарайшықтан өтіп, Хорезммен жалғасатын солтүстік тармағы болды. Осы себепті бұл бағытқа келетін еуропалық көпестер мен саяхатшылардың саны көбейіп қана қоймай, сауда тәжірибесіне арналған жазба еңбектер де пайда бола бастады. Бұл тұрғыда Еуропа мен Азия арасындағы экономикалық қарым-қатынаста саудагерлер үшін негізгі нұсқаулықтардың бірі Орталық Азияның экономикалық әлеуеті және аймақпен сауда байланыстарын орнату туралы ақпаратты көрсететін Балдуччи Пеголоттидің «Сауда тәжірибесі» болды.

Бұл аймақтың құрлықаралық экономикалық қатынастардағы маңыздылығын негіздеу осы зерттеудің басты мақсаты болып табылады. Зерттеуде тарихшылдық, сабақтастық, өзара байланыстылық және салыстырмалы талдау әдістері қолданылады. Моңғол дәуірінде Жібек жолының шығыс-батыс бағытының өзгеруі еуропалық саяхаттардың және Азияның ішкі аймақтарына сауданың артуына әкелді. Осыған орай, Еуропа билеушілерінің бастамасымен Плано Карпини, Вильям Рубрукский, Марко Поло сияқты саяхатшылар ұйымдастырған миссиялардың арқасында Орталық Азияның тарихи-географиялық ерекшеліктері, оның экономикалық мүмкіндіктері, қолөнері туралы мәліметтер Еуропаға жете бастады. Нәтижесінде Еуропа мен Азияның өндірістік дәстүрлері мен тауарлары өзара сіңісіп кетті.

Түйін сөздер: Ұлы Жібек жолы, Барди, Каффа, Пеголотти, жібек, карусмина, органиум, Людовик IX, Өзбек хан.

A.A. Erkuziev

An Important Source on the European-Asian Trade Relations of the Fourteenth Century

In the XIIIth–XIVth centuries, the northern branch of the Levant trade route, which connected the cities along the Mediterranean coast, was the most active direction. This route passed through the eastern shores of the Black Sea, the northern coast of the Caspian Sea, Astrakhan, and Saraychik, linking them with Khorezm. As a result, not only did the number of visits by European merchants and travelers increase along this route, but written works describing commercial experience also began to appear. In this context, one

of the main guides for merchants involved in economic relations between Europe and Asia was the work “Pratica della Mercatura” (“Practice of Trade”) by Balducci Pegolotti. This work contains information about the economic potential of Central Asia and the establishment of trade relations with the region. Demonstrating the growing importance of this region in intercontinental economic relations constitutes the main objective of this research.

The study employs the methods of historicism, continuity, interconnection, and comparative analysis. During the Mongol period, due to changes in the east–west routes of the Great Silk Road, the number of European journeys into the interior regions of Asia increased for purposes of travel and trade. In this regard, through the missions of travelers such as Plano Carpini, William of Rubruck, and Marco Polo, organized at the initiative of European rulers, information about the historical and geographical features of Central Asia, its economic potential, and its craft production began to reach Europe. As a result, there was a mutual exchange and adoption of production traditions and goods between Europe and Asia.

Key words: Great Silk Road, Barda, Kaffa, Pegolotti, silk, carusmisna, organinum, Louis IX, Uzbegkhan.

А.С. Беккулиева
Қызылорда облыстық тарихи-өлкетану музейі
Қызылорда, Қазақстан
bekkulieva-aiger@mail.ru

Оғыз дәуіріндегі балалар әлемі: керамикалық ойыншықтар

Жұмыста Сырдариянының төменгі ағысында орналасқан Жанкент қалашығынан табылған керамикалық ойыншықтардың (ат ойыншығы, құс пішіндес ойыншық, етік формасындағы ойыншық) тарихы, семантикасы, жасалу жолы зерделенді. Жұмыс керамикадан жасалған ойыншықтар арқылы оғыз дәуіріндегі балалар әлемін зерттеуді, ортағасыр ойыншықтарының тарихи құндылығын айқындауды мақсат етеді. Керамикалық ойыншықтар VII-XI ғғ. мерзімделеді, Қызылорда облысы, Жанкент (бұрынғы Өркендеу) ауылы маңында орналасқан ортағасырлық Жанкент қалашығынан табылған. Құс пішіндес ойыншық пен етік формасындағы ойыншықты 2020 жылы Қорқыт ата атындағы Қызылорда университетінің «Археология және этнография» ғылыми-зерттеу орталығының археолог-ғалым Ә.Тәжекеев жетекшілік еткен экспедициясы анықтаған. Оғыз ойыншықтар анализ-синтез, саралау, салыстыру, тарихи-типологиялық әдіс, индукция-дедукция әдістері көмегімен зерттелді. Ортағасырлық ойыншықтар көмегімен оғыз дәуіріндегі балалар әлемі, яғни психологиясы мен педагогикасы анықталды. Орта ғасырдағы Түркі және Еуропа елдеріндегі балаларға деген қарым-қатынас салыстырыла зерттеліп, Түркі кезеңіндегі балалар әлемінің Еуропа елдеріндегі балаларға деген көзқарасқа ұқсамайтындығы белгілі болды. Аталмыш жұмыс орта ғасырдағы балалардың ойынына ғана емес, тұтас бір қоғамның мәдени, әлеуметтік және рухани болмысына үңілуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Жанкент, орта ғасыр, оғыздар, керамикалық ойыншықтар, балалар әлемі.

Ортағасырлардағы балалар әлемі, яғни олардың өмірі мен қызығушылықтары ғылыми еңбектерде көп айтыла бермейді. Сол уақыттағы ойындар мен ойыншықтар туралы мәліметті көркемсурет миниатюралар мен археологиялық жәдігерлерден ғана көре аламыз. Оғыздардың астанасы болған Жанкент шаһарынан табылған ат ойыншығы қазіргі таңдағы балалар педагогикасы мен психологиясы және қолөнершілер үшін де таптырмайтын олжа болып отыр. Қазақ халқында «Баланы ойын өсіреді» деген даналық сөз бар. Бала ойнап жүріп ойланады, көңілі өсіп, ойы сергиді, денесі шымырланады. Ойын арқылы тұрмыс-салт, әдет-ғұрып, дәстүр жайлы танымы қалыптасады.

Тарихи дәуірлерді бойлай ойын мен ойыншық адамзаттың рухани мәдениеті мен тұрмыс-тіршілігінің ажырамас бөлігіне айналды. Олар – қоршаған орта, табиғат, адам туралы қалыптасқан ойдың айнасы. Ат бейнесіндегі ойыншықтар ортағасырларда балалар арасында үлкен сұранысқа ие болғанға ұқсайды. Қанша ғасыр өтсе де, ер балалардың таңдауы ойыншықтың осы бір түріне түседі. Қандай заманда болмасын ер балалар батырлар ерлігін үлгі етіп, сол уақыттағы ердің қанаты болған атты дәріптеп, ой-қиялына ерік беру үшін ойыншық-атпен ойнаған. Ойыншықтар – адамзат қолынан шыққан декоративті қолөнердің бастауында болған десек, қателеспейміз. Сыр өңіріндегі ортағасырлық Жанкент қалашығына жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының нәтижесінде табылған ат ойыншығы – осының дәлелі (Сурет-1). Ойыншық бүтін сақталған. Ат ойыншығы VII-XI ғғ. мерзімделеді.

Сур. 1. Ат ойыншығы (түпнұсқа).

Михаил Григорьевич Рабинович бастаған ғалымдардың классификациясы бойынша саз ойыншықтар бейнелеу ойыншықтары (жануарлардың зооморфты бейнесі т.б.), ермек ойыншықтар (ысқырық-құстар, сылдырмақтар т.б.) және еліктеу ойыншықтары – имитация (мыс., балалар ойыншығы мен үй жиһаздары т.б.) болып, 3 топқа бөлінеді (М.Г.Рабинович. 2002, 5). Ортағасырлық ат ойыншығы жылқы малының зооморфты бейнесін бейнелегендіктен бейнелеу ойыншықтар қатарына жатқызылады.

Ат бейнесіндегі ойыншықтардың ортағасырлық Жанкент қалашығындағы балалар арасында кең етек алуы – сол уақыттағы ел мен жер үшін болған шайқастардың нәтижесі. Ата-ана, туған-туыс тарапынан құлақтарына күнде сіңіріп отырған батырлар ерлігін қайталап, жаумен шайқасты көрсету үшін ат ойыншықтары пайдаланылған. Сол себепті де, ер балалардың ең сүйікті ойыншықтарына айналған.

Жануар бейнесіндегі бұйымдар жануардың шынайы бейнесін не болмаса мифтік образын береді. Музей экспозициясында орын алған ат бейнесіндегі бұйым сол уақыттағы наным-сенімді білдіретін культтік бұйым немесе керамикалық ыдыстың қақпақтарында кездесетін жануартектес тұтқа болуы мүмкін деген тұжырым болған (Ә.Бекқұлиева, 2019, 5). Дегенмен, Жанкент қалашығынан табылған ат бейнесіндегі бұйымға салынған «ер» жоғарыдағы тұжырымды жоққа шығарды. Көп жағдайда культтік сакралды бұйымдар нәзік әрі әсем жасалынады, қолға үйретілген жылқыны емес, даланың еркін жануарын бейнелейді. Ал, «қақпақ тұтқасы» деуге де бұйымның белі астынан саусақты сала көтеретін тұсының төмен орналасуы және үстіндегі жапсырма ері кедергі жасады. Атқа қосымша жабыстырылған ер екі нұсқаны жоққа шығарып, ортағасырлардағы балалар ойнаған ойыншық-ат деген тұжырымды алға шығарды. Ерттелген ойыншық-ат керамикадан жасалынған, бала қолынан шыққанға ұқсайды. Дәулетті, орта және төмен тұрмысты ортадан шыққан балалардың ойыншығы да сәйкесінше сапасы, көлемі, безендіруі жағынан әрқилы болған. Аталмыш ойыншық тұрмысы төмен ортадан шыққан баланың өз қолымен жасаған бұйымы болса керек. Сырт көзге кішкентай көрінген дүние қала қонақтары мен тұрғындарының қызығушылығын тудыруда. Ат ойыншығының ұзындығы – 12, биіктігі – 4 см, материалы – керамика, жасалу техникасы – сомдау, мүсіндеу, жабыстыру.

Оғыздар заманынан сыр шертетін «Дирсеханұлы Бұқашжан туралы жыр», «Қазан Салордың ауылын жау шапқаны туралы жыр», «Байбөрі баласы Бәмсі Байрақ туралы» т.б. жырларды естіп өскен бала Баяндүр ханның әділдігіне, Қорқыт бабаның көсемдігі мен данышпандығына, Ораз, Басат, Қан Төрәлі, ағайынды Екрек мен Секрек батырлардың ерлігіне еліктемей өспеді деп ойлаймын. Гәуірлермен (кәпірлермен) шайқасқан оғыз батырларының ерлігі және олардың шабандоз аттары (жылқы) асқақтап, ауыздан ауызға жыр боп тарап, ер балалар ойынының да басты кейіпкері болғанға ұқсайды.

Музей қорындағы ойыншықтар коллекциясынан құс пішіндес ойыншық жалғастырады. Музей қорына «керамикалық бұйым» деген атаумен өткен жәдігер музей қызметкерлері тарапынан зерттеле келе, «ойыншық» деп тұжырымдалды. Құс пішіндес ойыншық, өкінішке орай, археологиялық қазбадан бүтін табылмаған. Тек денесі табылған, басы мен аяғы сынған. Денесінің екі жанынан құс қанаты ойылған (Сурет-2). Оғыздардың тотемі ретінде бүркіт, сұңқар, көгершін сынды киелі құстар болған. Оған музей экспозициясында орналасқан Кескен-Күйік қалашығынан табылған құс формасындағы хошиістендіргіш бұйымның көшірмесі де дәлел (Сурет-3). Бұл құс пішіндес керамикалық бұйымның көлемі үлкен. Ал, біздің зерттеу нысанымызға алынған құс пішіндес дүниенің көлемі алақанға сиятындай. Сол себепті де, ойыншықтар қатарына жатқызылды.

Жалпы, оғыз халқы жеуге жарамсыз құстарды қасиет тұтқан. Аталмыш керамикалық бұйымға қатысты да қос нұсқа болды. Бірі – культтік бұйым, екіншісі – балалар ойыншығы. Құс пішіндес бұйымның көлемін және қонақтап отырған формасын негізге ала отырып, «балалар ойыншығы» деген нұсқаға тоқталдық. Фрагменттің ұзындығы – 5 см, биіктігі – 3 см. Материалы – керамика, жасалу техникасы – қалыптау, ою. Культтік бұйым қалықтап ұшып бара жатқан құс бейнесінде сұлу әрі абстрактілі бейнеленсе, аталмыш бұйым реализм үлгісімен, құстың қонақтаған бейнесінде жасалған. Сол себепті, аталмыш фрагмент «балалар ойыншығы» деген нұсқаға дәл келеді (Л.Жалғасбайқызы, 2021, 10-11).

Сур. 2. Құс пішіндес ойыншық фрагменті (түпнұсқа).

Ат ойыншығын баланың өзі жасағанын байқасақ, құс пішіндес ойыншықты ересек адамның жасағанын аңғару қиын емес. Өйткені, құс қанатының әр қауырсыны ыждаһаттылықпен, симметриясы сақталып ойылған. Әр қауырсынның ізі айқын көрініс тапқан. Оған үлкен адамның шеберлігі керек. Осы ойыншықтың фрагментінен орта ғасыр қолөнерінің биік үлгісін көруге болады. Сыр өңіріне жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары нәтижесінде жылқы бейнесіндегі бұйымдар жиі табылса, құс пішініндегі ойыншықтың табылуы – үлкен жаңалық. Ойыншық VII-XI ғғ. мерзімделеді. Аталмыш ойыншық Қорқыт ата атындағы Қызылорда университетінің «Археология және этнография» ғылыми-зерттеу орталығының археолог-ғалым Ә.Тәжекеев жетекшілік еткен 2020 жылғы экспедициясы нәтижесінде табылған.

Сур. 3. Құс пішіндес хошістендіргіш (көшірме).

Құс қола дәуірінен бері адам баласының жаны ретінде қарастырылады. Құс жақын шығыс пен эллиндік кезеңге дейінгі уақыт аралығында осы символиканы білдіріп келді. Өлген адамдар құрметіне қойылған тас фигуралардың қолына көгершін құсының тас бейнесін қондырған. Құс адам жанын о дүниеге апаратын «елші» ретінде қастерленеді (Ю.И.Дробышев, 2023, 32).

Ия, Түркілердің тәңірлік дүниетанымында құстар жиі рухани байланыс құралы ретінде қарастырылған. Мысалы, Өмір ағашының жоғарғы жағында құс бейнесі адам мен өткінші әлем арасын байланыстырады. Оғыз дәуірінде құс рухани бейне ретінде түркілердің дүниетанымында ерекше мәнге ие болған. Оғыз символикасында құс рухани қорғаушы, тазалық пен адалдықтың нышаны ретінде қабылданған.

Облыстық музейдегі археологиялық ойыншықтар коллекциясын етік формасындағы ойыншық тұйықтайды (Сурет-4).

Сур. 4. Етік формасындағы ойыншық фрагменті (түпнұсқа).

Етік формасындағы ойыншықтың ұзындығы – 7 см, биіктігі – 4 см. Осы өлшемдерге қарап, Жанкент қалашығынан табылған бұл керамикалық бұйымның бала ойыншығы болғанына дау жоқ. Аталмыш бұйымға қатысты да екі нұсқа болған, бірі – культтік бұйым, яғни тұмарша, екіншісі – бала ойыншығы. Үйге ілуге арналған культтік бұйым деуге, оның тым кішкене формасы кедергі жасады, ал адамның өзімен бірге (мойнына іліп алып жүру) алып жүруге арналған тұмарша деуге, оның тым үлкендеу келген формасы кедергі жасады. Музей қызметкерлері екінші нұсқа – бала ойыншығына тоқталды. Формасы, көлемі ойыншыққа дәл арналғандай. Өкініштісі – бұл ойыншықтың бізге толықтай жетпегені. Әдемі келген сүйіктей етіктің басы ғана бүтін жеткен. Кебіс емес, етік екенін аңғартатын жоғары қарай бойлаған қонышының бір бөлігі. Өкшесі мен қонышы сақталмаған. Етік бетіне оғыз стиліндегі өсімдіктектес (шырша) және геометриялық (шеңбер) ою-өрнектер түскен. Бұл ойыншықты да бала емес, ересек адам жасағаны көрініп тұр.

Етік формасындағы ойыншық VII-XI ғғ. мерзімделеді. Аталмыш ойыншық 2020 жылы Қорқыт ата атындағы Қызылорда университетінің «Археология және этнография» ғылыми-зерттеу орталығының археолог-ғалым Ә.Тәжекеев жетекшілік еткен экспедициясы нәтижесінде табылған. Етік формасындағы ойыншықтың материалы – керамика, жасалу техникасы – қалыптау, ою.

Ертеде етік адам өмірінде маңызды рөл атқарған. Етік еркіндікті білдіреді, ал аяқ киімсіз адам құл болып саналды. Ол уақытта тек құлдарда етік болмаған. Көңілге қонымды дерек. Етік – оғыз дәуірінде белгілі бір статустың, адамның жоғары мәртебесін білдірген. Былғарыдан етік киген адам өз ортасында бай-бағландар қатарына жататынын аңғартқан.

«Оғызнама» атты Оғыз қаған жыры:

- Түркі эпосында етік – батырдың жауынгерлік атрибуттарының бірі;
- Етік кию – жорыққа дайындық пен жауынгер мәртебесінің белгісі;
- Батырлар мен қолбасшылардың бейнесінде етік көбінесе сапарға шығу, жаңа жерлерді бағындырумен байланысты;
- Оғыз қағанның жорықтарында жауынгерлердің қару-жарағының

қатарында сапалы былғары етіктер аталады, бұл көшпелі қоғамда аяқ-киімнің маңызды рөлін көрсетеді (Б.Аяған, 2013, 27).

Оғыздардың тұрмыс-тіршілігін, дүниетанымын баяндайтын әдеби ескерткіш – «Қорқыт ата кітабында»:

- Етік көбіне сыйлық, құрмет көрсету нышаны ретінде кездеседі. Мысалы, батырлар бір-біріне сауыт, қылыш, етік сыйлайды(Ә.Қоңыратбаев және т.б., 1986, 32);
- «Етігін шешу» немесе «етіксіз қалу» – тұрмыстан, мәртебеден айырылуды бейнелейтін метафора;
- Сапарға шыққан батырдың дайындық сәтінде «етік киіп, белін буғаны» арнайы аталады, бұл – іс-әрекеттің бастауын білдіретін тұрақты формула

Етік формасындағы бұйым тек Жанкент қалашығынан ғана емес, ортағасырлық оғыздар дәуірінен мәлімет беретін Кескен-Күйік қалашығынан да табылған болатын. Ол – хошиістендіргіш (Сурет-5)!

Сур. 5. Етік формасындағы хошиістендіргіш (көшірме).

Культтік бұйымдар көп жағдайда абстрактілі формада жасалады. Бейнелейтін дүниенің егжей-тегжейіне тоқталмай, шынайы талаптар қоймай, яғни реализмнен аулақ, жоғары сана биігінде орындалады. Культтік бұйымның сыртқы көрінісін емес, ішкі мазмұнын кеңейтуге, ішкі болмысына

үңілуге тырысады. Ал, ойыншықта керісінше, ойыншықты түпнұсқаға ұқсатуға барынша ұмтылады (Н.Д.Бартрам, 1912, 128). Үш ойыншық та реализм әдісімен орындалған. Культтік символиканың элементтері мүлде жоқ.

Ат ойыншық тіпті абстрактілі емес, баланың өз қолымен орындалған бұйым. Үш ойыншық үш түрлі бейненің нағыз шынайы, реалды образын берген. Культтік бұйымға, тұмарларға тән әсірелеу жоқ. Ат ойыншық эпостық жырларда кездесетін аттың ұзын бота тірсекті, жалы жібектей сусылдаған сымбатты бейнесін емес, жұмысқа жегілген әрі ерттелген аттың қарапайым бейнесін берген. Құс пішіндес ойыншықта қанатын кеңге жайып қалықтаған құсты емес, қонақтаған құстың бейнесін берген. Қай ойыншықты алып қарамасыңыз да, культтік емес – ойыншық элементін көп байқаймыз.

Бір қызығы, ойыншық – бір күндік зат. Оны сақтауға тырыспайды, қадіріне жетіп жатқаны да шамалы. Сынған жағдайда, қоқысқа кетеді. Бұл – ойыншықтың әдеттегі тағдыры. Ересектердің кейде ойыншықты балалық шақтың естелігі ретінде сақтап қалатыны, ұмытылып қоймада жылдар бойы жатып қалатыны бар. Бұл – олжа!

Этнографтар, саяхатшылардың еңбектерінен қандай континентке, қандай елге бармасын, балалар әлеміне назар аудармағандарын байқау қиын емес. Балалардың өмірі мен ойнаған ойыншықтары туралы мәлімет мүлде жоқ. Бұған екі себеп болуы мүмкін: зерттеушілер тарапынан бұл тақырып әділетсіз түрде елеусіз қалған немесе зерттеушілер барған елдерінде балалар өмірін көрмеген болу керек. Қалай болғанда да, зерттеушілер мен саяхатшылар бұл тақырыпқа қызығушылық танытпаған: балалар ойындары, олар ойнаған ойыншықтар, балалар ойын-сауығын «ұсақ-түйек, назар аударуға тұрарлық дүние емес» деп есептесе керек.

Әр бала балалық шағында данышпанша өмір сүреді. Өйткені, айналасындағы өзіне түсініксіз түрлі құбылыстардың жұмбағын шешу, әр нәрселерді санада біріктіру, түсіну, ой қозғау сынды үдерістерден өтеді. Осы мақсатта ақыл-ойының, қиялының және ерік-жігерінің орасан зор күшін жұмсайды.

Қашып құтыла алмайтын тағы бір заңдылық бар. Қаласыңыз да, қаламасаңыз да бала есейген соң өмір сүрудің ортақ үлгісіне түседі. Рухани өсу тоқтап, ересектердің қалыптасқан қатаң ережесі бойынша өмір сүру басталады. Бұл – заңдылық!

«Құс ұясын түрлі заттардан жасайтын сияқты бала да қолына түскен барлық заттан өзіне ойыншық жасайды», - дейді француз жазушысы В.Гюго, баланың қолына түскен әр зат импровизацияға түсіп, түрлі сипат алады. Түбінде ойыншыққа айналады. Бұл – бала қиялының мүмкіндіктерін көрсетуден шыққан ой. Баланың санасы алғаш оянған кезде оның дамуының басты факторларының бірі – ойыншық. Ересектер ойыншықтың бала үшін маңызын түсіне бермейді. Көбіне өздері күнделікті тұрмыста қолданатын заттарды маңызды көріп, ойыншықты «ұсақ-түйек» санап, кемсіте менсінбейді. «Баланы алдауға арналған зат» деп те қабылдайтындар бар. Ал, бала үшін ойыншық аса маңызды. Ол ойыншықты өзі тап болған ғажайып әлемнің сиқырлы бойтұмары ретінде көреді. Бала сол ойыншық арқылы ғажайып әлемнің басты кейіпкері ретінде сезінеді. Біз мән бере бермейтін дүниелердің астарында баланың, бір отбасының, тұтас бір ұлттың ой-қиялы, еркіндігі, санасы жатыр.

Ортағасырлық мәдениетте ата-анасына көмектесуді енді ғана үйренген бала ересек адам ретінде қабылданды. Арнайы балалар киімі де болған жоқ, жүруді енді ғана үйренген бала ата-анасымен бірдей киінген, тек өлшемі кішірек болған (Я.Кремнева, 2017, (6.08.2025 жылы қаралды)).

1960 жылдары Францияның әуесқой тарихшысы Филипп Арьес: «Орта ғасырларда Еуропа елдерінде нәресте өлімі көп болғандықтан ата-аналар олардың дүниетанымын кеңейтетін дүниелерге (ойын мен ойыншықтарға) аса ресурс құя қоймаған. Ересектер баланың аман-есен әрі дені сау болғанын қанағат еткен. Әуесқой тарихшы «көп жағдайда балаларға «кішкентай ересектер» ретінде қараған» деген теорияны алға тартады. Бұл – жоғарыдағы пікірмен үндес келеді.

Сонымен қатар, Ф.Арьес баланың нәрестелік шағынан кейін олар үшін арнайы жасалған ойыншықтар мен ойындар болмағанын жазады. Басқа ғалымдар Ф.Арьестің теориясын жоққа шығарғанымен, оның көптеген тұжырымдары сақталып келеді. Тіпті, археолог-ғалым Вероник Дасин: «Балалық шақ, бұл – ересек болу үшін мүмкіндігінше жылдам өту керек уақыт. Содан кейін ғана сіз толығымен қоғам үшін «бар» боласыз», - дейді. Дейтұрғанмен, бала мен балалық шақты зерттейтін ғалымдар бұл теорияға келіспейді. Менің ойымша, балалардың бір ерекшелігі бар және бұл ерекше құндылық олардың ойынға деген сүйіспеншілігінен көрінеді. Археологиялық қазбалардан табылған ойыншықтардан балалардың ата-аналары мұны сезіп, іштей мойындағанын байқауға болады. Өз сөзімді дәлелдеу үшін «бала» сөзінің этимологиясын ашайын. Ежелгі грек

тілінде «бала» сөзі «ойнайтын адам» дегенді білдіреді. Ал, философтар балалық шақты ойынға негізделген өмірдің ерекше кезеңі деп сипаттайды.

Балалар ойыншықтарының тарихы адамзат тарихы сынды тым көне. Ойыншықтардың балалардың дене, интеллектуалдық және көркемдік тәрбиесінде алар орны ерек. Осы тұрғыдан алғанда, грек философы Платон: «Алты жасқа дейін балаларға өз қалағанынша ойыншықтармен ойнауға жағдай жасаған дұрыс», - дейді.

Осылайша, балалар есейген кезде таңдаған мамандығына деген қызығушылығын көрсете алады, сонымен қатар, ойындар мен ойыншықтар арқылы таңдаған саласының негізгі бағыттарын айқандай алады (К.Керимова, 2017, (7.08.2025 жылы қаралды)).

Археолог ғалымдар балалардың ойнағанын және әдетте тұрмыстық бұйымдармен ойнағанын жақсы біледі. Дегенмен, нақты қандай заттармен ойнады, қалай ойнады? Сұрақ осында! Бұл сұраққа жауап берудің күрделілігі сонша, археологтар өзара былай әзілдеседі: «Археолог көлемі кішкентай жәдігер тапты. – Әй, бұл не? – деп сұрайды біреуі. «Білмеймін», - дейді екіншісі. – Ойыншық немесе діни зат болу керек!». Әлем археологтары арасында қазба жұмыстары барысында табылған кішкентай артефакт ойыншық немесе культтік діни бұйым ретінде ғана қарастырылады. Нақты қандай зат екенін білмегендіктен, әдетте екі нұсқаның қатар жүретіні сондықтан.

Қорытындылай келе, қай заманда болмасын, бала үшін ойыншық ойын құралы ғана емес, дене, ақыл, рухани тәрбие мен тұлғалық даму құралы бола білген. Түркілер мен Еуропалықтарда балаларға деген көзқарасы әртүрі болғанын көруге болады. Еуропалықтар балаларды «кішкентай ересектер» ретінде көрсе, түркілер үшін балалар – өмірдің жалғасы, оларға аса мән берген, олардың ой-қиялын ойыншықтар көмегімен дамытып, балаларының өздерінен ақылды, зерек, алғыр болғанын қалаған. Балалар ойыны – баланың дүниетанымын кеңейтетін үдеріс, сол себепті де баланың таңдаған ойыны мен ойыншығы көп жағдайда оның тұлғалық қасиеттерін қалыптастырады.

Әдебиеттер тізімі

Аяған Б. Көне түркі әдебиеті туралы зерттеулер, «Әдебиет әлемі» баспасы, Алматы, 2013 жыл, 27 б.

Бартрам Н.Д. Игрушка. Ее история и значение. Издание Т-ва И.Д.Сытина, Москва, 1912 год, 128 б.

Бекқұлиева Ә. Орта ғасырдағы ойыншық қандай еді? «Сыр бойы» газеті, №125 (19803), 21.08.2019 жыл, 5 б.

Дробышев Ю.И. Семантика изображений птиц на древнетюркских изваяниях. Журнал «Народы и религии Евразии», №2, 28.02.2023 год, 32 стр.

Жалғасбайқызы Л. Жанкенттен жеткен жәдігерлер. Республикалық «Әлімсақ» журналы, №6, маусым, 2021 жыл, 10-11 бб.

Керимова К. О глиняных детских игрушках средневекового периода Азербайджана. Сайт «Azer History», 12.11.2017 год (7.08.2025 жылы қаралды)

Кремнева Я. Во что играла средневековая детвора. Сайт «Мослента», 24.05.2017 год (6.08.2025 жылы қаралды)

Қоңыратбаев Ә., Байділдаев М. Қорқыт ата кітабы: оғыздардың батырлық жырлары, «Жазушы» баспасы, Алматы, 1986 жыл, 32 б.

Рабинович М.Г. Глиняные игрушки XIV-XVIII вв. Из археологических коллекций музея. Каталог государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, город Владимир, 2002 год, 5 стр.

A.S. Bekkulieva

The World of Children in the Oghuz Period: Ceramic Toys

This paper examines the history, semantics, and production methods of ceramic toys (horse toys, bird-shaped toys, and boot-shaped toys) found at the Zhankent settlement, located in the lower reaches of the Syr Darya River. The aim of the study is to explore the world of Oghuz-era children through ceramic toys and to determine the historical value of medieval toys. The ceramic toys date from the 7th to 11th centuries and were found at the Zhankent medieval settlement, located near the village of Zhankent (formerly Orkendeu) in the Kyzylorda region. A bird-shaped toy and a boot-shaped toy were discovered in 2020 by an expedition from the Archaeology and Ethnography Research Center of Korkyt Ata Kyzylorda

University, led by archaeologist and scholar A. Tazhekeev. The Oghuz toys were studied using methods of analysis and synthesis, systematization, comparison, historical typology, and induction and deduction. Using these medieval toys, the world of Oghuz-era children, including their psychology and pedagogy, was revealed. A comparative study of attitudes toward children in medieval Turkic and European countries has revealed that notions of childhood in the Turkic period differed from those in European countries. This study provides a deeper insight not only into children's games in the Middle Ages but also into the cultural, social, and spiritual life of the entire society of that period.

Key words: Zhankent, Middle Ages, Oghuz people, ceramic toys, children's world.

А.С. Беккулиева

Детский мир огузского времени: керамические игрушки

В работе исследована история, семантика и способ изготовления керамических игрушек (игрушка-лошадка, игрушка в форме птицы, игрушка в форме сапога), найденных на городище Жанкент, расположенном в нижнем течении Сырдарьи. Цель исследования – изучение мира детей эпохи огузов с помощью керамических игрушек, а также определение исторической ценности средневековых игрушек. Керамические игрушки датируются VII–XI вв., найдены на средневековом городище Жанкент, расположенном близ аула Жанкент (бывшее Оркендеу) Кызылординской области. Игрушка в форме птицы и игрушка в форме сапога были обнаружены в 2020 году экспедицией Научно-исследовательского центра «Археология и этнография» Кызылординского университета имени Коркыт Ата под руководством археолога-учёного А. Тажекеева. Огузские игрушки были исследованы с применением методов анализа и синтеза, систематизации, сравнения, историко-типологического метода, а также индукции и дедукции. С помощью средневековых игрушек был определен мир детей эпохи огузов, то есть их психология и педагогика. Проведено сравнительное исследование отношения к детям в средневековых тюркских и европейских странах, в результате которого установлено, что представления о детстве в тюркский период отличались от взглядов на детей в странах Европы. Данная работа позволяет глубже заглянуть не только в детские игры средневековья, но и в культурную, социальную и духовную жизнь целого общества того периода.

Ключевые слова: Жанкент, средневековье, огузы, керамические игрушки, мир детей.

ЭТНОЛОГИЯ

А.Б. Калыш
Казахский национальный университет имени Аль-Фараби
Алматы, Казахстан
kalyshamanzhol@gmail.com

Особенности социализации детей и подростков у казахов в контексте традиционной системы семейного воспитания

В докладе рассматриваются особенности социализации детей и подростков у казахов в контексте традиционной системы семейного и этнокультурного воспитания. Цель исследования заключается в анализе роли семьи и старшего поколения в передаче базовых социальных и культурных ценностей, норм поведения и моделей межпоколенческого взаимодействия. Методологическую основу работы составляют историко-этнологический и сравнительно-аналитический подходы, позволяющие выявить ключевые элементы традиционной системы воспитания.

Установлено, что в казахской культуре процессы социализации подрастающего поколения опирались на комплекс этнических воспитательных практик, ориентированных на формирование патриотизма и привязанности к родной земле, осознание историко-культурных корней и этнокультурной идентичности, развитие нравственных качеств, физического здоровья и трудолюбия, а также уважительного отношения к родителям, родственникам и представителям старшего поколения. Особая роль в передаче традиционных норм и ценностей принадлежала старшему поколению, выступавшему хранителем семейных традиций, родственных связей и культурной памяти.

Показано, что традиционная система социализации у казахов характеризовалась рядом специфических черт, среди которых наиболее значимыми были самобытность, синкретизм воспитательных практик, их естественный и непрерывный характер, а также преемственность межпоколенческой передачи культурных ценностей. Сделан вывод о том, что данные элементы традиционного воспитания играли важную роль в формировании устойчивой этнокультурной идентичности и социально-нравственных ориентиров подрастающего поколения.

Ключевые слова: казахи, социализация, традиционное воспитание, семья, этнокультурные ценности, межпоколенческая преемственность.

Введение. Актуальность исследования. Вопросы этнографии детства и различные аспекты воспитания в традиционной культуре любого народа непосредственно связаны с изучением его культурного наследия, поскольку именно в системе воспитания концентрируются базовые мировоззренческие установки и повседневные практики, передаваемые последующим поколениям.

Известно, что в соответствии с многовековой народной традицией казахского общества основными задачами воспитания детей являлись их всесторонняя подготовка к взрослой жизни, обеспечение преемственности поколений, а также формирование у подрастающего поколения уважения к сложившимся на протяжении столетий народным обычаям и традициям.

Традиционная система воспитания опиралась на богатый опыт народной педагогики и культурные практики, сформировавшиеся в ходе исторического развития казахского общества. В семейно воспитании особое внимание уделялось формированию нравственных качеств личности, предотвращению моральной деградации, противодействию утрате традиционных ценностей и духовных ориентиров.

Историография проблемы. Рассматриваемый вопрос на протяжении многих десятилетий находится в центре внимания исследователей различных отраслей отечественной социально-гуманитарной науки.

В области этнологии значительный вклад в изучение традиционной культуры и воспитания внесли Х.А. Аргынбаев, Х.А. Кауанова, Ш.Ж. Тохтабаева, С.П. Кульсариева и другие

исследователи. В сфере этнопедагогики важные научные разработки принадлежат С.М. Калиеву, С.А. Узакбаевой, К.Ж. Кожахметовой, А.Т. Калыбековой и др. Проблемы формирования личности и воспитательных практик в этнопсихологическом аспекте рассматривались в трудах К.Б. Жарикбаева, Х.Т. Шерьяздановой, А.Т. Акажановой, Н.К. Токсанбаевой, М.П. Кабаковой. Этносоциологические аспекты социализации исследованы Ш.Е. Жаманбалаевой, Д.К. Казымбетовым, Г.С. Абдираимовой, А.Н. Тесленко и др. Ряд вопросов, связанных с правовыми и социальными аспектами воспитания и защиты прав детей, нашли отражение в работах Е.И. Каиржанова, У.С. Джекебаева, С.Х. Жадпаева, Е.К. Нурпеисова.

В трудах указанных исследователей рассматриваются различные аспекты социализации детей и подростков, а также анализируются традиционные и современные подходы к воспитанию личности в казахском обществе с учетом этнических и этнокультурных ценностей.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является анализ традиционных моделей воспитания и социализации детей и подрастающего поколения в казахской семье. Для достижения Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: систематизация имеющихся этнографических, фольклорных, педагогических и психологических материалов, относящихся к различным аспектам традиционного воспитания; выявление и анализ содержания, методов и средств воспитания и социализации детей в казахской народной культуре с учетом основных этапов жизненного цикла ребенка; рассмотрение механизмов и путей трансляции социокультурного опыта между поколениями в традиционном обществе.

Методологическую основу исследования составляют принципы сравнительно-исторического, структурного и дескриптивного анализа, а также синтеза научных исследований, основанных на принципах объективности, историзма и достоверности.

Применение указанных методологических подходов, с учетом особенностей исторического развития казахстанского общества и современных социокультурных реалий, позволило выявить специфику, сущность и преимущества традиционной системы воспитания казахского народа.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке современных образовательных и воспитательных программ, ориентированных на сохранение культурной идентичности и укрепление духовно-нравственных ценностей общества в условиях социально-экономических трансформаций современности.

Результаты и обсуждение. Известно, что процесс воспитания детей в семье зависит прежде всего от правильных взаимоотношений между родителями, их положительного примера и авторитета. Семья наиболее полно отвечает требованиям углубления мировоззрения и жизненного опыта подрастающего поколения, постепенного приобщения к навыкам взрослой жизни. Эти потребности в каждом возрасте свои, и от того, как и в какой мере они удовлетворяются, зависит, будет ли ребенок развиваться нормально или же его развитие пойдет по нежелательному пути. По мере развития детей эти потребности растут, становятся все более многообразными и сложными, и в настоящее время их потребности намного превосходят реальные возможности родителей. Вот почему воспитание подрастающего поколения становится делом не только конкретных родителей того или иного ребенка, но и делом всего общества. Отсюда вытекает следующий важный вывод: удовлетворение потребностей ребенка соответствует главному содержанию отцовства и материнства, регулирует отношения между родителями и их детьми.

В реальности каждый родитель воспроизводит испытанные на самом себе методы воспитания, доставшиеся в наследство от старшего поколения, при этом дополняя их вновь приобретенными жизненными знаниями и умениями. Этому, с одной стороны, объективно способствует то обстоятельство, что ребенок, начиная с младенчества больше подвержен влиянию семьи, чем воздействию окружающей среды и общественности. С другой стороны, семья, будучи не однородной в половозрастном, социально-профессиональном плане, способствует большему раскрытию и реализации эмоциональных и интеллектуальных способностей малолетнего.

Естественно, что разграничение функций родителей в воспитании детей обусловлено традиционным распределением обязанностей в семье. Родительская связь отца и матери с детьми определяется в первую очередь их социальной ответственностью и любовью. Первая связь основывается родительским долгом перед своей семьей, родственниками и обществом; вторая – наличием кровнородственной связи и осмысленной привязанностью.

Супруги не всегда могут выполнять идентичную роль в социализации детей, так как личный родительский пример, как главный фактор семейного воспитания, быстрее усваивается и легче передается в рамках одного пола. Родители взаимодействуют в воспитании детей в той степени, в

какой их взаимная психика и влияние отличны друг от друга. Следует помнить и о том, что их воздействие на детей во многом зависит и то того, как они относятся друг к другу. Поэтому, необходимо согласованное участие обоих супругов в воспитательном процессе, чтобы эта совместная деятельность, будучи единой по своему содержанию, целям и задачам, различалась по форме и по методам воздействия на ребенка.

Несмотря на то, что очевидность этого воспитательного требования бесспорна, в реальности оно происходит далеко не однозначно. Во многих исследованных нами семьях мы наблюдаем различные методы материнского и отцовского примера, а также различные результаты их воспитательного воздействия.

Например, мужчины, как это повелось, не всегда могут уделять требуемого внимания воспитанию детей из-за «нехватки» времени. Это происходит из-за того, что время их участия в общественном производстве или ином виде трудового процесса гораздо больше, чем у женщин. Многим из них в сельской местности в ходе сезонно-полевых работ, особенно в летне-осенний период нередко приходится выполнять сверхурочные работы, поздно возвращаться домой. Эту нехватку времени в воспитании детей они могут восполнить лишь поздней осенью или в зимний период. Поэтому мужчины в основном выполняют только те виды воспитания, которые не требуют постоянного контроля или системы.

Необходимо также помнить, что если обязанности матери в отношении ребенка определяются как правило, материнской любовью, то отца – его авторитетом и личным опытом. Для девочек образцом поведения является обычно мать, для мальчиков – отец. Повседневное поведение, образ жизни, домашние и иные обязанности, женственность, внешний облик матери могут всегда являться положительным примером для дочери. Это включает в себя ее отношения к окружающим людям, к домашнему хозяйству, к особенностям проявления эмоции, настроения, манеры говорить и пр. Девочки во многом прилежнее и исполнительнее мальчиков, по сравнению с ними более аккуратны, бережливы и добросовестны, гораздо больше склонны проявлять заботу о близких (Кульсариева, 2017).

Отец, олицетворяя мужское начало в семье, предстает перед своими детьми в роли заботливого родителя, наставника и кормильца. В повседневной жизни он меньше говорит о воспитании и больше воздействуют своим примером. Его общение с дочерью дает ей наглядное и необходимое представление о мужском образе в целом, тем самым реально осознать свою женскую природу.

Особая ответственность возлагается на отца за воспитание своего сына. Прежде всего на примере отца мальчик усваивает, каким должен быт настоящий мужчина. По мере взросления юноши мать неизбежно утрачивает способность прививать своему возмужавшему сыну навыки поведения, принятого в обществе мужчин. Она не в состоянии на собственном примере научить его умению правильно воспринимать распоряжения старших, привить ему стремление довести начатое дело до конца.

Духовно-нравственные аспекты социализации детей направлены на выработку у детей таких качеств и черт, как честь и достоинство, честность и правдивость, доброту и вежливость, справедливость и правдивость, внимательность и чуткость, послушание и милосердие, силу и упорство, уверенность в себе и мужество, обязательность и дисциплинированность и пр. Так, посредством разъяснения, убеждения, стимулирования воспитывают у сыновей такие стереотипы поведения, как правильно вести себя в семейной и общественной жизни, как соблюдать ответственность за благополучие семьи, как взять на себя самую основную нагрузку и тяжесть. Указанные положения реализуются также посредством ссылки на собственный жизненный опыт и личное поведение. Приведенные нами педагогические методы воздействия нередко сопровождаются материальным, моральным, физическим и другими видами поощрения или наказания. Идентичные приемы и методы традиционного воспитания используются в отношении дочерей, естественно, с учетом их возрастного положения (Кожахметова, 1998; Калыбекова, 2025).

В настоящее время процесс воспитания детей становится все более длительным и сложным, что напрямую связано не только с усложнением социально-экономической и общественной жизни, но и удлинением периода детства в связи с введением всеобщего обязательного обучения, запрещением использования детского труда. Изменение системы образования и удлинение детств» привели к тому, что в нашей республике как и в странах ближнего зарубежья дети до совершеннолетия полностью находятся на попечении родителей. Их основной обязанностью в этот период является только учеба в школе и последующее их обучение в средних специальных и высших учебных заведениях. Даже поступив учиться в колледжи, институты и университеты,

многие из них по-прежнему надеятся на материальную, финансовую и иную помощь родителей или других близких родственников. Поэтому естественной реакцией на это со стороны семьи и общества становится отношение к ним как к индивидам, нуждающимся в постоянном контроле и опеке.

Если перейти к половозрастным аспектам воспитания детей дошкольного и школьного возрастов, то они у супругов, как правило, носят разный характер. Так, в реальности, в уходе за детьми дошкольного возраста роль матери намного выше по сравнению с отцовской.

Следует также отметить, что во взрослении детей посильное участие принимают представители старшего поколения, которые располагают достаточным необходимым временем, которое можно посвятить внукам. Нередко такие примеры характерны для пожилых, овдовевших женщин, для которых семья взрослого сына или дочери становится основным центром притяжения. Отмеченная роль пенсионеров возрастает особенно в условиях наметившихся в последние годы трудностей с получением жилья, нехваткой в селах дошкольных учреждений, материальными затруднениями, испытываемыми молодыми семьями. Для внуков бабушки и дедушки являются самыми близкими после родителей, которые нередко любят их больше, чем собственных детей.

Такая модель ухода за детьми в специфических сельских условиях достаточно стабильна и эффективна. Во-первых, не прерывается связь поколений, расширяется процесс передачи этнокультурных особенностей народа, внуки лучше узнают историю, предания, генеалогию и корни своей семьи, осознают себя преемниками семейной традиции. Во-вторых, одновременно контактируя с родителями, с бабушкой и дедушкой, ребенок с раннего детства приобретает обширный и разнообразный опыт межличностного общения (Айтжанова, 2024: 603–607).

Успех воспитательного воздействия родителей на детей, особенно старшего возрастов возможен лишь при постоянном общении, которое сопровождается коллективным трудом, отдыхом, взаимопомощью, совместным обсуждением основных внутрисемейных вопросов, проблем и новостей. Приоритетным здесь является личный пример родителей, других старших членов семьи.

Конечная цель, на которую направлены все усилия семьи – это, во-первых, достижение социальной зрелости детей и подростков. К ним можно отнести следующие жизненно важные качества, которые они должны принимать самостоятельно: 1) стремится к обеспечению материального благополучия; 2) уметь добиваться разумных решений по насущным проблемам и нести ответственность за них; 3) рациональное осмысливать и управлять своими поступками и действиями; 4) правильно организовать свой повседневный быт. Во-вторых, стремление к постепенному отдалению взрослых детей от родительского дома при сохранении достаточно стабильных родственных связей между ними. Такая модель «автономии» подразумевает: 1) ослабление и завершение воспитания, включая опеки над ними; 2) достижение молодежью взрослости и образование новой самостоятельной семьи.

Выше мы рассмотрели в основном благополучные моменты в социализации подрастающего поколения. Однако, в данном вопросе имеются и нерешенные проблемы, трудности. Воспитание детей становится преимущественно женским делом, многим мальчикам не хватает отцовского внимания. Постепенно ослабляется роль представителей старшего поколения в социализации детей, особенно в городских семьях или в тех, в которых супружеская пара молодого или среднего поколений отдалились от них в силу переезда в другие местности или регионы. Не все дети и внуки могут воспользоваться мудростью и опытом старших. В ряде семей вместо строгости и требовательности до сих пор используются силовые приемы воспитания детей путем рукоприкладства и ремня. Есть достаточно детей, которые растут в неполных семьях, в основном без отца, в семьях алкоголиков, нравственно разложившихся людей и т. д. В ряде семей дети рано начинают чувствовать противоречие между необходимым и требуемым, назиданиями и реальным поведением, а также непоследовательностью в действиях своих родителей. В них не контролируемые социально-нравственными идеалами эмоции супругов невольно противодействуют проявлению естественных, индивидуальных особенностей (самостоятельности и независимости) подростков, что в конечном итоге ставит их в положение зависимых, неполноценных членов семьи и общества. А это в свою очередь может в будущем привести их к фактору социальной инфантильности. Этому же в немалой степени способствует отсутствие четко выработанных норм общественного, юридического и религиозного контроля над поведением подростков по отношению к родителям.

Заключение. Проведенный анализ этнологических, психологических и педагогических аспектов традиционной модели воспитания показывает, что в казахской семье на протяжении многих столетий сформировалась целостная и устойчиво функционирующая система семейного и общественного воспитания. В ее рамках сложилась самобытная традиционная модель социализации, учитывающая половозрастные особенности мальчиков и девочек, а также ориентированная на подготовку подрастающего поколения к выполнению определенных социальных и хозяйственных ролей, востребованных во взрослой жизни.

Данная система воспитания предполагала последовательное и целенаправленное формирование у детей необходимых жизненных навыков и ценностных установок, обеспечивающих их успешную интеграцию в современное им общество. Важной особенностью этой модели являлся дифференцированный подход к воспитанию и обучению, основанный на распределении социальных функций и обязанностей в соответствии с возрастом и полом ребенка.

В процессе социализации активное участие принимали не только родители и представители старшего поколения по отцовской линии (өз жұрты), но и близкие родственники по материнской линии (нағашы жұрты). Через систему внутрисемейного и родственного взаимодействия подрастающему поколению передавались основные элементы традиционной культуры: нормы поведения, морально-нравственные ценности, трудовые навыки, а также устойчивые формы хозяйственно-бытовой деятельности и этнокультурные стереотипы. Особое значение придавалось патриотическому, физическому и трудовому воспитанию, формированию уважительного отношения к старшим и ответственности перед семьей и близкими родственниками.

В современных условиях традиционные формы семейного воспитания продолжают сохранять свою значимость, однако они функционируют во взаимодействии с социальными институтами современного общества, включая образовательные учреждения и государственные структуры. Государство, реализуя социальную и образовательную политику, также выполняет важную роль в процессе социализации детей и подростков.

Таким образом, эффективное формирование личности ребенка возможно лишь при тесном взаимодействии семьи, общества и государственных институтов. Сочетание традиционных воспитательных практик и современных социальных механизмов создает условия для всестороннего и гармоничного развития детей и подростков, а также способствует сохранению культурной идентичности и духовно-нравственных ценностей казахского народа.

Список литературы

Айтжанова А.Б. Воспитание на традициях казахского народа и преемственность поколений // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия: Педагогические науки. 2024. Том 75. № 4. С. 601–616.

Калыбекова А.А. Народная мудрость казахов о воспитании. Изд. 5-е. Алматы: Баур, 2025. 336 с.

Кожахметова К.Ж. Казахская этнопедагогика: методология, история, практика. Алматы: Ғылым, 1998. 317 с.

Кульсариева С.П. Этнография детства казахов в 1950-1980 гг. (на материалах Алматинской и Кызылординской областей). Алматы: Қазақ университеті, 2017. 152 с.

А.Б. Қалыш

Дәстүрлі отбасы тәрбиесі жүйесіндегі қазақтардағы балалар мен жасөспірімдерді әлеуметтендіру ерекшеліктері

Баяндамада қазақтардағы балалар мен жасөспірімдердің әлеуметтену ерекшеліктері дәстүрлі отбасылық және этномәдени тәрбие жүйесі контексінде қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – отбасы мен аға буынның негізгі әлеуметтік және мәдени құндылықтарды, мінез-құлық нормаларын және ұрпақаралық өзара іс-қимыл үлгілерін үрім-бұтаққа жеткізудегі рөлін талдау. Зерттеудің әдіснамалық негізін дәстүрлі тәрбие жүйесінің негізгі элементтерін айқындауға мүмкіндік беретін тарихи-этнологиялық және салыстырмалы-талдамалық тәсілдер құрайды.

Зерттеу нәтижесінде қазақ мәдениетінде жас ұрпақты әлеуметтендіру үдерісі этникалық тәрбиелік тәжірибелер кешеніне негізделгені анықталды. Бұл тәжірибелер отбасына, туған жерге және Отанға деген сүйіспеншілік пен патриотизмді қалыптастыруға, тарихи-мәдени тамырлар мен этномәдени бірегейлікті ұғындыруға, адамгершілік қасиеттерді, денсаулықты және еңбекқорлықты

дамытуға, сондай-ақ ата-аналарға, туыстарға және аға буын өкілдеріне құрметпен қарауды қалыптастыруға бағытталған. Дәстүрлі қағидалар мен ұндылықтарды жеткізуде отбасы ғұрыптарының, туыстық байланыстардың және мәдени жадтың сақтаушысы ретінде аға буын ерекше рөл атқарған.

Сонымен қатар, қазақтардағы дәстүрлі әлеуметтену жүйесі өзіндік болмысымен, тәрбиелік тәжірибелердің синкреттік сипатымен, олардың табиғилығы мен үздіксіздігімен, сондай-ақ мәдени құндылықтардың ұрпақаралық сабақтастығымен ерекшеленетіні көрсетілді. Қорытындылай келе, дәстүрлі тәрбиенің аталған элементтері жас ұрпақтың тұрақты этномәдени бірегейлігі мен әлеуметтік-адамгершілік бағдарларын қалыптастыруда маңызды орынға ие болғаны анықталды.

Түйін сөздер: қазақтар, әлеуметтену, дәстүрлі тәрбие, отбасы, этномәдени құндылықтар, ұрпақаралық сабақтастық.

A.B. Kalysh

Peculiarities of the Socialization of Children and Adolescents among the Kazakhs in the Context of the Traditional System of Family Upbringing

The report examines the specific features of the socialization of children and adolescents among the Kazakhs within the framework of the traditional system of family and ethnocultural upbringing. The aim of the study is to analyze the role of the family and the older generation in the transmission of fundamental social and cultural values, behavioral norms, and patterns of intergenerational interaction. The methodological basis of the research includes historical-ethnological and comparative analytical approaches, which make it possible to identify the key elements of the traditional system of upbringing.

The study demonstrates that in Kazakh culture the processes of socialization of the younger generation were based on a complex of ethnic educational practices aimed at fostering patriotism and attachment to the family, native land, and homeland; developing an awareness of historical and cultural roots and ethnocultural identity; cultivating moral qualities, physical well-being, and diligence; as well as instilling respect for parents, relatives, and representatives of the older generation. A special role in the preservation and transmission of traditional norms and values belonged to the older generation, which acted as the custodian of family traditions, kinship relations, and cultural memory.

It is shown that the traditional system of socialization among the Kazakhs was characterized by a number of distinctive features, including its originality, the syncretic nature of educational practices, their natural and continuous character, and the intergenerational continuity of cultural values. The study concludes that these elements of traditional upbringing played a significant role in shaping a stable ethnocultural identity and the moral and social orientations of the younger generation.

Key words: Kazakhs, socialization, traditional upbringing, family, ethnocultural values, intergenerational continuity.

В.В. Медведев
Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
Сургутский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия
М.В. Попов
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
Магнитогорск, Россия
vlad.etno@mail.ru

Практики освоения пространства: доместикация в этнографии чувашей*

Статья посвящена концепту «доместикации» применительно к пространству. Авторы интерпретируют доместикацию как процесс комплексного освоения и преобразования человеком окружающей среды, в результате которого создается «доместицированное пространство», т. е. сфера жизнедеятельности, сочетающая утилитарные и сакральные аспекты. Понятие «доместицированное пространство» анализируется в контексте смежных категорий, таких как «среда обитания», «культурный ландшафт», «антропогенный ландшафт». В статье подчеркивается его социальный характер, включающий искусственно созданные объекты: поселения, жилища, хозяйственные и культово-ритуальные постройки и другие локусы. Это пространство структурировано и имеет определённые границы, отделяющие освоенное «своё», от неосвоенное «чужого». На примере этнографии чувашей рассмотрена иерархическая модель освоения пространства. Её центром является жилище с сакральными зонами, затем включаются двор, улица, всё поселение и окружающие угодия. Доместицированное пространство у чувашей представляет собой динамическую систему, формируемую повседневной хозяйственной деятельностью, духовными воззрениями и культурными практиками. Это процесс постоянного освоения, адаптации к ландшафту и создания не только материальной, но и символической среды, обеспечивающей культурную идентичность и безопасность сообщества. Концепт доместикации демонстрирует глубокую взаимосвязь между материализованной культурой, религиозными представлениями и организацией жизненного пространства.

Ключевые слова: доместикация пространства, этнография чувашей, поселение, жилище.

Введение. Понятие «доместикация» предполагает не только приручение диких животных и растений, но и преобразование окружающей среды в удобные для людей формы, создание особого одомашненного, освоенного и используемого в повседневной жизни пространства. Интерпретация понятия «доместицированное пространство» позволяет провести параллели с такими определениями как «природная среда», «среда обитания», «жилая среда» и «окружающая среда», которые следует воспринимать как совокупность природной и культурной, т. е. культивированной территории. В таком контексте процесс адаптации человека к среде близок концепции культурной экологии Дж. Стьюарда (Резник 2012: 213). Социальный характер подобной среды, как подчёркивает Н. А. Томилов, предполагает совокупность искусственно созданных человеком объектов, в том числе планирование и структуру поселений, жилищ, хозяйственных и культово-ритуальных локусов и построек (Томилов 2016: 90). Среда воздействует на эти объекты, приводя их в динамичное состояние, через единство природно-географических, социально-экономических и культурно-бытовых факторов (Фишман 1989: 148–149). Такого рода понимание среды, предполагающее профанное и сакральное освоение территории с установлением соответствующих границ, отчасти можно соотнести и с осмыслением доместикации пространства (Содномпилова 2011: 33; Чудова, Чудов 2013: 32).

Содержание понятия «доместицированное пространство». Доместицированное пространство как понятие также может быть сопоставлено с категориями «культурный ландшафт» и «антропогенный ландшафт». Мы полагаем, что содержание понятия «доместицированное пространство» наиболее близко трактовке термина «антропогенный ландшафт» (Мильков 1973: 25,

* Исследование выполнено за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения гос. задания ИИиА УрО РАН; тема «Культурное пространство Урала: археологические и этнологические исследования», рег. номер 124032100052-6.

45), что убедительно продемонстрировано О. Б. Степановой на этнографическом материале северных селькупов и свидетельств воздействия человека в бассейнах рек Таз и Турухан (Степанова 2018б: 16–28). Рассуждения о подобном типе ландшафта являются обоснованными и могут быть приняты научным сообществом (Степанова 2018а: 423).

Вместе с тем, несмотря на вариативность понятий среды и ландшафта, они в первую очередь конкретизируют повседневную деятельность человека на определённой территории, а доместикация характеризует пространство не только в профанном, но и в сакральном восприятии. Неслучайно по отношению к доместикации пространства предложена интерпретация, предполагающая процесс познания и созидательного преобразования человеком окружающей действительности (Казакова 2023: 47).

Доместицированное пространство, безусловно, составляет часть традиционной, т. е. устойчивой, культуры. Неслучайно точка зрения Андре Леруа-Гурана, впервые обозначившего вопрос о доместикации как об «очеловечении» пространства в качестве начального этапа в познании человеком мира, была поддержана С. А. Токаревым и распространена непосредственно по отношению к жилищу (Токарев 1970: 12; Leroi-Gourhan 1965: 285). Е. А. Мельникова видит в доместикации возможность ментального освоения территории с последующим установлением контроля – присвоение земельным участкам названий, определение границ, упорядочивание расстояний (Мельникова 1925: 43).

Определение «доместицированное пространство» может быть интерпретировано как в прямом, так и в символическом смысле. Прямое доместицирование охватывает такие объекты, как дом, клеть и хлев, в то время как символическое доместицирование распространяется на периодически посещаемые святилища и кладбища, где пространственная организация приобретает сакральное значение и становится неотъемлемой частью культурной идентичности сообщества. Жилище следует рассматривать как ключевой элемент доместицированного пространства, где каждое его измерение обладает особым символическим значением. В рамках такого контекста внутреннее пространство жилища характеризуется наличием сакральных зон, играющих важную роль в ритуальной и повседневной жизни обитателей. Одним из центральных и наиболее значимых объектов внутри жилища является столб, расположенный в углу печи. Этот элемент обладает многогранной символикой и выполняет функции, выходящие за рамки утилитарного назначения. По мере удаления объектов от центра, т.е. жилища, степень доместикации снижается. Например, клеть и амбар, расположенные вблизи дома, являются доместицированным пространством в непосредственном смысле и имеют в этом отношении более высокий статус, чего не скажешь об общесельских святилищах и кладбищах.

Принципиальный дискурс о проблеме доместикации пространства раскрывает сюжет, связанный с границами и пространственными маркерами. Где и как определяются эти границы? Могут ли они быть вариативными? В этом контексте интересно мнение С. Ю. Хачатрян (Капышкиной) о ситуативном расширении доместицированного пространства и наличии двух типов локусов: «статичных» (жилище, поселение) и «подвижных» (обрядовое пространство, культово-ритуальные объекты и земельные наделы). Например, новые территории и участки у чувашей могут быть отнесены ко второму типу во время земледельческих работ в поле, занятии пчеловодством и выездах на временную пасеку или выступая в качестве места сбора сельской молодежи. По завершению конкретного вида деятельности прежние границы возвращаются в исходное положение (Хачатрян (Капышкина) 2002: 197). Такое мнение является оригинальным, но можно предложить и иной подход к доместикации пространства, а именно – сосуществование разных уровней воссозданного (окультуренного) человеком пространства для решения разных потребностей. В таком случае необходимо характеризовать не только созданные человеком объекты, но и земельные участки и территории, которые сельчане использовали в соответствии со своими материальными потребностями и духовными воззрениями.

Обустройство и мифологическое осознание пространства является типичным сюжетом в народной культуре и традиционной обрядности земледельческих народов Урало-Поволжья. Модель освоения пространства предполагает следующую структуру: жилище и его центральный объект в виде столба у печи → следующий уровень представления – двор, где центральной фигурой является уже непосредственно жилище → далее следует пространство поселения, где в качестве центра могут выступать перекрестки улиц как место взаимодействия односельчан или конкретный религиозный объект → далее вокруг поселения будут концентрироваться сопредельные земельные участки – поля, пастбища, пасеки, карьеры по добыче природного камня и глины, лесные массивы и водоемы, т. е. все востребованные сельчанами земельные угодья и ресурсы, прилегающие к

поселению и непременно используемые. Только при таком условии их можно характеризовать как пространство, подвергнутое доместикации.

Пространство и объекты могут выступать по отношению к человеку амбивалентными и являться доместицированными и недоместицированными. В исследовании П. А. Орлова о вещном мире удмуртов анализируются доместицированные, т.е. упорядоченные, объекты и территории (Орлов 1999: 215). В работе изучается множество примеров из повседневности удмуртского народа. Так, понятие «угол дома» в представлении удмуртов имеет характер ограниченного, замкнутого, а потому своего (освоенного) пространства. Также можно привести и другие работы, которые так или иначе относятся к ряду исследований о доместицированном пространстве (Оформление границ). Например, А. В. Головнёв в своей книге о народах Северо-Западной Сибири пишет об особом характере угорского дома (Головнёв 1995: 274-275), а исследователи традиционной культуры алтайцев считают загон для животных местом, подлежащим доместикации (Тюхтенева 2011: 117).

В категорию недоместицированного пространства и недоместицированных объектов включают территории и объекты, которые не подвергались освоению и интеграции. Таковыми как правило выступают леса, поля, реки, озера, овраги и ряд других объектов, размещающихся за границами поселений. Внимание следует уделить перекрёсткам дорог, которые, ввиду их сакрального символизма, представляют собой потенциально опасные зоны. К подобным локациям у чувашей необходимо отнести места обитания божества Киремет, располагавшиеся в стороне от поселений и деревенских дорог. Такие места находились от поселения на расстоянии от одной до пяти верст. Особенность места обитания Киремет заключается в том, что оно вынесено за пределы доместицированного пространства.

Пример двойственного состояния конкретного пространства демонстрируют сельские кладбища. Чуваши остерегались их как табуированного места, но находясь на этой территории имели возможность установить связь между миром живых и миром мертвых. Родственники, приходя на кладбище, могли через поминание связаться с умершими. С одной стороны, кладбище было местом, которое не было приспособлено для жизни, поэтому его избегали. С другой стороны, кладбище было создано человеком и соответствовало его культурным представлениям. Противопоставление доместицированного пространства недоместицированному столь же устойчиво в народном сознании, как и дихотомия «культура» и «природа», «домашнее» и «дикое» (Теребихин 2023: 290-309).

Вещи и объекты не существуют вне пространства. Все они развертываются, распространяются и расширяются от центра к периферии (Топоров 1988: 340), т. е. от человека к внешнему миру. Следует также отметить, что понятия «пространство» и «объект» часто заменяют друг друга. Например, что собой представляет дом: пространство или объект? Следует признать, что и то и другое. Дом – объект, который следует планировать сообразно возможностям и построить, он же является пространством для проживания с множеством координат (придверная и передняя части, угол, женская часть и т. д.).

Этнографический комментарий. Доместицированное пространство в поселениях чувашей разделялось на единоличные хозяйства и общественную землю. Дворы, жилища, хозяйственные постройки совместно с земельными участками составляли личную территорию, принадлежавшую роду и семье. Поселения также имели места коллективного сбора жителей, культовые сооружения и общие постройки, отвечавшие нормам жизнедеятельности, мировоззрению, религии. К объектам, располагавшимся в общественном пространстве, принадлежат гумно, околица, кладбища, мосты, церкви, мельницы, кузницы, сельские амбары и магазины.

Традиционная празднично-обрядовая культура чувашей была неразрывна от доместицированного пространства сельской улицы, регулировавшей отношения и поведение односельчан. Жители одной улицы посещали своих родственников и соседей, собирали продукты, обсуждали новости и старались соответствовать поведенческим паттернам, основанных на традициях и моральных принципах чувашей (ПМА 2013).

Уличное пространство, двор и земельный надел, используемые в повседневных делах, воспринимались как освоенные и окультуренные территории, следовательно, безопасные и пригодные не только для профанных занятий, но и для сакральных действий. На этой территории, в постройках, возведённых здесь или вблизи них, разрешено совершать обрядовые практики и произносить слова молитвы.

Двор, будучи пространством со сложной символической нагрузкой, служил не только утилитарным, но и ритуальным центром, интегрированным в социокультурный контекст. В рамках

данной парадигмы двор представлял собой микрокосм, где переплетались повседневные и ритуальные практики, формируя целостное восприятие окружающего мира и обеспечивая его сакральную легитимность.

Пространственная целостность двора, земельного участка и прилегающих территорий, интегрированных в повседневную и циклическую сельскохозяйственную деятельность, формировала базовую основу для процесса доместикации, осуществляемого семейной общностью. В результате этого данные локации воспринимались как освоенные и культивированные зоны, что обеспечивало их безопасность и пригодность не только для обыденных хозяйственных задач, но и для проведения сакральных ритуалов. На данной территории, в сооружениях, возведенных на ней или в непосредственной близости, разрешалось осуществлять обрядовые практики и произносить молитвы.

Ворота у чувашей, так же как и изгородь, символизировали рубеж. Они воспринимались как признак оседлого образа жизни и как пограничный периметр окультуренного семейного пространства. Линия «двор – улица» дополнялась различными условными знаками. Защитную функцию границы выполняла подкова, прибитая к воротам с уличной стороны. Для отпугивания злых духов на воротах, дверях и окнах чуваши размещали цветы чертополоха, причем ежегодно при цветении растения производилась их замена (ПМА 2018).

Дверь жилища, предоставлявшая возможность перехода из внешнего во внутреннее состояние и наоборот, нуждалась в дополнительной апотропейной магии, предохранявшей от вредоносного воздействия потусторонних сил и создававшей условия для сохранения целостности семейного пространства. В поселениях чувашей до настоящего времени сохраняется традиционный метод защиты дома и его обитателей, заключающийся в использовании рябиновых ветвей для украшения дверных косяков и ворот. Этот обычай имеет глубокие символические корни, связанные с мифологической и культурной концепцией пространства в жилище. Дверь, окно и дымовое отверстие представляют собой ключевые элементы архитектуры, обладающие многослойной семантикой и выполняющие функции посредников между внутренним, контролируемым семьей пространством и внешним, неконтролируемым миром. Данная символическая структура жилища интегрирует различные аспекты бытия человека, обеспечивая переход из одного состояния в другое, а также возможность наблюдения за происходящим вне непосредственного присутствия индивида. Рябиновые ветви, используемые в качестве декоративного элемента, несут в себе дополнительную семантическую нагрузку, усиливая защитные функции двери и символизируя связь с природными циклами и мифологическими символами (ПМА 2014).

Пол жилища был нижней границей пространства, которое в процессе строительства человеком сначала было воссоздано, а затем подлежало доместикации. Пол разграничивал занимаемый для проживания дом и его подполье, в котором, как полагали, обитают злые духи. Чуваши верили, что там пребывали духи Ийе и Шуйттан. Вовремя не проведенные обрядовые действия могли привести к несчастьям, поэтому строго соблюдались все традиции, связанные и с порогом дома.

Пространственная организация жилища, формируемая посредством углов, позволяла эффективно сегментировать его на зоны, предназначенные для домочадцев и гостей, хозяйственные и парадные области, а также на женские и мужские сферы. Передний угол не только объединял домочадцев и более широкий круг родственников, он и был наиболее безопасен. Этому месту чуваши доверяли сакральные предметы, что демонстрировало исключительное положение угла кӗреке в контексте доместикации домашнего пространства.

Заключение. Таким образом, доместикация пространства является многогранной и междисциплинарной категорией, которая охватывает как физическое, так и символическое освоение окружающей среды. Доместикация пространства является важным элементом формирования культурной идентичности и мировоззрения. Она позволяет человеку не только создавать удобные условия для жизни, но и осмыслять своё место в мире, устанавливая границы между освоенным и неосвоенным. Доместицированное пространство (поселения, жилища, хозяйственные и культово-ритуальные постройки и другие локусы) у чувашей представляет собой использование человеком ландшафта и объектов в повседневной жизни, что сопровождается формированием сакрального пространства, отражая сложное взаимодействие человека с окружающей средой. Этот процесс приводит к духовному пониманию мира и адаптации к локальным условиям, включая особенности ландшафта, взаимодействие с другими этническими группами и административными структурами. Доместицированное пространство включает

освоенные и созданные объекты и расширяется по мере обживания и постоянно используется в повседневной жизни. Это пространство не статично, а динамично: его границы могут ситуативно расширяться и сужаться в зависимости от хозяйственной деятельности и обрядового цикла, что демонстрируется на примере традиционной культуры чувашей.

В свете современной научной дискуссии понятие «доместикация» приобретает ещё более широкое толкование, распространяясь на социокультурные и технологические аспекты жизни. Концепт доместицированного пространства служит эффективным аналитическим инструментом для изучения традиционной культуры, системы адаптации человека к окружающей среде и механизмов формирования культурной идентичности. Он позволяет понять, как через организацию повседневного пространства воспроизводятся социальные нормы, религиозные представления и коллективные практики. Перспективы дальнейшего исследования видятся в сравнительно-сопоставительном анализе моделей доместикации пространства у разных народов, и в возможности применения данного концепта к изучению современных урбанизированных сред, где процессы символического «приручения» и освоения пространства продолжаются, приобретая новые формы.

Список литературы

Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

Казакова А. Ю. Идея дома в теориях доместикации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2023. № 4. С. 33–63.

Мельникова Е. А. Восприятие пространства и его доместикация в древнескандинавской культуре // Вестник РГГУ. Серия Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2025. № 5. С. 33–54.

Мильков Ф. Н. Человек и ландшафты: очерки антропогенного ландшафтоведения. М.: Мысль, 1973. 224 с.

Орлов П. А. Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры). Дисс. канд. ист. Наук. Ижевск, 1999. 215 с.

Оформление границ пространства [Электронный ресурс] // Зырянский домострой: [Сайт]. https://zb.syktsu.ru/design.php?view=167&mmenu=1 (дата обращения: 29.01.2026).

ПМА 2013 – Материалы полевых исследований В. В. Медведева. Сведения от информантов – жителей с. Бишкаин, д. Куезбашево, с. Месели, с. Наумкино, д. Ташлыкуль, с. Толбазы, д. Утаркуль, с. Чуваш-Карамалы Аургазинского р-на Республики Башкортостан; с. Ивано-Кувалат Зилаирского р-на Республики Башкортостан; п. Полетаево, с. Чипышево Сосновского р-на Челябинской области.

ПМА 2014 – Материалы полевых исследований В. В. Медведева. Сведения от информантов – жителей с. Клементейкино, с. Новое Суркино, с. Старое Суркино Альметьевского р-на Республики Татарстан; с. Новое Сережкино Лениногорского р-на Республики Татарстан; с. Новое Ильмово Черемшанского р-на Республики Татарстан; с. Рысайкино Похвистневского р-на Самарской области; с. Девлезеркино, с. Чувашское Урметьево Челно-Вершинского р-на Самарской области; с. Старое Афонькино Шенталинского р-на Самарской области.

ПМА 2018 – Материалы полевых исследований В. В. Медведева. Сведения от информантов – жителей с. Манеево, д. Юламаново Аургазинского р-на Республики Башкортостан; с. Сихонкино, с. Суук-Чишма Кармаскалинского района Республики Башкортостан.

Резник Ю. М. (отв. ред.). Социокультурная антропология: история, теория и методология: энциклопедический словарь. М.: Академический проект, Культура; Киров: Константа, 2012. 1000 с.

Содномпилова М. М. Пространство в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Автореф. дисс. док. ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 50 с.

Степанова О. Б. Антропогенный ландшафт бассейнов Таза и Турухана в XVII–XIX вв.: история vs теория // Человек и Север: антропология, археология, экология. Материалы Всероссийской научной конференции «Человек и Север: антропология, археология, экология». Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. С. 422–425.

Степанова О. Б. К истории антропогенного ландшафта бассейнов Таза и Турухана (XVII – начало XX в.) // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 16–28.

Теребихин Н. М. Концепты «дикое» («природа») и «домашнее» («культура») в мифопоэтической экотеологии этнических и локальных сообществ Русской Арктики // Религия, наука и теология: вызовы и проблемы современности: сб. науч. докл. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2023. Т. 38. С. 290–309.

Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. № 4. С. 3–17.

Томилов Н. А. Этническая экология, экологическая история и области природно-средовой культуры // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 2 (10). С. 88–93.

Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2: К – Я. М.: Совет. энциклопедия, 1988. С. 340–342.

Тюхтенева С. П. Имущество и собственность у алтайцев: представления и современные практики // Монголоведение. 2011. № 5. С. 109–125.

Фишман О. М. Проблемная выставка «Человек и среда его обитания: поселение и жилище народов Восточно-Европейского региона XX в.» (подход, цели, задачи и структура) // Советская этнография. 1989. № 3. С. 147–151.

Хачатрян (Капышкина) С. Ю. Некоторые аспекты доместикации пространства в контексте обрядов казачьего населения Кубани // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры. Краснодар, Тип. Администрации Краснодарского края, 2002. С. 194–211.

Чудова Т. И., Чудов С. И. Традиционная архитектура коми (зырян): доместикация пространства. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2013. 156 с.

Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole: la mémorie et les rythmes. Paris: Albin Michel, 1964–1965. 285 p.

В.В. Медведев. М.В. Попов

Кеңістікті игеру практикалары: чуваштар этнографиясындағы домастикация

Мақала кеңістікке қатысты «домастикация» ұғымына арналған. Авторлар домастикацияны адамның қоршаған ортаны кешенді түрде игеруі мен өзгертуі нәтижесінде қалыптасатын процесс ретінде қарастырады, соның нәтижесінде «домастикацияланған кеңістік», яғни утилитарлық және сакралдық аспектілерді біріктіретін тіршілік ету саласы қалыптасады. «Домастикацияланған кеңістік» ұғымы «мекен ету ортасы», «мәдени ландшафт», «антропогендік ландшафт» сияқты ұқсас категориялар контекстінде талданады. Мақалада оның әлеуметтік сипаты атап өтіледі, оған жасанды түрде қалыптастырылған нысандар: қоныстар, тұрғын үйлер, шаруашылық және культтік-рәсімдік құрылыстар, сондай-ақ басқа да локустар кіреді. Бұл кеңістік құрылымданған және игерілген «өз» кеңістікті игерілмеген «бөтен» кеңістіктен бөліп тұратын белгілі бір шекараларға ие. Чуваштардың этнографиясы мысалында кеңістікті игерудің иерархиялық моделі қарастырылады. Оның орталығында сакралдық аймақтары бар тұрғын үй орналасқан, одан кейін аула, көше, бүкіл қоныс және оны қоршаған шаруашылық аумақтары қамтылады. Чуваштардағы домастикацияланған кеңістік күнделікті шаруашылық қызмет, рухани көзқарастар және мәдени тәжірибелер арқылы қалыптасатын динамикалық жүйе болып табылады. Бұл – ландшафтқа бейімделу мен оны игерудің үздіксіз үдерісі, сонымен қатар тек материалдық емес, символдық ортаны да қалыптастыру, ол қауымның мәдени сәйкестігі мен қауіпсіздігін қамтамасыз етеді. Домастикация тұжырымдамасы материалдық мәдениет, діни түсініктер және өмірлік кеңістікті ұйымдастыру арасындағы терең өзара байланысты көрсетеді.

Түйін сөздер: үй кеңістігін игеру, чуваштардың этнографиясы, қоныс, тұрғын үй.

V.V. Medvedev, M.V. Popov

Early Medieval Bivalve Pendants of the Srostki Culture: History of Discovery, Morphological Characteristics, and X-ray Fluorescence Analysis

The article is devoted to the concept of «domestication» in relation to space. The authors interpret domestication as a process of complex development and transformation of the environment by humans, which results in the creation of a «domesticated space», i.e. a sphere of life that combines utilitarian and sacred aspects. The concept of «domesticated space» is analyzed in the context of related categories, such as «habitat», «cultural landscape», «anthropogenic landscape». The article emphasizes its social nature, including artificially created objects: settlements, dwellings, economic and cult-ritual buildings and other loci. This space is structured and has certain boundaries separating the developed «own» from the undeveloped «foreign». Using the ethnography of the Chuvash people as an example, a hierarchical model of space development is considered. Its center is a dwelling with sacred zones, then the yard, street, the entire settlement and surrounding lands are included. The domesticated space of the Chuvash is a dynamic system formed by everyday economic activity, spiritual views and cultural practices. This is a process of constant development, adaptation to the landscape and creation of not only a material but also a symbolic environment that ensures the cultural identity and security of the community. The concept of domestication demonstrates a deep interconnection between materialized culture, religious beliefs and the organization of living space.

Key words: domestication of space, ethnography of the Chuvash, settlement, dwelling.

С.А. Сулайманов
Каракалпакский государственной университет им Бердаха
Нукус, Узбекистан
s_salamat@karsu.uz

История развития рыбного промысла в Южном Приаралье

В статье подробно рассматривается развитие рыболовства в Южном Приаралье во второй половине XIX в., его роль в хозяйстве местного населения - каракалпаков и казахов, а также основные методы рыбного промысла и значение рыболовства в формировании промышленного сектора. В качестве исследуемой территории рассматриваются исторические рыболовные районы Муйнак, Тербенбес, Урга и нижнее течение Амударьи. Местное население – каракалпаки и казахи – традиционно занималось рыболовством как основным источником пропитания. В статье анализируются традиционные методы ловли рыбы: острога, «казы», «керши», «жылым», а также использование лодок и саней для транспортировки. Рассматривается влияние русских и хорезмийских рыбопромышленников, формирование рыночных отношений и интеграция региона в общероссийскую экономику. Исследование показывает, что рыбный промысел имел не только хозяйственное значение, но и способствовал индустриальному развитию Южного Приаралья. Методологическая база включает историко-этнографический подход, архивные источники и материалы экспедиций. Работа позволяет комплексно оценить социально-экономические и культурные аспекты рыбного промысла региона.

Ключевые слова: Южное Приаралье, рыболовство, рыбный промысел, вторая половина XIX века, традиционные способы рыболовства, низовья Амударьи.

Введение. Южное Приаралье исторически является регионом с развитым рыбным промыслом, который играл важную роль в хозяйственной, социальной и культурной жизни местного населения – каракалпаков и казахов. Изучение развития рыбного хозяйства региона во второй половине XIX века позволяет понять процессы экономической интеграции и промышленного освоения территории. Цель исследования – подробно рассмотреть развитие рыбного промысла, выявить основные методы ловли рыбы, социально-экономические аспекты промысла и влияние рыночных отношений на интеграцию региона в общероссийскую экономику. Методологической основой исследования служат историко-этнографический подход, анализ архивных источников и материалов экспедиций. В качестве исследуемой территории рассматриваются исторические районы рыбного промысла Муйнак, Тербенбес, Урга и нижнее течение Амударьи.

Методология исследования. Источники: архивные документы, отчеты экспедиций, этнографические описания, литературные источники XIX–XX вв. Методы: историко-сравнительный анализ, этнографическое описание, сопоставление традиционных и промышленных способов промысла. Цель методологии: комплексная оценка социально-экономических и культурных аспектов рыбного промысла Южного Приаралья.

Территория Южного Приаралья издавна была заселена каракалпаками и казахами, основным занятием которых являлось и продолжает оставаться рыболовство. Уже в первой половине XIX в. рыболовецкое население проживало в местностях Тербенбес, Мергенатау, Тезбескум, Акбеткей, Тайлакжеген, Карабайлы, Ержанатау, Аккала, Урге, Каражар, Айырша, Дузлы, Каратерен, Жумалак, на островах Муйнака и в других пунктах. В XIX в. Муйнак назывался островом Токмак-ата.

Наиболее интенсивное заселение территории Муйнакского района начинается после завоевания правобережной части Амударьи Российской империей. В начале XX в. на островах Муйнака проживали 340 каракалпакских и казахских и 160 русских хозяйств; в 1915 г. в Урге насчитывалось 300 хозяйств, или 1420 человек, в Тербенбесе - 80 хозяйств, на острове Каратерен - 45 хозяйств, на берегах Кара-Узяка - 150 каракалпакских и казахских хозяйств и т. д. (Досумов, 1960, с. 27–30).

Основные районы рыбных промыслов на Аральском море и в низовьях Амударьи были разделены между русскими властями и Хивинским ханством. Граница между ними на Аральском море проходила по левому берегу Талдыка (западный приток Амударьи) до Талдыкского залива, затем по северному берегу полуострова Токмак-ата и далее по заливу Таджибай в направлении Урги.

При этом, рыболовные местности Урга, Бозатау, Кунград оставались под властью Хивинского ханства, тогда как остальные рыболовные районы вошли в состав Амударьинского отдела Туркестанского генерал-губернаторства.

Южное Приаралье, расположенное на севере Каракалпакстана, включает всю территорию Муйнакского и западную часть Тахтакупырского районов республики. Его площадь составляет 40 800 км², что равно 25 % территории республики (Нар. хоз. ККАССР, 1967, с. 11). В пределы данного района входят нижняя часть дельты Амударьи, южное побережье Аральского моря и острова Южного Арала.

Основной часть. Рыболовство как одна из основных отраслей хозяйства играло важную роль в жизни каракалпаков. Все кунградские племена, проживавшие вблизи Аральского моря, в особенности колдаулы, муйтены, ашамайлы, кияты, а также казахи рода алим, с древних времён занимались рыболовством.

Некоторые казахские рыбаки постепенно продвигались вглубь дельты Амударьи по берегам Улкендарьи и в юго-западной части Талдыка проживали совместно с каракалпакскими родами колдаулы, балгалы и кандекли. Часть этих казахских и каракалпакских рыбаков в первой половине XIX в. расселилась на острове Токмак-ата (ныне остров Муйнак). Впервые данный остров был нанесён на географическую карту русским исследователем Обручевым. В 1848 г. на остров Токмак-ата прибыла научная экспедиция под руководством А. И. Бутакова, состоявшая из 27 человек. Среди членов экспедиции находился украинский поэт Т. Г. Шевченко, занимавший должность живописца. В своём дневнике А. И. Бутаков писал о Токмак-ата: «По замечаниям приказчика рыболовной компании, место это должно быть весьма уловисто в пору хода рыбы. Так как это было первое открытие экспедиции, снаряжённой корпусным командиром Обручевым, я назвал остров этот именем его высокопревосходительства» (Сулайманов, 2022, с. 52–56). В литературных источниках того времени, данный остров назывался островом Обручева.

В то время данный остров принадлежал хивинскому хану. Уже тогда на нём обитали каракалпаки и казахи, проживавшие в юртах; глинобитные дома ещё отсутствовали. А. И. Бутаков сообщал: «…на острове Токмаката я не видел жителей, ни признаков жилья, хотя на берегу залива были большие аулы каракалпаков и виднелось много кибиток (юрты)» (Бетгер, 1953, с. 88–91).

Из этого сообщения А. И. Бутакова следует, что уже в середине XIX в. значительная часть дельтовых казахов и каракалпаков обитала на острове Токмаката. В основном они занимались скотоводством, а беднейшая часть населения ловила рыбу для пропитания.

Даукаринские и кунградские казахи также занимались рыболовством. М. Н. Богданов писал, что «главные рыбные базары находились в Кунграде, Чимбае и Клыч-кале в Даукаринской низменности. Особенно сильный улов идёт между Ходжейли и Кунградом; эта часть реки называется “матерью рыбы”. Я видел на Кунградском базаре до 300 свежих шипов, а в Чимбае - едва ли не больше» (Шалекенов, 1966, с. 119–124). В 1873 г. А. В. Каульбарс также сообщал о том, что даукаринские казахи занимались рыболовством в районах Каратерена, Куванышжармы и Жанысу.

В 1873 г. А. В. Каульбарс наблюдал казахов, ловивших рыбу на берегу Куванышжармы: «В начале августа на более сухих участках берегов Куванышжармы довольно часто встречались рыбаки со своими снастями; они ловят здесь преимущественно осетров и сазанов, продавая их за бесценок» (Шалекенов, 1966, с. 119–124).

Способы ловли рыбы у казахов и каракалпаков отличались примитивностью. Не владея более совершенными приёмами рыбной ловли, они также не умели рационально использовать все рыбные продукты. Основными способами лова являлись битьё рыбы острогой и ловля особыми плетёными из камыша приспособлениями, так называемыми «казы». Гиршфельд и Галкин писали: «Киргизы же (казахи низовьев Амударьи. - С. С.) ловили рыбу особыми, плетёнными из камыша снарядами, вроде рыболовной морды…» (Утемисов, 1977, с. 18–21).

В 1873 г., во время экспедиционных исследований низовьев Амударьи, А. В. Каульбарс был поражён мастерством каракалпакских и казахских рыбаков в битье рыбы острогой. Он писал, что вода и дно моря, озера или залива ночью освещались сильным огнём, который ослеплял рыбу. На лодке зажигали фашины (камыш), и огромное яркое пламя озаряло воду. Рыбаки, заметив рыбу, останавливали лодку и били её острогой. «Некоторое время рыбак упирал смертоносное железо в дно, а затем, подтянувшись ближе, схватил руками огромного сазана, пронизанного острогой вблизи передних пловцов. Удар был так меток и силён, что рыба почти тотчас заснула» (Бекбулатов, 1977, с. 32–36).

Помимо «остроги» и «казы» каракалпакские и казахские рыбаки изготавливали сети из хлопка и конопли, крючки, а также «шолпы» из проволоки (сачок или черпак) (Утемисов, 1977, с. 18–21).

В 1874 г. уральские казаки и приезжие русские рыбопромышленники привезли с собой сети, крючки и вентери («нареты»). Они занимались рыбной ловлей в низовьях Амударьи и её дельте. Совместно с ними ловили рыбу казахи и каракалпаки в Заире, в селении Кук, расположенном на левом берегу Улкендарьи, на островах Муйнак, Мергентау и в других местах южного побережья Аральского моря. Среди уральских казаков выделялись крупные рыбопромышленники, у которых работала беднейшая часть казахского и каракалпакского населения.

В связи с проникновением товарно-денежных отношений и развитием судоходства на Аральском море Каракалпакия постепенно втягивалась в орбиту всероссийского рынка. Русский торгово-промышленный капитал с целью освоения рыбных запасов Южного Арала приступил к строительству мелких промышленных предприятий по первичной переработке рыбной продукции. Рыбообрабатывающие предприятия принадлежали приезжим астраханским и кавказским рыбопромышленникам.

В конце XIX в. было организовано акционерное общество «Хива», в состав которого вошли крупные рыбопромышленники Лобов, Ройтман, Ванецов, Макеев, Марков, Березиницкий, Гончаров, Шапошников и др. Их холодильники (шуланы) располагались вдоль трассы морского судоходства по восточному и северному побережьям Аральского моря. В этот период Аральская флотилия курсировала от портов Раима и Казалинска до устья Амударьи вдоль восточных берегов Арала.

Во время этнографических экспедиций многие очевидцы - рыбаки из числа казахов и каракалпаков - рассказывали, что шуланы русских рыбопромышленников находились в урочище Бугунь, на островах Тайлакжеген, Карабайлы, Акпеткей, Тезбескум, Мергенатау, Орыссингир, Муйнак и Учсай, на полуострове Тербенбес, мысе Урга и в других местах Южного Арала (Шалекенов, 1966, с.119–124). Приезжие рыбопромышленники вербовали в качестве рыбаков бедняков из числа казахов и каракалпаков, проживавших вблизи рыбообрабатывающих центров - на островах, полуостровах и морском побережье.

В начале XX в. рыбным промыслом постепенно охватывается всё южное побережье Арала: в урочище Бугун имелось три промысла с численностью до 1000 рыбаков, в урочище Карачухат - десять промыслов с 200 рабочими, в Каратерене - два промысла.

Всего на южном побережье Арала насчитывалось 49 промыслов, из них 18 - на острове Муйнак. По переписи 1912 г. на острове находилось 160 русских и 340 каракалпакских и казахских семей, имевших 200 лодок и 18 ледников (Досумов, 1960, с. 27–30).

Для ловли рыбы в реках и на морском побережье применялась острога с тремя зубьями – «шанышкы». С острогой иногда рыбачили по ночам, привлекая рыбу к лодке ярким светом камышового факела, зажжённого на корме.

Зимой на озёрах рыбу ловили в прорубях с помощью орудия, называемого «илме». Оно представляло собой длинный железный прут с рукояткой и загнутым острым наконечником, который осторожно подводили под проплывающую рыбу и быстрым движением подсекали её под брюхо, после чего вытаскивали на лёд. Рыбу также ловили удочкой («кармак») с особыми крючьями для сома, усача, сазана и др.

В мелководных местах рыбу ловили при помощи «баспай» - воронкообразной сетки, сплетённой из мелких прутьев джингила. Путь рыбе преграждали «казы» - заграждения, сплетённые из толстых прутьев джингила или камыша. Края казы поворачивали воронкой против течения, оставляя в одном месте отверстие. Со стороны течения отверстие воронки окружалось круглым забором, сплетённым из камыша или джингила. Рыба проходила через отверстие, откуда её доставали острогой или вылавливали руками. Казы устанавливали в озёрах и протоках.

Несколько более сложным орудием лова являлась снасть керши (рис. 9). Она представляла собой большую треугольную или круглую раму из длинных жердей, на которой укреплялась сетка, выполненная в виде сачка. При погружении в воду сачок располагался горизонтально. Отверстие рамы переплеталось бечёвкой, при этом оставлялся широкий круглый проход. Такой сачок укрепляли у берега на дне реки или протока; при этом выше по течению устраивали небольшую плотину, возле которой образовывался водоворот - излюбленное место стоянки сомов. От керши протягивали верёвку, которую держал рыбак, находившийся на берегу. Когда рыба попадала в керши, рыбак поднимал раму с сачком и извлекал добычу (Жданко, 1972, с. 120–123).

Рыболовные сети «ау» и «жылым» являлись одними из наиболее древних и универсальных орудий лова у каракалпаков. Различия между этими сетями заключались в форме, размерах и

наименованиях отдельных деталей. Ранее их изготавливали из конопляной или хлопковой нити. С помощью «жылыма» каракалпаки ловили рыбу зимой через проруби подо льдом. Через отверстия, пробитые в разных местах недалеко от основной проруби, рыбу подгоняли к «жылыму». Когда в сети скапливалось значительное количество рыбы, жылым вытаскивали из воды.

Специфика труда рыбаков обусловливала особые формы его организации. При ловле «жылымом» рыбаки обычно объединялись в коллектив численностью 10–12 человек, участвовавших в плетении сети. В этом случае жылым являлся коллективной собственностью; иногда он принадлежал одному хозяину. Коллективным ловом руководил хозяин либо один из авторитетных рыбаков – «жылымның ханы». Руководитель получал наибольшую долю улова, т. е. здесь сохранялись элементы первобытнообщинных производственных отношений.

Основными транспортными средствами у рыбаков в летний период служили «кайык» (лодка) и «сал» (плот), а зимой – «шана» (сани). Кайыками располагали более зажиточные рыболовы, тогда как бедные пользовались примитивными плотами, управляемыми при помощи длинной палки – «таяу».

«Кайыки» были невелики по размеру. Их изготавливали из множества коротких деревянных брусьев (из местных пород - актала, каратала, торангила), соединяемых железными, деревянными или камышовыми креплениями. Поскольку каракалпакам был известен лишь прямоугольный парус, а рулевого устройства они не знали, лодками управляли при помощи вёсел.

Помимо кайыков у рыбаков имелись «сарт кайык», или «хийуалы кайык», которые изготавливались хивинскими узбеками. Эти лодки были крупными и тяжёлыми; ловля рыбы на них была затруднена, поэтому их использовали преимущественно для перевозки грузов.

Для зимней транспортировки широко применялись «шаны» различных видов – «ат шана», «огиз шана», «ешек шана», «кол шана».

Вследствие примитивности орудий лова и транспортных средств производительность труда рыбаков была весьма низкой. Так, ежегодный улов рыбы в низовьях Амударьи накануне завоевания Хивинского ханства Россией составлял около 5 тыс. пудов. Однако в эти годы Северный Хорезм, населённый каракалпаками, являлся основным поставщиком рыбы для ханства и прилегающих районов скотоводства.

В большинстве случаев бедные рыбаки занимались ловлей рыбы, объединяясь в группы; для одиночек промысел был затруднителен, поскольку требовал затрат на приобретение снастей и лодки. Зажиточные рыбаки имели исправные рыболовные орудия, лодки, сети, казы и наёмных работников, вылавливали значительное количество рыбы и продавали её в земледельческие районы либо обменивали на зерно у дехкан. Иногда бедняки также обменивали рыбу на зерно, однако подобные случаи были редки, так как из-за отсутствия транспорта они не могли часто выезжать к земледельцам.

Главными рыбными базарами, где торговали зажиточные рыболовы, являлись Кунград, Чимбай, Клыч-кала на Даукаре и Ходжейли. Кроме того, по сведениям русских исследователей, накануне присоединения края к России ежегодно зимой, пока Амударья ещё не замерзала, из дельты и с Даукары в Чарджоу отправлялось от 150 до 300 кайыков с рыбой. Перевозили преимущественно сазана, сома, суена, а также в большом количестве шипа. Зимой рыбу иногда доставляли в Бухару на верблюдах (Жданко, 1972, с. 120–123).

Заключение. Таким образом, рыбные промыслы постепенно охватывали всё побережье Аральского моря. Среди владельцев крупных рыбных промыслов был и каракалпакский купец Лепесбай Жолдасов. В начале XX в. рыбопромысловым центром Каракалпакии становится Муйнак - важный транзитный пункт по отправке амударьинской рыбы на пароходах в г. Аральск и далее в Россию.

Исследование показало, что во второй половине XIX века рыбное хозяйство Южного Приаралья играло важную роль в социально-экономической жизни региона. Местное население – каракалпаки и казахи – традиционно использовало различные методы ловли рыбы для обеспечения основного источника пропитания. Влияние русских и хорезмийских рыбопромышленников, а также развитие рыночных отношений способствовали интеграции региона в общероссийскую экономику.

Сочетание традиционных и промышленных способов рыболовства, а также использование лодок и саней для транспортировки рыбы способствовало росту производительности и расширению промысловой деятельности. Рыбное хозяйство имело не только экономическое значение, но и способствовало индустриальному развитию Южного Приаралья.

Методологическая база исследования, включающая историко-этнографический подход, архивные источники и материалы экспедиций, позволяет комплексно оценить социально-

экономические и культурные аспекты рыбного промысла региона. Полученные результаты могут служить основой для дальнейших исследований истории социально-экономического развития Южного Приаралья.

Список литературы

Бетгер Е.К. Дневники А.И.Бутакова и их судьба// Извести АН УзССР, 1953, с.88-91

Бекбулатов А.Б. Из истории географической изученности территории Каракалпакии. Нукус, издво «Каракалпакстан», 1977, с.122

Досумов Я.М. Очерки истории Каракалпакской АССР (1917-1927). Ташкент, Изд-во «ФАН», 1960, 315 с.

Народное хозяйство Каракалпакской АССР, Нукус, 1967, с 206

Хозяйство Каракалпакии в XIX -начале XX века, под ред.Жданко Т.А., Ташкент, изд-во «ФАН», 1972, с 132.

Сулайманов С.А. Орол денгизи ва Амударё сув йўллари тарихи.(XIX асрнинг 70-йиллари- XX асрнинг 80-йилларининг биринчи ярми), Тошкент, «Lesson press» 2022, 230 б.

Утемисов А. Қарақалпақстан балықшылары. Нөкис, «Қарақалпақстан» баспасы, 1977, 78 б.

Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Амударьи. К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII-XX вв. Ташкент, изд-во «ФАН», 1966, с.336

С.А. Сулайманов

Оңтүстік Арал өңіріндегі балық кәсіпшілігінің даму тарихы

Мақалада XIX ғасырдың екінші жартысында Оңтүстік Арал бойындағы балық шаруашылығының дамуы жан-жақты қарастырылады, оның жергілікті халық – қарақалпақтар мен қазақтар – шаруашылығындағы рөлі, негізгі балық аулау әдістері және балық шаруашылығының өнеркәсіп саласының қалыптасуына ықпалы зерттеледі. Зерттеу аумағы ретінде тарихи балықшылық аймақтары – Мойнақ, Тербенбес, Урга және Амударьяның төменгі ағысы – қарастырылады. Жергілікті халық – қарақалпақтар мен қазақтар – дәстүрлі түрде балық аулауды негізгі күнкөріс көзі ретінде жүргізген. Мақалада дәстүрлі балық аулау әдістері: острога, «казы», «керши», «жылым», сондай-ақ балық тасымалдауда қайықтар мен шаналардың қолданылуы талданады. Ресейлік және Хорезмдік балық кәсіпкерлерінің ықпалы, нарықтық қатынастардың қалыптасуы және аймақтың бүкілресейлік экономикаға интеграциясы қарастырылады. Зерттеу көрсеткендей, балық шаруашылығы тек шаруашылық мәнге ие болып қана қоймай, Оңтүстік Арал бойының өнеркәсіптік дамуына да маңызды үлес қосты. Зерттеу әдістемесіне тарихи-этнографиялық тәсіл, архив деректері және экспедициялық материалдар негізделген. Жұмыс аймақтың балық шаруашылығының әлеуметтік-экономикалық және мәдени аспектілерін кешенді түрде бағалауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Оңтүстік Арал өңірі, балық шаруашылығы, балық кәсіпшілігі, XIX ғасырдың екінші жартысы, дәстүрлі балық аулау әдістері, Амудариянның төменгі ағысы.

S.A. Sulaimanov

The History of the Development of the Fishing Industry in the Southern Aral Sea Region

The article details the development of fishing in the Southern Aral Sea region in the second half of the 19th century, its role in the economy of the local population - Karakalpaks and Kazakhs, as well as the main methods of fishing and the importance of fishing in the formation of the industrial sector. The study area is the historical fishing areas of Muynak, Terbenbes, Urga, and the lower reaches of the Amu Darya. The local population - Karakalpaks and Kazakhs - traditionally engaged in fishing as the main source of livelihood. The article analyzes traditional fishing methods: ostrogha, “kazy,” “kershi,” “zhylym,” as well as the use of boats and sleds for transportation. It examines the influence of Russian and Khorezmian fishermen, the formation of market relations, and the region’s integration into the general Russian economy. The research shows that fishing was not only of economic importance but also contributed to the industrial development of the Southern Aral Sea region. The methodological base includes historical and ethnographic approaches, archival sources, and expedition materials. The work allows for a comprehensive assessment of the socio-economic and cultural aspects of the region’s fishing industry.

Key words: Southern Aral Sea Region, fishing, fishery, second half of the nineteenth century, traditional fishing methods, lower reaches of the Amu Darya.

Ұ.Ү. Үмітқалиев, О.Т. Утенов, К.А. Жумадилова
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Астана, Қазақстан
umitkalievulan78@gmail.com

Еуразия кеңістігіндегі Түркі халықтарының космогониялық түсініктеріндегі табиғат мінәжаты және о дүние концептісі

Зерттеу Еуразия кеңістігін мекендеген көшпелі халықтардың, соның ішінде сақ және көне түркі дәуіріндегі дүниетанымдық жүйесін талдауға арналған. Жұмыстың өзектілігі табиғатпен етене байланыста қалыптасқан көшпелілердің космогониялық сенімдері мен о дүниелік концептілерінің ғылыми маңызымен айқындалады. Зерттеудің хронологиялық шеңбері қола дәуірінен бастап түркі кезеңіне дейінгі аралықты қамтиды. Зерттеудің негізгі мақсаты – жерлеу ғұрыптары мен астралдық культтер (Күн, Ай, От) арқылы көшпелілердің ғаламды трихотомиялық құрылымда қабылдау ерекшеліктерін ашу. Жұмыста археологиялық-типологиялық талдау, салыстырмалы-тарихи және этнографиялық интерпретация әдістері қолданылды. Негізгі нәтижелер бойынша, сақ және түркі дәуіріндегі жерлеу рәсімдері өлімді аяқталу деп емес, табиғаттың маусымдық циклдеріне сай келетін жаңғыру үдерісі деп тануға негізделгені анықталды. «Алтын адам» киіміндегі символика ғаламның иерархиялық құрылымын паш ететін «кішірейтілген модель» ретінде бағаланды. Қорытындылай келе, көшпелілердің рухани болмысындағы табиғат пен адамның тұтастығы – ғасырлар бойы сабақтастықпен сақталған өркениеттік кодтың негізі болып табылады.

Түйін сөздер: табиғат мінәжаты, космогония, «Алтын адам», жерлеу ғұрпы, түркі дүниетанымы, о дүние концептісі.

Еуразия даласын мекендеген көшпелі тайпалардың рухани мәдениеті ғасырлар бойы табиғатпен етене байланыста қалыптасты. Көшпелі қоғамның космогониялық түсінігінде уақыт тек сызықтық процесс емес, табиғаттың маусымдық өзгерістеріне негізделген циклдік айналым ретінде танылды. Бұл дүниетаным адамның жер бетіндегі тіршілігін ғарыштық тәртіппен ұштастырып, өлімді аяқталу емес, жаңа жаңғыруға бастайтын өтпелі кезең ретінде қабылдауға мүмкіндік берді. Сақ дәуірінен бастау алып, түркілік дәстүрде кемелденген бұл сенім жүйесі археологиялық ескерткіштерде, әсіресе Есік қорғанынан табылған «Алтын адам» секілді бірегей жәдігерлерде айқын көрініс тапқан. Киім үлгісіндегі әшекейлердің орналасу реті, қорғандардың бағытталуы және жерлеу ғұрыптарындағы рәсімдер – ежелгі тұрғындардың әлемді үш сатылы (жоғарғы, орта, төменгі) жүйеде қабылдағанының дәлелі. Мақаланың мақсаты – сақ және көне түркі дәуіріндегі жерлеу рәсімдері мен табиғат құбылыстарына (Күн, Ай, От) табыну культін талдай отырып, көшпелілердің о дүниеге деген концептісін ғылыми тұрғыдан ашу.

Бұл зерттеу жұмысында пәнаралық (интердисциплинарлық) тәсілдер кешені қолданылды: Есік обасы мен Еуразия кеңістігіндегі қорғандардан табылған материалдық деректерге («Алтын адамның» реконструкциясы, жерлеу инвентары) археологиялық-типологиялық талдау жасалды. Бұл деректер көшпелілердің әлеуметтік статусы мен космогониялық ұғымдары арасындағы байланысты анықтауға мүмкіндік берді. Сақ дәуіріндегі жерлеу ғұрыптары мен кейінгі түркі кезеңінің наным-сенімдері (Орхон жазбалары) арасындағы тарихи сабақтастық зерттелді. Сонымен қатар, О. Сүлейменовтің «Аз и Я» (Сүлейменов 1992) еңбегіндегі архетиптік модельдер (саршұнақ метафорасы) негізінде сақтар мен көне түркілердің о дүниелік концептісіндегі ұқсастықтар салыстырылды. Ш. Уалихановтың (Уалиханов 1985), М. Қашқаридің (Қашқари 1993) және А. Толеубаевтың (Төлеубаев 2012) еңбектеріне сүйене отырып, күнге, айға және отқа табынудың қазіргі күнге дейін сақталған сарқыншақтары талданды. Бұл әдіс көшпелілердің мифологиялық түсініктерінің символикалық мағынасын ашуға көмектесті. Зерттеу нысаны болып табылатын этно-мәдени құбылыстарды (жерлеу салты, табиғатқа мінәжат ету) логикалық жүйелеу және олардың ғаламдық космологиядағы орнын анықтау мақсатында қолданылды.

Еуразия кеңістігін бойлай өмір сүрген түркі халықтарының космогониялық түсінігінде уақыт сызықтық емес, шеңбер тәрізді болған. Табиғаттағы судың буға айналуы, және ол будың қайта жаңбыр болып жаууы. Немесе Күннің батып, қайта шығуы о дүние жөніндегі концептіге негіз болды. Шеңбердің тұйықталуы қайта өмірге басынан келумен түсіндірілді. Осы тұрғыда ежелгі түркілер өлімді жаратылыстың іс-әрекеттерімен байланыстырды. О. Сүлейменовтың «Аз и Я» еңбегінде (Сүлейменов 1992) саршұнақ қыста бүктетіліп ұйықтап, көктем келгенде қысқы ұйқыдан аман шығатынын адамның о дүниеге өтуі мен қайта оянуы жүзеге асады деген түсінікке алып келеді

деген дерек келтіреді. «Өсімдіктер мен хайуанаттардың (әсіресе олардың ішіндегі жер қазатын түрлері) өмір мен өлім жолын бағамдаудан түйген бұл тәжірибе өте маңызды әдет-ғұрыпқа негіз болады: осыдан бастап «ұйықтаған» адамды «ініне» саршұнаққа ұқсатып жатқызып, үстіне дән немесе күздің көркіне ұқсас жоса сеуіп тастайды. Бір кезде оның да көктемі туады, сонда тірі күйінде інінен шығады деп үміттенген» (Сүлейменов 1992: 260). О. Сүлейменов анықтаған саршұнақ метафорасы археологиялық және этнографиялық деректермен дәлелденіп, түркі халқының көнеден табиғаттың маусымдық тыныштығымен өлімді циклдік тұрғыда түсіндіреді. Ал марқұмды бүктеп, ана құрсағындағы эмбриондық қалыпта жерлеуі және тоқсары жоса (охра) себуі жерлеу ғұрпының терең мағынасын көрсетеді. Бұл ғұрпты біз археологиялық деректер негізінде сонау сақ дәуірінен көре аламыз. О.Сүлейменов еңбектерінде сақ деректерін Шумер патшасымен салыстыра келе екі мың жылдық үзіліске қарамастан, рәсімдік формасы бұзылмай сақталған үлкен өркениеттердің сабақтастығы деп баға береді. Жерлеу ғұрыптарына келер болсақ, жерлеу барысында сақ патшасының киіміндегі Аспан әлемімен байланыс айқын көрініс табады. Және Есік обасынан табылған «Алтын адам» осы идеяның дамыған сатысы. Оның киіміндегі төрт мыңнан аса алтын бастырма «сол қорғандағы жұлдыздар» іспеттес. Түркілерде бұл киімдер тірі кезінде емес, о дүниеге аттанарда, яғни «мәңгілік түнге» аттану үшін арнайы жасалатын болған деп тұжырым келтіреді. «Шумерлік идея бойынша, алтын моншақ – бататын күн іспеттес патша денесіндегі жұлдыздар. Алтай мен Есіктен табылған алтын оқалы камзол – осы идеяның даму сатысының жоғарғы шегі» (Сүлейменов 1992: 268-269).

Көшпелілердің рухани және әлеуметтік тарихының кілті ретінде суреттейтін Есік обасы жай ғана археологиялық ескерткіш емес, «ұйқыдағы жауынгер» ретінде қайтыс болған адамды жерлеу, оны табиғаттың киелі элементтерімен байланыстыру арқылы өмірдің мәңгілік екеніне сенім білдіру. К. Ақышевтың «Ертедегі ескерткіштер елесі» (Ақышев 1976) еңбегінде Есік қорғанынан табылған «Алтын адамның» археологиялық реконструкциясы және жерлеу салты туралы жан-жақты талдау жасалған. Өлімнен кейінгі өмірге жерлеу салтын негізге ала отырып о дүниеге аттануға космогониялық сенімдері көрініс тапқан. Ал табиғатқа мінәжат етіп, табиғатпен үндесе өмір сүргенін ыдыстардың ішіне тағам қойып, қару-жарақтың жауынгерлік дәрежеге сай орналасуы о дүниеде де «әлеуметтік статусын» сақтап қалу ниетімен жасалған деген тұжырымға келеміз. Сән-салтанатпен жерлеу тек сән емес, киелілік пен күш-қуаттың символы. Ол туралы: «Енді Есік сақтарының салтанатты киіну салтына келейік. Неге салтанатты деп аталған дейсіз ғой? Себебі мұндай кімді күнделікті киіп жүру көп шығынды талап етеді және өте ыңғайсыз, ал өлгенде арнайы кигізетін киімнің күні бұрын дайындалып қоюы шындыққа жанасымсыз» (Ақышев 1976: 17). Яғни киім үлгісі эстетикалық және әлеуметтік мағынада көрініс тапты. Жерлеу ғұрыптарынан о дүниелік концептісі «өлім-бұл ұйқы» немесе «келесі өмірге дайындық» деген тұжырымға келсек, сол жерлеу барысындағы киім кию үлгісінен Әлемнің кішірейтілген моделін көреміз. Алтын адам киімі әлемнің иерархиялық құрылымын бейнелейтін символ. Шошақ төбелі бас киімі тау шыңы мен аспанның (Тәңірдің) символы. Құстар мен арқарлар жоғарғы әлемнің белгісі. Ал орта әлем камзол, белбеу және шалбардағы аң стильдегі әшекейлер Жер бетіндегі өмірді, табиғаттың қозғалысын көрсетеді. Ал төменгі әлемді етіктің ұлтаны мен шалбардың балағындағы өрнектер көрсетеді. Жер астымен байланыс пен адамдардың жерге деген құрметін көрсетеді. Бұл жерден үш сатылы әлем ұғымын көреміз.

Ежелгі түркілердің дүниетанымдық жүйесіндегі бұл циклдік уақыт пен табиғатты кие тұту концепциясы Орхон руникалық жазбаларындағы мифологиялық пантеонмен де өзара үндестік табады. Көне түркілердің «Тәңір», «Ұмай» және «Ыдық Жер-Су» деп аталатын үштік пантеоны олардың ғаламды трихотомиялық (үш деңгейлі) құрылымда қабылдағанын айғақтайды. К. Кляшторныйдың зерттеулеріне сәйкес, бұл дүниетаным жоғарғы палеолит дәуірінен бастау алатын архаикалық нанымдардың трансформацияланған түрі болып табылады (Кляшторный 2006: 310). Бұл жүйеде Тәңір – ғаламның жоғарғы реттеушісі әрі адам тағдырының иесі болса, Ұмай – өмірдің бастауы, ал Ерлік – өлім мен ажалдың иесі ретінде бейнеленеді. Есік обасынан табылған «Алтын адамның» киіміндегі аспан әлемі (бас киімдегі құстар мен таутекелер), жер үсті әлемі (камзолдағы аң стиліндегі әшекейлер) және жер асты әлемімен байланыстырылатын төменгі бөліктер (етік пен балақ әшекейлері) – осы трихотомиялық космогонияның материалдық көрінісі іспетті. Демек, марқұмды «ініне» оралған саршұнақ кейпінде жерлеу және оны алтын ғаламшарлармен («жұлдыздармен») безендіру – тек дәстүрлі ғұрып емес, адамның тірі кезіндегі әлеуметтік мәртебесін мәңгілік әлемнің ішкі құрылымына енгізуге бағытталған терең космогониялық сенімнің бірден-бір дәлелі.

Еуразия кеңістігін мекендеген түркі халықтарының дүниетанымында табиғат құбылыстары мен ғаламдық циклдер адам тағдырымен тұтастай бірігіп кеткен киелі жүйені құрайды. Бұл ретте қола дәуірінен бастау алған Күнге мінәжат ету рәсімі мен дөңгелек қоршаулы обалар, қабірханалардың шығысқа қаратылуы көшпелілердің Күнді тіршіліктің қайнар көзі әрі рухани бағдар деп танығанын айғақтаса, отқа табыну салты оның тазалаушылық және аластаушылық қасиетіне негізделген (Төлеубаев 2012:21–28). Осыған орай Ш. Уалиханов: «От әулие киелі болып саналады... Ошақтағы отты басуға немесе түкіруге болмайды деген. Қарғыс ұрады...» деп атап өткендей, отқа деген құрмет адамның рухани тазалығы мен денсаулығын сақтау мақсатындағы қасиетті жоралғы ретінде қабылданды (Уалиханов 1985:154). Бұл сенім жүйесі Орхон жазбаларындағы Тәңір, Ұмай және Ыдық Жер-Су сынды трихотомиялық пантеонмен толыға түсіп, ғаламның үш сатылы космогониялық құрылымын қалыптастырды (Кляшторный 2006:310). Осы сенім жүйесіндегі өлім ұғымы – аяқталу емес, табиғаттағы судың булануы немесе Күннің батып-шығуы секілді мәңгілік айналымның бір кезеңі ғана. Сондықтан Есік обасынан табылған «Алтын адамның» жерлеу рәсіміндегі «саршұнақ метафорасы» (Сүлейменов 1992:268) мен киімдегі жұлдызды-аспандық символика маркұмды «мәңгілік ұйқыға» немесе «жаңа көктемге» салтанатты түрде аттандырудың, яғни адамды ғаламның иерархиялық құрылымына (аспан, жер және жер асты әлемі) рухани тұрғыдан кіріктірудің айқын көрінісі болып табылады.

Осы космогониялық жүйедегі адам мен табиғаттың үндестігін толықтыра түсетін тағы бір маңызды дерек – Ай культінің дүниетанымдық рөлі. Ежелгі көшпелілер үшін Ай жай ғана аспан денесі емес, өмір мен өлімнің, кемелдену мен тозудың айнасы болған. Айдың 28 күндік айналымын адам өмірінің кезеңдерімен теңестіру, оның туу және жойылу процестерін тіршілік циклімен астастыру – түркілердің уақытты сызықтық емес, шеңберлік сипатта қабылдағанын көрсетеді. Бұл ретте М. Қашқаридің «Толған айды қолмен ымдама» деген нақылы (Қашқари 1993:37) және Ш. Уалиханов тіркеген «Айдағы кемпір» туралы мифологиялық сенім (Уалиханов 1985:180) Айдың киелілігін шектейтін тыйымдардың рухани қорғаныс қызметін атқарғанын дәлелдейді. Аспан әлеміндегі осы астралдық нысандар – Күн мен Ай – жердегі жерлеу рәсімдерінің мағыналық бағдары болды. Егер Күн – жаратылыстың бастауы мен жарық дүниенің символы болса, Ай – өтпелі кезеңнің, о дүниеге аттанудағы қараңғылық пен жарықтың арасындағы дәнекер күш ретінде көрінді. Осылайша, көшпелілердің жерлеу салтындағы космостық элементтерді пайдалануы (қорғандардың бағыты, алтын әшекейлердің орналасуы) адамның жеке тағдырын аспан әлемінің шексіз қозғалысымен байланыстырып, өлімді ғаламдық жүйедегі табиғи өзгеріс деп қабылдауға мүмкіндік берді.

Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, Еуразия көшпелілерінің дүниетанымындағы о дүние концептісі – өлімді аяқталу деп емес, табиғаттың маусымдық ырғағымен сәйкес келетін циклдік үдеріс деп тануға негізделген. Есік қорғанынан табылған «Алтын адам» – тек жоғары әлеуметтік мәртебенің белгісі емес, ол көшпелілердің ғаламдық космологиялық жүйесін (Тәңір, Ұмай, Ыдық Жер-Су) өз киімінде толық бейнелеген «ғарыштық адамның» символы. Осылайша, көшпелілер үшін жерлеу – жай ғана ұрып емес, адамды табиғаттың киелі элементтерімен қайта қауыштыру және оны ғаламның шексіз қозғалысына енгізу әрекеті. Бұл дүниетанымдық жүйе түркі халықтарының өзіндік өркениетін, олардың табиғатпен етене байланысын және өлімге деген философиялық, парасатты көзқарасын айқын танытады.

Әдебиеттер тізімі

Ақышев К. Ертедегі ескерткіштер елесі. Алматы: «Қазақстан» баспасы, 1976. 197 б.

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. Санкт-Петербург: Изд-во «Наука». 2006. 591 с.

Қашқари М. Түбі бір түркі тілі («Диуани луғат ит – турк»). Алматы: «Ана тілі» баспасы. 1993. 192 б.

Сүлейменов О. Аз и Я Ізгі ниетті оқырман кітабы. Алматы: «Атамекен» баспасы, 1992. 296 б.

Төлеубаев Ә. Қазақ халқының табиғат мінажаты және емдеу магиясы. Алматы: «Қазақ мәдениетінің шығу тарихы» баспасы. 1-том. 2012. 182 б.

Уалиханов Ш. Таңдамалы. Алматы: «Жазушы» баспасы. 5-том. 1985. 560 б.

U.U. Umitkaliyev, O.T. Utenov, K.A. Zhumadilova

Nature Worship and the Concept of the Afterlife in the Cosmogonic Worldview of the Turkic Peoples of Eurasia

This study is dedicated to the analysis of the worldview system of the nomadic peoples of Eurasia, including the Saka and ancient Turkic periods. The relevance of the work is determined by the scientific significance of the cosmogonic beliefs and concepts of the afterlife of nomads, which were inextricably linked with nature. The chronological scope of the research covers the period from the Bronze Age to the Turkic era. The main purpose of the study is to reveal the features of the perception of the world within a trichotomous structure through funeral rites and astral cults (Sun, Moon, Fire). The study employs archaeological-typological, comparative-historical, and ethnographic methods. The main results indicate that the funeral rituals of the Saka and Turkic periods were based on the perception of death not as an end, but as a process of rebirth in harmony with the seasonal cycles of nature. The symbolism in the attire of the "Golden Man" is interpreted as a "miniature model" of the hierarchical structure of the universe. In conclusion, it is emphasized that the unity of man and nature in the spiritual consciousness of nomads is the foundation of a civilizational code that has been preserved for centuries.

Key words: nature worship, cosmogony, "Golden Man", funeral rite, Turkic worldview, concept of the afterlife.

У.У. Умиткалиев, О.Т. Утенов, К.А. Жумадилова

Поклонение силам природы и концепция загробной жизни в космогонических представлениях тюркских народов Евразии

Данное исследование посвящено анализу мировоззренческой системы кочевых народов Евразии, включая сакский и древнетюркский периоды. Актуальность работы определяется научной значимостью космогонических представлений и концепций загробной жизни кочевников, неразрывно связанных с природой. Хронологические рамки исследования охватывают период от эпохи бронзы до тюркской эпохи. Основная цель работы – раскрыть особенности восприятия мира в трихотомической структуре через погребальные обряды и астральные культы (Солнце, Луна, Огонь). В исследовании использованы археолого-типологический, сравнительно-исторический и этнографический методы. Основные результаты показывают, что погребальные ритуалы сакского и тюркского периодов основаны не на восприятии смерти как финала, а как процесса возрождения, созвучного сезонным циклам природы. Символика в одежде «Золотого человека» интерпретируется как «уменьшенная модель» иерархической структуры мироздания. В заключение подчеркивается, что единство человека и природы в духовном сознании кочевников является основой цивилизационного кода, сохранявшегося на протяжении веков.

Ключевые слова: культ природы, космогония, «Золотой человек», погребальный обряд, тюркское мировоззрение, концепция загробной жизни.

Г.Т. Токтогулова
Б. Осмонов атындағы Жалал-Абад мемлекеттік университеті
Манас, Қырғызстан
toktogulova.72@mail.ru

Историческая ответственность: А. Орозбеков и экзистенциальный анализ кыргызской государственности

В эпоху современных глобальных трансформаций переосмысление исторической ответственности личностей, заложивших фундамент государственности, имеет решающее значение для укрепления национальной идентичности и философских основ суверенитета. Экзистенциальная сущность государственности рассматривается как вопрос «бытия или небытия» нации на исторической арене, представляя собой высшую форму стремления народа к самоопределению и самосохранению.

В личности А. Орозбекова историческая ответственность отражена как моральная стойкость в принятии стратегических решений ради национального единства, сопряженная с принесением в жертву личного благополучия. Этот выбор отчетливо проявляется в период уточнения границ и укрепления статуса кыргызской автономии в 1924–1927 годах, а также в усилиях по защите национальной интеллигенции в условиях идеологического давления.

В данном исследовании историческая ответственность трактуется как внутренняя морально-этическая обязанность личности перед будущим своего народа, стоящая выше политического долга. Субъектность кыргызской государственности была сохранена благодаря гибкой, но принципиальной позиции руководителей во главе с А. Орозбековым в вопросах внутренней культуры, территории и кадров, вопреки жестким рамкам централизованной власти.

Стиль его управления соответствовал традиционным кыргызским концепциям «народного курултая» и «мудрого правителя», основываясь на принципах сдержанности, справедливости и коллегиальности. В отличие от традиционных методов, ограничивающихся хронологическим описанием фактов, экзистенциальный анализ позволяет исследовать человеческую судьбу, внутренние мотивы и саму суть выбора, стоящего за историческими событиями.

Трагическая гибель А. Орозбекова в результате репрессий олицетворяет тяжелые жертвы на пути государственного строительства, в то время как сохранение заложенных им административных основ символизирует устойчивость идеи государственности.

Наследие Орозбекова сегодня служит эталоном приоритета государственных интересов над личными и является доказательством исторической преемственности суверенитета. Государственность в контексте данной работы определяется не просто как политический институт, а как процесс реализации воли исторически ответственных личностей в целях самосохранения и развития бытия нации.

Ключевые слова: А. Орозбеков, кыргызская государственность, историческая ответственность, экзистенциализм, национальная судьба, советская эпоха.

Введение. Для независимого кыргызского народа, живущего в условиях глобализации, этот день настал не так просто. В стремлении подарить этот день будущему поколению ряд политических деятелей не жалели ни крови, ни жизни. Их колоссальные усилия дали нам, нынешнему поколению, онтологический статус государственности.

Государственность - это не просто политический аппарат, она рассматривается как основная онтологическая форма «бытия» и самореализации нации в историческом пространстве. Известно, что она оценивается как объективная реальность, защищающая суть нации и гарантирующая ее будущее.

Поэтому наши предки, заложившие фундамент независимости, в свое время взяли на себя историческую ответственность. Результат таких усилий породил контекст «личность-общество». В частности, историческая ответственность – это сознательное принятие личностью общественных и исторических последствий своих действий и объединение личной судьбы с судьбой народа в единое целое. В этом контексте роль А. Орозбекова является высоким примером служения личной воли общенациональным интересам (Самиева, 2019, с.82-85).

Известно, что для кыргызского общества начала XX века были характерны проявления «экзистенциального кризиса». Этот кризис характеризовался угрозой потери самостоятельности или полного исчезновения кыргызской нации (пограничная ситуация) в условиях краха старой политической системы и нового идеологического давления. Очевидно, что вопрос «бытия или

небытия» представлял собой экзистенциальный вызов, который мог быть решен только путем восстановления государственности.

В этой исторической пограничной ситуации политическая воля и государственная деятельность Абдыкадыра Орозбекова сыграли решающую роль в закладке субъективного фундамента кыргызской государственности. В своих трудах историки Н.У. Курбанова и Г.К. Алыкулова подробно обосновали, что действия политической элиты во главе с А. Орозбековым были направлены на обеспечение экзистенциальной безопасности через восстановление политического суверенитета нации (Курбанова, 2019, с.80-83). Этапы формирования кыргызской государственности также были отражены в исследованиях Е.Г. Гарбузаровой (Гарбузарова, 2017, с.14-17).

Политический образ А. Орозбекова имеет огромное значение в архитектуре кыргызской государственности, что отмечается в ряде научных исследований. Образ А. Орозбекова в исследовании автора выступает как первая фундаментальная опора, обеспечившая морально-этический стержень и устойчивость кыргызской государственности. Для нас крайне важны сведения, в которых он оценивается как «архитектор-созидатель» (Дятленко, 2010) в архитектуре государства, сочетавший в себе народную мудрость и политическую ответственность.

Материалы и методы исследования. При подготовке научной статьи был выбран экзистенциально-онтологический подход. Данный метод позволяет рассматривать государственность не просто как политическую структуру, а как основную форму «бытия» и выживания кыргызской нации в историческом пространстве. Он открывает путь к глубокому анализу становления государства как экзистенциального проявления национального духа и воли.

Метод историко-философской реконструкции помог раскрыть роль личности, а именно Абдыкадыра Орозбекова. Этот метод восстанавливает политические шаги А. Орозбекова не как сухую информацию, а как осознанный «акт воли», отражающий их суть и ответы на вызовы эпохи. Через реконструкцию выявляются субъективный вклад и стратегическая роль личности в изменении хода исторических событий.

Герменевтический анализ помогает понять не только информацию в текстах архивных документов, но и скрытые за ними настроения эпохи, внутреннюю позицию Орозбекова и политические подтексты. Этот метод глубоко раскрывает смысловое содержание исторических источников в контексте «пограничных ситуаций» того времени.

Системный и структурно-функциональный анализ научно обосновывает то, как кыргызская государственность функционировала в качестве самостоятельной политико-административной единицы внутри советской системы управления, и ее институциональное укрепление. Через функциональную деятельность государственного аппарата под руководством Орозбекова доказывается становление кыргызской автономии как политического субъекта.

Значение персоналистского подхода в изучении исторической ответственности заключается в том, что, ставя в центр истории человека и его моральный выбор, он оценивает личную ответственность А. Орозбекова как решающий фактор национальной судьбы. Этот метод создает условия для исследования исторической ответственности не как административной обязанности, а как внутреннего этического долга личности перед будущим своего народа.

Обсуждение и выводы. Моральная автономия и идеологическое давление: в деятельности А. Орозбекова это противоречие разрешалось через сохранение «политической гибкости» и «внутренней моральной целостности». Несмотря на то, что он был вынужден работать в жестких рамках советской системы, в решающие стратегические моменты у него хватало воли ставить национальные интересы выше идеологических догм.

Историк С. Токтогонов в своих трудах, посвященных «Становлению социалистической культуры в Киргизстане», анализирует судьбу политической элиты 20-30-х годов XX века. В них описывается образ Абдыкадыра Орозбекова как «народного руководителя» и его сложные взаимоотношения с советской центральной властью. Политическая гибкость Орозбекова представлена как тактический шаг, в то время как его внутренняя целостность проявляется через неразрывную связь с простым народом и стремление защитить национальный суверенитет (Токтогонов, 1966).

Стиль управления А. Орозбекова как гаранта экзистенциальной безопасности, благодаря своей взвешенности, справедливости и опоре на народное доверие, способствовал снижению социальной напряженности в обществе. Отмечается, что эта внутренняя стабильность стала гарантией сохранения формирующейся кыргызской государственности на онтологическом уровне и её способности противостоять внешним политическим штормам (Чернов, 2010).

Феномен исторической ответственности на примере Орозбекова рассматривается как сознательный обмен личной безопасности, благополучия и, в конечном итоге, собственной жизни на возможность выживания нации как государства. Такое экзистенциальное самопожертвование является реализацией высшего морального долга личности перед историей. Административно-территориальные основы, заложенные А. Орозбековым, и модель доверия между властью и народом считаются историческим фундаментом государственной целостности сегодняшнего суверенного Кыргызстана. Его принципы государственного строительства продолжают обеспечивать легитимность и историческую преемственность современной политической архитектуры.

Известно, что А. Орозбеков был глубоко обеспокоен трагедией судьбы нации той эпохи. С точки зрения экзистенциального анализа, репрессия Орозбекова - это не просто смерть отдельного человека, это символ временного прерывания интеллектуальной и политической субъектности кыргызской государственности на пути её самостоятельного развития. Эта трагедия осталась глубокой раной в национальном сознании, свидетельствуя о самой тяжелой цене, уплаченной за государственность. Согласно мнению ученых, подчеркивается, что «А. Орозбеков сыграл огромную роль в принятии первой Конституции кыргызского государства» (Бекмурзаева, 2013, с. 215-216), будучи движущей силой истории.

Теперь остановимся на новых смысловых пластах исторической ответственности. В результате исследования было выявлено, что это понятие является не просто служебной функцией, а онтологическим ответом личности на вызовы своей эпохи. Ответственность здесь интерпретируется по-новому – как экзистенциальная миссия и моральный императив, определяющий судьбу будущих поколений, а А. Орозбеков выделяется как эталон такой ответственности (Бекмурзаева, 2011, с. 219-220).

Если остановиться на философии кыргызской государственности, то это понятие можно определить как философское единство сохранения национальных ценностей, справедливого управления и восприятия государства как инструмента реализации воли народа. Исторической истиной является то, что деятельность Орозбекова составляет практический и этический стержень этой философии (Бекмурзаева, 2011, с. 219-220).

Каждый гражданин Кыргызстана должен знать, что наследие, оставленное А. Орозбековым, является для современных государственных управленцев образцом стратегического терпения, справедливости и приоритета государственных интересов над личными амбициями. Его опыт дает бесценные уроки по укреплению внутреннего единства и мудрому противостоянию внешнему политическому давлению. В связи с этим хотелось бы отметить необходимость внедрения основ «орозбековедения» на всех уровнях - от детских садов до высших инстанций.

Будущие исследования в научной среде предполагают создание новых платформ для более глубокого изучения «личностной истории» кыргызской государственности и экзистенциальной психологии политического лидерства, а также всестороннего концептуального анализа темы А. Орозбекова и др. Кроме того, мы полагаем, что это даст направление системному изучению морально-философских портретов кыргызских государственных деятелей советской эпохи.

Кроме того, мы полагаем, что это даст направление системному изучению морально-философских портретов кыргызских государственных деятелей советской эпохи. Данный подход позволяет рассматривать историю не как механическую смену политических режимов, а как живой процесс воплощения национального духа через конкретные человеческие судьбы. В этой связи, экзистенциальное измерение лидерства А. Орозбекова служит отправной точкой для деконструкции советского политического наследия и выявления в нем подлинно национальных смыслов.

Важно осознать, что государственность в представлении таких личностей была не просто административной единицей, а высшей ценностью, требующей безусловного служения и этической чистоты. Исследование их внутреннего мира и мотивов принятия решений в условиях идеологического прессинга обогащает современную политическую философию новыми категориями стойкости и ответственности. Такой анализ помогает преодолеть «историческую амнезию» и восстановить преемственность между поколениями созидателей кыргызского государства.

Предложенная нами концепция «философии государственности» может стать методологической базой для воспитания будущих политических лидеров, ориентированных на интересы народа. В дальнейшем необходимо расширить географию и хронологию подобных изысканий, охватывая деятельность соратников Орозбекова, внесших вклад в развитие интеллектуального суверенитета нации.

Это позволит сформировать целостную картину интеллектуальной истории Кыргызстана, в которой гармонично сочетаются традиции предков и вызовы современности. Таким образом,

обращение к персоналистским аспектам политики становится необходимым условием для укрепления идеологической безопасности и культурного суверенитета страны.

В конечном счете, историческая ответственность А. Орозбекова должна интерпретироваться как вечный моральный ориентир, напоминающий о том, что истинная сила государства кроется в его этических основаниях.

Заключение. Основным философским выводом исследования является положение о том, что государственность - это не просто политический институт, а бытие самосохранения и развития нации, реализованное через волю исторически ответственных личностей. Данное исследование доказывает, что деятельность А. Орозбекова составляет онтологический фундамент кыргызской государственности.

В рамках исследования особое внимание уделено концепции «исторической ответственности», которая нашла свое подтверждение в стратегических решениях А. Орозбекова, принятых ради укрепления статуса государства и национального единства ценой личного благополучия. Ответственность здесь обоснована как внутренний морально-этический долг личности перед будущим своего народа, стоящий выше политических обязательств.

Научные методы, использованные для раскрытия политической деятельности А. Орозбекова, позволили представить исторические события не как сухую цепочку фактов, а через судьбу живой личности, её внутренний выбор и мотивы в «пограничных ситуациях». В результате репрессии в отношении А. Орозбекова приобрели новое научное значение - не как личная трагедия, а как экзистенциальная цена, уплаченная за сохранение субъектности государственности.

Говоря об экзистенциальном значении наследия А. Орозбекова для современности, следует отметить, что оно служит моральным эталоном приоритета государственных интересов над личными и доказательством исторической преемственности для сегодняшнего суверенного Кыргызстана. В условиях современной глобализации его наследие является философским ориентиром для сохранения национальной идентичности и осознания государственной ответственности.

Данное исследование открывает путь к дальнейшему углублению «личностной истории» кыргызской государственности и экзистенциальной психологии политического лидерства. В будущем актуальными направлениями станут системное изучение морально-философских портретов других государственных деятелей советской эпохи и дальнейшее развитие концепции «Философии кыргызской государственности».

Список литературы

Бекмурзаева Г.К. Абдыкадыр Орозбековдун кыргыз мамлекетинин алгачкы Конституциясын кабыл алуудагы ролу // Наука и новые технологии №2, 2013г.

Бекмурзаева Г.К. Кыргыз мамлекеттүүлүгүнүн тарыхына саресеп // Известия вузов Кыргызстана, № 6, 2011.

Гарбузарова Е.Г. Великий Октябрь и становление кыргызской государственности// Историческая и социально-образовательная мысль. Том 9 №5/2, 2017.

Дятленко П.И. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане: 1954-1999гг., Бишкек.-2010-ж. 254б.

Курбанова Н.У., Алыкулова Г.К., XX кылымдын башындагы Кыргызстандын билим берүү саясаты жана анын ишке ашырылышы // Известия вузов Кыргызстана, № 9, 2019.

Самиева Ж.Д. Абдыкадыр Орозбековдун саясий портретине штрихтер // Известия вузов Кыргызстана, № 10, 2019.

Токтогонов С.А. Борьба Компартии Киргизии за становление и развитие социалистической культуры киргизского народа (1918–1959 гг.). -Фрунзе, 1966.

Чернов Ф.М. Исторические и социально-политические аспекты становления и развития радио и телевидения в Кыргызстане: 1927-2008гг., Бишкек, 2010.-154-б.

Г.Т. Токтогулова

Тарихи жауапкершілік: Ә. Орозбеков және қырғыз мемлекеттілігінің экзистенциалдық талдауы

Заманауи жаһандық трансформациялар дәуірінде мемлекеттіліктің негізін қалаған тұлғалардың тарихи жауапкершілігін қайта пайымдау ұлттық бірегейлікті нығайту және егемендіктің философиялық негіздері үшін шешуші маңызға ие. Мемлекеттіліктің экзистенциалдық мәні ұлттың тарихи аренадағы

«болу немесе болмау» мәселесі ретінде қарастырылып, халықтың өзін-өзі айқындауға және сақтауға деген ұмтылысының жоғары нысанын білдіреді.

Ә. Орозбековтің тұлғасында тарихи жауапкершілік ұлттық бірлік жолындағы стратегиялық шешімдерді қабылдаудағы моральдық төзімділік және жеке басының амандығын құрбан ету ретінде көрініс табады. Бұл таңдау 1924–1927 жылдардағы қырғыз автономиясының шекарасын нақтылау мен мәртебесін нығайту кезеңінде, сондай-ақ идеологиялық қысым жағдайында ұлттық интеллигенцияны қорғауға бағытталған күш-жігерінде айқын байқалады.

Осы зерттеуде тарихи жауапкершілік тұлғаның өз халқының болашағы алдындағы саяси борыштан жоғары тұратын ішкі моральдық-этикалық міндеті ретінде түсіндіріледі. Қырғыз мемлекеттілігінің субъектілігі Ә. Орозбеков бастаған басшылардың орталықтандырылған биліктің қатаң шеңберіне қарамастан, ішкі мәдениет, аумақ және кадр мәселелеріндегі икемді, бірақ ұстанымды позициясының арқасында сақталды.

Оның басқару стилі ұстамдылық, әділдік пен алқалылық принциптеріне негізделіп, «халықтық құрылтай» мен «дана билеуші» туралы дәстүрлі қырғыз тұжырымдамаларына сәйкес келді. Фактілерді хронологиялық сипаттаумен шектелетін дәстүрлі әдістерден айырмашылығы, экзистенциалдық талдау адам тағдырын, ішкі ниеттерін және тарихи оқиғалардың артында тұрған таңдаудың мәнін зерттеуге мүмкіндік береді.

Ә.Орозбековтің репрессия салдарынан қаза табуы мемлекеттік құрылыс жолындағы ауыр құрбандықтарды бейнелесе, ол қалаған әкімшілік негіздердің сақталуы мемлекеттілік идеясының беріктігін нышандайды. Орозбековтің мұрасы бүгінде мемлекеттік мүдденің жеке мүддеден жоғары тұруының эталоны және егемендіктің тарихи сабақтастығының дәлелі болып табылады.

Мемлекеттілік бұл жұмыс аясында жай ғана саяси институт емес, ұлт болмысын сақтау мен дамыту мақсатындағы тарихи жауапты тұлғалардың ерік-жігерін іске асыру процесі ретінде анықталады.

Түйін сөздер: Ә. Орозбеков, қырғыз мемлекеттілігі, тарихи жауапкершілік, экзистенциализм, ұлттық тағдыр, кеңестік дәуір.

G.T. Toktogulova

Historical Responsibility: A. Orozbekov and the Existential Analysis of Kyrgyz Statehood

In the era of modern global transformations, rethinking the historical responsibility of the individuals who laid the foundation of statehood is crucial for strengthening national identity and the philosophical foundations of sovereignty. The existential essence of statehood is viewed as a question of the “being or non-being” of a nation in the historical arena, representing the highest form of a people’s aspiration for self-determination and self-preservation.

In the person of A. Orozbekov, historical responsibility is reflected as moral fortitude in making strategic decisions for the sake of national unity, coupled with the sacrifice of personal well-being. This choice is clearly manifested during the period of border delimitation and the strengthening of the status of the Kyrgyz autonomy in 1924-1927, as well as in efforts to protect the national intelligentsia under the conditions of ideological pressure.

In this study, historical responsibility is interpreted as an internal moral and ethical duty of an individual to the future of their people, transcending political obligation. The subjectivity of Kyrgyz statehood was preserved thanks to the flexible, yet principled position of leaders headed by A. Orozbekov in matters of internal culture, territory, and personnel, despite the rigid frameworks of centralized power.

His management style corresponded to traditional Kyrgyz concepts of the “people’s kurultai” and the “wise ruler,” based on the principles of restraint, justice, and collegiality. Unlike traditional methods limited to the chronological description of facts, existential analysis allows for the investigation of human destiny, internal motives, and the very essence of the choices underlying historical events.

The tragic death of A. Orozbekov because of repressions personifies the heavy sacrifices on the path of state-building, while the preservation of the administrative foundations he established symbolizes the resilience of the idea of statehood.

Orozbekov’s legacy today serves as a standard for the priority of state interests over personal ones and stands as evidence of the historical continuity of sovereignty. Statehood, in the context of this work, is defined not merely as a political institution, but as a process of realizing the will of historically responsible individuals for the purpose of the self-preservation and development of the nation’s being.

Key words: A. Orozbekov, kyrgyz statehood, historical responsibility, existentialism, national destiny, the soviet era.

А.К. Кистаубаева
Национальный центральный музей Республики Казахстан
Алматы, Казахстан
aigulkyst@mail.ru

Этнокультурные трансформации казахского общества через систему народного образования XIX–XX вв.

Цель. Статья посвящена комплексному исследованию формирования и развития системы народного образования в Казахстане во второй половине XIX – начале XX в. в условиях колониальной политики Российской империи. Объект анализа – институциональные механизмы образовательной политики, педагогическая деятельность казахских просветителей и конкретные этнокультурные трансформации казахского общества: языковые, социально-стратификационные, гендерные и идентификационные, реконструируемые на основе разнородной источниковой базы.

Методология. Источниковую базу составляют три группы материалов: (1) делопроизводственные документы Министерства народного просвещения Российской империи (нач. XX в.) из фондов Государственного исторического архива Омской области (ГИАОО. Ф.8. Оп.1. Д.1, 2, 6, 32); (2) фотодокументальные материалы из фондов Национального центрального музея Республики Казахстан (НЦМ РК); (3) опубликованные первоисточники – педагогические труды казахских просветителей и административная документация российских чиновников. Применены историко-генетический, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и визуально-источниковедческий методы.

Результаты. Установлено, что система народного образования в казахских областях носила преимущественно адаптационный и селективный характер, ориентированный на подготовку ограниченного круга местных кадров для нужд имперской администрации. Архивные документы позволили выявить механизмы централизованного управления образовательной сетью в Акмолинской и Семипалатинской областях, территориальное распределение учебных заведений, принципы их финансового и кадрового обеспечения. Анализ пяти фотодокументов из фондов НЦМ РК, впервые введенных в научный оборот в качестве исторических источников, позволил реконструировать пространственную организацию учебного процесса, социальный и этнический состав учащихся, гендерные характеристики образовательной среды и материальные условия обучения в степном регионе.

Научная новизна. Впервые проведен систематический визуально-источниковедческий анализ фотодокументов НЦМ РК применительно к истории образования в казахских регионах. Совокупное рассмотрение архивных и визуальных источников расширяет представления о реализации имперской образовательной политики и позволяет интерпретировать образовательное пространство как арену культурной адаптации, переговоров и сопротивления – наряду с административным регулированием.

Ключевые слова: народное образование, Российская империя, архивные документы, фотодокументальные материалы, НЦМ РК, визуальное источниковедение, просветительство, Ыбрай Алтынсарин, национальная идентичность.

Введение. Этнокультурные трансформации казахского общества во второй половине XIX – начале XX в. разворачивались в условиях масштабных структурных изменений, обусловленных колониальной политикой Российской империи. Усиление административного давления, реформы 1860-1880-х гг. и целенаправленное внедрение новых образовательных институтов повлекли за собой глубокую трансформацию культурных практик казахского общества [Сембаев, 1977, с. 42-45]. Система народного образования выступала одним из ключевых механизмов этих трансформаций: через школу имперская власть осуществляла административную интеграцию и языковую ассимиляцию, тогда как казахское общество использовало образовательное пространство как ресурс культурной адаптации, модернизации и формирования национального самосознания. Образование порождало принципиально новые культурные фигуры: двуязычную интеллигенцию, способную действовать одновременно в имперских институтах и в казахской общественной среде; образованных женщин, бросавших вызов традиционным гендерным нормам; национальных деятелей, использовавших полученные знания для формулирования казахской политической идентичности. Именно эти трансформации составляют предмет настоящего исследования.

Открытие русско-туземных школ, распространение кириллической письменности, деятельность миссионерских центров и реформирование института степного управления были направлены на инкорпорацию казахских территорий в общеимперское пространство. Реакция казахского общества на эти процессы не была однородной: можно выделить три основные стратегии. Часть родовой знати и нарождавшейся торговой элиты прагматично использовала имперские образовательные институты, как канал социальной мобильности, обеспечивавший доступ к государственной службе и коммерческим возможностям. Исламское духовенство отстаивало традиционную систему мектебов и медресе, противопоставляя ее русскоязычному светскому образованию. Казахские просветители – Алтынсарин, Байтурсынов, Дулатов – избрали третий путь: они стремились освоить инструменты имперской образовательной системы, наполнив их казахским культурным содержанием. Взаимодействие этих стратегий порождало специфические просветительские практики, в которых элементы локальной культуры сочетались с заимствованными образовательными моделями [Козыбаев, 1992].

История народного образования в казахских регионах имперского периода изучалась преимущественно в рамках советской историографии. Труды А.И. Сембаева [Сембаев, 1977] и Т.Т. Тажибаева [Тажибаев, 1962] содержат обширный фактический материал об институциональном развитии образовательной системы, однако оценивают колониальную политику с позиций концепции «прогрессивного влияния» русской культуры. М.К. Козыбаев [Козыбаев, 1992] и его исследовательская школа наметили пути пересмотра этих интерпретаций в постсоветской историографии, акцентировав внимание на противоречиях между имперскими образовательными целями и потребностями казахского общества.

Деятельность Ыбрая Алтынсарина как ключевого педагога-реформатора исследована в ряде специальных работ [Ахметов, 2003; Нурмагамбетова, 2011]. Авторы показали, что Алтынсарин занимал амбивалентную позицию: функционируя в рамках имперской административной системы в должности инспектора народных школ, он последовательно использовал ее ресурсы для продвижения казахскоязычного обучения и расширения образовательного охвата населения.

Методология визуального источниковедения, интенсивно разрабатывавшаяся применительно к истории колониальных обществ [Burke, 2001; Edwards, 2001], открывает принципиально новые исследовательские возможности для изучения казахской образовательной истории. Фотографические источники фиксируют аспекты повседневной образовательной практики, недоступные из административной документации: телесные практики, пространственную организацию учебного процесса, материальную культуру, гендерные и этнические отношения внутри учебного заведения. Фотодокументы НЦМ РК, относящиеся к образовательной тематике, до настоящего времени систематически не вводились в научный оборот в качестве самостоятельных исторических источников, что и определяет методологическую новизну данного исследования.

Первую и наиболее репрезентативную группу источников составляют делопроизводственные документы Министерства народного просвещения Российской империи, хранящиеся в Государственном историческом архиве Омской области (ГИАОО. Ф.8. Оп.1. Д.1, 2, 6, 32). Фонд 8 содержит служебную переписку директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей, охватывающую вопросы административного управления учебными заведениями в пределах Западно-Сибирского учебного округа. Особую ценность представляют документы, датированные 1902-1913 гг.: они фиксируют территориальную структуру образовательной сети, механизмы кадровой политики, финансовые основания функционирования школ и принципы взаимодействия между уровнями имперской образовательной вертикали.

В рамках настоящего исследования в научный оборот впервые вводятся три архивных документа. Первый – прошение жителя Киргизского (казахского) Омского уезда Ахмеда Патина на имя Инспектора народных училищ 1-го Акмолинского района (ГИАОО. Ф.8. Оп.1. Д.6, Л.32, 1913 г.). Проситель обращается с ходатайством об открытии школы в своем ауле близ сёл Вязанки Бурлинской волости, принимая на себя обязательство содержать учреждение за собственный счет и предоставить помещение площадью не менее 15 аршин:

«Желая дать образование своим братьям и сородственникам, в виду необходимости последнее время знать русской грамоты и общения в русских... содержать таковую буду я сам, для школы на весь сего года будет построена отдельная землянка в три комнаты» (ГИАОО. Ф.8. Оп.1. Д.6, Л.32, 1913 г.). Данный документ свидетельствует о том, что образовательный спрос в казахских аулах существенно превышал официальное предложение – что само по себе опровергает распространенный в дореволюционной административной документации тезис об «отсутствии интереса» кочевого населения к образованию.

Второй документ – официальное уведомление директора народных училищ А.Е. Алекторова от 16 августа 1902 г. (ГИАОО. Ф.8. Оп.1. Д.1, Л.8, № 611) о назначении выпускника Омского городского пятиклассного училища Мусульмана Бека Сеитова исполняющим должность учителя в Джаневскую аульную школу Петропавловского уезда. Документ отражает типичный механизм кадровой политики: централизованное назначение из административного центра в Омске при обязательном наличии установленного образовательного ценза. Третий документ – предписание директора Алекторова от 22 августа 1902 г. (ГИАОО. Ф.8. Оп.1. Д.1, Л.12, № 625) о рассылке Инспектору копии «Правил для русско-киргизских школ Акмолинской и Семипалатинской областей» (утв. 11 октября 1894 г.) и о возложении обязанностей по §2 данных правил на учителей-инспекторов городских училищ – за отсутствием в регионе высших школ и двухклассных русско-киргизских училищ. Этот документ обнажает структурный дефицит образовательной инфраструктуры в казахских областях.

Вторую группу составляют опубликованные первоисточники: педагогические труды и мемуарные свидетельства казахских просветителей (прежде всего Ибрая Алтынсарина), а также делопроизводственная документация российских чиновников – Н.И. Ильминского, А.Е. Алекторова и инспекторов народных школ различных округов. При очевидной идеологической ангажированности последних, они содержат значимый фактический материал о механизмах функционирования русско-туземных школ и логике языковой ассимиляционной политики.

Самостоятельный методологически значимый корпус источников – пять фотодокументов из фондов НЦМ РК, относящихся к концу XIX – началу XX в. и связанных с образовательной тематикой. До настоящего времени эти материалы не анализировались как исторические источники в специальных исследованиях по истории казахского образования. Привлечение фотографий в качестве источников предполагает источниковедческую критику: учёт условий создания снимка, интенций фотографа, постановочного или документального характера изображения, а также контекста последующего хранения и атрибуции.

Применены историко-генетический, проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы, а также источниковедческая критика архивных документов и визуальное источниковедение в сочетании с принципами иконологического анализа для интерпретации фотодокументов.

Результаты. Первые попытки организации образования для казахского населения носили эпизодический, несистемный характер. Указом императрицы Екатерины II 28 февраля 1789 г. в Оренбурге была открыта школа при мечети у Менового двора. Заявленный контингент – 64 учащихся – не был достигнут: учреждение не располагало квалифицированным педагогическим персоналом, учебными материалами и устойчивым финансированием. Отсутствие спроса со стороны казахского населения, относившегося к подобным инициативам с обоснованным скептицизмом, предопределило скорое закрытие школы. Аналогичная институциональная судьба постигла другие учебные заведения при мечетях, поскольку они создавались без учета реальных образовательных потребностей кочевого и полукочевого общества.

В первой половине XIX в. возможности систематического светского образования для казахских детей оставались крайне ограниченными. Доступ к имперским учебным заведениям, прежде всего кадетским корпусам, был открыт исключительно для выходцев из родовой знати. Неплюевский кадетский корпус в Оренбурге (1825) и Омский кадетский корпус (1826) принимали детей казахской феодальной элиты; их образовательные программы были ориентированы на подготовку административных и военных посредников между имперской властью и степным населением. Реформа 1866 г., преобразовавшая Неплюевский корпус в военную гимназию и упразднившая казахские стипендии, обнажила инструментальный характер этих учреждений. Под давлением казахской знати и нарождавшейся торговой элиты, стремившихся обеспечить детям доступ к светскому образованию, имперская администрация в 1841 г. открыла казахскую школу в Ханской Ставке Внутренней (Букеевской) орды – по инициативе и на средства хана Жангира. Позднее аналогичные учреждения были учреждены при Оренбургской пограничной комиссии (1850) и в Уральске. Несмотря на очевидную социальную избирательность, эти институции создали прецедент адаптации российской образовательной модели к условиям степного региона. Через них прошли такие ключевые фигуры эпохи, как Ыбрай Алтынсарин и Чокан Валиханов.

Рис. 1. ЦМК. ФКП 171. Школа в степи. Костанайская область. Конец XIX – начало XX в.

Фотодокумент (рис. 1) представляет редкое визуальное свидетельство функционирования начальной школы в степных условиях. На снимке зафиксировано специально возведенное учебное здание деревянная постройка, характерная для волостных и уездных школ Акмолинской и Тургайской областей рубежа веков. Присутствие педагога и учащихся позволяет реконструировать социальный состав контингента (преимущественно мужской), а также материальные условия обучения. Сравнение данного фотодокумента с архивными сведениями об ассигнованиях на строительство школьных зданий (ГИАОО. Ф.8. Оп.1. Д.1, 1902 г.) обнаруживает, что подобная инфраструктура была доступна лишь в относительно развитых в административном отношении районах. Специфической институциональной формой второй половины XIX в. стала «русско-туземная школа» – учебное заведение, призванное совместить русскоязычное светское образование с элементами грамотности на родном языке. В казахских областях сеть подобных школ складывалась постепенно: их открытие нередко было сопряжено с нехваткой подготовленных учителей-казахов и недостаточным финансированием. Центральную роль в разработке учебно-методического обеспечения для этих школ сыграл Ы. Алтынсарин, создавший оригинальные пособия на казахском и русском языках.

Служебная переписка директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей (ГИАОО. Ф.8. Оп.1. Д.1, 2), датированная преимущественно июнем-июлем 1902 г., позволяет детально реконструировать административные механизмы управления образовательной системой. Документы фиксируют распределение учебных заведений по уездам и волостям – с конкретными упоминаниями Павлодарского, Петропавловского, Кокчетавского и Атбасарского уездов. Инструкции о «размещении и перераспределении учащихся» свидетельствуют о том, что к рубежу XIX-XX вв. сеть учебных заведений в степном регионе приобрела масштаб, требующий систематической координации из единого административного центра в Омске. При этом документы обнаруживают выраженную диспропорцию: уездные города располагали относительно развитой образовательной инфраструктурой, тогда как волостной уровень – территория непосредственного пребывания казахского кочевого населения – оставался критически недообеспеченным учебными заведениями. Переписка содержит сведения об ассигнованиях на открытие и содержание учебных заведений, оплате труда педагогических работников и обеспечении учителей жильем. Трудности с привлечением и удержанием квалифицированного педагогического персонала в отдаленных уездных и волостных учреждениях представляли системную проблему. Жилищный вопрос выступал одним из ключевых инструментов кадровой политики и одновременно – источником перманентных административных трений. Документы фиксируют попытки его решения посредством предоставления натуральных льгот педагогическому персоналу.

В письмах отражены принципы назначения учителей в аульные и волостные школы. Документы 1902 г. демонстрируют, что к этому времени практика назначения казахов на учительские должности приобрела регулярный, хотя и жестко регламентированный образовательными цензами характер. Централизованный порядок кадровых решений – утверждение назначений директором народных училищ в Омске – сводил к минимуму пространство региональной инициативы и фактически блокировал самоорганизацию местных образовательных сообществ. Таким образом, архивные материалы документируют функционирование образовательной системы как административного механизма, встроенного в логику имперского управления. Ее эффективность измерялась не охватом населения или качеством образовательного

процесса, а соответствием бюрократическим стандартам и выполнением административных функций.

Рис. 2. ЦМК. ФКП 319. Киргизская школа в юрте. Кокчетав, Актюбинская обл.

Фотодокумент (рис. 2) фиксирует качественно иную модель учебного пространства по сравнению с рис. 1. Занятия проводятся в закрытом помещении традиционного типа – юрте или схожей конструкции, стены которой декорированы коврами и вышитыми полотнами. Полифункциональность этого пространства – совмещение жилого и учебного назначения – принципиально отличает его от специализированных школьных зданий. Подобная пространственная организация характерна для мектеба (традиционной мусульманской начальной школы) или для практики первых русско-казахских учителей, вынужденных адаптироваться к имеющейся инфраструктуре. Отсутствие какой-либо официальной имперской символики свидетельствует: данное образовательное пространство принадлежало общине, а не государственной системе. Сопоставление этого фотодокумента с архивными данными об ассигнованиях на строительство школьных зданий наглядно демонстрирует разрыв между декларируемой и реальной образовательной политикой.

Рис. 3. НЦМ РК. Учащиеся русско-казахской школы. Начало XX в.

Фотодокумент (рис. 3) позволяет восстановить социальный и этнический состав учащихся русско-казахской школы начала XX в. Присутствие учеников в традиционной казахской одежде наряду с элементами городского костюма отражает переходный характер образовательной среды – пространства культурного синтеза, в котором имперские образовательные стандарты вступали в сложное взаимодействие с локальными идентичностями.

Параллельно с расширением начальной образовательной сети во второй половине XIX в. в казахских регионах складывалась система среднего образования. Первые мужские гимназии общеимперского образца открылись в крупных административных центрах: Семипалатинске (1863), Верном (1876), Уральске (1876), Акмолинске (1899), Кустанае (1901). Преимущественно платный характер обучения существенно ограничивал доступ казахских учащихся лишь выходцы

из родовой знати и нарождавшейся буржуазии могли получить гимназическое образование. Становление женского образования представляло самостоятельный значимый процесс. Первая женская гимназия в казахских регионах открылась в Семипалатинске (1880), затем в Уральске (1892) и Верном (1895). Доля казашек в контингенте учащихся оставалась незначительной; тем не менее, именно с этих учреждений берет начало институциональная трансформация социальных представлений о гендерных ролях. Получившие образование казахские женщины в начале XX в. включились в педагогическую и общественную деятельность; программные документы Алаш Орды формулировали конкретные проекты создания казахских женских школ и подготовки учительниц. Наряду с государственными образовательными программами в казахской степи развивалась сфера гражданских просветительских инициатив. В 1899 г. в Верном было основано «Общество ревнителей просвещения», организовывавшее публичные лекции, литературные вечера и воскресные школы; в его деятельности участвовали Н. Пантусов, А. Зенков, В. Недзвецкий, Т. Сыртановы, Б. Шалымбеков. Подобные общественные инициативы отражали расширение просветительской активности в регионе и создавали интеллектуальную среду, в рамках которой формировалось национальное образовательное движение. Именно в этой среде деятельность казахских просветителей второй половины XIX – начала XX в. – Ыбрая Алтынсарина, Ыбырая Жаймагамбетова, Ахмета Байтурсынова, Мыржакыпа Дулатова и других – выстраивалась вокруг формирования национально ориентированной образовательной повестки. Создание учебников на казахском языке, публикация педагогических статей, организация образовательных кружков, открытие учебных курсов при мечетях – все это в совокупности формировало альтернативную по отношению к имперской образовательную среду. Данная среда стала важнейшим интеллектуальным субстратом политического движения «Алаш» начала XX в. и заложила организационно-концептуальные основания программы национального образования.

Ибрай (Ыбырай) Алтынсарин (1841–1889) – выдающийся казахский просветитель, педагог и общественный деятель. Получив образование в оренбургской школе для казахских детей, в 1861 г. он стал первым казахом, назначенным учителем Тургайской казахской школы; первое открытое при его участии учебное заведение начало работу в январе 1864 г. В первые годы деятельности на посту инспектора школ в каждом из четырех уездов Тургайской области было открыто по одному центральному училищу; эти учреждения Алтынсарин рассматривал как подлинные очаги культуры в казахской среде. Одновременно он разработал тип волостных и аульных школ: открытие волостных школ было поначалу задержано из-за нехватки подготовленных учителей-казахов, тогда как аульные школы с двухлетним сроком обучения стали новым типом массовой школы грамоты. Значительное место в его деятельности занимало профессиональное образование: в 1883 г. им было создано Тургайское ремесленное училище со слесарно-кузнечным, столярно-токарным и портняжным отделениями; в том же году открылась Оренбургская учительская семинария.

Рис.4. Ыбырай Алтынсарин.

Рис. 5. Ыбырай Алтынсарин с учениками Костанайской русско-казахской школы. Апрель 1889 г. Костанай. Из фондов Костанайского областного мемориального музея (Рыщанова, 2013: 175-181).

Всего Ы. Алтынсариным было основано 12 русско-казахских учебных заведений различных типов. Самостоятельным направлением его деятельности оставалось женское образование: в 1887 г. в Иргизе открылось первое женское училище на 20 мест; впоследствии аналогичные учреждения с интернатами начали работу в Тургае, Кустанае, Карабутаке и Актюбе (совокупно – 211 воспитанниц, из которых 70 являлись казашками). Для казахского общества, в котором идея женского образования встречала выраженное культурное сопротивление, это представляло значимый институциональный сдвиг. Добился он и организации поступления казахских детей в Красноуфимское промышленно-техническое училище, а также учреждения в Кустанае сельскохозяйственного училища. Педагогическое наследие Ы. Алтынсарина включает «Киргизскую хрестоматию» (1879) – замечательный памятник историко-культурного значения, в котором педагог последовательно отстаивал жизнеспособность и право на развитие родного языка, а также учебник «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку» (1879), «Мактубат» (1883), «Шариати ислам» (1887) и другие труды. Серьезное внимание он уделял содержанию образования: предлагал учителям казахских школ производить тщательный отбор учебников по истории и географии, разработал систему преподавания и ведения школьного дела, учебные планы и программы, которые по своему содержанию были шире и глубже программ обычных начальных школ.

Обсуждение. Полученные результаты позволяют сформулировать ряд выводов теоретического значения. Прежде всего, данные исследования подтверждают: архитектура образовательной системы в казахских регионах изначально определялась логикой колониального управления, а не целями широкого социального развития. Это проявлялось на всех институциональных уровнях – от территориального размещения школ (тяготевшего к административным центрам, а не к зонам наибольшей концентрации казахского населения) до финансовой модели (обеспечивавшей минимальный уровень функционирования учреждений) и кадровой политики (сохранявшей жесткий централизованный контроль).

Впервые введенное в научный оборот прошение Ахмеда Патина (1913) представляет редкий случай зафиксированной в имперском делопроизводстве субъектной позиции рядового казахского жителя: казахское общество не являлось пассивным объектом образовательной политики. Доступ к образованию открывал новые каналы вертикальной мобильности: выпускники русско-казахских школ и гимназий формировали новый тип казахской элиты – образованной, городской, ориентированной на профессиональную деятельность. Именно из этой среды вышли лидеры движения «Алаш» – Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Мыржакып Дулатов.

Открытие женских школ Алтынсариным (1887) и последующее развитие женских гимназий стало институциональным разрывом с традицией – постепенным, сопровождавшимся сопротивлением, как со стороны консервативных элементов казахского общества, так и со стороны имперской администрации. Фотодокументы НЦМ РК наглядно фиксируют гибридный характер идентичности: ученики на рис. 3 одеты одновременно в традиционные казахские и европейские городские костюмы – визуальное свидетельство того, что традиционное и модернизированное сосуществовали, не вытесняя друг друга. Методологически значимым результатом является верификация взаимодополняющего характера архивных и визуальных источников. Административная переписка фиксирует нормативный аспект системы намерения, предписания,

отчетные показатели; фотодокументы отображают реальность, которую эти нормы либо не отражали, либо скрывали. Сравнение рис. 2 (занятие в юрте, отсутствие специализированной инфраструктуры) с архивными данными об ассигнованиях на строительство школ наглядно демонстрирует разрыв между декларируемой и реальной образовательной политикой. Только совокупный анализ обоих видов источников позволяет получить аналитически репрезентативную картину.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Система народного образования в Казахстане во второй половине XIX – начале XX вв. представляла собой противоречивый социальный институт с двойственной природой. С одной стороны, она была создана как инструмент имперского управления и административной интеграции об этом свидетельствуют централизованный характер кадровой политики, территориальные диспропорции в размещении школ и ограниченное финансирование. С другой стороны, эта же система стала пространством глубоких этнокультурных трансформаций казахского общества: языковых, социальных, гендерных и идентификационных. Образование формировало новый тип казахской элиты, создавало основу для национальной интеллигенции и закладывало культурные предпосылки политического движения «Алаш».

Архивные документы из фондов ГИАОО (Ф.8. Оп.1. Д.1, 2, 6, 32) документируют централизованный и инструментальный характер имперской образовательной политики: территориальные диспропорции, финансовую недостаточность, жесткий кадровый контроль, нормативный разрыв между декларируемыми целями и реальными результатами. Впервые введенное в оборот прошение Ахмеда Патина (1913) и кадровые документы директора Алекторова (1902) позволяют реконструировать как механизмы централизованного управления, так и низовые инициативы казахского населения, направленные на компенсацию структурных дефицитов имперской системы.

Введенные в научный оборот фотодокументы из фондов НЦМ РК позволяют выявить измерения образовательной жизни, недоступные из официальной документации: пространственную организацию обучения в кочевых условиях, гибридный характер культурной идентичности учащихся, гендерную структуру образовательной среды. Совокупный анализ архивных и визуальных источников подтверждает: этнокультурные трансформации казахского общества через систему образования не сводились ни к простой русификации, ни к культурному сопротивлению – они представляли собой сложный, нелинейный процесс адаптации, переговоров и творческого переосмысления, результатом которого стало формирование казахской национальной идентичности нового типа.

Список литературы

Ахметов Б. Ибрай Алтынсарин: педагог и просветитель казахского народа. Алматы: Ғылым, 2003. 264 с.

ГИАОО (Государственный исторический архив Омской области). Ф.8. Оп.1. Д.1. Переписка дирекции народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей об открытии аульных русско-киргизских школ, о назначении учителей, программах обучения и оборудовании школ. 1902 г.

ГИАОО. Ф.8. Оп.1. Д.1. Л.11-12. Предписание директора народных училищ А.Е. Алекторова о рассылке Правил для русско-киргизских школ Акмолинской и Семипалатинской областей. 22 августа 1902 г. № 625.

ГИАОО. Ф.8. Оп.1. Д.1. Л.8. Уведомление директора народных училищ А.Е. Алекторова Инспектору народных училищ Акмолинской области о назначении М.Б. Сеитова учителем Джаневской аульной школы Петропавловского уезда. 16 августа 1902 г. № 611.

ГИАОО. Ф.8. Оп.1. Д.2. Переписка дирекции народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей. 1902 г.

ГИАОО. Ф.8. Оп.1. Д.6. Л.32. Прошение жителя Омского уезда Ахмеда Патина Инспектору народных училищ 1-го Акмолинского района об открытии аульной школы в Бурлинской волости. 1913 г.

Козыбаев М.К. История Казахстана: народы и судьбы. Алматы: Ғылым, 1992. 380 с.

Нурмагамбетова Р.К. Просветительское движение в Казахстане во второй половине XIX века. Алматы: Арыс, 2011. 312 с.

Сейткали Н.С. Образование и колониализм: русско-казахские школы в XIX в. Астана: Елорда, 2005. 288 с.

Сембаев, А.И. История развития советской школы в Казахстане. Алматы: Мектеп, 1977. 296 с.

Тажибаев Т.Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алматы: Казгосиздат, 1962. 308 с.

Burke P. Eyewitnessing: The Uses of Images as Historical Evidence / P. Burke. London: Reaktion Books, 2001. 224 p.

Edwards, E. Raw Histories: Photographs, Anthropology and Museums / E. Edwards. Oxford : Berg, 2001. 240 p.

Kappeler, A. The Russian Empire: A Multiethnic History / A. Kappeler. Harlow: Longman, 2001. 436 p.

Morrison, A. Russian Rule in Samarkand, 1868-1910: A Comparison with British India / A. Morrison. Oxford: Oxford University Press, 2008. 358 p.

Sabol, S. Russian Colonization of Kazakhstan, 1896-1916 / S. Sabol. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2003. 278 p.

А.К. Кистаубаева

XIX–XX ғасырлардағы халыққа білім беру жүйесі арқылы қазақ қоғамының этномәдени трансформациялары

Мақсаты. Мақала XIX ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың басында Ресей империясының отарлық саясаты жағдайында Қазақстанда халыққа білім беру жүйесінің қалыптасуы мен дамуын зерттеуге арналған. Зерттеу аясында білім беру саясатының институционалдық тетіктері, қазақ ағартушыларының педагогикалық қызметі және оқу орындарының күнделікті тәжірибелері – әртүрлі дереккөздер негізінде реконструкцияланған қарастырылады.

Әдіснама. Дереккөздер базасын үш топ құрайды: (1) Омбы облысының Мемлекеттік тарихи архиві қорларындағы Ресей империясы Халық ағарту министрлігінің құжаттары (ГИАОО. Қ.8. Т.1. Іс 1, 2, 6, 32); (2) Қазақстан Республикасы Ұлттық орталық музейі (ҚР ҰОМ) фотодеректік материалдары; (3) қазақ ағартушыларының педагогикалық еңбектері мен орыс әкімшілерінің іс жүргізу материалдары. Тарихи-генетикалық, проблемалық-хронологиялық, салыстырмалы-тарихи және визуалды деректану әдістері қолданылды.

Нәтижелері. Қазақ облыстарындағы халыққа білім беру жүйесі селективті және бейімделмелі сипатта болғаны анықталды: оның мақсаты – имперлік әкімшілік мұқтаждықтарына арналған шектеулі жергілікті кадрлар тобын даярлау. Архивтік құжаттар білім беру желісін орталықтандырылған басқару тетіктерін, оқу орындарының аумақтық орналасу ерекшеліктерін, қаржылық және кадрлық қамтамасыз ету қағидаттарын айқындауға мүмкіндік берді. ҚР ҰОМ қорларынан ғылыми айналымға алғаш рет тарихи дереккөз ретінде енгізілген бес фотодерекке жүргізілген кешенді талдау оқу үдерісінің кеңістіктік ұйымдастырылуын, білім алушылардың әлеуметтік және этникалық құрамын, білім беру ортасының гендерлік сипаттамаларын реконструкциялауға мүмкіндік берді.

Ғылыми жаңалығы. ҚР ҰОМ фотодеректеріне жүйелі визуалды-деректанулық талдау алғаш рет жүргізілді. Архивтік және фотодеректік материалдарды кешенді қарастыру имперлік білім беру саясатының іске асу ерекшеліктері туралы түсініктерді кеңейтіп, білім беру кеңістігін тек әкімшілік реттеу нысаны ғана емес, сонымен қатар мәдени бейімделу, келіссөздер мен қарсылық алаңы ретінде пайымдауға мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: халық ағарту, Ресей империясы, архивтік құжаттар, фотодокументтік материалдар, ҚР Ұлттық орталық музейі, визуалды деректану, ағартушылық, Ыбырай Алтынсарин, ұлттық бірегейлік.

A.K. Kistaubayeva

Ethnocultural Transformations of Kazakh Society through the System of Public Education in the Nineteenth and Twentieth Centuries

Purpose. This article examines the formation and development of public education in Kazakhstan during the second half of the nineteenth and early twentieth century under Russian imperial colonial rule.

The study focuses on the institutional mechanisms of educational policy, the agency of Kazakh enlighteners, and the concrete ethnocultural transformations of Kazakh society – linguistic, social-stratificational, gender-related, and identity-related – reconstructed through a multi-layered source base.

Methodology. Three source groups are employed: (1) administrative documents of the Ministry of Public Education of the Russian Empire (early twentieth century) from the State Historical Archive of Omsk Region (GIAOO, F.8, Op.1, D.1, 2, 6, 32); (2) photodocumentary materials from the National Central Museum of the Republic of Kazakhstan (NCM RK); (3) published primary sources – pedagogical writings of Kazakh enlighteners and administrative records of Russian officials. Historical-genetic, problem-chronological, comparative-historical, and visual source analysis methods are applied.

Findings. The public education system in Kazakh regions was primarily adaptive and selective in character, oriented toward training a limited cadre of local personnel for imperial administrative purposes. Archival documents reveal mechanisms of centralized educational governance in Akmola and Semipalatinsk regions, territorial distribution of schools, and principles of staffing and financial provision. Analysis of five photodocuments from NCM RK collections – introduced into scholarly circulation for the first time – enables reconstruction of the spatial organization of instruction, social and ethnic composition of students, gender characteristics of the educational environment, and material conditions of schooling in the steppe region.

Originality/Value. For the first time, a systematic visual source analysis of NCM RK photodocuments is applied to the history of education in Kazakh regions. Joint consideration of archival and visual sources substantially expands understanding of imperial educational policy implementation and reveals the educational space as an arena of cultural negotiation, adaptation, and resistance – not merely administrative regulation.

Key words: public education, Russian empire, archival documents, photo-documentary materials, National Central Museum of the Republic of Kazakhstan, visual source studies, enlightenment activity, Ibary Altynsarin, national identity.

С.А. Смадияров, Т.Ж. Жаркынбаев
Ошский государственный университет
Ош, Кыргызстан
ssmadiyarov@mail.ru

Древнетюркское время: династийные (политические) браки (VI–VIII вв.)

В данной статье авторы на основе сведений письменных источников и специальной литературы приводят факты заключения династийных браков между правителями государств тюркской эпохи на Евразийском континенте. Раскрывают их политические цели и роль в установлении дружественных отношений между государствами.

Ключевые слова: Центральная Азия, Великий Тюркский каганат, Истеми каган, шах Ирана, Барсбек каган, кыргызы, Танская империя, Сулук Чабыш чор каган, Тон жабгу каган.

Кыргызы один из древнейших тюркских народов Центральной Азии. В свое время знаменитый тюрколог академик В.В. Бартольд писал: “Киргизы (кыргыз) принадлежт к числу древнейших народов Средней Азии (Центральная Азия). Из народов, живущих в Средней Азии в настоящее время, нет, по-видимому, ни одного, название которого так рано встречалось бы в истории” (Бартольд 1963: 74). Это утверждение академика актуально и сегодня.

В традиционном кочевом кыргызском обществе всегда высоко ценились красивые девушки, богатыри(батыры), скакуны. Известная кыргызская пословица гласит: “Девушка делает далекое близким, а соль горькое вкусным”(кырг. “Алысты жакын кылган кыз, ачууну таттуу кылган туз”). Кыргызы выдавали замуж девушек далеко за пределы родного края, что сближало разные роды, племена, народы, отдаленные земли через сватовство, брачные связи. Значение этой народной мудрости мы в большинстве случаев воспринимаем на уровне обыденной жизни, хотя по сути своей она имеет более широкий смысл.

Подобные браки заключались часто в политических целях. Они способствовали налаживанию международных или межгосударственных связей, о чем свидетельствуют многочисленные факты в мировой истории и в том числе в истории тюркских народов.

Как показывают исторические факты династийные (политические) браки преследовали в основном две цели:

Первая, правитель, пришедший к власти не путем традиционного престолонаследия, а в результате переворота, или другим насильственным путем, в целях узаконивания своей власти, укрепления своего политического статуса как внутри страны, так и на международном уровне, заключал браки с представительницами правящей династии.

Так, после убийства кочевыми племенами саков Кира II, основателя державы персов, в стране разразилась борьба за власть, в результате которой к власти пришел Дарий I Гистасп. Царь Дарий I для легитимизации своей власти и политического авторитета женился на дочерях Кира II Атоссе, Артистоне и внучке Пармисе, являющейся дочерью сына Кира Смердиса. Примечательно, что Атосса уже была прежде женой своего брата Камбиса, а потом мага. Артистона же была еще девицей (Геродот 2006: 208).

Вторая, глава какого-либо государства, обычно, с целью упрочить свое положение, добиться политических целей, победы над врагом, расширить сферу влияния, старался наладить дружеские отношения с сильными правителями, получить их поддержку.

В этих целях заключались межгосударственные договоры, закрепляемые часто динстийными (политическим) браками.

С V до середины VI века в Центральной Азии доминировали и властвовали жуан-жуане. Им подчинялись и тюрки Ашина, обитавшие на Алтае, которые плавили железо, изготавляли оружие и платили налоги каганату жуань - жуаней. К середине VI века тюрки ашина во главе с Бумынь, собрав свои войска, переходят к активным действиям по свержению власти жуань - жуаней. К ним присоединяется и многочисленный род теле, что заметно укрепляет положение Бумыня. Однако силы ещё были не равными. Поэтому Бумынь заключает антижуаньский союз с правителем империи Западный - Вэй Вэнь-ди. Этот союз был закреплён династийным браком - Бумынь женится на дочери Вень-ди, китайской царевне Чанле. Это историческое событие, случившееся весной 551-года, заметно укрепил авторитет Бумыня среди кочевых народов (Гумилев 1993: 28). Спустя немного времени, зимой 552- года Бумынь неожиданно напал на жуань - жуаней и разбил их.

В Центральной Азии образовалось новое государство кочевников – Великий Тюркский каганат, начавший эпоху тюрков в истории этого региона. В короткое время каганат установил свою власть и политическое доминирование на большой территории – от Желтого моря с востока, до Волги на западе.

Завоевание западных земель проводил младший брат основателя каганата Бумыня - Истеми. Он подчинил в Средней Азии народ он ок (народ десяти стрел)и удостоился титула жабгу-каган. В то время в этом регионе властвовали эфталиты. От них зависел и шах Ирана Хосрой Ануширван, который как мудрый политик, предчувствуя новую степную гегемонию, в 554- году отправил своих послов к жабгу-кагану Истеми в Джетису. Иранцы стремились освободиться из под зависимости эфталитов, которым, начиная ещё со времен шаха Переза, они платили ежегодные налоги в сумме 40 тысяч золотых монет. Благодаря усилиям послов, был создан союз против эфталитов между каганом Истеми и шахом Ануширван. Новый союз закрепили династийным браком. Шах Хосрой женился на дочери Истеми-Койен, тем самым, став зятем хозяина степей.

Согласно древним и средневековым традициям сторона, женившаяся на дочери партнера, считалась ниже положением. Таким образом династийный брак укрепил статус иранского государства, который был на ступеньку ниже статуса Великого Тюркского каганата. Действительно, статус этих двух правителей находился на разных уровнях. Если Каган Истеми постепенно превращался в сильного хозяина степей, расширяя подвластные территории, шах Ирана находился в зависимом положении от эфталитов.

От тюркской жены(дочери кагана Истеми) у Хосрой Ануширван родился сын Ормизд, сменивший впоследствии своего отца на иранском троне. Как отмечал армянский историк Себеос, Ормизд был “известным со стороны отца, но ещё известней со стороны матери и был подобен зверю” (Тер-Мкртичян 1979: 57). Однако надо отметить, что союз Ирана и Тюркского каганата, подкрепленный династийным браком, оказался не долгим. После разгрома эфталитов, вчерашние союзники превратились в непримиримых врагов. Однако мы далеки от мысли отрицать определенную роль династийного брака в отношениях между государствами. Шах Ирана посредством такого союза вышел из-под зависимости эфталитов, а тюрки разбили эфталитов сравнительно малыми потерями. Тюркский каган нуждался в иранских войсках для достижения победы над эфталитами, являвшимися серьезной силой в Средней Азии.

Наряду с этим необходимо отметить, что подобное установление родственных отношений принесло пользу тюркским правителям в последующих политических событиях. Так, во время войны 589- года между иранцами и тюрками последние во главе с Савэ ханом и его сыном Пармудом (впоследствии Нили хан) были разбиты в долине Герат иранским полководцем Бахрамом Чубином. Савэ хан погиб на поле сражения, а его сын Пармуд попал в плен. В это время шахом Ирана был сын Хосрой Ануширвана и внук кагана Истеми Ормизд. Он оказал большое уважение своему плененному родственнику по материнской линии. Ормизд шах заключил мирный договор с тюрками и с почестями проводил Пармуда. После возвращения на родину Пармуд правил своим народом под титулом Нили хан и умер в 603 году.

В 80-годы VII века на просторах Центральной Азии тюрки ашина под предводительством Кутлуга после потери власти своих дедов создали второй Тюркский каганат. Степных кочевников, противодействовавших им, за короткое время подчинили себе при помощи оружия. Однако, положение оставалось для тюрков довольно сложным. На севере в это время сильное государство кыргызов возглавлял правитель Барсбек. Он был активным участником антитюркской коалиции.

К тому времени умирает основатель второго Тюркского каганата Кутлуг Эльтерис каган и на его место восходит его младший брат Капаган. Военные действия 693-года, предпринятые им против антитюркской коалиции, возглавляемой государством кыргызов, заканчивается без успешно. Правитель кыргызов Барсбек объявляет себя каганом и принимает тронное имя Ынанчу Алп Бильге. Каган Капаган был вынужден признать каганство Барсбека. Более того, он в целях ослабления угрозы с севера и налаживания дружественных отношений с Барсбеком пытается приблизить его к себе и заключает с ним мирный договор, закрепленный династийным браком (Худяков 1995: 62). Тюркский каган Капаган выдает за Барсбека дочь своего предшественника брата Кутлуга Эльтериса.

Здесь необходимо отметить, что в эпоху, о которой мы ведем речь, положение женщины в кочевом тюркском обществе было высоким и уважаемым. Сын, входя в юрту, поклонялся в пояс сначала матери, а затем здоровался с отцом. В унаследовании трона большое значение придавалось родословной по материнской линии. Так, например, было в 681- году. После смерти правителя Великого Тюркского каганата Арслан Тобо хана на престол по наследству должен был сесть сын

кагана Мухана Торэмен. Однако из-за неблагополучности его родословной по линии матери, правителем стал Амрак, присходящий из благородных кровей. А Торэмена под титулом Або хан направили на север управлять кыргызскими территориями.

Женщины находились и под надежной правовой защитой в обществе. В частности, тяжелым преступлением у древних тюрков считалось совершение насилия в отношении замужней женщины, что каралось смертью. Также женщина имела сильное влияние на мужа. “Через женщин у тюрков можно получить все”- писал историк Табари (Гумилев 1993: 86). “Умом и чувством хана управляет ханша”, - писали о жене тюркского кагана Шаболиона (кит.: “грабитель”) (Гумилев 1993: 125).

По нашему мнению, именно с учетом этих обстоятельств каган Капаган выдал замуж за правителя кыргызов Барсбека дочь своего брата кагана Кутлуга Эльтериса. Тюркская принцесса приходилась родной сестрой военачальнику Култегину и кагану Бильге (716-734 гг.). Таким путем тюрки стремились подчинить себе кыргызского кагана.

Однако их ожидания не оправдались. Говоря иначе, родственные отношения с тюркским каганом не помешали Барсбеку продолжить активную внешнюю политику по установлению своей политической гегемонии в Центральной Азии. Кыргызский каган для реализации этой идеи добился создания тройственного союза против Тюркского каганата, куда кроме кыргызского государства входили империя Тан и Тюргешский каганат. Но по причине пассивности союзников каган Барсбек зимой 710-711 года, оказавшись один против сильного врага - Второго Тюркского каганата, потерпел поражение. В этом сражении Барсбек погиб (Барс-бек 2003: 39).

Одержав полную победу над кыргызами, тюрки Ашина не уничтожили кыргызское государство. Оно в определенной мере сохраняло свою самостоятельность. Есть мнение о том, что новым каганом кыргызов был назначен племянник кагана Капагана, сын Барсбека. Такое отношение Тюркского каганата, победившее кыргызов, во многом объясняется династийным браком, заключенное между кыргызским и тюркским каганатами. Известный кыргызовед Ю. Худяков отмечает, что вдова Барсбека, тюркская принцесса похороны мужа организовала на высоком уровне и в честь супруга сделала надпись кошока (эпитафии – С.С.) (Худяков 2003: 91-92). Конечно, тюркской принцессе была уготована тяжелая судьба. Муж каган Барсбек воевал с её дядей каганом Капаганом, братьями Култегином и Бильге. Она находилась между двух огней.

Расцвет Тюргешского каганата в Кыргызстане под правлением кагана Сулук Чабыш-чор пришелся на VIII век (716-738 гг.). Каган Сулук был известен среди кочевников своей справедливостью и щедростью. Он всю добычу от набегов поровну делил между родами и те служили ему верой и правдой. В те времена Тюргешскому каганату угрозы исходили с двух сторон. С запада – вторжение арабских войск, с востока – опасность исходила от князей тюрков ашина, которые обосновались в Восточном Туркестане и опираясь на поддержку китайцев, беспрестанно старались вернуть свою власть в регионе.

Отличный дипломат Сулук Чабыш чор, в первую очередь, решил отвести опасность, исходящую с востока. Эту цель он реализовал посредством династийных браков. Его первая жена была дочерью потомка западной ветви династии Ашина, что позволило узаконить свою власть. Второй женой стала дочь кагана Бильге Второго Тюркского каганата. В свою очередь каган Сулук выдал свою дочь за сына кагана Бильге. Таким образом каган тюргешей и тюркский каган стали двойными сватами. Такие родственные отношения обусловили вечную дружбу между двумя государствами. Примечательна надпись на памятнике кагану Бильге: “Я с большим уважением отдал в жены тюргеш кагану свою дочь. Я с большим уважением женил своего сына на дочери тюргеш кагана” (Смадияров 2003:72). Здесь Бильге каган показан как инициатор мирных отношений. Нам кажется, что текст этой надписи готовил его родственник Йоллыг тегин, который события, имеющие большое политическое значение, умышленно приписал кагану Бильге с тем, чтобы поднять его авторитет.

Третий брак кагана Сулука был заключен с дочерью царя Тибета. Понятно, что все эти браки имели политико-дипломатическое значение и в этом смысле достигли своих целей. Дипломатические успехи, закрепленные династийными браками на востоке, дали возможность кагану Сулуку сконцентрировать все силы на западе, что позволило вести успешные военные действия против арабских захватчиков.

В результате каган Сулук, находясь во главе борьбы народов Средней Азии против арабов, добился многих успехов. За воинскую доблесть и упорство арабы его называли “абу муззахим” (“бодливый”) (Источниковедение 1996: 93). Воспринимая кагана Сулука как основную угрозу арабскому господству в Средней Азии, арабы старались склонять его к принятию ислама

дипломатическими путями. Но все эти старания арабских захватчиков Сулук Чабыш чор решительно отвергал.

В тоже время, как свидетельствуют исторические факты, династийные браки, преследовавшие различные политические цели, очень часто не достигали своей цели. Правитель Западного Тюркского каганата (603-704 гг.) Тон жабгу каган (618-630 гг.) вел активную внешнюю политику и сумел существенно расширить территорию каганата.

Заключив договор с императором Византии Ираклием, он принял участие в походе на Кавказ вместе с византийскими войсками и занял города Дербент, Партав, Тбилиси. Апафеозом успехов Тон жабгу кагана можно считать его встречу с Ираклием в Тбилиси. Император отметил мужество кагана, водрузил на его голову свою корону и обещал выдать за него замуж свою дочь. Однако по причине осложнения политической ситуации в дальнейшем данное обещание не было выполнено(Источниковедение 1996: 66).

Как было отмечено выше, далеко не всегда династийные браки полностью оправдывали свои цели. Ярким подтверждением тому являются примеры установления родственных связей между Истеми жабгу каганом и шахом Ирана Хосрой Ануширваном, каганом Барсбеком и каганом Капаганом посредством заключения династийных браков. Тем не менее многие политические деятели, правители в интересах дела, государства часто прибегали к таким шагам. Подобные браки встречаются и в новейшей истории.

Доказательством тому является породнение президентов Кыргызской Республики и Республики Казахстан - сын Аскара Акаева женился на дочери Нурсултана Назарбаева. Но, как известно, этот брак продлился не долго. И дело здесь не в политических противоречиях руководителей, а в семейных разногласиях супругов, о чем необходимо отметить.

Список литературы

Академик В.В. Бартольд. Сочинения. Т. II. Часть 1. Москва: Изд-тво Восточной литературы, 1963. 1020с.

Барс-бек кыргыздардын каганы. Бишкек: Инновационный центр «АРХИ», 2003. 144бет.

Геродот. История. Москва: Изд-тво “АСТ МОСКВА”, 2006. 672с.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. Москва: Изд-тво “Наука”, 1993. 512 с.

Источниковедение Кыргызстана (с древности до XIX в.). Бишкек: Изд-тво “Илим”, 1996. 507с.

Смадияров С. Кыргыз мамлекеттүүлүгүнүн тарыхынын баракталары (б.з.ч. III к. аягынан монгол чапкынына чейинки доор). Ош: Ош облустук типографиясы, 2003. 105бет.

Тер-Мкртичян Л.Х. Армянские источники о Средней Азии. V-VII вв. Москва: Изд-тво «Наука», 1979. 98с.

Худяков Ю.С. Кыргызы на просторах Азии. Бишкек: Изд-тво «Кыргызстан», 1995. 231с.

Худяков Ю.С. Сабля Багыра. Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. СПб: Изд-тво «Петербургское Востоковедение», 2003. 192 с.

С.А. Смадияров, Т.Ж. Жаркынбаев
Ежелгі түркі дәуірі: әулеттік (саяси) некелер (VI–VIII ғасырлар)

Мақалада авторлар жазба деректер мен арнайы ғылыми әдебиеттер негізінде Еуразия құрлығындағы түркі дәуірі мемлекеттерінің билеушілері арасында жасалған әулеттік некелерге қатысты деректерді ұсынады. Сонымен қатар олардың саяси мақсаттарын, мемлекеттер арасындағы достық және дипломатиялық қатынастарды орнатудағы рөлі мен маңызын жан-жақты ашады.

Түйін сөздер: Орталық Азия, Ұлы Түрік қағанаты, Істеми қаған, Иран шахы, Барсбек қаған, қырғыздар, Тан империясы, Сұлу Шабыш чор қаған, Тон Жабғу қаған.

S.A. Smadiyarov, T.Zh. Zharkynbaev
The Ancient Turkic Period: Dynastic (Political) Marriages (6th–8th Centuries)

In this article, the authors, based on information from written sources and specialized literature, present fakts about dynastic marriages between the rulers of states of the Turkic-era states on the Eurasian continent. They reveal their political goals and role in establishing friendly relations between states.

Key words: Central Asia, Great Tuekic Khanate, Istemi Kagan, Shah of Iran, Barsbek Kagan, Kyrgyz, Tang Empire, Suluk Chabysh chor kagan, Ton zhabgu kagan.

М.Т. Нуржумаев, Е.М. Тургунбаев
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Алматы, Қазақстан
maks.nur.84@mail.ru

XX ғасыр басындағы қазақ халқының балалар рәсімдеріндегі сиқыр қалдықтары: этнографиялық және салыстырмалы талдау (Ә.Т. Төлеубаев еңбектері негізінде)

Мақалада этимологиялық, тарихи және мифологиялық дереккөздер негізінде XX ғасырдың басындағы қазақ халқының балаларға қатысты рәсімдеріндегі сиқыр қалдықтары талданады. Зерттеу Э.В. Севортянның «Түркі тілдерінің этимологиялық сөздігіне», В.В. Бартольдтың «Түркі халықтарының тарихы туралы дәрістеріне» және А.Баркованың «Славян аңыздары туралы салыстырмалы-мифологиялық еңбегіне» негізделген. Алынған деректер Ә.Т. Төлеубаевтың этнографиялық түсіндірмелерімен салыстырылып көрсетіледі, бұл сиқыршылық ойлаудың архаикалық қабаттарын және олардың қазақ халқының балаларға қатысты рәсімдерінің өзгеру деңгейін анықтауға мүмкіндік береді. Мақалада XX ғасырдың басындағы қазақ халқының балаларға қатысты рәсімдеріндегі сиқыр қалдықтарына кешенді талдау жасалады. Алынған материалдар Ә.Т.Төлеубаевтың бала туу рәсімдері, бедеулікті емдеудің сиқырлы тәсілдері, баланы тылсым күштерден қорғау рәсімдері және тазару символикасы туралы далалық деректерді қамтитын этнографиялық сипаттамаларымен салыстырылды.

Сиқыршылық (магиялық) ойлаудың архаикалық қабаттары (байланысқан, имитативті және зиянды магия), олардың исламмен синкреттік тұрғыдан қатар жүруі және отбасылық рәсімдердегі орнықтылық анықталды. Негізгі терминдерге (алас, тұмар, құт, жан), «көшіру», «қағу», жеріктік бойынша анықтау салт-дәстүрлеріне және тотем-жануарларды пайдалана отырып қорғау практикаларына ерекше назар аударылды. Жұмыс сиқырлы жәдігерлердің баланы қорғау ғана емес, сонымен қатар дәстүрлі көшпелі қоғамдағы әлеуметтік реттеу мен психологиялық қолдау тетігі ретінде қалай қызмет еткенін көрсетеді. Салыстырмалы тәсіл әмбебап архетиптерді (өту шегі, әйелдердің киелі образдары) және т.б. қазақ дәстүрлерінің жергілікті ерекшеліктерін бөліп көрсетуге мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: балаларға қатысты салт-дәстүрлер, сиқыр (магия), түркі тілдер, этимология, мифология, Төлеубаев, қазақ халқы, XX ғасырдың басы, синкретизм, шаманизм, исламдану.

Кіріспе. Қазақ халқының балаларға қатысты рәсімдеріндегі сиқыр қалдықтарын зерттеу жаңғырту және жаһандану жағдайында этникалық бірегейлікті сақтау және түбегейлі өзгерту аясында өзекті болып қала береді. XX ғасырдың басында Ә.Т.Төлеубаевтың далалық материалдары көрсеткендей, бұл сарқыншақтар отбасылық өмірге кіріктірілген және баланың өмірін қорғауға, бедеулікті жеңуге және отбасының әл-ауқатын қамтамасыз етуге бағытталған мұсылмандықты қабылдағанға дейінгі наным-сенімдердің (шаманизм, анимизм, тәңіршілдік) тұрақты қабаты болды. Қазіргі Қазақстанда ұлттық мұраға деген қызығушылық дәстүрлі қоғамдағы психологиялық және әлеуметтік бейімделу тетігі сияқты элементтерді қайта құрудың маңыздылығын күшейтеді (Ә.Т. Төлеубаев, 1978, 38-39).

Дәстүрлі қазақ мәдениетінде балалық шақ бала табиғи және әлеуметтік әлемдердің шекарасында болатын қасиетті, шекаралық бөлік ретінде қабылданды. Туылу зұлым күштерден (жын, албасты, көз тию) сиқыр арқылы қорғануды және ата-бабалардан тіршілік күшін (құт, ырыс), қорғаныс беруді қамтамасыз етуді талап ететін өзге кеңістіктен, өзге әлемнен осы әлемге ауысу ретінде түсіндіріледі. Ұрпақтың, әсіресе ер адамның ұрпағында ұл балалардың көп болуы ұрпақ күшін анықтайды. Бұл рәсімдердің бедеуліктің жойқын күшінен бастап жүкті әйелдің жеріктігінің симпатикалық сиқырына дейінгі (жерік болу) сиқырлы әдістерге қанық болуын негіздеп отыратыны белгілі. Балалық шақ адамның басқа әлеммен қарым-қатынасының көрінісі ретінде танылып, ол рәсімдер қоғамның толыққанды мүшесіне көшуді бейнелеп отырады (Ә.Т. Төлеубаев, 1978, 38-40); (А. Баркова, 2022, 17-20).

Осы мәселені пәнаралық тәсіл арқылы лингвистикалық, тарихи, мифологиялық және этнографиялық аспектілерді біріктіретін магиялық қалдықтардың күрделі табиғатына негізделеді. Этимологиялық талдау (Севортян) терминдердің (алас, тұмар, арбау) архаикалық семантикасын қайта құруға; тарихи-мәдени талдау (Бартольд) исламға бейімделуді қадағалауға; салыстырмалы-мифологиялық талдау (Баркова) әмбебап архетиптерді анықтауға; этнографиялық талдау (Төлеубаев) нақты далалық сипаттамалар беруге мүмкіндік береді. Мұндай синтез монопәндік

әдістердің шектеулерін жеңеді және наным-сенімдердің синкретизмін жан-жақты түсінуді қамтамасыз етеді. (Э.В. Севортян, 136, 169); (В.В.Бартольд, 1998, 115, 192); (А. Баркова, 2022, 10-11); (Ә.Т. Төлеубаев, 1978, 38-43).

Зерттеудің мақсаты – XX ғасырдың басындағы қазақ халқының балаларға қатысты рәсімдеріндегі сиқыр қалдықтарының жүйесін қайта құру және дереккөздерді кешенді талдау негізінде олардың исламдану жағдайындағы өзгеруін қадағалау.

Жұмыстың ғылыми жаңалығы қазақ халқының балаларға қатысты рәсімдеріндегі сиқыр қалдықтарын қайта жаңғырту үшін этимологиялық (Севортяндық), тарихи-мәдени (Бартольд), мифологиялық (Барков) және этнографиялық (Төлеубаев) дереккөздерді бірінші рет жүйелі салыстыруда. Жұмыстың салыстырмалы сипаты XX ғасырдың басында архаиканың мәдени бейімделуі мен орнықтылығының тетіктерін ашып, әмбебап архетиптерді (табалдырық сиқыры, әйелдердің киелі фигуралары) және көшпелі дәстүрдің жергілікті ерекшеліктерін (тотемдік рәміздер, рулық бағдар) ажыратуға мүмкіндік береді.

Проблеманың әдіснамасы. Зерттеудің қайнар көзі тарихи, этнографиялық, мифологиялық және лингвистикалық материалдар кешені негізінде қалыптасады, ол XX ғасырдың басындағы қазақ халқының балаларға қатысты рәсімдеріндегі сиқыр қалдықтарын қалпына келтіруге мүмкіндік береді. Негізгі дереккөздерге этимологиялық, тарихи-мәдени және салыстырмалы-мифологиялық аспектілерді көрсететін негізгі авторлардың еңбектері кіреді. Бұл архаикалық наным-сенімдерді талдауды этнографиялық сипаттамалармен үйлестіретін пәнаралық тәсілді қамтамасыз етеді. Ерекше орынға ҚазССР ҒА Хабарларында жарияланған Ә.Т. Төлеубаевтың «XX ғасырдың басындағы қазақ халқының балаларға қатысты дәстүрлі наным-сенімінің қалдықтары» (1978) атты еңбегі ие. Бұл еңбек XIX–XX ғасырлардағы этнографиялық әдебиетті және қазақтар мен Орта Азия халықтарының тарихы бойынша зерттеулерді тарта отырып, Қазақстанның шығыс аудандарында жиналған автордың далалық материалдарына негізделген. Мақалада бедеулікке, жүктілікке, баланың туылуына және жаңа туған нәрестені қорғауға байланысты сиқырлы практикалар егжей-тегжейлі сипатталған (мысалы, «көшіру», «қағу» рәсімдері, белгілі бір жануарларды жеуге тыйым салу, тұмарларды қолдану). Төлеубаев сиқырды С.А. Токарев пен Г.П. Снесаревтің анықтамаларына сүйене отырып, түрлері (байланысты, имитативті, зиянды магия) және мақсаттары бойынша жіктейді, бұл қазақ өміріндегі фетишизм, анимизм және сиқырдың тоғысуын анықтауға мүмкіндік береді. Төлеубаевтың далалық деректері (мысалы, бедеулікті қуыршақтарға немесе басқа элементтерге ауыстыру туралы нанымдар) архаикалық қабаттарды, соның ішінде шаманизм мен мұсылманға дейінгі нанымдардың әсерін қалпына келтіруге негіз болады.

Сиқырлы көріністерді лингвистикалық қайта құру үшін Э.В. Севортянның «Түркі тілдерінің этимологиялық сөздігі» (2-3-томдар) қолданылады. Бұл дереккөз besik (бесік), tumar (бойтұмар), alas (алас), arba- (арбау), gerek (құрбандық) сияқты балаларға қатысты салт-дәстүрлерге байланысты негізгі терминдердің архаикалық мағыналарын анықтауға мүмкіндік береді. Севортян семантиканың эволюциясын көрсетеді: мысалы, alas бастапқыда – рухтарды шығару үшін бақсылардың үн шығаруы (Э.Севортян, 136); arba –«арбау, сиқырлау» (169-бет); gerek – малды пұтқа табыну ретінде құрбандыққа шалу (Э.Севортян, 26). Бұл деректер ежелгі ғұрыптық мағыналар тұрмыстық мағынаға айналған лексикадағы сиқыршылық сарқыншақтарының сақталуын растайды (мысалы, бақсылықтан батаға дейін, 137 б.). Э.Севортянның этимологиясы сәйкестіктерді (мысалы, байланыс сиқырында) және мәдени интерпретациядағы сәйкессіздіктерді анықтай отырып, Төлеубаевтың этнографиялық түсіндірмелерімен салыстыру үшін қолданылады.

Түркі наным-сенімдерінің тарихи мәнмәтіні В.В. Бартольдтың: «Түркілер: түркі халықтарының тарихы туралы он екі дәріс» (1998) және «Түркі және моңғол халықтарының тарихы мен филологиясы бойынша жұмыстар» (2002) еңбектері бойынша қайта жаңартылды. Бартольд отбасылық рәсімдегі «пұтқа табынушылықтың» сақталуын баса көрсете отырып, көшпенділердің исламдану процесін талдайды (мысалы, Ұмай культі сәбилердің қамқоршысы ретінде, 192 б.; баланың жынысын анықтаудағы қасқыр мен түлкінің тотемдік рәміздері, 194 б.). Автор рәсімдердің (бесікке салу, тұсау кесер) сопылық арқылы исламға бейімделуін сипаттайды, онда ежелгі нысандар мұсылмандық заңдылыққа ие болды (10, 89, 90 б.). Бұл оның көзарасын Төлеубаевпен салыстыруға мүмкіндік береді: Бартольд тәңіршілдіктің, ата-баба культінің және жан туралы түсініктердің рөлін баса көрсете отырып, солар арқылы мәдениеттің өшіп қалмай, орнықтылығының қайнар көзін көреді (515, 584-беттер).

Әмбебап архетиптерді анықтау үшін А. Баркованың «Славян мифтері: Велес пен Мокошадан Сирин құсы мен Иван Купалаға дейін» (2022) еңбегі қолданылады. Басты назар славян

мифологиясына қойылғанымен, еңбек қазақ салт-дәстүрлерін қатар қарауға мүмкіндік береді: мысалы, бастама архетипі (туылу «өзге» әлемнен ауысу ретінде, 17-20 беттер); жануарлардың бөліктерінен жасалған бойтұмарларды қолданатын қорғаныс сиқыры (қайсарлық үшін қасқыр тісі, 17-бет); жаңа туған нәрестенің шекаралық мәртебесі және жолсеріктердің рөлі (киелі әйел образы ретінде кіндік шешелер, 10, 11 б.). Баркова әлемнің шекарасы, адамның «ресімделуі» (құндақтау, шаш алу) және симпатикалық сиқыршылық (аурудың басқаға ауысуы) идеяларын атап көрсетеді, бұл қазақ тәжірибесімен үндеседі (мысалы, баланы қорғау үшін «арлан» деп атау). Бұл жалпы архетиптерді (табалдырық сиқыры, киелі әйел образы) және жергілікті ерекшеліктерді (тәңірлік және славян элементтері) анықтай отырып, Төлеубаевпен салыстыруға болатын дереккөз болып табылады.

Зерттеу әдістемесі кешенді этнологиялық талдауға негізделген, ол мыналарды үйлестіреді:

• Этимологиялық әдіс (Э.Севортян бойынша): тілдегі сиқырлы дүниетанымды анықтау үшін терминдердің архаикалық мағыналарын қайта құру;

• Тарихи-мәдени тәсіл (В.Бартольд бойынша): ғұрыптарды бейімдеуге баса назар аудара отырып, тәңіршілдіктен исламдық синкретизмге дейін сенімдердің эволюциясын талдау;

• Салыстырмалы-мифологиялық әдіс (А.Баркова бойынша): қалдықтарды бөліп көрсету үшін қазақтың салт-дәстүрлерін әмбебап архетиптермен салыстыру (бастама, симпатикалық сиқыр);

• Этнографиялық талдау (Ә.Төлеубаев бойынша): өңірлік ерекшеліктерді ескере отырып, сиқырды түрлері мен мақсаттары бойынша жіктей отырып, далалық деректерді түсіндіру. Бұл тәсіл ғылыми жаңалықты қамтамасыз етеді: дереккөздерді салыстыру XX ғасырдың басында ислам мен әлеуметтік-мәдени өзгерістердің әсерінен сиқыр қалдықтарының өзгеруін анықтауға мүмкіндік береді, олардың әлеуметтік реттеу мен психологиялық қорғаудағы рөлін көрсетеді.

	Негізгі терминдердің сиқырлы семантикасы	*Тіл сиқырлы дүниетанымның тасымалдаушысы ретінде*	*А.Т.Төлеубаевтың түсіндірмелерімен салыстыру*
Балаларға қатысты сиқыр көріністерінің этимологиялық негіздері *(Э.В. Севортян бойынша)*	• *бесік*, *тұмар*, *алас*, *жын*, *құт*, *ырыс*, *жан;* Архаикалық мағыналар және олардың қасиетті мағынасы.	Лексикадағы ежелгі наным-сенімдерді сақтау; Этимология рәсімдерді қайта құрудың көзі ретінде.	Этнографиялық сипаттамада терминологияны қолдану; Түсіндірудегі сәйкестіктер мен сәйкессіздіктер.

Қазақ халқының балаларға қатысты дәстүрлі рәсімдеріндегі негізгі терминдердің сиқырлы семантикасы туралы айтатын болсақ, негізгі терминдер түркі халықтарының сиқырлы дүниетанымдарын көрсететін архаикалық қабатын көрсетеді. Бұл сөздер баланың өмірін қорғауға, қоғамдағы адамды тазартуға және киелі ресімдеуге байланысты ежелгі наным-сенімдердің іздерін сақтайды.

Бесік термині тек тұрмыстық элементті ғана емес, нәрестені сыртқы күштерден қорғауды және туысқандармен байланысты білдіретін қасиетті кеңістікті білдіреді. Түркі тілдерінде бесік «бесікке салу» рәсімінің орталық элементі ретінде қолданылады, онда бесік зұлым рухтар мен табиғи қауіптерден қорғайтын «ұя» немесе «қорғаныс ұясы» ретінде қабылданады. Архаикалық мәні баланың «табиғи» (жатырдағы) күйден мәдени, әлеуметтік күйге өту идеясын көрсетеді (Э. Севортян, 52) (göbek ұрпақ пен тұқымға байланысты өмірлік энергияның орталығы ретінде қарастырылады, бұл бесік семантикасын жаңа өмірдің сыйымдылығы ретінде қайталайды).

Тұмар – балалық шақтағы әдет-ғұрыптағы сиқырлы тақырыптың ең жарқын мысалдарының бірі. Э. Севортян сөздігінде тұмар ретінде қасиетті мәтіндер, көмір, тұз немесе өсімдіктердің/жануарлардың бөліктері зұлым көзден (көз тию) және зұлым рухтардан (жын, албастар) қорғау үшін орналастырылған қорғаныс шүберегін немесе кішкене дорбаны көрсетеді. Архаикалық мағынасы баланы «байланыс арқылы қорғауды» және оған «күш беруді» білдіреді. Мұсылмандыққа дейінгі кезеңде тұмар шамандық атрибуттармен байланысты болуы мүмкін, кейінірек исламға бейімделген (Құран аяттарын жазу). Қасиетті мағына – құтты (амандық) және ырысты (сәттілік) физикалық байланыс арқылы қамтамасыз ету. (Э. Севортян, 98) (тұмарға ұқсас шамандардың ай бейнесі бар метал бойтұмарлары болған).

Алас – баланың немесе жаңадан босанған әйелдің айналасындағы кеңістіктен зұлым рухтарды шығаруға бағытталған үн шығару және түтін шығару рәсімі (көбінесе аршаны түтіндетеді). Э.Севортянның этимологиясында «alas – бақсылық рәсімдерді жүргізу кезінде айтылатын сөз», ал басқа еңбектерде тазарту үшін «түтінмен емдеудің балгерлік әдісі» ретінде жазылған. Архаикалық мағынасы шаманизммен байланысты: от пен түтін зұлым рухтарды (жындарды) қуып жіберетін әлемдер арасындағы делдал ретінде қызмет етеді. Балаларға қатысты рәсімдерде аластау ауырған кезде, бала туылған кезде және жаңа туған нәрестені қорғау үшін қолданылады, бұл «отпен тазарту» рәсімін білдіреді (Севортян, 136).

Жын (жын, зұлым рух) – баланың өміріне қауіп төндіретін басқа дүниелік тіршілік иелері (әсіресе алғашқы 40 күнде). Түркі лексикасында жын араб тілінен алынған, бірақ қазақы мағынада мұсылмандыққа дейінгі ата-бабалар мен табиғат рухтары туралы идеялармен үйлеседі. Архаикалық мағынасы –аластау, бойтұмар тағу немесе үшкіру арқылы қуылып шығарылатын дұшпандық күш. Маңызды тұсы: жын ұрпақтың жалғасуына қарсы аласапыранның көрінісі ретінде. (Э.Севортян, 169) (салыстырыңыз, арба - ұқсас күштерге қарсы емле ретінде).

Құт (әл-ауқат, бақыт, өмірлік күш) – баланы сиқырлы қорғаудағы денсаулық пен өркендеу әкелетін Құдайдың рақымын білдіретін негізгі ұғым. Архаикалық қабатта құт – бұл салт-дәстүрлер арқылы берілетін «сәттілік рухы» (мысалы, бесікке салу немесе қырқынан шығару кезінде). Семантика нәресте үшін өмірлік энергияны «тартып алу» немесе «өзіне тарту» идеясымен байланысты (Э.Севортян, 185) (қараңыз, aru қиыншылықтардан арылуға және құтқа жетуге байланысты «таза, қасиетті» ретінде).

Ырыс (сәттілік, жақсылық, өркендеу) – құтқа жақын мағынаға ие, бірақ материалдық және әлеуметтік әл-ауқатқа баса назар аударатын термин. Балаларға қатысты рәсімдердегі ырыс баланың дені сау болып, туыстарына пайда әкелуі үшін бата беру (алғыс) және тұмарлар арқылы «шақырылады». Архаикалық мағынасы – ата-бабалардан қалған «ұстап алған сәттілік». (Э.Севортян, 137) (қараңыз: alqish бақсылықтан батаға түбегейлі өзгеру ретінде).

Жан (жан, өмір) – нәрестелік кезеңде осал болатын баланың өмірлік мәнін білдіретін орталық ұғым. Сиқырлы көріністерде жанның кетуіне (өліміне) жол бермеу үшін оны «қорғау» және рәсімдермен «нығайтып отыру» керек. Архаикалық мағынасы – ата-бабалармен және табиғатпен байланысты нәзік зат ретінде жан (Э.Севортян, 55) (apa/aba-ны тіршілікті қорғауға байланысты табуистік атаулар ретінде қарау).

Қазақ дәстүріндегі тіл тек қарым-қатынас құралы ғана емес, сонымен қатар ежелгі наным-сенімдердің қоймасы болып табылады. Балаларға қатысты рәсімдердің көптеген терминдері шаманизм мен тәңіршілдіктің рудименттерін сақтайды: от культінің жаңғырығы (алас), қорғаныс сиқыры (тұмар) және жан туралы идеялар (жан, құт). Бұл сөздердің лексикада сақталуы мына сабақтастықты көрсетеді: исламданғаннан кейін де сиқырлы тәжірибелер жойылған жоқ, бірақ архаикалық семантиканы сақтай отырып бейімделді деген сөз (Э.Севортян, 31).

Этимология рәсімдерді қайта құрудың қуатты көзі ретінде қызмет етеді. Мысалы, тамырларды талдау тазарту рәсімдері (аластау) немесе дуалау рухтарды шығарудың шамандық тәжірибесінен қалай басталатынын көрсетеді. Мұндай деректер бесікке салудың немесе қырқынан шығарудың сиқырлы мәнмәтінін қалпына келтіруге мүмкіндік береді, мұнда тіл баланың «табиғи» күйінен «әлеуметтік» мәртебесіне көшуді тіркейді. (Э.Севортян, 44, 169).

Ә.Төлеубаевтың сиқырдың қалдықтары туралы түсіндірмелері (байланысты, имитативті, зиянды) Э.Севортянның этимологиясымен жақсы үйлеседі. Мысалы, бауырмен немесе өсімдіктермен қағу және дуалау (заклинание) семантикасы аурудың берілуін немесе күш тартуды растайтын байланыс сиқырын көрсетеді. Төлеубаев заттар арқылы бедеулік пен зұлым көзден қорғауды сипаттайды – бұл тұмар мен аластау арқылы жынды қуып шығару құралы ретінде үндеседі. Сәйкессіздіктер жоқ дерлік: Төлеубаев этнографиялық (далалық деректер), Э.Севортян лингвистикалық аспектіні, бірақ екеуі де XX ғасырдың басында архаиканың өміршеңдігін атап көрсетеді.

Түркілердің балаларға қатысты салт-дәстүрінің	*Түркі халықтарының архаикалық нанымдары*	*Дәстүрлі түркі қоғамы жүйесіндегі балалық шақ*	*Қазақ материалымен тарихи параллельдер*

тарихи-мәдени мәнмәтіні *(В.В.Бартольд бойынша)*	Тәңіршілдік; Ата-баба культі; Жан мен тағдыр туралы идеялар.	Бала тұқым жалғастырушы ретінде; Қорғау және әлемуеттену сиқыры	Бартольд ↔ Төлеубаев; Рәсім нысандарының орнықтылығы

В.Бартольдтың пікірінше, түркі халықтарының архаикалық наным-сенімдерінде тәңіршілдік Тәңірдің жоғарғы Құдайы (аспан) ғарыштық тәртіп пен өмірдің қамқорлығын бейнелейтін негізгі діни жүйе ретінде әрекет етеді. Балалық шақ аясында бұл жаңа туған нәрестені аласапыраннан қорғауға байланысты рәсімдерде көрінеді, мұнда Тәңір ұрпақтың құнарлылығы мен өмір сүруін қамтамасыз етеді. В.Бартольд Тәңіршілдік қатаң догма емес, табиғи күштерді біріктіретін дүниетаным болғанын атап өтті, бұл балалардың ғарышпен үйлесімділіктің бір бөлігі ретінде туылу рәсімдерінде көрініс тапты. (В.В. Бартольд, 10). Түркілердегі ата-баба культі, В.Бартольдтың түсіндіруінше, ата-бабалар (әруақ) ұрпақтың қамқоршысы және балаларды қорғаушы ретінде әрекет ететін ұрпақтардың байланысын көрсетеді. Балалық шақтағы рәсімде бұл нәрестелерді құрсағында және туылғаннан кейін қамқорлыққа алатын, ата-бабалардан өмірлік күштің берілуін қамтамасыз ететін Ұмай ананы құрметтеу сияқты рәсімдерде көрінеді. В.Бартольд бұл культті ежелгі түркі жазуларымен байланыстырады, онда ата-бабалар ұрпақтарының тағдырына баланың айналасында рәсімдер жасау арқылы әсер етеді, мысалы ат қою туыстық қатынастарды нығайтады (В.В. Бартольд, 89).

В.Бартольд сипаттағандай, түркі наным-сенімдеріндегі жан мен тағдыр туралы идеяларға жанның өзгеруге қабілетті қозғалмалы тұлға ретіндегі идеясы жатады (мысалы, өлгеннен кейін құсқа немесе сұңқарға айналу). Балаларға қатысты салтта бұл сәбидің жанын зұлым күштерден қорғау рәсімдерінде көрінеді, мұнда тағдырды (қысмет) Ұмай сияқты қорғаушы рухтар алдын-ала анықтайды. В.Бартольд мұндай түсініктер ислам діні келгеннен кейін де сақталғанын атап өтеді, онда баланың жаны қоғамда бастамалар арқылы «бекітіледі» (В.В. Бартольд, 90).

Дәстүрлі түркі қоғамында баланың туылуы мен тәрбиесі рудың әлеуметтік құрылымын нығайтатын ұрпақтың жалғастырушысы ретінде қабылданды. В.Бартольд ұрпақтардың, әсіресе еркектердің көптігі әскери рөлге баса назар аудара отырып, балаға арналған метафоралық «қасқыр», «арлан» деп атау рәсімдерінде көрініс тауып, тұқымның күшін анықтағанын атап өтті. Мұндағы балалық шақ оқшаулану емес, рулық ұжымға кіру рәсімдері дәстүрлердің сабақтастығын қамтамасыз етеді. (В.В. Бартольд, 194). В.Бартольдтың пікірінше, түркілердің баларға қатысты рәсімдеріндегі қорғаныс пен әлеуметтену сиқыры көшпелі қоғамның болашақ мүшесі ретінде баланы шынықтыруға бағытталған. Пренатальды кезеңді қорғауға арналған Ұмай культі және жалғыз бастама (туысқан топтарда) сияқты рәсімдер сиқырлы рухтардан қорғауды практикалық төзімділік тәрбиесімен біріктіреді. Бұл баланы «табиғи» болмыстан әлеуметтендірілген жауынгерге немесе ұрпақтың қамқоршысына айналдырады (В.В. Бартольд, 192).

В.Бартольд пен Ә.Төлеубаевтың көзқарастарын салыстыру қазақ салт-дәстүріндегі архаикалық нанымдардың сабақтастығын ашады: В.Бартольд Ұмай ана культі мен тотемдік символдарды (қасқыр, түлкі) жалпы түркі рудименттері ретінде сипаттайды, ал Ә.Төлеубаев оларды бедеулік пен зұлым көзден қорғау тәжірибесінде қолданылған сарқыншақтар ретінде көреді, мұнда байланыс сиқыры (мысалы, кіндік арқылы тамақтану) ежелгі рәсімдерге сәйкес келеді. Екеуі де сопылық қалдықтарды «заңдастыратын» исламға бейімделуге баса назар аударады (В.В.Бартольд, 115). В.Бартольдтың пікірінше, қазақ материалындағы әдет-ғұрып нысандардың орнықтылығы шариғаттан (Ясақ, Таурат) басым болуына байланысты, бұл қырқынан шығару сияқты салт-дәстүрлерді киелі рухтан (Ұмай) рулық қорғауға көшу ретінде сақтауға мүмкіндік берді. Ә.Төлеубаев мұны XX ғасырдың басындағы сиқырлы әрекеттер туралы далалық мәліметтермен растайды, исламдануға қарамастан нысандардың өміршеңдігін көрсетеді. (В.В. Бартольд, 355).

Салыстырмалы мифологиялық аспект: қазақ және славян халықтарының	Әмбебап мифологиялық бейнелер	Славян дәстүріндегі балалық шақтың сиқыры	Ә.Т. Төлеубаевтың көзқарастарымен салыстыру
	Қорғаушы құдайлар; Киелі әйел кейіпкерлері;	Тұмарлар; Тыйым салу; Тазарту рәсімдері.	Жалпы архетиптер; мәдени түсіндірудегі айырмашылықтар;

балаларға қатысты рәсімдері *(А. Баркова бойынша)*	Табалдырық пен өтпелі сиқыр.		қазақ дәстүрінің жергілікті ерекшелігі.

Славян мифологиясында, түркі мифологиясындағыдай (қазақты қоса алғанда), өмірдің шекаралық кезеңінде баланы қорғайтын қорғаушы құдайлардың бейнелері әмбебап болып табылады. А.Баркова туылуды «өзге» әлемнен (өлгендер әлемінен) келу деп сипаттайды, онда жаңа туған нәресте қайтып оралудан қорғауды қажет етеді, бұл қазақтың жын мен албастыдан қорғау туралы идеяларын тұмарлар мен рәсімдер арқылы қайталайды. Бұл өтпелі архетипті және тірілер әлеміне «өткізгіштердің» қажеттілігін көрсетеді. (А. Баркова, 2022, 17-20).

Славян дәстүріндегі киелі әйелдер кейіпкерлері (босандыратын әйелдер, кіндік шешелер әлемдер арасындағы жолсерік ретінде) қазақ халқының босандырушы және босану кезінде және бала өмірінің алғашқы күндерінде ырым жоралғы функцияларды орындайтын абыз әйелдеріне ұқсас. Баркова кіндікті кесетін кіндік шешенің өткелді басқаратын архаикалық діни қызметкер ретіндегі рөлін атап көрсетеді, бұл егде жастағы әйелдердің тазарту мен қорғауды қамтамасыз ететін қазақ рәсімдеріне сәйкес келеді. (А.Баркова, 2022, 10, 11).

Табалдырық пен өтпелі сиқыры – негізгі әмбебап архетиптердің бірі: славян дәстүрінде жаңа туған нәресте қоғамда шоғырлану үшін оны «рәсімдеу» (орау, ат қою) рәсімдерін талап ететін әлемдердің шекарасында орналасқан. Бұл қазақтың бесікке салу және қырқынан шығару салт-дәстүрлеріне параллель, онда бала байланыс пен алмастыру сиқырын қолдана отырып, символдық түрде табиғи/басқа дүниелік күйден мәдени күйге ауысады (А.Баркова, 2022, 17-20). Славяндық балаларға қатысты рәсімдер ұқсастық қағидаты арқылы сиқырлы қорғаныс беретін жануарлардың бөліктерінен жасалған тұмарлар (тістердің беріктігі үшін қасқыр тісі, күш үшін жүні) жатады. А.Баркова баланың сәттілік пен денсаулыққа ие болуы үшін қасқыр тісін тістерді жару кезінде симпатикалық сиқыр ретінде қолдануды атап өтеді. (А. Баркова, 2022, 17-20).

Славян дәстүрінде де қазақ дәстүрінде де тыйымдар сиқыры жүктілік кезеңінде және нәрестенің дүниеге келген алғашқы күндерінде айқын көрініс табады: славяндарда босанған әйел мен жаңа туған нәресте «таза емес» болып саналады, баланы көрсетуге, белгілі бір тағамды жеуге немесе ғибадатханаға кіруге тыйым салынады, бұл шекара мәртебесін және «өзге» әлемге оралу қаупін көрсетеді. А.Баркова мұны алғашқы 40 күнде «уақыттан тыс уақыт» идеясымен байланыстырады. (А. Баркова, 2022, 10, 11, 37). Тазарту рәсімдері («тазартылған сумен» жуу, аурудан ағаш немесе зат арқылы айыру) байланыс және алмастыру принциптерін жүзеге асырады: ауру алмастырушы затқа беріледі. Баркова адамды екіге бөлінген ағаштың ортасынан өткізу немесе зұлым күштерді шығару үшін тұмарларды пайдалану мысалдарын келтіреді. (А. Баркова, 2022, 17-20, 42).

Біздің қазақ халқында да қырқынан шығарған кезде баланы шомылдыру рәсімі болады. Қырық қасық суға шомылдыру рәсімі нәрестенің жақын туыстары арасында жасалатын. Суға бұрынғы заманда қойдың құмалақтары салынатын. Қазіргі уақытта осы дәстүр сақталған, бірақ суға тиын, әшекейлер, күміс салынып жатады. Оның барлығы сол заттардың байланыс сиқыры арқылы нәрестенің денсаулығына, өміріне жақсы әсер етеді деген наным-сенімнен болуы мүмкін. Баланың анасына да қырық күнге дейін суға түсуге болмайды, суыққа шығуға болмайды деген наным-сенім қалыптасқан.

Жалпы архетиптер қорғаныс сиқырында да көрініс табады: славян дәстүрінде қасқырдың тісі және баланы жасыру, қазақта (Төлеубаев бойынша) – жануарлардың тістері бар тұмар, ит көйлек (ит жейдесі) және ұқсастық пен байланыс қағидаты ауысуды және қорғауды қамтамасыз ететін зұлым көзден жасалған рәсімдер. Түркі халықтарында көз тиюден көз моншақтарды салып, қадап жүретін болған. Осы көзмоншақтар тағу мен баланың жауырынының ортасына, маңдайына күйе жағып қою осы күнге дейін сақталған жаман көзден сақтайтын наным-сенімдердің түрлері.

Екі автор да дүниеге келуді салттық рәсімдеуді қажет ететін сыни шекара ретінде көреді. (А. Баркова, 2022, 17-20; Ә.Т. Төлеубаев, 1978, 38-43). Мәдени түсіндірмедегі айырмашылықтар: славян дәстүрі (Баркованың айтуы бойынша) қос сенімге баса назар аударады (христиандық + пұтқа табынушылық), шомылдыру рәсімінен өту тазаруға бейімделу ретінде, ал Төлеубаев қазақтың салт-дәстүрін тәңіршілдік/шаманизмді исламмен үйлестіреді (дұға, аяттарды оқу) тұмарға аяттар жазу). Славяндық тыйымдар босанған әйелдің «таза еместігімен» байланысты болса, қазақ тыйымдары – нақты зиян тіршіліктермен (бақсылардан бедеулік, жын) байланысты. (А. Баркова, 2022, 10, 11; А.Т. Төлеубаев, 1978 , 38-40).

Қазақ дәстүрінің жергілікті ерекшелігі көшпелі мәнмәтінде: ата-баба жолын жалғастыру үшін (еркектің ұрпағы текке күш береді), рухтар мен шамандық элементтерді алдау үшін тотем-жануарларды (қасқыр, ит) және басқа заттарды пайдалануға (алас, тұзбен және күміспен қырқынан шығару) баса назар аудару. Бұл оны тазарту рәсімдерінде христиан канонының аса күшті әсері болған отырықшы славяндық салттан ерекшелендіреді. (Ә.Т. Төлеубаев, 1978, 39-41; А. Баркова, 2022, 17-20).

XX ғасырдың басындағы қазақ халқының балаларға қатысты ырымдары	Балалардың өмірлік циклінің негізгі кезеңдері	Ұрыптардың сиқырлы функциялары
	Туу рәсімдері; Ерте балалық шақ рәсімдері; Қорғау және тазарту символикасы;	Қорғаныс; Қасиетті; Әлеуметтік-реттеуші;

XX ғасырдың басындағы қазақ халқының босануға қатысты рәсімдері Ә.Төлеубаевтың пікірінше, бедеулікті жеңуге және жеңіл босануды қамтамасыз етуге бағытталған сиқырға толы болды. Бедеулік бақсылар (шамандар), емшілер немесе бедеу әйелдер зиянды әрекеттері арқылы (шашты бақаның сүйегіне орау, заттар арқылы немесе тамақ арқылы шақыру) шақыратын үлкен бақытсыздық болып есептелген. Одан құтылу үшін «көшіру, аудару» (ауруды әйел қуыршақтарға аудару) және «қағу» (малдың бауырымен немесе өсімдіктермен ұру) шамандық рәсімдері, сондай-ақ кіндік бөліктерін жеу немесе бедеулікті беру үшін босанған әйелдің ізін басу қолданылды. Босану кезінде процесті жеңілдету және қатты толғақтарды болдырмау үшін шаш өрімдер, түйіндер шешіліп, метал алынып тасталды. (Ә.Т. Төлеубаев, 1978, 38-40).

Ерте балалық шаққа қатысты рәсімдер жаңа туған нәрестені қорғау және оны әлеуметтендірудің сиқырлы практикаларын қамтыды. Жүктіліктің алғашқы белгісі баланың жынысы мен қасиеттерін болжайтын жеріктік болды: жабайы жануарлардың етіне деген жеріктік (аю, қасқыр) құрсаққа біткен батыр баланы білдірсе, тәттіні жегісі келу – қызды білдіретін. Азық-түлікке тыйым салу (қоян еті – еріннің жырық болуы, түйенің еті – 12 айлық жүктілік, қасқырдың бауыры – ашу) имитативті сиқырға негізделген. Ерте балалық шақта зұлым көздер мен аурулардың алдын алу үшін тұмарлар мен рәсімдер қолданылды, соның ішінде байлық пен береке, тоқшылық болу үшін үшін жас қалыңдықтың көйлегінің етегіне итті жатқызып тамақтандыру көрініс тапқан. (Ә. Т.Төлеубаев , 1978, 39-40).

Қорғаныс пен тазарту символикасы бүкіл циклге еніп кетті: от, түтін, су мен күміс зұлым күштерді қуып шығару үшін, ал жануарлар (ит, қасқыр) рухтарды алдау сиқырында делдал ретінде пайдаланылды. Әдет-ғұрыптар тұқымның жалғасуына ерекше мән беріп, баланың «табиғи» (жатырлық, осал күйінен) әлеуметтік мәртебеге ауысуын ерекше көрсетті. Бұл табалдырық пен тазартудың әмбебап архетиптерімен үндес. (А. Баркова, 2022, 17-20); (А.Т.Төлеубаев, , 38-41).

Ұрыптардың қорғаныс функциясы жетекші болды: сиқыр зиянды күштерді (жын, зұлым көз, бедеулік) байланысқан (ауруды қуыршақтарға беру, ізін басу) және имитативті (жеріктік, жеуге тыйым салынған заттар) сиқырын қолдана отырып тойтаруға бағытталған. ӘТөлеубаев мұндай іс-әрекеттер балалар өлімінің жоғары жағдайында психологиялық тірек болып, бала үшін сәттілік пен денсаулықты «ұстап қалуды» қамтамасыз еткенін атап өтті. (Ә.Т. Төлеубаев, 1978, 38-39). Киелі функция рәсімдері басқа әлеммен қарым-қатынас жасау әрекеті ретінде көрініс тапты: шамандық тәжірибелер (көшіру, қағу) және малдың мүшелерін (кіндік, бауыр) пайдалану ата-бабалар мен табиғат рухтарымен байланыс орнатып, тылсым күштің рақымын қамтамасыз етті (құт, ырыс). Бұл архаикалық дүниетанымды көрсетті, онда бала ұрпақтың жалғасы, ал рәсімдер оның жанын қоғамда «рәсімдеу» және қорғау тәсілі болып табылады. Әдет-ғұрыптардың әлеуметтік-реттеуші функциясы туысқандық қатынастар мен нормаларын нығайтуға бағытталды: ұрпақтың көп болуы әулет мәртебесін анықтады, ал рәсімдер (бала сұрау, дуадан сақтау) отбасы мен ұжымның іс-қимылын реттеді. Ә.Төлеубаев бұл жердегі сиқыр тек қорғаныс ретінде ғана емес, көшпелі қоғамдағы әлеуметтік құрылымды қолдау ретінде де қызмет еткенін атап өтті. (Ә.Т. Төлеубаев, 1978, 38, 43).

Салыстырмалы талдау және түсіндіру. Этимология ↔ этнография (Э.Севортян ↔Ә. Төлеубаев)

Э.Севортянның этимологиялық деректерін Ә.Төлеубаевтың этнографиялық бақылауларымен салыстыру қазақ халқының балаларға қатысты салт-дәстүрінің лексикасы мен салт-дәстүр тәжірибесіндегі архаикалық сиқырлы көріністердің терең сабақтастығын ашады. Атап айтқанда, Э.Севортянның «алас» дегені рухтарды қуып шығару үшін шамандық үн шығару ретінде түсіндіріледі, бұл Ә.Төлеубаевтың XX ғасырдың басындағы зұлым көзден және аурулардан қорғау рәсімі ретінде арша түтінін таратуға сәйкес келеді, бұл ауызша сиқырдан этнографиялық тұрғыдан бекітілген тазарту әрекеттеріне көшуді бейнелейді (Э.Севортян, 136), (Ә.Т. Төлеубаев, 1978, 40-41).

Сол сияқты, Э.Севортянның этимологиялық сөздігіндегі «тұмар» семантикасы оның шамандық атрибуттары бар тұмар ретіндегі рөлін атап көрсетеді (айдың металл бейнелері), бұл Э.Төлеубаевтың этнографиялық түсіндірмелерімен резонанс тудырады, мұнда тұз, көмір немесе жануарлардың бөліктері бар тұмарлар жаңа туған нәрестені зиянды сиқырдан қорғауға қызмет етеді, бұл сиқырдың байланыс түрін және оның күнделікті өмірде бейімделуін көрсетеді. Жалпы, Э.Севортянның этимологиялық қайта құрылуы («arba-» сияқты терминдердің рудиментарлық мағыналары) Э.Төлеубаевтың этнографиялық талдауын толықтырады, ол ежелгі лингвистикалық қабаттардың (мысалы, «gerek» құрбан) бедеулікті емдеу және баланы қорғау рәсімдерінде қалай көрінетінін анықтайды.

Тарих ↔ дәстүр (В.Бартольд ↔ Ә.Төлеубаев). В.Бартольдтың исламдану процесін және мұсылмандыққа дейінгі элементтерді (мысалы, Ұмай культі сәбилердің қамқоршысы ретінде) сақтауды көрсететін түркі наным-сенімдеріне тарихи-мәдени көзқарасы Төлеубаев сипаттаған дәстүрлі тәжірибелерде ұқсастықтар табады, мұнда бала туу және бедеуліктен қорғау рәсімдері (мысалы, көшіру) XX ғасырдың басында тәңіршілдік пен шаманизмнің исламмен синкретизмін көрсетеді. (В.В. Бартольд, 1998, 192); (Ә.Т. Төлеубаев, 1978, 38-40).

В.Бартольд қарапайым құқықтың (ясака) және тотемдік символдардың (қасқыр ұлдың бейнесі ретінде) орнықтылығын атап өтеді, бұл тұқымды жалғастырушы ретінде ұрпақтың әлеуметтенуі үшін сиқырдың тарихи тізбектілігін көрсете отырып, Ә.Төлеубаевтың жүктілік кезінде баланың жынысын және мінезін болжау кезінде оның жеріктігін анықтаумен байланысты. В.Бартольдтың тарихи мәнмәтінінің синтезі (сопылық арқылы рәсімдерді бейімдеу) және Ә.Төлеубаевтың дәстүрлі түсіндірмелері жан мен тағдыр туралы архаикалық наным-сенімдердің тұрмыстық рәсімдерге (тамақтануға тыйым салу, босану кезінде түйіндерді ашу) қалай өзгергенін анықтайды, олардың сыртқы әсерлерге қарамастан мәдени сәйкестікті сақтаудағы рөлін көрсетеді.

Мифология ↔ ғұрып (А.Баркова ↔ Ә.Төлеубаев). Славян дәстүріндегі бастамашылық және шекті көшу архетиптеріне бағытталған А.Баркованың салыстырмалы-мифологиялық талдауы (туылу «өзге» әлемнен келу ретінде) Ә.Төлеубаевтың әдет-ғұрыптық практикасында көрініс табады, мұнда қазақ салт-дәстүрлері (мысалы, түтін шығару және тұмарлар) баланы басқа әлемге оралудан қорғауды білдіреді, алмастыру мен байланыс сиқырының әмбебаптығын көрсетеді (А. Баркова, 2022, 17–20); (Ә.Т. Төлеубаев,1978, 41–42). А.Баркованың киелі әйелдер кейіпкерлерінің мифологиялық бейнелері (абыз әйел образдары ретінде кіндік шешелер) Ә.Төлеубаевтың рәсімдік рөлдерімен байланысты, мұнда осындай фигуралар мәдени айырмашылықтарға қарамастан славян және қазақ дәстүрлеріндегі әлем шекарасының жалпы архетиптерін анықтай отырып, сиқырлы тазарту мен әлеуметтенуді қамтамасыз етеді. А.Баркованың мифологиялық әмбебаптарын (тұмарлардағы симпатикалық сиқыр, «шекаралық» кезеңдегі тыйымдар) және Ә.Төлеубаевтың салттық сипаттамаларын түсіндіре отырып мынадай айырмашылықтарды көрсетуге болады: славяндардың қос сенімі (христиан – пұтқа табынушылық) және қазақ синкретизмі (шаманизм – Ислам), мұнда жергілікті ерекшелік жануарлар-тотемдер арқылы рудың жалғасуына көшпелі тұстан назар аударылады.

XX ғасырдың басында қазақ халқының балаларына қатысты салт-дәстүрлерге исламдық ықпал архаикалық рәсімдерді біртіндеп исламдандырудан көрінді, сонымен бірге олардың құрылымдық және функционалдық ерекшеліктері сақталды. Зұлым рухтарды қуып шығарудың шамандық тәжірибелері (мысалы, аршамен аластау) және тұмарларды қолдану (бойтұмар) Құран аяттары мен дұғаларды қосу арқылы бейімделді, бұл мұсылмандыққа дейінгі элементтерге ислам заңдылықтарын беруге мүмкіндік болды. В.Бартольд исламның даладағы жетістігі бұрыннан бері қорқыныш болған зұлым рухтарға қарсы сөйлейтін тілдің сопылыққа жақын болуын, оның нәтижесінде баланы (жын, жаман көзден) қорғау рәсімдері сүрелерді оқу түрінде сыртқы көріністе ие болғанын, бірақ байланыс пен симпатикалық сиқыр сақталғанын атап көрсетеді.

Ислам шамандық және тәңірлік элементтерді толығымен ығыстырған жоқ, оларды отбасылық өмірге ықпалдастырды: мысалы, бедеулікті емдеу рәсімдері (ауруды қуыршақтарға ауыстыру немесе ізін басу) молдаларға жүгінумен қатар жүре берді, бұл балаларға қатысты рәсімдер

мәселелерінде шариғатқа қатысты әдеттегі құқықтың толық емес дәріптелуі мен үстемдігін көрсетеді. Ә.Төлеубаев XX ғасырдың басында да шамандар (бақсылар) мен молдалар дуалау мен емдеудің баламалы көздері ретінде қабылданғанын, бұл синкретикалық бейімделудің ұзақ процесін көрсететінін атап өтті.

XX ғасырдың басындағы қазақ халқының салт-дәстүріне қатысты нанымдардың синкретизмі тәңірлік-шамандық, анимистік және исламдық элементтердің қатар өмір сүруі мен бір-біріне өзара әсерлесуінен көрінді. Э.Севортянның этимологиясында бекітілген жан (рух) және өмірлік күш (құт, ырыс) туралы архаикалық түсініктер жаңа туған нәрестені қорғау рәсімдерінде өз жұмысын жалғастырды, бірақ тұмарлардың ішіндегі аяттарды оқу және молдалардың баталары арқылы исламдық сипат алды. Бұл терминдердің сиқырлы семантикасын (мысалы, arba – дуалау ретінде) күнделікті тәжірибеде сақтауға мүмкіндік берді. Синкретикалық сипат шекті жағдайларға байланысты рәсімдерде ерекше байқалады (босану, алғашқы 40 күн): зұлым күштерді қуып шығарудың шамандық әдістері (аластау, жануарлардың бөліктерін пайдалану) исламдық тазарту практикаларымен біріктірілді, бұл әмбебап өтпелі архетиптермен және «уақыттан тыс сәттермен» үндеседі. А.Баркова славян салт-дәстүріндегі ұқсас процестерді атап өтеді (қос сенім), онда пұтқа табынушылық тұмарлар христиан канонына бейімделген; қазақ халықының жағдайында сопылық пен халықтық исламға бейімделген.

Исламдық ықпалға қарамастан, архаикалық элементтер (байланысты және имитативті сиқыр, тотемдік символдар, ата-баба культі) отбасылық рәсімде орнықты мәдени жәдігерлер ретінде сақталды. Ә.Төлеубаев жүктілік кезінде белгілі бір тағамға тыйым салу (қоян, түйе, қасқыр бауыры) баланы сұрау рәсімдері (көйлекке жатқызып итті тамақтандыру) және бедеулікті емдеу үшін кіндікті қолдану XX ғасырдың басында қалай жалғасқанын сипаттайды, бұл қасиеттердің ұқсастығы мен ауысуы туралы ежелгі идеяларды көрсетеді. Бұл практикалар тек қорғаныс ретінде ғана емес, сонымен бірге көшпелі қоғамда рулық сәйкестікті сақтау ретінде де қызмет етті. Архаиканың сақталуы лингвистикалық тұрғыдан да расталады: терминдердің рудиментті мағыналары (алас шамандық үн шығару ретінде, tumar шамандық тұмар ретінде) олардың сыртқы формалары исламға бейімделген кезде де салттық лексикада өмір сүруді жалғастырды. В.Бартольд одан түркі мәдениетінің, салт-дәстүрінің сөну сипатын емес, бейімделген орнықтылық көреді, онда отбасылық рәсімдер психологиялық және әлеуметтік тұрақтылық тірегі болды.

Қорытынды. XX ғасырдың басындағы қазақ халқының балаларға қатысты дәстүрлі наным-сенім қалдықтарын талдау олардың исламдану жағдайында сақталуы мен түбегейлі өзгеруінің көп қабатты көрінісін қайта құруға мүмкіндік берді. Тәңірлік-шамандық тектес архаикалық элементтер – байланысты, имитативті және зиянды магия, жаңа туған нәрестенің шекті мәртебесі туралы идеялар, тотемдік жануарларын (қасқыр, ит) және малдың мүшелерін (кіндік, бауыр) пайдалану – исламның әсеріне қарамастан отбасылық тұрмыста өз жұмысын жалғастырғаны анықталды.

Этимологиялық талдау (Э.Севортян бойынша) негізгі терминдердің (алас, тұмар, arba-, құт, жан) рудиментті мағыналарын анықтады, бұл олардың зұлым рухтарды қуып шығару, тіршілік күшін қорғау және сәттілік шақыру сияқты ежелгі рәсімдерімен байланысын растайды. Тарихи-мәдени тәсіл (В.Бартольд бойынша) осы элементтердің көшпелі мәдениеттің бейімделу тетігі ретіндегі орнықтылығын көрсетті, ал салыстырмалы мифологиялық талдау (А.Баркова бойынша) славяндық дәстүрдегі параллельдер тапқан бастаманың, табалдырық сиқырының және абыз әйелдердің әмбебап архетиптерін анықтады.

Төлеубаевтың далалық материалдары босану, бедеулікті емдеу және жаман көзден қорғау рәсімдерінде осы қалдықтардың нақты көріністерін тіркеп, олардың XX ғасырдың басында белсенді түрде қолданылғанын көрсетті. Этимологиялық, тарихи-мәдени, салыстырмалы-мифологиялық және этнографиялық талдауды біріктіретін кешенді пәнаралық тәсіл жекелеген пәндердің шектеулерін еңсеруге және сиқырлы қалдықтардың көп деңгейлі табиғатын ашуға мүмкіндік берді. Э.Севортянның этимологиясы таза этнографиялық сипаттауға ғана келмейтін семантиканың архаикалық қабатын қалпына келтіруге мүмкіндік берді; В.Бартольдтың тарихи мәнмәтіні бейімделу және синкретизм тетіктерін түсіндірді; А.Баркованың мифологиялық талдауы қазақ халқы дәстүрінің жергілікті ерекшелігін жалпы үндіеуропалық-түркі параллельдерден бөліп қарауға мүмкіндік беретін әмбебап архетиптерді анықтады. Мұндай синтез отбасылық рәсімдегі архаикалық нанымдар сабақтастығын растап қана қоймай, олардың дәстүрлі қоғамдағы белгісіздікке және балалар өлімінің жоғары деңгейіне бейімделу тетігі ретіндегі психологиялық және әлеуметтік-реттеуші рөлін көрсетті.

Ә.Т. Төлеубаевтың Қазақстанның шығыс аудандарының далалық материалдарына және көптеген дереккөздерді тартуға негізделген еңбектері қазақ халқының балаларға қатысты салт-дәстүріндегі магия қалдықтарын зерттеудің іргелі көзі болып қала береді. Автор нақты тәжірибелерді егжей-тегжейлі сипаттап қана қоймай, оларды С.А. Токарев пен Г.П. Снесаревтің теориялық болжамдарына сүйене отырып, магия түрлері мен мақсаттары (зиянды, байланысты, имитативті) бойынша жіктеді. Бұл қалдықтарды кездейсоқ ырымдар ретінде емес, көшпелі тұрмыс жағдайында әлеуметтік және психологиялық қорғауға қызмет ететін дәстүрлі дүниетанымның жүйелік элементі ретінде түсіндіруге мүмкіндік берді. А. Төлеубаевтың еңбегі XX ғасырдың басындағы қазақ салт-дәстүрінің синкреттік сипаты туралы гипотезаны растай отырып, лингвистикалық, тарихи және мифологиялық деректермен салыстыру үшін эмпирикалық негіз болды.

Әдебиеттер тізімі

Бартольд В.В., Түркілер: түркі халықтарының тарихы бойынша он екі дәріс. – М.: Ломоносов, 1998. – 352 б.

Баркова А.В., Славян аңыздары: Велес пен Мокошадан Сирин құсы мен Иван Купалаға дейін. – М.: Манн, Иванов және Фербер, 2022. – 10–11, 17–20-б.

Севортян Э.В., Түркі тілдерінің этимологиялық сөздігі – М.: Наука, 1980. – Т.3. – 136, 169 б.

Төлеубаев Ә.Т., XX ғасырдың басындағы қазақ халқының балаларға қатысты дәстүрлі ырымдарындағы магия қалдықтары // ҚазССР ҒА Хабарлар. Қоғамдық ғылымдар сериясы. – 1978. – № 1. – 38–43 б.

Төлеубаев Ә.Т., Қазақ халқы этнографиясының мәселелері: таңдамалы еңбектер мен мақалалар. – Алматы: Service Press, 2013. – 496 б.

M.T. Nurzhumayev, E.M. Turgunbayev

Survivals of Magic in Kazakh Children's Rituals in the Early Twentieth Century: An Ethnographic and Comparative Analysis Based on the Works of A.T. Toleubayev

This article examines the survivals of magic in the children's rituals of the Kazakh people at the beginning of the twentieth century based on etymological, historical, and mythological sources. The study draws upon E.V. Sevortyan's Etymological Dictionary of the Turkic Languages, V.V. Bartold's Lectures on the History of the Turkic Peoples, and A. Barkova's comparative mythological research on Slavic legends. The obtained data are compared with the ethnographic interpretations of A.T. Toleubayev, making it possible to identify the archaic layers of magical thinking and to determine the degree of their transformation in Kazakh children's ritual practices. The article provides a comprehensive analysis of the survivals of magic in the children's rituals of the Kazakh people in the early twentieth century. The findings are correlated with A.T. Toleubayev's ethnographic descriptions based on field materials concerning childbirth rituals, magical practices for the treatment of infertility, rituals intended to protect children from supernatural forces, and the symbolism of purification. The study identifies archaic forms of magical thinking, including contagious, imitative, and harmful magic, their syncretic coexistence with Islam, and their persistence within family ritual traditions. Particular attention is paid to key concepts such as alas, tumar, qut, and zhan, as well as to the rituals of köshiru and qağu, customs associated with predicting the sex of a child according to the pregnant woman's food cravings, and protective practices involving totemic animals. The research demonstrates that magical attributes functioned not only as means of protecting children but also as mechanisms of social regulation and psychological support in traditional nomadic society. The comparative approach made it possible to distinguish universal archetypes, including liminality and sacred female figures, while identifying the distinctive local features of Kazakh ritual tradition.

Key words: children's rituals, magic, Turkic languages, etymology, mythology, A.T. Toleubayev, the Kazakh people, the early twentieth century, syncretism, shamanism, Islamization.

М.Т. Нуржумаев, Е.М. Тургунбаев

Пережитки магии в детских обрядах казахского народа в начале XX века: этнографический и сравнительный анализ (на основе трудов А.Т. Толеубаева)

В статье на основе этимологических, исторических и мифологических источников анализируются пережитки магии в детских обрядах казахского народа начала XX века. Исследование основано на «Этимологическом словаре тюркских языков» Э.В. Севортяна, «Лекциях по истории тюркских народов» В.В. Бартольда и сравнительно-мифологическом исследовании А. Барковой, посвящённом славянским преданиям. Полученные данные сопоставлены с этнографическими интерпретациями А.Т. Толеубаева, что позволило выявить архаические пласты магического мышления и определить степень их трансформации в детской обрядности казахского народа. В статье проведён комплексный анализ пережитков магии в детских обрядах казахов начала XX века. Полученные материалы сопоставлены с этнографическими описаниями А.Т. Толеубаева, основанными на полевых исследованиях и охватывающими родильную обрядность, магические способы лечения бесплодия, обряды защиты ребёнка от сверхъестественных сил и символику очищения. Выявлены архаические формы магического мышления (контактная, имитативная и вредоносная магия), их синкретическое сосуществование с исламом и устойчивость в семейной обрядности. Особое внимание уделено ключевым понятиям («алас», «тумар», «кут», «жан»), обрядам «көшіру», «қағу», обычаям, связанным с определением пола ребёнка по пищевым предпочтениям беременной женщины, а также защитным практикам с использованием животных-тотемов. Исследование показывает, что магические атрибуты выполняли не только охранительную функцию, связанную с защитой ребёнка, но и служили механизмом социальной регуляции и психологической поддержки в традиционном кочевом обществе. Сравнительный подход позволил выделить универсальные архетипы (мотив перехода, сакральные женские образы и др.) и локальные особенности казахской традиции.

Ключевые слова: детская обрядность, магия, тюркские языки, этимология, мифология, А.Т. Толеубаев, казахский народ, начало XX века, синкретизм, шаманизм, исламизация.

Г.А. Туреева
Каракалпакский государственной университет им Бердаха
Нукус, Узбекистан
tureevagulek@gmail.com

Сравнение взглядов Д. Айтмуратова (Тюркские этнонимы) с трудами Л. Гумилёва, В. Бартольда, Н.А. Баскакова и др.

Статья посвящена анализу и сопоставлению научных взглядов, представленных в книге Даулена Айтмуратова «Тюркские этнонимы», с целью определения её вклада в изучение этнической истории и лингвистики тюркских народов. Основное внимание уделяется этимологическому и семантическому анализу тюркских этнонимов, а также их роли в процессах этногенеза. Рассматриваются различные научные гипотезы происхождения этнонимов, включая такие наименования, как каракалпак, черные клобуки, черкес, башкурт, кыргыз, уйгур, тюрк, печенег, сак, массагет и скиф.

Методологическую основу исследования составляют положения этнонимики, исторической лингвистики и сравнительно-исторического метода, а также элементы междисциплинарного подхода, включающего данные филологии, истории, археологии и фольклористики. В работе проводится сопоставительный анализ лексико-семантических компонентов слов «калпак», «клобук», «борк» и других, а также их употребления в различных историко-культурных контекстах. Особое внимание уделяется проблеме соотношения этнонимов «каракалпак» и «черные клобуки».

Научная новизна исследования заключается в системном историко-этимологическом подходе к анализу тюркских этнонимов и в переосмыслении их значения как динамичных историко-культурных феноменов. В статье также проводится сравнительный анализ взглядов Даулена Айтмуратова с концепциями таких исследователей, как Л. Н. Гумилёв, В. В. Бартольд и Н. А. Баскаков. Сделан вывод о том, что этнонимы выполняют не только этническую, но и политико-культурную функцию, отражая процессы формирования идентичности и исторического развития тюркских народов.

Ключевые слова: тюркские этнонимы, Даулен Айтмуратов, этнонимика, этимология, этногенез тюркских народов, каракалпаки, черные клобуки, историческая лингвистика, сравнительно-исторический метод, лингвокультурология.

Введение. Вопросы этногенеза и происхождения тюркских народов занимают значительное место в современной исторической, лингвистической и культурологической науке. Одним из важнейших направлений в этом контексте является изучение этнонимов – имен народов, отражающих исторические, культурные и социальные процессы, происходившие в течение тысячелетий. Анализ этнонимов позволяет не только проследить генезис конкретных этнических групп, но и реконструировать исторические взаимодействия между ними. В этом смысле книга Даулена Айтмуратова «Тюркские этнонимы: каракалпак, черные клобуки, черкес, башкурт, кыргыз, уйгур, тюрк, печенег, сак, массагет, скиф» представляет собой актуальное и комплексное исследование, в котором предпринята попытка по-новому осмыслить происхождение и значение ключевых этнонимов, связанных с тюркской историко-культурной традицией.

Целью данной статьи является всесторонний анализ и сравнение взглядов в книге Даулена Айтмуратова с точки зрения её вклада в изучение тюркской этноистории и лингвистики. Определение этимологии, семантического значения и историко-этнической роли тюркских этнонимов в контексте этногенеза тюркских народов, с акцентом на связь с этнонимом.

Это предполагает переоценку существующих гипотез и выдвижение собственного объяснения на основе лингвистических, исторических и фольклорных источников.

Задачи исследования. Обобщить и критически проанализировать существующие научные версии о происхождении этнонима. В работе... приведены многие из существующих этимологий каждого этнонима. Выявить и систематизировать лексико-семантические компоненты слов «калпак», «клобук», «борк» и др., а также их употребление в разных исторических и этнокультурных контекстах. «Следовательно, необходимо рассмотреть значение слов... тюркское «калпак» и русское «клобук», «колпак»». Провести сопоставление данных филологии, этнографии, археологии и фольклора для обоснования или опровержения идентичности каракалпаков и черных клобуков. «Опираясь на каракалпакскую классическую литературу и фольклор…»[Иванов,1945

Обосновать новое толкование этимологии этнонима «каракалпак», предложенное автором, и показать его научную состоятельность. Автор выдвигает свое принципиально новое толкование. Показать значимость лингвистических подходов (этимология, семантика, фонетика) для реконструкции этнической истории народов тюркского мира.

Методологической основой служат положения этнонимики, исторической лингвистики и сравнительно-исторического метода. Методологическая база включает: этимологический анализ тюркскихи славянских лексем, критический разбор гипотез с опорой на труды историков и множество ученных в числе которых П. П. Иванов, С. П. Толстов, Т. А. Жданко, использование данных фольклора и классической литературы, например, дастанов и поэзии XIX века, таких как стихотворение Өтеша Алшынбая: «Ол ноғайды Қарақалпақ демишлер...», анализ параллелей между формами слов: «клобук», «калпак», «борк», «алпагу»[Өтеш Алшынбай улы,1962].

Работа Д. Айтмуратова не только заполняет существующие пробелы в научном знании, но и вносит вклад в переосмысление этногенетических процессов, происходивших в Приаралье и Восточной Европе.

Методологическую основу статьи также составляют сравнительно-исторический и лингвистический методы, а также элементы герменевтического анализа. Используются также элементы интердисциплинарного подхода, сочетающего данные истории, филологии и этнографии.

Базу источников составляют тексты самой книги Д.Айтмуратова, труды по тюркологии, лингвистике, а также академические публикации, посвящённые проблемам этногенеза и истории тюркских народов.

Научная новизна. «Тюркские этнонимы: каракалпак, черные клобуки, черкес, башкурт, кыргыз, уйгур, тюрк, печенег, сак, массагет, скиф» Д. Айтмуратовым предложен глубокий этимологический анализ тюркских этнонимов. Автор применяет инновационный подход, который отличается от традиционных методов, таких как лексикографический или топонимический. Вместо этого он использует системный историко-этимологический метод, чтобы исследовать происхождение этнонимов в контексте тюркского языкознания. В статье рассматриваются различные наименования этнических групп, начиная от племён (печенеги, массагеты, скифы) и заканчивая более поздними этносами (уйгуры, кыргызы, башкиры и другие). Проводится сравнительный анализ этих названий, что позволяет обнаружить общие тюркские корни и проследить процессы формирования этнонимов.

Изучение этимологии этнонимов представляет собой один из важнейших методов реконструкции этнической истории. Как отмечает Р. Г. Кузеев, «изучение этнонимов является важным средством проникновения в сложные и многоярусные процессы этнической истории»[Кузеев,1974]. Особенно актуально исследование этнонимов в контексте тюркской этнонимики, где, как подчеркивает Н. А. Баскаков, «этимология тюркских этнонимов – одна из сложных задач тюркологии» [Баскаков,1969]. На этом фоне анализ этнонимов каракалпаков и, в частности, «чёрных клобуков», позволяет выявить малоизученные связи между племенами Восточной Европы и Средней Азии, и их участие в этногенезе современных тюркских народов.

В 1986 году Д. Айтмуратов представил свою фундаментальную работу «Тюркские этнонимы», которая представляет собой значительное достижение в области тюркологии, объединяя исторический и лингвистический подходы к анализу этнических наименований. Книга Даулена Айтмуратова «Тюркские этнонимы» (Нукус, 1986) представляет собой фундаментальное исследование происхождения и значений этнонимов тюркских народов, таких как каракалпак, черные клобуки, черкес, башкурт, кыргыз, уйгур, тюрк, печенег, сак, массагет и скиф. Автор предлагает новые этимологические интерпретации этих названий, опираясь на лингвистические, исторические и культурные источники. Например, он рассматривает слово «тюрк» как производное от понятий, связанных с заплетёнными волосами или силой, а этноним «кыргыз» анализирует через различные версии, включая «сорок огузов» или «черноволосый народ». Книга Даулена Айтмуратова Тюркские этнонимы представляет собой фундаментальное исследование в области тюркологии, этнолингвистики и исторической ономастики. Автор рассматривает широкий спектр тюркских этнонимов – названий народов, племён и родов, – исследуя их происхождение, семантику, эволюцию и распространение. Издание направлено на углублённое понимание этногенеза тюркских народов через призму лингвистического анализа и исторических источников.

Д.Айтмуратов основывается на обширном корпусе лингвистических, археологических и исторических данных, включая китайские хроники, арабские и персидские источники, а также сведения из рунических памятников и эпиграфики. Одним из достоинств книги является

сопоставление этимологий этнонимов в разных языках и культурах, что позволяет проследить динамику формирования тюркской идентичности с глубокой древности до позднего Средневековья [Айтмуратов,1986].

Книга структурирована по тематическому принципу: каждая глава посвящена отдельной группе этнонимов – например, названиям, происходящим от тотемов, географических объектов, социальных признаков или военных терминов. В отдельных разделах рассматриваются такие известные этнонимы, как «тюрк», «огуз», «карлук», «кыпчак», «уйгур», «кыргыз» и др. Автор детально анализирует не только лексическое значение, но и культурно-исторический контекст употребления этих этнонимов. Методология исследования опирается на междисциплинарный подход, объединяющий историческую лингвистику, этнологию и культурологию. Д.Айтмуратов широко использует сравнительно-исторический метод, а также элементы семантического и структурного анализа. Это делает книгу ценной как для специалистов, так и для студентов, изучающих тюркскую филологию и историю Центральной Евразии.

Критики положительно оценивают вклад Д.Айтмуратова в систематизацию тюркских этнонимов, указывая на высокую степень научной достоверности и оригинальности подхода. Вместе с тем некоторые исследователи отмечают необходимость расширения сравнений с урало-алтайскими и иранскими этнонимами для более полной картины этногенеза тюрков[Golden,55-56].Книга Тюркские этнонимы является значительным вкладом в изучение этнической истории тюркских народов. Её можно рассматривать как справочное пособие и как источник для дальнейших исследований в области тюркской ономастики.

Айтмуратов интерпретирует этнонимы как высокодинамичные историко-культурные и лингвистические феномены, тесно связанные с процессами миграции, политической организации и этноидентификации. Его методологический подход характеризуется комплексным анализом, включающим междисциплинарные исследования, такие как лингвистика, археология, фольклористика, сравнительная этимология и источниковедение.

В данном контексте его методологические установки находят параллели с трудами выдающихся ученых: Л. Н. Гумилёва, который рассматривал этносы как эмерджентные системы с этногенетическим циклом развития, акцентируя внимание на синергетическом взаимодействии природных, этногенетических и культурно-исторических факторов[Гумилёв, 1967], Н. А. Баскакова, подчеркивавшего значимость языка как ключевого маркера этнической идентичности и историко-культурного развития [Баскаков,1962], С. П. Толстого, уделявшего особое внимание археологическим данным и исторической географии в контексте этногенеза и этнической истории.

Пример из книги «Происхождение этнонима «тюрк». Айтмуратов проводит всесторонний анализ многочисленных гипотез, связанных с этимологией термина «тюрк», опираясь на широкий спектр лингвистических, мифологических и исторических источников. Среди рассмотренных теорий можно выделить следующие:

Этимологическую связь с древнетюркским словом «түр», которое имеет значение «стоять» или «быть прочным», что может указывать на устойчивость и стойкость этноса. Интерпретацию термина «тюрк» как обозначения «созданного» или «рождённого», что может быть интерпретировано в религиозном контексте как «народ, созданный богом». Этимологическую связь с китайским термином «тукюэ», обозначающим шлем, что предполагает возможную военную коннотацию термина. Легендарные и мифологические интерпретации, включая хадис из произведения Махмуда Кашгари, где тюрки представлены как «войско бога». Теории, связывающие происхождение термина с античными мифами, например, с образом царевича Тура, ассоциируемого с Троем.

А. Н. Кононов, анализируя форму Ту-кюэ, зафиксированную в китайских хрониках, предлагает рассматривать её как производную от тюркских терминов «тюркют» или «тюркләр», связывая этимологию с концепцией шлема. При этом он подчеркивает, что китайская транскрипция не может служить точным эквивалентом тюркского самоназвания, что требует осторожного подхода к интерпретации данного термина[Кононов, 1980].

Н. А. Баскаков рассматривает «тюрк» как политико-этнический маркер, объединяющий множество племенных групп, а не обозначающий этническую однородность в современном понимании. По его мнению, данный термин служил инструментом консолидации в эпоху Тюркского каганата, выполняя функцию интегративного элемента в полиэтническом пространстве. Л. Н. Гумилёв трактует термин «тюрк» в контексте надплеменного этносоциокультурного феномена, акцентируя внимание на его геополитической и культурной составляющей. Он утверждает, что термин обозначал не только лингвистическую общность, но и носителей

специфического пассионарного поведения, характеризующегося высокой степенью социальной активности и культурной идентичности.

Айтмуратов, обобщая выводы этих исследователей, развивает их идеи, включая в анализ широкий спектр фольклорно-лексических, мифологических и символических значений термина «тюрк». Такой подход позволяет ему предложить более комплексное и многоаспектное понимание происхождения и эволюции данного этнонима, что значительно обогащает существующие научные представления в данной области. Айтмуратов акцентирует внимание на том, что этноним «тюрк» выполнял не столько этническую, сколько государственно-политическую функцию, обозначая принадлежность к имперской структуре, общности правовых норм, языковых и бытовых практик. Эта концепция находит свое развитие в трудах таких выдающихся ученых, как: Бартольд, который в своих исследованиях подчеркивал значимость Тюркского каганата как «государства тюрок». В его интерпретации этноним «тюрк» обретал значение «подданный кагана», что свидетельствует о его интегративной роли в политической системе каганата;

Гумилёв, который ввел понятие суперэтноса и рассматривал этноним «тюрк» как ключевой компонент широкой культурной системы, обладающей высокой степенью идеологической и символической насыщенности.

Айтмуратов, в отличие от многих исследователей, акцентирует внимание на идеологической, символической и мобилизующей роли этнонима, что приближает его к поздним концепциям этнополитической семиотики, рассматривающим этнонимы как мощные инструменты социальной и политической интеграции.

Вопрос об идентичности и преемственности. Айтмуратов выступает с критикой редукционистских подходов, стремящихся механически соотнести древний этноним «тюрк» с конкретным современным этносом. Он рассматривает тюркскую идентичность как многослойную и транснациональную конструкцию, аналогичную античному термину «римлянин», который не всегда имел этническое значение, присущее латинам. Бартольд, в свою очередь, избегал гиперэтнических построений и проявлял осторожность в определении генетических линий преемственности. Его методологический подход характеризовался тщательной аналитической работой и отказом от упрощенных моделей этногенеза. Баскаков, аналогично, не сводил тюркскую идентичность исключительно к вопросам этнической принадлежности или генетической преемственности. Он акцентировал внимание на языке и культуре как ключевых факторах, формирующих этническую общность. В данном контексте Айтмуратов позиционирует себя как эволюционист, подчеркивая процессуальность и динамичность формирования этноса и его этнонимики, а не как эссенциалист, стремящийся к фиксации статичных этнических характеристик.

Айтмуратов, подобно Бартольду, демонстрирует критическое отношение к гипотезам, которые основываются на легендарных и мифологизированных интерпретациях этнонимов. В частности, он подвергает сомнению такие теории, как троянская версия происхождения этнонимов и гипотезы, связывающие их с названиями предметов вооружения, таких как шлемы. Однако, несмотря на это, Айтмуратов не отвергает возможность рассмотрения этих версий в контексте культурно-исторического и семиотического анализа.

Вопрос происхождения этноса, его идентичности и самоназвания – один из самых сложных и многогранных в гуманитарной науке. Среди исследователей, посвятивших этому направлению свои труды, особое место занимают Даулен Айтмуратов и Лев Николаевич Гумилёв. Несмотря на различие в методологии, оба учёных сходятся в главном: этничность – это не фиксированная категория, а динамический процесс, глубоко укоренённый в истории, культуре, мифологии и языке.

Методологический подход междисциплинарность против пассионарности. Даулен Айтмуратов использует широкий междисциплинарный подход, сочетающий лингвистику, археологию, фольклористику, этимологию и источниковедение. В его труде «Тюркские этнонимы» этнонимы рассматриваются как высокодинамичные историко-культурные феномены, подверженные влиянию миграций, политической организации и изменения коллективной идентичности. Лев Гумилёв, в свою очередь, предлагает оригинальную теорию пассионарности – внутренней энергии этноса, определяющей его жизненный цикл. Он рассматривает этнос как «живой организм», проходящий фазы зарождения, подъёма, надлома и угасания. В рамках этой модели «тюрки» – не просто этнос, а надплеменная цивилизационная форма, возникшая в результате пассионарного взрыва в степной Евразии. Таким образом, Айтмуратов исходит из анализа лингвокультурных маркеров и исторических свидетельств, тогда как Гумилёв объясняет этногенез через биосоциальные и геоэнергетические категории.

Толкование этнонима «тюрк». Один из центральных моментов сопоставления – значение и происхождение этнонима «тюрк». Айтмуратов в своей книге рассматривает множество гипотез, этимология от тюркского корня түр («стоять», «быть прочным»), символизируя устойчивость этноса, трактовка «тюрк» как «созданный», «рожденный», что перекликается с хадисом из словаря Махмуда Кашгари, где тюрки названы «войском Бога», интерпретация китайской транскрипции тукюэ как «шлем», символизирующий воинское сообщество, критический, но включённый в анализ разбор мифологических теорий о троянском или туранском происхождении.

Гумилёв, напротив, не сосредотачивается на лингвистике этнонима. Он рассматривает «тюрков» как продукт историко-географических условий и пассионарного всплеска. Этноним в его интерпретации – не столько название племени, сколько культурно-поведенческий код, объединяющий различные народы под единой пассионарной волей. Для Гумилёва этноним отражает не кровь или язык, а энергию, порождающую империю и идеологию.

Функции этнонима: от самоназвания к политическому символу. Оба автора сходятся в том, что этноним «тюрк» выполнял не только этническую, но и государственно-политическую функцию. Айтмуратов подчёркивает, что в период Тюркского каганата этот термин обозначал не родовую принадлежность, а имперскую идентичность, своего рода «гражданство». Гумилёв утверждает, что «тюрк» стал собирательным именем пассионарных элит, способных объединить разнообразные племена в суперэтнос.

Оба подхода не исключают, а дополняют друг друга. В трудах Айтмуратова «тюрк» – это ключ к пониманию политико-культурной интеграции, а у Гумилёва – ключ к пониманию исторической энергии степной Евразии. Вместе они дают многогранную картину одного из самых влиятельных этнонимов Евразийской истории. Этнонимы – не просто имена народов, они являются знаками исторической памяти, носителями культурной традиции и средствами политической самоидентификации. Исследование этнонимов позволяет реконструировать глубинные процессы этногенеза, межэтнических взаимодействий и трансформации коллективной идентичности. В этом контексте особенно интересным представляется сопоставление трудов двух учёных – Даулена Айтмуратова и Василия Владимировича Бартольда, которые в разные эпохи и с разных методологических позиций анализировали феномен тюркских этнонимов.

В. В. Бартольд, один из крупнейших востоковедов конца XIX – начала XX века, подходил к изучению этнонимов в контексте политической и культурной истории Востока. Его метод основан на критическом анализе письменных источников (арабских, персидских, китайских, византийских), с опорой на объективную фактологическую базу. Бартольд был сторонником историко-филологического метода и демонстрировал осторожность в выведении прямых этнических преемственностей.

Д. Айтмуратов, в свою очередь, использует междисциплинарный подход, сочетающий лингвистику, археологию, фольклористику и сравнительную этимологию. Его цель – не просто установить происхождение термина, но и выявить глубинную символику этнонимов, их идеологическую и культурную нагрузку. В этом смысле его подход значительно шире и ближе к культурной семиотике. На примере интерпретация этнонима «тюрк». Один из ключевых этнонимов, к которому обращаются оба исследователя, – это «тюрк».

Бартольд рассматривал термин «тюрк» как политико-этническое обозначение, появившееся в эпоху Тюркского каганата (VI–VIII вв.). Он подчеркивал, что в этот период этноним не обозначал конкретную этническую группу в современном понимании, а использовался для обозначения подданных кагана, т.е. носил государственно-политический характер. Бартольд критиковал попытки механически привязать древний этноним к какому-либо одному современному народу[Бартольд, 1963].

Айтмуратов развивает эту идею и уточняет её. Он считает, что этноним «тюрк» изначально выполнял интегративную функцию, объединяя множество племён и родов, различающихся по языку и культуре. Более того, Айтмуратов обращает внимание на символическое наполнение термина: в легендах и религиозных текстах (например, хадис у Махмуда Кашгари) «тюрк» воспринимается как «божье войско» или «народ, созданный богом», что придаёт понятию сакральное измерение. У Бартольда – «тюрк» как термин власти и подданства, у Айтмуратова – ещё и как мифологема, символ культурной общности и политического призвания.

Критика упрощённых моделей этногенеза. Бартольд настойчиво избегал гиперэтнических построений. Он утверждал, что большинство этнонимов – это не фиксированные родовые или племенные имена, а условные обозначения, которые могли менять своё содержание в зависимости от времени, политической ситуации и географии. В частности, он показывал, как этнонимы типа

«тат», «тюрк», «огуз» или «туркмен» использовались в разных контекстах и могли охватывать совершенно разные этнические элементы.

Айтмуратов полностью солидарен с этим подходом и выступает против редукционистской идентификации древних этнонимов с конкретными современными народами. Он подчёркивает, что тюркская идентичность была многослойной и динамичной, и проводит аналогию с античным термином «римлянин», который в поздней Римской империи обозначал статус, а не этническую принадлежность.

Бартольд в своих трудах, хотя и не делал языка центром анализа, признавал его важность как элемента культурной преемственности. Однако он часто подчёркивал, что этничность – это не только язык, но и образ жизни, социальная организация, менталитет. Айтмуратов идёт дальше и включает в исследование фольклорные образы, эпосы, легенды, раскрывающие, как народы сами воспринимали своё имя. Он предлагает читать этноним не только как исторический документ, но и как культурный текст, носитель коллективной памяти. Даулен Айтмуратов и Василий Бартольд – представители разных эпох и научных школ. Первый – исследователь с гуманитарным мышлением постсоветского периода, склонный к культурно-семиотическому синтезу. Второй – классик востоковедения, скрупулезно работающий с письменными источниками и стремящийся к исторической объективности.

Исследователей, внёсших весомый вклад в анализ тюркских этнонимов, особое место занимают Николай Александрович Баскаков и Даулен Айтмуратов. Их подходы различны по научной оптике и методологии, но в то же время они дополняют друг друга в понимании природы этнонимов и их функций в истории тюркских народов. Н. А. Баскаков – выдающийся советский тюрколог, автор системной классификации тюркских языков. В своей научной практике он придавал исключительное значение языку как основному критерию этничности. Его подход был преимущественно лингвистическим, с чёткой структурной классификацией этнонимов по фонетическим и морфологическим признакам.

Д. Айтмуратов, напротив, использует междисциплинарный подход, в который включены лингвистика, археология, история, фольклористика и мифология. Он рассматривает этнонимы не только как лексические единицы, но и как символические и культурно-исторические феномены, изменяющиеся в зависимости от политических условий и коллективного самосознания народа. Баскаков считал этноним «тюрк» политико-этническим обозначением, появившимся в рамках Тюркского каганата как надплеменной союз различных родов и народов. Он подчёркивал, что тюрки не представляли собой этнически однородный народ, а скорее языково и политически объединённое пространство. Этноним «тюрк» в этом контексте отражает федеративный принцип этничности, характерный для степных империй. [Баскаков,1960]

Айтмуратов не только соглашается с такой трактовкой, но и расширяет её, включая мифологические, религиозные и символические значения. В его интерпретации этноним «тюрк» включает такие смыслы, как: «созданный Богом» (по хадису, приведённому Махмудом Кашгари), «устойчивый» или «прочный» (от корня түр – «стоять»), «воинственный» (от китайской транскрипции «тукюэ» – «шлем»). Айтмуратов считает, что этноним «тюрк» с самого начала имел гибкое значение, переходя из религиозно-мифологического регистра в политико-государственный и далее – в культурный.

Баскаков рассматривал этнонимы в первую очередь как лексико-типологические категории. Для него важен был языковой признак, по которому он формировал типологические группы (например, кыпчакская, огузская, карлукская и др.).

Айтмуратов трактует этноним как историко-семиотический феномен, ссылаясь не только на язык, но и на ритуалы, эпосы, культуру и коллективную память. Он пишет, что в тюркской традиции этноним мог быть связан с тотемом, мифологическим героем или даже космогонической идеей. В этом контексте он предлагает читать этнонимы не только как «названия», но и как тексты – насыщенные смысловыми слоями.

Критика эссенциализма и этничности. Оба исследователя выступают против упрощённых моделей этногенеза, где этноним напрямую и неизменно соотносится с генетическим или этническим происхождением. Баскаков подчеркивал, что этнонимы могут переходить от одного народа к другому и что языковая классификация часто расходится с этнической. Он считал, что многие современные тюркские народы возникли в результате взаимодействия и слияния различных этнических элементов.

Айтмуратов развивает эту идею, говоря о многослойной и транснациональной тюркской идентичности, которую нельзя ограничить рамками генеалогии или территориального постоянства.

Он приводит параллель с термином «римлянин», который в позднеримский период обозначал юридический статус, а не этнос. Также он акцентирует внимание на том, что тюркские этнонимы могли выполнять идеологическую функцию, объединяя разноплеменные группы в условиях империи.

Сравнение взглядов Даулена Айтмуратова и Николая Баскакова демонстрирует две разные, но взаимодополняющие стратегии в изучении этнонимов: Баскаков – создатель строгой языковой классификации тюркских народов, сконцентрированный на лингвистической типологии и исторической миграции языков. Айтмуратов – исследователь, переосмысливший этноним как культурный и символический знак, отражающий не только прошлое, но и идеологическую модель самосознания народа.

Все данные учёные сходятся в главном: этноним – это живая категория, отражающая сложный исторический путь народа, в котором язык, культура, власть и миф переплетаются в едином этнокультурном коде.

Заключение. Анализ книги Даулена Айтмуратова «Тюркские этнонимы» показывает, что данная работа представляет собой значительный вклад в изучение этнической истории и лингвистики тюркских народов. Исследование демонстрирует важность междисциплинарного подхода, объединяющего данные лингвистики, истории, археологии и фольклора. Такой подход позволяет рассматривать этнонимы как сложные культурно-исторические феномены, отражающие процессы формирования этнической идентичности. Работа Айтмуратова способствует углублению понимания происхождения и эволюции тюркских этнонимов и открывает новые перспективы для дальнейших исследований в области тюркологии, этнолингвистики и исторической ономастики.

Список литературы

Айтмуратов Д. Тюркские этнонимы: каракалпак, черные клобуки, черкес, башкурт, кыргыз, уйгур, тюрк, печенег, сак, массагет, скиф. - Нукус: Каракалпакстан, 1986. - 256 с.

Аманжолов А. С. История и теория древнетюркского письма. - Алматы: Мектеп, 2003. - 304 с.

Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. - М.: Высшая школа, 1969. - 384 с.

Баскаков Н. А. Тюркские языки. - М.: Наука, 1960. - 236 с.

Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. - М.: Наука, 1968. - 759 с.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. - М.: Наука, 1963. - 760 с.

Гумилёв Л. Н. Древние тюрки. - М.: Наука, 1967. - 504 с.

Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. - Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. - 496 с.

Жданко Т. А. Каракалпаки: историко-этнографические очерки. - М.: Наука, 1967. - 298 с.

Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. - Алматы: Дайк-Пресс, 2002. - 336 с.

Иванов П. П. Очерки по истории каракалпаков. - Ташкент: Фан, 1958. - 312 с.

Кашгари Махмуд. Диван лугат ат-тюрк. - Алматы: Дайк-Пресс, 2005. - 1280 с.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. - М.: Наука, 1964. - 192 с.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. - СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. - 368 с.

Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. - Л.: Наука, 1980. - 255 с.

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. - М.: Наука, 1974. - 572 с.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1–4. - СПб.: Императорская академия наук, 1893–1911.

Толстов С. П. Древний Хорезм. - М.: Изд-во МГУ, 1948. - 352 с.

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. - М.: Изд-во АН СССР, 1962. - 328 с.

Golden P. B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. - Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. - 483 p.

Г.А. Туреева

Д. Айтмұратовтың түркі этнонимдері туралы көзқарастарын Л. Гумилёв, В. Бартольд, Н.А. Баскаков және басқа зерттеушілердің еңбектерімен салыстыру

Мақала Даулен Айтмуратовтың «Түркі этнонимдері» атты еңбегінде ұсынылған ғылыми көзқарастарды жан-жақты талдауға және салыстыруға арналған. Зерттеудің негізгі мақсаты – түркі халықтарының этникалық тарихы мен тіл білімін зерттеудегі бұл еңбектің ғылыми маңызын анықтау. Жұмыста түркі этнонимдерінің этимологиясы мен семантикасы, сондай-ақ олардың этногенез үдерісіндегі тарихи-этникалық рөлі қарастырылады. Қарақалпақ, қара қалпақтылар, черкес, башқұрт, қырғыз, ұйғыр, түрік, печенег, сақ, массагет, скиф сияқты этнонимдердің шығу тегі туралы түрлі ғылыми болжамдар талданады.

Зерттеудің әдіснамалық негізін этнонимика, тарихи лингвистика және салыстырмалы-тарихи әдіс құрайды. Сонымен қатар филология, тарих, археология және фольклор деректерін біріктіретін пәнаралық тәсіл қолданылған. Мақалада «қалпақ», «клобук», «бөрік» сияқты сөздердің лексика-семантикалық құрамына талдау жасалып, олардың тарихи-мәдени қолданысы салыстырылады. Әсіресе «қарақалпақ» және «қара клобуктар» этнонимдерінің өзара байланысы мәселесіне ерекше назар аударылады.

Зерттеудің ғылыми жаңалығы түркі этнонимдерін жүйелі тарихи-этимологиялық тұрғыдан қарастыруында және оларды тарихи-мәдени құбылыс ретінде жаңа қырынан түсіндіруінде көрінеді. Сондай-ақ мақалада Даулен Айтмуратовтың көзқарастары Л. Н. Гумилёв, В. В. Бартольд және Н. А. Баскаков сияқты ғалымдардың тұжырымдарымен салыстырылып талданады. Нәтижесінде этнонимдер тек этникалық атау ғана емес, сонымен қатар саяси-мәдени бірегейлікті қалыптастыратын маңызды фактор екендігі көрсетіледі.

Түйін сөздер: түркі этнонимдері, Дәулен Айтмұратов, этнонимика, этимология, түркі халықтарының этногенезі, қарақалпақтар, қара бөріктілер (черные клобуки), тарихи лингвистика, салыстырмалы-тарихи әдіс, лингвомәдениеттану.

G.A. Tureeva

Comparison of D. Aytmuratov’s Views on Turkic Ethnonyms with the Works of L. Gumilyov, V. Bartold, N.A. Baskakov, and Other Scholars

This article provides a comprehensive analysis and comparison of the scholarly perspectives presented in the book “Turkic Ethnonyms” by Daulen Aitmurátov, with the aim of determining its contribution to the study of Turkic ethnohistory and linguistics. The study focuses on the etymological and semantic interpretation of Turkic ethnonyms and their historical and ethnic role in the processes of ethnogenesis. Various hypotheses concerning the origin of ethnonyms such as Karakalpak, Black Klobuks, Circassian, Bashkurt, Kyrgyz, Uyghur, Turk, Pecheneg, Saka, Massagetae, and Scythian are examined.

The methodological framework of the research is based on the principles of ethnonymics, historical linguistics, and the comparative-historical method, complemented by an interdisciplinary approach incorporating data from philology, history, archaeology, and folklore studies. The study includes a comparative analysis of the lexical and semantic components of the terms “kalpak,” “klobuk,” “bork,” and related forms, as well as their usage in various historical and ethnocultural contexts. Particular attention is given to the relationship between the ethnonyms “Karakalpak” and “Black Klobuks.”

The scientific novelty of the research lies in the application of a systematic historical-etymological approach to the study of Turkic ethnonyms and in reconsidering them as dynamic historical and cultural phenomena. The article also compares Aitmurátov’s ideas with the theoretical perspectives of scholars such as Lev Gumilev, Vasily Bartold, and Nikolai Baskakov. The study concludes that ethnonyms function not only as ethnic designations but also as important political and cultural markers reflecting the processes of identity formation and historical development among Turkic peoples.

Key words: Turkic ethnonyms, Daulen Aitmuratov, ethnonymics, etymology, ethnogenesis of Turkic peoples, Karakalpaks, Chorni Klobuky, historical linguistics, comparative-historical method, linguoculturology.

МУЗЕОЛОГИЯ

С.Б. Алипова
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Алматы, Қазақстан
А.Р. Белялова
Алматы қаласы музейлер бірлестігі
Алматы, Қазақстан
saya.alipova01@gmail.com

Музей кеңістігінде дәстүрлі киіз үй коллекциясын экспозициялау ерекшеліктері

Бұл мақалада музей кеңістігінде дәстүрлі киіз үй коллекциясын экспозициялау ерекшеліктері қарастырылады. Киіз үй қазақ халқының материалдық және рухани мәдениетінің маңызды нысаны ретінде этнографиялық мұра құрамында айрықша орын алады. Зерттеу барысында киіз үйдің құрылымдық элементтерін, интерьерлік жабдықтарын және семантикалық мәнін музейлік ортада көрсету тәсілдері талданады. Сонымен қатар экспозициялық шешімдерді ұйымдастырудың ғылыми-әдістемелік негіздері, кеңістіктік композиция құру қағидаттары және көрерменге ақпарат жеткізудің интерпретациялық әдістері сараланады. Мақалада дәстүрлі киіз үйді музей кеңістігінде тұтас мәдени феномен ретінде ұсынудың өзекті мәселелері мен заманауи экспозициялық технологияларды қолдану мүмкіндіктері айқындалады. Зерттеу нәтижелері музей ісі саласында этнографиялық коллекцияларды тиімді таныстыруға бағытталған ғылыми тұжырымдар жасауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: музей, экспозиция, этнография, киіз үй, шаңырақ, материалдық мәдениет.

Кіріспе. Қазақ халқының материалдық мәдениеті өмір сүру салтына тән ерекшеліктеріне қарай қалыптасты. Көшпелі мал шаруашылығы қалыптасқан уақыттан бері қазақ даласында өркен жайған қолөнер, еңбек құралдары, кәсіп және баспана, материалдық мәдениетімізде өз нақышын қалдырды. Күнделікті тұрмыста қолданатын тұрмыстық бұйымдарды жасау үшін түрлі материалдар қолданылды. Тері өңдеу, жүннен жіп иіру, ағаш өңдеу, тоқыма тоқу, іс тігу кәсіптері өте озық деңгейде дамыды. Қазақ халқының өмірінде ежелден бері ағаштан жасалған баспана мен үй жиһаздары, тұрмыстық бұйымдарының алған орны ерекше. Біздің кең байтақ қазақ жері жасыл орманды алқаптарға өте бай. Ағаштың киелі қасиеттерін дана ата-бабаларымыз ерте кезеңнен бастап білген. Ағаш шеберлері тұрмыстық бұйымдарды жасау барысында негізінен ағаштың қаттылығын, жұмсақтығын, иілгіштігін, беріктігін, шыдамдылығын және морт сынғыштығын табиғи өрнегіне қарай таңдап алып отырған.

Аталмыш жәдігерлердің ішіндегі ең киелі және маңыздысы қазақ халқының негізгі баспанасы болған - киіз үй (ағаш үй). Қазақтың «киелі киіз үйі» 2016 жылы ЮНЕСКО-ның Әлемдік мәдени мұралар тізіміне еніп, бүкіл адамзаттың рухани мұрасына айналғанын атап кеткеніміз орынды. Киіз үйді музей залдарынан көзбен көріп, шынайы түйсінудің маңызы өте зор екені сөзсіз. Бұл міндетті еліміздегі музей ғимаратының залдарында орналасқан киіз үй толығымен атқарып тұр. Киіз үй тиісінше барлық жабдығымен түгел жабдықталған. Одан қазақтың хас шеберлерінің қолынан шыққан басқұрлар мен бауларды, тоқылған шиді, кілемді, алашаны, тұскиізді, текеметті, кебежені, сырмақты, бітпесті, төсекағашты, жастық ағашты, кермені, адалбақанды, қоржынды, сандықты және тағы басқа үй жиһаздарын көріп, тамашалауға болады.

Қазақстан Республикасының Мемлекеттік Орталық музейі (бұдан әрі - ҚР МОМ) және Қазақстан Республикасының Ұлттық музейінде (бұдан әрі - ҚР ҰМ) киіз үй және жиһаз түрлерінің барлық дерлік үлгілері сақталуда және әртүрлі экспозицияларға қойылған. Оларды шетелдік қонақтарымыз және өз жерлестеріміз де қызыға тамашалай қарауда. Бұл жәдігерлер музей қызметкерлерінің бірнеше ондаған жылдар бойы жүргізген жұмыстарының нәтижесінде жинақталған. Сонымен қатар жәдігерлердің әрқайсысы ата-бабаларымыздан келе жатқан тума өнерге деген мақтаныш пен үлкен құрмет туғызады және ерекше назар аударуды қажет етеді.

Негізгі бөлім. Қандай музейдің болмасын ең басты мақтанышы ол әрине көрермен назарына ұсынылатын экспозициялар. Тақырыптық экспозицияларды толыққанды жеткізе білу, осы бағыттағы әдістерді ұтымды пайдалану кез-келген музейлік экспозицияның басты мақсаты болар. Музейдегі кез-келген тақырыптың халыққа жету жолы да және музейлік қарым-қатынастың басты кескіні де ол әрине - экспозиция.

ҚР МОМ этнография залының экспозициялық көрінісіне қазақ халқының дәстүрлі баспанасы болып саналатын – киіз үйдің қойылуы ерекше мән береді. Себебі, көшпелі халық өмірінде және жорықтар кезінде киіз үй құрылысының тез тігілуі мен тез жиылуға арналып жасалуының маңызы зор болған. Қазақ халқы ертедегі көшпелі мәдениеттің ең негізгі дәстүрлерін өзіне мұра етумен бірге, оны одан ары қарай дамытты және байытты. Міне, сондықтан мәдени дәстүр белгісінің бірі – көшпелі өмірге ыңғайлы киіз үй болып табылады. Сонымен қатар музейлердің қорларында киелі киіз үйдің жекелеген бөліктері де сақталуда.

Музей маманы Ғ. Ақпанбекованың «Қазақстан музейлері» порталында жарық көрген «Музей экспозицияларын құру әдістері» атты еңбегінде жалпы музей экспозицияларын жобалаудың қалыптасқан төрт түрі бар екендігі туралы жазылған, олар: 1) коллекциялық (жүйелі, топтамалық) – музейлік зат немесе нысан экспозицияның шартты мазмұны, 2) ансамбльдік - музейлік нысан ансамбльдің объективті бөлігі, 3) көрнекілік (иллюстративный) – ғылыми мәтіндер, 4) музейлі-бейнелік (образно-сюжетный) - әдеби мәтіндер.

Материалдар топтамасының тақырып мазмұнына сай іріктелген, ғылыми тұжырымдалған, маңыздылығы айқындалған музейлік жұмыстың бір түрі экспозицияны құру барысында барлық бағыттарға, әдістермен амалдарға назар аудару экспозиция авторлары алдына қоятын басты міндет. Экспозицияның сәтті шығуы жобалау жұмыстары барысында таңдап алынған сәулеттік-көркемдік шешіміне тікелей байланысты.

Автор – «Экспозиция құрудың жылдар бойы қалыптасқан бірнеше түрлері бар, солардың бірі коллекциялық (жүйелік) әдіс. Бұл әдіс көбінесе өндірістің арнайы бір саласына немесе нақты бір ғылым саласына жәдігерлерді арнайы жүйелі түрде топтастыру, орналастыру, жүйелі түрде тақырыпты қамту тәртібі болып табылады. Жүйелі экспозицияның негізгі құрылымдық бірлігі типологиялық (жүйелі) қатар. Экспозиция құрудың бұл әдісі көбінесе жаратылыстану ғылымы, ғылыми-техникалық, археологиялық, этнографиялық, сәндік-қолданбалы өнері музейлерінде қолданылып келеді. Кеңестік дәуірде кеңінен қолданыста болған экспозиция құрудың бұл әдісі қазіргі күнге дейін де танымдылығын жойған жоқ» - деген қорытындыға келген (Ақпанбекова, 2016).

Сонымен қатар экспозиция құрудың танымал бір түрі - ансамбльдік әдіс болып табылады. Бұл әдісті қолдану барысында экспозиция нақты ғылыми деректерге сүйеніп өмір сүріп келе жатқан белгілі дәуірдегі әлеуметтік мәдени жағдайға тән сюжетті сақтайды немесе қайта жаңғыртады. Ансамбльдік экспозиция мемориалдық музейлерге, музейлендірілген тарихи және мәдени ескерткіштерге – сарайлар, мекен-жайлар, тарихи орындарға тән құбылыс. Оған мысал ретінде гуманитарлық және жаратылыстану ғылымы саласындағы тарихи интерьерлер немесе олардың көріністерін айтуға болады. Экспозициядағы ансамбльдік көрсетілімнің құрылымдық бірлігі - экспозициялық кешендік жиынтық. Мысалы еңбек құралдары, қару-жарақтар, киім-кешектер, жиһаздар, бейнелеу, жазбаша деректер және т.б. Мұндай кешендік жабдықтау өзіндік мазмұны және көріп қабылдау жағынан да экспозицияны аяқталған біртұтас етіп көрсетеді. Әлемдік музейлік тәжірибеде осы ансамбльдік экспозиция ең үлкен таралымға ие болған. Себебі оны көрермен жеңіл қабылдайды әрі ол күшті эмоциялық әсер бере алады. Экспозиция құрудың қай әдісі болмасын істен шыққан жоқ, керісінше жылдан-жылға жаңартылып, ізденістермен жаңа идеялардың арқасында дамып келеді (Ақпанбекова, 2016).

Бүгінгі күнде экспозиция құруға шығармашылықпен қарау үрдісі жақсы жолға қойылып келеді, сондықтан оны жүзеге асыру барысында әртүрлі бағыттармен жанрлар қолданылады. Мысалы: арт-дизайн, орта дизайн, стилизация, дәстүрлі музейлік дизайн және тағы да басқа көптеген бағыттар. Осы бағыттардың қайсы болмасын бейнелердің өзгеше панорамасын қалыптастыра отырып қайталанбас шығармашылық нысанға айналдыра алады. Музейлік экспозициялық әдістерінің бірі - бойлау әдісі (метод погружения или субмерсия). Бұл бағыттағы экспозиция адамға тақырыпты тереңінен түсінуге, сол дәуірге сапар шегуге, тіпті көркемдік образға енуіне, оқиғаларды, нақты уақытты сезінуіне жол ашады. Тақырып мазмұнына бойлау көрерменге экспозиция кеңістігін толыққанды қабылдауына мүмкіндік береді. Экспозиция арқылы адамға мұндай әсер беру адамның өмірлік қызығушылығын арттыра отырып мәдени мұрамен тікелей

тілдесуге, өзінің жеке танымы арқылы олардың құнын сезінуіне себеп бола алады. Сондықтан бойлау әдісі басқа бағыттарға қарағанда өзгешелігімен ерекшеленеді.

Экспозицияның бойлау әдісі (субмерсивный метод) көптүрлі шешімдермен бірнеше қағидаларға негізделген: экспозиция құрудың және оған қажетті заттарды жинақтаудың «антропологиялық» принциптері, сюжеттілік, ғылыми негізділігі, жинақталу толықтығы, жекелеген бөлшектерді мұқият қалыптастыру жұмыстары жоғары деңгейлік дизайнмен іске асырылуы шарт. Мұның бәрі өзіндік үйлесімдік тауып жатса ол үлкен жетістік. Экспозицияда театрландырылған амалдарды, техникалық мүмкіндіктерді шебер қолдана білу де кез-келген жұмыстың тартымды болып шығуына үлкен әсер береді.

Музей экспозицияларын құруда қалыптасқан дәстүрлі үрдістермен жаңа әдістерді қатар қолдана отырып көрермен көңіліне жол табуға қазіргі кезде мүмкіндіктер мол. Экспозицияға өнердің бір түрі ретінде жауапкершілікпен қарап, ал жәдігерді сол өнердің сөйлейтін тіліне айналдыра алсақ бұдан музейдің ұтары көп.

Жалпы «Экспозиция» термині латынша «expositio» (көрсету), кең мағынада кез-келген заттар жиынтығын арнайы көрсету ұғымын береді. Бүгінгі күні музейтану ғылымында қолданылып жүрген экпозицияның қарапайым анықтамасы: музей жинағының көрсетуге арналған бөлігі. Бүгінгі музей экспозициясы деп музей заттары мен басқа да экспозициялық материалдарының тұжырымды (ғылыми және көркемдік) ойлау тұрғысында біріктірілуінің біртұтас заттық-кеңістіктік жүйесі деп түсінуге болады (Ибраева, 2013, 45-46).

Осылайша, экспозиция – музей байланысында ең маңызды бірлік болып табылады. Экспозицияны жобалаудың бірінші кезеңінде экспозицияның ғылыми тұжырымдамасын жасау қажет. Тұжырымдама аталған тақырып бойынша авторлар тобының ғылыми жұмыстарының нәтижесі болып табылады. Ғылыми тұжырымдаманың негізінде архитектуралық-көркемдік тұжырымдама әзірленеді. Екінші кезеңде ғылыми қызметкерлер мен экспозиаторлар экспозицияның тақырыптары мен тақырыптарының атауын және дәйектілігін және суретшілерді – экспозициялық жобаны қамтитын құжаттың кеңейтілген тақырыптық құрылымын жасайды. Осы құжаттарда жеке тақырыптардың ғылыми және көркемдік шешімі экспозициялық кешендер деңгейінде егжей-тегжейлі жүзеге асырылады. Үшінші кезеңде экспозицияның ғылыми жобасының түпкілікті құжаты – тақырыптық экспозициялық жоспар (ТЭЖ) жасалады (Темірғалиева, Аршабекова, Нұрмағанбетов, 2017, 84).

Бүгінгі таңда ҚР МОМ «Қазақ этнографиясы» залы жаңа талаптарға сай реэкспозицияланған. Музейдің этнографиялық залында 24 мың бірліктен астам этнографиялық құнды жәдігерлер сақталған. Композициялық жағынан зал кіші және үлкен айналымнан тұрады. Залдың орталық алаңына көшпелі қазақ мәдениетінің бірегей символы саналатын – «киіз үй» орналастырылған (Дауытбекова, Кусаинова, 2017, 265).

ҚР МОМ қорынан ағаштардың көптеген түрінен жасалған бұйымдарды да көруге болады. Ағаш өңдеу өнерінің ішінде аса іскерлік пен үлкен еңбекті шынайы талғамды керек ететін түрі - киіз үй сүйегін жасайтын үйшілер ісі.

Қазақтағы үйшілер өнері сонау көне замандардағы көшпелілік өмір салтына байланысты қалыптасып, ғасырлар бойы даму, жақсару процесінің нәтижесінде шынайы халықтық өнер дәрежесінде шынайы халықтық өнер дәрежесіне жеткен. Үйші өнері XIX ғасырдың екінші жартысы мен XX ғасырдың басында нағыз үй кәсібіне айналды, онда еңбек бөлісінің нышаны да бой көрсете бастады.

Киіз үйге байланысты Геродот өзінің скифтер жайлы очерктерінде аргипейлердің ең қарапайым тұрғын үйлерін сипаттай отырып «Олардың әрқайсысы ағаштың астында тұрады. Қыста ағашты үнемі тығыз ақ киізбен жауып, ал жазда жабусыз қалдырған» - деп жазған (Алимбай, Муканов, Аргынбаев, 1998, 115).

Музей маманы Р.О. Тұрсымбекова өзінің «Қазақстан Республикасы Мемлекеттік Орталық музей қорында сақталған «Киелі киіз үй»» атты ғылыми мақаласында: «Атамыз – Алаш, керегеміз – ағаш» – деп ата-бабамыз айтқандай киіз үй – тек қазақ халқының ғана емес, бүкіл көшпелі халықтардың тұрағы болған. Көшпелі халықтың өмірі киіз үйде өткен. Ол тек көшіп-қонуға ыңғайлы баспана ғана емес, сондай-ақ үлкен бір отбасы тіршілік еткен үлкен шаңырақ. Мұнда адам дүниеге келеді, үйленеді және соңғы сапарға аттанады. Яғни адамның түздегі тіршілігін қоспағандағы өмірі киіз үйде өтеді» - деген пікір білдірген (Тұрсымбекова, 2014, 407).

Автор музейдің мұрағатын зерделеп, материалдарды қарау барысында ескіріп, тозған папканы тауып алған екен. Ол ішіндегі құжаттарды оқып, таныса бастағанда «күміс киіз үй» және оның қасиеттілігі туралы жазылған жазбаларға көзі түскен. Толығырақ айтатын болсақ: 1953 жылы

Үрімші қаласындағы КСРО-ның Бас консулдығына Қазақстанға жіберу үшін киіз үй табыс етіліп, кейін Алматы қаласындағы №3 балалар үйіне өткізілген делінеді. 1958 жылы Мәскеу 408 қаласында өткен Қазақстан мәдениеті мен әдебиет күндері декадасында киіз үйді пайдалану үшін көрме комитетінің әкімшісі Мұңайтпасов балалар үйінен киіз үйді алу туралы тапсырма береді. Киіз үйдің жабдықтарының толық болмағандығынан киіз үй декада кезінде пайдаланылмайды. Осы жылы бұл киіз үй музейге тапсырылған екен.

1972 жылы Мәскеу қаласының тұрғыны А.А. Хакимбаевтың сол кездегі КСРО-ның Мәдениет министрі М. Базарбаевқа жазған хатында 1953 жылы Синьцзян қаласынан Алматы қаласына жеткізілген киіз үй 5000 дана күміс қадалармен бекітілген төрт үлкен керегеден, 135 уықтан, шаңырақ пен есіктен тұратындығын және астары қызыл драптан тігілген үлкен 8 кесек киіз, 2 кесек жібек жіппен тоқылған шымши, киіз үйді айналдыра барқыттан тігіліп, жүннен тоқылған бау-басқұрлар және т.б. болған. ҚР МОМ-де тек 3 үлкен кереге мен тоғасыз 47 уық сақталған екен (Тұрсымбекова, 2014, 407).

Бұл киіз үй сүйегінің, яғни шаңырақ, уық, керегелерінің күмістелгеніне қарап дәулетті отбасынан қалған мұра екендігіне көз жеткізуге болады. Ертеде хан-сұлтандар мен атақты байлардың ордалары биіктігі, кеңдігі, жабу киізінің ақ түсімен ғана емес, сыртының әшекейленуімен және кереге уықтарының алтындатылып, күмістеліп безендірілуімен де ерекшеленген.

Ал кереге мен уық санына қарай киіз үйдің көлемі анықталған. Бұл жөнінде зерттеуші Ә.Тәжімұратов киіз үйдің екі, үш қанаттан бастап он сегіз, отыз қанатқа дейін жететін түрлері болғандығын айтады: «Киіз үй керегесінің басы 70–80-нен 360-қа дейін барады. Міне, осыған орай киіз үйлердің түрлерімен атауларының да көп екендігі байқалады. Октябрь революциясына дейінгі хан-сұлтандар мен атақты байлардың үйлері 8 қанаттан бастап 30 қанатқа дейін баратын үлкен және өте бай жиһазды ою-өрнектермен безендіріліп, әшекейленген. Бұларды ақ орда, алтын орда, алтын үзік деп атаған» - деп жазады (Энциклопедия, 2012, 122).

Қазақтардың отбасылық дәстүрі бойынша үйленген ұлдарына өз еншілерін беріп, бөлек шығарып отырған. Әкесінің жанында тек кенже ұлы қалып, әкесінің бүкіл мұрасы сол ұлына қалдырылған. Кіші ұлды «шаңырақ иесі» деп атаған. Әкеден қалған қара шаңырақ әкесінің тірі кезінде де және дүниеден өткенде де қасиетті болып саналды.

Қазақ халқы шаңырақты қасиетті санап, аса қатты қадірлеген. Шаңырақ – отбасы символы. Ел басына күн туғанның өзінде де керегесін кессе де, шаңырағын шаппаған. Шаңырақ астында отбасы өмір сүреді. «Отбасы» ұғымында шаңырақ өсіп-өнудің ұйытқысы, дәстүрлі тәрбие орны, бейбіт өмір мен бақыттың, татулықтың, біртұтас бірліктің, бүтіндіктің белгісі болып саналады. Ата-бабамыз «шаңырағың шайқалмасын» деп баталарын берген, өйткені шаңырақ шайқалса отбасының берекесі кетіп, бірлігі бұзылады. Киіз үйдің кереге, уық, шаңырақ сияқты бөліктерін этнографиялық деректерде шаңырақ – әке, уық – шеше, ал кереге – балалары деп беріледі (Тұрсымбекова, 2014, 408).

Киіз үйдің келесі бір қасиетті бөлігі – ошақ. Қазақтар ошақты ата-баба рухы қонған қасиетті орын деп санаған және бүгінгі күнге дейін солай санап келеді. Қазақтардың наным-сенімі бойынша үйдің кіндігінде, яғни дәл ортасында ошақ орналасқан.

Ол – үйдің дәл ортасында күннің жердегі бейнесі іспетті. Ошақ – әлемнің орталық кіндігі болып есептеледі. Ошақтың үстінде күннің символы шаңырақ, оның үстінде аспандағы күн тұрады. Ошақтың қасиеттілігі жайлы С.И. Вайнштейннің еңбегінен де көруге болады: «есікке қарама-қарсы киіз үйдің ортасына отбасылық, шаруашылық және үйдің мінәжат немесе тылсым орны ошақ орналасқан. Түнгі мезгілде 1–2 сағат уақыт болмаса ошақта тұрақты от жанып тұрған. Ошақ – тұрғын үй кеңістіктің қадірлі орны болған. Ошақ иесі – отбасының қорғаушысы (жебеушісі) – періште деген түсінік қалыптасқан. Отбасына бәле-жала, ауру, балалардың қазасын шақырады деп ошақты қорлауға кедергі болатын бірнеше тыйымдар болды. Ошаққа түкіруге, сүт және су құюға, күлді араластыруға және ағашты пышақпен жануға, ошақ үстінде ағашты жаруға, қоқысты ошаққа салуға, шала жанған отынды тұтатуға және шығаруға болмайды. Бөтен кісілерді айтпағанның өзінде үй иесінің өзі ошақтағы отты өшірмеген» - делінген (Вайнштейн, 1991, 84).

Ошақ орналасқаннан кейін міндетті түрде қазан асылған. Ал қазан асылған соң оған су болса да құйылуы керек. Қазанның бос тұруы жаман ырым болып саналады. Қазанды құт, береке-бірліктің символы ретінде де қарастырған. Қазақтың қазанды қатын-баламен бір атайтыны да осыдан келіп шығады. Қайда көшсе де қазанын тастамайтын ғұрып күні бүгінге дейін жалғасын тауып келеді (Сансызбайұлы, 2010).

Бір ғана киіз үйдің ішінде қазақтың күллі тарихы, салт-дәстүрі, мәдениеті тұнып тұр. Киіз үй әрі заттық, әрі рухани мәдениеттің үздік үлгісі. Оның атқарған қызметі мен рөлі өте зор екендігіне көз жеткізуге болады. Музейдің қара шаңырағында осындай баға жетпес қазынаның сақталуының өзі үлкен байлық (Тұрсымбекова, 2014, 408).

Қазақтың киіз үйі, өзінің мәдени тұрмыстық шаруашылық жағдайына байланысты үш түрге бөлінген:

1. Мереке-жиын кезінде және қадірлі қонақты күтіп алатын киіз үй;
2. Қазақ халқының жазды күні тұруына арналған киіз үйі;
3. Жарық кезінде тігетін киіз үй (Маргулан, 1964, 12).

ҚР МОМ «Тарихи этнография» залында алты қанатты киіз үй экспозицияланған. Бұл киіз үйді жасаған адам өкінішке орай қазіргі күні белгісіз. Сонымен қатар музей қорларында киіз үйдің жекелеген бөлшектері де сақталуда.

Ал ендігі кезекте киіз үйдің жасалу технологиясына тоқталайық. Үйші жұмысқа кіріспес бұрын неше қабат үйдің сүйегін жасайтынын біліп, соған қарай дайындалған ағаштарының қажеттілерін іріктеп, ыңғайлайды. Жұмыс орнын, саймандарын жөнге келтіріп алып, көбінесе, таң сәріден іске кіріседі. Әрине, шебер үйшілердің бос отыратын уақыты болмайды, негізгі күнкөріс осы кәсіппен байланысты болғандықтан, олар, әдетте, бір үй сүйегін бітсе, екіншісін бастай береді. Соның өзінде үй сүйегін әркімнің тапсыруы, алдын ала келісімі бойынша жасайтындықтан оның әрқайсысын әркімге арнап, іске кіріседі. Өйткені, әркімнің қалауы әр түрлі болады. Айталық. Біреуге - 4, біреуге - 6, енді бреуге - 8 қанат не оданда үлкен үй керек болады. Біреулерге тым сәнді, әшекейлі үй қажет болса, енді біреулерге қарапайым баспана болса болғаны. Осы жағдайлардың бәрі үйші еңбегіне айтарлықтай әсер тигізеді (Қожамқұлов, 1993, 36).

Киіз үй сүйегінің ең күрделісі де, қыруар еңбекті қажет ететіні де кереге болғандықтан, үйші ең алдымен кереге сағаналарын дайындауға кіріседі. Ол үшін алдын ала дайындалған қозға немесе мор мен обынға, керегеге арналған ағаштардың он шақтысын салып, әбден жұмсартады. Жақсы кепкен ағашты қозға салар алдында суға малып алса, ол тез жұмсарып, бабында балқыйды, ағаштың сыртын күймейді де. Қозда жатқан ағаштарды біртіндеп алып өңдеуге кіріседі. Ең алдымен ағаштың кисық жерлерін тезге салып, түзетіп алады. Ол үшін қоздан шыққан ыстық ағашты биялай киген сол қолымен ұстап, оның қисық жерін тездің кертпегіндегі қазықшаның тұсына апарып ұстайды да, оны сықаурын алақанымен жанши отырып түзетеді. Сықаурынды оң қолымен ұстап тұрып, сабы жағын жамбасқа салып, бар дене салмағымен бір басып, бір босатқан уақытта түзетілетін ағашты ретіне қарай аударыстырып, қозғап отырады. Кереге сағаналарының қалған ұзына бойын түгелдей қуыс не ойыс жонғымен жұмырлай жонады. Жону, түзету жұмысы біткен соң тезге салу арқылы кереге сағаналарына арнайы мүсін бере, әр жерінен белгілі мөлшерде иіндер жасайды. Осының нәтижесінде кереге сағанасының басы сәл шалқақтау болады, мойын тұсы ішке еніңкі, бүйірі сыртқа теуіп шығыңқы келеді. Ал, бір жағы біртіндеп ішке тартып, төменгі ұшы тіп-тік келуі қажет. Кереге сағанасын тігінен қойғанда оның басы мен етегінің ең төменгі ұшы бір түзу бойында болуы шарт.

ҚР МОМ қорында XXI ғасырдың бірінші жартысында жасалған кереге сақтаулы. Бұл керегенің жиналған кездегі көлемі 277х74 см болады. Кереге музейге 1986 жылы 16 қазанда өте нашар сақталған күйінде түскен. Бірақ музей қызметкерлерінің қыруар еңбегінің арқасында реставрация жұмыстары жүргізіліп, бастапқы қалпына келтірілген. Қазір ол КП 20735/1-7 номерінде музей қорында сақтаулы (Түгендеу карточкасы, 1998-2005).

Кереге мен шаңырақ арасын біріктіріп, киіз үйдің төбесін шығарып тұратын иінді ұзын ағаштарды уық деп атайды. Бір үй сүйегіне арналған уық саны кереге бастарының жалпы сандарына тең болады. Олай болса, уықтың саны да, әрқайсысының ұзындығы да, әлділігі де киіз үйдің көлеміне, яки қанат санына, керегенің тор көз, не жел көздігіне тікелей байланысты болады. Әдетте, киіз үйдің маңдайшасына алты уық байланады (Қазақтың киіз үйі, 1998).

ҚР МОМ қорында киіз үй уықтарының бірнеше түрі сақтаулы. Солардың біріне тоқталып кетейік: XX ғасырдың ортасына жатады, уықтың жасалған ағашы қызыл түспен боялған. Музейге Алматы қаласының тұрғыны К. Досжанов тапсырған. Инвентарлық номері КП №20736/1-119 (Түгендеу карточкасы, 1998-2005).

Шындығында қазақтағы үйшілер өнері сонау көне замандардағы көшпелілік салтына байланысты қалыптасып, ғасырлар бойы даму, жақсару процесі нәтижесінде шынайы халықтық өнер дәрежесіне жеткен. Ал, ҚР МОМ сол өнер туындыларын болашақ ұрпақ үшін сақтап, қорғап, насихаттайтын бірден - бір орталық болып табылды.

Ал келесі, Астана қаласындағы Орталық Азиядағы ең үлкен заманауи музей Қазақстан Республикасының Ұлттық музейінің «Этнография» залында орналасқан киіз үйге тоқталсақ. Бұл зал

қазақ халқының сан ғасырлар бойы қалыптасқан тұрмысы мен дүниетанымдық көзқарастарынан осы күнге дейін сақталған бай рухани және материалдық мәдениетінен сыр шертеді. Залдың жалпы ауданы 648 шаршы метрді құрайды.

Жиналмалы киіз үй қазақ халқының жыл бойы көшіп жүруге бейімделуге өте ыңғайлы болды. Тәжірибелік қажеттілігі және өнерлік шеберлігі арқасында қазақ халқы киіз үйді бір өлшеммен жасады. Сондықтан да киіз үйдің жалпы 300-400 кг. - түйе жүктемесіне сай, диаметрі 4,5-8 м., ортасының биіктігі – 4-5 м. Киіз үйді бір сағаттың ішінде құрып, жинауға болады.

Бұл киіз үй ағашына байланысты төрт бөлікке бөлінеді. Кереге – киіз үйдің негізгі қаңқасын құрайды. Уық – кереге мен шаңырақты жалғастырып тұрады. Киіз үйдің ағаш есігін сықырлауық дейді. Ол киіз үйдің ішіне қарай ашылады. Есік бірнеше бөліктен тұрады. Олар: маңдайша, екі босаға, табалдырық пен екі жақтау. Босаға - үй есігінің екі жақтауы. Қазақтар босағаны қасиетті санап ақ босаға деп атаған. «Босағаны керме» (немесе босағаға керілме) деген тыйым осыдан туған. Сондай-ақ, босаға майлау ырымы да бар. Жастар жеке отау құрғанда немесе біреу жаңа үй алғанда жақын-жуықтары келіп, жаңа үйдің босағасына май жағады. Ол деген осы үй берекелі, майдай жұғымды болсын деген ұғымды білдіреді. Босаға - маңдайша мен табалдырық арасын белгілі қашықтықта ұстап тұратын, кереге бекітілетін, адамдардың үйге кіріп-шығуы үшін арнайы жасалған, екі жаққа ашылатын есіктің айналмалылығын қамтамасыз ететін бөлігі.

Сұлу табиғат аясында өмір сүрген бабаларымыз үйдің жасау-жабдығының көркемдігіне баса назар аударған. Қазақ үйінің ішкі көрінісі бояуының ашықтығымен қатар нәзіктігімен, жиһаздар мен басқа да заттар молынан көмкерілген ою-өрнектерінің нақыштығымен көздің жауын алады. Мысалы экспозицияда, киіз үйдің ішкі жабдықтарына өрмекпен тоқылатын кілемнің бір түрі - алаша ұсынылған. Алаша Қазақстанның барлық аймақтарында кең таралып жасалатын болған және ол ең қолжетімді түрі. Жолақталған алашаның ені 40-50 см және одан да кең, ал ұзындығы шеберге байланысты әркелкі болып келеді. Ол көбінесе тоқитын шебер-әйелдің шыдамы мен төзімділігіне байланысты. Жолақтар екі бірдей кесіндіге бөлінеді де, қосылып тігіледі. Бұндай кілемдерде зооморфтық (жануарлар түрінде яғни қошқар мүйіз, табан т.б.) және геометриялық өрнектер жиі қолданылды. Кілем тоқумен қатар қоржын, керме, әбдіре қап (сандық қап) жасау өнері қатар жүрді. Олардың бетін көмкерген оюлар кілем тоқитын өрмектерде (станоктарда) тоқылды (Әдістемелік мәтіндер, 2016).

Залдың қақ ортасында тігілген киіз үй дәстүрлі көшпелі ортада ең көп тараған алты қанат киіз үйдің айырықша үздік үлгісі «отау» болып табылады. Үйдің алты қанатты деп аталуы оның жиналмалы – салмалы ағаш қабырғасының жеке-жеке алты керегеден тұратындығын білдіреді. Ал, оның ішкі кеңістігіндегі құрметті қонаққа арналған «төр», «ерлер жағы», «әйелдер жағы», «босаға жақ» және т.б. деп аталатын өзара себеп-салдарлық байланыстағы сегменттері отбасылық байланыстың, осы арқылы социумдағы әлеуметтік қатынастың ежелден орныққан ілкімді нормалары мен принциптерінің мызғымастығын паш етіп тұрғандай (сурет 1).

Сур. 1. ҚР Ұлттық музейі «Этнография» залы. Киіз үй.

Жоғарыда айтылғандай, киіз үйдің кеңістігі экспозицияда семантикалық аса мәнді төмендегідей сегменттерге бөлінеді: босаға қасы немесе босаға жаны; босағаның дәл қарсы жағындағы құрметті қонаққа арналған төр; ертеректе үйдің ортасында ошақ орналасатын. Бертін келе ошақ (ас әзірлейтін орын) әйелдер жағына ауыстырылды; ортаға ас қабылдайтын жатаған дөңгелек үстел – жозы қойылатын болды; жозының оң жағынан сәл жоғары тұсына жастыққа

арналған жастықағаш қойылды; төрдің артқы тұсын керегеге тақастыра орналастырылған жүкаяқтың үстіне әдбіре, жағлан, сандық сияқты үй бұйымдарын сақтайтын жиһаз түрлері, үстіне ішіне көрпе-жастық және киім салынған қаршын, тең, боғжама тең-теңімен орналастырылды. Төрден есікке қарағандағы босаға кеңістігімен шендесетін оң жақ орын – ерлер жағына ерлер мен қонақтар киімдерін ілетін адалбақан, кілем немесе алаша ұсталынған, кереге басына жүген, өмілдірік, құйысқан сияқты ат әбзелдері ілінді. Осы жерге арнайы қондырғыға ер қойылды (ескерер жайт – ердің алдыңғы қасы міндетті түрде төрге қаратылды). Сондай-ақ бұл тұсқа құсбегілік және аңшылыққа қажетті құралдар және қылыш, шоқпар сияқты қарулар ұсталынды. Төрдің әйелдер жағы деп аталатын сол жақ, қазан жақ тұсына ыдыс-аяқ және оны сақтайтын асадал, үлдірік, тағамға арналған кебеже, саба, келі-келісап, қолдиірмен, күбі сияқты үй мүліктері қойылды. Ежелден қазақ халқы ою әлемінде өмір сүрді, сол себепті киіз үйге қойылған әрбір заты оюмен әшекейленіп, сүйек, күміспен безендірілді.

Бұл залдан сонымен қатар қонақтар қазақ халқының дәстүрлі мәдениетімен таныстыратын видеофильмді көре алады (киіз үйге қарама-қарсы арнайы экран орналастырылған).

Осыған орай аталмыш кеңістікті қазақтың тарихи этнографиясының экспозициялық - кеңістік моделі деуге де болады. «Этнография» залы қазақ халқының дәстүрлі баспанасы – киіз үй кеңістігінің бөлінуіне негізделіп орналастырылған. Осыған байланысты залдың сол жақ бөлігі «ерлер жағы», оң жақ бөлігі «әйелдер жағы», орталығы – сыйлы орын «төр» қазақ халқының діни дүниетанымы мен музыкалық мәдениетін сипаттайды. Залдың ортасында, «ошақ» орналасатын киелі орында залдың басты жәдігері - киіз үй орналасқан.

Киіз үйдің жанында «Келі мен келсап» орналасқан, ол – бидай мен тары және тағы басқа дәнді дақылдарды түйетін, ұнтақтайтын қатты ағаштан жасалған құрал. Келінің биіктігі кем дегенде 50 сантиметрден жоғары, жуан ағаштың діңін ортасын ойып жасалады. Ағаш келінің екі түрі болады: тақта және шұңғыл келі. Шұңғыл келі бидай мен тарыны қаралау, ақтауға пайдаланылса, тақта келі жармалап ұнтақтауға қолданылған. Тақта келінің түбі тегістеу келеді де, келсап дәл тиіп, дәнді майдалауға, ұнтақтауға қолайлы. Келінің түйгіш ағашын келсап деп атаған. Келсаптың келіні түйгіштейтін басы салмақты етіп жасалып, қолға ұстайтын тұсынан қолайлы қос тұтқалы етіп жасалады. Келсаптың ұзындығы бір метрден астам жуан ағаштан жасалған. Халық тұрмысында келінің жер келі сияқты түрлері де болған (Әдістемелік мәтіндер, 2016).

Қазақ ұсталары келіні тұтас кеспелтек ағаш діңінің ішін үңгіп жасаған. Оны жасау үшін көбінесе, ағаштың қатты түрлері – қайың немесе қара ағаш пайдаланылған. Қазақстанның барлық өңірлерінде келіні біркелкі етіп дайындалатындығы аңғарылады. Қазақстанның оңтүстік өңірінде құрама келілер де жиі кездеседі. Келіні шеберлер мықты, әрі жарылмай көп жылға шыдауы үшін, қызған тандыр ішінде ыстық қозға қақтап алып, оның іші-сыртына қойдың құйрық майы немесе түйе қомының майын сіңдіртіп, келінің сыртын қайыспен ысып жылтыратып қоятын болған.

Қорытынды. Музейдегі «Этнография» залдарында, оның ішінде әсіресе киіз үйге музейге келушілер және шетелдік қонақтарымыз өте қатты қызығады. Осы бір құнды әрі киелі жәдігер ұлттық өнеріміздің нағыз мақтанышы болумен қатар, елімізде өткізілетін кейбір мәдени шаралардың (мысалы, Наурыз мерекесін, қазақы салт-дәстүрлерді – сәбиді бесікке салуды, көрісуді, тұсау кесуді және т.б. өткізу) көрнекті орны болып табылады.

Музейлердің әрбір экспозициялық залы, оның ішінде этнографиялық залы жөнінде шығарып жатқан жарияланымдар мен жинақтары, конференция материалдары, сонымен қатар жекелеген монографиялардың көптеп шығуы да отандық музей ісінің дамуына өзінің зор үлесін қосуда.

Музей кеңістігінде дәстүрлі киіз үй коллекциясын экспозициялау тек заттық мәдениетті көрсету емес, сонымен қатар көрерменге тарихи және этнографиялық контекстті жеткізуге мүмкіндік береді. Зерттеу барысында экспозицияның әдістемелік ерекшеліктері – орналастыру, көрнекілік элементтері және ақпараттық сүйемелдеу – киіз үйдің мәдени және этнографиялық маңызын тиімді көрсетуге ықпал ететіні анықталды. Осылайша, дәстүрлі киіз үйді музейде көрсету тәжірибесі көрерменнің мәдени санасын арттырып, ұлттық мұраны сақтау мен насихаттауда маңызды рөл атқарады.

Қорыта келе, тәуелсіз еліміздің ұрпақтарының басты міндеті – бай мәдени мұрамызды сақтап, халқымыздың тарихына және дәстүрлі мәдениетіне жүгіне отырып, болашаққа сол қалпында жеткізу болып табылады. Ата-бабамыздан қалған ұлттық құндылығымыз киіз үй – қазақ халқының баспанасы ғана емес, қара шаңырағы. Қара шаңырақтың қазақ үшін қаншалықты киелі ұғым болып табылатынын айтпаса да түсінікті. Олай болса, ұлтымыздың төл мәдениетін және дәстүрін көненің көзіндей қастерлеп сақтап, басты байлықтарымыз ретінде бағалай білейік.

Әдебиеттер тізімі

Алимбай Н., Муканов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. – Алматы: Гылым, 1998. 236 с.

Ақпанбекова Ғ. Музей экспозицияларын құру әдістері, «Қазақстан музейлері» порталы [Электрондық ресурс]. – қол жеткізу режимі: http://kazmuseum.kz/ekspozitsiya/item/1161-muzej-ekspozitsiyalaryn-k-ru-adisteri

Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – Москва: Наука, 1991. 294 с.

Дауытбекова М.Қ., Кусаинова А.Б. Мемлекеттік Орталық Музейдің тарихи этнография залындағы тұрмыс-тіршілік және зергерлік бұйымдардың маңыздылығы (музей коллекциялары негізінде) // ҚазҰУ Хабаршысы. Тарих сериясы. №1 (84), 2017. Б. 265–269.

Ибраева А. Музейтану: тарих мамандықтарына арналған оқулық. – Астана: Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, 2013. 251 б.

Қазақстан Республикасы Ұлттық музейі. «Этнография» залы бойынша экскурсия жүргізушілерге арналып жазылған әдістемелік мәтіндер. – Астана, 2016.

Қазақстан Республикасының Мемлекеттік Орталық музей қорының түгендеу карточкасы. – 1998–2005 жж.

Қазақтың киіз үйі: Әлемнің Ұлттық бейнесі. – Алматы, 1998.

Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. 3-том. – Алматы: РПК «Слон», 2012. 736 б.

Қожамқұлов С. Шеберлік мектебі: мақала, очерк, естеліктер жинағы / Құраст. А. Мусинов, М. Құлмұхаметов. – Алматы: Өнер, 1993. 256 б.

Маргулан А.Х. Казахская юрта и ее убранство. – Москва: Наука, 1964. С. 12.

Сансызбайұлы А. Киіз үйдің киесі [Электрондық ресурс]. – қол жеткізу режимі: https://olzha.ucoz.ru/publ/alamtordan_alyn_an_statjalar/internetten_alyn_an/kiiz_jdi_kiesi/3-1-0-4

Темірғалиева К.Т., Аршабекова Т.Т., Нұрмағанбетов Е.Н. Тарих және музей, монографиялық зерттеу музей қорынан. – Қарағанды, 2017. 623 б.

Тұрсымбекова Р.О. Қазақстан Республикасы Мемлекеттік Орталық музей қорында сақталған «Киелі киіз үй» // «II Арғынбаев оқулары» халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. Б. 407–409.

S.B. Alipova, A.R. Belyalova

Features of Exhibiting a Collection of Traditional Yurts in Museum Spaces

This article examines the specific features of exhibiting a traditional Kazakh yurt collection within a museum environment. As an important element of the material and spiritual culture of the Kazakh people, the yurt occupies a special place within the corpus of ethnographic heritage. The study analyzes the methods of presenting the structural elements of the yurt, its interior furnishings, and their semantic meanings within the museum context. In addition, the research explores the scientific and methodological foundations for organizing exhibition solutions, the principles of spatial composition, and interpretive approaches used to communicate information to visitors. The article also identifies current issues related to presenting the traditional yurt in museum spaces as an integral cultural phenomenon, as well as the possibilities of applying modern exhibition technologies. The results of the study make it possible to formulate scholarly conclusions aimed at the effective presentation of ethnographic collections in museum practice.

Key words: museum, exhibition, ethnography, yurt, shanyrak, material culture.

С.Б. Алипова, А.Р. Белялова

Особенности экспонирования коллекции традиционных юрт в музейном пространстве

В данной статье рассматриваются особенности экспонирования коллекции традиционной казахской юрты в музейном пространстве. Юрта, являясь важным объектом материальной и духовной культуры казахского народа, занимает особое место в составе этнографического наследия. В ходе исследования анализируются способы представления в музейной среде конструктивных элементов юрты, предметов её интерьерного убранства, а также их семантического значения. Кроме того, рассматриваются научно-методические основы организации экспозиционных решений, принципы построения пространственной композиции и интерпретационные методы донесения информации до посетителей. В статье выявляются актуальные проблемы представления традиционной юрты в музейном пространстве как целостного культурного феномена, а также возможности применения современных экспозиционных технологий. Результаты исследования позволяют сформулировать научные выводы, направленные на эффективную презентацию этнографических коллекций в музейной практике.

Ключевые слова: музей, экспозиция, этнография, юрта, шанырак, материальная культура.

Б.Е. Нургожина, А.Г. Саутбекова, Г.У. Эшбекова
Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан
bahita_be84@mail.ru

Экспозиция зала этнографической коллекции Национального музея РК

В статье рассматриваются научно-концептуальные и экспозиционные особенности формирования зала этнографии Национальный музей Республики Казахстан. Основное внимание уделяется принципам построения музейной экспозиции, направленной на комплексное представление традиционной культуры и образа жизни казахского народа. Анализируется структура экспозиционного пространства, тематическое распределение разделов, а также содержание музейных коллекций, отражающих материальную и духовную культуру, хозяйственно-бытовые традиции, ремесла, обряды и элементы повседневной жизни.

В работе рассматриваются методы научного отбора, систематизации и интерпретации этнографических предметов, используемых при создании экспозиции. Особое внимание уделяется применению современных музейных технологий, художественно-дизайнерских решений и интерактивных элементов, способствующих более глубокому восприятию представленного материала посетителями. Отмечается роль музейной экспозиции как важного средства сохранения, изучения и популяризации национального культурного наследия.

В результате исследования определяется значение зала этнографии в формировании целостного представления об историко-культурном развитии казахского народа и в укреплении интереса общества к традиционной культуре и этнографическому наследию Казахстана.

Ключевые слова: музейная экспозиция, этнография, культурное наследие, традиционная культура, музейные коллекции, разработка концепции зала.

В меняющихся условиях музеи продолжают оставаться центрами хранения культурного наследия, но, в то же время, превращаются во все более открытую обществу систему, ориентированную на удовлетворение его запросов. В XXI веке музеи из центров пассивного созерцания истории и культуры превращаются в «живое», развивающееся пространство, «бросают вызов» глобализму. Исходным пунктом подобного осмысления феномена современного музея является выработка четких коммуникационных стратегий.

Музейная деятельность в современном обществе подчиняется разноплановым задачам и оказывается ориентированной одновременно на науку, образование, воспитание, сферу культурного досуга. Целью музея становиться выявление и использование культурного и материального потенциала. Таким образом, сущность музейной деятельности состоит в культурном освоении продукта других видов деятельности.

По мнению отечественного музееведа А.М. Разгона история музейного дела изучает причины возникновения «музейной потребности, происхождение и исторический опыт всех форм общественных институтов, возникающих для удовлетворения этой потребности их функционирования в различных исторических условиях, музейную политику, формирование музейной сети и организации музейного дела, историю законодательства, относящегося к музеям и охране памятников».

Более лаконично характеризует историю музейного дела чешский музееведИ. Шпет. По его мнению, эта отрасль знания включает в себя историю музея как учреждения и предшествующих ему форм, историю развития музейных функций и операций, историю музейной теории и ее отражения в практике, то есть историю музееведения (Дукельский 1987: 168)

Определяя перспективы развития грядущего столетия, Д.С.Лихачев отмечал, что XXI век будет веком гуманитарной культуры; сегодня – уже в новом столетии – все более очевидно значение духовной составляющей человека и человечества. Одним из каналов гуманитарной культуры является музей, развитие которого в последние десятилетия связано с обретением своего места в глобальном мире, дальнейшим укреплением его статуса в культуре. (Божченко 2012: 35)

Касательно состояния музейного дела нашей страны, отметим, что Казахстан как независимое суверенное государство, существует более тридцати лет и признан мировым сообществом. За это время значительно изменилась жизнь общества, отношение к историко-культурным ценностям. Удовлетворить эту общественную потребность на должном профессиональном уровне и призваны музейные учреждения республики. К сожалению, созданные в прежние годы экспозиции устарели

и не соответствуют требованиям сегодняшнего дня. Все это требует творческого осмысления и изменения подходов в формировании экспозиции музеев с учетом достижений науки, совершенствования научно-исследовательской, культурно-массовой и популяризаторской деятельности музейных учреждений. В современных условиях, особое внимание должно уделяться вопросам технического оснащения музеев и музейных комплексов путем повсеместного внедрения современных выставочных технологий: медиаэкраны, голограммы, светодиодная LED-техника, сенсорные киоски, мультимедийный гид с предоставлением информации на трех языках и т.п.

В свою очередь, жизнь требует коренного пересмотра деятельности музеев Казахстана с учетом интеграционных процессов, происходящих в мировой музейной практике. Разработка и осуществление совместных проектов в области исследовательской, собирательской и научно-информационной работы, участие в международных форумах музеев, организация обменных выставок с ведущими музеями стран ближнего и дальнего зарубежья, стажировка и обмен специалистами, ускорит, на наш взгляд, продвижение нашей республики к достижениям мировой культуры.

Так, например, в последние годы музеи во всем мире стремятся переосмыслить свою роль и функцию в обществе. Задача сохранения культурного наследия человечества уже не кажется им исчерпывающей их предназначение. Все чаще музеи поворачиваются «лицом к людям», соревнуясь друг с другом в «клиент-ориентированном» подходе, изобретая форматы, позволяющие эффективнее вовлекать граждан в интерактивное общение с сокровищами музейных коллекций. Институты культуры начинают рассматривать себя как часть общества, стремясь интегрироваться с другими институтами и процессами. Еще один важнейший аспект, завязанный на роли и значении музеев в современном мире, – обострение проблемы размывания национальных особенностей, прерывания и утраты естественных механизмов трансляции этнических традиций. В связи с этим музеи играют роль платформы сохранения и актуализации этнокультурного наследия – совокупности материальных и нематериальных элементов этнической культуры, признаваемых в качестве ценности не только данным народом, но и окружающим полиэтническим сообществом (Курьянова и др. 2021: 168).

Такой поворот связан, прежде всего, с глобализацией и либерализацией всех аспектов жизни современных обществ, включая культуру. Подобные трансформации в понимании музеями своей роли в меняющемся обществе неизбежно ведут и к новым подходам в их позиционировании. Музеи сами стремятся по-новому себя осознать и дать возможность иначе увидеть себя со стороны. Мировая практика показывает, что развитие музеев идет по пути превращения их в комплексные культурно-исторические и досуговые центры. Это существенным образом изменяет подход к организации музейного пространства, здесь имеются в виду и экспозиции, и выставки, и рекреационная зона, зоны отдыха и т.д. Это также диктует необходимость новых форм работы с посетителями, организацию процесса их пребывания в музее. Музей, как воспитательно-образовательное учреждение и культурно-развлекательная организация одновременно, становится сложным организмом с разветвленной сетью различных современных служб, призванных обеспечивать удовлетворение широкого спектра интеллектуальных запросов общества (Асанова 2009: 160). Общественное предназначение музея сегодня может быть сформулировано следующим образом. Музей – это культурно-исторический и досуговый центр, хранящий культурно-историческое наследие народа, пропагандирующий среди посетителей, на основе новейших музейно-научных, рекреационных, информационных технологий. Музей является хранилищем, но не просто ценных предметов, а духовных ценностей – памяти народа в виде ее материализованных культурных форм.

Многообразие связей музея и общества дает основание рассматривать музей в качестве информационной системы, направленной на передачу информации специфическими средствами. Музей представляет собой научно-исследовательское учреждение, поскольку создает источниковую базу для исследований. Он вводит в научный оборот фонд музейных предметов, занимаясь изысканиями, основанными на их изучении. В то же время музей выступает и как научно-просветительное, образовательное учреждение, ибо, демонстрируя музейные собрания в соответствии с определенной научной концепцией, он распространяет знания, удовлетворяет культурные запросы общества. Соответственно, деятельность музея направлена на организацию комплектования, хранения, изучения и экспонирования музейных предметов использования их в научных, образовательных и воспитательных целях (Докучаев 2015: 22).

Особенность современного музея заключается в том, что он рассматривается как феномен культуры, как «механизм межпоколенной коммуникации». Сущность музея – быть «посредником»

между обществом и его культурой, между культурой прошлого и культурой настоящего, а не конкретное содержание музейной деятельности, обусловленное социальным заказом времени. По определению философа Г. Люббе, «наше собственное прошлое все быстрее превращается в чужое прошлое» и для его понимания, сохранения и усвоения «требуется специальная работа научно-дисциплинированного исторического сознания» (Чувилова 2015: 93). Именно, в сохранении социальной памяти, устойчивой связи между поколениями и видится одна из базовых музейных функций. Что наглядно достигается путем интерпретации памятников материальной культуры в музейной реконструкции.

Музей может рассматриваться сегодня как состояние души общества, и именно музею необходимо направить все усилия на восстановление утраченной культуры, чего так не хватает в современном мире. Усилия музеев направлены на поиск сотрудничества между учреждениями культуры и образования. Это может дать новый импульс развитию общественной жизни. Развитие музейной деятельности в современной ситуации есть развитие культуры, окружающей человека постоянно и содействующей его совершенствованию, всемерному раскрытию его талантов, дарований и способностей (Шляхтина 2004: 34).

Как правило, история бытования музейных предметов делится на две неравные части: первая – «жизнь» предмета до поступления в музей, вторая – «жизнь» в составе музейного собрания (Юмашева 2015: 292). Зачастую от личности исследователя (его профессиональных навыков, вкуса, интуиции и т. д.) зависит, будет ли материальный предмет помещен в коллекцию и в дальнейшем будет «жить» в пространстве экспозиции, или останется на полке в запасниках музея.

Несомненно, одним из крупнейших музейных учреждений Республики Казахстан является Национальный музей Республики Казахстан, который относится к числу наиболее молодых и вместе с тем крупнейших музеев Центральной Азии и представляет собой значимый научно-культурный центр, осуществляющий деятельность по сохранению, изучению и популяризации историко-культурного наследия, а также выступающий важным пространством социокультурной коммуникации.

Музей был создан в рамках реализации Государственной программы «Культурное наследие». Музей оснащен оборудованием соответствующим мировым стандартам, для экспозиций используются современные выставочные технологии: уникальный изогнутый экран со специальным контентом, работающий на два зала, медиа пол, динамичный макет центральной части современной Астаны, многочисленные медиаэкраны, голограммы, светодиодная LED-техника, сенсорные киоски, мультимедийный гид с предоставлением информации на трех языках. О масштабности проекта «Национальный музей РК» говорит тот факт, что в нем задействован весь интеллектуальный потенциал современного Казахстана. Также мы по праву можем гордиться богатыми собраниями бесценных экспонатов хранящихся в музеях нашей страны, которые мы можем презентовать не только в нашей стране, но и за рубежом.

Музейные экспозиции – яркая и востребованная форма презентации этноресурса. Музеи выступают сокровищницами этнического и культурного наследия страны, представленного предметами материальной и духовной культуры, быта, традиций и обычаев. Помимо важнейшей хранительской функции значимую роль играет презентация этнографических собраний в экспозициях.

Остановимся на некоторых экспозиционных приемах и методах, примененных в разработке зала «Этнографии № 2» Размещенная на сравнительно небольшой площади экспозиция содержит нескольких секторов: ювелирные украшения казахского народа, а также народов Центральной Азии XIX-XX веков, традиционные формы одежды, украшения из войлока, ковры и домашняя утварь.

Действующий зал «Этнографии № 2» был открыт 16 сентября 2025 года. Научная концепция новой экспозиции в основном совпадает с предыдущей, главным отличием стало, то что большая часть экспонатов ранее хранились в фондах музея, впервые представлена широкой общественности. Расширение зала, позволило представить большее количество уникальных экспонатов, хранящихся в фондах музея.

Таким образом, процесс подготовки экспозиции зала состоял из нескольких этапов, включая разработку концепции, отбор и систематизацию экспонатов, оформление выставочного пространства и размещение экспозиции:

Разработка и обсуждение научной концепции экспозиционно-выставочного проекта, разработка концепции начинается с идеи. В процессе утверждения назначается куратор выставки и состав рабочей группы.

Отбор музейных предметов. Важный этап в создании культурного продукта, требующий от научных сотрудников длительной работы по анализу фондов, отбору предметов среди идентичных, оценке физического состояния. Нередко случается так, что желаемый для экспонирования предмет требует реставрации. Команда реставраторов производит экспертизу и выносит заключение: есть ли возможность включения данного предмета в состав экспозиции. На этом же этапе подключается отдел консервации. Кроме этого главный хранитель должен подготовить соответсвующие документы, отдел учета проверяет, внесен ли предмет в перечень экспонатов.

Проектирование, оформление и монтирование выставки. Этап, характеризующийся сотрудничеством участием значительного числа музейных сотрудников. На данном этапе могут участвовать сотрудники функциональных отделов и представители администрации. «Научные сотрудники, экспозиционеры, художники, оформители, монтажники делают свое дело. На данном этапе происходит окончательное согласование между сотрудниками всех функциональных отделов.

Открытие выставки и информационное сопровождение мероприятия. Открытие выставки освещается как в информационных материалах при входе в музей, так и интернет-площадках Национального музея РК. Среди таких площадок: официальный сайт музея, социальная сеть Инстаграм, идет рассылка по другим информационным интернет-ресурсам.

В свою очередь, этнографическая экспозиция решена в тематическом ключе. Основные тематические блоки: ювелирные украшения казахского народа, а также народов Центральной Азии XIX-XX веков, традиционные формы одежды, украшения из войлока, ковры и домашняя утварь.

Так, экспозиция ювелирного искусства классифицируется на 4 группы: 1) головные украшения; 2) шейные и нагрудные; 3) поясные; 4) украшения для рук. Они сочетали в себе не только эстетическую красоту, но и функциональность. Каждое украшение выполняет две разные функции. Одно – красота, другое – защита.

В центре зала на четырех витринах представлены образцы казахской национальной одежды. Это образцы одежды мужчины и женщины, невесты и жениха. Автор реконструкции этих образцов одеяния, изготовленных в национальном стиле: Е. Даубаев, мастер: А. Абдубаитова. Раньше по одежде можно было определить сословие, статус и примерный возраст носящего ее человека. Для передачи ношения костюма с полной ювелирной атрибутикой начала XIX начала XX века был применен ансамблевый метод экспонирования, предполагающий показ вещей в их «жизненном сочетании», на примере данных реконструкций.

Особенностью интерьерного экспонирования является максимальное использование подлинных предметов, бытовавших в интерьере юрты: прекрасные образцы ручного ковроткачества и предметы мебели.

Ковровые изделия, в экспозиции музея отличаются своей уникальностью и неповторимым орнаментальным мотивом. Ковры датируются концом XIX серединой XX веков. В экспозиции зала представлены несколько видов ковров. Это так называемые ворсовые, безворсовые и комбинированные ковры.

Особое значение было уделено войлоку. Изготовляли множество изделий из войлока, широко применяли в быту и хозяйстве. В экспозиции зала представлены виды войлочных изделий: сырмак, текемет.

Также в экспозиции зала представлены мебель и домашняя утварь. Сундуки и лари для хранения вещей и продуктов – «сандық», «кебеже», «асадал» и др. Богатая орнаментика и инкрустация домашнего обихода, свидетельствует о том, что наши предки уделяли большое внимание эстетической красоте предметного мира.

В художественном решении экспозиции большое значение придавалось игре света и тени, создающей атмосферу таинственности и магии. Дополнительную выразительность экспозиции придает теплота природных материалов и красочность рукотворных изделий.

Всего в зале представлено 258 экспонатов. Из них: ювелирные изделия – 193 ед.хр., ковровo-войлочные изделия – 47 ед.хр., домашняя утварь – 14 ед.хр., образцы традиционной одежды казахов – 4 ед.хр.

Экспозиция сильна подлинностью экспонатов, большинство из которых были собраны в этнографических экспедициях сотрудников музея.

В музее реализуются образовательные программы по изучению традиционной культуры казахов – музейные уроки.

Проведенный анализ этнографических экспозиций зала «Этнографии № 2» показывает, что для построения прошлого специалистами активно используются основные методы: ансамблевый, тематический и систематический, либо их сочетание. Каждый из представленных путей решает свои

специфические задачи, помогая специалистам создать убедительный, научно обоснованный образ исторического прошлого в музейном пространстве. Также отметим важность использования эмоционального компонента. Какой бы экспозиционный метод ни применялся, он вызывают у посетителей особые чувства сопереживания, помогая ощутить прошлое собственного народа или же почувствовать реалии жизни и быта людей иной культуры. Практический опыт сообщает, что ныне действующие экспозиции зала «Этнографии № 2» легко воспринимаются посетителями всех возрастов, они ненавязчивы и вместе с тем оказывают сильное эмоциональное воздействие на зрителей, гармонично сочетая в себе черты познавательного и интересного.

Современные музеи такие как Национальный музей Республики Казахстан в сравнении со своими предшественниками значительно расширили поле своей деятельности, усовершенствовали функции, и их роль во много крат возросла. Они не просто представляют взору подлинность вещественных свидетельств разных эпох и воссоздают историческую картину, но и выступают образовательными и коммуникативными центрами.

Историческое наследие казахстанской земли богато и уникально. История наших предков достойна того, чтобы ею гордиться. Посему недостаточно изучать ее только по школьным учебникам. Как недостаточно одними словами охватить и описать все достояние народа, дошедшее через века и сохранившееся в музеях нашей страны (Файзуллина 2005: 15)

Таким образом, проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что музею присущи особые функции, благодаря которым, можно говорить о его способности участвовать в решении кардинальных проблем жизнедеятельности общества, способствуя формированию исторической памяти.

Список литературы

Асанова С. А. Основные этапы истории музейного дела Казахстана. Музееведение и историко-культурное наследие / Кемеровский государственный университет культуры и искусств. - Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2009 - Вып. III. – С. 156-166.

Божченко О.А. Проблемы создания новых музейных экспозиций по истории XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – №1(15). – С. 34-38.

Докучаев Д. Журнал Мир Музея // Россия – США: музейный десант – Москва, 2015. - 25 с.

Дукельский В.Ю. Музееведение. Вопросы теории и методики. – М., 1987.

Курьянова Т. С., Золотарёва Н. В., Чарышова М. Ю. Музейная педагогика как инструмент актуализации этнокультурного наследия северных ханты и алтайцев // Исторический курьер. 2021. № 2 (16). С. 166–177.

Файзуллина Г.Ш. Культурно-образовательная деятельность музеев Казахстана в период независимости (1991-2005 гг.): автореф. к.и.н. – М., 2005. – 26 с.

Чувилова, И. В. История в музейном пространстве: materia prima // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. – Москва: Этерна, 2015. – С. 93–102.

Шляхтина Л.М. Музей в глобальном мире: коммуникационные стратегии, 2004.

Юмашева, Ю. Ю. Вещественные источники как «потенциальная источниковая база исторической науки» // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. – Москва: Этерна, 2015. – С. 290–300.

Б.Е. Нургожина, А.Г. Саутбекова, Г.У. Эшбекова

Қазақстан Республикасы ұлттық музейінің этнографиялық коллекция залының экспозициясы

Мақалада Қазақстан Республикасының Ұлттық музейі этнография залы экспозициясының қалыптасуының ғылыми-тұжырымдамалық және экспозициялық ерекшеліктері қарастырылады. Зерттеуде қазақ халқының дәстүрлі мәдениеті мен өмір салтын кешенді түрде танытуға бағытталған музейлік экспозицияны құру қағидаттарына ерекше назар аударылады. Экспозициялық кеңістіктің құрылымы, бөлімдердің тақырыптық жүйеленуі, сондай-ақ материалдық және рухани мәдениетті, шаруашылық-тұрмыстық дәстүрлерді, қолөнерді, салт-дәстүрлер мен күнделікті өмір элементтерін бейнелейтін музейлік коллекциялардың мазмұны талданады.

Сонымен қатар, экспозицияны қалыптастыру барысында пайдаланылатын этнографиялық жәдігерлерді ғылыми іріктеу, жүйелеу және интерпретациялау әдістері қарастырылады.

Келушілердің ұсынылған материалды тереңірек қабылдауына ықпал ететін заманауи музейлік технологияларды, көркемдік-дизайндық шешімдерді және интерактивті элементтерді қолдану мәселелеріне ерекше мән беріледі. Музей экспозициясының ұлттық мәдени мұраны сақтау, зерттеу және кеңінен насихаттаудағы маңызды құрал ретіндегі рөлі айқындалады.

Зерттеу нәтижесінде этнография залының қазақ халқының тарихи-мәдени дамуы туралы тұтас ғылыми түсінік қалыптастырудағы және қоғамның дәстүрлі мәдениет пен Қазақстанның этнографиялық мұрасына деген қызығушылығын арттырудағы маңызы анықталады.

Түйін сөздер: музейлік экспозиция, этнография, мәдени мұра, дәстүрлі мәдениет, музейлік коллекциялар, экспозициялық тұжырымдаманы әзірлеу.

B.E. Nurgozhin, A.G. Sautbekova, G.U. Eshbekova

Exhibition of the Ethnographic Collection Hall of the National Museum of the Republic of Kazakhstan

The article examines the scientific, conceptual, and exhibition-related features involved in the formation of the Ethnography Hall of the National Museum of the Republic of Kazakhstan. Particular attention is given to the principles of museum exhibition design aimed at providing a comprehensive representation of the traditional culture and way of life of the Kazakh people. The study analyzes the structure of the exhibition space, the thematic organization of its sections, and the content of the museum collections that reflect material and spiritual culture, household and economic traditions, crafts, rituals, and elements of everyday life.

The paper also considers the methods of scientific selection, systematization, and interpretation of ethnographic objects used in the development of the exhibition. Special emphasis is placed on the application of modern museum technologies, artistic and design solutions, and interactive elements that contribute to a deeper perception of the presented material by visitors. The role of the museum exhibition as an important means of preserving, studying, and promoting national cultural heritage is highlighted.

As a result of the research, the significance of the Ethnography Hall in shaping a comprehensive understanding of the historical and cultural development of the Kazakh people and in strengthening public interest in the traditional culture and ethnographic heritage of Kazakhstan is determined.

Key words: Museum exhibition, ethnography, cultural heritage, traditional culture, museum collections, exhibition concept development.

Г.И. Оразалиева
Қызылорда облыстық тарихи-өлкетану музейі
Қызылорда, Қазақстан
guljanar7772@mail.ru

Цифрлық музей: заманауи технологиялар арқылы тарихты тірілту

Бұл баяндамада ғасырға жуық тарихы бар Қызылорда қаласында ашылған қазіргі заман талабына сай заманауи жаңа музейдің бағыттары мен алға қойған мақсаттары туралы ақпараттар берілген. Бұл- ұлттық руханиятты сақтау музей ісінің жаңа бағыттары, ұлттық мұраларды сақтаудың, зерттеулердің қолжетімділігін арттыру. Ел Президенті Қасым-Жомарт Тоқаевтың: «Ғылыми-зерттеулер жүргізу, тарихи ескерткіштерді қалпына келтіру, археологиялық қазба жұмыстарын жандандыру, музей ісін дамыту- осы жұмыстардың бәрін жүйелі түрде бір жоспарға келтіру керек» деген тапсырмасы музей саласының кешенді дамуы үшін айқын бағдар берді. Халық игілігіне берілген жаңа музейде ең алдымен жәдігерлердің жоғары дәлдіктегі 3D модельдері жасалып, ғылыми ортаға қолжетімді технологиясымен сирек кездесетін артефактлердің цифрлық нұсқасымен қамтылған. Ғылыми-зерттеу жұмысының нәтижесінде өңір тарихын айғақтайтын құнды мұралар жаңартылды. Осы бағалы дереккөздер негізінде «Түгіскен көсемі», «Жетіасар ақсүйек әйелі», «Сақ жауынгері», «Сығанақ ханшайымы» реконструкциялары жасалып, тарихи келбеттері қалпына келтірілді. Жаңа музей орталық өңір тұрғындарына тарту етілген маңызды мәдени нысан, аймақтың туристік және инфрақұрылымы, мультимедиялық технологияларымен жабдықталған экспозициялық залдары жайлы мағлұматтар берілген.

Түйін сөздер: заманауи цифрлық технологиялар, жасанды интелект, панорамалық, диорамалық инстоляциялар, интерактивті LED экрандар.

Музей – тарихи жады мен өткен дәуірдің мұрасын сенімді сақтайтын мемлекеттік маңызы зор мәдени мекеме. Білім көкжиегін кеңейтіп, танымды арттырып, әсемдікпен байланыстыратын музей атаулы адамның әлем мен уақытқа қатысты барын сезіндіретін айрықша қуатқа ие (Ахан байқызы, 2021, 1). Уақыт озған сайын құндылығы арта түсетіні сөзсіз. Өңір тарихымен бірге жасасып келе жатқан мекемелердің бірі – Қызылорда облыстық тарихи-өлкетану музейі (Сайлау, 2024, 2). Бұл қасиетті орында бірнеше дәуірдің тарихы, этнографиясы, тұлғалары Сыр өңірі, жыр өңірінің ұрпақтан ұрпаққа жалғап отырған бірден бір институт екенін атап өткен жөн. Қасиетті Сыр өңірінің баға жетпес тарихи-мәдени мұрасын сақтау және кеңінен насихаттау мақсатында Сырдария өзенінің сол жағалауынан музейдің ғасырға жуық тарихында алғаш рет арнайы заманауи ғимарат салынды.

Қызылорда облыстық тарихи-өлкетану музейі Қазақ ССР Жоғарғы Советі президиумының ұйымдастыру комитетінің 1939 жылдың 7 ақпандағы қаулы шешімі құрылып, 1890-1896 жылдары салынған Перовск Қазан – Богородтық шіркеуі ғимаратында алғаш жұмысын өлке тарихы мен табиғатын зерттеуден бастаған. 1980 жылы облыстық атқару комитетінің шешімімен музей екі қабатты ғимаратқа көшіріліп, күрделі жөндеуден кейін 1985 жылы 7 мамырда өз жұмысын бастады. Музей орналасқан бұл ғимарат 1953 жылы салынған жергілікті маңызы бар, архитектуралық ескерткіштер тізіміне енгізілген. Ел басы Қасым-Жомарт Тоқаевтың «Ғылыми зерттеулер жүргізу, тарихи ескерткіштерді қалпына келтіру, археологиялық қазба жұмыстарын жандандыру, музей ісін дамыту – осы жұмыстардың бәрін жүйелі түрде бір жоспарға келтіру керек» деген тапсырмасы музей саласының одан әрі дамуына айқын бағдар беріп, 2025 жылы 1 маусымда Қызылорда қаласының сол жақ жағалауынан жаңа музей өз жұмысын бастап кетті. Бір ғасыр бұрын Қазақ Республикасының алғашқы астанасы болған Қызылорда қаласында өткен V- съезде мемлекетіміздің негізі қаланып, саяси, мәдени-рухани орталығына айналғаны тарихтан белгілі.

Ұлттық өнер мен ғылымның, білім мен баспасөздің алтын қазығы қалыптасып қағылғаны тағы бар. Ұлтымызға қазақ атауын қайтарып, азат елді аңсаған тілегі мен мақсаты ортақ Алаш арыстары ұлттың мүддесі үшін асқақ армандар орындалған қала екені анық (Алмасұлы, 2025, 2).

Бір ғасырда бірнеше кезеңді басынан өткерген Қызылорда бүгінгі күні Елбасымыздың ерекше қолдауымен сәулетті де әсем қалаға айналуда. Жүз жылдың тарихы бар Қызылорда қаласында Ұлттық құрылтайдың бесінші отырысы ұйымдастырылды. Ұлттық құрылтай аясында Елбасы Қ.Тоқаев арнайы музейге ат басын тіреп, соңғы заманауи үлгідегі экспозициямен танысып, өзге өңірлерге үлгі боларлықтай музей екенін атап айтты (Жалғасбай, 2026, 3).

Жаңа музей ғимараты– архитектуралық және технологиялық жағынан қазіргі заман талабына сай, ғимаратының жалпы аумағы - 3366м2, экспозициялық залдарға - 2000м2 берілген. Қазіргі уақытта музейдің қорында 70 мыңнан астам экспонат сақтаулы. Жәдігерлерді сақтау сапасы халықаралық стандарттарға сай, қор сақтау бөлмелеріне климат-бақылау және ылғалдықты реттеу жүйелері, сондай-ақ жәдігерлердің жарықтан қорғалуы, биологиялық және химиялық факторлардан қорғау шаралары барынша қарастырылған. Ғимарат екі қабатты, жертөлесі қор сақтайтын қоймасы 250 мыңнан астам экспонатты сақтауға мүмкіндігі бар, сонымен қатар арнайы көрме залы, заманауи үлгідегі конференция залы, балалар бөлмесі кереметтей жабдықталған. 1953 жылғы салынған бұрынғы (ескі) музейдің аумағынан екі есе үлкен келеді. Заманауи музей ғимараты 12 экспозициялық залдан тұрады. Атап айтсақ; Палеонтология, Археология, Ортағасырлар өркениеті, Қазақ хандығы дәуірі, Этнография, Қызылорда тарихы, Алашорда, Ұлы Отан соғысы, Мәдениет пен өнер, Әлеуметтік-экономикалық даму, Ғарыш, Тәуелсіз Қазақстан экспозициялық залдар, соңғы үлгідегі жасанды интеллект жүйесі, панорамалық және диорамалық инсталяциялар, интерактивті ЛЭД экрандар, сонымен әр залдағы смарт тақталарды бір саусақпен түртсеңіз үш тілдегі толыққанды ақпараттар алдыңыздан шыға келеді. Осындай цифрлық технологиялармен толық жабдықталған музейге алыс-жақын облыстардан, шет елдерден қызығушылық танытушылар көптеп келуде.

Жалпы музейде 5 бөлім жұмыс жасайды. «Қор сақтау», «Өлке тарихы», «Археология және этнография», «Экскурсиялық-көпшілік», «Экспозициялы-көрмелік» бөлімдер және де екі филиал «Ақмешіт музейі», «Салихиддин Айтбаев атындағы көркемсурет» галлереясы, сонымен қатар Қызылорда облысы бойынша 13 аудандық музей филиалдары жұмыс жасайды.

Ия, музей тек жәдігерлердің орналасатын жері ғана емес, заманауи технологияларды тарихпен ұштастыратын инновациялық мәдени кешен деп айтсақ қате емес. Сыр өңірінде музей жұмысын жетілдіру мақсатында атқарылып отырған жұмыстар сан алуан. Музейдің серпінді жұмысы жоғары бағалануда. Музейдегі ерекше жәдігерлерді бір сөзбен айтып тауысу мүмкін емес. Музей жанында түрлі жобалар жұмыс жасайды. Атап айтқанда: «Музей экцилопедиясы», «Музей радиосы», «Жәдігербаян», «Жас өлкетанушы», «Құнды жәдігер», «Тарих көмбесі», «Тұлғатану», «Бір әулеттің тарихы», «бұл үйде кім тұрған», «Музей тур» атты жобалар жұмыстың ауқымдылығын аңғартады. Жаңаша экспозицияда аймақтың флорасы мен фаунасы, палентологиясына бас сұқсаңыз, сол кезеңнің үні шығып, сол әлемнің бел ортасында жүргендей күйде болары сөзсіз. Динозаврлар әлемінде олардың дауысы ерекше көңіл аудартады. Өңірімізде ең алғашқы динозавр биіктігі екі метрге, ұзындығы төрт метрге жеткен аралозаврлар мекендеген. 1958 жылы Қармақшы ауданы, Жосалы кентінің солтүстік шығысының 80 шақырым жерде Шақшақ шатқалынан динозавдың сүйектері, тістері табылған. Музейдің археологиясы мен этнографиясы, сонымен қатар Байқоңыр ғарыш айлағының тарихы, Қызылорда облысының экономикалық әлеуметтік-мәдени дамуы залдарындағы әрбір жәдігер музейге келушілерге ерекше әсер қалдыратыны даусыз.

Қызылорда музейінің ғылыми-зерттеу бағытына тоқталар болсақ, кешенді жұмыстар нәтижесінде өңір тарихын айғақтайтын құнды мұралар жүйелі түрде зерттеліп жаңғыртылуда. Қызылорда облыстық тарихи-өлкетану музейінде 2004-2005 жылдарда «Мәдени мұра» бағдарламасы аясында Шірік-Рабат қалашығына археолог ғалым Жолдасбек Құрманқұловтың жетекшілігімен жүргізілген экспедицияда «Сақ жауынгері» табылған болатын. Қабірден ер адам мүрдесімен бірге ұзындығы 1 метрден асатын, сабы ағашпен қапталған семсер, белдік қалдықтары, қанжар сынығы, парфяндық жазуы бар қыш құмыра, хош иістендіргіш культтік бұйым, сонымен қатар әртүрлі пішіндегі алтын жапсырмалар жарыққа шықты. Елге белгілі раставратор Қырым Алтынбеков ғалымдармен бірлесе отырып, қазбадан табылған алтын жапсырмалардан кереметтей «Шірік-Рабат сақ жауынгері» реконструкциясы жасалып, эспозициядан орын алды. 2019 жылы Ортағасырлық Сығанақ қалашығына Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті мен Өзбекстан Орталық Азия халықаралық институты бірлесе жүргізген археологиялық қазбадан №3 қазба нысанынан сән салтанатымен жерленген әйел адамның қаңқасымен қатар маржан көзді алтын сырғалар, цилиндр формасындағы бойтұмар, сондай-ақ алтын түймелер мен маржан моншақтар табылып, музей қорын құнды жәдігерлермен толығып, Алтын Орда кезеңіндегі Ұлы даланы мекендеген ақсүйек әйелінің образы «Сығанақ ханшайымы» реконструкциясы жасалып, музейге келушілердің қызығушылығын одан әрі арттырды.

XX ғасырдың 60-жылдары Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясы Оңтүстік Түгіскен қорымынан алтын қылышты сақ көсемінің мүрдесі мен бағалы бұйымдар және қару-жарақтар жиынтығы табылып, түпнұсқасы Ресей Мемлекеттік тарих музейінің қорында сақтаулы. (Жетпісбаев, 2023, 1).

Сондай-ақ Жетіасар мәдениетіне қатысты археологиялық материалдар Мәскеудегі Миклухо-Маклай атындағы Антропология және этнология институтының қорында сақтаулы. Осы бағалы ғылыми дереккөздер негізінде «Түгіскен көсемі» және «Жетіасар ақсүйек әйелінің» ғылыми реконструкциялары жасалып, тарихи келбеттері келтіріліп музейдің археология залынан орын алып тұр. Ғылыми қызметкерлердің тынбай ізденіс үстіндегі ғылыми тұрғыда экспедициялары аясында XIX ғасырдың маңызды мұрасы болып табылатын Қалқай (Қалмұхаммед) ишанның, үш жүздің пірі атанған Марал ишанның көк асасы, Сердалы Бекшориннің, Ер Сейтпенбет және Нұрғали бақсыларға тиесілі XIX-XX ғғ қобыздардың ғылыми негізделген көшірмелерімен музей экспозициясы толығуда. Сонымен қатар музей экспозициясы ескі араб әрпі мен төте жазумен жазылған 200-ге жуық сирек кіптармен қатар, 1925-1929 жылдары Қызылорда астана болған кезеңінде алаш қайраткерлерінің баспадан шығарылған кітаптарының көшірмелері музейдің негізгі бөлігін құрап тұр десек артық емес. Тарихи мұраларды келешек ұрпаққа түсінікті ету мақсатында бұл шығармалар кирилл жазуына аударылып, халыққа жариялануы, Сыр өңірінің ұлттық-мәдени мұрасын сақтап, зерделеп ұрпақтан-ұрпаққа жеткізу музей қызметкерлерінің міндеті. Музей тарихындағы тағы бір жеткен жетістігіміз 2024 жылы Қызылорда облыстық тарихи-өлкетану музейі аккредитациядан өтіп, археологиялық зерттеулерге ресми лицензия (№24017011) алып, музей қызметкерлері 2026 жылы Асанас қалашығына археологиялық қазба жұмыстарын алғаш рет жүргізіп, өңіріміздің бай тарихи мұрасын терең зерттеу бағытында жаңа серпін, жаңа бағытқа бет бұрып отыр.

Жалпы, музей өткен мен болашақтың арасындағы көпір секілді, руханият пен білімнің ордасына айналған мекен. Цифрлық дамуға қол жеткізген бүгінгі музейдің деңгейі әйнектің арғы жағында тұрған құнды жәдігердің үстінен баса қалсаңыз, алдыңызға керекті ақпарат шыға келеді. Бұл музей – еліміздегі Ұлттық музейден кейінгі екінші музей. Заманауи үлгідегі салынған мұндай ғимарат, дәл мұндай экспонаттардың көпшілігі басқа жерлерде кездесе бермейтіні сөзсіз. Қасиетті Сыр өңірінің баға жетпес мұрасын сақтап, төл тарихымызбен ұлттық идеалогиямызды дүниежүзіне насихаттайтын рухани - мәдени, виртуалды әлемге қарсы тұратындай кеңістік ретінде халыққа қызмет көрсетіп келеді.

Әдебиеттер тізімі

Алмасұлы А. Бір ғасырлық тарих. «Айқын» газеті № 24 18.10.2025ж.

Аханбайқызы А. Сыр мен жырға толы тұлғалар музейі. (17.05.2021ж. 24.02.2026ж.)

Жалғасбай Е. Сыр тарихының көмбесі, «Айқын» газеті № 20 (4706), 2026 ж.

Жетпісбаев М. Сақ жауынгерінен Сығанақ ханшайымына дейін «Егемен Қазақстан» 6.12.2023ж.

Сайлау А. Сыр бойындағы тарих қоймасы. Kyzylorda-news.kz сайты (8.03.2026ж қаралды)

Тұрсымбекова Р.О. Қазақстан Республикасы Мемлекеттік Орталық музей қорында сақталған «Киелі киіз үй» // «II Арғынбаев оқулары» халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. Б. 407–409.

G.I. Orazalieva

Digital Museum: Bringing History to Life through Modern Technologies

This report presents information on the activities and goals of a new modern museum opened in the nearly century-old city of Kyzylorda. These include new directions for museum work, such as preserving national spirituality, increasing accessibility to research, and preserving national heritage.

President Kassym-Jomart Tokayev ordered “systematization of work on scientific research, restoration of historical monuments, intensification of archaeological excavations, and development of museum activities.” This order became a key guideline for the comprehensive development of the museum sector. As a result of scientific research, valuable exhibits documenting the region's history were restored. Based on these valuable sources, reconstructions of the “Tugisken Chieftain,” “Noble Woman from Zhetyasar,” “Saka Warrior,” and “Syganak Princess” were created, thereby restoring their historical appearances.

The new museum, opened for the benefit of the public, primarily features high-precision 3D models of exhibits and digital versions of rare artifacts presented using technology accessible to the scientific community. The new museum is an important cultural facility built for the residents of the regional center.

It provides information about the exhibition halls, equipped with multimedia technology, and the region's infrastructure and tourism.

Key words: modern digital technologies, artificial intelligence, panoramic, diorama installations, interactive LED screens.

Г.И. Оразалиева

Цифровой музей: оживление истории с помощью современных технологий

В данном докладе представлена информация о направлениях деятельности и целях нового современного музея, открытого в городе Кызылорде, имеющем почти вековую историю. Это новые направления музейного дела по сохранению национальной духовности, повышение доступности исследований и сохранение национального наследия.

Президент страны Касым-Жомарт Токаев поручил «систематизировать работу по научным исследованиям, восстановлению исторических памятников, активизации археологических раскопок и развитию музейного дела». Данное поручение стало ключевым ориентиром для комплексного развития музейной сферы.

В результате научно-исследовательской работы были обновлены ценные экспонаты, свидетельствующие об истории региона. На основе этих ценных источников были выполнены реконструкции «Тугискенский вождь», «Знатная женщина из Жетыасара», «Сакский воин» и «Сыганакская принцесса», благодаря чему были восстановлены их исторические образы. В новом музее, открытом на благо народа, прежде всего созданы высокоточные 3D-модели экспонатов, представлены цифровые версии редких артефактов с доступной для научной среды технологией. Новый музей является важным культурным объектом, построенным для жителей областного центра. Здесь представлены сведения об экспозиционных залах, оснащённых мультимедийными технологиями, об инфраструктуре и туризме региона.

Ключевые слова: современные цифровые технологии, искусственный интеллект, панорамные, диорамные инсталляции, интерактивные LED-экраны.

Ұ.Х. Шаған
Қызылорда облыстық тарихи-өлкетану музейі
Қызылорда, Қазақстан
ulpan_97@mail.ru

Қоссаз домбыра – Сыр өңірінің археологиялық жәдігері

Мақала Жетіасар мәдениетіне жататын көне музыкалық аспап – қоссаз домбыра туралы ақпарат береді. Музыкалық аспап Сырдарияның төменгі ағысында орналасқан Бидайық асар қалашығынан табылған. Біздің заманымыздағы IV ғасырымен мерзімделетін қоссаз домбыраның фрагменттерін алғаш Хорезм археологиялық экспедициясы тапқан. Хорезм археологиялық экспедициясы тарапынан Жетіасар шатқалындағы ескерткіштерде алғаш археологиялық ізденістері 1946 ж. басталып, 1948, 1949, 1951 жж. аралығында жүргізіледі. ХАЭЭ жетекшісі С.П.Толстовтың бастамасымен осы қалашықтарға қазба жұмыстары жүргізіліп, олардың ұқсастықтарына қарап, «жетіасар мәдениеті» деген атау берілді. Далалық зерттеу жұмыстары 70-80 жылдары жалғасын тапты.Кешегі күнге дейін «белгісіз ағаш фрагменттер» саналған жәдігерлер 2018 жылы арнайы жоба аясында зерттеліп, белгілі археолог Ә.Тәжекеевтің тұжырымдамасымен «қоссаз домбыра» екені анықталған. Зерттеу жұмыстарының нәтижесінде Қызылорда облыстық тарихи-өлкетану музейі қоссаз домбыраның көшірмесін жасатты. Түпнұсқасы Ресейдің Шығыс мұражайының қорында сақтаулы тұр. Аталмыш музыкалық аспап музей экспозициясына орналастырылды. Көне «Қоссаз» домбыра Англиядағы Саттон-Ху обалы қорымынан табылған лира аспабынан да бірнеше жүздеген жылға көне екені нақтыланған.

Түйін сөздер: Жетіасар мәдениеті, Бидайық асар қалашығы, Хорезм экспедициясы, қоссаз домбыра, жаңғырған жәдігер.

Сыр өңірі – көне ескерткіштерге бай өлке. Солардың ішінде өзіндік ерекшелігімен көзге түсетін, көпқабатты құрылыстары бар, археологтар тарапынан көп зерттелген Жетіасар ескерткіштерінің орны бөлек. Жетіасар ескерткіштері Қызылорда облысының Сырдария, Жалағаш, Қармақшы аудандар аймағы мен Батыс Еуропа - Батыс Қытай халықаралық көлік дәлізінің жолында шоғырлана орналасқан. Осыған орай, Сыр бойында Жетіасар мәдениетіне жататын қалашықтар жиынтығы қалыптасқан. Жетіасар - әлемдік тарихта ойып орын алған бірегей мәдениет.

Жетіасар қалаларын археологиялық тұрғыда кешенді зерттеу жұмыстары 1946-1991 жж. аралығында Хорезм археологиялық этнографиялық экспедициясы тарапынан жүргізілді. “Жетіасар мәдениеті” деген атаумен белгілі қаңлы, ғұн дәуіріне жататын ескерткіштер жиынтығы Сырдарияның төменгі ағысы бойында орналасқан ескерткіштер ретінде ғылыми айналымға енді.

Сырдарияның ежелгі солтүстік арналары - Қуаңдария мен Ескідариялыққа қарай шашыла орналасқан Жетіасар кешенінің ескерткіштерін 1948-1951 жж. С.П. Толстов Жетіасар № 3 (Алтын асар), Жетіасар №9 қаларында және бірнеше жеке обаларда қазба жұмыстарын жүргізді. 1958, 1962-1963 және 1966 жж. басқа да Жетіасар ескерткіштерінде қазба жұмыстары жалғасын тапты (Есмаханов, 1998, 352).

С.П. Толстов 1948 жылы жазған күнделігінде жоғарыдағы мәліметтерді дәлелдей отырып, төмендегідей тұжырымдар жасайды. Жетіасар қорғандарын 3 типке бөледі. Біріншісі - көптеген біріккен бөлмелерден тұратын, екі-үш қабатты үлкен ғимараты бар бекіністі қоныс, екіншісі - фортификациялық жүйесі мықты дамыған үлкен қорған, үшіншісі - түрлі ірі тұрғын үй құрылыстарының қалдықтары бар, дамыған фортификациялық жүйесі бар үлкен қорған (Жетіасар №3 немесе Алтын асар) (Тәжекеев, 2019, 83).

С.П. Толстовтың зерттеу нәтижелері 1948 ж. “По следам древнехорезмийской цивилизации” және 1962 ж. жарық көрген «По древним дельтам Окса и Яксарта” атты еңбегі аймақ тарихының тереңде жатқандығын аңғартады. Хорезм экспедициясының кеңестік кезеңде жүргізіген зерттеу жұмыстарының қорытындылары жыл сайын шығатын “Труды Хорезмской археолого-этнографической эскпедиции” атты еңбектерінде жарияланып отырған.

1971-1991 жж. аралығында Хорезм экспедциясы Л.М.Левинаның жетекшілігімен Жетіасар ескерткіштеріне зерттеулер жүргізіп, Алтын асар, Томпақ асар және Бидайық асар қалалары және обаларына кешенді қазба жұмыстарын ұйымдастырды.

1973 жылы Л.М.Левинаның жүргізген археологиялық экспедициясы нәтижесінде Жетіасар мәдениетіне жататын Бидайық асар қалашығының төртінші бекіністі дәліз бен оның баспалдағынан,

II құрылыс кезеңінің 9 мәдени қабатынан сыртында ойылып салынған суреттері бар белгісіз ағаш бұйымдары табылған (Аржанцева, 2018, 35).

Қызылорда облысының тарихи-мәдени мұраларды қорғау және пайдалану әдістемелік ғылыми кеңестің шешімімен 2018 жылы "Хорезм экспедициясының Сыр өңіріндегі зерттеулер тарихы" атты кітап-альбом дайындау мақсатында арнайы жоба қолға алынды. Сыр өңірінен табылған жәдігерлерді жинақтау үшін РФ ғылыми мекемелеріне іс-сапарлар ұйымдастырылды. Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университетінің "Археология және этнография" ғылыми орталығы жетекшісі, Phd доктор, археолог ғалым Әзілхан Тәжекеев РФ Шығыс музейінде сақтаулы Жетіасар ескерткіштерінен табылған ағаш бұйымдарға зерттеулер жүргізді. Нәтижесінде, Бидайық асар қалашығынан табылған ағаш бұйымдардың музыкалық аспап - "қоссаз" домбырасының бөлшектері екені анықталды. Осы күнге дейін "белгісіз ағаш бұйымдары" ретінде сақталып келген археологиялық артефактілер Әзілхан Тәжекеев тарапынан ғылыми зерттеліп, құрастырылып, әу бастағы тұрпаты анықталып, музыкалық аспап ретінде жаңадан тыныс алды.

"Қос мойынды" немесе "қоссаз" домбыра біздің заманымыздағы IV ғасырмен мерзімделеді Бұл – әлемдегі ең көне музыкалық аспаптардың бірі. "Қоссаз" домбыра төрт құлақты, төрт пернелі, қос мойынды келген. Ә.Ә. Тәжекеев музыкалық аспапты құрастыру барысында аспаптың шертер мен домбыраның қосындысы болуы мүмкін деген тұжырым жасап отыр.

Сур. 1. "Қоссаздың" беткі көрінісі

Сур. 2. "Қоссаздың" артқы көрінісі

Шертер - қазақтың көне музыкалық аспабы. Шертіп ойнау тәсіліне байланысты шертер деп аталған. Ол екі немесе үш ішекті болып келеді. Ертедегі шертерлер ағаштан ойылып, шанағы көнмен (терімен) қапталып жасалған. Дыбыс күші қапталған терінің жұқа-қалыңдығына, ішегінің жуан-жіңішкелігіне байланысты өзгеріп отырады. Жалпы тұрқы - 650-750 мм. Ойнау тәсілі домбыраға жақын болғанымен, жасалу жағынан қылқобызға ұқсайды (Тасмағамбетов, 2005, 635-636).

Қазіргі таңда түпнұсқасы Ресейдің Шығыс музейінің қорында сақтаулы тұрған "қоссаз" домбыраның көшірмесі бүгінде Қызылорда облыстық тарихи-өлкетану музейінің "Қасиетті Қазақстан және археология" залында орналасқан. Қызылорда облыстық тарихи-өлкетану музейінің директоры Сапар Көзейбаевтың қолдауымен Сыр елінің ұста-шебері, ҚР Қолөнершілер одағының мүшесі Бекзат Жақыпов "қоссаз" домбыраның көшірмесін жасады. "Қоссаз" домбыраның жалпы ұзындығы - 65,5 см. Шанағы тегіс табанды, ұзындығы - 25,5 см; биіктігі - 3 см; қалыңдығы - 0,5 - 0,6 см. Шанақ қақпағы сақталмаған. Шанағының сыртында тазының, белгісіз аңның, қасқыр, ақбөкеннің,қара құйрықтың ойылып салынған суреттері бар. Ішегі байланатын түймесінде тесігі сақталған, түйменің көлемі - 1,5х1,3 см.

Мойны басымен қоса есептегенде ұзындығы 40 см, шанағына қосылар тұсының ені - 4 см; басы жағында - 3 см тең. Биіктігі - 3 см. Мойнының да беткі қақпағы сақталмаған, іші қуыс болып келген.

Басы жартылай дөңес, ұзындығы - 6 см, ені - 3 см. Ішегі мен құлағы байланып бекітілетін екі тесігі бар. Екінші мойны сақталмаған, бірақ өлшемдері бірдей екінші басы бар.

Құлағы екі мойынын қосып, ішектерді тартып тұратындықтан құрылымы күрделі болып келеді. Ұзындығы - 13 см, екі басы болған, бірақ біреуі ғана сақталған. Басында бір тесігі және құлақтың дәл ортасында бір тесігі бар. Құлағының домбыра басына бекітілген тұсы 1 см-ге дейін ойылып жонылған, ал ортасының ұзындығы - 7 см, ені - 1,8 см. Орта тұсы бір жағы бір, ал екінші жағы екі қырлы болып келген (Аржанцева, 2018, 35-36).

"Қоссаз" домбыраның сыртқы тұрпаты шертерге ұқсайтындығын көруге болады. Ішектерінің қыл, мойнының қысқа болуы қобызға көбірек жақындатса, ойнау әдісі мен мойнының түзу болуы домбыраға жуықтайды. Бұған қарап, шертер домбыраның да, қобыздың да арғы тегі емес пе екен деген ой туады. Шертерге бет қақпақ салу, перне тағу кейінгі жылдардың жемісі (О.Бейсенбекұлы, 1994, 49 б).

Шертерде домбыра мен қобыздың элементтері астасып жатса, "қоссаз" домбырада шертер мен домбыраға тән белгілер кездеседі.

Домбыраның тарихы әріде жатса да, XIX ғасырдан бастап қазақ аспаптарының патшасы танылды, яғни пайдалануда кең етек алды. Көп тараған аспап болғандықтан, пішінінде көптеген аймақтық ерекшеліктер бар. Мысалы, Батыс Қазақстан домбырасының мойны ұзын, диапазоны 2 октава, ал Шығыс Қазақстан домбырасының мойны қысқа, диапазоны 1,5 октава (Толстов, 1948, 11).

Музей қорында сақтаулы "қоссаз" домбыраның ықшамдылығы, мойнының қысқалығы шертерге келеді десек, беткі қақпағының болуы және оның ағаштан жабылуы домбыраға келетіндігін аңғартады.

Ғалым мен шебердің бірлесіп жұмыс істеуінің нәтижесінде құнды жәдігер - "Қоссаз" домбыраның екінші ғұмыры басталды. Ғалым Ә.Ә. Тәжекеев ғылыми тұрғыда зерттеліп, нақтыланған деректер мен аспаптың өлшемдерін көрсетіп шеберге ұсынса, шебер Б.Ә. Жақыпов ғалым көрсеткен деректерді негізге ала отырып, қарағай ағашынан ою, жону, тегістеу, жапсыру, бекіту әдістері арқылы реконструкциясын жасады.

Қызылорда облыстық тарихи-өлкетану музейінің "Археология және этнография" ғылыми-зерттеу бөлімі қызметкерлерінің ғылыми зерттеулері нәтижесінде музей қоры қазақ тарихында болған, тұрмыс-тіршілігінде пайдаланылған, қазіргі таңда ұмыт қалған, сәйкесінше халық қолында сақталмаған көне жәдігерлер қайта жаңғыруда. Мысалы, жастықағаш, аша домбыра, ортеке, неке кесесі, шашқап, Сыр өңіріндегі әулие-әмбиелердің, ахун-ишандардың, батырлар тұтынған мөр көшірмелері т.б. жәдігерлер реконструкцияланып, қайта жасалды. Аталмыш жәдігерлердің қатарында "қоссаз" домбыра да археологиялық мұра ретінде Ә.Ә.Тәжекеев мәліметтерінің негізінде қайта жасалып, өткен тарихтың көзі ретінде Сыр халқы назарына ұсынылып отыр. Қызылорда облыстық тарихи-өлкетану музейі археолог-ғалымдар жұмысының жандануына, тарихи жәдігерлердің қайта жаңғыруына көмек көрсетіп келеді.

Баба домбыра туралы Израиль және Англияның газет-журналдарында зерттеулер жарияланды. Шетел ғалымдарының Сыр өңірінен табылған музыкалық аспапқа қызығушылығы зор. Норвегиялық доктор, музыкалық аспаптарды зерттеуші-археолог Гьермунн Коллтвейт Ә.Ә. Тәжекеевпен өзара ғылыми байланыстар орнатып, Ә.Ә.Тәжекеевтің қазақ тіліндегі мақаласын ағылшын тіліне аударып, өз зерттеулерінде пайдалануға рұқсат алды. Норвегиялық археологтың зерттеулері бойынша қоссаз домбыра Еуропада кең тараған музыкалық аспап - лираға ұқсайтындығы анықталды. Нәтижесінде, Гьермунн Коллтвейттің "Scientific journal" -да: "Жібек жолы бойындағы технологиялардың трансфері: бұл ежелгі лира жаһандық болды" атты мақаласын жариялады.

"Сыр елі - жыр елі" десек, Сыр өңірінде қалыптасқан сүлейлер мектебінің әріде жатқандығын "қоссаз" домбыра дәлелдеп отыр. РФ Шығыс музейінде сақтаулы 700-ге жуық ағаш бұйымның фрагменттері әлі де зерттеліп, бәлкім б.з. IV ғасырынан мәлімет беретін басқа да музыкалық аспаптар шығуы мүмкін. Ғылыми зерттеулер музыкалық аспаптар коллекциясын ұсынатынына сеніміміз мол.

Әдебиеттер тізімі

Аржанцева И.А., Болелов С.Б., Тәжекеев Ә.Ә. “Хорезм экспедициясының Сыр өңіріндегі зерттеулерінің тарихы. Қызылорда - Москва, 2018ж.

Бейсенбекұлы О. “Сазды аспаптар сыры” . Алматы, “Ана тілі” баспасы, 1994ж.

Есмаханов А. “Қазақтың музыкалық аспаптары”, Алматы, “Дидар” баспасы, 1998 ж.

Тасмағамбетов И.Н. “Қазақ мәдениеті” энциклопедиялық анықтамалық. Алматы, “Аруна” баспасы, 2005 ж.

Тәжекеев Ә.Ә. “Біздің дәуіріміздің IV ғасырымен мерзімделетін “Қоссаз” домбыра”. “Археологиялық қазба жұмыстарынан табылған көне музыкалық аспаптар: жиналу және зерттелу мәселелері” халықаралық ғылыми-тәжірбиелік конференция материалдары. Алматы, 25 қазан, 2019 ж.

Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. Москва, 1948 г.

W.H. Shagan

The Kossaz Dombra: An Archaeological Artifact of the Syr Darya Region

The article presents information about an ancient musical instrument of the Zhetyasar culture – the kossaz dombra. The instrument was discovered at the archaeological site of Bidaik Asar, located in the lower reaches of the Syr Darya River. Fragments of the kossaz dombra, dating back to the 4th century AD, were first uncovered by the Khorezm Archaeological Expedition. The first archaeological investigations of the monuments in the Zhetyasar gorge were begun in 1946 by the Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition and were later continued in 1948, 1949, and 1951. At the initiative of the expedition’s leader, Sergey Pavlovich Tolstov, excavations were carried out at these ancient settlements. Based on the similarities found among them, the term “Zhetyasar culture” was introduced.

The relics, which until recently had been considered “unknown wooden fragments,” were examined within the framework of a special project in 2018 and identified as a kossaz dombra based on the concept proposed by the well-known archaeologist A. Tazhekeev.

As a result of the research work, the Kyzylorda Regional Museum of History and Local Lore created a reconstruction of the kossaz dombra. The revived musical instrument has been placed on display in the museum’s exhibition.

Key words: Zhetyasar culture, Bidaik Asar settlement, Khorezm Expedition, kossaz dombra, reconstructed exhibit.

У.Х. Шаган

Коссаз домбра – археологический артефакт Сырдарьинского региона

В статье представлена информация о древнем музыкальном инструменте Жетыасарской культуры - коссаз домбыра. Музыкальный инструмент был найден в городище Бидаик асар, расположенном в нижнем течении Сырдарьи. Фрагменты домбры коссаз, датируемые IV веком нашей эры, были впервые обнаружены Хорезмской археологической экспедицией. Первые археологические исследования на памятниках Жетыасарского ущелья были начаты в 1946 году Хорезмской археолого-этнографической экспедицией. В дальнейшем раскопки продолжались в 1948, 1949 и 1951 годах. По инициативе руководителя экспедиции Сергей Павлович Толстов на этих городищах были проведены археологические раскопки. Из-за сходства обнаруженных памятников и их культурных особенностей им было дано общее название – «жетыасарская культура». Реликвии, которые до вчерашнего дня считались “неизвестными деревянными фрагментами”, были исследованы в рамках специального проекта в 2018 году и идентифицированы как "коссаз домбра" по концепции известного археолога А. Тажекеева. В результате исследовательской работы Кызылординский областной историко-краеведческий музей создал копию домбры коссаз. Данный музыкальный инструмент был размещен в экспозиции музея.

Ключевые слова: Жетыасарская культура, городище Бидаик асар, Хорезмская экспедиция, коссаз домбра, возрожденный экспонат.

МАЗМҰНЫ

ТАС ДӘУІРІ АРХЕОЛОГИЯСЫ

Козликин М.Б. Средний палеолит Алтая в археологической летописи Денисовой пещеры..... 3
Құрманиязов Ы.С., Утубаев Ж.Р., Рахимжанова С.Ж. Арал маңы қола дәуірінің зерттелу тарихы туралы..... 9
Мадреймов Б.Д. Материалы мастерской Каракудук в контексте палеолита Устюрта..... 14
Кожевникова Д.В. Ачинский жезл: введение в научный оборот и неинвазивные методы исследования..... 20
Токтаров Д.В., Құрманиязов Ы.С. Ботай мемлекеттік тарихи-мәдени музей қорығының Ботай қонысы аумағында қорғау, сақтау жұмыстары..... 25
Скоробогатов А.М. Появление производящего хозяйства в Доно-Волжском регионе (степь – лесостепь). Современное состояние проблемы..... 31
Тюгашев И.Е., Колясникова А.С., Чистяков П.В., Колобова К.А. Каменная индустрия поздних неандертальцев Чагырской пещеры: фактор сезонной вариабельности..... 37
Колясникова А.С., Колобова К.А. Определение орудий разных этапов разделки бизонов в Чагырской пещере (Алтай) с помощью метода геометрии морфометрии..... 42
Деревнина А.С., Славинская Е.Е. Леваллуазская технология в среднем палеолите Горного Алтая: особенности и критерии выделения (по материалам Денисовой пещеры)..... 47
Шумкин В.Я. Инициальная и последующие адаптационные модели древнего населения Кольского Севера по археологическим данным..... 54
Ақиқат К. Лотоши (Түйетас) тұрағына жүргізілген зерттеу жұмыстарына шолу..... 71

ЖАРТАС СУРЕТТЕРІН ЗЕРТТЕУ

Губар Ю.С., Давыдов Р.В., Краснова Е.Л. Результаты комплексного исследования крашеных зооморфных изображений писаницы Джебаш (Республика Хакасия) 77
Урбушев А.У. Ритуальные сцены в наскальном искусстве Алтая раннего средневековья .. 84
Магзумов М.С. История изучение и степень сохранности петроглифов на скалах Лянгара (Западный Памир) 90
Кудаярова А.К., Ырысбаева М.Ж., Джамгырчиева Ч.Д. Памятник Дангана-Дөбө: предварительные результаты исследования..... 93

ПАЛЕОМЕТАЛЛ ДӘУІРІ АРХЕОЛОГИЯСЫ

Омаров Ғ.Қ., Жуматаев Р.С., Бесетаев Б.Б., Константинов Н.А., Сагындыкова С.Т., Рысбек Б., Ғалымжан Н.Ғ., Демесін Б.Ж., Шаймуханова Д.С., Шакенов С.Т. Жәнібекбұлақ қорымындағы 2025 жылғы археологиялық зерттеулердің нәтижелері (ШҚО)..... 98
Бейсенов А.З. Қарағанды облысы Шет ауданындағы жаңа ізденістер деректері. Археологиялық барлау материалдарын қолданудың қазіргі деңгейі проблемасы..... 106
Тишкин А.А. Поясные ажурные бляхи-накладки из некрополя сюннуского времени Яломан-II на Алтае: рентгенофлюоресцентный анализ и результаты фотограмметрии..... 117
Shagyrbaev M.S., Utubaev Zh.R., Datka Zh. Livestock husbandry of the population of Babish Mola-1 city in the Early Iron Age (Based on excavation materials of 2024–2025)..... 124

Горячев А.А., Егорова Т.А., Казизова А.С. Археологические исследования южных склонов хребта Ешкиольмес..... 135
Нурмухамедова Ш.З. К истории изучения архитектуры Бактрии-Тохаристана (на примере исследований академика Э.В. Ртвеладзе)..... 151
Торежанова Н.Ж., Суиндик Ж.Ж., Мякишева О.А., Шергазынулы М. Археологические исследования могильника Караешки (материалы кургана №12)..... 156
Бурашникова К.С., Жилич С.В. Растительная пища подгорновского и сарагашенского населения тагарской культуры по материалам анализа крахмальных зёрен..... 162
Султанов Э.К. Исследование памятника эпохи бронзы Боз-Баш (по материалам полевого сезона 2018 г.) (Ошская область, Кыргызская Республика)..... 167
Тулегенов Т.Ж., Айтқұлова Э.А. Өрнек қорымынан табылған әшекей бұйымдарды тарихи-мәдени талдау..... 172
Реутова М.А. Исследование и реставрация архитектурного декора буддийского культового центра Каратепа в Старом Термезе..... 181
Тишкин (мл.) А.А. Поиск методики сравнительного анализа для реконструкции щитов древних кочевников Внутренней Азии, изображенных на «оленных» камнях..... 189
Сафаров К.Х. Палеоэкологические адаптации обществ Центральной Азии: междисциплинарные методы реконструкции взаимодействия человека и природной среды..... 196
Давыдов Р.В. Полихромные стеклянные бусины на территории Среднего Енисея в эпоху раннего железного века и гунно-сарматское время..... 201
Субхонов Ф.Ш. К вопросу о кушанских иконографических элементах в интерьере святилища Еркургана (III–IV вв.)..... 214
Әуезов Қ.Ж. Қ.И. Сәтбаевтың еңбектері, Ұлытау-Жезқазған өңіріндегі ежелгі полиметалл дәуірінің ескерткіштерін зерттеудің дерек көзі ретінде..... 220
Ибрагимов Н.Е. Еуразия кеңістігіндегі зооморфтық бейнелердің шығу тарихнамасы: пәнаралық тәсілдер мен жаңа зерттеу бағыттары..... 226

ОРТА ҒАСЫР АРХЕОЛОГИЯСЫ

Тишкин А.А., Бояринцева К.Е. Раннесредневековые двудольные подвески сросткинской культуры: история обнаружения, морфологическая характеристика и рентгенофлюоресцентный анализ..... 234
Акымбек Е.Ш., Железняков Б.А. К изучению культурных ландшафтов р. Терис: новые памятники наскального искусства Малого Каратау..... 239
Бейсенов А.З. Ерейментаудағы Жиенбай қыстауы: ескі құлпытастағы ақпарат және оны шежіре деректерімен, Ф. Щербина экспедициясы материалдарымен байланыстыру нәтижелері 250
Деом Ж-М., Сала Р. Сезонные стоянки и хозяйственное освоение охотничьих загонов (аранов) Устюрта: по материалам памятников Чинка Кендирлисор..... 257
Feldbacher R. Interaction between the Sogdians and the Kangju Kingdom..... 267
Ақымбек Е.Ш., Нұрғали Н.Б. Талас өңіріндегі қаңлы кезеңінің қоныстары (жаңа материалдар бойынша)..... 280
Доспанов О.Т., Омирзаков Ш.А. Синтез геолого-археологических и культурно-исторических данных в исследовании добычи бирюзы Султануиздагской горной системы..... 292
Шаметов С.Т., Джалишева И.Қ. Түркістан археологиялық экспедициясы зерттеулеріндегі Түркістан өңірінің археологиялық ескерткіштері..... 298
Abduvaxobova M.B. Graphic reconstruction of the Barak Tam I palace in Khorezm (4th-5th centuries)…….. 304
Куралова З.С. Оңтүстік Қазақстандағы шыны бұйымдарының жасалу технологиясы..... 310
Temirova M.A. Archaeological and Chemical Analysis of Sphero-Conical Vessels (On the Example Of Monuments in Surkhandarya Region)..... 314
Эркузиев А.А. Важный источник о Европейско-Азиатских торговых отношениях XIV века. 325
Беккулиева А.С. Оғыз дәуіріндегі балалар әлемі: керамикалық ойыншықтар..... 330

ЭТНОЛОГИЯ

Калыш А.Б. Особенности социализации детей и подростков у казахов в контексте традиционной системы семейного воспитания..... 337
Медведев В.В., Попов М.В. Практики освоения пространства: доместикация в этнографии чувашей..... 343
Сулайманов С.А. История развития рыбного промысла в Южном Приаралье..... 349
Үмітқалиев Ұ.Ү., Утенов О.Т., Жумадилова К.А. Еуразия кеңістігіндегі Түркі халықтарының космогониялық түсініктеріндегі табиғат мінәжаты және о дүние концептісі..... 354
Токтогулова Г.Т. Историческая ответственность: А. Орозбеков и экзистенциальный анализ кыргызской государственности..... 358
Кистаубаева А.К. Этнокультурные трансформации казахского общества через систему народного образования XIX–XX вв..... 333
Смадияров С.А., Жаркынбаев Т.Ж. Древнетюркское время: династийные (политические) браки (VI–VIII вв.)..... 373
Нуржумаев М.Т., Тургунбаев Е.М. XX ғасыр басындағы қазақ халқының балалар рәсімдеріндегі сиқыр қалдықтары: этнографиялық және салыстырмалы талдау (Ә.Т. Төлеубаев еңбектері негізінде)..... 377
Туреева Г.А. Сравнение взглядов Д. Айтмуратова (Тюркские этнонимы) с трудами Л. Гумилёва, В. Бартольда, Н.А. Баскакова и др..... 388

МУЗЕОЛОГИЯ

Алипова С.Б., Белялова А.Р. Музей кеңістігінде дәстүрлі киіз үй коллекциясын экспозициялау ерекшеліктері..... 396
Нургожина Б.Е., Саутбекова А.Г., Эшбекова Г.У. Экспозиция зала этнографической коллекции Национального музея РК..... 404
Оразалиева Г.И. Цифрлық музей: заманауи технологиялар арқылы тарихты тірілту..... 410
Шаған Ұ.Х. Қоссаз домбыра – Сыр өңірінің археологиялық жәдігері..... 414

Ғылыми басылым

«XVIII ОРАЗБАЕВ ОҚУЛАРЫ»

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҒЫЛЫМИ-ӘДІСТЕМЕЛІК КОНФЕРЕНЦИЯ МАТЕРИАЛДАРЫ

21–26 сәуір, 2026 жыл

Жауапты редактор *Р.С. Жуматаев*
Құрастырушы *С.Ә. Сапатай*

Жинақ авторлардың редакциясымен жарыққа шықты

ИБ № 18029
Басуға 26.06.2026 жылы қол қойылды. Пішімі 60х84 1/16.
Көлемі 26,25 б.т. Офсетті қағаз. Сандық басылыс. Тапсырыс № 3837.
Таралымы 30 дана. Бағасы келісімді.
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
«Қазақ университеті» баспа үйі.
050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.
«Қазақ университеті» баспа үйі баспаханасында басылды.

ISBN 978-601-04-7549-6

